

ЕЖЕГОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ РОССИЙСКОЙ АССОЦИАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ

ТРАЕКТОРИИ ПОЛИТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ: ИНСТИТУТЫ, ПРОЕКТЫ, АКТОРЫ

*Материалы Всероссийской научной конференции РАПН
с международным участием*

Москва, Московский педагогический государственный университет
6–7 декабря 2019 г.

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Московский педагогический государственный университет»

Российская ассоциация политической науки

ТРАЕКТОРИИ ПОЛИТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ: ИНСТИТУТЫ, ПРОЕКТЫ, АКТОРЫ

Материалы Всероссийской научной конференции РАПН
с международным участием

г. Москва, Московский педагогический государственный университет

6–7 декабря 2019 г.

УДК (063):[323+327](470)
ББК 66.2(2Рос)
Т65

Оргкомитет конференции:

Сопредседатели: О. В. Гаман-Голутвина, А. В. Лубков. Заместители председателя: Л. Н. Тимофеева, В. Л. Шаповалов. Члены Оргкомитета: А. Б. Ананченко, Е. А. Антюхова, Л. Е. Ильичева, Д. Б. Казаринова, М. М. Мchedлова, А. И. Никитин, С. В. Патрушев, И. А. Помигуев, С. Ю. Рафалюк, А. Ю. Сунгуров, М. Н. Шестакова (ответственный секретарь)

Программный комитет конференции:

Л. В. Сморгун (председатель). Заместитель председателя: О. В. Попова.
Члены Программного комитета: С. Г. Айвазова, Е. В. Бродовская, А. В. Глухова, Т. В. Карадже, В. С. Комаровский, А. Е. Коньков, М. М. Лебедева, В. Г. Ледяев, О. Ю. Малинова, И. В. Мирошниченко, Е. В. Морозова, Л. И. Никовская, О. Г. Овчарова, В. Л. Римский, И. С. Семенов, В. В. Смирнов, А. В. Соколов, А. И. Соловьев, Л. А. Фадеева, С. В. Чугров, О. Ф. Шабров, Е. Б. Шестопап

Издание осуществляется при финансовой поддержке РФФИ, грант № 19-011-20029

Ежегодная научная конференция РАПН 2019 г. проводится при поддержке:

Московского педагогического государственного университета,
научных журналов: «Политические исследования (Полис)»,
«Власть», «Политическая наука», «Конфликтология»

Т65 **Траектории политического развития России: Институты, проекты, акторы:** материалы Всероссийской научной конференции РАПН, г. Москва, МПГУ, 6–7 декабря 2019 г. / под ред. О. В. Гаман-Голутвиной, Л. В. Сморгунова, Л. Н. Тимофеевой. — М.: МПГУ, 2019. — 472 с.
ISBN 978-5-4263-0832-9

В сборнике представлены материалы докладов и выступлений участников Всероссийской научной конференции РАПН с международным участием «Траектории политического развития России: институты, проекты, акторы».

Для политологов, социологов, специалистов в области международных отношений и регионоведения, всех интересующихся современными политическими проблемами развития России.

УДК (063):[323+327](470)
ББК 66.2(2Рос)

ISBN 978-5-4263-0832-9

© МПГУ, 2019
© Коллектив авторов, 2019

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	24
<i>Абгаджавя Д. А., Пинкевич А. Г. (Санкт-Петербург, СПбГУ)</i> Политическая коммуникация и управление конфликтом в условиях общества риска	26
<i>Авдонин В. С. (Москва, ИНИОН РАН)</i> Политическое и биологическое: проблемная конвергенция (эволюционная политология и биополитика)	27
<i>Авдонина Г. Г. (Москва, ГД ФС РФ)</i> О взаимодействии политической и общественной повесток дня в условиях медиареальности	28
<i>Авзалова Э. И. (Казань, КФУ)</i> Интернет-коммуникации в процессе принятия политико-управленческих решений	29
<i>Авксентьев В. А. (Ростов-на-Дону, ЮНЦ РАН)</i> Этнополитические процессы на Северном Кавказе: десять лет «округа нового типа»	30
<i>Авцинова Г. И. (Москва, РГСУ)</i> Астротурфинг как технология организации гражданского неповиновения	31
<i>Агоннуде Бидолей Вианней Фредди (Москва, РУДН)</i> Демократия на службе внешней политики ЮАР	32
<i>Адил Ч. (Санкт-Петербург, СПбГУ)</i> Мозговые центры и принятие политических решений	33
<i>Адиятуллина А. Р. (Йошкар-Ола, МарГУ)</i> Европейские санкции против России: региональный аспект	34
<i>Айвазова С. Г. (Москва, ФНИСЦ РАН)</i> Гендерная институционализация. К методологии изучения	35
<i>Алейников А. В., Стребков А. И. (Санкт-Петербург, СПбГУ)</i> Специфика стратегий управления конфликтами в российской версии риск-рефлексивности	37
<i>Александров А. А. (Тверь, ТвГУ)</i> Институт бюрократии в трудах М. О. Меньшикова	38
<i>Алексян А. С. (Ереван, Армения, ЕГУ)</i> Становление цивилиархической демократии в Российской Федерации и Республике Армения	38
<i>Алексеев Д. В. (Москва, РАНХиГС при Президенте РФ)</i> Принцип дисконтинуитета в законодательном процессе: техническая процедура или политический рычаг?	39
<i>Амини А. Р. (Москва, РУДН)</i> Становление в политической системе Афганистана института светскости: проблемы и перспективы	40
<i>Аникин Д. А. (Москва, МГУ им. М. В. Ломоносова)</i> Региональные акторы мемориальной политики в современной России: методологические основания исследования	42
<i>Антонов Д. Е. (Москва, ИСПИ РАН)</i> Сообщества в социальных сетях как агенты политической социализации российской молодежи	43
<i>Артеев С. П. (Москва, ИМЭМО им. Е. М. Примакова РАН)</i> Язык, этничность и идентичность: в поисках российской модели	44
<i>Артемяева Д. В. (Йошкар-Ола, МарГУ)</i> Проблема соотношения гуманитарных интервенций и гуманитарной деятельности ООН	45
<i>Асеев С. Ю. (Барнаул, АлтГУ)</i> Место политики в современном информационном поле молодежи школьного возраста (на примере регионов Юго-Западной Сибири)	46

<i>Асеев С. Ю., Казанцев Д. А. (Барнаул, АлтГУ)</i> Институциональные основы функционирования молодежных парламентов регионов Юго-Западной Сибири (на примере Алтайского края и Новосибирской области)	47
<i>Асеева Т. А. (Барнаул, АлтГУ)</i> Рейтинг агентов политической социализации школьников в контексте условий цифрового общества (на примере регионов Юго-Западной Сибири)	48
<i>Асеева Т. А., Шашкова Я. Ю. (Барнаул, АлтГУ)</i> Молодежные парламенты в ценностно-когнитивном пространстве молодежи регионов Юго-Западной Сибири	49
<i>Ачкасов В. А. (Санкт-Петербург, СПбГУ)</i> Становление демократии в мультиэтнических обществах и угроза этнополитических конфликтов	50
<i>Ашмарина А. А. (Нижний Новгород, ННГУ им. Н. И. Лобачевского)</i> Интеграция мигрантов в РФ как часть государственной национальной политики	51
<i>Балашов М. В. (Москва, РУДН)</i> Политика государства в сфере поддержки молодежного предпринимательства в России	52
<i>Балаян А. А. (Санкт-Петербург НИУ ВШЭ), Томин Л. В. (Санкт-Петербург СПбГУ)</i> Технологии «общества контроля»: цифровая инфраструктура на службе автократий	54
<i>Баранов А. В. (Краснодар, КубГУ)</i> Соотношение идентичностей в ракурсе этнополитических отношений (на материалах крымской молодёжи)	55
<i>Баранов Н. А. (Санкт-Петербург, СЗИУ РАНХиГС при Президенте РФ)</i> Государственная политика формирования идентичности: политико-культурный аспект	56
<i>Баранова Т. В. (Нижний Новгород, НГУ им. Н. И. Лобачевского)</i> «Новые медиа» как инструмент публичной политики в РФ	57
<i>Барышникова А. Р., Козлова Е. (Московская область, Лицей МГИМО МИД РФ)</i> Особенности взаимодействия молодых политологов в социальных сетях: взгляд абитуриента	58
<i>Бачурина М. А. (Санкт-Петербург, СПбГУ)</i> PR-технологии в предвыборных кампаниях и экономика fake'a	58
<i>Башмаков И. С. (Краснодар, КубГУ)</i> Сущность и уровни политики территориальной идентичности	59
<i>Безбородов М. И. (Петрозаводск, ПетрГУ)</i> Либеральные партии в политическом процессе современной России: перспективы преодоления кризиса	60
<i>Белов Л. П. (Санкт-Петербург, СЗИУ РАНХиГС)</i> Актуализация евразийского образа сильного государства	61
<i>Белов С. И. (Санкт-Петербург, СПбГУ)</i> «Смерть Сталина»: перспективы западного исторического кинонарратива в свете опыта фильмов «холодной войны»	62
<i>Белый В. А. (Санкт-Петербург, НИУ ИТМО)</i> К вопросу о перспективах развития электронного участия граждан в государственном управлении ...	63
<i>Беляева В. П. (Москва, ГБОУ Школа № 97)</i> Внешняя молодежная миграция как актуальная проблема	64
<i>Беляева Н. М. (Пермь, ПГНИУ)</i> Государственная молодежная политика в современной России сквозь призму европейского опыта	65
<i>Березкина О. С. (Москва, МГУ имени М. В. Ломоносова)</i> Государственная дума VS парламенты западных стран: мировые тенденции и российский опыт	66
<i>Беспалов С. В. (Москва, РАНХиГС при Президенте РФ)</i> Взаимодействие между государственной властью и бизнес-ассоциациями в имперской и постсоветской России: сравнительный анализ	67

<i>Бобров И. В., Дорошко А. С. (Санкт-Петербург, СПбГУ)</i> Раскол украинского православия: замещение религиозного дискурса националистическим	69
<i>Богомазова Л. В. (Москва, НИУ ВШЭ)</i> Глобальный новостной поток: о каких странах говорят национальные медиа России, Германии и США?	70
<i>Бойко С. И. (Москва, РГГУ)</i> Механизм ротации политической элиты — бинарная партийная система	71
<i>Большаков А. Г. (Казань, КФУ)</i> От краха социального порядка к демонтажу политического режима: трансформация классических революций в сетевые технологии	72
<i>Бориско О. А. (Краснодар, КубГУ)</i> Сеть интернет как источник политической социализации современной молодежи	73
<i>Борисов А. В. (Москва, Дипломатическая академия МИД России)</i> Гуманитарная деятельность России: вопросы эффективности	74
<i>Борисов М. Е. (Москва, РГГУ)</i> Цифровая инфраструктура электронного государства как новый элемент во взаимодействии бизнеса и власти	75
<i>Борисова Н. В. (Пермь, ПГНИУ)</i> Агентские факторы языковой политики в современной России	76
<i>Бочков А. Н. (Тверь, ТвГУ)</i> Соотношение публичной и приватной сфер в политической теории Х. Арндт	77
<i>Бродовская Е. В. (Москва, МПГУ)</i> <i>Домбровская А. Ю. (Москва, МПГУ)</i> <i>Азаров А. А. (Санкт-Петербург, Администрация Центрального района)</i> <i>Карзубов Д. Н. (Москва, Правительство Москвы)</i> Ландшафт социально-медийного дискурса о проблемах развития Крыма в новых медиа Рунета	78
<i>Бронников И. А. (Москва, МГУ имени М. В. Ломоносова)</i> Сетевой гражданский активизм в России: технологии и возможности	79
<i>Брянцев И. И. (Саратов, РАНХиГС при Президенте РФ)</i> Институты публичной власти — проблемы оценки эффективности в ответах экспертов и государственных служащих	80
<i>Бурляй Я. А. (Москва, МГЛУ)</i> Использование латиноамериканских социальных сетей в интересах России	81
<i>Васильева Е. Н. (Тверь, ТвГУ)</i> Формирование государственной политики в отношении соотечественников за рубежом: тенденции и противоречия	82
<i>Васильева Л. А., Соболева С. М. (Владивосток, ДВФУ)</i> Мифообраз современного политического героя в медийном пространстве: статус и социальная роль	83
<i>Ваславский Я. И. (Москва, Аппарат Государственной Думы ФС РФ)</i> Парламентаризм и парламентская дипломатия: вызовы и перспективы	85
<i>Васьков И. С. (Санкт-Петербург, СПбГУ)</i> Цифровизация государственного управления и безопасность: природа дихотомии блага и опасностей ИКТ с позиции теории секьюритизации	85
<i>Ведерникова М. И. (Москва, ИЕ РАН)</i> Улучшение имиджа России в Европе инструментами digital-маркетинга	86
<i>Ветренко И. А. (Санкт-Петербург, СЗИУ РАНХиГС при Президенте РФ)</i> Политические ток-шоу и их влияние на публичную политику: история вопроса	87
<i>Видясов Е. Ю. (Санкт-Петербург, НИУ ИТМО)</i> Электронное участие граждан в городском управлении на примере Санкт-Петербурга: постановка исследовательских задач	89

<i>Витковская Т. Б., Назукина М. В. (Пермь, ПФИЦ УрО РАН)</i> Специфика субнационального регионализма в современной России (случай Республики Татарстан)	90
<i>Внукова Л. Б. (Ростов-на-Дону, ЮНЦ РАН)</i> Стратегии использования когнитивной цензуры (на примере отдельного случая избирательной кампании президента Украины)	91
<i>Волков В. А. (Санкт-Петербург, СПбГУ)</i> Становление принципов экологической идеологии	92
<i>Волкова А. В. (Санкт-Петербург, СПбГУ)</i> Цифровая гражданская бдительность как вызов государственной управляемости	93
<i>Волконская Н. А. (Москва, НИУ ВШЭ)</i> Кризис института политической партии и возможные варианты его решения	94
<i>Воржецов А. Г. (Казань, КНИТУ)</i> Общественный запрос на перемены в России	95
<i>Выдрин О. В. (Челябинск, ЧелГУ)</i> Политические партии в двухуровневой системе местного самоуправления (на примере выборов в районные советы депутатов Челябинска)	96
<i>Гаврилов С. Д. (Волгоград, ВолГУ)</i> Ресурсы обеспечения позитивной коммуникационной активности акторов публичной политики в Волгоградской области	97
<i>Гайнутдинова Л. А. (Санкт-Петербург, РГПУ им. А. И. Герцена)</i> Гражданское общество и современная демократия	98
<i>Гаман-Голутвина О. В. (Москва, МГИМО МИД России)</i> Обновление научной картины мира как фактор релевантности современной политической науки	99
<i>Гандалоева М. Т. (Краснодар, КубГУ)</i> Этапы интеграции социальных медиа в российский электоральный процесс	100
<i>Гаспарян М. В. (Симферополь, КФУ им. В. И. Вернадского)</i> Политическая и гражданская идентичность как факторы легитимации политической власти (на примере Крыма)	101
<i>Герштейн И. З. (Нижний Новгород, НГУ им. Н. И. Лобачевского)</i> Историческая политика в фокусе национальной идентичности: инструмент или ловушка?	102
<i>Гливенко В. О. (Санкт-Петербург, СПбГУ)</i> Развитие и имплементация туристического бренда России	103
<i>Глухова А. В. (Воронеж, ВГУ)</i> Внутриполитическая повестка современной России: тройная оптика исследования	104
<i>Глушкова С. И. (Екатеринбург, «Гуманитарный университет»)</i> К вопросу о современных дискурсах прав человека	105
<i>Гнедаш А. А. (Краснодар, КубГУ)</i> Идеологический дискурс и общественная повестка дня современных сетевых сообществ рунета: кейс-стади online-сообщества «мама»	106
<i>Головин М. С. (Челябинск, ЧелГУ)</i> Специфика трансформации идеологического дискурса праворадикальных партий в контексте глобализации (на примере Великобритании)	107
<i>Головин Ю. А. (Яросльвь, ЯрГУ им. П. Г. Демидова)</i> Трансформация гражданской активности в Ярославской области в условиях развития информационно-коммуникативных технологий	108
<i>Гоптарева И. Б. (Оренбург, ОГУ)</i> Феномен правопопулистских партий в Европе	110
<i>Горбачев М. В. (Москва, МГУ им. М. В. Ломоносова)</i> Цивилизационный политический проект: «идея», «продукт», «инструмент»	111

<i>Гордеева О. И., Гаман-Голутвина О. В., Чихачова Ю. С. (Москва, Институт логики)</i>	
Ценностные измерения «русской идеи» в исторической России	111
<i>Григоренко И. А. (Москва, Финансовый университет при Правительстве РФ)</i>	
Проблемы обеспечения военной безопасности российской арктической зоны	113
<i>Григоренко И. А., Козлов Н. А., Новосёлова В. Д., Скрынникова Ю. Д. (Москва, Финансовый университет при Правительстве РФ)</i>	
Репрезентация главы Чеченской Республики Рамзана Ахматовича Кадырова в социальных медиа ...	114
<i>Гриценко Г. Д. (Ростов-на-Дону, ЮНЦ РАН)</i>	
Реальные и потенциальные риски этнополитического развития в Северокавказском регионе	115
<i>Гришин В. О. (Москва, МГОУ)</i>	
Миграция как фактор трансформации социально-политических и экономических процессов	116
<i>Гришин Н. В. (Санкт-Петербург, СПбГУ)</i>	
Ограничения государственной политики в сфере формирования идентичности	117
<i>Гришин О. Е. (Москва, РУДН)</i>	
Стабильность политической системы: технологический контекст	118
<i>Гуреев Д. В., Рябова Т. Б. (Санкт-Петербург, РГПУ им. А. И. Герцена)</i>	
Медвежья метафора России в политике региональной идентичности ДНР и ЛНР	119
<i>Гусев К. А. (Санкт-Петербург, ВШПМ СПбГУПТД)</i>	
Правовая государственность как условие формирования гражданского общества в отечественной либеральной традиции	120
<i>Гутенев М. Ю. (Челябинск, ЮУГУ)</i>	
Научная дипломатия: понятие и цели	121
<i>Гуторов В. А. (Санкт-Петербург, СПбГУ)</i>	
Коммунизм и посткоммунизм в современном идеологическом дискурсе: теоретические аспекты интерпретации	122
<i>Данилова А. С. (Москва, МГУ им. М. В. Ломоносова)</i>	
Политико-психологический подход к изучению личности региональных руководителей нового поколения	123
<i>Данилова Е. А. (Томск, НИ ТомГУ)</i>	
Позиционирование инновационного развития ОПК в стратегии российского национального брендинга	124
<i>Дан-Чин-Ю Е. Ю. (Москва, РУТ (МИИТ))</i>	
Интернет-технологии как способ развития и функционирования гражданского общества	125
<i>Датукишвили Е. З. (Москва, РАНХиГС при Президенте РФ)</i>	
Политическая идентичность как фактор развития России	126
<i>Денисенко В. В. (Москва, ГАУГН)</i>	
Единое образовательное пространство как элемент модели устройства Евразийского экономического союза	127
<i>Денисов А. Е. (Казань, Академия наук Республики Татарстан)</i>	
Миссионерская деятельность Н. И. Ильминского как источник формирования символов этнической мобилизации крышенского субэтнического движения	128
<i>Дергунова Н. В. (Ульяновск, УГПУ)</i>	
Особенности развития дискуссионных форм участия в условиях российской демократии	129
<i>Деткина В. О. (Москва, ФГАУ «ФНФРО», НИУ ВШЭ)</i>	
Траектории развития российской магистратуры и ее актуальное состояние как отражение эффекта path-dependence	130
<i>Дец И. (Краков, Польша, Ягеллонский университет)</i>	
Основные направления развития российской геополитики после 1991 г.	131
<i>Джанкезов Б. М. (Черкесск, АНО «Институт гуманитарных исследований и социальных технологий»)</i>	
Институциональная динамика как предметное поле российской конституционной политики	132

<i>Джантеева Д. С. (Черкесск, КЧИГИ)</i> Коммуникативный потенциал народной дипломатии в этнополитической повестке	134
<i>Джокич А. (Москва, РУДН)</i> Влияние избирательной системы на этнические конфликты в Боснии и Герцеговине	135
<i>Дибас О. А. (Луганск, Украина, ЛНУ имени Тараса Шевченко)</i> Политика Финляндии в отношении Танзании в период становления независимости: возможность применения опыта Российской Федерацией	136
<i>Динь Т. Т. З. (Москва, РАНХиГС при Президенте РФ)</i> Развитие социализма как общественно-политической мысли и практики	137
<i>Докучаев Д. С. (Иваново, ИвГУ)</i> Историческая политика на региональном уровне: трансформация публичного пространства в оценках населения (на примере Ивановской области)	138
<i>Евгеньева Т. В. (Москва, МГУ им. М. В. Ломоносова; Финансовый университет при Правительстве РФ)</i> Образы стран БРИКС в контексте геополитической самоидентификации россиян	139
<i>Евдокимов Н. А. (Уфа, БАГСУ)</i> Региональные отделения политических партий в электоральных кампаниях осени 2018 года	140
<i>Евстифеев Р. В. (Владимир, Владимирский филиал РАНХиГС при Президенте РФ)</i> Участие институтов гражданского общества в процессах стратегического планирования (на примере регионов Центрального федерального округа)	141
<i>Евстифеев Р. В. (Владимир, Владимирский филиал РАНХиГС при Президенте РФ)</i> «Спорные» выборы и перспективы международного регулирования выборных процессов	142
<i>Ермолаев Т. С. (Якутск, ИГИиПМНС СО РАН)</i> Современная динамика этносоциальных процессов в Южной Якутии	143
<i>Ерпылева Е. О. (Санкт-Петербург, СПбГУ)</i> Политическая субъективизация участников городского движения «Москвичи против сноса»	144
<i>Ершов В. Ф. (Москва, МГОУ)</i> Россия в системе БРИКС и ЕАЭС: политическое проектное управление финансово-экономическим развитием	146
<i>Жаде З. А. (Майкоп, АдГУ)</i> Роль политической идентичности в интеграции юга России	147
<i>Железная Е. И. (Московская область, Лицей МГИМО МИД России), Копылов Е. П. (Тверь, Академическая гимназия им. П. П. Максимовича)</i> Возможности и ограничения формирования научных сетевых сообществ: международный аспект ...	148
<i>Завершинский К. Ф. (Санкт-Петербург, СПбГУ)</i> Политическая память как агент политической институционализации	149
<i>Зазнаев О. И. (Казань, КФУ)</i> Нетипичные способы досрочного прекращения полномочий президента в современном мире: вотум недоверия и отзыв избирателями	150
<i>Зайцев А. В. (Кострома, Костромской ГУ)</i> ГОНГО как фейковые субъекты гражданского общества и фишиговые акторы публичной политики	151
<i>Закиров А. Р. (Казань, КФУ)</i> Неоинституциональный подход в изучении сферы GR	152
<i>Залаяев Р. И. (Казань, КФУ)</i> К вопросу о возможности создания и деятельности в России межрегиональных и региональных политических партий	153
<i>Зарипова А. Р. (Казань, КФУ)</i> Языковая политика как предмет противоречий центра и регионов в Испании (кейс автономной области Каталония)	154
<i>Захарова Е. А. (Москва, МГИМО МИД России)</i> Причины голосования «русских немцев» за партию «Альтернатива для Германии»	155

<i>Захарова О. В. (Москва, НИУ ВШЭ)</i> «Права человека» и «сильное государство» в президентской повестке дня (2000–2018 гг.)	155
<i>Зверев А. Л. (Москва, МГУ им. М. В. Ломоносова, РГГУ)</i> Коммуникативный фактор в формировании образа собственной страны в современном российском обществе	157
<i>Зеленко Б. И. (Москва, ФНИСЦ РАН)</i> Об актуализации идеи сетевого государства в РФ	157
<i>Зиновьев А. О. (Санкт-Петербург, ПГУПС)</i> Коммуникативная рациональность и «идеологическая власть» в революционных процессах	159
<i>Знаменский Д. Ю. (Москва, ГУУ)</i> Государственная политика в сфере науки и технологий: мировые тенденции и российский контекст	160
<i>Зубов В. В. (Москва, Финансовый университет при Правительстве РФ)</i> «Безопасный город» с включением в систему элементов аппаратно-программного комплекса в условиях Арктического региона	161
<i>Зуляр Ю. А. (Иркутск, ИГУ)</i> Очередной зигзаг иркутской политической жизни	162
<i>Зыков А. А. (Владивосток, ДВФУ)</i> Траектория развития трансграничного сотрудничества России: дальневосточный проект	163
<i>Иванов В. Г. (Москва, РУДН)</i> Социальные медиа и пузырь фильтров как технологии формирования политического имиджа	164
<i>Иванов П. В. (Москва, РУДН)</i> Социально-коммуникативные аспекты проблем этномигрантов	165
<i>Иванова М. Г. (Москва, РУДН)</i> Архетипы в современных политических мифах	166
<i>Игнатьева О. А. (Санкт-Петербург, СПбГУ)</i> Репрезентация института монархии в Великобритании и Германии: сравнительный анализ	167
<i>Икаева М. А. (Калининград, БФУ им. И. Канта)</i> Влияние английских суфражисток на российских женщин в начале XX века	168
<i>Ильин А. Ю. (Петрозаводск, ПетрГУ)</i> К вопросу о взаимодействии региональных и муниципальных органов власти в Республике Карелия	169
<i>Ильина Ю. И. (Москва, МГУ имени М. В. Ломоносова)</i> Россия в Каспийском проекте	170
<i>Ильичева Л. Е., Лапин А. В. (Москва, РАНХиГС при Президенте РФ)</i> ГЧП как процесс согласования и поддержания баланса интересов государства, бизнеса и общества	171
<i>Иноземцева В. А. (Петрозаводск, ПетрГУ)</i> Опорный вуз в ландшафте регионального публичного пространства	172
<i>Ирхин А. А. (Севастополь, СевГУ)</i> Будущее России только в «красном проекте»?	173
<i>Ирхин Ю. В. (Москва, РГГУ)</i> Комплексный анализ политико-культурологических дискурсов постмодернизма, метамодернизма и неомодернизма	174
<i>Исаев Б. А. (Санкт-Петербург, ГУАП)</i> Геополитический процесс и революции	176
<i>Исаева Е. А. (Ярославль, ЯрГУ им. П. Г. Демидова)</i> Уведомительный порядок деятельности общественных объединений, не являющихся юридическими лицами: оценка с позиции развития гражданского общества	177
<i>Исхаков А. С. (Москва, Финансовый университет при Правительстве РФ)</i> Этнополитическая элита Татарстана	178

<i>Кабанов Ю. А. (Санкт-Петербург, НИУ ВШЭ, НИУ ИТМО)</i> Электронное управление: институциональные и дисциплинарные особенности предметного поля ...	179
<i>Казаков А. А. (Саратов, СГУ им. Н. Г. Чернышевского)</i> Операционализация манипулятивной составляющей политического медиатекста	181
<i>Казанцев Д. А. (Барнаул, АлтГУ)</i> Роль социальных сетей в политической социализации школьников на примере Алтайского края	182
<i>Казаринова Д. Б. (Москва, РУДН)</i> Ресентимент и политика	183
<i>Казун А. П., Казун А. Д. (Москва, НИУ ВШЭ)</i> Персонализация международной повестки дня: внимание СМИ G-20 к странам и их лидерам	184
<i>Кандыба Р. А. (Пятигорск, ПГУ)</i> Российские партии и государственная власть: институциональный дизайн, политические практики	185
<i>Каплуненко А. М. (Санкт-Петербург, СПбГУ)</i> Сравнительный анализ моделей публичного управления, основанных на концепциях New Public Management, Good Governance, Algorithmic Governance	186
<i>Кардава Н. В. (Москва, НИУ ИМЭМО им. Е. М. Примакова РАН)</i> Политика обеспечения кибербезопасности в Европейском союзе: новые вызовы и ответы	187
<i>Каринцев О. И. (Москва, Институт мировых цивилизаций)</i> Сравнительная политология в Европейском союзе	188
<i>Карушева Ю. М. (Москва, ВЦИОМ; Иваново, ИвГУ)</i> Образ Родины в политической социализации школьников (на примере школьных учебников)	189
<i>Карякин В. В. (Москва, Военный университет МО РФ)</i> Политическая и геополитическая регионалистика: региональные пространства в парадигмальной системе координат	190
<i>Касымов Р. Ш (Казань, КФУ)</i> Первичные выборы как механизм отбора партийных кандидатов: российский опыт	191
<i>Кашина Е. А. (Москва, МГУ им. М. В. Ломоносова)</i> К вопросу о генезисе биполярности современных подходов к защите прав человека и политической культуре развивающихся стран	192
<i>Керимов А. А. (Екатеринбург, УрФУ)</i> Партийное строительство в современной России: сценарии развития	193
<i>Кирсанова Е. Г. (Москва, МГУ им. М. В. Ломоносова)</i> Инновационные кластеры в условиях четвертой индустриальной революции	194
<i>Кленова М. А. (Саратов, СГУ имени Н. Г. Чернышевского)</i> Гражданская и социально-политическая активность: дифференциация понятий	195
<i>Клеценко Л. Л. (Санкт-Петербург, РГПУ им. А. И. Герцена)</i> Образ детства в практиках политической мобилизации противников аборт в России и Аргентине: сравнительный анализ	196
<i>Кныжова З. З. (Саратов, СГЮА)</i> Презентация легитимности российской власти в территориальном аспекте	197
<i>Ковалёв В. А. (Сыктывкар, СыктГУ)</i> Федерализм и российская региональная политика: инволюция вместо развития	198
<i>Козлова Н. Н., Монахова Ю. А. (Тверь, ТвГУ)</i> Гендерная культура женщин-депутатов региональных legislatures РФ	199
<i>Козлова Н. Н. (Тверь, ТвГУ), Рассадин С. В. (Тверь, ТвГТУ)</i> Экспертный функционал институтов-медиаторов: траектория и проблемы развития экспертных сообществ в публичном пространстве современной России	200
<i>Кок С. (Санкт-Петербург, СПбГУ)</i> Феномен глобализации и культурная политика	201

<i>Колесников В. Н. (Санкт-Петербург, СЗИУ РАНХиГС при Президенте РФ)</i> Взаимодействие государства и церкви как фактор стабилизации общественных отношений	201
<i>Кольба А. И. (Краснодар, КубГУ)</i> Влияние конфликтов на функционирование городских сообществ крупных региональных центров России: направления исследования	203
<i>Комаровский В. С. (г. Москва, РАНХиГС при Президенте РФ)</i> Образ будущего молодежи как фактор выбора траектории развития России	204
<i>Кондратенко К. С. (Санкт-Петербург, СПбГУ)</i> Политическое управление в условиях цифровизации: основания и модели	205
<i>Константинов М. С. (Ростов-на-Дону, ЮФУ)</i> Когнитивная цензура в президентской избирательной кампании на Украине 2018–2019 гг.	206
<i>Коньков А. Е. (Москва, МГУ имени М. В. Ломоносова)</i> Цифровая дипломатия как авангард электронно-коммуникационных факторов политического развития	207
<i>Коргунюк Ю. Г. (Москва, ИНИОН РАН)</i> Опыт Организации американских государств по выработке международных избирательных стандартов	208
<i>Корнеева Е. М. (Москва, НИУ ВШЭ)</i> Электоральное поведение на муниципальных выборах в посткоммунистических странах: сравнительный анализ	209
<i>Корюшкин А. И. (Санкт-Петербург, СПбГУ)</i> Социальное неравенство, политическая бедность и политическая наука в России и США: сравнительный анализ	210
<i>Коряковцева О. А. (Ярославль, ЯГПУ им. К. Д. Ушинского)</i> Формирование гражданской идентичности молодежи как фактора единения российского общества	211
<i>Костяев С. С. (Москва, ИНИОН РАН; Нью-Брансуик, Университет Ратгерса)</i> Лоббизм и санкции США: статистический анализ	212
<i>Крайнова К. А. (Ярославль, Правительство Ярославской области)</i> Политические коммуникации: современный взгляд на классические концепции	213
<i>Краснопёров А. Ю. (Томск, НИ ТГУ)</i> Интернет в жизни студенческой молодежи университетского города (на примере города Томска)	214
<i>Крестьянинова Е. А. (Йошкар-Ола, МарГУ)</i> Факторы, доказывающие определяющую роль медиакритики в процессе анализа публикаций, освещающих современные конфликты	215
<i>Кузина С. И. (Ростов-на-Дону, ЮРИУ РАНХиГС при Президенте РФ, ДГТУ)</i> Механизмы формирования имиджа государства в контексте публичной дипломатии	217
<i>Кузьмин П. В. (Симферополь, КФУ имени В. И. Вернадского).</i> О некоторых позитивных факторах и трудностях развития гражданского общества в Республике Крым	218
<i>Кузьмина А. М. (Санкт-Петербург, СПбГУ)</i> Коммуникационные технологии GR в процессе развития контрактной системы России	219
<i>Кулакова Н. Н. (Москва, Финансовый Университет при Правительстве РФ)</i> Трансформация договорного процесса по ограничению вооружения	220
<i>Кулакова Т. А., Волкова А. В. (Санкт-Петербург, СПбГУ)</i> Сетевой фактор развития региональной инновационной структуры	221
<i>Куманичкин П. С. (Воронеж, ВГУ)</i> Проблемы и перспективы государственной состоятельности стран постсоциалистического пространства (на примере Польши, Болгарии, Украины и России)	222

<i>Курков В. Н. (Москва, РАНХиГС при Президенте РФ)</i> Государственная политика России по противодействию запрещённой информации в сети Интернет: состояние и проблемы	223
<i>Курюкин А. Н. (Москва, ФНИСЦ РАН)</i> Типы правового сознания и права человека в России	224
<i>Кутырев Г. И. (Москва, НИУ ВШЭ)</i> Политологический анализ концепций идеологических гетеротопий	225
<i>Кучинов А. М. (Москва, ФНИСЦ РАН)</i> Формирование политического пространства в России: «радикализация без политизации» и пределы насилия	226
<i>Лаврикова А. А. (Тула, ТулГУ)</i> Особенности электорального цикла 2019 года в контексте политического развития России	227
<i>Лагутин О. В. (Санкт-Петербург, СПбГУ)</i> Мегапроекты российского государства как инструмент политики идентичности	228
<i>Лебедев Е. В. (Пермь, ПГНИУ)</i> Политическая активность женщин в Российской Федерации на современном этапе	229
<i>Лебедева М. М. (Москва, МГИМО МИД России)</i> Трансформация политической организации мира: Quo Vadis?	230
<i>Ледяев В. Г. (Москва, НИУ ВШЭ), Чирикова А. Е. (Москва, ФНИСЦ РАН)</i> Власть и лидерство в малом российском городе	231
<i>Линде А. Н. (Москва, МГИМО МИД России)</i> Делиберативная демократия как отстаивание права личности на своё видение мира	232
<i>Ломаева А. К. (Краснодар, КубГУ)</i> Портал электронных петиций в России как форма диалога гражданского общества и государства ...	233
<i>Лоскутов В. А. (Екатеринбург, УИУ РАНХиГС при Президенте РФ)</i> Ретрожизнь — жизнь под куполом советской истории	234
<i>Лукьянцев А. С. (Уфа, БашГУ)</i> Институциональное понимание политической модернизации современной России	235
<i>Лучин А. А. (Москва, МГТУ имени Н. Э. Баумана)</i> Экономические выгоды использования радиолокационных и спутниковых технологий для военного обеспечения Арктической зоны РФ	236
<i>Майорова М. А. (Москва, МГУ имени М. В. Ломоносова)</i> Молодое поколение российских политиков федерального уровня: социально-демографический профиль	237
<i>Маковский А. А. (Саратов, СГЮА)</i> Религиозные вызовы для российской политической системы: «религиозные войны» и «примитивное» понимание принципа светскости	238
<i>Малькевич А. А. (Москва, ФЗНЦ)</i> Перспективы «цифровизации» голосования в РФ	239
<i>Мальцева Д. А., Дедуль А. Г. (Санкт-Петербург, СПбГУ)</i> Стратегическое управление рисками в эпоху цифровизации политических процессов: факторы устойчивого развития современной России	240
<i>Мансуров Т. З. (Казань, КФУ)</i> Позиция и роль России в урегулировании политического кризиса в Венесуэле	241
<i>Марков Е. А. (Череповец, Череповецкий государственный университет)</i> Новые формы коммуникативного взаимодействия органов власти и общества	242
<i>Мартынова М. Ю. (Москва, РГСУ)</i> Арктические стратегии ЕС, России и Китая: сравнительный анализ	243
<i>Мартыанов В. С. (Екатеринбург, Институт философии и права УрО РАН)</i> Глобальный поворот политологического мейнстрима	244

<i>Матвеев О. В. (Москва, Финансовый университет при Правительстве РФ)</i> Развитие космической инфраструктуры в интересах освоения российской Арктической зоны	245
<i>Матвеева Е. В. (Кемерово, КемГУ)</i> Институт общественного контроля как фактор развития гражданского общества в региональном политическом пространстве	246
<i>Матвеевская А. С. (Санкт-Петербург, СПбГУ)</i> Геобрендинг как инструмент реализации национальных интересов России	247
<i>Махди Л. С. М. (Москва, РУДН)</i> Энергетическая политика в современных геополитических обстоятельствах: конфликтный контекст	248
<i>Мизулин М. Ю. (Москва, РАНХиГС при Президенте РФ)</i> Новые формы жизни и политическое право	249
<i>Минаева Э. Ю. (Санкт-Петербург, ЕУСПб)</i> Локализация этнических меньшинств как фактор политики: инструменты анализа	249
<i>Мирзаджанов Т. Э. (Москва, НИУ ВШЭ)</i> Взаимоотношения и взаимовлияние социальных движений и политических партий	250
<i>Мирошниченко И. В. (Краснодар, КубГУ)</i> Строительство местных сообществ как компонент политики развития сельских территорий	252
<i>Митрахович С. П. (Москва, Финансовый университет при правительстве РФ)</i> Риски санкций и политический контекст реализации проекта «Северный поток-2»	253
<i>Митрохина Т. Н. (Саратов, ССЭИ РЭУ им. Г. В. Плеханова)</i> Развитие человеческого капитала как национальный приоритет современной России	254
<i>Михайленок О. М. (Москва, ФНИСЦ РАН)</i> Стратегия политического управления в глобальном мире	255
<i>Михеев В. А. (Москва, РАНХиГС при Президенте РФ)</i> Политические аспекты обеспечения государственного суверенитета	255
<i>Морозов С. И., Колпак О. Д. (Волгоград, ВолГУ)</i> Специфика и тенденции политического взаимодействия публично-властных институтов в регионах РФ (на примере Волгоградской области)	256
<i>Морозова Е. В. (Краснодар, КубГУ)</i> Идентичность как ресурс развития местных сообществ	257
<i>Морозова И. М. (Воронеж, ВИЭиСУ)</i> Государственное управленческое решение как отправной механизм для реализации политической модернизации в России	258
<i>Морозова О. С. (Рязань, РГРТУ им. В. Ф. Уткина)</i> Динамика включения межгосударственных объединений в процесс управления в избирательной сфере в странах Африки	259
<i>Мутаев У. К. (Иваново, Ивановский филиал РЭУ им. Г. В. Плеханова)</i> Между «Русским медведем» и «Дагестанским орлом»: символическое политическое пространство Республики Дагестан	260
<i>Мчедлова М. М. (Москва, РУДН, ФНИСЦ РАН)</i> Религия в публичном пространстве современной России: перераспределение институционального баланса	261
<i>Мясников С. А. (Москва, НИУ ВШЭ)</i> Стратегические нарративы В. В. Путина в обосновании «крымской весны»	262
<i>Надскакула-Качмарчик О. (Краков, Польша, Папский университет Иоанна Павла II)</i> Политический капитал несистемной оппозиции в России	263
<i>Назукина М. В. (Пермь, ПФИЦ УрО РАН)</i> Федеральные символические конкурсы как индикатор субнационального регионализма в современной России	264

<i>Настявин И. М. (Казань, КНИТУ (КХТИ).</i>	
Религиозное сознание и религиозная политика	265
<i>Ндайисаба О. (Москва, РУДН)</i>	
Региональный комплекс безопасности как способ разрешения вооруженных конфликтов в районе Великих озер Африки (РВО) (на примере Демократической Республики Конго)	266
<i>Неверов К. А. (Санкт-Петербург, СПбГУ)</i>	
Конкурентно-кооперативная модель и стратегии сотрудничества сетевых акторов	267
<i>Неверов К. А. (Санкт-Петербург, СПбГУ)</i>	
Конкурентно-кооперативная стратегия и блокчейн: политическое управление в эпоху четвертой промышленной революции	268
<i>Невзоров М. В. (Санкт-Петербург, РГПУ им. А. И. Герцена)</i>	
Управление внутригосударственными конфликтами с помощью политических проектов: случаи Косово (1992–1999) и Чеченской Республики (1996–2003)	269
<i>Негров Е. О. (Санкт-Петербург, СПбГУ)</i>	
Дискурсивные практики формирования идентичности: основные акторы и реципиенты	270
<i>Недяк И. Л. (Москва, ФНИСЦ РАН)</i>	
Потенциал формирования и институционализации политики эмансипации в современной России с позиций неоклассического республиканизма	271
<i>Несоленая А. К. (Москва, РУТ (МИИТ))</i>	
NADG: манипуляция или нет?	272
<i>Нестерчук О. А. (Москва, РУДН, РАНХиГС при Президенте РФ)</i>	
«Новая» этнополитическая культура современного российского общества	273
<i>Нечаев Д. Н. (Орел, Среднерусский институт управления — филиал РАНХиГС при Президенте РФ)</i>	
Государство и бизнес в постсоветской России: особенности институциональных дефицитов в процессе интеракций двух секторов общества в обеспечении экономического роста	274
<i>Никовская Л. И. (Москва, ФНИСЦ РАН, РАНХиГС при Президенте РФ),</i>	
<i>Якимец В. Н. (Москва, ИППИ РАН, РАНХиГС при Президенте РФ)</i>	
Особенности публичной политики на муниципальном уровне (по результатам социологических исследований в Костромской и Ярославской областях)	275
<i>Николаев И. В. (Ростов-на-Дону, ЮФУ)</i>	
Типология дискурсивной лояльности общества в отношении власти	276
<i>Николаев Н. А. (Москва, РГСУ)</i>	
Местное самоуправление в Москве и Финляндии на примере районов и коммун	277
<i>Николаева М. В. (Краснодар, КубГУ)</i>	
Семантический дифференциал как метод оценки российскими гражданами политических субъектов: лингводискурсивные, психологические и гендерные аспекты	278
<i>Нугманова К. Ж. (Нур-Султан, Казахстан, Международный центр геополитического прогнозирования «Восток-Запад»)</i>	
Новые интеграционные подходы: геополитическое качество и геополитические игры	279
<i>Овсянников П. Е. (Челябинск, ЧелГУ)</i>	
Политико-психологический анализ визуальных образов власти в современной России	281
<i>Овчарова О. Г. (Москва, РГСАИ)</i>	
Европейский парламент: гендерное измерение	282
<i>Оганесян А. Л. (Москва, РУДН)</i>	
Концепция дилеммы безопасности и китайско-японские отношения	283
<i>Окара А. Н. (Москва, Центр восточноевропейских исследований)</i>	
Идеология и политическая философия солидаризма: решение сложных этических и онтологических вопросов	283
<i>Ольшанецка Н. (Торунь, Польша, Университет Николая Коперника в Торунь)</i>	
Патернализм в политической культуре Российской Федерации	285

<i>Онопко О. В. (Донецк, Украина, ДонНУ)</i> Будущее российско-украинских отношений в дискурсе советника президента Украины по вопросам национальной безопасности и обороны И. Апаршина	286
<i>Орлова И. В. (Москва, РАНХиГС при Президенте РФ)</i> Основные механизмы цифрового взаимодействия государства и общества: их востребованность и эффективность	287
<i>Осипов В. А. (Москва, РУДН)</i> Гетерогенные факторы трансформаций публичной политики России: проблема эффективности принятия и имплементации политических решений	288
<i>Осиповская Е. А., Бурдовская Е. Ю. (Москва, РУДН)</i> Социальные сети в публичной политике: образ Ксении Собчак как кандидата в президенты России 2018	289
<i>Отюцкий Г. П. (Москва, РГСУ)</i> Культурологические основания поколения прав человека	290
<i>Ошевнева Е. С. (Москва, РАНХиГС при Президенте РФ)</i> Психологические факторы олигархических тенденций по Р. Михельсу: актуальность в XXI веке	291
<i>Павлова Т. В. (Москва, ФНИСЦ РАН)</i> Делиберативная модель политики и формирование поля политики в современной России: опыт эмпирической верификации	292
<i>Павлютенкова М. Ю. (Москва, РАНХиГС при Президенте РФ)</i> Связи с общественностью в условиях цифровой трансформации	293
<i>Палагичева А. В. (Ярославль, ЯрГУ им. П. Г. Демидова)</i> Факторы политической демобилизации граждан в протесте	294
<i>Палитай И. С. (Москва, МГУ имени М. В. Ломоносова)</i> Типология молодого поколения российских политиков: региональный срез	295
<i>Палицына Д. В. (Санкт-Петербург, СПбГУ)</i> GR деятельность организаций третьего сектора в России: развитие потенциала партнерского взаимодействия	296
<i>Панкратов С. А. (Волгоград, ВолГУ)</i> Социально-политическое проектирование публичного пространства Волгоградской области	297
<i>Панов П. В. (Пермь, ПФИЦ УрО РАН)</i> Регионализм и регионалистские партии: институциональный подход к определению	298
<i>Пасс П. С. (Москва, МГУ им. М. В. Ломоносова)</i> Политические образы прошлого: особенности формирования и трансформации	299
<i>Патрушев С. В., Павлова Т. В., Филиппова Л. Е. (Москва, ФНИСЦ РАН)</i> Конституирование политического поля в России: институциональный анализ	300
<i>Пахрутдинов Ш. И. (Ташкент, Узбекистан, Центр повышения квалификации и переподготовке работников системе народного образования)</i> Узбекистан: ответственность за устойчивое развитие и интенсивность ускоренных изменений	301
<i>Пашковский Е. А. (Санкт-Петербург, РГПУ им. А. И. Герцена)</i> Образ детства в программных тезисах политических партий России в 2016–2018 гг.	303
<i>Пеньков В. Ф. (Тамбов, ТГТУ)</i> Общественная дискуссия и агрегация социальных ценностей	304
<i>Петрова А. И. (Санкт-Петербург, НИУ ВШЭ)</i> Роль международных спортивных событий в формировании внешнеполитического имиджа современной России	305
<i>Петрова М. Г. (Москва, РАНХиГС при Президенте РФ)</i> Проявления политического экстремизма в сети Интернет и его воздействие на молодежь	306
<i>Петросянци Д. В. (Москва, Финансовый университет при Правительстве РФ)</i> Социальное неравенство и бедность как факторы сдерживания долгосрочного экономического роста	307

<i>Петрунина М. А. (Санкт-Петербург, СПбГУ)</i> Цифровая трансформация общества как новый социально-политический вызов	308
<i>Пилкина М. В. (Москва, НИУ ВШЭ)</i> Женская повестка в программах политических партий как способ достижения гендерного баланса в российском обществе	309
<i>Пинюгина Е. В. (Москва, ИНИОН РАН)</i> Конфессиональное измерение как основной вектор политики многообразия в постсоветской России	310
<i>Пищева Т. Н. (Москва, МГУ имени М. В. Ломоносова)</i> Образ страны глазами ее граждан: проблема исследования	311
<i>Плетнев А. В. (Санкт-Петербург, СПбУ МВД РФ)</i> Д. Трамп и Э. Макрон как новые типы политиков эпохи неокapитализма	312
<i>Плотников Д. И. (Москва, РУДН)</i> Трансформация политической культуры в кризисных ситуациях на примере трансформаций политической культуры в годы гражданской войны в России 1917–1929 гг.	313
<i>Плотников Д. С. (Пермь, ПГНИУ)</i> Образ России в политике памяти стран Центральной Азии в контексте международных отношений	314
<i>Подрезов М. В. (Томск, НИ ТомГУ)</i> К современным представлениям о «новом популизме»	315
<i>Подшибякина Т. А. (Ростов-на-Дону, ЮФУ)</i> Нарративный анализ как метод исследования неинституализированных форм исторической памяти ...	316
<i>Поливаева Н. П. (Воронеж, ВИ ФСИН России)</i> Гражданское общество в контексте деятельности некоммерческих организаций (на примере Воронежского региона)	317
<i>Помигуев И. А. (Москва, Финансовый университет при Правительстве РФ; ИНИОН РАН)</i> Вето-технологии как механизм укрепления законодательной власти	318
<i>Попова О. В. (Санкт-Петербург, СПбГУ)</i> Экспертные оценки состояния государственной политики идентичности в современной России	319
<i>Попова О. В. (Санкт-Петербург, СПбГУ)</i> Представления российской молодежи об идеальном государстве	320
<i>Попова С. Ю. (Москва, МГППУ)</i> Лидерский потенциал молодых партийных активистов: возможности диагностики и развития	321
<i>Попова Ю. В. (Омск, ОмГУ им. Ф. М. Достоевского)</i> Современный российский политический режим как персоналистский: характерные черты и перспективы	322
<i>Поцелуев С. П. (Ростов-на-Дону, ЮФУ)</i> Амнезийные эффекты «новых медиа» как ресурс когнитивной политической цензуры	323
<i>Прокопенко Л. Я. (Москва, Институт Африки РАН)</i> Динамика и проблема эффективности представительства женщин в парламенте (ЮАР и другие страны юга Африки)	324
<i>Прокудин Б. А. (Москва, МГУ имени М. В. Ломоносова)</i> Общественный идеал в произведениях русских писателей XIX века	325
<i>Проскурина Е. Ю. (Москва, РЭУ им. Г. В. Плеханова)</i> Особенности формирования имиджа государственной организации в социальных сетях (на примере ЦИК России в 2019 году)	326
<i>Пустовойт Ю. А. (Новосибирск, СИУ РАНХиГС при Президенте РФ)</i> Личная история как основа формирования протестных сообществ (по материалам исследования сибирских городов)	327
<i>Пшизова С. Н. (Москва, МГУ имени М. В. Ломоносова)</i> Концептуальные подходы к изучению практик влияния в современной политике	328

<i>Пырма Р. В. (Москва, Финансовый университет при Правительстве РФ)</i> Политические аспекты формирования цифрового гражданства	329
<i>Радилов И. В. (Санкт-Петербург, СПбГУ)</i> Санкции как тормоз развития России и катализатор недоверия граждан к государственной власти	330
<i>Ракитянский Н. М. (Москва, МГУ им. М. В. Ломоносова)</i> Окканизм и его программно-установочное влияние на английский политический менталитет	331
<i>Реут О. Ч., (Петрозаводск, ПетрГУ)</i> Московский эксперимент по интернет-голосованию: аргументы и дискурсы	333
<i>Римский В. Л. (Москва, Фонд ИНДЕМ)</i> Режимы вовлечённости и гражданская активность в России	334
<i>Рогожина К. А. (Москва, РАНХиГС при Президенте РФ)</i> Субэтнические размежевания как фактор формирования политических элит стран Центральноазиатского региона	335
<i>Рожкова З. И. (Москва, Институт философии РАН)</i> Социальное неравенство в демократическом мире	336
<i>Рожнева С. С. (Петрозаводск, ПетрГУ)</i> Политика памяти о Великой Отечественной войне в публичных выступлениях президентов РФ	337
<i>Романов В. Д. (Санкт-Петербург, РГПУ им. А. И. Герцена)</i> К перспективам количественных исследований политики в области праздников и памятных дат	338
<i>Руденкин Д. В. (Екатеринбург, УрФУ)</i> Подоплека протестных настроений российской молодежи: кейс Екатеринбурга	339
<i>Рудницкая А. П. (Москва, РГСУ)</i> Трансформация взаимоотношений стран Запада и России на мировом политическом пространстве в XXI веке: геополитические вызовы и тенденции	341
<i>Рулев М. С. (Москва, РАНХиГС при Президенте РФ)</i> Институт президентства в России: представление будущих избирателей	342
<i>Русакова О. Ф. (Екатеринбург, Институт философии и права УрО РАН)</i> Политика постпамяти как медиатехнология	343
<i>Русия Н. Т. (Краснодар, КубГУ)</i> Современный музей в структуре политики идентичности на локальном уровне	344
<i>Рыхтик М. И. (Нижегород, НГУ им. Н. И. Лобачевского)</i> Проблема репутации в современной мировой политике	345
<i>Рябов О. В. (Санкт-Петербург, СПбГУ)</i> «Русский медведь» в популярной геополитике (на материале российского сувенира)	346
<i>Рябова Т. Б. (Санкт-Петербург, РГПУ им. А. И. Герцена),</i> <i>Рябов Д. О. (Санкт-Петербург, НИУ ВШЭ)</i> Символическая инфантилизация как прием политической борьбы: гендерные аспекты	347
<i>Рябченко Н. А. (Краснодар, КубГУ)</i> Региональный политический дискурс: новые методы исследования политического контента	348
<i>Савельева М. А. (Москва, МГУ им. М. В. Ломоносова)</i> Новые вызовы информационной войны: негативизация образа России в странах ЕАЭС	349
<i>Савенков Р. В. (Воронеж, ВГУ)</i> Практики политического оспаривания в условиях постдемократии	350
<i>Самарин Я. В. (Санкт-Петербург, СПбГУ)</i> Кризис демократии и новые медиа	351
<i>Самаркина И. В. (Краснодар, КубГУ)</i> Представления о власти новой когорты управленцев: как меняется субъективное пространство политики в ответ на вызовы современного общества	352

<i>Самохвалов Н. А. (Балаково, Балаковский филиал РАНХиГС при Президенте РФ)</i> Использование автоматизированной информационной системы «Молодежь России» в качестве новой траектории развития государственной молодежной политики России	353
<i>Саркисян О. Л. (Ереван, Армения, РАУ)</i> О совместимости модели «глобальной нации» с проектом национального государства (на примере Армении и армянства)	354
<i>Сафонова О. Д. (Санкт-Петербург, СПбГУ)</i> Система юридических мер современного российского государства в области формирования гражданской идентичности	355
<i>Селезнева А. В. (Москва, МГУ имени М. В. Ломоносова)</i> Ценностные основания гражданственности молодежи в современной России	356
<i>Семенов И. С. (Москва, ИМЭМО имени Е. М. Примакова РАН)</i> Политика идентичности и политика развития: смена парадигмы	357
<i>Семенов А. В., Попкова Е. С. (Пермь, ПГНИУ)</i> Реакция власти на политическую мобилизацию в России: кросс-региональный анализ	358
<i>Сергеев А. С. (Казань, КФУ)</i> Негосударственная молодежная политика: тенденции изменения	359
<i>Сергеев С. А. (Казань, КФУ)</i> Левые радикалы в начале XXI века: Западная Европа и Россия	360
<i>Серебряков К. Д. (Санкт-Петербург, СПбГУ)</i> Основные особенности трансформации политической системы Поднебесной в эпоху «социализма с китайской спецификой» (на примере Госсовета КНР)	361
<i>Сересова У. И. (Москва, АСОУ)</i> От социального государства — к государству социальных инвестиций: новая концепция социальной политики	362
<i>Сиденко О. А. (Воронеж, ВГУ)</i> Политическое обязательство: эвристический потенциал концепта	363
<i>Сидоров В. В., Зиннатуллина З. Р., Аиранова А. Х. (Казань, КФУ)</i> Дилеммы российской языковой политики как инструмента формирования гражданской идентичности (на материале Республики Татарстан)	364
<i>Скобелина Н. А. (Волгоград, ВолГУ)</i> Исследование доступной среды для маломобильных групп населения инструментами институциональной теории	365
<i>Скорородова О. С. (Саратов, Поволжский институт управления — филиал РАНХиГС при Президенте РФ)</i> Возможности анализа политических процессов на локальном уровне управления в современной России	366
<i>Слатинов В. Б. (Курск, КГУ)</i> Траектория институционального развития государственной службы России: перспективы и структурные ограничения	367
<i>Слобожникова В. С. (Саратов, СГЮА)</i> Субъекты обеспечения религиозной безопасности в современной России	368
<i>Смаль С. В. (Санкт-Петербург, РГПУ им. А. И. Герцена)</i> Социальная политика в странах Латинской Америки: опыт применения многомерных интегральных индексов	369
<i>Смирнов Д. Г. (Санкт-Петербург, СПбГУ)</i> Семиотика международных отношений: опыт построения объяснительной модели (на примере символа «русский медведь»)	371
<i>Сморгунов Л. В. (Санкт-Петербург, СПбГУ)</i> Политика импортозамещения и инновационное развитие в регионах РФ	372

<i>Смулькина Н. В. (Москва, МГУ имени М. В. Ломоносова)</i> Особенности исследования символического пространства политической карты мира в массовом сознании россиян	373
<i>Соболев А. В. (Москва, РАНХиГС при Президенте РФ)</i> Влияние политической нестабильности на электоральное поведение и предпочтения граждан (на примере выборов в Мосгордуму 2019 г.)	374
<i>Соколов А. В. (Ярославль, ЯрГУ им. П. Г. Демидова)</i> Социальные сети в конфликтах городских сообществ	375
<i>Соколов А. В., Беляков А. А. (Ярославль, ЯрГУ им. П. Г. Демидова)</i> Вовлечение и вовлеченность пользователей социальных сетей в протестную активность	376
<i>Соловьев А. И. (Москва, МГУ им. М. В. Ломоносова)</i> Двухядерная архитектура государственного управления: опыт и перспективы постсоветской России	378
<i>Сонина Е. О. (Екатеринбург, Уральский институт управления — филиал РАНХиГС при Президенте РФ)</i> Оценка перспектив реализации национальных проектов с позиции теории реформ	379
<i>Сосунов Д. В. (Воронеж, ВГУ)</i> Основные проблемы трансформации внутривнутриполитической повестки дня современной России	380
<i>Софронов П. А. (Якутск, СВФУ им. М. К. Аммосова)</i> Процессы демографического воспроизводства коренных малочисленных народов Севера в Республике Саха (Якутия)	381
<i>Стемасова В. Ю. (Волгоград, ВолГГУ)</i> Интернет-пространство как форма политической коммуникации в современной России	382
<i>Степанов А. И. (Пермь, ПГНИУ)</i> Политические аспекты реализации принципов открытого правительства в РФ 2012–2019	383
<i>Столетов О. В. (Москва, МГУ им. М. В. Ломоносова)</i> Тенденции интернационализации высшего образования в современной мировой политике	384
<i>Стребков А. И., Алейников А. В., Газимагомедов Г. Г. (Санкт-Петербург, СПбГУ)</i> Экстремизм как конфликт	385
<i>Сукиасян А. А. (Уфа, БашГУ)</i> Проектное управление в инвестиционной политике регионов: опыт Республики Башкортостан	386
<i>Сулимов К. А. (Пермь, ПГНИУ)</i> Концепт многоуровневого управления в исследовании многоуровневой политики в России	387
<i>Сунами А. Н. (Санкт-Петербург, СПбГУ)</i> Конфликтологические аспекты молодежного экстремизма в современной России	388
<i>Сунгуров А. Ю. (Санкт-Петербург, НИУ ВШЭ)</i> Общественная палата Санкт-Петербурга: первые два года работы	389
<i>Сунгуров А. Ю., Тиняков Д. К. (Санкт-Петербург, НИУ ВШЭ)</i> Участие экспертного сообщества в формировании государственной политики на уровне субъекта РФ на примере Санкт-Петербурга	390
<i>Суслов Е. В. (Йошкар-Ола, МарГУ)</i> Восстановление полномочий России в ПАСЕ как фактор открытия «окон возможностей» для возвращения России в европейскую публичную политику	391
<i>Суслов И. В. (Саратов, СГЮА)</i> Государственно-конфессиональные отношения и религиозная безопасность: три дилеммы политической науки	392
<i>Сучилина А. А. (Москва, Финансовый университет при Правительстве РФ)</i> Дискурсивные практики фальсификации исторического сознания российского общества	393
<i>Таишева В. В. (Москва, РУДН)</i> Россия в мире глазами иностранной студенческой молодежи: роль образовательной миграции в формировании образа страны	394

<i>Тарасов И. Н. (Калининград, БФУ им. И. Канта)</i> Специфика международного позиционирования регионов северо-западного порубежья России	395
<i>Таркашева К. В. (Пермь, ПГНИУ)</i> Структурные факторы языковой преференциальной политики в Российской Федерации	396
<i>Тарусин П. В. (Москва, МГУ им. М. В. Ломоносова)</i> Негативные эффекты механизмов рекрутирования института российского президентства	397
<i>Телин К. О. (Москва, МГУ им. М. В. Ломоносова)</i> Проблема конгруэнтности в контексте исследований политической стабильности	398
<i>Терешина Е. А. (Казань, КФУ)</i> Национальные интересы России в условиях современных интеграционных и дезинтеграционных процессов на евразийском постсоветском пространстве	399
<i>Тетерюк А. С. (Москва, МГИМО МИД России)</i> Особенности GR-стратегий транснациональных и российских субъектов бизнеса: итоги междисциплинарного анализа	400
<i>Тимофеева Л. Н. (Москва, РАНХиГС при Президенте РФ)</i> Демократия слушания в России и мире: проблемы реализации	401
<i>Тодорова Р. В. (Москва, РУДН)</i> Возобновляемые источники энергии как движущая сила энергетической политики Республики Болгарии	402
<i>Томашевски В. (Польша, Ольштын, Варминско-Мазурский университет)</i> Сотрудничество Калининградской области с Варминско-Мазурским воеводством как фактор политического и социально-экономического развития области	403
<i>Трифонов Н. Т. (Москва, РУДН)</i> Политика дарения болгарских неправительственных организаций как стабилизатор гражданского общества	404
<i>Тупаев А. В. (Ростов-на-Дону, ЮФУ)</i> Идеократия: операционализация понятия	405
<i>Туровский Р. Ф. (Москва, ЦПТ), Лютикова А. П. (Москва, НИУ ВШЭ)</i> Особенности функционирования российской партийной системы на уровне городских и сельских поселений	406
<i>У Тин (Москва, РУДН)</i> Внешняя и внутренняя политика КНР: основные направления развития на 2019 г.	408
<i>Усманова З. Р. (Москва, Финансовый университет при Правительстве РФ)</i> Трансформация образа США в политическом сознании российских граждан в 2018–2019 гг.	409
<i>Фан И. Б. (Екатеринбург, ИФиП УрО РАН)</i> Символическая политика в гендерном ракурсе	410
<i>Федорищев К. М. (Санкт-Петербург, СПбГУ)</i> Либерально-консервативный синтез в политической теории Майкла Оукшотта: политика, государство и общество	411
<i>Филатова О. Г. (Санкт-Петербург, НИУ ИТМО)</i> Онлайн-дискурс как форма гражданского участия: промежуточные итоги исследования	412
<i>Филимонов К. Г. (Москва, ИСПИ РАН)</i> «Идея университета» и социально-политический порядок: проблемы интерпретаций и возможности институционального развития для государственных систем	413
<i>Филиппов С. И. (Новосибирск, НГУ)</i> Советская национальная политика в историческом контексте: «элитостроительство» как способ управления многонациональным государством	414
<i>Филиппова Л. Е. (Москва, ФНИСЦ РАН)</i> Роль политизации в процессе конституирования политического поля	415

<i>Фокин И. А. (Москва, Агентство социального инжиниринга)</i> «Бессрочный протест» в России: информационная платформа и ее связь с гражданским активизмом (2018–2019 гг.)	416
<i>Фомин И. В. (Москва, НИУ ВШЭ)</i> Непредсказуемые предсказания: методологические размежевания в прогностических исследованиях мировой политики	417
<i>Фоминых А. Е. (г. Йошкар-Ола, Поволжский государственный технологический университет)</i> Этнокультурное многообразие России: «мягкая сила» федерации или фактор уязвимости?	418
<i>Франц В. А. (Екатеринбург, УрФУ им. первого Президента России Б. Н. Ельцина)</i> Культура политического протеста как ресурс «мягкой силы» государства: теоретико-методологические основания анализа и оценки	419
<i>Фролов А. А. Миронова С. В. (Ярославль, ЯрГУ им. П. Г. Демидова)</i> Новые траектории развития протестной активности в регионах России (на примере Ярославской области)	420
<i>Фролова Ю. Н. (Санкт-Петербург, РГПУ им. А. И. Герцена)</i> Проблема современного феномена диаспоры	421
<i>Цанава Б. З. (Санкт-Петербург, СПбГУ)</i> Концепция гражданского общества в современных либеральных теориях общественного договора Д. Ролза и Р. Нозика	422
<i>Циватый В. Г. (Киев, Украина, КНУ)</i> Туристическая дипломатия и публичная дипломатия в условиях полицентричного мира XXI века: международно-региональный дискурс	423
<i>Чепелюк С. Г. (Москва, РАНХиГС при Президенте РФ)</i> Проект желаемого будущего в программах политических партий России	424
<i>Черный Е. В. (Симферополь, КФУ им. В. И. Вернадского)</i> Проблемы политической социализации молодежи в Крыму	425
<i>Чернышов Ю. Г. (Барнаул, АлтГУ)</i> Роль мифологизированных и научных интерпретаций истории в формировании политической идентичности	426
<i>Чижевский Я. А. (Москва, МГИМО МИД России)</i> К вопросу о соотношении глобальных тенденций развития современного общества и трансформации природы военно-политических конфликтов в XXI в.	427
<i>Чимириц Е. С. (Москва, РСМД, Финансовый университет при Правительстве РФ)</i> Социальные сети в интернете и в науке: к вопросу о применении программного обеспечения в гуманитарных исследованиях	428
<i>Чистов И. И., Белоконев С. Ю. (Москва, Финансовый университет при Правительстве РФ)</i> Электронный фронт как среда отношений бизнеса и власти	429
<i>Чугунов А. В. (Санкт-Петербург, НИУ ИТМО)</i> Институциональное моделирование электронного участия в «Умном городе»	430
<i>Шамишур К. А. (Санкт-Петербург, НИУ ВШЭ)</i> Направления общественного контроля над полицией в России	432
<i>Шапиро Н. И. (Москва, ИМЭМО им. Е. М. Примакова РАН)</i> Трансатлантический альянс: дилеммы адаптации	433
<i>Шарова В. Л. (Москва, Институт философии РАН)</i> Популизм или антилиберализм? Паттерны идеологии политического режима современной России ...	434
<i>Шатилов А. Б. (Москва, Финансовый университет при Правительстве РФ)</i> Моральный износ власти как фактор дестабилизации политических режимов	435
<i>Шашкова Я. Ю. (Барнаул, АлтГУ)</i> Уровень гражданской идентичности школьников регионов Юго-Западной Сибири в контексте условий цифрового общества	436

<i>Шаяхметов А. М. (Уфа, БАГСУ)</i>	
Политическое лидерство в преддверии трансформации политической системы России	437
<i>Шведова Н. А. (Москва, ИСКРАН)</i>	
В преддверии выборов 2020 в США: гендерные сюжеты	438
<i>Швырков А. И. (Брянск, БГТУ)</i>	
Об украинском националистическом дискурсе	439
<i>Шевченко А. В. (Москва, РАНХиГС при Президенте РФ)</i>	
Коммуникативно-рефлексивная модель дипломатического обеспечения международной безопасности	440
<i>Шентякова А. В. (Санкт-Петербург, СПбГУ)</i>	
Роль и перспективы российской элиты в реализации государственной политики идентичности: в зеркале экспертного мнения	442
<i>Шестакова А. А. (Краснодар, КубГУ)</i>	
Влияние цифровых технологий на трансформацию социально-политических коммуникативных стратегий и формирование социального действия	443
<i>Шестакова М. Н. (Москва, МГИМО МИД России)</i>	
Электоральные процессы в пограничье: к постановке проблемы	444
<i>Шестопал Е. Б. (Москва, МГУ им. М. В. Ломоносова)</i>	
Образ своей страны в сознании граждан, как фактор формирования идентичности: политико-психологический аспект	444
<i>Шкель С. Н. (Пермь, ПГНИУ)</i>	
Вертикальный предел: централизация и эффективность управления в городах России	446
<i>Шумилов А. В. (Чебоксары, ЧГПУ)</i>	
Молодежь и политика в России: особенности цифрового пространства	447
<i>Щеглова Д. В. (Воронеж, ВГУ)</i>	
Власть и бизнес как субъекты адаптационного потенциала региональной политической системы (на примере регионов ЦЧР)	448
<i>Щенина О. Г. (Москва, ФНИСЦ РАН)</i>	
Политическое управление сквозь призму сетевого подхода	449
<i>Щербинин А. И. (Томск, НИ ТомГУ)</i>	
Коммуникативно-сетевой подход к политической социализации в университетском городе	450
<i>Щербинина Н. Г. (Томск, НИ ТомГУ)</i>	
Медиареальность как феномен политико-коммуникативной сферы	451
<i>Юданов Н. А. (Москва, Министерство по развитию Дальнего Востока и Арктики)</i>	
Особенности политической коммуникации политических лидеров с обществом. Политико-психологический анализ	452
<i>Юдин К. А. (Санкт-Петербург, СПбГУ; Иваново, ИвГУ)</i>	
Институциональная киноцензура как актор формирования исторической памяти на начальном этапе «холодной войны»	453
<i>Юдин Н. В. (Москва, МГУ имени М. В. Ломоносова)</i>	
Дискуссия о лицах силы/власти: движение вперед или бег на месте?	454
<i>Юрченко В. М. (Краснодар, КубГУ)</i>	
Государственная идеология «pro et contra»	455
<i>Юрченко И. В. (Краснодар, КубГУ)</i>	
Региональная институционализация как механизм укрепления интеграционного потенциала российской государственности	456
<i>Юрченко Н. Н. (Краснодар, КубГУ)</i>	
Институты интеграции в поисках эффективных моделей устойчивого развития: университетское образование в условиях цифровизации современного общества	457
<i>Юшков И. В. (Москва, Финансовый университет при Правительстве)</i>	
Влияние санкций США на энергетическую политику РФ	458

<i>Ягодка Н. Н. (Москва, РУДН)</i>	
Особенности влияния религиозных институтов на развитие социальных инициатив в России	460
<i>Яковлева А. Ф., Емельянова Н. Н. (Москва, МГУ имени М. В. Ломоносова, ГАУГН)</i>	
Представления молодежи о современном состоянии развития сферы науки в России: социально-политические аспекты	461
<i>Ямалова Э. Н. (Уфа, БашГУ)</i>	
Концепты национальных моделей демократии	462
<i>Ярина М. С. (Москва, МГУ им. М. В. Ломоносова)</i>	
Российский спорт как инструмент формирования политического имиджа страны в современных геополитических условиях	463
<i>Ярмак О. В., Шкайдерова Т. В., Страшко Е. В. (Севастополь, СевГУ)</i>	
Оценка молодежью инфраструктурных изменений Крыма: результаты социологического мониторинга	464
<i>Ях А. (Краков, Польша, Ягеллонский университет в Кракове)</i>	
Правовые и организационные основы организации негосударственного некоммерческого сектора	465
<i>Ячменник К. В. (Краснодар, КубГУ)</i>	
Гражданские онлайн-коммуникации в развитии местных сообществ	466

Тезисы на английском языке

<i>Anton Bebler (Slovenia, University of Ljubljana)</i>	
Contemporary international sanctions and their effectiveness	468
<i>Gabriele De Luca (Moscow, People's Friendship University of Russia)</i>	
On the adoption of knowledge and information-based approaches for the implementation of public health policies	469
<i>Kilani A., Al-Qteishat A. (Moscow, People's Friendship University of Russia)</i>	
The state transformation of Putin's Russia and its neoliberal policies	469
<i>Leenders A. M. R. (Moscow, MGIMO University)</i>	
The causal relationship between technology and the international system	470
<i>Shahanaz Parven (Moscow, People's Friendship University of Russia)</i>	
On the risks associated with the presence of the Rohingya refugees in Bangladesh	471

ПРЕДИСЛОВИЕ

Российская ассоциация политической науки (РАПН) проводит нынешнюю Всероссийскую конференцию с международным участием «Траектории политического развития России: Институты, проекты, акторы» в условиях ряда заметных трансформаций в области реальной политики и изменений в политической науке. В реальной внутренней политике усиливается запрос на интенсификацию изменений, которые бы позволили выйти в пространство явного экономического роста за счет внедрения достижений науки и техники, отражающих тенденции четвертой промышленной революции. Общим знаком изменений становится цифровизация технологий, процессов и результатов деятельности. В международной политике отмечаются многообразные усилия диверсифицировать направления деятельности на установление разнообразных отношений по весьма широкому спектру межстранового и международного регионального сотрудничества. Санкционные войны демонстрируют свою неэффективность, а стремление к доминированию наталкивается на сопротивление. Растет число международных сетей и объединений, целью которых становится достижение устойчивого, сбалансированного и инклюзивного развития. В этом отношении повышается спрос на определение различных траекторий развития, которые в сумме позволили бы странам решать перспективные задачи, опираясь на свои конкурентные преимущества и эффективные международные альянсы.

Изменения в политической науке не так заметны, однако и здесь идет поиск новых методологий, теорий и описаний. Отметим три проявляющихся процесса. Во-первых, налицо эффект давно обсуждаемого движения за междисциплинарную интеграцию научного знания. В изучении политики оно выявилось как стремление к пересечению границ в объектной, предметной, методологической и методической частях исследований (количественные и качественные, мягкие и строгие методы, изучение природы и общества, сети и ассамбляжи, законы и неопределенность и т. д.). Во-вторых, политическая наука испытывает дефицит больших теорий, «великих метанарративов», подвергнутых в свое время деконструкции со стороны постмодернизма. Споры о либерализме, консерватизме, либертарианизме, коммунизме демонстрируют ограниченность прежних духовных конструктов, а их использование ведет к радикализации политического процесса. Новые же метанаррации пока не заявляют о себе, что может быть свидетельством того, что мы живем во время, которое лишь является своеобразной подготовкой к новым великим концептуализациям, которые уже не будут носить на себе отпечаток «центризма». В-третьих, проблематизируется роль самого научного знания, его места и роли в трансформационных процессах. Появление «гражданской науки», построенной на основе доступности больших данных для всех, является лишь одним сигналом этой проблематизации. Знание в широком смысле становится фактором развития, что расширяет пространство его производства и использования. Наука, если можно так сказать, становится общественным производством.

Все эти и другие соображения были положены в основание для проведения настоящей конференции. Цель конференции — рассмотреть различные аспекты траекторий политического развития России; особое внимание уделить вопросам проектирования, деятельности политических институтов и акторов, обеспечивающих перевод политических требований на изменения в политическую повестку дня и политические решения.

Основными форматами конференции являются:

Заседания по основной теме конференции:

- ОТ-1. История трансформаций политического режима в современной истории России
- ОТ-2. Историческая память и ее выражение в политических институтах
- ОТ-3. Конституция РФ и границы институциональной динамики
- ОТ-4. Политическое развитие России и экономический рост
- ОТ-5. Проекты развития России: идеи, решения, имплементация
- ОТ-6. Социальное неравенство и политика
- ОТ-7. Российское государство: традиции и современность
- ОТ-8. Институт президентства в России
- ОТ-9. Государственная Дума и перспективы развития парламентаризма в России
- ОТ-10. Совет Федерации и его роль в политике
- ОТ-11. Правительство РФ: соотношение политики и управления
- ОТ-12. Российский федерализм и региональное политическое развитие
- ОТ-13. Политические партии в российской динамике политических трансформаций
- ОТ-14. Гражданское общество: агрегация интересов и политика многообразия
- ОТ-15. Этно-политическая структура России
- ОТ-16. Политическая стабильность и институциональное развитие
- ОТ-17. Политические вызовы и риски четвертой индустриальной революции
- ОТ-18. Государство, бизнес и гражданское общество: от лоббизма к корпоративной публичной политике

- ОТ-19. Публичная политика и политические трансформации
- ОТ-20. Развитие политических систем: сравнительный анализ
- ОТ-21. Соотношение внешней и внутренней политики

Заседания по направлениям работы Исследовательских комитетов РАН

Заседания «круглых столов»:

- КС-1. Международные санкции и политическое развитие
- КС-2. Гражданское участие и политическое развитие России
- КС-3. Молодежные сетевые сообщества и общественные институты: проблемы и возможности развития
- КС-4. Конфликты в городском пространстве
- КС-5. Делиберативная демократия: от теории к практике
- КС-6. Государственная политика в сфере формирования идентичности: концептуальные основания, технологии и перспективы
- КС-7. Проблемы развития политической науки в России
- КС-8. Круглый стол ИК по политической регионалистике
- КС-9. Социальная наука в эпоху Четвертой промышленной революции: от возможностей цифровизации к трансформации профессиональной подготовки исследователей
- КС-10. Молодежь в российском политическом процессе
- КС-11. Советское прошлое в настоящем
- КС-12. Цифровизация публичного управления и гражданское участие: презентация результатов работы по проектам РНФ (18-18-00360; 19-18-00210) и РФФИ (18-011-00756 А)

На конференцию поступило около 500 заявок. Экспертным советом была проведена экспертиза заявок и отобраны для участия представленные в настоящем издании политологи и их материалы. Надеемся на плодотворное участие в конференции, обмен интересными идеями и обсуждение перспективных идей и планов.

*О. В. Гаман-Голутвина
Л. В. Сморгун
Л. Н. Тимофеева*

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОММУНИКАЦИЯ И УПРАВЛЕНИЕ КОНФЛИКТОМ В УСЛОВИЯХ ОБЩЕСТВА РИСКА¹

Риски — это основа для потенциальных конфликтов и в современном обществе риска их огромное множество. Фактически постоянное присутствие риска — это неотъемлемая черта развития общества. Однако мы понимаем, что риск лишь содержит в себе вероятность неблагоприятных событий, которые могут и не наступить. Для отдельного социального, политического субъекта и для общества в целом следует говорить об уязвимости к риску и принятии риска. Принятие риска или вернее решение о принятии или непринятии жизни при наличии тех или иных рисков — это важная черта, позволяющая выстроить так называемый индекс принятия риска². Еще С. Линг ввел понятие рискофилии через теорию «деятельности на грани» (edgework)³. Этот термин включал в себя риск, который принимается сознательно без давления. Культура программирует членов общества на некоторый уровень комфорта или дискомфорта в неопределенных ситуациях⁴.

Наличие рисков — одна из детерминант конфликтов. В данном случае большое значение имеет уровень информированности общества о рисках, качество информации и доверие источникам информации и информантам. Обладание необходимой информацией и умение ее использовать — залог обеспечения возможности управления конфликтом, так как целенаправленные действия в отношении элементов и этапов конфликта, будь то предупреждение, смягчение, урегулирование, требуют определенных знаний о ситуации.

Сфера политики как никакая другая связана со множеством рисков. Информационные потоки здесь весьма активны, а развитие коммуникативных процессов играет серьезную роль. Существует множество определений политической коммуникации. Так Б. Макнейр утверждает, что это «целенаправленная коммуникация по поводу политики»⁵. К элементам политической коммуникации следует отнести политические организации, СМИ и граждан. Среди политических организаций следует прежде всего упомянуть политические партии. Помимо политических организаций вторым ключевым элементом политической коммуникации является аудитория. Без нее любое политическое сообщение теряет смысл. И, наконец, третий элемент коммуникативного процесса — медиа. Сегодня это печатные, вещательные и онлайн каналы. В демократической политической системе СМИ — это и передатчик в процессе политической коммуникации, и отправители политических сообщений, созданных в рамках медиа. Они являются связующим звеном между политическими организациями и аудиторией.

Л. Кайд в своей работе пишет о том, что политическая реальность предстает перед нами в трех видах: а) объективная (факты); б) субъективная (восприятие фактов участниками и гражданами); в) сконструированная (освещенная СМИ)⁶. Необходимо учитывать, что СМИ постоянно развиваются, предоставляя новые возможности и внося новые нюансы в процесс политической коммуникации. Возникновение и развитие Интернета предоставило новые возможности для всех участников политической коммуникации.

В демократическом обществе СМИ должны выполнять определенный перечень функций: информировать граждан о происходящем; образовывать их, объясняя важность и значение фактов; предоставлять платформу для публичного политического дискурса; обеспечивать публичность правительственным и иным политическим институтам; служить каналом защиты политических взглядов⁷. Очевидно, что в реальности эти функции не выполняются в полной мере, однако они дают нам некоторое представление о направлении деятельности СМИ.

В проблематике управления политическими конфликтами одной из серьезных проблем является определение характера влияния политической коммуникации. Сегодня политическая коммуникация серьезно связана с печатными и электронными СМИ. Очевидно, что она имеет важное значение для организации процессов управления конфликтами в рамках общества риска.

¹ Работа выполнена при поддержке Российского научного фонда (РНФ) № 19-18-00115.

² См.: Шлыкова Е. А. Отношение к риску как дифференцирующий фактор выбора способа вынужденной адаптации. С. 5. URL // Официальный портал ИС РАН. 2015. 15 стр. URL: <http://www.isras.ru/publ.html?id=4081> (дата обращения 25.08.2019).

³ Lyng S. Edgework, Risk, and Uncertainty / J.O. Zinn (ed.) // *Social Theories of Risk and Uncertainties: An Introduction*. Blackwell Publishing Ltd, 2008. Pp. 106–137.

⁴ Hofstede G. *Culture Consequences. Comparing Values, Behaviors, Institutions and Organizations Across Nations*. 2nd ed. Thousand Oaks: Sage, 2001. 616 p.

⁵ McNair B. *An introduction to political communication*. 5th edition. New York, Routledge, 2011. P. 4.

⁶ См.: Kaid L.L., Gerstle J., Sanders K.R. (eds.). *Mediated Politics in Two Cultures: Presidential Campaigning in the United States and France*. New York: Praeger, 1991. P. 284.

⁷ См.: McNair B. *An introduction to political communication*. 5th edition. New York: Routledge, 2011. P. 18–20.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ И БИОЛОГИЧЕСКОЕ: ПРОБЛЕМНАЯ КОНВЕРГЕНЦИЯ (ЭВОЛЮЦИОННАЯ ПОЛИТОЛОГИЯ И БИОПОЛИТИКА)⁸

Успехи биологии, рост значимости наук о жизни в системе современной науки порождает междисциплинарную экспансию биологического знания по разным направлениям, образуя области конвергентного взаимодействия («интерфейсы») со знаниями самых разных наук. Активно развивается и комплекс конвергентного взаимодействия биологии с социальными и политическими науками, но процесс этот имеет ряд особенностей и сталкивается проблемами, о некоторых из которых мы скажем ниже.

Одна из них — проблема границ между биологическим и социальным (политическим) и их эпистемологической автономии, для которой сохраняет значение формула о невозможности объяснять социальное (политическое) биологическим и наоборот. Тем не менее, зона конвергенции расширяется, стимулируемая как ростом «сложности» в понимании биологического, так и попытками «расширения» и критики политического.

В политической науке первая версия, ориентированная на освоение растущего понимания сложности «живого», представлена сегодня, прежде всего, эволюционной политологией, опирающейся в основном на идеи и подходы эволюционной психологии. Последняя уделяет основное внимание исследованию психологических механизмов поведения людей как комплексных результатов видоспецифических адаптаций. При этом адаптации понимаются как типичные для вида решения проблем в конкретных повторяющихся ситуациях, возникающих при взаимодействии вида со средой. Основные типичные адаптации закреплены у человека эволюционным отбором, хотя помимо них эволюция сохраняет и другие (нейтральные к отбору и неадаптивные) свойства фенотипа.⁹ Во многом опираясь на эволюционную психологию, развивается сегодня и эволюционная политическая наука. В ней используется различие и связь «ультимальной» (селективно-адаптивной) и «проксимальной» (приближенной к человеческим замыслам) логик в объяснениях «фенотипического дизайна» политического поведения. Объяснительные схемы эволюционной политологии активно используются в исследовании таких традиционных для современной политической науки тем как исследование коалиций, совместное использование ресурсов, лидерство, переговоры и конфликты, войны и т. д.¹⁰

Вторая, альтернативная эволюционной политической науке версия конвергенции политического и биологического представлена сегодня биополитикой. Ее отправным пунктом считается учение М. Фуко о «технологиях власти»¹¹. Исследуя их многообразие, Фуко приходит к выводу, что технологии контроля политической власти распространяются и на биологическую жизнь людей, включая их здоровье, телесность, сексуальность, репродуктивность и т. д. Совокупность этих воздействующих на жизнь сил контроля, учета, оптимизации и регулирования он называет биовластью, а способы и технологии ее использования в политических и экономических интересах — биополитикой. Также Фуко в духе своей общей концепции о глубинной исторической связи знания и власти включает в биовласть и биополитику и знания о биологической жизни, которые становятся компонентами этой власти. В системе биовласти и биополитики он также видит угрозу репрессивного подавления и манипулирования в рамках некоей нормативности сознанием человека и человеком как биологическим видом, укрепления власти «правительства» над «жизнью».¹² В дальнейшем идеи Фуко стали основой для политико-философских, политико-культурных исследований и публицистики, направленных на разоблачение и критику феноменов биополитики и биовласти, символизирующих власть «политики» над «жизнью» в современных обществах.¹³

Сопоставляя два альтернативных типа конвергенции биологического и политического, представленных эволюционной политологией и биополитикой, последнюю можно характеризовать, скорее, как эфемерную конвергенцию. Дело в том, что метод Фуко обычно характеризуется как «историцистский» и «феноменологический», направленный на описание и «деконструкцию» (интерпретацию) разнообразных социальных практик, включая и дискурсивные практики легитимации знания. В литературе это называют «интерпретацией

⁸ Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда (проект № 17-18-01536)

⁹ Cosmides, L., Tooby, J. From evolution to behavior: Evolutionary psychology as the missing link. / J. Dupre (Ed.), *The latest on the best: Essays on evolution and optimality*. — Cambridge: MI, 1987. — P. 276–306.

¹⁰ Lopez A., McDermott R. Adaptation, Heritability, and the Emergence of Evolutionary Political Science // *Political Psychology*, 2012. — Vol. 33. — №. 3. — P. 343–362.

¹¹ Фуко М. Рождение биополитики. Курс лекций, прочитанных в Колледже де Франс в 1978–1979 уч. году / Пер. с фр. А.В. Дьяков. — СПб.: Наука, 2010.

¹² Foucault M. *The Birth of Biopolitics*. — New York: Palgrave Macmillan, 2008. — P. 35.

¹³ Agamben Gi. *Homo Sacer: Sovereign Power and Bare Life*. — Stanford: Stanford University Press, 1998; Делез Ж. Критика и клиника / Пер. с фр. О.Е. Волчек и С.Л. Фокина. — СПб.: Machina, 2002.

конкретных феноменов современной политики, обнаруживаемых историческим методом Фуко».¹⁴ К предметному содержанию биологических знаний эти биополитические интерпретации относятся весьма отдаленно, что делает их далеко не самыми подходящими средствами эффективной конвергенции биологических и политических наук. Проблема биополитической парадигмы, тем самым, заключается в весьма поверхностных представлениях о знаниях биологических наук. Развитие этой парадигмы связано в основном с расширением политико-культурной и политико-философской критики политической власти, но отдалено от исследования практик, содержания знаний и методологий биологических наук, что ставит под вопрос содержательную эффективность такого рода конвергенции.¹⁵

Таким образом, анализируя проблему конвергенции политического и биологического в современной науке, более продуктивным выглядит их сближение через развитие в политической науке поведенческих, психологических и когнитивных исследований, представленных парадигмой эволюционной политологии.

Авдонина Г.Г. (Москва, ГД ФС РФ)

О ВЗАИМОДЕЙСТВИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ И ОБЩЕСТВЕННОЙ ПОВЕСТОК ДНЯ В УСЛОВИЯХ МЕДИАРЕАЛЬНОСТИ

Увеличивающийся с каждым днём объём информации, который нужно усвоить человеку, растущая скорость обмена информацией, интенсивность коммуникации и создаваемые для этого новые технические средства, включая Интернет, вывели на первый план медиарельность, часть культуры, созданную новыми технологиями медиакоммуникации. А.В. Назарчук даже включил медиарельность в постоянные компоненты коммуникации наряду с адресантом, сообщением и адресатом¹⁶.

В связи с этим встаёт вопрос об актуальности схемы взаимодействия конкурирующих повесток дня (политической, медиаповестки и общественной, или публичной повестки, включающей личную повестку каждого индивида), созданной в 1987 г. Э. Роджерсом и Дж. Дирином. Позже Дж. Ватсон и Э. Хилл добавили корпоративную повестку.

Приверженцы плюралистической модели взаимоотношений массовой коммуникации и власти полагают, что общественная повестка формируется в результате конкуренции вышеназванных трёх — политической, корпоративной и медиаповестки.

Какие изменения вносит медиарельность? Задача новых сетевых медиа не информировать, а коммуницировать. В то же время справедлив тезис о том, что коммуникация как таковая зачастую становится не нужна, так как в условиях медиарельности все оказались встроены в информационный поток. Означает ли это равноправие лидеров общественного мнения и индивидов в процессе формирования общественной повестки под влиянием средств массовой информации, как традиционных, так и сетевых? Способна ли медиарельность предоставить одинаковые условия коммуникации как для рядовых членов общества, так и для представителей официальной власти, создать конкурентную среду?

Рассмотрим на примерах. В феврале 2019 г. Президент РФ внес на рассмотрение Государственной Думы законопроект, ужесточающий наказание для криминальных авторитетов. Политики делают публичные заявления о своевременности усиления борьбы с организованной преступностью, начинается обсуждение темы внутри экспертного сообщества. СМИ подхватывают громкую тему о «ворах в законе». Всё это вылилось в бурную общественную дискуссию. Но то, что послужило толчком к такому шагу В. Путина, остаётся за рамками обсуждения. Мы можем только гадать: был ли это назревший запрос со стороны общества, либо политической элиты, либо СМИ?

Случается, что вопросы политической повестки дня не доходят до информационной повестки или доходят с огромным опозданием. Так, национальные проекты по 12 направлениям стратегического развития России были установлены Указом Президента России от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года», а публичное обсуждение их началось примерно с февраля 2019 г. Таким образом, и в условиях медиарельности подтверждается мысль Дж. Кингдона, который считал, что СМИ чаще являются не самостоятельным субъектом, а объектом воздействия со стороны политической повестки для оказания воздействия на общественное мнение.

¹⁴ Liesen L.T., Walsh M.B. The Competing Meanings of 'Biopolitics' in Political Science: Biological and Post-Modern Approaches to Politics. — APSA Annual Meeting Paper, 2011. — P. 12.

¹⁵ Meloni M. Political Biology. Science and Social Values in Human Heredity from Eugenics to Epigenetics. — NY: Palgrave Macmillan. — 2016. — P. 22–23.

¹⁶ Назарчук А.В. Идея коммуникации и новые философские понятия XX века // Вопросы философии. 2011. № 5. С. 157–165.

Возможны ли другие варианты, при которых информационная повестка влияет на формирование политической повестки? Например, что стало ответом на митинги за свободные выборы в Мосгордуму, которые широко освещались и традиционными, и сетевыми СМИ? Госдума создала комиссию по расследованию иностранного вмешательства во внутренние дела России в то время, когда в медиаповестке приоритетно звучали вопросы о доверии к выборам. В обществе стало очевидно назревание несогласия в целом с внутренней политикой, проводимой властями. Говорит ли это о том, что политическая и общественная повестки могут устанавливаться автономно друг от друга? Если да, то какими могут быть последствия?

Обратимся к определению политической повестки дня. Американские политологи Д. Андерсон и У. Данн считают, что политическая повестка выстраивается из приоритетных общественных проблем, включённых в официальную повестку публичной политики государственных органов¹⁷. В отечественной политологии акцент ставится на вынесении вопросов на общественное обсуждение и необходимости принятия соответствующих решений. «Политическая повестка дня — это совокупность наиболее значимых политических вопросов, выстроенных в порядке приоритетности, требующих своего решения и вынесенных на публичное обсуждение»¹⁸. Однако на практике мы видим, что и вопросы общественной повестки не всегда попадают в политическую повестку. То есть пока условия медиареальности в нашей стране не способны обеспечить равноправного положения акторов в установлении повестки дня и не стали предпосылкой создания открытого общества.

Авзалова Э.И. (Казань, КФУ)

ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ В ПРОЦЕССЕ ПРИНЯТИЯ ПОЛИТИКО-УПРАВЛЕНЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ

Одним из самых актуальных для современного мира способов политического влияния на процесс принятия решений является влияние, опосредованное ресурсами сети Интернет.

Для определения особенности интернет-влияния на принятие политико-управленческих решений необходимо рассмотреть роль интернет-коммуникаций в трансформации традиционных структурных и процессуальных характеристик¹⁹ процесса принятия решений, а следовательно, и в создании новых каналов влияния на процесс принятия решений.

Один из главных элементов структуры процесса принятия политико-управленческих решений — агенты, к которым можно отнести всех участников принятия решений: лидер, элита, гражданское общество и т. д. Внедрение интернет-коммуникаций в деятельность органов государственной власти способствует расширению каналов влияния граждан на процесс принятия политико-управленческих решений и обеспечивает возможность осуществления контроля над деятельностью органов государственной власти и должностных лиц (например, через систему электронных выборов и назначений).

Внедрение ресурсов сети Интернет в деятельность органов государственной власти в рамках концепции электронного правительства заставляет коренным образом пересмотреть систему государственного управления. Как утверждают Д. Осборн и П. Пластик, теперь государственный сектор начинает работать на принципиально новых подходах:

- децентрализация управления внутри правительственных структур и делегирование ответственности на более низкие уровни управления;
- сокращение размеров системы государственной службы;
- поиск более эффективных (с точки зрения затрат и результатов) способов производства услуг, таких как заключение контрактов на выполнение услуг, рыночные механизмы и платность услуг для потребителей;
- ориентация на потребителя, включая публикуемые стандарты качества социальных услуг и т. д.²⁰

К тому же внедрение интернет-коммуникаций способствует созданию новых основ эффективной работы государственного аппарата, ведет к изменению профессиональных требований, предъявляемых к государственным служащим. Как отмечает А.Н. Юртаев²¹, общей чертой для всех стран, реализующих проекты

¹⁷ Anderson J. Public Policymaking: An Introduction. 2003. Dunn W. Public Policy Analysis: An Introduction. 1994.

¹⁸ Митрохина Т.Н. Политическая повестка дня для России в официальном дискурсе власти // Власть. 2012. № 5. С. 4–8.

¹⁹ См.: Дегтярев А.А. Принятие политических решений: Учебное пособие / А.А. Дегтярев. М.: КДУ, 2004. С. 181.

²⁰ Цит. по: Юртаев А.Н. Электронное правительство как фактор инновационного развития парадигмы государственного управления // Вестник Казанского технологического университета. 2008. № 4. С. 248.

²¹ Юртаев А.Н. Электронное правительство: концептуальные подходы к построению / А.Н. Юртаев. Казань: Казанский государственный университет им. В.И. Ульянова-Ленина, 2006. С. 104.

электронного правительства, стало сокращение государственных должностей, особенно в сфере административной и сервисной деятельности. Для решения этой болезненной проблемы предпринимались разные шаги: в Дании, например, был прекращен набор новых сотрудников на место тех, кто уходил на пенсию. В Нидерландах отказались от практики привлечения временных служащих к работе в государственных органах. В Нидерландах, Испании и Финляндии высвобождаемые работники проходят перекавалификацию для выполнения других функций²².

Следующим необходимым элементом структурного комплекса механизма принятия решений выступает сеть коммуникаций, каналов прямой и обратной связи между отдельными агентами. Интернет-коммуникации предоставляют новые инструменты для обращений граждан в органы государственной власти, тем самым способствуя организации эффективных каналов обратной связи. Это ведёт к значительному сокращению временных, материальных, бюрократических издержек и одновременно приносит пользу и гражданам, и обществу, и государству.

Другой важной характеристикой процесса принятия решений является его динамичность и стадийность. Последовательное внедрение интернет-коммуникаций трансформирует все этапы процесса принятия политико-управленческих решений. Создаются новые ресурсы для влияния граждан на:

— подготовительный этап принятия решений через выявление тех проблем, которые требуют решения (например, обращения в органы государственной власти);

— непосредственный выбор наилучшей альтернативы и принятие решения (интернет-голосование, законодательные интернет-петиции);

— оценку и контроль результатов при реализации политико-управленческого решения (информационная открытость всех стадий и процедур бюджетного планирования на уровне местного самоуправления).

Действительно, внедрение интернет-коммуникаций расширяет возможности избирательных кампаний, оказывает существенное влияние на процесс принятия политико-управленческих решений. Примером может служить беспрецедентный случай применения интернет-формата для разработки Конституции Исландии в 2012 году²³.

Таким образом, широкое развитие интернет-коммуникаций значительно ускоряет документооборот, процедуру согласования и утверждения принятого решения, что в целом приводит к повышению эффективности процесса принятия решения. Кроме этого, интернет-коммуникации предоставляют новые инструменты для обращений граждан в органы государственной власти, тем самым способствуя организации эффективных каналов обратной связи. Последовательное использование интернет-коммуникаций способствует демократической трансформации всех элементов и этапов процесса принятия политико-управленческих решений.

Авксентьев В. А. (Ростов-на-Дону, ЮНЦ РАН)

ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ: ДЕСЯТЬ ЛЕТ «ОКРУГА НОВОГО ТИПА»²⁴

В январе 2020 года исполняется десять лет Северо-Кавказскому федеральному округу — округу «нового типа», созданному на пике этнополитической напряженности и террористической активности. Первый полпред президента А.Г. Хлопонин совмещал эту должность с должностью вице-премьера, что обеспечивало большие возможности в решении перспективных и текущих проблем. Главной идеей создания округа было изменение ситуации в регионе путем глубинных преобразований в экономике, роль «локомотива» в развитии округа отводилась Ставропольскому краю.

За прошедшие годы ситуация в регионе стабилизировалась, значительно более редкими стали преступления террористической направленности, действия «силовиков» имеют точечный характер. Позитивные тренды наблюдаются в этнополитической сфере. Органам власти удается «купировать» конфликты с этническим компонентом и предотвращать этноконфликтную мобилизацию. Без заметного привлечения этнического фактора прошел «большой электоральный цикл» 2016–2018 гг., экономические протесты не направлены против какой-либо этнической группы. Редкостью стали так называемые блоковые конфликты. У населения сформировалась российская государственная идентичность. Имеются основания констатировать переход региональных этнополитических процессов с негативного на умеренный, а в отдельных регионах (Ставропольский

²² Там же.

²³ Конституция Исландии: история сражения. URL: <http://rusrand.ru/actuals/konstitutsija-islantii-istorija-srazhenija>, проверено: 18.05.2015.

²⁴ Доклад и публикация подготовлены в рамках реализации ПФИ Президиума РАН №20 «Новые вызовы климатической системе Земли», № г.р. проекта АААА-А18-118011990322-1.

край) — на умеренно-позитивный сценарий²⁵. В настоящее время нет оснований говорить о том, что на Северном Кавказе продолжается затяжной региональный этнополитический кризис и обозначать Северный Кавказ и шире — Юг России — как регион конфликта.

Однако главную роль в стабилизации региональных процессов сыграл не «округ нового типа» и экономическая реконструкция региона, а «силовые» и геополитические факторы. Во-первых, это успешная деятельность «силовики», давшая результаты еще в период подготовки к Сочинской олимпиаде. Во-вторых, это острый геополитический конфликт на южном геостратегическом направлении, в который вовлечена Россия (украинский кризис, воссоединения Крыма с Россией, военные действия в Сирии). Твердость политического руководства страны в отстаивании геополитических интересов повысила легитимность российского государства; кроме того, внешний конфликт понижает значимость внутренних конфликтов и напряжений. Эти факторы снижения этнополитической напряженности не связаны с деятельностью СКФО.

Несмотря на позитивный вектор в этнополитических процессах эти тенденции пока не являются необратимыми. Конфликты, произошедшие осенью 2018 г. (кабардино-балкарский конфликт, связанный с юбилеем Канжальской битвы и чечено-ингушский территориальный спор), показали, что в регионе утрачиваются некоторые навыки антиконфликтного менеджмента: оба эти конфликта актуализировались и ранее, но в 2018 г. конфликтные действия оказались более острыми.

Что касается экономической реконструкции, определенные результаты имеются, но они недостаточны для изменения экономического базиса региона. Достигнуты определенные успехи в снижении безработицы, а также других показателях (ВРП на душу населения, индекс промпроизводства), в развитии социальной сферы. Однако аналогичные показатели имеются в других депрессивных регионах, в которые не вкладывались значительные финансовые средства²⁶. Выступая на заседании Совета Федерации 16 января 2019 г. с докладом о ходе реализации госпрограммы «Развитие Северо-Кавказского федерального округа» на период до 2025 г. Министр РФ по делам Северного Кавказа С. Чеботарев отметил позитивную динамику по некоторым направлениям. В этом высказывании министра примечательным являются «некоторые направления», к которым он отнес самый высокий в России естественный прирост населения, снижение показателей смертности (в том числе младенческой), сокращение безработицы, рост инвестиций и увеличение размера зарплаты²⁷. Фактически в субъектах федерации на территории округа реализуются самостоятельные проекты. СКФО перестал существовать как «округ нового типа» после учреждения Министерства по делам Северного Кавказа в 2014 г., когда весь экономический блок был передан в компетенцию нового министерства. Статус, функционал и возможности полпредства резко понизились, ныне округ ничем не отличается от других федеральных округов РФ.

Авцинова Г.И. (Москва, РГСУ)

АСТРОТУРФИНГ КАК ТЕХНОЛОГИЯ ОРГАНИЗАЦИИ ГРАЖДАНСКОГО НЕПОВИНОЕНИЯ

Астротурфинг — это технология, широко используемая с 80-х годов XX века в бизнесе и политике для манипулирования пользователями интернета и сетевыми сообществами. Объектом технологии астротурфинга нередко становится гражданское общество, которое используется и властью, и оппозицией в качестве общественной поддержки как для укрепления существующего политического режима, продвижения решений власти, в том числе непопулярных, так и дестабилизации политической системы, прихода к власти оппозиции.

Главная цель астротурфинга в политике — скрытая имитация и симуляция низовой общественной активности и инициативности в поддержке какой-либо политической идеи, силы, решения с целью получения политических дивидендов властью или оппозицией, а также дискредитации конкурентов и оппонентов. Для повышения влияния на массовое сознание и электоральное поведение, формирования позитивного общественного мнения в интересах власти или оппозиции специально нанятые сотрудники создают посты, комментарии требуемой направленности на различных интернет-ресурсах под вымышленными именами со специально созданных для этого подставных учетных записей, технически накручивая количество просмотров, голосов, отзывов, комментариев. Если заказчиком этой технологии является оппозиция, то эксплуатируются идеи, которые

²⁵ Авксентьев В.А., Гриценко Г.Д., Лепилкина О.И., Шульга М.М. Северный Кавказ: нестабильная стабильность // Наука Юга России, 2017. Т. 13. № 1. С. 115–125.

²⁶ Авксентьев В.А., Гриценко Г.Д. Рискогенные факторы в этнополитической сфере Северного Кавказа // Научная мысль Кавказа. 2018. № 4. С. 81–91.

²⁷ Сергей Чеботарев выступил в Совете Федерации ФС РФ в рамках Правительственного часа // Министерство Российской Федерации по делам Северного Кавказа. Официальный сайт [Электронный ресурс]. URL: <http://www.minkavkaz.gov.ru/press-center/news/7345/>.

не оставят равнодушными значительное количество граждан (коррупция, социальное расслоение, несправедливость, нарушение закона, прав и свобод, произвол чиновников, невыполнение социальных обязательств, фальсификация выборов и др.); власть всегда есть за что критиковать. В свою очередь власть обладает огромными финансовыми, информационными, организационными и другими ресурсами для дискредитации оппозиции, создания ее негативного имиджа.

Гражданское неповиновение обычно трактуется в качестве ненасильственных методов протестной активности граждан против решений и действий властей, недооценивающих или игнорирующих интересы людей с целью инициирования изменений в законодательстве и государственной политике. В середине XIX века Г. Торо сформулировал идею использования мирной практики неповиновения против несправедливой политики. Эффективная политика применения ненасильственных методов гражданского неповиновения была продемонстрирована Махатмой Ганди в национально-освободительном движении Индии, Мартином Лютером Кингом в движении за гражданские права чернокожих американцев. Дж. Ролз трактовал этот феномен в контексте конституционной демократии, рассматривал его как одну из форм демократической оппозиции. Дж. Шарп предложил 198 методов ненасильственных действий. В современных условиях актуализировались такие методы, как: внешнее управление, отказ от сотрудничества, создание параллельного правительства, альтернативных институтов, исключение из международных организаций, отказ от лояльности власти, псевдо-выборы и др.

Гражданское неповиновение — явление противоречивое. Цветные революции убедительно показали риски трансформации ненасильственных акций гражданского неповиновения в радикальные формы политического протеста, технологии которого подробно описаны Дж. Шарпом. Право на мирные протесты является конституционным правом граждан, но очевидно и другое: от имени широкой общественности совершаются государственные перевороты и противозаконные акции, в организации которых технология астротурфинга играет ведущую роль. В России акторами протеста становятся преимущественно неправительственные организации, финансируемые в основном из США; это страной было выделено 600 миллионов долларов на продвижение демократии в нашей стране.

Астротурфинг сопряжен с обманом, мошенничеством, манипулированием, дискредитацией мнения и позиций реальных людей и гражданских организаций по общественно значимым проблемам, что дезориентирует власть и общественность в оценке реального и сфабрикованного уровней протеста и недовольства, затрудняет конструктивный диалог власти и общества. Санкционированные и несанкционированные митинги в Москве и других городах летом 2019 года свидетельствуют о том, что Россия столкнулась с серьезным протестом и общественным запросом на изменения, на которые власть обязана своевременно и адекватно реагировать. В России с глубокими традициями революций и гражданской войны разного рода провокации могут иметь самые тяжелые социальные и политические последствия. Сегодня в России есть возможности для легитимного протеста. Минимизации астротурфинга в попытках актуализировать радикальные формы гражданского неповиновения могут способствовать: дальнейшее развитие института общественного контроля, расширение и укрепление взаимодействия общественных организаций с органами законодательной и исполнительной власти, расширение площадок для совместного обсуждения злободневных проблем, социальная экспертиза законов, контроль над циркулируемой в обществе информацией и другие меры.

Агоннуде Бидолей Вианней Фредди (Москва, РУДН)

ДЕМОКРАТИЯ НА СЛУЖБЕ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ ЮАР

Становление внешней политики ЮАР на демократическом этапе происходило при разных президентах от Нельсона Манделы до Джейкоба Зумы. Особенности развития ЮАР в целом объясняются её необычной историей. Страна по разным причинам, в частности из-за перераспределения доступа к минеральным ресурсам, сталкивалась с рядом конфликтов расового характера. В 1948 году в результате провозглашения апартеида в качестве государственной политики Южная Африка была полностью изолирована на международной арене. Затем внутри страны развернулась национально-освободительная борьба под предводительством Африканского Национального Конгресса (АНК), созданного 8 января 1912 г.²⁸. Крах режима апартеида явился поворотным событием в истории ЮАР. АНК одержал победу на первых всеобщих безрасовых выборах. После прихода АНК к власти политическое руководство «новой Южной Африки» поставило перед собой задачу изменения внешнеполитического курса страны.

²⁸ Африканский национальный конгресс (АНК) является правящей партией Южной Африки и находится у власти с момента перехода страны к демократии в апреле 1994 года.

Шесть пунктов легли в основу новой внешней политики Претории: права человека, свобода и демократия, справедливость и соблюдение международного права в отношениях между нациями, мир и согласованные на международном уровне механизмы разрешения конфликтов, защита интересов Африки в мировых делах и расширение экономического сотрудничества как на региональном, так и на международном уровнях²⁹.

Новая внешняя политика ЮАР сформулировала грандиозное видение гармоничного мира, и на ее концепцию сильно повлияло то, что можно охарактеризовать как «либерально-демократическую-эгалитарную структуру»³⁰. Таким образом, внешняя политика Южной Африки значительно изменилась после перехода к демократии. Руководство страны отстаивало идеалы свободы. С 1994 года до сегодняшнего дня вопросы демократии и прав человека занимают важное место в концепции внешней политики АНК и, следовательно, во внешней политике самой ЮАР. В главном документе АНК по внешней политике от 1994 года делается акцент на роли демократии во внешнеполитической деятельности страны. При этом АНК отмечает, что внешняя политика страны принадлежит народу Южной Африки. По мнению лидеров АНК, демократическая Южная Африка будет активно содействовать достижению демократии, мира, стабильности, развития и взаимовыгодных отношений между народами Африки в целом, продвигать и развивать panaфриканскую солидарность: «Несмотря на наши собственные ограничения и проблемы, наша цель — внести существенный вклад в обеспечение мира, демократии, уважения прав человека и устойчивого развития. Эти принципы имеют основополагающее значение для нашей внешней политики»³¹. В новой Конституции ЮАР от 4 декабря 1996 года данные принципы нашли четкое отражение³². Исходя из этого, следует делать вывод, что демократия понимается в качестве важной составляющей внешней политики ЮАР, и вклад АНК для включения вопросов прав человека и демократии во внешнеполитическую деятельность — значительный.

При администрации Манделы (1994–1999 годы) Южная Африка эксплицитно выступала в качестве защитника прав человека и демократии в Африке и за ее пределами. Вопросы демократии и прав человека просто отступали на менее значимое место в соответствии с внешнеполитическим видением правительства Табо Мбеки.

Продвижение демократических норм правительством ЮАР на африканском континенте значительно повысило имидж страны в мире. Южная Африка является членом организации «Открытое правительство» (Open Government Partnership)³³, чьи цели в определенном смысле дополняют борьбу за права человека и гражданина и демократии в целом.

В целом, переход Южной Африки к демократии стал поворотным моментом в политической истории страны. С этого момента определилась новая внешняя политика, в которой вопросы демократии и прав человека заняли основополагающее место.

Адил Ч. (Санкт-Петербург, СПбГУ)

МОЗГОВЫЕ ЦЕНТРЫ И ПРИНЯТИЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ

В последнее время усложнение и рост числа проблем, представленных к решению руководителей, а также появление новых, требующих совместных усилий проблем, таких как терроризм, массовая миграция, проблемы окружающей среды — эти факторы побуждают руководителей пользоваться экспертом для определения и решения этих проблем. В этом процессе мозговые центры играют важную роль как надежный источник информации. Мозговые центры, которые объединяют информацию с политикой, и чья главная цель состоит в анализе политических проблем, зародились в начале 20-го века и служили внешним источником для лиц, принимающих решения. Помимо этого, как важный элемент гражданского общества, аналитические центры информируют общество о правительственных решениях, вовлекая население в политический процесс, и тем самым обеспечивают общественный контроль над правительством. Более того, они способствуют демократии, объединяя слои общества и обсуждая мнения меньшинств на различных платформах. Роли мозговых центров варьируются в зависимости от политических систем. В североамериканских и западноевропейских странах, где институциональные механизмы и другие демократические институты сильны, мозговые центры

²⁹ Rob DAVIES, *South African Foreign Policy Options in a Changing Global Context*, Centre for Southern African Studies, Bellville, 1995.

³⁰ Либерально-демократическая-эгалитарная структура обеспечивает права человека, миростроительства, равенства и справедливости в международном порядке.

³¹ Mulaudzi, C. *The politics of regionalism in Southern Africa*. Institute for Global Dialogue, Occasional Paper 51, April. 2006.

³² L'Afrique des idées. *La politique étrangère de l'Afrique du Sud: entre idéalisme et réalpolitik*. rubrique Analyse Politique. — Le 04 juillet 2013. URL: <http://www.lafriqueidesidees.org/la-politique-etrangere-de-lafrique-du-sud-entre-idealisme-et-realpolitik/> (дата обращения 16.08.2019).

³³ Создана в 2011 году. Основателями организации «Открытое правительство» являются США, Великобритания, Бразилия, Норвегия, Индонезия, Мексика, Филиппины и ЮАР.

принимают на себя основные роли в нормальном политическом процессе, в том числе предоставление политических консультаций, объединение других слоев общества с государством, инициирование новых и альтернативных политических дебатов, в то время как в кризисных ситуациях или во время крупных преобразований, то есть в необычных случаях, они могут непосредственно заменить лиц, принимающих решения, и играть важную роль в определении политики.

Ранние мозговые центры (США и Соединенное Королевство) в основном занимались миротворческими исследованиями, влияние которых было относительно ограничено, было задействовано мало экспертов. Они претерпели больше изменения после второй мировой войны как с точки зрения объема, так и с точки зрения темы исследования. В дополнение к военным и техническим вопросам, основными предметами исследования мозговых центров второго периода стали внешняя политика и безопасность — естественное следствие холодной войны. С 1970-х годов в результате доминирования неолиберальных взглядов в американских интеллектуальных кругах стали появляться *advocacy think tanks*, которые специализируются на определенных предметах и работают под влиянием идеологических взглядов (Фонд Наследия). В результате окончания холодной войны и распада Советского Союза, ускорения демократизации в Латинской Америке и других частях мира, глобализации и расширения технологических достижений, увеличения числа финансирующих учреждений и фондов, с 1980-х стремительно начало расти число аналитических центров по всему миру. На сегодняшний день их число достигло около 7500.

Некоторые факторы (подход политических лидеров к этим институтам, эффективность гражданского общества, наличие политической культуры, которая открывает дорогу политическим дискуссиям и оппозиции, правовые нормы соответствующей страны для этих учреждений, наличие сильных благотворительных организаций) играют определяющую роль в увеличении или уменьшении количества мозговых центров. Параллельно с внедрением демократических институтов по всему миру роль и важность мозговых центров безусловно растут. В относительно более открытой политической культуре мозговые центры выступают в роли катализатора новых и альтернативных идей и обеспечивают площадку для обсуждений принятых правительством решений, сообщая о них обществу. Таким образом, аналитические центры не только способствуют укреплению и внедрению демократических институтов, но и выполняют функцию контроля над злоупотреблением властью.

В настоящее время, когда монополия национальных государств на международной арене ослабевает, параллельно с ростом трансграничных проблем (окружающая среда, глобальный терроризм и незаконная миграция), которые национальные государства не могут самостоятельно решать, будет расти число мозговых центров. Кроме того, влияние этих организаций будет возрастать в тех обществах, где различные альтернативные подходы и взгляды принимаются во внимание в процессе принятия решений, отсутствует правовое регулирование, которое может ограничивать деятельность аналитических центров, и в которых оживает сильное гражданское общество.

Адиятуллина А. Р. (Йошкар-Ола, МарГУ)

ЕВРОПЕЙСКИЕ САНКЦИИ ПРОТИВ РОССИИ: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

В настоящее время экономические санкции являются неотъемлемым инструментом внешней политики. Практика применения санкций существует не первое тысячелетие. Впервые данная мера была использована в 433 г. до н. э. в Античной Греции против Мегар, однако, была безуспешной и стала поводом для Пелопонесской войны³⁴. Позднее данный инструмент применял Наполеон, установив «континентальную блокаду» против Великобритании. В. Вильсон тоже обращался к санкциям, называя их «всеобъемлющим бойкотом агрессора».

Первый раз антироссийские санкции были введены в XVI в. Позднее под действие санкций попадал российский черноморский флот, экономические ограничения вводились в период революций 1917 г. и «холодной войны»³⁵.

Современные антироссийские санкции были введены в 2014 г. в связи с ситуацией на Украине и последующим вхождением в Крым состав РФ³⁶. Данная инициатива исходила от США, впоследствии ее поддержали страны ЕС и некоторые другие государства. Целью данных мер было стремление изолировать РФ и привести

³⁴ Круть В. Г. Санкции в отношении России: история вопроса и современность [Электронный ресурс]. URL: <https://scienceforum.ru/2015/article/2015015142> (дата обращения: 12.09.2019).

³⁵ Там же.

³⁶ Макарова Е. Ю. Влияние европейских санкций на торговые отношения РФ и ЕС [Электронный ресурс]. URL: <https://sibac.info/studconf/econom/lxxvii/139781> (дата обращения: 10.09.2019).

ее экономику в состояние стагнации, чтобы она изменила свой внешнеполитический курс в отношении Украины. Под запрет попала деятельность РФ в сферах авиастроения и оборонного комплекса, были установлены ограничения на привлечение европейского капитала российскими банками и компаниями.

Ежегодно санкционный список расширяется, но ситуация на Украине в желаемом направлении не изменилась. Однако эти меры имели определенный эффект и повлияли на экономику РФ. Поначалу они не были весьма значительными, но впоследствии заметно отразились на благосостоянии страны и ее граждан: санкции ограничили доступ к дешевым кредитам, произошло падение курса рубля. В ответ Россия ввела контрсанкции, вызвавшие рост цен и снижение доходов населения.

Каждый регион России по-разному ощутил на себе последствия от введения санкций. Как отметил Президент Республики Татарстан Р.Н. Минниханов, вначале прослеживался спад инвестиций из-за рубежа, однако республика все чаще устремляет свой взор в сторону Азии. Благодаря расширению географии, инвестиции начали поступать из Китая, Южной Кореи, также налаживается сотрудничество с Индией, что позволяет нивелировать последствия западных санкций³⁷.

Как отмечалось, сфера оборонной промышленности пострадала в первую очередь. В 2015 г. структуры госкорпорации «Ростех» впервые попали под санкции³⁸. Татарстанское предприятие POZIS, входящее в концерн «Техмаш» данной госкорпорации, из-за недопоставок импортных комплектующих утратило возможность выпустить более 96 тыс. единиц холодильного оборудования и потеряло около 1 млрд. рублей³⁹. Новая стратегия развития предприятия предполагала сотрудничество с отечественными производителями, поставляющими аналоги зарубежного оборудования, что привело к увеличению темпов роста на 174,2% к аналогичному периоду прошлого года⁴⁰.

Судостроительный завод имени А.М. Горького в Зеленодольске формально попал под санкции весной 2019 г., однако ощущал на себе их влияние значительно раньше. Ситуация была во многом схожа с предприятием POZIS: партнер из Германии отказался поставлять комплектующие изделия⁴¹. Сегодня завод использует двигатели российско-китайского производства. Есть планы и дальше минимизировать последствия санкций, однако убедиться в их эффективности будет возможно спустя определенное время.

Таким образом, можно отметить, что антироссийские санкции негативно влияют на экономическую ситуацию в стране, однако политика импортозамещения, призванная справиться с последствиями кризиса, оказывается работоспособной. В этом мы можем убедиться на примере предприятий Республики Татарстан, развивающихся в условиях нестабильной экономической ситуации.

Айвазова С.Г. (Москва, ФНИСЦ РАН)

ГЕНДЕРНАЯ ИНСТИТУЦИАЛИЗАЦИЯ. К МЕТОДОЛОГИИ ИЗУЧЕНИЯ⁴²

Сегодня общепризнан тезис о том, что «гендер фундаментально интерактивен и институционален по характеру, поскольку его язык определяется институциональной ареной, на которой эти взаимодействия осуществляются»⁴³. С этой точки зрения, изучение гендерной институционализации имеет высокую значимость и для анализа политических процессов как таковых.

1. *Гендерная институционализация* или «институционализация осознаваемых половых различий» формирует некий *гендерный порядок* — «исторически сконструированный паттерн властных отношений между мужчинами и женщинами и соответствующие ему определения фемининности и маскулинности»⁴⁴.

Гендерный порядок включает всю совокупность взаимодействий в социуме. Гендерные характеристики любых структур или организаций складываются за счет того или иного вида разделения труда, поведения, физической локализации и власти. По большому счету в истории человечества речь идет об институционализа-

³⁷ Минниханов в Дубае рассказал о влиянии антироссийских санкций на Татарстан: «К нам начали поступать инвестиции из азиатского региона» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.business-gazeta.ru/article/378244> (дата обращения: 12.09.2019).

³⁸ Ростех заявил, что принял новые санкции США к сведению, они не повлияют на его работу [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/ekonomika/5603734> (дата обращения: 12.09.2019).

³⁹ Упущенная выгода POZIS в условиях экономического кризиса составила почти 1 млрд. рублей [Электронный ресурс]. URL: <https://www.tatar-inform.ru/news/2015/10/22/477003/?v=full> (дата обращения: 12.09.2019).

⁴⁰ Там же.

⁴¹ «Как Зеленодольск ни шифровался...»: завод им. Горького попал под санкции Трампа [Электронный ресурс]. URL: <https://www.business-gazeta.ru/article/417111> (дата обращения: 11.09.2019).

⁴² Тезисы подготовлены в рамках реализации проекта РФФИ «Конструирование политического поля в России: институциональный анализ, № 17-03-00446а (под рук. Л.Е. Филипповой, С.В. Патрушева, ФНИСЦ РАН).

⁴³ West C., Zimmerman D. Doing Gender. // Gender&Society. 1987. P. 137, 178.

⁴⁴ Коннел Р. Гендер и власть. Общество, личность и гендерная политика. // <https://ours-nature.ru/lib/books/516361513/3>

ции двух типов гендерных порядков — *традиционном*, базирующемся на отношениях социального неравенства, иерархии мужских и женских социальных ролей при доминировании мужчин, и *современном*, предполагающем равенство прав, свобод и возможностей женщин и мужчин. Между этими идеал-типическими моделями существует масса переходных *модулей* гендерной институционализации⁴⁵.

В условиях переходного модуля гендерная институционализация во многом зависит от изначальной *гендерной асимметрии* (социального неравенства) властных отношений мужчин и женщин, провоцирующей различия в формировании *субъектности* мужчин и женщин как акторов с исходно разными властными позициями. Такие различия принято называть *гендерными разрывами*. Гендерные разрывы фиксируют особенности перехода индивида того или иного пола от культуры подданного к культуре гражданина.

2. Гендерный порядок в принципе является крайне устойчивым. Его главные свойства могут оставаться неизменными, даже если под воздействием формально принятых институтов (например, законов) гендерные отношения должны видоизмениться⁴⁶.

Устойчивость гендерного порядка обеспечивают:

— заданные институциональные логики гендера, т. е. соответствие «значения» института и распространенных практик поведения;

— двоичная классификация должных признаков того или иного типа гендерного поведения, придающая как бы извечные смыслы неравному распределению властных ролей;

— общественная легитимация такого неравенства.

Самые значимые механизмы общественной легитимации:

— гендерный дисплей (И. Гофман);

— габитус (П. Бурдьё);

— дорефлексивное подчинение или добровольное согласие с господством и признание его преимуществ (С. Льюкс), проявляющееся в т. н. приобретенной беспомощности (Селигман)⁴⁷.

3. Потенциал *изменений* предполагает:

— сопротивление сложившимся правилам и практикам;

— девиантное поведение отдельных индивидов;

— формирование определенных групп интересов, а также социальных движений, нацеленных на инновации и пересогласования сложившихся отношений.

Наличный порядок поддерживается, пока ему не противостоят, его не оспаривают. Противостояние, требующее нового договора относительно властных отношений, в принципе является источником демократизации и конституирования современного политического поля, в котором под давлением эмоциональной энергии индивидов, групп интересов, социальных движений возникают вызовы по отношению к сложившейся системе, а вместе с этим — новые институциональные проекты.

4. Гендерная институционализация предопределена той или иной политической культурой и исторической ситуацией. Существует длительная историческая динамика социальных практик и структурной трансформации. Тем не менее, можно говорить о базовых условиях институционализации нового гендерного порядка. В их числе:

— *эмансипация* — автономное действие субъекта, направленное на его собственное освобождение, которое подразумевает критическое переосмысление, деконструкцию, а значит и деинституционализацию, прежних долговременных образцов социального поведения и повседневных практик;

— *эмпваэрмент* — действия по обретению навыков ответственного гражданина, наделенного политическими правами, компетенциями, полномочиями.

Традиционный гендерный порядок быстрее всего деинституционализируется и разрушается в высоко дифференцированных обществах. В них возникают разнообразные, зачастую ситуативные идентичности, склонные к выдвиганию собственно политических проектов, в которые, в числе прочего, могут быть включены идеи гендерного равноправия. То есть политизация при наличии разнообразных идентичностей создает основания для коллективных действий в направлении изменений. В то же время деполитизация чревата реинституционализацией прежнего порядка за счет вытеснения новых институтов институтами традиционными, глубоко укорененными в повседневных практиках.

⁴⁵ Модуль — устойчивая промежуточная форма в эволюционных процессах.

⁴⁶ Lorber J. Paradoxes of Gender. New Haven: Yale University Press, 1994. P. 28–30.

⁴⁷ Подробнее см.: Айвазова С.Г. Гендер: граница или измерение политического поля. Перечитывая классиков. // Политическая наука. М.: ИНИОН. 2018. №2. С. 41–64

СПЕЦИФИКА СТРАТЕГИЙ УПРАВЛЕНИЯ КОНФЛИКТАМИ В РОССИЙСКОЙ ВЕРСИИ РИСК-РЕФЛЕКСИВНОСТИ⁴⁸

Конфликтотенная реальность столкновения общества с последствиями рисков, с которыми властные стратегии справиться не могут, актуализирует проблему выявления влияния риск-рефлексий в различных социокультурных условиях на динамические и структурные показатели конфликта и управление им.

«Осознание наиболее ресурсообеспеченной и поэтому более мобильной частью российского населения» возникающих перед страной рисков приводит к бегству от реалистических конфликтов и увеличению «рискогенности этой среды за счет концентрации в ней более «слабой», физически и социально истощенной и менее способной к риск-рефлексии части населения»⁴⁹.

Для российской версии «общества риска» характерен дискурсивный режим бинарности, при котором зачатую «штатные и типичные риски», производимые в рамках легитимных институциональных структур, воплощаются, используя терминологию Фуко, в определенных «стратегических ансамблях истеризации, педагогизации или психиатризации».

«Комфортное состояние», обозначаемое как «стабильность», достигается через деконструкцию и десубъективацию конфликта, когда рациональное зерно действительно несовместимых интересов камуфлируется искаженным восприятием угроз и опасностей.

В качестве средства защиты и приспособления к рискам и опасностям начинают оправдываться различные формы девиантного поведения как рефлексивной практики интолерантности к неопределенности политических стратегий и размытости политической идеологии как угрозе, источнику дискомфорта, возникают риски конструирования человеком образа враждебной действительности, направленной на тех, кто виноват в кризисе и является источником риска. Власть, со своей стороны, пресыщена сигналами о мнимых и фиктивных угрозах и опасностях, а сообщения о динамике реальных конфликтов либо не поступают, либо блокируются, в обществе создается политический спрос на смещенные мысли и действия, изыскиваются «громоотводы» мнимых опасностей, скрытых от непосредственного восприятия и воздействия, в лице «шпионов ГДР, коммунистов, евреев, арабов, женщин, мужчин, турок, обитателей ночлежек»⁵⁰.

Это касается прежде всего специфики конфликта политических сил «за определение, что рискогенно, а что — нет» (формулировка У. Бека) — очевиден конфликтный разрыв взаимных оценок социальными и политическими акторами рисков, опасностей и угроз, представлений, установок и суждений о них, в понимании обязательств по отношению к риску и неопределенности и совместимости/столкновению риск-рефлексий о «побочных эффектах» у принимающих решения, а значит и берущих на себя ответственность за сделанный выбор и тех, на ком непосредственно может сказаться этот выбор. Неспособность к апроприации конструктивных элементов риск-рефлексий в стратегиях управления конфликтами, когда управленческие решения принимаются в ситуациях неопределенности, разрушает состояние безопасности. Эту ситуацию можно описать концептом «отложенной нестабильности».

Для российской версии в «точках бифуркации» (потери решения) характерны рефлексивные стратегии уклонения от рискованного решения («депроблематизация угроз») или «волевые силовые» решения (проблематизация опасности ситуации). В случае неадекватного характера ответа на угрозу «антикризисная политика» основана как на ужесточении мер социального контроля, так и на депроблематизации явлений, которые выводятся на периферию актуальной повестки дня, за рамки публичного дискурса, оказывая деструктивное воздействие. Рефлексивные практики нацелены на формирование упрощенных представлений о реальных рисках и опасностях, формирование чувства социальной тревоги и страха. Конфликтная активность граждан как ответ на актуализировавшиеся для них риски, в таком случае, может характеризоваться неконкретностью фрустраций, бескомпромиссностью участия, нацеленностью на конфликт как самоценный результат участия. В результате искажается воздействие существующих социальных правил поведения, резко сужается поле определения возможных вариантов развития, выработки наиболее эффективных способов решения проблем и общенациональных коллективно значимых решений на основе адекватных и своевременных риск-рефлексий.

Риски, не вписывающиеся в прокрустово ложе идеала «бесконфликтного общества» выводятся за рамки публичного дискурса, что приводит к «пустому», «обыденному» дискурсу «упрощения жизни». Его следствием является нежелание институционализировать нормативно-ценностные регуляторы для работы с рискогенностью современного развития общества, неполнота анализа ситуации и получаемой информации, неразвернутость оснований выбора политических и экономических стратегий, неверные управленческие решения.

⁴⁸ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00115).

⁴⁹ Яницкий О. Н. Экологическая социология как риск-рефлексия // Социологические исследования. 1999. № 6.

⁵⁰ Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000.

ИНСТИТУТ БЮРОКРАТИИ В ТРУДАХ М. О. МЕНЬШИКОВА

Михаил Осипович Меньшиков (1859–1918) — российский мыслитель, политический публицист консервативного толка. Его взгляды во многом отражали общественно-политическую повестку начала XX в. Консервативные взгляды М. О. Меньшикова неразрывно связаны с национальными особенностями политической системы России начала XX века. Меньшиков критикует действующую бюрократию за сопротивление парламентской реформе. Консерватор видит одну из главных задач Госдумы в противостоянии институту бюрократии: «Дума — единственная острастка против испытанного веками бюрократического бедствия и произвола. Исчезни Дума — и страна снова впадет в летаргический сон, когда в организме народном действуют лишь элементарные функции — питания, кровообращения и т. д.»⁵¹. Одной из главных характеристик бюрократии Меньшиков считал неуважение чиновников к народу. По его мнению, во многом из-за пренебрежительного отношения бюрократии к народу, само понятие «народ» стало восприниматься как необразованная масса людей. Мыслитель видел неуважение к народу в закрытости власти, её нежелании ориентироваться на мнение людей, принятие решений в пользу собственных интересов: «Культурный огородник может гораздо менее любить свои растения, но он уважает их природу, дает ей полный простор и питание, облагораживая полезным скрещиванием, подбором и прививкой, — и, глядишь, его огород получает волшебные преимущества перед крестьянским. Бюрократия наша при всех ее (мне мало известных) добродетелях имела этот основной порок: неуважение к природе общества, нежелание считаться с естественными правами народными. В результате упадок народной жизни через пятидесятилетие отмены крепостного права сделался местами угрожающим»⁵². Еще чертой бюрократии Меньшиков называет ориентацию на зарубежный опыт, уход от собственных традиций. Меньшиков считает, что «чужое добро впрок нейдет»⁵³. Публицист противопоставляет действующую бюрократию «прогрессивной» политике П. А. Столыпина. Главное качество, которое, по мнению Меньшикова, отличало П. А. Столыпина от представителей бюрократии — это инициативность и стремление к лучшему. Талант Столыпина, считал публицист, позволил ему понять, что приниженная народность не может дать высокой государственности, способной побеждать, и что лечить государство надо начиная с народа: «Как талантливый государственный человек, Столыпин без труда нашел униженную, но великую идею — национальную. Она древняя, древнее самой государственности и веры, она жила у нас века и иногда господствовала, но после царя Алексея пришла в упадок прямо плачевный»⁵⁴. Таким образом, выделенные характеристики бюрократии позволяют рассматривать Меньшикову бюрократию как деструктивный институт российской политической системы, с которым необходима комплексная и систематическая борьба: с либеральных позиций (через представительные органы), с консервативных позиций (через проведение политики «Православие. Самодержавие. Народность»), с индивидуальной позиции талантливых политиков, таких как Столыпин.

Александян А. С. (Ереван, Армения, ЕГУ)

СТАНОВЛЕНИЕ ЦИВИЛИАРХИЧЕСКОЙ ДЕМОКРАТИИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И РЕСПУБЛИКЕ АРМЕНИЯ

В статье анализируется проблема становления цивилиархической демократии в постсоветских странах и анализу ключевых факторов влияния на уровень демократии Российской Федерации и Республики Армения в период 2000–2018 гг. Актуальность исследования обусловлена цивилиархическими факторами, которые способствуют демократизации политических систем и режимов постсоветских стран, а также процессом внедрения цивилиархических принципов в политическую и социально-экономическую жизни постсоветских обществ. В частности, статика и динамика в политической жизни, модели организации современных властных взаимоотношений, демократических технологий и задачи гражданского контроля в Российской Федерации и Республике Армения отличаются по уровню цивилиархического развития, а также по институциональным, функциональным, социально-политическим и духовно-культурным параметрам. Особую важность и актуальность приобретают механизмы цивилиархического процесса в ходе демократических трансформаций политических систем стран ЕАЭС. В результате, усиление политического участия гражданского общества в пост-

⁵¹ Меньшиков М. О. Кого выбирать? // Письма к Русской нации. М.: Москва, 2000. С. 198.

⁵² Меньшиков М. О. Великодержавная идея // Письма к Русской нации. М.: Москва, 2000. С. 23.

⁵³ Там же. С. 27.

⁵⁴ Там же. С. 31.

советских странах постепенно приводит к появлению демократической консолидации, верховенству права и закона, защите прав человека и фундаментальных свобод, однако вопросы качества жизни, устойчивого развития, улучшения благосостояния, эффективности функционирования системы управления, все еще остаются актуальными и далеки от желаемых результатов. Низкий уровень социально-экономического развития, проблемы преодоления разрыва между уровнем экономического развития и социального обеспечения, диспропорции развития регионов, преодоления социального неравенства и социальной пропасти между богатыми и бедными требуют от постсоветских стран разработки более эффективных систем цивилиархического социального партнерства.

Особое внимание обращено на цивилиархические факторы, которые способствуют демократизации политической системы и режимов двух стран. Автор отмечает, что динамика гражданского партнерства и диалога, плюрализм интересов, политический консенсус и компромисс в постсоветских странах во многом обусловлены деятельностью правящих политических элит и партий, а также неоднозначностью факторов, влияющих на процесс становления цивилиархической демократии и гражданского общества.

В результате сравнительного исследования автор приходит к заключению, что трансформации политической системы и демократического режима оказали значительное влияние на становление независимого государства, этнонациональные конфликты, избирательные процессы, деятельность политических партий и гражданского общества, а также формирование механизмов защиты прав и свобод человека. Вместе с этим автор утверждает, что в РФ, в отличие от других постсоветских стран, значительно активны профсоюзы и профсоюзные движения, которые в силу своей организованности и представительности, смогли сыграть активную роль в формировании социальных приоритетов в процессе социальных реформ и реализации социальной политики. На основе анализа специфики деятельности профсоюзов в условиях формирования и развития нового типа социально-трудовых отношений в РФ, автор делает вывод, что российские профсоюзы играли и до сих пор играют важную роль в становлении гражданского общества, многопартийной системы, цивилиархических механизмов защиты социальных прав и свобод. Анализируя данные факторов индекса уровня демократии РФ, автор заключает, что в целом уровень демократии в РФ имеет положительную динамику роста за период 2000–2018 гг. Вводя в научный оборот новое понятие «*дихотомия межинтеграционных конфликтов*», автор в результате сравнительного анализа активизации процессов европейской и евразийской интеграций в РФ и Армении приходит к заключению, что специфические интеграционные модели привели к обострению не только отношений Украины и РФ, но и других стран.

Автор анализирует основные вызовы трансформации и развития демократических институтов в РФ и Армении. В контексте эволюции цивилиархических механизмов распределения и реализации власти страны автор аргументирует важность и значимость интеграционных процессов становления парламентских партий, Общественного Совета и общественных организаций в системе гражданского общества, правовое регулирование проблем гражданской журналистики и политического представительства женщин. Изучая институциональные аспекты и инструменты реализации социального партнерства в Республике Армения, автор обосновывает цивилиархические преимущества и необходимость активизации профсоюзного движения. Учитывая важность демократического социального государства и социальных факторов уровня демократии страны, автор предлагает собственный подход к классификации социального партнерства. Вместе с тем, по мнению автора, углубление межинтеграционных процессов страны, с одной стороны, приводит к расширению межинтеграционных связей и укреплению межинтеграционных контактов, а с другой стороны — к обострению межинтеграционных конфликтов.

Алексеев Д. В. (Москва, РАНХиГС при Президенте РФ)

ПРИНЦИП ДИСКОНТИНУИТЕТА В ЗАКОНОДАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ: ТЕХНИЧЕСКАЯ ПРОЦЕДУРА ИЛИ ПОЛИТИЧЕСКИЙ РЫЧАГ?

Принцип дисконтинуитета — это технология отклонения законодательных инициатив по истечении определенного времени без принятия законодательным органом публичного политического решения. Процедурой, закрепленной в регламенте, конституции или специально изданном акте парламента, определен срок, когда рассмотрение законопроектов принудительно прекращается⁵⁵. Если субъект законодательной инициативы хочет, чтобы его инициатива все же была рассмотрена и возможно принята, то ему необходимо внести законопроект заново.

⁵⁵ Weill R. Resurrecting legislation. — International Journal of Constitutional Law. 2016. Vol. 14. No. 2. P. 518–531

Как отмечал еще в 1990-е гг. нидерландский исследователь Я. ван Шаген, принцип дисконтинуитета распространен в странах Европейского союза⁵⁶. Хотя в каждой из стран есть свои особенности применения этой процедуры. Так, в некоторых странах (Германия, Италия, Бельгия, Франция и другие) законопроекты автоматически отклоняются по истечении работы созыва, а в других (например, в Дании, Великобритании) — по прошествии сессии. Кроме того, в некоторых парламентских системах заложены механизмы сдерживания дисконтинуитета. Например, в Германии если законопроект проходит все стадии рассмотрения в Бундестаге и попадает в Бундесрат, то на него дисконтинуитет не распространяется.

С одной стороны, правило прерывания рассмотрения законопроектов является чисто технической процедурой, которая может быть зафиксирована в регламентах парламентов (Португалия, Испания). Действительно, дисконтинуитет помогает экономить время новому созыву парламента, за счет не рассмотрения законопроектов предыдущего созыва⁵⁷.

С другой стороны, Я. ван Шаген отмечал, что дисконтинуитет является изящным способом отклонения правительственных законодательных инициатив без процедуры голосования и без прямого конфликта с исполнительной властью⁵⁸. Таким образом, де-факто отклонение инициатив правительства, при отсутствии формального решения палаты, делает дисконтинуитет уже не просто технической, но и имеющей политические последствия процедурой.

Отметим и то, что в случае внесения законодательной инициативы уже в конце сессии или созыва, появляются возможности для затягивания принятия решения по ней. Именно таким образом в своих политических целях действует оппозиция в Японии⁵⁹. Принятие закона малые партии предотвратить не могут, однако затянуть время иногда достаточно, чтобы сорвать рассмотрение вопроса. В немецком Бундестаге также за счет действия бюрократических процедур внутри парламента иногда удается затормозить инициативы, которые могли бы вызвать нежелательный общественный резонанс. Именно так произошло с петицией родственников погибших в авиакатастрофе Germanwings в Альпах в 2015 г., которая так и не была опубликована на сайте Бундестага из-за наступления дисконтинуитета⁶⁰.

Дискуссии по поводу процедуры дисконтинуитета шли еще во времена работы государственных дум Российской империи⁶¹. Однако в современной России изначально был установлен принцип континуитета в федеральном законодательном процессе (закреплен в Регламенте работы Государственной Думы). В тоже время, по итогам проведенного исследования и изучения зарубежного опыта отметим, что дисконтинуитет может стать рычагом воздействия законодательной власти на исполнительную. Возможность парламента не принимать политические решения или затягивать их, ссылаясь на окончание времени рассмотрения, могла бы существенно укрепить позиции законодателей перед правительством.

Амини А. Р. (Москва, РУДН)

СТАНОВЛЕНИЕ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ АФГАНИСТАНА ИНСТИТУТА СВЕТСКОСТИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Современное светское государство — это государство, принципы которого независимы от отношения к религии⁶². Принцип светскости государства — основной принцип функционирования современного правового государства в большинстве стран мира⁶³. Светскость государства означает также внедрение в жизнь общества всего нового и полезного, способствование научно-техническому прогрессу.

Сегодня для демократического правового государства важно не допустить главенствующей роли религии и духовенства в социально-политической и культурной жизни общества. Особенно это актуально для Афганистана, где наиболее отчетливо проявляются религиозные нормы и законы.

⁵⁶ Shagen J. The Principle of Discontinuity and the Efficiency of the Legislative Process. — The Journal of Legislative Studies. 1997. Vol. 3. P. 115–125

⁵⁷ Weill R. 2015. The Living-Dead. — Fordham International Law Journal. Vol. 38. Iss. 2. Article 2. P. 397–456

⁵⁸ Shagen J. The Principle of Discontinuity and the Efficiency of the Legislative Process. — The Journal of Legislative Studies. 1997. Vol. 3. P. 115–125

⁵⁹ Inoguchi T. Parliamentary Opposition under (Post-) One-Party Rule: Japan. — The Journal of Legislative Studies. 2008. No. 14 (1–2). P. 113–132

⁶⁰ Scholz K. A. Germanwings crash: Victims' relatives demand answers. — Deutsche Welle. 2017. 13.08. URL: <https://www.dw.com/en/germanwings-crash-victims-relatives-demand-answers/a-40073035>. Дата обращения: 05.04.2019

⁶¹ Кравец И. А. 2018. Конституционный дизайн, государственные преобразования и российский бикамерализм в начале XX века. — Право и политика. № 4. С. 60–106

⁶² Щипков А. Как понимать светскость государства. URL: http://pravoslavnye.ru/opp/2017/sentyabr/11/kak_nam_ponimat_svetskost_gosudarstva/ (дата обращения 13.09.2019).

⁶³ Понкин И. В. Светскость государства: к вопросу определения правового содержания понятия // Образование. 2013. № 3.

Рассмотрим перспективы для утверждения в политической системе Афганистана института светскости.

Согласно ст. 2 Конституции Афганистана, религией Афганистана является священная религия ислам⁶⁴. Его исповедуют более 99% населения Афганистана. Афганистан является клерикальным государством, т. к. ислам в стране официально имеет статус государственной религии и занимает привилегированное положение по отношению к другим вероисповеданиям⁶⁵.

Клерикальным характером государства определяется и вся национальная правовая система Афганистана. Правовая система Афганистана относится к мусульманской правовой семье, шариат влияет на все отрасли права. Это обусловлено тем, что ислам регулирует все стороны жизни общества, разделение на «светскую» и «религиозную» составляющие общества фактически отсутствует. Ислам на территории современного Афганистана представляет объединяющую систему и играет важную роль во всех сферах жизни общества⁶⁶.

Принцип светскости государства для Афганистана является принципиально новой категорией. На его примере четко прослеживается сложность реализации принципов светскости государства в условиях существующей политической системы.

Одним из серьезных внешних препятствий к внедрению светскости в Афганистане является то, что эта страна является одним из ключевых государств для осуществления азиатской геополитики крупнейших мировых игроков, Афганистан остается местом столкновения интересов мировых и региональных держав.

В то же время есть и существенные внутренние препятствия для внедрения принципов светскости государства. Текущую ситуацию в Афганистане можно характеризовать как достаточно сложный и многосторонний внутренний конфликт. К данному конфликту привели проблемы, сложившиеся внутри страны (конфессиональные противоречия, слабость текущего правительства, несоблюдение прав человека), так и внешние факторы (интересы и действия зарубежных стран, участвующих в афганском конфликте)⁶⁷.

В Афганистане все большую остроту приобретает проблема мирного сосуществования и конструктивного взаимодействия религий, народов, государства и правительства. Главной причиной конфликтов становится неудовлетворенность интересов этнических групп, экономическое и политическое неравенство между ними. Основную помеху для стабилизации афганского общества несет население, которое сильно подвержено влиянию религиозной идеологии с чрезвычайно низким уровнем жизни, которое вступает в оппозиционные группировки.

Основное условие для благополучного разрешения этих конфликтов — создание светского государства, сглаживание этноконфессиональных противоречий, обеспечение верховенства права и соблюдение прав человека, успешная адаптация существующих культурно-религиозных систем друг к другу.

Для внедрения института светскости в Афганистане на государственном уровне нужно проведение реформ:

- в стране необходимо на законодательном уровне закрепить отделение политики от религии;
- роль ислама важно свести к минимуму;
- ислам надо ограничить сферой личной жизни.

Если рассматривать светскость государства как готовность внедрять в жизнь общества новое и полезное, способствовать научно-техническому прогрессу, то для этого необходима реализация следующих реформ в Афганистане:

- увеличение занятости, создание рабочих мест;
- повышение минимальной заработной платы;
- регулирование рождаемости;
- запрет практики близкородственных браков;
- увеличение количества учебных заведений;
- борьба с коррупцией;
- контроль границ для поддержания безопасности в стране;
- принятие нового уголовного и гражданского кодексов по европейскому образцу и т. п.

Светскость государства в Афганистане сегодня — необходимое условие мирного и комфортного сосуществования религии, общества и гражданского населения страны. Развитие цивилизованных форм и механизмов взаимодействия между государством, конфессиями и социумом — насущная задача, решив которую, можно создать новые мощные стимулы для развития Афганистана.

⁶⁴ Конституция Афганистана. Кабул, 2004.

⁶⁵ Капинос Р. Экономические идеи Корана и практика современного ислама // *Мировая экономика и международные отношения*. 2009. № 3. С. 101.

⁶⁶ Мирзоев С. Т. Афганистан: вызовы и угрозы. Д.: Ирфон, 2017. 319 с.

⁶⁷ Политическая обстановка в Афганистане и тенденция ее развития. URL: <http://politinform.su/analitika/56434-obstanovka-v-afganistane-i-tendenciya-ee-razvitiya-2016.html> (дата обращения 13.09.2019).

РЕГИОНАЛЬНЫЕ АКТОРЫ МЕМОРИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Распад СССР и центробежные тенденции в Российской Федерации в течение 1990-х годов можно назвать катализатором создания региональных репрезентаций прошлого, началом формирования политики памяти на региональном уровне. Известная фраза первого президента РФ Б.Н. Ельцина, разрешившего регионам РСФСР «брать суверенитета столько, сколько они смогут проглотить», стала, помимо прочего, и толчком к построению региональных политик памяти.

По прошествии почти трёх непростых десятилетий политика памяти так и не оформилась как отдельное, концептуализированное направление государственной политики ни на уровне федерального центра, ни на уровне субъектов Российской Федерации. Реализация государственной политики памяти на уровне субъекта РФ осложнена следующими проблемами:

1. Трансформация социальной памяти в условиях глобализации. Под влиянием информационных потоков и общего кризиса идентичности (охватывающего, к слову, не только Россию) на смену масштабным построениям и фундаментальным нарративам приходят локальные версии истории (семейная память, история повседневности и т.д.). В такой ситуации государство утрачивает монополию на моносубъектность политики памяти. В условиях регионального сообщества, более компактного и с более тесными социальными сетями, остро встаёт проблема качественного улучшения диалога государства с общественными организациями, партиями, представителями регионального историко-академического сообщества, клубов исторической реконструкции, молодёжными движениями, региональными СМИ и блогосферой и т.д.

2. Отсутствие единой идеологии, отсутствие общественного согласия вокруг базовых ценностей, общего взгляда на прошлое и будущее. Подобная ситуация порождает дополнительные риски в связи с повышенной конфликтогенностью темы и высокой чувствительностью общественности к некоторым проблемам прошлого. На локальном уровне возможны конфликты, например, вокруг переименования улиц или установки памятников неоднозначным историческим фигурам.

3. Этноцентристские элементы и общая ригидность массового исторического сознания. Данная проблема фиксируется не только на общероссийском уровне, но и среди жителей конкретных регионов, в том числе среди молодёжи. Данная проблема не только не способствует преодолению конфликтов и противоречий, переоценке и критическому восприятию своего прошлого, но и усугубляет формирование целостной исторической памяти регионального сообщества в условиях миграционных вызовов.

4. Политика памяти субъектов РФ в основном подчинена задачам реализации программ внутренней политики регионов. При отсутствии отдельной концепции или стратегии всё многообразие политики памяти укладывается в одно из ответвлений внутренней политики и сводится к коммеморациям в связи с общегосударственными и памятными датами.

В силу объективных причин, обозначенных выше, политика памяти России во многом основана на той или иной трактовке советского прошлого. В ряде регионов России, где были особенно сильны левые настроения среди населения (так называемый «красный пояс»), стратегия репрезентации советского прошлого выглядела наиболее логичной: региональное руководство тем самым обретало легитимность в глазах населения на фоне острых социально-экономических проблем и противостояния с «демократами» из федерального центра.

В противовес репрезентации советского прошлого все постсоветские десятилетия региональные сообщества России выстраивали политику памяти исходя из тезиса о восстановлении исторической справедливости. Здесь можно выделить четыре крупных направления мемориальной политики:

1. Коммеморация дореволюционного периода. В рамках этих практик происходило возвращение дореволюционных названий улиц и населённых пунктов, установка памятников деятелям дореволюционного периода. Отдельным популярным на сегодняшний день направлением является коммеморация Первой Мировой войны.

2. Коммеморация несоветской истории. К этому направлению относятся практики коммеморации деятелей «белого движения» и иных сил, оппозиционных советскому режиму. От первого направления эти практики отличает повышенная политизация и, зачастую, скандальность. Например, большой резонанс в обществе вызвали попытки установить памятную доску К.Г. Маннергейму в Санкт-Петербурге, коммеморация биографий нацистских пособников П.Н. Краснова и А.Г. Шкуро.

3. Коммеморация жертв политических репрессий. В этом вопросе на сегодняшний день можно констатировать большую активность со стороны общественных организаций, чем со стороны государства.

4. Коммеморация постсоветской истории России. Наиболее ярко эти практики реализовывались на родине первого президента России и непосредственно связаны с его именем (улицы в честь Б. Н. Ельцина, Уральский федеральный университет им. Б. Н. Ельцина, «Ельцин-центр» в Екатеринбурге).

Антонов Д. Е. (Москва, ИСПИ РАН)

СООБЩЕСТВА В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ КАК АГЕНТЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Проблемы политической социализации сегодня находятся в фокусе внимания исследователей: политологов, социологов, психологов. К настоящему моменту уже оформились несколько крупных подходов к изучению данного феномена. Так, например, Д. Истон и Дж. Деннис⁶⁸ называли политической социализацией результат воздействия политической системы на сознание индивидов, формирование определенного набора ценностных и поведенческих установок. В свою очередь Ч. Кули⁶⁹ и Д. Мид⁷⁰, сторонники интеракционистского подхода, считали, что индивид, общаясь с семьей и друзьями, формирует первичное представление о политической реальности, которое укрепляется или корректируется по мере расширения круга контактов. Кроме перечисленных существуют также модель ролевой тренировки (К. Дженнингс, У. Мур, Р. Найеми), модель «подчинения» (Б. Скиннер), плюралистическая модель (Р. Даль, В. Харт), модель гегемонии (Р. Даусон, К. Превитт), поколенческая модель (Н. Головин, Е. Шестопап) и другие.

Особенности развития технологий коммуникации привело к формированию нового типа общества — сетевого. Технология Web 2.0 позволяет создать социальные медиа, которые развиваются совместными усилиями пользователей: форумы, wiki-энциклопедии, блоги, микроблоги, социальные сети. Социальные медиа позволяют создавать определенные сообщества по интересам, которые представляют собой полузамкнутые информационные пространства.

Особенности коммуникаций в сетевом обществе также изучено достаточно подробно. Ряд исследователей, например, О. Яррен и А. Этциони обратили внимание на то, что: во-первых, целью коммуникативного взаимодействия в сетевом сообществе является получение ощущения сопричастности к социальной группе⁷¹, и во-вторых, посредством коммуникации в сетевых сообществах создается особого рода социальный капитал, имеющий значение только для членов сообщества⁷². К. Санстейн, анализируя общественно-политические дискуссии на различных интернет-ресурсах, пришел к выводу, что особенностью сетевых коммуникаций является формирования «эхо-камер»⁷³. Похожей выглядит концепция «сетевого феодализма»⁷⁴, сформулированная отечественным исследователем И. В. Мирошниченко. Особое значение для понимания природы самовоспроизведения «точек зрения» в сетевых сообществах имеет концепция сетевой идеологии Я. Ван Дейка⁷⁵.

Таким образом, мы можем говорить о том, что основными единицами социальной организации в Интернете являются сетевые сообщества, внутри которых существуют лидеры мнения, социальный капитал и признаваемая иерархия. Конвенциональные коммуникативные практики в таких сообществах определяются сетевой идеологией, которая воспроизводится с помощью коммуникации членов сообщества, которые в свою очередь выступают одновременно в качестве носителей и медиаторов знаний, ценностей и норм сообщества. Процесс усвоения сетевой идеологии новыми членами сообществ в социальных сетях можно назвать цифровой социализацией.

Распространение социальных медиа в России — относительно новое явление. Самая популярная сегодня социальная сеть — «ВКонтакте» — была создана только в 2007 году, и вышла на всероссийский уровень только к 2009 году. Трудно сказать, когда в политический процесс активно включится поколение, чья политическая социализация проходила в сетевых сообществах. Однако уже сейчас можно предполагать ряд негативных особенностей такой модели.

⁶⁸ Истон Д., Деннис Дж. Дети в политической системе: основа политической законности // Вестник МГУ. Серия 18. Социология и политология. 2001. № 3.

⁶⁹ Кули Ч. Х. Человеческая природа и социальный порядок. М.: Идея-Пресс, 2000.

⁷⁰ Мид Дж. Аз и я // Американская социологическая мысль: Тексты / под ред. В. И. Добренкова. М.: Изд-во МГУ, 1994.

⁷¹ Яррен О. Интернет — новые шансы для политической коммуникации? // Актуальные проблемы Европы. Средства массовой информации и демократия в современном мире: Сб. статей и рефератов. М.: РАН ИНИОН, 2002.

⁷² Etzioni A. The Spirit of Community: rights, responsibilities, and the communitarian agenda. New York: Crown Publishers, 1993.

⁷³ Sunstein C. Echo chambers. Princeton: Princeton University Press, 2001.

⁷⁴ Мирошниченко И. В. Сетевые механизмы формирования социальных и политических идентичностей современной молодежи // Известия саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2017. Т. 17. № 1.

⁷⁵ Van Dijk J. The Network Society. Social Aspects of New Media. London: SAGE Publications Ltd. 2006.

Во-первых, сетевой тип политической социализации не гарантирует интериоризацию ценностей и норм, которые необходимы для поддержания гражданской идентичности и устойчивости политической системы.

Во-вторых, сетевой тип политической социализации не гарантирует формирования устойчивой политической картины мира и усвоения устойчивого набора ценностей.

В-третьих, увеличение значения сетевой социализации в государстве может привести к формированию множества политических субкультур, не объединенных общими ценностями.

Артеев С. П. (Москва, ИМЭМО им. Е. М. Примакова РАН)

Язык, этничность и идентичность: в поисках российской модели

Вопросы гармоничного межэтнического взаимодействия имеют чрезвычайную важность для планеты, поделенной на 200 государств и населенной 5 тысячами этносов. Этнологи, антропологи, лингвисты, психологи и политологи активно изучают данную проблематику, но чаще всего в «констатирующем» ключе. В то же время, как известно, становление оригинальных и востребованных отечественных политологических теорий происходит сложно. И сегодня зачастую, как и 20–30 лет назад к российским реалиям применяются западные политологические концепции, которые далеко не всегда адекватны рассматриваемым явлениям. С другой стороны, нет нужды изобретать велосипед. Наиболее продуктивно использовать подходящие теории в адаптированном варианте. Вопросы реализации языковой политики Российской Федерации в контексте этнического фактора и идентичности представляют собой один из наиболее ярких примеров наличия контрастных подходов и «дискурсивных разрывов». *Несмотря на многочисленные объективные сложности, переход от констатации тех или иных проблем к их решению возможен на основе интеграции дискурсов в одном поле, так как это является первичным условием для проведения большой дискуссии с практическим исходом.* Для этого необходимо охарактеризовать особенности России в этнополитическом ракурсе, выявить ключевые характеристики российского дискурса по вопросам языка, этничности и идентичности как комплекса взаимосвязанных явлений.

Российская Федерация с точки зрения этнополитической ситуации характеризуется:

- отсутствие угрозы сецессии;
- преобладание унитаристских тенденций во взаимодействии между центром и регионами;
- приоритет военно-стратегических интересов над социокультурным развитием.

С одной стороны, это свидетельствует о наличии общероссийской идентичности. В то же время такое положение содержит риски возрастания этнополитической напряженности.

Соотношение языка, этничности и идентичности является сложным вопросом, по которому отсутствует единая общепринятая позиция в академической среде. Тем не менее представляется возможным выделить два основных дискурса по этой проблеме: мейнстримно-академический и этноактивистский.

Мейнстримно-академический дискурс, представленный работами академика В. А. Тишкова и его последователей занимает доминирующие позиции в научных и учебных публикациях федерального уровня⁷⁶. К числу основных постулатов данного дискурса можно отнести:

- язык не является критическим значимым компонентом для сохранения этничности;
- исчезновение языков — естественный процесс;
- существует «добровольная ассимиляция», когда люди отказываются от своей этничности в условиях отсутствия какого-либо внешнего давления.

В своей основе все эти аргументы опираются на эмпирические материалы зарубежных государств. Существует ряд контраргументов по каждому постулату. Наиболее ярко критика академического дискурса проявляет себя со стороны этнодвижений малых народов РФ.

Этноактивистский дискурс характеризуют следующие ключевые тезисы:

- язык этноменьшинств — основа этнической идентичности, а потому безусловная аксиоматическая ценность;
- необходимость особых прав для выравнивания имеющихся негативных тенденций;
- необходимость пересмотра федерально-региональных отношений для улучшения социально-экономической обстановки в этнических автономиях.

⁷⁶ Тишков В. А. Реквием по этносу. М.: Наука, 2003. 542 с.; Тишкова В. А., Шабаяев Ю. П. Этнополитология: политические функции этничности. М.: Изд-во Московского университета, 2011. 375 с.

К сожалению, два представленных выше дискурса слабо взаимодействуют между собой. В обоих можно выявить процессы отчуждения и радикализации, что не способствует решению этнокультурных проблем малых народов РФ. Помимо этого, этнокультурное разнообразие не воспринимается как внешнеполитический ресурс России. Между тем, именно религиозные и этноязыковые особенности способны скорректировать преимущественно негативный образ РФ на международной арене.

Таким образом, интеграция мейнстримно-академического и этноактивистского дискурсов является важным шагом для решения имеющихся сегодня этнокультурных проблем. Как показывает практика, сохранение этнической идентичности малых народов РФ, за редким исключением в отдельные исторические периоды, не только не представляет угрозу для целостности государства, но может послужить значимым внешнеполитическим ресурсом.

Артемова Д. В. (Йошкар-Ола, МарГУ)

ПРОБЛЕМА СООТНОШЕНИЯ ГУМАНИТАРНЫХ ИНТЕРВЕНЦИЙ И ГУМАНИТАРНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ООН

Организация Объединенных Наций — это уникальная организация, деятельность которой охватывает широкий круг вопросов. Главными целями организации являются обеспечение защиты прав человека, поддержание мира и безопасности на планете и развитие международного сотрудничества. ООН и ее учреждения оказывают помощь и поддержку государствам и при гуманитарных катастрофах. Очевидно, что миротворческие операции ООН и гуманитарные вмешательства, имея под собой одну цель — поддержание мира, используют разными средствами. Поэтому есть необходимость рассмотреть, насколько сама гуманитарная интервенция вписывается в общую концепцию гуманитарной деятельности ООН.

Миротворческие операции ООН на протяжении десятилетий являются важным инструментом сохранения мира. Хотя эти операции прямо не предусмотрены Уставом ООН (а лишь вытекают из целей организации), их деятельность регламентируется принятой на основе Устава ООН серией резолюций Генеральной Ассамблеи.

Дать определение гуманитарной интервенции достаточно сложно из-за широкого спектра взглядов различных исследователей на проблему гуманитарной интервенции и противоречивой трактовке различных документов. Нельзя не согласиться с тем, что после принятия Устава появились рамки и нормы применения гуманитарной интервенции. В частности, Устав ООН не дает право государствам прибегать к силовым методам при обнаружении несоблюдения прав человека в другом государстве. Принятый в 1945 году Устав ООН позволяет мировому сообществу проведение силовых операций при условии «существования любой угрозы миру, любого нарушения мира или акта агрессии»⁷⁷ (статья 39). При этом только Совет Безопасности ООН имеет право давать разрешение на проведение международной военной операции, возглавлять которую должен Военно-штабной комитет С. ООН. Исходя из этого, Устав ООН допускает гуманитарную интервенцию только для поддержания и восстановления международной безопасности и самообороны. В параграфе 4 статьи 2-ой Хартии прописано, что «все государства-участники будут воздерживаться... от угрозы или использования силы против территориальной целостности или политической независимости любого государства, или любым иным образом, несовместимым с целями Объединенных Наций»⁷⁸. Совет Безопасности ООН имеет право использовать военный потенциал для прекращения угрозы миру и любых нарушений прав человека. Речь идет о военном принуждении, которое может выражаться в поддержании сражений, в силовом разделении противоборствующих сторон. Все остальные задачи не могут оправдать использование силы и добиваться их осуществления необходимо другими средствами.

В то время как миротворческие операции означают операции без применения оружия (только в случаях самообороны). В чем же отличительные черты миротворческих сил ООН? Персонал миротворческих сил формируются государствами-членами, миротворческие операции проходят только по решению Совета Безопасности и под флагом ООН. Миротворческие силы используются при условии, что стороны конфликта стремятся его прекратить.

Ярким примером миротворческой операции ООН может служить ситуация, сложившаяся во время военного конфликта 1964 года между греческой и турецкой общинами Кипра, когда Совет Безопасности ООН принял решение о направлении на остров миротворческих сил ООН с целью прекращения военных действий. Миротворческие миссии ООН были также направлены и продолжают действовать в Грузию со времен абхазского

⁷⁷ Устав Организации Объединенных наций и статус международного суда — М.: Госполитиздат, 1945.

⁷⁸ Иноземцев В. Л. Перспективы гуманизма. Гуманитарные интервенции: некоторые поводы для размышления // Человек. — М. 2005. — № 2. — С. 39–40.

конфликта 1993 года, в Таджикистане с 1994 года. Миротворческие силы ООН помогают в разработке документов об урегулировании, в подавлении мятежников и обеспечивают распределение гуманитарной помощи.

Что же касается операций с использованием вооруженных сил, то они в обязательном порядке осуществляются по решению Совета Безопасности ООН. Законность и характер использования вооруженной силы определяются и оцениваются в рамках Устава ООН и коллективной системы безопасности, однако, статья 42 Устава разрешает применение вооруженных сил Советом Безопасности в том случае, если Совет решит на основе статьи 39 Устава, что ситуация представляет собой угрозу безопасности мира или акт агрессии. Только Совет Безопасности может определять, существует ли угроза миру, присутствует ли акт агрессии и обладает правом решать, какие меры будут приняты для восстановления мира и безопасности.

Таким образом, гуманитарные интервенции, хотя и подразумевают под собой применение военной силы, но все же вписываются в общую концепцию ООН о гуманитарных миссиях. Гуманитарные интервенции — это всего лишь одно из средств, которое ООН использует для главной своей цели: установление и поддержание мира.

Асеев С. Ю. (Барнаул, АлтГУ)

МЕСТО ПОЛИТИКИ В СОВРЕМЕННОМ ИНФОРМАЦИОННОМ ПОЛЕ МОЛОДЕЖИ ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА (НА ПРИМЕРЕ РЕГИОНОВ ЮГО-ЗАПАДНОЙ СИБИРИ)⁷⁹

Присутствие политики в информационном поле молодежи является одним из важнейших элементов процесса их политической социализации, без чего невозможно и достижение закрепленной в «Основах государственной молодежной политики РФ до 2025 года» задачи по «воспитанию патриотично настроенной молодежи с независимым мышлением, обладающей созидательным мировоззрением, профессиональными знаниями, демонстрирующей высокую культуру, в том числе культуру межнационального общения, ответственность и способность принимать самостоятельные решения, нацеленные на повышение благосостояния страны, народа и своей семьи».

Как показали результаты проведенного в мае 2019 г. массового опроса школьников 4 регионов Юго-Западной Сибири (метод — анкетирование, объем выборки — 1102 учащихся 6–11 классов, проживающих в Алтайском крае, Республике Алтай, Кемеровской и Новосибирской областях, выборка квотная), более половины из них интересуется информацией о политических событиях, однако этот интерес не носит постоянного и целенаправленного характера. Очень интересуются политикой различного уровня от 12,3% (мировой политикой) до 28% (местными политическими событиями).

Наибольший интерес у школьников вызывает информация о российской политике — ею очень и скорее интересуются 67,8% опрошенных. На втором месте стоят местные политические события — 60,3%. Меньше всего школьники интересуются мировой политикой и событиями в других странах (56,2%), что, скорее всего, связано с географическим положением регионов. В региональном разрезе политическими событиями в России больше всего интересуются школьники Новосибирской (71,7% очень или скорее интересуются этой темой) и Кемеровской областей (68,4%), в то время как в Алтайском крае и Республике Алтай эти показатели ниже среднего — 65,1% и 65,3% соответственно.

Несмотря на высокий интерес к политике, половина респондентов (50,5%) не смогли четко выделить, какие политические темы их интересуют, что свидетельствует о контекстном восприятии политики на уровне репостов в соцсетях и/или новостийной ленты на главных страницах поисковых и почтовых сервисов.

Среди названных тем наибольший интерес вызывают выборы (их указали 12,1% опрошенных). Далее по степени интереса следуют взаимоотношения с другими странами (7,7%), политическая обстановка в России (7%), «новые законы» (4,5%), политическая обстановка в зарубежных странах (4%), информация о митингах и акциях протеста (2,4%). Показательно, что наличие интереса к молодежной политике отметили только 0,1% школьников.

Учитывая современную эпоху цифрового общества, естественно, что основным источником информации о политике школьники назвали социальные сети и мессенджеры (их отметили 73,6% респондентов) и информационные интернет-ресурсы (71,1%). Однако и телевидение сохраняет значение в школьной среде: 56,6% назвали в качестве источника политинформации центральное телевидение, 29% — региональное/местное телевидение.

⁷⁹ Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта № 19-011-31156

Данные источники информации как раз и формируют особенности мировосприятия современной молодежи — фрагментарное, «клиповое» мышление, оперативную память, низкие способности к выстраиванию логических цепочек и анализу. В связи с этим печатные издания для современных школьников как бы не существуют: центральные газеты читают только 4,9% опрошенных, региональные и местные газеты — 5,6%, партийную литературу и агитматериалы 2,45%.

Также для половины школьников источником политической информации выступают каналы межличностной коммуникации: для 51,4% это родственники, для 51,3% друзья и знакомые. Политические новости программы на радио слушают 12,4% школьников, научную литературу о политике используют 7%.

Средний интерес к политике и ее контекстное восприятие приводят к невысокой информированности школьников регионов Юго-Западной Сибири о политических событиях. Так, 68,7% респондентов не смогли назвать ни одного политического события в России и своем регионе. Особенно высок этот показатель в Новосибирской области (77%) и Республике Алтай (75,9%). В Алтайском крае он равен 72,2%, а в Кемеровской области — 52,2%.

Отмеченные особенности места политики в информационном поле молодежи школьного возраста позволяет констатировать отсутствие у большинства из них потребности и навыка систематизированного и целенаправленного получения информации о политических процессах в России и регионах, в том числе с помощью интернет-ресурсов. Эта тенденция лежит и в основе большинства современных проблем политической социализации российской молодежи.

Асеев С. Ю., Казанцев Д. А. (Барнаул, АлтГУ)

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ МОЛОДЕЖНЫХ ПАРЛАМЕНТОВ РЕГИОНОВ ЮГО-ЗАПАДНОЙ СИБИРИ (НА ПРИМЕРЕ АЛТАЙСКОГО КРАЯ И НОВОСИБИРСКОЙ ОБЛАСТИ)⁸⁰

При всей своей важности, многообразии и многочисленности молодежный парламентаризм в современной России все еще не получил должного нормативно-правового закрепления на общегосударственном уровне. Получив свободный выбор форм молодежного парламентаризма, субъекты РФ по своему усмотрению закрепили полномочия, цели и задачи деятельности парламентов, а также механизмы их формирования в соответствующих постановлениях об учреждении молодежных парламентов, положениях о парламентах и регламентах их работы.

Так, Молодежный парламент в Новосибирской области формируется на два года, а в Алтайском крае создается на срок полномочий Алтайского краевого Законодательного Собрания текущего созыва (5 лет).

Модель формирования Молодежного парламента Новосибирской области основывается на процедуре легитимной выборности, а не сочетания делегирования и конкурса как в Алтайском крае. Приобщение молодежи к практике выборов и электоральным процессам имеет бесспорное значение для молодых политических лидеров, однако несет существенные ресурсные затраты и организационные трудности. Из 44 представителей молодежного парламента области 34 избираются по одному от каждого муниципального района и городского округа, еще 10 от города Новосибирска. Избирать и быть избранным членом Молодежного парламента имеет право гражданин РФ, проживающий на территории области, достигший ко дню голосования возраста 16 лет и не достигший возраста 31 года.

В Алтайском крае возрастной ценз молодых парламентариев составляет уже от 14 до 35 лет, а парламент формируется из представителей молодежных представительных органов, созданных на общественных началах, в муниципальных районах и городских округах (всего 63). Еще 10 членов Молодежного парламента входят в его состав на конкурсной основе после защиты своих проектов.

Нормативно закрепленные задачи и функции всех региональных молодежных парламентов сводятся к универсальному их перечню в виде участия в формировании и реализации государственной молодежной политики в своем регионе, в том числе в разработке региональных нормативных правовых актов, по вопросам, затрагивающим права и законные интересы молодежи; приобщению молодых граждан к участию в парламентской и иной общественной деятельности; формированию правовой и политической культуры молодого поколения; обеспечению взаимодействия молодежи с государственными органами власти региона и органами местного самоуправления. При этом допускаются и уточняющие особенности, по примеру выделения задачи в виде содействия созданию механизма подготовки кадрового резерва для органов государственной власти в Алтай-

⁸⁰ Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта № 18-011-01184

ском крае. В свою очередь, Молодежный парламент Новосибирской области наделен полномочиями по изучению мнения молодежи о деятельности государственных органов в сфере реализации молодежной политики путем проведения опросов и мониторингов общественного мнения.

Однако в рассматриваемых регионах молодежные парламенты не имеют возможностей быть самостоятельным субъектом политики, так как они не наделены ни правом прямой законодательной инициативы, ни правом на обязательное рассмотрение своих решений на заседаниях регионального парламента. Рекомендательный характер решений не позволяет им участвовать в выработке политического курса и защите интересов молодежи.

Как следствие, содержание практической деятельности молодежных парламентов Алтайского края и Новосибирской области демонстрирует явный приоритет их активности в социальной, а не политической сфере. В информационном пространстве представлены различные творческие, волонтерские, спортивные и просветительские проекты, реализуемые во взаимодействии с другими участниками. В итоговых отчетах о своей работе молодежные парламентарии вынуждены делать основной акцент на работе с обращениями и участии в проведении различных мероприятий, поскольку их законотворческий потенциал ограничен не только молодежной тематикой, но и подчиненным статусом. В качестве успешных примеров приводятся лишь локальные инициативы, вошедшие в законопроекты соответствующих комитетов региональных парламентов.

Данный пример институциональных основ молодежных легислатур двух регионов отражает проблему отсутствия системного характера всей модели молодежных парламентов в РФ. Разрозненный калейдоскоп локальных практик дезориентирует молодежь и при всех возможных перспективах ее привлечения к конструктивному участию в политике чаще всего приводит лишь к имитации гражданской инициативы. Без закрепления единых механизмов формирования молодежных парламентов, системы их полномочий, ресурсной базы и информационной политики не приходится говорить о возможности участия молодых парламентариев в принятии реальных политических решений в интересах молодежи и всего общества.

Асеева Т.А. (Барнаул, АлтГУ)

РЕЙТИНГ АГЕНТОВ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ ШКОЛЬНИКОВ В КОНТЕКСТЕ УСЛОВИЙ ЦИФРОВОГО ОБЩЕСТВА (НА ПРИМЕРЕ РЕГИОНОВ ЮГО-ЗАПАДНОЙ СИБИРИ)⁸¹

Процесс политической социализации обеспечивает стабильность политической системы и ее воспроизводство. В рамках исследований данного процесса сформировался ряд концепций, объясняющих механизм усвоения политических норм, ценностей, формирования политического мировоззрения и поведенческих установок, обеспечивающих включение человека в мир политики. Несмотря на разность подходов, исследователи однозначно подчеркивают значимость влияния агентов политической социализации. Традиционно отмечают высокую степень значимости влияния семьи, образовательных учреждений, государства и ряда институционализированных агентов.

В условиях информационного общества наблюдается кризис иерархичных структур и все чаще говорится о влиянии многофакторной среды на формирование личности. В связи с чем, актуализируется проблема эффективности и потенциала различных агентов социализации.

Проведенный в Республике Алтай, Алтайском крае, Кемеровской и Новосибирской областях опрос молодежи школьного возраста показал наличие их интереса к информации о российской политике (67,8%), местным политическим событиям (60,3%) и мировой политике и событиями в других странах (56,2%). Учитывая современную эпоху цифрового общества, естественно, что основным источником информации о политике школьники назвали социальные сети и мессенджеры (73,6%) и информационные интернет-ресурсы (71,1%). Данные источники информации как раз и ориентируются на особенности мировосприятия современной молодежи — «блип-культуру», описанную Э. Тоффлером. Меньше всего современным школьникам интересны печатные издания. Такое падение, возможно, объясняется описанным Ж. Бодрийяром феноменом «девальвации знака».

Как следствие, более значимым источником политинформации выступают каналы межличностной коммуникации: для 51,4% это родственники, для 51,3% — друзья и знакомые.

Данные об источниках политинформации согласуются с полученным в результате опроса рейтингом референтных для школьников персон. Последние отражают и идущую трансформацию статусов агентов социализации. Основным агентом остается семья: мнение родителей и родственников при обсуждении общественных

⁸¹ Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта № 19-011-31156

проблем значимо для 61,4% школьников. Во всех регионах этот уровень примерно одинаков, только в Республике Алтай снижаясь до 60%.

Почти в три раза меньшим влиянием на сознание и поведение школьников обладают известные политики и общественные деятели (22,7%), но и их позиция опережает значимость таких традиционных агентов социализации, как школа (к мнению учителей прислушивается 19,1% респондентов) и СМИ (19,1%). В дальнейшем роль СМИ в политической социализации детей и молодежи будет еще снижаться, т. к. уже сейчас с ними конкурируют блогеры, чье мнение наиболее значимо для 16,5% опрошенных. Мнение лидеров политических партий и движений значимо для 13,3%, депутатов и государственных деятелей — для 11,1%, лидеров молодежных организаций — для 9,5% школьников.

Показательно, что социализация современных школьников становится все более дискурсивным, а не подражательным процессом. В связи с этим на втором месте по степени влияния оказались друзья — 38,7%. Но, что самое главное, почти четверть школьников (22,8%) вообще отрицают для себя наличие каких-либо авторитетов в общественных проблемах и полагаются только на свое мнение.

Рейтинг агентов имеет и региональную специфику. Так, в Алтайском крае школьники больше прислушиваются к мнению других (об исключительности своего мнения заявило только 19,7% опрошенных) и лидеров молодежных организаций (12,2%). Для них менее авторитетны известные политики и общественные деятели (17,9%), депутаты и государственные деятели (8,4%).

В Кузбассе самый высокий процент признающих только свою точку зрения (29,3%), но при этом выше значимость для политической социализации других агентов — друзей (40,7%), СМИ (21,6%), учителей (20,2%), блогеров (18,9%), известных людей (17,5%) и даже лидеров политических партий и движений (15,8%).

В Новосибирской области наиболее значимо из всех регионов мнение друзей (их отметили 41,3%). Также выше роль в политической социализации известных политиков и общественных деятелей (25%), депутатов и государственных деятелей (14%).

Выше влияние двух последних групп только в Республике Алтай (28,2% и 14,7% соответственно). При этом республиканские школьники при обсуждении общественных проблем меньше прислушиваются к мнению друзей, учителей и блогеров.

Приведенные данные опроса школьников демонстрируют, что сформировавшиеся «глобальная информационная деревня» (М. Маклюэн) и «общество сетевых структур» (М. Кастельс) повлекли за собой изменения в иерархии влияния агентов политической социализации, что требует от традиционных агентов новых форм и методов воздействия на сознание и поведение школьников.

Асеева Т. А., Шаикова Я. Ю. (Барнаул, АлтГУ)

МОЛОДЕЖНЫЕ ПАРЛАМЕНТЫ В ЦЕННОСТНО-КОГНИТИВНОМ ПРОСТРАНСТВЕ МОЛОДЕЖИ РЕГИОНОВ ЮГО-ЗАПАДНОЙ СИБИРИ⁸²

Среди современной российской молодежи все большее распространение получают две поляризованные формы политического поведения — неконвенциональная политическая активность и абсентеизм. В связи с этим актуализируется проблема вовлечения молодежи в политику в конвенциональных формах политического участия, решение которой должно осуществляться в ходе политической социализации.

Согласно теории политической социализации, выделяющей два этапа данного процесса, вторичная социализация является важным периодом в становлении политического «Я» гражданина. Для данного этапа характерно приобретение опыта политического участия, в процессе которого может происходить корректировка ранее усвоенных знаний. И если до недавнего времени исследователи четко связывали начало вторичной социализации с периодом приобретения избирательных прав, то в последнее время наблюдается более раннее включение молодежи в политическую деятельность.

Одним из значимых элементов целенаправленной политической социализации, позволяющим приобрести знания и опыт политического участия раньше наступления 18 лет, выступает молодежный парламентаризм. На основе анализа нормативной базы, регламентирующей деятельность молодежных парламентов, можно выделить главную цель их функционирования — содействие в приобщении наиболее активных и подготовленных граждан к парламентской деятельности, формирование их правовой и политической культуры, поддержка созидательной, гражданственно активной молодежи. Исходя из этого, определяются задачи: артикуляция и представление интересов молодежи; привлечение молодежи к решению социально значимых вопросов;

⁸² Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта № 18-011-01184

формирование кадрового резерва для органов государственной власти; приобщение к парламентской деятельности, формирование региональной и гражданской идентичности и т. д.

Однако, как показывает практика, молодежные парламенты регионов являются замкнутыми и маловлиятельными структурами, а их депутаты редко воспринимаются молодежью как политические лидеры. Данная ситуация заставляет искать ответ на другой вопрос — каковы факторы повышения эффективности функционирования молодежных парламентов, большую роль среди которых играет место этих организаций в ценностно-когнитивном пространстве молодежи.

По результатам опроса 2018 г. (опрос проводился в Санкт-Петербурге, Алтайском крае, Ленинградской и Новосибирской областях, метод — личное стандартизированное интервью; объем выборки — 1014 человек в возрасте 14–30 лет; выборка — несвязанная квотная), можно констатировать, что большинство молодежи Алтайского края и Новосибирской области мало информированы о молодежном парламентаризме. Так, о существовании Молодежного парламента в Алтайском крае было осведомлено 30,8% опрошенных, в Новосибирской области — 22,6%.

В ходе аналогичного опроса 2019 г. 46,8% респондентов в Алтайском крае и 29,5% в Новосибирской области вообще не смогли оценить их работу, еще 6,8% и 3,2% соответственно заявили, что данные структуры в их регионах отсутствуют. Ответившие же в основном склонялись к средним оценкам их деятельности — 16,4% молодежи обоих регионов оценили работу Молодежных парламентов на «удовлетворительно», 15,2% — на «хорошо». Почти столько же (15,8%) посчитали ее неэффективной. При этом опрос на примере Новосибирской области показал, что прямые выборы в Молодежный парламент не только повышают информированность о нем среди молодежи, но и способствуют более положительной оценке его деятельности.

В то же время, даже зная о факте существования Молодежных парламентов, абсолютное большинство молодых людей не имеет представления об их функциях и основных направлениях деятельности — в регионах Юго-Западной Сибири их затруднились назвать 84,8% опрошенных. Среди названных оказались функции: представительства интересов молодежи (ее указали 2,6% респондентов), участия в разработке молодежной политики (2,6%), волонтерства и благотворительности (2,2%), политической социализации и рекрутирования молодежи в политику (1,6%), коммуникации молодежи и власти (0,4%).

Также мало известно молодежи и о порядке формирования Молодежных парламентов — описать данную процедуру затруднились 87,6% опрошенных (93,2% в Алтайском крае и 82,1% в Новосибирской области). Правильные ответы дали 11,2% респондентов в Новосибирской области и 2% — в Алтайском крае.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод, что Молодежные парламенты не рассматриваются молодежью как значимые и привлекательные для нее каналы вхождения в политику и формы политического участия. Немаловажную роль в этом играют институциональные и информационные факторы, только оптимизировав состояние которых возможно создать условия для эффективного выполнения молодежными парламентами их роли в политической социализации молодежи.

Ачкасов В. А. (Санкт-Петербург, СПбГУ)

СТАНОВЛЕНИЕ ДЕМОКРАТИИ В МУЛЬТИЭНИЧНЫХ ОБЩЕСТВАХ И УГРОЗА ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИХ КОНФЛИКТОВ

Еще в XIX веке Дж. Ст. Милль был убежден в том, что «свободные установления почти невозможны в стране, состоящей из различных национальностей».⁸³ События XX века, казалось бы, убедительно подтвердили это и потому ныне широко распространено мнение, что в странах, население которых разделено по этническим, племенным, религиозным или клановым признакам, демократизация происходит с большими трудностями. Так, классик современной политической науки Р. Даль утверждает, что общество с ярко выраженными и противоборствующими субкультурами и идентичностями — этническими, конфессиональными, лингвистическими — едва ли может стать обществом развитой демократии.⁸⁴ В свою очередь финский политолог Т. Ванханен пишет: «Моя базовая гипотеза заключается в следующем: **чем глубже популяция разделена в этническом отношении, тем больше конфликтов интересов в ней канализируется по этническим линиям**».⁸⁵

С одной стороны, действительно, политизация этничности при «смешанном» проживании этнических групп часто порождает острые конфликты, поскольку их совместное проживание в одном пространстве может стимулировать борьбу за распределение наличных ресурсов как экономических, так и политических. Но, с дру-

⁸³ Милль Дж. Ст. Рассуждения о представительном правлении. Челябинск, 2006, с. 316.

⁸⁴ См.: Даль Р. Демократия и ее критики. М., 2003.

⁸⁵ Ванханен Т. Этнические конфликты: их биологические корни в этническом фаворитизме. М.: Кучково поле, 2014, с. 45.

гой стороны, общее социальное пространство, регулярные взаимодействия и контакты, тесные взаимосвязи и взаимозависимости могут положительно сказываться на межэтнических отношениях. Гипотетически это может способствовать деполитизации этничности.

Неоднозначно влияет на межэтнические отношения и пространственное разделение этнических групп. С одной стороны, здесь нет непосредственного столкновения в борьбе за редкие ресурсы, но с другой при сравнении ресурсной обеспеченности разных «этнических пространств» часто обнаруживается неравенство, что порождает недовольство, которое может перерасти в этнополитический конфликт.

Кроме того, мультиэтнические общества бывают: **вертикально разделенными**, где социальная стратификация накладывается на этническую и все статусные позиции занимают представители доминирующей этнической группы и **горизонтально стратифицированными**, где этнические сообщества автономны и сосуществуют друг с другом.

Считается, что горизонтально стратифицированные общества имеют более благоприятные условия для сосуществования различных общностей и развития демократии. Поэтому оценка, А. Лейпхарта, в отличие от Ванханена не столь категорична. С одной стороны, он считает, что в многосоставных обществах становление и развитие демократии затруднено, другой стороны — оно возможно, но только при наличии целого ряда обязательных условий.⁸⁶ В целом же, «консенсуальная демократия» в многосоставном обществе, по Лейпхарту, подразумевает парламентскую форму правления, а также выполнение политическими элитами сегментированного социума четырех обязательных условий (1) реализация принципа коалиционного согласия, т. е. осуществление власти правительством большой коалиции; (2) наделение сегментов правом взаимного вето; (3) пропорциональность как ключевой принцип политического представительства и (4) высокая степень автономии каждого сегмента в управлении своими внутренними делами.

В свою очередь, важными предпосылками существования консенсуальной демократии являются следующие: а) высокая степень автономии и примерный баланс сил между сегментами многосоставного общества; б) существование, по меньшей мере, трех сегментов, поскольку дуализм побуждает, скорее, не к поиску компромиссов, а к отделению; в) демократическое внутреннее устройство сегментов; г) наличие, наряду с факторами, разделяющими сегменты, факторов, их объединяющих.⁸⁷ Таким образом, этническая неоднородность общества не является непреодолимым препятствием для демократизации. Однако проблема в том, как адаптировать демократические институты к наличной этнокультурной среде.

Вполне очевидно, что консенсусные институты могут успешно работать при наличии еще целого ряда условий: «высокая степень терпимости элит; умение улаживать конфликты мирным путем и находить компромиссы; пользующиеся доверием лидеры, способны так разрешать конфликты, чтобы это не вызывало нареканий со стороны их приверженцев; консенсус по вопросам основных целей и ценностей, причем достаточно широкий, чтобы это соглашение оказалось достижимым; национальная самоидентификация, подавляющая откровенно сепаратистские устремления; приверженность демократическим процедурам, исключая насильственные или революционные меры» (Р. Даль). Эти условия в посткоммунистических государствах, отсутствуют, поэтому появление здесь институтов консенсусной демократии маловероятно.

Ашмарина А. А. (Нижегород, ННГУ им. Н. И. Лобачевского)

ИНТЕГРАЦИЯ МИГРАНТОВ В РФ КАК ЧАСТЬ ГОСУДАРСТВЕННОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

На сегодняшний день Российская Федерация является многонациональным государством, привлекательным для иммигрантов. По данным Министерства внутренних дел РФ от 16 августа 2019 г., в период с января по июль на миграционный учет в России было поставлено около 11 млн иностранных граждан и лиц без гражданства⁸⁸.

Безусловно, Россия заинтересована в притоке долгосрочных мигрантов, стремящихся стать частью общества, поскольку миграционные потоки в общем плане положительно влияют на экономическое развитие государства и обеспечивают стабильность демографической ситуации. Об этом свидетельствует новая Кон-

⁸⁶ См.: Лейпхарт А. Демократия в многосоставных обществах. Сравнительное исследование. М., 1997.

⁸⁷ Там же, с. 60–62.

⁸⁸ Основные показатели по миграционной ситуации в Российской Федерации за январь-июль 2019 года // Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации. 16.08.2019. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/Deljatelnost/statistics/migracionnaya/item/18064421> (Дата обращения: 06.09.2019 г.).

цепция миграционной политики РФ на 2019–2025 гг.⁸⁹, а также государственная программа РФ «Реализация государственной национальной политики», рассчитанная до 2025 г., которая содержит в себе восемь подпрограмм, направленных на гармонизацию межнациональных отношений и стабилизацию социально-политической обстановки в стране путем обеспечения эффективной адаптации и интеграции приезжающих граждан в российское общество. В целом, в программе ставятся следующие задачи: обеспечение равноправия граждан и соблюдение их конституционных прав, формирование гражданской культуры, воспитание патриотизма, реализация механизмов межкультурной коммуникации, осуществление международного сотрудничества. При этом, на реализацию программы планируется выделить порядка 24 млрд рублей⁹⁰.

Миграционная ситуация в РФ и процессы интеграции приезжающих мигрантов стали объектом исследования со стороны Совета Европы. Специальный представитель генерального секретаря по вопросам миграции и делам беженцев Томаш Бочек в апреле 2019 года представил коллективный отчет ведомства об анализе соблюдения прав и свобод иммигрантов и беженцев в процессе интеграции, при этом приводилась сравнительная оценка 11 стран-членов Совета Европы, в число которых входит и Россия⁹¹.

По наблюдениям Бочека, в миграционной и интеграционной политике, проводимой Россией, содержится ряд проблем, негативно отражающихся на дальнейшей адаптации мигрантов. Прежде всего, Томаш Бочек указывает на слишком жесткий миграционный контроль, который не учитывает индивидуальные особенности каждого иммигранта и обстоятельства, влияющие на его жизнь. Кроме того, в России, по данным отчета, не учитываются запросы отдельных «уязвимых» групп населения, что ведет к дальнейшей дискриминации данных групп. Бочек заявил, что в российской миграционной политике существует ряд дополнительных ограничений, препятствующих воссоединению семей мигрантов, между тем, единство семьи, по мнению авторов документа, является одним из основополагающих принципов в осуществлении курса интеграции иностранных граждан. В отчете подробно описаны существующие ограничения: высокая планка уровня доходов и жилищные требования, долгий период ожидания, малый размер пособий. Одним из ярких примеров «трудностей», созданных в России для иммигрантов, является сдача интеграционного теста. Бочек назвал российские экзамены для мигрантов «недостижимыми», при том, что разные группы людей имеют разные возможности и уровень подготовки. Более того, сам экзамен платный, что также является нарушением прав мигрантов. Авторы отчета сделали предварительные выводы о том, что у российского правительства отсутствует стремление к формированию цельной и эффективной миграционной и интеграционной политики. Это приводит к тому, что разность культур, языка, обычаев мигрантов и принимающего населения ведет к нарастанию противоречий между двумя сторонами, провоцирует межэтнические конфликты и способствует маргинализации иммигрантов.

Балашов М. В. (Москва, РУДН)

ПОЛИТИКА ГОСУДАРСТВА В СФЕРЕ ПОДДЕРЖКИ МОЛОДЕЖНОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В РОССИИ

Процессы глобализации, жесткая рыночная конкуренция, политика замены импорта в России, процессы глобализации и новая миграционная политика увеличили потребность в предприимчивых и ответственных гражданах, способных решать задачи профессионального развития и самостоятельной предпринимательской деятельности. Сегодня подрастающее поколение старается избегать офисной работы и чаще задумывается о перспективах организации собственного бизнеса и повышении материального благополучия. Молодежный бизнес занимает важное место в развитии любого государства, помогая решить довольно острую проблему нашего времени — безработицу молодежи⁹².

Бизнес, как считает Ларичева А. А., который организуют молодые предприниматели, отличается своей гибкостью, способен оперативно реагировать на потребительские запросы.

⁸⁹ Указ «О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы» / Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/58986> (Дата обращения: 31.10.2018).

⁹⁰ На госпрограмму «Реализация государственной национальной политики» в 2019 году будет выделено почти 2,4 млрд рублей // Парламентская газета. 12.04.2019. URL: <https://www.pnp.ru/social/na-gosprogrammuy-realizaciya-gosudarstvennoy-nacionalnoy-politiki-v-2019-godu-budet-vydeleno-pochti-24-mlrd-rublej.html> (Дата обращения: 06.09.2019 г.).

⁹¹ Issue Paper. Human rights aspects of immigrant and refugee integration policies // Council of Europe. URL: <https://rm.coe.int/168093de2c> (Дата обращения: 06.09.2019).

⁹² Resolution following the Third Forum on Small Business of the SCO and BRICS Regions, September 28–29, 2017 Ufa, Republic of Bashkortostan, Russia;

Однако не обойтись без ряда причин, которые сдерживают развитие и процветание молодежного предпринимательства в стране, а именно⁹³:

- Из отсутствия опыта в работе и незнание нормативной базы молодое поколение допускает ошибки в самом начале планирования бизнеса;
- проблемы финансирования бизнес-проектов;
- отсутствие полноценной законодательной базы;
- высокие налоги и кредитные ставки
- коррупционные барьеры и «теневая» экономика.
- отсутствие возможности создать систему, которая отличалась бы последними инновациями, но в то же время позволила бы сотрудничать между собой субъектам бизнес-образования и самого бизнеса в целом.

На плечах государства лежит ответственность перед бизнес-сообществом в создании комфортных условий для нормального процветающего развития бизнеса, его продуктивной работой.

Для всего этого органам власти необходимо формировать благоприятную почву для инвестиций со стороны, справедливой и стабильной налоговой системы.

Принятие активного участия в совместном определении приоритетов тех или иных областей с органами государственной власти является эффективной моделью с точки зрения сообщества предпринимателей. Подобный вид носит название партнерской модели. У каждого субъекта есть свои специфические ресурсы, которые при взаимодействии друг с другом приносят выгоды каждой из сторон.

Федеральное агентство по делам молодежи курирует работу программы «Ты — предприниматель». В данной программе предусматривается создание удобной среды «для вовлечения, отбора и обучения молодых людей основам предпринимательской деятельности с целью дальнейшего открытия ими собственных компаний»⁹⁴.

Помимо федеральных программ в России предусмотрены региональные программы поддержки молодежного предпринимательства. Регионам выделяются субсидии в поддержку молодежного предпринимательства в рамках подпрограммы «Развитие малого и среднего предпринимательства» госпрограммы «Экономическое развитие и инновационная экономика»⁹⁵.

По статистике примерно 20% подрастающего поколения обладают необходимыми навыками для построения своего бизнеса, но только 5% решаются на это. Причины могут быть разными, например, страх больше потерять, чем возможность что-то приобрести. На основании вышеуказанной статистики перед государством встает задача поддержать развитие молодежного предпринимательства в России.⁹⁶ Ниже приведены варианты поддержки молодежного предпринимательства:

1) поддержание престижности предпринимательской деятельности среди молодежи. Указанный вариант обязывает к проведению таких мероприятий, как:

1. организация и поддержка олимпиад для учеников старшей школы, семинаров, лекций, игровых мастер-классов, курсов и прочее;
2. создание и продвижение в медиа-сфере социальной рекламы, нацеленной на агитацию в пользу предпринимательства среди молодого поколения;
3. продвижение идеи государственной поддержки в политике страны для предпринимательства среди молодежи;
4. актуализация информации в СМИ и социальных сетях о проводимых конкурсах бизнес-проектов;

2) непосредственно привлечения молодежи в деятельность предпринимателей. Данный вариант предполагает решение следующих задач:

- создания позитивной репутации государственных программ с помощью масс-медиа и агитационных материалов;
- организация и контроль проведения тренингов, лекций, встреч по интересам, «круглых столов» с молодежью, которая заинтересована в создании собственного дела;
- организация встреч с успешными предпринимателями и представителями государственной власти в интересующей области.

3) разработка программ в области образования, нацеленных на создание малого и среднего бизнеса, а также на получение теоретических основ и навыков ведения бизнеса.

⁹³ Matveeva Liubov & Gladilina Evgeniia creation of enterprises among young people in Russia, Spring 2018.

⁹⁴ Федеральный портал молодого предпринимателя [Электронный ресурс] <http://young.oldsmb.economy.gov.ru/content/guide/programs/mer/>

⁹⁵ Международный форум лидеров бизнеса (IBLF RUSSIA) [Электронный ресурс] // <http://www.iblfrussia.org/programmes/current/detail.php?ID=290>

⁹⁶ Грошева И. А., Грошев И. Л., Грошева Л. И. Индексная оценка эффективности молодежного предпринимательства и бизнеса // Аграрно-продовольственная политика России. — 2015. — № 7 (19). — С. 52.

Исполнение вышеперечисленных мер будет способствовать созданию нового субъекта общества, — инициативного, мобильного, способного быстро реагировать на динамично изменяющуюся ситуацию на мировом рынке. Бизнес-потенциал молодежного предпринимательства весьма обширен и правильное его использование поможет России занять уверенную позицию на экономической арене мира.

*Балаян А. А. (Санкт-Петербург НИУ ВШЭ),
Томин Л. В. (Санкт-Петербург СПбГУ)*

ТЕХНОЛОГИИ «ОБЩЕСТВА КОНТРОЛЯ»: ЦИФРОВАЯ ИНФРАСТРУКТУРА НА СЛУЖБЕ АВТОКРАТИЙ⁹⁷

В последние годы в рамках исследования процессов цифровизации начинает обсуждаться новая важная для политической науки тема — цифровой авторитаризм. Данная тема отмечена как наиболее важная в докладе организации Freedom House посвященном свободе интернета за 2018 год⁹⁸. Авторитарии различного типа (однопартийные, популистские, электоральные) адаптируются к изменившейся технологической среде и используют цифровую инфраструктуру для формирования новых механизмов социального и политического контроля.

Формирование интегрированной цифровой инфраструктуры, задачей которой является извлечения данных, на сегодняшний момент отвечает интересам крупнейших IT-корпораций и государств. В сфере экономики это воплотилось в новой модели извлечения прибыли, которую Н. Срничек назвал «капитализмом платформ»⁹⁹, а Ш. Зубофф «капитализмом наблюдения»¹⁰⁰. При немного различном описании генеалогии данных моделей, их объединяет общий тезис — основным источником дохода для крупнейших IT-корпораций является сбор и монетизация пользовательских данных. Их они получают с помощью сервисов, предоставляемых пользователям бесплатно (соц. сети, поисковые системы, приложения). В последние годы на рынок поступают новые продукты способные извлекать данные из повседневной жизни индивидов («умные часы», медицинские гаджеты, «умные колонки»). После сбора и обработки, данные могут использоваться на платформах для микро-таргетинговых рекламных кампаний, продаваться или передаваться государственным структурам.

Сегодня многие авторитарии поддерживают цифровизацию экономики и госуправления, поскольку в результате они получают помимо дополнительных механизмов социального и политического контроля — специфическую деполитизированную систему обратной связи с гражданами, частично компенсирующую отсутствие демократических институтов и процедур.

Интересный для анализа кейс использования цифровой инфраструктуры авторитарическими режимами демонстрирует КНР. Государство в сотрудничестве с IT-компаниями реализуют программу «умных городов», являющуюся основой технологической инфраструктуры системы социального кредита, индикатора, основанного на обработке больших данных, который учитывает поведение человека в различных сферах (оплата налогов, счетов ЖКХ и штрафов, погашение кредитов, характер покупок, активность в интернете и соц. сетях). Инфраструктура социального кредита выстроена на основе рейтинговой системы компании Alibaba — Sesame Credit. Кроме того, в систему социального кредита интегрируют сеть государственных и частных камер наблюдения (примерно 176 млн единиц) оснащенных функцией распознавания лиц. С середины 2018 года к обладателям низкого рейтинга стали применять санкции (отказ в приеме на госслужбу и отдельные должности в частном секторе, запрет покупки авиабилетов, бронирования гостиниц и обучения детей в частных школах). В КНР, где неолиберальная экономика сочетается с однопартийным политическим режимом, в рамках процесса цифровизации функционирует своеобразная авторитарическая версия «теории подталкивания»¹⁰¹. В ее рамках производится тип субъективности, частично интернализирующий функции политического и социального контроля, которые ранее осуществлял аппарат государства.

КНР и другие авторитарии на своей территории формируют цифровую инфраструктуру при необходимости способную блокировать нежелательные сервисы или цензурировать контент. Власти КНР продемонстрировали возможности данной системы в период после политических волнений в Синьцзян-Уйгурском автономном районе, когда одновременно был заблокирован доступ к Youtube, Facebook и Twitter. КНР и другие авторитарии

⁹⁷ Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ «Политическая онтология цифровизации: исследование институциональных оснований цифровых форматов государственной управляемости» № 19-18-00210.

⁹⁸ The Rise of Digital Authoritarianism. Freedom on the net 2018 [Электронный ресурс] / Freedom house [сайт]. URL: https://freedomhouse.org/sites/default/files/FOTN_2018_Final%20Booklet_11_1_2018.pdf (дата обращения: 27.08.2019).

⁹⁹ Срничек Н. Капитализм платформ. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019.

¹⁰⁰ Zuboff S. The Age of Surveillance Capitalism: The Fight for a Human Future at the New Frontier of Power. PublicAffairs. 2019.

¹⁰¹ Талер Р, Санстейн К. Nudge. Архитектура выбора. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2018.

способны использовать цифровую инфраструктуру для контроля и подавления антиправительственных митингов, здесь используется механизм локального отключения мобильного и публичного интернета и интегрированная система камер наблюдения, оснащенная функцией распознавания лиц.

Баранов А. В. (Краснодар, КубГУ)

СООТНОШЕНИЕ ИДЕНТИЧНОСТЕЙ В РАКУРСЕ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ (НА МАТЕРИАЛАХ КРЫМСКОЙ МОЛОДЁЖИ)¹⁰²

Соотношение национальной, этнических, конфессиональных и территориальных идентичностей является одним из важных показателей этнополитических отношений, уровня их конфликтности, характеризует степень эффективности политики идентичности. Особенно актуальна тема в условиях Республики Крым и г. Севастополя, где формируются новые политические идентичности и идёт их острая конкуренция.

Цель работы — определить соотношение национальной, этнических, конфессиональных и территориальных идентичностей крымской молодёжи на материалах самостоятельного анкетного опроса (2018–2019 гг.). Учтены итоги близких по замыслу исследований¹⁰³, проведено сравнение с опросом в Краснодарском крае.

Выборка опроса — 630 чел. (380 в Республике Крым (РК) и 250 в г. Севастополе), возраст 16–35 лет; работает и совмещает работу с учёбой 39,8%, только учится 57,9%, остальные ведут домашнее хозяйство). Опрос проведён в различных типах поселений (административные центры, средние и малые города, сёла). Этнический состав респондентов пропорционален таковому всего населения Крыма. Опрос проведён под руководством В. А. Чигрина (РК) и Л. Н. Гарас (Севастополь).

Методология исследования — конструктивистский подход этнополитологии. Респонденты ощущают себя, прежде всего, «представителем человечества» — 33,0%, жителем региона — 19,0%, «россиянином» — 18,9%, жителем города или села — 10,2%, «человеком определённой национальности» — 6,7%, жителем макрорегиона — 3,3%, «человеком определённой веры» — 2,5%. Удельный вес отдающих приоритет российской национальной идентичности в РК значительно ниже, чем в Краснодарском крае (18,2 и 32,1%). В наибольшей мере российская идентичность значима для русской молодёжи, в средней — для украинской и в меньшей — для крымскотатарской.

Межэтническая и межконфессиональная дистанция выявляет уровень доверия между этническими группами, степень интеграции общества. Уровень межэтнической дистанции по шкале Э. Богардуса в отношении русских в РК — 2,17 балла из 9; украинцев — 2,61; крымских татар — 3,38; армян — 3,78. В г. Севастополе дистанции увеличенные: к русским — 2,43 балла, украинцам — 2,91, крымским татарам — 4,26, армянам — 4,19. Уровень межконфессиональных дистанций в отношении христиан всех конфессий — 2,92 балла в РК и 3,38 в Севастополе, а мусульман — 3,54 в РК и 4,16 в Севастополе.

Частота встречаемости установки абсолютной близости («Готов принять как члена семьи») составила: 56,9% в отношении русских, 46,2% — украинцев, 26,2% — крымских татар, 16,9% — армян. В отношении христиан установка абсолютной близости — 34,6%, а мусульман — 24,6%. Выявлен достаточно значительный потенциал межэтнической и межконфессиональной терпимости молодёжи. Частота встречаемости установки абсолютной неприемлемости («Я не хотел бы видеть их в стране» в отношении украинцев — 0,8%, русских — 1,5%, армян — 6,2%, крымских татар — 7,7%. В отношении конфессий установка абсолютной неприемлемости — 3,8% для христиан и 8,5% для мусульман. «Точки риска» — экономически депрессивный и приграничный Джанкойский район.

Выявлен достаточно весомый потенциал межэтнической терпимости молодёжи. Среди опрошенных в РК 41,3% полагают, что крымские татары не конфликтуют с другими народами, 59,7% — что они знают и уважают законы, 66,5% — уважают языки, традиции и культуру других народов, 59,5% выражают доверие к татарам. В отношении украинцев и русских уровень интеграции в сообщество оценивается ещё выше.

За 2017–2019 гг. восприятие межэтнических и конфессиональных отношений крымской молодёжью стало менее конфликтногенным, относительное большинство респондентов оценивает положение умеренно-пози-

¹⁰² Исследование выполнено в рамках проекта РФФИ № 17-03-00802 «Конфликтогенные и интеграционные факторы развития человеческого потенциала Юга России в условиях новых геополитических вызовов».

¹⁰³ Канах А. М., Нелина Л. П., Ярмак О. В. Факторы формирования национальной идентичности студентов Республики Крым и Севастополя: некоторые результаты социологического исследования // Ученые записки Крым. федерал. ун-та им. В. И. Вернадского. Социология. Педагогика. Психология. 2018. Т. 4 (70), № 1. С. 50–63; Бродовская Е. В., Домбровская А. Ю., Синяков А. В. Студенческая молодёжь Крыма и Севастополя о межнациональных и межрелигиозных отношениях на полуострове: результаты кластерного анализа // Изв. Тульск. гос. ун-та. Гуманитар. науки. 2018. № 2. С. 30–41.

тивно. Оценки ситуации русской и украинской молодёжью близки по модальности, т.к. украинское сообщество в Крыму слабо сплочено и склонно к ассимиляции. Крымскотатарская молодёжь наиболее интегрирована внутри этнической группы и дистанцирована от славянского большинства и в религиозном, и в языковом, и в политическом аспектах. «Группы риска» — работающая молодёжь, особенно в Симферополе и его пригородах, а также в сельских районах с повышенным удельным весом мусульман, лица с низкими доходами.

Баранов Н. А. (Санкт-Петербург, СЗИУ РАНХиГС при Президенте РФ)

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА ФОРМИРОВАНИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ: ПОЛИТИКО-КУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ¹⁰⁴

Понятие идентичности широко востребовано в социальных науках. Современные общества в условиях глобальных трансформаций подвержены разрушительным воздействиям, поэтому потребность в социальной консолидации носит объективный характер. И.С. Семененко отмечает, что «дискурс идентичности стал рассматриваться как эффективный механизм конструирования социальной реальности, а динамика идентичности — как один из значимых маркеров социальных трансформаций, описывающих включенность человека в социальные процессы»¹⁰⁵.

Российское общество в конце XX — начале XXI вв. оказалось в ситуации социальной неопределенности из-за крушения прежних идеологических императивов и отсутствия объединяющих общество ценностей. Поэтому возникла потребность в государственной политике, направленной на консолидацию российского общества в условиях глубинных социальных и культурных преобразований. Как пишет Г.Л. Тульчинский, «культура обеспечивает идентичность, самосознание «Мы», преимущественно — эмоционального. Политическая власть, государство — идентичность «Мы» гражданского, преимущественно рационального. Именно синтез этих двух идентичностей и обеспечивает социальную солидарность»¹⁰⁶.

В содержании современной российской политики формирования идентичности лежат политико-культурные основания: присущие народу традиции в сфере государственной власти, их воплощение и развитие в современном контексте, влияние на условия формирования политики будущего. Россия — страна, которая, не сумев создать успешную рыночную экономику и не построив демократические институты, за счет привычного экстенсивного развития и сильной просвещенно-персоналистской власти смогла добиться определенных успехов, вызвав у других государств, не справившихся с либерально-рыночными и демократическими преобразованиями, надежды на успешное развитие вне либерально-демократической парадигмы. Обоснование такого рода преобразований лежит в политико-культурной парадигме, реализуемой через консервативный тренд, ставший доминирующим в российском политическом дискурсе в XXI веке. Предложенные россиянам ценности оказались адекватными восприятию политической реальности большинством российских граждан.

Характерная черта этого тренда — распространение стереотипов особой русской ментальности и пути, великодержавности, единства, представляющих собой продукт мифологизации и идеологизации реальности. По мнению И.Б. Фан, «эти стереотипы, как элементы целенаправленно формируемой имперской идеологии, упрощают и замещают реальность, препятствуя пониманию и решению проблем общества во всей их сложности»¹⁰⁷. О.Ю. Малинова отмечает, что «в XXI веке не стоит поддаваться соблазну «установить какую-либо идеологию в качестве государственной или обязательной», даже если кажется, что для этого есть необходимость и возможность: попытка не только обречена на неудачу, но и исключительно контрпродуктивна с точки зрения строительства «духовных скреп»»¹⁰⁸.

Под «духовными скрепами» в данном контексте понимаются реализованные на практике мифологизированные представления коллективного сознания, которые основываются на традиционном восприятии социально-политических процессов. Сам термин «духовные скрепы» получил распространение в 2012 г. после ежегодного обращения В.В. Путина к Федеральному Собранию. Содержание культуры прошлого использует-

¹⁰⁴ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и АНО ЭИСИ в рамках реализации научного проекта №19-011-31616 «Государственная политика в сфере формирования идентичности: концептуальные основания, технологии и перспективы» в Санкт-Петербургском государственном университете.

¹⁰⁵ Современная политическая наука: методология: научное издание / Отв. ред. О.В. Гаман-Голутвина, А.И. Никитин. 2-е изд., испр. и доп. М.: Изд-во «Аспект Пресс», 2019. С. 447.

¹⁰⁶ Тульчинский Г.Л. Российская политическая культура: особенности и перспективы. СПб.: Алетейя, 2015. С. 35.

¹⁰⁷ Россия в поисках идеологии: трансформация ценностных регуляторов современных обществ / под ред. В.С. Мартынова, Л.Г. Фишмана. М.: Политическая энциклопедия, 2016. С. 255.

¹⁰⁸ Малинова О.Ю. «Духовные скрепы» как государственная идеология // Россия в глобальной политике. 2014. №5. URL: <http://www.globalaffairs.ru/number/Dukhovnyye-skrepy-kak-gosudarstvennaya-ideologiya-17107> (дата обращения: 10.08.2019).

ся российской властью избирательно, с сохранением лишь тех скреп, которые легитимирует существующий политический режим.

Консервативное наполнение социального и политического пространства в современной России, связанное с обращением к историческим ценностям и привычным политическим институтам, обеспечивает консолидацию общества посредством формирования идентичности россиян лишь в краткосрочной перспективе. Для реализации стратегических задач необходимо формировать политическую систему с открытой социальной средой, эффективно функционирующими политическими институтами, развитым гражданским обществом и модернизаторски ориентированной политической элитой.

Баранова Т. В. (Нижний Новгород, НГУ им. Н. И. Лобачевского)

«НОВЫЕ МЕДИА» КАК ИНСТРУМЕНТ ПУБЛИЧНОЙ ПОЛИТИКИ В РФ

Активное развитие информационных технологий, которое происходит в мире, значительно меняет вектор развития, затрагивая все сферы жизни общества. Политическая сфера не является исключением. Ключевой особенностью российского политического процесса в условиях развития коммуникационно-информационных технологий в политической сфере является феномен сетевой политики, который из года в год набирает все большую популярность, а также использование политическими субъектами сетевых ресурсов, в том числе «новых медиа». Еще Мишель Фуко, рассуждая о роли информации писал, что современный человек существует не в мире, о котором у него есть какая-то информация, а в мире, который создан информацией¹⁰⁹.

Вопросам, связанным с влиянием современных социальных медиа, уделено немало внимания в научном сообществе. Одним из направлений исследований считается изучение влияния платформ поддержки социальных сетей и блогов на политические отношения и процессы как фактора, отражающего общественно-политическую действительность. В.В. Пашинская отмечает, что блоги и микроблоги есть «дискуссионная среда, в которой, как правило, не остаются без внимания общественно значимые события, в том числе связанные с политикой»¹¹⁰. К.Л. Зуйкина обращает внимание на то, что политическая коммуникация через Интернет является одной из главных форм политического участия. Блоги при этом — средство реализации виртуального участия в политической жизни. Обратная связь с источником информации, иллюзия моделирования информационного пространства и иллюзия непосредственного управления информацией рассматриваются, как источники влияния на пользователя социальных медиа¹¹¹. В западных исследованиях также поднимается вопрос о влиянии блогов и микроблогов на политический процесс. Д. Дрезнер и Г. Фаррелл рассматривают блоги и микроблоги как платформу, которая формирует политическую повестку дня на примере США¹¹².

Несмотря на то, что традиционные СМИ еще неокончательно потеряли свою популярность, интернет является лидером не только с точки зрения потребления информации, но и ее распространения. «Новые медиа» позволяют любому человеку стать не только объектом социальных медиа, социальных сетей, но и непосредственным актором.

В процессе информационного взаимодействия сетевые ресурсы «новых медиа» в сфере публичной политики имеют ряд особенностей: горизонтальные связи внутри коммуникационного пространства; простота взаимодействия между акторами сетевого пространства; выстраивание взаимоотношений по модели «от одного — ко всем», «от одного — к другому», «от многих — к одному»¹¹³.

При исследовании «новых медиа» в сфере публичной политики также следует изучить насколько востребованы социальные сети не обществом, а именно представителями российской политической элиты, которые используют социальные сети в качестве средства персонификации, то есть, создания личной страницы и дальнейшего формирования с помощью данной страницы своего имиджа. Несомненно, присутствие в интернете обеспечивает эффект личного присутствия политиков, создает ощущение близости власти с обществом, а также предполагает активную двухстороннюю коммуникацию с аудиторией социальных сетей. Однако в российском сегменте интернета политические партии и лидеры используют технологии web 2.0, что называет-

¹⁰⁹ Уэбстер Ф. Теории информационного общества. — М.: Аспект Пресс, 2004. С. 332.

¹¹⁰ Пашинская В.В. Модели политической коммуникации в виртуальной среде // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. 2014. №2. С. 240–243.].

¹¹¹ Зуйкина К.Л. Особенности блогинга в системе политической коммуникации России, США и Великобритании // Электронный научный журнал «Медиаскоп». 2015. №1.

¹¹² Farrell, H., Drezner, D. The power and the politics of blogs // Public Choice. Vol. 134. No. 1/2, Blogs, Politics and Power. 2008. pp. 15–30.

¹¹³ Володенков С.В. Социальные медиа как инструмент современной публичной политики: особенности и перспективы применения // Политическая наука. 2017, спецвыпуск.

ся «по остаточному принципу». Тем не менее, у интернет-технологий в России имеется большой потенциал в общественно-политической сфере жизни общества.

Таким образом, социальные медиа открывают новые возможности для гражданского участия в политике и становятся виртуальным инструментом общественного давления на реальные политические институты. «Новые медиа» приходят на смену институциональным, классическим формам воздействия на публичную сферу политики.

Барышникова А. Р., Козлова Е. (Московская область, Лицей МГИМО МИД РФ)

ОСОБЕННОСТИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ МОЛОДЫХ ПОЛИТОЛОГОВ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ: ВЗГЛЯД АБИТУРИЕНТА¹¹⁴

В рамках грантового проекта «Молодежные политологические организации как субъект формирования научных сетей» одной из вставших перед нами задач стал сбор эмпирической базы данных из сообществ «ВКонтакте», созданных молодыми исследователями-политологами. В частности, были рассмотрены группы таких организаций, как СМП РАПН, МолРОП, а также сообщества «Гражданин Политолог», «Лис политолог» и другие.

В ходе исследования было отмечено, что группы ориентированы, прежде всего, на активизацию сотрудничества именно в рамках участия в совместных конференциях, круглых столах. Совет молодых политологов РАПН и МолРОП публикуют множество объявлений о предстоящих мероприятиях и приглашений к участию на конференциях (в том числе и с докладом) других молодых исследователей. Также группы в социальных сетях крупных молодежных политологических сообществ помогают устанавливать контакты с журналами РИНЦ и ВАК тем, кто в этом заинтересован. Сообщества периодически печатают приглашения к публикации на таких площадках, как «Наука. me», «Записки молодых исследователей».

Таким образом, молодежные политологические сообщества в большей степени выполняют функцию «проводника» в мире политических наук. Именно при помощи них молодые политологи могут узнать о предстоящих мероприятиях, в последствие принять в них участие, и уже там высказать свою позицию.

В тоже время, молодые политологи относительно редко выражают свое мнение относительно политических событий. Возможно, учитывая задачи отдельных политологических сообществ — это оправданно. В тоже время, вероятно, было бы интереснее ознакомиться с позицией молодых политологов, чем с информационными постами о мероприятиях.

В некоторых группах были замечены скачки по просмотрам постов, на фоне ровных показателей репостов и лайков по всем публикациям в сообществах.

В смысле предоставляемого контента, особым кейсом является сообщество «Гражданин политолог». Там публикуются не только объявления о мероприятиях и ссылки на политологические статьи, но также появляется и информация о чисто политических информационных поводах. Соответственно, это расширяет целевую аудиторию группы.

Подводя итоги, можно отметить, что группы в социальных сетях, объединяющие молодых политологов, стремятся к активизации их взаимодействия посредством организации площадок для очной коммуникации молодых исследователей. Это действенный инструмент, но одними мерами по построению сетевого сообщества, активизации связей между акторами сети, не должны исчерпываться.

Бачурина М. А. (Санкт-Петербург, СПбГУ)

PR-ТЕХНОЛОГИИ В ПРЕДВЫБОРНЫХ КАМПАНИЯХ И ЭКОНОМИКА FAKE'A

Современный мир — это мир неощутимых активов; мир постмодерна и философии потребления; мир, в котором стирается граница между реальной и фэйковой информацией.¹¹⁵ Поэтому в таком мире огромное значение имеют методы продвижения идей, основанные на инструментарии маркетинговых коммуникаций

¹¹⁴ Тезисы подготовлены в рамках исследовательского проекта РФФИ и АНО ЭИСИ № 19-011-33052

¹¹⁵ Алиаскарова Ж. А. Новая экономика: от доминирования неощутимых активов к развитию бренда // Маркетинг MBA. Маркетинговое управление предприятием. — 2017. — Т. 8. — Вып. 3. — С. 36–47; Стратегический маркетинг / Под ред. Н. А. Пашкус. — М.: ЮРАЙТ, 2016. — С. 15–18.

(реклама, PR, вирусный маркетинг).¹¹⁶ В свете прошедших 8 сентября 2019 года губернаторских и муниципальных выборов в Санкт-Петербурге и Москве, особую актуальность приобретает рассмотрение PR-технологий, применяемых политическими акторами в рамках предвыборных кампаний.

В данной статье рассматриваются примеры, использованных на прошедших выборах, PR-технологий и их результативность. Политический PR включает в себя множественные методологии, призванные сформировать у избирателя необходимые мнения и стереотипы о политических партиях и деятелях. Целью этой работы является выявление наиболее эффективных методов формирования электоральных предпочтений в рамках анализа предвыборных кампаний и результатов последних по времени выборов.

Тщательный анализ результатов избирательных кампаний прошедших выборов в Москве и Санкт-Петербурге, а также анализ СМИ и Интернет-ресурсов приводит к следующим выводам:

Классические масштабные избирательные кампании на государственном телевидении и радио становятся все менее эффективными: на фоне постоянно повышающейся избирательности электората уровень доверия к провластным СМИ постоянно снижается;

Для современных избирательных кампаний должны применяться более тонкие и скрытые методы воздействия на избирателя, поскольку прямая агитация и жесткая подача информации могут вызывать массовый отказ от голосования;

Все отчетливее начинает проследиваться зависимость успеха PR-кампаний в рамках предвыборной гонки от креативности и новosti, применяемых менеджерами, методологий. Раньше успех находился в большой зависимости от бюджета, теперь же видео, записанное сторонником политического лидера или партии, выложенное на бесплатный видео хостинг YouTube, может возыметь гораздо больший эффект, нежели, очевидно проплаченные и неоправданно дорогие агитационные проекты;

На примере методологии «выдвижения драматизирующей альтернативы» можно увидеть, как уже многочисленно использованные методы и ходы перестают восприниматься электоратом и, как следствие, работать в принципе. Например, противопоставленный «Умному голосованию» на выборах в Мосгордуму «Список Ланового» (Народного артиста СССР), опубликованный многими провластными СМИ;

Так называемый, «чёрный PR» (явление, весьма распространенное в России 90-х и нулевых) в современной России может сыграть со своими инициаторами злую шутку, не окупиться и, кроме того, принести большие электоральные потери. Этот метод становится все более экономически невыгодным.

Таким образом, были выявлены наиболее передовые и экономически выгодные технологии и методологии, используемые менеджерами в современной политике в рамках предвыборных кампаний, а также проанализированы их основные плюсы и минусы на примерах прецедентов, произошедших на недавних муниципальных и губернаторских выборах в Москве и Санкт-Петербурге.

Башмаков И. С. (Краснодар, КубГУ)

Сущность и уровни политики территориальной идентичности

Территориальная идентичность — один из видов групповой идентичности человека, который заключается в принадлежности человека к сообществу, проживающему на определенной территории. Чувство территориальной принадлежности возникает по объективным причинам, из-за наличия общих для представителей группы хозяйства, истории, культуры, традиций, норм, территории и географических границ, а также соседей, которые воспринимаются носителями территориальной идентичности как представители других территориальных групп. Территориальная идентичность может иметь политический (государственно-гражданский) характер при условии наличия общих у жителей территории властных структур и механизмов, прав и обязанностей, а также связанных с ними политической культуры и ощущения гражданского единства. Политическая территориальная идентичность проявляет себя на надгосударственном, национальном, региональном и даже местном уровнях (уровень муниципальных образований).

Территориальные идентичности, как и другие виды коллективной идентичности, могут усиливаться сознательно и целенаправленно как представителями власти, так и представителями интеллектуальных кругов и гражданского общества, проживающими на определенной территории, с целью мобилизации территориальных групп, отстаивания территориальных прав и интересов, а также увеличения приверженности социально-политической системе, ограниченной определенным пространством. Политизация или даже радикализация территориальной идентичности происходит по причине ее недостаточного признания (например со стороны

¹¹⁶ Clow K.E., Baack D.E. Integrated Advertising, Promotion, and Marketing Communications. — 7th Ed. — L.: Pearson, 2019. — P. 386–388

национального центра), а также малой институционализации ее политических, экономических и культурных притязаний. Политика идентичности, то есть продвижение с помощью идеологических, информационных, образовательных методов территориальной принадлежности в качестве фактора формирования лояльности и политической легитимации присутствует в той или иной степени на всех уровнях территориальной идентичности.

Политика национальной (в значении государственной гражданской, а не этнической) идентичности присутствует в любой стране мира и заключается в продвижении с помощью инструментов символической, языковой, исторической и культурной политики государственной принадлежности, прежде всего со стороны органов национального государства и родственных с ним институтов, в качестве составляющей политической культуры и государственной лояльности. Так, многие страны в период становления национального государства проводили политику языковой и образовательной унификации с целью противостояния этническим и религиозным меньшинствам. Органы наднационального уровня также могут проводить политику идентичности, способствующую легитимации надгосударственных структур и идентификации с новым политическим сообществом. Меры по усилению европейской идентичности в Европейском Союзе (общее гражданство и образовательное пространство, единая валюта, официальные и неформальные символы) можно отнести к проявлениям политики наднациональной территориальной идентичности.

Политизация особенно характерна для субнациональной (региональной и этно-территориальной) идентичности. Региональные элиты, защищающие региональные интересы, а также общественные движения и партии, требующие увеличения политического влияния региона, его прав и перераспределения полномочий в пользу периферии, могут добиваться этих целей через усиление региональной принадлежности. Примерами в разные периоды новейшей истории могут служить Каталония, Шотландия, Корсика, Валлония, Баския, Квебек, Южный Тироль. К еще более радикальным примерам можно отнести Северную Ирландию, Курдистан, регионы Восточной Украины. Политика региональной идентичности свойственна регионам с устоявшейся институциональной средой и политическими институтами (для поддержания своей легитимности), так и тем территориям, которые только добиваются признания своей идентичности, институционализации своих притязаний и реформирования отношений с центром.

Локальные сообщества (города, села, районы, кантоны, департаменты и т. д.) благодаря наличию своей административной и политической системы (муниципальных органов и местной власти), общей для жителей экономической активности, локальной истории, мифов и образа жизни, передающихся из поколения в поколение, могут обладать своей идентичностью. Данная идентичность редко политизируется, но и она может приобретать политическую окраску (например в ситуации пренебрежения местными интересами со стороны региональных или национальных политиков). Иногда локальная идентичность может иметь культурный, религиозный или этнический оттенок, при условии наличия подобных отличий от других территорий, входящих в регион. В этом случае территориальная идентичность может не совпадать с административными границами муниципальных образований, располагаться внутри городов или сразу в нескольких административных образованиях (например, баскские кантоны во Франции или район Маленькая Италия в Нью-Йорке).

Безбородов М.И. (Петрозаводск, ПетрГУ)

ЛИБЕРАЛЬНЫЕ ПАРТИИ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ПЕРСПЕКТИВЫ ПРЕОДОЛЕНИЯ КРИЗИСА

Российские либеральные партии в настоящий момент находятся в тяжелом положении. Их роль в политическом процессе современной России незначительна и маргинальна, их деятельность находится на периферии партийной политики России. Они не представлены в Государственной Думе РФ и не оказывают значимого влияния на процесс принятия политических решений в России. На наш взгляд данное положение либеральных партий объясняется совокупностью институциональных и социокультурных факторов.

В России либерализм получил распространение на волне либерализации жизни общества в начале 90-х гг. XX века. Однако серьезный социально-экономический кризис перечеркнул дальнейшие возможности распространения либерализма и возможные успехи либеральных партий. Уже в середине 90-х гг. большинство избирателей отдавали предпочтение левым партиям. В начале XXI века стабилизация и рост экономики также не привела к росту числа сторонников либерализма и успеху правых либеральных партий. Вместо этого умы россиян захватили консервативные ценности, выразившиеся в первую очередь в ценностях стабильности и сохранения достигнутых успехов. Левые партии также не сдавали своих позиций, выступая за ценности равенства и солидарности, близкие гражданам России.

С начала 2000-х гг. правящая элита значительно усилила контроль за политической конкуренцией, введя серьезные институциональные ограничения на деятельность оппозиции. Новый федеральный закон о политических партиях 2001 года установил высокие требования к партиям, а избирательная система перешла к высокому 7% барьеру на выборах в Государственную Думу. Все эти меры серьезно ослабили либеральные партии, которые ко всему прочему оказались разобщены, а новое избирательное законодательство запретило избирательные блоки.

В ходе либерализации избирательного законодательства в 2011–2012 гг. институциональные ограничители были смягчены, однако либеральные партии были уже не способны навязать парламентским партиям серьезной борьбы. Политические ценности большинства россиян оказались не совместимы с программными тезисами либеральных партий. В то время как большинство россиян надеются на государство и готовы пожертвовать свободой ради порядка, либеральные партии наоборот считают, что государство необходимо ограничить. Кроме того, серьезный раскол, связанный с политическими позициями в области международных отношений, ставит либеральные партии в сложное положение. «Яблоко» и «Парнас» не признают присоединение Крыма, а «Партия Роста» хоть и признает присоединение, но не знакома пока большинству избирателей.

В крупных городах России у либеральных партий есть свой избиратель. Однако затяжная экономическая стагнация не прибавляет либеральным партиям избирателей. Патерналистские настроения россиян сильны. Возможно, что молодежь станет «заменителем» — вместо среднего класса именно молодежь станет общественной группой, голосующей за либералов. В условиях нарастания протестных настроений и политизации интернет-пространства, такой сценарий нельзя исключать. Важным вопросом станет преодоление раскола внутри либерального лагеря по вопросам внешней политики и патриотизма.

Грядущие в 2021 году выборы в Государственную Думу вряд ли принесут значительные перемены в партийный ландшафт России. Однако нарастание протестных настроений среди молодежи возможно создаст стимулы для правящей элиты создать конкурентную либеральную партию. Неплохой результат Михаила Прохорова на президентских выборах 2012 года говорит в пользу потенциального успеха новой либеральной партии в рамках своего политического сегмента российского общества.

Таким образом, перспективы будущего успеха либеральных партий связаны с изменением политических институтов в России и изменением ценностей россиян. Ценностный сдвиг кажется возможным только в результате смены поколений россиян. Институциональный сдвиг может быть связан с процессами демократизации политической системы России.

Белов Л. П. (Санкт-Петербург, СЗИУ РАНХиГС)

АКТУАЛИЗАЦИЯ ЕВРАЗИЙСКОГО ОБРАЗА СИЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА

В анализе теоретического наследия евразийцев, включая и современных их последователей — «новых евразийцев», посвященного осмыслению роли и места современного государства, важно, на наш взгляд, в первую очередь определить соотношение евразийских идей с новыми подходами к теоретическому осмыслению роли государства в XXI веке.

В современном отечественном научно-аналитическом сообществе сложилась достаточно противоречивая общая оценка евразийской доктрины как в философском аспекте, так и с позиций его практико-политического потенциала. С позиций политологического анализа важно выделить те социально-политические идеи и проекты евразийцев, которые с наших позиций вряд ли способствуют становлению современного эффективного государства в современной России, могут быть расценены как сомнительные или утопические по своей сути.

Это тем более важно, что современный социально-политический дискурс демонстрирует существенный плюрализм аналитических оценок как классического евразийства, так в особенности и приверженцев современного поколения сторонников этой теории — «нового евразийства». По мнению ряда исследователей, содержание работ одного из наиболее известных евразийцев настоящего времени А. Дугина демонстрируют идею цивилизационной самодостаточности современной России, замешанной на исторической иллюзорности.¹¹⁷ Авторы либерального направления видят в активизации государственных идей евразийства стремление реанимировать социалистическое государство эпохи СССР.¹¹⁸

¹¹⁷ Коргунов С. В. Евразийство: национальная идея или химера? [Электронный ресурс] // Золотой Лев. 2006. № 77–78. URL: http://www.zlev.ru/77_130.htm (дата обращения: 09.05.2019)

¹¹⁸ Малашенко А. В. Путин: гражданин президент или господин президент? [Электронный ресурс] // Независимая газета. 19 марта 2013. URL: http://www.ng.ru/ng_politics/2013-03-19/14_window.html (дата обращения: 24.06.2019)

Если попытаться сосредоточить внимание на особенностях политико-правовых и социальных суждений евразийцев, имеющих отношение к самой идее сильного государства, то в первую очередь следует выделить принципиальные положения, касающиеся общего характера и типа предполагаемого евразийского государства: речь идет о понятиях идеократии, идеократического государства и «идеи-правительницы» в первую очередь Н. Трубецкого. Система его рассуждений об идеократическом государстве» вытекает из наиболее близкой ему идеи о том, что вся история нашей страны есть вечный поиск «идеального государства» справедливости и высокой нравственности. Здесь же уместно вспомнить еще об одной известной идее евразийцев, тесно связанной с постулатом об идее-правительнице, — автаркии, особом пути России, а также тезис евразийцев о решающей роли в строительстве государства и управлении обществом некоего «правлящего слоя», и т. п.¹¹⁹ Эти идеи пришлось как нельзя весьма кстати в послекрымский период современной истории России, они продолжают активно осуждаться в рамках официального дискурса в рамках текущей политики «импортозамещения».

В целом оценивая основания евразийской модели государства, можно констатировать, что достоинства подобного государства базируется в первую очередь на идейно-нравственных основаниях. С наших позиций вряд ли будет верным рассуждать о какой-либо законченной модели сильного государства в трактовках классических и «новых евразийцев». Точнее можно говорить о философских и морально-нравственных основаниях предполагаемого ими государства, нежели о его политологических характеристиках.

В евразийской теории прежде всего обращает на себя внимание разработка и продвижение самой идеи, образа сильного государства и эффективной власти в стране, построенных на началах справедливости и в интересах всего общества. Морально-ценностные аспекты воззрений евразийцев относятся к числу наиболее ярко и убедительно раскрытых в их произведениях. Думается, что эти суждения важны и имеют значение в концептуализации современного отечественного сильного государства. Именно поэтому, например, так важен для современных исследователей постулат евразийцев о примате духовно-нравственных оснований современного сильного государства над стремлением строить его исключительно на системе идеальных законодательных норм.

В тех же случаях, когда мы обращаемся к анализу иных евразийских постулатов, таких как идеократическое государство, мессианский синдром евразийства, автаркия как форма государственного бытия и т. п., то, на наш взгляд, подобные атрибуты евразийского учения принадлежат большей частью своему историческому времени.

Белов С. И. (Санкт-Петербург, СПбГУ)

«СМЕРТЬ СТАЛИНА»: ПЕРСПЕКТИВЫ ЗАПАДНОГО ИСТОРИЧЕСКОГО КИНОНАРРАТИВА В СВЕТЕ ОПЫТА ФИЛЬМОВ «ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ»¹²⁰

В начале 2018 г. отзыв прокатного удостоверения у кинокомедии «Смерть Сталина» стал одним из ключевых элементов общественно-политической медиаповестки в России. Решение Министерства культуры РФ породило общественную дискуссию, однако ее суть достаточно быстро переместилась в ценностную плоскость. В результате вопрос о том, способна ли потенциально кинокартина такого рода как-либо повлиять на массовые настроения или мировоззрения широких слоев населения, оказался вне рамок обсуждения.

Традиция негативного (в том числе юмористического) позиционирования И. В. Сталина давно присутствует в российском кинематографе (достаточно вспомнить дилогию «Утомленные солнцем-2» Н. С. Михалкова, «Ближний круг» А. С. Кончаловского, «В круге первом» Г. А. Панфилова, «Дети Арбата» А. А. Эшпая, «Хрусталев, машину» А. Ю. Германа и пр.). Работы российских режиссеров во многом основываются на наследии американских кинематографистов периода «холодной войны». В качестве примера можно привести не только ленты, претендующие на драматизм (такие, как «Заговор с целью убить Сталина» Дж. Франкенхаймера или «Николай и Александра» Ф. Шеффнера), но и комедию-фарс «Красный монарх» Дж. Голда. Западные фильмы, посвященные фигуре И. В. Сталина, начали массово распространяться в России еще в начале 1990-х гг. При этом отечественные кинокартины на сходную тематику не представляли альтернативы для них: подавляющее большинство российских кинематографистов закладывало в свои произведения те же оценки и смыслы, что и их американские предшественники.

Согласно результатам исследования, проведенного ВЦИОМ в июне 2017 г., 90% совершеннолетних граждан России осведомлены о репрессиях, осуществленных И. В. Сталиным. 43% россиян полагают, что ста-

¹¹⁹ Трубецкий Н. С. Мысли об автаркии // Трубецкий Н. С. Избранное. М.: Росспэн, 2010. — С 521–522.

¹²⁰ Публикация подготовлена в рамках поддержанного Российским научным фондом научного проекта № 18-18-00233 «Кинообразы советского и американского врагов в символической политике Холодной войны: Компаративный анализ».

линские репрессии были вынужденной мерой, которая дала политическому руководству обеспечить порядок в обществе (данный вариант ответа выбрали в том числе 33% респондентов, чьи родственники пострадали в 1930-х—1940-х гг.). Лишь 33% оценили репрессии как несправедливые¹²¹.

Опрос, проведенный ВЦИОМ в июле 2017 г., показал, что 62% совершеннолетних россиян поддерживают идею размещения мемориальных знаков, содержащих информацию о достижениях и заслугах И.В. Сталина. Одновременно 65% опрошенных высказались против установки мемориальных объектов, указывающих на неудачи или преступления вождя. 59% участников опроса высказались против установки памятных знаков нейтрального характера¹²². 42% респондентов сообщили о том, что позитивно отреагировали бы на появление на соседнем доме мемориального знака, посвященного И.В. Сталину (против 21% опрошенных, выбравших противоположный вариант)¹²³.

Идея создания мемориальных объектов, «прославляющих государственные успехи Сталина», нашла наибольшую поддержку среди молодежи. Доля положительных ответов внутри возрастной группы 18–24 лет была зафиксирована на уровне 77%. В возрастной группе от 30 до 60+ лет этот показатель колебался в пределах от 53% до 63%¹²⁴.

Россияне, и в первую очередь — молодежь, мало восприимчивы к критике в адрес И.В. Сталина. Появление на экранах российских кинотеатров «Смерти Сталина» или иных фильмов данного плана неспособно существенно повлиять на восприятие гражданами РФ соответствующего исторического периода.

Согласно результатам опроса, ВЦИОМ за февраль 2018 г., 70% респондентов считают, что национальная история не должна служить в качестве предмета для шуток. 65% также полагают недопустимым высмеивание ныне покойных исторических деятелей. Даже если учесть, что существенная часть респондентов дала социально одобряемый ответ, доля граждан, не приемлющих кинонарратив такого рода, все равно остается более чем существенной. Таким образом, круг аудитории, доступный для кинокартин, подобных «Смерти Сталина», автоматически сужается, в силу чего их потенциал воздействия значительно падает¹²⁵.

Отзыв прокатного удостоверения у данного фильма представляется избыточной мерой, которая во многом способствовала росту внимания к этой кинокартине. Блокирование демонстрации фильма способствовало включению в повестку дня вопроса об использовании двойных стандартов: российские режиссеры начали позиционировать «отца народов» в гротескном виде задолго до появления комедии «Смерть Сталина».

Белый В. А. (Санкт-Петербург, НИУ ИТМО)

К ВОПРОСУ О ПЕРСПЕКТИВАХ РАЗВИТИЯ ЭЛЕКТРОННОГО УЧАСТИЯ ГРАЖДАН В ГОСУДАРСТВЕННОМ УПРАВЛЕНИИ

Вовлечение граждан в принятие политических решений посредством современных технологий имеет два противоположно направленных вектора развития, которые влияют на процесс становления гражданского общества в России. Что же определяет такую специфическую форму общественного и политического участия граждан в государственных процессах как электронное участие, которое является новым механизмом взаимодействия власти и общества, неотъемлемой частью электронной демократии?

С одной стороны, в стране активно развиваются средства коммуникации: более 75% населения России пользуется интернетом и из года в год этот показатель растет¹²⁶, а уже в 2019 году была запущена первая тестовая сеть 5G¹²⁷. Развитие систем коммуникации способно объединить регионы страны и воздействовать на исторически сложившуюся данность, согласно которой политическую обстановку в стране определяет ситуация в крупнейших городах: Москве и Санкт-Петербурге. Уже сейчас локальные протесты благодаря социальным сетям, мессенджерам и иным технологичным средствам коммуникации становятся широкоизвестными в других регионах страны. Так, очень резонансным стали протесты против строительства храма в Екатеринбурге

¹²¹ Сталинские репрессии: преступление или наказание? URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116301> (дата обращения: 09.02.2019).

¹²² Память о Сталине: за и против. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116323> (дата обращения: 09.02.2019).

¹²³ Там же.

¹²⁴ Там же.

¹²⁵ Ирония истории, или можно ли смеяться над смертью Сталина? URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=8947> (дата обращения: 09.02.2019).

¹²⁶ Исследование GfK: Проникновение Интернета в России // Groth from knowledge [15.01.2019]. URL: <https://www.gfk.com/ru/insaiya/press-release/issledovanie-gfk-pronikновение-interneta-v-rossii/> (дата обращения 30.08.2019).

¹²⁷ В Кронштадте запустили первую в России сеть 5G // Российская газета [30.08.2019]. URL: <https://rg.ru/2019/08/30/reg-szfo/5g-ohvatila-kronshtadt-celikom.html> (дата обращения 30.08.2019).

в мае 2019 г.¹²⁸. Современные средства коммуникации сыграли ключевую роль в развитии и организации акций протеста, а затем помогли властям учесть мнение населения и урегулировать конфликт посредством, в том числе, электронного участия граждан. В результате протестов последовала реакция на общегосударственном уровне; в своем выступлении на медиафоруме «Правда и справедливость» в июле 2019 г. президент В. Путин сформулировал поручение «рассмотреть вопрос о повышении открытости информации при реализации программ по благоустройству дворовых и общественных территорий, включая опубликование планов благоустройства территорий»¹²⁹.

На подобных примерах население видит свою возможность влиять на власть и политику. Эксперты отмечают¹³⁰, что во многом такое отношение определяют альтернативные источники информации, которые заявляют о несправедливости и предлагают конкретные варианты воздействия. Сейчас около 50% граждан готово выражать свои политические требования для изменения условий к лучшему путем подписания открытых писем и петиций, обращений в органы исполнительной власти,¹³¹ что определяет запрос на развитие электронного участия.

С другой стороны, наблюдается тенденция, негативно влияющая на перспективы электронной демократии и электронного участия граждан. Происходит ужесточение контроля за онлайн-средой и предпринимаются попытки властей по ограничению информационно-коммуникационной среды вплоть до создания суверенного интернета. Прозрачность электронной демократии и эффективность электронного участия граждан в таких условиях едва ли возможна.

Таким образом, определяющую роль в развитии электронного участия играет не специфика применяемых в стране технологий, а социально-политическая и экономическая обстановка в стране. Сегодня развитие электронного участия выгодно как гражданам, независимо от их политических убеждений, так и власти, для которой этот канал обратной связи может быть механизмом регулирования политического поля, «клапаном выпуска пара» общественного недовольства и реальным инструментом воздействия на общество. Из-за постепенного замещения поколений граждан, родившихся в условиях тоталитарной командно-административной системы, молодежью, привыкшей открыто заявлять о своих требованиях и интересах, власть неминуемо столкнется с ростом спроса на электронное участие.

Беляева В. П. (Москва, ГБОУ Школа № 97)

ВНЕШНЯЯ МОЛОДЕЖНАЯ МИГРАЦИЯ КАК АКТУАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА

Насущность темы исследования обусловлена тем, что именно молодежь является самой многочисленной группой в доле мигрантов в современном мире¹³². Востребованы поиски решений ее уменьшения, в том числе в политологическом ключе.

В.Ц. Худавердян, небезосновательно акцентирует внимание на том, что, «...во-первых, миграция — проблема вечная, постоянный спутник природных и социальных трансформаций, во-вторых, миграционные процессы являются неразрывной частью социально-политического развития современного мира»¹³³.

В.М. Вагайцев полагает, что «Причины массового переселения различны. Среди них наиболее главными являются экономическая, демографическая, социальная, культурная и, особенно актуальная в последнее время, причина личной безопасности. Мечта о лучших возможностях и спрос на рабочие руки за рубежом побуждают многих молодых людей решиться на миграцию»¹³⁴.

¹²⁸ Протесты против строительства храма в центре Екатеринбурга // Медиазона [18.05.2019]. URL: <https://zona.media/chronicle/ekbprotest> (дата обращения 30.08.2019).

¹²⁹ Перечень поручений по итогам пленарного заседания VI медиафорума независимых региональных и местных средств массовой информации «Правда и справедливость» // Президент России [20.07.2019]. URL: <http://kremlin.ru/acts/assignments/orders/61081> (дата обращения 30.08.2019).

¹³⁰ Каждый пятый россиянин поверил в свое влияние на решения властей // Левада-центр [22.08.2019]. URL: <https://www.levada.ru/2019/08/22/kazhdyj-pyatyj-rossiyanin-poveril-v-svoe-vliyanie-na-resheniya-vlastej/> (дата обращения 30.08.2019).

¹³¹ Гражданская активность // Левада-центр [13.02.2019]. URL: <https://www.levada.ru/2019/02/13/grazhdanskaya-aktivnost/> (дата обращения 30.08.2019).

¹³² Кониная Я. А. Молодежная миграция: причины и последствия // Актуальные проблемы взаимодействия общественности с органами государственной власти и органами местного самоуправления: Материалы IV Всероссийской научно-практической конференции. Редколлегия: Г. П. Кулешова [и др.]. 2019. Саранск 22 ноября 2018 г. Саранск: ООО «ЮрЭксПрактик», 2019. С. 61.

¹³³ Худавердян В. Ц. Молодежная миграция в современном мире: причины и следствия // Знание. Понимание. Умение. 2012. №2. С. 148.

¹³⁴ Вагайцев В. М. Проблемы миграции молодежи на Запад // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. 2016. № 14–2. С. 101.

К. В. Чернова приводит следующие причины толкающие молодежь к миграции: «...самыми значительными факторами эмиграции молодого поколения из Российской Федерации являются рейтинги рынка жилья и труда, доходы на душу населения, демографические показатели в силу того, что восприимчивость эмиграции молодых людей к перечисленным факторам выше, чем к остальным показателям и индексам...»¹³⁵.

Н. И. Дунаева с исследовательских позиций отмечает, что «О полном многообразии и сложном характере международной миграции молодежи известно очень мало. Имеющиеся данные весьма немногочисленны и разрозненны в силу того, что на протяжении многих лет в международной статистике к мигрантам относили лишь мужчин работоспособного возраста, а женщины и молодежь считались только членами их семей. В настоящее время во многих странах осуществляется сбор информации о молодых людях, однако она не всегда анализируется и может быть представлена в доступной форме»¹³⁶.

С. В. Рязанцев и А. С. Лукьянец предлагают следующие способы решения проблемы: «Во-первых, движения государственных институтов, представляющих Россию за рубежом (посольства, консульства, представительства, фонды и пр.) «навстречу» соотечественникам, в том числе временно проживающим за границей — поддержка их культурных, социальных и экономических инициатив. Во-вторых, меры, направленные на развитие инвестиционного климата, налоговой системы, облегчения условий ведения бизнеса внутри России. Это могло бы дать перспективы для жизни, работы и развития бизнеса в России многим тем, кто настроен на работу или эмиграцию за границу»¹³⁷.

Таким образом, молодежь является строительным материалом для создания элиты государства, поэтому важной задачей является привлечение ее к государственному управлению, а, следовательно, формирование устойчивых жизненных позиций карьерного роста в родной стране. Это в определенной мере решаемая задача для государственных, общественных, научных и образовательных структур в кратко- и среднесрочной перспективах.

Беляева Н. М. (Пермь, ПГНИУ)

ГОСУДАРСТВЕННАЯ МОЛОДЕЖНАЯ ПОЛИТИКА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ЕВРОПЕЙСКОГО ОПЫТА

Европейское сообщество актуализировало необходимость разработки и проведения молодежной политики как отдельного курса еще в конце 1960-х гг., после так называемых «молодежных бунтов», которые показали, что молодежь выступает самостоятельной социальной группой, требующей к себе особого внимания со стороны власти.

В настоящее время молодежная политика Европейского союза является одной из наиболее целостных моделей работы с молодежью, в рамках которой особое внимание уделяется развитию процессов европейской интеграции и формированию европейского молодежного самосознания, повышению уровня образования молодежи, воспитанию и развитию толерантности, инициативности, ориентации на взаимопомощь, солидарности, мобильности, гибкости, включенности в общественную жизнь и активной гражданской позиции на основе единых общепризнанных демократических ценностей.

Ценностная и содержательная основа европейской молодежной политики на современном этапе определяется такими документами, как Белая книга «Новые стимулы для молодежи Европы» (2001 г.)¹³⁸, Европейский пакт в сфере молодежной политики (2005 г.)¹³⁹, Коммюнике Европейской Комиссии «Поддержка полноценного участия молодых людей в сфере образования занятости и обществе» (2007 г.), Обновленная рамочная стратегия «EU Strategy for Youth — Investing and Empowering» на 2010–2018 гг. и др., которые определяют следующие ее приоритеты: расширение участия молодежи в общественной жизни, повышение уровня ее информированности и осведомленности в вопросах европейской интеграции и развития Европейского союза, формирование

¹³⁵ Чернова К. В. Модель миграции молодежи из России // Научно-технический прогресс: актуальные и перспективные направления будущего: Сборник материалов IV Международной научно-практической конференции. Западно-Сибирский научный центр. Кемерово, 30 ноября 2016 г. Кемерово: ООО «Западно-Сибирский научный центр», 2016. С. 331.

¹³⁶ Дунаева Н. И. Международная миграция молодежи: мировые и российские тенденции, проблемы и задачи // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2009. № 4. С. 120.

¹³⁷ Рязанцев С. В., Лукьянец А. С. Эмиграция молодежи из России: факторы, формы и последствия // Научное обозрение. Серия 1: Экономика и право. 2015. № 4. С. 17.

¹³⁸ European Commission White Paper «A New Impetus for European Youth». Brussels, 21.11.2001. COM (2001) 681 final [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://ec.europa.eu/youth/whitepaper/download/whitepaper_en.pdf.

¹³⁹ Activities of the European Union. Summaries of Legislation. Youth Programme [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://europa.eu/scadplus/leg/en/cha/c11081.htm>.

более активной гражданской позиции, повышение качества обучения и профессиональной подготовки, улучшение возможностей для мобильности, профессиональной занятости и социальной включенности молодых европейцев, укрепление здоровья и развитие волонтерства.

Данные приоритеты работы с молодежью в совпадают с задачами и направлениями молодежной политики, которая реализовывалась в России до середины 2010-х гг. на основе Стратегии государственной молодежной политики 2006 г., приоритетами которой выступали «системное вовлечение молодежи в многообразные социальные практики и развитие навыков самостоятельной жизнедеятельности молодых жителей страны; выявление, продвижение, поддержка активности и достижений молодежи в социально-экономической, общественно-политической, творческой и спортивной сферах; интеграция молодых людей, оказавшихся в трудной жизненной ситуации, в жизнь общества»¹⁴⁰. С середины 2010-х гг. молодежная политика в России стала рассматриваться государством как политический курс, направленный на **«гражданско-патриотическое и духовно-нравственное воспитание молодежи**, расширение возможностей для эффективной самореализации молодежи и повышение уровня ее потенциала в целях достижения устойчивого социально-экономического развития, **глобальной конкурентоспособности, национальной безопасности страны, а также упрочения ее лидерских позиций на мировой арене»**¹⁴¹.

Данное понимание приоритетов в работе с молодежью, заложенное в нормативно-правовых документах, вступает по сути в «невидимое противоречие» с ценностной основой европейской молодежной политики и ставит под сомнение возможность выстраивания эффективного международного сотрудничества в данной сфере. Поскольку, хотя духовно-нравственное и гражданско-патриотическое воспитание с философской и морально-этической точек зрения и не противоречат демократической политической культуре, но с конкретно-политической (принятой в современной России) — несут в себе конфликтный потенциал по отношению к европейскому сообществу.

С 2006 г. взаимодействие России и Европейского союза в сфере молодежной политики выстраивается на основе Рамочных программ сотрудничества, которые в числе основных приоритетов сотрудничества определяют «вовлечение молодежи в социальную практику; развитие прав человека, демократии и формирование демократической гражданственности; межкультурного диалога; работу с молодежью, неформальное образование и переход молодежи к трудовой деятельности»¹⁴². В настоящее время основными проектами сотрудничества выступают: Международный молодежный форум «Евразия Global», Международный молодежный лагерь «Диалог», Молодежная кампания за права человека в сети Интернет «Движение против ненависти», Программа «Общественный дипломатический корпус» и др.

Таким образом, нормативно-правовая основа молодежной политики и сотрудничества Европейского союза и России определяет такие приоритеты, как формирование межкультурного диалога в молодежной среде на основе демократической политической культуры и либеральной системы ценностей, расширение вовлеченности молодых граждан и молодежных организаций в процессы социально-экономического и политического развития государств, а также сотрудничество в сфере образовательной и молодежной политики. Даная система приоритетов соответствует пониманию ценностей работы с молодежью в Европейском союзе и определяет содержание проводимых проектов и мероприятий. Участие российской молодежи в подобных проектах способствует ее гражданскому становлению, социальной самостоятельности и ответственности, что чрезвычайно важно для эффективного развития государства. Однако, дальнейшая трансформация понимания сущности молодежной политики российским государством в сторону патриотического крена может привести к еще более серьезному противоречию с ценностями европейской молодежной политики и в целом поставить под сомнение выстраивание эффективного сотрудничества с институтами Европейского союза в молодежной среде.

Березкина О. С. (Москва, МГУ имени М. В. Ломоносова)

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДУМА VS ПАРЛАМЕНТЫ ЗАПАДНЫХ СТРАН: МИРОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И РОССИЙСКИЙ ОПЫТ

Соотнесение деятельности российского парламента и парламентам западных стран занимает важное место в оценке перспектив политического развития России. Политологи справедливо отмечают общую для западных

¹⁴⁰ Стратегия государственной молодежной политики в Российской Федерации до 2016 г.

¹⁴¹ Распоряжение Правительства РФ от 29.11.2014 г. «Основы государственной молодежной политики РФ на период до 2025 г.». Режим доступа: <http://base.garant.ru/70813498/>.

¹⁴² (Рамочная) Программа сотрудничества между Министерством образования и науки РФ и Советом Европы о сотрудничестве в сфере молодежной политике на 2014–2018 гг. Режим доступа: http://youthrussia.ru/wp-content/uploads/2016/10/Signed-FP-RF-CE_Rus-2014-2018-.pdf.

стран тенденцию снижения роли парламентов в политическом процессе, экспансию исполнительной власти, сложность осуществления функции представительства социальных интересов непривилегированных групп населения, безусловность контролирующей функции парламентов, тенденцию к персонализации власти. Как отмечает М. Доган, «власть персонализируется в большинстве независимых наций, несмотря на институциональные рамки, принятые везде».¹⁴³ Некоторые отечественные авторы констатируют даже деградацию представительных институтов в западных демократиях. Так, В. А. Ачкасов считает, что демократические государства сегодня движутся в сторону президенциализации даже при отсутствии формальных институциональных изменений; соответственно России не следует пытаться имитировать устаревшие образцы.¹⁴⁴ Функционирование Государственной Думы, не выполняющей должным образом контролирующую функцию в отношении исполнительной власти, целиком зависящей от президента, определяющего политический курс, проще всего было бы трактовать «в русле» отмеченных тенденций, если бы не было усугубляющих их принципиальных отличий российского политического режима от систем западных стран.

Современная Россия характеризуется «сверхвозвышением» исполнительной власти, формированием персоналистского политического режима в условиях крайней слабости партийной системы и несамостоятельности «партии большинства» (она, в отличие от реальных доминантных партий, не контролирует исполнительную власть, не формирует правительство и не имеет возможности самостоятельно разрабатывать и осуществлять программу развития страны). К этому следует добавить слабость гражданского общества, индифферентность большинства населения в отношении всех видов гражданского и политического участия (актуальный момент протестная активность основную массу населения не затрагивает), доминирование официальной линии в основных средствах массовой информации, традиционные особенности политической культуры России, не способствующие укреплению парламентских форм. В условиях, когда парламент превратился в «приводной ремень» президентской власти, снижается его основная — легитимирующая — роль, сводятся на нет функции политической социализации и коммуникации, слабо выполняются функции представительства интересов и рекрутирования элиты. Прямые параллели с ситуацией в западных странах не являются в этом случае адекватными. В России парламент подчинен президенту с помощью имитации системы с доминантной партией, когда «Единая Россия» обеспечивает бессменное парламентское большинство, политическую стабильность и поддержку, но не обладает реальной властью и не выполняет ключевую для таких систем функцию развития.

В западных странах, несмотря на отмеченные выше негативные тенденции, парламенты остаются важнейшим системообразующим фактором сохранения и воспроизводства либерально-демократической модели. Законодательная власть не является основным субъектом принятия решений, однако она обеспечивает представительство интересов граждан, является препятствием для «цезаристских» устремлений, играет важную роль в сохранении гражданских и политических свобод, воплощает «вертикальную демократию», при которой, несмотря на доминирование элит, народ имеет определенные возможности повлиять на политический курс. Что касается современной России, то на сегодняшний день консервация сложившихся политических отношений не позволяет оценивать перспективы парламентаризма в позитивном ключе. Деградация парламента происходит в условиях, когда иные регуляторы, характерные для либерально-демократической модели, работают слабо или не работают вообще. Оценка жизнедеятельности парламента невозможна без соотнесения с общими параметрами политического развития, выбор которых сегодня осуществляется преимущественно в пользу нелиберальных политических форм. Будущее российского парламента связано с выработкой более адекватного, нежели сейчас, баланса между демократическими нормами, учетом опыта других стран, собственными традициями и политическими целями российской власти. Главным же фактором повышения значимости парламента может стать только эволюция политического режима.

Беспалов С. В. (Москва, РАНХиГС при Президенте РФ)

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ МЕЖДУ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТЬЮ И БИЗНЕС-АССОЦИАЦИЯМИ В ИМПЕРСКОЙ И ПОСТСВЕТСКОЙ РОССИИ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

В России конец XIX — начало XX века и конец XX — начало XXI века явились двумя периодами становления/возрождения капиталистических отношений, институционализации предпринимательских организаций

¹⁴³ Dogan M. Introduction // Dogan M. (ed.) *Elite Configurations at the Apex of Power*. Leiden, Boston: Brill, 2003. P. 13

¹⁴⁴ Ачкасов В. А. Транзитология — научная теория или идеологический конструкт? // *Политические исследования*. 2015. № 1. С. 32

и их взаимодействия с властными структурами. Эти два периода характеризуются высоким уровнем ведомственной разобщённости (в особенности до 1905 г. в рамках первого периода и до начала 2000-х гг. в рамках второго периода), в результате чего предпринимательским организациям зачастую приходилось иметь дело не с консолидированной позицией государственной власти даже по ключевым вопросам экономической политики, а с существенно различными (иногда противоположными) подходами ведомств. Проведённый диахронный анализ подтверждает, что специфика взаимодействия бизнеса и власти в значительной степени определяется характером организации государственной власти, в целом, и степенью её централизации/фрагментации, в частности, поскольку это является ключевым фактором фрагментации либо консолидации интересов бизнеса и форматов его взаимодействия с государством.

Говоря о направленности и характере трансформации взаимоотношений власти и ассоциированного бизнеса, следует прежде всего отметить характерную для обоих периодов тенденцию к росту значения *межотраслевых* бизнес-ассоциаций. В Российской Империи в 1905–06 гг. межотраслевые объединения промышленников и предпринимателей возникают на базе отраслевых союзов, а отчасти и региональных предпринимательских ассоциаций, причём это произошло скачкообразно — после октября 1905 года. В рамках второго анализируемого периода отраслевые и межотраслевые объединения предпринимателей *изначально* сосуществовали (возникают параллельно в начале 1990-х гг.); однако до начала 2000-х гг. первые являлись существенно более влиятельными. Рост значения последних происходил постепенно на протяжении 2000–2010-х гг., во многом вследствие изменения позиции государственной власти, для которой взаимодействие с общенациональными межотраслевыми бизнес-союзами, прежде всего РСПП, стало предпочтительным форматом.

Взаимодействие с государственной властью предпринимательских объединений, с одной стороны, и монополий/олигополий (либо крупнейших корпораций и банков в постсоветской России) с другой стороны, в рамках каждого из рассмотренных периодов являлось двумя каналами взаимодействия бизнеса и власти. В рамках первого периода, вплоть до 1905–06 гг., эти два формата взаимодействия в большинстве случаев конкурировали между собой. После 1905 г. конкуренция не исчезла полностью, однако со второй половины 1900-х гг. представители монополий стараются войти в руководство крупнейших бизнес-ассоциаций и, в некоторых случаях, не просто преуспевают в этом, но и отчасти подчиняют их своим интересам. В рамках второго рассмотренного периода не отмечалось ярко выраженной конкуренции двух указанных форматов взаимодействия власти и бизнеса. В то же время, если во второй половине 1990-х гг. «олигархи» оказывали серьёзное воздействие на политику государственной власти, в то время как влияние бизнес-ассоциаций было сравнительно невелико (несмотря на значительную активность некоторых из них в публичном пространстве), то 2000-е годы ознаменовались сокращением влияния крупнейшего частного бизнеса на власть; в то же время именно в это время происходит превращение РСПП в представительство интересов прежде всего крупного бизнеса благодаря вхождению его представителей в руководство Союза.

Говоря об участии ассоциированного бизнеса в политическом процессе, отметим общую тенденцию, характерную для обоих рассматриваемых периодов (в первом случае речь идёт об этапе после 1905 г., когда была провозглашена свобода союзов и появилось народное представительство): от попыток создания открыто предпринимательских партий (Торгово-промышленная партия в 1905–06 гг.; Гражданский союз и др. в постсоветской России) — к наращиванию представительства объединённого бизнеса в иных политических партиях, по мере того как бесперспективность завоевания собственно предпринимательскими партиями широкой поддержки избирателей становилась очевидной.

Для России конца XIX столетия было характерно преобладание временных (созданных под решение конкретной задачи) форматов взаимодействия предпринимательских объединений и государственной власти (например, участие представителей бизнес-союзов в специальных межведомственных совещаниях, ходатайства представителей торгово-промышленных кругов по различным вопросам экономического развития и экономической политики). Ситуация начинает меняться в последние годы XIX столетия, перелом же происходит после 1905 г., когда создаются постоянные формы совместной работы представителей бизнес-ассоциаций и вновь созданного Министерства торговли и промышленности. В постсоветской России 1990-х — начала 2000-х гг. можно отметить неявно выраженную тенденцию повышения значимости устойчивых форм взаимодействия сравнительного с ситуативными; в 2000-х—2010-х гг. данная тенденция становится очевидной и сопровождается существенным увеличением числа площадок взаимодействия представителей власти и ассоциированного бизнеса. В последние годы наблюдается стремление власти создавать временные форматы взаимодействия в целях решения отдельных ключевых проблем, причём эта тенденция обычно характеризуется представителями властных структур как развитие проектного подхода во взаимодействии с бизнесом.

РАСКОЛ УКРАИНСКОГО ПРАВОСЛАВИЯ: ЗАМЕЩЕНИЕ РЕЛИГИОЗНОГО ДИСКУРСА НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКИМ

Одним из текущих глобальных трендов становится проникновение религии, религиозного фактора в сферу политики. Связь религиозного и политического имела разные формы, особенности, приводила к различным результатам. (Баранов, 2019)

Наше исследование ограничено православием и его отношением к проблеме национальной идентичности. Актуальность темы обусловлена политическими событиями на Украине, где религиозность была внесена в политический дискурс как один из элементов, определяющих политическую повестку во время избирательной кампании.

Религиозная раздробленность внутри Украины, особенно внутри православной общины, по мнению исследователей, является фактором, препятствующим национальной консолидации и построению новой украинской национальной идентичности (D'anieri P, 2018).

В это же время религиозный вопрос (отделение Православной Церкви Украины (ПЦУ) от Украинской Православной Церкви Московского Патриархата (УПЦ МП) стал дополнительным мотивом противопоставления собственного образа образу Другого (в контексте национального строительства). Катализатором данного процесса стала политическая воля предыдущего президента Украины Петра Порошенко, который активно использовал «Томос» в собственной предвыборной кампании (Лункин, 2018).

Таким образом, целью нашего исследования является выявление взаимодействия религиозного и национального в политическом пространстве современной Украины. В то же время мы анализируем еще один исторический прецедент, обращение к которому присутствовало в аргументах обеих сторон во время конфликта — установление автокефалии Русской Церкви.

Это событие берет свое начало во Флорентийской унии — одной из самых противоречивых страниц восточного христианства (Задохин, 2009). Объединение православной и католической церквей, продиктованное политическими целями папы Евгения и византийского императора Иоанна VIII Палеолога, не было принято большинством православного духовенства, а также простых верующих. Однако если мы сосредоточимся на периферии православного мира, то увидим, как этот документ стал первым шагом на пути к созданию независимого Московского Патриархата.

Работа поднимает вопросы следующего характера: как в эпоху постмодернового национализма православные сторонники «национально-религиозного освобождения» обосновывают свои собственные убеждения, как эти убеждения соотносятся с основами христианской морали, выраженными в словах апостола Павла, одного из основоположников христианства как религиозной организации: «Ибо все мы одним Духом крестились в одно тело, Иудеи или Еллины, рабы или свободные, и все напоены одним Духом» (1 Кор. 12:13), что отличает автокефалию Русской Православной Церкви от автокефалии Православной Церкви Украины с точки зрения националистического дискурса.

В работе анализируются материалы украинских СМИ, занимающих высокие позиции в рейтинге СМИ по аудитории, публичные высказывания политиков, лидеров общественного мнения, так или иначе связанные с данной темой, и оказавшие влияние на ход развития событий (Мудров, 2019)

В результате, отвечая на поставленные вопросы, мы приходим к следующим выводам: во время украинского религиозного конфликта большинство религиозных идеалов были переосмыслены в соответствии с требованиями нынешней политической констелляции. Религиозное подменяется национальным, предпринимается попытка трансформировать символическое пространство Украины путем превращения УПЦ (МП) в радикального «другого».

Список литературы:

1. D'anieri, Paul. *Politics and society in Ukraine*. Routledge, 2018.
2. Баранов Н. А. Политические аспекты взаимодействия церкви и государства в современном мире // Политическое пространство и социальное время: система координат в меняющемся мире. Сборник научных трудов XXXV Международного Харакского форума / Под ред. Т. А. Сеношкиной, Д. Танчича. — Симферополь: Общество с ограниченной ответственностью «Издательство Типография «Ариал», 2019. — С. 43–64.
3. Задохин А. Г. Русская Православная церковь в политических процессах России: историко-идеологический контекст // Мир и политика. — 2009. — №. 8. — С. 68–76.
4. Мудров С. А. The mass-media, public opinion and creation of the autocephalous orthodox church of Ukraine [Средства массовой информации, общественное мнение и создание автокефальной православной церкви Украины] // Устойчивое развитие экономики: международные и национальные аспекты: электронный сборник статей III Международной научно-практической online-конференции, Новополоцк, 18–19 апреля 2019 г. / Полоцкий государственный университет. — Новополоцк, 2019. — С. 477–482.
5. Лункин Р. Н. Политическая ситуация на Украине в свете церковного раскола // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. — 2018. — №. 6.

ГЛОБАЛЬНЫЙ НОВОСТНОЙ ПОТОК: О КАКИХ СТРАНАХ ГОВОРЯТ НАЦИОНАЛЬНЫЕ МЕДИА РОССИИ, ГЕРМАНИИ И США?

Международные новости выступают одним из наиболее доступных источников информации о текущей ситуации в мире. Помимо осуществления информационной функции, они способны также оказывать влияние на общественное мнение. Освещение зарубежных стран в национальных СМИ может сформировать у аудитории представление о государственных интересах в отношении определенной страны¹⁴⁵, предпочтительных местах для отдыха, ключевых партнерах и врагах¹⁴⁶. Воздействие СМИ усиливается в случае отсутствия у аудитории опыта взаимодействия с зарубежными странами, что становится особенно актуальным для населения России. Впрочем, несмотря на важное значение СМИ в формировании представления аудитории о других странах, потребность населения в получении достоверной и объективной информации через СМИ наблюдается не всегда¹⁴⁷.

Данная проблема существует и в случае освещения международных новостей. Основываясь на мир-системном анализе¹⁴⁸, современный мир по критерию экономического развития можно разделить на ядро, полупериферию и периферию. Подобная иерархичность проявляется и в интенсивности освещения СМИ стран, принадлежащих к данным «зонам»: доминирующее положение в международных дискуссиях будет принадлежать развитым странам¹⁴⁹, что не всегда может объясняться интенсивностью и значимостью происходящих в этих государствах событий.

Цель исследования — определить различия в упоминании зарубежных стран национальными СМИ в государствах с разными медиасистемами — России (двойственная модель), Германии (демократическая модель) и США (либеральная модель).

В качестве теоретической базы исследования выступает теория глобального новостного потока, в основе которой лежит описание и объяснение факторов освещения международных новостей. В работе мы также исходим из теории установления информационной повестки дня, согласно которой в СМИ скорее конструируется картина мира, нежели зеркально отражается реальность¹⁵⁰.

Достижение поставленной в работе цели осуществлено с применением регрессионного анализа — простой линейной регрессии. В качестве зависимой переменной выступает число упоминаний стран-членов ООН в национальных СМИ России, Германии и США, предикторами являются географические и социально-экономические характеристики упоминаемых в медиа стран.

Можно выделить ряд стран, фигурирующих одновременно в международных новостях обоих типов СМИ России, Германии и США. К ним относятся: Китай, Франция и Сирия (только на телевидении). Внимание к Китаю объясняется его лидирующим положением в экономике, а также освещением торговой войны Китая и США. Что касается Сирии, то в отношении данного государства, как Россия, так и США имеют общие интересы, и повышенное внимание к освещению событий данного региона оказывается весьма ожидаемым. Результаты исследования на данных 67 стран в 2015 году также продемонстрировали, что Сирия — единственная страна «полупериферии», оказавшаяся в топе рейтинга по числу упоминаний¹⁵¹.

Главной особенностью российских СМИ является их чрезвычайно высокое внимание к США. Основываясь на ранее проведенных исследованиях, освещение мировой державы в отечественных СМИ носит амбивалентный характер: США одновременно воспринимаются в качестве союзника или противника по тем или иным экономическим, политическим и общественным вопросам¹⁵². Последствием повышенного интереса российских масс-медиа к рассматриваемой стране оказывается формирование преимущественно негативного образа США в представлении населения России¹⁵³.

¹⁴⁵ Wanta W., Golan G., Lee C. Agenda Setting and International News: Media Influence on Public Perception of Foreign Nations // *Journalism and Mass Communication Quarterly*. 2004. Vol. 81. No. 2. P. 364–377.

¹⁴⁶ Steuter E., Wills D. Discourses of Dehumanization: Enemy Construction and Canadian Media Complicity in the Framing of the War on Terror // *Global Media Journal*. 2009. Vol. 2. No. 2. P. 7–24.

¹⁴⁷ СМИ: востребованность и оценки работы // ФОМ. 2018. URL: <https://fom.ru/SMI-i-internet/14028> (дата обращения 10.08.2019).

¹⁴⁸ Wallerstein I. *The Modern World-System*. New York: Academic Press, 1974.

¹⁴⁹ Chang T., Lau T., Xiaoming H. From the United States with News and More: International Flow, Television Coverage and the World System // *International Communication Gazette*. 2000. Vol. 62. No. 6. P. 505–522.

¹⁵⁰ McCombs M. E., Shaw D. L. The agenda-setting function of mass media // *The Public Opinion Quarterly*. 1972. Vol. 36. No. 2. P. 176–187.

¹⁵¹ Guo L., Vargo C. J. Global intermedia agenda setting: A big data analysis of international news flow // *Journal of Communication*. 2017. Vol. 67. No. 4. P. 499–520.

¹⁵² Petersson B., Persson E. Coveted, detested and unattainable? Images of the US superpower role and self-images of Russia in Russian print media discourse // *International Journal of Cultural Studies*. 2010. Vol. 14. No. 1. P. 71–89.

¹⁵³ Gerber T. P. Foreign Policy and the United States in Russian Public Opinion. *Problems of Post-Communism*. 2015. Vol. 62. No. 2. P. 98–111.

МЕХАНИЗМ РОТАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ — БИНАРНАЯ ПАРТИЙНАЯ СИСТЕМА

Обострение геополитической и межгосударственной конкуренции после 2014 года показало необходимость не просто аналитики событий, а предложений политических проектов по строительству устойчивой и продолжительной демократии — полиархии, согласно терминологии, предложенной Р. Далем. Демократии, соответствующей современным вызовам политической конкуренции, национальным интересам, квинтэссенция которых в неуклонном повышении уровня экономического и социального благополучия граждан России. Главными проблемами на пути строительства демократического государства являются не идеологические разногласия, а вопросы качества жизни, условий предпринимательства, гарантированного участия в управлении государством граждан, прозрачности и преемственности в органах государственной власти. Полиархия показала, что более устойчивы англосаксонская двухпартийная система и западноевропейская система умеренного плюрализма

Публичные протесты августа 2019 г., связанные с утверждением списков кандидатов в депутаты Московской городской думы, показали, что сетевые технологии и толерантное отношение федеральной государственной власти к оппозиции активно используются организаторами как санкционированных, так и несанкционированных мероприятий. Естественно, что политологами проанализировано снижение рейтинга доминирующей в политическом пространстве России партии «Единая Россия». Не убедительно официальное отсутствие на выборах в Мосгордуму как списка, так и кандидатов-одномандатников от «Единой России». Это слабая политтехнология для столицы государства и мегаполиса. Партийная система с доминирующей партией утрачивает эффективность и перспективу. После выборов 8 сентября с.г. можно будет обсудить состав фракций в законодательном (представительном) органе Москвы.

Действенные социально-экономические и одновременно демократические перемены могут быть реализованы в многонациональной, многоконфессиональной и сложносоставной Российской Федерации при условии существования адекватной вызовам времени многопартийной системы, строительство которой, как показала российская практика, почти обязательно у нас осуществляется с активным участием политической элиты. Теория и анализ практических проблем национальных партийных систем в современной российской политологии изучены на серьезном фундаментальном уровне, признанном в мировом политологическом сообществе. Известны труды классиков современной российской политологии Ю. В. Ирхина (типологии политических партий и партийных систем, особенности партийной системы России, функции партий и группы интересов)¹⁵⁴, Б. А. Исаева (общая теория партийной системы — партиомы, закономерности партийного строительства, классификация партий и партийных систем)¹⁵⁵, О. В. Гаман-Голутвиной (роль политической элиты в партийном строительстве, в формировании национальной партийной системы и структур государственного управления)¹⁵⁶. Б. А. Исаев показал причины появления отдельного вида политических партий — «партий власти», созданных по проектам с участием государственных структур власти, исследовал «властеобразуемые партии», указал, что таким образом образуются партии в авторитарных режимах, как это было в Латинской Америке¹⁵⁷.

Если представить состав партийной системы в виде пирамиды (в том числе и в США, где партий много, но в Конгресс США всегда попадают только две), и разделить пирамиду по горизонтали, в верхней части оставив партии, регулярно попадающие в высшие законодательные (представительные) структуры государства, то можно считать, что в государствах полиархии выстроены бинарные партийные системы с национальными особенностями. Устойчивые две части партийных систем, в верхних частях которых идет постоянная конкуренция политических элит, обеспечивающая сменяемость действующих лиц с предсказуемым результатом. Внутриполитическая борьба в США, противоборство с Д. Трампом это подтверждают. Даже в партийной системе современной Италии можно наблюдать бинарный контент. Проблема в том, что российская политическая элита не предлагает избирателю вариантов ротации кадрового состава политиков при условии обеспечения политической стабильности (динамических колебаний политической системы без нарушения устойчивости — политического катамарана, второго варианта — политического режима). Особенно для молодых избирателей, желающих перемен. Положительной попыткой для появления в России бинарной партийной системы стало создание Общероссийского народного фронта «За Россию!». Представляется, что политическая элита

¹⁵⁴ Ирхин Ю. В. Политология: учебник / Ю. В. Ирхин. — 2-е изд., доп. — М.: Издательство «Экономика», 2007. — С. 455–484.

¹⁵⁵ Исаев Б. А. Теория партий и партийных систем: Учеб. пособие для студентов вузов / Б. А. Исаев. — М.: Аспект Пресс, 2008. — С. 234–356.

¹⁵⁶ Гаман-Голутвина О. В. Политические элиты России: вехи исторической эволюции / О. В. Гаман-Голутвина. — М.: РОССПЭН, 2006.

¹⁵⁷ Исаев Б. А. Указ соч. — С. 91–92.

может в современных условиях высокого личного рейтинга президента России В.В. Путина, изучить вопрос создания второй политической партии, сопоставимой по влиянию с «Единой Россией», как механизма ротации политических лидеров общественного мнения.

В этом случае избирателям будет предлагаться периодически обновляемый список будущих политических руководителей государства для эволюционного социально-экономического и конкурентного развития России.

Большаков А.Г. (Казань, КФУ)

ОТ КРАХА СОЦИАЛЬНОГО ПОРЯДКА К ДЕМОНТАЖУ ПОЛИТИЧЕСКОГО РЕЖИМА: ТРАНСФОРМАЦИЯ КЛАССИЧЕСКИХ РЕВОЛЮЦИЙ В СЕТЕВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ

Теория политики трактует революцию как радикальную трансформацию существующей политической системы. Но данный подход не является единственным в политических науках. Так, революционистика вписывает подобную смену социально-политического порядка в систему скачкообразных изменений большого временного периода.

У революции 1917 года в России была не менее знаменитая предшественница — Великая французская революция. Современные политические науки сформированы именно на основе идей и практик революции 1789 года. Революция 1917 года в России (февраль и октябрь) обычно трактуются, как смена социального порядка и даже всей парадигмы мирового развития в XX веке. Но, не менее важной, является смена политической системы в России и трансформация идеологемы «диктатуры пролетариата» в реальную политическую диктатуру группы партийных лидеров, получивших название большевиков.

Революция 1917 года — это классическая политическая революция, которая привела к глобальным социальным сдвигам во всем мире. Политические революции произошли в прошлом веке в Китае и на Кубе. К ним можно отнести революции в Мексике, Никарагуа. 1968 год во Франции и бунт «новых левых» в Европе, так же подходит под эту дефиницию, хотя ученые и спорят о соотношении понятий «переворот» и «революция».

Большая совокупность революций первой четверти XX века, на Филиппинах и в странах Латинской Америки были по своей сути идеологически левыми и, в этом плане, могут быть все отнесены к «классическим» (или «истинным»).

Но уже революция 1979 года в Иране носила теократический характер и означала приход к власти радикально правых («реакционных») сил, которые боролись с «модернизационным» шахским режимом. То есть 1979 год — это опять политическая революция, но значительно измененная. «Антикоммунистические революции» в конце XX века, «перестройка» («катастрофка») так же продемонстрировали возможности «правого поворота» в политике целого ряда стран, которые требовали демократизации существующих политических режимов.

«Цветные революции» на постсоветском пространстве и в Восточной Европе, «Арабская весна» — это уже нечто другое. Можно определить их, как «сетевые» революции в новую информационную эпоху, которые не являются классическими. Они не похожи на «левые» политические революции, подражают скорее «антикоммунистическим революциям», меняют свой содержательный характер и проходят по технологическим канонам.

Классических политических революций на современном этапе общественного развития не существует, социальные протесты не выливаются в смену политического или социального порядка, а бренд «революция» перехвачен политическими технологами, которые осуществляют сетевые перевороты по всему миру.

«Сетевые» («цветные», «оранжевые») революции постепенно утратили свой ненасильственный характер, что считалось их основным отличием от «классических» революций. Рубиконом здесь является — украинский майдан 2013–2014 гг. Но статья «классическими» эти «революции» не могут, поскольку их направленность не является левой. А «правые» революции (кроме революции в Иране 1979 года) уже во многом противоречили классическим канонам политических революций прошлого.

В последние десятилетия внешний фактор в революциях становится все более приоритетным, внутренний фактор несколько уменьшается в своей значимости. Существует целая группа авторов (преимущественно американцев), которые создают всемирно известные методические пособия, по технологиям, направленным на совершение государственных переворотов (Шарп, Люттван и др.).

Отличия «классических» и «сетевых» революций сводятся к их целям, идеологии, социальной базе, организационной структуре, технологии, детонаторам, рассмотрению «революции» в контексте «классических» и «новых» войн.

Существует три основных направления воздействия на Россию со стороны Запада (Багдасарян). Основа давления — это санкции и возможный государственный переворот изнутри. В этой связи РФ нужна система жесткого противодействия подобным технологиям. Суть заключается в возможности предотвратить или купировать любую революционную активность на территории стран ЕАЭС, особенно Казахстана, Белоруссии, России и, конечно, Китая. Это нужно для сохранения многополярности современного мира.

Бориско О. А. (Краснодар, КубГУ)

СЕТЬ ИНТЕРНЕТ КАК ИСТОЧНИК ПОЛИТИЧЕСКОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ

Сегодня Интернет стал естественной средой для общения молодежи, «гибридной средой»¹⁵⁸, которая объединяет в себе все достижения, завоеванные традиционными СМИ. Молодые люди более, чем взрослые, открыты для новой информации, а мир политики для них сам по себе нов, в новых условиях они могут, получив информацию, тут же поделиться ею или на ее основе создать новый контент. Новая среда требует от участников, с одной стороны, наличие способности перерабатывать большой объем информации, с другой стороны, предоставляет возможность быстро передавать информацию. Изменяется характер процесса социализации. Смешивание публичного и частного пространства, которое сегодня возможно в сети Интернет, предоставляет молодежи невероятные возможности, но в то же время таит в себе определенные риски. Интернет создает уникальную среду, требующую от молодых людей определенных качеств и навыков позиционирования и взаимодействия друг с другом.

Усвоение политической информации молодежью может происходить не только через целенаправленное потребление, но также посредством воздействия политического контента при использовании социальных сетей для других целей¹⁵⁹. Учеными подтверждена идея пассивного или случайного обучения, которая предполагает возможность получения политической информации случайно, в результате просмотра неполитического контента¹⁶⁰. По мнению М. Баума, использование контента, объединяющего развлечение и новости, так называемых «мягких новостей», может способствовать политической осведомленности людей, не интересующихся политикой¹⁶¹.

С распространением цифровых медиа структура потребляемой информации о политике меняется. Если раньше новости узнавали из традиционных СМИ, сегодня большую часть информации пользователи получают из сети Интернет. Нужно отметить, что в сети Интернет много непроверенной и неточной информации, поэтому у пользователей может сложиться неверное мнение о политических процессах, политических деятелях и т. п., недоверие к сети Интернет как источнику информации. Некоторые ученые высказывают сомнения, что полученная таким образом информация может сформировать политическое знание¹⁶², что может привести к снижению политической осведомленности граждан, активно использующих Интернет для получения политической информации.

Сегодня подростки гораздо чаще, чем раньше, становятся производителями контента, а не только получателями информации. Эта новая среда позволяет получить молодому человеку то, чего не было раньше у его сверстников — он может создать свое собственное виртуальное пространство и определить самому свое место в нем. Подростки сегодня, имея эти возможности, «претендуют на статус взрослого»¹⁶³. Эти изменения требуют от ученых поиска новых исследовательских моделей для объяснения особенностей их поведения.

Изучая особенности политической социализации современной молодежи, Интернет можно рассматривать как источник ресурсов для участия в политике, в первую очередь, это доступ к политической информации,

¹⁵⁸ Höflich J.R. Mensch, Computer und Kommunikation. Theoretische Verortungen und empirische Befunde. Frankfurt am Main [u. a]: Peter Lang, 2003.

¹⁵⁹ Bode L. Political news in the news feed: Learning politics from social media // *Mass Communication & Society*. 2016. No. 19, pp. 24–48.; Gil de Zúñiga H., Weeks B., & Ardévol-Abreu A. Effects of the news-finds-me perception in communication: Social media use implications for news seeking and learning about politics // *Journal of Computer-mediated Communication*. 2017. No. 22, pp. 105–123.

¹⁶⁰ Downs A. An economic theory of political action in a democracy // *Journal of Political Economy*. 1957, pp. 135–150.; Krugman H.E. & Hartley E.L. Passive learning from television // *Public Opinion Quarterly*. 1970. No. 34, pp. 184–190.

¹⁶¹ Baum M.A. Soft news and political knowledge: Evidence of absence or absence of evidence? // *Political Communication*. 2003. No. 20, pp. 173–190.

¹⁶² Eveland W.P., Jr. News information processing as mediator of the relationship between motivations and political knowledge // *Journalism & Mass Communication Quarterly*. 2002. No. 79 (1), pp. 26–40; Lee S., Xenos M. Social distraction? Social media use and political knowledge in two U. S. Presidential elections // *Computers in Human Behavior*. 2019. No. 90, pp. 18–25.

¹⁶³ Böhnisch L. Jugend heute — Ein Essay // *Jugend, Identität, Medien / Theunert H. (Hrsg.). München: kopaed, 2009. S. 27–34.*

как инструмент политической мобилизации, как инструмент формирования системы ценностей пользователей, которые, в свою очередь, влияют на политическое поведение, и как пространство политики.

Борисов А. В. (Москва, Дипломатическая академия МИД России)

ГУМАНИТАРНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РОССИИ: ВОПРОСЫ ЭФФЕКТИВНОСТИ

Сведение сущности гуманитаризма к вопросам культуры, русского языка и связям с соотечественниками, характерно для отечественной нормотворческой практики. Искажение сущности гуманитаризма, сведение его к вопросам культуры, русского языка и связям с соотечественниками, находит отражение во всех действующих документах стратегического планирования.

Почему же деятельность, целью которой является продвижение отечественной культуры, мы называем гуманитарной? Если обратиться к англоязычному сегменту интернета, то мы увидим, что «humanitarian activities» синонимично «humanitarian aid (assistance)». Но дело в том, что в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации в качестве стратегической цели заявлено: «повышение роли России в мировом гуманитарном и культурном пространстве»¹⁶⁴. Как раз то, что в качестве задачи заявляется необходимость интеграции в мировое гуманитарное пространство, диктует необходимость согласования терминологии и синхронизации концептуальных подходов.

Терминологическая несогласованность ограничивает участие России в гуманитарной дискуссии и ограничивает ее в использовании внешнеполитических инструментов для обеспечения национальных интересов. Более того, становится проблематичным достижение цели, обозначенной в Стратегии национальной безопасности. Это невозможно в силу различного толкования гуманитарного пространства. У нас под гуманитарным пространством понимают пространство культуры, в международной же практике под ним понимается операционная среда, в рамках которой учреждения по оказанию помощи «свободны в оценке потребностей пострадавших, свободны в мониторинге доставки и использования помощи, свободны в общении с людьми»¹⁶⁵.

Гуманитаризм — порождение европейской этической традиции. Восприятие человечества как единого целого, искусственно разделенного государственными границами, декларация приоритета человека перед государством — основа гуманитаризма, который возникает в виде некой квазирелигиозной концепции, выдвинутой Огюстом Контом, постулирующей простую мысль — человеческий эгоизм должен уступить место любви к человечеству. Восприятие человечества как единого целого, искусственно разделенного государственными границами, декларация приоритета человека перед государством — основа гуманитаризма. Гуманитаризм подразумевает трансграничность. Название доклада Генерального секретаря ООН в связи со Всемирным саммитом по гуманитарным вопросам — «Единое человечество: общая ответственность»¹⁶⁶ — выражает суть гуманитаризма.

Настаивая на культурном измерении гуманитаризма, мы выхолащиваем его суть, национально и этнически ограничивая то, что изначально заявлялось как трансграничный проект. Мы замыкаем гуманитарную деятельность в национальных границах и ставим ее на службу национальным интересам. Даже обращаясь к правам человека, стержневому концепту, определяющему и оправдывающему гуманитарную деятельность, мы настаиваем на обусловленности прав и свобод человека национальными, культурными и историческими особенностями и ценностями каждого государства¹⁶⁷. Мы пытаемся превратить трансграничный концепт в инструмент для реализации национальных интересов.

Гуманитарность внешнеполитического посыла, в том числе и культурного, заключается в универсальности, как транслируемых идей, так и инструментов, посредством которых эти идеи транслируются. в универсальности идей. Токвиль, рассуждая о характере французской революции, отмечал: «Французская же революция собственной территории не имела;... она сформировала над всеми отдельными национальностями общее духовное отечество, гражданами которого могли стать люди любой нации»¹⁶⁸.

В подобной универсальности заключался гуманитарный посыл революционной идеи и, в итоге, советской культурной дипломатии. Способны ли мы предложить универсальную идею сегодня? По всей видимости

¹⁶⁴ Стратегия национальной безопасности Российской Федерации. Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 г. N 683.

¹⁶⁵ Safeguarding humanitarian space: a review of key challenges for UNHCR. PDES/2010/01. P. 3.

¹⁶⁶ Единое человечество: общая ответственность. Доклад Генерального секретаря в связи со Всемирным саммитом по гуманитарным вопросам. A/70/709

¹⁶⁷ Концепция внешней политики Российской Федерации. Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 30 ноября 2016 г. N 640.

¹⁶⁸ Токвиль А. Старый порядок и революция. СПб.: Алетейя, 2008. С. 21.

нет. Возможно поэтому организации, участвующие в продвижении русского языка и русской культуры, такие как Россотрудничество и Фонд «Русский мир», избегают обращаться к объективным показателям эффективности своей деятельности, предоставляя ежегодные отчеты, являющиеся простым перечнем проведенных мероприятий, не задумываясь об эффекте, который проведенные мероприятия производят.

Борисов М. Е. (Москва, РГГУ)

ЦИФРОВАЯ ИНФРАСТРУКТУРА ЭЛЕКТРОННОГО ГОСУДАРСТВА КАК НОВЫЙ ЭЛЕМЕНТ ВО ВЗАИМОДЕЙСТВИИ БИЗНЕСА И ВЛАСТИ

Стремительный рост блокчейн технологий наряду с активным внедрением цифровых технологий в управление государством, привел к совершенствованию системы администрирования бизнеса со стороны государства. Важно отметить, что процесс внедрения цифровых технологий в авторитарных системах, таких как Российская Федерация или, например, Китай, опережает подобные процессы в странах с демократическим политическим режимом, так как здесь отсутствует необходимость согласования интересов множества акторов. Это, с одной стороны, позволяет государству сильнее контролировать и эффективнее администрировать бизнес (усиление «вертикали власти» «цифровым контролем») ¹⁶⁹, а с другой — упрощает процесс взаимодействия бизнеса с государством, увеличивает скорость налоговых изменений и внедрения инноваций, совершенствует сбор статистики и последующего анализа с использованием Big Data, создает цифровую инфраструктуру, расширяющую горизонтальные связи бизнес-среды ¹⁷⁰.

Появившиеся и быстро совершенствующиеся в последние годы цифровые сервисы Госуслуг, электронных представительств федеральной налоговой службы, фондов социального и пенсионного страхования, расширение сферы дистанционных операций с цифровыми подписями, широкое внедрение многофункциональных центров (МФЦ), а также, например, недавний опыт внедрения и администрирования налога на самозанятых в ряде российских регионов в 2019 году, позволяет сделать вывод о высокой скорости внедрения и эффективности технологий e-government в РФ (что подтверждает рост со 120 места в 2012 г. до 35 в 2018 г. в рейтинге Doing Business). Минэкономразвития РФ в 2020 г. начнет внедрять программу МФЦ-2.0, согласно которой МФЦ станут единственным окном взаимодействия бизнеса с властями ¹⁷¹. Однако в настоящее время в РФ акцент в цифровом государстве делается на контрольные функции и улучшение налогового администрирования ¹⁷². При этом неизбежно расширяется и совершенствуется цифровая инфраструктура бизнес среды, что позволит эффективно проводить реформы в перспективе, в том числе с использованием Big Data, проходящих через электронные сервисы.

Рост доли госкомпаний в экономике России на протяжении последних 10 лет, сокращение инвестиций в РФ вследствие конфронтационных геополитических изменений 2014 года, привело к падению темпов экономического роста. Попытки правительства перезапустить экономический рост с помощью крупных инфраструктурных проектов и развития национальных программ не дают результатов. Государство, поставившее в условиях резкого сокращения международных инвестиций, ставку на повышение налоговых сборов с населения, сталкивается с сокращением налоговой базы. Снижение доходов населения, приводящее к уменьшению потребительского спроса, приводит к новому витку сжатия российской экономики. Очевидной мерой, способной переломить негативные тенденции, является либерализация сферы малого и среднего предпринимательства. В отличие от постсоветской либерализации бизнес среды, выраженной главным образом в ослаблении госконтроля над бизнесом, в настоящий момент электронная прозрачность позволяет проводить тонкие настройки налогообложения МСП, оперативно получать статистику и обратную связь по введенным изменениям.

Таким образом, инфраструктурно отрасль администрирования малого и среднего предпринимательства (электронная уведомительная регистрация, онлайн-администрирование налогообложения и т. п.) в РФ изменяется более динамично, чем в западных странах. Можно говорить о сложившемся новом элементе в инфраструктуре взаимодействия бизнеса и власти — электронном государстве. И максимальный эффект оно дает в бизнес-среде малого и среднего бизнеса. Важно подчеркнуть, что в РФ уже фиксируется высокая инфра-

¹⁶⁹ Грозовский Б. Итоги двадцатилетки Путина: как государство завоевало свою собственную экономику. Forbes. URL: <https://www.forbes.ru/biznes/381379-itogi-dvadcatiletki-putina-kak-gosudarstvo-zavoevalo-svoyu-sobstvennuyu-ekonomiku> (дата обращения: 15.08.2019).

¹⁷⁰ Zaher A. Laith M. Big Data and E-government: A review. 2017 8th International Conference on Information Technology (ICIT). URL: https://www.researchgate.net/publication/320689065_Big_Data_and_E-government_A_review (дата обращения: 25.08.2019).

¹⁷¹ Представлена концепция «Сервисного государства» версии 2.0. URL: <https://digital.gov.ru/ru/events/38530/> (дата обращения: 26.08.2019).

¹⁷² Распоряжение Правительства РФ от 02.06.2016 N 1083-р (ред. от 30.03.2018) «Об утверждении Стратегии развития малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации на период до 2030 года». URL: <http://government.ru/docs/23354/> (дата обращения: 25.08.2019).

структурная готовность к реформам посредством электронного государства. И при модернизации политического режима и экономической политики властей данный фактор будет способствовать быстрым позитивным изменениям бизнес среды.

Борисова Н. В. (Пермь, ПГНИУ)

АГЕНТСКИЕ ФАКТОРЫ ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ¹⁷³

Р. Брубейкер высказывает идею о том, что этничность является результатом ситуативных действий, культурных идиом, когнитивных схем, дискурсивных фреймов, организационных устоев, институциональных форм, политических проектов и случайных событий¹⁷⁴, которые конструируют лингвистически и конфессионально обусловленную групповость. Религиозная принадлежность, исторические и культурные традиции, а также родной язык являются основаниями и символическим проявлением этнорегиональной идентичности. Ситуации, в которых вопрос о статусе родного для группы языка составляет предмет политического спора и требований, а язык фактически становится для его носителей консолидирующим и мобилизующим, отличают лингвистически обусловленные этнополитические конфликты. С точки зрения задачи разрешения и предотвращения такого рода конфликтов важным представляется вопрос о соотношении прагматического и символического измерений запроса членов группы на институционализацию языковой преференциальной политики и символической интерпретации своих языковых прав. Если следовать логике Р. Брубейкера, то необходимо признать, что субъектами политики языка являются не этнические группы и сообщества, а политические и общественные организации, политические элиты и лидеры, совмещающие и статус субъектов / агентов языковой политики. Такой же точки зрения придерживается К. Уильямс, выделяющий в качестве значимых факторов языковой преференциальной политики динамичные по своему характеру политические коалиции и альянсы¹⁷⁵. Обсуждение вопроса об агентских факторах языковой политики позволяет характеризовать ее субъектный и бенефициарный состав. Доминирующим субъектом языковой политики в современной России является государство. Вместе с тем следует подчеркнуть, что это внутренне это не единый и, в общем-то, не единственный политический субъект. Можно говорить о внутренних и внешних субъектах языковой политики с точки зрения, например, их принадлежности к региону, в отношении языка(ов) которых принимаются и реализуются преференциальные политические решения. Например, реализация госпрограмм Республики Татарстан по поддержке татарского языка, фактически выходит за рамки региона. При этом, решения федерального центра могут восприниматься в российских регионах как внешние, что особенно проявилось в контексте обсуждения в 2017–2018 гг. вопроса о преподавании родного языка в средней школе. реализуются не только на территории республики, но и за ее пределами. Негосударственные акторы и агенты языковой преференциальной политики в современной России — это, прежде всего, разнообразные, в т. ч. этнические, НКО, образовательные государственные и негосударственные учреждения (прежде всего, университеты), деятельность которых разнообразна в различных региональных контекстах.

Анализ данных, включенных в базу «Языковая политика в полиэтнических регионах РФ» (проект РФФИ «Языковые режимы в современной России: эффекты языковой преференциальной политики в полиэтнических регионах» № 18-011-00763 А) позволяет говорить о значительной региональной вариативности языковой политики. Маркерами вариативности выступают, прежде всего, характеристики типичных внутренних «отраслевых» и внешних «общественно-политических» субъектов языковой политики, используемые ими ресурсы и инструменты, а также арены и каналы их взаимодействия. На примере сравнительного анализа Республики Татарстан и Удмуртия выявляются модели взаимоотношений между акторами, вовлеченными в политику языка и языковую политику, а также объясняются характерные для них стратегии взаимодействия в контексте прагматического и символического восприятия вопроса о родном языке.

¹⁷³ Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект «Языковые режимы в современной России: эффекты языковой преференциальной политики в полиэтнических регионах» № 18-011-00763 А.

¹⁷⁴ Брубейкер, Р. (2012) '*Этничность без групп*'. Москва: Изд. дом Высшей школы экономики. С. 29.

¹⁷⁵ Williams, C. (2013) '*Perfidious Hope: The Legislative Turn*', *Regional and Federal Studies*, 23 (1), P. 102.

СООТНОШЕНИЕ ПУБЛИЧНОЙ И ПРИВАТНОЙ СФЕР В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ Х. АРЕНДТ

Несмотря на то, что Ханна Арендт жила и писала в XX в., проблемы, которые она поднимала в своих работах, актуальны и в наше время. Она утверждала, что человек в современном мире, в первую очередь сосредоточен на потребностях своей жизнедеятельности в своём приватном, тем самым по доброй воле отказываясь от возможности проявить себя как уникальную личность, индивидуальность в публичной сфере.

Определению публичной и приватной сфер посвящена вторая глава книги Арендт «*Vita activa*, или о деятельной жизни». В качестве эталона проявления и взаимодействия этих сфер для неё выступают древнегреческие города-государства, в которых бытие древних греков было разграничено между двумя сферами: публичной сферой, в которой совершалось «действие», влияющее на мир, и приватной сферой — домохозяйством, в которой люди вели своё личное хозяйство.

В приватном секторе деятельность домохозяйств была направлена на удовлетворение биологических потребностей человека: «Сфера домашнего хозяйства имела ту отличительную черту, что совместная жизнь в ней диктовалась преимущественно человеческими потребностями и жизненной необходимостью»¹⁷⁶. В противоположность приватной, публичная сфера была царством свободы от биологических потребностей, царством, в котором каждый может отличить себя от других.

Х. Арендт подчеркнула часть идей из древнегреческой философии. Можно проследить сходство её идеи разделить человеческое бытие на приватную и публичную сферы с философской мыслью Аристотеля. В своём труде «*Политика*» Аристотель описывал государство и семью, где первое есть пространство политического, а второе — объединение людей, возникшее для удовлетворения жизненных потребностей. Общим положением обоих мыслителей является то, что приватная сфера обусловлена в первую очередь выживанием и потребностями человека. Однако это не единственное сходство. Говоря о приватном, Арендт говорит именно о домохозяйстве. Семья же у Аристотеля помимо мужа, жены и детей, включает в себя и рабов: «Семья в свою очередь состоит из элементов, совокупность которых и составляет ее организацию. В совершенной семье два элемента: рабы и свободные. Так как исследование каждого объекта должно начинать прежде всего с рассмотрения мельчайших частей, его составляющих, а первоначальными и мельчайшими частями семьи являются господин и раб, муж и жена, отец и дети...»¹⁷⁷. Как можно заметить, в аристотелевской семье не все её члены являются кровными родственниками. Исходя из этого, мы можем предположить, что семья у Аристотеля и домохозяйство у Арендт являются если не идентичными, то очень схожими понятиями.

Сходство аристотелевского государства и публичной сферы Арендт в том, что вторая является местом, где наличествует политика. В то же время публичная сфера не ограничивается исключительно политикой. Развитие и движение к совершенству возможны только в рамках публичного, где каждый стремится выделиться и показать свою индивидуальность и превосходство при этом оставаясь равным в правах с другими. Особенно важен тот факт, что приватная сфера, напротив, не предусматривает возможность как-либо выделиться, заявить о своей уникальности. Более того, подобные действия в рамках этой сферы могут быть деструктивны, т. к. она имеет строго иерархическую структуру, возглавляемую и поддерживаемую главой семьи, и чёткую цель, которая достигается как раз благодаря иерархии и устойчивыми отношениями внутри неё. В свою очередь, публичная сфера — арена равноправия граждан.

Итак, разделяя общество на сферы приватного и публичного, Х. Арендт выделяет две сферы бытия человека — приватную и публичную. В границах приватного мира человек удовлетворяет свои биологические потребности и аккумулирует личные вещи и события. Он обладает своим фрагментом бытия, своими четырьмя стенами, которые ограждают его от вмешательства публики. Публичная сфера — сфера свободы, в первую очередь свободы от биологических потребностей. Именно здесь возможно развитие человека и общества. Только в публичной сфере человек может отличить себя, показать свою индивидуальность.

¹⁷⁶ Арендт Х. *Vita Activa* или о деятельной жизни. СПб.: Алетейя, 2000. С. 41.

¹⁷⁷ Аристотель. Сочинения: В 4 т. Т. 4. М.: Мысль, 1983. С. 380.

Бродовская Е. В. (Москва, МПГУ)
Домбровская А. Ю. (Москва, МПГУ)
Азаров А. А. (Санкт-Петербург, Администрация Центрального района)
Карзубов Д. Н. (Москва, Правительство Москвы)

ЛАНДШАФТ СОЦИАЛЬНО-МЕДИЙНОГО ДИСКУРСА О ПРОБЛЕМАХ РАЗВИТИЯ КРЫМА В НОВЫХ МЕДИА РУНЕТА

Траектории политического развития страны во многом взаимосвязаны со спецификой политической концептосферы общества, отраженной в политическом сознании граждан. В современных условиях всё большей активизации политической коммуникации в новых медиа существо политических установок россиян наиболее показательно представлено в социально-медийной среде. Одним из трендовых политических вопросов остается отношение к украинскому кризису, информационной войны между Украиной и Россией, а также дискуссии о будущем Крыма в составе РФ.

Ландшафт новых медиа Рунета включает довольно большое число онлайн-сообществ, обсуждающих указанные темы и формирующих политическое сознание российских, в том числе крымских пользователей относительно возможностей и проблем интеграции полуострова в российское социокультурное пространство. Вместе с тем, наиболее влиятельных онлайн-групп — игроков на этом поле, относительно мало. Наши исследовательские задачи состояли в выявлении и анализе коммуникационной инфраструктуры социально-медийных потоков о проблемах развития Крыма как части РФ, определении структуры взаимосвязи между участниками онлайн-сообществ, входящих в данную инфраструктуру, их плотности и модели воздействия онлайн-лидеров мнений на социально-политические установки пользователей.

Базовыми методами исследования служили анализ автоматических метрик характеристик функционирования новых медиа, когнитивное картирование содержания групп — исследовательских кейсов, анализ социальных графов отобранных сообществ с применением авторского программного обеспечения. Всего обосновано в качестве наиболее влиятельных 29 онлайн-сетевых сообществ¹⁷⁸, релевантных теме исследования.

К числу онлайн-групп, формирующих дезинтеграционные установки крымчан и россиян в целом, репрезентирующие российскую политику как агрессивную, относятся следующие сообщества блогохостинга «ВКонтакте»: «Снегирь», «Free Speech•••», «Хотят ли русские войны», «Ложь и абсурдность СМИ на фоне массового запоя», «МОЛИСЬ ЗА КИЕВСКУЮ РУСЬ — УКРАИНУ», «Vox populi vox Dei», «ПОЛИТКУХНЯ ПРЕСТУПНОЙ ВЛАСТИ», «Все на борьбу с российскими оккупантами!», «Новости Крым-УА», «Крымский бандеровец /// Crimean banderovec», «ЗАТОКРЫМНАШ», «Інформаційний опір».

Онлайн-группы, противостоящие украинским дезинтеграционным потокам о проблемах развития Крыма как части РФ: «Украины больше нет!» (club94269450), «НОВОСТИ ЛНР/ДНР» (club86401567), «Анти СМИ», «СОВИНФОРМБЮРО» (club59006903), «Геополитика. Политика. Аналитика. Вооружение», «ИНФОРМАЦИОННАЯ ВОЙНА», «ДОНБАСС-КРАЙ РОДНОЙ» (club115312870), «Антиукроп» (club105472947), «Миротворцы НОВОРОССИИ» (club95865483), «Печальный хохол» (club57876285), «Красный комиссар» (club60932039), «Наша Великая Россия» (club92927727), «НОВОРОССИЯ | SaveDonbassPeople | Антимайдан» (club43806582), «Лента новостей Крыма» (club60779074), «АнтиМайдан. Мариуполь» (club64994882), «РУССКОЕ ОБОЗРЕНИЕ || РОССИЯ || ПУТИН» (club54012242), «Сводки от ополчения Новороссии» (club57424472).

На рисунке 1 отражен граф взаимосвязи онлайн-групп в анализируемой коммуникационной инфраструктуре, в котором красные вершины — вершины из подгруппы, в которых формируются негативные, дезинтеграционные установки по отношению к будущему Крыма в составе РФ, а синие вершины — группы с положительной полемикой по данному вопросу. Серые вершины — другие онлайн-группы, связанные с красными и синими «дружескими» связями пользователей, но не релевантные теме исследования.

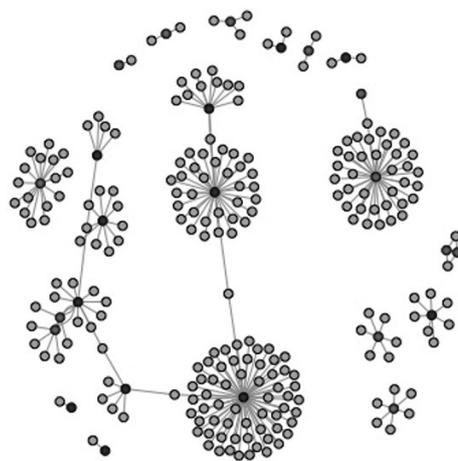

Рис. 1. Взаимосвязь онлайн-групп в анализируемой коммуникационной инфраструктуре

¹⁷⁸ Онлайн-сообщества отобраны с учетом принципов весомости (не менее 500 участников), отсутствия имитации пользовательской активности (проведен тест на «ботоманию»), релевантности теме исследования.

Тезисно выводы по итогам проведенного социально-медийного анализа следующие:

1. В социально-медийном сегменте Рунета, отражающем дискурс перспектив и сложностей интеграции Крыма в состав РФ, развиваются два противоборствующих потока, формируемых онлайн-сетевыми сообществами; первый — условно можно считать «украинским», поскольку выражает официальную позицию украинской власти, осуждающую воссоединение Крыма и РФ и в целом российскую политику по отношению к Украине; второй поток направлен на формирования консолидирующих установок крымчан и всех россиян и ориентирован на критику украинской политики в отношении российского Крыма, а также республик ДНР и ЛНР.
2. Онлайн-сетевые лидеры дезинтегрирующего потока аккумулируют в среднем фактически втрое меньшую пользовательскую аудиторию, чем консолидирующие онлайн-сетевые лидеры (средняя численность сообществ первого типа — 16301 человек, второго — 55674 человек, см. табл. 1); вместе с тем, цифра, указывающая на 195615 человек, активно интересующихся и поддерживающих позицию украинских онлайн-сетевых лидеров наиболее влиятельных групп, направленных на дестабилизацию российского общества, крымского сообщества, на подрыв доверия к российской власти, предопределяет необходимость отработки контраргументов в российском публичном дискурсе, противостоящих этим деконсолидирующим установкам.
3. Наибольшее опасение вызывают скопления сообществ, связанных с группами украинских онлайн-лидеров (см. рис. 1), означающие высокий потенциал их ценностного воздействия на неполитические группы и формирование дезинтеграционных установок, направленных на разрушение солидарности крымчан и всех россиян в отношении крымского консенсуса.

Бронников И. А. (Москва, МГУ имени М. В. Ломоносова)

СЕТЕВОЙ ГРАЖДАНСКИЙ АКТИВИЗМ В РОССИИ: ТЕХНОЛОГИИ И ВОЗМОЖНОСТИ¹⁷⁹

Человек информационной эпохи является свидетелем технологических инноваций и глобальных экологических, экономических и политических вызовов одновременно. Отголоском этого является поверхностное отношение к сложным процессам современного общественного участия и проявления гражданского активизма во всех аспектах.

В этой связи развитие постинформационного общества приводит к тому, что онлайн-пространство становится коммуникативной площадкой, где политика, вопреки сопротивлению правящей элиты, через активизацию гражданского общества приобретает децентрализованную сетевую форму¹⁸⁰.

Проблематика гражданской активности находится в зоне повышенного внимания последние несколько лет. Члены Общественной палаты РФ ежегодно публикуют экспертные отчеты о состоянии и перспективах развития гражданского общества. В частности, в Докладе за 2018 г. говорится, что без привлечения активных представителей гражданского общества и просто людей на местах невозможно коренным образом улучшить жизнь в стране¹⁸¹. Так, по данным ФОМ, за прошедшие 10 лет уровень гражданской активности вырос на 10%. Согласно статистике ВЦИОМ, основными мотивами, которыми руководствуются участники добровольческих движений являются «жить активной жизнью» (48%) и «чувствовать себя полезным» (37%)¹⁸².

Гражданский активизм сегодня — это сложное многогранное явление, тематически разнообразное в зависимости от территориальной, региональной и возрастной специфики. Сегодня в России существует несколько моделей и уровней гражданского активизма с разными практиками эксклюзивности и неповторимости. Реальные практики общественной активности можно классифицировать по разным параметрам: *по регулярности воплощения*: стабильные и хаотичные; *по количеству участников*: индивидуальные и коллективные; *по преследуемым целям*: экологические, молодежные, национальные, гендерные, антивоенные, протестные и пр.; *по масштабности*: городские, региональные, общегосударственные; *по популистскому типу*: мейнстримные и «нишевые», полузакрытые; *по модели мобилизации*: **традиционные и сетевые**.

Сетевые практики формируют сетевую логику социополитических изменений (по М. Кастельсу), в рамках которой человек приобщается к новым информационным нормам и моделям коммуникации. Как отмечал

¹⁷⁹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и АНО ЭИСИ в рамках научного проекта № 19-011-32046 «Сетевые гражданские инициативы как инструмент диалога между государством и институтами гражданского общества»

¹⁸⁰ Буренко В. И., Бронников И. А. Электронное гражданское общество: иллюзии или реальность? (Зарубежный опыт и отечественная практика. Политический аспект) // Знание. Понимание. Умение. 2012. № 1. С. 44–51.

¹⁸¹ Доклад о состоянии гражданского общества в Российской Федерации за 2018 год. М.: Общественная палата Российской Федерации, 2018.

¹⁸² Без корысти. Зачем идти в волонтеры // Российская газета. [Электронный ресурс]. — URL: <https://rg.ru/2017/09/04/socoprosh-uroven-grazhdanskoj-aktivnosti-v-10-vyros-na-10.html> (дата обращения 30.08.2019)

3. Бауман, сетевые взаимодействия определяются непредсказуемостью, несистемностью и постоянной «текучестью» процессов.

По мере внедрения сетевых коммуникаций в политический процесс было предложено несколько моделей поведения человека посредством каждодневного давления сетевых взаимодействий. В частности, концепция «сетевых феодалов и крепостных», показывающая, что в современном мире существует небольшая прослойка субъектов влияния в сети — «сетевые феодалы», которые и наполняют онлайн-пространство контентом, конструируют вокруг себя возможные варианты общественных решений и транслируют их в формируемое публичное пространство, наполненное «сетевыми крепостными», потребляющими заранее выработанные решения. Указанное потребление может быть не только в виде получения информации, но также и в форме всевозможных лайков, дизлайков, комментариев, репостов, ретвитов и пр. Данный эффект иногда называют «неравным участием», который соответствует формуле Д. Нильсена «90-9-1». Таким образом «сетевые феодалы» получают мощный ресурс коммуникативной власти. Интересно отметить, что У. Бек¹⁸³ говорил, что на смену властному доминированию правительств и государственных иерархических структур приходит более гибкая власть коммуникации сетевых индивидов и сообществ, способная моментально реагировать на вызовы.

Современная модель взаимодействия государства и институтов гражданского общества должна выстраиваться на основе горизонтально-сетевых связей с постоянной интеграцией исторических, смысловых и символических форм политической организации общества. Вовлеченность граждан в общественные процессы связывает коммуникативную власть гражданского общества с политико-управленческими решениями, тем самым формируя механизмы со-управления и со-участия, в рамках которых может работать «умное» правительство.

Именно поэтому для того, чтобы преодолеть «коммуникативный провал» между гражданским обществом и государством сегодня необходимо встраивание сетевых гражданских инициатив в современный политический процесс, что позволит структурировать неиерархическое пространство сетевых коммуникаций.

Брянцев И. И. (Саратов, РАНХиГС при Президенте РФ)

ИНСТИТУТЫ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ — ПРОБЛЕМЫ ОЦЕНКИ ЭФФЕКТИВНОСТИ В ОТВЕТАХ ЭКСПЕРТОВ И ГОСУДАРСТВЕННЫХ СЛУЖАЩИХ¹⁸⁴

Функционирование институтов публичной власти может считаться эффективным при условии обеспечения политической стабильности и поступательности развития общественной системы. Важным элементом является наличие и развитость механизмов участия экспертного сообщества в выработке управленческих решений. Разработка подходов в организации взаимодействия власти и общества обосновывается в рамках моделей государственного управления с позиций теории сервисного государства, информационного общества, нового публичного менеджмента, управления изменениями, качественного государственного управления, концепции активного участия. Для повышения эффективности деятельности государства «...должна быть выполнена реальная работа по проектированию (engineering work)...», чтобы обеспечить интегрированность и последовательность административных реформ¹⁸⁵.

Формируются новые вызовы и требования к системе публичной власти как открытой полифункциональной системе. В качестве ключевых можно выделить: ориентированность на социальную эффективность; развитие человеческого капитала в отличие от исключительно экономических параметров эффективности; гибкость и адаптивность, переход от «реагирующей» ресурсоемкой модели к ориентации на качество, открытость и доступность; изменение культуры государственной службы от ориентированной на принципы рациональной бюрократии к основанной на ценностях результативного управления; принципах «мягкого управления», стимулировании диалогового взаимодействия и партнерства взамен командно-административных методов; повышение престижа государственной службы как особой сферы профессиональной деятельности; формирование в профессиональной среде служащих осознания причастности к реализации эффективной государственной политики.

Результаты реализации административной реформы в России¹⁸⁶ подтверждают сложность и многоаспектность совершенствования государственного управления; большинство определенных административной

¹⁸³ Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 383 с.

¹⁸⁴ Статья выполнена при поддержке гранта РФФИ № 17-03-00328 «Институты и практики взаимодействия власти, экспертного сообщества и общественных организаций в российских регионах» (рук. Евстифеев Р.В.).

¹⁸⁵ Zachman J. A. A Framework for Information System Architecture // IBM System Journal. 1987. Vol. 26. No. 3.

¹⁸⁶ Распоряжение Правительства РФ от 25.10.2005 № 1789-р (ред. от 10.03.2009) «О Концепции административной реформы в Российской

реформой направлений требуют целого ряда корректирующих мер в развитии полученных результатов и внедрения новых инструментов и технологий в управленческую практику.

Стратегия реформирования публичного управления определяется социально-экономическим, политическим, культурным состоянием общества и условиями функционирования государственной власти. Реформирование проходит по следующим направлениям: развитие стратегического партнерства государства, бизнеса и общества; реформа системы государственной службы, формирование принципиально иной культуры государственной службы и переходу к принципам управления по результатам; организация предоставления качественных и доступных государственных и муниципальных услуг; противодействие коррупции и снижение административных барьеров. Можно выделить институты, которые играют важную роль в повышении эффективности институтов публичной власти: Общественная палата РФ и система региональных общественных палат.

Социальная эффективность понимается как категория, отражающая степень удовлетворенности населения деятельностью органов власти и организаций, призванных решать социально-значимые задачи и получать позитивные для общества результаты. Одним из главных критериев оценки является результативность в сфере упорядоченности, безопасности общественных отношений, их воспроизводства с целью повышения благосостояния и безопасности граждан¹⁸⁷. Создание механизмов влияния Общественной палаты РФ для привлечения средств реализации социально-значимых проектов и поддержания инициатив общественных организаций на уровне муниципальных образований — важнейший критерий эффективности.

На основе интервью с представителями органов власти и экспертным сообществом обосновывается коммуникационная модель органов публичной власти и общества, эффективность которой оценивается по: а) способу формирования Общественной палаты как переговорной площадки взаимодействия общественных организаций; б) условиям участия в осуществлении общественного контроля; в) роли в процессе предоставления субсидий НКО для реализации социально-значимых проектов. В основе выделения этих критериев — функции общественных палат: представительство интересов общества, общественный контроль и участие в перераспределении бюджетных средств.

Бурляй Я. А. (Москва, МГЛУ)

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЛАТИНОАМЕРИКАНСКИХ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ В ИНТЕРЕСАХ РОССИИ

На сегодняшний день социальные сети — самый перспективный и развивающийся рынок пропаганды. На фоне того, что тиражи газет падают, телевидение теряет доверие, социальные сети выходят на первый план. Политики разных стран свои предвыборные компании ведут в Интернете и в социальных сетях. Министры сообщают о решениях через аккаунты.

Социальные медиаплатформы имеют принципиально иную структуру, чем любая медиатеchnология прошлого. Контент может попадать пользователям без фильтра, без проверки фактов, без редакторской оценки, а индивидуальный пользователь достигает такого же количества читателей как Fox News, CNN или New York Times».

Перед нами — упрощение ситуации, как с точки зрения передаваемого контента, так и с точки зрения массового сознания, которое благодаря социальным медиа стало откатываться назад. Следует вспомнить также феномен развлекательности, который охватил не только массовую культуру, но и новостные потоки. Инфотейтмент становится определяющим качеством этого потока. Третьим фактором, формирующим сегодняшний информационный поток, стало преобладание визуальности, которое постепенно трансформирует культуру чтения, когда два тома «Войны и мира» становятся недоступными даже для специалистов.

Согласно данным Экономической комиссии по Латинской Америке и странам Карибского бассейна (Ceral), этот регион в наибольшей степени зависит от США в вопросах использования интернета. 80% электронной информации в Латинской Америке проходит через какой-либо узел, напрямую или опосредованно управляемый США, в основном через расположенный в Майами Центр доступа к компьютерным сетям американского континента (NAP de las Américas). Согласно оценкам, от 70% до 80% процентов информации, которой обме-

Федерации в 2006–2010 годах» // Собрание законодательства РФ. 14.11.2005 №46, ст. 4720; Распоряжение Правительства РФ от 10.06.2011 № 1021-р (ред. от 28.08.2012) «Об утверждении Концепции снижения административных барьеров и повышения доступности государственных и муниципальных услуг на 2011–2013 годы и Плана мероприятий по реализации указанной Концепции» // Собрание законодательства РФ. 27.06.2011. №26. Ст. 3826.

¹⁸⁷ Атаманчук Г. В. Теория государственного управления. М.: Омега-Л, 2004. 573 с.

ниваются между собой страны Латинской Америки и Карибского бассейна, также проходит через территорию США.

Латинская Америка является самым отсталым регионом в вопросах производства местных контентов, хотя и лидирует по количеству посетителей социальных сетей. Из 100 наиболее популярных интернет-сайтов региона лишь на 21 размещены материалы по региональной тематике. Одним из наиболее важных аспектов латиноамериканской интернет-культуры является активное использование социальных сетей, некоторые страны континента по степени использования соцсетей превосходят развитые страны. Из десяти стран с наибольшим временем нахождения в социальных сетях пять латиноамериканские.

28% латиноамериканцев не участвуют в социальных процессах региона. При этом количество пользователей интернета в этой группе населения увеличилось в три раза по сравнению с пятью предыдущими годами. 90% латиноамериканцев имеют мобильный телефон.

Facebook.com — уверенный лидер на рынке социальных сетей в Латинской Америке, достигнувший более чем 91 миллиона посетителей в июне, что на 52 процента больше, чем в прошлом году. Аудитория Facebook.com была почти в три раза больше следующего крупнейшего сайта, Windows Live Profile, который достиг отметки 35,6 миллионов посетителей в регионе. Orkut занял третью позицию с 34,4 миллионами посетителей, движимый по большей части популярностью сайта в Бразилии. Twitter.com отмечен как четвертый крупнейший сайт с 24,3 миллионами посетителей (прирост 59%), так что Латинскую Америку продолжает покрывать волна твитов.

На сегодняшний день международная информационно-разъяснительная работа является приоритетным направлением деятельности системы публичной дипломатии России. Государство уделяет максимальное внимание задаче «освещения за рубежом государственной политики Российской Федерации и общественной жизни в Российской Федерации», донесения альтернативной точки зрения на международные события до широкой зарубежной аудитории.

Система институтов и организаций в этой сфере (по сравнению с другими направлениями публичной дипломатии) выстроена лучше всего. Базовой структурой здесь выступает МИА «Россия сегодня», международное новостное агентство и радио Sputnik, а также система информационных каналов Russia Today. Ежедневная аудитория RT — 35 млн человек. Кроме того, большое внимание уделяется развитию цифровой дипломатии на уровне отдельных российских ведомств. Самую активную роль здесь играет МИД России в лице официального представителя министерства Марии Захаровой, Директора Департамента информации и печати. МИД активно освоил социальные сети и динамично реализует так называемую facebook и twitter дипломатию.

Сегодня RT (по данным самого канала) — это восемь телеканалов, вещающих более чем в 100 странах мира (информационные каналы на английском, испанском, арабском и французском языках, телеканалы RT America и RT UK, документальный канал RTD на русском и английском), онлайн-порталы на шести языках, а также международное видеоагентство RUPTLY. 70 млн человек в 38 странах мира смотрят RT каждую неделю, половина из них — 35 млн ежедневно.

Васильева Е. Н. (Тверь, ТвГУ)

ФОРМИРОВАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ В ОТНОШЕНИИ СООТЕЧЕСТВЕННИКОВ ЗА РУБЕЖОМ: ТЕНДЕНЦИИ И ПРОТИВОРЕЧИЯ

Современные тенденции в сфере миграции в Российской Федерации обусловлены в основном экономическими и социальными факторами. Устойчивое социально-экономическое положение, сохранение исторических и культурных связей народов государств-участников Содружества Независимых Государств — одни из приоритетных задач государственной политики РФ.

Свое отражение процесс осознания позиций России в отношении соотечественников нашел в серии законодательных актов, разработке специальных инструментов в рамках существующей системы органов государственной власти, благодаря которым удалось сформировать системную политику государства в отношении соотечественников, проживающих за рубежом.

Первым документом в области политики по отношению к соотечественникам стал Указ Президента Российской Федерации от 11 августа 1994 г. «Об основных направлениях государственной политики Российской Федерации в отношении соотечественников, проживающих за рубежом».

Следующим важным нормативным документом стал федеральный закон «О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом», вступивший в силу в мае 1999 г.

Сначала в качестве российских соотечественников рассматривались все выходцы из Союза ССР и России и их прямые потомки независимо от национальной и этнической принадлежности, языка, вероисповедания, рода и характера занятий, места жительства и других обстоятельств, не являющиеся гражданами Российской Федерации и заявившие явным образом о своей духовной или культурно-этнической связи с Российской Федерацией или любым из субъектов Российской Федерации и подтвердившие эту связь¹⁸⁸. Позднее в категорию «соотечественник» стали включать и граждан Российского государства.

В статье 1 федерального закона 1999 года впервые было зафиксировано понятие «соотечественники». Отмечалось, что соотечественниками являются лица, родившиеся в одном государстве, проживающие либо проживавшие в нем и обладающие признаками общности языка, религии, культурного наследия, традиций и обычаев, а также потомки указанных лиц по прямой нисходящей линии¹⁸⁹.

Особо акцентируем внимание на том, что этот гражданин обязан *постоянно проживать за рубежом*. В связи с этим обозначается коллизия. Так, например, гражданин приезжает на обучение по программе Россотрудничества. Оканчивает бакалаврскую программу как соотечественник и изъявляет желание учиться далее на бюджетной основе в российском вузе на магистерской программе. С этого момента и наступает противоречие в законодательстве. По получении/продлении визы очевидно, что студент 4 года находился за пределами своей страны, следовательно, условие для индификации себя как соотечественника нарушается. В то же время, взаимоотношения между государствами регламентируются различными договорами в различных областях. В большинстве из соглашений прописываются одинаковые права граждан государств, подписавших данные правовые акты. Правда, есть существенное условие: гражданин другого государства должен *постоянно проживать на территории принимающего государства*. Временная регистрация не дает возможности реализации равных прав.

В Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы¹⁹⁰ основными направлениями миграционной политики в области содействия свободному перемещению обучающихся, научных и педагогических работников является повышение доступности образовательных услуг для иностранных граждан, включая совершенствование правил въезда в Российскую Федерацию и пребывания на ее территории иностранных граждан, в целях обучения в российских образовательных организациях.

Приоритетной на сегодняшний день задачей миграционной политики является совершенствование правовых, организационных и иных механизмов, не только регулирующих миграционные потоки, но и, как следствие, обеспечивающих развитие России на ближайшее десятилетие.

Васильева Л. А., Соболева С. М. (Владивосток, ДВФУ)

МИФООБРАЗ СОВРЕМЕННОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ГЕРОЯ В МЕДИЙНОМ ПРОСТРАНСТВЕ: СТАТУС И СОЦИАЛЬНАЯ РОЛЬ

В транслируемом СМИ современном мифологическом пространстве происходит смена образа политического героя, предполагаемая цель которого — изменение к нему отношения со стороны общества. Для того чтобы обещание нового образа было поддержано опытом, с которым сталкивается общество, этот опыт необходимо создать, а это достаточно длительный процесс. Правильно сформированный мифообраз героя поможет выйти на новый уровень развития, привлечь внимание общественности и увеличить лояльность существующих мифов.

Новый герой, опирается на мифологизированные представления о себе и с помощью СМИ добивается доминирующей в обществе модификации этого мифа. Но интерес этот на грани фола, он боится разоблачения. Подключенные к этому процессу СМИ используют для формирования мифа героя особый социально мифологический мир, существенно отличающийся от реального мира, в котором живет потенциальная аудитория. И если дальнейшие реальные события в реальном мире не вписываются в этот иллюзорный мир, СМИ ретранслируют необходимые для существования мифа события. Единственным основанием для соз-

¹⁸⁸ Постановление Государственной Думы ФС РФ «О Декларации о поддержке российской диаспоры и о покровительстве российским соотечественникам»: от 08.12.1995 г. № 1476-ГД — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru/proxy/ips/>

¹⁸⁹ Федеральный закон N 99-ФЗ (ред. от 23.07.2013) «О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом»: от 24.05.1999 № 99-ФЗ: (действует с 1.06.1999, за исключением некоторых положений). — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/13875>

¹⁹⁰ Указ «О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы»: от 31.10.2018 (действует с 31.10.2018 г.). — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/58986>

дания «псевдобиографии» героя служит слух, либо до предела субъективизированная точка зрения самого журналиста. По этому поводу Н. Щербинина замечает: «Причем технологии, что стало само по себе уже пропагандистским штампом, расклассифицированы на «белые» и «черные». Встает непростой вопрос: имеем мы дело сегодня с политическим мифом или мифоподобное порождение технологий есть нечто совершенно другое»¹⁹¹.

Политтехнологи сумели создать иллюзию обладания харизмой ряду демократических деятелей (Горбачев, Ельцин). Первые народные депутаты, подобно сказочным героям, также массово были борцами с системой. В трагических обстоятельствах августа 1991 года героем-искупителем «стал российский демократ-драконоборец»¹⁹². Герои постсоветского общества наполнены добродетелями, их необходимо освободить только от того, что скандально и пагубно. Образы новых героев, транслируемые медийными каналами, не соответствуют реальной действительности. Этому явлению посвятила ряд публикаций «Независимая газета»¹⁹³. Мифобраз нового героя предшествующих лет дополняется их воспеванием в былинах, сказаниях. Так на сайте «Международного фонда исследования «Тенгри» появилось произведение, которое сразу стало бестселлером в Республике Тыва и за ее пределами. Это эпос про знаменитого тувинца России Сергея Кужугетовича Шойгу, первого руководителя МЧС России. Воспел чиновника его земляк, аспирант кафедры филологии тувинского госуниверситета А. Соскал¹⁹⁴. Автор его замыслил после того, как узнал о планах чукчей создать эпос о своем кумире, бывшем губернаторе Чукотки Р. Абрамовиче. Студент Литературного института М. О. Мухторов написал поэтические диалоги «Я встретил Путина во сне, явился президент ко мне». Свою порцию лести получают и приближенные начальников¹⁹⁵. В данной ситуации СМИ выступают в двойной роли: как ретрансляторы, которые используются политиками для влияния на электорат; как трансляторы, создающие псевдореальность по собственной инициативе.

В российском обществе возникает искаженное представление о разумном, рациональном и соответствующем действительности. За реальное люди готовы принимать то, что таковым не является. Реальность такова: за 11 месяцев 2011 года уголовному преследованию было подвергнуто 734 лица, обладающих правовым статусом¹⁹⁶. Навязчивую героизацию криминала медийными каналами объясняют феноменом катарсиса. По Аристотелю, трагедия, вызывающая сострадание и страх, заставляет зрителя сопереживать, тем самым, очищая его душу, возвышая и воспитывая его. Героизированная криминальная тематика заполнила СМИ. Криминальный поток велик и подробен в показе и рассказе убийств, он формирует в сознании людей привычку относиться к подобным происшествиям как к рядовым явлениям. СМИ разрушили защитные механизмы, перешагнули черту табуирования и запретов, возвели на Олимп криминального героя.

Российское общество не приспособлено к глубокому, своевременному учету изменений, происходящих в мире, его адаптивные возможности ограничены идеологическими догмами. Современная модель общества приняла теоретические постулаты, не отрицает таких достижений цивилизации, как рынок, конкуренция, свобода личности. Криминализация этих процессов, победивший партийный монизм, неизбежно дополняется господством одной официальной идеологии, которая пронизывает все сферы человеческой жизни. Власть опирается на массы, но в то же время сознательно деклассирует, атомизирует и маргинализирует общество. Российские медиа превращают мифическую историю в современную властную парадигму. В символическом универсуме России наблюдаются нерасчлененность добра и зла в ее политической символике, тенденции усиленной мифологизации образов современных политических героев. Герои прошлого не вписываются в политическую структуру, современные герои противоречивы, отношение к ним со стороны общества негативное.

¹⁹¹ Щербинина Н. Герой и антигерой в политике России. М.: Весь мир. 2002. С. 19.

¹⁹² Полосин В. Миф. Религия, Государство. М.: 1999. С. 190.

¹⁹³ Например, 1999 году «Независимая газета» опубликовала портрет «Прилуяка», не существующего в реальном мире человека, образ которого был синтезирован из фотографий Е. Примакова, Ю. Лужкова и А. Яковлева. // Независимая газета. — 1999. — 6 февр.

¹⁹⁴ Взлет карьеры С. Шойгу описан как полет Орла, а окружение — как богатыри Пут (Путин), и Дидим (Медведев). «Бору (Борис) призвал к себе богатырей, одного из которых звали Путтуг могэ Делегей ээзи (Путин, владеющий миром), а другого — Дидим Ана толдуг (Дмитрий Анатольевич) из рода Адыг (медведей)». // Международный фонд исследования «Тенгри». 27.09.2012. <http://tengrefund.ru/2012/09sovremennuj-tuvinskij-epos-o-bogatyre-shjgu/#more-2434>.

¹⁹⁵ На избрание В. Матвиенко губернатором Санкт-Петербурга поэт Ю. Беломлинская откликнулась лстивыми стихами. В Татарстане жене первого президента республики Сакину Шаймиеву посвятили такие строчки: «Это имя, как изюм, как рахат-лукум, Сакина-Ханум, Сакина-ханум». // Ахмирова Р. «Как Пут и Дидим Сергеку услужили. Собеседник. — 2012. — 10–16 окт. № 38 (1431).

¹⁹⁶ Интервью с председателем следственного комитета РФ А. Бастрыкиным // Российская газета. 2012. 19 января.

ПАРЛАМЕНТАРИЗМ И ПАРЛАМЕНТСКАЯ ДИПЛОМАТИЯ: ВЫЗОВЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

За последние несколько лет на международной арене сложилась непростая обстановка. Сложность и комплексность накопившихся проблем указывают на отсутствие как простого и очевидного решения, так и на недостаточность традиционных мер урегулирования кризисов. Парламенты принимают все более активное участие в решении этих задач и демонстрируют готовность к изменениям на благо мирной и устойчивой среды.

Мы все чаще сталкиваемся с тем, что имеющаяся правовая база не способна дать адекватный ответ на вызовы современности, оказавшись недостаточно готовой к новой цифровой эпохе. Отстаивая такие основополагающие принципы, как уважение суверенитета и невмешательство во внутренние дела государств, необходимо установить четкие правила игры в эпоху санкционного давления, информационных войн и роста киберпреступности. Разработка правовых норм на данном этапе носит реактивный характер, поэтому крайне важно стремиться к сокращению этого отставания и работать на опережение, т. к. деградация правовой системы приведет к неизбежному отставанию. Законодательная работа — ключ к преодолению кризиса международного права, восстановлению международного доверия. Парламентские механизмы принятия решений, основанные на уважении к разнообразию мнений, позволяют согласовать позиции разных заинтересованных сторон в вопросах как внутренней, так и внешней политики.

Такой подход имеет под собой весомые основания. Парламенты могут внести значительный вклад в дело борьбы с вмешательством во внутренние дела суверенных государств. Незыблемость государственного суверенитета и целенаправленные попытки по его подрыву активно обсуждались в ходе Второго международного форума «Развитие парламентаризма», организованного по инициативе Государственной Думы в июле 2019 г. с целью обеспечения честного и открытого диалога о накопившихся проблемах. На смену парламентскому туризму приходит содержательная работа с представителями парламентов других государств, которая позволяет достичь компромисса по важнейшим вопросам мировой повестки дня.

Глобальные вызовы и угрозы, с которыми сталкиваются все государства без исключения, требуют качественной проработки на уровне парламентов. Наиболее активное обсуждение на Форуме вызвали вопросы борьбы с терроризмом, наркотрафиком и нелегальной миграцией. Другая сквозная тема Форума — обеспечение информационной безопасности. По обеим проблемам необходимо не только закрыть «лазейки» в законодательной базе государств, но и гармонизировать правовое регулирование. Глобальность проблем требует глобального подхода и согласованных действий.

Тренд межпарламентского диалога — поиск объединительной повестки, тем, вызывающих отклик во всех регионах и странах мира. Это, помимо названных выше проблем, социальная тематика и вопросы устойчивого развития. Проблемы сокращения неравенства и борьбы с бедностью могут быть нивелированы при помощи межпарламентского диалога. Подобные контакты должны осуществляться не только в рамках многосторонних институтов и форумов, но и в двустороннем формате. Россия последовательно выступает за многополярность мира, которая, в свою очередь, подразумевает активный диалог и согласование интересов сторон.

При активизации такого рода усилий критически важно избежать политизации межпарламентских институтов, созданных не для конфронтации и противостояния, а для поиска взаимоприемлемых способов решения проблем. Недопустимы провокации, дискриминация и использование риторики блоков холодной войны. В основе работы межпарламентских институтов — равноправный диалог, к которому апеллировала Российская Федерация в недопустимой ситуации вокруг лишения прав российской делегации в Парламентской ассамблее Совета Европы. Политизированность парламентской повестки должна быть преодолена вне зависимости от сложившейся международной напряженности. Порочная практика дискриминации в адрес отдельных делегаций должна быть прекращена.

Васьков И. С. (Санкт-Петербург, СПбГУ)

ЦИФРОВИЗАЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ И БЕЗОПАСНОСТЬ: ПРИРОДА ДИХОТОМИИ БЛАГА И ОПАСНОСТЕЙ ИКТ С ПОЗИЦИИ ТЕОРИИ СЕКЬЮРИТИЗАЦИИ¹⁹⁷

Цифровизация государственного управления, равно как и повседневной жизни несет в себе противоречивое значение полезности. С одной стороны, мы имеем технократическое благо в виде повышения операционной

¹⁹⁷ Материал подготовлен при поддержке гранта РНФ № 19-18-00210 «Политическая онтология цифровизации: исследование институцио-

эффективности и коммуникации, с другой — сокращение сферы частного, которое происходит как добровольно, так и под давлением обстоятельств и требований окружающего пространства.

С позиции безопасности личной жизни, ожидаемо наблюдается настороженность пользователей перед лицом инноваций¹⁹⁸. Более того, можно утверждать, что т.н. эффект Стрейзанд, который выражается в том числе через взрывоподобное распространение информации о событии при попытке замолчать данное событие, играет важную роль в формировании образа цифровизации в негативном ключе. Речь идет о сравнительно легком распространении неподтвержденных и сомнительных слухов и сообщений, которые «перекрывают» рациональные доводы о необоснованности беспокойства.

Немаловажную роль играет и то, как позиционируется цифровизация государственного управления и государственных услуг в контексте эпизодических и/или регулярных «провалов». В частности, речь идет о расследовании Dr. Web в отношении уязвимостей портала «Госуслуги» в 2017¹⁹⁹ и массовых утечках персональных данных, которые регулярно обнаруживаются аналитиками (последний крупный случай описан И. Бегтиным²⁰⁰). Чтобы доказать значимость подобных событий для протекания цифровой реформы предлагается применить нестандартный подход, на основе теории секьюритизации Бузана и Вивера²⁰¹, которая позволит взглянуть на цифровизацию в категориях угрозы.

Так, модель политического процесса в рамках подхода выглядит следующим образом: с одной стороны, мы обнаруживаем, что государство как инициатор информационного сообщения конструирует положительный образ предпринимаемых изменений (программа «Цифровая экономика», введение электронного голосования, электронные государственные услуги и т.п.), с другой — использует ИКТ как инструмент в публичной полемике, выставляя Интернет и цифровую сферу как неустойчивые с позиции безопасности области деятельности и как источник неуловимых угроз. Параллельно общество, в лице сознательных и активных его членов (например, независимые специалисты), конструирует собственную повестку дня, где цифровизация подвергается критике с позиции объективности исполнения задач государственных программ.

В результате, можно утверждать, что изучаемая дихотомия является строго ангажированной и субъективной. Отрицать «естественность» цифровизации в условиях темпа развития ИКТ, становится все сложнее. Вопрос о благе и угрозе возникает на уровне внедрения ИКТ и сопутствующем позиционировании предпринимаемых нововведений. Образ технологии строго соотносится с образом власти, которая в публичном дискурсе приобретает статус корыстного объекта, а ИКТ воспринимается как инструмент вторжения в сферу частного. Данные опасения так же подкрепляются потенциальной возможностью вторжения в предустановленные уязвимости третьих лиц. В результате, образ политических решений приобретает оттенок популизма, поскольку приоритетным становится не техническая реализация проекта, а «привлекательность» государственной инфраструктуры для инвесторов и пользователей.

Ведерникова М. И. (Москва, ИЕ РАН)

УЛУЧШЕНИЕ ИМИДЖА РОССИИ В ЕВРОПЕ ИНСТРУМЕНТАМИ DIGITAL-МАРКЕТИНГА

Понятие «имидж» неразрывно связано с понятием «восприятие», ведь ради нужного восприятия и строится имидж, разрабатываются стратегии его конструирования и продвижения. В современном мире «имидж государства — важное условие его успешности в реалиях нового информационного пространства, широко применяемое в политической сфере общества²⁰²».

При формировании образа человеческое сознание включает схему достраивания материала, приписывая объекту определенные качества, черты и т. д. Каналы массовой коммуникации играют здесь важную роль, ведь

нальных оснований цифровых форматов государственной управляемости»

¹⁹⁸ Титов Д. Цифра: возможности и риски // Экономика и жизнь. — 2019. — № 17–18. — Режим доступа: <https://www.eg-online.ru/article/398960/>

¹⁹⁹ «Доктор Веб»: портал государственных услуг Российской Федерации (gosuslugi.ru) скомпрометирован и может в любой момент начать заражать посетителей или красть информацию // Dr. Web. — 13.07.2017. — Режим доступа: <https://news.drweb.ru/show/?i=11373&lng=ru>

²⁰⁰ Персональные данные уходят с молотка // РБК. — 29.04.2019. — Режим доступа: <https://www.rbc.ru/newspaper/2019/04/29/5cc2df569a7947c83b69b0d5>

²⁰¹ Buzan B. Security: A New Framework for Analysis. Lynne Riner Publishers, London, 1998. — URL: <https://ru.scribd.com/doc/243026486/Buzan-Barry-Security-a-New-Framework-for-Analysis>

²⁰² Давыборец Е. Н., Кузьмина О. В., Мефодьева С. А. Классификация технологий имиджа государства // Вестн. Забайкал. гос. ун-та. 2016 Т. 22. № 5. С. 60–66.

для того, чтобы объект ассоциировался с теми характеристиками, которые являются наиболее желательными, нужно донести их до целевой аудитории (которая может быть поделена на группы).

Известно, что в современном обществе образ внешнего мира у индивида формируется средствами массовой информации. Н. Болц писал в своём исследовании: «Вследствие того, что наши знания о реальности опосредованы СМИ, стало бессмысленным отличать отображение от отображенного явления... Что есть тот или иной политик или событие — это вообще можно понять лишь в их медиальной инсценировке. То, что реально происходит, становится общественным событием только через свое медиальное отображение»²⁰³.

Для построения и корректировки имиджа необходимо использовать не только классические инструменты PR, но и современные способы продвижения имиджа государства, которые особенно актуальны в перенасыщенном различными сообщениями информационном поле.

На фоне значительного сокращения тиражей печатной прессы и снижения размера аудитории телевизионных каналов всё большую популярность набирают способы коммуникации в сети Интернет.

Нужно отметить, что сегодня государства активно используют некоторые инструменты digital-маркетинга для достижения определённых целей, в т. ч. и для создания положительного имиджа. В данной работе инструменты digital-маркетинга будут рассмотрены применительно к корректировке имиджа России в европейском сегменте интернета.

Наиболее эффективным является использование комплексного подхода для продвижения положительного имиджа России в Европе, который включает в себя инструменты контекстной рекламы, SMM и SEO-продвижения.

Эффективная работа в этом направлении невозможна без серьёзного подхода к созданию и продвижению положительного имиджа России. Здесь стоит обратить отдельное внимание на интеграцию различных инструментов digital-маркетинга. Необходимо помнить, что различные способы продвижения в сети Интернет позволяют практически моментально получить обратную связь от аудитории, что дает возможность корректировать стратегию продвижения. Кроме того, digital-продвижение обладает рядом других преимуществ: точная сегментация аудитории; более низкая стоимость взаимодействия, чем в традиционных СМИ; большая оперативность и т. д.

Такие инструменты digital-маркетинга, как контекстная реклама и SEO-продвижение помогают привлекать на интернет-ресурсы наиболее заинтересованную аудиторию, которой необходимо получить дополнительную информацию по определенной теме. Поскольку пользователи сами обращаются к поисковой системе с конкретными запросами, под эти запросы можно отредактировать материалы на сайте или настроить показ контекстной рекламы.

При использовании современных digital-инструментов для корректировки имиджа России в европейском сегменте интернета необходимо учитывать следующие основные факторы:

1. Постоянные обновления поисковых систем и социальных сетей, неоперативное реагирование на которые может привести к нарушению правил и потере позиций.
2. Продвижение должно происходить на постоянной основе («заброшенные» сообщества в социальных сетях и сайт, на котором не обновляется информация, быстро потеряют позиции и аудиторию).
3. Необходимо изначально создавать и продвигать качественные ресурсы, т. к. последующие доработки могут привести к потере позиций и аудитории.

Таким образом, можно сделать вывод, что интернет дает большое количество возможностей для продвижения имиджа России, особенно его культурно-гуманитарной грани. Продвижение политической грани имиджа может быть более рискованным, а результат — менее предсказуемым. Кроме того, продвижение культурно-гуманитарных граней имиджа является наиболее безопасным и эффективным ещё и по той причине, что материалы и мероприятия, не имеющие прямого отношения к политике, вызывают больше доверия у аудитории.

Ветренко И. А. (Санкт-Петербург, СЗИУ РАНХиГС при Президенте РФ)

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ТОК-ШОУ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА ПУБЛИЧНУЮ ПОЛИТИКУ: ИСТОРИЯ ВОПРОСА

Сегодня для того, чтобы понять информационную политическую повестку достаточно посмотреть хотя бы одно политическое ток-шоу и весь спектр социальных проблем становится очевидным.

²⁰³ Corder-Bolz C. R. Mediation: The role of significant others // Journal of Communication. 1980. No. 30. P. 110.

В 20–30 годы XX века в США зародился прообраз современных ток-шоу на радио, и представлял собой диалог радиоведущего и приглашенного гостя с пассивной аудиторией радиослушателей. В течение 20-х годов XX века в США выходило в эфир больше 20 подобных радиопередач политической, общественной и культурной тематики. В 30-е годы XX века на данных программах появлялись различные способы взаимодействия с аудиторией радиостанций. Ведущий и радиослушатели общались в диалоговом режиме, т. е. во время таких программ каждый желающий мог дозвониться в прямой эфир и задать свои вопросы.

Уже в конце 1940-х годов с развитием телевидения в США подобные программы стали появляться и на телеэкранах страны. Первыми ведущими телевизионных ток-шоу становились популярные радиоведущие, журналисты. До 1960-х годов роль зрителя в студии таких программа была пассивной и ограничивалась проявлением одинаковых эмоций на общем фоне — аплодисменты, смех, свист. Впервые привлечение аудитории студии к общей дискуссии было отмечено в 1964 году, когда ведущий Ле Крейн вечернего «Ле Крейн шоу» («The Les Crane Show») попросил несколько зрителей высказать свою точку зрения по теме обсуждения²⁰⁴.

1968–1969 годы, считается бумом телевизионного сезона в США. В этот период появляется ток-шоу Фила Донахью, его и принято считать родоначальником данного формата программ. Аудитория в студии могла задавать вопросы и высказывать собственное мнение по теме дискуссии. Причиной привлечения зрителей к разговору исследователи считают отдаленное место расположение телестанции в штате Огайо, в результате чего было невозможно приглашать в студию достаточное количество знаменитостей.

В 1968 году на американском телеканале ABC вышло ток-шоу Дика Кавета. Ведущий стал известен благодаря своему фирменному разговорному стилю и глубоким дискуссиям, за что его называли «думающим ведущим». Отличительной особенностью «шоу Дика Кавета» было умение вовлечь зрителей в диалог с ведущим.

В 1968 году на одном из американских телеканалов вышло политическое ток-шоу «60 минут» (60 Minutes). Оно стало одной из наиболее успешных передач в США, оно выходит в эфир и по сей день, по аналогии с ним стали выпускаться политические ток-шоу в других странах с таким же названием. В основе данной программы лежали журналистские расследования и разоблачения. Это ток-шоу выиграло несколько премий, стало одним из самых уважаемых общественно-политических ток-шоу в США.

Появление политических ток-шоу на российском телевидении, предполагающих обсуждение политических проблем в стране, стало возможно только после объявления в апреле 1986 года курса на «ускорение, перестройку и гласность», что способствовало смягчению цензуры.

Так, в 1986 году вышла программа «12-й этаж», которая представляла собой дискуссию между министрами, депутатами, общественными и культурными деятелями и обычными зрителями на значимые политические темы. Несмотря на актуальность передачи и ее новый формат, шоу просуществовало недолго до 1987 года.

В этот период появилось еще одно ток-шоу «Музыкальный ринг», формат которого предполагал развлекательную программу. Во время передачи зрители из студии могли задавать вопросы приглашенным звездам. Однако возросший интерес на тот момент времени к общественно-политическим проблемам превратил многие ее выпуски в острые политические дискуссии.

Значимым моментом для развития политических ток-шоу можно назвать ряд телемостов, которые прошли между двумя странами СССР и США. Первым телемостом на политическую тему был «Ленинград — Сиэтл: встреча в верхах рядовых граждан», который вышел в феврале 1986 года. Его ведущими были Фил Донахью и Владимир Познер. Суть передачи состояла в том, чтобы собравшаяся в студии аудитория могла задавать вопросы американской стороне.

В 90-х годах XX века политические ток-шоу приобретают более развлекательный характер²⁰⁵. Это связано с перестройкой телевидения на коммерческую основу. Результатом данного процесса стало копирование форматов западных ток-шоу на российском телевидении. В период предвыборных кампаний значение общественно-политических ток-шоу и их число возрастало.

По подсчетам экспертов с 1992 по 1999 год на федеральных телеканалах страны выходило порядка 20 общественно-политических ток-шоу. Одним из популярных ток-шоу того времени исследователи называют передачу «Тема», которая выходила в эфир с 1992 по 2000 годы. Концепция и структура данного ток-шоу была полностью скопирована с ток-шоу Фила Донахью. Ведущего российского аналога программы -Владислава Листьева в этом часто упрекали.

Другое известное общественно-политическое ток-шоу в 1990-е годы «Мы» Владимира Познера также было построено по классическому американскому формату: харизматичный ведущий, гости и зрители в студии. Зна-

²⁰⁴ Гуленко П.В. Истоки и генезис формата «общественно-политическое ток-шоу». // Вестник Московского университета. №6. 2016. С. 112.

²⁰⁵ Могилевская Э.В. Ток-шоу как жанр ТВ: происхождение, разновидности, приемы манипулирования [Электронный ресурс]. // Научно-культурологический журнал. № 15. 2006. Режим доступа: <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tguwww.woa/wa/Main?textid=1114&level1=main&level2=articles> (дата обращения: 23.07.2019).

ковым политическим ток-шоу стала программа «Глас народа», выходившая с 1999 по 2001 годы на телеканале НТВ. Вопросы и проблемы, обсуждаемые в студии, выбирались из соображения актуальности и объективности. По мнению исследователей, «после «Гласа народа» общественно-политическое ток-шоу можно рассматривать как устоявшийся формат передач на российском телевидении»²⁰⁶.

В настоящее время политические ток-шоу в России уже превратились в неотъемлемый элемент телевидения. Кроме того, отмечается резкое увеличение количества телепередач данного формата с 2014 года на федеральных телеканалах. На «Первом канале» выходят следующие наиболее популярные политические ток-шоу: «Время покажет», «Большая игра», «Толстой. Воскресенье». На телеканале «Россия 1» — «Воскресный вечер с Владимиром Соловьевым», «Вечер с Владимиром Соловьевым», «60 минут», «Кто против?». На НТВ — «Место встречи». На ТВЦ — «Право голоса», «Право знать». Многие российские эксперты факт увеличения количества политических ток-шоу связывают с внешнеполитическими событиями 2014 года, в частности, с обострением отношений между Россией и Украиной. Результатом этого стало стремление российской политической элиты формировать повестку дня для населения посредством ток-шоу.

Видясов Е. Ю. (Санкт-Петербург, НИУ ИТМО)

ЭЛЕКТРОННОЕ УЧАСТИЕ ГРАЖДАН В ГОРОДСКОМ УПРАВЛЕНИИ НА ПРИМЕРЕ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА: ПОСТАНОВКА ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ ЗАДАЧ²⁰⁷

В настоящее время существует достаточно большое количество научной литературы, связанной с изучением электронного гражданского участия, в науке пока не сложилось единого понимания данного концепта. Это обусловлено не только относительной новизной феномена, но и отсутствием четкого разграничения между электронным участием и смежными терминами: «электронное правительство», «электронная демократия», «открытое правительство». Неопределенности добавляет наличие множества «авторских» терминов и использование их в политическом дискурсе (например, «информационная демократия», «электронное государство», «цифровое правительство» и пр.).

Исследованиям электронного участия предшествовал значительный объем работ, посвященных изучению электронного правительства. Достаточно полно освещены социально-экономические эффекты электронного администрирования, т. е. внедрения и использования информационных технологий внутри бюрократического аппарата²⁰⁸. Термин «электронное участие» в этом контексте представляется нейтральным и более широким, чем «электронная демократия», поэтому его употребление в научном дискурсе становится все более распространенным²⁰⁹.

Многими авторами обосновывается необходимость рассмотрения электронного участия в контексте той среды, в которой оно развивается. В рамках аспирантского исследования поставлена задача развития институциональной модели функционирования публичного пространства и электронного гражданского участия в условиях развития цифровизации и реализации программ построения «умных городов». В этой связи контекст развития «умного города» на примере Санкт-Петербурга взят не случайно. В городе с 2017 г. активно разрабатывалась и внедрялась программа «Умный Санкт-Петербург», предполагающая повышение качества жизни горожан за счет эффективного использования новых инновационных технологий в самых различных сферах.

В рамках институционального подхода предполагается, что от качества институтов и характеристик социально-политической среды и от решений акторов, принимаемых в рамках установленных правил игры зависит успешность внедрения механизмов диалога власти и общества в Интернете. Актуальность указанного выше

²⁰⁶ Гуленко П.В. Истоки и генезис формата «общественно-политическое ток-шоу». // Вестник Московского университета. №6. 2016 г. С. 121.

²⁰⁷ Исследование осуществляется при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (поддержка аспирантов), грант №19-311-90031.

²⁰⁸ Fountain J. Building the Virtual State: Information Technology and Institutional Change. NY: Brookings, 2001; Сморгун Л.В. В поисках управляемости концепции трансформации государственного управления в XXI веке. СПб: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2012; Филатова О.Г., Чугунов А.В. Электронное взаимодействие между обществом и властью: формирование концепции и практика реализации в России // Управленческое консультирование. 2013. №8 (56). С. 57–67.

²⁰⁹ Леонова М.В. Электронное участие в России и Европейском Союзе: стратегии, механизмы, оценка результатов // Вопросы государственного и муниципального управления. 2010. №4. С. 125–135; Bershadskaya L., Chugunov A., Trutnev D. E-Participation Development: A Comparative Study of the Russian, USA and UK E-Petition Initiatives // ACM International Conference Proceeding Series. — 7th International Conference on Theory and Practice of Electronic Governance (ICEGOV 2013): Proceedings. October 22–25, 2013, Seoul, South Korea. N. Y.: ACM Press, 2013. P. 73–76.

исследования состоит в наличии проблемной ситуации, связанной с тем, что процесс цифровых трансформаций в настоящее время обозначен в качестве важной государственной, следовательно, и политической задачи. Однако научное сопровождение этого процесса с позиции политической науки фактически отсутствует.

На данном этапе можно отметить достаточно успешные проекты в сфере гражданского участия: портал «Наш Санкт-Петербург», портал «Свой бюджет», площадки городских активистов в социальных сетях (по отдельным районам и категориям городских проблем), а также возрастающий интерес к проблематике урбанистики среди населения (прежде всего, активной молодежи). В то же время имеют место и случаи, когда потребности горожан и их мнения были не только не услышаны, но и существенно искажены (фальсификации на подобных площадках, скандалы на муниципальных выборах и т. д.). По нашему мнению, «приземлить» (определить влияние на социум) идеи цифровой трансформации и «цифровой экономики» можно, взяв в качестве объекта исследования публичное пространство города и процессы гражданского участия в условиях внедрения технологий «умного города». Проведение комплекса исследований позволит определить возможности и границы использования инструментов электронного участия на примере Санкт-Петербурга.

Витковская Т. Б., Назукина М. В. (Пермь, ПФИЦ УрО РАН)

СПЕЦИФИКА СУБНАЦИОНАЛЬНОГО РЕГИОНАЛИЗМА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ (СЛУЧАЙ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН)²¹⁰

Доклад опирается на результаты исследования регионалистских организаций Республики Татарстан, проведенного авторами в Республике Татарстан в июле 2019 г. Основной материал был получен в ходе интервью с лидерами и активистами ряда республиканских регионалистских организаций и движений²¹¹. Были использованы также материалы экспертных интервью (N 14), что позволило дополнить выявленные позиции вовлеченных лиц экспертными оценками.

Исследование выявило внутреннюю фрагментацию в среде республиканских регионалистских организаций («системное крыло» и «несистемное крыло», по определению одного из респондентов). Представители радикального крыла регионалистского движения были исключены из числа респондентов²¹². Анализ позиций прочих представителей регионалистского движения позволил сделать следующие обобщения и выводы.

«Окно возможностей» для регионалистских организаций в Республике Татарстан остается (относительно) широким: они могут участвовать не только в общественной жизни, но и в политической жизни республики, и выходить в пространство публичной политики. Основным ограничением является запрет на создание регионалистских партий²¹³, который оставляет их в статусе, как правило, общественных организаций.

В Республике Татарстан нет квази-регионалистских организаций, которые созданы или используются как политические проекты, в сугубо инструментальных интересах (например, для мобилизации электората). Организации и их лидеры, которые используют регионалистскую риторику, являются реальными представителями регионалистского движения, разделяющими его идеологию.

Стратегии регионалистских организаций предполагают активное использование интернет-площадок и социальных сетей (в т. ч. вконтакте и телеграм-каналов).

Зафиксировано консолидированное восприятие специфики региона регионалистскими организациями. Оно связано с образами инновационного, экономически развитого, столичного и активного в реализации мегапроектов. Значимым фактом является снижение актуализации этнического компонента как ресурса и характеристики специфики региона по сравнению с 1990-ми годами. Важным аспектом взаимоотношения Центр—регионы в современное время становится экономический регионализм.

Общими для различных регионалистских организаций Республики Татарстан являются тезисы (и требования), которые относятся к сфере политики в области языка и образования. При этом требования адресованы не только органам власти Республики Татарстан, но и органам центральной власти РФ. В повестке всех регионалистских организаций значимое место занимают также вопросы развития национальной культуры и поддержки национальной идентичности.

²¹⁰ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00053 «Субнациональный регионализм и динамика многоуровневой политики (российские и европейские практики)») в Пермском федеральном исследовательском центре УрО РАН

²¹¹ Под регионалистскими организациями и движениями понимаются общественные организации и движения, которые выступают с позиций регионалистского дискурса.

²¹² Чтобы не размывать исследование смежными сюжетами, такими как: сепаратизм, радикальный национализм в Республике Татарстан.

²¹³ Федеральный закон от 11.07.2001 № 95 — ФЗ (ред. 26.07.2019) «О политических партиях». Ст. 9, п. 3: «Не допускается создание политических партий по признакам профессиональной, расовой, национальной или религиозной принадлежности» URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_32459/44c2a6e6715de265e1b3fbc0c1fc58f30cb9f378/ (проверено: 29.07.2019)

Четко прослеживается уровень требований регионалистских организаций. В целом, основные требования, выдвигаемые ими, относятся к сфере прав и возможностей татар как представителей «титульного этноса» (вопросы языковой и образовательной политики), но не к сфере полномочий и компетенций органов власти Республики Татарстан как «национальной республики».

Сильнейшим актором регионализма в Республике выступает региональная власть («регионализм сверху»).

Внукова Л. Б. (Ростов-на-Дону, ЮНЦ РАН)

СТРАТЕГИИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ КОГНИТИВНОЙ ЦЕНЗУРЫ (НА ПРИМЕРЕ ОТДЕЛЬНОГО СЛУЧАЯ ИЗБИРАТЕЛЬНОЙ КАМПАНИИ ПРЕЗИДЕНТА УКРАИНЫ)²¹⁴

Для успешной реализации стратегий когнитивной цензуры необходимо нескольких условий. Прежде всего, достаточный контроль медийного информационного поля для осуществления манипуляции массовым сознанием. В современных условиях только Китай приблизился к осуществлению тотального контроля сети, т. е. к цензуре в классическом понимании. В условиях же нескольких источников «производства» информации создаются конкурирующие образы реальности, предлагающие свою трактовку событий или даже сами события — инфоповоды, привлекая и завлекая потребителя информации всеми возможными способами. В случае использования когнитивной цензуры игроки играют «на руку» друг другу, потому что лавина (дез-) информации и (псевдо-) новостей, топтит отдельные информационные поводы, если они не продвигаются или хотя бы не включаются в повестку дня другими игроками информационного поля. Теоретико-методологические основания исследования подробно описаны в заявке научного проекта «Стратегии когнитивной политической цензуры как эффект «новых медиа»: украинский кейс в сравнительной перспективе», поддержанной РФФИ и АНО ЭИСИ. В данной статье мы рассмотрим как отдельный инфоповод в рамках президентской кампании на Украине — скандал с хищениями в Укроборонпроме — преподносился на 5 канале (информационном ресурсе, принадлежащем на тот момент действующему Президенту Украины Петру Порошенко).

25 февраля 2019 г. независимые журналисты публикуют расследование про коррупционные схемы в Укроборонпроме, которые курировал ближайший соратник Порошенко, первый заместитель секретаря Совета национальной безопасности и обороны — О. Гладковский. На следующий день этот скандал становится главной новостью в медийном пространстве Украины, а на 5 канале выражают сомнения: «В двух сериях материала нет полной доказательной базы или аргументации», «Речь идет о 2014–2016 годах» (попытка снизить актуальность) и даже обвиняют журналистов «Наши деньги» в манипуляции и использовании непроверенной информации, ссылаясь на комментарий из госконцерна: «Подчеркиваем, что журналисты программы «Наши деньги», которые манипулятивно использовали закрытую информацию по уголовным расследованиям, должны обращаться за ее проверкой к первоисточникам»²¹⁵. На следующий день (27 февраля) публикуется интервью первого заместителя генерального директора ГК «Укроборонпром» С. Омельченко, который отрицает наличие любых контрабандных сделок на поставку комплектующих к военной технике²¹⁶. При этом на других информационных каналах уже два дня полным ходом идет обсуждение этого скандала, сути коррупционных схем, болевых проблем зависимости военной техники от контрабанды из России и т. п., а на 5 канале отрицание, попытка обелить, т. е. манипуляции с целью вызвать когнитивное искажение. Только 28 февраля появляется новость о том, что Верховная Рада постановила немедленно расследовать факты, обнародованные журналистами «Наши деньги»²¹⁷. Какова же повестка дня, предлагаемая президентским информационным ресурсом? Анализ ключевых тем 5 канала на протяжении примерно двух (20.02–03.03.2019) недель показал ежедневное развитие нескольких сюжетов. Позитивно освещаются следующие темы: грамотные действия Порошенко (например, рост товарооборота с ЕС), новости становления украинской автокефалии, позитивное освещение

²¹⁴ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и АНО ЭИСИ в рамках научного проекта №19-011-31284 «Стратегии когнитивной политической цензуры как эффект «новых медиа»: украинский кейс в сравнительной перспективе»

²¹⁵ Скандальні викриття чи маніпулювання інформацією: як у ВР реагували на розслідування щодо «Укроборонпрому». URL: <http://web.archive.org/web/20190311095338/https://www.5.ua/suspilstvo/skandalni-vykryttia-chy-manipuliuвання-informatsiiei-u-vr-reahuvaly-na-rozsliduvannya-shchodo-ukroboronpromu-187416.html> (дата обращения: 31.08.2019).

²¹⁶ Незручне питання про деталі з РФ для української «оборонки» — як відповідає топ-менеджер «Укроборонпрому». URL: web.archive.org/web/20190227221543/https://www.5.ua/suspilstvo/nezruchne-pytannya-pro-detali-rf-dlia-ukrainskoi-oboronky-iak-komentuie-topmenedzhер-ukroboronpromu-187509.html (дата обращения: 31.08.2019).

²¹⁷ ВР постановила негайно розслідувати факти, оприлюднені журналістами «Наші гроші». URL: <http://web.archive.org/web/20190301222314/https://www.5.ua/polityka/vr-pidtrymala-postanovu-pro-nevidkladne-rozsliduvannya-faktiv-opryliudnennykh-zhurnalistamy-nashi-hroshi-187543.html> (дата обращения: 31.08.2019).

АТО и армии в целом. В негативном ключе подаются любые новости про Россию, муссируется нарратив «Россия (Путин) — агрессор», отдельного внимания удостоиваются глубокие непреодолимые проблемы в Крыму и т. п. Значимое событие в этот период — скандал с представителями Украины на конкурсе Евровидение. Тема выборов освещается в основном нейтрально, выходят негативные сюжеты про Ю. Тимошенко и Коломойского. Инфоповод «Зеленский» представлен мало, всего пара новостей более чем за неделю.

Таким образом, в рассматриваемом случае когнитивная цензура сопровождается использованием и других манипуляций — переключение внимания, подача информации под другим углом с целью искажения, уменьшение значимости и др.

Волков В. А. (Санкт-Петербург, СПбГУ)

СТАНОВЛЕНИЕ ПРИНЦИПОВ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ИДЕОЛОГИИ

Экологическая идеология испытывает потребность в собственном теоретическом основании, формируемом в контексте критического отношения к мировоззренческим ценностям всего предыдущего развития человеческой цивилизации. Вместе с тем, ее развитие происходит в рамках классических идеологических концепций и не дает ответов на значимые вопросы. Попытку изменить ситуацию предприняли представители Римского клуба в рамках нового доклада в 2018 году²¹⁸.

В чем же выражается собственно экологическая картина мира и экологическое мировоззрение? Американский эколог-экономист, Г. Дэйли предложил концепцию «Полного мира»²¹⁹. Согласно его позиции, современные тенденции в экономике не могут сохраниться в будущем. Если не будут произведены радикальные изменения, мир столкнется с тотальной потерей благосостояния и возможностью экологической катастрофы. Необходимой причиной таких изменений является то, что человечество длительное время формировалось в пространстве «пустого мира» с неизведанными землями, морями, неисчерпаемыми ресурсами. Мировоззрение и системы ценностей «пустого мира» были выражены идеалах антропоцентризма, прогресса, экономического роста, европейского просвещения XVII–XVIII веков.

В XX веке человечество оказалось в условиях «полного мира». В своей деятельности и существовании человечество наталкивается на границы. Уже не осталось неизведанных земель и континентов, дефицит ресурсов становится очевидным, экономика преодолевает все национальные границы и принимает глобальный характер.

Экономика должна быть преобразована таким образом, чтобы мир мог стать устойчивым в долгосрочной перспективе. Во-первых, необходимо ограничить использование всех ресурсов до уровня, на котором в конечном итоге получаемые отходы, могут быть поглощены экосистемой. Во-вторых, возможно эксплуатировать возобновляемые ресурсы до уровня, который не превышает способность экосистемы повторного создания ресурсов. В-третьих, истощение невозобновляемых ресурсов не должно превышать темпы развития возобновляемых заменителей.

Сама концепция и практика капитализма были сформированы в пустом мире, а продолжающиеся финансовые кризисы в XXI веке уже имеют иную природу. «Капитализм, каким мы его знаем, нацелен на максимизацию краткосрочной выгоды, из-за него мы двигаемся в неверном направлении — в сторону все более дестабилизированного климата и деградирующих экосистем. И, несмотря на все те знания, которые нам доступны сегодня, мы не способны изменить этот курс, буквально подводя планету Земля к разрушению»²²⁰.

Сообщение второй энциклики *Laudato si'* (Хвала Тебе) Папы римского Франциска, опубликованной 18 июня 2015 года, утверждает, что человечество находится на траектории самоуничтожения, если не будут приняты правила серьезно ограничивающие утилитарные тенденции нашей нынешней экономики. Антропоцентризм ошибочен даже в отношении всех живых существ, обладающих таким же совершенством, как и человек, созданный по божественному образу и подобию. Франциск призывает к решительной культурной революции.

Искаженное восприятие современного мира основывается на многих источниках и их неверных интерпретациях. Мыслителями, концепции которых были системообразующими и, одновременно, односторонне истолкованными, являются Адам Смит, Давид Рикардо и Чарльз Дарвин. Именно установки пустого мира привели к доминированию в мировоззрении предшествующей эпохи трех принципов, сформулированных этими авторами: предпочтение невидимой руки рынка над государственным законодательством; свободная торговля

²¹⁸ Weizsaecker, E. von, Wijkman, A. Come On! Capitalism, Short-termism, Population and the Destruction of the Planet. — Springer, 2018. — 220 p.

²¹⁹ Daly H. E. Economics in a full world. Scientific American. 09. 2005. pp. 100–107.

²²⁰ Weizsaecker, E. von, Wijkman, A. Come On! Capitalism, Short-termism, Population and the Destruction of the Planet. — Springer, 2018. — pp. VII–VIII.

на основе сравнительных преимуществ является взаимовыгодной для всех участников рынка; конкуренция является движущей силой эволюции и прогресса. Логическая индукция и эмпиризм составляют ядро такой философии и ее гносеологии.

Новое просвещение должно существенно отличаться от европейского просвещения. Наиболее древние традиции человеческой культуры базируются на идее баланса. Китайские символы Инь и Ян являются образцом баланса противоположностей. В новом просвещении принцип синергии должен быть положен в основу поиска баланса: между человеком и природой; между кратковременной и долговременной перспективой; между скоростью и стабильностью; между частным и публичным; между женщинами и мужчинами; между справедливостью и вознаграждением за достижения; между государством и религией.

В становлении экологической идеологии можно выделить алармистский этап, когда самосохранение жизни на земле выступало главным мотивом общественных движений. Второй этап можно обозначить как поиск устойчивого развития. Он был связан с продуцированием проектов социального и технологического характера, направленных на сдерживание экспансии человеческой цивилизации на природу, на сохранении окружающей среды как безусловной ценности. Концепции «полного мира», «нового просвещения» с заложенным в них содержанием обладают уже потенциалом для создания системы ценностей, способных стать концептуальным основанием для развития экологической идеологии.

Волкова А. В. (Санкт-Петербург, СПбГУ)

ЦИФРОВАЯ ГРАЖДАНСКАЯ БДИТЕЛЬНОСТЬ КАК ВЫЗОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ УПРАВЛЯЕМОСТИ²²¹

Понятие «цифровая бдительность» («digital vigilantism») оказалось в поле зрения современных исследователей-обществоведов как один из вызовов цифровизации²²². В 1990-х бдительность понималась как защитная реакция со стороны общества, выступающего за общепринятые нормы и правопорядок, но сегодня изучение этих процессов возвращает нас к базовым вопросам об отношениях государства и общества: вновь актуализируется феномен спорной политики, проблема размывания институциональных границ и новый анархизм.

Процессы сетевизации, цифровизации общества обостряют проблему гражданской бдительности, заставляют трактовать ее шире, чем первоначально предполагали работы в сфере охраны правопорядка и криминологии, а именно: как коллективное использование или угрозу нелегального насилия в ответ на предполагаемое преступное деяние²²³. Цифровая бдительность, имеющая место в социальных сетях, социальных медиа, все чаще рассматривается в контексте негативных последствий и эффектов. Это практика высмеивания, осуждения и травли людей, которые еще только подозреваются в совершении преступления или неблаговидного поступка. К. Денис поставил проблему нового типа гражданской ответственности и высказал вполне справедливые опасения, что эта новая гражданская активность в условиях сетевого, цифрового общества оказывается нерегулируемой и лишеной всяких ограничений²²⁴. Сегодня эта проблема интернациональна и особенно остро ощущается в мегаполисах и технологически продвинутых регионах.

Осмысление и анализ случаев цифровой гражданской бдительности поднимает ряд более провокационных и принципиальных вопросов, касающихся отношений между государством и обществом. По всему миру ученые фиксируют и анализируют серии громких инцидентов в средствах массовой информации, когда бдительность граничит с самосудом. Возникает вопрос о том, является ли цифровая публичность (цифровое публичное пространство), формируемое сетевыми социальными медиа, новым публичным пространством.

Д. Тротье трактует цифровую бдительность как форму опосредованного и скоординированного действия, отправной точкой которого является моральное возмущение (или общее чувство оскорбления), как правило, в отношении события, которое было зафиксировано и передано через мобильные устройства и через социальные платформы²²⁵. В ответ на это правонарушение пользователи мобилизуются и формируют реакции, кото-

²²¹ Исследование выполнено по гранту РНФ 19-18-00210 «Политическая онтология цифровизации: исследование институциональных оснований цифровых форматов государственной управляемости».

²²² Johnston L. What Is Vigilantism? [Электронный ресурс] // The British Journal of Criminology. 1996. Vol. 36. №2. P. 220–236. URL: doi:10.1093/oxfordjournals.bjc.a014083 (дата обращения: 14.06.2019).

²²³ Moncada E. Varieties of Vigilantism: Conceptual Discord, Meaning and Strategies [Электронный ресурс] // Global Crime. 2017. Vol. 18. №4. P. 403–423. URL: doi:10.1080/17440572.2017.1374183 (дата обращения: 10.04.2019)

²²⁴ Dennis K. Keeping a close watch — The rise of self-surveillance and the threat of digital exposure // Sociological Review. 2008. Vol. 56. №3. P. 347–357.

²²⁵ Trottier D. Revisiting privacy in public spaces in the context of digital vigilantism [Электронный ресурс] / Surveillance, Privacy and Public Space. Taylor and Francis. 2018. P. 141–156. URL: doi: 10.4324/9781315200811 (дата обращения: 15.06.2019).

рые в ряде случаев обладают лавинным характером. Кампании цифровой бдительности также преследуют информационные цели (идентификация целевого лица или категории лиц, а также формулирование понимания общих норм и ценностей), чем способствуют выражению опосредованной коллективной идентичности, которая может быть основана на национальных, религиозных или этнических формах солидарности. Использование современных цифровых медиа создают конкретные возможности и формируют культурные ожидания (открытость, равенство, справедливость) в отношениях между рядовыми гражданами или в отношениях граждан с государством.

В современной России все чаще заявляют сетевые организации, которые самовольно взяли на себя контроль над общественным порядком («СтопХам», «Синие ведерки», «Лев Против») и перехватывают у государственных органов инициативу по порицанию нарушителей и возмездию, которое из-за практики распространения в социальных сетях фото- и видеоматериалов становится настоящим перформансом.

Цифровая бдительность возникает в случаях, когда требование справедливости является более социальным, чем правовым феноменом. Она является междисциплинарной проблемой, которая требует как концептуализации, так и серьезного эмпирического исследования. Для феномена гражданской «цифровой бдительности» важны эмоции, эмоции и реакции доминируют над фактами и это роднит цифровую бдительность с таким явлением как постправда.

Волконская Н. А. (Москва, НИУ ВШЭ)

КРИЗИС ИНСТИТУТА ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ И ВОЗМОЖНЫЕ ВАРИАНТЫ ЕГО РЕШЕНИЯ

В 2019 г. выборы в Московскую городскую думу стали федеральной повесткой в связи с недопуском ряда независимых кандидатов и проведением нескольких протестных акций по этому поводу, которые были поддержаны в других городах России. На фоне данных событий становится ясно, что российское общество нуждается в появлении новых политических сил и обновлении кадрового состава старых. Кроме того, назрел вопрос о реформировании избирательной системы, чтобы более не допустить появления подобного рода политического кризиса и не усугубить настоящий.

Корнем кризиса института политической партии следует искать в изначально установленных нечестных «правилах игры», которые составили «три кита» российского авторитаризма — суперпрезидентализм, субнациональный авторитаризм, доминирующая партия²²⁶. Это в свою очередь привело к тому, что в России партиями оказываются те объединения, которые отвечают формальным требованиям, вне зависимости от их реальной дееспособности²²⁷. В итоге партии как субституты не способны выполнять свои базовые функции как политического феномена, а федеральной власти удается сохранять мнимое доминирование правящей партии и умело манипулировать условиями входа новых игроков на политическую арену.

В период с 2001–2006 года мы можем проследить целый ряд нововведений, ограничивающих политическую конкуренцию: принятие нового закона о партиях, переход к смешанной электоральной системе избрания законодательных органов, изменение порядка формирования Совета Федерации, запрет на деятельность региональных политических партий и создания блоков, повышение заградительного барьера для партийных списков, отмена графы «против всех» на федеральных выборах и т. д. После протестов 2011–2012 гг., несмотря на мнимую либерализацию, была проведена коррекция стратегии электорального доминирования партии власти, которая по сути сохраняла ее статус-кво в условиях неустойчивости избирательных предпочтений и была нацелена на снижение роли политических партий²²⁸. В связи с этим можно отметить, отказ от пропорциональной системы и возвращение к смешанной; кооптация региональных администраций для поддержания надежного функционирования региональных электоральных машин; введение процедуры назначения сити-менеджеров подконтрольными региональной администрации комиссиями; восстановление жесткого административного контроля за допуском партий и политических активистов к выборам. Таким образом снижалась не только роль партийной системы, но и самостоятельность системы местного самоуправления, повысился политический вес региональных администраций при сохранении неконкурентной модели выборов как глав регионов, так и федеральной и региональных легислатур.

²²⁶ Гельман В., Расцвет и упадок электорального авторитаризма в России. *Полития*, 2012, N 4, С. 65–88.

²²⁷ Кынев А. В. Политические партии в российских регионах: взгляд через призму региональной избирательной реформы. — *Полис. Политические исследования*. 2006. № 6. С. 145–160.

²²⁸ Политическое развитие России. 2014–2016. Институты и практики авторитарной консолидации. Под ред. К. Рогова. Ч. 1 Институты и практики авторитарной консолидации. сс. 4–57

Основным инструментом для реформирования института политической партии, естественно, является разработка нового партийного законодательства, в ходе которого можно принять следующие меры. Во-первых, упростить процесс регистрации политических партий: помимо снижения минимального количества членов (которое было предпринято в 2012 г.), необходимо уменьшить требуемое количество региональных отделений (сейчас это не менее, чем в 50% субъектах)²²⁹. Во-вторых, отменить обязательства предоставления списков членов региональными отделениями партии в территориальный орган Министерства Юстиции, поскольку это затрудняет появление новых оппозиционных партий²³⁰. Далее, отмена сбора подписей в региональных выборах для новых партий не даст возможности отказа в участии в выборах нежелательным кандидатам. Последнее, отмена запрета на создание партийных блоков будет способствовать активизации малых партий, поскольку открывает путь для мобилизации совместных ресурсов. Кроме того, так партии смогут отказаться от государственного финансирования, что сделает их более независимыми и решительными в своих намерениях.

Такие изменения в партийном законодательстве будут способствовать появлению новых партий и их консолидации, и могут привести к возрастанию политической конкуренции. Также, поскольку ставки на выборах повысятся, вероятно у граждан появится больше заинтересованности в самих выборах, они почувствуют возможность реального участия в политической жизни региона и страны.

Воржецов А. Г. (Казань, КНИТУ)

ОБЩЕСТВЕННЫЙ ЗАПРОС НА ПЕРЕМЕНЫ В РОССИИ

С конца 2017 года «многолетний тренд на стабильность, на сохранение в неизменном виде сложившейся в иной политико-экономической реальности системы социальных и политических институтов начал смещаться в сторону формирования запроса на перемены»²³¹. Возникает вопрос: а соответствует ли такой запрос на перемены значительной части россиян идее демократизации общественно-политической жизни? Результаты исследования сотрудников Института социологии РАН свидетельствуют о том, что «в представлениях россиян существуют как бы две версии демократии — одна формально-нормативистская, воспринимаемая обществом как совокупность норм, процедур и институтов (многопартийность, выборность органов власти, гражданские свободы и т. п.), и другая — инструментально-деятельная, когда демократия и её институты оцениваются обществом в качестве механизма реализации общего блага»²³².

С первой ипостасью демократии всё обстоит более или менее благополучно. «Оценивая плюсы и минусы 25 лет российской трансформации, среди очевидных приобретений 2000-х годов 63% россиян назвали многопартийность, свободу слова, свободные выборы». И «это почти в 2 раза превосходит показатели ельцинских времён (27%)»²³³. Одним из следствий раздвоения восприятия россиянами демократии на формально-атрибутивную и функциональную составляющие является неопределённость в суждениях по поводу того, является ли современная Россия демократическим государством; «положительно на этот вопрос ответили 44% опрошенных, отрицательно — 33%»²³⁴.

Социологи зафиксировали неопределённость перехода России к демократизации. Так, «весьма вероятной демократизацию в ближайшие годы считают 27% опрошенных ... в то же время большая часть респондентов (43%) такого развития событий в принципе не исключают, но считают... маловероятным»²³⁵. Представляют научный интерес и мнения россиян о перспективах развития страны. Причём «это будущее они связывают в большинстве своём (54% от числа опрошенных) с такой организацией общественной жизни, которая обеспечивает права человека, свободу самовыражения личности, т. е. с демократией». Однако «в группе респондентов от 18 до 30 лет доля сторонников демократической альтернативы для России превышает 60%». А «с режимом личной власти, ориентированным на порядок, единство страны и её суверенитет, связывают это будущее немало, но всё же меньшее число россиян (46%)»²³⁶. Таким образом, имеются определённые условия для демокра-

²²⁹ Основные тенденции политического развития России в 2011–2013 гг. Кризис и трансформация российского авторитаризма. Под ред. К. Рогова.

²³⁰ Кынев А. В. Политические партии в российских регионах: взгляд через призму региональной избирательной реформы. — Полис. Политические исследования. 2006. № 6. С. 145–160.

²³¹ Двадцать пять лет социальных трансформаций в оценках и суждениях россиян / Под редакцией М. К. Горшкова и В. В. Петухова. М.: Издательство «Весь мир», 2018. С. 135.

²³² Там же. С. 137.

²³³ Там же.

²³⁴ Там же. С. 140.

²³⁵ Там же.

²³⁶ Там же. С. 145.

тической перспективы развития России (большинство россиян ориентируется на демократическую перспективу). Это с одной стороны. С другой стороны, существуют факторы, которые затрудняют реализацию этой перспективы.

Поэтому не случайна постановка вопроса о новой демократизации российского общества²³⁷, причём «новая демократизация российского общества может быть осуществлена только при условии проведения конституционной реформы в РФ, направленной на реализацию в полном объёме принципа разделения государственной власти»²³⁸.

Необходима ориентация на демократическое развитие страны не только значительной части населения, но и политических и экономических элит. Однако пока такой ориентации не наблюдается, а это может негативно сказаться на перспективах общественно-политического развития страны. Больше того, авторитарные пристрастия многих российских лидеров и других представителей элитных групп являют большую угрозу развитию демократических процессов, чем приверженность авторитарным традициям массовых слоёв населения²³⁹.

Выдрин О. В. (Челябинск, ЧелГУ)

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ В ДВУХУРОВНЕВОЙ СИСТЕМЕ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ (НА ПРИМЕРЕ ВЫБОРОВ В РАЙОННЫЕ СОВЕТЫ ДЕПУТАТОВ ЧЕЛЯБИНСКА)

В единый день голосования 8 сентября 2019 г. в Челябинске состоятся выборы депутатов районных советов второго созыва. Советов первого созыва были сформированы в сентябре 2014 г., когда Челябинск первым в России из городов с внутригородскими районами перешел на двухуровневую систему формирования представительных органов вскоре после изменений в законе «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ».

Принятый региональный закон²⁴⁰ определил численность районного совета депутатов для 6 районов Челябинска — 25 чел., для 1 района — 20 чел. Каждый совет должен был впоследствии избрать по 7 депутатов городской Думы из своего состава. Таким образом, город оказался разбит на 170 одномандатных округов, а новая городская Дума должна была включать 49 депутатов. В отличие от перешедших на двухуровневую систему в 2015 г. Самары (смешанная избирательная система) и Махачкалы (пропорциональная система) в Челябинске используется мажоритарная избирательная система относительного большинства. Данная избирательная система на муниципальных выборах имеет почти нулевые барьеры для выдвижения кандидатов как от политических партий, так и в порядке самовыдвижения, что позволяет проанализировать характер активности политических партий на выборах муниципального уровня в условиях активного участия кандидатов-самовыдвиженцев.

На выборах 2014 г. общее количество выдвинувшихся кандидатов составило 1203: 589 от партий (49%), 614 самовыдвиженцев (51%), в избирательные бюллетени попало 544 (51%) и 514 (49%) соответственно. Только в 8 округах (4,7%) самовыдвиженцами была одержана победа, что отчасти объясняет сокращение количества кандидатов-самовыдвиженцев на выборах 2019 г. Общее количество выдвинувшихся в 2019 г. кандидатов составило 1027: 596 от партий (58%), 431 самовыдвиженец (42%), в избирательные бюллетени попало 548 (59%) и 385 (41%) соответственно²⁴¹.

В 2014 г. из 69 политических партий 60 имели региональные отделения в Челябинской области. Участие в выборах приняли кандидаты только от 12 из них (20%). В 2019 г. из 59 политических партий в Челябинской области имели отделения 47. Участие в выборах приняли кандидаты только от 9 (19%).

В 2014 г. парламентские партии выдвинули кандидатов во все 7 районных совета. «Единая Россия» (ЕР) выдвинула кандидатов во всех 170 округах, ЛДПР, КПРФ и «Справедливая Россия» (СР) — в 151, 108 и 71 округах соответственно. До дня голосования количество кандидатов сократилось (ЛДПР на 16, КПРФ

²³⁷ Петухов В. В. Демократизация российского общества: возможна ли вторая попытка? // Полис. Политические исследования. 2017. № 5. С. 8–23.

²³⁸ Воржецов А. Г. Закончились ли революции 1917 года в России? // Власть. 2018. № 8. С. 88.

²³⁹ См.: Козырева П., Смирнов А. Сдвиги в общественной жизни и проблема поддержки демократии в России // Полис. Политические исследования. 2013. № 5. С. 38.

²⁴⁰ Закон Челябинской области от 10 июня 2014 г. N 703-30 «Об осуществлении местного самоуправления в Челябинском городском округе» // <http://base.garant.ru/19740367/>

²⁴¹ Здесь и далее используются данные Избирательной комиссии Челябинской области (<http://chelyabinsk избирком.ru/>), модифицированные в базы данных «Кандидаты в депутаты районных Советов г. Челябинска — 2014» (1203 наблюдения, 28 переменных) и «Кандидаты в депутаты районных Советов г. Челябинска — 2019» (1027 наблюдений, 29 переменных).

на 13, ЕР на 5, С. на 1). В 2019 г. ЕР выдвинула кандидатов во всех 170 округах (в избирательные бюллетени на 31.08.2019 попадает 161 кандидат), ЛДПР — 124 (109), С. проявила себя активнее — 114 (106), КПРФ — 111 (100). За исключением С. уровень активности партий остается на прежнем уровне, включая практику выдвижения одного человека кандидатом одновременно в разных районах (ЛДПР). В 2014 г. таким образом 25 человек зарегистрировалось кандидатами в 52 округах, в 2019 г. 18 человек в 37 округах.

Среди 8 непарламентских партий, принявших участие в выборах 2014 г., максимальный охват по районам обеспечила партия «Родина» (7 районов, 27 выдвинутых кандидата, 22 из них зарегистрированы). По количеству выдвинутых кандидатов лидером среди непарламентских партий была Партия пенсионеров (36 выдвинутых кандидата, 32 из них зарегистрированы). В 2019 г. кандидатов во всех 7 районах, кроме парламентских партий, выдвинули партии «Родина» и «Яблоко». Среди 5 непарламентских партий наибольшее количество кандидатов выдвинула партия «Яблоко» — 35 (34), повысив свою активность по сравнению с кампанией 2014 г. — 7 (6). Партия «Родина», выставившая, как и в 2014 г., кандидатов в 7 районах, в кампании 2019 г. демонстрирует исключительно символическое присутствие — в каждом районе выдвинуто по одному кандидату. Это меньше, чем у Партии пенсионеров, выдвинувшей всех 13 кандидатов в округах одного района, и у Партии роста, охватившей своими 16 кандидатами 4 района.

Гаврилов С.Д. (Волгоград, ВолГУ)

РЕСУРСЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПОЗИТИВНОЙ КОММУНИКАЦИОННОЙ АКТИВНОСТИ АКТОРОВ ПУБЛИЧНОЙ ПОЛИТИКИ В ВОЛГОГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ²⁴²

Современное политическое пространство Волгоградской области обусловлено выстраиванием эффективной коммуникативной системы региона в условиях формирующейся новой «цифровой среды». Данное обстоятельство также актуализируется в контексте поиска новых коммуникационных технологий, в контексте реализации государственной политики в регионе с учетом «проектирования инфраструктурных объектов и прорывных проектов развития Волгоградской области»²⁴³.

Позитивная повестка публичной политики есть неотъемлемый атрибут успешной реализации коммуникативной стратегии, в том числе, реализуемый посредством публичной экспертизы. Однако, формирование позитивной повестки дня с учетом привлечения экспертного сообщества сопряжено также и негативными тенденциями. Так, с позиции Д. Н. Беспалова «часто гражданские эксперты представляют собой сильно ангажированных специалистов, стремящихся конвертировать в политическое влияние свои научные знания»²⁴⁴. Данная тенденция характерна и для Волгоградской области: пул экспертов, привлекаемых в публичном пространстве так или иначе аффилирован с органами власти регионального или муниципального уровня; учреждениями образования; общественными организациями, функционирующими при органах власти и пр.

Коммуникационная активность акторов публичной политики в Волгоградской области в последние годы сопряжена с реализацией национальных проектов России 2019–2024 г., а также приоритетных проектов на уровне региона. Особенно подчеркивается публичность реализации задач государственной политики, привлечение региональной общественности. Так, с позиции губернатора Волгоградской области А.И. Бочарова в целях формирования общественного контроля и мониторинга выполняемых проектов необходимо «обеспечить максимальное участие в реализации национальных и приоритетных региональных проектов Общественной палаты Волгоградской области, общественности, депутатского корпуса, ОНФ, ведущих политических сил, профессиональных общественных объединений, представителей деловой среды, СМИ, жителей с активной жизненной позицией, экспертного сообщества»²⁴⁵.

Вместе с тем, определение необходимых ресурсов обеспечения позитивной коммуникационной активности в Волгоградском регионе определено некоторыми трудностями. Во-первых, для области характерна сложность

²⁴² Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Администрации Волгоградской области в рамках научного проекта № 19-411-34006 р. а «Социально-политическое проектирование публичного пространства и системы массовой коммуникации в регионах РФ (на примере Волгоградской области)».

²⁴³ Андрей Бочаров объявил 2019-й годом проработки прорывных проектов развития региона // [Электронный ресурс]. — URL: <https://vpravda.ru/obshchestvo/andrey-bocharov-obyavil-2019-y-godom-prorabotki-proryvnyh-proektov-razvitiya-regiona-61027/> (дата обращения: 12.08.2019). — Загл. с экрана.

²⁴⁴ Беспалов Д. Н. Публичная экспертиза во взаимосвязях с публичными аспектами внутренней и внешней политики РФ // Вестник Нижегородского института управления. 2019. № 1 (51). С. 36.

²⁴⁵ Бочаров: «Приоритетные проекты Волгоградской области направлены на повышение качества жизни людей» // [Электронный ресурс]. — URL: <https://riac34.ru/news/99885/> (дата обращения: 16.08.2019). — Загл. с экрана.

коммуникации по линии власть—народ. Указанная коммуникационная стратегия фиксируется в публичном пространстве в большинстве случаев только в период избирательных циклов, а в иные периоды затруднено в условиях конфликтной «повестки дня». Так, С.И. Морозов и Т.В. Порошина объясняют данное обстоятельство тем, что «явное взаимонепонимание управленческого аппарата и населения проистекает не только из-за постоянных политических конфликтов и скандалов в регионе, но и из типичных реакций чиновников на объективные запросы общества, зачастую — на их игнорирование»²⁴⁶. Во-вторых, использование только традиционных каналов массовой коммуникации органами власти провоцирует публичное пространство к агрегированию протестной повестки в онлайн-пространстве. Стоит отметить, что несмотря на функционирование официальных порталов органов власти, в регионе почти полностью отсутствует коммуникация между властью и обществом в социальных сетях, что приводит к индивидуальной интернет-коммуникации между акторами публичной политики, в том числе и населением.

Таким образом, в настоящее время в Волгоградской области четко фиксируется использование следующих ресурсов: административный (в части привлечения экспертного сообщества), привлечение публичной ответственности (с целью проведения гражданского контроля), использование преимущественно традиционных каналов коммуникации для форсирования «повестки дня».

Гайнутдинова Л.А. (Санкт-Петербург, РГПУ им. А.И. Герцена)

ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО И СОВРЕМЕННАЯ ДЕМОКРАТИЯ

Современные практики реализации демократических принципов указывают на необходимость отказаться от чрезмерного романтического взгляда на гражданское общество, как общества, которое непременно ведет к накоплению общественного капитала и всегда поддерживает демократию. Гражданское общество может приводить к возникновению и «плохого общественного капитала»²⁴⁷, т.к. нет достаточных оснований полагать, что гражданское общество не способно подорвать демократический режим в той же степени, как и авторитарный. Структуры гражданского общества могут на самом деле занимать любую позицию по отношению к демократии: от поддержки авторитаризма до активной борьбы за различные формы демократии. В политической теории исследователи все чаще употребляют такой термин как «не-гражданское» общество», выражающееся в иерархическом внутреннем устройстве и отсутствии интереса к публичному обсуждению общественных проблем.

Новым трендом современного развития гражданского общества является деятельность «цветных революционеров», которая заставляет говорить о гражданском обществе как о социальном движении через призму политической перспективы: «трансформационное воздействие гражданского общества, направляющего свой энергетический потенциал на избирательные кампании, является опасной тенденцией для него самого, так как демократия большинства постепенно может трансформироваться во власть множества конкурирующих и конфликтующих между собой активных меньшинств»²⁴⁸.

Разумеется, вопрос консолидации массового субъекта не теряет своей значимости и сегодня, но формы и институции, осуществляющие кристаллизацию общих позиций структур гражданского общества, а также цели, которых стремятся достичь политически заряженные группы граждан, радикально отличаются от прежних, так как происходит кардинальное смещение основного локуса социального конфликта, производящего политическую поляризацию общества. Эти процессы лишают гражданское общество традиционной социальной базы в виде среднего класса²⁴⁹, представляющего собой некий резервуар, из которого в зависимости от политической конъюнктуры в любой момент могут вырваться радикальные силы.

Поэтому, независимо от того, какое достигнуто институциональное устройство политической системы на данный момент, демократия должна рассматриваться как незавершенный процесс, процесс просвещения, обучения и совершенствования. Каждая реальная организационная форма демократии имеет свои недостатки и свои достоинства, и никакая комбинация различных принципов демократии не может полностью устранить перекосы и противоречия. Поэтому необходимо говорить о множественности демократических форм как идеале институционализации современного социума и четко различать нормативные принципы демократической легитимности и вопросы организации государственной власти, с тем чтобы первые могли быть ценностной

²⁴⁶ Морозов С.И., Порошина Т.В. Коммуникативные технологии легитимации региональных органов исполнительной власти в Волгоградской области // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2017. №1. С. 59.

²⁴⁷ Levi M. Social and unsocial capital: A review essay of Robert Putnam's Making Democracy Work. Politics & Society 24. 1. 1996. P. 51.

²⁴⁸ Гаджиев К.С. Кризис или закат либерализма. Власть. 2017. №3. С. 7–17.

²⁴⁹ Симонян Р.Х. Средний класс: социальный мираж или реальность? // СОЦИС. №1. Январь 2009. С. 55.

базой и моральной отправной точкой для критики последней²⁵⁰. Могут высказываться претензии относительно недостаточной демократичности институтов, игнорирования мнения той или иной группы, недостаточного внимания к чьим-то аргументам, и уж всегда могут быть предъявлены претензии на недостаточную демократичность самих институтов политической системы. Однако необходимо учитывать, что в демократической системе нельзя руководствоваться принципами радикального противопоставления, исключая органическую зависимость между источником легитимности и организацией власти, между управляемыми и управляющими, между представителями и представленными, между государством и гражданским обществом. То есть необходимо преодолеть именно тот разрыв, который стремятся использовать радикальные демократы во все времена, начиная с Великой французской революции и заканчивая нашими днями, призывая к гражданскому и политическому неповиновению, разрушению политической системы и захвату политической власти.

Современные радикальные «демократы» в ходе происходящих с определенной периодичностью «цветных революций», провозглашают свободу во имя нового равенства. На самом же деле под равенством, чаще всего, имеется в виду разрыв с прежней общественной асимметрией, которая замещается новыми ценностями — привилегированным доступом к новой системе иерархий. И очень быстро так называемая «революция» превращается в противоположность тому, что служило ее началом, а господствовавшие в предреволюционный период и сыгравшие позитивную роль в процессе подготовки революционных событий идеи, самой революцией высвечиваются как абсолютно недееспособные.

Гаман-Голутвина О. В. (Москва, МГИМО МИД России)

ОБНОВЛЕНИЕ НАУЧНОЙ КАРТИНЫ МИРА КАК ФАКТОР РЕЛЕВАНТНОСТИ СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ²⁵¹

Исходной предпосылкой эффективности того или иного научного направления является релевантность его системообразующих параметров актуальной *научной картине мира* (НКМ), которая представляет собой базовую эпистемологическую матрицу, обуславливающую стиль и способ научного мышления. Существенное несоответствие между субстантивными характеристиками актуальной НКМ и используемыми в политической науке методологическими подходами и инструментарием определяет ее нынешнее состояние, которое уместно характеризовать как нуждающееся в существенном обновлении.

Понятие «картина мира» ввел Л. Витгенштейн в «Логико-философском трактате» (1921). По М. Хайдеггеру, картина мира — это изображение «сущего», а мировоззрение — это отношение человека к «сущему». Операциональным понятием современной философии науки является концепт научной картины мира (НКМ), который характеризует лежащие в фундаменте культуры мировоззренческие структуры: «образ мира», «модель мира», «видение мира». Анализ структуры, функций и этапов эволюции НКМ и ее роли в процессах генерации нового знания позволяет выделить классическую, неклассическую и постнеклассическую картины мира²⁵².

Возникшая как переосмысление донаучного отражения реальности исторически первая системная научная картина мира — классическая (механистическая) — сформировалась в XVII–XIX вв. на основании достижений Коперника, Галилея и Ньютона. Ее ключевыми характеристиками были однозначная и универсальная причинно-следственная зависимость, в рамках которой все состояния могли быть просчитаны и предсказаны, а прошлое определяло настоящее так же изначально, как и настоящее определяло будущее. Случайность исключена из природы; обратимость времени определяет одинаковость всех состояний механического движения тел; пространство и время абсолютны.

Пришедшая на смену классической НКМ в результате революционных открытий в естествознании рубежа XIX–XX вв. неклассическая (квантово-релятивистская) картина мира изменила взгляды на субъект-объектные отношения, привнесла с собой вбирающий противоречия стиль мышления и более гибкую схему детерминации, учитывающую роль случайности, предстающей проявлением закономерности. Развитие системы отныне мыслится направленно, подчиняясь статистическим закономерностям, законам вероятности и больших чисел, ее состояние в каждый момент времени однозначно не детерминировано. Отсутствие жесткой

²⁵⁰ Козн Дж., Арато Э. Гражданское общество и политическая теория. М. Весь мир. 2003.

²⁵¹ В рамках исследовательского проекта РФФИ № 17-03-00746а.

²⁵² Подробнее см.: Перспективы российской науки как социального и культурного феномена. Материалы круглого стола // Вопросы философии. 2014. № 8; Политический класс в современном обществе. Под ред. О. В. Гаман-Голутвиной. М., 2012; Инновационный человек и инновационное общество. Под ред. В. И. Супруна. Новосибирск, 2012; Политическая социология. Под ред. Т. В. Евгеньевой. М., 2013.

детерминированности на уровне индивидов сочетается с детерминированностью на уровне системы в целом. Эвристический смысл неклассического типа рациональности состоял в акцентировании вероятностного типа движения, роли случайности, многовариантности развития, возможности сосуществования разнокачественных характеристик.

Кризис квантово-релятивистской парадигмы на исходе XX в. определил основные контуры постнеклассической картины мира как основанной на идеях синергетики, нацеленной на изучение самоорганизующихся систем. Параметрами этих систем становятся стихийно-спонтанный структурогенез, нелинейность, неустойчивость, неравновесность, непредсказуемость, темпоральность — повышенная чувствительность к ходу времени; открытость обменивающихся с внешним миром веществом, энергией и информацией систем. В синергетической картине мира доминирует становление, характеризующееся многовариантностью и необратимостью. Ключевым эвристическим принципом становится нелинейность, предполагающая отказ от ориентации на однозначность и унифицированность, признание методологии разветвляющегося поиска и многовариативного знания.

Постнеклассическая картина мира открывает новую онтологию реальности, радикально меняющую и гносеологию: если классическое научное знание основано на картезианском каркасе мира, то постнеклассическое опирается на холистическое мировидение и переосмысление времени. Кроме того, постнеклассическая наука расширяет поле рефлексии над деятельностью: она учитывает соотношенность получаемых знаний об объекте не только с процессом и субъектом, но и с его ценностно-целевыми структурами.

Принципиальной характеристикой процесса смены НКМ является не-уничтожаемость прежней картины при наступлении следующей, что определено принципом соответствия Н. Бора: новая научная теория включает прежнюю теорию и ее результаты как частный случай.

Существенным препятствием на пути достижения эвристической эффективности современной политической наукой является ее существенное запаздывание по части интеграции в гносеологический арсенал элементов неклассической и постнеклассической картин мира. Очевидно, что политическое знание должно меняться в контексте изменения научной картины мира и общей методологии науки. Причем речь должна идти не об однонаправленной связи причина-следствие, а о сложном взаимовлиянии. Современная постановка вопроса состоит в прояснении этой взаимосвязи и соответствующей реконцептуализации эпистемологии политического знания. Пока определяющие онтологический вызов тектонические сдвиги находят недостаточное отражение в эпистемологическом отношении — преобладающей методологией политической рефлексии остается по преимуществу механистическая гносеология: динамичные нелинейные процессы рассматриваются преимущественно в линейно-детерминистском ключе. Очевидно, гносеологическая некорректность коренится в ограниченности методологии политологии в целом, которая призвана обеспечивать релевантность эвристического здания дисциплины актуальным параметрам реальности.

Гандалоева М. Т. (Краснодар, КубГУ)

ЭТАПЫ ИНТЕГРАЦИИ СОЦИАЛЬНЫХ МЕДИА В РОССИЙСКИЙ ЭЛЕКТОРАЛЬНЫЙ ПРОЦЕСС

Одним из принципов демократического государства является проведение свободных и справедливых выборов, право на участие в которых предоставляется всем гражданам. В связи с этим электоральный процесс представляет собой отражение уровня развития того или иного общества, поскольку в нем прослеживаются все происходящие в нем изменения. Последние несколько лет исследователи отмечают все большую виртуализацию этого процесса.

Проведенный нами анализ научной литературы позволил выявить различные классификации периодов внедрения Интернета в политический процесс, однако нет отдельной периодизации по электоральному процессу.

На основании проведенного нами исследования мы выделили следующие этапы интеграции социальных медиа в российский электоральный процесс:

Этап позиционирования (2008–2011 гг.) — появление первых социальных сетей политических партий: «Берлога» «Единой «России» и «Соратники» «Справедливой России», регистрации политических и партийных деятелей в социальных медиа. На этом этапе политические акторы пока еще слабо интегрированы в коммуникационный процесс посредством социальных медиа.

Этап соучастия (2011–2014 гг.). Качественный сдвиг вхождения феномена интернет-активности в политическую действительность России произошёл в 2012 г. Поводом к этому стало протестное движение 2011–2012 г., возникшее после выборов депутатов Государственной Думы, когда 10 декабря 2011 г. в центре Москвы

вышли на митинг по некоторым данным порядка 50 тыс. человек. Роль социальных сетей в указанных событиях была исключительной, поскольку «протестная активность граждан оказала большое воздействие на публичную политику и формы ее трансляции».²⁵³

Кроме того, в этот период появились первые краудсорсинговые программы, контролирующие ход выборов. Один из таких проектов — «ВикиУики» был создан для решения проблемы отсутствия открытой информации о сформированных по новым правилам в 2013 г. участковых избиркомов.

Этап рутинизации (2014–2019 гг). Использование социальных сетей кандидатами и политическими партиями переходит на новый уровень: социальные медиа становятся неотъемлемой частью любой избирательной кампании и расширяются применяемые интернет-технологии. Если в 2012 г. власть предпринимала несмелые попытки включиться в работу с Интернетом, и ей советуют выстраивать коммуникации и налаживать диалог с пользователями²⁵⁴, то уже к 2015 г. она проявляет активность и становится полноценным актором в сети.

О намерении власти максимально завладеть киберпространством страны говорит и подписание Указа Президента России «О некоторых вопросах информационной безопасности РФ»²⁵⁵, который предусматривает создание российского государственного сегмента интернета.

Некоторые краудсорсинговые инициативы нашли отражение в работе ЦИК России: опыт организаторов «ВикиУики» был принят во внимание, в связи с чем с 2016 г. данные о составах избирательных комиссий стали общедоступными и опубликовывались на сайтах избиркомов.

Кейсы различных электоральных кампаний свидетельствуют об активном и успешном использовании социальных медиа в процессе продвижения кандидатов или партий. Приобретает популярность практика привлечения для интернет-сопровождения электоральных кампаний технологов из сторонних агентств, а не из предвыборного штаба.

Отмечается, что в последние несколько лет общение пользователей переходит из социальных сетей в мессенджеры. Изменилось и поведение самих пользователей: они уже реже открыто выражают свое мнение на публичных площадках в сети и все чаще общаются посредством личных сообщений. Эта тенденция привела к тому, что такой приватный обмен информацией стали называть Dark Social. Чтобы не упустить этот тренд кандидатам теперь приходится не только продвигать свои страницы в социальных сетях, но и заводить прямую коммуникацию со своим электоратом в мессенджерах. Можем предположить, что для следующего хронологического этапа внедрения социальных медиа в электоральный процесс будет характерно активное использование технологии Dark Social.

Гаспарян М.В. (Симферополь, КФУ им. В.И. Вернадского)

ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ГРАЖДАНСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ КАК ФАКТОРЫ ЛЕГИТИМАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ВЛАСТИ (НА ПРИМЕРЕ КРЫМА)

Составляющие гражданской и политико-идеологической идентичностей, несомненно, связаны и определяются гражданско-правовой, социально-политической и экономической ситуацией. В этом смысле современный Крым является особым регионом, поскольку все названные ситуационные факторы в течение очень короткого временного периода кардинально изменились. Сложившаяся к 2014 г. иерархия социальных идентичностей и так не слишком однородная в условиях поликультурного региона, подверглась всестороннему и многофакторному воздействию.

Поддержанный РФФИ проект 19-011-31507 «Этнокультурные особенности политической и гражданской социализации молодежи в условиях трансформации политико-идеологической идентичности (на примере Крыма)» предполагает, в том числе решение задачи: определение значимости этнокультурных особенностей политической, гражданской социализации как факторов, влияющих на легитимацию политической власти в восприятии молодежи.

Исследование объективных сторон социально-политической трансформации позволяют говорить о формировании новых факторов, определяющих процесс политической социализации крымского сообщества, а,

²⁵³ Соколов А. В., Соловьева А. В. Гражданская мобилизация: механизмы реализации в современной России // Власть, 2014. №9. С. 20.

²⁵⁴ Ильницкий А. М. Партия телевизора vs партия Интернета: за кем политическое будущее. // Официальный сайт партии «Единая Россия» во Владимирской области. 04.04.2012. [Электронный ресурс]. URL: <http://vladimir.er.ru/news/2012/4/4/partiya-televizora-vs-partiya-interneta-za-kem-politicheskoe-budushee/> (дата обращения: 06.06.2016).

²⁵⁵ Указ Президента РФ от 22 мая 2015 г. N 260 «О некоторых вопросах информационной безопасности Российской Федерации» // Российская газета, 26.05.2015. [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2015/05/26/rosset-dok.html> (дата обращения: 12.08.2017).

в особенности, молодежи. Эти обстоятельства задают процесс формирования новой политико-идеологической идентичности молодежи Крыма, дополняемой этнокультурными особенностями.

Особое внимание в процессе этих трансформаций привлекает вопрос легитимности политической власти в условиях сложившейся новой реальности. Являясь одной из центральных характеристик политической власти, она способна оказывать воздействие на все без исключения сферы общественной жизни. Важно отметить, что все трансформационные процессы проходят на фоне активного воздействия со стороны внешних акторов средствами развитых информационных технологий, направленных на делегитимацию, как самого факта проявления политической воли крымчан в 2014 году, так и установившейся впоследствии системы политической власти.

Измерения уровня легитимности политической власти для крымской молодежи предполагается осуществлять по трем метрикам. Это доверие к политическим институтам, доверие к политическим лидерам и оценка функциональности государства, т. е. исполнения им своих функций. Последнее положение продиктовано пониманием того, что чем эффективнее государство осуществляет свои функции, тем слабее протестные настроения, а значит выше легитимность политической власти в целом. Отмеченные первые две метрики исследуются на двух уровнях: федеральном и региональном.

Предлагаемый опросник позволяет оценить доверие к политическим институтам и лидерам по шкале от 1 до 6 (где 1 — «полностью доверяю», а 6 — «абсолютно не доверяю»).

Для определения степени подобия легитимности на разных уровнях мы используем коэффициент *W* Кендалла (коэффициент конкордации), позволяющий измерить степень согласованности оценок в группе.

Принимая во внимание существование различных подходов к классификации функций государства, востребованным в рамках нашей работы будет представлен подход, позволяющий выделить функции по их значению — основные и дополнительные. Основные функции — это функции, имеющие приоритетное значение для конкретного государства и отражающие основное направление его деятельности. К таким функциям следует отнести: политико-организационную функцию; экономическую функцию; социальную функцию; оборонную функцию; функцию поддержания мирового порядка; культурно-воспитательную функцию; функцию обеспечения безопасности.

Для измерения степени удовлетворенности функциями опросник включает набор утверждений, раскрывающих различные аспекты содержания основных функций государства. Для каждой функции предлагается одинаковое число утверждений. Каждое утверждение также оценивается по 6-ти бальной шкале (где 1 — «полностью согласен», а 6 — «абсолютно не согласен»). Для анализа полученного многомерного распределения будет использован метод кластерного анализа.

Кластерный анализ позволит нам структурировать (разбить) изучаемую совокупность объектов на отдельные группы (кластеры). Разбиение производится так, что объекты, отнесенные к одному кластеру, считаются «похожими», «однотипными» т. е. включают утверждения, имеющие близкие ранговые значения. Далее будет оценена значимость связей типов идентичностей и полученных кластеров, характеризующих разные уровни легитимности.

Герштейн И. З. (Нижегород, НГУ им. Н. И. Лобачевского)

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА В ФОКУСЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ: ИНСТРУМЕНТ ИЛИ ЛОВУШКА?

В настоящем докладе под термином «историческая политика» понимается «набор приёмов и методов, с помощью которых находящиеся у власти политические силы, используя административные и финансовые ресурсы государства, стремятся утвердить определённые интерпретации исторических событий как доминирующие».²⁵⁶ По мнению А. И. Миллера, это относительно новое явление, отличное от «политизации истории» и «политики памяти», которые он считает неизбежными явлениями.²⁵⁷

Другой известный российский исследователь, В. А. Ачкасов, напротив, понимает под исторической политикой сознательное и целенаправленное использование истории как инструмента политической борьбы. Исторической политике противопоставляется политика памяти, определяемая как совокупность действий, направленных на формирование и воспроизводство идентичностей, в первую очередь, национальной идентичности.²⁵⁸

²⁵⁶ Миллер А. И. Россия: Власть и история // Pro et Contra, 2009. № 3–4. Историческая политика. С. 10.

²⁵⁷ Миллер А. И. Россия: власть и история. // Сайт Полит. ру. URL: <https://polit.ru/article/2009/11/25/miller/> (дата обращения 14.09.2019)

²⁵⁸ Ачкасов В. А. Роль «исторической политики» в формировании российской идентичности. // Журнал социологии и социальной антропологии. 2015. Т. XVIII. № 2 (79). С. 181.

Главным аргументом А.И. Миллера в пользу новизны рассматриваемого явления служит институционализация государственного вмешательства в историческую науку и процесс конструирования коллективной памяти.²⁵⁹ При этом А.И. Миллер и В.А. Ачкасов при всей разнице в толковании данного термина относятся к исторической политике отрицательно.

На наш взгляд, здесь имеет место некоторое упрощение проблемы. Для любого использования истории в политических целях в современных государствах, имеющих, как минимум, атрибутивные демократические институты, необходима база в виде исторической ретроспективной картины в массовом (и индивидуальном) сознании рядовых граждан, простых избирателей. Иначе любые политические призывы, замешанные на исторических аргументах/параллелях, не будут восприниматься совершенно, люди просто не поймут, о чем и на каком языке с ними говорят. Главным государственным институтом, отвечающим за историческую политику, является министерство образования (просвещения), устанавливающее минимальные стандарты школьных программ по истории. С этой точки зрения, историческая политика появилась одновременно с всеобщим образованием, более того, никакого негативного подтекста в ней нет, ибо школьное образование и первичная профориентация в современном мире невозможны без минимального набора исторических знаний. Любой школьный учебник истории, разрешенный к использованию в школе государственными органами, — это уже элемент исторической политики. В нем есть не только перечисление исторических фактов, но и их интерпретация.

Но есть и обратная сторона медали. Какой бы славной ни была история страны в прошлом, ее развитие устремлено в будущее. Время линейно, общественное развитие не стоит на месте, любые социально-экономические и политические условия изменяются. В результате старые образцы и каноны, «духовные скрепы», прекрасно зарекомендовавшие себя в прошлом, могут быть абсолютно неэффективны в будущем. И в этом смысле историческая политика превращается в настоящую ловушку для национальной идентичности. Для успешного развития государства оптимального взаимодействия государства и общества матрица национальной идентичности должна быть устремлена в будущее. А роль исторической политики в процессе функционирования феномена идентичности должна сводиться к обеспечению «ретроспективного оптимизма» и поддержанию коллективной веры в себя для общества.

Актуализация в прошлом современных задач с акцентом на былые методы их решения должна стать не готовым рецептом, а свидетельством достижимости поставленных целей. Это обеспечит прочную связь прошлого, настоящего и будущего в общественно-политической жизни страны и откроет новые направления для исследований в профессиональном сообществе историков и политологов.

Гливенко В. О. (Санкт-Петербург, СПбГУ)

РАЗВИТИЕ И ИМПЛЕМЕНТАЦИЯ ТУРИСТИЧЕСКОГО БРЕНДА РОССИИ

В последние годы можно наблюдать обострение конкуренции за привлечение драйверов развития мест между различными территориями. Во многом данный процесс был предсказан Ф. Котлером, который указывал на возрастающую роль маркетинга территорий в экономике регионов²⁶⁰. В настоящее время многие регионы и страны стремятся создать свою собственную территориальную идентичность как конкурентное преимущество в поиске ресурсов для своего развития.

В эту глобальную борьбу за продвижение территорий включилась и Россия. Понимая территориальный брендинг как «многомерную концепцию, состоящую из функциональных, эмоциональных, реляционных и стратегических элементов, которые в совокупности создают уникальный набор ассоциаций в представлении общественности»²⁶¹, можно заключить, что Россия в начале 1990-ых годов имела явно противоречивый имидж. Как отмечал разработчик индекса брендов стран С. Анхольт: «Основная проблема России состоит в том, что большинство людей считают ее обузой. Спросите обычного человека в любой точке земли, рад ли он тому, что Россия существует, и он ответит: «Нет»»²⁶². По утверждению И. Важениной, не способствовали решению

²⁵⁹ Миллер А. И. Введение. Историческая политика в Восточной Европе начала XXI в. // Историческая политика в XXI веке. — М.: Новое литературное обозрение, 2012. С. 16–17.

²⁶⁰ Котлер Ф. и др. Маркетинг мест. Привлечение инвестиций, жителей и туристов в города, коммуны, регионы и страны Европы. СПб.: Стокгольмская школа экономики в Санкт-Петербурге, 2005. С. 30–35.

²⁶¹ Aaker D. Building strong brands. New York: Free Press, 1996.

²⁶² Шайхуллин М. Саймон Анхольт: Проблема России в том, что ее считают обузой // Сноб. 29.12.12. URL: <https://snob.ru/selected/entry/56182> (дата обращения 04.07.2019).

проблемы противоречивости имиджа России и многие регионы в России, которые использовали лишь ребрендинг гербов территориальных образований и визуальной идентичности, не меняя при этом концептуальную основу. К примеру, правительство Пермского края провело имиджевую кампанию «П»: «Пермь — Просто! Понятно! Повторяемо!»²⁶³

На фоне попыток создания отдельных региональных брендов в 2016 г. было объявлено о проведении всероссийского конкурса по разработке туристического бренда России, стратегической целью которого было «направить потоки туристов в сторону России»²⁶⁴. Среди предполагаемых эффектов успешной имплементации можно выделить: создание новых рабочих мест, развитие инфраструктуры, рост инвестиций, увеличение доходов бюджета, улучшение социально-политического климата. Были выделены коммуникационные цели для достаточно широкой аудитории без указания четких границ: «Коммуникационная цель для внешней аудитории: способствовать позитивной узнаваемости России на мировой туристической арене. Для внутренней аудитории: вызвать чувство гордости за страну, стимулировать возникновение интереса к внутреннему туризму»²⁶⁵. Одновременно с этим предполагалось, что туристический бренд объединит самые разнообразные виды туризма: досуговый, экологический, гастрономический и др. Более того к туристическому бренду предъявлялось требование — быть связкой к существующим проектам как экспортный бренд России «Made in Russia»²⁶⁶, а также включать в себя идентичность уже довольно известных мест как крупные города или региональные бренды («Золотое кольцо», «Кавказ»).

Победителем данного конкурса стал проект «Россия — здесь целый мир»²⁶⁷. Главной идеей нового бренда стало не только географическое пространство России, но и культурное, и историческое, вбирающее в себя глубокий слой русской культуры и истории. Доминирующим стилем в визуальной стилистике туристического бренда стал супрематизм, что, по мнению авторов, олицетворяет передовое мышление эпохи, ассоциируемое с Россией.

Однако самая главная проблема, связанная с туристическим брендом, возникла в ходе реализации. Получив готовый проект к концу 2017 года, Федеральное агентство по туризму столкнулось с нехваткой опыта в продвижении данного продукта. Все информационные источники агентства и министерства не пользуются широкой популярностью среди аудитории и не служат платформой для внедрения продукта. Попытка создания новых ресурсов на базе самого бренда пока что не приносит желаемых результатов в виду низкого охвата аудитории. К примеру, подписка на созданные аккаунты туристического бренда России (на разных платформах) суммарно составляет не более 1000 человек, что дает повод утверждать, что в данный момент последовательной реализации проекта, выработанного и согласованного в течение 2 лет, де-факто нет.

Глухова А. В. (Воронеж, ВГУ)

Внутриполитическая повестка современной России: тройная оптика исследования²⁶⁸

Условием стабильности современного государства, подвергающегося воздействию многочисленных внутренних и внешних вызовов, становится его внутреннее единство, обусловленное солидарно понимаемыми целями и задачами его членов. Помимо территориальной трактовки единства, связанной с нерушимостью государственных границ, важнейшее значение приобретает единство социального и ментального смыслового поля, обеспечиваемого осознанием общих задач и целей; разделяемыми гражданами ценностными ориентирами и схожей картиной мира; согласием (хотя бы относительным) по поводу приоритетов и уверенностью в наличии в обществе элементов солидарности. Наличие подобных общих ценностей и целей может служить гарантией наличия базового (ценностного) консенсуса и общественной консолидации вокруг этих целей. Отсутствие подобного согласия чревато процессами внутренней конфронтации, ростом конфликтного потенциала и возникновением кумулятивного эффекта экспонентно нарастающих вызовов прерогативам управления.

²⁶³ Важенина И. С. Имидж, репутация и бренд территории. Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2013. С. 289–290.

²⁶⁴ Техническое задание на разработку идеи, слогана и визуального образа бренда Всероссийского конкурса «Туристический бренд России». URL: http://tourbrand.russia.travel:65520/teh_zadanie.pdf (дата обращения 04.07.2019).

²⁶⁵ Там же.

²⁶⁶ Made in Russia. URL: <https://www.madeinrussia.com/ru> (дата обращения 06.07.2019).

²⁶⁷ Туристический бренд России. URL: <http://russia-brand.com> (дата обращения 07.07.2019).

²⁶⁸ Статья выполнена в рамках гранта РФФИ № 19-011-31293 «Внутриполитическая повестка дня как фактор единства современной России».

В общественно-политическом сообществе сложилось солидарное мнение о том, что у России сегодня чрезвычайно сложная повестка с большим набором проблем. В Послании президента В. Путина Федеральному Собранию РФ 2019 г. названы некоторые из них, однако мобилизационного призыва, т. е. вовлечения политических партий, организаций или движений в их решение, не прозвучало. Что касается общественных структур, то они, как правило, ограничиваются критикой президентского Послания, но не предлагают серьезной альтернативы. Между тем в обществе заметно ощущается рост недовольства сложившимся положением вещей и формирование запроса на перемены. В таких условиях потеря властными структурами лидерства в определении повестки дня либо подмена актуальных проблем второстепенными чревата ростом социально-политической напряженности и рисками дестабилизации.

На наш взгляд, российский case study необходимо исследовать сквозь призму *тройной оптики*:

1. *Институциональной (правительственной) повестки*, изложенной в официальных документах, выступлениях и заявлениях президента РФ и других официальных лиц. Как показал анализ Посланий президента РФ, в них традиционно доминирует тактический прагматизм, лишенный жесткого идеологического каркаса, однако стремление угодить всем «сегментам электората» (социальным, этническим, конфессиональным, возрастным) демонстрирует слабость и оборачивается невозможностью выйти на уровень общенационального (гражданского) интереса российского общества.

2. *Гражданской повестки*, продвигаемой преимущественно несистемной оппозицией, сохраняющей (в отличие от парламентских партий) свои независимые позиции в политическом поле. Несмотря на ограниченность ресурсов, оппозиция сумела — по ряду вопросов — перехватить актуальную повестку, навязав вопрос транзита власти и заставив общественность его обсуждать²⁶⁹. Протесты в июле-августе 2019 г. против отказа в регистрации оппозиционных кандидатов на выборах в Мосгордуму также стали борьбой за политическую повестку, причем не городскую, а федеральную (политическое представительство). Неоправданная жестокость силовых структур в разгоне протестантов придала общеполитической повестке мощное моральное измерение, формирование гражданской солидарности против несоразмерного государственного насилия.

3. *Общественной («народной») повестки*, отражающей запросы на решение наиболее острых проблем, волнующих большинство населения России. Эксперты обращают внимание на то, что все инфоповоды лета 2019 г.²⁷⁰ были созданы не властью, а обществом, что отличает актуальную ситуацию от событий десятилетней давности, когда общество вело арьергардные бои. Сегодня информационная повестка смещается в сторону тех тем, которые предлагает общество, ситуативно завладевшее повесткой дня, однако соответствующей реакции со стороны властей не поступает, никаких позитивных идей они больше не транслируют.

Сам факт «разорванности» повестки свидетельствует об отсутствии ментального и социального единства российских граждан. Разные социальные категории шлют власти разные запросы, которые она либо не в состоянии удовлетворить, либо не считает нужным конвертировать в некий привлекательный политический курс. Отсюда в обществе все больше нарастает ощущение общего неблагополучия как психологическая основа для формирования негативного консенсуса, «негативной повестки».

Глушкова С.И. (Екатеринбург, «Гуманитарный университет»)

К ВОПРОСУ О СОВРЕМЕННЫХ ДИСКУРСАХ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

Дискурс прав человека в современном обществе во многом связан с анализом и использованием государственных и общественных, российских и зарубежных, формальных и неформальных ресурсов образования в области прав человека и воспитания демократической гражданственности, в том числе активно создаваемых в последние годы интерактивных ресурсов медиа-пространства.

Современный дискурс прав человека очень разнообразен и достаточно противоречив, и развивается на нескольких уровнях: правочеловеческий, правозащитный, правопросветительский.

Правочеловеческий дискурс, например, связан с постепенным формированием идеи прав человека в истории политико-правовой мысли, начиная с эпохи европейского, российского и американского Просвещения. Правочеловеческий дискурс развивается постоянно, меняются политические векторы научных и практических работ, появляются новые междисциплинарные исследования о правах человека, формируется целая система наук о правах человека — теория прав человека, философия прав человека, политология прав человека, логика прав человека, международное право прав человека, др.

²⁶⁹ Протестные акции «Он нам не царь!» после президентских выборов 2018 г.

²⁷⁰ Протесты против вырубки парка в центре Екатеринбурга; пикеты против строительства мусоросжигательного завода на станции Шиев Архангельской области; дело журналиста И. Голунова, конфликт местных жителей с цыганами в Астраханской области и т. д.

Само признание прав человека как универсальной системы, разработка и долгое развитие науки прав человека (которое продолжается до сих пор) стали возможными во второй половине XX века, с формированием международной системы защиты прав человека (ООН), региональных систем защиты прав человека (Совет Европы, ОБСЕ, др.), национальных институтов защиты прав человека (прежде всего в лице уполномоченных по правам человека, по правам ребенка и других социально не защищенных групп населения).

Становление правопросветительского дискурса связано с разработкой, принятием, сложной и зачастую длительной реализацией международных, европейских и национальных стандартов по образованию в области прав человека, образовательных стратегий и платформ, учебно-методических материалов, традиционных и инновационных площадок, информационных центров ООН и Совета Европы в регионах, обучающих курсов по правам человека, всех доступных правочеловеческих и правозащитных ресурсов для «образования по правам человека — для всех».

Начало развития правозащитного дискурса относится к 1945 г., когда стала создаваться правозащитная система ООН, начались разработки международных стандартов по правам человека, по правам ребенка, по правам женщин, по правам инвалидов, др.

Структура главных органов ООН постепенно дополнялась вспомогательными институтами, договорными органами по правам человека (например, Комитет по правам человека), специализированными учреждениями (например, Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ)).

Важно отметить, что правозащитный дискурс главных и договорных органов ООН, и тем более специализированных учреждений ООН существенно отличается друг от друга; и имеет обязательный или рекомендательный характер.

«Мягкий» характер решений договорных органов (Комитет по правам человека, Комитет по правам ребенка, Комитет по правам инвалидов, Комитет по защите прав трудящихся — мигрантов и членов их семей, и др.) является одной из актуальных проблем правозащитного дискурса.

В XXI в. появились новые вызовы, которые угрожают международным, региональным и национальным системам защиты прав человека, институтам гражданского общества, каждому человеку на Земле или в отдельных странах, регионах.

Ряд международных экспертов по правам человека, политических лидеров утверждает, что повестку дня в международном правозащитном дискурсе надо систематически обновлять, выдвигая на первые позиции новые поколения и типологии прав человека: цифровые, коммуникативные, соматические, и др.

Но в этой связи надо иметь в виду, что политика прав человека в любом государстве и в мире, в целом, должна быть основана на принципе антидискриминации как по отношению к людям, так и по отношению к самим правам; не должно быть монополии или приоритета одних прав и свобод над другими.

И главным достижением правозащитного дискурса XX в. стало и остается на сегодняшний день признание ценности человеческой жизни и права каждого человека на жизнь, личную свободу, уважение достоинства личности.

Гнедаш А. А. (Краснодар, КубГУ)

ИДЕОЛОГИЧЕСКИЙ ДИСКУРС И ОБЩЕСТВЕННАЯ ПОВЕСТКА ДНЯ СОВРЕМЕННЫХ СЕТЕВЫХ СООБЩЕСТВ РУНЕТА: КЕЙС-СТАДИ ONLINE-СООБЩЕСТВА «МАМА»²⁷¹

В рассмотрении продуцируемых сетевыми сообществами идеологических дискурсов в контексте создаваемой ими общественной повестки дня мы отошли от классических формулировок политических идеологий, а сделали упор на рассмотрение данного феномена согласно современному мета-идеологическому подходу: идеология как «результат субъективного выбора», как «взаимосвязанная система идей, основанная на нескольких базовых утверждениях относительно реальности»²⁷².

Сообщество «МАМА» одно из крупнейших сообществ в ВК, имеет порядка 2738742 подписчиков, более 28858 сообщений (дата-сет) с момента создания. В результате многофакторного контент-анализа дата-сета были выделены три тематических кластера, характеризующих три типа общественной повестки дня, формируемой сообществом «Мама» в контексте идеологии «нарциссизма и детоцентризма».

²⁷¹ Публикация подготовлена в ходе проведения исследования «Субъективное пространство политики: возможности и вызовы сетевого общества» (проект № 18-011-00975, 2018–2020, рук. И. В. Мирошниченко) при финансовой поддержке РФФИ.

²⁷² Castells M. and Cardoso G. (Eds.) (2005) *The Network Society: From Knowledge to Policy*. Washington, DC: Johns Hopkins Center for Transatlantic Relations.

Кластер *«Моя жизнь в статусе мамы»* — первый кластер общественной дня, формируемой всеми участниками сообщества «Мама», включает в большей степени фототексты с призывами оценить и похвалить «Я» автора сообщения. Не смотря на явную нарциссическую тональность данного кластера, мы отмечаем именно политическую составляющую кластера: через данные «сэлфи-гламурно-повседневные» сообщения и последующую хвалебную и поддерживающую реакцию постоянных и потенциальных участников сообщества мы видим формирование современного стандарта жизни мамы в контексте сетевого общества. Данный стандарт характеризуется нами как «беспроblemный красивый образ семейной жизни современной красивой мамы»: статус мамы становится первичным как фактор определения того, что такое семья, дети, муж, семейная жизнь и семейные ценности; все факты и оттенки жизни в «статусе мамы» открыты для взгляда стороннего наблюдателя (взгляда Субъекта/Другого); таинства материнства в сетевом обществе нет, как нет и женских «непубличных» тем для обсуждения; при этом Женщина/Мать так и остается Объектом в глазах читателя/фолловера/другого участника сообщества; в обсуждение сообщений и в дискуссию ответов на заданные вопросы включаются женщины с подобным опытом, однако, в большей степени их включение означает не вступление в дискуссию, а формирование желания и действия «поделиться» собственным опытом в виде нового сообщения. В данном случае понятен характер фото в стилистике «откровенного материнства» — нарциссические посты направлены для привлечения внимания. Данный кластер — это стабильное ядро исследуемой повестки дня.

Кластер *«Политика правильной семейной повседневности»* — второй кластер в повестке дня сообщества «Мама»; характеризуется дискуссионной направленностью и фактически направлен на формирование некоего стандарта современной семьи через позитивное сравнение с «нормами» (с точки зрения авторов сообщений) и критические характеристики «не таких»/«других»/«не наших» семей. *«Политика правильной семейной повседневности»* — это проектируемая повестка дня. Проблематика вносится в повестку дня в тот момент, когда участник сообщества идентифицирует в окружающем его пространстве либо стандарт семейной жизни, либо «не стандарт» и публикует соответствующий пост с призывами прокомментировать или высказаться по этой проблематике. Восприятие этой тематики мы характеризуем как активное, тональность сообщений показывает однозначное восприятие со стороны почти всех участников сообщества: «стандарт» поощряется, «нестандарт» — порицается.

Кластер *«Спасибо Богу»* — третий кластер в повестке дня, формируемой сообществом «Мама» и связан он с выражением женщинами слов благодарности Богу за детей и их здоровье. *«Спасибо Богу»* — это протуберанец в общественной повестке дня сообщества «Мама». Проблематика вносится в повестку дня двумя путями: накануне религиозных праздников; в случае тяжелых родов или болезни ребенка; в случае вопроса стоит ли крестить ребенка. Восприятие этой тематики мы характеризуем как нейтральное, остроты высказываний и дискуссий по этой теме нет вообще, участники сообщества «вяло» реагируют на эту тематику и в основном «лайкают» без комментариев.

Участники сообщества «Мама» солидарно разделяют ценности сформированного стандарта «современной счастливой семьи» и «публичного материнства», что отражается в тематическом ядре, формируемой ими общественной повестки дня. Почти все акторы сообщества регулярно воспроизводят эту норму и подкрепляют ее визуальным материалом из своей жизни, особенно в части «нарциссического материнства» и модели детоцентричной семьи.

Головин М. С. (Челябинск, ЧелГУ)

СПЕЦИФИКА ТРАНСФОРМАЦИИ ИДЕОЛОГИЧЕСКОГО ДИСКУРСА ПРАВОРАДИКАЛЬНЫХ ПАРТИЙ В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ ВЕЛИКОБРИТАНИИ)

Глобализационные процессы, происходящие в современном мире, ставят перед акторами политических процессов новые вызовы, игнорирование которых означало бы отставание от актуальной социально-политической и культурной повестки, формируемой в глобальном мире. Политические партии в первую очередь должны вырабатывать новые идеи для реагирования на вызовы современности и, в конечном итоге, привлечения симпатий общественности. В этом плане, праворадикальные политические партии, актуализирующие вопросы, связанные с проблемами иммиграции и вопросом сохранения национальной идентичности, являют собой весьма показательные случаи гибкости в вопросах конструирования идеологического дискурса в ходе конкурентной политической борьбы. Для того чтобы избежать терминологической и смысловой путаницы в дальнейшем, следует отметить, что в качестве рабочего определения понятия «правый радика-

лизм» будет вполне оправданным остановиться на формуле, предложенной исследователем этого феномена К. Мадде. В своем труде ученый обозначил правый радикализм как «сочетание нативизма, авторитаризма и популизма»²⁷³.

Особый научный интерес в контексте вышесказанного представляет случай Великобритании и, более конкретно, кейс британских праворадикальных политических партий. После референдума, состоявшегося в 2016 году и запустившего процесс Brexit, политические партии Великобритании были вынуждены внести определенные коррективы в свою идеологию. На этом фоне особо выделяются две крайне правые партии Британии — Партия независимости Соединенного Королевства и Британская национальная партия. Катализатором новых идеологических трансформаций на крайне правом фланге британской политики стал основатель и бывший лидер Партии независимости Н. Фарадж. В 2018 году харизматичный политик окончательно покинул свою родную партию из-за несогласия с управленческой политикой и теми изменениями, которые произошли в идеологическом профиле партии с того момента, как её возглавил Дж. Баттен. В частности, в ряды партии был приглашен Т. Робинсон, бывший лидер Лиги английской обороны, которую многие эксперты обозначают как правоэкстремистскую. После того, как во главе партии встал Дж. Баттен, националистический дискурс партии трансформировался в более радикальном направлении. Выражением этого стал больший акцент не на теме выхода Британии из ЕС, а на внутривнутриполитической повестке, связанной с иммиграцией, защитой национальной идентичности и, что достаточно ново, пестованием понятий «популизм» и «популистская партия» в программных документах. Во введении к основной части программы Партии независимости Соединенного Королевства (Interim Manifesto), новый лидер Дж. Баттен предлагает поразмышлять над понятием «популизм» и считает, что оно обладает исключительно положительными коннотациями²⁷⁴.

В целом, после ухода из партии Н. Фараджа, который в преддверии майских выборов 2019 года в Европарламент основывает Brexit Party, а в последующем заявляет, что благодаря его стараниям правый радикализм в Британии «уничтожен»²⁷⁵, на крайне правом фланге британской политики образовывается своеобразный вакуум, который уже начинает заполняться «модернизированной» в радикальном ключе Партией независимости. Вероятно, в условиях поддержки Н. Фараждем и его партией действий правящей партии и правительства по маргинализации крайне правых в информационном поле и в общественном сознании, такие партии как Партия независимости или Британская национальная партия смогут мобилизовать свой электорат и по примеру своих «коллег» с европейского континента успешно актуализировать националистическую повестку.

Таким образом, трансформация идеологического (в данном случае — националистического) дискурса крайне правых партий и организаций Британии есть следствие тех глобализационных и интеграционных процессов, которые происходят в мире, затрагивающих, в частности, и Европу. На данный момент, исходя из анализа текущей ситуации, можно сделать вывод о том, что в случае с британскими правыми радикалами как экспертное сообщество, так и простые наблюдатели в ближайшей перспективе станут свидетелями роста их электоральной и медийной привлекательности, по аналогии с тем, как это происходит в случае праворадикальных партий во многих государствах ЕС.

Головин Ю. А. (Ярославль, ЯрГУ им. П. Г. Демидова)

ТРАНСФОРМАЦИЯ ГРАЖДАНСКОЙ АКТИВНОСТИ В ЯРОСЛАВСКОЙ ОБЛАСТИ В УСЛОВИЯХ РАЗВИТИЯ ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАТИВНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Стремительное распространение информационно-коммуникационных технологий в современном мире создаёт оптимальные условия для дальнейшего развития гражданского общества и реализации гражданской активности. Интернет и ИКТ изменяют баланс в отношениях и транзакциях между традиционными политическими элитами, государством и гражданским обществом. Развитие ИКТ в Российской Федерации играет важную роль для кардинальной модернизации всех сфер жизнедеятельности общества. В частности, государственная политика развития ИКТ нацелена на совершенствование системы муниципального и государствен-

²⁷³ Mudde C. Populist Radical Right Parties in Europe. Cambridge: Cambridge University Press, 2007. P. 26.

²⁷⁴ Подробнее: Interim Manifesto «Policies For People» / UK Independence Party, September, 2018 [Электронный ресурс] URL: https://www.ukip.org/pdf/UKIP_Manifesto_Sept_2018.pdf (дата обращения 26.08.2019).

²⁷⁵ Nigel Farage: Nobody Has Done As Much As Me To Eradicate The Far-right in the UK // Leading Britain's Conversation, 10 July 2019 [Электронный ресурс] URL: <https://www.lbc.co.uk/radio/presenters/nigel-farage/nigel-farage-tells-lbc-he-killed-the-bnp/> (дата обращения 26.08.2019).

ного управления, повышение качества жизни населения [5, с. 138]. Эффективность применения информационно-коммуникационных технологий напрямую зависит от степени развития информационного и гражданского обществ.

Одной из особенностей гражданской активности является всё большее использование сетевого принципа для ее организации. Основные механизмы сетевой мобилизации граждан в современной России можно разделить на традиционные и новые. Первые включают в себя все приемы взаимодействия с населением, мотивирующие к участию: распространение информации посредством печатной продукции, радио и телевидения; формирование имиджа лидера движения; постановка целей; организация мероприятий и т. д. Новые механизмы расширяют границы действия инициативных граждан, их объединение и взаимодействие происходит через Интернет. Специфика заключается в использовании более оперативной взаимосвязи, онлайн-площадок для обсуждения [6, с. 195–196].

Интернет-проекты, которые направлены на укрепление взаимодействия органов власти с населением по вопросам регионального или городского благоустройства и развития, пользуются большой популярностью у граждан, так как они дают возможность принять участие в совершенствовании деятельности институтов власти, непосредственно затрагивающей интересы населения. В частности, в Ярославской области в настоящее время активно функционирует портал «Народное правительство». Он создан с целью объединения знаний и опыта граждан, региональной власти, организаций и экспертов для наиболее эффективного развития региона. Жители Ярославской области имеют возможность принимать непосредственное участие в обсуждении существующих механизмов развития территории региона, которые зафиксированы в проектах отраслевых политик, а также в разработке стратегии социально-экономического развития Ярославской области до 2025 года. При помощи портала жители Ярославской области имеют возможность принимать активное участие в общественных экспертизах законопроектов, разработке альтернативных проектов документов, оценивать и комментировать конкретные предложенные поправки. Региональная власть учитывает предложения и мнения, которые высказаны гражданами. Также создана возможность для конструктивного диалога между гражданами и представителями органов региональной власти.

В настоящее время в Российской Федерации намечается актуализация гражданских ценностей и рост гражданской активности относительно предыдущих лет [1, с. 10]. Гражданская активность и соответствующие ценности можно рассматривать через призму политической вовлеченности и участие в деятельности негосударственных общественных объединениях и движениях [4, с. 283]. Однако гражданская активность имеет непосредственное отношение не только к социально значимым событиям и политике, но также встроена в повседневную жизнь граждан. Ключевой составляющей гражданской активности является внутренняя установка на активное преобразование окружающего мира и, собственно, самого себя.

Несмотря на существующие возможности, во многих проектах наблюдается характерная неравномерность распределения инициатив и предложений среди участников. Значительная часть всех предложений генерируется относительно небольшим кругом лиц, а, учитывая общую численность участников указанных сообществ, это означает, что их большинство в процесс не вовлечены. Также во многих проектах инициативы отсутствуют в принципе, несмотря на существующую возможность решения проблем в регионе. В связи с этим, существующие проблемы предполагают необходимость проведения со стороны государства действий, направленных на повышение уровня гражданской ответственности и гражданственности, на формирование социальной среды, что в дальнейшем позволит реализовывать существующие проекты максимально эффективно и продуктивно на благо всего общества.

Библиографический список

1. Добролюбов С.В. Теория социогенеза обществ // Социс. 2010. №3. С. 3–14.
2. Пилипенко А.Д. Гражданская активность в современной России: сущность понятия, формы проявления, факторы формирования // Молодой ученый. — 2018. — №23. — С. 366–368.
3. Риль, В.Г. Гражданское общество: моногр. / В.Г. Риль. — М.: Типо-литография А.Е. Ландау, 2015. — С. 412.
4. Капустин Б.Г. Что такое «гражданское общество»? // Критика политической философии: Избранные эссе. М., 2010. С. 28.
5. Марченко, М.Н. Правовое государство и гражданское общество (теоретико-правовое исследование). Учебное пособие / М.Н. Марченко. — М.: Проспект, 2015. — 648 с.
6. Головин Ю.А., Фролов А.А. Практики сетевой гражданской активности в современной России / Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. 2016. №2 С. 195–196.
7. Грин, Дэвид Возвращение в гражданское общество. Социальное обеспечение без участия государства / Дэвид Грин. — М.: «Новое издательство», 2016. — 220 с.
8. Головистикова, А. Проблемы теории государства и права. Учебник / А. Головистикова, Ю. Дмитриев. — М.: Эксмо, 2016. — 832 с.
9. Стребков А.И. Социально-политический механизм снижения конфликтного потенциала рынка / А.И. Стребков, В.Г. Бондарев // Вестник СПбГУ. Сер. 17, Вып. 1. — 2014. — С. 62.
10. Политология: учебник / И.Е. Тимерманис и др. — Москва: Юрайт, 2015. — 701 с.

ФЕНОМЕН ПРАВОПОПУЛИСТСКИХ ПАРТИЙ В ЕВРОПЕ

Правый популизм становится заметным явлением в Европе в 1970–1980-е годы, когда в ряде западноевропейских стран наметился рост участия правопопулистских партий: Национальный фронт²⁷⁶, Партия прогресса (Норвегия), Шведские демократы, Лига Севера, Швейцарская народная партия, Золотая заря (Греция) и др. принимали участие в выборах в национальные парламенты. Тенденция образования новых правопопулистских партий проявилась и в 1990-е годы, затем заметно поутихла, что было воспринято как естественное событие: популисты после первых впечатляющих успехов на выборах вновь заняли свое скромное место в политической борьбе за власть. Но дальнейшее развитие партийной конкуренции и небезуспешное участие в ней правых популистов подтверждают их нарастающий «ренессанс»: сегодня они не только успешно отстаивают свои позиции, но и значительно их расширяют. Особенно начиная с 2010-х годов, правопопулистские партии в ряде европейских стран добились впечатляющих успехов на выборах в национальный парламент и в Европарламент: 2012 г.: Франция — 13,6% (24,9%)²⁷⁷; 2013 г.: Австрия — 20,5% (19,7%), Норвегия — 16,3%, ФРГ — 6% (8,1%); 2014 г.: Венгрия — 65,1% (66,2%), Латвия — 16,6% (14,3%), Швеция — 12,9% (9,7%); 2015 г.: Великобритания — 12,6% (26,8%), Греция — 7% (9,4%), Дания — 21,1% (26,6%), Польша — 42,4% (38,9%), Финляндия — 17,7% (12,9%), Швейцария — 29,4%, Эстония — 8,1% (4%); 2017 г.: Нидерланды — 13,06% (13,3%)²⁷⁸.

По итогам выборов в Европарламент в мае 2019 г. правопопулистские партии получили 73 мандата, увеличив их количество на 25 по сравнению с предыдущими выборами. В новом составе Европарламента правопопулисты представлены фракцией/партией «Идентичность и демократия» (ID), которая по количеству депутатов теперь стоит на пятом месте (в 2014 году фракция правопопулистов EFDD занимала по этому признаку последнее место).

Хотя правопопулистские партии в Европе разные (по источникам, причинам происхождения, тактикам действий и т. д.), они имеют общие черты: 1) защита «маленького человека»; 2) разделение «народа» на две части: одна — с ощущением объективной депривации, вторая — субъективной; 3) антипартийные и антиэлитные настроения; 4) использование поляризующей повестки дня для усиления своих позиций; 5) провокации и создание имиджа «нарушителей табу» (особенно в отношении этнокультурной толерантности); 6) наличие харизматического лидера («правый популизм возносится и обрушивается вместе со своим гуру»²⁷⁹); 7) национальная идентичность против европейской интеграции и экономической глобализации; 8) ксенофобия вплоть до расизма, антисемитизма, антиамериканизма и антиисламизма; 9) главная тема правопопулистов в Европе — вопрос о беженцах, о недовольстве низшего и среднего слоев населения политикой правительства помощи иммигрантам за счет «титულიной нации»; 10) противопоставление ценностей «народной демократии» либеральной; 11) евроскептицизм («распродажа национальных богатств страны»).

Повышенная активность правопопулистских партий наблюдается сегодня примерно в 22 странах Европы²⁸⁰, однако их воздействие на электорат разное. К индикаторам измерения крайности правопопулистов, как правило, относят: а) уровень нетерпимости к «чужим» (наиболее высокий — в Греции, Польше, Венгрии, Великобритании, Франции, Австрии, в то же время в Финляндии и Швеции он гораздо ниже; пример Италии показывает, что в одной стране возможно наличие нескольких правопопулистских партий без расистских лозунгов), б) уровень отказа от мультикультурного общества, в) уровень отказа от иммиграции (чем острее миграционный кризис, тем выше нетерпимость), здесь Греция опережает Венгрию, Польшу, Австрию, Германию, Италию, не говоря об остальных.

Европейский правопопулизм усиливается под влиянием ряда процессов, значительно изменивших политическую систему координат, установившуюся после второй мировой войны: а) глобализация; б) европеизация; в) социально-культурная трансформация, увеличивающая пропасть между либерально-демократической и национально-протекционистской частями общества; г) «выхолащивание европейской демократии» как результат изменения самой политической системы и др. Всё это способствовало слому традиционной схемы «правые — левые» и формированию нового соотношения партийных флангов.

²⁷⁶ С июня 2018 г. — Национальное объединение.

²⁷⁷ Цифры в скобках — результат выборов в Европарламент в 2014 г.

²⁷⁸ Rechtspopulistische und rechtsextreme Parteien in Europa // Bundeszentrale für politische Bildung. URL: <http://www.bpb.de/politik/extremismus/rechtspopulismus/242635/europakarte> (дата обращения 1.09.2019).

²⁷⁹ Bauer W.T. Rechtsextreme und rechtspopulistische Parteien in Europa // ÖGPP. Wien, November. 2016. URL: http://politikberatung.or.at/fileadmin/_migrated/media/Rechtspopulismus_01.pdf (дата обращения 1.09.2019).

²⁸⁰ Rechtspopulistische und rechtsextreme Parteien in Europa // Bundeszentrale für politische Bildung. URL: <http://www.bpb.de/politik/extremismus/rechtspopulismus/242635/europakarte> (дата обращения 1.09.2019).

ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОЕКТ: «ИДЕЯ», «ПРОДУКТ», «ИНСТРУМЕНТ»

Стремительная технологизация современных общественных процессов, постоянные изменения в географии цивилизаций, нарастающие миграционные вызовы, рост числа локальных и региональных военных конфликтов, ощутимые пределы экономического роста в отдельных макрорегионах и т. п. — являются одними из причин ускорения политических процессов и трансформаций, которые происходят в современном мире. Объяснение природы этих трансформаций может осуществляться в разных парадигмальных измерениях, на разных уровнях интерпретации политической реальности. При этом, независимо от того, применяются ли поведенческие микроподходы или цивилизационные теории макроуровня, отечественные и зарубежные исследователи²⁸¹ политических трансформаций часто приходят к выводам, что эти изменения носят тщательно спроектированный характер, направлены на достижение вполне конкретных целей определенных властных субъектов. В то же время, микро и макроподходы изучения политических трансформаций не лишены внутренних недостатков и ограничений, которые не позволяют комплексно исследовать политические изменения. В данном контексте сочетание методологических принципов цивилизационной теории с проектным подходом анализа политики повышает эвристичность исследования социально-политических трансформаций, протекающих на уровне глобальной архитектуры и миропорядка, глобального управления, лидерства и мирового господства.

Понятийный аппарат цивилизационно-проектной концепции объяснения политических изменений может состоять из следующих категорий: во-первых, дополненный и расширенный, исходя из современных отечественных и зарубежных подходов, концепт «политический проект»; сформулированный, исходя из классических и современных цивилизационных теорий, концепт «цивилизационный политический проект»; в-третьих, концепт «ценностный фундамент» цивилизационного политического проекта; в-четвертых, концепт «институциональная надстройка» цивилизационного политического проекта; в-пятых, понятие «цивилизационное политическое проектирование», в-шестых, категория «конstellляция» цивилизационных политических проектов.

Методологические принципы цивилизационно-проектной концепции объяснения политических трансформаций могут быть сформулированы в рамках трех тезисов. Во-первых, в современной глобальной политике изменения происходят в результате противостояния политических проектов, которые имеют цивилизационную идентификацию и конструируются «стержневыми государствами», аффилированными с определенными цивилизациями. Во-вторых, как идейное, так и практическое конструирование политических проектов, имеющих цивилизационную идентификацию, инициируют политические изменения в регионах мира, где данные проекты могут быть потенциально реализованы. В-третьих, цивилизационное политическое проектирование, нацеленное на масштабную трансформацию политики, одновременно является инструментом удержания власти внутри определенных государств, средством решения внутренних проблем, ответом на внешние запросы и политические вызовы.

В обозначенном выше контексте, цивилизационно-проектная концепция изучения политических трансформаций может позиционироваться в рамках трех подходов. С одной стороны, политические проекты, имеющие цивилизационную идентификацию, выступают инструментом реализации государственной политики в рамках ключевых направлений. С другой стороны, политический проект, имеющий цивилизационную идентификацию, может интерпретироваться как конкретный результат, который необходимо достичь субъектам проектирования в результате выполнения определенного алгоритма политических действий. Также, они могут позиционироваться в качестве идеальной модели, которая существует только на теоретическом уровне (идеи, замыслы). В результате цивилизационно-проектная концепция объяснения политических изменений может быть определена как идейная конструкция, инструмент реализации государственной политики, конкретный «продукт», который хотят видеть субъекты проектирования в результате осуществления определенной последовательности политических действий.

Гордеева О. И., Гаман-Голутвина О. В., Чихачова Ю. С. (Москва, Институт логики)

ЦЕННОСТНЫЕ ИЗМЕРЕНИЯ «РУССКОЙ ИДЕИ» В ИСТОРИЧЕСКОЙ РОССИИ²⁸²

Философский термин «Русская идея» как интерпретация русского самосознания, культуры, национальной и мировой судьбы России был предложен Вл. С. Соловьевым: в 1888 в Париже он прочел доклад «Русская

²⁸¹ См.: Abraham K. S. Political bickering stymies Western project in Russia // World Oil. 1996. Т. 17. № 9; Мчедлова М. М. Цивилизационная парадигма в изучении политики // Современная политическая наука: методология. М.: Аспект-Пресс, 2019.

²⁸² В рамках проекта РФФИ № 17-03-00746а.

идея», который был посвящен вопросу «о смысле существования России во всемирной истории». По мысли С.М. Соловьева, сущность русской идеи совпадает с христианским преображением жизни, построением ее на началах истины, добра и красоты. Россия открыта миру, отсюда призыв Соловьева к единству Востока и Запада в рамках учения о всемирной теократии. Это понимание русской идеи соответствовало всему строю философии всеединства Соловьева и идее Достоевского о «всемирной отзывчивости» русской души, сыграла важную роль в развитии русской философии, послужила обоснованием культурного подъема в России начала XX в. После Достоевского термин «русская идея» вошел в широкий оборот. Известный отечественный философ А.В. Гулыга впоследствии написал, что «Русская идея — это составная общечеловеческой христианской идеи, изложенная в терминах современной диалектики», а «Русская идея Достоевского — это воплощенная в патриотическую форму концепция всеобщей нравственности»²⁸³.

Русская идея не представляет собой завершенной концепции, а обобщенно вбирает в себя несовпадающие по содержанию результаты духовных поисков нескольких поколений мыслителей относительно особенностей национального характера и миссии страны. Среди этих мыслителей были западники и славянофилы (при преобладании последних), религиозные мыслители и немногочисленные оппоненты православия, сторонники сильного государства и те, кто, как В.О. Ключевский, осознавали высокую цену его достижений.

Анализ насыщенного идеями массива текстов показывает, что наиболее акцентированными чертами были соборность (т.е. стремление к духовному единению, совместному достижению общих целей) и эсхатологизм как отношение к миру, основанное на представлениях о конечных целях исторического процесса, на устремлении к осуществлению высшего идеала. В отечественной традиции эсхатологические установки, как правило, сочетались с мессианскими идеями об особом пути России и ее предназначении в осуществлении конечных целей истории. Соборность определила такое важное свойство русской культуры, как холизм, противостоящий механистическому, редукционистскому сознанию.

Другой важнейшей характеристикой политической культуры исторической России предстает ее глубинная антиномичность: отечественная политико-культурная традиция соткана из противоречий. Значимой характеристикой исторического измерения отечественной политико-культурной традиции представляется сформулированная Ф.М. Достоевским в его речи о Пушкине идея о «всемирной отзывчивости» русских, т.е. стремление к разрешению раздирающих мир противоречий, примирению антагонизмов, к всемирному служению и достижению всеобщей гармонии. Заслуживает быть отмеченным и сложившаяся в дооктябрьской России традиция подданнического отношения массовых групп населения к власти даже тогда, когда власть не оправдывает возложенных на нее надежд. На наш взгляд, данная традиция сложилась как следствие исторической модели политических отношений социальных «верхов» и «низов» в российском социуме. Видный мыслитель русской послеоктябрьской эмиграции И. Солоневич определял модель отношений верховной власти и массовых групп населения в Московском царстве и Российской империи как «народную монархию» — союз верховной власти и массовых групп населения против аристократии. Устойчивость этого союза на протяжении значительных периодов русской истории породила подданническое отношение населения к власти. Подданническое отношение к власти стало производным от долговременного доминирования государства в системе отношений государство — общество. Неизбежным спутником этого подданнического модуса стал патернализм. Однако не стоит считать патернализм антиподом самостоятельности и активности: в российской социальной практике эти модели отношений были не взаимоисключающими, а взаимодополняющими.

Заметной характеристикой отечественной политико-культурной традиции является ее мировоззренческо-философский раскол на западников и славянофилов. Оба течения, равно представленные блестящими именами отечественных мыслителей, внесли значимый вклад в развитие отечественной культуры. Важной позицией в анализе отечественных идейных течений является различие западничества и «прогрессизма».

В революциях 1917 г. проявилось еще одно значимое качество отечественной политико-культурной традиции — нравственный максимализм и его следствие — радикализм в достижении поставленных целей. Это качество так же, как и склонность к «прогрессизму», было присуще прежде всего русской дооктябрьской интеллигенции и отмечено еще авторами знаменитого сборника «Вехи» (1909), которые с тревогой всматривались в политический портрет отечественной интеллигенции начала XX в., отмечая такие внушавшие опасение ее черты, как максимализм, нетерпимость, высокомерие, правовой нигилизм, отчуждение от государства и враждебность к нему; нигилистический морализм. Эти черты легли в основу политической культуры разночинной интеллигенции в противовес преимущественно подданническому модусу поведения массовых групп населения, что дало основание А.С. Изгоеву с сожалением констатировать тот ущерб, который нанес России «исторически сложившийся характер ее интеллигенции», имея в виду фанатичную приверженность

²⁸³ Гулыга А.В. Русская идея и ее творцы. М.: ЭКСМО: Алгоритм, 2003. С. 33, 105.

нигилистическому морализму — «любви к дальнему» (С.Л. Франк), во имя которого можно и должно принести в жертву ближнего.

Эти черты интеллигенции в полной мере проявились в большевистской революции: последняя предстает как явление, имевшее глубокие корни в российской политической традиции и культуре. С предельной точностью это обстоятельство было зафиксировано Н.А. Бердяевым, который писал, что, несмотря на радикализм Октябрьской революции, она изменила лишь внешние формы общественной жизни, оставив в неприкосновенности важнейшие традиции общественной жизни.

Советская идея предстала формой старой русской идеи, важнейшие основания которой подверглись существенному переосмыслению, но сохранили свой исходный смысл: идея соборности проросла в идею коллективизма; миссия России как Третьего Рима была прочитана как миссия создателя коммунистического царства — Царства Божия на земле; идея примата духовного над материальным получила новое развитие как отторжение «буржуазного мещанства»; на место православия и христианства пришел атеизм, однако поразительным образом сохранился религиозный модус отношения к миру, а эсхатологизм в советской версии получил новый импульс как задача разрушения старого мира и спасения его от сил зла.

Советской политической культуре были присущи такие качества, как индифферентное отношение к политике и слабая политизация общества; ориентация на имеющие значение в обыденной жизни практические результаты функционирования политической системы и невысокий уровень политического участия; этатизм и сопутствующая ему ориентация на вождя; доминирование ценностей эгалитаризма (ориентация на равенство не только условий, но также возможностей и результатов, и не только в политической, но и в экономической и социальной областях); коллективизм; конформизм; отсутствие дифференцированной партийно-политической и идеологической самоидентификации граждан. Во многом эти характеристики отечественной политической культуры определили и институциональный каркас советской политической системы, которая, в свою очередь, оказала существенное влияние на эволюцию политико-культурных измерения.

Григоренко И. А. (Москва, Финансовый университет при Правительстве РФ)

ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ВОЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ АРКТИЧЕСКОЙ ЗОНЫ

Каждый год страны, заинтересованные в освоении Арктики, увеличивают финансирование научно-исследовательских программ. Также растет и военное присутствие в данном регионе, постоянно проводятся учения.

Российская Федерация в особенности заинтересована в защите своей арктической зоны. Это вызвано рядом объективных факторов:

1. В российской арктической зоне находятся большие запасы полезных ископаемых, в частности, нефть, газ, никель, алмазы.
2. Через российскую арктическую зону проходит Северный морской путь (СМП), который обеспечивает морскую коммуникацию севера европейской части России с Дальним Востоком. Также растет объем грузов перевозимых через СМП.
3. Российская арктическая зона позволяет обеспечить защиту северных границ страны от нападения через Арктику.

Вооруженные силы РФ в арктической зоне представлены Объединенным стратегическим командованием «Северный флот», имеющим силы как для проведения морских операций, так и для наземных. Имеется ряд военных баз, которые позволяют следить за воздушным пространством над Арктикой, патрулировать наземную часть.

Защита национальных интересов России в Арктике — одна из основных задач вооруженных сил²⁸⁴. С решением этой задачи связано множество проблем:

1. Общая площадь арктических владений России составляет порядка 3 млн кв. км (18% всей территории РФ), в том числе 2,2 млн кв. км суши²⁸⁵ (без учета арктического шельфа, который в несколько раз больше, так как он не принадлежит ни одной стороне). Для обороны такой большой территории требуется развитая

²⁸⁴ Военная доктрина Российской Федерации [Электронный ресурс]: [утверждена Указом Президента Российской Федерации от 25.12.2014 №2976 «О Военной доктрине Российской Федерации»]. — Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_172989/ (дата обращения: 29.08.2019).

²⁸⁵ Российские владения в Арктике. История и проблемы международно-правового статуса. — <https://tass.ru/info/6312329> (дата обращения: 29.08.2019).

инфраструктура: хорошие дороги, порты, аэродромы. Неблагоприятные природные условия делают строительство таких объектов делом дорогим. Не всегда удастся получить финансирование.

2. Основные части вооруженных сил в связи природными особенностями не могут нести там постоянную охрану и в случае нападения усилить уже имеющиеся там войска. Все это требует создание специально подготовленных вооруженных сил. Так, например, обычная бронетехника, необходимая для усиления и перевозки личного состава, не может использоваться в суровых условиях постоянного холода; для действия флота нужны подлодки, способные проламывать лед, ледоколы для кораблей и т. д. Для решения этой проблемы приходится отвлекать конструкторские бюро и производственные мощности, что часто является непозволительной роскошью в современных условиях.

3. Множество стран претендует на арктическую территорию. Они также, как и Российская Федерация, активно занимаются разработкой специальных вооружений, подготовкой войск, проводят регулярные учения. Особую опасность вызывает не столько наличие множества претендентов на территорию Арктики, сколько возможность их коалиции. Во главе с США они представляют особую опасность.

В настоящее время Соединенные Штаты Америки пытаются объявить СМП международными водами²⁸⁶. Для недопущения этого требуется постоянно поддерживать боевую готовность личного состава, следить за действием вероятного противника, поставлять в войска новые виды вооружения, увеличивать контингент.

Таким образом, обеспечение безопасности российской арктической зоны является важнейшей задачей вооруженных сил Российской Федерации. Истощение мировых запасов полезных ископаемых делает Арктику привлекательным объектом для освоения многими странами. Чтобы не допустить в будущем развязывание военных конфликтов в Арктике России необходимо иметь подготовленный и полностью вооруженный контингент.

*Григоренко И. А., Козлов Н. А., Новосёлова В. Д., Скрынникова Ю. Д.
(Москва, Финансовый университет при Правительстве РФ)*

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ГЛАВЫ ЧЕЧЕНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ РАМЗАНА АХМАТОВИЧА КАДЫРОВА В СОЦИАЛЬНЫХ МЕДИА

До недавнего времени основными каналами коммуникации российских политиков с гражданами оставались телевидение и пресса, однако развитие информационных технологий позволило внедрить новые, более эффективные методы. Благодаря социальным медиа политики могут не только активно расширять аудиторию, но и популяризировать свои идеи, повышать уровень доверия и в полной мере узнавать своего избирателя.

С помощью методов киберметрического анализа и анализа дискурса были изучены цифровые следы, оставленные пользователями сети Интернет и отражающие их установки в отношении объекта исследования — Рамзана Кадырова.

Анализ официальной коммуникативной инфраструктуры субъекта в цифровом пространстве позволил сделать вывод о том, что аудитория, вовлечённая в обсуждение, достаточно широкая.

В среднем около 100 сообщений в день имеют упоминание Р. Кадырова. Можно заметить множество плавных спусков и подъемов при изучении динамики, что говорит о работе по поддержанию интереса к объекту исследования.

В социальных медиа тональность документов по отношению к Главе ЧР характеризуется следующей пропорцией: на каждые 10 документов с позитивной тональностью приходится примерно 1 с негативной. Это свидетельствует о том, что команда Р. Кадырова смогла создать положительный образ главы республики в интернет-пространстве.

Наиболее встречающимися в документах словами оказались «Россия», «герой», «Грозный», «человек», «друг» и «брат», что говорит, во-первых, о том, что аудиторией Глава ЧР воспринимается в первую очередь как близкий к народу, простой человек, а уже потом как политик, и, во-вторых, часто фигурирующее слово «Россия» дает повод считать, что Р. Кадыров известен не только в пределах родной республики и Северного Кавказа, но и в масштабах всей страны.

Наибольшую активность по отношению к объекту исследования проявляют жители Российской Федерации. Авторами документов чаще всего выступают жители Москвы и Санкт-Петербурга (1/3 от всех сообщений), что можно объяснить численностью населения и высоким уровнем политической активности граждан в дан-

²⁸⁶ . Жаркий холод Арктики. Вашингтон собирается объявить Северный морской путь «международными водами». — https://ruskline.ru/opp/2019/avgust/29/zharkij_holod_arktiki_vashington_sobiraetsya_obyavit_severnoj_morskoj_put_mezhdunarodnymi_vodami/. (дата обращения: 29.08.2019).

ных субъектах. Затем идут Чеченская республика и Краснодарский край, т. к. Рамзан Кадыров является в первую очередь Северо-Кавказским политиком.

IQBuzz позволил определить пол у части авторов документов. В соответствии с данной статистикой на 3 «мужских» сообщения приходится 1 «женское». Если обратить внимание на то, что большая часть сообщений из Чеченской Республики, и вспомнить, что ЧР — патриархальная республика, то неудивительно, что лишь четвертая часть комментариев принадлежит женщинам, они не заинтересованы в политике.

Был проведен содержательный анализ дискурсивного поля упоминаний Р. Кадырова в медиапространстве: определены основные контент-направления документов, связанных с главой республики, а также выполнен анализ коммуникации с пользователями в популярных социальных сетях: ВКонтакте, Instagram и Telegram.

По результатам проделанных итераций отметим, что источниками упоминаний объекта служат как сообщения, где Кадыров выступает лицом, непосредственно причастным к медиа-поводу (возвращение ребенка из Сирии), так и те документы, в которых Кадыров указывается аффилированно относительно ключевых лиц или событий в сообщении (поздравление коллеги Рамзана Ахматовича с днем рождения); к этой же форме упоминания относим комментарии, в которых Рамзан Кадыров выступает авторитетом и/или в качестве собирательной модели поведения, приписываемой людям кавказских национальностей (как говорит Р. А., «извинись»). Таким образом, объект исследования является отличным примером политического бренда, когда инфоповоды, даже не касающиеся главы ЧР напрямую, маркируются этим брендом, принося дивиденды доверия как конкретному коммуникатору, так и самому бренду, повышая медийность Рамзана Кадырова.

Исходя из анализа официальной коммуникативной инфраструктуры, формируем основные положения о её сущности. Во-первых, прослеживается диверсифицированный подход не только по контенту сообщений на разных платформах, но и по их формату, степени формализации: ВКонтакте и Instagram дублируют духовную тематику и моменты повседневной жизни (дневной молебен). В данных социальных сетях Р. Кадыров показывает приближенность к гражданам. В Telegram-е он выступает больше в роли политика, эксперта со своей точкой зрения по каждому вопросу (поздравления ведущих российских политиков). Во-вторых, под постами Рамзана Ахматовича с количеством просмотров около 60 тыс., редко комментариев набирается больше 1/5 одного процента от числа просмотров, что говорит о профессиональной работе по фильтрации комментариев. Обратная связь на поздравления, поддержку, вопросы подписчиков отсутствует. Большинство комментариев приходит от пользователей не из Чечни, кавказских республик; они содержат солидарность с чеченским народом, симпатию к руководителю ЧР.

Гриценко Г. Д. (Ростов-на-Дону, ЮНЦ РАН)

РЕАЛЬНЫЕ И ПОТЕНЦИАЛЬНЫЕ РИСКИ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ В СЕВЕРОКАВКАЗСКОМ РЕГИОНЕ²⁸⁷

При характеристике этнополитических процессов в северокавказском регионе в настоящее время принято говорить об определенной стабилизации межэтнических отношений на Северном Кавказе. Однако ключевые факторы деэскалации этнополитической напряженности в северокавказском регионе были достигнуты преимущественно за счет административного компонента политики²⁸⁸. Другие факторы стабилизации, прежде всего экономическая модернизация региона, сыграли незначительную роль²⁸⁹. Поэтому позитивная динамика в этнополитической сфере не означает, что не осталось проблем, способных перерасти в манифестные конфликты. Выявление факторов-рисков этнополитической напряженности на Северном Кавказе, определение их иерархии, как показывает социальная практика, востребованы как научным сообществом, так и органами власти с целью их «купирувания» и минимизирования.

Однако административные ресурсы близки к исчерпанию. В северокавказском регионе сохраняются классические факторы-риски и актуализируются «новые» рискогенные факторы. Классические рискогены были названы руководством страны в 2009 г.²⁹⁰ За прошедшие годы среди классических рисков на первых местах расположились: низкий уровень промышленного производства, критическая зависимость республик Север-

²⁸⁷ Публикация подготовлена в рамках реализации ПФИ Президиума РАН №20 «Новые вызовы климатической системы Земли», № гр. проекта АААА-А18-118011990322-1.

²⁸⁸ Авксентьев В. А., Гриценко Г. Д. Рискогенные факторы в этнополитической сфере Северного Кавказа // Научная мысль Кавказа. 2018. №4 (96). С. 81–91.

²⁸⁹ Гриценко Г. Д. Этнополитическая ситуация в северокавказском регионе: эксперты об угрозах и путях их минимизации // Международный научно-исследовательский журнал. 2019. № 7–2 (85). С. 73–75.

²⁹⁰ Медведев Д. А. Выступление на расширенном оперативном совещании с членами Совета Безопасности. 09.06.2009 // Президент России. Официальный сайт. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/4384> (дата обращения 27.07.2019).

ного Кавказа от дотаций федерального бюджета, отставание качества жизни в северокавказских республиках от среднероссийского, сохранение высокого уровня безработицы, низкая эффективность региональных органов власти. Анализ механизмов функционирования обозначенных рискогенных факторов в настоящее время указывает на их латентное состояние: общественное сознание не рассматривает их на данном этапе в качестве причин протестного конфликтного поведения.

К «новым» факторам-рискам отнесены те, которые ранее находились в латентном состоянии, но в настоящее время актуализировались и стали реальной основой для протестных выступлений. Это, прежде всего, земельный вопрос, имеющий разную модификацию: этническую, территориальную, экономическую, историческую.

Так, земельный конфликт, корни которого в этноэкономике ведения хозяйства, а именно в использовании земель отгонного животноводства, имеет место в Ногайской степи Дагестана²⁹¹. Остается актуальным в настоящее время и этно-территориальный осетино-ингушский конфликт по поводу статуса Пригородного района, входящего в настоящее время в состав Северной Осетии, а до 1944 года — в состав Ингушетии²⁹². Примером этно-территориальных претензий служит и чечено-ингушский конфликт, который приобрел активную фазу осенью 2018 г. после подписания главами Ингушетии и Чечни договора «о равноценном обмене нежилыми территориями»²⁹³. Межэтнический земельный конфликт с исторической окраской вновь актуализировался в Кабардино-Балкарии в сентябре 2018 г. Формальной причиной конфликта является разная оценка кабардинцев и балкарцев исторической значимости Канжальской битвы, фактическая, по мнению политологов, — принадлежность горных пастбищ²⁹⁴.

Итак, несмотря на общее улучшение климата межэтнических отношений, в северокавказском регионе сохраняются факторы-риски, имеющие как реальное, так и потенциальное содержание и способные привести к усилению рискогенности этнополитической ситуации и возврату негативного сценария регионального этнополитического развития.

Гришин В. О. (Москва, МГОУ)

МИГРАЦИЯ КАК ФАКТОР ТРАНСФОРМАЦИИ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ И ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ

Актуальность темы исследования обусловлена тем, что технический прогресс значительно упростил поездки и укоротил время перемещения людей на дальние расстояния. За последние полвека миграция приняла глобальные масштабы. С течением развития миграции связаны многие социально-политические процессы. Изменяются критерии стратификации, условия и оплата труда. Глобальный рынок труда приобретает новую форму. Социально-экономические догмы меняются. Это затрагивает основные производственные факторы (капитал, труд, информацию и т. п.). Проблемы, связанные с миграцией, находятся под пристальным взглядом политологов.

Е. Р. Устименко отмечает, что «Миграционное передвижение в нынешнем мире является разносторонним процессом, который зависит и в тоже время, воздействует практически на все стороны развития общества — хозяйство, политику, демографию и религию. Миграция существовала всегда, но на протяжении двух минувших столетий, как во всем мире, так и в Российской Федерации, миграционное течение перенесло небывалую числовую и качественную метаморфозу. Миграция видоизменилась из эпизодического перемещения населения из-за военных и религиозных столкновений, или в поисках другого места работы, в стабильный и всеобъемлющий социальный процесс»²⁹⁵.

С. С. Котельникова акцентирует внимание на том, что «В целом международная миграция исторически является важным механизмом формирования рынка труда. Следует отметить, что большинство международных миграционных перемещений несет в себе значительный трудовой потенциал. Страны приема и страны —

²⁹¹ Ярлыкапов А. Ногайский вопрос: кочевники опасаются остаться без степи // Интернет-газета «Реальное время». 14.06.17. [Электронный ресурс]. URL: <https://realnoevremya.ru/articles/68018-kolonka-istorika-ahmeta-yarlykova-o-nogayskom-voprose> (дата обращения 01.08.2019).

²⁹² Осетино-ингушский конфликт: 25 лет спустя // ИА REGNUM 30.10.2017. [Электронный ресурс]. URL: <https://regnum.ru/news/society/2339791.htm> (дата обращения 15.08.2019).

²⁹³ СКФО-2018: массовые протесты, кризисы и аресты чиновников // Кавказский узел. 31 декабря 2018. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/329852/> (дата обращения: 04.08.2019).

²⁹⁴ 2018 год в Кабардино-Балкарии ознаменовался межнациональным и земельными конфликтами // Кавказский узел. 31 декабря 2018. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/329860/> (дата обращения: 04.08.2019).

²⁹⁵ Устименко Е. Р. Статистическое исследование миграционного состояния и причин, воздействующих на демографическую экспансию России // Экономика, бизнес, инновации. сборник статей VI Международной научно-практической конференции, Пенза, 05 января 2019 г. Пенза: Наука и Просвещение (ИП Гуляев Г. Ю.), С. 267.

доноры испытывают различные по масштабам и форме влияния. При этом напрашивается однозначный вывод, что принимающая страна получает доступ к дешевым трудовым ресурсам, а предоставляющая страна от эксплуатации собственных трудовых ресурсов реальный поток денежных средств»²⁹⁶.

М.А. Бурда полагает, что «... незаконная миграция как явление затрагивает многие области жизнедеятельности общества. В политической сфере она выступает прямой угрозой безопасности страны и ее геополитическим интересам; экономической сфере — способствует расширению масштабов теневой экономики; социальной сфере — приводит к усилению социальной напряженности в стране. Нелегальная миграция сегодня — это реальная угроза национальной безопасности России. Есть потребность в скоординированном подходе всех органов государственной власти совместно с институтами гражданского общества при разработке эффективной системы управления миграционными процессами»²⁹⁷.

О.В. Катаева и И.Н. Озеров констатируют, что «Исследователи феномена миграции говорят о проблеме глобального миграционного кризиса, причиной которого стали происходящие в современном мире вооруженные конфликты, тяжелая внутривнутриполитическая обстановка в ряде стран и, как следствие, массовое перемещение мигрантов из неблагоприятных государств. ... В связи с этим, выстраивая отечественную миграционную стратегию, необходимо учесть ошибки и просчеты миграционной политики зарубежных стран, одновременно обеспечив эффективную защиту прав и свобод вынужденных мигрантов»²⁹⁸.

Таким образом, анализ показал, что в настоящее время уже практически никто не отрицает того, что миграция стала одним из важнейших факторов изменения социума и влияния на экономику стран. Создаются новые социальные нормы, изменяются или исчезают старые. Такие общественные преобразования требуют реакции со стороны политических (государственных) институтов. Возросшие темпы миграционных течений диктуют новые нормы организации политического управления, видоизменение политической системы. США, Германия, Франция являются лидерами по процентному отношению мигрантов среди населения в развитых странах. В данном случае социальные группы мигрируют из развивающихся стран или стран с переходной экономикой в целях улучшения качества жизненных условий, объема заработной платы. Также в развитые страны перебираются военные беженцы. Этот вид мигрантов характерен для Западной Европы.

Гришин Н.В. (Санкт-Петербург, СПбГУ)

ОГРАНИЧЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ В СФЕРЕ ФОРМИРОВАНИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ²⁹⁹

В научных исследованиях политики идентичности в тени внимания остается вопрос о перспективах и ограничениях возможностей государства в решении задач по формированию идентичности. Данный вопрос приобретает особое практическое значение в России, поскольку в декабре 2018 г. Указом Президента РФ в качестве одной из целей государственной национальной политики Российской Федерации впервые провозглашено «укрепление общероссийской гражданской идентичности». Уточнение возможностей государства, очевидно, должно предшествовать реализации государственной политике в сфере формирования идентичности.

При отсутствии специальных исследований ограничений государственной политики по формированию идентичности, учеными и практиками высказывались осторожные оценки по этому вопросу. Признается, что государство всегда влияло на формирование социальной идентичности населения. Как отмечает А.Г. Санина, государство создает нацию, «... формируя единый национальный рынок, денежную систему, общее пространство языка и законодательства, развивая бюрократическую структуру и армию, защищающую интересы страны»³⁰⁰. При этом признается наличие неких неопределенных ограничений государственной политики в этой сфере. Исследователь политики конструирования идентичности в Сингапуре С. Ортманн отмечал, что «невозможно представить, чтобы национальная идентичность продвигалась исключительно правящей

²⁹⁶ Котельникова С.С. Социально-экономическое влияние международной миграции на национальные рынки труда // Развитие экономики России в условиях геополитических вызовов. Сборник статей конференции, Москва, 10–12 декабря 2018 г. М.: Университетская книга, 2018. С. 114.

²⁹⁷ Бурда М.А. Риски нелегальной миграции, как угроза национальной безопасности России // Politbook. 2015. № 1. С. 83.

²⁹⁸ Катаева О.В., Озеров И.Н. Проблема вынужденной миграции в современном мире и административно-правовой статус беженцев в Российской Федерации // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2018. № 1. С. 84.

²⁹⁹ Доклад подготовлен в рамках исследования по гранту РФФИ и АНО ЭИСИ (проект № 19-011-31616 «Государственная политика в сфере формирования идентичности: концептуальные основания, технологии и перспективы») в Санкт-Петербургском государственном университете.

³⁰⁰ Санина А.Г. Формирование российской идентичности: гражданско-государственный подход // Социологические исследования. 2012. № 12. С. 57–65.

элитой»³⁰¹. Исследователь национализма Л. Гринфелд выдвинул предположение, что исключительно усилиями государства может развиваться только этническая идентичность, в то время как для развития гражданской идентичности требуется участие и инициатива индивидов и негосударственных субъектов³⁰².

Президент РФ отметил относительно деятельности государства по формированию российской идентичности, что «требуется участие в ней всех уровней власти, политических партий, общественных организаций, в том числе религиозных и этнических объединений»³⁰³.

Оценка ограничений политики государства в сфере формирования идентичности методологически зависит от решения вопроса о соотношении институтов государства и гражданского общества. В практике современной Российской Федерации возобладал государственно-центричный подход к этому вопросу, однако, даже в его рамках отсутствуют основания для отрицания субъектности негосударственных участников процесса формирования идентичности.

В Российской Федерации объективные ограничения государственной политики в сфере формирования идентичности усугубляются особенностями ее практической имплементации. До сих пор не сделан выбор между двумя противоположными позициями и стратегиями формирования идентичности — конструктивизмом и примордиализмом, при этом парадоксальным образом признаки обеих стратегий усиливаются в государственной политике с середины 2010-х годов. Обладает спорной эффективностью политика «декларирования идентичности», а также практика ее преимущественной реализации только в сфере образования.

Гришин О. Е. (Москва, РУДН)

СТАБИЛЬНОСТЬ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ: ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ

Проблемы политической стабильности привлекают внимание политологического сообщества. Способность системы функционировать, не изменяя свое сложившееся строение и находясь в равновесном состоянии, как правило, именуют стабильностью. Этим качеством, наряду с надежностью, устойчивостью, константностью, возможностью к адаптации и т. п., на наш взгляд, можно измерять и политическую систему.

Политическая система достаточно емкая научная категория. Дадим одно из определений. Л. Донай полагает, что «Политическая система — это динамический социальный процесс, который проходит в рамках отдельных сообществ, например, в государстве. Суть этого процесса заключается в обработке социальных импульсов для действия и политических решений. Из-за последовательности событий, явлений, цепей актов политической деятельности, возникают изменения, нарушающие либо восстанавливающие равновесие политической системы. В политической жизни мы сталкиваемся с постоянным процессом трансформации требований, поступающих со стороны окружения политической системы и, как правило, перетекающие в политические решения и действия»³⁰⁴.

М. Г. Анохин под политической стабильностью понимает «устойчивое состояние политической системы, позволяющее ей эффективно функционировать и развиваться в условиях внешних и внутренних воздействий (изменений), сохраняя при этом свою структуру»³⁰⁵.

Исследуя политическую систему в динамике, раскрывая ее изменчивость/неизменчивость, стабильность функционирования необходимо обратить внимание на технологических аспектах, которые приводят ее к новому состоянию позитивному или негативному.

Р. И. Бальбек полагает, что «В условиях глобализации, повышения открытости политических систем, интенсификации внешних влияний, появления новейших трансграничных акторов, возникает проблема рационализации и алгоритмизации политической реальности, возрастает потребность поиска более гибких алгоритмов политического управления, потребность, прежде всего, в познавательном характере технологий (а не только в преобразующем). Технологии обеспечения политической стабильности не могут быть направлены только на противодействие внешним влияниям. Целесообразно применять технологии создания внутрисистемных условий, при которых общество самостоятельно и максимально схоже с системным центром реагирует на внешние влияния, то есть вырабатывать реакции, которые называют в научном сообществе социальным иммунитетом. Такие технологии могут быть классифицированы по акторам процесса обеспечения политиче-

³⁰¹ Ortman S. Singapore: The Politics of Inventing National Identity // Journal of Current Southeast Asian Affairs, 2009, 28:4, pp. 23–46.

³⁰² Greenfeld L. Nationalism: Five Roads to Modernity, Cambridge: Harvard University Press, 1992.

³⁰³ Климентьев М. Путин рассказал, что необходимо для формирования российской идентичности. URL: <https://ria.ru/20161031/1480385683.html> (дата обращения 1.07.2019).

³⁰⁴ Донай Л. Технологизация политических процессов — путь в светлое будущее? или к хаосу? // Youth. World. Politic. 2014. №2. С. 74.

³⁰⁵ Анохин М. Г. Политическая система: переходные процессы. М.: РИЦ ИСПИ РАН, 1996. С. 51.

ской стабильности; по содержанию важнейших задач системного центра в обеспечении стабильности; по способам взаимодействия акторов обеспечения политической стабильности»³⁰⁶.

Таким образом, среди технологий выделяют достаточно эффективные, направленные на восстановление функций политической системы и желательное оптимальное функционирование либо на дисфункционирование со стремлением к полному или частичному ее разрушению. Акцентируя внимание на последнем, перечислим ряд деструктивных алгоритмизированных средств и методов: терроризм, экстремизм, некоторые технологии протеста, технологии информационно-психологического противоборства, манипулятивные технологии, технологии «цветных» революций, информационные войны, олигархизация, «нелегитимные» избирательные технологии, отчужденность от участия в управлении национальным государством и т. п. В этой связи, актуальным является изучение стабильности политической системы, особенно в контексте ее сохранения.

Гуреев Д. В., Рябова Т. Б. (Санкт-Петербург, РГПУ им. А. И. Герцена)

МЕДВЕЖЬЯ МЕТАФОРА РОССИИ В ПОЛИТИКЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ДНР И ЛНР³⁰⁷

Поскольку метафора обладает значительным мобилизационным потенциалом, то ее ставят себе на службу различные политические акторы. Одной из метафор, появляющихся в политике сегодня, выступает метафора «Россия-медведь».

Целью нашего исследования является анализ роли медвежьей метафоры в политике региональной идентичности, проводимой в самопровозглашенных республиках ДНР и ЛНР. Какими значениями наделяется символ «русского медведя» и какие функции его использование выполняет в контексте политике идентичности? Мы попытаемся рассмотреть случаи использования медвежьей метафоры России в контексте политики региональной идентичности в период с 2014 г.

Прежде всего, отметим, что медвежья метафора достаточно заметна в позиции различных сторон, освещающих конфликт на Донбассе. В дискурсе западных СМИ «русский медведь» является символом «российского империализма»; он привлекается для иллюстрации тезиса, что Россия стремится аннексировать регионы суверенного государства. «Русский медведь» при этом наделяется такими чертами, как агрессивность, сила, жестокость, косность, что проявилось, например, в росте количества публикаций в западных СМИ соответствующих карикатур в «послекрымский» период. Украинские СМИ используют медвежью метафору в том же ключе, хотя нередко пытаются деконструировать данный образ, утверждая, что Россия не так сильна, как представляется: медведь, мол, старый и облезлый.³⁰⁸ В российских СМИ медведь выступает в типичных для последнего времени значениях, символизируя такие качества России, как сила, миролюбие, справедливость, самодостаточность.

На основании приведенных исследований можно сделать вывод о том, что использование медвежьей метафоры на Донбассе в целом соответствует политике идентичности, проводимой региональными властями. «Русский медведь» используется в качестве герба пророссийски настроенных сил, прежде всего военных, появляясь на флагах, медалях, нашивках, фигурирует на постерах, карикатурах, демотиваторах. «Русским медведем» назвали военно-спортивный патриотический клуб в ДНР, который, в том числе, работает с детьми (занимается не только военно-патриотическим воспитанием, но, например, проводит субботники). Вероятно, немалый вклад в популяризацию символа в непризнанных республиках внес образ одного из известных командиров с позывным «Медведь», погибшего в 2014 г.

Говоря о функциях использования символа «русский медведь», отметим, что он привлекается для подчеркивания принадлежности «Новороссии» «русскому миру» и чуждости Украине.

Кроме того, использование тех же символов, которые популярны в России, способствует включению регионов в единое с ней символическое пространство.

Наконец, еще одно значение — демонстрация готовности России защищать жителей Донбасса. В этом контексте любопытно привлечение образа России-медведицы, защищающей медвежат — русских за пределами страны (аналогичный образ использовался в отношении Крыма во время «русской весны»³⁰⁹).

³⁰⁶ Бальбек Р. И. Технологии обеспечения политической стабильности в условиях внешних дестабилизирующих влияний (на примере Республики Крым): автореф. дис. ... к. полит. н. М.: РАНХиГС при Президенте РФ, 2019. С. 12.

³⁰⁷ Исследование проведено в рамках проекта РФФИ (грант 19-011-00748)

³⁰⁸ Рябова Т. Б. 2011. Медведь как символ России: социологическое измерение // Русский медведь: история, семиотика, политика / О. В. Рябов, А. де Лазари (ред.). М.: НЛЮ, 2011.

³⁰⁹ Рябов О. В. Мать и мачеха: материнский символ России в легитимации присоединения Крыма к Российской Федерации // Женщина в российском обществе. 2014. № 4. С. 40–50.

ПРАВОВАЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ КАК УСЛОВИЕ ФОРМИРОВАНИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЛИБЕРАЛЬНОЙ ТРАДИЦИИ

Всеобщее избирательное право и признание неотъемлемых свобод для каждого человека, сочетающиеся с закреплением этих принципов в позитивных нормах, ведут к тому, что в правовом государстве подданные становятся гражданами. Б. А. Кистяковский, В. М. Гессен предвосхищают общепризнанную в современной политической науке концепцию Г. Алмонда и С. Вербы о противопоставлении подданнического и активистского типов политической культуры. Гражданин, в отличие от подданного, «является правовым субъектом, субъектом публичных обязанностей и прав»³¹⁰. Не вина, а беда русского конституционализма состоит в том, что не воплотился в жизнь этот правовой идеал: сначала — позитивные гарантии как воплощение принципов естественного права, а затем — рост и развитие духовной свободы, в том числе — правосознания, каждой личности и всего народа. Государство в России могло бы «сверху» сделать решительные шаги по формированию основ гражданского общества.

Русские либеральные конституционалисты А. С. Алексеев, Ф. Ф. Кокошкин, С. А. Котляревский, В. М. Гессен, Б. А. Кистяковский, придерживаясь различных теоретико-правовых доктрин, доказывали, что утверждение конституционализма еще не означает утверждение правовой государственности. В их понимании, по мнению В. А. Четвернина, правовое государство есть наиболее высокий тип конституционализма, в котором конституция рассматривается как совокупность «формально-юридических гарантий свободы индивида в общественных отношениях»³¹¹.

С теорией правового государства С. А. Котляревского и В. М. Гессена соглашается известный русский государствовед А. С. Алексеев. Например, в 1910 году он утверждает, что «современное государство не сумма бесправных и безгласных подданных, связанных подчинением абсолютной сверхправовой силе, а союз свободных граждан, способных подчиняться лишь безличным велениям, которые или говорят словами закона или устами учреждений, законом же призванных повелевать в интересах целого, в пределах и в формах закона»³¹².

В сборнике статей «Правовое государство и социализм», опубликованном в 1924 году, С. И. Гессен развивает концепции «правового социализма», то есть, по существу, социал-либерального понимания правовой государственности Б. А. Кистяковского, права на достойное существование П. И. Новгородцева и И. А. Покровского, признания социальных прав естественными, неотъемлемыми, В. М. Гессена и С. А. Котляревского.

Отсутствие «готовой», раз и навсегда данной, общей воли означает, что «все группы общества ... могут участвовать в создании ее», что «никто не вправе считать себя единственным и подлинным выразителем» общей воли, что необходимы «принципиальная ограниченность всякой власти, отрицание какой бы то ни было диктатуры», то есть, по сути, что «новый либерализм принципиально стоит на точке зрения *«демократии»* (курсив автора — К. Г.)». Роль государства заключается не столько в обеспечении невмешательства в частную жизнь граждан, защите собственности, охране правопорядка и законности, сколько «в том, чтобы приобщить все группы, на которые разделено общество, к созданию общей воли», поиску компромисса между ними, то есть в том, *«чтобы быть надклассовым посредником между классами»* (курсив автора — К. Г.)», тем самым, придавая их борьбе правовую форму. Новый либерализм, по словам С. И. Гессена, «понимает право не только отрицательно, но и *положительно* (курсив автора — К. Г.)»³¹³.

Понятие гарантированного государством и обществом каждому лицу минимума социальных благ, предложенное И. А. Покровским, а затем С. И. Гессеном, предвосхищает концепцию «максимина», максимально — из возможных гарантированных обществом — уровня доходов для неимущих слоев, который, при этом, позволит не допустить спада общей эффективности экономики, предложенную Дж. Роулзом, а также теорию «минимального социального государства» Р. Дарендорфа.

В современной отечественной и западной социогуманитарной науке нередко подчеркивается существование в России печальной преемственности не лучших традиций — антииндивидуалистических, антилиберальных, антиправовых. Но следует подчеркнуть и стремление отечественного конституционализма преодолеть эту печальную преемственность, утвердив в сознании элиты, интеллектуалов, рядовых граждан элементарные нормы правовой и политической культуры.

³¹⁰ См., напр.: Гессен В. М. Основы конституционного права / В. М. Гессен. — 2-е изд. — Пг: Изд. юр. кн. склада «Право», 1918. — 438 с. — сс. 56–58

³¹¹ См.: Четвернин В. А. Демократическое конституционное государство: введение в теорию / В. А. Четвернин. — М.: ИГП РАН, 1993. 142 с. — с. 75

³¹² См.: Алексеев А. С. Начало верховенства права в современном государстве / А. С. Алексеев // Вопросы права, 1910. — кн. II. — СС. 7–59. — сс. 12, 16

³¹³ См.: Гессен С. И. Избранные сочинения / С. И. Гессен. — М.: РОССПЭН, 1998. 814 с. — сс. 188, 201, 203.

НАУЧНАЯ ДИПЛОМАТИЯ: ПОНЯТИЕ И ЦЕЛИ

Повсеместно декларируемой целью научной дипломатии считается создание аполитичной среды для решения значимых глобальных проблем. Наука является нейтральной платформой, которая допускает менее политически окрашенные диалоги, которые, в свою очередь, способствуют достижению договоренностей и компромиссов в результате дипломатических усилий. В. Турекян отмечает, что даже страны, только начинающие наращивать свою научную мощь, могут использовать научную дипломатию как средство расширения и улучшения взаимодействия с другими странами³¹⁴. Российский исследователь М. Д. Романова считает, что главной целью научной дипломатии ясна и состоит в том, чтобы «способствовать углублению международного сотрудничества в области науки и образования»³¹⁵. Далее в тексте автор добавляет, что «каждое отдельно взятое государство в первую очередь стремится именно к продвижению достижений национальной науки»³¹⁶.

Несмотря на то, что наука представляется большинству исследователей, как некая неидеологическая среда для участия и свободного обмена идеями между исследователями, наука использовалась и, несомненно, будет и впредь использоваться для политической выгоды с явной целью продвижения определённых взглядов и доказательств превосходства государства. Мы полагаем, что помимо декларируемых целей у научной дипломатии имеются и другие цели, которые бывают не всегда очевидны на первый взгляд. В 2012 г. В. В. Путин, будучи председателем правительства РФ, в своей статье «Россия и меняющийся мир» привел следующее определение «мягкой силы»: «комплекс инструментов и методов достижения внешнеполитических целей без применения оружия, а за счет информационных и других рычагов воздействия»³¹⁷. При этом премьер отметил, что такие методы нередко используются для прямого вмешательства во внутреннюю политику суверенных государств, взращивания и провоцирования экстремизма, сепаратизма, национализма, манипулирования общественным сознанием. Следуя логике В. В. Путина, мы можем утверждать, что такой канал распространения «мягкой силы», как научная дипломатия, может использоваться недружественными субъектами международных отношений для оказания давления на других субъектов.

Зачастую расширение и углубление международного сотрудничества не является самоцелью научной дипломатии, а является прикрытием для реализации национальных интересов государства, которые могут выходить за пределы интересов в научной сфере. В статье «Режимы научной дипломатии и институциональное лидерство в Африке» автор ссылается на опрос Т. Флинка и У. Шрайтерера 2012 г, в котором было установлено, что у государств существуют разные цели применения практики научной дипломатии: «Расширение политического влияния стало ключевым фактором для Соединенного Королевства и Соединенных Штатов Америки. Напротив, было показано, что Швейцария, Франция, Германия и Япония в основном использовали науку и технику в качестве способа доступа к новым рынкам и инновационным разработкам в области НИОКР, а также для производства и продвижения своей высокотехнологичной продукции»³¹⁸.

На официальном сайте Евросоюза в разделе, посвященном Европейской службе внешних связей, говорится о том, что научная дипломатия будет «использовать международное сотрудничество в области исследований и инноваций в качестве инструмента мягкой силы и механизма для улучшения отношений с ключевыми странами и регионами»³¹⁹. Хорошие международные отношения могут способствовать эффективному сотрудничеству в исследованиях и инновациях. Таким образом, другой важной целью научной дипломатии, о которой говорят реже, является укрепление своего влияния, продвижение достижений национальной науки, в результате чего государству становится легче достигать своих внешнеполитических целей.

³¹⁴ Science Diplomacy Worldwide. [Электронный ресурс]. URL: https://www.aaas.org/sites/default/files/AR13_science-diplomacy.pdf (дата обращения 22.07.2019).

³¹⁵ Романова М. Д. Научная дипломатия: измерения и практики // Наука. Инновации. Образование. 2017. № 1 (23). С. 41.

³¹⁶ Романова М. Д. Там же. С. 43.

³¹⁷ Путин В. В. Россия и меняющийся мир // Московские новости. 27.02.2012. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mn.ru/politics/78738> (дата обращения: 27.07.19).

³¹⁸ Science Diplomacy and Institutional Leadership Modes in Africa. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.futureafrica.science/index.php/component/profile/badre-abdeslam%20-34> (дата обращения 23.07.2019).

³¹⁹ Science Diplomacy. [Электронный ресурс]. URL: https://eeas.europa.eu/topics/science-diplomacy/410/science-diplomacy_en (дата обращения 25.07.2019).

КОММУНИЗМ И ПОСТКОММУНИЗМ В СОВРЕМЕННОМ ИДЕОЛОГИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ³²⁰

Реинтерпретация коммунистической традиции становится в наши дни устойчивой тенденцией теоретических и идеологических дискуссий не только в посткоммунистических странах, включая современную Россию, но и в западном академическом дискурсе. Ее характерным признаком является отчетливое стремление ученых и политиков преодолеть стереотипы привычной антикоммунистической риторики, свойственной эпохе «бархатных революций» и ельцинских «реформ» и анализировать феномен коммунизма более или менее объективно и непредвзято. Сравнительно недавно данная тенденция была весьма отчетливо сформулирована Кр. Тилеагэ в книге «Представляем коммунизм после его падения»: «Историческая память, связанная с переосмыслением коммунистического прошлого, в настоящее время практически неотделима от посткоммунистического философского и политического дискурсов. Хорошо известно, что вопрос — «что значит примириться с прошлым?» — один из самых запутанных вопросов в социальных науках... Когда этим прошлым является коммунистическое прошлое..., вполне допустимо начать с размышлений о политической морали, исследуя перспективы, методы и практики, которые обычно группируются под прикрытием термина «посткоммунистическая переходная справедливость»»³²¹.

Сторонники традиционного подхода, который до недавнего времени доминировал в идеологическом дискурсе, отталкиваясь от тезиса о «тоталитарной сущности коммунизма», акцентируют внимание преимущественно на сталинском терроре и многочисленных мифах, долженствующих подтвердить «преступный характер» советской системы. Своеобразным апофеозом данного направления была изданная группой ученых в конце XX века «Черная книга коммунизма: преступления, террор, репрессии»³²². Однако с начала XXI века такой подход все чаще начинает рассматриваться как ретроградный. Современные западные аналитики постоянно пытаются ответить на вопрос — почему, несмотря на утопизм, «несовместимость с природой человека», «историческую обреченность» и т. д., социалистические режимы в Европе, Азии и Латинской Америке на протяжении многих десятилетий демонстрировали живую динамику, «эластичность» и способность приспособляться к разнообразным политическим «повесткам дня»³²³.

Причины подобной концептуальной трансформации вполне очевидна. Как недавно отмечал Майк Мейкин-Уэйт в предисловии к своей работе «Коммунизм и демократия»: «Многое изменилось с тех пор как идеологи американского господства провозгласили в 1989 г. «конец истории». В то время, когда Советский Союз находился на грани краха, тезис Фрэнсиса Фукуямы о том, что отныне либеральный капитализм устанавливает пределы любых социальных возможностей, пользовался широким влиянием и с неохотой принимался даже многими из тех, кто его не приветствовал. Однако теперь ландшафт наполнен новыми возможностями для радикального изменения. Они представляют собой ответ на характер развития, свойственный интервенционистскому периоду возродившегося капитализма, результатом которого стало увеличение бедности, нищеты и конфликтности, а также возрастание опасности экологической катастрофы. Доминирование и расширение неолиберальной экономики за последние двадцать пять лет привели к углублению неравенства, ослаблению институтов западной демократии»³²⁴.

Вместе с тем следует отметить, что наметившиеся подходы, способствующие преодолению многих заблуждений и мифов относительно природы коммунистической идеологии и исторических особенностей реализации коммунистического эксперимента в России, являются своеобразным продолжением многих аспектов «бесконечного спора среди левых относительно природы Советского Союза»³²⁵, начавшегося со второй половины XX века.

³²⁰ Тезисы подготовлены при поддержке Российского Фонда фундаментальных исследований и Экспертного института социальных исследований, проект № 19-011-31066 «Символическая политика в современной России: глобальные риски, гражданская идентичность и векторы исторической памяти».

³²¹ Tileagă Chr. Representing Communism after the Fall: Discourse, Memory, and Historical Redress. Cham, Switzerland: Palgrave Macmillan. 2018. 1.

³²² Courtois S. Werth N., Panne J.-L., Paczkowski A., Bartosek K., Margolin J.-L., Kramer M., Murphy J. The Black Book of Communism: Crimes, Terror, Repression. Cambridge, Massachusetts; London: Harvard University Press. 1999.

³²³ См.: Kemp S. Was Communism Doomed? Human Nature, Psychology and the Communist Economy. New York: Palgrave Macmillan. 2016; Why Communism Did Not Collapse. Understanding Authoritarian Regime Resilience in Asia and Europe. Ed. by Martin K. Dimitrov. Cambridge: Cambridge University Press, 2013.

³²⁴ Makin-Waite M. Communism and Democracy. History, Debates and Potentials. London: Lawrence & Wishart Ltd. 2017. P. 1.

³²⁵ Therborn G. What the Ruling Class Do When It Rules? State Apparatuses and State Power under Feudalism, Capitalism and Socialism. London: NLB, 1978. P. 147.

ПОЛИТИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ИЗУЧЕНИЮ ЛИЧНОСТИ РЕГИОНАЛЬНЫХ РУКОВОДИТЕЛЕЙ НОВОГО ПОКОЛЕНИЯ³²⁶

Современные тенденции российской политики демонстрируют активный процесс обновления политической элиты. Новая кадровая политика коснулась преимущественно губернаторского корпуса. С 2016 г. на политической арене постепенно появилась целая плеяда молодых губернаторов, средний возраст которых — 48 лет, что в среднем ниже их предшественников на 13 лет. «Омоложение» регионального управления отразилось на развитии регионов: возросло число тех, кто считает, что ситуация в их регионах улучшилась³²⁷.

Эффективность деятельности молодых губернаторов во многом зависит от их профессиональной, личностной и моральной зрелости. Политико-психологический подход, с позиции которого предлагается исследование политического лидерства региональных руководителей в его персональном измерении, дает возможности для определения личностного и профессионального потенциала в политическом управлении. Данный подход позволяет исследовать субъективные аспекты политического процесса как условия обеспечения конкурентоспособности всей политической системы, ее устойчивости и возможности модернизации.

Исследовательский вопрос данной работы: существуют ли какие-либо типовые политико-психологические характеристики региональных руководителей нового поколения, которые привели их в губернаторское кресло и отражают их потенциал при принятии политических решений? Мы изучим политико-психологические профили глав субъектов Российской Федерации, которые по состоянию на август 2019 года являются основными представителями нового поколения губернаторов и пребывают на своей должности более одного года.

Методология исследования.

Предлагаемый методологический подход опирается на четыре положения-принципа:

принцип историзма: обращение к жизненной истории политического лидера посредством изучения его биографии, автобиографии, официальных документов, оценок близких, друзей, критиков. Это положение позволяет проследить социально-психологическую детерминацию личности с учетом конкретного социального контекста, в котором зарождались его качества и формировалась Я-концепция;

принцип изучения личности в деятельности: согласно С.Л. Рубинштейну, психические свойства личности одновременно и проявляются, и формируются в ее поведении. Психологическая особенность политической деятельности заключается в том, что она представляет собой «психологическую динамическую структуру»: цель — мотив — способ — результат³²⁸.

принцип субъектности, отражающий феномен «зрелости-инфантильности» личности. Взаимоотношения человека с миром опосредованы его активностью, в которой он проявляется в качестве субъекта. В философии и психологии понятие «субъект» связано с самодетерминацией³²⁹;

принцип цельности направлен на всестороннее изучение личности и учет совокупности качеств.

Структура политико-психологического профиля включает в себя следующие аспекты:

- 1) *жизненный путь и политическую социализацию* регионального руководителя;
- 2) *мотивационный профиль*: основные потребности, мотивирующие политическое поведение (потребность во власти, тесно связанная с контролем над событиями и людьми, потребность в достижении, потребность в аффилиации)³³⁰;
- 3) *Я-концепцию* как динамическая система представлений человека о самом себе, характеризующуюся уровнем сложности и степенью адекватности самооценки³³¹;
- 4) *стиль принятия политических решений* (подход к получению новой информации, отношение к риску, когнитивная сложность и другие особенности мышления, влияющие на принятие решения);
- 5) *стиль межличностных отношений*.

Исследование проводится методом дистантного диагностирования. Его приемы основываются на методе наблюдения за поведением политика и последующего безбланкового диагностирования на основе концепции изучения личности Р. Кэттелла. При построении мотивационного профиля используется метод контент-анализа.

³²⁶ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и АНО ЭИСИ в рамках научного проекта № 19-011-31432 «Молодое поколение российских политических лидеров: политико-психологический анализ».

³²⁷ Доклад «Обновление. Два года новой кадровой политики». 26.03.2019. ЭИСИ. URL: <http://eisr.ru/projects-and-researches/obnovlenie-dva-goda-novoy-kadrovoy-politiki/> (дата обращения 15.08.2019).

³²⁸ Ракитянский Н. М. Личность политика: теория и методология психологического портретирования. М., 2011. С. 61.

³²⁹ Там же. С. 64.

³³⁰ Winter D., Carlson L. Using motive scores in the psychobiographical study of an individual: The case of Richard Nixon // J. of Personal. 1988. Vol. 56, pp. 75–103.

³³¹ Егорова-Гантман Е. В. Игры в солдатики. Политическая психология президентов. М., 2003. С. 50–57.

Таким образом, политико-психологический подход к изучению личности региональных руководителей нового поколения, основываясь на междисциплинарном концептуально-методологическом фундаменте, интегрирующем положения социологии, психологии и политологии, позволяет получить более полную и релевантную информацию о молодом поколении современных политических лидеров.

Данилова Е. А. (Томск, НИ ТомГУ)

ПОЗИЦИОНИРОВАНИЕ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ ОПК В СТРАТЕГИИ РОССИЙСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО БРЕНДИНГА

Несмотря на абсолютную прерогативу дипломатии и безусловные миротворческие интенции в ее составе при разрешении международных споров, в условиях выраженных глобальных угроз РФ необходимо поддерживать высокий статус обороноспособности в национальной системе сдержек и противовесов. Наблюдается укрепление символических основ традиционных политико-культурных ценностей национальной безопасности и обороноспособности в общественном сознании, которые требуют дополнительного исследования на предмет их потенциального использования в концептуальной модели и политической стратегии национального брендинга.

Сосредоточение фокуса стратегии национального брендинга на позиционировании инноваций в оборонно-промышленном комплексе, наряду с обеспечением достойного уровня жизни и роста благосостояния населения, соответствует российской державной ментальности и способствует консолидации российской нации. Конкретизация русской идеи в русле инновационного развития ОПК соответствует историческому и перспективному развитию российской государственности, так как тема военной мощи, национальной безопасности прочно вписана в национальный архетипический код, а оборонная отрасль традиционно занимает ключевое место в развитии и позиционировании страны. Тема инновационного развития российской оборонной промышленности имеет большую актуальность и в связи с ее ролью катализатора инновационных преобразований в других отраслях экономики за счет развития технологий двойного назначения. Диффузия инноваций из ОПК в различные отрасли экономики и промышленности способствует укреплению державности в массовом сознании населения, гордости за свою страну, в том числе за счет усиления ее положения на мировой арене.

Анализ инновационной деятельности представителей ОПК (отраслевых университетов, предприятий, НИИ), коммуникационных площадок для их взаимодействия в рамках отрасли (технологических платформ, кластеров и др.), инструментов инноваций для их развития и позиционирования демонстрирует обширное предметное поле для формирования стратегии национального брендинга. Во-первых, отрасль ОПК обладает сильным символическим воздействием на сознание и подсознание реципиентов (включая внутренние и внешние целевые аудитории). Во-вторых, тема отраслевых инноваций (применительно к оборонной отрасли) способствует конкретизации инновационного дискурса, препятствует размыванию его смысла. В-третьих, инновации в ОПК подлежат убедительной образной визуализации за счет репрезентации конкретных продуктов и проектов (в ходе сообщений в СМИ, подкрепленных видеорядом парадов, учений, выставок и т. д.).

Ключевыми целевыми аудиториями в стратегии национального брендинга выступают: предприятия, национальные вузы и научные учреждения ОПК (с целью их вовлечения в реализацию стратегии национального брендинга за счет усиления инновационной активности, подготовки инновационных кадров, обеспечения инновационных разработок, подлежащих визуализации и коммуникационной передаче), население страны, мировая общественность, международные образовательные структуры, международное научное сообщество, международные властные структуры, лидеры стран. Главным актором в реализации стратегии национального брендинга с опорой на компетенции оборонно-промышленного комплекса является государство. При этом предприятия, вузы и научные учреждения ОПК при условии развитой инновационной деятельности и выпуска конкурентоспособной наукоемкой продукции/подготовки высококвалифицированных инновационных кадров сами становятся активными сореализаторами стратегии национального брендинга.

Практические шаги в реализации стратегии национального брендинга должны включать следующие этапы. Необходимо принятие государственной Концепции национального брендинга РФ, обязательной к исполнению. Назрела необходимость в создании единого государственного межведомственного органа, организующего коммуникации между министерствами, связанными с обеспечением обороны и безопасности государства, субъектами ОПК, СМИ. Необходимо сформировать отдельную информационно-аналитическую государственную структуру, ответственную за создание концепции и последующее проведение политики национального брендинга с опорой на российский ОПК. Специалистам данной структуры надлежит проводить динамический анализ инновационной активности предприятий, вузов, академических институтов ОПК для формирования

списка опорных субъектов и создания карты «инновационных поясов» оборонной отрасли. Следует провести ревизию и выделение опорных отраслевых акторов — предприятий, вузов и научных учреждений ОПК, которые могут выступать субъектами территориального и национального брендинга, на основании результатов их инновационной деятельности для последующей коммуникационной трансляции успешных инновационных проектов и продуктов. Успешные практики отрасли необходимо коллекционировать и тиражировать. Подчеркнем принципиальное значение активного участия в формировании стратегии брендинга представителей опорных предприятий и вузов оборонной промышленности, их креативности, готовности к инновациям и, безусловно, обеспечение оборонной отрасли инновационными продуктами.

Реализация эффективной политики позиционирования российского ОПК как инновационного, успешно проводящего инновационную политику для качественного саморазвития является средой для конструирования нового образа в восприятии российской государственности как сильной и легитимной. Системная стратегия национального брендинга, основанная на разделяемых ценностях национальной безопасности и обороноспособности, на практике обеспечиваемая инновациями в ОПК и транслируемая по каналам коммуникаций гражданам страны, ее политическим союзникам и оппонентам, станет основой высокого статуса и политического влияния Российской Федерации во внутренней и внешней политике.

Дан-Чин-Ю Е. Ю. (Москва, РУТ (МИИТ))

ИНТЕРНЕТ-ТЕХНОЛОГИИ КАК СПОСОБ РАЗВИТИЯ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

Интернет стал неотъемлемой составляющей современного общества. На сегодня — это относительно свободное пространство публичной коммуникации стало одним из средств проявления гражданской активности. Через Интернет формируется особая медиа-культура, медийная грамотность, появляются новые формы восприятия информации, а также возможности самовыражения. Всё это является мощнейшим ресурсом, который позволяет влиять на сознание граждан, дает возможность привлечь к решению общественных, политических проблем «не выходя из дома».

Как показал опрос интернет-пользователей Ярославской области на тему «Роль Интернета в развитии общества и межсекторном взаимодействии», в региональном интернет сообществе остро стоит вопрос доверия: доверия друг другу, доверия различным источникам информации о событиях в обществе. Например, публикациям обычных людей в Сети на общественно-политические темы доверяют только 33,6% опрошенных. Столько же не доверяют, а еще 31,3% не знают, как к ним относиться. Средствам массовой информации и органам власти интернет-пользователи верят еще меньше, особенно молодежь и городские жители.

Данные опроса констатируют, что склонность представителей интернет сообщества не доверять друг другу замедляет развитие гражданской интернет-активности. Сейчас она присуща только 20% пользователям Сети Ярославской области. Это те, кто хотя бы раз в своей жизни делился в Интернете своими наблюдениями и/или событиями, из жизни социума делая их достоянием общественности. Гражданская интернет-активность в Ярославской области характерна пользователям в возрасте 30–35 лет и городским жителям. Остальных представителей регионального интернет-сообщества можно отнести к пассивным, индифферентным пользователям: ни разу 51,7% не делились информацией в Сети, 30% не смогли в силу своей неопытности ответить на соответствующий вопрос, выбрав альтернативу «затрудняюсь ответить».

Также опрос показал, что одним из важных факторов повышения гражданской активности граждан является социальная справедливость в действиях органов власти на различных уровнях.

Каждый третий житель Ярославской области социальную справедливость воспринимают как равенство в уровне жизни (32,6%). Видят социальную справедливость в равных условиях для реализации способностей людей 17,1% респондентов, равенстве всех граждан перед законом 13,9%. Реже смысл этого понятия сводится к гарантиям социально незащищенных граждан (9,6%), взаимосвязи общественного положения людей с их личностными достижениями (8,3%), участием обычных граждан в выработке управленческих решений власти (4,8%). Чем старше и образованнее респонденты, тем чаще для них социальная справедливость означает относительное равенство уровня жизни людей и условий для их самореализации.

Говоря о том, каким должно быть государство мнения жителей области разделились: 42,6% считают, что оно должно строиться на принципах демократии, солидарности, личной свободе и ценности, 32,1% поддерживают идею главенства сильного государства, порядка, национальные интересы, социальные гарантии. Среди сторонников демократии особенно много молодежи, сельских жителей и тех, кто считает современное российское общество справедливым. Большинство опрошенных жителей Ярославской области уверены в том,

приблизить российское общество к идеалу социальной справедливости поможет усиление социальной политики государства в целях минимизации последствий материального неравенства (59,3%)³³².

Развитие Интернет-технологий несомненно способствует повышению гражданской активности в современном российском обществе. Одной из особенностей гражданской активности является всё большее использование сетевого принципа для ее организации. Основные механизмы сетевой мобилизации граждан в современной России можно разделить на традиционные и новые. Первые включают в себя все приемы взаимодействия с населением, мотивирующие к участию: распространение информации посредством печатной продукции, радио и телевидения; формирование имиджа лидера движения; постановка целей; организация мероприятий и т. д. Новые механизмы расширяют границы действия инициативных граждан, их объединение и взаимодействие происходит через Интернет. Специфика заключается в использовании более оперативной взаимосвязи, онлайн-площадок для обсуждения. Все вышеперечисленные факторы создают условия для всестороннего развития и функционирования гражданского общества.

Датукишвили Е. З. (Москва, РАНХиГС при Президенте РФ)

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ РОССИИ

Современная Россия как часть сложного и глобального мира, сталкивается с огромным количеством проблем, вызовов и сложностей. В условиях стремительно меняющейся социально-политической, культурной, демографической и экономической реальности мира начала двадцать первого столетия, наша страна, если она стремится к самосохранению и поступательному развитию, оказывается перед необходимостью выявления тех рисков, которые могут привести к ее разрушению, и превращения этих рисков в возможности для своего развития. В этом контексте особое значение для России как в стране, историческая судьба которой носит сложный, уникальный и неповторимый характер, приобретает проблема позитивного использования фактора политической идентичности³³³.

Российское государство на протяжении всей своей многовековой истории формировалось как многонациональное государство, как объединение народов, имеющих различную культуру, систему коллективных убеждений и взглядов на мир. Широкое этническое и культурное разнообразие остается важнейшей особенностью развития и современной России. Данное разнообразие является как конкурентным преимуществом нашей страны, так и остается его Ахиллесовой пятой, способной привести к распаду государства. В контексте данной реальности, наиболее важным фактором развития России является политическая идентичность ее граждан. Формирование в стране политической идентичности граждан России как некоего единства, стоящего выше всех этнических и конфессиональных различий, носит экзистенциальный характер для современной России.

Данный факт подтверждают как история страны, так и научные исследования. В критические моменты российской истории, будь то Смутное время раннего семнадцатого века, Отечественная война 1812 года или Великая Отечественная войны 1941–1945 годов, именно наличие в стране единой политической идентичности, наличие у ее граждан чувства единства с национальным прошлым, настоящим и будущим, становилось успехом сохранения страны и достижения ею величайших побед. Существование в обществе духовной энергии и социального опыта, единства общества и государств, сформированного в результате самосознания, сознательный выбор и мобилизацию, и называется политической идентичностью, и она является той энергией, которая создает и созидает государство как продукт коллективной деятельности людей, примером чего является российская история³³⁴.

Политическая идентичность является важнейшим фактором развития России не только в силу того факта, что она критически важна для сохранения единства российской нации и сохранения территориальной целостности страны. Она принципиально важна также потому, что в своей сущности именно она может стать основой для мирного экономического и политического развития российского общества в будущем. Она способна сделать страну по-настоящему единой и объединить ее народ на базе общего стремления всех ее граждан, вне зависимости от их этнической принадлежности, к развитию российского государства как пространства, предоставляющего возможности для максимально полной самореализации каждому гражданину страны.

³³² Соколов А. В. Электронные коммуникации в социальной активности граждан // *Власть*. 2015. № 3.

³³³ Соловей В. Д. О государственной стратегии формирования национальной идентичности в России // *Мировая экономика и международные отношения*. — 2013. — № 6. С. 93.

³³⁴ Федотова Н. Н. Глобализация и идентичность внутри России // Федотова В. Г. *Хорошее общество*. — М.: Прогресс-Традиция, 2005. С. 65.

Данный факт подтверждает и видный эксперт по межнациональным отношениям в России Л.М. Дробижева, которая в результате анализа соотношения этнической и политической идентичностей в рамках современной российской реальности приходит к выводу о том, что данные идентичности должны не противопоставляться, а дополняться друг другом. При этом Дробижева подчеркивает необходимость утверждения в качестве приоритета для современной России задачи укрепления общероссийской политической идентичности на базе общей принадлежности россиян к единому государству³³⁵.

Наконец, политическая идентичность является важным фактором развития современной России в силу того факта, что в контексте нынешней сложной геополитической реальности и конфликта России со странами Запада, она может быть использована иностранными державами в качестве детонатора социального взрыва в стране, подобного событиям на Украине 2014 года и Арабской весне 2009 года.

Все вышеназванные факты указывают на то, что фактор политической идентичности имеет ключевое значение для развития России в будущем.

Денисенко В. В. (Москва, ГАУГН)

ЕДИНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО КАК ЭЛЕМЕНТ МОДЕЛИ УСТРОЙСТВА ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА

Современная система международных отношений в условиях отсутствия четко разграниченных сфер влияния и постоянного состояния конфронтации характеризуется усилением и одновременным кризисом процесса глобализации. Активное насильственное воздействие в рамках системы однополярного мироустройства порождает прямое противодействие, а именно — переориентацию на региональные политико-экономические интеграционные процессы.

Данное явление стало проявляться с момента критического падения уровня взаимоотношений Российской Федерации с США и странами Запада. 29 мая 2014 года был подписан Договор о Евразийском экономическом союзе, ознаменовавший новый вектор развития региональной системы международных отношений.

ЕАЭС является региональной межгосударственной экономической организацией, то есть объединением двух и более стран на основе договора о создании совместного хозяйственного комплекса для получения взаимной выгоды³³⁶. основополагающий документ провозглашает целями объединения: «стремление к формированию единого рынка товаров, услуг, капитала и трудовых ресурсов, всестороннюю модернизацию, кооперацию и повышение конкурентоспособности национальных экономик в условиях глобальной экономики³³⁷».

Развитие торгово-экономических отношений в рамках экономической интеграции продолжается до полной интернационализации национальных экономик. Для завершения подобного процесса необходима соответствующая универсализация системы подготовки кадров, обеспечивающая экономику объединения необходимым количеством специалистов соответствующего уровня.

О необходимости развития интеграции в образовательной сфере нам говорит опыт Европейского союза, создавшего на основе Болонского процесса в 2010 году Европейское пространство высшего образования. Соглашение предполагает выработку единой стратегии развития, создание совместной нормативной, правовой и финансовой системы, доведение образовательных программ до единообразия в целях поддержки общего рынка рабочей силы³³⁸.

Образование не является частью хозяйственного комплекса и может расцениваться участниками объединения как элемент мягкой силы одного из бенефициаров данного процесса, то есть элементом политической интеграции, против которой выступают Беларусь и Казахстан. Так в своей статье от 2011 года «Евразийский Союз: идеи к истории будущего» инициатор евразийской интеграции Н.А. Назарбаев заявил, что Союз будет построен на основе принципа неприкосновенности национального суверенитета, и даже создание наднациональных органов «не предполагает передачу политического суверенитета³³⁹».

³³⁵ Дробижева Л. М. Российская идентичность в Москве и регионах / Отв. ред. Л. М. Дробижева. — М.: Институт социологии РАН; МАКС Пресс, 2009. С. 49.

³³⁶ Хейвек В. Л., Оводенко А. А. Международная интеграция. // СПбГУАП. СПб., 2003. С. 4.

³³⁷ Договор о Евразийском экономическом союзе (Астана, 29 мая 2014 г.). // Информационно-правовой портал «Гарант». URL: <https://base.garant.ru/70670880> (дата обращения: 13.09.2019).

³³⁸ Манахов С. В., Зуев В. М. Основные направления формирования единого образовательного пространства Евразийского экономического союза. // Вестник НГУЭУ, 2016, № 2. С. 41.

³³⁹ Назарбаев Н. А. Евразийский Союз: от идеи к истории будущего. // Известия, 2011. URL: <https://iz.ru/news/504908> (дата обращения: 14.09.2019).

Обратившись к организационно-структурной модели Союза, мы обнаружим, что данному объединению, несмотря на гипертрофию властных полномочий высшего наднационального органа, тем не менее, присуща демократическая, а зачастую и консенсуальная, процедура принятия решений, удовлетворяющая всех членов объединения. Следовательно, принимая во внимание основополагающие цели объединения, закрепленные в Договоре, ЕАЭС следует определить как объединение интегрирующихся единиц при сохранении политической самостоятельности, то есть в части сфер взаимодействия, и на основе развития сетей коммуникации, то есть плюралистическое³⁴⁰.

Таким образом, создание единого образовательного пространства в рамках ЕАЭС полностью соответствует основополагающим целям и организационно-структурной модели устройства интеграционного объединения. Действующие межгосударственные соглашения в сфере образования от 1992 и 1996 г. создавались в иных геополитических реалиях и регламентируют узкие сферы взаимодействия, не создавая единую образовательную систему государств-подписантов. Соответственно, построение единого образовательного пространства должно стать приоритетом среднесрочного развития ЕАЭС, что подтверждает председатель Коллегии ЕЭК Т.С. Саркисян, заявивший, что развитие интеграционного объединения предполагает не только тесное сотрудничество с высшими учебными заведениями и аналитическими центрами, но и комплексное развитие науки и необходимой инфраструктуры³⁴¹.

Денисов А. Е. (Казань, Академия наук Республики Татарстан)

МИССИОНЕРСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ Н. И. ИЛЬМИНСКОГО КАК ИСТОЧНИК ФОРМИРОВАНИЯ СИМВОЛОВ ЭТНИЧЕСКОЙ МОБИЛИЗАЦИИ КРЯШЕНСКОГО СУБЭТНИЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ

Миссионерская деятельность Н. И. Ильминского «породила» первые «исторические» символы кряшенского движения — символ православия и символ «кряшенского» языка.

В середине 19 века у кряшенского населения была очень низкая образованность. Это объясняется определённой специфической ситуацией. Кряшены почти не говорили на русском языке, поэтому не могли получить образование ни в светских учебных заведениях, ни в церковно-приходских школах, где обучалось русскоговорящее православное население³⁴².

Н. Ильминский изменил эту ситуацию. Специально для этого православными миссионерами была адаптирована знаменитая педагогическая концепция К. Д. Ушинского, в частности его идея «народного» образования. В итоге Н. И. Ильминский и его преданный ученик В. Тимофеев открыли первые учебные кряшенские заведения, где люди могли обучаться на их родном языке. Конечно, это крещено-татарская школа, которая позже стала культурным центром кряшенского движения. Фактически мы можем говорить о том, что была решена проблема не только образованности кряшенского населения, но и была создана первая кряшенская интеллигенция, которые продолжили дело Н. Ильминского по этнополитической мобилизации кряшен как этноконфессиональной группы.

Более того, можно выделить такую интересную, но малозаметную черту обучения в крещено-татарских школах как индоктринация в сознание учащихся мессианского мировоззрения. Данный тезис можно доказать с помощью корреляционного анализа частоты постов в умеренной и более радикальной группах в социальной сети «ВКонтакте», связанных с православием и Н. Ильминским за 2013–2018 года. Корреляция количества записей на тему таких символов как «Ильминский» и «православие» за 2013–2018 г. в группах «ВКонтакте» выше представленными группами составляет 0,833069 (83,3%).

Отдельно стоит остановиться на символе кряшенского языка. Н. И. Ильминский знаменит не столько решением проблемы образования в кряшенской среде, а тем, что перевёл на родной язык кряшен православные священные тексты. Н. И. Ильминский для того, чтобы перевести Литургию и Священное Писание, создал кряшенский алфавит на основе кириллицы. Это и есть «кряшенский язык».

Что касается современного положения «кряшенского языка», то письменный «кряшенский язык», созданный Н. И. Ильминским, фактически полностью утрачен и остался только как «церковно-кряшенский» в религиозной литературе по аналогии с «церковно-славянским». При этом важно отметить, тот факт, что кряшены

³⁴⁰ Цыганков П. А. Теория международных отношений. — М.: Гардарики, 2003. С. 465.

³⁴¹ Тигран Саркисян: «Евразийскому союзу нужно общее видение будущего». // «Евразия Эксперт», 2018. URL: <https://eurasia.expert/tigran-sarkisyan-evraziyskomu-soyuzu-nuzhno-obshchee-videnie-budushchego/> (дата обращения: 14.09.2019).

³⁴² Денисов А. Е. Практика этнической мобилизации через призму теории национализма Джона Хатчинсона (на примере Кряшенского движения) // Вестник Пермского университета. Серия: Политология. 2017. №4. С. 53.

как и многие представители этнических меньшинств у которых фактически потерян письменный литературный язык, продолжают его чтить как определённый символ, не позволяющий им полностью ассимилироваться с внешним окружением³⁴³.

При том, что современные кряшены говорят на татарском языке, они продолжают почитать свой письменный литературный язык, который был создан Н. Ильминским и остался только в религиозной литературе.

Эти слова может подтвердить событие, имеющее исключительную значимость для кряшенской общины Татарстана, которое произошло в ноябре 2018 года в Чистополе. 27 ноября 2018 года в г. Чистополе торжественно был открыт Кряшенский приход. Однако в декабре Епископ Чистопольский и Нижнекамский предложил изменить его статус до «простого», общего прихода, служба в котором будет вестись на русском языке. По этому поводу развернулась бурная дискуссия в кряшенских группах социальной сети «ВКонтакте». Участники сообществ обвинили епископа в том, что он целенаправленно дистанцируется от кряшен.

На первый взгляд мы можем подумать, что реакция на изменения статуса православного прихода у кряшен как минимум странная, но это совсем не так. История кряшенского движения с середины 19 века наглядно даёт понять, что религиозная (православная) идентичность у кряшен является доминирующей даже при том факте, что человек может себя не считать верующим³⁴⁴. «Кряшенский язык» является наследием миссионерской деятельности Н. Ильминского и он продолжает жить только в религии. От этого кряшенские приходы в Татарстане сами по себе становятся значимыми символами особенного «кряшенского православия», так как церковные службы в них ведутся на церковно-кряшенском языке, что отличает их от общих («русских») приходов. Это позволяет кряшанам демаркироваться от православного русского населения и тем самым предотвращает неизбежные ассимиляционные процессы.

Дергунова Н.В. (Ульяновск, УГПУ)

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ДИСКУССИОННЫХ ФОРМ УЧАСТИЯ В УСЛОВИЯХ РОССИЙСКОЙ ДЕМОКРАТИИ

Демократизация российского общества предполагала внедрение демократических институтов и практик в политическую жизнь страны, которое может происходить на разных уровнях развития самой демократии и напрямую зависит от уровня участия граждан в политическом процессе. Так первый уровень демократии характеризуется самым минимальным участием в политических делах.

Второй уровень демократии подразумевает участие в выборах, участие в местных общественных организациях и местных выборах, обращение с просьбами в органы власти, информированность о политических событиях и т. д. При активном уровне демократии граждане заинтересованно участвуют в общественных и политических организациях политическая грамотность у граждан высока и есть большая заинтересованность в политическом процессе и в решении проблем жизни общества.

Российская демократия с точки зрения развития института участия, несомненно, почти достигла второго уровня развития. Важно отметить, что гражданское участие, в конечном счете, выходит на отстаивание общественных (публичных) интересов и конституирует общественные блага. При таком подходе трактовка данного понятия характеризует его как особое состояние любого социального субъекта (личность, группа, класс, общественный институт и пр.), которое отвечает требованиям самоорганизации и взаимопомощи, правозащиты ущемленных социальных, гражданских прав³⁴⁵.

Проведенные исследования в Ульяновской области показали, что население в целом хорошо знакомо с различными формами гражданского участия.³⁴⁶ Однако, наблюдается, с одной стороны, тенденция продолжения использования выборов как основной формы гражданского участия, с другой стороны, усиливается тенденция изменения степени участия на более активные: выдвижение кандидатуры для участия в выборах, руководство общественными организациями, оппозиционный контент в социальных сетях участие в ТСЖ, волонтерстве и т. д. Гражданское участие преобладает над социальным, но пока носит больше патерналистский характер, нежели форму активного диалога общества и власти. Протестные и оппозиционные формы участия большин-

³⁴³ Кююн Э. Роль сохранения языка как символа при формировании идентичности // Ежегодник Финно-угорских исследований. 2015. №2. С. 21.

³⁴⁴ Севастьянов И.В. Кряшены Татарстана: религия и проблема этнического самоопределения // Проблемы истории, филологии, культуры. 2017. Т. 4. №58. С. 350.

³⁴⁵ Колесникова Н.А., Рябова Е.Л. Гражданское общество в России М.: Этносоциум, 2016. С. 220–230.

³⁴⁶ Выборочный опрос 2017 г., 384 респондента, выборка репрезентативна по полу и возрасту. Экспертный опрос 2018 г. (94 респондента — научно-техническая интеллигенция) и 2019 г. (24 респондента — представители НКО).

ство респондентов (и граждан, и общественников) не считают эффективными при взаимодействии общества и власти. Общество, таким образом, более склонно к компромиссам с властью.

И граждане, и представители институтов гражданского общества считают, что дискуссионные формы участия нужны, их должно быть достаточно по разным направлениям жизнедеятельности региона, но пока они малоэффективны с точки зрения роли населения. Чаще граждане являются простыми слушателями и участниками псевдодискуссий. Особенно мало граждане и представители НКО привлекаются к законотворческому процессу и к управлению предприятием (производственная демократия). В целом к дискуссионным формам участия привлекалось более половины респондентов, пытались активно участвовать более 30% опрошенных в целом и более 90% представителей НКО. Согласно «кумулятивной пирамиде» гражданской активности Мемми³⁴⁷ в первичных дискуссионных формах участия должны участвовать от 20% до 40% граждан. Это необходимое требование развития демократического процесса. Фактически данное требование в России (на примере Ульяновской области) формально реализовано. Однако дискуссии, как вид коммуникации власти и общества, с точки зрения респондентов, требуют качественного совершенствования, большего доверия и уважения со стороны власти к мнению и требованиям общества.

Проведенные исследования показали, что трансформационные процессы в условиях управляемой демократии привели к формированию групп населения с различными мотивами и степенью гражданской активности. Основную часть граждан можно отнести по степени активности к «зрителям» по классификации Милбрэт и Гоэль (США). Даже представителей НКО, несмотря на стабильный интерес к участию в общественно-политической жизни региона, нельзя отнести к «гладиаторам», активным участникам политического процесса. Основным механизмом эффективности взаимодействия с властью представители НКО назвали лояльность, протестные формы участия не эффективны. Опыт взаимодействия с властью, ограничения активного участия со стороны органов исполнительной власти закрепляет лояльность как основной механизм взаимодействия государственной власти и институтов гражданского общества.

Деткина В. О. (Москва, ФГАУ «ФНФРО», НИУ ВШЭ)

ТРАЕКТОРИИ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОЙ МАГИСТРАТУРЫ И ЕЕ АКТУАЛЬНОЕ СОСТОЯНИЕ КАК ОТРАЖЕНИЕ ЭФФЕКТА PATH-DEPENDENCE³⁴⁸

Изменение политической системы России в 90-е годы повлекло реформирование системы образования, что, в итоге, привело к выбору Болонского сценария. Однако на сегодняшний день по ряду параметров наблюдается откат от первоначально выбранной траектории и сворачивание реформы.

В процессе институционализации Болонской системы фактически происходило наложение одних институциональных рамок на другие, что частично объясняет «отторжение» некоторых параметров реформы. В то же время можно отметить, что ряд элементов системы нынешней имеет схожие черты с предшествующими (отечественными) проектами программ двухуровневого образования.

Предшествующий опыт развития и отправная точка реформирования во многом определяют, как будет протекать процесс институциональных преобразований. Аналогичные реформы дают совершенно разную картину институционального ландшафта. Система тяготеет к возврату в исходное состояние, что объясняет частичное сворачивание, увеличение времени и усложнение протекания Болонских преобразований в России.

Иными словами, можно говорить о наличии эффекта колеи (path dependence problem) — повторяемости исторических событий, периодической реставрации (возврата) традиционных институтов (D. North). Будучи однажды принятым, стандарт создаёт сетевые эффекты, которые затрудняют его изменение и исправление (P. David 1985).

Теория колеи является одной из основных концепций в научных спорах об эволюции институтов. По мнению исследователей-сторонников неинституционализма, унаследованные институты оказывают существенное влияние на процесс имплементации норм болонской системы в национальных системах высшего образования (Marijk van der Wendeb and Jeroen Huismanc, Johanna Witte). Авторы рассматривают болонский процесс как результат действий акторов, вызывающих институциональные изменения. В исследуемых странах наблюдается конвергенция институтов, однако на результат реформ влияет отправная точка институциональных изменений, национальный контекст и действия совокупности акторов.

³⁴⁷ Memmi D. L'Engagement politique // Traite de science politique // Sous la direction de M. Grawitz et J. Lega. V. 3. L'action politique. Paris: Presses Universitaires de France, 1985. P. 3–31.

³⁴⁸ Тезисы подготовлены в рамках исследовательского проекта РФФИ и АНО ЭИСИ № 19-011-33052

Исследования особенностей институционального дизайна магистратур, его практического воплощения в России не проводилось. Цель настоящего исследования не просто подвести сложившуюся систему под устоявшийся тип института, а описать реальное состояние института, определить закономерности его развития и особенности процесса становления того или иного типа магистратуры.

Стоит отметить, что ряд наиболее устоявшихся элементов новой институциональной системы двухуровневого образования в России имеют схожие черты с предшествующими институтами и разрабатываемыми отечественными проектами реформ национальной системы образования. Возникает вопрос: могла ли реформа высшего образования пойти не по пути заимствования и имплементации заимствованных норм, а за счёт собственных ресурсов и транзита отечественной системы образования?

Зафиксированный, но слабо изученный факт состоит в том, что в Советском Союзе целый ряд (преимущественно технических и творческих) специальностей имели дополнительные ступени образования (увеличенный срок обучения).

Развитие данной идеи получило в постсоветский период в проектах создания уникальной для России, но аналогичной современной модели высшего образования — «бакалавриат-магистратура». Проекты реформы остались нереализованными инициативами. Сложившаяся же система двухуровневого высшего образования в результате болонских реформ, ее развитие, трансформация (приобретение сущностных особенностей) обуславливает необходимость описания актуальных характеристик институционального дизайна магистратуры в России.

Дизайн магистратуры в России не однороден. Разнообразие траекторий развития можно представить как вариации путей преодоления колен: степень принятия новых институциональных элементов.

При проведении сравнительного анализа институтов возникает необходимость определить, в каком случае можно говорить о грубом заимствовании и внедрении института в чужеродную институциональную среду, а в каком об эволюции и конвергенции, включении элементов старой системы в новую, Болонскую (условно — типологизировать). Пути институциональной трансформации условно можно представить в форме имитации, адаптации и реформирования.

В ряде вузов можно наблюдать многообразие магистерских программ со своими руководителями, абсолютно оригинальный дизайн программ и множество дисциплин по выбору, другие вузы просто переняли форму: 4 года обучения в бакалавриате по урезанной программе специалитета, которую опционально можно пройти за 2 года в магистратуре. Кейс Балтийского университета иллюстрирует стремление к сохранению прежних форм: значительное число направлений подготовки продолжает выпускать специалистов.

Безусловно, в ряде случаев специалитет себя оправдал и перекраивать эффективно реализуемые программы администрация вузов, вероятно, не видела особого смысла. Однако, учитывая современные нормативные рамки и тенденции в образовании, есть риск «маргинализации» современных выпускников специалитета.

Изучение процесса перехода к двухуровневой системе образования через призму теории path dependence позволит определить особенности эволюции современной системы, место старой образовательной традиции и влияние предшествующих практик на новые институциональные элементы.

На основании анализа трансформации институционального ландшафта можно сделать вывод о современном воплощении проектов отечественной протомагистратуры.

Для реализации исследовательского проекта необходимо описать сущностные характеристики современной магистратуры — составить картину современного институционального дизайна магистратуры в России. На основании сбора данных по магистерским программам российских вузов — выделить оформившиеся типы магистерских программ в России.

Дец И. (Краков, Польша, Ягеллонский университет)

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОЙ ГЕОПОЛИТИКИ ПОСЛЕ 1991 г.

Геополитические теории стали важными для России в XX столетии, вытесняя типичное для XIX века преобладание философии истории. Историсофия, в западной Европе связанная с влиятельными идеями немецкого романтизма, особенно гегелианством, а в России представляемая псковским монахом Филофеем (автором теории Москвы — Третьего Рима), П.И. Чаадаевым, славянофилами, М.А. Бакуниным, К.Н. Леонтьевым, В.С. Соловьёвым и многими другими мыслителями, выполняла роль более или менее простого объяснения исторического и политического развития мира. Российский марксизм был тоже попыткой описать закономерности развития мирового социума. В большинстве этих теорий появлялись простые, обычно триадные модели, где в последней стадии особую роль играла Россия, объединяющая в своем развитии все главные направления истории.

В XX веке историческо-социальные идеи уступили в России место другой концептуальной парадигме — геополитике. Все это случилось, конечно, не сразу; геополитика не родилась в евразийской степи, ее основоположниками были главным образом мыслители германских стран, в том числе Ф. Ратзель, Р. Кьеллен, Х. Макиндер. Однако уже в 1901 г. Д. А. Коропчевский рисовал образ политической географии, где своеобразные черты территории имеют существенную связь с развитием социальных связей, экономики и государственности³⁴⁹. Идея Р. Т. Мухаева, что в России геополитика получила права гражданства лишь в 90-е годы XX века, по всей вероятности, верна³⁵⁰. В это время удалось преодолеть ассоциации геополитики с германским (или даже нацистским) влиянием, в государственном нарративе была уничтожена монополия марксизма.

Российская геополитика развивалась в тесной связи с иными направлениями общественной мысли, такими как политическая теория международных отношений, обусловленная географическим детерминизмом, она неоднократно пересекалась с крайним интернационалистическим реализмом, геостратегией, теорией цивилизации, культурологией или даже религиозной мыслью. Довольно часто в российской традиции термины «геополитика» и «геополитический» употребляются в более широком значении — конкуренции на международной сцене, межгосударственной вражды и альянсов, цивилизационного развития и противостояния, необязательно связанных с географическим фактором.

В истории геополитической мысли в России XX века появилось несколько направлений, которые в разной степени продолжают до наших дней.

1. Евразийство. Евразийская теория началась после революции 1917 г. как антизападная теория на стыке географии и культурологической теории цивилизации. Теоретики вроде Н. Трубецкого, П. Савицкого, П. Сувчинского, Г. Флоровского и др. продолжали развивать идею о России как о самобытной цивилизации, размещенной в «Евразийском континенте» между Европой и азиатскими культурными кругами. Единство географической характеристики региона (бывшей Российской империи или СССР) сопровождалось иллюзорным единством этнического компонента большого пространства. Этническую характеристику России — Евразии подчеркивала теория этногенеза Л. Н. Гумилева, в которой космо-географический фактор определял энергию этносов и их динамику. После 1991 г. главным образом Александр Дугин, но и другие мыслители вроде Александра Панарина, Валерия Коровина или Гейдара Джемала создали новую теорию евразийства, где почетное место занимает геополитика. В дугинской концепции подчеркивается существенная разница между силами Континента, Суши, носителем консервативной Традиции и общинного стиля жизни, и атлантизмом, силой Моря, Материка, прогресса, свободного рынка, индивидуализма и демократии. Евразийские теории на протяжении нескольких десятилетий связывает навязчивое антизападничество, одетое в геополитическую, псевдонаучную форму.

2. Военная геополитика силового лагеря. Она представляется разными личностями, в том числе происходящими из силовых структур. Репрезентативным примером этой тенденции являются работы Л. Г. Ивашова. Геополитика этого типа подчеркивает необходимость мобилизации, подготовки к борьбе с никогда не угасающими угрозами со стороны геополитической конкуренции.

3. Теория Великого Лимитрофа (переходной геополитической зоны), разработанная Вадимом Цымбурским, который, предлагая, скорее, дефензивный тип геополитического неореализма, воспринимает идею безопасности и надежной защиты собственных интересов государства путем ограничения претензий и рисков, связанных с вторжением в чужую, неспособную к освоению и враждебную среду.

4. Геополитика «Русского Мира», возникшая в правительственных кругах с очевидным влиянием идеологии партии «Родина» и Конгресса русских общин. Она стремится к политическому или сетевому воссоединению территорий, связанных с широким употреблением русского языка и влиянием русской культуры.

5. Геоэкономика, которую часть исследователей ассоциирует не с политикой, а, скорее, с независимым теоретическим образованием, возникшим в русле экономических наук. Российская геоэкономика первых десятилетий XXI столетия имеет два главных воплощения в форме концепций Эрнеста Кочетова и Александра Неклессы.

Джанкеев Б. М. (Черкесск, АНО «Институт гуманитарных исследований и социальных технологий»)

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ ДИНАМИКА КАК ПРЕДМЕТНОЕ ПОЛЕ РОССИЙСКОЙ КОНСТИТУЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ

Терминологическая конструкция «конституционная политика» представляет собой достаточно популярную исследовательскую парадигму в западной политической науке. Но в отечественной социогуманитарной

³⁴⁹ Коропчевский Д. А. Введение в политическую географию. М.: Типография А. В. Васильева, 1901.

³⁵⁰ Мухаев Р. Т. Геополитика. М.: Юнити, 2018. С. 3.

мысли преобладает более юридизированная концепция конституционно-правовой политики, которую можно определить как «стратегию развития конституционного права современного государства, осуществляемую посредством научно обоснованной, последовательной и системной деятельности государственных и муниципальных органов, а также общественных объединений по формированию системы конституционного права и законодательства»³⁵¹.

В отечественной науке право и политика представляют собой тесно взаимосвязанные социальные феномены, исторически существующие в отечественной реальности на параллельных курсах. Развитие политической науки и науки конституционного права в нашей стране идет достаточно специфическим путем. В советский период политологии как отдельной отрасли научного знания не существовало, и многие понятия этой науки изучались в рамках юриспруденции. В современных условиях российской истории эти две отрасли социально-гуманитарного знания отгородились друг от друга искусственными барьерами методологического и прикладного характера, что привело и приводит к обеднению понятийного аппарата обеих дисциплин и ставит под вопрос релевантность соответствующих научных исследований.

В зарубежной политологической литературе для обозначения политического элемента в конституционной политике используется слово «politics» и этот аспект имеет ключевое значение. Если термином «policy» обозначаются институциональные основы конкретной политической системы и текущий политический курс, то категория «politics» отражает борьбу за достижение, осуществление и удержание власти³⁵².

Таким образом, категория «конституционная политика» отражает, с одной стороны, институциональные основы политической системы конкретного государства, а с другой — нормативные основы функционирования этой системы, правила политической игры и современное воплощение общественного договора.

Эффективная конституционная политика обычно является результатом компромисса, отраженном в писанных конституциях, конституционном законодательстве и судебной практике, что можно объяснить соотношением социальных и институциональных сил и интересов, стоящих за разнообразными ценностями, с одной стороны, и процессуальным нормам и динамике конституционных дебатов о гетерогенных принципах порядка, с другой³⁵³.

Применение институционального подхода в рамках методологической парадигмы конституционной политики представляется гносеологически обоснованным, поскольку «российская политология постепенно осваивает теоретико-методологический инструментарий институционального анализа процессов политической трансформации в России, оценки кратко- и долгосрочных последствий институциональных преобразований и перспектив изменения в культурных и социальных нормах как условия и фактора эффективной институциональной деятельности»³⁵⁴.

Политическая система современной России получила свое институциональное закрепление четверть века назад в принципиально новой в отечественной истории Конституции 1993 года. Этот Основной закон как результат политического компромисса получил сложное противоречивое содержание. Сегодня можно констатировать, что одной исключительно методологии конституционно-правовой науки недостаточно для изучения функционирования и трансформации ключевых элементов российской политической системы. В свою очередь, политическая наука в России предпочитает опираться на свой методологический инструментарий и понятийно-категориальный аппарат, сводя к минимуму правовые в целом и конституционные подходы в частности³⁵⁵.

Также одним из приоритетных объектов изучения конституционной политики должны выступать границы институциональной динамики, а также цели, задачи, результаты и последствия так называемой «ползучей» конституционной реформы последних 15 лет, оказавших ключевое влияние на политическую систему:

- изменение порядка формирования Совета Федерации;
- создание внеконституционного института федеральных округов и полномочных представителей Президента РФ в этих округах;
- внедрение новой схемы разграничения полномочий между Федерацией и ее субъектами;
- реформа местного самоуправления;

³⁵¹ Конституционно-правовая политика современной России: идеи, приоритеты, ценности, направления: монография / П.П. Баранов, А.И. Овчинников, А.Ю. Мамычев [и др.]; под ред. П.П. Баранова, А.И. Овчинникова. — М.: РИОР: ИНФРА-М, 2019. С. 8.

³⁵² См.: Гельман В.Я. Politics versus Policy: технократические ловушки постсоветских реформ // Полития. 2017. №2. С. 32.

³⁵³ См.: Arjomand S.A. Law, Political Reconstruction and Constitutional Politics // International Sociology. 2003. Vol. 18. No. 1. P. 23.

³⁵⁴ Институциональная политология: Современный институционализм и политическая трансформация России. Под редакцией С.В. Патрушева. — М.: ИСП РАН, 2006. С. 6.

³⁵⁵ См.: Джанкезов Б.М. Роль конституционной политики в обеспечении стабильности и устойчивости российской политической системы // Материалы Международного молодежного форума «Ломоносов-2019» / Отв. ред. И.А. Алешковский, А.В. Андриянов, Е.А. Антипов. [Электронный ресурс] — М.: МАКС Пресс, 2019.

— ограничение права граждан на проведение референдумов в период федеральных избирательных кампаний;

— ограничение права граждан на проведение митингов и публичных собраний и т. д.³⁵⁶.

Таким образом, парадигма конституционной политики представляется методологически востребованной для анализа институциональной динамики российской политической системы.

Джантеева Д. С. (Черкесск, КЧИГИ)

КОММУНИКАТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ НАРОДНОЙ ДИПЛОМАТИИ В ЭТНОПОЛИТИЧЕСКОЙ ПОВЕСТКЕ

В современной политической науке отсутствует общепринятая интерпретация термина «народная дипломатия». В широком смысле под народной дипломатией понимается активность граждан во внутренней и внешней политике, направленная на установление контактов, преодоление кризисов и формирование положительного имиджа. В контексте заявленной темы мы рассматриваем народную дипломатию как активное участие этнических индивидов/групп в реализации этнополитической повестки, установленной государством, его партнерами и оппонентами.

В силу историчности, социокультурной обусловленности и политической значимости народная дипломатия обладает огромным коммуникативным потенциалом, который используется в этнополитической деятельности власти, СМИ и общества. На массовом и групповом уровне политического взаимодействия народная дипломатия реализуется в коммуникативных стратегиях, направленных на решение актуальных задач этнополитики. В данном случае речь идет о: стратегии этнокультурного и межэтнического сотрудничества, этнорелигиозной толерантности и поддержания этнокультурной идентичности, стратегии расширения возможностей межкультурного диалога и участия в нем этнических объединений, стратегии самопрезентации этнических общностей, стратегии гражданской интеграции и т. д. Ранее мы обращали внимание на эти вопросы³⁵⁷. Коммуникативный потенциал народной дипломатии применяется в имиджевых политических технологиях, связанных с PR, рекламой и другими презентационными стратегиями акторов этнополитики, в рамках которых демонстрируются позитивные политические практики и строятся соответствующие прогнозы о сотрудничестве. На уровне межличностных контактов, устанавливаемых в рамках реализации актуальной этнополитической повестки, коммуникативный потенциал народной дипломатии используется преимущественно в латентных формах общения.

Эмпирические исследования неформальных политических практик подтверждают мнение о том, что конфликтные этнополитические ситуации регулируются с помощью механизмов народной дипломатии при медиаторстве власти. Такой подход соответствует коммуникативной логике российской власти и общества, ориентированной на закрепление положительного результата в сфере этноконфессиональных отношений в стране в условиях новых вызовов и рисков, с которыми Российская Федерация столкнулась в последнее время³⁵⁸.

Неформальное медиаторство власти в кризисных этнополитических коммуникациях ограничено результатами выбора коммуникативной стратегии и политической целью, поэтому оно имеет перманентный и ситуативный характер. При этом заинтересованность власти в урегулировании межэтнической ситуации является одним из факторов эффективности согласительной политической коммуникации, осуществляемой в неформальной обстановке. Преднамеренное участие власти в межэтнических кризисных коммуникациях проявляется в выполнении ею неформальной медиаторной функции и включено в планируемый охват политического управления³⁵⁹, т. к. коммуникативное действие было детерминировано неэффективной деятельностью официальных структур. Причем в роли латентных медиаторов могут выступать более статусные представители власти нерегионального/федерального масштаба и эффективные социальные менеджеры.

Тем самым, коммуникативный потенциал народной дипломатии реализуется в этнополитической повестке в самых разных целях и видах политических контактов. Механизмы народной дипломатии, включенные в коммуникативные стратегии этнополитической деятельности власти, СМИ и общества, расширяют спектр полити-

³⁵⁶ Конституционно-правовая политика современной России: идеи, приоритеты, ценности, направления: монография / П.П. Баранов, А.И. Овчинников, А.Ю. Мамычев [и др.]; под ред. П.П. Баранова, А.И. Овчинникова. — М.: РИОР: ИНФРА-М, 2019. С. 9.

³⁵⁷ Джантеева Д. С. Этноконфессиональные коммуникации как фактор этносоциальной консолидации северокавказского общества // Материалы Международной научно-практической конференции «Позитивный потенциал ислама как фактор этносоциальной консолидации России». (Майкоп, 23–25 мая 2019 г.) / Отв. ред. Ляушева С.А. Майкоп, 2019. — С. 87–94. 230 с.

³⁵⁸ Зорин В.Ю. Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации: промежуточные итоги и новые ориентиры // Вестник российской нации. 2018. № 1. с. 19

³⁵⁹ Фалиньский А. Характеристика и основная типология политических процессов (очерк проблематики) // Элементы теории политики. Под ред. В.П. Макаренко. Ростов-на-Дону. 2001. С. 370

ческих коммуникаций, адаптируя их к изменяющейся социокультурной реальности и способствуя социальной санкционированности дипломатического общения акторов этнополитики. В политической истории достаточно примеров, когда функциональные недостатки официальной структуры, порождали альтернативную структуру для реализации существующих потребностей более эффективным путем³⁶⁰. И это один из факторов эффективности коммуникативного потенциала народной дипломатии и «живучести» неформальных типов политических контактов в реализации этнополитической повестки.

Джокич А. (Москва, РУДН)

ВЛИЯНИЕ ИЗБИРАТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ НА ЭТНИЧЕСКИЕ КОНФЛИКТЫ В БОСНИИ И ГЕРЦЕГОВИНЕ

Исследовательский вопрос охватывает в первую очередь оценку конкретных существующих избирательных систем в парламенты Боснии и Герцеговины. В дополнение к теоретическим постулатам теории управления конфликтами будет проанализирована теория самих избирательных систем как основа данного исследования. Необходимой частью исследования является количественный и качественный анализ, основным методологическим подходом — институциональная модель.

Избирательная система является лишь одной из составляющих всех институциональных систем, особенно если иметь в виду тезис о разделении власти (Power-sharing). При этом представляется возможным научно установить роль избирательных систем в поведении главных политических акторов; в данном докладе избирательная система понимается как набор институциональных стимулов, которые создают рамки для участия в целом политическом процессе. Исключительно важен каждый аспект избирательной системы, так как он может прямо или косвенно влиять на поведение политических партий и их лидеров, что в этнически разделенных обществах означает кооперацию или углубление конфликта.

Когда речь идет об избирательных системах в этнически разделенных обществах, можно назвать два основных теоретических подхода. Аренд Лейпхарт³⁶¹ (Arend Lijphart) — родоначальник и лидер первого направления, которое можно назвать консоциативным разделением власти³⁶². Второе, интегративное направление возглавляет Дональд Горовиц (Donald L. Horowitz). Существенное различие этих двух подходов состоит в том, какой тип избирательных систем предлагается в качестве средства смягчения этнических конфликтов в глубоко разделенных обществах. Однако в сфере электоральной инженерии всем исследователям хорошо известны различные примеры и данные (число избирательных циклов, проведенных по определенной избирательной системе, явка, предвыборные и послевыборные коалиции и т. д.). Конфликт этих двух подходов состоит в ожидаемых последствиях и заданных целях определенного типа избирательной системы, за которую выступают теоретики. Горовиц предлагает систему альтернативного голосования и приводит пример Фиджи, так как считает, что стимулы, которые предоставляет его система, создадут рамки сотрудничества конфликтных групп, в противовес зеркальному отражению этнического состава, к которому приводит пропорциональная система, за которую выступает Лейпхарт³⁶³.

Целью исследования является оценка результатов функционирования избирательных систем в Боснии и Герцеговины. Наряду с анализом представленности национальных меньшинств важно определить степень межэтнического сотрудничества через анализ коалиционных правительств и парламентского большинства. Основная гипотеза состоит в том, что если избирательная система приводит к так называемым выборам этнического ценза³⁶⁴, она не сумеет смягчить этнические конфликты. Только избирательная система, которая стимулирует межэтническое сотрудничество, может это осуществить. В случае выборов, результаты которых точно отражают национальный состав общества, нельзя с уверенностью предсказать, будут ли все партии наименьшинства умеренными, поэтому Горовиц предлагает альтернативную систему голосования, которая, по его мнению, будет стимулировать представителей умеренных партий (большинства и меньшинства) создавать предвыборные коалиции, что в свою очередь будет маргинализировать радикалов и смягчит уже существующий этнический конфликт.

³⁶⁰ Мертон Р. Явные и латентные функции // Общая социология. Хрестоматия / Сост. А.Г. Здравомыслов, Н.И. Лапин; Пер. В.Г. Кузьминов; Под общ. ред. Н.И. Лапина — М.: Высш. гик., 2006. С. 71

³⁶¹ Lijphart A. Constitutional Design for Divided Societies // Journal of Democracy. 2004. Volume 15. No. 2. April. P. 96–109.

³⁶² Wolff St. Conflict Resolution between Power Sharing and Power Dividing, or Beyond? // Political Studies Review. 2007. Volume 5. No. 3. September. P. 377–393.

³⁶³ Reilly B. Democracy in Divided Societies: Electoral Engineering for Conflict Management. Cambridge: Cambridge University Press, 2011. P. 232.

³⁶⁴ Horowitz D. Ethnic Power Sharing: Three Big Problems // Journal of Democracy. 2014. Volume 25. No. 2. April. P. 5–20.

ПОЛИТИКА ФИНЛЯНДИИ В ОТНОШЕНИИ ТАНЗАНИИ В ПЕРИОД СТАНОВЛЕНИЯ НЕЗАВИСИМОСТИ: ВОЗМОЖНОСТЬ ПРИМЕНЕНИЯ ОПЫТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИЕЙ

21 июля 2019 года Президент Российской Федерации Владимир Путин осуществил официальный визит в Финляндию, которая на международной арене закрепила за собой роль посредника между великими державами, занимая позицию «активного нейтралитета»³⁶⁵.

Одним из наиболее успешных финских политиков, проявивших себя во внешнеполитической деятельности является Марти Ахтисаари, удостоенный нобелевской премии мира в 2008 году³⁶⁶.

Однако, прежде чем проявить себя в качестве успешного переговорщика, которому мировое сообщество в лице Генерального Секретаря ООН Кофи Аннана доверило ведение наиболее сложных переговоров (решение Югославского кризиса 1999–2004 гг.), Марти Ахтисаари прошел длительный путь дипломатической деятельности, осуществляя первые шаги на территории Африканского континента. Направления деятельности, предложенные Ахтисаари в Танзании можно охарактеризовать как продуманные и нацеленные на долгосрочный результат.

Хотя объектом анализа является политика Финляндии в Танзании в период 1970–1980-х гг., это не преуменьшает значение исследования данного опыта, так как значительная часть стран Африканского континента так и не преодолела проблемы, возникшие в период становления, а частично усугубила серией гражданских конфликтов, которые проходили на их территории. В связи с этим опыт успешной реализации взаимовыгодного сотрудничества может быть имплементирован в современной политике Российской Федерации на территории стран Центральной Африки, в Южном Судане и ЦАР.

Так, реализация финской политики в Танзании было начато с учета специфики развития региона и выделения первостепенных задач, решение которых способствовало бы улучшению социально-экономического климата в стране.

Будучи полностью зависимой от сельского хозяйства, Танзания срочно нуждалась в модернизации этой отрасли. Предложенное решение было достаточно простым и предполагало налаживание преподавания основ сельского хозяйства для местного населения финскими преподавателями и строительство научно-исследовательского центра недалеко от города Мбея на юго-западе Танзании. Был также запущен совместный проект скандинавских стран, направленных на подготовку специалистов в области сельского хозяйства. Третье мероприятие, предложенное Ахтисаари — проект Танзанийского института управленческих навыков, который обеспечил подготовку управленцев в различных областях.

Финны также провели инвентаризацию лесов и реализовали программу, которая была нацелена на разумное и устойчивое использование лесов, с тем чтобы лесопилки могли функционировать под гарантию кредита на развитие. Ахтисаари также инициировал создание государственной компании, основной целью которой было строительство домов и дорог³⁶⁷.

Однако сотрудничество с Хельсинки не всегда шло гладко. В финском политикуме были силы, которые считали, что такое сотрудничество должно означать только продажу финской техники, оборудования или даже зерна в развивающиеся страны. В те годы кредит Финляндии на развитие Танзании обычно был привязан к закупкам из Финляндии, и конечный результат не всегда был особенно успешным.

Напротив, Ахтисаари не считал развитие финской промышленности за счет развивающихся стран необходимым условием для налаживания сотрудничества.

По мнению Ахтисаари наиболее успешным условием для сотрудничества со странами, находящимися в периоде становления или значительных трансформаций является создание благоприятной социально-экономической среды, за счет развития внутренней экономики, системы образования и здравоохранения. Однако, Марти Ахтисаари нацеливал на необходимость воспитания собственных кадров на территории страны, которые способны были бы обеспечить преемственность развития после ограничения помощи из вне. Главной задачей мирового сообщества и Финляндии он видел создание условий для стабильного развития нации, которая в дальнейшем выступала бы равноценным партнером в международных отношениях.

Российская Федерация, проводящая активную внешнюю политику на территории Африканского континента может частично использовать опыт Финляндии в Танзании в рамках наращивания присутствия в образова-

³⁶⁵ Путин в Хельсинки: как Финляндия хочет стать голубем мира (Nowa Europa Wschodnia, Польша) — URL: <https://inosmi.ru/politic/20190827/245713499.html> (Дата обращения: 11.08.2019).

³⁶⁶ Марти Ахтисаари. Личная страница. — URL: http://cmi.fi/?content=cv_board&id=1 (Дата обращения: 25.08.2019).

³⁶⁷ Merikallio K., Ruokanen T. A Biography of Martti Ahtisaari. London: Hurst and Company, 2014. 640 p.

тельной, интеллектуальной плоскости, системе развития и внедрения новых технологий, а также установлении устойчивого диалога с новыми региональными политическими элитами.

Динь Т. Т. З. (Москва, РАНХиГС при Президенте РФ)

РАЗВИТИЕ СОЦИАЛИЗМА КАК ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ И ПРАКТИКИ

Как идея общественного устройства, основанного на принципе равенства его членов при одинаковом распределении всех видов благ и отсутствии трудовой эксплуатации, социализм существовал давно. Привлекательность социализма не утрачена и сегодня. Это заметно по графику «ломанной» отношения к социализму в трех точках: сначала волна подъема — возникновение системы социалистических государств от середины XX века, затем — спада: развал СССР в 1991 г. и мировой системы социализма и вновь интерес к нему, связанный с разочарованием в экономической нестабильности либерально-капиталистической модели начиная с 2010-х. Показательными примерами тенденции к «полевению» мира сегодня может служить всплеск побед на выборах европейских социалистических и рабочих партий, которые десятилетие назад не могли на такое рассчитывать³⁶⁸.

Надо отметить, что социализм проявляется в нескольких аспектах, имея при этом множество альтернативных трактовок. Наиболее распространенные представлены следующим образом, — социализм как: 1) комплекс определенных социально-философских и идейно-политических концепций, доктрин, установок; 2) совокупность социально-политических движений; 3) предполагаемый в будущем или существовавший в СССР, странах Восточной Европы, Китае и некоторых странах Азии общественно-политический строй.³⁶⁹ При разнообразии ответвлений в осмыслении социализма и противоречий между ними, все они имеют общий исток и общий определенный комплекс концепций, принципов и идеалов, свойственных каждому из них как производному социалистического мировоззрения. Это и позволяет их собирательно именовать социализмом. Социализм вобрал в себя утопические выкладки древности и средневековья, частичные установки и ценности Нового времени, особенно — периода европейского Просвещения и не только.

Сейчас наиболее распространена социал-демократия, понимаемая как идейно-политическое движение и социально-политическое течение, с присущим ей разнообразием национально-региональных вариантов и социально-философских и политических течений, включая теорию и практику социалистических партий, но, в целом, как политику сближения с капитализмом с целью внедрения в его систему принципов социальной справедливости. Но изначально она считалась реальным воплощением марксистского социализма, появившись в конце XIX века — начале XX века для представительства интересов рабочего класса³⁷⁰.

При анализе программ и практик современных социалистических партий стран Южной Америки, Северной и Юго-Западной Европы, имеющих различные названия: *латинский социализм* или *средиземноморский социализм*, *скандинавская* или *шведская* модели социализма, *фабианский социализм* и т. д. видно, что всех их объединяют общим термином *демократический социализм*, так как они являются так или иначе формами социал-демократии, которая отошла от марксизма, переняв модель и правила внутригосударственной политической игры, чтобы встроиться в существующие общественно-политические институты и систему.

Отсюда социал-демократическая история рассматривается как образец медленного и верного отмежевания от марксизма. Но поскольку человечество имеет опыт воплощения обоих направлений и хотело бы совместить их позитивные качества в обход негативных, то в качестве опытных моделей, потенциально способных к «экспорту стабильности и процветания», представляются и государства³⁷¹, сохранившие прежний политический режим с ведущими левыми партиями и введением рыночных отношений.³⁷²

³⁶⁸ В 2012 году Социалистическая партия Франции выиграла президентские и парламентские выборы после «опалы» 2000-х; самые недавние победы — на национальных парламентских выборах 2019 года оппозиционных Социал-демократической партии Финляндии и Испанской социалистической рабочей партии, впервые ставших «партией премьер-министра» после 1999 и 2011 годов соответственно.

³⁶⁹ Новая философская энциклопедия [Электронный ресурс] / Электронная библиотека ИФ РАН. — URL: <https://iphlib.ru/greenstone3/library/collection/newphilenc/document/HASH60401d1a96bec6aab3e060> (дата обращения: 30.05.2019).

³⁷⁰ Кисельникова, Т. В. Общественно-политическая мысль в России в конце XIX — начале XX в.: идеи либерального социализма [Текст] / Т. В. Кисельникова; под ред. Ю. В. Куперта. — Томск: Изд-во Том. гос. архит.-строит. ун-та, 2010. — 360 с.

³⁷¹ Наподобие Китая, Вьетнама, Кубы и других государств с правящей коммунистической партией, которые сумели, преодолев последствия экономического кризиса 1997–98 годов, наращивать темпы экономического роста далее.

³⁷² Тимофеева Л. Н. Классическая русская революция и ее вклад в мировую цивилизацию [Текст] / Л. Н. Тимофеева // Власть. — 2017. — № 9. — С. 47–55

В целом при анализе современного мирового опыта, как капитализма, так и социализма, сейчас прослеживается тенденция к поиску слияния, конвергенции, синегрии жизнеспособных и наиболее благоприятных черт обоих, более всего сходных с демократическим социализмом.

Докучаев Д. С. (Иваново, ИвГУ)

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА НА РЕГИОНАЛЬНОМ УРОВНЕ: ТРАНСФОРМАЦИЯ ПУБЛИЧНОГО ПРОСТРАНСТВА В ОЦЕНКАХ НАСЕЛЕНИЯ (НА ПРИМЕРЕ ИВАНОВСКОЙ ОБЛАСТИ)³⁷³

Любое публичное пространство, говоря словами Б. Гройса, имеет главной своей целью конституирование общественной жизни. В этом пространстве происходит, прежде всего, публичная жизнь (взаимодействие, сотрудничество, конфликт)³⁷⁴.

Публичное пространство постоянно трансформируется и видоизменяется. Иногда революционным образом, но чаще эволюционным. В публичном городском пространстве мы всегда сможем отыскать приметы времени, символы прошлого и предвестников будущего. Публичное пространство — это поле взаимодействия дискурсов, место символической борьбы, а, следовательно, и пространство политики (символической, архитектурной, культурной, исторической и пр.).

Цель настоящего исследования заключается в попытке определения места и роли исторических символов и исторической политики в процессах формирования комфортной городской среды и поддержания локальной идентичности в публичном пространстве.

Комфортная городская среда. Это словосочетание становится частым в медиадискурсе, начиная с 2018 года. В рамках послания Федеральному Собранию, а затем и в виде нового «майского» указа Президент России В.В. Путин поставил цель к 2024 году повысить индекс качества городской среды на 30% и сократить количество городов с неблагоприятной средой в два раза. Вслед за формулировками президентского указа последовало выделение значительных средств в регионы. Хотя справедливости ради необходимо заметить, что «пилотный» проект по преобразованию общественного пространства за счет средств госкорпорации «Дом.рф» был чуть ранее реализован именно в Ивановской области — в посёлке Палех. На реконструкцию центра лаковой миниатюры было выделено 100 миллионов рублей. Архитектурное решение готовило КБ «Стрелка».

Важнейшая проблема при реализации подобных проектов — это участие населения и общественное обсуждение. Именно поэтому мысль о том, что население должно принимать самое активное участие в подготовке проекта, была озвучена властью сразу. Обсуждений было несколько. Но обсуждением это было назвать трудно, поскольку какие-то важные темы вовсе не обсуждались. На прямые вопросы жителей архитекторы не отвечали. На открытые площадки не приглашали журналистов. Создавалось впечатление, что задача состоит в эффективном освоении выделенных средств в короткие сроки. Местные активисты создали независимую площадку для обсуждения проекта в сети³⁷⁵, однако повлиять на результат не смогли. Проект реализовали. Был реконструирован центральный фонтан, заново разбит сквер. Особое внимание было уделено освещению. Вечерний свет, по задумке создателей, должен напоминать главный символ поселка — палехскую миниатюру. В итоге кому-то благоустроенный центр посёлка понравился, кому-то нет. Журналисты и вовсе назвали этот проект «стрелочным»³⁷⁶ благоустройством и «Мордором за 100 миллионов рублей»³⁷⁷.

В рамках социологического исследования³⁷⁸, проведенного в июне-июле 2019 года в Ивановской области, мы смогли отдельно изучить оценки населения в части преобразования городской среды. Необходимо заметить, что в целом население Ивановской области было неплохо информировано о проектах комфортной городской среды. 26,9% опрошенных «что-то слышали», 27,7% — «знакомы с проектами, но не участвовали в обсуждении», 10,7% — «знакомы с проектами и участвовали в обсуждении». Правда, каждый третий (34,7%) «впервые слышит о проектах».

³⁷³ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и АНО ЭИСИ в рамках научного проекта №19-011-32123 «Историческая политика в регионах России: от интерпретации прошлого к конструированию будущего».

³⁷⁴ Гройс Б. Публичное пространство: от пустоты к парадоксу. URL: <https://iknigi.net/avtor-boris-groys/60230-publichnoe-prostranstvo-ot-pustoty-k-paradoksu-boris-groys/read/page-1.html> (дата обращения 15.08.2019).

³⁷⁵ Инициатива. Палех. URL: <https://vk.com/club166903905> (дата обращения 15.08.2019).

³⁷⁶ «Стрелка», Палех, фиаско администраторов. URL: <http://1000inf.ru/news/89711/> (дата обращения 15.08.2019).

³⁷⁷ Фото дня: Мордор за 100 миллионов. URL: <http://1000inf.ru/news/89579/> (дата обращения 15.08.2019).

³⁷⁸ Социологическое исследование (N=384) проводилось в Иванове, Кинешме, Шуе и Палехе. Оценивалось отношение жителей региона к инициативам органов власти по трансформации городских пространств, о преобразовании исторических поселений, отношении к истории и локальным брендам, туристической привлекательности.

Степень информированности и степень вовлеченности населения в обсуждение проектов существенно разнятся в зависимости от города. Так, если в Иванове доля тех, кто знаком с проектами комфортной среды и участвовал в обсуждении, составляла 4,2%, то в Палехе 34,4% приняли участие в общественных слушаниях. Но каждый второй палешанин (54,2%), зная о преобразовании городского пространства, не стал участвовать в обсуждении.

Большинство проектов преобразования публичного пространства городов и поселений Ивановской области разработаны неместными дизайнерами и архитекторами, что также вызывает определенное недовольство со стороны населения. В некоторых случаях попросту не учитывается специфика территории. Так, у ивановских архитекторов вызвал бурное обсуждение проект реконструкции площади Ленина в областном центре. Эксперт — архитектор Александр Снитко обратил внимание на стилистическую разноголосицу проекта: на фоне домов в стиле неоклассицизма обильно установлены фонари в стиле эклектика³⁷⁹. Серьезное негодование ивановской общественности вызвала также и инициатива отдельных проектировщиков раскрасить фасад ивановского железнодорожного вокзала в цвета палехской росписи. Это выглядело бы более чем странно, учитывая, что вокзал построен в стиле конструктивизма. В итоге от идеи отказались.

В текущем году Ивановская область стала победителем конкурса на реконструкцию малых городов и исторических поселений сразу по нескольким муниципалитетам: Шуя, Кинешма, Южа, Тейково. Эти проекты представляют собой отдельную тему для изучения. Тем не менее, население этих городов уже включилось в обсуждение, чтобы не повторять ошибок Палеха и Иванова.

Евгеньева Т.В. (Москва. МГУ им. М.В. Ломоносова; Финансовый университет при Правительстве РФ)

ОБРАЗЫ СТРАН БРИКС В КОНТЕКСТЕ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ РОССИЯН

Выступление подготовлено на основе анализа данных, полученных в результате политико-психологического исследования образов государств в сознании граждан России.

Цель анализа — выявить место образа стран БРИКС в геополитической картине мира рядовых россиян и, в более широком смысле, в формировании макрополитической идентичности, опирающейся на представления об отношениях с союзниками и партнерами («своими»), с одной стороны, и врагами и конкурентами («чужими») — с другой. Предлагаемый анализ является продолжением направления предыдущих исследований, результаты которых были представлены на Восьмом всероссийском конгрессе политологов в декабре 2018 года³⁸⁰.

В прикладном аспекте результаты исследования могут помочь определить место этого образа в информационной политике, направленной на формирование российской идентичности, опирающейся на адекватное осознание места и роли российского государства в системе международных отношений.

В результате анализа был сделан ряд выводов, отражающих состояние, когнитивных, эмоциональных и поведенческих компонентов (включая рациональные и неосознаваемые характеристики) образа объединения БРИКС, а также стран, являющихся его членами.

Образ объединения БРИКС, активно позиционируемого в качестве символа конца как биполярного, так и однополярного мира и перехода к принципам многополярности во внешней политике России с конца нулевых годов, не занимает сколько-нибудь значимого места в российском массовом сознании. Большинство респондентов могут с трудом расшифровать аббревиатуру и, как правило, не могут вспомнить все государства, ей обозначенные. Что не менее важно, на когнитивном уровне они затрудняются назвать основные цели и смыслы существования объединения. Таким образом, можно говорить лишь об особенностях образов отдельных стран — участников, когнитивный компонент которых также выражен достаточно слабо.

Относительно когнитивно наполненным является образ Китая, в котором отражается одновременно набор общекультурных представлений (древняя история, Великая Китайская стена, культурная революция), с одной стороны, и стереотипы, предлагаемые современными российскими средствами массовой коммуникации (огромные ресурсы, активно развивающаяся экономика, ситуативный партнер в противостоянии Западу) — с другой. Однако данные представления имеют размытый и стереотипизированный характер, основанный

³⁷⁹ http://1000inf.ru/news/85076/?sphrase_id=219077 (дата обращения 15.08.2019).

³⁸⁰ См.: *Евгеньева Т.В.* Образы «своих» и «чужих» в контексте российской идентичности // Политика развития, государство и мировой порядок. Материалы VIII Всероссийского конгресса политологов, М., 2018, С. 181–182; *Евгеньева Т.В., Усманова З.Р.* «Свои» и «чужие»: образы зарубежных государств в контексте восприятия России ее гражданами // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки, М., Изд-во Моск. ун-та, № 2, с. 57–75.

не на глубоком понимании, а на эмоциональной (символической) категоризации образа. При этом эмоциональный компонент образа во многом воспроизводит противоречивые оценки, присутствующие в массовой коммуникации, где Китай в разных контекстах предстает, то как союзник (потенциальный союзник) против общего врага (Запада или США), то как конкурент или даже потенциальный враг в экономической сфере.

Образы Индии и Бразилии носят в целом символический характер, размыты и фрагментированы. Они в целом опираются на массовые общекультурные стереотипы (касты, Болливуд, бразильские сериалы, футбол) или отражают информацию о каких-либо случайных событиях (спортивных, музыкальных и т. д.). В образе ЮАР практически отсутствуют не только когнитивные, но и какие-либо символически элементы, а те, которые появляются, связаны с Африкой в целом.

В отличие от Китая, эти образы не могут составить основу для понимания необходимости и смысла сотрудничества России с данными государствами в рамках какого-либо объединения. В то же время участие России в объединении БРИКС (при наличии грамотной информационной политики) могло бы стать одним из факторов геополитической самоидентификации российских граждан, которая могла бы быть противопоставлена западной модели глобализации.

Евдокимов Н. А. (Уфа, БАГСУ)

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОТДЕЛЕНИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ В ЭЛЕКТОРАЛЬНЫХ КАМПАНИЯХ ОСЕНИ 2018 ГОДА

9 сентября 2018 года в России прошёл Единый день голосования в ходе которого состоялись выборы Глав регионов в 22 субъектах, а также были выбраны депутаты 16 региональных legislатур. Выборы отличались более высоким, чем обычно уровнем конкуренции, что было обусловлено совокупностью социально-экономических и политических факторов.

По причине победы оппозиции в ряде субъектов, региональные выборы губернаторов в 2018 году привлекли значительное внимание общественности, в том числе на федеральном уровне. Общий ход избирательных кампаний по выборам глав субъектов Российской Федерации демонстрирует, что включённость политических партий является относительно слабой. Большинство кандидатов от «Единой России» не стремятся ассоциироваться с партией, используя её как формальный политический институт, необходимый для выдвижения. Учитывая снижение показателей «партии власти» большинство кандидатов стремилось проводить избирательные кампании опираясь на собственный политический опыт и/или потенциал.

Частично данная тенденция присуща и для оппозиционных кандидатов. Их связь с региональными отделениями не всегда была прочной, часто кандидаты использовали свой собственный финансовый и организационный потенциал. Но у представителей оппозиции связь с партийными структурами всё же прослеживается более отчётливо. Следует отметить и то, что во многих регионах непарламентские политические партии выступали как трамплин для реализации политических амбиций со стороны ряда бизнесменов или региональных политиков. Впрочем, даже в случае, когда им удавалось проходить муниципальный фильтр избирательная кампания не приводила к достижению искомым результатов.

Традиционно к выборам в региональные legislатуры было приковано существенно меньшее внимание, чем к губернаторским. Однако именно здесь (всего состоялись выборы в шестнадцати субъектах) региональные отделения партий были в наибольшей степени включены в избирательный процесс и смогли направить усилия на мобилизацию избирателей исходя из партийной, а не индивидуальной повестки.

В отличие от губернаторских выборов, включённость партий в организационную и информационную работу на выборах в legislатуры была полной. При этом, по-прежнему следует разделять избирательные кампании при голосовании за единый региональный список и кампании в одномандатных округах.

Общий анализ работы региональных отделений политических партий позволяет сделать следующие основные выводы:

1. В ходе выборов в региональные legislатуры партии в большей степени ощущают свою субъектность, чем в период губернаторских выборов, когда ход избирательной кампании в большей степени определяется штабами кандидатов, зачастую имеющими номинальное отношение к партиям. В большей степени это касается «Единой России», в несколько меньшей степени — оппозиционных политических партий.

2. Ключевым фактором избирательной кампании осенью 2018 года стала «пенсионная реформа» во многом определившая тактику избирательных кампаний партийных субъектов, а также спровоцировавшая массовый рост недовольства населения, что напрямую отразилось на итогах выборов. В наибольшей степени аккумулировать протест удалось КППРФ. Попытки аккумуляции предпринимались и другими партиями, в том числе

«Справедливой Россией» и в несколько меньшей степени ЛДПР. Однако возглавить протест региональным отделением данных партий практически нигде не удалось. Наибольшие потери были понесены «Единой Россией», несмотря на попытки минимизировать их путём ряда технологических приёмов.

3. Региональные отделения оппозиционных политических партий сталкиваются с серьёзными проблемами при проведении выборов в одномандатных округах. Это связано с тем, что значительная часть региональных отделений сегодня не готова работать в рамках пропорциональной избирательной системы. В период избирательной кампании партии, за исключением «Единой России», столкнулись с проблемой эффективной организации собственной работы, что связано с отсутствием чёткой структуры и узнаваемых политических фигур в партийных организациях городов и районов. Политические партии не пользуются большой популярностью и в большинстве своем не проросли на низовой уровень.

4. Информационная работа региональных отделений политических партий бессистемна, зачастую носит ситуативный характер. В ходе избирательных кампаний партии часто транслируют федеральную повестку, слабо включены в региональные проблемы, либо опасаются озвучивать свою позицию, боясь потерять часть электората. Слабая включённость в региональную повестку характерна даже для «Единой России». Это приводит к тому, что информационную повестку перехватывают внесистемные субъекты, либо общественно-политические структуры, не участвующие в выборах. Как следствие, выборы перестают восприниматься значительной частью общества как способ решения острых вопросов регионального развития, их легитимность падает.

Евстифеев Р. В. (Владимир, Владимирский филиал РАНХиГС при Президенте РФ)

УЧАСТИЕ ИНСТИТУТОВ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В ПРОЦЕССАХ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПЛАНИРОВАНИЯ (НА ПРИМЕРЕ РЕГИОНОВ ЦЕНТРАЛЬНОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА)³⁸¹

Участие институтов гражданского общества в процессах развития страны оценивается в современной России как необходимое условие эффективности и успешности достижения поставленных целей.

Однако, важно отметить, что пока не существует консенсуса, основанного на эмпирических данных и научных аргументах, в том, на каком уровне управления участие гражданского общества должно быть наиболее активным для достижения максимальной эффективности, а на каком уровне управления такое участие следовало бы ограничивать правовыми механизмами.

Анализ документов федерального уровня показывает, что вовлечённость институтов гражданского общества в вопросы стратегического планирования и реализации крупномасштабных государственных проектов напрямую не регламентируется и не предусматривается, кроме статьи 13 Федерального закона «О стратегическом планировании в Российской Федерации» N 172-ФЗ от 28.06.2014, в соответствии с которой устанавливается обязательное общественное обсуждение проектов документов стратегического планирования всех уровней

Для оценки участия институтов гражданского общества в процессах стратегического планирования в субъектах РФ нами был осуществлен анализ документов стратегического планирования в 17-ти регионах Центрального федерального округа (кроме г. Москвы).

Анализ стратегий социально-экономического развития регионов строился на основе оценки по нескольким индикаторам, разделенным на две группы. В первую группу индикаторов входили показатели, относящиеся к первичным качествам самой стратегии, такие как — наличие стратегии, ее статус, год утверждения, срок реализации. Во вторую группу индикаторов входили показатели, характеризующие степень вовлеченности институтов гражданского общества 1) в разработку стратегии социально-экономического развития региона, 2) в реализацию стратегии социально-экономического развития региона, 3) в оценку результатов реализации стратегии социально-экономического развития региона.

Из 17-ти рассмотренных регионов в 5-ти регионах региональные Стратегии приняты до 2010 года — но во все неоднократно вносились изменения (Брянская, Владимирская, Калужская, Курская, Липецкая). В 4-х регионах Стратегии социально-экономического развития приняты в 2010–2016 гг. (Белгородская, Ивановская, Тверская, Ярославская области). В 8-ми регионах Стратегии приняты в 2017–2018 гг. (Воронежская, Костромская, Московская, Орловская, Рязанская, Смоленской, Тамбовская области). Самый дальний горизонт планирования — 2035 год, у региональных Стратегий в Воронежской, Орловской, Тамбовской областях.

³⁸¹ Подготовлено при поддержке РФФИ, проект № 17-03-00328 «Институты и практики взаимодействия власти, экспертного сообщества и общественных организаций в российских регионах».

Оценка по индикаторам второй группы происходила методом контент-анализа текстов стратегий социально-экономического развития, сопутствующих документов, докладов региональных Общественных палат.

Только в 5-ти регионах удалось обнаружить точные и подробные указания на участие в разработке и обсуждении проектов Стратегий широкого круга экспертов, ученых из региональных вузов и научных организаций, граждан (Белгородская, Воронежская, Курская, Тамбовская, Ярославская области). В 10-ти региональных стратегиях нет прямых указаний на разработчиков и на участие в разработке стратегий институтов гражданского общества. В 2-х стратегиях указано, что разработчиком являются внешние организации (Брянская, Тульская области).

Формы и механизмы реализации, корректировки и контроля достижения показателей Стратегий в регионах в большинстве стратегий описаны в общих терминах, не везде они ясны и открыты. Это касается и участия институтов гражданского общества в указанных процессах.

Таким образом, участие институтов гражданского общества в процессах стратегического планирования в регионах Центрального федерального округа можно оценить как крайне неравномерное, зависящее от многих факторов, как общероссийских, так и внутрирегиональных. Позитивный опыт вовлечения институтов гражданского общества в процессы стратегического планирования присутствует только в нескольких регионах и касается в основном участия граждан и общественных организаций в разработке основных положений стратегий социально-экономического развития регионов (Белгородская, Воронежская, Курская, Тамбовская, Ярославская области).

Крайне слабо представлен в изученных стратегиях регионов опыт создания механизмов участия институтов гражданского общества в реализации стратегий и оценки результатов реализации стратегий. Потенциал институтов гражданского общества в большинстве случаев в данной сфере не используется.

Представляется, что для дальнейшего развития институтов гражданского общества необходимо законодательное закрепление и регламентация на федеральном и региональном уровнях форм и механизмов участия граждан и общественных организаций в процессах стратегического планирования. Это позволит преодолеть диспропорции между регионами, задействовать потенциал гражданского общества для эффективного достижения ориентиров, поставленных в майском указе Президента РФ. При разработке региональных стратегий в них должны включаться действующие механизмы участия институтов гражданского общества в реализации стратегий и оценке достижения основных показателей, прежде всего, — активное участие в этих процессах региональных Общественных палат и государственно-общественных советов органов при органах власти соответствующего уровня.

Евстифеев Р. В. (Владимир, Владимирский филиал РАНХиГС при Президенте РФ)

«СПОРНЫЕ» ВЫБОРЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ МЕЖДУНАРОДНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ВЫБОРНЫХ ПРОЦЕССОВ³⁸²

Распространение политических выборов в современных государствах привело к тому, что в большинстве стран мира происходит формирование разнообразных органов на основе выборных процедур в соответствии с формальными конституционными принципами и законами о выборах. Сегодня выборы характерны не только для так называемых «старых» демократий, но и для полуавтократических и даже актократических режимов.

Однако, в последние годы фиксируется рост количества выборов, вызывающих конфликты и протесты, проводимых с нарушениями, в том числе с применением насилия. В последние 10 лет около 12 процентов всех выборов в мире сопровождались бойкотом оппозиции, 17 процентов выборов сопровождались беспорядками или протестами, в 18 процентах случаев при проведении выборов зафиксировано применение насилия, повлекшее гибель людей.

В связи с этим перспективным и обоснованным представляется введение концепции «спорных выборов» (П. Норрис)³⁸³, то есть выборов, связанных с серьезными вызовами легитимности субъектов, процедур или результатов выборов. Данный тип выборов происходит там, где,

— во-первых, существуют глубокие конфликты в обществе, которые ставят под сомнение легитимность органов власти со стороны участников выборов (например, обеспокоенность по поводу отсутствия беспристрастности органов власти, отсутствие авторитета и независимости органов по управлению выборами;

³⁸² Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта №19-011-00484 по теме «Международный уровень управления в сфере избирательного процесса»

³⁸³ Contentious elections. From ballots to barricades. Edited by Pippa Norris, Richard W. Frank, and Ferran Martnhez i Coma. Routledge. 2015. P. 15.

— во-вторых, под сомнения ставятся избирательные процедуры (включая разногласия по поводу правил игры, используемых для регистрации избирателей, кандидатов и партий, распределения избранных мест, регулирования финансирования избирательных кампаний и доступа к средствам массовой информации, правила голосования и т. д.);

— в-третьих, сомнения вызывают результаты выборов и, таким образом, легитимность тех сил и кандидатов, которые выигрывает выборы.

Таким образом, «спорные выборы» отражают конфликты относительно легитимности выборов. Такие конфликты могут возникать в государствах по разным причинам (коррупционные скандалы с политиками, серьезные провалы в проведении государственной политики, неоправданное применение государством насилия к гражданам и т. д.).

Консенсусные выборы являются идеальным случаем и механизмом урегулирования споров мирным, демократическим законным путем. Однако, отсутствие или сомнения в легитимности выборов приводят к тому, что правящие элиты начинают применять недемократические механизмы, вплоть до применения силы и принуждения к конкурентам.

В последние годы такие выборы были зафиксированы Малайзии, Венесуэле, Мозамбике, Камеруне, Уганде, Замбии, Камбодже, Таиланде, Бангладеш, Пакистане и многих других странах.

Можно выделить, по крайней мере, три эмпирических признака, по которым можно выявить и зафиксировать «спорные «выборы»:

1. Крайне низкое и снижающееся доверие к выборам со стороны граждан и элиты.
2. Выборы, порождающие мирные массовые демонстрации, бойкоты оппозиции или судебные процессы.
3. Случаи применения насилия в ходе выборов, во время или после дня голосования, применение или угроза применения принуждения.

Как правило, одним из главных источников данных о «спорных» выборах являются отчеты международных организаций, осуществляющих наблюдение за выборами. Однако, ситуация в данной сфере отличается исключительной высокой степенью децентрализации и наличием множества субъектов³⁸⁴. На сегодняшний день ни один из наднациональных органов не может быть признан в качестве основного, в наибольшей степени влияющим на процесс регулирования выборов.

Таким образом, главной проблемой, на наш взгляд, остается нерешенный вопрос с балансированием между государственным суверенитетом и формами контроля и влияния международных организаций на внутреннюю политику, включая выборы³⁸⁵.

Перспективы международного регулирования «спорных» выборов могут быть связаны, прежде всего, с корректировкой концепции суверенитета по примеру Европейского Союза. Речь не идет о создании институтов, концентрирующих в своих руках полномочия и власть устанавливать правила и выносить решения. На данном этапе необходимо стремление к формированию общих представлений о законности и честности выборов, к постоянному диалогу, к созданию и развитию на этой основе международных независимых организаций, осуществляющих наблюдение за выборами.

Ермолаев Т. С. (Якутск, ИГиИПМНС СО РАН)

СОВРЕМЕННАЯ ДИНАМИКА ЭТНОСОЦИАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ в Южной Якутии

Южная Якутия — первый плацдарм индустриального освоения территории республики и ее наиболее развитый промышленный кластер. Через территорию Южно-Якутского региона проходит уже третья волна промышленного освоения, здесь накоплен уникальный исторический опыт. Характерными чертами предыдущих этапов индустриального развития являлись очаговость, узкая ведомственность и хроническое отставание социальной инфраструктуры. Процессы индустриальной трансформации Южной Якутии в контексте исторического опыта позволяют выделить их глубинную суть, определить системообразующие параметры экстенсивной и интенсивной стратегии развития региона, республики и страны в целом. Одним из определяющих критериев различения этих двух стратегий является отношение к ресурсам: человеческим, природным, материальным,

³⁸⁴ Гришин Н.В. Наднациональный уровень управления в сфере избирательного процесса: опыт Европейского союза // Политика развития, государство и мировой порядок: Материалы VIII Всероссийского конгресса политологов, Москва, 6–8 декабря 2018 г. / Под общ. ред. О.В. Гаман-Голутвиной, Л.В. Сморгунова, Л.Н. Тимофеевой. — Издательство «Аспект Пресс», 2018. С. 151.

³⁸⁵ Евстифеев Р.В. После глобализации? Политико-административные преобразования в России в XXI веке. Владимир, Владимирский филиал РАГС, «Транзит X», 2011. С. 132.

финансовым. Промышленное освоение северных территорий России демонстрирует доминирование экстенсивной модели развития: человек продолжает рассматриваться не как цель, а лишь средство/инструмент достижения экономических задач.

В общественном мнении населения региона преобладает мнение, что для республики с богатыми природными ресурсами приоритетным направлением в обозримой перспективе должна оставаться их добыча. Альтернативный путь ее развития, который связан с инновациями, эффективным производством, развитием науки и наукоемкого производства, представляется жителям Южной Якутии менее вероятным. Среди ключевых идей для модернизации республики называются, прежде всего, инструментальные ценности. Первые наиболее важные шаги должно сделать государство — это обеспечение практической реализации принципа равенства всех перед законом и начало эффективной борьбы с коррупцией.

С точки зрения этносоциологии, Южная Якутия — уникальный плавильный тигель, создавший интернациональный сплав энтузиазма, патриотизма и трудового героизма, который сохраняется в социальной памяти жителей этого региона. Сюда на протяжении длительного исторического времени стекались в поисках заработка, приключений и романтики люди разных национальностей и конфессий, приезжавших на работу по комсомольским путевкам и оргнабору. Именно на этой территории происходили стремительные процессы миграции, урбанизации и интернационализации. Представители различных социальных и этнических групп в короткое время освоили рабочие профессии, стали субъектами индустриального образа жизни, интенсивно вступали в межэтнические контакты.

Следующая особенность вытекает из геоэкономического положения Южной Якутии, являющейся сегодня основным «миграционным коридором» Республики Саха ввиду наличия на территории региона развитой транспортно-логистической инфраструктуры. С большей миграционной подвижностью, по сравнению с другими районами Якутии, связаны формирование и распространение институциональных страхов представителей регионального сообщества по поводу потенциальной возможности ослабления и утраты этничности, языка и культуры, привычной среды обитания.

Особо следует отметить консервацию своеобразной пространственной, информационной и культурной «анклавности» Южной Якутии. Наиболее рельефно данная черта проявилась в период суверенизации Якутии, когда два наиболее индустриально развитых района — Мирнинский и Нерюнгринский — объявили о намерении выйти из ее состава и руководству республики пришлось тогда приложить значительные усилия для стабилизации этнополитической ситуации. Изолированность от остальной части республики связывается прежде всего с отсутствием, а впоследствии с ограничением республиканских радио- и телепередач, прессы и, соответственно, незнанием истории и культуры Якутии; большее чувство связи населения региона с так называемым «материком», чем с жителями всей республики.

Население Южно-Якутского региона, оказавшись в эпицентре промышленного освоения, не имеет адекватных механизмов выражения и реализации своих интересов. Существующие политико-правовые инструменты во многом противоречивы, декларативны и не могут преодолеть доминирование интересов промышленности. Учитывая возрастающую сложность взаимоотношений бизнеса, власти и общества, подходы к построению работоспособного механизма социального партнерства необходимо искать на основе интеграции интересов всех субъектов взаимодействия сквозь призму их взаимных обязательств. Реальная ситуация в регионе характеризуется отсутствием последовательной поддержки со стороны государства гражданских инициатив и нежеланием учитывать общественное мнение в принятии решений; региональный бизнес слабо принимает идеологию социальной ответственности. Ключом к решению проблем может стать переход на рельсы инновационного мышления, когда территория перестает выступать в качестве абстрактного пространства и объекта государственного воздействия; она предстает не как запас и объединение технических и людских ресурсов, а как активная единица, черпающая свой потенциал развития в локальных ресурсах в широком смысле этого слова.

Ернылева Е. О. (Санкт-Петербург, СПбГУ)

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СУБЪЕКТИВИЗАЦИЯ УЧАСТНИКОВ ГОРОДСКОГО ДВИЖЕНИЯ «МОСКВИЧИ ПРОТИВ СНОСА»

В статье рассмотрена политическая субъективизация участников городского движения «Москвичи против сноса», возникшего в связи с реализацией московской программы реновации жилья. В основу работы легли глубинные интервью с горожанами, участвовавшими в протестах против программы реновации, а также

интервью с депутатами муниципального округа Даниловский, принимавшими участие в градостроительном протесте. В сложившейся стихийной выборке респондентов были представители 9 районов³⁸⁶ Москвы.

Проблема политической субъективизации была рассмотрена через призму готовности участников движения включаться в политическую борьбу, т. е. конкурировать с городскими органами власти за представительство своих интересов и интересов участников движения, переводя требования, планы и предложения движения из не-повестки в повестку. Не-повестка — это одиночные пикеты, обращения, жалобы, протесты, никем не поддержанные и никого не объединяющие. Она отталкивается от места, как точки референции, формирующей идентичность местного населения. Повестка — определенный нарратив и действия, направленные на объединение и представительство жителей. Она отталкивается от не-места, которое заставляет людей мыслить свою идентичность вне одного лишь места пребывания и встраивает уже активистов в определенную ранее не знакомую сеть значений и практик. Не-место — более широкий контекст, в который помещают горожане свою проблему, характеризуемый детерриторизацией — дестабилизацией пространственных границ и повышением внутренней гетерогенности³⁸⁷ сообщества. Создавая повестку, апеллирующую к не-месту, активисты взамен получают ТСЖ, политические коалиции, некоммерческие организации, становятся депутатами — обретают политическую субъективность. Чтобы преобразовать не-повестку в повестку активист продельывает работу по переводу. Перевод в акторно-сетевой теории обозначает действия актора по сборке длинной цепи разрозненных участников и выстраиванию связей между ними, с последующим становлением представителем данной цепи.

В результате анализа интервью было выявлено два пересекающихся пути местного жителя. Первый путь — путь «резидента» характеризуется высокой степенью укоренённости жителя в своем месте пребывания и нежеланием квалифицировать свои действия как политические:

«То есть политикой можно сказать вообще не пахло. Ни в нашем доме на собраниях, ни в соседних» (участник движения «Москвичи против сноса», район Черемушки)

Резиденты склонны к созданию неформальных объединений на уровне двора или района, артикуляции не-повестки — локальных требований, содержащих черты синдрома NIMBY³⁸⁸.

Среди резидентов большинство было критично настроено по отношению к градостроительной политике органов власти, «но пока не поднялся голос, придающий этому настроению выражение, оно оставалось чисто индивидуальным, слабым, не заразительным, неосознанным»³⁸⁹. Таким голосом стали люди, избравшие более извилистый путь «активиста», находя новые маршруты — организовать общегородской митинг, привлечь к сотрудничеству политические и градозащитные организации, работать в архивах, взаимодействовать с органами власти, участвовать в муниципальных выборах — и новые определения для своих действий:

«Можно говорить, что ты ни при чем и политика ни при чем, но, когда тебя пришли выгонять из своего дома, ты можешь считать, что это не политика, но это политика в чистом виде» (активист Даниловского района)

При этом, как писала социолог общественных движений Донателла делла Порта, следует избегать чрезмерных упрощений и попыток представить позицию жителей, воплощающих черты синдрома NIMBY как нелегитимную и однозначную. «В действительности эмпирические исследования местного сопротивления обнаруживают сложную реальность, в которой гражданские комитеты демонстрируют различные способности и желание разместить частные требования внутри более сложной структуры»³⁹⁰. Мы также не можем переходить к оппозиции вроде «путь резидента — путь активиста», и должны признать, что эти пути «никогда не выступают по отдельности, а потому предполагают движение и переход от одного к другому»³⁹¹. В нашем случае, требования, лозунги и мнения резидентов переплетались с нарративом активистов, что было выражено в способности помещать локальную ситуацию в более широкий политический и градостроительный контекст:

«Есть чисто такой градостроительный момент [протеста], когда знаешь, что в советское время все города проектировались достаточно хитрым образом, с учетом того, сколько человеку идти от дома до остановки общественного транспорта, что, допустим, школы должны быть расположены так, чтобы ребенок не переходил дорогу. <...> А сейчас получается, будут строить совершенно бесконтрольно...» (активистка района Текстильщики)

³⁸⁶ Районы: Останкино, Бабушкинский, Даниловский, Очаково-Матвеевское, Черемушки, Текстильщики, Филёвский Парк, Богородское, Люблино.

³⁸⁷ Деланда М. Новая философия общества Теория ассамбляжей и социальная сложность. Пермь.: Гиле Пресс, 2018. С. 23.

³⁸⁸ Not in my back yard («только не в моем дворе») — термин, обозначающий протесты «ограниченной природы требований», не встроены в более широкий контекст городских проблем.

³⁸⁹ делла Порта Д. Местный консерватизм или общественные движения? Как объяснить протестные кампании // Социология власти. 2013. №4. С. 177.

³⁹⁰ Лаццарато М. Предприятие и неомонадология // Логос. 2007. Т. 61. №4. С. 18.

³⁹¹ Вяткин Д. «Плазма в себе»: между онтологией и эпистемологией // Логос. 2017. Т. 27. №3. С. 60.

Мы можем заключить, что помимо традиционного для градостроительного протеста дискурса NIMBY, участники протестного движения «Москвичи против сноса» проявляли новые траектории практик и повесток. Однако как мы показали, в повестке протестующих «локальное» и «глобальное» может пересекаться, и, поэтому нельзя рассматривать их дискурс и практики через призму оппозиций. Скорее, их действия обладали разной степенью политизации, что проявлялось в различной готовности жителей квалифицировать свои действия как политические и направлять усилия на перевод и представительство.

Еришов В. Ф. (Москва, МГОУ)

Россия в системе БРИКС и ЕАЭС: политическое проектное управление финансово-экономическим развитием

В докладе рассматривается тема многоаспектного политического, финансово-экономического и информационного взаимодействия государств БРИКС и ЕАЭС, которое имеет большое креативное значение для модернизационного развития экономики России. В настоящее время группа стран БРИКС является одной из основных институциональных структур, отражающих мировую тенденцию формирования новой глобальной экономики и многополярного мира³⁹².

Процесс институционализации финансово-экономической системы БРИКС и ЕАЭС осуществляется в рамках проектного политического управления государств-участников (Россия, Китай, Индия, Бразилия, Казахстан и др.) с использованием государственного капитала (Банк развития БРИКС, Азиатский банк инфраструктурных инвестиций — АБИИ), Евразийский банк развития (ЕАБР) и др.

В современных условиях глобализирующейся мировой экономики возрастает роль политического проектного управления, обеспечивающего повышение конкурентоспособности национальных экономик государств ЕАЭС и БРИКС³⁹³. Повышается общий уровень технологичности принятия управленческих решений, что требует от государств, участвующих в совместных экономических проектах, создания организационных структур высокого уровня, обеспечивающих проведение согласованной политики в инвестиционной, административной, научно-технической и информационной сферах. При этом на основе политического проектного управления не только развиваются интегративные финансово-экономические процессы внутри каждого из двух международных объединений, но и формируется система глобального сетевого взаимодействия между участниками БРИКС и ЕАЭС в сфере бизнеса, образования, культуры.

Политическое проектное управление, осуществляемое руководством стран БРИКС и ЕАЭС, научными, экспертными и бизнес-сообществами данных стран, позволяет реализовать долгосрочные масштабные экономико-технологические, логистические, инвестиционные проекты, требующие экономического, территориального и политико-правового взаимодействия (логистический проект «Один пояс, один путь», газопровод «Сила Сибири», инвестиционный проект «Евразийский экономический пояс Великого Шелкового пути» и др.).

На современном этапе развития ЕАЭС утвердилась перспективная интегрированная модель финансово-экономического взаимодействия при значительном участии государства в ее организации и управлении. Расширению межбанковского сотрудничества БРИКС и ЕАЭС способствуют встречи высших руководителей стран-участниц содружеств, бизнес-форумы, научные конференции, круглые столы, в работе которых принимают участие ученые-экономисты, представители делового сообщества, эксперты и др.³⁹⁴. При этом политическое проектное управление сочетается с внедрением в сферу взаимодействия стран БРИКС и ЕАЭС новейших сетевых технологий международного финансово-экономического менеджмента. Так, в инфраструктуру Финансовой ассоциации БРИКС, созданной в мае 2018 г., включена операционная банковская система «Клуб проектного процесса», которая объединяет ведущие финансовые институты России и стран Евразийского региона³⁹⁵.

В современных условиях в экономике модернизирующихся государств значительно возрастает роль банковского сектора, который посредством распределения инвестиционных ресурсов оказывает непосредственное воздействие на экономико-технологический рост, на развитие бизнеса, на социальное благосостояние граждан и на ход макроэкономических процессов в целом. В связи с этим политическое проектное регулирование при-

³⁹² Давыдов В. М. Особенности сотрудничества в формате БРИКС и роль России // Информационный портал «Россия в БРИКС». URL: www.brics.mid.ru/brics.nsf (дата обращения: 10.08.2019).

³⁹³ Политическое проектирование. Глобальное, национальное, региональное измерения / под ред. М. Н. Грачева, Н. А. Борисова — М.: Мир философии, 2016.

³⁹⁴ Круглый стол «Российско-китайское сотрудничество в банковско-инвестиционной сфере» завершился в Пекине. Электронный ресурс. 20.05.2011 г. URL: <http://chn.rs.gov.ru/node/369> (дата обращения: 25.07.2019).

³⁹⁵ Любомудров Д. М. Клуб проектного процесса // Экономические стратегии. 2007. № 1. С. 88–93.

обретает особое значение, способствуя достижению стабильности банковских систем и формированию новых институтов регулирования и развития финансовых рынков как на национальном, так и на наднациональном уровне³⁹⁶.

Проектное проектирование в условиях перехода российской экономики на инновационный путь развития в условиях ускоряющихся процессов глобализации приобретает системообразующий характер, позволяет формировать стратегические ориентиры модернизационного развития страны в XXI веке³⁹⁷.

При существенных различиях экономик России, Китая, Индии, Казахстана и других участников данных объединений именно политическое проектное управление позволяет находить консенсус и выработать общую линию взаимопонимания, аккумулировать инвестиционные ресурсы, формировать экспертные группы, обеспечивать правовую поддержку реализуемым программам и др.

Межбанковское взаимодействие государств БРИКС и ЕАЭС, осуществляемое как совместный политико-экономический проект, является значимым фактором развития и влияния в глобальном финансово-экономическом пространстве XXI века.

Жаде З. А. (Майкон, АдГУ)

Роль политической идентичности в интеграции юга России³⁹⁸

Исторически сложившаяся в южно-российском макрорегионе этническая карта подвергалась деформации в процессе социокультурной трансформации и модернизации традиционного уклада жизни народов. Именно поэтому совершенствование и разработка механизмов социальной интеграции является важным шагом на пути к общенациональной солидарности и формированию интегративной идентичности.

Юг России очень многообразен, представляет собой этномозаичное и поликонфессиональное пространство, имеющее множество вариантов идентификационных стратегий. Процессы реконструкции сложившегося социального порядка, распад одних и формирование новых идентичностей, нагруженных не только этническим и конфессиональным, но и региональным содержанием, наполнили политическую жизнь полиэтничного региона конкретным смыслом.

В межэтнических взаимодействиях, в переходе от традиционных норм жизни к инновационным, в переоценке ценностей, в формировании новой социальной модели жизнеустройства нарастает динамизм. Эти процессы размывают традиционные социокультурные основы южно-российского сообщества, однако не приводят к ослаблению роли этнического фактора, который остается влияющей доминантой на ситуацию.

В южно-российском обществе наряду с утратой большинства традиционных идентификационных моделей вырабатываются новые стратегии формирования идентичности. На наш взгляд, определение факторов, влияющих на динамику идентификационных процессов, позволит разработать технологии по укреплению российской идентичности и гармонизации ее с этнической, региональной, политической, конфессиональной и другими идентичностями.

Как известно, в условиях социальных перемен, преобразующих соотношение статусных воззрений индивидов и видоизменяющих их политические предпочтения и ценностные установки, идентичность индивида также подвержена изменениям. Она связана с осознанной ориентацией на определенный образ жизни, выбирая который личность формирует свою тождественность с определенной группой и ее ценностями. В сложных социальных организациях, каковыми являются современные общества, идентичность имеет многоуровневый характер. В процессе социализации индивид справляется со многими ролями и, соответственно, имеет множество идентичностей.

Трансформирующаяся в ходе изменений идентичность выступает и в качестве источника политической динамики общества. Люди, проживающие в едином политическом пространстве, нуждаются в комплексе общих для всех ценностей, которые в совокупности обеспечивают образ жизни всех членов общества.

Осмысливая роль политической идентичности в консолидации российской гражданской нации и интеграции политического пространства Юга России отметим, что специфика региона заключается в его повышенной полиэтничности и поликонфессиональности; интеграционные процессы в регионе затруднены сложной социо-

³⁹⁶ Кругликова Е. В. Финансовая глобализация: содержание и проблемы // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 4. [Электронный ресурс]. URL: www.science-education.ru/118-13959 (дата обращения: 10.08.2019).

³⁹⁷ Барковский А. Н. Внешнеэкономическая стратегия России: сценарий до 2030 года (доклад на Ученом совете Института экономики РАН). М.: ИЭ РАН, 2008. С. 12.

³⁹⁸ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-011-00270.

культурной структурой региона и, как следствие, несовпадением социетальных ценностей этнотерриториальных сообществ.

Как показывают современные исследования, разный структурный профиль идентификации южно-российских жителей обусловлен приоритетом модернистских или традиционных институтов в социальной жизни народов макрорегиона, а также уровнем межэтнической напряженности в субрегионе³⁹⁹.

Подводя итоги, можно сделать следующие выводы: во-первых, политическую идентичность как уровень социальной идентичности следует рассматривать в качестве интегративной и динамичной характеристики человека в политическом пространстве. Инструментом конструирования данного уровня идентичности являются политические традиции и ценности.

Во-вторых, интеграция в южно-российском обществе — это многосоставной процесс, который охватывает, с одной стороны, географическое пространство, с другой стороны, различные сферы общественной жизни — социальную, экономическую, политическую, правовую и культурную. Исходя из этого, интеграционные процессы обусловлены внутренней логикой политико-правового, социокультурного и социально-экономического развития, стимулирующего регионы к более тесному взаимодействию и сближению в интересах обеспечения региональной безопасности.

В-третьих, политическая идентичность, являющаяся ресурсом интеграции региона, приобретает все большую остроту и требует тщательного анализа и проработки. Так как для Российской Федерации от успеха южно-российского вектора во многом зависит реализация государственной национальной политики и обеспечение региональной стабильности и безопасности. Политическая идентичность и основанные на ней интеграционные процессы играют ключевую роль в консолидации полиэтничного региона, способствуют функционированию Юга России как полноценной региональной единицы.

*Железная Е. И. (Московская область, Лицей МГИМО МИД России),
Копылов Е. П. (Тверь, Академическая гимназия им. П. П. Максимовича)*

ВОЗМОЖНОСТИ И ОГРАНИЧЕНИЯ ФОРМИРОВАНИЯ НАУЧНЫХ СЕТЕВЫХ СООБЩЕСТВ: МЕЖДУНАРОДНЫЙ АСПЕКТ⁴⁰⁰

В современном мире люди находятся в постоянном движении, они переезжают с одного места на другое в поисках лучших условий жизни, лучшего рабочего места или места получения образования. Привлекательность для студентов и количество принятых иностранных студентов — одни из показателей успешности университета (например, это одни из критериев составления рейтинга QS Top Universities⁴⁰¹, Times Higher Education World University Rankings⁴⁰² и т. д.). Для обеспечения интегрированности науки страны в мировое научное сообщество необходимо создание сетей взаимодействия, которые не ограничиваются одним государством, а включают в себя представителей различных стран, научных школ и направлений. Обмен студентами, преподавателями, учеными способствует формированию дружеских связей, а также профессиональных сетей. Это, в свою очередь, способствует гармонизации отношений между странами, поскольку международные отношения не ограничиваются взаимодействием исключительно на государственном уровне.

Согласно концепции «мягкой силы» Ная, которую следует отличать от пропаганды⁴⁰³, важным является понятие привлекательности для других тех или иных положений, феноменов, образов действий⁴⁰⁴. Результаты взаимодействия распределяются между всеми участниками⁴⁰⁵. Таким образом, все страны, участвующие в обмене преподавателей и студентов, а также в совместных международных грантах, реализуют свою «мягкую силу», демонстрируя престиж и привлекательность научного сообщества страны.

В то же время на сегодняшний день Россия находится в некоторой изоляции в связи с санкциями, что затрудняет, в том числе, и обмен профессорско-преподавательским составом и студентами (например, трудности при получении визы и т. д.). А значит, сегодня как никогда важно развивать международные дружественные

³⁹⁹ Клименко Л. В. Динамика социетальной сферы Юга России: социокультурное измерение: автореф. дис. д. социол. н. Майкоп: АГУ, 2016. С. 24.

⁴⁰⁰ Тезисы подготовлены в рамках исследовательского проекта РФФИ и АНО ЭИСИ № 19-011-33052

⁴⁰¹ QS Methodology // QS World University Rankings. URL: <https://www.topuniversities.com/qs-world-university-rankings/methodology> (Дата обращения: 09.08.2019)

⁴⁰² Times Higher Education World University Rankings // University Rankings. ch. URL: <https://www.universityrankings.ch/methodology/times> (Дата обращения: 09.08.2019)

⁴⁰³ Лебедева М. М. «Мягкая сила»: понятие и подходы // Вестник МГИМО-Университета. 2017. 3 (54). С. 212–223.

⁴⁰⁴ Nye J. S. The Paradox of American Power: Why the World's Only Superpower Can't Go It Alone, Oxford University Press, 2002. 240 p.

⁴⁰⁵ Лебедева М. М. «Мягкая сила»: понятие и подходы // Вестник МГИМО-Университета. 2017. 3 (54). С. 216.

отношения посредством университетов, создавать новые и поддерживать старые профессионально-научные сети. Несмотря на то, что в Россию приезжает много студентов из стран постсоветского пространства, Китая, Индии и т. д.⁴⁰⁶, необходимо развивать связи с ведущими научными центрами, расположенными в США и европейских странах, поскольку в этом случае, во-первых, обеспечивается продвижение российской науки на международную научную арену, где она способна конкурировать с ведущими научно-исследовательскими центрами, во-вторых, сможет производить обмен мнениями и знаниями, а значит, двигаться вперед, при этом не копируя результаты исследований, которые были проведены в странах Запада. В-третьих, это способствует укреплению имиджа российских университетов, российского научного мира, что приведет к привлечению студентов, профессоров мирового уровня, а также финансирования, а значит, и к улучшению отношения к России в целом.

«Научная линия» взаимоотношений России с другими странами мира видится наиболее перспективной, поскольку сама миссия науки, заключающаяся в получении новых объективных знаний об окружающей нас действительности, не имеет границ. Именно поэтому возможности взаимодействия российских ученых необходимо расширять и приумножать, при этом создавать условия не только для удержания научных кадров внутри страны, но и привлекать исследователей из-за рубежа.

Завершинский К. Ф. (Санкт-Петербург, СПбГУ)

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ КАК АГЕНТ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ

Исследования взаимосвязи исторической памяти, исторической политики и политической институционализации, даже если подобная динамика учитывает особенности способов интерпретаций и стратегий и акторов, участвующих в этом процессе, часто концентрируются на описании рационализирующей роли политических институтов, организаций или институциональной динамике публичной сферы. Несмотря на научную очевидность значимости позитивистски ориентированных эмпирических исследований «исторической памяти» и специфики ее «партикулярных» репрезентаций в политических институтах, связанных с активностью политических акторов, следует принципиально учитывать автономию и спонтанность самой социальной памяти как динамичного комплекса символических фигураций, поскольку «суть борьбы за власть проявляется в соотношении «реальных вещей» и «неотложных вещей» с тем, что фактически создает смысл — с системами символов»⁴⁰⁷.

Отталкиваясь от посылок социологического неоинституционализма о многомерности «сред» институционализации (культура, социальная структура и пространство рутинизации) как взаимосвязанной сети взаимодействий культурно-нормативных, культурно-познавательных, социальных и поведенческих структур⁴⁰⁸, можно сделать некоторые теоретические экспликации для описания драматургии («перформенса»), «действенности» исторической памяти, и социальной памяти вообще. Подобная взаимосвязь так или иначе предполагает наличие «некого конвертора» («субъекта», «агента»), «обладающим способностью использовать правила и создавать благодаря этому эпизоды действительности, политические процессы», изменять существующие институты⁴⁰⁹. Таким «конвертором», на наш взгляд, выступают «символические фигурации» социальной памяти и их базовые репрезентации в текущих символических практиках⁴¹⁰. Их активность не редуцируется к проекциям и репрезентациям прошлого в настоящем, связанным с институциональными практиками политических элит или организаций публичной сферы. Феномен памяти как динамичный комплекс знаний о «некоей самоочевидности», «рутинных сценариев подчинения», с точки зрения «культур-ориентированной» политологии означает «живую вовлеченность» социальных репрезентаций в процесс социального конструирования институционального порядка. Эти репрезентации не только и не столько «фиксируют» «реальное» прошлое, а «строят» в настоящем проект взаимодействий в будущем, привнося «некоторый минимальный уровень взаимного вменения оснований действия»⁴¹¹. Отсылают к некоей последовательности и иерархии ожиданий, возведенных в статус сакральных «реальных и «нереальных» событий». Память встраивает «самосконструиро-

⁴⁰⁶ Сколько иностранных студентов в России // Study in Russia — сайт Министерства науки и высшего образования Российской Федерации. URL: <https://studyinrussia.ru/actual/articles/skolko-inostrannykh-studentov-v-rossii/> (Дата обращения: 07.09.2019)

⁴⁰⁷ Александр Д. С. Демократическая борьба за власть: президентская кампания в США 2008 года // Вестник МГИМО — Университета. 2009. № 1. С. 72.

⁴⁰⁸ См., напр.: Scott W. R. Institutions an. organizations: ideas, interests, and identities. Los Angeles: SAGE Publications, 2013. 344 p.

⁴⁰⁹ Ильин М. В. Слоеный пирог политики: порядки режимы и практики // Полис. Политические исследования. 2014. № 3. С. 112–116.

⁴¹⁰ См., напр.: Olick J. K. The Sins of the Fathers: Germany, Memory, Method. Chicago, L.: The University of Chicago Press, 2016. 517 p.

⁴¹¹ Филиппов А. Ф. Sociologia: наблюдения, опыты, перспективы. Т. 2. СПб.: Владимир Даль, 2015. С. 55–58.

ванную временную дифференцию», которая хотя и не репрезентирует эволюцию политических коммуникаций, но «способна задавать будущее как область возможных осцилляций»⁴¹².

Качественные изменения в политической культуре, исторической формы политической памяти современного общества, возникают не только под влиянием существующих политических институтов и коллективных акторов, а зависят от специфики символических фигур повседневных представлений людей о том, «кем они являются, откуда они пришли, и куда они хотят пойти». Подобное состояние является следствием «травматического спроса» на эмоциональное, институциональное и «символическое возмещение», которое не только «возвращает память», а позволяет увидеть события по-другому, перераспределяя тем самым роли и обязанности актеров в соответствии с этим новым видением⁴¹³. Повседневная динамика сакрализации жертвенности, репрезентация «преступного» и иерархий «героического»⁴¹⁴ выступает катализатором новых «приписываний» ответственности и «распределением идеальных и материальных последствия». Это ведет к расширению структур солидарного чувства и институционализации неформальных договоров и ритуалов. Исследование специфической динамики базовых символических фигураций, присущих политической памяти национальных сообществ, позволяет прогнозировать опасности и риски рациональных стратегий «исторической» политики элит в условиях нарастающей спонтанности символического продуцирования современных массмедиа.

Зазнаев О. И. (Казань, КФУ)

Нетипичные способы досрочного прекращения полномочий президента в современном мире: вотум недоверия и отзыв избирателями

Среди множества конституционных способов досрочного прекращения полномочий президентов в современном мире (добровольная отставка, смерть президента, импичмент, смещение в результате стойкой неспособности осуществлять свои полномочия и др.) особо выделяются два — вотум недоверия президенту со стороны парламента и народный отзыв, осуществляемый путем референдума. Эти нетипичные способы редко встречаются в конституциях стран мира, а практика их реализации немногочисленна.

Если причины прекращения полномочий президента типичных случаев «лежат на поверхности» (воля президента, смерть, болезнь, нарушение закона, тяжкое преступление и пр.), то основания применения вотума недоверия и народного отзыва не всегда понятны, а именно: являются ли рассматриваемые способы политическими (например, плохая работа) или юридическими (например, совершение правонарушения), или они сочетают оба аспекта?

Считается, что в отличие от премьер-министра президент — постоянная величина в политическом процессе, он не может быть смещен по политическим соображениям так, как в парламентских системах относительно легко смещается глава правительства и кабинет. Однако можно усомниться в абсолютности этого тезиса.

Во-первых, невозможность отправить президента в отставку рассматривается как одна из негативных черт президентализма. Как доказал Хуан Линц, потерявшего легитимность президента практически невозможно сместить со своего поста⁴¹⁵. При этом смещение премьера не означает кризиса всего режима. Премьер может повысить легитимность своего политического курса иницируя процедуру голосования о вотуме доверия парламента правительству или через процедуру досрочных парламентских выборов⁴¹⁶. У президента таких возможностей нет.

Во-вторых, отсутствие политических механизмов отправки в принудительную отставку президента приводит к тому, что оппозиция и противостоящий президенту парламента, отчаявшись, идут на нарушения закона, что ведет к правовому хаосу и, в конечном итоге, к серьезному политическому кризису. Так, в пик противостояния между президентом Виктором Януковичем и оппозицией 22 февраля 2014 года Верховная Рада приняла постановление, в котором констатировала, что президент «самоустранился от исполнения конституционных полномочий» и «не исполняет свои обязанности», что сделано с явным нарушением закона, поскольку конституция не предусматривала такого способа досрочного прекращения полномочий президента как «самоустранение от исполнения конституционных полномочий».

⁴¹² Луман Н. Эволюция. М: Издательство «Логос», 2005. С. 102–103.

⁴¹³ Alexander J. C. Trauma: A Social Theory. Malden: Polity Press, 2012. С. 26, 154.

⁴¹⁴ Giesen B. Triumph and trauma. Boulder: Paradigm publishers, 2004. 208 p.

⁴¹⁵ Linz J. The Perils of Presidentialism // Journal of Democracy. — 1990. — Vol. 1. — № 1. — P. 52.

⁴¹⁶ Зазнаев О. И., Сидоров В. В. Президентские системы на постсоветском пространстве: верна ли гипотеза Хуана Линца? // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. — М., 2018. — № 1. — С. 26.

В-третьих, сегодня в мире происходит политизация импичмента. В литературе справедливо отмечается, что «импичмент стал функциональным эквивалентом вотума недоверия — орудием для воинственной легислатуры «разобраться» с президентом, с которым легислатура не в ладах»⁴¹⁷. Пример импичмента Дилмы Руссефф в Бразилии в 2016 году весьма показателен в этом плане. Если импичмент фактически превратился в вотум недоверия, то не лучше ли называть вещи своими именами: не импичмент, а вотум недоверия президенту, и вслед за этим упростить процедуру «импичмента»?

В-четвертых, существует конституционная и политическая практика применения вотума недоверия к президенту. Так, в ЮАР предусмотрена возможность смещения президента парламентом большинством голосов (!) по политическим соображениям (хотя в конституции отдельно прописаны нормы об импичменте президента). Это работающий институт в стране: депутаты «Демократического альянса» в парламенте инициировали голосование по вотуму недоверия президенту Джейкобу Зума 7 раз в 2015–2017 гг., правда, безрезультатно. В итоге Зума «добровольно» ушел в отставку под давлением своей партии.

В-пятых, кроме вотума недоверия ряд стран (Австрия, Исландия) используют парламентско-плебисцитарный способ смещения главы государства: по решению парламента вопрос об отстранении президента от власти ставится на референдум. Так, в 2008 году в Исландии в обстановке финансового кризиса в СМИ дебатировался вопрос о смещении президента, однако процедура не была «запущена». «Успешный» случай народного отзыва президента имел место в Азербайджане в 1993 году: был проведен референдум, на котором 97,5% избирателей выразили недоверие президенту Абульфазу Эльчибею.

Итак, сравнение нетипичного опыта смещения президентов в мире дает пищу для критического переосмысления постулатов и импульс для дальнейших исследований.

Зайцев А. В. (Кострома, Костромской ГУ)

ГОНГО КАК ФЕЙКОВЫЕ СУБЪЕКТЫ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА И ФИШИГОВЫЕ АКТОРЫ ПУБЛИЧНОЙ ПОЛИТИКИ

Аббревиатура ГОНГО (GONGO) используется для сокращенного обозначения так называемых «государством организованных негосударственных организаций». При этом ГОНГО смело позиционируют себя полноценными субъектами гражданского общества и полноправными акторами дискурса в сфере публичной политики. Изучение практики политических коммуникаций современной России показывает, что именно эти фейковые и фишинговые (с нашей точки зрения) организации получают значительно больший доступ к массмедийным ресурсам и, благодаря этому, именно они начинают восприниматься значительной частью аудитории как полноправные акторы гражданского общества и полноценные акторы дискурса публичной политики. Такая артикуляция мнения этих искусственно выращенных государством псевдо-общественных субъектов и акторов начинает доминировать в общественном сознании и даже оказывать достаточно существенное влияние на электоральные предпочтения граждан. В то время как доступ к каналам массовой коммуникации для реальных субъектов гражданского общества и негосударственных акторов публичной политики оказывается значительно ограничен.

В первую очередь это относится к российским НПО, НГО и НКО (неправительственным, негосударственным или, в российском варианте, некоммерческим общественным организациям), созданным не по указке свыше, не под контролем или при поддержке органов государственной власти и работающих на интересы государства, а по инициативе самих граждан. Такие организации не являются агентами государства в недрах гражданского общества и сфере публичной политики, позиционируя себя как общественные структуры, но, фактически, выполняя «государственный заказ» и отстаивая интересы не рядовых граждан и общества, а власти, чиновников, бюрократии, олигархии и силовиков. В результате диалектически многогранное взаимодействие государства и гражданского общества, простирающееся от сотрудничества и до конфликтного противостояния, формализуется, приобретает симулятивный характер, утрачивая субстанционально заложенный в существовании двух этих структур смысл.

Обычно к GONGO в современной России относят такие молодежные организации, как «Идущие вместе», «Наши», «Молодая гвардия «Единой России», «Местные». Среди правозащитных организаций GONGO считается, например, организация «Сопrotивление». Хорошо известны в России такие «общественные» организации, как «Ночные волки», Антимайдан, Национально-освободительное движение (НОД), а в сфере между-

⁴¹⁷ Pérez-Linán A. P. Presidential Impeachment and the New Political Instability in Latin America. — NY: Cambridge University Press, 2007. — P. 3.

народных отношений «Институт Русский мир, Фонд Горчакова, Российский фонд поддержки и защиты прав соотечественников, проживающих за рубежом и многие другие.

Подобные структуры существуют не только в РФ, но и за рубежом: в США, Канаде, ФРГ, Великобритании и других государствах. Нот в сфере публичной политики современной России эти псевдообщественные организации начинают играть все более заметную роль. Государство сознательно «выращивает» эти гибридные организации и предоставляет им возможность свободно артикулировать свое мнение в массмедийном пространстве, транслируя субъективное и предвзятое отношение общества к событиям в стране и за рубежом.

Вопрос о их месте и роли ГОНГО в сфере публичной политики и принадлежности их к гражданскому обществу остается открытым и дискуссионным.

Закиров А. Р. (Казань, КФУ)

НЕОИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ ПОДХОД В ИЗУЧЕНИИ СФЕРЫ GR

Сфера Government Relations (GR) представляет собой деятельность общественных групп, в первую очередь, коммерческих организаций, по созданию устойчивого взаимодействия с органами государственной власти с целью обеспечения благоприятной конкурентной среды. Бизнес-акторы существуют в рамках мегаинститута — «государства». Государство способно оказывать влияние на экономику посредством создания рамок, ограничивающих деятельность коммерческих структур. Развитие самого государства подталкивает его к созданию устойчивых, типичных и постоянно воспроизводимых отношений — институтов взаимодействия бизнеса и власти.

Классическое определение института как нормы дано американским экономистом Д. Нормом: «Институты — это правила, механизмы, обеспечивающие их выполнение, и нормы поведения, которые структурируют повторяющиеся взаимодействия между ними»⁴¹⁸. Нормы, заложенные в конституции и других нормативно-правовых актах, определяют формальные правила игры. О.И. Зазнаев отмечает, что «институт — реализованная в повседневной практике норма поведения, ставшая устойчивой и типичной»⁴¹⁹. Получается, что институт является основной нормой в рамках общественных отношений, которая установлена, принята и стабильна в обществе, а также постоянно воспроизводится в поведении людей.

В тех государствах (например, США, Чили), где приняты законодательные нормы по регулированию взаимодействия бизнес-акторов с органами государственной власти, GR воспринимается как институт. Данный институциональный подход позволяет рассматривать формальную сторону функционирования GR, выявлять формальные (прописанные в законе) методы взаимодействия бизнеса с властью, но исключаются неформальные. Одним из дискуссионных вопросов в институциональном подходе является включение неформальных правил, норм и процедур в понятие института. Логично, если рассматривать в рамках институционального подхода только формальные правила, то существует возможность упустить неформальные правила и практики, которые возникают при взаимодействии людей. Особенно это заметно при исследовании взаимодействия бизнеса и власти в незападных государствах с развивающейся рыночной экономикой. В таких странах не существует формально закрепленных норм взаимодействия власти и бизнеса. В тоже время наличие самого взаимодействия является сложившейся практикой. Соответственно, GR реализуется в условиях как формальных, так и неформальных норм и процедур.

Попытка включения неформального в содержание института положило начало возникновению неинституционализма. В его рамках в понятие институт Дж. Марча и Й. Олсена стали включать «установившиеся практики, процедуры, обычаи, роли, стратегии, организационные формы, технологии, убеждения, парадигмы, моральные нормы, культуру и знания»⁴²⁰. В отличие от классических институциональных теорий, которые трактовали институты как учреждения, действующие по формальным критериям, неинституционалисты применяли более широкий подход; институты в их трактовке — «созданные людьми ограничители, которые структурируют политические, экономические и социальные взаимодействия»⁴²¹. Соответственно, в неинституциональной теории под ограничителями можно понимать не только внешние правовые нормы и формальные установки, но и требования, сформированные самим институтом, в том числе, рациональным выбором и поведением сообществ и их объединений, включающие в себя также и неформальные. В поле внимания неинституционалистов находятся социетальные институты (в данном случае экономические акторы), которые влияют

⁴¹⁸ Норт Д.К. Институты и экономический рост: историческое введение // THESIS. 1993. Т. 1, вып. 2. С. 73.

⁴¹⁹ Зазнаев О.И. Полупрезидентская система: политико-правовой анализ. Диссерт. на соиск. уч. степ. д. наук. 2006. С. 28.

⁴²⁰ March J. G., and Olsen J. P. The American Political Science Review. 1984. Vol. 78. No. 3. P. 736.

⁴²¹ North D. Institutions // The Journal of Economic Perspectives. 1991, No. 5 (1). P. 99.

на интересы политических акторов и их отношения с другими группами⁴²². Так, институты — это правила взаимодействия, основанные на «договорённостях», которые способствуют снижению уровня неопределённости от транзакционных издержек. Институты, таким образом, являются внешними ограничителями поведения индивидов, способствующими достижению обозначенных целей⁴²³. Не следует включать в понятие института всю социальную практику. Возникает риск считать любую деятельность институтом. Тем не менее, данный подход позволяет рассматривать как формальные, так и неформальные правила и практики осуществления взаимоотношений власти и бизнеса в рамках неинституционализма.

Заляев Р. И. (Казань, КФУ)

К ВОПРОСУ О ВОЗМОЖНОСТИ СОЗДАНИЯ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РОССИИ МЕЖРЕГИОНАЛЬНЫХ И РЕГИОНАЛЬНЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ

Федеральный закон России «О политических партиях» содержит косвенный запрет на создание и деятельность межрегиональных, региональных и местных политических партий. В России могут быть созданы только общенациональные политические партии⁴²⁴. Положения Федерального закона России «О политических партиях», содержащие косвенный запрет на создание и деятельность межрегиональных, региональных и местных политических партий неоднократно вызвали в обществе оживленные дискуссии как до, так и после принятия закона. Одним из наиболее обсуждаемых был вопрос о соответствии данных требований положениям Конституции Российской Федерации, в частности статье 30 (часть 1), которая закрепляет право индивидов на объединение и свободу деятельности общественных объединений. В 2005, 2007 годах были также обращения в Конституционный Суд Российской Федерации о проверке ряда положений Федерального закона России «О политических партиях» на соответствие Конституции Российской Федерации, в том числе положений содержащих косвенный запрет на создание и деятельность межрегиональных, региональных и местных политических партий. Конституционный Суд пришел к выводу, что данные требования не противоречат положениям Конституции России. Также в Постановлении Конституционного Суда РФ содержится важная оговорка о том, что данные требования имеют временный характер и с отпаданием породивших его обстоятельств должны будут сняты⁴²⁵.

Требования к созданию и деятельности политических партий в России законодателем неоднократно менялись. В 2012 году произошло существенное снижение требования к численности членов политических партий в России, что может рассматриваться как решение проблемы высокого требования к численности членов политических партий. Что касается требования к численности региональных отделений политических партий, то оно, с незначительными изменениями, осталось и, следовательно, запрет на создание и деятельность межрегиональных, региональных и местных политических партий в России сохраняется⁴²⁶.

Сторонники запрета в России создания и деятельности региональных политических партий считают, что существование региональных политических партий в России приведет к развитию сепаратистских тенденций и будет угрожать стабильности и целостности государства⁴²⁷.

Прошло 18 лет с момента принятия Федерального закона России «О политических партиях» и за этот период в России произошло существенное снижение сепаратистских проявлений. В то же время сохранение в России запрета на межрегиональные и региональные политические партии, на наш взгляд, оказывает негативное влияние на партийную систему России, лишая ее региональную часть самостоятельного субъекта коллектив-

⁴²² См.: Structuring Politics: Historical Institutionalism in Comparative Analysis. Cambridge, 1992. P. 2–3.

⁴²³ См.: Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997. С. 56.

⁴²⁴ См.: подпункт «а» пункта 2 статьи 3 Федерального закона от 11 июля 2001 г. №95-ФЗ «О политических партиях» (ред. от 28.12.2016 № 505-ФЗ) // СПС «КонсультантПлюс».

⁴²⁵ См.: Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 1 февраля 2005 года № 1-П «По делу о проверке конституционности абзацев второго и третьего пункта 2 статьи 3 и пункта 6 статьи 47 Федерального закона «О политических партиях» в связи с жалобой общественно-политической организации «Балтийская республиканская партия» // СЗ РФ. — 2005. — № 6. — Ст. 491; Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 16 июля 2007 года № 11-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 3, 18 и 41 Федерального закона «О политических партиях» в связи с жалобой политической партии «Российская коммунистическая рабочая партия — Российская партия коммунистов» // СЗ РФ. — 2007. — № 30. — Ст. 3989.

⁴²⁶ См.: Федеральный закон от 2 апреля 2012 г. №28-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О политических партиях» // СЗ РФ. — 2012. — № 15. — Ст. 1721.

⁴²⁷ См., например: Зорькин В. Д. Правовые основы российской многопартийности и практика Конституционного Суда России // Журнал конституционного правосудия. — 2012. — № 6. — С. 5.

ного выражения интересов. Сохранение данного запрета также негативно влияет и на такую демократическую характеристику функционирования партий как возможность их развития снизу.

Таким образом, я пытаюсь актуализировать проблему запрета в России создания и деятельности межрегиональных и региональных политических партий с целью ее научного обсуждения и оценки целесообразности сохранения.

Зарипова А. Р. (Казань, КФУ)

ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА КАК ПРЕДМЕТ ПРОТИВОРЕЧИЙ ЦЕНТРА И РЕГИОНОВ в Испании (кейс автономной области Каталония)

Испания является ярким примером государства, в котором вопрос языковых прав региональных сообществ стал камнем преткновения между политическими силами центра и регионов. Сегодня регионы Испании обладают широкими полномочиями в сфере языковой политики и предпринимают все попытки для сохранения и популяризации региональных языков. В таких автономных областях, как Каталония, Страна Басков, Галисия, региональный язык способствует сплочению регионального сообщества, выступая одним из главных маркеров региональной идентичности. Например, баском считается тот человек, который говорит на баскском языке и живет в Стране Басков⁴²⁸. В связи с этим проблема сохранения регионального языка занимает ключевое место в культурной политике автономных сообществ Испании.

Несмотря на то, что политика дискриминации и ограничения в использовании региональных языков со стороны центра осталась в прошлом вместе с авторитарным режимом Ф. Франко, языковая политика является предметом спора центральной и региональных властей. Это происходит в силу отстраненности центра от вопросов по сохранению регионального языка, а вмешательство в региональную языковую политику осуществляется лишь в случаях, когда региональные власти создают дискриминационные условия для испаноговорящего населения. Происходит своеобразное распределение ролей, по которым центр выступает в качестве защитника испанского языка в двуязычных регионах, а власти двуязычных автономных областей концентрируют свое внимание на региональном языке, трактуя политику центра как безразличие по отношению к судьбе культурной и языковой самобытности регионе. Такая позиция центра вызывает среди регионального сообщества недовольство и осознание важности самостоятельной защиты регионального языка, что усиливает культурную дистанцию между группами населения, для которых родными языками являются региональный или кастильский языки.

Особый интерес представляет влияние языкового вопроса на характер отношений центра и автономной области Каталонии. Языковой раскол, формировавшийся на протяжении веков дискриминации в использовании региональных языков, окончательно не преодолен в данном регионе и в постфранкистский период, языковой вопрос неоднократно становился предметом спора центра и региона. Например, в 1993 г. правительство Испании проводило кампанию за выбор языка обучения в образовательных учреждениях Каталонии. Именно в этот период в газете ABC вышла статья с заголовком «Как и Франко, но наоборот: преследование испанского языка в Каталонии». Также большой общественный резонанс вызвало высказывание премьер-министра Испании Х. М. Аснара, отрицавшее дискриминационную языковую политику Ф. Франко⁴²⁹.

С новой силой языковые споры разгорелись в 2000-е гг. вокруг проекта нового Статута об Автономии, который отражал новые требования Каталонии в области языковой политики. Статут подчеркивал преимущество каталонского языка в образовательном процессе над испанским языком, а знание регионального языка объявлялось обязательным при приеме на государственную службу⁴³⁰.

Несмотря на то, что Статут об Автономии Каталонии был принят в 2006 г. обеими палатами Генеральных Кортесов и одобрен региональным референдумом, депутаты от Народной партии подвергли сомнению законность содержания Статута. Беспрецедентность ситуации и масштаб политизации данного вопроса привели к тому, что Конституционный суд Испании рассматривал данное дело на протяжении четырех лет и вынес свое решение лишь 28 июля 2010 г. В результате несколько его положений были признаны незаконными, противоречащими Конституции, а каталонский и кастильский языки были признаны равноправными. Однако, «в Каталонии у подавляющего большинства населения вызвали недоумение не только резкость атак, но и то, что региональная конституция, одобренная двумя парламентами и референдумом, могла бы считать-

⁴²⁸ Кожановский А. Н. Баскский вопрос: этнический или территориальный // *Общественные науки и современность*. 2011. №6. С. 116.

⁴²⁹ Алос-и-Фонт Э. Языковая политика в Каталонии и националистический конфликт в Испании // *Языковая политика, конфликты и согласие* / под ред.: Е. И. Филиппова, С. В. Соколовский. М.: ИЭА РАН, 2017. С. 183.

⁴³⁰ Испания — Каталония: империя и реальность. Сборник статей. / Перевод, составление и предисловие Е. Висенс. М.: REGNUM, 2007. С. 80.

ся неконституционной»⁴³¹. Сегодня проблема языка находится в центре политических дискуссий и трактуется региональными политическими силами не только как аргумент в пользу расширения культурной автономии Каталонии, но и как доказательство неизбежности процесса самоопределения региона.

Захарова Е. А. (Москва, МГИМО МИД России)

ПРИЧИНЫ ГОЛОСОВАНИЯ «РУССКИХ НЕМЦЕВ» ЗА ПАРТИЮ «АЛЬТЕРНАТИВА ДЛЯ ГЕРМАНИИ»⁴³²

«Русские немцы», которые «вернулись» в Германию в 1990-х гг. и были признаны принадлежащими немецкому народу, оказали значимое влияние на формирование электоральных предпочтений в современной Германии. В 1988 г. канцлер Г. Коль представил программу переселения «русских немцев» с тем расчетом, что новые граждане станут его сторонниками. Ситуация стала меняться после миграционного кризиса и особенно после инцидента с 13-летней девочкой Лизой, который вскрыл недовольство «русских немцев» мигрантами и беженцами с Ближнего Востока⁴³³. В среде «русских немцев» распространены негативные настроения в отношении мигрантов-мусульман и беженцев из стран Ближнего Востока, которых, с точки зрения «русских немцев», приняли в страну быстрее, тогда как им пришлось ждать несколько лет подтверждения факта приема в страну и получения гражданства. «Русские немцы», которые ранее голосовали за ХДС, стали отдавать голоса «Альтернативе для Германии». Например, продвижение АдГ в Баден-Вюртемберге связано с русскими немцами, проживающими в Пфюрцхайме (его иногда называют «маленькая Москва» (Klein-Moskau)). «Русские немцы» из этого города уходят в политику, к примеру, Вальдемар Биркл, кандидат от АдГ по избирательному округу Пфюрцхайм-Энц, является поволжским немцем, который приехал в Германию из Казахстана в 1990 г. Высокий уровень миграции, безработица и «русские немцы» привели к тому, что в Пфюрцхайме АдГ набрала 43% голосов⁴³⁴.

Несмотря на то, что по разным оценкам в Германии проживает от 1,4 до 4 млн. «русских немцев», что составляет 1,7% — 4,8% населения Германии⁴³⁵, АдГ борется за этот электорат: партия на регулярной основе взаимодействует с сообществом «русских немцев», а также создала русскоговорящую группу в рамках партии, которая занимается решением проблем «русских немцев»⁴³⁶. «Русских немцев» в АдГ привлекает то, что несмотря на то, что по закону Германии они являются гражданами, однако по настоящее время немцы воспринимают их мигрантами, и они чувствуют себя чужаками, хотя и противопоставляют себя мигрантам-мусульманам. АдГ предоставляет им возможность не только интегрироваться в немецкое общество, но и встроиться в политическую жизнь ФРГ, а значит, стать полноценными гражданами.

Таким образом, «русские немцы», которые видят в АдГ возможность выйти в политическую сферу и почувствовать себя полноправными гражданами, в противовес вызывающим у них недовольство мигрантам-мусульманам, отдают ей голоса, что, в свою очередь, способствует увеличению электората партии.

Захарова О. В. (Москва, НИУ ВШЭ)

«ПРАВА ЧЕЛОВЕКА» И «СИЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО» В ПРЕЗИДЕНТСКОЙ ПОВЕСТКЕ ДНЯ (2000–2018 ГГ.)

Данные тезисы написаны по результатам дискурсивно-исторического анализа⁴³⁷ репрезентации прав человека в ежегодных президентских посланиях Федеральному Собранию РФ за период с 2000 по 2018 гг. А имен-

⁴³¹ Алос и Фонт Э. Языковая политика в Каталонии и националистический конфликт в Испании // Языковая политика, конфликты и согласие / под ред.: Е.И. Филиппова, С.В. Соколовский. М.: ИЭА РАН, 2017. С. 185.

⁴³² Тезисы подготовлены в рамках проекта РФФИ 19-311-90035 Аспиранты (Политическая культура как фактор влияния на электоральное поведение граждан на субнациональном уровне политики во Франции и Германии).

⁴³³ Кузьменкова Ольга «Русский мир» пришел в Берлин [Электронный ресурс] // Meduza. — 2016. — 25 января. — Режим доступа: <https://meduza.io/feature/2016/01/25/russkiy-mir-prishel-v-berlin> (Дата обращения: 15.12.2018)

⁴³⁴ Doerfler, Kordula Russlanddeutsche als Wahlhelfer der AfD // FrankfurterRundschau. — 2017. — Mode of access: <http://www.fr.de/politik/bundestagswahl/afd-russlanddeutsche-als-wahlhelfer-der-afd-a-1346807> (accessed: 13.01.2019)

⁴³⁵ Oltermann P. How Germany's Russian minority could boost the far right // The Guardian, — 2017. — Mode of access: <https://www.theguardian.com/world/2017/sep/22/how-germanys-russian-minority-could-boost-far-right> (accessed: 30.01.2019)

⁴³⁶ Rethmann, Petra How Russians have helped fuel the rise of Germany's far right // The conversation. — 2018. — Mode of access: <http://theconversation.com/how-russians-have-helped-fuel-the-rise-of-germanys-far-right-105551> (accessed: 31.01.2019)

⁴³⁷ Wodak R. The discourse — historical approach // Method of Critical Discourse Analysis / ed. by R. Wodak and M. Meyer. London, SAGE Publications Ltd, 2009.

но, мы анализировали частоту представленности прав человека в текстах, а также внутренние связи между «правами человека» и другими пересекающимися категориями.

В ходе исследования было выявлено тесное переплетение категорий «права человека» и «сильное государство».

Концепция «сильного государства» прозвучала уже в первом президентском послании В. Путина в 2000 г., и очевидно была проникнута запросом на великодержавность⁴³⁸.

Последнее вступало в противоречие с западной концепцией прав человека, которая подразумевает определенную степень подконтрольности государства международным структурам. Поэтому В. Путиным в публичном дискурсе формулируется альтернативная концепция, в рамках которой «права человека» и «сильное государство» предстают переплетающимися категориями, невозможными одно без другого. С одной стороны, по сути, было подчеркнuto, что права человека не должны препятствовать построению сильного государства, что подразумевало отсутствие контроля извне. С другой стороны, права человека обозначались одной из основных его составляющих. Более того, способность государства обеспечивать и гарантировать права человека включалась в создание образа величия.

Однако, в период с 2004 по 2007 гг. в президентском дискурсе идея «сильного государства» уходит на второй план. Само это словосочетание вообще не употребляется в ежегодных выступлениях президента, что, вероятно, связано с желанием В. Путина в тот период снизить пафос великодержавности.

В выступлениях Медведева 2008 г. сохраняются элементы риторики «сильного государства». Но если в посланиях В. Путина оно репрезентировалось преимущественно через категорию «великодержавность», то Медведев представляет сильное государство «инструментом развития и поддержания порядка», необходимым «для защиты и укрепления демократических институтов». И для развития «сильного государства» предлагает развивать институты демократии.

В период третьего президентского срока В. Путина, с 2012 по 2018 гг., наблюдаются существенные изменения в характере репрезентации прав человека в официальном публичном пространстве. Прежде всего, в дискурс возвращается идея тесной взаимосвязи «прав человека» и «сильного государства», которая предстает как базовый приоритет, имеющий конституционный статус.

Содержательные характеристики понятия «сильное государство» в данный период несколько меняются в сравнении с его версией начала 2000-х. Если в посланиях 2000–2003 гг., несмотря на наличие великодержавного пафоса, оно описывалось как демократическое и эффективное, то с 2012 г. «сильное государство» формулируется, прежде всего, как держава, для которой первостепенная задача — обеспечить свой суверенитет, что буквально является залогом свободы нации, ее дальнейшего существования (выживания).

Таким образом, принцип суверенности приобретает в президентском дискурсе доминирующий характер. Это, безусловно, вступает в конфликт с международным принципом универсальности прав человека, в связи с чем последние в рамках президентского дискурса в этот период репрезентируется как амбивалентный концепт.

С одной стороны, репрезентация *прав человека* осуществляется преимущественно в позитивном свете, как имеющие «высочайший статус»,⁴³⁹ «неподлежащие пересмотру», «незыблемые», как «приоритет совместной работы государства и общества»,⁴⁴⁰ «лучший ответ на внешние ограничения и внутренние проблемы»,⁴⁴¹ и то, что не может быть запрещено.⁴⁴²

Но если сравнить репрезентацию прав человека в разные периоды, то очевидно, что в посланиях третьего президентского срока больше делается акцент на описании границ и пределов прав человека. Они «не могут оскорблять чувства других людей»,⁴⁴³ «должны уважать и защищать сильное государство»⁴⁴⁴ и т. п.

Помимо этого, права человека проблематизируются. Они предстают как вступающие в конфликт с традиционными ценностями и нормами морали, нравственности.

Таким образом, с одной стороны, права человека объявляются «базовым приоритетом», который не подлежит пересмотру, а с другой, оставляют пространство и каналы для манипуляций и деструктивного влияния со стороны конкурентов — Западных стран. И чтобы избежать злоупотребления правами человека, они нуждаются в контроле и могут быть реализованы лишь в пределах границ, очерченных принципом неприкосновенности государственного суверенитета.

⁴³⁸ Урнов М.Ю. Роль культуры в демократическом транзите // *Общественные науки и современность*. 2011. № 6. С. 13.

⁴³⁹ Послание Президента РФ В. Путина ФС РФ от 12.12.2012 г. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/17118>

⁴⁴⁰ Послание Президента РФ В. Путина ФС РФ от 12.12.2013 г. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/19825>

⁴⁴¹ Послание Президента РФ В. Путина ФС РФ от 04.12.2014 г. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/47173>

⁴⁴² Послание Президента РФ В. Путина ФС РФ от 01.12.2016 г. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/53379>

⁴⁴³ Там же.

⁴⁴⁴ Послание Президента РФ В. Путина ФС РФ от 12.12.2013 г. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/19825>

КОММУНИКАТИВНЫЙ ФАКТОР В ФОРМИРОВАНИИ ОБРАЗА СОБСТВЕННОЙ СТРАНЫ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ⁴⁴⁵

Основное влияние СМИ на формирование политических образов страны в массовом сознании граждан идет во многом за счет, во-первых, через предлагаемый новостной контент, в котором актуализируется *внимание* аудитории на образах политических акторов, особенно в рамках международной новостной тематики, формируется определенная повестка дня, во-вторых, чтобы привязать аудиторию к постоянному потреблению политической информации и сформировать устойчивый *интерес* к тому, что происходит у нас в стране ее наполняют развлекательным контентом, в т. ч. и через организацию различных политических ток-шоу на телевидении и политических батлов в сетях Интернета, в-третьих, формируют привлекательные образы представителей отдельных политических институтов, особенно, когда они связаны с представлением нашей страны в мире, и, как правило, в целом, власти, чтобы выработать *желание* граждан поддержать властную элиту на предстоящих выборах, в-четвертых, осуществляют поиск мотивации и проводят мобилизационную информационную кампанию (сейчас популярно ее проводить через социальные сети) в поддержку какой-либо политической инициативы, особенно связанной с национальными интересами страны для стимуляции политической активности граждан.

В процессе складывания политического образа выделяется ряд стадий. На первой стадии идет рассмотрение получаемого из СМИ информационного образа страны. Вторая стадия позволяет сопоставить полученный из информационного потока образ страны с ранее выработанным в сознании стереотипом восприятия этого образа, который часто является результатом сформированного представления о своей стране в процессе политической социализации. Третья стадия позволяет на основе такого сопоставления произвести оценку текущего новостного контента и дополнить продолжающийся складываться образ страны.

На сегодняшний день основным каналом получения политической информации о своей стране пока еще остается телевидение.⁴⁴⁶ Проводимые кафедрой социологии и психологии политики факультета политологии МГУ им. М.В. Ломоносова многолетние исследования информационного контента отечественного телевидения показывают высокий уровень политизированности вещания, в т. ч. при формировании образа России.⁴⁴⁷

Пространственный образ России в СМИ – сложный и четкий и связан с территориально-географическими параметрами и мировой повесткой. Воссоединение с Крымом стало мейнстримом информационной повестки в сер. 2010-х гг., а вот экономика страны показывалась слабой. Властный срез образа демонстрировался как монолитный центр принятия важных для страны решений в последние 20 лет, но образ власти и населения сильно дистанцирован друг от друга, особенно ярко в телесериалах. Образ народа представлен цельный с поликонфессиональным (полиэтническим) своеобразием отдельных его частей. Доминантой выступает ориентация на патриотизм и традиционные ценности (уважение истории своей страны). Образ лидера страны отделен от образа власти и формируется как один из важных символов современной России. В СМИ, как и в сети Интернет, образ В.В. Путина оценен как достаточно привлекательный, сильный и активный. Апелляция направлена на мобилизацию поддержки граждан курса Президента РФ, который эффективно исполняет свои обязанности. Эмоциональная окраска сообщений во многом нейтральна с большей долей позитивных оценок на телевидении и перевесом негативных оценок в социальных сетях Интернета.

В целом, образ России представлен и в СМИ, и в сети Интернета как динамичный и сильный в силу активного участия в мировой политике.

Зеленко Б.И. (Москва, ФНИСЦ РАН)

ОБ АКТУАЛИЗАЦИИ ИДЕИ СЕТЕВОГО ГОСУДАРСТВА В РФ

Функционал государства в рассматриваемом контексте обусловлен появлением новых смыслов в политическом пространстве РФ. Пояснить или развернуть этот тезис невозможно без соответствующий когни-

⁴⁴⁵ Тезисы подготовлены в рамках грантового проект РФФИ: № 18-011-01138А — «Образ страны в российском обществе: политико-психологический анализ».

⁴⁴⁶ По данным аналитического центра Ю. Левады «Левада-Центр», в марте 2014 г. для россиян основным источником получения новостей в стране и в мире оставалось телевидение – 90% опрошенных респондентов выбрали данную позицию. Код доступа: <http://www.levada.ru/17-06-2014/rossiiskii-media-landshaft-televidenie-pressa-internet>.

⁴⁴⁷ См., например: Политика в телевизоре: контент-анализ телеэфира // Политическая социализация российских граждан в период трансформации / Под ред. Е.Б. Шестопал. М., 2008. С. 218–272.

тивистики. Так, государство — это организация жизни общества, власть же ее организатор. Однако данные функции «пробуксовывают» из-за постоянно насаждаемых властью иллюзий относительно целесообразности нереального на деле политического курса. «К ней тесно примыкает так называемая преднамеренная утопия, идеологически санкционированная и сознательно применяемая. Она аберративна, принимает желаемое за действительность»⁴⁴⁸. Усиление потенциала иллюзии успешно продолжающейся политики сигнализирует об «истощении» властного потенциала. Утопическая политика может быть и результатом рассогласования политических и общественных отношений. Безусловно, сегодняшний политрежим, мягко говоря, жестко держит государство в «своих объятьях». Но, безусловно, и то, что государство по своей сути — константа, а политрежим — переменный предикат. Режимы приходят и уходят, а государство остается, причем, в этом случае *актуализируется идея сетевого государства в РФ*. По М. Кастельсу это объясняется существенно иным устройством общества-децентрализованного, деиерархизированного сообщества коалиций и коопераций, — которое он назвал «сетевым». Реальность подтвердила приоритет его сетевого подхода в развитии социально-политического пространства. М. Кастельс пошел дальше, выдвинув понятие «сетевое государство». Впервые был сформулирован политико-регулятивный функционал применительно к виртуальному полю.

Однако, задолго до М. Кастельса отечественный ученый П. Новгородцев обратил внимание на двоякое определение идеи государства, только правового. С одной стороны, это организация *общей связи входящих в него лиц*, с другой, *это система свободы*⁴⁴⁹.

В некотором роде здесь усматриваются общие признаки сетевого и правового государства, находящиеся в обоюдном диффундировании. Данный взгляд позволяет зафиксировать так называемое «сложное наблюдаемое»: упомянутые государственные формы существуют не как параллельные субстанции, а как имманентно функционирующие и совпадающие по своим сущностным характеристикам. Что требует отдельной когнитивистики, выходящей за рамки настоящей работы. Отметим только, что априори сетевое государство вне правового не жизнеспособно, поскольку последнее является необходимым *каркасом* для функционирования сетевого пространства. Именно в таком правовом опосредовании можно говорить о форме существования политического смысла социальных сетей, и следовательно, актуализации идеи сетевого государства в РФ.

В настоящий момент понятия «сетевое государство» и «сетевое общество» получили статус актуальных. Свидетельство этому является долгосрочный целевой проект «О государственной программе Российской Федерации «Информационное общество (2011–2020 годы)», где запланировано сформировать сетевое общество. Имеет место процесс диффундирования государства с сетевым обществом, а оно, в свою очередь формирует сетевое государство. Однако остался год для реализации Программы, но результат едва различим из-за непонятной позиции российской политической бюрократии. В аналитике постоянно пульсирует идея разработки соответствующих концептов, направленных на исследование ключевых решений, принятых на протяжении всего советского и постсоветского периодов⁴⁵⁰. Концепты заработают в том случае, если заработает функционал правового, сетевого и социального государства. Но эти институты находятся всего лишь на пути становления.

Политическая практика свидетельствует, что актуализация идеи сетевого государства оказывается перспективной и доминантной. Такой модели придерживается ряд стран. Так, Франция активно поддерживает институты партисипативной демократии и местного самоуправления. Но «такая модель очень требовательна к населению как соучастнику процесса госуправления с позиций его готовности стать ответственным за соисполнение государственных задач, стратегическое видение его перспектив и готовность к осмысленному диалогу, постоянному наращиванию человеческого капитала»⁴⁵¹.

Что касается отставания российского государства от современной информационно-коммуникационной динамики, то следует сказать о необходимости *равновесности* правового и социального государства с государством сетевым. Не исключается, что дальнейшая когнитивистика и политическая практика в этой сфере «продвинет» новую государственную форму по пути включенности ее в Конституцию РФ.

⁴⁴⁸ См. подробнее: *Каранетян Л. Н.* Диалектика перехода от партотократии к мерикотократии // Вопросы философии. 2010. № 4. С. 29–33

⁴⁴⁹ *Новгородцев П.* Об общественном идеале // Приложение к журналу «Вопросы философии» М., 1991. С. 279.

⁴⁵⁰ *Гудков Л.* Проблема «элиты» в сегодняшней России: размышления над результатами социополитического исследования. М.: Фонд «Либеральная миссия». 2007 г.

⁴⁵¹ *Сонина Е.* Проблемы государства как института развития на современном этапе // Материалы VIII Всероссийского конгресса политологов. М.: 2018 С. 206.

КОММУНИКАТИВНАЯ РАЦИОНАЛЬНОСТЬ И «ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ ВЛАСТЬ» В РЕВОЛЮЦИОННЫХ ПРОЦЕССАХ

Для революционных эпох характерно возрастание значения идеологических споров, активизация политической риторики и публицистики, политическое господство революционных трибунов и революционных речей (особенно для начального этапа революционных процессов). Именно в революционных процессах политическая коммуникация и парламентаризм приобретают действительно ключевое значение.

Стабильное состояние идеологической власти в рамках «старого порядка» можно описать как «парадигму» в смысле Т. Куна. Для анализа идеологической парадигмы «старого порядка» и процессов ее разрушения в начале революций можно использовать сочетание подходов Юргена Хабермаса (стратегическая рациональность и коммуникативная рациональность) и Майкла Манна (идеологические, экономические, военные и политические источники социальной власти). Сильная идеологическая парадигма «старого порядка» позволяет сохранять понимание его «разумности» в условиях «культуры критического дискурса» (в смысле А. Гоулднера), то есть способность противостоять публичной критике со стороны интеллектуалов, особенно исключенных из властных структур «старого порядка». Стратегическая рациональность более характерна для сетей военной власти и сетей экономической власти. Коммуникативная рациональность имеет существенное значение для сетей политической власти и сетей идеологической власти. Идеологическая парадигма «старого порядка», например, марксизм в СССР, позволяла согласовывать стратегическую рациональность управления в военной сфере и в экономической сфере с коммуникативной рациональностью правового порядка и идеологического контроля над населением.

Сомнения в уместности марксизма в условиях «культуры критического дискурса» (то есть со стороны ученых) вело к разрушению идеологической парадигмы «старого порядка», к сомнениям в уместности стратегической рациональности управления в военной сфере и в экономической сфере. Интеллектуалы всегда идут впереди революционных процессов с точки зрения кризиса легитимности «старого порядка». Но более основательно разрушение «старого порядка» идет по линии стратегической рациональности, за счет ошибок в военной сфере или в экономической сфере, которые ведут к разрушению государства, то есть к краху правового «старого порядка». Происходит расхождение различных сетей социальной власти, усиление революционности и попытки построить новое революционное государство. Данные процессы имели место в позднем СССР и в начале формирования государства в РФ.

Значение интеллектуалов или идеологов резко возрастает в силу необходимости создать идеологическую парадигму для нового революционного государства, найти основания для легитимности «нового порядка». Например, в современном Иране такая идеологическая парадигма была создана в виде «исламской демократии». Создание новой идеологической парадигмы требует сотрудничества идеологов и юристов, но также представителей сетей военной власти и сетей экономической власти. Создание «нового порядка» заключается в коммуникативной работе парламентов по принятию новой легитимной Конституции для согласования всех четырех сетей социальной власти. Создание работающей Конституции сложная задача в силу необходимости согласования реалий стратегической рациональности практик государственного управления и коммуникативной рациональности устойчивой новой идеологической парадигмы (способной существовать в условиях «культуры критического дискурса»). Можно утверждать, что создание работающей Конституции и есть подлинное завершение революционных процессов.

В современной России попытки создать новую идеологическую парадигму на базе либерализма явно провалились, и оставили после себя неработающую либеральную Конституцию. Данная либеральная Конституция мешает вернуться к советской идеологической парадигме «старого порядка», несмотря на активное использование управленческих практик советского «старого порядка» в сетях политической власти и военной власти (особенно в их переплетении в виде спецслужб и полиции). Остатки либеральной идеологической парадигмы и Конституция имеют большое значение для сетей экономической власти, что порождает конфликт между сетями социальной власти. Отсутствие новой идеологической парадигмы (и безуспешные попытки ее имитировать, которые срывает «культура критического дискурса») означает фундаментальное отсутствие политической легитимности существующего политического режима в современной России. Сложные неформальные механизмы коррупции как средства согласования сетей политической власти и сетей экономической власти являются зыбкой основой государственного управления в современной России, особенно в условиях снижения доходов от сырьевой ренты. За пределами данных механизмов коррупции основная масса юристов, экономистов, военных и идеологов фундаментально не доверяют друг другу.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА В СФЕРЕ НАУКИ И ТЕХНОЛОГИЙ: МИРОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И РОССИЙСКИЙ КОНТЕКСТ

Исследование проблем государственной политики современной России в сфере науки и технологий требует анализа мирового опыта государственного управления наукой. Наибольший интерес представляет опыт стран ОЭСР, Китая и Сингапура, где за последние десятилетия сформировалось несколько моделей публичной политики в сфере науки и технологий, в т. ч. в соотношении роли государства, бизнеса и различных общественных организаций в развитии научной системы страны.

Анализ мировой практики управления наукой позволяет выделить ряд критериев классификации моделей государственной научно-технической политики, а именно: 1) роль университетов в научно-технологической системе страны; 2) соотношение централизации и децентрализации; 3) тип государственного финансирования науки; 4) характер взаимодействия акторов в процессе формирования и реализации научно-технической политики; 5) механизм формирования приоритетов политики.

Представляется существенной тенденция увеличения роли высшей школы в проведении исследований прикладного и фундаментального характера. Вузы более открыты, мобильны и адаптивны к изменениям внешней среды. В то же время остается открытым вопрос о соотношении так называемых академического и вузовского секторов науки и «разделении труда» между ними.

По второму критерию можно выделить три типа моделей государственной научно-технической политики: а) централизованный, с жесткими вертикальными связями, высокой долей базового финансирования и незначительной долей исследований, выполняющихся в вузах; б) двухсистемный, со смешанным типом формирования научно-технических приоритетов по принципам «сверху вниз» и «снизу вверх», с сочетанием базового и конкурсного тематического финансирования, сбалансированно распределяемыми между различными организациями; в) децентрализованный, с относительно слабыми вертикальными связями, почти полным отсутствием базового финансирования и преобладающей ролью университетов⁴⁵².

Значимым критерием классификации моделей государственной научно-технической политики выступает тип государственного финансирования науки. Обычно бюджетные средства распределяются между государственными научными организациями, предпринимательским сектором науки, частными научными фондами и другими НКО в сфере науки, университетами.

В немногих странах существует практика прямого бюджетного финансирования научно-исследовательских организаций. Более распространены схемы косвенного финансирования, направляемого через «исследовательские советы». Имея официальный статус, они обычно административно независимы от министерств, но получают регулярные бюджетные ассигнования. В странах с сильной университетской наукой роль таких советов традиционно велика, а общепринятый механизм распределения ими средств — конкурсный, что обеспечивает высокую отзывчивость науки на запросы со стороны различных общественных групп.

Важным фактором служит характер взаимодействия групп интересов и государства в рассматриваемых процессах. Тенденция к увеличению открытости науки и научной политики реализуется в виде разнообразия структур, создаваемых государственной властью для этих целей. Функции таких структур могут быть консультативными или сочетаться с полномочиями распределения финансирования и даже с административными правами.

Важным критерием является и механизм формирования приоритетов развития науки. Так, в последние годы стало общепринятым включать в центральные правительственные органы, ответственные за назначение приоритетов, представителей не только научного сообщества, но и государственной власти, общественности и предпринимательских кругов (Австралия, Франция, США)⁴⁵³. Интересен опыт Японии, где основным консультативным органом по вопросам науки и технологий выступает не имеющий аналогов в мире выборный Научный совет, действующий при премьер-министре страны и представляющий широкие круги научной общественности⁴⁵⁴.

Особенности российской системы государственного управления наукой: 1) сохранение ряда характерных черт, доставшийся «в наследство» от СССР, в том числе: высокий уровень централизации управления наукой; сохранение, пусть и сокращающегося, прямого финансирования научных организаций государственного сек-

⁴⁵² Миндели Л. Э., Хромов Г. С. Управление государственным сектором науки. Зарубежный опыт. М.: ЦИСН, 2004.

⁴⁵³ Гапоненко Н. В. Формирование технологической базы экономики, основанной на знаниях. Нанотехнологии. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2018. С. 283–285.

⁴⁵⁴ Авдулов А. Н., Кулкин А. М. Государственная научно-техническая политика Японии: основные этапы и направления. М.: ИНИОН, 2000. С. 274–277.

тора; сравнительно невысокая доля НИР, производимых в вузах; 2) значительное увеличение доли конкурсного финансирования прикладных и фундаментальных научных исследований по конкретным темам; 3) второстепенная роль вузов как исполнителей НИР при росте тематического конкурсного финансирования, стимулирующего развитие университетской науки.

Зубов В. В. (Москва, Финансовый университет при Правительстве РФ)

«БЕЗОПАСНЫЙ ГОРОД» С ВКЛЮЧЕНИЕМ В СИСТЕМУ ЭЛЕМЕНТОВ АППАРАТНО-ПРОГРАММНОГО КОМПЛЕКСА В УСЛОВИЯХ АРКТИЧЕСКОГО РЕГИОНА

Утвержденная распоряжением Правительства Российской Федерации 3 декабря 2014 года Концепция развития и построения аппаратно-программного комплекса «Безопасный город» направлена на скоординированную работу органов государственной власти, в особенности специальных сил и служб, органов муниципальных образований по обеспечению общественной безопасности, правового порядка и реализации механизма своевременного и оперативного реагирования на возникающие угрозы и чрезвычайные ситуации.

Целью деятельности данного комплекса является создание единого информационного пространства между оперативными службами, дежурными, диспетчерскими и муниципальными службами для эффективного и слаженного взаимодействия в сфере своевременного предотвращения возникающих угроз, в первую очередь чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера.

Реализация предложенной концепции выступает одним из способов обеспечения национальной безопасности Российской Федерации, гарантирующей защищенность государства от всякого рода внешних и внутренних угроз в различных сферах общественной жизни.

Аппаратно-программный комплекс «Безопасный город» является универсальной программой, применяемой на всей территории Российской Федерации вне зависимости от территориальных и природно-географических особенностей конкретной местности.

Применение аппаратно-программного комплекса «Безопасный город» в Арктической зоне Российской Федерации имеет свои особенности, обусловленные спецификой территории: климатом, географическим положением местности, социально-технологической инфраструктурой, состоянием транспортной и экологической систем⁴⁵⁵.

Раскрытие вопроса применения аппаратно-программного комплекса «Безопасный город» в Арктической зоне должно состоять из двух этапов:

- проведение подробного и всестороннего анализа специфических признаков и черт Арктического региона, отличающих его от иных территориальных образований Российской Федерации;
- объединение структурных элементов аппаратно-программного комплекса «Безопасный город» (единую транспортную диспетчерскую, информационно-коммуникационную инфраструктуру, интеграционную платформу и иные компоненты комплекса) со специфическими чертами Арктической зоны.

Основными угрозы Арктического региона, предотвращение которых должно осуществляться путем использования аппаратно-промышленного комплекса «Безопасный город», являются:

- резкое ухудшение качества воздуха вследствие значительного превышения концентрации загрязняющих веществ, возникших в ходе деятельности промышленных предприятий;
- угроза радиоактивного загрязнения вследствие нарушений требований эксплуатации объектов атомных электростанций или по причине ненадлежащего обращения с радиоактивными отходами, радиационные аварии и инциденты;
- наступление ледоходов и паводков, приводящих к затоплению находящихся в непосредственной близости от водных объектов населенных пунктов;
- аварии на объектах топливно-энергетического комплекса, горно-металлургического комплекса, крупных промышленных предприятиях, предприятиях химической промышленности;
- аварии систем жилищно-коммунального хозяйства — водоснабжения и водоотведения, энергоснабжения;
- повреждение информационно-коммуникационных систем, утечка информации⁴⁵⁶;
- повреждение инженерных сетей.

⁴⁵⁵ Барамидзе Д. Д. Эколого-правовой режим Арктической зоны Российской Федерации: современное состояние и перспективы развития: Автореф. дисс. канд. юрид. наук: 12.00.06. Саратов, 2018. 26 с.

⁴⁵⁶ Сошнева Д. А. Модели и алгоритмы противодействия утечке информации в центрах оперативного управления аппаратно-программного комплекса «безопасный город»: Дисс. канд. техн. наук: 05.13.18, 05.13.19. Воронеж, 2013. 169 с.

Применение аппаратно-программного комплекса «Безопасный город» для предотвращения указанных нами угроз реализуется путем задействования ряда компонентов системы, в основу которого положены четкая и слаженная работа экстренных служб муниципальных образований, расположенных в пределах Арктического региона.

Использование аппаратно-программного комплекса «Безопасный город» в Арктической зоне Российской Федерации должно проводиться с учетом природно-экологических и инфраструктурных особенностей региона. Особое внимание следует уделять жестким климатическим условиям, неконтролируемым загрязнениям окружающей среды, наличию множества объектов критической инфраструктуры.

Использование аппаратно-программного комплекса «Безопасный город» в Арктике позволит если не свести к нулю, то, по крайней мере, минимизировать возможные угрозы природного и техногенного характера, наносящие ущерб хозяйственной деятельности региона.

Зуляр Ю. А. (Иркутск, ИГУ)

ОЧЕРЕДНОЙ ЗИГЗАГ ИРКУТСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ

Иркутская область традиционно считается у экспертов регионом активной политической жизни, реализуются порой нереализуемые сценарии. 2019 г. не стал исключением, на этот раз бескомпромиссно, «под прямым углом» сошлись линии политической компании выборов мэра Иркутска 2019 г. и выборов губернатора области 2020 г.

Текущая политическая двухлетка в регионе персонифицирована тремя политическими деятелями: губернатором С.Г. Левченко, председателем заксобраний области С.М. Соколом и мэром г. Иркутска Д.В. Бердниковым, являющимися представителями разных политических поколений. Кроме личностного противостояния, имеющего второстепенное значение, имеет место межпартийная конкуренция Единой России и КПРФ. Нельзя сбрасывать со счетов борьбу различных финансово-промышленных групп регионального и федерального уровней. Важно и то, что названные политики обладают лидерскими качествами, активны, опытны и мотивированы, и настроены на бескомпромиссную борьбу.

Все современные политические события являются результатом процессов, берущих свое начало десятилетия назад. Точкой их отсчета является начало постсоветского периода в истории страны. С той поры сформировалось несколько политических поколений, по мнению автора, три. Левченко заявил о себе как об акторе политической жизни региона в 1994 г., став депутатом Законодательного собрания Иркутской области первого созыва. В 1997 г. он впервые баллотировался на пост губернатора Иркутской области, а в 2001 г. проиграл действовавшему губернатору Б.А. Говорину, из-за возникновения странных технических обстоятельств. Нынешний губернатор ветеран не только регионального правящего класса, но и федерального — 1953 г. рождения, депутат Государственной думы третьего созыва (1999–2003), член Президиума ЦК КПРФ с 2004 г. Пока не мечтает о покое и, заявил о своем намерении участвовать в губернаторских выборах 2020 г.

Представитель следующего политического поколения Сокол 1970 г. рождения, представляющий «Единую Россию», начавший свою политическую карьеру в 1999 г. в качестве депутата Таймырской окружной Думы, успешно двигаясь вверх, когда в 2002 г. стал заместителем губернатора Красноярского края А.Г. Хлопонина. В 2008–2009 гг. являлся активным участником политического процесса в Иркутской области в качестве первого заместителя, а затем и. о. губернатора региона. Особой популярностью у общественности и элит не пользовался и выпал из общественной жизни области до 2018 г. Его возвращение было стремительным — в сентябре 2018 г. он избран председателем Заксобраний Иркутской области третьего созыва, в ноябре избран секретарем Иркутского регионального отделения партии «Единая Россия». В том же году вышел на федеральную политическую арену, будучи избранным в декабре 2018 г. на XVIII съезде партии в состав Генерального Совета «Единой России».

К представителям молодого поколения российских политиков (не по возрасту) относится Бердников 1966 г. рождения, прошедший школу производства и силовых структур. На иркутской политической арене он появился неожиданно в сентябре 2014 г., единогласно избранный на первом заседании думы Иркутска шестого созыва ее председателем. Затем вступил в ряды партии «Единая Россия», а в марте 2015 г. был единогласно выбран депутатами Думы Иркутска мэром города. Причину его успеха и амбиции аналитики объясняют федеральных силовых структур. Впрочем, на посту мэра показал себя энергичным и эффективным администратором, пользующимся поддержкой населения областного центра.

Итак, на кону должность мэра г. Иркутска. Начало решительной схватки между тремя лидерами и соответствующими структурами — 8 сентября 2019 г.

ТРАЕКТОРИЯ РАЗВИТИЯ ТРАНСГРАНИЧНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА РОССИИ: ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫЙ ПРОЕКТ

Регионализм как процесс расширения экономического и как следствие политического влияния регионов внутри страны и за пределами территории суверенного государства получил мощный импульс развития еще в 1980-е годы⁴⁵⁷. Новые политические процессы обусловили актуальность исследования институционализации трансграничного формата сотрудничества в системе политических отношений Дальнего Востока России. В центре нашего внимания находятся субнациональные политические структуры, т. е. в узком смысле регион — это административная единица территориального устройства государства.

Хотя регионализм (в первую очередь в своей экономической ипостаси) получил широкое распространение в районе Азиатско-Тихоокеанского бассейна, западный опыт был определяющим в понимании и проектировании международных региональных объединений и трансграничного сотрудничества⁴⁵⁸. Принятие в 1980 г. в г. Мадриде «Европейской рамочной конвенции о трансграничном сотрудничестве между территориальными сообществами или местными властями» является ключевым моментом институционализации трансграничного сотрудничества⁴⁵⁹. Эта конвенция способствовала формированию официальной позиции местных властей на развитие системы трансграничных связей, ее правовое закрепление, определила административный статус новой формы сотрудничества. Впервые территориальные сообщества получили возможность инициативы международной кооперации.

Подключение Дальнего Востока России к интенсивным трансграничным связям Азиатско-Тихоокеанского региона по форме и масштабам шло неравномерно. Выделяют четыре этапа институционализации трансграничного сотрудничества в России, соответствующие четырём периодам политического и социально-пространственного развития дальневосточного приграничного социума: фрагментация (1992–1999 гг.), адаптация (1999–2006 гг.), консолидация (2006–2012 гг.), «национализация» (с 2012 г. по настоящее время).

Пройден путь от стихийного освоения трансграничных практик, увлечения западным опытом и мировыми стандартами к планомерному курсу упорядочивания трансграничных контактов и согласования региональных инициатив с внешнеполитической траекторией федерального центра с целью концентрации национального потенциала в новых условиях международного контекста. В 2010-х гг. произошла условная «национализация» импортируемых институтов, универсалии и мировые стандарты преломили сквозь призму отечественного опыта и местных условий, законодательные инициативы закрепили существующее положение вещей.

С 2012 г. курс на углубление интеграции в АТР приобрел планомерность, в мае было образовано Министерство РФ по развитию Дальнего Востока. Инструменты, предложенные министерством, легли в основу федеральных целевых программ социально-экономического развития этих территорий, организации ежегодных Восточных экономических форумов и других инициатив. В 2015 г. была принята концепция развития приграничных территорий ДФО, которая не способствовала развитию новых форм сотрудничества, зато признала плачевное состояние инфраструктуры и социально-экономической ситуации депрессивных поселений этих пространств. Объекты опеки и декларированного развития выделялись сугубо по географическому критерию: территории муниципальных образований ДФО, прилегающие к государственной границе Российской Федерации с КНР и КНДР⁴⁶⁰. Богатейшие территории остаются на периферии интеграции в Северо-Восточной Азии. Мультипликативный эффект от выполнения Дальним Востоком роли ключевого звена в трансграничной политике России пока не сработает. Отечественная модель не получила пока завершающей устойчивой формы, но зато приобрела уникальные характеристики.

⁴⁵⁷ Песцов С. К. Трансграничное сотрудничество и интеграция в Азиатско-Тихоокеанском регионе // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2010. №4 (12). С. 15–21; Ярулин И. Ф. Россия XXI века: эра новых регионов? // Пространств. Экономика. 2005. №3. С. 148–157.

⁴⁵⁸ Lay Hwee Yeo. Institutional regionalism versus networked regionalism: Europe and Asia compared // International politics. 2010. Vol. 47, N 3/4. P. 324–337; Tetsu Sadomoto Cooperation for peace and development in Northeast Asia: functionalist approaches // The international journal of peace studies. 1996. No 2. P. 75–83.

⁴⁵⁹ European outline convention on trans-frontier cooperation between territorial communities or authorities. Madrid, 24.05.1980. May. [Электронный ресурс] // European Treaty Series. No 106. URL: <https://rm.coe.int/1680078b0b> (дата обращения: 01.08.2009).

⁴⁶⁰ Распоряжение Правительства РФ №2193-р от 28 октября 2015 г. «Об утверждении концепции развития приграничных территорий субъектов Федерации Дальневосточного федерального округа» [Электронный ресурс] / Официальный сетевой ресурс Правительства РФ. URL: <http://government.ru/docs/20380/> (Дата обращения: 12.08.2015).

СОЦИАЛЬНЫЕ МЕДИА И ПУЗЫРЬ ФИЛЬТРОВ КАК ТЕХНОЛОГИИ ФОРМИРОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО ИМИДЖА

Современная политика становится всё более «виртуальной» благодаря повсеместному распространению средств массовой информации. Усиление влияния СМИ на формирование массового сознания создало условия, при которых ведущую роль в электоральном процессе приобретают имиджевые характеристики кандидатов, включая политические партии и их лидеров. В условиях информационного общества и виртуализации политического пространства, граждане получили возможность опосредственного контакта с политикой. К тому же, медиатизация политики не зависит от типа действующего политического режима в стране. Социальные медиа не имеют своей идеологии, ими могут воспользоваться любые режимы в целях сохранения власти и борьбы за нее.

Факт того, что социальные медиа в каком-то смысле стирают границы между личным и публичным, позволяет по-новому взглянуть на имидж политического деятеля. Социальные медиа дают возможность «очеловечить» имидж политика, дозированно рассказывая о его образе жизни, увлечениях и т. д. Продвижение имиджа в социальных медиа позволяет добиться образа современного, коммуникативного, энергичного политика, ответственного руководителя, который способен принимать решения, будучи на связи с гражданами.

Таким образом, появление социальных медиа повлекло за собой изменение коммуникативных практик между субъектами политики. Социальные медиа несут в себе новый вид коммуникации, называемый самокоммуникацией или сетевой коммуникацией, где каждый участник может одновременно выступать в роли производителя и получателя сообщений. Коммуникация в таких медиа, благодаря использованию новых информационных технологий, образует сеть взаимосвязанных узлов и основывается на принципах автономности, саморазвития, децентрализованности и преобладания горизонтальных связей. Появление нового вида коммуникации привело к необходимости создания технологии, которая позволит сформировать положительный имидж в глазах интернет-аудитории. Главными преимуществами социальных медиа, отличающие их от традиционных СМИ, является возможность создания аутентичных сообщений, что позволяет «очеловечить» имидж политика, демонстрируя его личностные качества, увлечения, достижения и создание ощущения прямого диалога между политиком и электоратом.

В системе социальных медиа особая роль отводится социальным сетям. Понятия «социальные медиа» и «социальные сети» зачастую синонимичны, но подобное некорректно. Так, Д. М. Скотт замечает, что «социальные медиа — это надмножество, социальные сети — это подмножество». То есть социальные сети лишь частная разновидность социальных медиа.

Заметим, что распространение сообщений в социальных медиа носит не хаотичный характер, а наоборот, строго структурированный. Сообщения, которые распространяют пользователи, отмеченные как «друзья», формируют поток сообщений, называемый «лентой новостей». «Лента новостей» является центральным элементом любой социальной сети. Пользователи социальных медиа, устанавливая взаимосвязи между друг другом и различными сообществами, формируют определенную сеть. Внутри этой сети разворачивается вся коммуникация: пользователи сами создают и редактируют сообщения, распространяя их по всей сети между «друзьями». Иными словами, коммуникация в социальных медиа представляет собой новый вид коммуникации или, по мысли М. Кастельса, новую форму массовой самокоммуникации. Коммуникация в социальных медиа потенциально может достичь глобальной аудитории, посредством массовой рассылки сообщения и распространения по сети. В то же время производство сообщений осуществляется самостоятельно каждым пользователем, так же, как и другие действия, например, поиск получателя сообщения.

Возможности социальных медиа создают иллюзию прямого контакта между политиком и электоратом, позволяют общаться с представителями целевых аудиторий и получать от них обратную связь. Социальные медиа заметно изменили коммуникативные практики в современном обществе. Они стали новым высокотехнологичным и вседоступным инструментом формирования социального капитала политика и продвижения его имиджа в общественном сознании. На современном этапе социальные медиа становятся одним из важнейших ресурсов информационного влияния, активизируя общественное мнение и электоральное поведение, консолидируя общественность и формируя отношение доверия между политиком и обществом.

Изменение коммуникативных практик и развитие социальных медиа повлекло за собой изменения в сфере политических связей с общественностью. Политический PR в социальных медиа стал смещаться в сторону непосредственного общения с электоратом. Политики и имиджмейкеры получили возможность отслеживать мнение электората о политике в реальном времени, внедряться в интернет-сообщества для распространения необходимой информации и влиять на мнение электората, используя более привлекательные для аудитории каналы (видео, фото, ссылки, подкасты).

СОЦИАЛЬНО-КОММУНИКАТИВНЫЕ АСПЕКТЫ ПРОБЛЕМ ЭТНОМИГРАНТОВ

Человечество на пороге XX века начало стремительный глобализационный процесс, по результатам которого огромные людские массы были приведены в движение. В результате военных конфликтов появились вынужденные беженцы-мигранты; миграционным процессам подвержены представители стран «третьего мира», где наблюдается плачевная ситуация с экономикой, социальной сферой. Люди вынуждены переезжать на новые места обитания, где, по их субъективному мнению, они рассчитывают начать свое бытие с «чистого листа». Однако в силу расовой, национальной дифференции, многоликости культур и обычаев процесс интеграции индивида в новое общество затрудняется целым рядом аспектов⁴⁶¹. Наиболее важным из них является этнокультурный диссонанс.

Актуализация вопросов относительно социально-коммуникативных аспектов в адаптационных процессах этномигрантов диктуется общемировой тенденцией масштабных переселений народов, как легальных, так и нелегальных.

Существует стратегия пассивной автаркии, именуемая «геттоизацией». Подобная тактика реализуется в тех моментах, когда субъект пребывая в неизведанном для себя социуме старается избежать фронтальных контактов с инородной для себя культурой, тем самым нивелируя негативные симптомы культурного шока. Согласно этой концепции, этномигранты креационируют свое исходное микрообщество, в котором присутствуют исключительно собственная этнокультурная среда. Данная концепция, как правило, характера для представителей национальных меньшинств, проживающих в мегаполисах.

Колонизационная концепция, или агрессивная автаркия. Данная стратегия предполагает крайне радикальную позицию по отношению к новой культурной среде и обществу, полностью отвергаются его основы и постулаты, характеризуется проявлением этоцентризма, нетерпимости и даже экстримизма.

Ассимиляция. Следуя приведенной тактике, этномигранты добровольно или под гнетом обстоятельств поэтапно отказываются от собственной культуры и замещают ее полным погружением в социум принимающего государства/общества.

Интеграция. Этот процесс является наиболее предпочтительным с точки зрения гуманизма, он позволяет осуществлять поэтапную интеграцию этномигрантов в новый социум, при этом сохраняя собственные исторические атрибуты. Этот формат возможен лишь между представителями родственных этнокультурных образований на основе конструктивного консенсусного диалога.

Обращаясь к инструментариям, посредством которых можно претворить в жизнь ту или иную концепцию, следует упомянуть наличие микросоциальных и макросоциальных факторов. К первым относятся индивидуально-личностные характеристики и демографические элементы (уровень образования, возраст, коммуникабельность, ценностные ориентации, характер, жизненный опыт и т. д.). Что касается макросоциальных факторов, то к ним следует отнести политическую ситуацию в принимающем государстве в частности, правовой статус мигрантов, характер иммиграционной и этнонациональной политики, уровень коррупции и т. д.

Если обратить внимание на статистические данные, провести общий мониторинг регионов с острой этномиграционной проблемой, то в подавляющем большинстве случаев внутренние общественные коллизии вызваны из-за этнокультурного и психоэмоционального диссонанса между «принимающей стороной» и «переселенцами». Чтобы досконально понять специфику данных деструктивных взаимоотношений, следует обратиться к антропологии. Карл Линней, описывая новые витки таксономической основы биномиальной номенклатуры флоры и фауны, противопоставлял родовые особенности человека: европейского, индиано-американского, азиатского и африканского типов, где именно представители последних двух являются носителями наиболее деструктивных бихевиористических особенностей, в частности отмечалось девиантное поведение и крайняя враждебность по отношению к европейскому типу. Сложность возникала из-за резкой смены полярности в мировоззрении, культурных процессов и быта.

В полигенистической апологетике разность происхождения расовых наднациональных групп, в свою очередь формирующих более дробные национальные объединения, предполагают наличие значительного социокультурного неравенства сопоставляемых представителей; этносы естественным способом упорядочиваются в социальной иерархической параллели. Так, например, затруднительна натурализация индивида из наименее развитых цивилизационных этногрупп в сравнении с представителями превосходящих их в развитии национальных и наднациональных унит.

⁴⁶¹ Залитайло И. В. Механизмы адаптации мигрантов в инокультурной среде // Аналитика культурологии. 2004. № 2; Dodd C. H. Dynamics of intercultural communication. Boston. MS: McGraw Hill, 1998; Vacher de Lapouge // Race et milieu social. Paris. 1909. URL: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k6815z> (дата обращения 02.09.2019).

АРХЕТИПЫ В СОВРЕМЕННЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ МИФАХ

Согласно К. Г. Юнгу мифы, как носители архетипов, представляют собой определенную систему, моделирующую в сознании индивидов окружающий мир и способы взаимодействия с ним⁴⁶². Продолжая развивать этот тезис, М. Элиаде отмечал, что одной из главных функций мифа, является создание модели окружающего мира⁴⁶³. Мифы не просто являются носителями архетипов, они вводят человека в архетипическую реальность его собственной самости, репрезентуют психические феномены, актуальные для большинства людей.

Однако, политический миф отличается от классического мифа тем, что если последний имеет естественное происхождение и является изначально носителем универсальных значимых смыслов, то политический миф создаётся, как правило, искусственно и лишь использует первоначальные образы и символы для целей управления и осуществления власти политической элиты⁴⁶⁴.

В связи с этим актуальным полем для исследований в современной политической науке может стать психология (или политика) мифопорождения. Политический миф позволяет создавать новые представления и фактически новую психологическую реальность, а мифодизайн, как новое направление политических технологий, уже давно и широко используется в рамках политической пропаганды и агитации.

Образы архетипов оказываются достаточными для того, чтобы «подключить» человека к нужному информационному полю. Метафоры врага, героя и т. д. — опираются на символическое мышление и этим механизмом часто пользуются идеологи политического мифотворчества.

Таким образом, политический миф создает искусственную систему ценностей и идеалов, предназначенную для управления массами. Это обеспечивает поддержку многим политическим системам и лидерам⁴⁶⁵. Главная опасность политического мифа состоит в том, что человек, принявший и усвоивший какой-либо миф, начинает через него видеть и интерпретировать реальность. Такой выбор обуславливает выборочность восприятия фактов и зачастую их неадекватное психологическое ранжирование⁴⁶⁶.

Наиболее ярко мифодизайн политической жизни можно отследить в символах и образах (имидже) политических лидеров. Чаще всего эти образы формируются из архетипа Героя, который в каждой культуре имеет «своё лицо», свои способы действия и образы мысли и проявления. Объединяет образы архетипа Героя то, что они представляют собой концентрированное выражение идеала, свойственного всем культурным традициям: архетип Героя чаще всего наполнен такими человеческими качествами, как преодоление, успех, активность, вызов, защита, красота, уверенность, сила⁴⁶⁷.

Проведённое нами в 2015–2019 гг. исследование среди студентов-политологов по оценке качеств и образа политического лидера России (в том числе и посредством проективных методик) показало, что восприятие образа власти в нашей стране часто связано с личностью того или иного политика. Таким образом, в российской действительности популярны будут такие политические мифы, которые имеют «человеческое лицо». Именно образ лидера, с присущими ему чертами, становится в центр политического мифа.

Анализ русских сказок, который подробно мы представили в своей монографии⁴⁶⁸, позволил нам выделить символическую образность архетипа Героя. В частности, психологическое содержание образов главных героев русских сказок оказывается связано с такими характеристиками, как: состояние борьбы; проявление силы (физической или мистической); умение довольствоваться тем, что есть; отсутствие зависти или тяги к обогащению; проявление справедливости; проявление того, что русскому человеку кажется «правильным», что является для него правдой.

Связь указанных архетипических характеристик с реальными и предпочитаемыми образами политиков в России станет предметом следующего этапа наших исследований.

⁴⁶² Юнг К. Г. Архетип и символ / Сост. и вступ. ст. А. М. Руткевича. — М.: Ренессанс, 1991. — С. 101.

⁴⁶³ Элиаде М. Аспекты мифа / М. Элиаде. — М.: Академический проект; Парадигма, 2005. — С. 147.

⁴⁶⁴ Шестов Н. И. Политический миф теперь и прежде. — М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2005. — С. 21.

⁴⁶⁵ Иванов В. Г. «Потенциальная мягкая сила» как ресурс внешнеполитического влияния // Вестник РУДН. Серия Политология. — 2016. — № 4. — С. 101–104.

⁴⁶⁶ Иванов В. Г. Политика: эстетические механизмы функционирования // Актуальные проблемы политологии: сборник научных работ студентов и аспирантов РУДН. — М.: МАКС Пресс, 2001. — СС. 148–157

⁴⁶⁷ Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры: Изд. 3-е, испр. и доп. — М.: Академический проект, 2004. — С. 760–761.

⁴⁶⁸ Иванова М. Г. Архетипы культуры. Поиск центрального архетипа: монография / М. Г. Иванова. — М.: ФЛИНТА, 2019. — С. 388–413.

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ИНСТИТУТА МОНАРХИИ В ВЕЛИКОБРИТАНИИ И ГЕРМАНИИ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Проблема символической интеграции нации является одной из важных проблем государственного управления, обеспечивая преемственность власти и стабильность в стране. Немецкий социолог Макс Вебер считал политическое устройство Великобритании образцовым, выделяя среди ее достижений в области государственного строительства институты монархии и Парламента. Именно монарх служил и служит там символом политического единства страны, а заодно и мерилom нравственности, и образцом поведения для своих поданных. Вебер хотел имплементировать данную модель в политическом устройстве Германии, но там она получила несколько иное развитие. В данной статье мы рассмотрим генезис института монархии в обеих странах и его значение на современном этапе развития этих стран.

Институт монархии в Великобритании прошел многовековую эволюцию, трансформировавшись из власти родоплеменных вождей, сначала в абсолютную, а затем в конституционную монархию. Необходимо отметить, что сегодняшняя династия является приглашенной британским парламентом в 1714 г. Данный акт можно рассматривать как действия теории общественного договора на практике. В соответствии с этим документом власть короля не установлена свыше, а является результатом соглашения между сувереном и его народом, а следовательно, одного правителя всегда можно заменить другим. Приглашенная немецкая династия была не очень состоятельной, поэтому получая ежегодное содержание от правительства, она в целом была довольна своим положением и не вмешивалась в большую политику. «В Англии... реальная власть находится у джентльменов в котелках, а в золоченной карете восседает символ величия страны»⁴⁶⁹.

В Германии институт монархии также прошел тысячелетнюю трансформацию. Сначала он был представлен выборными императорами Священной римской империи, затем представителями раздробленных немецких княжеств. В 1871 г. усилиями Отто фон Бисмарка был создан второй рейх, у власти которого вновь встал немецкий император. К сожалению, кайзеру не хватило политического чутья вовремя преобразовать Германию в конституционную монархию. В результате поражения Германии в Первой мировой войне в ходе революции император был низложен.

Однако идея необходимости политического символа для страны продолжала владеть умами ведущих немецких мыслителей, поэтому при составлении Веймарской конституции в качестве субститута монарха была использована должность рейхспрезидента. Однако необходимо отметить, что функции рейхспрезидента в Веймарской Германии были шире, чем в ФРГ, когда данный институт был заменен должностью федерального президента. «Послевоенный парламентский совет был напуган воспоминаниями о той зловещей роли, которую сыграл в конечной фазе Веймарской республики второй рейхспрезидент генерал-фельдмаршал фон Гинденбург... Поэтому Основной закон принял ту концепцию федерального президента, которая в общем и целом соответствует функции монарха в правительственной системе Великобритании»⁴⁷⁰.

В соответствии с Основным законом ФРГ должность федерального президента (Бундспрезидента) сегодня имеет церемониальный характер. В функции президента входят посещение глав государств, официальных правительственных мероприятий, представительство ФРГ в сношении с иностранными государствами. Особые требования выдвигаются к моральному облику федерального президента и его предыдущей карьере. Президент выбирается Федеральным Собранием, состоящим из всех депутатов Бундестага и равного числа представителей, выбранных законодательными собраниями земель. Президент должен быть выше политической борьбы после избрания на данный пост.

Таким образом, институт монархии, по мнению М. Вебера, служит основанием устойчивости политической системы. В качестве образца таковой немецкий социолог выделяет конституционную монархию Великобритании. Низложенный институт абсолютной монархии в Германии сначала заменяется на рейхспрезидентство, а позже на федерального президента, который служит, как и монарх Великобритании символом величия страны и выполняет третейские функции, выходя за пределы партийной борьбы. Необходимо отметить, что в случае с федеральным президентом ФРГ занятие этой должности также легитимизируется достижениями в своей профессии и особыми нравственными качествами кандидата, что компенсирует отсутствие династической преемственности у кандидата на данную должность. Повышение нравственных требований к правящей элите страны служит необходимым условием для ее эффективного развития, так как управляемое большинство принимает ее действия, решения и поведение за образец для подражания. Примером может служить опыт Гер-

⁴⁶⁹ Матвеев В. А. Британская монархия: искусство выживания // Новая и новейшая история. 1993, № 6. С. 185.

⁴⁷⁰ Зонтхаймер К. Федеративная Республика Германия сегодня. Основные черты политической системы. / Пер. с нем. М.: Памятники исторической мысли, 1996. С. 251.

мании, когда при примерно одинаковом уровне развития страны, народ демонстрировала разные модели поведения: от бюргерского самодовольства в Веймарской Германии, к пассионарной жестокости в Третьем Рейхе и к переосмыслению и возрождению в период становления ФРГ.

Икаева М. А. (Калининград, БФУ им. И. Канта)

ВЛИЯНИЕ АНГЛИЙСКИХ СУФРАЖИСТОК НА РОССИЙСКИХ ЖЕНЩИН В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Начало XX в. характеризуется постепенным изменением у горожанок гендерной идентичности. Данный процесс связан с женским движением, которое боролось за политические права женщин. Трансформация гендерной идентичности искусственно происходила под влиянием деятельности общественных и политических организаций женщин начала XX в., а именно: Русского женского взаимно-благотворительного общества, Союза равноправности женщин, Женской прогрессивной партии и Российской Лиги равноправия женщин. Однако данные организации действовали разрозненно, тем самым, они не смогли мобилизовать большое количество женщин. Кроме того, не удалось преодолеть и разногласия внутри организаций. Лидеры движений утверждали, что женщины лишены «эгоистических амбиций»⁴⁷¹, однако организационная слабость русского женского движения доказывает, что женщины не смогли уступить свои позиции для того, чтобы прийти к компромиссу по женскому вопросу. В Великобритании в это же время активно действовали две организации: Женский социально-политический союз и Лига Свободы женщин. Однако английские суфражистки не только активно участвовали в Международных конференциях по женскому вопросу, но и объединяли суфражистские организации в Союзы и Общества, что демонстрирует их успешную организованную деятельность.

Материалы общественных и политических организаций женщин демонстрируют степень влияния организаций друг на друга. Российские общества перенимали тактику действия у умеренных суфражистских организаций, таких как Лига Свободы женщин. Радикальная деятельность Женского социально-политического союза оценивалась россиянками неоднозначно. С одной стороны, лидеры российских организаций осуждали экстремистские действия суфражисток, которые наносили ущерб материальным ценностям Великобритании, но с другой стороны, трансляция образа активной деятельности английской суфражистки способствовала активизации женского движения в России. А.П. Философова отмечала, что работа в организациях «приблизила Россию к Европе и отделила ее от Азии»⁴⁷².

В документах подчеркивалось, что «получение избирательных прав послужит средством для участия на равных правах в общей культурной работе страны на пользу человечества»⁴⁷³. Важно, что на данном этапе ярко выраженный акцент на политических правах и свободах придавал женским организациям практический смысл, а обращение к «мужскому миру» как источнику несправедливой дерационализации женского сознания придавало логическую обоснованность практической части.

Репрезентация нового положения женщины отражалась в женских журналах, что, в числе других факторов, влияло на изменение восприятия жизненного уклада и гендерного порядка россиянками. Благодаря переосмыслению статуса женщины и начала активного отстаивания своей гражданской позиции началось формирование «новой» гендерной идентичности. Если прежде женщина виделась как «хранительница домашнего очага», то в начале XX в. произошло слияние двух идентичностей — гендерной и гражданской, данный процесс проявлялся в осмыслении новых ролей и начала формирования правового сознания женщин. Однако этот процесс происходил лишь у небольшого процента населения страны: в основном это были горожанки, часть из которых являлись членами общественных и политических организаций женщин.

Участие в международных организациях укрепило осознание, что движению за права женщин в России не хватало уверенности в себе, столь заметной в Великобритании. А. Тыркова отмечала, что «женщины прислушались к отголоску международных женских организаций на расстоянии, при этом сложа руки. Русские женщины надеются на то, что им дадут избирательное право без тех усилий и стремлений, которые используют англичане»⁴⁷⁴.

⁴⁷¹ Стайтс Р. Женское освободительное движение в России: Феминизм, нигилизм и большевизм, 1860–1930 / Пер. с англ. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. С. 169.

⁴⁷² Сборник памяти А.П. Философовой. Ч. 1. Петроград: Т-во Р. Голике и Е.А. Вильборг, 1915. С. 188.

⁴⁷³ Труды Первого Всероссийского женского съезда при Русском женском взаимно-благотворительном обществе в Санкт-Петербурге, 10–16 декабря 1908 г. Санкт-Петербург, 1909. С. 148.

⁴⁷⁴ Тыркова А. «Отсталая» // Первый женский календарь. Санкт-Петербург, 1914. С. 345.

Таким образом, трансформация гендерной идентичности российской женщины происходила на основе осмысления роли и статуса горожанки под влиянием как английских суфражисток во время проведения Международных конференций, так и через прессу. Следует сделать вывод, что происходило идеологическое оформление в результате трансфера идей западного феминизма, тем самым трансформируя гендерную идентичность. «Женский вопрос» сегодня находится в состоянии радикальных изменений, но невозможно до конца понять современный универсум, не обращаясь к опыту начала XX столетия. Ведь именно тогда женщины, ведя активную борьбу с множеством стереотипов, получили доступ к различным сферам общественной жизни, в том числе к таким сугубо мужским.

Ильин А. Ю. (Петрозаводск, ПетрГУ)

К ВОПРОСУ О ВЗАИМОДЕЙСТВИИ РЕГИОНАЛЬНЫХ И МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОРГАНОВ ВЛАСТИ В РЕСПУБЛИКЕ КАРЕЛИЯ

Современные проблемы взаимодействия власти всех уровней в Карелии уходят в процессы 90-х гг. 20 века.

Вплоть до начала 21 века Карелия, и конкретно, Петрозаводск, были ареной жесткого противостояния региональной власти с представителями муниципалитета, которую курировали ее принципиальные оппоненты получившие контроль над региональным отделением партии Яблоко. Именно на уровне местного самоуправления оппозиционные силы республики заявили о себе как о потенциальной или реальной контрэлите. С какой долей успеха удалось заявить о себе, показывает история смены и характер власти на республиканском уровне.

Анализируя ход избирательных кампаний и изменений электоральных предпочтений за последние 20 лет, то прослеживается определенная закономерность. С учетом внешних, на первый взгляд, различий и при всей «оппозиционности» политического электората, и в 90-е гг. и в 2000-е и последние выборы 2016–2018 гг. победитель всегда гарантированно набирает треть голосов всех избирателей.⁴⁷⁵

Однако, независимо от конкретных процентов, оценка электоральных циклов парламентских выборов позволяет говорить, что не менее 70% избирателей не высказывают привязанности к той или иной политической партии, а голосуют главным образом ретроспективно, особенно если говорить о выборах в региональные органы власти.

Если еще 2013 г. был своеобразным триумфом партии Яблоко в Карелии, когда его технический кандидат с большим перевесом побеждает на муниципальных выборах за пост Главы Петрозаводска., то последующие выборы отчетливо демонстрируют доминирование партии Единая Россия на всех уровнях, что неминуемо сказалось изменениях в экономической сфере общества. Из публичной сферы ушли информационные войны между бизнес сообществом и властью. И выборы 2016 г., как результат, прошли под флагом, влияния и доминирования избирательных технологий представителей партии Единой России и исполнительной власти.

В настоящее время борьба представителей бизнес групп, оппонированных исполнительной власти через свои информационные и политические каналы влияния, практически, ушла.

Это связано, во-первых, с тем, что спонсоры избирательных кампаний оппозиционных сил сейчас ли находятся уже год под арестом или скрываются за рубежом от уголовного преследования. и уже *только этот факт дает для их противников, хороший шанс на победу.*

Во-вторых, программы федерального правительства, деятельность Народного фронта снимает остроту социальных проблем

Однако еще осенью 2016 г. данные социологических опросов не позволяли однозначно утверждать о победе Единой России и команды действующего Главы Республики

Среди факторов, определяющих перспективность политика, основными (в порядке приоритетности) являются: принадлежность к существующим в республике властным структурам и бизнес-группам; наличие финансовых и медиа-ресурсов или принадлежность к партиям и движениям;

Традиционная оппозиция дезориентирована, часть уже инкорпорирована в новую структуру управления Республикой.

И, сейчас карельский избиратель и общество, находится в начале новых преобразований. Опрос экспертов в 2016 году показывал, что элиты регионов в целом стремятся к налаживанию «неформальных» связей с как муниципальными, так и с региональными органами власти

⁴⁷⁵ Сайт ЦИК РК <http://www.karel.vybory.izbirkom.ru>

Экспертный опрос 2016 г.⁴⁷⁶ Какие факторы в ближайшем будущем будут определять прочность пребывания в региональной политико-административной элите?

Элита региона	Большое значение	Среднее	Никакого значения
Престижное образование	23,48	39,13	37,39
Социальное происхождение	42,61	28,70	28,70
Богатство, деньги	46,96	19,13	33,91
Профессионализм	21,74	42,61	35,65
Национальность	6,09	25,22	68,70
Лояльность политическому режиму	60,87	24,35	14,78
Умение поддерживать неформальные отношения с нужными людьми	67,83	17,39	14,78
Умение выявлять, выражать и защищать интересы людей	22,61	34,78	42,61
Другое	0,00	0,00	0,00

Социологический опрос экспертов в Республике Карелия проведенный в январе-феврале 2019 года показал, что серьезной проблемой развития региона является *зависимость муниципальных органов управления, особенно в средних и малых городах, а так же в сельских поселениях, от региональных управленческих структур и их интересов.*

По данной причине муниципальная власть воспринимается большинством населения лишь в качестве низового подразделения региональной и государственной власти.

Местное самоуправление в современных условиях, как правило, адаптируется к государственной власти и вместе с ней сохраняет нужные власти ценностные и поведенческие образцы.

Однако это только одна сторона проблемы. Важную роль в деятельности органов местного самоуправления играет проблема «кризиса доверия» проявляющаяся в современных управленческих практиках и отношениях.

Ильина Ю.И. (Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова)

РОССИЯ В КАСПИЙСКОМ ПРОЕКТЕ

Каспийский проект — это многостороннее взаимодействие стран Каспия, которое осуществляется на разных уровнях между государственными органами и частными компаниями в рамках сотрудничества, направленного на выработку новых принципов, правил и механизмов приграничного взаимодействия⁴⁷⁷. Вопросы, которые стоят на повестке дня, имеют действительно внушительный масштаб, и их решение будет на долгие годы определять характер межгосударственных отношений и облик данного региона:

Информационное взаимодействие приграничных государств на высшем правительственном уровне ставит перед собой цель урегулирования возможных споров относительно воздушной, водной и подводной границ, решения вопросов безопасности, судоходства, торговли, рыбного промысла, добычи углеводородного и минерального сырья, а также предупреждения экологических катастроф.

Большинству государств региона в качестве первостепенного видится вопрос добычи газа, нефти и минеральных ресурсов. Однако, как оказалось, решение этого вопроса сильно осложнено тем обстоятельством, что ранее область Каспия в принципе не рассматривалась многими странами с точки зрения экономического потенциала, поэтому переоснащение существующей инфраструктуры потребует серьезных финансовых вложений и участия квалифицированных специалистов, а главное — времени. В условиях ограниченности ресурсов страны-участницы данного проекта нередко попадают в спонсорскую, а следовательно, и в политическую зависимость от западных транснациональных корпораций.

Решение данного вопроса видится в задействовании, в первую очередь, тех ресурсов, которые уже имеются у стран Каспийского региона и связаны с развитием менее крупных проектов.

⁴⁷⁶ Ильин А. Ю. Результаты выборочного социологического исследования экспертов Республики Карелия: «Проблемы противодействия коррупции на государственной и муниципальной службе и пути их решения в современной России» [Текст] / А. Ю. Ильин, А. А. Лапшин, О. С. Смоличев, Е. Ю. Цумарова // Информационно-аналитические материалы круглого стола с международным участием. — Ростов-на-Дону, 2018. — С. 70–77. — ISSN ISBN 978-5-89546-956-9.

⁴⁷⁷ Евразия. Эксперт. «Конституция Каспия»: как разделили Каспийское море. 2018. URL: <https://eurasia.expert/konstitutsiya-kaspiya-kak-razdelili-kaspiyskoe-more/> (дата обращения 17.07.2019).

В рыбной промышленности, в частности, существуют определенные резервы в плане торговли осетровыми и черной икрой. Сохраняет свою актуальность также вопрос разведения тунца и креветки: так, у Ирана для этого имеются необходимые производственные мощности и квалифицированный персонал, а в России хорошо отлажен механизм упаковки данной продукции и механизм сбыта (логистики) в страны СНГ и дальнее зарубежье. Это приносит прибыль от 100 до 300% даже при существующем, практически кустарном виде производства, следовательно, имеет смысл задуматься над тем, чтобы развивать эту отрасль более профессионально и в больших масштабах. Причем на данном этапе это не потребует таких крупных капиталовложений как нефтегазовая отрасль, к тому же такой вид экономической деятельности значительно менее политизирован и не будет встречать препятствий со стороны международной общественности⁴⁷⁸.

Следующим направлением, представляющим взаимный интерес для прикаспийских стран, видится развитие аграрного сектора, однако для придания ему более масштабного облика требуются новые технологии, которые также имеются у России. В первую очередь следует обратить внимание на сезонные продукты. Так, например, продажа зелени только при сбыте на рынке в России дает от 100 до 400% чистой прибыли. Единственная проблема заключается в упаковке, условиях и сроках транспортировки. И опять же эти вопросы могут быть решены при целенаправленном ирано-российском сотрудничестве в рамках Каспийского проекта.

Развитие подобного рода проектов можно обеспечить за счет уже имеющихся производственных ресурсов у стран региона. С другой стороны, транспортировка продуктов питания из Ирана и других прикаспийских стран может осуществляться путем задействования речных грузовых судов, не требующих больших специализированных терминалов, что сократит время погрузки/разгрузки, а также позволит им входить в речную систему России и перевозить грузы, например, по Волге вплоть до Казани. В дальнейшем это будет стимулировать развитие каспийского и российского речного флота, электрификацию, строительство железных дорог, решение вопроса с подведением пресной питьевой воды и создание другой необходимой инфраструктуры не только в прикаспийских городах.

На наш взгляд, сегодня менее политизированные проекты могут заложить серьезную основу для перспективного развития сотрудничества в нефтегазовой отрасли. Обращение стран-участниц Каспийского проекта к западным транснациональным компаниям за финансовой поддержкой и технологиями, связанными с добычей и переработкой углеводородного сырья, скорее всего, будет способствовать росту их зависимости от внешних спонсоров.

Ильичева Л. Е., Латин А. В. (Москва, РАНХиГС при Президенте РФ)

ГЧП КАК ПРОЦЕСС СОГЛАСОВАНИЯ И ПОДДЕРЖАНИЯ БАЛАНСА ИНТЕРЕСОВ ГОСУДАРСТВА, БИЗНЕСА И ОБЩЕСТВА

Основным институциональным инструментом будущего развития России определено государственно-частное партнерство, поэтому вопрос повышения его эффективности является ключевым фактором роста российской экономики. Однако практика реализации проектов государственно-частного партнерства показывает, что абсолютное большинство проектов, инициированных на базе действующего законодательства в этой сфере, не доходят до коммерческого завершения вследствие несовершенства механизмов проектного финансирования и высоких рисков бизнеса на всех стадиях — от подготовки проекта до его реализации. Государством ставится задача — реализовать в проектах государственно-частного партнерства баланс частных и публичных интересов, однако механизм поиска этого баланса до сих пор не отработан.

Характерная особенность сегодняшней России — усиление роли государства (не путать с долей государства в экономике) как главного актора политического процесса и его влияние на остальных политических акторов. А это, в свою очередь, предполагает, что не государство подключается к проектам бизнеса, а, наоборот, государство приглашает бизнес принять участие в реализации проектов, нужных государству. Открывается простор для возникновения различных групп интересов, требующих большей вариативности во взаимодействии с государством.

Встает вопрос: где же находится точка сборки государственно-частных интересов, в каком случае интересы государства, с одной стороны, и общества, включая бизнес, совпадают? Очевидно, что такой точкой может быть только достижение общественно значимой цели, которая одновременно востребована как государством,

⁴⁷⁸ Валдайский клуб. Каспий — море сотрудничества, а не конкуренции. 2018. URL: <http://ru.valdaiclub.com/a/highlights/kaspiy-more-sotrudnichestva/> (дата обращения 17.07.2019).

так и обществом, и бизнесом в качестве взаимоприемлемой и объединяющей интересы всех заинтересованных сторон.

На современном этапе общественно значимой целью власть обозначает повышение доходов граждан.

Соответственно, ГЧП объективно может возникнуть только в проектах: 1) прямым или косвенным образом нацеленным на решение задачи повышения дохода граждан; 2) входящих в государственные программы, финансируемые из средств федерального бюджета; 3) иным способом предоставляющие частным участникам партнерства какие-либо преференции со стороны органов государственной и/или муниципальной власти. ГЧП не может возникнуть в проекте, в котором государство не имеет собственного, публично декларируемого интереса, при этом важно отметить, что этот собственный интерес государство должно четко артикулировать.

Таким образом, ГЧП можно определить не только как процесс выполнения совместного проекта, но и как процесс формирования, согласования и дальнейшего поддержания баланса интересов участников партнерства в ходе выполнения общественно-значимых проектов, в которых бизнес, как правило, представляет финансовые и организационные ресурсы, государство же, наряду с финансами, еще и информационные формы поддержки, преференции, налоговые и другие послабления.

В результате применения сетевого подхода к организации государственно-частного партнерства была разработана модель коммуникативной площадки, на которой действует механизм поиска точек сборки интересов государства и бизнеса в рамках реализации проектов государственно-частного партнерства. Суть работы коммуникативной площадки:

1) Процесс коммуникации групп интересов представителей государства, бизнеса, ученых, экспертного сообщества и других заинтересованных сторон осуществляется организациями-модераторами, являющимися коммерчески незаинтересованными (по возможности), но имеющими достаточное доверие со стороны участников формируемого партнерства.

2) Для надзора за объективностью процесса формирования проектов ГЧП представителю заказывающего органа власти следует принимать участие в мероприятиях коммуникативной площадки для постоянного мониторинга ситуации и закрепления положений государственного интереса в соответствующих документах, разрабатываемых в рамках деятельности на коммуникативной площадке;

3) В целях получения рыночно успешного продукта в рамках проекта ГЧП всем заинтересованным сторонам на коммуникативной площадке необходимо действовать публично, согласованно и оперативно, поэтому на этапе формирования совместного проекта целесообразно образование между участниками консорциума как наиболее мягкой формы объединения предприятий и организаций, ученых и экспертного сообщества, ставящих своей основной задачей создание и внедрение опытных (пилотных) образцов продукта и формирование предпосылок для его серийного производства.

4) Реализация крупных проектов ГЧП может привести к серьезному изменению действующей нормативно-правовой базы, влияющей на социально-экономические аспекты деятельности предприятий и условия жизни населения на территории внедрения результатов проекта ГЧП, поэтому целесообразно в рамках деятельности коммуникативной площадки проводить общественную экспертизу формируемых проектов с учетом планируемых так называемых «социальных инноваций»;

Важно отметить, что конкурентные отношения между предприятиями и организациями в борьбе за право обладания государственными финансовыми ресурсами, а также необходимость выполнения требований внутренних корпоративных кодексов будут ограничивать горизонтальные связи между представителями сторон, заинтересованными в участии в реализации сформированного проекта.

Иноземцева В. А. (Петрозаводск, ПетрГУ)

Опорный вуз в ландшафте регионального публичного пространства

Социальные функции университетов стали объектом исследования сравнительно недавно и анализируются в рамках различных теоретико-методологических подходов. Формирование в Российской Федерации системы опорных вузов ориентировано на развитие региональных университетов, имеющих ключевое значение для субъектов РФ, и предполагает обновление системы социальной вовлеченности вузов в жизнедеятельность региона, что возможно рассматривать в контексте «третьей миссии» университетов.

Обращение к практикам деятельности Петрозаводского государственного университета (ПетрГУ) как опорного вуза в региональном публичном пространстве актуально, поскольку по результатам рейтинга «Нацио-

нального рейтинга университетов» Агентства Интерфакс-2018 ПетрГУ занимал 2 место в общем рейтинге среди опорных вузов страны.⁴⁷⁹

ПетрГУ получил статус опорного университета в апреле 2017 г. Среди программных направлений преобразований — деятельность по развитию местных сообществ, городской и региональной среды, созданию социокультурных сервисов для различных групп населения, содействию формированию комфортной городской и региональной среды. Особое внимание уделяется монопрофильным муниципальным образованиям и развитию этнокультурного многообразия финно-угорских народов.

Модификация роли в публичном пространстве региона потребовала изменений институционального дизайна. В обновленную редакцию миссии университета были внесены положения о «развитии гражданского общества» и «активном участии в общественной жизни региона»⁴⁸⁰. В июле 2017 г. в ПетрГУ был создан третий в России Центр коллективной работы (коворкинг-центр). В инфраструктуру опорного вуза вошли инновационные парки — Инновационно-технологический IT-парк, Педагогический инновационный парк «Образование 5.0», Молодежный инновационный парк, что позволило особым образом организовать пространство для разнообразных направлений проектной деятельности с привлечением различных категорий участников.

Новым трендом вуза по формированию условий для эффективного взаимодействия ПетрГУ, бизнеса, власти и общества непосредственно на территории муниципальных районов стало создание сети Межрайонных ресурсных центров (МРРЦ), а также подписание договоров о сотрудничестве между ПетрГУ и Администрациями муниципальных образований Республики Карелия. Специфика сотрудничества представлена в «Дорожных картах», содержание которых детально отражает основные направления реализации стратегических проектов опорного университета в муниципальном образовании, особенно в области образования (в том числе дополнительном, этнокультурном), профориентационной работы, создания комфортной и креативной среды, здоровьесбережения, а также экономического развития района.

Опорными точками реализации «Дорожных карт» стали стратегические сессии и круглые столы ПетрГУ опорного вуза и муниципального района. Эти встречи проходят на территории муниципальных образований с участием делегаций от университета, представителей Администрации района, сельских поселений района, руководителей предприятий, организаций сферы образования, культуры, представителей субъектов малого и среднего предпринимательства, общественных организаций, волонтерских движений и активных граждан.

Партнерами опорного вуза по участию в публичной политике выступают региональные и местные органы исполнительной власти, с которыми заключаются договоры о сотрудничестве по конкретным направлениям деятельности. Кроме стратегического и тактического планирования, создания специализированной инфраструктуры для развития территории ПетрГУ как опорный вуз предлагает жителям Карелии широкий спектр социальных сервисов, это, прежде всего образовательные, юридические услуги, повышение квалификации, спортивные услуги и др.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что обретение статуса опорного вуза стимулировало Петрозаводский государственный университет к активизации деятельности в публичном пространстве региона через формирование собственных инициатив по разбитию межсекторного взаимодействия с районами республики.

Ирхин А. А. (Севастополь, СевГУ)

Будущее России только в «Красном проекте»?

Россия — уникальное государство. Его уникальность заключается в том, что занимая то 1/6, то 1/7 часть суши, в зависимости от исторического цикла, оно обладает устойчивостью и циклическим возрождением уже казалось бы потерянного государства. Исторические циклы российского пространства описаны А. И. Уткиным: «... Внутри страны доминирует мнение, что государство распалось и исчезало многократно — в 1237, 1612, 1918 годах, она стояла на краю гибели в 1709, 1812, 1941 годах, но восставало в 1480, 1613, 1920, 1945 годах. И этот национальный код трудно, если вообще возможно, изменить, он живет в массовом сознании, являясь основой национальной психологической парадигмы. С психологической реальностью следует обращаться все-раз: Россия была, есть и будет такой, какой она живет в воспоминаниях, восприятии и мечтах ее народа»⁴⁸¹.

Россия представляет собой специфическое геополитическое пространство со следующими характеристиками.

⁴⁷⁹ Национальный рейтинг университетов [Электронный ресурс]. — URL: http://www.univer-rating.ru/rating_common.asp

⁴⁸⁰ Миссия Петрозаводского государственного университета [Электронный ресурс]. — URL: https://petsru.ru/page/science/development/master_university_program/mission#t20c

⁴⁸¹ Уткин А. И. Вызов Запада и ответ России. М.: Эксмо, 2003. С. 552.

- 1) Наличие на всем пространстве сурового холодного климата с широтным расположением изотерм, что имеет существенное влияние на экономическую деятельность.
- 2) Данное пространство, несмотря на свою протяженность, имеет крайне неудобные, с экономической и военной точки зрения, выходы в открытое море, и, как производное — ВМС и торговый флот не являются основными факторами для жизнеобеспечения системы.
- 3) Располагает 2/3 мировых углеводородных запасов.
- 4) Преимущественно меридиональная система рек, изобилие водных пресных ресурсов, и, при этом, правильность (менее разрушительная, чем в Европе и Азии) процесса половодья.
- 5) Низкий демографический потенциал и невысокая плотность населения на данном пространстве.
- 6) Пространство степи, равнины и невысоких гор.
- 7) Сельскохозяйственная зона зерна.
- 8) Пространство с низкой плотностью транспортных путей: железных дорог и автомобильных сетей, причем транспортная инфраструктура ухудшается с Запада на Восток.
- 9) Крайне неравномерное распределение в пространстве центров экономического роста.
- 10) Существование и развитие четкой экономической дифференциации между конкурентоспособными на внешних рынках (сырьевыми) и неконкурентоспособными (производственными) отраслями промышленности.
- 11) Наличие особого психологического типа человека, населяющего данное пространство, с такими чертами, как терпение и гибкость, что приводит к объективному стремлению создания суперэтноса.

Первые две геополитические характеристики России дают исследователям фундаментальные отличия от других Больших пространств.

Данные два фактора являются фундаментальными для выбора путей развития человеческих общностей между коллективизмом и индивидуализмом, рыночной экономикой и необходимостью сильного государственного регулирования в производстве и распределении национальных доходов. Выбор в пользу классических западных схем развития, которые представляются передовыми для быстрого обогащения элиты, приводят к ситуации вымирания населения и естественного воссоздания человеческих пустошей в России.

В конце концов, когда встает вопрос выживания общества, то элиты, руководствуясь инстинктом самосохранения, обратятся к привычным схемам поддержания развития данного пространства. Альтернативный выбор угрожает не только обществам, но и элитарным слоям, которые поддерживают своё привилегированное положение за счет изъятия части добавленной стоимости из произведенного ВВП. Когда производителей данного параметра становится меньше, чем необходимо для минимального функционирования социально-экономической системы она становится нестабильной и под воздействием внутренних волнений и внешнего давления может исчезнуть или быть поглощенной другими державами. Элита при таком сценарии частично или полностью теряет свое положение⁴⁸².

Современный красный проект России включает в себя формирование и реализацию самодостаточного в финансово-экономическом и идейно-политическом смысле проекта развития государства, основным критерием которого должен стать механизм более равномерного распределения национального валового продукта. Самодостаточность в данном случае имеется в виду относительно Запада и его финансово-экономической, технологической и культурно-информационной систем развития. Только такая Россия способна иметь относительно независимую внешнюю политику, а, следовательно, защищать своих соотечественников и иные интересы государства. То, что на Западе называют модернизацией, Россия успешно проходит через мобилизацию внутренних ресурсов и обновление своего общества. Без этого перехода России не устоять в ближайшие десятилетия в процессе конкуренции цивилизаций. Единственным аргументом, который до сих пор позволяет сдерживать Запад от прямого расчленения России — это ядерные силы сдерживания — наследие прежнего красного проекта.

Ирхин Ю. В. (Москва, РГГУ)

КОМПЛЕКСНЫЙ АНАЛИЗ ПОЛИТИКО-КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИХ ДИСКУРСОВ ПОСТМОДЕРНИЗМА, МЕТАМОДЕРНИЗМА И НЕОМОДЕРНИЗМА

Системный подход к анализу дискурсов постмодернизма, метамодернизма и неомодернизма позволяет выделить их принципы, особенности формирования и генезиса.

⁴⁸² Ирхин А. А. Геополитические циклы Евразии и национальные интересы Украины. Севастополь: Ребест, 2011. С. 106.

Вначале, как известно, возник постмодернизм. В его методологии и теориях постмодернизма акцентируется внимание на следующих особенностях и смыслах общества постмодерна:

— повышение роли постматериальных ценностей, массовой культуры развлечений и эстетизации повседневной жизни в «обществе потребления»; нивелировании расстояния между массовым и элитарным потребителем через средства рекламы, гламура и др.; рассмотрение социального мира как изменяющегося текста или интертекста, где сложно определить автора;

— политико-управляющее значение информационных и психологических символов, кодов, смыслов, симулякров, рекламы, разнообразных индексов, кодексов и рейтингов влияния в глобально-локальном обществе, выражения ценностей неолиберализма.

В целом постмодернизм предполагает расширение возможностей политического и культурного проектирования вследствие бурного развития интегрированных коммуникаций и их воздействия на сознание и предсознание.

Партии, «фабрики мысли» и СМИ становятся конструкторами идентичностей, стремятся к «захвату символов» и управлению через их посредство. Запрограммированные опросы общественного мнения определяют политику, тесты — стиль рекламы, телеметрия — содержание программ телевидения. Легитимацию власти во многом определяют пресс-центры и пресс-бюро, зависящими от олигархических структур.

Классическая постмодернистская парадигма претерпевает изменения в связи с генезисом общества, НТР и выступает как «метамодернизм». Для мира «метамодернизма» характерны:

— расширяющаяся виртуализация пространства социальных взаимодействий, когда виртуальный мир замещает реальность и появляются новые возможности манипуляции массовым сознанием как со стороны власти и современных СМИ, так и со стороны индивидов;

— конструирование привлекающих социальные взаимодействия технообразов, создаваемых в сетевом пространстве одними пользователями и изменяемых другими, в результате чего сам объект, живет независимо от автора⁴⁸³.

Постмодернизму и метамодернизму оппонирует новый политико-культурологический подход — неомодернизм.

Важными социально-экономическими причинами формирования неомодернизма явились обостряющиеся противоречия между неолиберальными элитами и интересами общества, ухудшающееся положение масс. Подвергнут сомнению «неолиберальный социальный контракт — между элитами и трудящимися, в силу которого положение последних (как в США, так и в ЕС) улучшалось каждое новое их поколение. Массовые популистские движения, избрание в органы власти популистских лидеров (президентов США, Бразилии, Украины и др.), растущая популярность популистских и умеренно националистических партий, сил и выступлений — все это активно формирует политическую повестку развития многих стран мира.

Для «неомодерна» характерен ряд принципов⁴⁸⁴.

1. Актуализируется историзм — апелляция неомодернистов к историческим и культурно-цивилизационным корням. Это связано как с усилением национализма и этноцентризма во многих государствах, так и с попыткой найти новое идеологическое оправдание существующей политической системы; обосновать неомодернистский реализм после десятилетий доминирования постмодернистского исторического релятивизма. Неомодернизм тяготеет к актуализации патриотизма, роли права народов и этносов на самоопределение⁴⁸⁵; поддерживает здоровый национализм, выражающийся в сохранении национальной и цивилизационной идентичности государств, наций и этносов.

2. Используется трансакционализм — отказ от «универсальных ценностей» и «общих интересов» в пользу жесткой ориентации на национальные приоритеты и взаимодействие с другими субъектами с точки зрения обычной экономической, выгоды. Логика неомодерна и популизма предполагает сотрудничество зарубежных стран, а не конфронтацию с Россией, КНР и другими державами с иными цивилизационными ценностями и национальными интересами.

3. Признается холизм внешней политики, как явления, не подчиненного узким экономическим или иным частным интересам, но сводящего отдельные внешнеполитические ориентиры и тренды к единому целому.

4. Для большинства неомодернистов вопрос о демократии и авторитаризме уходит на второй план, уступая место более важному для них вопросу о границе между порядком и хаосом в международных отношениях, вну-

⁴⁸³ Ирхин Ю. В. Мир — это текст с картинками. Без автора // НГ Сценарии. № 5. 2019.

⁴⁸⁴ См.: Ирхин Ю. В. Метаморфозы постмодернистского дискурса и актуальные вызовы неомодерна // Вопросы политологии. М., 2019. Вып. 1 (41). Т. 9. С. 7–15.

⁴⁸⁵ См.: Электоральные процессы в России и Европе: новые практики, институты и технологии // Под общ. ред. М. Е. Родионовой. М.: Кнорус, 2018. С. 34–38.

тренней политике. Широко используются лозунги и практика различных видов популизма как средства решения политических проблем.

Итак, комплексный подход к анализу всех современных политико-культурологических дискурсов, включая неомодернистский, обогащает категориальный аппарат политологии и помогает лучше ориентироваться в современном сложном и противоречивом развитии общества, культуры и политики.

Исаев Б. А. (Санкт-Петербург, ГУАП)

ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС И РЕВОЛЮЦИИ

Геополитический процесс протекает крайне неравномерно. Его ламинарное течение периодически прерывается скачкообразными геополитическими событиями: войнами, политическими переворотами, экономическими, финансовыми, социальными, культурными кризисами, придающими геополитике турбулентность, неопределенность и неожиданные изменения.

Одними их важнейших событий, кардинально меняющими направление и темп геополитического процесса выступают революции.

Можно предложить несколько классификаций революций, имеющих отношение к геополитике, а именно:

1. По масштабу влияния:

- эпохальные революции — это перевороты в общественном сознании и социальном поведении, вызванные быстрыми и коренными преобразованиями видения мира, общества, места человека в нем, характера и роли общественного труда в жизни человека и преобразовании социума. Современная общественная наука, исходя из трехэпохального членения истории (сельскохозяйственная эпоха, индустриальная эпоха, постиндустриальная эпоха), вычленяет три эпохальные революции: неолитическую, отделившую доисторическое время охотников и собирателей от сельскохозяйственной эпохи, в течение которой главным видом общественного труда стал сельскохозяйственный труд, то есть работа с помощью созданных людьми орудий на отвоеванных у дикой природы и преобразованных полях, садах, пастбищах, загонах для скота и т. д., индустриальную, отделившую сельскохозяйственную эпоху от индустриальной, когда промышленный труд (то есть работа на вооруженных машинах и механизмах заводов и фабриках) занял преобладающее положение над сельскохозяйственным трудом и постиндустриальную революцию, ознаменовавшую собой новую постиндустриальную эпоху;
- всемирные или глобальные революции. Это революции, происходящие в одной или нескольких странах, но оказывающие существенное влияние на мировые процессы, на зарождение и ход революций в других странах. Глобальные революции — это перевороты в мировом общественном мнении, во всемирном разделении труда, в разделе и переделе территории Земли, это революции, изменяющие весь мир;
- континентальные революции, к которым можно отнести Европейскую революцию 1848 г., так или иначе охватившую большинство европейских стран и приведшую к существенным изменениям в сторону демократии (принятие конституций, легализация партий и избирательного процесса, попытки решения национального вопроса, рабочего вопроса и т. д.), а также — к объединению таких стран, как Германия и Италия;
- национальные революции — это перевороты в общественном сознании и поведении одной нации, это коренные перемены в жизни одного общества, это перестройка или полная смена одной конкретной политической или экономической системы, изменяющей жизнь одного конкретного общества.

2. По географическому, региональному критерию: европейские, американские, азиатские, африканские и др. революции;

3. По принадлежности к определенной стране классы революций называются, как: французские революции, английские революции, российские революции и т. д.⁴⁸⁶

Иногда революцию, происходящую в одной стране, представляют как два-три разных исторических события. Для геополитики это имеет смысл, если эти революции разграничивают разные геополитические эпохи. Например, некоторые исследователи исходят из того, что в Китае было две революции: первая состоялась в 1911 г. как смена политической системы империи на демократическую, вторая китайская революция, длилась

⁴⁸⁶ Исаев, Б. А. Политическая история: революции: учебник для бакалавриата и магистратуры. М.: Издательство Юрайт, 2019. С. 128.

все 1930-е и 1940-е гг. как конфликт националистических и коммунистических сил⁴⁸⁷ и завершилась победой коммунистов в 1949 г. Есть мнение, что в современном Китае идет третья китайская революция, которая завершится победой демократии.

Геополитиков более всего интересует критерий: принадлежности революций к геополитической эпохе или геополитическому периоду развития общества.

С этой точки зрения важнейшими для нас выступают революции, разделяющие геополитические эпохи: Тордесильясскую, Вестфальскую, Венскую, Версальскую, Ялтинскую. Следует отметить, что революции выступают границами не между всеми геополитическими эпохами и не всегда являются ведущими факторами наступления новой геополитической эпохи.

В российской геополитике революции сыграли решающую роль в период крушения империи и распада СССР. Именно революции отграничили геополитическую эпоху императорской России (1721–1917) от эпохи Советского Союза (1917–1991) и эпоху СССР от эпохи современной России.

Исаева Е. А. (Ярославль, ЯрГУ им. П. Г. Демидова)

УВЕДОМИТЕЛЬНЫЙ ПОРЯДОК ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ, НЕ ЯВЛЯЮЩИХСЯ ЮРИДИЧЕСКИМИ ЛИЦАМИ: ОЦЕНКА С ПОЗИЦИИ РАЗВИТИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА⁴⁸⁸

25 декабря 2018 года Министерство юстиции РФ анонсировало разработку проекта федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон «Об общественных объединениях» в части установления уведомительного порядка деятельности общественных объединений, не являющихся юридическими лицами». Минюст предлагает дополнить Федеральный закон от 19 мая 1995 года № 82-ФЗ «Об общественных объединениях» новой статьей 13.1, предусматривающей законодательное регулирование деятельности общественных объединений, не являющихся юридическими лицами. Положения нового закона в случае его принятия будут распространяться и на ранее созданные и действующие без статуса юридического лица общественные объединения, руководители которых будут обязаны в течение месяца со дня принятия его учредителями решений о создании, утверждении устава и формировании органов общественного объединения, разместить в сети «Интернет» уведомление о создании такого объединения, содержащее полное наименование общественного объединения, фамилию, имя, отчество (при наличии) руководителя объединения и членов его органов управления, сведения о территории, в пределах которой осуществляется деятельность общественного объединения, дату принятия решения о создании. Также законопроект обязывает общественные объединения, не являющиеся юридическими лицами, ежегодно, не позднее 1 февраля размещать в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» сообщение о продолжении своей деятельности.

В качестве обоснования необходимости подготовки проекта нормативного правового акта обозначено отсутствие актуальных, систематизированных сведений об общественных объединениях, не являющихся юридическими лицами, необходимых для подачи заявлений в суд о возмещении причиненного вреда в рамках гражданского судопроизводства и внесения заявления о запрете деятельности общественного объединения, не являющегося юридическим лицом.

Параллельно запущена новая версия нормативного регулирования деятельности незарегистрированных общественных объединений. 20 мая 2019 года Минюстом России было объявлено о разработке проекта федерального закона «О внесении изменений в ФЗ «Об общественных объединениях» в части установления уведомительного порядка деятельности общественных объединений, не являющихся юридическими лицами».

Новая версия законопроекта сместила вектор регулирования с формального уведомления о создании и продолжении деятельности незарегистрированного общественного объединения на личность и источники получения финансовых средств членами руководящего органа объединения, а также на планы заниматься политической деятельностью. И если первый проект был ориентирован на формализацию коллективного субъекта, способного нанести имущественный вред, к примеру, в случае проведения митинга, шествия или другого публичного мероприятия, то новый текст скорее демонстрирует заинтересованность государства выявить источники финансирования деятельности объединения через раскрытие личных доходов физических лиц,

⁴⁸⁷ Скорчипол Теда. Государства и социальные революции: сравнительный анализ Франции, России и Китая. М.: Изд-во Института Гайдара. 2017. С. 94.

⁴⁸⁸ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научно-исследовательского проекта № 17-03-00132-ОГН «Коллективные действия граждан по защите и реализации законных прав и интересов в современной России»

отдельно заметим, не претендующих на должности государственной службы, а просто входящих в орган управления общественного объединения. На наш взгляд, данное положение законопроекта, как минимум, спорно.

Тексты обоих законопроектов содержат положения, которые, на наш взгляд, способны серьезным образом повлиять на институт незарегистрированных общественных объединений в России. В реальности, подавляющая часть незарегистрированных общественных объединений и уходила от формализации своего статуса для того, чтобы не обременять себя ни отчетностью, ни финансовыми обязательствами, ни обязанностью следить за изменением законодательства, регламентирующего порядок создания и деятельности юридических лиц. Учредителям достаточно было конституционного права на создание общественного объединения, момент начала деятельности которого никак не привязывался государством к моменту уведомительной регистрации, что является очень спорным положением первого законопроекта.

В реальности именно те, кого, на наш взгляд, хочет выявить и чью деятельность формализовать законопроект, особенно его вторая версия, в последнюю очередь будут уведомлять государство о наличии устава, органа управления, иностранного финансирования и других аспектах своей деятельности. И доказать, что это в реальности незарегистрированное общественное объединение, получающее зарубежные средства, а не группа друзей без какого-либо избранного на общем собрании лидера, будет практически невозможно. Скорее законопроект, в случае его принятия, станет непосильным обременением для правопослушных и не участвующих в протестной активности советов ветеранов, женщин, инвалидов, сельской молодежи, молодых семей и других общественных объединений.

Вектор на усиление государственного регулирования деятельности общественных объединений, вряд ли можно оценить позитивно в ракурсе развития гражданского общества. Подобные нормы вероятнее всего приведут к резкому сокращению числа полезных для развития общественных объединений, к снижению позитивной гражданской активности.

Исхаков А. С. (Москва, Финансовый университет при Правительстве РФ)

ЭТНОПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭЛИТА ТАТАРСТАНА

Понятие «элита» с политическим подтекстом было введено в обществоведение итальянским социологом Вильфредо Парето почти 100 лет тому назад, однако в российском общественном сознании утвердилось недавно вследствие того, что в советское время данный термин не соответствовал идеологическим стандартам. В современной западной и отечественной науке существуют сотни определений политической элиты. Попытки дать данному термину всеобщность, универсализм пока не привели к результату, который позволяет применить его для той или иной конкретно-исторической ситуации, которая присуща определенным территориям, регионам, областям и т. д. Этнополитическую элиту следует понимать как привилегированную, политически господствующую группу лиц, занимающих руководящие позиции в общественных институтах и непосредственно влияющих на принятие властных решений в обществе. Исследование этнополитических элит в России, особенно на региональном уровне, вызвано обострением социально-экономических проблем, политической нестабильностью.

Элита, разумеется, соответствовала тому или иному периоду общества, в котором оно находилось. Все это относится и к политической элите Татарстана. Здесь еще на территории Казанской губернии к началу XX века появилась относительно небольшая группа политических деятелей, имевших татарское происхождение, которые активно включились в общественно-политическую жизнь Российской империи. В Государственной думе Российской империи среди представителей тюркских народов страны первое место по численности занимали татары и башкиры. Именно они тогда являлись ядром политической элиты, представляемых ими народов.

С приходом к власти большевиков появились новые политики, которые отражали изменившиеся настроения татарского населения, поверившего лозунгам и обещаниям советской власти. Состав этой этнополитической элиты заметно изменился после 1917 г. Перед ними возникли кардинальные вопросы: способны ли они управлять сами собою и как им защитить интересы своего народа при создании нового государства. Они проповедовали творить общую с другими народами государственность, искали спасительный путь выживания в экстремальных условиях, вызванных Первой мировой и Гражданской войнами, экономическим хаосом, политической нестабильностью, развалом прежней государственности.

За несколько десятилетий советской власти в Татарской АССР возникла новая политическая элита, которая в период перестройки в СССР и его распада стала переформироваться в новейшую этнополитическую элиту. В этих условиях многие автономные республики получали существенные права, которые приближали их к статусу союзных республик.

Один из главных мотивов возникновения этнополитической элиты — это возможность самостоятельного формирования своей региональной власти, что в то же время является одним из важных факторов существования самой элиты. Стремление этнополитической элиты регионов к саморекрутированию означает, в сущности, сопротивление политике назначения из федерального центра.

На рубеже 1990-х годов произошла трансформация элиты, но у власти оставалась еще во многом прежняя (советская) элита, которая адаптировалась к новым условиям. К настоящему времени этнополитическая элита Татарстана обладает сложной структурой и включает в себя разные по характеру рекрутирования группы, эти группы в свою очередь являются сформированным и адаптированными вокруг регионального бизнеса. Этнополитическая элита быстро подстраивается и мимикрирует под разные ситуации, консолидируясь вокруг своих руководителей, для защиты региональных интересов (т. е. бизнеса) по отношению к федеральному центру.

Кабанов Ю. А. (Санкт-Петербург, НИУ ВШЭ, НИУ ИТМО)

ЭЛЕКТРОННОЕ УПРАВЛЕНИЕ: ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ И ДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПРЕДМЕТНОГО ПОЛЯ⁴⁸⁹

Тематика *электронного управления (участия, демократии)* привлекает исследователей с разнообразным бэкграундом,⁴⁹⁰ что вызывает вопросы об «интердисциплинарной» природе этого предметного поля⁴⁹¹ и динамике международной коллаборации исследователей.⁴⁹² Настоящая работа направлена на изучение паттернов развития *электронного управления* как области знания через сочетание количественного библиометрического анализа публикаций и экспертного опроса.

Библиометрический анализ, проведенный с использованием программы *VOSViewer* и данных *Web of Science*,⁴⁹³ демонстрирует интенсивное международное сотрудничество исследователей. В случае соавторства публикаций (рис. 1) прослеживается определенная регионализация, хотя и не строгая, по географическому (Постсоветское пространство; Скандинавские страны; Западная Европа, Африка) или языковому (Испания и страны Латинской Америки) принципам, при лидерстве отдельных стран (США, Китая, Индии, Великобритании). Регионализация заметна и при кластеризации публикаций по количеству совместно цитируемых изданий (рис. 2), что может свидетельствовать о наличии в рамках отдельных регионов доминирующих тематик и подходов к изучению «электронного управления», или же научных форумов, привлекающих исследователей из близких стран.

На втором этапе планируется проверка полученных результатов и анализ междисциплинарного взаимодействия исследователей с использованием методики экспертного опроса. Для этих целей разработан опросник, включающий вопросы об институциональной аффилиации авторов (страна), а также их дисциплинарной принадлежности (компьютерные науки, политология и пр.). Кроме того, экспертам задается вопрос об их опыте соавторства с учеными из других стран и дисциплинарных областей, а также о наличии совместных исследований с представителями бизнеса, международных или некоммерческих организаций. Предполагается, что полученные результаты можно будет использовать для сетевого анализа, который продемонстрирует интенсивность взаимодействия стран, дисциплин и сфер (наука, бизнес, гражданское общество) в производстве научного знания по тематике *электронного управления*. Также исследователям предлагается оценить уровень коллаборации в их стране.

Разработанная анкета экспертного опроса была апробирована на международной конференции *IFIP EGOV — CEDEM — ePART* в сентябре 2019 г., доработана с учетом полученной «обратной связи» и направлена широкому кругу исследователей. В рамках доклада будут представлены предварительные результаты обработки анкет с использованием описательной статистики и метода сетевого анализа.

⁴⁸⁹ Исследование осуществляется при поддержке Российского научного фонда, грант № 18-18-00360.

⁴⁹⁰ Yildiz, M. (2007). E-government research: Reviewing the literature, limitations, and ways forward. *Government information quarterly*, 24 (3), 646–665.

⁴⁹¹ Scholl, H. J. J. (2008). Discipline or interdisciplinary study domain? Challenges and Promises in Electronic Government Research. In *Digital government* (pp. 21–41). Springer, Boston, MA.

⁴⁹² Hwang, S., & Murphy, P. (2017). Mapping out e-government research literature: How interdisciplinary was it for the blooming decades?. *Electronic Government, an International Journal*, 13 (3), 224–241; Khan, G. F., & Park, H. W. (2013). The e-government research domain: A triple helix network analysis of collaboration at the regional, country, and institutional levels. *Government Information Quarterly*, 30 (2), 182–193.

⁴⁹³ Подробнее о методике сбора и анализа данных см.: Kabanov, Y., Chugunov, A. V., & Nizomutdinov, B. (2019). E-Government Research Domain: Comparing the International and Russian Research Agenda. In *International Conference on Electronic Government* (pp. 18–30). Springer, Cham.

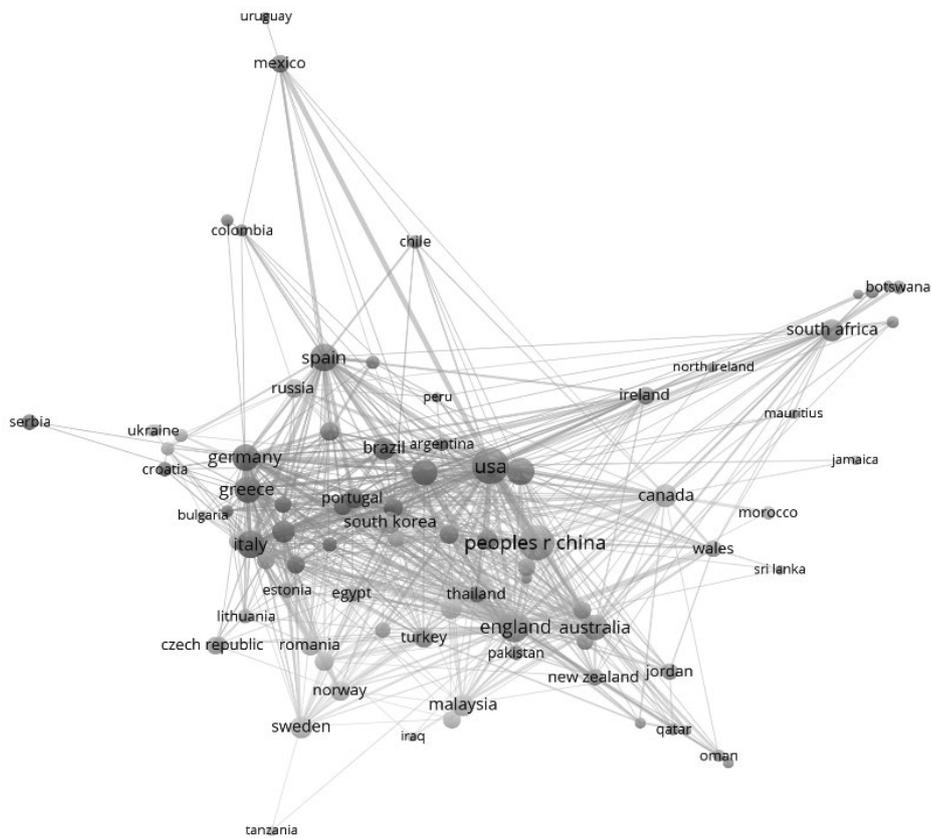

Рис. 1. Наукометрическая карта по странам, соавторство публикаций.
 Источник: анализ автора с использованием программы VOSviewer

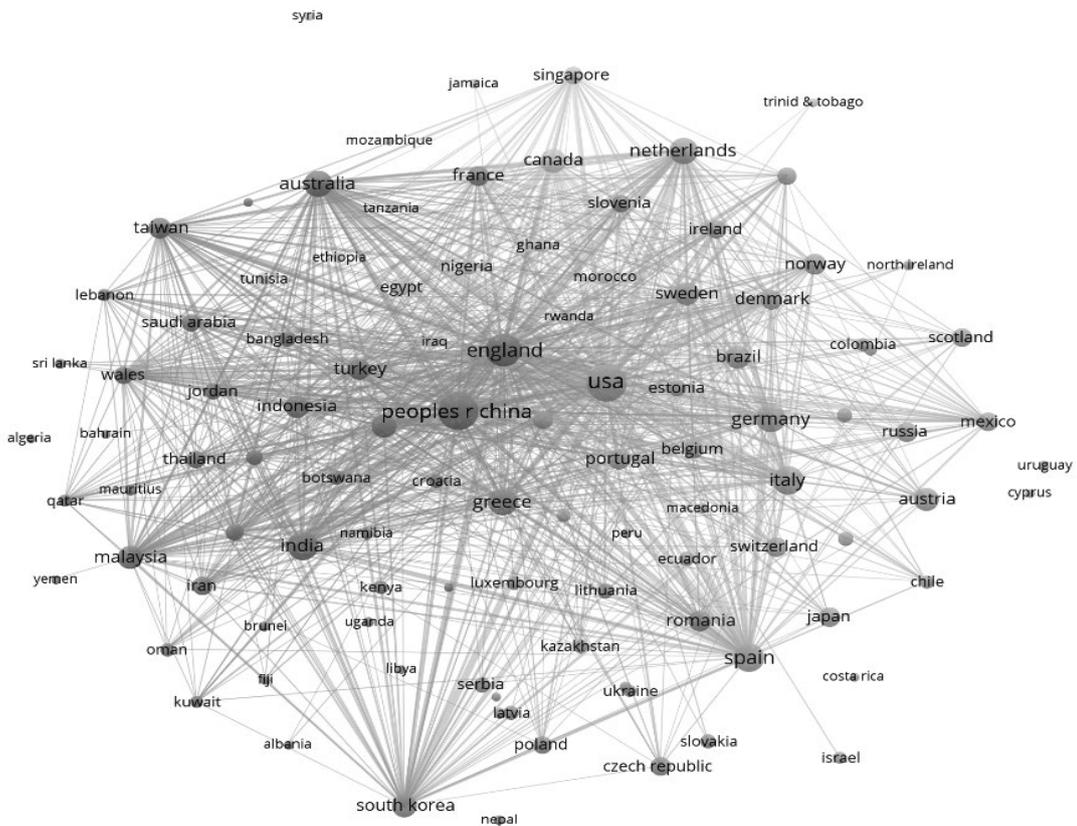

Рис. 2. Наукометрическая карта по странам, библиографическое сочетание публикаций.
 Источник: анализ автора с использованием программы VOSviewer

ОПЕРАЦИОНАЛИЗАЦИЯ МАНИПУЛЯТИВНОЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ ПОЛИТИЧЕСКОГО МЕДИАТЕКСТА

В современной политической коммуникативистике достаточно много работ, посвященных используемым журналистами методам манипулирования общественным сознанием. Значительно реже предпринимаются попытки разработать алгоритм, при помощи которого можно было бы измерить содержащийся в медиатекстах манипулятивный потенциал.

Под манипулятивным потенциалом в данном случае мы понимаем силу возможного воздействия журналистского произведения на аудиторию, его суггестивный «заряд». Анализ имеющейся на этот счет научной литературы дает нам основания утверждать, что в настоящий момент попытки операционализации манипулятивной составляющей медиатекстов встречаются крайне редко⁴⁹⁴.

Исследовав внушительный объем работ, посвященных механизмам медиаманипулирования, мы выделили 15 параметров, каждый из которых сам по себе может являться маркером намеренного скрытого воздействия на сознание аудитории. Любой из этих параметров можно выразить в количественной форме. Сумма числовых значений имеющихся в конкретном медиатексте маркеров и будет являться показателем манипулятивного потенциала информационного сообщения.

1. Первый параметр — это заголовок и лид: в случае, если в них присутствует ярко выраженное оценочное суждение или призыв к чему-либо, считаем возможным оценить это в 2 балла; если же оценка и призыв выражены имплицитно — в 1.

2. Содержащиеся в статье фото, рисунки, коллажи, карикатуры, а также подписи к ним: их ярко выраженное несоответствие содержанию текстового материала или наличие в них оценки, подтверждающей основную мысль автора, «стоит» 1 балл, имплицитно-латентное воздействие — 0,5 балла.

3. Объем и качество представления альтернативной точки зрения по основному вопросу оцениваемого сообщения (от 0 до 3 баллов).

4. Использование мнений экспертов и цитат. За каждую ссылку на мнение человека, который в силу своего образования, профессионального опыта или компетенции не является специалистом в обсуждаемой проблеме, начисляется 0,5 балла. Столько же — за каждую вырванную из контекста, неправильно переведенную или приведенную не полностью (так, что искажается смысл сказанного) цитату.

5. Несоответствие действительности принципиально важных в контексте освещаемой проблемы фактов (2 балла за каждый такой случай).

6. Источник транслируемой информации. За каждую ссылку на слух, использование в качестве аргумента источника, для которого документальность и фактологическая достоверность не являются приоритетом (например, художественный фильм, роман и т. д.), за апелляцию к неназванному человеку-анониму («как нам стало известно из заслуживающих доверия источников, ...»), «источник, близкий к...», «сообщил ...», «по словам человека, пожелавшего остаться неназванным, ...» и т. д.) — 0,5 балла.

7. Приписывание оппоненту мыслей, намерений или высказываний (1 балл за каждый случай).

8. Осмеяние или даже глумление над национальными символами, святынями, героями, народом в целом (2 балла за каждый случай).

9. Изображение оппонента интеллектуально или физически неполноценным (1 балл за каждый случай, выраженный эксплицитно; 0,5 балла — имплицитно).

10. Использование эмоционально нагруженных слов и выражений — ярлыков, эпитетов, метафор, эвфемизмов, сравнений и т. д. (по 0,5 балла за каждые 5 случаев)

11. Использование в тексте прецедентных имен и событий (0,5 балла — за каждые 1 или 2 случая).

12. Бездоказательность — «вероятностность», отсутствие аргумента (за каждый случай — по 0,5 балла).

13. Намеки, риторические вопросы, ирония — в выгодных журналисту контексте и интерпретации. (0,5 баллов за каждый случай).

14. Похвала противников или критиков оппонента и наоборот — критика его сторонников (0,2 балла за каждый случай).

15. Кавычки как показатель иронии или сомнения (0,1 балла за каждый случай).

Как практически любой другой исследовательский механизм, предложенный вариант операционализации манипулятивного потенциала имеет свои ограничения. Прежде всего, это доля субъективизма, которая немину-

⁴⁹⁴ Колмогорова А. В., Калинин А. А., Талдыкина Ю. А. Языковые маркеры манипуляции в поляризованном политическом дискурсе: опыт параметризации // Политическая лингвистика. 2016. № 4. С. 194–199; Самкова М. А. Степень воздействия дезинформирующего медиатекста // Политическая лингвистика. 2017. № 5. С. 136–142.

емо присутствует в оценках той или иной части текста. Однако ее вполне можно свести к минимуму, если один и тот же текст по этой схеме будут оценивать несколько человек, предварительно прошедших соответствующий инструктаж. Кроме того, этот механизм эффективен при оценке текстовых (в узком смысле этого слова) сообщений и не позволяет учесть нюансы теле- или радиоэфира.

В конечном итоге работа над созданием механизма оценки манипулятивного потенциала медиатекстов даст исследователям возможность более эффективно разрабатывать рекомендации по противодействию манипуляциям, а также сравнивать различные тексты (и даже издания!) между собой.

Казанцев Д.А. (Барнаул, АлтГУ)

РОЛЬ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ ШКОЛЬНИКОВ НА ПРИМЕРЕ АЛТАЙСКОГО КРАЯ⁴⁹⁵

Появление теории и практики анализа социальных сетей во второй четверти XX в. связано, в первую очередь, с ускоренным развитием социальных и математических наук, особый вклад в становление данной методологии внесли теория графов, социометрия и научные работы выдающихся ученых в области коммуникации. В рамках концепции считается, что общественная жизнь человека во многом продиктована его социальным окружением и связями, именно по этой причине анализ социальных сетей сосредотачивается на поиске алгоритмов и закономерностей во взаимоотношениях членов социума. Среди наиболее известных исследователей социальных сетей можно назвать Г. Зиммеля, Э. Дюркгейма, Д. Барнса, Я. Морено, С. Милгрэма, Ж. Делёза, М. Кастельса, Э. Гидденса и других. Один из этапов в развитии рассматриваемой теории связан с появлением интернета, а также последующим возникновением онлайн социальных сетей. В настоящее время изучение онлайн-среды и сетевых сообществ под тем или иным ракурсом проводят Д. Фишер, С. Бауш, Д. Бойд, Б. Веллман, К. Хэйтхортвайт, М. Ньюмен, Б. Хоган и другие.

В то же время, несмотря на высокий научный интерес к различным аспектам сетевого общества, роль онлайн социальных сетей в политической социализации современной российской молодежи до сих пор нуждается в более глубоком теоретическом осмыслении, особенно это касается такой мало исследованной социальной группы, как школьники. Решить эту задачу поможет последовательная оценка соотношения влияния формальных и неформальных, традиционных и цифровых агентов политической социализации учащихся школ, в том числе на региональном уровне.

Для изучения заявленной проблемы в мае 2019 г. был проведен кроссрегиональный массовый опрос учеников 6–11 классов (метод — анкетирование, объем выборки — 1102 учащихся, в Алтайском крае — 335 человек, выборка квотная) и в августе — эксплораторный анализ онлайн сообществ алтайских школьников в социальной сети «ВКонтакте» с помощью парсера «ТаргетХантер», анализирующего открытые данные.

Как показали результаты опроса, в качестве основного источника информации о политике учащиеся указали социальные сети и мессенджеры (73,6% респондентов), информационные интернет ресурсы (71,1%), затем — центральное телевидение (56,6%) и каналы межличностной коммуникации (родственники — 51,4%, друзья и знакомые — 51,3%). При этом научной литературой о политике пользуются лишь 7% респондентов. Тем не менее, по данным того же опроса, несмотря на то что более половины опрошенных школьников интересуются политикой, они имеют низкий или средний уровень информированности о политических событиях.

Особое любопытство вызывает структура агентов политической социализации респондентов. Так для 61,4% учеников главным представителем при обсуждении политических проблем остается семья, еще 38,7% прислушиваются к мнению друзей и сверстников о политике и 22,8% полагаются исключительно на свое собственное мнение, избегая авторитетов. Мнение известных политиков и общественных деятелей учитывают 22,7% школьников, учителей — 19,1%, СМИ — 19,1%.

Данные опроса подкрепляются эксплораторным анализом онлайн сообществ алтайских школьников в социальной сети «ВКонтакте» с помощью парсера «ТаргетХантер». На момент написания статьи платформой была собрана выборка в размере 74 тысяч человек. Анализ целевых сообществ и вступлений, в рамках которого определяются наиболее популярные для респондентов группы, показал, что среди 200 сообществ нет ни одного политического или околополитического, все они носят развлекательный характер. Инструменты «Популяр-

⁴⁹⁵ Исследование подготовлено в рамках поддержанного РФФИ научного проекта №19-011-31156 «Оптимизация государственной информационной политики в отношении детей и молодежи в условиях цифрового общества и трансформации процесса политической социализации школьников (на примере регионов Юго-Западной Сибири и Северного Казахстана)».

ные репосты», «Активности» выявили, что чаще всего школьники ставят «лайк» или копируют к себе на стену посты с розыгрышем призов, музыку, видеоматериалы и прочее.

Однако это вовсе не говорит о том, что традиционные агенты социализации утратили свое влияние на учащихся, или что они никак не проникают в сетевое пространство. В связи с этим, на следующем этапе исследования предлагается изучить наиболее популярные в «ВКонтакте» политические сообщества, просеив их через собранную программой выборку, подкрепив фокус-группой.

На данный момент все сказанное свидетельствует о том, что политическая социализация современных школьников трансформируется и становится более дискурсивной. Информация о политике черпается в основном из интернета и социальных сетей, но при этом обсуждение политических событий не носит целенаправленного, системного, публичного характера и происходит, судя по всему, преимущественно в латентном межличностном режиме, совпадая с наиболее резонансными политическими событиями.

Казаринова Д. Б. (Москва, РУДН)

РЕСЕНТИМЕНТ И ПОЛИТИКА

Современный этап политического развития отличается характерной чертой, которую Ф. Фукуяма в своей последней по времени книге выделяет как системообразующую. Он говорит о «политике ресентимента» (politics of resentment)⁴⁹⁶. Повсеместно в мире растет число людей, социальных групп, больших сообществ и даже целых народов, недовольных несправедливыми результатами глобализации, перераспределением благ между и внутри обществ, и имеющих возможность наблюдать эту несправедливость благодаря повсеместному распространению информационных технологий. Наиболее наглядно попытки преодолеть этот разрыв проявляются в малоправляемых миграционных потоках в страны Европы и в США. Но это касается далеко не только неблагополучных стран развивающегося мира, общества развитого мира также подвержены ресентименту.

Ресентимент в психологии и философии определяется как тягостное сознание тщетности попыток повысить свой статус в жизни или в обществе, неприятные чувства, враждебность к субъектам, которые воспринимаются как виновники несправедливости. Понятие ресентимента восходит в философии Ф. Ницше в связи с христианской религией, которая трактуется как «восстание в морали» через механизм ресентимента. Сегодня, в век постсекулярности, в качестве ответа на эффекты глобализации происходит новый ресентимент как в странах ядра мир-системы, так и ее периферии. Растет запрос на справедливость. И в свою очередь «идея справедливости становится своеобразным синонимом ресентимента»⁴⁹⁷.

Ресентимент рассматривается как групповой феномен, имеющий большой мобилизационный и объединительный потенциал. Значимой представляется мысль Слотердейка о том, что «капитализм как никакой другой социальный режим производит ресентимент через поощрение таких чувств, как ревность, надежда, ностальгия»⁴⁹⁸. Ресентимент — это проявление накопленной, подавленной обиды, неудовлетворенности обществом и властью и ощущение собственной непредставленности в политике. Долгое время неolibеральная доминирующая рациональность сдерживала это недовольство. В русле неolibерального дискурса с его политической корректностью многие социальные проблемы оставались в зоне умолчания. В рамках конвенциональной политики крайние мнения были маргинализированы. Но когда популистская волна открыла русло для всякого рода анти-настроений (антилиберальных, антимигрантских, антиевропейских, антиистеблишментских), этот поток уже было не остановить. Поэтому ресентимент «напоминает мину замедленного действия; его реактивность до поры до времени поддается контролю, может быть растянута во времени, отложена на будущее, до появления условий, более подходящих для выброса вовне накопившейся деструктивной энергии»⁴⁹⁹. Эта энергия канализируется политическими силами, лидерами и партиями, набирающими популярность во всем мире.

Ресентимент способен влиять на всех участников социального взаимодействия, на их мировоззрение, мотивационные структуры, ценностные ориентации и, конечно же, практическое поведение. Надо заметить, что разрастание ресентимента — это не только спонтанный процесс, но и результат политики идентичности, проводимой левыми силами в течение последних двух десятилетий. В условиях относительно решенных проблем

⁴⁹⁶ Fukuyama F. Identity: Contemporary Identity Politics and the Struggle for Recognition. London: Profile Books, 2018. P. 7.

⁴⁹⁷ Козлов Д. В. Массовое политическое поведение в современной России в свете концепции ресентимента // Полис. Политические исследования. 2017. N 1. С. 92. DOI: 10.17976/jpps/2017.01.08.

⁴⁹⁸ Козлов Д. В. Там же. С. 90.

⁴⁹⁹ Там же. С. 89.

социально-экономического характера и размывания в связи с этим идентичности социал-демократического движения, в развитых странах акцент был перенесен на политику ресентимента и апелляции к меньшинствам.

Сегодня вся левая политика занимается не столько классовыми социально-экономическими проблемами, сколько проблемами разного рода маргинализированных меньшинств. И расколы здесь даже более чувствительные, чем порожденные классовым антагонизмом. Актуальнейшим примером является социокультурный и ценностный раскол, порожденный Брекситом. Состояние британского общества характеризуется некоторыми как «холодная гражданская война». Нетерпимость к оппонентам по вопросу о судьбе страны значительно превышает любой другой вид предубеждений, существующих в британском обществе, в том числе расовых⁵⁰⁰. И эта ситуация уже меняет облик британского общества и британской политической системы, до недавнего времени одной из самых стабильных.

Казун А. П., Казун А. Д. (Москва, НИУ ВШЭ)

ПЕРСОНАЛИЗАЦИЯ МЕЖДУНАРОДНОЙ ПОВЕСТКИ ДНЯ: ВНИМАНИЕ СМИ G-20 К СТРАНАМ И ИХ ЛИДЕРАМ

Международные новости играют в современном мире заметную роль. Исследователи отмечают серьезное влияние международных новостей на представления населения о других государствах и народах, а также их важность при определении направлений международной политики.

В силу исторических, географических и экономических особенностей Россия активно участвует в различных международных процессах. В частности, она является полноправным членом «Большой двадцатки» (G20), элитного клуба, который определяет направление развития современного мира. В свете обостряющейся политической и экономической конкуренции на мировой арене происходит борьба между различными странами мира за повестку дня в СМИ. Согласно исследованиям, международные новости испытывают большее влияние государственной политики, чем освещение внутренних событий, а доминирующие идеологические установки могут привести к предвзятости медиаконтента о других странах. СМИ нередко конструируют образ отдельных государств как «провокаторов» на мировой арене, не уделяя при этом внимания мотивам представителей этих стран. Поскольку международные новости не позволяют странам-«провокаторам» оправдаться, представленными оказываются не все точки зрения.

В настоящей статье анализируются публикации в пяти ведущих печатных изданиях каждой из стран Большой двадцатки (G20) за 2018 г. На основе ресурса Factiva, содержащего тексты публикаций 35 тысяч СМИ из 159 стран мира, была собрана база данных о числе взаимных упоминаний стран мира в национальной прессе на 13 языках. Мы закодировали количество взаимных упоминаний стран G20 в ведущих печатных СМИ. Подобная база данных была создана также для упоминания национальных лидеров во всех странах G20. В общей сложности было проанализировано 2,2 млн. статей. На основе созданных матриц с взаимными упоминаниями стран G20 и их лидеров были построены сети: в центре сети находятся страны или лидеры, которые чаще упоминаются в ведущих зарубежных печатных СМИ, а на периферии — те, кто реже упоминаются в средствах массовой информации.

Существующая литература указывает на то, что глобальный поток новостей можно в целом объяснить экономическими факторами (ВВП, торговля и т. д.). Мы показываем, что ситуация более сложная: интерес к некоторым странам можно в значительной степени объяснить экономическими факторами, тогда как интерес к другим странам зависит от политических факторов (например, участия в международных конфликтах, уровня демократии и т. д.). Например, Россия занимает 7 место в глобальной повестке дня и, если принять во внимание размер ВВП, получает сравнительно более высокое внимание чем страны с аналогичным размером экономики. Таким образом, внимание к России обусловлено скорее неэкономическими факторами. В свою очередь наша страна выделяется большим вниманием прессы к международным событиям и в особенности к событиям в США.

Сетевой анализ выявил наличие асимметрии в количестве упоминаний стран и числа упоминаний их лидеров. Прежде всего, необходимо отметить большой разрыв между странами. Самая обсуждаемая страна G-20 (США) получает в 23 раза больше внимания, чем наименее обсуждаемая страна данного объединения (ЮАР). Для национальных лидеров эта разница гораздо существеннее — 109 раз. Внимание СМИ к национальным лидерам стран в значительной степени объясняется не экономическими, а политическими факторами.

⁵⁰⁰ <https://globalaffairs.ru/global-processes/Boris-boris-20108> (дата обращения 12.08.2019).

РОССИЙСКИЕ ПАРТИИ И ГОСУДАРСТВЕННАЯ ВЛАСТЬ: ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ ДИЗАЙН, ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРАКТИКИ

Институт политических партий, сформировавшийся в постсоветский период, стал неотъемлемым компонентом российской политической системы, основанной на демократических принципах, нормах и процедурах. Вместе с тем следует отметить, что роль партий в российской политике отличается от таковой в странах с развитой демократией в силу особенностей институционального дизайна и сложившихся политических практик. Рассмотрим, каким образом институциональный дизайн, в частности, форма правления и установившееся в ее рамках взаимодействие партий с федеральными органами власти определили их специфическое положение в политической системе. И. И. Кузнецов отмечает, что институциональный дизайн российской политической власти закреплен не только на уровне конституционных норм. Среди факторов, играющих важную роль, он называет законодательство о выборах, нормы, закрепляющие создание и функционирование партий, общественных организаций⁵⁰¹.

КПСС, партия, монополюбно осуществлявшая власть, сросшаяся с государственным аппаратом, выступала в роли основы общественно-политической системы СССР. Очевидно, что одной из ключевых задач институционального дизайна, призванного обеспечить переход политической системы от тоталитаризма к демократии, было преобразование института политических партий, что предполагало, во-первых, переход от однопартийности к многопартийности и, во-вторых, отделение партийных структур от органов государственной и муниципальной власти.

Отмена 6 статьи Конституции СССР «О руководящей и направляющей роли КПСС» в 1990 г. сняла юридический запрет на многопартийность. Вопрос отделения партийных структур от органов государственной власти в последние месяцы существования СССР был решен радикально: после провала августовского путча 1991 г. деятельность КПСС и КП РСФСР были приостановлены сначала на территории РСФСР, а затем коммунистическая партия была объявлена вне закона на территории всего СССР.

Институциональный дизайн государственных органов власти после принятия Конституции РФ 1993 г. привёл к формированию смешанной республики с сильной президентской властью⁵⁰². О смешанном характере формы правления свидетельствует необходимость одобрения кандидатуры премьер-министра Государственной Думой, а также двойной подотчетностью правительства — как перед президентом, так и перед парламентом. В соответствии с нормами Конституции РФ партии, составляющие парламентское большинство, получили потенциальную возможность влиять как на состав правительства, так и на его курс, однако в соответствии с установившимися политическими практиками, правительство, возглавляемое лидером партии «Единая Россия», проводит политический курс беспартийного президента, а не парламентского большинства. Беспартийный статус президента, не имеющий юридического закрепления, установился в России качестве политической традиции.

В период 1993–1999 Государственная Дума лишь однажды смогла повлиять на назначение премьер-министра, отклонив кандидатуру В. Черномырдина и одобрив компромиссную фигуру Е. Примакова в 1998 г. В остальных спорных ситуациях депутаты нижней палаты предпочитали одобрять кандидатуру премьер-министра и избегали вынесения вотума недоверия правительству, рассматривая возможный сценарий досрочных парламентских выборов как нежелательный. С декабря 2003 г. одобрение предложенных кандидатур на пост премьер-министра и взаимодействие с правительством обеспечивало пропрезидентское парламентское большинство, сформированное партией «Единая Россия».

Несмотря на то, что премьер-министр Д. Медведев возглавляет партию «Единая Россия», партийный статус правительства не декларируется, в официальных источниках нет обобщенных сведений о партийной принадлежности федеральных министров.

Итак, в соответствии с конституционными нормами, российские партии могли бы иметь значительно большее влияние на высшую исполнительную власть. Смешанная форма правления, возникшая в ходе институционального дизайна, обеспечивающего демократический транзит, предоставляет политическим партиям, составляющим парламентское большинство, потенциальную возможность оказывать влияние на состав правительства и проводимый им курс. Однако данная возможность не реализована по нескольким причинам. Во-первых, в соответствии со сложившимися политическими практиками, кандидатуры на должность премьер-министра,

⁵⁰¹ Кузнецов И. И. институциональный дизайн российской власти: влияние внешних факторов становления формы правления // Политическая наука. 2016. № 5. С. 228.

⁵⁰² См., например: Медушевский А. Н. Смешанная форма правления: новейшие тенденции развития во Франции и в России // Политическая наука. 2014. № 1. С. 51–68.

предложенные президентом, безоговорочно утверждаются; во-вторых, парламентское большинство не влияет на состав правительства, в-третьих, правительство, возглавляемое лидером партии «Единая Россия», реализует политический курс, определяемый беспартийным президентом.

Каплуненко А. М. (Санкт-Петербург, СПбГУ)

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ МОДЕЛЕЙ ПУБЛИЧНОГО УПРАВЛЕНИЯ, ОСНОВАННЫХ НА КОНЦЕПЦИЯХ NEW PUBLIC MANAGEMENT, GOOD GOVERNANCE, ALGORITHMIC GOVERNANCE⁵⁰³

Публичное управление в настоящее время переживает определенные перемены: происходит материально-техническое и технологическое усовершенствование. С развитием индустрии ИТ появляется все больше возможностей для хранения, обработки и передачи данных, что позволяет постепенно переводить процессы взаимодействия органов государственной власти, бизнеса и населения в цифровую среду.

Автор полагает, что понимание перспектив цифровизации публичного управления невозможно без учета и сравнения существующего опыта применения моделей публичного управления, основанных на концепциях New Public Management (NPM), Good Governance (GG). Данные модели связаны друг с другом линейно, т. е. с 1990-х гг.⁵⁰⁴ они разрабатывались именно в том порядке, как указано выше, и каждая новая модель с одной стороны содержательно дополняла предыдущую, а с другой исключала отдельные принципы старой модели⁵⁰⁵. В сравнении также участвовала модель Algorithmic Governance (AG), функционирование которой базируется на использовании продвинутых технологий передачи и обработки данных, а не дополняется ими как в предыдущих моделях⁵⁰⁶.

Цель сравнительного исследования — выяснение тенденций эффективного взаимодействия государства и граждан на основе сравнения структурных особенностей и степени внедрения современных моделей публичного управления в общественную практику.

Теоретическая база исследования включает в себя работы исследователей отдельных моделей публичного управления (К. Худа, Т. Геблера, Д. Осборна, Е. А. Поспеловой, М. В. Казаковой, Р. М. Гиссельквист, Дж. Данахера, А. Гриффитса, К. Еунг и др.) и авторов сравнительных исследований (С. Осборна, Э.-Х. Клина, Д. Г. Краильникова и др.).

Методология сравнения моделей публичного управления основывается на анализе работ вышеуказанных авторов и выделении критериев уникальности и эффективности. Первые включают в себя механизм функционирования, ресурс и ключевые условия функционирования моделей. К критериям эффективности отнесены преимущества, уязвимости и степень внедрения моделей в практику государственного управления.

В ходе сравнения моделей по критериям уникальности были сделаны следующие выводы. Во-первых, структурные условия, при которых модели публичного управления должны работать, предполагают развитость горизонтальных связей между агентами публичной политики, принятие бюрократическим аппаратом роли модератора в процессе формирования повестки дня. Во-вторых, для всех трех моделей основополагающим является разделение вопросов политики и администрирования. В-третьих, с учетом линейной зависимости моделей можно наблюдать тенденцию увеличения доли и усложнения природы цифровых технологий (от локальных интерфейсов электронных сервисов до сетевых сообществ, алгоритмов и самообучающихся систем) в организации механизмов их функционирования и ресурсов. Модели GG и AG технологически зависимы в большей степени, что обусловлено общими требованиями их функционирования (открытость данных, взаимная подотчетность участников, оперативная обработка запросов, автоматизация и цифровизация процессов).

Сравнение моделей в рамках критериев эффективности показало, что основными векторами развития преимуществ моделей являются увеличение скорости принятия решений (алгоритмизация и улучшенная обработка данных) и расширение круга возможностей гражданского участия. Уязвимости и недостатки моделей публичного управления развиваются в сторону усиления гражданского недоверия технологически более слож-

⁵⁰³ Работа выполнена по гранту РНФ 19-18-00210 «Политическая онтология цифровизации: исследование институциональных оснований цифровых форматов государственной управляемости».

⁵⁰⁴ Osborne D., Gaebler T. Reinventing government: how the entrepreneurial spirit is transforming the public sector. New York: Addison-Wesley, 1992. 420 p.

⁵⁰⁵ Klijn E.-H. New Public Management and Governance: a comparison / Levi-Faur D. (ed.) // The Oxford Handbook of Governance. Oxford: Oxford University Press, 2012. Pp. 201–214.

⁵⁰⁶ Danaher J. The threat of algocracy: reality, resistance and accommodation // Philosophy and Technology. 2016. Vol. 29 (3). September. Pp. 245–268.

ным процедурам принятия решений (проблемы «черного ящика» и защиты личных данных). Степень имплементации рассматриваемых моделей на сегодняшний день характеризуется тем, что в зависимости от уровня социально-экономического и демократического развития страны модели в разной степени внедрены в государственную практику: в США, Новой Зеландии, Австралии, Великобритании и скандинавских странах принципы NPM реализуются успешнее, чем в большинстве европейских стран и стран азиатско-тихоокеанского региона (за исключением Сингапура, Японии и Малайзии). Модели GG и AG реализуются только в развитых странах на уровне отдельных принципов, т. к. требуют определенного уровня готовности государства к цифровым модернизациям.

Кардава Н. В. (Москва, НИУ ИМЭМО им. Е. М. Примакова РАН)

ПОЛИТИКА ОБЕСПЕЧЕНИЯ КИБЕРБЕЗОПАСНОСТИ В ЕВРОПЕЙСКОМ СОЮЗЕ: НОВЫЕ ВЫЗОВЫ И ОТВЕТЫ

Одним из важных положительных особенностей европейского подхода в области кибербезопасности является последовательная и целенаправленная политика, направленная на нахождение баланса между национальной и наднациональной компетенциями. Общеввропейские структуры, как правило, не подменяют собой национальные ведомства, но являются координирующими центрами, предоставляют информационную, экспертную и техническую поддержку.

В то же время вызовы в области кибербезопасности для стран ЕС постоянно возрастают. Так, по данным, приведенным главой Европейской Комиссии Жан-Клодом Юнкером в 2016 г., 86% европейцев считали, что риск стать жертвой киберпреступников растет. В докладе Европейской Комиссии говорится, что в 2016 г. 80% европейских компаний сталкивались по крайней мере с одним случаем, связанным с нарушением кибербезопасности. В 2016 г. число атак со стороны вымогателей достигло 4000. Все эти явления и вызовы отчасти связаны с тем, что европейцы доверяют цифровым технологиям, подчас чрезмерно. Эти технологии открывают перед гражданами новые возможности для установления связей, содействия распространению информации и формирования основы европейской экономики. Однако они также создают новые риски, поскольку негосударственные и государственные субъекты все чаще пытаются украсть данные, совершить мошенничество или даже дестабилизировать в разных странах работу правительств и политическую ситуацию в целом⁵⁰⁷. Такие сектора, как транспорт, энергетика, здравоохранение и финансы, становятся все более зависимыми от сетей и информационных систем для ведения своего основного бизнеса. Это делает их уязвимыми для кибератак и других преступлений в киберпространстве.

Проблема соотношения национальных и наднациональных стратегий в области кибербезопасности заключается в том, что страны ЕС заметно разобщены по уровню технологического и социально-экономического развития. На наднациональном уровне Европейский союз не оказывает напрямую техническую помощь государствам-членам, но призывает их к применению передовых практик. ЕС также сталкивается с проблемой дублирования функций в области кибербезопасности с такой влиятельной международной военной-политической организацией, как НАТО.

Несмотря на множество законодательных и других актов ЕС в области кибербезопасности, а также на создание различных национальных и наднациональных органов, система мер по обеспечению кибербезопасности в настоящее время недостаточно сформирована, и недостаточно эффективна. Одна из основных причин заключается в том, что руководство ряда европейских государств лишь за последние годы приняло решение реализовать единую политику в области кибербезопасности. Помимо этого, важным обстоятельством, мешающим проведению единой согласованной политики, является то, что члены ЕС существенно различаются по экономическим, техническим и военным возможностям. Поэтому одни страны ЕС (как, например Германия, Норвегия или Швеция) более развиты в области кибербезопасности и киберзащиты, чем другие (например, Греция или Бельгия). Система защитных мер в области кибербезопасности на национальном и наднациональном уровне интенсивно развивается, но при этом сталкивается с многочисленными трудностями в согласовании решений и в выработке единой политики обеспечения кибербезопасности. Очевидно, что эта политика нуждается в дальнейшем совершенствовании. Тем не менее опыт обеспечения кибербезопасности в странах ЕС может быть весьма полезен для Российской Федерации и для стран ЕАЭС в плане разработки нормативных актов и подходов к согласованию мер по обеспечению кибербезопасности на межрегиональном и межстрановом уровнях.

⁵⁰⁷ Resilience, Deterrence and Defence: Building strong cybersecurity in Europe. (European Commission, State of the Union), 2017.

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ПОЛИТОЛОГИЯ В ЕВРОПЕЙСКОМ СОЮЗЕ

40-летний юбилей Европейского консорциума политических исследований (ЕКПИ), ведущей организации в области сравнительной политологии в современной Европе, отмечавшийся в 2010 г., вызвал новую волну рефлексии об истоках, современном состоянии и перспективах европейской компаративистики.

В частности, вопросам состояния дисциплины посвящен специальный выпуск журнала «Европейская политическая наука», в котором ведущие современные политологи размышляют о настоящем и будущем европейской сравнительной политологии, развитии сравнительных исследований и образования, методологических проблемах и практических вызовах дисциплине⁵⁰⁸. Кроме того, издательство ЕКПИ выпустило в дополнение к истории Консорциума двухтомник «Лидеры политической науки», посвященный политологам, внесшим значительный вклад в развитие дисциплины⁵⁰⁹.

Как показывает анализ новейших работ, в мировом политологическом сообществе осознается необходимость переосмысления сравнительной политологией собственной интеллектуальной традиции, творческого развития этой традиции новыми поколениями компаративистов. Это, в свою очередь, требует исследований в той области, которую американский политолог-компаративист Ричард Снайдер называет «человеческим измерением сравнительной политологии»⁵¹⁰. Важность этих исследований обусловлена тем, что анализ субъективного измерения политической науки на материале опыта конкретных исследователей способствует пониманию того, от чего зависит развитие дисциплины в целом.

Отмечая необходимость изучения человеческого измерения сравнительных исследований, Ричард Снайдер обращает внимание на то, что «как показывают профессиональные публикации, исследования в социальных науках построены в безличном ключе и игнорируют самих исследователей. Когда студенты читают ведущие работы по сравнительной политологии, для них часто остаются непостижимыми мысли, чувства и переживания авторов, они не замечают «движущие силы» исследовательского процесса»⁵¹¹.

Несмотря на отдельные важные достижения, в современной политологической литературе теме субъективного, человеческого измерения политических исследований по-прежнему уделяется мало внимания. В частности, в упомянутом двухтомнике о лидерах политической науки отмечается наличие пробела, вызванного чрезмерным перекосом в сторону конкретных тем и сюжетов, состоянию дисциплины и ее разделов как таковых, при недостатке внимания к самим исследователям, которые формируют политическую науку.

Между тем, недостаток внимания к вопросам истории дисциплины и ее достижений опасен «профессиональной амнезией, лишаящей нас вдохновляющих моделей интеллектуальных достижений»⁵¹². Профессиональная амнезия проявляется в том, что «несмотря на важную роль, которую сыграли прежние, в том числе классические, исследования лучших современных ученых, сравнительная политология имеет короткую профессиональную память»⁵¹³. В результате многие достижения ведущих ученых, внесших значительный вклад в становление дисциплины, оказываются неизвестными нынешним поколениям политологов. О важности профессиональной памяти говорят ведущие политологи, в частности Габриэль Алмонд и др.

Одним из первых компаративистов, внесших ощутимый вклад в развитие интеллектуальных биографий в сравнительной политологии, является известный нидерландский политолог, один из отцов-основателей современной европейской политологии Ханс Даальдер. Он отредактировал сборник «Сравнительная европейская политика: история профессии», который пролил свет на многие важные детали становления послевоенной сравнительной политологии в Европе и США, особенности карьер ведущих политологов и исследователей-компаративистов⁵¹⁴. Следующий шаг сделали Мунк и Снайдер в серии интервью с лидерами сравнительной политологии, в результате чего были эмпирически выявлены характеристики, благоприятствующие успешной карьере⁵¹⁵.

Между тем, существующие исследования охватывают в основном представителей поколения отцов-основателей современной сравнительной политологии, которые начинали свою деятельность в послевоенный период. Значительно меньше внимания уделяется анализу субъективных аспектов работы более молодых поко-

⁵⁰⁸ European political science. Vol. 9, N 81. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2010.

⁵⁰⁹ Masters of political science / Ed. by Campus D., Pasquino G. Colchester, UK: ECPR Press, 2009; Maestri of political science / Ed. by Campus D., Pasquino G., Bull M.L.: Routledge: ECPR Press, 2011.

⁵¹⁰ Snyder R.O. The human dimension of comparative research // Munck G.L., Snyder R.O. Passion, craft and method in comparative politics. Baltimore, Maryland: The Johns Hopkins University Press, 2007. P. 1–31.

⁵¹¹ Ibid. P. 1.

⁵¹² Ibid. P. 28–29.

⁵¹³ Ibid. P. 27.

⁵¹⁴ Daalder H. Introduction // Comparative European politics: the story of a profession / Ed. by Daalder H. N.Y.: Continuum, 1999. P. 1–14.

⁵¹⁵ Munck G.L., Snyder R.O. Ibid.

лений европейских политологов-компаративистов. Новые поколения политологов-компаративистов начали свою карьеру в условиях оформленного профессионального сообщества, высокоразвитых институциональных структур, в том числе для использования современных методов сравнительных исследований.

Исходя из этого, предпринимается попытка анализа традиции, заложенной выдающимся норвежским компаративистом Стейном Рокканом и его коллегами, развития этой традиции последующими поколениями политологов. Это предполагает определение роли роккановского наследия как в исследовательской работе, ее методологии и методике, так и в других важных областях деятельности компаративиста, успешное сочетание которых отличало научный стиль Стейна Роккана.

В связи с этим необходимо выделить, прежде всего, преподавательскую, организационную, редакционную, консультативную, популяризаторскую, коммуникативную, инфраструктурную и др. виды деятельности политологов, которые анализируются в плане их соотношения с роккановской традицией, а также в контексте роли организаций в развитии этой традиции — центров перспективных исследований и исследовательских университетов.

Карушева Ю. М. (Москва, ВЦИОМ; Иваново, ИвГУ)

ОБРАЗ РОДИНЫ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ ШКОЛЬНИКОВ (НА ПРИМЕРЕ ШКОЛЬНЫХ УЧЕБНИКОВ)

Образ Родины является значимой составляющей воспитания современного школьника. Как указывается в Федеральных государственных образовательных стандартах для школы, одним из личностных результатов освоения образовательной программы является патриотичная личность, любящая свой край и Родину, испытывающая чувство гордости и ответственности за нее⁵¹⁶.

Политическая социализация, как и многие другие виды социализации, начинается с детского возраста, что оказывает значительное влияние на становление человека, поскольку дети сохраняют свою чувствительность к усвоению нужных государству политических представлений⁵¹⁷. В связи с этим полученные в детском возрасте политические ориентации оказывают влияние на дальнейшую социализацию уже во взрослом периоде⁵¹⁸.

Образ Родины используется в политической социализации школьника, поскольку с помощью данного символа через образовательные программы детям передаются знания о стране, её географическом, политическом и культурном устройстве. Образная составляющая конструкта «Родина» помогает переводить знания в смысл, он объясняет детям уникальность и ценность их страны⁵¹⁹.

В качестве материалов исследования были выбраны 68 школьных учебников, рекомендованных Министерством просвещения РФ для средней и старшей школы по таким гуманитарным дисциплинам как обществознание, история России, русский язык, литература.

Анализ учебников позволил выделить когнитивный, аффективный и поведенческий компоненты образа Родины.

Когнитивный компонент образа Родины выражается в том, что его составляют такие элементы как, во-первых, территория страны, а, во-вторых, люди, ее населяющие.

В учебниках прослеживается разделение на большую и малую родину. Образ малой родины создается через описание ландшафтных и культурных особенностей определенного региона, известных личностей, выросших там; большой родины — через указание на огромную территорию страны, ее природного и национального многообразия. Такое разделение, однако, имеет ограничение в связи с тем, что поскольку мы анализируем учебники, по которым учатся по всей России, их содержание не меняется от региона к региону. Можно сказать, что даже при обращении к примерам малой родины через учебники формируется образ большой родины, объединяющей все население страны. Конструируется общее понимание большой родины через ознакомление с разнообразными природными, культурными, административными характеристиками России.

Аффективный компонент заключается в стремлении авторами учебников воспитать в школьниках чувства любви к Родине, причем эта любовь обязательно должна выражаться в действиях, чувства долга перед Родиной, а также гордости, уважения и ответственности за нее.

Поведенческий компонент раскрывается в действиях в мирное и военное время. Действия в мирное время заключаются в необходимости труда на благо Родины, сохранения и приумножения ее богатств, заботе о Роди-

⁵¹⁶ Об утверждении и введении в действие Федерального государственного образовательного стандарта среднего общего образования: Приказ Министерства образования и науки РФ от 6 окт. 2009 г. №413 // URL: <https://fgos.ru/> (дата обращения: 14.05.2019).

⁵¹⁷ Политическая социализация российских граждан в период трансформации: монография / Под ред. Е. Б. Шестопал. М.: «Новый Хронограф», 2008. С. 158.

⁵¹⁸ Greenstein F. Children and Politics / Political socialization. Edited by Greenberg E. S. New York: Atherton Press, 1970. P. 58–60.

⁵¹⁹ Щербинин А. И. Конструирование образа (на примере выстраивания концепта Родины) // АртМаркетинг, 2009. №4 (28). С. 25.

не. В военное время, как указывают авторы учебников, необходимо самоотверженно защищать Родину, бороться с врагами за ее освобождение.

Таким образом, мы видим, что школьные учебники играют важную роль в конструировании образа Родины в политической социализации школьника.

Карякин В.В. (Москва, Военный университет МО РФ)

ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ГЕОПОЛИТИЧЕСКАЯ РЕГИОНАЛИСТИКА: РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОСТРАНСТВА В ПАРАДИГМАЛЬНОЙ СИСТЕМЕ КООРДИНАТ

Рассмотрев общие свойства политической и геополитической регионалистики, мы можем обозначить их особенности, определяемые объектами исследований: для политической регионалистики — это динамика развития регионов внутри государства и их взаимоотношения с центральной властью данного государства, а для геополитической регионалистики — отношения субъектов международной политики в масштабе отдельного региона, которые представлены в таблице 1.

Таблица 1.

Сравнительные характеристики политической и геополитической регионалистики

Параметры сравнения	Политическая регионалистика	Геополитическая регионалистика
Цели исследований	Государственная региональная политика, как одно из направлений внутренней политики, проводимой центральной властью в отношении подчинённых Центру субъектов.	Соперничество региональных держав за сферы влияния, лидерство и доступ к природным ресурсам. Расширение зоны политического и конфессионального доминирования.
Формы реализации	Региональная политика государства — это система наиболее значимых целей в политике государства, позволяющих обеспечить баланс отношений «Центр—регионы» на обозримую перспективу, гармонизация отношений на всех уровнях территориально-политической иерархии и снижение конфликтности отношений как по вертикали (между центром и регионами), так и по горизонтали (между территориальными сегментами).	Соперничество в многомерном геополитическом пространстве: географическом; культурно-конфессиональном; информационном; экономическом и демографическом, за ресурсы, экономическое и военно-политическое влияние.
Методы реализации	— гармонизация отношений «Центр—периферия»; — социальные лифты для региональных элит; — силовое принуждение; — миграционная политика; — расширение конфессионального и культурного влияния.	— «гибридные войны» между субъектами региональной политики как реализация стратегий не прямых действий и «мягкой силы»; — создание «управляемого хаоса» и «контролируемой нестабильности с целью организация «цветных революций» для смены политических режимов; — расширение влияния неправительственных организаций; — мобилизация «пятой колонны», «шестой колонны» и несистемной оппозиции для смещения действующего режима; — «гуманитарные интервенции» как новая форма экспансионизма; — информационно-психологические и когнитивные операции для реформирования сознания населения; — проведение силовых и миротворческих операций; — захват, покупка и обмен территориями; — вассализация государств и установление внешнего управления; — борьба за доступ к морю как уничтожение территориальной замкнутости государства.
Направления исследований	1. Сохранение территориальной целостности государства. 2. Контроль со стороны Центра и баланс полномочий. 3. Гармонизация отношений между регионами.	Формы и способы реализации региональной геополитической реальности в условиях применения стратегии территориальных экспансий, поиск новых форм сотрудничества, соперничества и конфронтации, а также использование религиозной идентичности как ускорителя геополитических процессов.

Базовую дефиницию политической регионалистики можно сформулировать как исследование форм социально-культурной и политической самоидентификации территориальных сообществ, проявляющихся в идеях, настроениях, действиях, намерениях, направленных на сохранение самобытности региона в целях повышения его статуса в государственной системе вплоть до приобретения автономии в рамках отдельного государства или, в случае обострения отношений с Центром, до стремления к созданию независимого государственного образования.

В свою очередь, базовую дефиницию геополитической регионалистики можно сформулировать как исследование межгосударственных отношений в рамках отдельного региона в вопросах достижения регионального лидерства, обретения территорий регионального геополитического пространства, легитимации данного приобретения и создании инфраструктурных элементов в целях освоения как традиционных (территориальных, ресурсных, экономических, финансовых, демографических), так и новых геополитических пространств (конфессиональных, информационных, культурных и когнитивных), приобретающих особую значимость в эпоху глобализации.

В заключение следует отметить, что на основе рассмотренной системы можно сформулировать обобщённое определение парадигмы политической и геополитической регионалистики, как сочетание парадигмы силовой экспансии классической геополитики с неклассической парадигмой «мягкой силы» и непрямых действий, а также парадигмой постнеклассической геополитики, отражающей применение информационно-сетевых технологий для создания «управляемого хаоса», в ходе борьбы субъектов региональной политики за доминирование (влияние) в многомерном геополитическом пространстве с целью овладения природными, демографическими и территориальными ресурсами государств, узловыми точками логистических и информационных сетей, а также военно-стратегическими плацдармами для последующего их использования в своих интересах.

Касымов Р. Ш (Казань, КФУ)

ПЕРВИЧНЫЕ ВЫБОРЫ КАК МЕХАНИЗМ ОТБОРА ПАРТИЙНЫХ КАНДИДАТОВ: РОССИЙСКИЙ ОПЫТ

Политические партии используют множество механизмов и способов для отбора кандидатов для участия в выборах различного уровня. В последнее время первичные выборы стали частью российского политического процесса, поскольку ведущая российская партия «Единая Россия» стала использовать данный механизм как важнейший элемент своей предвыборной компании. Исходя из этого изучение российского опыта применения первичных выборов имеет как научное, так и прикладное значение.

Первичные выборы являются не только механизмом отбора и выдвижения партийных кандидатов, но и элементом внутрипартийной демократии. Российские политические партии используют разнообразные методы отбора и выдвижения кандидатов, что отражает общемировую практику. Самый простой способ типологизации способов отбора кандидатов заключается в использовании критерия инклюзивности селектората. Использование партией первичных выборов представляет собой высокий уровень инклюзивности, выдвижение кандидатов съездом партии — средний уровень, а выдвижение кандидатов с помощью решений центрального партийного бюро или единоличным решением лидера партии — низкий уровень инклюзивности. Исследователи отмечают, что большинство партий в демократических странах не используют первичные выборы. Это связано в первую очередь с тем, что организация массовых внутрипартийных выборов это крайне дорогостоящее мероприятие, требующее значительных финансовых и кадровых ресурсов.

Российские политические партии долгое время использовали централизованные методы отбора и выдвижения кандидатов. В 2007 году «Единая Россия» впервые ввела первичные выборы как метод отбора кандидатов для выдвижения их на выборы в Государственную Думу V созыва. Процедура первых широких внутрипартийных выборов представляла из себя «голосования собраниями». Модель первичных выборов 2007 года можно назвать закрытой. Первичные выборы «Единой России» перед общенациональной избирательной компанией 2011 года содержали иной состав селектората. Право выбирать кандидатов получили представители Общероссийского народного фронта, которые должны были составлять не менее 50% от общего числа выборщиков — участников собраний. Расширение селектората стало устойчивой тенденцией первичных выборов «Единой России». Низкие электоральные результаты «Единой России» в 2011 году стали одной из причин дельнейшего расширения селектората. Начиная с 2012 года «Единая

Россия» стала использовать несколько моделей первичных выборов. При этом каждое отделение партии в субъекте РФ было в праве выбрать для проведения первичных выборов одну из четырех моделей, отличающихся степенью открытости.

Выборы 2016 года стали итогом эволюции процедуры отбора. Все кандидаты «Единой России» должны были пройти процедуру праймериз. Данное правило получило распространение и на кандидатов на выборах представительных органов власти субъектов федерации. Правом голосовать на праймериз наделили всех граждан России. Первичные выборы как метод отбора кандидатов использовали также некоторые правые либеральные партии. Однако они ограничились интернет-голосованием («ПАРНАС») или методом «опроса» электората на улице («Яблоко»).

Первичные выборы для «Единой России» выполняют несколько значимых функций. Во-первых, это рекрутирование новых кадров. На праймериз приходят молодые новые лица. В ходе дебатов партийный аппарат выявляет наиболее перспективных и способных. Во-вторых, праймериз мобилизует электорат. Партия мобилизует своих приверженцев, закрепляет установки голосовать за кандидатов от партии. В-третьих, партия повышает узнаваемость партийного бренда и партийных кандидатов. Наиболее обеспеченные кандидаты инвестируют деньги в избирательную кампанию, покупают рекламу. Данный процесс не регулируется российским законодательством — это внутрипартийные выборы. Таким образом, партия начинает предвыборные мероприятия до начала официальной избирательной кампании.

Первичные выборы «Единой России» становятся значимым событием не только внутрипартийной жизни, но и для всего политического процесса. Оппозиционные партии не могут позволить себе проводить подобные мероприятия в силу отсутствия необходимых ресурсов. В будущем во внутрипартийной демократии будет повышаться роль интернет-технологий. Внутрипартийный отбор кандидатов станет полигоном для апробирования предвыборных технологий российских партий. Использование внутрипартийных выборов — это позитивный шаг, он добавляет публичности процессу отбора партийных кандидатов.

Кашина Е. А. (Москва, МГУ им. М. В. Ломоносова)

К ВОПРОСУ О ГЕНЕЗИСЕ БИПОЛЯРНОСТИ СОВРЕМЕННЫХ ПОДХОДОВ К ЗАЩИТЕ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА И ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ РАЗВИВАЮЩИХСЯ СТРАН

Судьба принятия Всеобщей декларации прав человека была тяжелой в связи с историческим контекстом холодной войны (1947–1991 гг.). Жесткая идеологическая борьба между капиталистическими и коммунистическими блоками не позволили ратифицировать и принять единый договор о правах человека с целостным взглядом. Естественное разделение прав на негативные (требующие бездействия по отношению к индивиду) и позитивные (требующие вмешательства со стороны государства) стало основой разделения на два подхода, соответствующих разному видению в области права. Создание двух разных комитетов: комитета по социальным и экономическим правам и комитета по правам человека, не позволило ВДПЧ стать по-настоящему универсальной.

В силу долгого институционального противостояния по повестке прав человека данная повестка еще во времена холодной войны была замещена международным сообществом на компромиссную тему глобального развития. Такая динамика не способствовала универсализации и продвижению понятия прав человека ни в развитых, ни в развивающихся странах.⁵²⁰ Поддержание разработчиками и создателями теории модернизации понятия глобального экономического развития определило политику международных организаций (ООН, Всемирного банка, МВФ) и правительств развивающихся стран. ВВП и его динамика стали решающими показателями в оценке эффективности государственного управления. Согласно работе С. Кузнецова⁵²¹, опубликованной в 1955 г., правительства не должны нацеливаться на улучшение прав человека как таковое, тогда как прогресс в области прав человека должен наступить естественным образом после достижения порогового уровня доходов.

Знаменитые критики теории глобального развития и сторонники прав человека Д. Доннелли, А. Сен, У. Истерли, Д. Стиглиц, предлагают другие метрики для измерения понятия развития. Эти авторы предложили сделать понятие развития менее западным, с доминирующими политическими и гражданскими правами,

⁵²⁰ Hertel T., Winters L. Poverty and the WTO: impacts of the Doha Development Agenda. Palgrave Macmillan. The World Bank. 2006.

⁵²¹ Economic growth: Brazil, India, Japan. Edited by Simon Kuznets, Wilbert E. Moore, and Joseph J. Spengler. Durham, N. C.: Duke University Press, 1955. P. 3.

и более восточным, с уважением к социальной защите людей. Права человека в рамках культурного релятивизма понимаются через призму культуры (африканской, азиатской, исламской) в противовес западному культурному империализму.⁵²² Про длительные традиции социальной защиты в Африке, Азии, на Ближнем Востоке, в СНГ и ЦВЕ говорит их многовековая политическая культура, сформированная до установления неолиберальных режимов.

Согласно С. Хантингтону, интенсифицирующиеся межцивилизационные конфликты основаны на различии представлений об отношениях между Богом и человеком, государством и гражданином, свободы и власти, равенства и иерархии, распределении прав и обязанностей⁵²³. Соответственно восприятие прав человека на уровне государств в развивающихся странах имеет свои цивилизационные аспекты. Так вопросы прав на свободу слова, свободу самовыражения, свободу печати, запрет цензуры, свободу собраний, права голодовать являются высшей ценностью для развитых стран, тогда как вопросы социальной защиты, например, от безработицы, а также вопросы обеспечения жильем, едой, водой, чистой окружающей средой и инфраструктурой наиболее актуальны для развивающихся стран.

Таким образом, повестка дня с риторикой о правах человека, делящая весь мир на две категории стран и усиленное биполярным миропорядком в современном мире переместилась, во-первых, на риторику глобального развития, во-вторых, на доминирование отстаивания политических и гражданских прав человека и западный культурный империализм, что способствовало росту экономического неравенства в развивающихся странах. Наряду с этим политические традиции многих развивающихся стран подразумевают экономическую поддержку населения государством и общиной. Тем самым, соблюдая рекомендации международных институтов для получения международных кредитов и международной помощи и проводя структурные реформы в национальных экономиках развивающиеся страны лишили своих граждан экономической и социальной поддержки, нарушая категорию позитивных прав человека, исторически более близких социально-политическим системам развивающихся стран.

Керимов А. А. (Екатеринбург, УрФУ)

ПАРТИЙНОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: СЦЕНАРИИ РАЗВИТИЯ

Опыт политического развития передовых стран современного мира с богатыми демократическими традициями показывает, что партии способны меняться под влиянием различных внешних и внутренних факторов, воспринимать инновации в политике и экономике, интегрироваться в политический процесс, но как институт избирательного процесса они не исчезают. Жизнеспособность политических партий обусловлена тем, что в арсенале демократических способов волеизъявления нет других проверенных институтов и механизмов. Несмотря на мнение партоскептиков, этот институт не только не исчерпал себя, но и не в полной мере раскрыл свой потенциал по аккумуляции и артикуляции мнения слоев общества. «Именно партии, а не отдельные граждане вырабатывают программы и выдвигают лидеров, которые позволяют избирателям определять свои предпочтения, сравнивая разные программы и разных лидеров. Вне партий кандидаты, если они до этого уже не завоевали популярность, практически не имеют шансов быть избранными, поэтому политические партии играют важную роль в жизни всех без исключения демократических стран. Партия суть открытой легальной публичной политики. Без них политическая борьба протекает в нелегальной и непубличной форме, закрытой для демократических институтов»⁵²⁴.

На этом фоне актуализируется вопрос о перспективах партийного строительства в современной России. Сегодня в России, на наш взгляд, существуют два полярно разных сценария развития партийной системы. Один из них в настоящее время реализуется. Этот сценарий предполагает модернизацию партийной системы «сверху». Согласно этому сценарию, российский политический класс целенаправленно проводит определенную политику, результатом которой, как представляется, должно стать формирование устойчивой партийной системы с заданными параметрами.

Этот вариант может быть понят обществом, оправдан и принят им, если данный проект, решая тактические задачи, будет нацелен на достижение стратегической цели — создание политически конкурентоспособной партийной системы, исключающей доминирование во власти одной партии, а точнее, сохранение во власти одной и той же политической элиты. Вопрос лишь в том, чтобы тактический сценарий «модернизации сверху» пар-

⁵²² Donnelly J. The Relative Universality of Human Rights. Human Rights Quarterly, Volume 29, Number 2, May 2007. P. 282.

⁵²³ Комар Ю. И. Демократия и авторитаризм в третьем мире в конце XX в. (концепция Хантингтона и отклики на нее). Москва, 1995. С. 12.

⁵²⁴ Ясин Е. Г. Приживется ли демократия в России. М.: Фонд «Либеральная миссия», 2012. С. 210.

тийной системы не стал для российской власти самоцелью, особенно в контексте современных геополитических и внутренних реалий. Но консервативный вариант этого сценария заключается в создании возможности для либерализации оппозиционных партий при одновременной реструктуризации партии власти, предусматривающей устранение одиозных фигур и замену их более привлекательными. Результатом такой либерализации и рокировки может стать повышение авторитета провластных политических структур. Но этот вариант будет эффективен только на определенный период, после чего политические события в стране могут развиваться по более быстрому и менее предсказуемому сценарию.

Второй сценарий — это «движение снизу», активизация гражданского общества. Такой ход развития событий позволит гражданам создавать партии, через которые общество сможет выражать свои предпочтения и защищать свои собственные интересы. Переход к этому сценарию может состояться, если произойдет пробуждение гражданского общества и, как минимум, не будет противодействия со стороны властей. Для решительного прорыва в этом направлении потребуется объединение усилий общества и государства по преодолению скептического отношения со стороны граждан к партиям, созданию условий для формирования действенной партийной системы. Завышенная роль государства при слабом участии гражданского общества в процессах управления является сдерживающим фактором для формирования партий и, в конечном счете, влияет на весь процесс модернизации политической системы страны.

Для создания реальных партий необходимо выполнение и соблюдение ряда процедурно-технических условий. Прежде всего, государство должно обеспечивать равные условия для свободной регистрации партий и открытой межпартийной конкуренции. Следует исключить практику благоприятствования и направления административных ресурсов в пользу отдельных партий. Всем партиям должен быть предоставлен равный доступ к различным информационным каналам. Сами партии также должны соответствовать своему классическому назначению, что, в конечном итоге повысит уровень доверия к ним со стороны общественности и расширит их социальную базу. Высокая электоральная поддержка даст партиям шанс бороться за власть. Партии станут популярными только в том случае, если они вместо популистских лозунгов предложат обществу привлекательные, на практике реализуемые проекты, отвечающие интересам и ожиданиям граждан. Только в условиях честной электоральной борьбы, конкуренции партийных программ и проектов можно рассчитывать на успех партийного строительства.

Курсанова Е. Г. (Москва, МГУ им. М. В. Ломоносова)

ИННОВАЦИОННЫЕ КЛАСТЕРЫ В УСЛОВИЯХ ЧЕТВЕРТОЙ ИНДУСТРИАЛЬНОЙ РЕВОЛЮЦИИ⁵²⁵

В условиях глобализации и ускорения научно-технического прогресса инновации и инновационная политика становятся важными факторами экономического развития. Глобализация научно-технической сферы существенно трансформирует функционирование национальных инновационных систем, повышая роль и значение регионального уровня в инновационном развитии. В этой связи в конце XX века была сформулирована концепция кластерной политики, основной смысл которой состоит в максимальной концентрации различного рода ресурсов для производства в первую очередь инноваций. Инновационный кластер, являясь наиболее эффективной формой достижения высокого уровня конкурентоспособности, представляет собой неформальное объединение различных организаций (научных, образовательных, предпринимательских, государственных).

Каковы особенности функционирования и развития инновационных кластеров в условиях четвертой индустриальной революции?

Есть как минимум три признака, по которым можно судить, что сегодняшние изменения не просто продолжают третью революцию, но являются провозвестниками четвертой индустриальной революции:

1. *Скорость.* Развитие научно-технического прогресса на современном этапе осуществляется существенно быстрее по сравнению с предыдущими промышленными революциями. Первые инновационные кластеры были созданы в середине XX века. Их становление происходило достаточно длительный период. Инициатива, как правило, изначально исходила снизу. На современном этапе инновационные кластеры чаще являются предметом целенаправленной государственной политики, этап своего становления проходят достаточно быстро в связи с тем, что они изначально рассматриваются как точки роста. И уже на этапе появления кластера инновационно-активные компании проявляют свою активность, чтобы подать заявку на участие в нем.

⁵²⁵ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и АНО ЭИСИ в рамках научного проекта № 19-011-32120\19.

2. *Масштабы.* Если первые три промышленные революции развивались с некоторым ускорением от первой к третьей, но в целом линейно, то масштабы четвертой промышленной революции, глубина и широта вызываемых ею изменений как в производственной сфере, так и в повседневной жизни общества увеличиваются по экспоненте. Происходит смена парадигм общения, получения и распространения информации. Эта смена охватывает производство, технологии, развлечения и др. сферы.

С точки зрения существования инновационных кластеров, можно отметить, что тематика кластеров расширяется, кроме этого усиливается их взаимосвязь между собой. По сути, в настоящее время инновационные кластеры рассматриваются как один из самых эффективных механизмов по производству новых технологий.

3. *Системные последствия.* Новые инновации становятся причиной и основанием для появления других инноваций. Принципиально важно, что современные технологии сами синтезируют все более эффективные технологии, причем зачастую без участия человека. По сути, четвертая промышленная революция затрагивает системные изменения.

Таким образом, можно сделать вывод, что в подобных условиях инновационные кластеры выполняют роль концентрации производства инноваций и их коммерциализацию. Политика кластеризации стала популярным подходом в мировой практике с конца XX века и с тех пор широко применяется в разных странах.

Кленова М. А. (Саратов, СГУ имени Н. Г. Чернышевского)

ГРАЖДАНСКАЯ И СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ АКТИВНОСТЬ: ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ПОНЯТИЙ⁵²⁶

Социальная активность молодежи в настоящее время является предметом исследования различных научных направлений, психологии, педагогики, социологии, политологии. Особое значение в современной России приобретает вопрос изучения социально-политической и гражданской социальной активности молодежи. В обыденном сознании, понятия гражданской и политической активности зачастую смешиваются. Гражданская активность предполагает участие в политической жизни, в свою очередь — социально-политическая активность также воспринимается с точки зрения включения в гражданскую деятельность. Тем не менее результаты проведенных нами исследований позволяют сделать предположение, согласно которому можно утверждать, что социально-политическая и гражданская социальная активность имеют определенные содержательные различия. Обращаясь к определению гражданской активности, можно отметить, что существует, как минимум, несколько подходов к определению данного понятия. С точки зрения первого, гражданская активность представляется как добровольное участие в различных некоммерческих структурах, а гражданские ценности — как общие мировоззренческие ориентиры, связанные с благом общества⁵²⁷. Другой подход напрямую указывает на политическую составляющую гражданской активности, предполагая включение и рассмотрение гражданских ценностей молодежи в общем поле политической заинтересованности, вовлеченности и активности⁵²⁸. Третий подход отражает понимание гражданской активности с позиции участия личности в различных общественных объединениях⁵²⁹. Таким образом, выделяется как минимум три подхода, отражающих определение гражданской активности личности: с позиции социального капитала, с точки зрения политической составляющей, а также гражданская активность как общественная деятельность. Проанализированные определения позволяют сделать предположение, согласно которому, гражданская социальная активность может являться частью социально-политической активности, не вступая в противоречия с ней. Определяя социально-политическую активность, необходимо отметить, что в основном она понимается через призму политического участия. В свою очередь политическое участие это действия, имеющие целью оказать влияние на процесс формулирования и принятия политических решений, осуществление государственной политики или политических выборов⁵³⁰. Эмпирическое исследование, проведенное нами, было посвящено изучению содержания гражданской и политической активности молодежи в контексте ее социальной активности. В исследовании приняли участие в общей сложности 150 человек в возрасте от 18 до 27 лет. Была использована авторская анкета, предназначенная для определения предпочитаемых видов

⁵²⁶ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 18-18-00298)

⁵²⁷ Кротов Д. В. Социальный капитал российской молодежи: Автореф. дисс. ... д. с. н. — Ростов-на-Дону: ЮФУ, 2009.

⁵²⁸ Райков Г. И. Формирование гражданских ценностей молодежи в процессе создания многопартийной системы современной России: Автореф. дисс. ... к. с. н. — Тюмень: ТГНГУ, 2004.

⁵²⁹ Халий И. А. Общественные движения как инновационный потенциал местных сообществ в современной России: Автореф. дисс. ... д. с. н. — М.: ИС РАН, 2008.

⁵³⁰ Грачев М. Н. Зарубежная политология: Словарь-справочник. / Под ред. А. В. Миронова, Г. А. Цыганкова. — М.: Социально-политический журнал, Независимый открытый университет, 1998

социальной активности: альтруистическая, досуговая, социально-политическая, интернет-сетевая, гражданская, социально-экономическая, образовательно-развивающая, протестная, радикально-протестная, религиозная, духовная субкультурная и т. д. (Р.М. Шамионов, И.В. Арндачук, Е.Е. Бочарова, М.В. Григорьева, А.И. Заграничный, М.А. Кленова, Н.В. Усова, А.А. Шаров и др.). Для того, чтобы определить особенности политической и гражданской активности с точки зрения взаимосвязей с другими видами социальной активности был проведен корреляционный анализ, который позволил установить следующее. Гражданская активность связана с образовательно-развивающей ($r=0,430$), альтруистической ($r=0,352$), протестная ($r=0,253$). Примечательно, что гражданская и социально-политическая активность взаимосвязаны друг с другом ($r=0,346$). Социально-политическая активность связана с интернет-сетевой ($r=0,322$), альтруистической ($r=0,242$), образовательно-развивающей ($r=0,253$), протестной ($r=0,255$). Как можно отметить из полученных данных, гражданская и социально-политическая активность, с одной стороны — взаимосвязаны между собой, с другой — имеют принципиальные различия в содержании. Социально-политическая активность в большей степени ориентирована на протестную деятельность, а также на социальную активность в интернете. В то время как гражданская активность в большей степени связана с альтруистической и образовательно-развивающей деятельностью.

Клеценко Л.Л. (Санкт-Петербург, РГПУ им. А.И. Герцена)

ОБРАЗ ДЕТСТВА В ПРАКТИКАХ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МОБИЛИЗАЦИИ ПРОТИВНИКОВ АБОРТОВ В РОССИИ И АРГЕНТИНЕ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ⁵³¹

Символ детства обладает высоким потенциалом использования в символической политике⁵³². Общественные движения прибегают к использованию символа детства, поскольку он способен вызывать эмоциональные реакции, усиливая эффект мобилизационных призывов. По этой причине, символ детства является важнейшим ресурсом политической мобилизации противников абортов (так называемых пролайферов). Пролайферы апеллируют к таким смысловым оттенкам образа детства, как беззащитность, невинность, чистота. Детство для противников абортов имеет сакральное значение, потому оппоненты нередко маркируются как безбожники.

Законодательство Российской Федерации разрешает аборт на сроке беременности до двенадцати недель (по желанию женщины) и до двадцати двух недель (по социальным показаниям). Аборты по медицинским показаниям разрешены на любом сроке. Федеральный закон № 323 «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» гарантирует право женщины на самостоятельное решение вопроса материнства (ст. 56)⁵³³. По данным Росстата, количество абортов в РФ в 2016 году составило 836,6 тыс.⁵³⁴ Данная ситуация провоцирует публичные дискуссии по вопросу о необходимости ограничить право женщин на аборт. Против абортов выступают религиозные организации (Русская православная церковь), НКО (Фонд «Женщины за жизнь»), общественные движения (Общероссийское общественное движение «За жизнь»).

Образ детства в современной России используется противниками абортов в социальной рекламе. Зачастую такая реклама направлена на стигматизацию абортов. Наружная реклама с изображениями младенцев имеет целью вызвать чувство вины женщин, решившихся на аборт, не содержит информации о возможных путях решения проблем женщин, оказавшихся в трудной жизненной ситуации. В качестве исключения можно привести наружную рекламу «Мама, сохрани мне жизнь!» в Хабаровске, где помимо призыва указана также информация о работе кризисного центра для женщин.

Одной из особенностей российского движения противников абортов является апелляция к патриотическим ценностям. Пролайферы увязывают борьбу с абортами с целями демографической политики (повышением рождаемости), а также задачами государства по обеспечению национальной безопасности. В Колумне в 2018 году появилась социальная реклама «Защити меня сегодня, я смогу защитить тебя завтра», изображающая мальчика в военной форме и призыв поставить подпись против абортов.

Противники абортов в России также используют символические акции. Так, например, они выставляют на тротуарах детскую обувь в память о жертвах абортов (по аналогии с мемориалом в память о жертвах Холокоста в Будапеште).

⁵³¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и АНО ЭИСИ в рамках научного проекта № 19-011-31711

⁵³² Рябова Т.Б., Рябов О.В. Образ детства и детей в символической политике. Политекс. 2019. № 2

⁵³³ Федеральный закон № 323 «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121895/5e5a1accfe61df97f5fcb684e12cab5fee05e25/ (дата обращения 29.08.2019)

⁵³⁴ Здравоохранение в России 2017. Статистический сборник. Москва, 2017

Аргентинское законодательство, а отличие от российского, запрещает аборт, квалифицируя их как уголовные преступления. Исключения составляют только такие случаи, как угроза жизни женщины, и беременность, наступившая в результате изнасилования. В стране действует движение сторонников легализации абортов. В 1988 г. была создана Комиссия за право на аборт, с тех пор законопроекты о легализации были внесены в парламент 7 раз. В 2018 г. сторонники легализации абортов вновь выступили с законодательными инициативами по защите права на аборт, что спровоцировало ответную мобилизацию противников абортов, среди которых религиозные, молодежные и женские организации, а также объединение ветеранов войны. Католическая церковь и Папа римский Франциск выступают решительно против легализации абортов.

Противники абортов в Аргентине используют образ детства при производстве наглядных агитационных материалов (плакаты, транспаранты и др.), на массовых акциях, для агитации в сети Интернет, в печатной продукции (листовки, газеты, буклеты). На плакатах противников абортов дети изображаются как в позитивном, так и в негативном контексте. Примером первого может служить изображение стадий человеческой жизни, в которых в качестве одной из стадии выделен эмбрион. Плакат выполнен в насыщенных тонах, использованы яркие цвета, что привлекает внимание зрителя и способствует позитивному восприятию. В качестве противоположного примера можно привести плакат противников абортов, изображающий младенца, распятого на кресте с надписью «inocente» (безвинный). Темные тона плаката, обилие шокирующих деталей (приколоченные гвоздями руки ребенка, терновый венок, свет, падающий на его лицо) призваны эпатировать наблюдателя. Плакат с младенцем в образе Иисуса — наиболее яркий пример сакрализации образа детства пролайферами.

Образы детства активно эксплуатируются движениями пролайферов как в России, так и в Аргентине. Определить особенности использования образа детей и детства в символической политике двух стран, проанализировать основные сферы использования символа в практиках политической мобилизации сторонников движений против абортов — основные задачи настоящего исследования.

Кныжова З. З. (Саратов, СГЮА)

ПРЕЗЕНТАЦИЯ ЛЕГИТИМНОСТИ РОССИЙСКОЙ ВЛАСТИ В ТЕРРИТОРИАЛЬНОМ АСПЕКТЕ

Приобретение легитимности является ключевой характеристикой власти как в ее статическом формате, так и в случае смены власти в государстве. В центре данной работы находится процесс реализации и подкрепления легитимности в ее территориальном измерении. Процедурные элементы приобретения — проведение выборов президента или в Государственную Думу — несмотря на наличие нарушений, не вызывает сомнений в поддержке власти основной частью населения.

Политический центр в России традиционно концентрируется на столице. Возникает вопрос форм презентации и трансляции политической легитимности власти на остальную территорию России, учитывая федеративное устройство. Модель понимания властью современной федеративности хоть и базируется на центробежных тенденциях, тем не менее регионам, особенно национально-территориальным субъектам и отдаленных географически от политического центра, необходимы отдельные или дополнительные формы презентации политической легитимности российской власти.

Методологическим основанием для исследуемой трактовки презентации легитимности были взяты коммуникативистские теории Н. Луманна и Ю. Хабермаса. В контексте трактовки власти как «символически генерализованного коммуникативного средства» Н. Луманна⁵³⁵, легитимность можно рассматривать как одно из качеств, достигаемых в процессе властвования через множество действий, интеракций на уровне взаимодействия федеральной власти и местных элит. Ю. Хабермас⁵³⁶ раскрывая природу власти напрямую затрагивал процесс легитимации, который состоит в трансформации административной власти в коммуникативную. В рамках теории коммуникативного действия — взаимодействие центра и регионов, федеральных и региональных лит как в непосредственном, так и институциональном аспектах реализуется процесс предоставления легитимности.

Представление о легитимности российской власти в территориальных аспектах в Российской Федерации можно рассмотреть на примерах трех регионов:

Дальний Восток: самый отдаленный регион от политического центра, экономическая направленность легитимации, главный субъект интеграции в Тихоокеанское кольцо и сотрудничества с Китаем по особым экономи-

⁵³⁵ Луман Н. Власть / Пер. с нем. А. Ю. Антоновского. М.: Праксис, 2001.

⁵³⁶ Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб.: Наука, 2001.

ческим зонам, проведение Восточного экономического форума, Свободный порт Владивосток как транспортный узел, программа предоставления бесплатных гектаров населению;

Северный Кавказ: конфликтный регион в противостоянии федерально-региональных властей первого десятилетия постсоветской России, легитимность в этом регионе основана на бюджетном финансировании, лояльности федеральных властей к архаичной системе кланов и их жесткой иерархия, в которую входят лидер, его «внутренний круг», чиновники, правоохранительные органы, предприниматели;

Крым: новый регион РФ, состояние экономической, правовой, коммуникационной интеграции в Российской Федерации как представление легитимности путем строительства моста через Керченский пролив, создания стабильного транспортного потока, финансирования восстановления и реконструкции туристических комплексов; Двойной вектор легитимности: помимо создания коммуникативного фундамента у власти жителей Крыма существует и мировое сообщество, которое в своём большинстве еще не признает Крым территорией России.

Можно выделить общие инструменты презентации легитимности: создание региональных министерств (на данный момент Министерство по развитию Дальнего Востока и Арктики и Министерство по делам Северного Кавказа); проведение международных мероприятий (саммиты ШОС и БРИКС в том числе на территории Челябинской области в 2020 г., чемпионат WorldSkills в Татарстане в 2019 г., Чемпионат мира по футболу в 2018 г. на территории 11 субъектов РФ, в саммит АТЭС в Приморском крае в 2012 г. и т. д.), создание инфраструктурных объектов (строительство моста через Керченский пролив, скоростных железнодорожных трасс, строительство и обновление региональных аэропортов).

Ковалёв В. А. (Сыктывкар, СыктГУ)

ФЕДЕРАЛИЗМ И РОССИЙСКАЯ РЕГИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА: ИНВОЛЮЦИЯ ВМЕСТО РАЗВИТИЯ

После социально-политических опытов в Российской Федерации, предпринятых в 1990-е и начале 2000-х годов, трудности строительства федеративных отношений в постсоветский период способствовали отказу от их практической реализации, но принятые меры, скорее, ухудшили ситуацию. В идеале федерализм и возвращение к нему необходимы для такой сложной и многосоставной страны, как Россия, но уже с учетом допущенных в прошлом и настоящем ошибок.

Противоречия в отношениях центра и регионов в России накапливались давно, и многим становится очевидно, что они не могут быть разрешены в существующей управленческой (и политической) парадигме. Программируемые выборы дают сбои, а технократические назначенцы не способны решить проблемы территорий, лишь загоняя эти проблемы внутрь и делая потенциально еще более разрушительными.

Недемократические практики в любой стране разрушают институциональную среду для реального федерализма, так как блокируют начала общественного договора и соглашения, автономии и самоуправления. Попытка имитировать демократические институты и федеративные отношения в «лихие девяностые», оставляя во-многом старое содержание («модели обкомов») привела к многообразным издержкам и угрозам сепаратизма и развала РФ по примеру СССР. Ближайшим выходом виделось укрепление «вертикали власти» и еще большее выхолащивание институтов федерализма и электоральной конкуренции. После некоторой стабилизации представляется, что лекарство оказалось хуже болезни. Региональные социумы оказываются бессильными в решении острых проблем, возникающих на территории регионов, а региональные власти, формирование которых затруднительно определить в терминах, связанных с демократическими практиками, не хотят/не могут эти проблемы решать в интересах населения (даже такую, вполне бытовую проблему, как утилизация мусора). В целом, такое государство показывает свою неэффективность и ненужность для населения. Угроза распада страны при обострении общей ситуации становится не меньше, а больше. Если блокируется развитие институтов, без которых развитие современного общества и демократического, правового государства становится невозможным, то в ситуации кризиса нет и возможности опереться на соответствующие институты.

Игнорирование принятых в цивилизованном мире принципов федерализма, нарушение госчиновниками собственного законодательства, в частности постоянные фальсификации выборов и разрушение института выборов как такового и т. п., способствуют возникновению проблемы, связанной с тем, что сокращаются возможности для описания региональной политики в терминах политической науки, разработанной для демократических политий и, соответственно, все больше возможностей для работы честных юристов, специалистов по уголовному праву.

Естественно также предположить, что отказ от развития существенно ослабляет возможности регионов РФ, а также местных сообществ адаптироваться к условиям кризиса.

ГЕНДЕРНАЯ КУЛЬТУРА ЖЕНЩИН-ДЕПУТАТОВ РЕГИОНАЛЬНЫХ ЛЕГИСЛАТУР РФ

Актуальность изучения гендерной культуры женщин-депутатов парламентов субъектов РФ определяется тем, что данная группа, будучи непосредственным участником законодательного процесса, способна артикулировать и проводить гендерную политику определенной направленности. Предмет исследования — взгляды женщин-депутатов на роль семьи, отношение к гендерной асимметрии, феминизму, характеристика депутатками гендерного климата в органах государственной власти и МСУ и др. Эмпирической основой исследования являются материалы интервью, проведенных авторами с депутатками Законодательного Собрания Тверской области в 2016–2018 гг., а также контент открытых информационных источников — сайтов законодательных органов субъектов федерации, специализированных порталов.

Гендерная культура депутаток носит сложный противоречивый характер, представляя собой сплав традиционных патриархальных и современных партнерских ценностей. Все женщины-депутаты признают важность семьи как социального института. Поскольку большая часть женщин-депутатов вступили в брак ещё в студенческие годы в советский период, когда доминировал гендерный контракт — «работающая мать», то совмещение семейных и профессиональных ролей они рассматривают как естественную ситуацию. Семейные отношения женщин данной возрастной группы носят партнёрский характер, что депутатки воспринимают не как норму, а как везение, случай. Все интервьюируемые женщины-депутаты отмечали взаимодополнение семейных и депутатских ролей, совмещение которых, по их мнению, возможно благодаря поддержке мужа по ведению домашнего хозяйства. В редких случаях востребован патриархальный и смешанный (патриархально-партнерский) типы отношений в семье.

Факт гендерной асимметрии в органах государственной власти и местного самоуправления признают все депутатки. Многие из них выражают надежду, что женщин-депутатов станет больше. Причины низкой представленности женщины в политике депутатки связывают с двумя причинами: 1. женщины больше заняты домашним хозяйством, чем мужчины. 2. национальные традиции предписывают женщинам аполитическую модель поведения.

Женщины-депутаты не склонны противопоставлять мужчин и женщин в политике, акцентируют внимание на взаимодополняемости полов, важности мужского присутствия в жизни женщины-политика. При том, что гендерный климат в депутатском корпусе оценивается в целом как позитивный, конструктивный, лишенный признаков гендерной дискриминации, депутатки признают, что женщине сложнее стать политиком. Женщины-депутаты отрицательно относятся к возможности формирования женской коалиции в региональном парламенте. В то же время депутатки из разных фракций отмечают, что они коммуницируют по ряду проблем.

Главная стратегия вхождения во власть — налаживание контактов с мужчинами, завоевание среди них авторитета. Задача женщин — стать профессионалами. Для этого депутатки предлагают заниматься подготовкой женщин-лидеров. При этом к введению гендерных квот депутатки относятся отрицательно, а к развитию женских организаций при финансировании государства положительно. В целом депутатки полагают, что женщины доказали уже свое право на место в политической сфере. Они отмечают необходимость присутствия женщин в политике в связи с важностью и значимостью тех задач, которые возложены на представительниц данного пола.

Большинство женщин считает, что женщины-политики обладают отличными от мужчин-политиков свойствами. Данные свойства женщины-депутаты выводят из природных (биологических и психологических) различий между полами. Таким образом, все интервьюируемые депутатки находятся на позициях биологического эссенциализма. В итоге различие между женщиной и мужчиной депутатки видят в большей гуманности женщин, их гибкости, эмоциональности, чувствительности, работоспособности, прагматичности, что позволяет женщине находиться в незаменимой нише в политической жизни — заниматься социальными вопросами. Женщины акцентируют внимание на возрождении традиционных консервативных ценностей с четким разделением на мужскую и женскую сферы, соотносимых с публичностью и приватностью. Депутатки активно продвигают социальные инициативы, направленные на укрепление семьи, поддержку материнства, отцовства и детства. Депутатки активно пропагандируют патриотические и религиозные ценности. В публичном пространстве субъектов федерации, выделяемых по национально-территориальному принципу, женщины подчеркивают свою ответственность за сохранение ценностей рода и национальной культуры. Таким образом, гендерная культура женщин-депутатов региональных парламентов когерентна консервативному повороту в российской политике и способствует проведению гендерной политики смешанного (патриархально-партнерского) типа.

ЭКСПЕРТНЫЙ ФУНКЦИОНАЛ ИНСТИТУТОВ-МЕДИАТОРОВ: ТРАЕКТОРИЯ И ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ЭКСПЕРТНЫХ СООБЩЕСТВ В ПУБЛИЧНОМ ПРОСТРАНСТВЕ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ⁵³⁷

Актуальность исследования экспертного потенциала гражданского общества обусловлена тем, что в современном обществе значительно усложняются политические/управленческие процессы и существенно увеличиваются риски при принятии решений. Анализ общественных/экспертных советов как институтов-медиаторов позволит оценить экспертный функционал одного из сегментов гражданского общества.

Экспертное знание в той или иной форме было востребовано в современной российской политике с 1990-е гг.: при органах государственной власти РФ и субъектов РФ создавались совещательно-консультативные органы. В частности, при Законодательном собрании Тверской области (далее — ЗС ТО) в 1997 г. был создан Общественный консультативный совет, в 2011 г. его сменил Экспертный совет. В ходе проведения интервью с Председателем ЗС ТО С.А. Голубевым, последний высоко оценил работу Экспертного совета прошлых созывов и его персональный состав: «Мы с самого начала решили, что члены экспертного совета — это товар штучный. Они не общественные организации представляют, а сами себя»⁵³⁸. На федеральном уровне экспертная функция была актуализирована в 2005 г. Постановлением Правительства №481 и в 2006 г. Указом Президента РФ №842, в которых речь шла о создании системы общественных советов при федеральных министерствах, службах и агентствах. В Тверской области в 2012 г. было принято Постановление правительства Тверской области №257-пп «О порядке образования и деятельности общественных советов при исполнительных органах государственной власти Тверской области». Перезапуск системы общественных/экспертных советов начался с 2014 г. — с принятием нового федерального закона №212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации». Данный НПА ввел понятие «общественных экспертов» и «общественной экспертизы» как форм общественного контроля. На наш взгляд, процедура формирования советов в значительной степени бюрократизирована, система самовыдвижения не предложена, что сокращает возможности граждан принимать участие в общественной жизни. На уровне региона предусмотрена сложная процедура, в которой задействованы по два представителя от органа государственной власти, управления общественных связей аппарата Правительства Тверской области, Общественной палаты Тверской области⁵³⁹.

Помимо общественной экспертизы советы могут привлекать к своей работе профессиональных экспертов «для решения вопросов, требующих специальных знаний и навыков» или создавать экспертную комиссию. Написанный по итогам экспертизы документ должен содержать объективные, достоверные и обоснованные выводы о соответствии или несоответствии акта и др., общественную оценку социальных, экономических, правовых и иных последствий принятия акта и др. и предложения и рекомендации по совершенствованию акта и др.

Итак, траектория развития экспертного функционала институтов-медиаторов состоит в следующем: от локальных несистемных персонифицированных практик создаваемых «сверху» общественных/экспертных советов при органах государственной власти к созданию общегосударственной системной институции экспертных сообществ. В рамках деятельности общественных советов осуществляется общественная экспертиза как форма общественного контроля и реализуется принцип участия граждан в принятии решений, отражающий демократические ценности российской публичной политики. В то же время предусмотрена «профессиональная» экспертиза, предполагающая участие узких специалистов в работе органов государственной власти и МСУ, и отвечающая на запросы технологизации общественного производства. Таким образом, персонализация экспертного знания в лице консультантов, советников соединилась с институциональным видением решения проблемы принятия взвешенных и эффективных решений. На наш взгляд, российский вариант решения данной проблемы представляет удачным. Основной проблемой в развитии экспертной функции институтов-медиаторов мы считаем заложенные в нормативно-правовой базе элементы бюрократизации.

⁵³⁷ Статья выполнена в рамках проекта «Институты и практики взаимодействия власти, экспертного сообщества и общественных организаций в российских регионах» (грант РФФИ №17-03-00328, рук. Р.В. Евстифеев, ООО «РАПН», <http://www.rfh.ru/downloads/2017/all.pdf>, 2017–2019).

⁵³⁸ Из интервью с Председателем ЗС ТО С.А. Голубевым.

⁵³⁹ Постановление правительства Тверской области №257-пп «О порядке образования и деятельности общественных советов при исполнительных органах государственной власти Тверской области». URL: <http://docs.cntd.ru/document/936014728> (дата обращения — 31.05.2019).

ФЕНОМЕН ГЛОБАЛИЗАЦИИ И КУЛЬТУРНАЯ ПОЛИТИКА

В настоящее время феномен глобализации продолжает активно обсуждаться в академическом сообществе. Основной дискурс глобализации ведется вокруг следующих вопросов: соотношение глобализации и интеграции, роль национального государства в новых условиях, существует ли глобальная культура, влияние глобализации на идентичность, какое место отводится культурной самобытности и культурной политике в условиях глобализации и т. д.⁵⁴⁰

Достаточно часто в политологическом дискурсе встречаются противоречивые мнения. Так, Херст и Томпсон утверждают, что глобализации не существует. Большинство ученых признают объективность глобализации, но расходятся по другим основаниям. Так, с одной стороны, некоторые мыслители (Гидденс, Фридман, Робертсон, Кокс) выступают против идеи глобальной интеграции, связанной с объединением всех обществ в одну экономическую, политическую и культурную единицу. С другой стороны, такие мыслители, как Джон Мейер и Даниэль Белл, настаивают на том, что глобализация ведет к интеграции⁵⁴¹.

Существует разные взгляды относительно национального государства. Например, Роберт Кокс, ссылаясь на исторический опыт, утверждает, что система независимых государств, наследие Вестфалии, рухнула и заменяется многоуровневым порядком средневековой Европы⁵⁴². С другой стороны, Смит говорит, что глобализация не оказывает негативного влияния на национальное сознание и национально-государственная система не сталкивается с кризисом. По его мнению, существуют проблемы возникновения субэтнических сообществ, которые выступают с требованием создания собственных национальных государств.

Точно так же, Роберт Гилпин признает существование экономической глобализации и сохранение национального государства в этой структуре. Маршалл Маклюэн указывает на то, что возникла глобальная культура, которую он описывает понятием «глобальная деревня», а Омаэ определяет «трансграничную цивилизацию». Наконец, Роланд Робертсон утверждает, что различия могут быть сохранены в процессе интеграции. Поскольку развитие современного национального государства основано на межгосударственных отношениях, граница государства становится более выраженной в процессе глобализации. Другими словами, глобализация повышает национальный уровень самосознания на местном уровне, а не уничтожает национальное государство⁵⁴³.

Мы видим, что в рамках глобализации рассматриваются как позитивные, так и негативные перспективы. Это показывает нам, что неопределенность вокруг концепции глобализации сохраняется и что обсуждение этого вопроса будет продолжено. В частности, особенно острой в связи с процессом всеобщей глобализации в мире становится проблема культурной политики (Маклюэн, Омаэ). Роль культуры и связанная с ней деятельность все больше оказывается в центре внимания на национальном и международном уровне. Например, актуальными становятся проблемы культурной идентичности и культурной политики. В контексте глобализации акцентируется внимание также на взаимодействии между культурой, самобытностью и глобализацией, что может рассматриваться как определенный уровень анализа.

Колесников В. Н. (Санкт-Петербург, СЗИУ РАНХиГС при Президенте РФ)

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ГОСУДАРСТВА И ЦЕРКВИ КАК ФАКТОР СТАБИЛИЗАЦИИ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ

Актуализация цивилизационного дискурса постсоветской России позволяет выделить в отношениях государства с Церковью два взаимосвязанных и взаимообусловленных тренда: секуляризацию церковной деятельности с одной стороны, и сакрализацию государства, с другой. Общей основой для этих двух тенденций является платформа цивилизационной самобытности российской цивилизации, что так рельефно проявляется в концептах особого исторического пути России, Русского мира, «симфонии власти».

⁵⁴⁰ Bonet L., Négrier E. La fin des cultures nationales? Les politiques culturelles à l'épreuve de la diversité, Sous la direction de / Tran. by. I. Ergüden // *Ulusal Kültürlerin Sonu mu?* 2008, P. 53.

⁵⁴¹ Guillén M.F. Is Globalization Civilizing, Destructive or Feeble? A Qri-tique of Five Key Debates in the Social Science Literature // *Annual Review of Sociology*. 2001ю Volume 27, P. 244.

⁵⁴² Payne A. Globalization and Modes of Regionalist Governance / (eds.) D. Held, A. McGrew (2004) // *The Global Transformations Reader*. Great Britain: Polity Press, 2004. P. 215.

⁵⁴³ Balcı A., Robertson R. Küreselleşme ve Kültür. *Bilgi* (12), 2006, pp. 27–28.

В этом контексте формулируется понимание единого кода исторического существования России – «русская культура», без которого невозможно представить себе весь исторический процесс культурного, духовно-религиозного и государственного развития страны.⁵⁴⁴

С методологической стороны возникает необходимость использования трансдисциплинарной методологии в анализе всей проблематики церковно-государственных отношений, что само по себе является самостоятельным научным направлением в исследовании взаимосвязи религии и государства по всем аспектам — духовно-нравственным, культурным, институциональным, геополитическим и т. п.⁵⁴⁵

В исследовательской литературе социо-гуманитарного и социально-политического направления уже заметно выделяется, например, проблематика активизации форм и методов деятельности современной Русской церкви в сфере массового сознания, процесса социальной православизации, усиления мотивов «русской симфонии», глобализационной проблематики.⁵⁴⁶

В социально-политическом аспекте мы можем констатировать совпадение принципиальных позиций Русской православной церкви и российского государственного руководства по ряду принципиальных вопросов общественного развития. В современной России мы наблюдаем апелляцию различных социальных групп и институций к традиции, поиск коллективной идентичности, возрождение традиционных институтов, к числу которых принадлежит и РПЦ. Российское государство и Церковь актуализируют цивилизационный проект «русского мира», основанного на христианских ценностях как смыслах бытия. И именно в этом контексте мы можем говорить о процессе секуляризации церковной жизни, который происходит в мире и оказывает воздействие на государственно-церковные взаимоотношения в РФ.⁵⁴⁷

В современной научной литературе встречаются различные формулировки: государственно-церковные, государственно-религиозные, государственно-конфессиональные отношения. Думается, понятие «государственно-церковные отношения» не вполне корректно с точки зрения многоконфессиональной России. Наиболее оптимальным видится термин «государственно-конфессиональные отношения», под которыми в современных условиях следует понимать деятельность и ее результат в сфере взаимодействия государственных органов и конфессиональных организаций, осуществляемую на основе государственного законодательства и с учетом канонических норм.⁵⁴⁸

Перспективы развития государственно-конфессиональных отношений в РФ детерминированы рядом факторов.

Во-первых, на сегодняшний день Русская православная церковь является крупнейшим институтом гражданского общества в России.

Во-вторых, важным перспективным направлением государственно-конфессиональных отношений следует считать правозащитную деятельность РПЦ. Это направление общественной активности является одним из наиболее напряженных и вызывающих общественный резонанс.

В-третьих, в основе политической истории российского народа лежат идеи, определяющие духовно-нравственные ориентиры исторического пути нашего государства и общества. К этим идеям относятся, в частности, симфония властей и соборность как духовно-нравственные начала функционирования власти, ее взаимодействия с народом.

Святейший Патриарх Кирилл в 2009 г. в своем выступлении в тогда еще РАГС говорил о том, что овладение современными методами управления не отменяет необходимости ясного понимания его целей и задач.⁵⁴⁹ И в этом смысле с учетом роста значения религиозного измерения в жизни общества область церковно-государственных отношений становится неотъемлемым компонентом государственной политики во многих секторах социальной жизни. Здесь Патриарх употребил для характеристики взаимодействия государства и Церкви понятие «сорботничество» как наиболее приемлемую модель церковно-государственных отношений, без чего трудно представить полноценное развитие общества в целом и индивида в частности.

⁵⁴⁴ Постол В. И. К вопросу об особенностях русской власти: религиозные идеалы и политические практики // Вестник Томского государственного университета. История. 2016. № 2 (40). С. 68–73.

⁵⁴⁵ Митрофанова А. В. Религиозный фактор в мировой политике и проблема «цивилизаций» // Век глобализации. — 2008. — № 1. — С. 109–119.

⁵⁴⁶ Еремин А. В. Современные практики секуляризации церковной деятельности в контексте культурного опыта России // Ярославский педагогический вестник — 2016 — № 6. — С. 299–304.

⁵⁴⁷ Еремин А. В. Указ. соч. С. 301.

⁵⁴⁸ Петрик Н. Н. Перспективы правового регулирования взаимодействия светской и духовной власти в России // Философия права. 2015. № 3 (70). С. 55–59.

⁵⁴⁹ Выступление святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла в Российской академии государственной службы // Государственная служба. 2010. № 1. С. 5–12.

ВЛИЯНИЕ КОНФЛИКТОВ НА ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ГОРОДСКИХ СООБЩЕСТВ КРУПНЫХ РЕГИОНАЛЬНЫХ ЦЕНТРОВ РОССИИ: НАПРАВЛЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ⁵⁵⁰

Одним из измерений социальных отношений современного крупного города является конфликтологическое измерение. Такие города могут рассматриваться как места взаимодействия акторов различного типа, имеющих разнонаправленные интересы и в силу этого оспаривающих определённые сегменты городской территории и социального пространства, равно как и протекающие в них социально-экономические, политические и социокультурные процессы. Латентные противоречия между ними объективируются в форме специфических городских конфликтов, в которых одним из наиболее значимых акторов являются городские сообщества (территориальные, этнические, экологические и др.). Современная общественно-политическая практика характеризуется резким увеличением количества городских сообществ, и что еще важнее — активности данных сообществ. Горожане активно объединяются как по интересам, так и с целью защиты своих интересов, формируя взаимосвязанные и постоянно коммуницирующие сообщества, являющиеся важными элементами как для самих членов этих сообществ, так и для городского пространства в целом. В результате, нередко происходит столкновение различных городских сообществ в связи с имеющимися у них противоположными интересами. Они выступают в двойной роли: как пользователи городского пространства и как активные участники его формирования.

Однако в силу различных причин (слабость организационных структур, недостаточность материальных и финансовых ресурсов, активный миграционный прирост населения городов, высокий уровень занятости горожан) субъектность сообществ зачастую недостаточно выражена для того, чтобы они могли отстаивать свои интересы в долговременной перспективе. В силу этого возникает дисбаланс в системе отношений между горожанами, городскими властями и бизнесом, действующим на территории города и обладающим достаточными ресурсами влияния для продвижения собственных интересов (особенно в градостроительной и предпринимательской деятельности). Этот дисбаланс угрожает ростом противоречий городского развития с выраженным деструктивным потенциалом, доказательством чему являются многочисленные примеры протестов жителей города против городских свалок, застройки исторического центра городов, вырубки садовых и парковых насаждений и т. д.

Как показали проводимые нами в 2016–2018 гг. исследования⁵⁵¹, городские конфликты оказывают активизирующее влияние на функционирование данных сообществ, однако последствия такого рода влияния могут иметь как конструктивный, так и деструктивный характер, в зависимости от того, в какой форме — конвенциональной или неконвенциональной — протекает конфликт. Форма конфликта, в свою очередь, определяется поведенческими моделями его участников, также нуждающимися в тщательном научном исследовании.

Основными направлениями исследований данной проблематики представляются следующие: определение форм и методов участия городских сообществ в конфликтах; выявление механизмов мобилизации сообществ и их организационной структуры; изучение влияния конфликтов на развитие сообществ различного типа и их постконфликтную гражданско-политическую активность; анализ уровня политизации сообществ в ходе конфликтности и их готовности к взаимодействию друг с другом на основе общих интересов; описание механизмов и моделей институционализации конфликтов с участием городских сообществ.

Для реализации первого этапа исследования научным коллективом проекта РФФИ предполагается проведение глубинных интервью с представителями городских сообществ (октябрь 2019 г.), на основе которых будет доработан инструментарий экспертного опроса. В докладе планируется представить интерпретацию результатов интервью и детализированные задачи дальнейшего исследования.

⁵⁵⁰ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта

№ 19-011-00571 «Конфликты в процессе функционирования городских сообществ крупных региональных центров России: концептуальные основания исследования и политические методы снижения деструктивного потенциала».

⁵⁵¹ См.: Кольба А. И., Соколов А. В. Городской конфликт: проблемы дефиниции, типологизации и управления // Конфликтология: журнал. 2016. № 4. С. 35–42; Глухова А. В., Кольба А. И., Соколов А. В. Политико-институциональные и коммуникативные аспекты взаимодействия субъектов городских конфликтов (по материалам экспертного опроса) // Человек. Сообщество. Управление. 2017. № 4. С. 44–65; Gluhova A. V., Kolba A. I., Sokolov A. V. Politico-institutional factors of structuring of urban conflicts in modern Russia // 5th International Multidisciplinary Scientific Conference on Social Sciences and Arts SGEM 2018, SGEM2018 Conference Proceedings, Albena, Bulgaria, 24 August — 2 September, 2018. Sofia: STEF92 Technology Ltd, 2018.

ОБРАЗ БУДУЩЕГО МОЛОДЕЖИ КАК ФАКТОР ВЫБОРА ТРАЕКТОРИИ РАЗВИТИЯ РОССИИ⁵⁵²

Представление о желаемом будущем могут быть не менее значимы для трансформации окружающего мира, чем объективные предпосылки и условия. Хотя проект «желаемого будущего» формируется (предлагается) в первую очередь политической и интеллектуальной элитой, этот проект не может формироваться исключительно в политико-интеллектуальной среде. Он должен учитывать настроения и позиции широких масс населения и прежде всего его наиболее интеллектуально продвинутых слоев молодежи — студентов, равно как и их собственные представления на этот счет.

Трудности и проблемы формирования образа будущего у молодежи обусловлены следующим.

В современных условиях «бытия на распутье» огромных изменений, к которым часто не может адаптироваться большинство граждан, будущее из сферы надежд и упований на лучшее нередко перемещается в область страха и опасений.

Увеличивается дистанция между опытом настоящего и ожиданиями будущего. Будущее предстоит скорее, как преодоление настоящего, нежели его продолжение (Р. Козеллек).

Сужаются рамки рационального прогноза будущего и горизонт его планирования, ровно, как и горизонт ожиданий.

В общественном сознании обозначился поворот от будущего к прошлому (*again policy*), проявляющийся в стремлении политиков «вернуть» прежнее величие, гармонию и идентичность, обращая свой взор не в будущее, а в прошлое.

Повсеместно наблюдаемое, хотя и с различной степенью интенсивности, падение доверия рядовых граждан, и молодежи в особенности, к органам власти, политическим партиям отражает огромный разрыв между элитой и остальными гражданами, что порождает смятение и недоверие этих граждан, в том числе и к предлагаемым элитой моделям будущего.

В эпоху глобализации постоянно увеличивается разрыв по уровню и качеству жизни между богатыми и бедными (относительно бедными) странами, преодолеть который не представляется возможным как минимум в обозримой перспективе (Бранко Миланович «Глобальное неравенство»). Это приводит к тому, что значительная часть населения (молодежи в особенности) перестает связывать свое будущее со страной проживания и стремится эмигрировать в более благополучные страны.

Представления молодежи о будущем во многом формируется в рамках «самокоммуникации» (интернет и т.п.), а также влияния личного постмодернистского опыта, сомнений, ревизии общепринятых ценностей и их подчиненности задачам текущего момента, ориентация на стиль жизни «цивилизации комфорта».

Результаты фокус-групповых интервью со студентами ряда вузов Москвы, Ярославля, Калининграда, Севастополя, Махачкалы свидетельствуют, что большинство студенческой молодежи не живет только сегодняшним днем и размышляет как о собственном будущем, так и будущем страны, хотя образ желаемого будущего страны недостаточно отчетлив. Это, скорее отречение настоящего, желание глубоких реформ — как отдельных сфер, так и общественной системы в целом. О возможности реформ, которые выведут страну на новый уровень развития, большинство студентов говорят с осторожным оптимизмом, оговаривая их всевозможным «если». Часть отрицает их осуществимость, равно как и будущее страны в целом. По мнению студентов, реформировать надо, прежде всего, экономическую систему (смена курса и правительства), социальную систему (обеспечение реальной справедливости), систему политико-властных отношений, а не только менять конкретные лица, стоящих у власти. Многие студенты готовы принять участие (в той или иной форме) в процессах реформирования страны («хочешь поменять правительство — начни в себя»), другая, менее многочисленная часть, готова покинуть страну при первом удобном случае. Единства взглядов на будущее страны нет даже у одноклассников, не говоря уже о студентах различных регионов. В то же время намечается консенсус мнений относительно того, что нынешнее поколение политиков (равно как и элиты в целом) не способно адекватно реагировать на вызовы времени и решать проблемы страны.

Более отчетливый консенсус проявляется в ответе о России как великой державе. Не ставя (в большинстве случаев) под сомнение ее величие, особую роль (миссию) в мире, студенты акцентируют внимание не на военной мощи страны, а на ее способности к внедрению инновационных разработок и реальному превращению в современное социальное государство (как Финляндия), созданию достойных условий жизни своим гражда-

⁵⁵² Доклад основан на данных Всероссийского исследования «Образ желаемого будущего России глазами учащейся молодежи», выполненного в рамках проекта РФФИ № 19-011-35019 под руководством автора.

нам. Соответственно и ценности, которые способны сплотить страну, это не «державность» и патриотизм (хотя они и не отрицаются), а социальная справедливость и человеческое достоинство.

Тенденции формирования образа страны у студенческой молодежи можно охарактеризовать скорее как «страна для людей», нежели «люди для страны». И с таким видением будущего, так или иначе, придется считаться при выборе траектории развития страны.

Кондратенко К. С. (Санкт-Петербург, СПбГУ)

ПОЛИТИЧЕСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ: ОСНОВАНИЯ И МОДЕЛИ⁵⁵³

Цифровизация общества наделила человека невиданным по своим возможностям орудием — компьютером. Это средство, если следовать органицистской традиции исследования техники, является продолжением головного мозга, предназначенное для увеличения его возможностей, подобно тому, как клещи или молот увеличивают естественные возможности руки.⁵⁵⁴ Как и любое техническое средство, компьютер обладает не только серьезным промышленным потенциалом, способным увеличить производительность труда и качество принятия управленческих решений, но и способен стать неотъемлемой частью мировоззрения человека, имеющего колоссальный доступ к информационным ресурсам. Отсюда следует несколько выводов:

Если принять за аксиому, что компьютер и интернет являются неотъемлемой частью общества, то управление необходимо выстраивать не обществом как таковым, а социотехнической системой, состоящей из сетей взаимодействия «человек-компьютер». При этом более важным компонентом, разумеется, остается сам человек, а техническая система должна под него подстраиваться,⁵⁵⁵ независимо от того, имеем ли мы дело с дополненной (augmented reality) или виртуальной реальностью (virtual reality).

Компьютер — это не только автономная машина, использующая специальные программы для вычисления, обработки и презентации какой-либо информации, но и средство, объединенное с другими машинами через интернет-сети. Таким образом, люди способны объединяться и совместно производить и потреблять информацию, возникающую внутри социотехнической системы, т. е. формирующуюся по принципу аутопоэзиса.⁵⁵⁶

Аутопоэзисность обеспечивает не только природа информации как таковой, но и мобильность устройств, которые человек может перемещать вместе с собой в пространстве. «Офисность» стационарного компьютера и телефона, все больше становящихся элементами системного мира в терминах Ю. Хабермаса, уравновешивает «мобильность» смартфона, планшета, ноутбука. Вероятно, современные общества и дальше будут осуществлять экзистенциальный выбор мобильных устройств (например, звонок на мобильный телефон расценивается как звонок конкретному человеку) вместо обращения к третьим лицам (стационарный телефон в организации, квартире и пр.).⁵⁵⁷

Ориентация на человека лежит в основе модели политического управления «good governance», базирующегося на принципах подотчетности власти, верховенства закона, политического плюрализма, прозрачности и пр. Использование цифровых технологий в управлении может развиваться в направлении социотехнизации, расширения сетей гражданского участия, ориентации на потребности граждан, т. е. по принципу «good algorithmic governance». Однако это лишь одна из моделей управления. Если применить к данной схеме рассуждения Ч. Линдблома,⁵⁵⁸ то окажется, что помимо модели-2 есть также модель-1, предполагающая усиление контроля за счет цифровых технологий и построение гиперинтеллектуальной модели власти.

Таким образом, политическое управление в условиях цифровизации — это не только «умное управление», направленное на включение цифровых технологий в повседневную жизнь человека («умные города», «интеллект среды» и пр.), но также расширение сетей гражданского участия посредством цифровых носителей. Однако насколько качественно реализуется стратегия цифрового публичного управления в различных странах и регионах — вопрос эмпирического исследования.

⁵⁵³ Работа выполнена при финансовой поддержке Российского научного фонда, грант № 19-18-00210.

⁵⁵⁴ Капп Э., Нуаре Л., Эспинас А. Роль орудия в развитии человека. URL: <https://gtmarket.ru/laboratory/basis/3479> (дата обращения: 21.08.2019)

⁵⁵⁵ Seffah A., Gulliksen J., Desmarais M. C. Human-Centered Software Engineering — Integrating Usability in the Software Development Lifecycle. Dordrecht: Springer, 2005. P. 26–29.

⁵⁵⁶ Матурана У.Р., Варела Ф.Х. Древо познания: биологические корни человеческого понимания. — М.: Прогресс-Традиция, 2001. — 224 с.

⁵⁵⁷ Феррарис М. Ты где? Онтология мобильного телефона. — М.: Новое литературное обозрение, 2010. — 356 с.

⁵⁵⁸ Линдблом Ч.Э. Политика и рынки. Политико-экономические системы мира. — М.: Институт комплексных стратегических исследований, 2005. — С. 278–293.

КОГНИТИВНАЯ ЦЕНзуРА В ПРЕЗИДЕНТСКОЙ ИЗБИРАТЕЛЬНОЙ КАМПАНИИ НА УКРАИНЕ 2018–2019 ГГ.⁵⁵⁹

В прямом эфире телепередачи «Право на владу» канала «1+1», состоявшейся 4-го апреля 2019 г., журналистка Янина Соколова задала представителю команды кандидата в президенты Украины В. А. Зеленского Руслану Рябошапке очень неудобный вопрос о том, почему ни сам Зеленский, ни его команда никак не определяют своего отношения к войне на Донбассе, более того, избегают употребления самого слова «война»⁵⁶⁰. Однако вместо ответа журналистка получила бурную отповедь от ведущей телешоу Натальи Мосейчук. Здесь было всё: и яркий эмоциональный посыл, и подмена темы дискуссии, и (что не менее важно) превышающая когнитивные возможности восприятия информации скорость речи ведущей, и многое другое. Однако в этом вербальном потоке как бы случайно, но чётко и с расстановкой был озвучен, пожалуй, главный тезис всей избирательной кампании В. А. Зеленского: «Да горите ви все в пеклі!»⁵⁶¹ В результате телезритель остался в полном неведении относительно обсуждавшихся проблем, но с чёткой установкой относительно «самого правильного кандидата — слуги народа».

Данный пример иллюстрирует широко применявшиеся в украинской избирательной кампании 2018–2019 гг. технологии когнитивной цензуры как способа оградить адресата от информации, неудобной для инициатора этого типа цензуры и/или лица, в чьих интересах эта цензура осуществляется. Это относительно новый вид цензуры, возникший вместе с «новыми медиа», и изменивший техники цензуры запретительной. Например, наличие у П. А. Порошенко административного ресурса позволяло ему активнее прибегать к традиционным видам политической цензуры, налагая запрет на неудобные источники информации и блокируя тем самым распространение этой информации (увольнение Зураба Аласани — лишь один из примеров). Однако падение рейтингов вынудило команду П. Порошенко активнее использовать и другие ресурсы по подавлению невыгодной информации. Судя по активности пропорошенковских СМИ, в информационное пространство Украины с конца февраля по первую половину марта вбрасывалось несколько инфоповодов, имевших целью подавить и заглушить скандал с «Укроборонпромом». Но наибольший резонанс получил инфоповод о том, что В. А. Зеленский причастен к коррупционным схемам олигарха В. И. Коломойского по выводу из «Приватбанка» \$41 000 000. Ниже приведены два графика распространения этой информации: в украинских СМИ (рис. 1) и социальных сетях (рис. 2).

Для В. А. Зеленского наиболее болезненными темами, которые он пытался «глушить» при помощи когнитивной цензуры, стали инфоповоды о его наркозависимости и некомпетентности, а также тема предвыборных дебатов. Лояльные к этому кандидату СМИ также отреагировали серией вбросов против действующего Президента Украины. Например, в программе «Украинские сенсации. 10 сезон, 8 выпуск «50 оттенков Порошенко»» на телеканале «1+1» вбрасывалась «информация» о том, что П. А. Порошенко убил своего брата. Абсурдность этой «информации» не позволила ей получить широкого распространения. Гораздо больший резонанс и энтузиазм избирателя вызвала «антифейковая» кампания, запущенная В. А. Зеленским в социальных медиа,

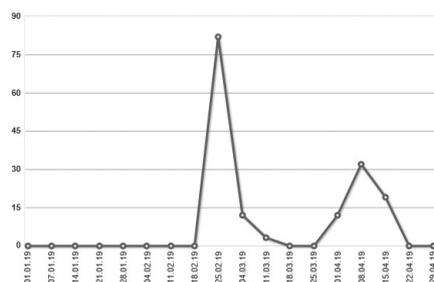

Рис. 1. Распространение информации о выводе капиталов из «Приватбанка» в украинских СМИ (по данным «Медиалогия»)

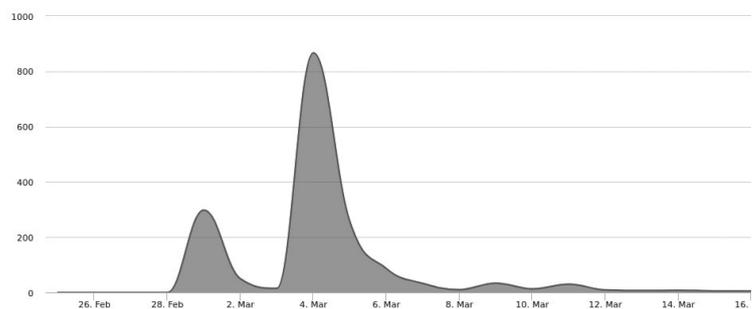

Рис. 2. Распространение информации о выводе капиталов из «Приватбанка» в украинских социальных медиа (по данным «YouScan»)

⁵⁵⁹ Статья подготовлена в рамках проекта, поддерживаемого РФФИ совместно с АНО ЭИСИ № 19-011-31284 «Стратегии когнитивной политической цензуры как эффект «новых медиа»: украинский кейс в сравнительной перспективе».

⁵⁶⁰ См.: Соколова ставить питання «Зе! Команді» як раптом... // Відеохостинг Youtube. Канал «Yanina Sokolova» [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.youtube.com/watch?v=uuz39ZLsJD1o> (дата обращения: 14.09.2019).

⁵⁶¹ Там же.

позволившая любую информацию о Зеленском объявить «фейком». Наибольшую популярность получил хэштег #шотутдумать — целая кампания по дискредитации П. А. Порошенко.

Но ещё больший интерес представляет сопутствующий инфоповодам #шотутдумать хэштег #нідебатам, только за апрель набравший 12166 сообщений. Он очень эффективно «глушил» подогреваемый сторонниками П. А. Порошенко интерес избирателя к дебатам посредством апелляции к эмоциям: «Нам не нужны дебаты, нам нужно, чтобы не умирали дети! ... Нам не нужны дебаты — мы уже все слышали и видим! Не нужно тратить деньги — отдайте адресно каждому онкобольному, а их 170 тысяч! Уходите, Петр Алексеевич!»⁵⁶².

Коньков А. Е. (Москва, МГУ имени М. В. Ломоносова)

ЦИФРОВАЯ ДИПЛОМАТИЯ КАК АВАНГАРД ЭЛЕКТРОННО-КОММУНИКАЦИОННЫХ ФАКТОРОВ ПОЛИТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ⁵⁶³

Всё больше обращают на себя внимание события, характеризующие углубление антииерархичности в политике: либо это успешные практики сетевого взаимодействия, приводящие к эффективным результатам, либо активные протестные, антиистеблишментные, порой даже анархичные выступления и движения, формирующие устойчивую потребность в новых формах социального контракта. Несмотря на различие целеполагания и субъектов подобных практик, их объединяет опора на цифровые технологии, которые делают возможными принципиально новые траектории политического развития. В совокупности их можно обозначить как электронно-коммуникационные факторы политического развития — факторы, проистекающие из активного внедрения в политические отношения цифровых (электронно-коммуникационных) технологий.

Цифровизация имеет место на разных уровнях современной политики, однако если останавливаться на мегаполитическом уровне — уровне мировой политики, то одной из значимых отправных точек в этой тенденции стоит признать события рубежа 2000–2010-х гг. Тогда за довольно короткий промежуток времени в различных странах возникали интенсивно нарастающие волны нестабильности, получившие название «Твиттер-революций», поскольку распространение мобилизации против власти шло через неподконтрольные государству социальные сети — в первую очередь, через популярный тогда Твиттер. Чуть ранее в странах постсоветского пространства подобные по логике протестные выступления получили название «цветных» революций, но именно развитие соцсетей сделало возможным подлинную глобализацию и расширение такого рода явлений на прежде весьма равнодушные к прямой демократии регионы — Северную Африку и Ближний Восток.

Системные (а вернее, внесистемные) проявления стихийных протестных практик, влияющих на политический процесс, впоследствии распространились не только на страны с разной степенью дефицита демократических институтов, но и на идущие в авангарде демократической модели: Occupy Wall Street в США, «жёлтые жилеты» во Франции, иные антиглобалистские движения на Западе в целом. Все эти форматы оказались возможными во многом благодаря стихийной координации через соцсети и мессенджеры, т. е. стали своего рода продуктом цифровизации социальных связей.

Обратным трендом, только лишь подтверждающим значимость новых технологий для современной политики, стал и активный приход государства в новую коммуникационную среду. В первую очередь, это «твиттер-дипломатия» (twiplomacy) как антипод «твиттер-революций»: если последние получили распространение в незападных обществах, то первая стала повсеместно внедряться как раз на политическом Западе. Сегодня это уже активно формирующееся по сути самостоятельное направление международного взаимодействия, именуемое цифровой дипломатией, которая наиболее выпукло характеризует конкурентное взаимодействие в политико-коммуникационной среде с привлечением новых технологий.

Примечателен казус января 2019 года, когда после провозглашения себя временным президентом Венесуэлы Хуаном Гуайдо социальные сети Фейсбук и Инстаграм убрали специальные «галочки» подлинности, верифицирующие аккаунты публичной личности, со страниц официального президента Николаса Мадуро, сохранив их за Гуайдо⁵⁶⁴. Это можно рассматривать в качестве отправной точки концептуализации возможного нового источника легитимности власти, который в перспективе можно будет назвать цифровым или сетевым.

Российская дипломатия в последние годы также активно проводит последовательную «цифровизацию»: сегодня МИД России имеет официальные странички практически во всех социальных сетях: от Твиттера

⁵⁶² Первоисточник от 9 апреля 2019 г. в Facebook: <https://www.facebook.com/markevichsumy/videos/2100494136686507/> Пост набрал 1,6 миллионов просмотров и 75 тыс. перепостов и распространялся до конца апреля.

⁵⁶³ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и АНО ЭИСИ в рамках научного проекта №19-011-31408.

⁵⁶⁴ Facebook и Instagram убрали «галочку» подлинности с аккаунтов Мадуро <https://iz.ru/837492/2019-01-24/facebook-i-instagram-ubrali-galochku-podlinnosti-s-akkauntov-maduro>

и YouTube до Фейсбука и Телеграма, а также специальное мобильное приложение «Зарубежный помощник»⁵⁶⁵. Многие российские посольства также имеют собственные страницы⁵⁶⁶ (один из «пионеров» — посольство в Лондоне, зарегистрировавшее свой аккаунт в Твиттере в феврале 2010 года⁵⁶⁷).

Цифровые технологии предоставили доступные любому индивиду и обладающие наиболее низкими издержками (не только прямыми материальными, но и всевозможными транзакционными) инструменты выражения любых имеющихся у этого индивида предпочтений. Артикулирование политической позиции является примером потребности, требующей от индивида своего осуществления, а знание мнений людей, в свою очередь, — безусловная потребность всякой политической силы. Интернет и другие сетевые механизмы позволяют обеим сторонам не просто реализовать эти коммуникационные интересы, но и постоянно совершенствовать их.

Коргунок Ю.Г. (Москва, ИНИОН РАН)

ОПЫТ ОРГАНИЗАЦИИ АМЕРИКАНСКИХ ГОСУДАРСТВ ПО ВЫРАБОТКЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ СТАНДАРТОВ⁵⁶⁸

Немалый вклад в выработку международных избирательных стандартов внесла Организация американских государств (ОАГ), в составе руководящих органов которой с начала 1960-х гг. действует Департамент сотрудничества и наблюдения в сфере выборов (DECO — Department of Electoral Cooperation and Observation).

Начиная с 1962 г. он провел наблюдения на 246 выборах в 27 государствах, задействовав более десятка тысяч международных наблюдателей. Начиная с 2016 г. наблюдения за выборами проводятся в том числе и в Соединенных Штатах Америки — до этого США и Канада выступали исключительно в качестве организаторов и спонсоров мероприятий по наблюдению и сотрудничеству в сфере выборов.

На основе рекомендаций наблюдательных миссий по итогам выборов ДЕКО разработал ряд подробных руководств, касающихся различных аспектов наблюдения за выборами: системы правосудия в электоральной сфере (2006), методологии наблюдения за выборами (2007), использования избирательных технологий (2010), мониторинга масс-медиа (2011), политического финансирования выборов (2012), внедрения гендерных принципов в деятельность наблюдательных миссий ОАГ (2013) участия в выборах населения коренного и африканского происхождения (2015) — разработку последнего документа Департамент сотрудничества и наблюдения в сфере выборов ставит себе в особую заслугу.

Все эти документы отличает скрупулезность и стремление к максимальной точности. Они близки по структуре, хотя содержат и ряд отличий. Практически каждое руководство начинается с изложения концепции и методологии, а также описания источников информации, используемых в соответствующей сфере. Часто имеются подробные глоссарии и библиография, а также обширные приложения. Практически все руководства снабжены краткими, но емкими заключениями.

Еще одним результатом работы по стандартизации рекомендаций наблюдательных миссий стала разработка и регистрация официального Международного избирательного стандарта TS 17582:2014.

Международные избирательные стандарты не могут носить обязательного характера — в лучшем случае рекомендательный. Обычно они оформляются как рекомендации ООН, но Организация американских государств в сотрудничестве с Венецианской комиссией Совета Европы (официально — Европейская комиссия за демократию через право) решила пойти другим путем и оформить свои рекомендации в виде международного организационного стандарта, зарегистрированного в Международной организацией по стандартизации (International Organization for Standardization, ISO).

Стандарт TS 17582:2014 определяет требования к восьми стадиям (аспектам) избирательного процесса: 1) регистрация избирателей; 2) регистрация политических организаций и кандидатов; 3) «электоральная логистика»; 4) голосование на избирательном участке; 5) подсчет голосов и объявление результатов; 6) электоральное образование; 7) надзор за финансированием избирательной кампании; 8) разрешение избирательных споров.

Согласование документа шло трудно и сопровождалось затяжными спорами и дискуссиями. Главными противостоящими сторонами были страны Европы, где электоральные органы складывались «исторически»,

⁵⁶⁵ <http://www.mid.ru/web/guest/mobil-noe-prilozenie-mid-rossii-zarubeznyj-pomosnik-1>

⁵⁶⁶ http://www.mid.ru/ru/press_service/social_accounts

⁵⁶⁷ <https://twitter.com/russianembassy>

⁵⁶⁸ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-011-00484 по теме «Международный уровень управления в сфере избирательного процесса»/

и Латинской Америки, которые настаивали на более детальной регламентации деятельности избирательных комиссий

Стандарт был одобрен 19 января 2014 г., опубликован 14 февраля. Практически сразу к приведению своего законодательства в соответствие с ним приступили несколько латиноамериканских стран. Любой избирательный орган стран-членов ОАГ может пройти сертификацию, подав заявку на сайте Бюро международной аккредитации избирательных органов (International Electoral Accreditation Body, IEAB), созданного в рамках Департамента сотрудничества и наблюдения в сфере выборов ОАГ.

На сегодня количество сертифицированных избирательных органов достигло пяти: два из них аккредитованы в Перу (один из них — Национальное управление по избирательным процессам — успело пройти эту процедуру дважды, поскольку сертификат выдается лишь на три года), по одному в Эквадоре, Мексике и Доминиканской республике.

Помимо этого Департаментом сотрудничества и наблюдения в сфере выборов ОАГ осуществлен ряд проектов по содействию странам-участницам в развитии электронных технологий в избирательном процессе и систем регистрации избирателей.

Обширная и многообразная деятельность ОАГ в сфере организации выборов и наблюдения за ними позволяет с полным правом называть ее лабораторией по выработке и обкатке международных стандартов в соответствующей области.

Корнеева Е. М. (Москва, НИУ ВШЭ)

ЭЛЕКТОРАЛЬНОЕ ПОВЕДЕНИЕ НА МУНИЦИПАЛЬНЫХ ВЫБОРАХ В ПОСТКОММУНИСТИЧЕСКИХ СТРАНАХ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Исследования электорального поведения на муниципальном уровне выборов несправедливо занимают периферийное положение, в то время как основное внимание исследователей сосредоточено на общенациональных кампаниях. Явка избирателей на выборах в органы МСУ обычно имеет самые низкие показатели по сравнению с президентскими и парламентскими выборами. Данная тенденция связана как с уровнем выборов, так и с объемом полномочий органов МСУ. При этом стоит обратить внимание, что на муниципальном уровне выборов явка избирателей также зависит от типа выборов. А именно, электоральная активность на выборах глав муниципального образования выше, чем на выборах представительных органов власти при условии, что выборы проходят раздельно. С точки зрения теории выборов второго порядка, разработанной К. Райфом и Г. Шмиттом, их особенностями являются высокая доля абсентеистов, а также предпочтение малых и оппозиционных партий⁵⁶⁹.

Сравнение стран Центральной и Восточной Европы (ЦВЕ) и России представляется релевантным в связи с принадлежностью данных стран к «социалистическому лагерю» на старте демократических преобразований. При этом различный характер демократических трансформаций, особенности функционирования органов МСУ и партийных систем выражаются в различиях электорального поведения. Таким образом, проблема данного исследования заключается в том, что в условиях как развитой гражданской политической культуры в части стран ЦВЕ, так и конформистской в России, уровень электорального участия на муниципальных выборах остается одним из наиболее низких. Несмотря на большой пласт литературы, посвященной демократическому транзиту стран социалистического лагеря, особенности электорального поведения в зависимости от территориального уровня выборов и режимного разнообразия остаются неизученными. Целью данного исследования является анализ динамики явки избирателей на муниципальном уровне выборов в условиях режимного разнообразия стран ЦВЕ и России.

Р. Туровский отмечает, что субнациональную единицу можно рассматривать с точки зрения локальных политических режимов, отличительными чертами которых являются территориальная компактность, высокая плотность межличностных связей и «шаговая доступность» власти⁵⁷⁰. Несмотря на то, что в стране определяющее положение имеет общенациональный режим, различия между локальными режимами, по мнению Р. Туровского, могут быть существенными. В связи с этим интересным вопросом является динамика электорального поведения в локальных режимах стран, которые претерпели различные режимные трансформации.

Выборку исследования составили города ЦВЕ и России с населением более 250 тыс. жителей, в которых выборы в органы МСУ прошли раздельно с общенациональными кампаниями. Основным методом исследо-

⁵⁶⁹ Reif K. 1984. National Electoral Cycles and European Elections 1979 and 1984 // Electoral Studies. Vol. 3. № 3.

⁵⁷⁰ Туровский Р.Ф. Местное самоуправление в России и эволюция политического режима // Pro Nunc. Современные политические процессы. — 2015. — №. 1 (14).

вания выступил корреляционный анализ, который позволяет выявить значимые связи между особенностями локальных политических режимов и электоральным поведением.

Основой исследования является изучение динамики и различий явки избирателей между общенациональными и муниципальными выборами. Помимо этого, в исследовании изучалась стабильность партийного электората, которая позволяет делать выводы о том, за счет сторонников каких игроков формируется явка на муниципальных выборах, а чьи избиратели участвуют преимущественно в общенациональных кампаниях.

Исследование продемонстрировало отсутствие устойчивой связи между уровнем политической конкуренции и явкой избирателей в российских городах, однако данная связь оказалась значимой на выборах в странах ЦВЕ. Данная закономерность связана, в первую очередь, с тем, что выборы в России проходят в условиях низкой политической конкуренции, в то время как в странах ЦВЕ благодаря развитию гражданской культуры участия выборы проходят на конкурентной основе. Интересной особенностью формирования органов МСУ в странах ЦВЕ является то, что во вторых турах выборов мэров явка избирателей снижается по сравнению с первыми, в то время как в России, наоборот, вторые туры выборов характеризуются повышением электоральной активности.

Корюшкин А.И. (Санкт-Петербург, СПбГУ)

СОЦИАЛЬНОЕ НЕРАВЕНСТВО, ПОЛИТИЧЕСКАЯ БЕДНОСТЬ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ НАУКА В РОССИИ И США: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

В последнее десятилетие прошлого, XX века, с крахом социалистических режимов в Советском Союзе и в Восточной Европе и принятием принципов рыночной экономики в Китае, в социально-политической научной литературе имело место значительное снижение интереса к вопросу экономического (имущественного) неравенства и его замещение проблематикой правового равенства и обеспечения гражданских и политических свобод. При этом главным стал вопрос экономического роста, который, как предполагалось, в условиях эффективно функционирующих рыночных отношений и демократических практик, обеспечит понижение уровня экономического неравенства как базового фактора социального неравенства и реализацию принципов социальной справедливости. Однако после мирового финансового кризиса 2008–2009 годов, потрясшего как развитые экономики мира, так и посткоммунистические страны, в академической среде произошел всплеск интереса не только к вопросам экономического неравенства, но и к вопросам социального неравенства в целом, которые, вместе с тем, выводят на проблему политического неравенства. Действительно, ведь «социальное неравенство произрастает на экономической почве, но проецируется и в другие сферы общественной жизни, в том числе и в политику. Оно обретает политическое измерение, выражающееся в разной степени участия граждан в решении общих дел и в использовании властных ресурсов государства. Социальное неравенство воспроизводится в политическом и правовом неравенстве, которое, в свою очередь, воздействует на экономические и социальные отношения. Проблема эта приобретает особую остроту, когда перепады в экономическом и социальном положении людей, в социальном статусе приобретают чрезмерные масштабы, и экстраполируются на политику, венчая пирамиду вопиющего социального неравенства и отчуждения общества от власти».⁵⁷¹

Именно такие, чрезмерные масштабы перепадов в экономическом и социальном положении людей, порождающие их отчуждение от власти, и получили отражение в таком явлении, как политическая бедность, охарактеризованном американским политологом Джеймсом Бохманом как «неспособность групп граждан эффективно участвовать в демократическом процессе и их очевидная незащищенность перед последствиями намеренно или ненамеренно принятых решений».⁵⁷² Естественными следствиями такой бедности, полагает Бохман, являются публичная эксклюзия и политическая инклюзия. С одной стороны, политически бедные группы не могут избежать публичной эксклюзии; они могли бы избежать ее только если бы смогли успешно инициировать сплоченную деятельность публичной делиберации. С другой стороны, они не могут избежать политической инклюзии, поскольку являются легитимным объектом делиберативных соглашений, на которые они не имеют реального влияния или к которым они не имеют публичного доступа.⁵⁷³ Таким образом, политическая бедность выводит граждан из публичной сферы, их голос не слышит ни общество, ни государство. При этом их пассивное поведение воспринимается властью и обществом как согласие с проводимой политикой.

⁵⁷¹ Красин Ю.А. Социальное неравенство в политическом измерении // http://www.perspektivy.info/book/socialnoje_neravenstvo_v_politicheskom_izmerenii_2008-12-04.htm (access on 31.08.19)

⁵⁷² Bohman, James. *Public Deliberation: Pluralism, Complexity, and Democracy*. Cambridge, Mass.; London, England: 1996, P. 125

⁵⁷³ См.: там же, P. 126

В этой связи значимым представляется сравнительный анализ уровня экономической (материальной) бедности в России и США как базовой предпосылки феномена политической бедности, а также политической науки России и США в их потенциальной способности изучения этого политического явления и оказания влияния на него. При всем, действительно глубоко, различии в общем уровне жизни и критериях оценки уровня бедности в этих странах, их официальная статистика фиксирует бедность в обоих случаях на уровне около 15% их общего состава населения, в то время как социологи обеих стран оценивают этот уровень как превышающий 30%.⁵⁷⁴ А это означает, что «политически бедным» в обеих странах является каждый третий гражданин, что, несомненно, не может не сказываться на качестве демократических процессов этих стран и является серьезным вызовом для политической науки как России, так и США. На пути к принятию этого вызова и российскими, и американскими политологами обнаруживаются многочисленные эпистемологические, методологические, институциональные и политико-идеологические препятствия, преодоление которых абсолютно необходимо для успешного развития и углубления демократии в этих крупнейших демократических странах мира.

Коряковцева О. А. (Ярославль, ЯГПУ им. К. Д. Ушинского)

ФОРМИРОВАНИЕ ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ МОЛОДЕЖИ КАК ФАКТОРА ЕДИНЕНИЯ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Сегодня Россия — в центре глобальных политических и экономических процессов и, согласно Конституции, является социальным государством, политика которого направлена на формирование условий для достойной жизни и свободного развития людей. Молодежь объективно является активным и заинтересованным участником происходящих в стране преобразований, за ней — будущее России, хотя, по мнению европейских экспертов, молодежь все меньше и меньше инвестирует свою энергию в общественно-политическую сферу жизни общества, недостаточно проявляет активность на местном уровне⁵⁷⁵. Подобные явления характерны и для Российской Федерации, вследствие чего значимой и неотложной задачей государства и общества в настоящее время является формирование гражданской идентичности молодежи с целью активизации и консолидации российского общества для обновления страны.

Анализ существующей практики формирования гражданской идентичности у детей и молодежи обнаруживает недостаточность целенаправленной системной работы в этом направлении. Например, представление об успешности сегодня связывается в молодежном сознании не с успехами страны, с понятиями долга, ответственности, добросовестности, а с личным карьерным ростом и материальным достатком⁵⁷⁶. Во многом это обусловлено тем, что социально-политические трансформации, происходившие в России в 90-х–2000-х годы, привели к насаждению западных «индивидуалистических» ценностей: конкуренция, личный успех, карьера любой ценой, благосостояние независимо от его происхождения. Сегодня мы имеем поколение, не умеющее общаться, договариваться, не конфликтовать, помогать другим и радоваться за них⁵⁷⁷. И всё же в отличие от Запада российская ментальность традиционно носит коллективистский характер, молодежь подсознательно стремится к «соборности», и это следует учитывать.

Очевидно, что столь необходимое в период реформаций общественное единство может наступить лишь при условии высокой социальной мотивации и конструктивной гражданской позиции каждого из нас. А данные личностные качества формируются только на основе субъект-субъектных отношений между властью и гражданами страны разных поколений. Экономист Нейл Хоув и историк Вильям Штраус доказали, что, примерно, раз в 20 лет в мире рождается поколение людей с совершенно иной социо-культурной ситуацией развития и, следовательно, иным набором социальных установок. Для развития гражданской идентичности важно осознать, что является ценностью для каждого поколения.

⁵⁷⁴ Холявко А. В России стало больше бедных // Ведомости от 29.07.19 — <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2019/07/29/807554-v-rossii-bolshe-bednih> (access on 31.08.19) Wicks-Lim, J. Undercounting the Poor. The U.S.'s New, but Only Marginally Improved, Poverty Measure // Dollar & Sense: Real World Economics, May/June 2013 — <http://dollarsandsense.org/archives/2013/0513wicks-lim.html> (access on 31.08.19)

⁵⁷⁵ Коряковцева, О. А. Государственная молодежная политика в современной России / О. А. Коряковцева // Вестник Волгоградского государственного университета. — Сер. 4 История. Религиоведение. Международные отношения. — № 1 (15). — 2009. — С. 122–129.

⁵⁷⁶ Коряковцева, О. А., Бугайчук, Т. В. Молодой лидер Ярославской области: какой он? // Социальное лидерство в образовательной среде: материалы всероссийской научно-практической конференции / под науч. ред. Т. Н. Гушиной. — Ярославль: ЯГПУ им. К. Д. Ушинского, 2017. — 138 с. С. 22–27.

⁵⁷⁷ Коряковцева О. А. Молодежь в межпоколенческом взаимодействии // Молодежь и молодежная политика: новые смыслы и практики Под редакцией С. В. Рязанцева, Т. К. Ростовской Т. К.. Сер. «Демография. Социология. Экономика» Москва, 2019. С. 172–176.

В итоге психосемантического исследования «Изучение гражданской идентичности студенческой молодежи» гражданская идентичность проявилась как действенный фактор определения и роста возможностей каждого человека, а значит, и всего социума в целом. Формируя ум и души подрастающего поколения в этом направлении, мы, старшее поколение, во многом определяем Будущее своей страны⁵⁷⁸.

Известный русский философ Н. Бердяевым считает, что личностная позиция зависит от двух факторов: «активности духа» и «активности действий» человека. Очевидно, что развитие «активности духа», то есть базисных ценностных ориентаций, должно предшествовать развитию «активности действий», чтобы избежать асоциализации молодых людей и возникновения деструктивных молодежных сообществ.

На сегодняшний день подавляющее большинство технологий формирования гражданской идентичности молодежи направлены именно на развитие «активности действий», причем в основном политического характера. К сожалению, мы политизируем молодежь, а не формируем её гражданскую позицию, что приводит, в первую очередь, к проявлению протестной активности. В такой ситуации полноценный диалог власти и молодых граждан невозможен, а значит, разговоры о социально-политическом единении российского общества бессмысленны.

«Семья — образование — общественные институты» — вот, на наш взгляд, основа системного формирования гражданской идентичности молодого поколения, которое может оказать прямое влияние на решение таких важных социальных задач, как повышение относительно гомогенного патриотического сознания молодого поколения и становление гражданственности, но данная система не будет эффективной без поддерживающей роли государства⁵⁷⁹.

Костяев С. С. (Москва, ИНИОН РАН; Нью-Брансуик, Университет Ратгерса)

ЛОББИЗМ И САНКЦИИ США: СТАТИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ⁵⁸⁰

Исследование посвящено изучению вопроса о том, эффективен ли лоббизм как инструмент отмены санкций США. Оно представляет собой продолжение работы, опубликованной ранее⁵⁸¹. В качестве основного метода был использован анализ панельных данных с помощью логистической регрессии со случайными эффектами (panel data random effects logistic regression). Панельные данные охватывают 25 стран за период с 2001 по 2017 г, зависимая переменная — статус санкций (имеются, отсутствуют), независимые переменные: количество консалтинговых фирм в каждом году, размер лоббистских расходов в каждом году, ВВП за каждый год; индекс страны «Полити 4», индекс восприятия коррупции, нахождение страны в списке стран спонсоров терроризма (имеется в списке, отсутствует). Логистическая регрессия использована из-за бинарного характера зависимой переменной, случайные эффекты — из-за недостаточной вариации в зависимой переменной для ряда стран. Основные выводы: во-первых, роль лоббизма в отмене санкций статистически не значима; во-вторых, чем больше ВВП страны, тем ниже вероятность, что она окажется под санкциями США, в-третьих, нахождение страны в списке стран спонсоров терроризма снижает вероятность скорой отмены санкций.

При проведении статистического анализа в R автоматически было удалено 116 наблюдений из-за отсутствия данных по тем или иным переменным для отдельных стран. Проверка на мультиколлинеарность показала, что независимые переменные не влияют существенным образом друг на друга. Значения фактора инфляции дисперсии (variance inflation factor) Полити 4 (1,262259), ВВП (1,327669), индекс восприятия коррупции (1,018841), нахождение страны в списке спонсоров терроризма (1,184831), количество консалтинговых контрактов (1,419233), расходы на консалтинг (1,099056) не превышают 5, что принято считать пороговым значением, обозначающим сильную корреляцию между независимыми переменными.

Как видно из таблицы 1, значение стандартизированной оценки превышает 2 по трем независимым переменным: ВВП, индекс восприятия коррупции, нахождение в списке спонсоров терроризма.

⁵⁷⁸ Бугайчук Т.В., Коряковцева О.А. Становление гражданской идентичности в условиях социально-политической реальности // Социально-политические исследования. 2019. № 1. С. 5–15.

⁵⁷⁹ Бугайчук Т.В., Коряковцева О.А. Формирование гражданской позиции обучающихся в вопросах и ответах. Учебное пособие. Ярославль, 2018.

⁵⁸⁰ Публикация подготовлена в рамках поддержанного гранта РФФИ «Лоббизм и санкции США и ЕС: сравнительный анализ», №, 17-37-01001-ОГН-МОЛ-А2, 2017–2019.

⁵⁸¹ Данилина Н.В., Костяев С.С. Лоббизм стран Африки, Ближнего Востока и санкции США и ЕС // США — Канада: Экономика, Политика, Культура. 2018. № 12. С. 86–10.

Коэффициенты независимых переменных

Переменная	Коэффициент	Стандартная ошибка	z score
Полити 4	-0,0249984333048632	0,0238422770319968	-1,048
ВВП	-0,0000000000014453	0,0000000000006287	-2,299
ИВП	1,7111807938318344	0,5600330425202630	3,055
СТ	1,5737303439299162	0,4453124268338123	3,534
ККК	0,0150679079248286	0,0507087453335456	0,297
РК	0,0000000607738589	0,0000000435586322	1,395

Источник: подсчеты автора с помощью R.

Можно сделать вывод о том, что подтверждены следующие гипотезы: размер ВВП имеет негативную связь с санкционным статусом, нахождение страны в списке спонсоров терроризма имеет позитивную связь с санкционным статусом.

Прямая интерпретация коэффициентов в логистической регрессии невозможна, поэтому был произведен расчет предсказанной вероятности (predicted probability) нахождения под санкциями при заданных значениях независимой переменной. Это было сделано с помощью пакета «Прогноз» (Prediction) в R⁵⁸². Если задать значение ВВП как среднее 89,9 млрд. долл. (см. таблицу), то вероятность нахождения под санкциями составляет 60,76%. Если задать значение ВВП как максимальное из имеющихся 1,74 трлн долл., то вероятность попасть под санкции снижается до 17,64%. Если задать значение индекса восприятия коррупции как 1, то вероятность нахождения под санкциями составляет 56,59%. Если задать значение как 2, то вероятность нахождения под санкциями повышается до 86,21%. Данный вывод противоречит ранее выдвинутой гипотезе о том, что чем более коррумпированной является страна, тем больше вероятность нахождения под санкциями. Наконец, если задать значение переменной «нахождение в списке спонсоров терроризма» как 0, то вероятность нахождения под санкциями составляет 54,49%. Если же задать значение 1, то вероятность попадания под санкции повышается до 83,76%. Данный вывод вполне очевиден: правительство США борется с терроризмом.

Полученные результаты можно интерпретировать следующим образом. Поскольку не установлена статистически значимая негативная связь между лоббизмом и санкционным статусом, можно утверждать, что лоббизм не является эффективным инструментом снятия санкций. В ходе дальнейших исследований база данных будет расширена за счет стран, которые совершали определенные нарушения международных норм, но избежали участи подвергнуться секторальным санкциям США (Египет, Саудовская Аравия, Турция). Это позволит ответить на вопрос, является ли лоббизм эффективным инструментом, который позволяет предотвратить введение санкций США.

Крайнова К. А. (Ярославль, Правительство Ярославской области)

ПОЛИТИЧЕСКИЕ КОММУНИКАЦИИ: СОВРЕМЕННЫЙ ВЗГЛЯД НА КЛАССИЧЕСКИЕ КОНЦЕПЦИИ

В широком понимании коммуникация, как передача информации от человека к человеку, развивалась вместе с обществом; термин «коммуникация» в его нынешнем понимании закрепился в понятийно-категориальном аппарате политологии относительно недавно, а институционализация политической коммуникативистики все еще продолжается. Демократизация политических процессов второй половины XX в., влияние математических и естественных наук, возникновение новых информационных технологий, а также развитие кибернетики обусловили распространение понятия «коммуникация». Исследование проблематики в США и Европе пошли разными путями. Американские исследователи акцентировали внимание на практическом применении знаний о коммуникациях, на количественных методах. В частности, Г. Лассуэлл одним из первых использовал метод контент-анализа.⁵⁸³ В Европе больше внимания уделялось историческим и культурным аспектам. С середины XX в. внимание к изучению политических коммуникаций возрастает, появляются различные школы и концепции, объясняющие природу коммуникаций политической сферы.

⁵⁸² Rdocumentation. Prediction. Available at: <https://www.rdocumentation.org/packages/prediction/versions/0.3.14> (accessed 12.09.2019).

⁵⁸³ Тимофеева Л. Н. Политическая коммуникативистика: мировая и российская проекции // Политическая наука. 2016. № 2. С. 79.

Информационный подход (К. Шеннон и У. Уивер) объясняет коммуникацию как линейный процесс, в котором взаимодействуют передатчик, посылаемые и принимаемые сигналы и приемник.⁵⁸⁴ Сегодня информационный подход рассматривается в теориях «информационного общества» и «электронной демократии».

Системно-кибернетическая методология раскрывает коммуникацию с точки зрения системных свойств процесса взаимодействия между коммуникаторами как элементами социальных систем. По мнению К. Дойча, субъектом государственного управления является правительство, контролирующее информационные потоки и коммуникативные взаимодействия среды и системы, а также отдельные элементы в этой системе. Вслед за К. Дойчем, который сравнивал коммуникации с нервной системой, Р.-Ж. Шварценберг⁵⁸⁵ соотносит коммуникацию в политической жизни общества с кровообращением в организме человека. Труды К. Дойча, Т. Парсонса, Д. Истона, Г. Алмонда, в которых политический процесс впервые осмыслен с точки зрения системного характера, стали знаковыми явлениями в науке 1960-х годов. Системный подход к природе политических коммуникаций и сегодня является одним из самых популярных. Так, А.И. Соловьев отмечает, что информационные связи являются базовыми для политической практики коммуникаций и в совокупности формируют информационно-коммуникативные системы⁵⁸⁶.

Критическую традицию коммуникативистики представляют теоретики Франкфуртской школы Ю. Хабермас, Т. Адорно, М. Хоркхаймер. Ю. Хабермас использует понятие коммуникации для объяснения сущности межличностного взаимодействия⁵⁸⁷. По его мнению, коммуникации сыграли определяющую роль в становлении либерально-демократических режимов в странах Западной Европы. Коммуникация как общественное явление основана на трех видах речевых актов: утверждениях, претендующих на истинность; регулятивных действиях, выражающихся через влияние на политические отношения; выражении мнения. Вводимое им понятие дискурса означает систему аргументации, необходимую субъекту коммуникации для демонстрации своего мнения. М. Хоркхаймер и Т. Адорно раскрывают сущность власти, стремящейся подчинить общество и каждого индивида в частности, используя возможности идеологии, пропаганды, массовой культуры⁵⁸⁸. Процесс технологизации политики, начавшийся в эпоху Просвещения, в настоящее время достиг своего апогея.

В научной среде растет интерес к проблеме использования в политической практике новых коммуникационных технологий — Интернет, технологии краудсорсинга, массовой культуры. Интернет-коммуникации могут обеспечить эффективный диалог власти и общества, способствуя реализации принципа обратной связи. Благодаря Интернет-технологиям общество путем создания сообществ в социальных сетях, сайтов, статей, опросов, пожертвований включается в формирование политической повестки дня, происходит формирование «умной толпы».⁵⁸⁹ Но есть и негативные тенденции. Маскируясь под неформальную коммуникацию и претендуя на доверительность, как в межличностном общении, интернет-коммуникации как СМК не менее стандартизированы, спланированы и содержательно структурированы. Сеть способствует обезличиванию участников коммуникативного процесса, формируя безликую массу, агрессии толпы, что может выразиться в политических действиях и намерениях не только в «он-лайн» — политике, но и в митингах и беспорядках на улицах. Являясь основой развития «горизонтальных» связей в публичной политике, сетевые технологии Интернета подвержены негативному влиянию манипуляции и пропаганды, формируя псевдопубличное пространство политики. В последние годы отмечается угроза вмешательства в процесс выборов посредством интернет-технологий.

Для современного этапа характерен плюрализм исследований коммуникаций; особое место занимают исследования электронной демократии, социальных сетей, краудсорсинга. На фоне появления новых коммуникационных практик актуализируется вопрос управления коммуникационными потоками.

Краснопёров А. Ю. (Томск, НИ ТГУ)

ИНТЕРНЕТ В ЖИЗНИ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ УНИВЕРСИТЕТСКОГО ГОРОДА (НА ПРИМЕРЕ ГОРОДА ТОМСКА)⁵⁹⁰

Под влиянием глобализации, урбанизации, информатизации и целого ряда других процессов сегодня одной из составляющей местной политики является позиционирование города в условиях мировой конкуренции тер-

⁵⁸⁴ Яковлев И. П. Основы теории коммуникации. СПб.: Институт управления и экономики, 2001. С. 38.

⁵⁸⁵ Шварценберг Р.-Ж. Политическая социология. М., 1992. С. 175.

⁵⁸⁶ Соловьев А. И. Политическая коммуникация: к проблеме теоретической идентификации. // Полис. 2002. № 3. С. 12.

⁵⁸⁷ Хабермас Ю. Теория коммуникативного действия. Т. 1 // Вестник МГУ. Сер. 7. Философия. 1993. № 4. С. 58.

⁵⁸⁸ Хоркхаймер М., Адорно Т. В. Диалектика Просвещения. Философские фрагменты. М.; СПб.: Медиум, Ювента. 1997. С. 10–11.

⁵⁸⁹ Бронников И. А. Метаморфозы гражданского общества // PolitBook. 2012. № 2. С. 83–97.

⁵⁹⁰ Статья выполнена по гранту на реализацию научного проекта РФФИ № 19-011-31231 «Политическая социализация молодежи в университетских городах».

риториальных единиц за ресурсы и влияние. В этой связи актуализируется вопрос создания бренда города, одним из вариантов которого является город-университет или университетский город. Но университетский город — это еще и определенная внутренняя организация городской жизнедеятельности, направленная на формирование «умного сообщества», которое является одним из столпов городского развития⁵⁹¹. От людей, составляющих умное сообщество, требуется умение вступать в продуктивную коммуникацию, результатом которой должны стать идеи и любая информация, способствующая устойчивому городскому развитию.

Большое значение для организации коммуникации между горожанами имеет Интернет, который способен стать интегратором географически удаленных друг от друга субъектов. Однако, как показывает практика, само по себе внедрение технологий в городскую среду еще не способствуют улучшениям, а потому необходимо учитывать социальную составляющую — практику их использования⁵⁹². Результаты исследования, выполненного в рамках гранта РФФИ «Политическая социализация молодежи в университетских городах», позволяют увидеть, как сетевые и информационные ресурсы функционируют в жизни студенческой молодежи на примере города Томска, который позиционирует себя как университетский. Выборка представлена студентами средне-специальных и высших учебных заведений в возрасте от 16 до 24 лет. Исследование проводилось в формате анкетного опроса. Ниже представлены некоторые из сделанных выводов.

Во-первых, абсолютное большинство молодых людей может присоединиться к социальной сети в любое время из любой точки (83% респондентов). Однако 16% все еще испытывают трудности, что является проявлением цифрового неравенства.

Во-вторых, студенческая молодежь Томска проявляет высокий интерес к текущим событиям (51% респондентов) и политической тематике (26,3%), а также обращается к СМИ и Интернету для самообразования (39,6%) и удовлетворения других интересов и потребностей. Результаты исследования убедительно показывают, что молодые люди в основном используют социальные сети для получения информации (60% респондентов выбрали «информация» при ответе на вопрос «Если условно ограничить потребность в социальной сети, в чем ее привлекательность для Вас?») и коммуникации (61,7%). Эти возможности обладают гораздо большей ценностью, чем «самопрезентация» (6,3%), «свобода» (16%) или даже «досуг» (26,8%). Высокая значимость коммуникации для молодежи говорит об их активной позиции в информационном обмене, о готовности не только потреблять информацию, но и производить ее.

В-третьих, опрос показывает неодинаковую ценность различных сетевых сервисов. Некоторым из них отдается явное предпочтение («ВКонтакте» и «YouTube»), другие имеют лишь небольшую аудиторию. Можно предположить, что вследствие этого факта они оказывают разное влияние на процесс социализации, в том числе политической.

В-четвертых, молодые люди предпочитают опираться на собственные силы при решении проблем (79,7% респондентов), в то время как на государство надеется лишь небольшая их часть (9%). Проблематика, волнующая молодых людей, представлена очень широко и включает проблемы социальной значимости (всего свыше 400 позиций). При этом, если речь идет о политической активности, молодежь предпочитает формы онлайн-участия. Так, подписывают электронные обращения 24,7% опрошенных. Этот пункт уступает только участию в волонтерском движении (37,6%). Делятся информацией политической значимости в социальных сетях 19,5% опрошенных, этот ответ на четвертом месте по популярности. Как видно из сравнения с другими вариантами, онлайн формы политической деятельности готовы осуществлять приблизительно в два раза больше людей по сравнению с теми, кто участвует в митингах, демонстрациях или работе политических партий (по 11,8%).

Итак, результаты исследования говорят о том, что молодежь заинтересована и настроена на коммуникацию, в том числе по политическим вопросам. Интернет — не способ ухода от социально-политической жизни, но, при правильном подходе к использованию, инструмент коммуникативной интеграции с перспективой формирования умного сообщества (при условии включения в коммуникацию и других групп населения).

Крестьянинова Е. А. (Йошкар-Ола, МарГУ)

ФАКТОРЫ, ДОКАЗЫВАЮЩИЕ ОПРЕДЕЛЯЮЩУЮ РОЛЬ МЕДИАКРИТИКИ В ПРОЦЕССЕ АНАЛИЗА ПУБЛИКАЦИЙ, ОСВЕЩАЮЩИХ СОВРЕМЕННЫЕ КОНФЛИКТЫ

Очевидным и неоспоримым является утверждение о том, что сегодня технологии масс-медиа вкупе с достижениями научно-технического прогресса и лавинообразным характером развития сети Интернет оказывают

⁵⁹¹ Komninos N. The Age of Intelligent cities: Environments and Innovation-for-all Strategies. — Routledge, 2015. — P. 21–24.

⁵⁹² Gooch D. Amplifying quiet voices: challenges and opportunities for participatory design at an urban scale / D. Gooch [et al.] // ACM Transactions on computer-human interaction. — 2018. — № 1. — Vol. 25. — P. 2.

все возрастающее влияние на сознание аудитории, особенно в процессе выработки последней собственных представлений о картине окружающего мира. Несмотря на то, что «созданные» таким образом умозаключения, воззрения и логические цепочки воспринимаются человеком как истина и «невыводимая» реальность, нельзя отрицать тот факт, что весомое, а порой и определяющее влияние на ее формирование оказывают ресурсы извне, главным образом, контент-поле средств массовой информации.

Обозначенные тенденции явственно иллюстрируют почти что насущную необходимость наличия у действующих журналистов умения критически оценивать авторские информационные продукты и ситуативно корректировать вектор своей профессиональной деятельности. В этой связи А. П. Короченский, доктор филологических наук, исследователь журналистики, предлагает к использованию понятие «медиакритика», означающее «актуальное и многоаспектное познание информационного производства, деятельное изучение влияния средств массовой информации и медиапродуктов на общество в целом и отдельных индивидов в частности с позиций как деструктивного, так и позитивного воздействия»⁵⁹³.

Согласно существующим теориям, принято выделять три разновидности медиакритики: академическую (исследование явления влияния на сознание с опорой на признанные научные методики), профессиональную (рефлексия каждого отдельного специалиста, определение внутренних рамок по использованию инструментов воздействия) и, наконец, массовую (развитие критического мышления аудитории в крупных масштабах).

Автор настоящего исследования утверждает, что медиакритика и используемые в данной деятельности подходы и методики должны быть базовым атрибутом процесса анализа, в первую очередь, публикаций, касающихся освещения конфликтов и проблемных ситуаций в средствах массовой информации. Так, по признанию многих исследователей вопроса, «средства массовой информации и коммуникации уже проявили себя как мощнейшее средство в управлении процессом протекания вооруженных конфликтов; можно сказать, что журналистика — это одна из фронтовых линий развития таких ситуаций»⁵⁹⁴.

При этом следует понимать, что любой журналист, занятый освещением тех или иных политических и вооруженных конфликтов, в большей или меньшей степени является ангажированным. А потому в контексте рассмотрения подобного вида публикаций медиакритика как способ адекватного, сознательного и аналитического подхода к масс-медийной действительности является необходимым средством познания и оценки близкого к реальному положению вещей. Еще один довод в пользу использования критического подхода такого рода — это сама сущность демократического общества, в условиях которого главным критерием деятельности СМИ становится критерий достоверности и беспристрастности в отражении увиденных и задокументированных событий.

Однако, несмотря на очевидную эффективность применения инструментария медиакритики, ряд исследователей данной проблематики отмечают, что «российские СМИ, отражающие и защищающие интересы граждан своего государства и при этом рассматривающие причины и следствия конфликтных ситуаций глубоко, а не туманно-поверхностно, на настоящий момент не сложились полностью»⁵⁹⁵. Усугубляет положение и тот факт, что в зависимости от политики редакций, взглядов журналистов, личных ценностей и симпатий сильно отличаются публикации на тему, казалось бы, одной и той же конфликтной ситуации. Так, СМИ могут способствовать эскалации конфликта, а также формировать у аудитории определенное к его сторонам отношение (при этом зачастую эксплуатируется противоречивость фактов и невозможность провести процедуру фактчекинга), препятствовать процессам естественного социального умиротворения.

Принимая во внимание все обозначенные выше факты, верно будет развить мысль о том, что современное положение дел диктует необходимость совершенствования технологии медиакритики. Ведь, если массовая аудитория приобретет хотя бы первичные навыки «трезвого» анализа, то «информационная война» не будет нести столь разрушительные последствия. Помимо этого, представители общественности получают возможность грамотно оценить пласты поступающей информации, оценить и отсортировать их, скорректировать систему потребления тех или иных сведений, что, в свою очередь, приведет к повышению показателя достоверности в освещении не только конфликтов, но и других (не менее важных) областей жизни современного человека.

⁵⁹³ Короченский, А. П. «Пятая власть? Медиакритика в теории и практике журналистики» Ростов: Изд-во Ростов. университета, 2003, 284 с. 32

⁵⁹⁴ Засурский, Я. Н. «СМИ как фактор процессов общественной трансформации на рубеже тысячелетия» // «Журналистское образование в XXI веке». Екатеринбург, 2000

⁵⁹⁵ Лебедева М. М. Политическое урегулирование конфликтов: подходы, решения, технологии. М., 1997.

МЕХАНИЗМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ИМИДЖА ГОСУДАРСТВА В КОНТЕКСТЕ ПУБЛИЧНОЙ ДИПЛОМАТИИ

Первое десятилетие нового века для России характеризовалось преобладанием вектора внутренней политики перед внешним: модернизировались все сферы общественной жизни, ставилась задача стабильного развития государства, укрепления властной вертикали управления, регулирования конфликтов разной направленности. Внешняя же политика была нацелена на продолжение интеграционных процессов с остальным миром.

Анализ направлений государственной политики во втором десятилетии показал их существенное переориентирование. На первое место вышли цели геополитики, что отразилось на политическом имидже российского государства и механизмах его формирования. Основными проблемными зонами в данном контексте стали события на Украине, фактор присоединения Крыма, применение экономических санкций к России со стороны других государств, формирование негативного образа государства.

Современная ситуация требует изменения внешней информационной политики, адаптации ее к механизмам, привычным зарубежной аудитории, к примеру, путем внимательного изучения и использования опыта других государств в применении методов «мягкой силы», эффективность которых была доказана в трансформационных процессах ряда государств. «Мягкая сила» направлена на повышение привлекательности определенного государства, распространение позитивной информации о культуре, особенностях, обычаях, традициях, истории его народа.

Для России такими образами «мягкой силы» могут стать архетипы страны-объединительницы, страны-освободительницы, которая стремится занять достойное место в мировом сообществе, повысить уровень и качество жизни своих граждан.

«Россия добивается объективного восприятия ее в мире, развивает собственные эффективные средства информационного влияния на общественное мнение за рубежом, содействует усилению позиций российских и русскоязычных средств массовой информации в мировом информационном пространстве, предоставляя им необходимую для этого государственную поддержку, активно участвует в международном сотрудничестве в информационной сфере, принимает необходимые меры по противодействию угрозам своей информационной безопасности»⁵⁹⁶.

С распадом СССР исчезли связи государства с партийными, советскими органами, общественными и культурными организациями, средствами массовой информации, уже нет централизованного информационного пространства с его сильной иерархией, позволявшей слаженно работать системе пропаганды. Сохранившиеся участники формирования позитивного образа государства, такие, как различные творческие союзы или культурные центры за рубежом, зачастую не представляют какую-либо политическую партию, не находятся в вертикали подчинения власти, а стали основой зарождающегося гражданского общества в стране. Представляется полезным использование инструментария сетевого сообщества на основе горизонтальных связей для объединения ресурсов для достижения целей, стоящих перед публичной дипломатией.

Однако осознать значение принципов политической пропаганды и агитации, которое придавалось им советской властью, было бы бесполезно для новых субъектов в поле создания имиджа российского государства.

Необходимо также принять во внимание целесообразность взаимодействия государства с негосударственными структурами общества в определенных политических ситуациях, когда может требоваться согласованность действий и целей между субъектами процесса формирования позитивного образа России, создания совместного координационного центра в работе по улучшению и поддержанию репутации страны в глазах отечественной и зарубежной аудитории. Такими ситуациями могут стать политическая обстановка в период государственных, общественно-политических кризисов, чрезвычайных ситуаций, когда монологический режим подачи информации может снизить углубление кризиса.

Смягчить жесткую форму пропаганды может маркетинговый, «мягкий» способ каналирования информации, который разработан и успешно применяется в странах западной демократии. Одной из особенностей маркетингового способа формирования имиджа является, в отличие от советского постоянного способа информирования, постоянное обновление путей привлечения внимания аудитории к подаваемому материалу, учет фактора утраты ее интереса и внимания к однообразным темам и приемам.

Поэтому в разрабатываемой долгосрочной стратегии имиджевой политики должна быть предусмотрена не единственная информационная кампания, а их многообразие, — с постоянными целями и задачами, но изме-

⁵⁹⁶ Указ Президента Российской Федерации от 30.11.2016 г. № 640. Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41451/page/1> (дата обращения 10.12.2016)

няющейся и совершенствующейся тактикой. Организационно и структурно механизм формирования позитивного политического имиджа России может быть построен на принципах децентрализации процесса в стабильные периоды общественной жизни и на мобилизационных принципах организации в периоды кризисов.

Кузьмин П. В. (Симферополь, КФУ имени В. И. Вернадского).

О НЕКОТОРЫХ ПОЗИТИВНЫХ ФАКТОРАХ И ТРУДНОСТЯХ РАЗВИТИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В РЕСПУБЛИКЕ КРЫМ

Анализ общественно-политического поля Республики Крым приводит к убеждению, что здесь после 2014 года произошли и происходят изменения, способствующие развитию гражданского общества. Речь идет, прежде всего, о закреплении в регионе общественно-политической и социально-экономической стабильности как важнейшего фактора и ресурса его устойчивого развития. Составляющими этого фактора и ресурса являются: строительство крымского моста через Керченский пролив, позволившего связать полуостров с материальной частью Российской Федерации и тем самым наладить снабжение жителей Крыма всем необходимым; строительство федеральной трассы «Таврида», обеспечивающей передвижение по территории полуострова больших объемов товаров и пассажиропотока; строительство нового аэровокзального комплекса — международного аэропорта «Симферополь», позволившего заметно увеличить пассажиропоток в Крым и способствующего здесь развитию туризма.

Существенную роль в формировании позитивных настроений абсолютного большинства крымчан играют изменения в инфраструктуре региона — ремонт сотен километров дорожного покрытия, строительство многочисленных объектов социального назначения, увеличение за прошедшие пять лет объемов ввода жилья. Важное значение для национально-культурной сферы имеет строительство в Симферополе Соборной мечети — главного духовно-культурного объекта крымских татар, открытие которой планируется в 2020 г.

В Республике Крым создана Общественная палата Республики Крым. Возникли и действуют общественные объединения. На сегодня их численность составляет около 600. Центральное место среди них занимают национально-культурные автономии (всего 14 автономий). Это новая форма общественных объединений, которая успешно развивается на полуострове. Подчеркнем, что наряду с другими направлениями деятельности, национально-культурные объединения стали инициаторами т. н. «народной дипломатии», направленной на установление и развитие связей с зарубежными соотечественниками. Народная дипломатия, как показывает практика, ускоряет процесс фактического признания Крыма на международной арене как субъекта российской Федерации.

Сформированы Общественные Советы во всех органах исполнительной власти, большинство в которых — представители общественных формирований.

В регионе развивается правозащитный сектор гражданского общества. С 2014 года здесь действуют институты Уполномоченного по правам человека, Уполномоченного по защите прав предпринимателя.

Одновременно, с изменениями, благоприятствующими развитию гражданского общества, в Республике Крым имеют место проблемы, требующие своего разрешения. Укажем на некоторые из них. Во-первых, проблема налаживания конструктивного взаимодействия между государственными структурами и гражданским обществом. Во-вторых, наблюдается невысокий уровень деятельности общественных организаций. Из зарегистрированных организаций более 67% реально не работает. А в действующих, деятельность нередко осуществляется без опоры на потребности общества, что приводит к проблеме неудовлетворенности одних и сверхудовлетворенности других потребностей. В-третьих, существует проблема развития гражданского самосознания граждан, их способности самостоятельно управлять своей собственностью, имуществом в соответствии с действующим законодательством.

Таким образом, в Республике Крым в последние пять лет создано ряд благоприятных материальных, социально-политических, культурных предпосылок для развития гражданского общества. Одновременно, имеют место проблемы и трудности, связанные с медленным формированием конструктивного взаимодействия государственных и общественных структур, развитием гражданской культуры населения, в том числе молодежи.

Государственным структурам необходимо активнее работать с той частью крымского общества, которая хочет вести конструктивный диалог с властью. Необходимо обратить особое внимание на мотивацию общественно-политического участия молодежи. Целесообразно развивать каналы коммуникаций между властью и обществом в целях формирования интереса общественных объединений, направленного на реализацию

региональных проектов, и прежде всего, связанных с занятостью, созданием новых рабочих мест, сохранением экологической среды, развитием туризма, пропагандой здорового образа жизни, дальнейшей консолидацией крымского общества.

Кузьмина А. М. (Санкт-Петербург, СПбГУ)

КОММУНИКАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ GR В ПРОЦЕССЕ РАЗВИТИЯ КОНТРАКТНОЙ СИСТЕМЫ РОССИИ

Одно из главных направлений экономической деятельности государства представлено в выражении общественных потребностей и нужд путем осуществления государственных и муниципальных закупок. В этом случае государство представляет свою экономическую деятельность как предпринимательство особого свойства — государственные агенты преследуют, в первую очередь, не личные, а общественные интересы⁵⁹⁷.

На данный момент в России развивается институт контрактной системы, предполагающий цивилизованный характер взаимоотношений государства и бизнеса по поводу «правил игры» при проведении государственных закупок. Поэтому в условиях институциональных трансформаций государственного прокьюремета важно оценить те изменения, которые вносит контрактная система в сферу закупок и как эти изменения влияют на характер и возможности агрегации и аккумуляции общественных потребностей и нужд, а, соответственно, и на характер GR-коммуникаций основных игроков государственного рынка, в целом.

Многосложность задач деятельности государства при размещении государственных заказов и присущие ей негативные ограничения (высокая степень бюрократизма, отсутствие гибкости и стимулов к работе с максимумом отдачи, преобладание политических решений над административно-хозяйственными, коррупция) вызывают необходимость его особенно тесного и многостороннего сотрудничества и взаимодействия с бизнесом и негосударственными организациями. Таким образом, социальное значение GR-коммуникаций заключается в том, что они способствуют не только реализации частнособственнических интересов отдельных бизнес-структур (мы относим это к внутренним, корпоративным задачам GR-коммуникации), но и установлению прочных связей в системе «общество-государство», помогая последнему идентифицировать и аккумулятировать общественные потребности и нужды (определяем такую задачу GR в качестве внешней, пассивной).

Рынок (в том числе и государственный) есть взаимозаинтересованность. Суть рынка в том, что люди собираются и достигают соглашения. Конвенциональное взаимодействие участников контрактных отношений представляет собой выработку согласованной и разделяемой позиции данных участников по разнообразным вопросам в сфере государственной закупочной деятельности⁵⁹⁸, И, частному сектору, реализуя деятельность в области «связей с государством», нужно разграничивать конвенциональные коммуникации, которые имеют стратегический характер, так и те, которые относятся к тактическому уровню.

В стратегическом плане мы выделяем варианты форм GR-коммуникаций, направленные, с одной стороны, на выстраивания отношений с организациями государственного сектора (*корпоративная цель GR-деятельности*), с другой стороны, — для обеспечения государственных, корпоративных нужд в рамках закупок (*внешняя, пассивная цель GR-деятельности*):

— государственно-частное партнерство (public private partnership), контрактация типа «франчайз», арендные соглашения, концессии различных видов и проч.

— участие GR-специалистов в процессе формирования государственной политики в области закупок, в том числе включение бизнеса (иных негосударственных организаций) в транспарентную часть информационно-коммуникативной системы принятия политических (административных) решений (участие в общественных советах при органах государственной власти и местного самоуправления, общественное обсуждение законодательных и нормативно-правовых актов в сфере закупок, участие в работе экспертно-отраслевого сообщества на открытых площадках (форумах, конференциях, рабочих группах ассоциаций и проч.).

В тактическом плане GR-коммуникации сопряжены с цикличностью закупочного процесса на государственном, корпоративном уровнях (начиная с формирования хозяйствующими субъектами своего предложения и завершая исполнением обязательств обеспечения приоритетных нужд после контрактации). Формы коммуникации при этом не сильно отличаются от тех, которые используются частным сектором в деловом позиционировании в коммерческой среде (PR, реклама, брендинг и проч.). Успешная и профессиональная реализация

⁵⁹⁷ Афанасьев М. В., Афанасьева Н. В., Кныш В. А. Государственные закупки в рыночной экономике. СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 2004. С. 6.

⁵⁹⁸ Кузьмина А. М. Конвенциональное взаимодействие участников контрактной системы по вопросам повышения ее инновационного потенциала. Управленческое консультирование. 2015. № 12 (84). С. 29.

GR-деятельности в данном случае предполагает осведомленность о наборе необходимых инструментов коммуникации и понимание того, на каком этапе закупки применить необходимую их комбинацию для достижения поставленных GR-целей.

Кулакова Н. Н. (Москва, Финансовый Университет при Правительстве РФ)

ТРАНСФОРМАЦИЯ ДОГОВОРНОГО ПРОЦЕССА ПО ОГРАНИЧЕНИЮ ВООРУЖЕНИЯ

На современную конфигурацию международных отношений существенное влияние оказал процесс ядерного разоружения, осуществляемый на основании двусторонних или многосторонних договоров между государствами, владеющими ядерным оружием, происходящий в последние годы XX века. Этот период стал во многом переломными с точки зрения развития системы европейской и глобальной безопасности после окончания холодной войны, в том числе и для отношений между СССР, США и их союзниками.

Кардинальным изменениям, связанным с окончанием холодной войны, соответствовала трансформация значимости силового фактора в международных отношениях. Становление системы европейской и глобальной безопасности нашло практическое воплощение в целом комплексе международных соглашений между Россией и ведущими державами мира. В этот период был запущен процесс разоружения, в результате которого было заключено девять договоров, позволивших сократить арсенал ядерного оружия и уменьшить его суммарную разрушительную мощь в тридцать раз⁵⁹⁹. При этом приходится признать, что система международной безопасности, существовавшая в мире до развала СССР, во многом изменялась по американскому сценарию, принимаемые мирообустраивающие решения, основывались на исторической данности, складывающейся далеко не в пользу России.

Основой существующего режима контроля над вооружениями и нераспространения ядерного оружия стал подписанный ещё в 1987 г. Договор о ликвидации ракет малой и средней дальности (ДРСМД). Двумя ядерными державами, США и СССР, было принято решение о создании классификации ракет по дальности действия и уничтожению значительной часть существующего ядерного вооружения. ДРСМД, его плюсы и минусы для каждой из подписавших его сторон, вызывал и продолжает вызывать жаркие споры по обе стороны океана.

Заключённый Договор задал вектор развития российско-американских отношений на несколько десятилетий вперед и явился предтечей целой системы соглашений в области международной безопасности. Так, в конце 20-го столетия прогресс в области ограничения, сокращения и нераспространения оружия массового уничтожения выразился сразу в нескольких международных соглашениях, в том числе вступила в силу Конвенция о запрещении разработки, производства, накопления и применения химического оружия и о его уничтожении (КХО), договор по ПРО и другие.

Как известно международные договорённости соблюдаются только пока это выгодно заключившим их участникам, изменение соотношения сил на мировой арене влечёт за собой изменение конфигурации международных договоров.

Поворот в политике контроля за вооружением ознаменовался выходом в 2002 году соединенных Штатов из договора по ПРО. Для сегодняшних международных отношений, и в частности для хозяина Белого дома, характерно безответственное обращение с соглашениями, выполняющими важнейшую роль в обуздании гонки вооружения и предотвращении ядерной катастрофы. Противоречия по соблюдению договорных обязательств не являются техническими проблемами, а носят именно политический характер.

В условиях стремления США к построению однополярного миропорядка, разрыве базовых международных договоров, подрывающем систему международной безопасности, развертывания глобальной системы ПРО в Европе, обострения противостояния России и США, общего нарастания международного конфликтного потенциала Российская Федерация становится объектом широкого спектра угроз. Современной России приходится доказывать мировому сообществу, что в настоящее время приемлемым типом международных отношений может быть только путь равного партнерства и взаимного приспособления государств к интересам друг друга. Министром иностранных дел России С. Лавровым, названа формула современного взаимодействия: «Международные отношения основаны на взаимности. Как аукнется, так и откликнется.»⁶⁰⁰

Текущая международная ситуация вынуждает государства мирового сообщества, не владеющие собственным ракетно-ядерным оружием, позаботиться о его создании, как единственном гаранте от нападения на них

⁵⁹⁹ Сухова С. «Ни на блеф, ни на торг это не похоже». Чем чреват выход США из Договора по ракетам средней и малой дальности. <https://www.kommersant.ru/doc/3771852>

⁶⁰⁰ Лавров: послам США и ЕС поручено заморозить отношения с Россией. РИА новости. <https://ria.ru/20140411/1003532588.html>

более сильной и располагающей оружием массового уничтожения страны. Выдвигаемая ещё совсем недавно перспективная задача по построению безъядерного мира в современных условиях, отягощённых разрывом договоренностей по разоружению, как минимум стала неактуальной.

Подводя итог сказанному, хотелось бы отметить, что наличие ядерного оружия и системы ядерного сдерживания могут поддерживать относительно безопасный уровень существования не самим своим наличием, но только посредством переговорных процессов и действующих договоров, ограничивающих гонку вооружения.

Кулакова Т. А., Волкова А. В. (Санкт-Петербург, СПбГУ)

СЕТЕВОЙ ФАКТОР РАЗВИТИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИННОВАЦИОННОЙ СТРУКТУРЫ⁶⁰¹

Административная реформа, изменившая подход к государственному управлению, его функции и принципы взаимодействия с обществом, продолжается в России уже более пятнадцати лет, сегодня основной вектор развития публичной политики в условиях цифровизации и сетевизации общества — государство как платформа взаимодействия и эко-система⁶⁰².

Социально-экономическое положение территорий определяют: нарастающие темпы информационного и коммуникационного обмена, внешнеэкономические факторы, трансформация стандартов качества жизни, повышение требований к государственным и муниципальным структурам со стороны населения и риски цифровизации. Конкурентная среда и практика построения рейтингов субъектов РФ вызывают необходимость поиска (или формирования) регионами своих уникальных конкурентных преимуществ.

Особенностью развития инновационной инфраструктуры в России является, то что это взаимодействие происходит на связях «сверху-вниз», это приводит к недостаточной институционализации взаимовыгодного партнерства всех акторов процесса, отсутствию или слабой обратной связи, а также снижает заинтересованность в инновационной деятельности со стороны науки и бизнеса. РФ старается перенять опыт других стран в развитии инновационной инфраструктуры. В докладе Минэкономразвития в 2011 г. представлен опыт более двадцати стран, которые в той или иной мере осуществляют инновационную кластерную политику⁶⁰³, поскольку именно кластеры играют одну из ведущих ролей в экономике передовых стран.

Несмотря на то, что инновационное развитие стоит в приоритете российской экономической политики и поддерживается государством, у населения в целом достаточно слабое представление о деятельности объектов инновационной инфраструктуры и о инновационных продуктах.⁶⁰⁴ Пример Санкт-Петербурга, активно внедряющего кластерный подход, является весьма показательным. В настоящий момент в городе представлено более 40 объектов инновационной инфраструктуры⁶⁰⁵, значительную часть инновационной инфраструктуры в городе занимают ВУЗы (ИТМО, ЛЭТИ, СПбПУ, Горный университет). По оценке состояния инвестиционного климата⁶⁰⁶ мегаполис несколько лет подряд удерживает лидерство в инновационном рейтинге регионов России. Но на сегодняшний день объекты инновационной инфраструктуры недостаточно представлены в медиа-пространстве и в социальных сетях, что негативно сказывается на коммуникационной стратегии и имидже инновационной инфраструктуры Санкт-Петербурга в целом.

Исходя из требований современного этапа административной реформы (публичностью оценок деятельности органов государственного управления, проектное управление, инновативное развитие) общественная осведомленность о деятельности объектов инновационной инфраструктуры способна повысить уровень доверия общества как к конкретным инновационным проектам, а также к органам власти, которые их инициируют и поддерживают. На региональном уровне очевидна недостаточная работа по популяризации инновационных проектов, отсутствие внятной имиджевой и коммуникационной политики, развитие и продвижение объектов через социальные сети и СМИ. Для органов государственной власти, курирующих инновационную деятель-

⁶⁰¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-011-00705 «Объяснительный потенциал сетевой теории в политических исследованиях: методологический синтез как аналитическая стратегия»

⁶⁰² Цифровая экономика <http://ar.gov.ru/ru-RU/document/default/view/545> (дата обращения 14.05.2019)

⁶⁰³ Обзор инновационных кластеров в иностранных государствах. Доступно: http://economy.gov.ru/minec/about/structure/depSvod/doc20110531_04 (дата обращения 14.05.2019)

⁶⁰⁴ Инновационное поведение населения ВЦИОМ https://wciom.ru/fileadmin/file/nauka/grusha2017/prez/6_fursov.pdf (дата обращения 02.07.2019)

⁶⁰⁵ Площадки прогрессивного развития. — Режим доступа: <http://expert.ru/northwest/2014/40/ploschadki-progressivnogo-razvitiya/> (дата обращения 27.05.2019).

⁶⁰⁶ Российское Агентство стратегических инициатив. Доступно: <https://asi.ru/news/91678/> (дата обращения 14.05.2019)

ность стоит задача преодолеть фрагментированность восприятия объектов инновационной инфраструктуры, создать комплексное представление и позитивный имидж инновационной деятельности.

Сегодня инновационная инфраструктура является гарантом инвестиционной привлекательности региона, его экономической стабильности. Это значимый ресурс управления публичной политикой и исследование динамики реакций общественности относительно инновационной инфраструктуры региона является необходимым условием формирования государственной политики в инновационной среде. Представленность и продвижение в сети инновационных объектов — неотъемлемая часть регионального политического процесса, способствующего формированию позитивного бренда территории, наращиванию социального и креативного капитала территории и ее стратегическому социально-экономическому развитию.

Куманичкин П. С. (Воронеж, ВГУ)

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СОСТОЯТЕЛЬНОСТИ СТРАН ПОСТСОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА (НА ПРИМЕРЕ ПОЛЬШИ, БОЛГАРИИ, УКРАИНЫ И РОССИИ)

Качественно-количественный контрастный сравнительный анализ институциональных, функциональных и социокультурных параметров государственной состоятельности четырех восточноевропейских стран (Польша, Болгария, Украина, Россия), одновременно вставших перед необходимостью перестройки формальных (структурных) и содержательных (функциональных) оснований государственности в начале Третьей волны демократизации, но за период 1990-х — 2000-х гг. выстроивших различные модели состоятельности, позволяет выделить основные типические проблемные аспекты политического развития и эволюции государственной состоятельности, характерные для постсоциалистических стран.

Сложившаяся в России система государственного управления не обеспечивает высокое качество жизни российским гражданам. Современная Россия, характеризующаяся эксплуататорской стагнационной моделью воспроизводства состоятельности, не ориентирована на достижение целей и задач общественного прогресса в интересах всего населения, не способна обеспечить стабильность и эффективность государственного управления и реализовать национальный потенциал развития. Элементы плюралистической институциональной демократии и открытого общества в российских реалиях имеют искаженные гибридные формы, ценностные ориентации и установки российского общества продолжают носить фрагментированный и противоречивый характер, что препятствуют установлению демократического консенсуса.

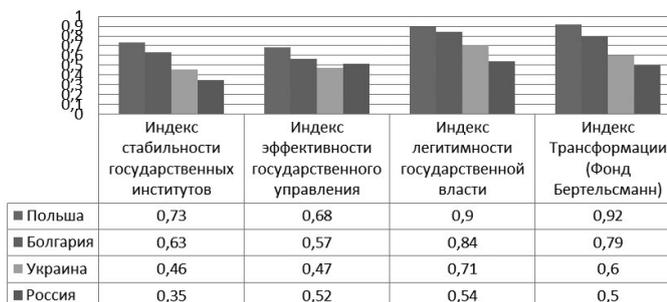
В Украине, определяемой как стагнирующее государство с потенциалом состоятельности ниже среднего, несмотря на осуществляемые в последние годы попытки проведения институциональных реформ, направленных на построение модели контрактного государства, динамика политического развития приобрела отчетливо стагнационный характер, что в значительной мере обусловлено: незавершенностью конституционного и хаотичностью электорального процессов; олигархизацией украинской элиты, нашедшей отражение в становлении нескольких доминирующих кланов в качестве де-факто ключевых акторов сферы экономики и поля политики; разрастание системы неформальных практик в рамках государственного управления, сопряженной с высоким уровнем коррупции; установление (главным образом после 2013 г.) ситуации перманентного кризиса на грани коллапса в сфере национальной экономики Украины; нарастанием глубокого кризиса легитимности институтов власти в украинском обществе. Проблема регионального сепаратизма, этно-лингвистические противоречия и неразрешенный вооруженный конфликт на Юго-Востоке Украины в сочетании с сохраняющейся высокой поляризацией социокультурных и идентификационных установок Запада и Востока страны выступают в качестве доминантных дестабилизирующих факторов, ставящих под угрозу сохранение самой сущности украинской государственности.

В Болгарии, являющейся контрактным государством со средним потенциалом состоятельности, отмечается отсутствие очевидных перекосов в институциональном дизайне государственной власти, относительно равномерным распределением институционального доверия между ключевыми институциями, высокий уровень государственной идентичности и складывание базового общественного консенсуса. Вместе с тем, при достижении ряда успехов в структурных реформах, формировании сбалансированной институциональной среды и полноценном включении Болгарии в европейскую интеграционную систему, наиболее серьезным вызовом политического развития страны представляется потребность в обеспечении эффективного функционирования государственного управления, связанная с активизацией мобилизующей роли болгарского государства в реализации национального конкурентного потенциала, устранением бюрократизации, как наследия управленческих практик периода социалистической государственности, преодолением депрессивности экономического разви-

тия и нивелированием диспропорций в распределения благ и ресурсов.

Польша, как государство контрактной активизирующей модели, тесно включена в интеграционные процессы на едином европейском пространстве и достигла большого прогресса в создании транспарентной, эффективной и институционально-сбалансированной системы государственного управления в соответствии с международными стандартами, на социокультурном уровне отчетливо просматриваются признаки складывания демократического ценностного консенсуса. Ключевым современным риском для позитивной динамики состоятельности польского государства является политический курс правящей правопопулистской партии «Право и справедливость».

Совокупные агрегированные индексы государственной состоятельности постсоциалистических стран, 1990-2010-е гг.

Курков В. Н. (Москва, РАНХиГС при Президенте РФ)

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА РОССИИ ПО ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ ЗАПРЕЩЁННОЙ ИНФОРМАЦИИ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ: СОСТОЯНИЕ И ПРОБЛЕМЫ

Не смотря на то, что в России функционирует система по выявлению и блокировке противоправной информации в сети Интернет, тем не менее, текущая практика, как и законотворческий процесс в этом направлении требуют совершенствования.

Доступ к запрещённой информации в сети ограничивает Роскомнадзор и в течение последних лет количество выявленных им нарушений исчисляется десятками тысяч. Правда, специалисты считают, что число незафиксированной противоправной информации гораздо больше. В частности, в последнее время увеличилось количество случаев жестокого избияния подростков и детей их же сверстниками с демонстрацией картинок в сети Интернет, хотя согласно российскому законодательству, на территории России является запрещённым и подлежит блокировке в сети суицидальный контент, азартные игры, детская порнография, информация, связанная с разработкой и оборотом наркотических средств и др. В чем же причина?

Прежде всего, следует отметить несовершенство системы мониторингового контроля, а именно: отсутствие достаточной автоматизации поиска нарушений и трудности в выявлении упомянутой информации в сообществах с ограничением доступа пользователей.

Следующая проблема — проблема контента. Сегодня в текущем законодательстве не подпадает под запрет пропаганда популярными рэп-исполнителями ценностей нигилизма, насилия, бунта, употребления наркотиков, а также обильное использование ими ненормативной лексики; манипуляция сознанием подростков посредством аниме и т. д.

Помимо этого, следует отметить недостаточно проработанный характер уже предпринимаемых мер. К примеру, Правительством Российской Федерации в 2015 году была утверждена Концепция информационной безопасности детей, в соответствии с которой Минкомсвязь России подготовило план мероприятий по её реализации, включающий в числе прочего их наименование и ожидаемые результаты. Однако вызывает вопрос общий характер документа, в частности, отсутствие в нём конкретных показателей эффективности достижения цели.

Согласно позиции известного российского теоретика в области информационного противоборства, профессора МГУ С. П. Расторгуева: «информация, как вода, всегда протечёт, защищаться от информации бессмысленно», но вопрос стоит о качестве и содержании этой информации. Следовательно, одних мер ограничительного характера для противодействия запрещённой информации недостаточно. В этой связи государству совместно с гражданским обществом необходимо предпринимать системные взаимосвязанные меры, которые позволят эффективнее решать затронутые проблемы. Кроме запретов, необходима систематическая воспитательная работа в начальных, средних и высших учебных заведениях, культивирование в детской и юношеской литературе, на телевидении и в кинематографе, в сетях лучших образцов поведения российских граждан. Развития требуют такие формы социализации как общероссийские движения и организации юношества, например, РДШ — Российское движение школьников, движения юнармейцев, волонтеров и т. д.

ТИПЫ ПРАВОВОГО СОЗНАНИЯ И ПРАВА ЧЕЛОВЕКА В РОССИИ

Непосредственно на конкретное восприятие правовой действительности, неотъемлемым компонентом которой являются права человека, влияют представления о праве/законе, как центральный компонент правового сознания — средства отражения правовой реальности. Восприятие права и восприятие закона не есть идентичное явление, в рамках правосознания и поэтому должны рассматриваться по отдельности. Итак, восприятие права представляет собой основу отношения индивида ко всему комплексу правовой реальности, его осознания своего местоположения в ней, своей позиции. В этих условиях, показательными являются результаты социоправовых исследований. В соответствии с ними, наиболее важными правами для россиян выступают те, которые связаны с ценностями выживания:

1. Право на жизнь.
2. Право на бесплатное образование, медицинскую помощь, на обеспечение в старости, при болезни.
3. Неприкосновенность личной жизни, жилища.

По данным обследований Левада-центра эти права абсолютно важны для 70% опрошенных россиян.

В тоже время, права отражающие ценности свободы и развития:

1. Свобода вероисповедания.
2. Право уехать в другую страну (и вернуться).
3. Право избирать своих представителей в органы власти.

Априорно важны только для менее чем четверти наших сограждан.⁶⁰⁷

Из приведенного выше видно, что на первом месте в правовом сознании россиян находятся личные права, которые считаются ими наиболее важными, тогда как права социально-политические, связанные с ключевыми либеральными понятиями свободы, выраженные в триаде **вероисповедание, перемещения, волеизъявление** не являются решительно важными для россиян. Истоком такого положения выступают отечественные исторические перипетии и низкая значимость указанных прав, диктуемая окружающей объективной реальностью, когда свобода вероисповедания и возможность выбирать своих представителей в органы власти не оказывают ощутимого положительного воздействия на повседневную жизнь людей и их материальное положение. Наряду с этим, отсутствие статусности у свободы трансграничных перемещений объясняется недостатком у большинства наших сограждан средств для таких поездок.

Обобщая, можно констатировать, что такое положение демонстрирует нам скорее консервативный, нежели либеральный характер отечественного правосознания *an mass*, что не менее ярко проявляется и в выборе в дилемме Порядок/Права человека, где из приведенной ниже таблицы видно, что на протяжении последних 15 лет, в среднем около 55% опрошенных ставили на первое место именно порядок в государстве, тогда как упор на соблюдение прав человека поставили во главу угла, в среднем, около 35%.⁶⁰⁸

В современной ситуации, очевидно, что права человека — ядро гуманистического, демократического правосознания. Однако, практика показывает, что реальную значимость они обретут лишь тогда, когда у людей будет не только формальное знание этих прав, но и твердая уверенность их гарантированности и реальное обеспечение прав человека, которые они воспринимают как благо, ценность жизни. В современной же ситуации реальные, а не декларативные гарантии прав человека в России находятся на весьма низком уровне.

В этих условиях, на передний план выходит пока не преодолимый правовой нигилизм наших сограждан. Так, по данным Левада-центра, в среднем 65–70% россиян Конституцию России либо никогда не читали, либо читали, но ничего не помнят. И в тоже время, более 50% указывают, что не имеют защиты со стороны закона. Остановившись на последнем несколько подробнее, необходимо отметить, что этот показатель в опросах Центра показывал динамику снижения начиная с 2006 года, когда за 10 лет к 2017 году количество правовых скептиков указывавших, что не чувствуют себя под защитой закона, снизилось на треть или 21% с 68% до 47%. И только в 2018 году был отмечен резкий рост скептического отношения к закону, когда это количество возросло на 7% сразу, достигнув показателя 2010 года — 54–55%.⁶⁰⁹

Подводя итог, следует констатировать, что современное российское правосознание амбивалентно. Это утверждение вытекает из того, что, с одной стороны, декларации свободы и демократии пронизывают всю современную отечественную социально-правовую систему, но правовая практика повседневно даёт основания усомниться в их реальной действенности. Также, постепенно, в правосознании россиян ценности развития всё более и более уступают лидирующие позиции ценностям выживания. Можно констатировать, что при всё

⁶⁰⁷ См.: Общественное мнение — 2013. М.: Левада-Центр, 2014. — 252 с., с. 163.

⁶⁰⁸ См. там же с. 164.

⁶⁰⁹ См.: Общественное мнение — 2018. М.: Левада-Центр, 2019 — 168 с., с. 101.

более и более очевидном проявлении вызовов и угроз, в социальном плане, в фокус правосознания выйдут традиционалистский и советский ценностные комплексы, при господстве которых, граждане будут готовы и на ограничения прав и на активизацию карательных функций силовых органов, если это обеспечит выживание сегодня и для последующих поколений.

Кутырев Г. И. (Москва, НИУ ВШЭ)

ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ КОНЦЕПЦИЙ ИДЕОЛОГИЧЕСКИХ ГЕТЕРОТОПИЙ⁶¹⁰

Идеология, по мнению отечественных и западных учёных была названа «самой неуловимой концепцией во всей социальной науке»⁶¹¹. Хотя теоретики неустанно жалуются на трудности, связанные с концептуализацией идеологии, а тема «кризиса идеологии» приобретает популярность примерно раз в двадцать лет.

Изменение природы самого общества, явившееся на сегодняшний день итогом нарастающей научной и технико-технологической рациональности во всех сферах социальной жизни, повлекло за собой слом «общего мировоззрения (*Weltanschauungen*)»⁶¹². Постиндустриальное общество атомизируется, распадаясь на всё большее число сегментов.

В условиях общества, охарактеризованного Э. Гидденсом как «вне левых и правых»⁶¹³, наряду со «старением» либерализма, а также религиозной секуляризацией появляются новые основания для партийной дифференциации: между традиционными левыми-правыми идеологиями и новыми постматериалистскими (феминизм, антиглобализм, зелёная политика, мультикультурализм).

Понятие «гетеротопия» было разработано французским философом, теоретиком культуры и истории Мишелем Фуко в лекции, которую он прочитал 4 марта 1967 г. Текст лекции под названием «О других пространствах» («Des espaces autres») был опубликован в последствии с разрешения автора в 1984 г. В дополнение к этому тексту о «гетеротопии» упоминается в предисловии к книге «Слова и вещи. Археология гуманитарных наук» («Les Mots et les choses. Une archéologie des sciences humaines»), где данный термин упоминается впервые. В карьере Мишеля Фуко это был период перехода от этапа археологии знания к этапу генеалогии власти. Здесь у М. Фуко есть две революционные работы: «История безумия в классическую эпоху» (*Folie et déraison. Histoire de la folie à l'âge classique*) и «Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы» (*Surveiller et punir: Naissance de la Prison*). Первая из них посвящена проблеме психического безумия. Вторая — пенитенциарной системе. Эти книги выполняют одну общую задачу — раскрывая «механизмы власти». При этом сам М. Фуко обращал внимание, что существует относительная, но не абсолютная автономия властных техник: «Но я никогда не утверждал, что одного властного механизма достаточно для характеристики общества в целом»⁶¹⁴. Данные работы нам понадобятся позднее, когда мы будем, используя фуконианский подход, анализировать идеологические гетеротопии.

Мишель Фуко определяет «гетеротопию» как перевёрнутое местоположение, являющееся пространством, находящимся с другими пространствами и, в то же время, противоречащее им. Между нормальной реальностью жизни и гетеротопиями М. Фуко помещает зеркало как предмет, создающий обмен взглядами и связь между пространствами, которые оно объединяет. «Иными словами, зеркало, вводя бесконечность в пространство, одновременно позволяет соединять видимое пространство с невидимым, создавая некую целостность»⁶¹⁵. В том же тексте лекции «Другие пространства» М. Фуко утверждает, что зеркало — это одновременно гетеротопия. Создавая мир без места, оно само занимает вполне определенное место: «оно производит своеобразное обратное воздействие на занимаемое мною место; именно исходя из данных зеркала, я обнаруживаю, что отсутствую на месте, где нахожусь, потому что вижу себя в зеркале»⁶¹⁶.

Также Мишель Фуко выделяет шесть принципов гетеротопии: всеобщность, несмотря на различие форм; функциональность; сопоставимость несопоставимых мест; темпоральность — организация особого време-

⁶¹⁰ При поддержке гранта РФФИ № 17-33-0002

⁶¹¹ См. McLellan D. *Ideology* — University of Minnesota Press, 1986 — P. 1; Мусихин, Г.И. *Очерки теории идеологий* / Г.И. Мусихин; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2013 — С. 7

⁶¹² Игнаци П. *Партии и демократия в постиндустриальную эпоху* // *Политическая наука* — М.: ИНИОН РАН, 2010 — №4 — С. 54

⁶¹³ См. Giddens A. *Beyond Right and Left. The Future of Radical Politics* — Oxford: Stanford univ. press, 1994. — P. 91

⁶¹⁴ Указ соч. С. 278

⁶¹⁵ Ямпольский М. *Утопия и гетеротопия* // СЕАНС [Электронный ресурс] — Режим доступа: <https://seance.ru/n/59-60/utopiya-i-geterotopiya/>

⁶¹⁶ Фуко М. *Интеллектуалы и власть: избранные политические статьи, выступления и интервью 1970–1984*. — М.: Праксис, 2006 — Ч. 3. — С. 196

ни; модальность, наличие контуров открытия и закрытия; замещаемость, функция отношения к остальному пространству.

Существует множество форм гетеротопного пространства, и, скорее всего, говорить о какой-то абсолютно универсальной гетеротопии, единой для всех, не представляется возможным. По мнению Н. Харламова термин гетеротопии оказался для Мишеля Фуко «одной из его интуиций, развивать которую ему показалось то ли неинтересным, то ли непродуктивным... Оказалось, однако, что Фуко не только не дал строгого определения понятия — это ему еще можно было бы простить, — но и не предложил сколь-нибудь систематического способа его употребления»⁶¹⁷. И как, оказалось, по мнению многих специалистов «именно эта абстрактность и неопределенность, многократно раскритикованная интерпретаторами Фуко как слабое место его теоретических построений, оказалась ключевым достоинством этой концепции, обеспечив ей свободу применения в самых разных направлениях исследований»⁶¹⁸.

Данная концепция стала не только привлекательна в среде архитекторов, планировщиков, урбанистов и географов-постструктуралистов, но и политологов и социологов. Работа Мишеля Фуко, посвященная гетеротопии стала революционным прорывом в исследовании негосударственной политики и различных социальных движений.

Не менее важным для исследуемой проблематики гетеротопий идеологии является курс лекций «Безопасность, территория и население», который являлся частью диптиха вместе с прочитанным позже курсом «Рождение биополитики». Именно в этих лекционных курсах М. Фуко не только рассматривает процесс становления либеральной идеологии и либеральной политики, но и со всей скрупулезностью анализирует инструменты выстраивания власти.

Беря за основу историю развития медицины на биологическом уровне, М. Фуко приходит к выводу, что «контроль общества над индивидами осуществляется не только через сознание или идеологию, но и в теле и вместе с телом...» иными словами «тело — биополитическая реальность; медицина — биополитическая стратегия». Аналогично медицине политика организует контроль во всех сферах жизни общества.

Хотя полноценной теоретико-методологической основы, которая бы использовала теорию гетеротопии Мишеля Фуко для исследования идеологий до настоящего времени не была разработана, тем не менее, определённые усилия в данном направлении предпринимались и предпринимаются.

Кучинов А. М. (Москва, ФНИСЦ РАН)

ФОРМИРОВАНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА В РОССИИ: «РАДИКАЛИЗАЦИЯ БЕЗ ПОЛИТИЗАЦИИ» И ПРЕДЕЛЫ НАСИЛИЯ⁶¹⁹

Неполитический характер российского политико-экономического синкретизма делает актуальным его исследование. На материалах репрезентативного всероссийского опроса (21 регион, N=700, июнь 2019 г.)⁶²⁰ показаны особенности нормативно-ценностных ориентаций респондентов относительно политики и власти.

Несмотря на многие ограничения возникновению политического пространства в России, его отдельные фрагменты складываются на базе тех немногочисленных правил, которые предоставляет наличная структура. В российской дополитике есть политические акторы, существующие независимо от господствующих архаичных неполитических настроений. Можно говорить об эмпирическом опровержении тезиса об «утопичности» в России политики современного типа, т.к. она может воспроизводиться как когнитивная модель — выбор актора в сторону политики не в некоем «идеальном мире», а в налично имеющейся социальности.

Между 2018 и 2019 гг. в России происходило ужесточение законодательства в ряде сфер, началась пенсионная реформа и др. события-вызовы, предполагающие разнообразную реакцию на них. По динамике при-

⁶¹⁷ Харламов Н. Гетеротопии: странные места в городских пространствах постгражданского общества. Рецензия [Электронный ресурс]; — Режим доступа: http://www.intelros.ru/readroom/siniy_divan/sd-15/8933-geterotopii-strannye-mesta-v-gorodskix-prostranstvax-postgrazhdanskogo-obshhestva.html

⁶¹⁸ Квят А.Г. «Все будет иначе»: городской пикник как гетеротопия // Вестник Томского государственного университета. 2014. №388. С. 65–75

⁶¹⁹ Подготовлено в рамках проекта «Конституирование поля политики в России: институциональный анализ» (грант РФФИ № 17-03-00446).

⁶²⁰ Аналогичный опрос проводился в июне 2018 г. См.: Конституирование современной политики в России: институциональные проблемы / отв. ред. С.В. Патрушев, Л.Е. Филиппова. — М.: Политическая энциклопедия, 2018. 262 с.; Кучинов А. М. Политика и квазиполитика в России: векторы возможной трансформации // Вестник Института Социологии. — М.: ФНИСЦ РАН, 2019. №29. С. 75–89. Режим доступа: <https://www.vestnik-isras.ru/article/577>; Кучинов А. М. Формирование политического пространства в России: агентно-структурный подход // Социально-гуманитарные знания. — М., 2019. №3. С. 316–321.

верженности респондентов политическим принципам⁶²¹ ясно, что в ответ на вызовы года происходило не формирование политических в немакиавеллистском смысле структур, а специфичная для России «радикализация без политизации» — нарастание протестного стремления, лишённого доверия, приверженности правилам, этоса дискуссий, проектов и решений.

Разность между «индексами политики» 2019 г. и 2018 г. коррелирует с ответами респондентов о насилии на социетальном уровне⁶²² (коэффициент Пирсона 0,312 при пороговом значении 0,157): сталкиваясь с проявлениями насилия, актор оказывается в ситуации выбора между принципами политики или квазиполитики и выбирает политику, что подтверждает тезис о неестественности антиполитического насилия для человеческих отношений. На 2019 г. обнаружена отрицательная корреляция (коэффициент Пирсона $-0,287$ при пороговом значении 0,184) индекса силы на социетальном уровне и индекса политики, что эмпирически подтверждает ненасильственный характер политики.

Утвердительно отвечающих на вопрос «Согласны ли Вы или не согласны с тем, что для решения некоторых общественных проблем следует использовать насилие?», мы считаем уязвлёнными идеями насилия и антиполитики. Среди них много не определившихся — ценна ли им сила как гражданам, и тех, кто встречает насилие на социетальном (не социальном) уровне или в качестве средства власти. Это подтверждает тезис о насилии как «заразном» явлении, «возвращающемся бумерангом».

На ОСПИ-2019 не обнаружено взаимосвязей между вопросами об отношении к Сталину и о допустимости применения насилия. Сталин для россиян чаще — на грани сказочного — мифический неизвестный персонаж, к которому при этом испытывают симпатии⁶²³. Такие симпатизирующие респонденты более радикальны (предпочитают «революции» «реформам»). «Незнающий радикализм» опасен при незаметности усилий акторов и институтов образования и культуры по предотвращению следования акторов идеям насилия. Представление о допустимости симпатий к тому, от кого, если не пострадал сам респондент, то пострадали окружающие (их численность не важна), указывает на отсутствие принципа общего блага.

Лаврикова А. А. (Тула, ТулГУ)

ОСОБЕННОСТИ ЭЛЕКТОРАЛЬНОГО ЦИКЛА 2019 ГОДА В КОНТЕКСТЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ

Масштабы электорального цикла 2019 г. определяются как сочетанием избирательных процессов различных уровней (преимущественно регионального и субрегионального, а в отдельных случаях довыборов депутатов государственной Думы и федерального уровней), так и охватом всех российских регионов. Политико-правовые особенности избирательной кампании во многом определялись возвращением смешанной системы выборов, что влечет за собой и несомненные плюсы (в том числе, и более полную обеспеченность интересов различных социальных групп, как партийно-политических, так и территориальных), и определенные проблемы (например, высокий уровень аффилированности будущих депутатов с теми или иными элитными группами, рост числа самовыдвиженцев, обладающих весьма ограниченной политической компетентностью и т. д.). Либерализация законодательства о выборах привела к тому, что «статистическим трендом» развития электорального пространства различных регионах стало увеличение числа ее участников. Вместе с тем, уровень конкурентности в различных субъектах РФ может варьироваться: как правило, более высокие его показатели фиксируются на выборах в регионах, где на стадии выдвижения и регистрации возникли конфликтные ситуации, при этом данный тип взаимодействия приобретает характер столкновения «с нулевой суммой». В тоже время в ряде регионов возникшие проблемы с подачей документов тех или иных участников обусловлены не столько наличием административных барьеров, сколько соблюдением действующих норм оформления документации, касаются они в первую очередь самовыдвиженцев и свидетельствуют скорее о низком качестве работы избирательных штабов этих лиц.

Вторым значимым трендом данной избирательной кампании является акцент на прямом общении кандидатов с избирателями. Прежде всего, речь идет о росте популярности различных форматов непосредственно-

⁶²¹ Людям можно доверять; В России законы можно и нужно выполнять; При участии в дискуссиях о политике респондент менял точку зрения под влиянием аргументации оппонента; Конкуренция между политическими силами полезнее их т. н. «единства»; Граждане способны организовать сами для решения важных задач; Выходящие протестовать по местным проблемам хотят сделать жизнь в лучшем, а не являются манипулируемыми или «выскачками». Индекс политики рассчитывался на основании этих параметров.

⁶²² Индекс силы на социетальном уровне рассчитан на основе суммирования ответов «Жестокость», «Недоверие, подозрительность», «Нетерпимость», «Предательство» на вопрос о том, что в сегодняшней России мешает общению между людьми.

⁶²³ См.: Общественное мнение — 2017. М.: Левада-центр, 2017. С. 216, 236; Шульман Е. Практическая политология: Пособие по контакту с реальностью. М.: Издательство АСТ, 2018. С. 147–161.

го взаимодействия с местными жителями дополненными контактами в социальных сетях. При этом тематика общения, как правило, касается проблем благоустройства территории и экологии, что находит живой отклик у населения. Вместе с тем, достаточно часто представители политических партий и самовыдвиженцы предложить своим сторонникам четко определенные идеологические и ценностные позиции не могут, что выступает еще одним фактором, подкрепляющим доминирование среди избирателей ориентации голосовать за «конкретного человека» (и результаты его деятельности), а не за партию (особенно это характерно на муниципальных выборах). С одной стороны, подобная персонификация свидетельствует о проблемах в кристаллизации политических интересов граждан, с другой, в сложившейся ситуации рейтинги партии, которую данный человек представляет, или призывы бойкотировать выборы существенного значения для электората не имеют, являясь скорее фоновой характеристикой, что делает процесс более предсказуемым. Следует отметить, что, как и в избирательных циклах предыдущего периода, эффективность участия партии в выборах во многом зависела от ее представительства и в общепартийных списках, и одномандатных округах, что обусловлено не столько самой партийной идентификацией кандидата, сколько демонстрацией лояльности к режиму, заявляя о поддержке «правил игры».⁶²⁴

К новым тенденциям следует отнести обновление состава кандидатов и рост внимания представителей партий к муниципальным выборам, что в перспективе может смягчить проблему, так называемого, муниципально-го фильтра. Актуальным остается вопрос об обеспечении прозрачности выборов (акцент на честности, открытости и прозрачности выборов 2019 года делают в своих заявлениях как представители избирательных комиссий, так и субъекты тем или иным образом связанные с избирательным процессом — Общественные палаты, СМИ, правозащитные организации и т. д.). Одним из способов его решения выступает ориентация на цифровые механизмы организации выборного процесса и контроля за ним, что одновременно порождает проблему производства и распространения фейковой информации, распространяемой преимущественно в интернет-пространстве и создающий тревожный фон. Также к «проблемным зонам» избирательной кампании следует отнести уровень явки избирателей и ограниченность компетентности наблюдателей.

Принимая во внимание электоральную историю регионов, рейтинги и кандидатские конструкции, сформированные по итогам выдвижения и регистрации, следует отметить, что по результатам электорального цикла 2019 вектор политического развития в большинстве субъектов РФ кардинально не изменится, хотя риски смены сценариев в некоторых случаях остаются.

Лагутин О. В. (Санкт-Петербург, СПбГУ)

МЕГАПРОЕКТЫ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА КАК ИНСТРУМЕНТ ПОЛИТИКИ ИДЕНТИЧНОСТИ⁶²⁵

Современный этап развития российской государственности характеризуется поиском нового цивилизационного проекта. Именно формирование собственного проекта, а не присоединение к чужому, дает возможность сохранения единого суверенного российского государства с ведущей субъектной ролью в мировой политике. Это связано в первую очередь с внешними вызовами и началом новой «холодной» войны.

Однако, поскольку на первый план в качестве инструментов идеологического противостояния выходят информационные войны, связанные с трансформацией исторической памяти россиян, меры внешнего экономического воздействия, деформирующие традиционные формы хозяйственной деятельности титульной нации, одним из важнейших направлений государственной политики является конструирование российской национально-цивилизационной идентичности.

В. И. Пантин определяет национально-цивилизационную идентичность как отождествление себя индивидами с определенной национально-цивилизационной общностью, которая имеет черты как нации, так и цивилизации, или является промежуточной общностью между нацией и цивилизацией.⁶²⁶ Для формирования идентичности необходима целенаправленная государственная политика в данной области, связанная с конструированием образа нации (в первую очередь русской), государства, что будет способствовать сплочению граждан

⁶²⁴ Пеньков В. Ф. Электоральный цикл-2016: политико-правовые, коммуникативные и социокультурные аспекты. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/elektoralnyy-tsikl-2016-politiko-pravovye-kommunikativnye-i-sotsiokulturnye-aspekty> (Загл. с экрана). Дата обращения: 1.08.2019 г.

⁶²⁵ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и АНО ЭИСИ в рамках реализации научного проекта № 19-011-31616 «Государственная политика в сфере формирования идентичности: концептуальные основания, технологии и перспективы» в Санкт-Петербургском государственном университете.

⁶²⁶ Пантин В. И. Национально-цивилизационная идентичность: специфика России // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС, 2011, Т. 7, № 2, с. 43.

и обеспечению единства населения. Успехи политики в этом направлении будут гарантировать стабильность политической системы и создадут условия для экономического процветания.

Одна из особенностей национально-цивилизационной идентичности россиян — это имперское российское национальное самосознание с евразийскими корнями, одним из ключевых признаков которого является наличие образа «великой державы», что связано с великими открытиями в науке, достижениями в спорте и культуре, военными победами и т. д. на ментальном и эмоциональном уровнях российского суперэтноса. Уникальность последнего как цивилизованного конкурента Западу заключена в создании технологической цивилизации — индустриальной/постиндустриальной форм экономической деятельности на собственной базе на основе современного технологического уклада. По утверждению М. Л. Хазина, конкуренция проектов может идти по трем основным направлениям: в областях экономики (производной которой является военная мощь), идеологии и демографии. В последнем случае речь идет не только о численности населения, но и об его приверженности проектным ценностям, в т. ч. способности отдать жизнь за их сохранение).⁶²⁷ Так называемые проектные ценности в данном случае есть признаки идентичности, объединяющие эти три направления.

Материальными и символическими маркерами объединения нации и локомотивом развития являются мегапроекты как масштабные общественно-значимые инвестиционные проекты, направленные на выполнение определенной программы, связанной с качественным структурным развитием социально-экономической сферы страны в целом или ее стратегически важной части, что позитивно сказывается на перспективах дальнейшего развития всего общества. Мегапроекты отличаются долгосрочным характером реализации и высокими затратами. Институциональная основа реализации мегапроектов — это стратегические отрасли национальной экономики, объединенные в крупные государственные холдинги.⁶²⁸

Российские мегапроекты последнего десятилетия хорошо известны (атомный ледокольный флот, стратегия развития северного морского пути и освоения Арктики, новейшие военно-технические разработки и успешные операции в Сирии, Олимпийские игры в Сочи и Чемпионат мира по футболу, повсеместное строительство религиозных объектов). Реализованный мегапроект — это эффективный инструмент государственной политики идентичности и символ национального успеха, олицетворяющий уровень экономического развития, научных достижений, спортивных и военных побед, подчеркивающие преемственность поколений. Подобные результаты являются материально-символическими элементами формирования национально-цивилизационной идентичности россиян; целенаправленная государственная политика в этом направлении способствует ее формированию.

Лебедев Е. В. (Пермь, ПГНИУ)

ПОЛИТИЧЕСКАЯ АКТИВНОСТЬ ЖЕНЩИН В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

По данным за 2018 г. Российская Федерация занимает 75 место в рейтинге стран по показателям Глобального индекса гендерного разрыва⁶²⁹ (далее — ГИГР). Худшие показатели наблюдаются в частном индексе политических возможностей (123-е место из 149), который отражает различия мужчин и женщин на уровне принятия политических решений.

Одновременно с этим Российская Федерация демонстрирует заинтересованность в том, чтобы увеличить включенность женщин в политику. В настоящее время реализуется «Национальная стратегия действий в интересах женщин на 2017–2022 годы», в которой снижение диспропорций по признаку пола в руководящем составе органов власти разных уровней является одной из задач. Предполагаемый результат реализации Стратегии — повышение политической активности женщин⁶³⁰.

Результаты исследований субъектов Российской Федерации показывают различие уровней гендерного равенства в них, и, соответственно, разную представленность женщин в политике. Однако при расчёте частного индекса «Политика» ГИГР учитывалось только соотношение женщин и мужчин в региональных органах власти, что оставляло вне анализа иную политическую активность, которая могла проявляться в особенностях участия в выборах. Таким образом, целью исследования стал поиск зависимости между уровнем гендерного равенства в регионе и политической активностью женщин (участие в выборах). Основная гипотеза:

⁶²⁷ Хазин М. Л. О глобальных проектах. URL: <https://worldcrisis.ru/crisis/132450>

⁶²⁸ Гуань С., Чжань М. Политэкономика Владимира Путина. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2017. С. 140.

⁶²⁹ The Global Gender Gap Report 2018 // URL: www3.weforum.org/docs/WEF_GGGR_2018.pdf, 21.03.2019

⁶³⁰ Национальная стратегия действий в интересах женщин на 2017–2022 годы // URL: static.government.ru/media/files/njklvH7WCvO1YRmcucV4jdNihEmTOUe.pdf, 21.03.2019

в регионах-лидерах по уровню достигнутого равенства женщины чаще проявляют политическую активность, чем в регионах-аутсайдерах. В ходе исследования мной были проанализированы результаты региональных выборов в субъектах Российской Федерации с разными показателями гендерного равенства, а также изучены персональные, социальные и символические характеристики женщин-кандидатов.

Выборка настоящего исследования была сформирована на основе рейтингов Е. Б. Мезенцевой⁶³¹, Е. В. Базуевой и М. В. Радионовой⁶³² с учетом более современных данных, используемых при измерении частного индекса «Политика» для субъектов Российской Федерации. Таким образом, в выборку вошли четыре региона: Кемеровская область (регион-лидер по уровню достигнутого равенства), Вологодская область (регион-лидер по показателю частного индекса «Политика»), Республика Дагестан (регион-аутсайдер по уровню достигнутого равенства), Республика Адыгея (один из регионов-аутсайдера по уровню достигнутого равенства, в котором показатель частного индекса «Политика» выше, чем у остальных регионов нижней части рейтинга).

В Республиках Адыгея и Дагестан, Кемеровской и Вологодской областях в региональных выборах в период с 2000 по 2018 гг. приняло участие 1811 женщин-кандидатов, из них было избрано 97 (учитывались основные и дополнительные выборы депутатов законодательных органов власти, а также выборы глав регионов). В регионах-лидерах женщины-кандидаты приняли участие 697 раз (Кемеровская область — 289; Вологодская область — 408), а избраны — 59 (Кемеровская область — 34; Вологодская область — 25). Соответственно, избранными оказались 8,4% участвовавших в выборах. Иная ситуация в регионах-аутсайдерах, где женщины-кандидаты участвовали 1114 раз (Республика Адыгея — 335; Республика Дагестан — 779), а избралась всего 38 (Республика Адыгея — 22; Республика Дагестан — 16). С одной стороны, низкий процент избранных (3,4%) может свидетельствовать о меньшей конкурентоспособности женщин в республиках, с другой, подтверждать факт существования в них гендерного неравенства.

Факторами, благоприятно влияющими на избрание женщин-кандидатов, оказались: выдвижение от партии «Единая Россия» и наличие опыта в политической или управленческой сферах. Так, 78 женщинам-кандидатам от партии «Единая Россия», из 268 выдвинутых, удавалось избраться. Самой удачной из оппозиционных партий для участвовавших женщин стала «Справедливая Россия», от которой из 193 выдвинутых кандидатов удалось избраться 5. На траектории вхождения женщин в состав законодательных органов оказал влияние их опыт. Все женщины-кандидаты, которым удавалось переизбираться, продолжительное время занимали руководящие должности или работали помощниками депутатов.

Полученные результаты исследования показывают различие политической активности женщин в регионах с разными уровнями достигнутого гендерного равенства. В регионах-аутсайдерах женщины-кандидаты в таком же объеме (или больше) участвуют в выборах, как в регионах-лидерах, однако избирают их значительно меньше. Исходя из совокупности полученных результатов, гипотезу исследования можно считать неподтвержденной.

Лебедева М. М. (Москва, МГИМО МИД России)

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ МИРА: QUO VADIS?

Проблема кардинальных перемен современной мировой политики широко обсуждается исследователями. Большинство авторов видят проблему в изменении существующего мирового порядка⁶³³. При этом мировой порядок понимается преимущественно как трансформация структуры межгосударственных (международных) отношений. Представляется, что реальность оказывается значительно сложнее: наряду с мировым порядком изменения происходят, с одной стороны, на более фундаментальном уровне — Вестфальской системы мира, с другой — на уровне многочисленных трансформаций политических систем отдельных государств⁶³⁴. Поэтому поиски формата нового мирового порядка вне учета изменений на этих двух других уровнях мало оправданы. Необходимо рассматривать мировые политические изменения в комплексе преобразований именно всех трех уровней.

Один из важнейших аспектов обсуждаемого мирового порядка — его либеральный характер, который часто понимается как западная, и более того, — американская политическая и экономическая модель организации

⁶³¹ Мезенцева Е. Б. Гендерный рейтинг регионов России // Права женщин и институты гендерного равенства в регионах России / отв. ред. Н. М. Римашевская, О. А. Воронина, Е. А. Баллаева. М.: МАКС Пресс, 2010. С. 302–327.

⁶³² Базуева Е. В., Радионова М. В. Исследование взаимосвязи степени гендерного неравенства и уровня развития региональных социально-экономических систем // Женщина в российском обществе. 2018. № 4. С. 120–131.

⁶³³ См., напр., Барановский В. Новый миропорядок: преодоление старого или его трансформация? // Мировая экономика и международные отношения, 2019. Т. 63. № 5. С. 7–23; 2. Slaughter A.-M. A New World Order. Princeton, New Jersey: Princeton Univ. / Press, 2004.

⁶³⁴ Лебедева М. М. Система политической организации мира: «Идеальный шторм» / Вестник МГИМО, 2016. — № 2. — С. 125–133.

мира и его управления⁶³⁵. Однако, проблема состоит в том, чтобы определить, что включает в себя эта модель. Действительно, и Вестфальская система мира, и различные исторические виды систем межгосударственных (международных отношений), такие как Европейский концерт, Версальско-Вашингтонская, Ялтинско-Потсдамская были во многом основаны западными государствами. В этом смысле либеральный мировой порядок можно рассматривать как западный проект. В то же время принципы, на которых организован либеральный мировой порядок, предполагающие рациональность, нормативность (единые нормы и стандарты поведения), а также открытость (противостояние изоляционизму и протекционизму)⁶³⁶ нельзя считать исключительно западными и, тем более, — американскими. Вряд ли эти принципы смогут подвергнуться сомнению даже при условии изменения конфигурации межгосударственных отношений и политического лидерства государств.

Наконец, значимым параметром трансформации политической организации современного мира являются мегатренды, ведущими из которых следует называть глобализацию (транспарентность национальных границ), интеграцию (формирования межгосударственных объединений) и демократизацию, которая наряду с явлением волн демократизации, описанных С. Хантингтоном, предполагает включение всё большего числа авторов в глобальное управление, а также увеличению международных переговорных форумов по самому широкому кругу вопросов. В настоящее время мир переживает спады по всем этим трём направлениям, что проявляется, в частности, в таких феноменах как выход из международных договоров США (изоляционизма или де-глобализации), BREXIT (деинтеграции) и де-демократизации (очередная волна отката волн демократизации С. Хантингтона). Тем не менее, общий вектор мирового политического развития остается прежней, т. е. направленный на глобализацию, интеграцию и демократизацию мира.

Учитывая указанные тенденции, мировой порядок в том виде, в котором он традиционно понимается, перестанет существовать. В будущем, скорее всего, следует ожидать дальнейшую трансформацию политической организации мира, которая будет охватывать Вестфальскую систему, а также систему межгосударственных отношений в направлении расширения и углубления международных связей, активного участия негосударственных акторов в глобальном управлении, развития сетевых отношений между государствами и негосударственными акторами.

*Ледяев В. Г. (Москва, НИУ ВШЭ),
Чирикова А. Е. (Москва, ФНИСЦ РАН)*

ВЛАСТЬ И ЛИДЕРСТВО В МАЛОМ РОССИЙСКОМ ГОРОДЕ

Какова конфигурация наиболее влиятельных акторов в малом городе и насколько она динамична? Этот и другие вопросы были в фокусе эмпирического исследования, проведенного в двух малых городах ивановского региона — в Шуе (59 тыс. жителей) и Кинешме (88 тыс. жителей). Исследование проводилось в два этапа — в 2013–2015 гг. и 2018–2019 гг. Основным материалом был получен на основе 76 глубинных интервью с руководителями, политиками и чиновниками регионального и муниципального уровней, руководителями местных СМИ, промышленных предприятий и бизнесменами, лидерами местных партийных и общественных организаций, экспертами. Поскольку результаты первого этапа уже описаны ранее⁶³⁷, в докладе основное внимание уделяется второму этапу исследования.

Исследование показало, что паттерны власти и в Шуе, и в Кинешме в целом сохранились, но и имели место и определенные изменения. Одной из причин изменений стала смена губернатора. Обладая существенными ресурсами влияния на локальную политику, губернатор во многом определяет ее характер и повестку; от него во многом зависит экономическое и финансовое благополучие города, внутриэлитные отношения и политическая стабильность.

Предыдущий губернатор, по мнению наших респондентов, не просто плохо управлял регионом, но и извлекал из своей работы выгоду для себя («губернатор и его приближенное лицо вытоптали все»). Отношение к новому губернатору со стороны муниципальных элит пока в целом позитивное. Наиболее очевидным изменением ситуации в Шуе в связи с приходом нового губернатора стало возвращение уволенной предыдущим губернатором бывшей главы города, политическую карьеру которой мы тогда преждевременно посчитали законченной. Главной причиной ее возвращения стала неудовлетворительная деятельность ее сменщика.

⁶³⁵ Ikenberry G.J. The Future of Liberal World Order. *Internationalism After America / Foreign Affairs*, 2011. Vol. 90, No. 3. P. 56–68.

⁶³⁶ Кортунов А. Неизбежность странного мира / Россия в глобальной политике, 2016. URL: <https://globalaffairs.ru/global-processes/Neizbezhnost-strannogo-mira-18288>

⁶³⁷ Чирикова А., Ледяев В. Власть в малом российском городе. М: Изд. дом НИУ ВШЭ, 2017.

При этом его реальное влияние и политический вес были на порядок ниже, и он не воспринимался респондентами как наиболее влиятельный актер в локальном сообществе.

Определенные изменения произошли и в иерархии власти в городе. Ранее в оценках наших респондентов наиболее влиятельной фигурой однозначно была глава администрации города; в настоящее время у нее (пока) нет такой репутации. Кроме того, ранее наши респонденты не были склонны включать губернатора в число наиболее влиятельных локальных акторов (хотя назывались отдельные фигуры регионального масштаба). Теперь же именно его они часто называют в числе самых влиятельных субъектов городской политики. Сказалось существенное ослабление местной исполнительной власти в период правления бывшего главы администрации города, которое пыталась компенсировать региональная власть. Влияние остальных акторов — бизнеса, местной легислатуры, партийных и общественных организаций, — фактически остались на прежнем уровне.

В Кинешме за последние годы кардинальных перемен в конфигурации влиятельных акторов не произошло. При этом, как и в Шуе, произошла смена руководства исполнительной власти: глава администрации города, занимавший свой пост на момент проведения первого этапа исследования, был посажен в тюрьму за взятку. На его место вновь был назначен варяг, который и сейчас занимает данную должность. Отношение к нему со стороны местной элиты весьма неоднозначное, но в целом довольно скептическое. Большинство наших респондентов считают, что будучи «чужаком», он оказался не способным занять лидирующее место во властной иерархии, не сумев эффективно использовать предоставляемые его позицией ресурсы. В результате, спустя несколько лет, его место во властной иерархии городского сообщества фактически занял новый губернатор. Соответственно, в последние годы усилились позиции отдельных представителей администрации города, имеющих тесные связи с губернатором.

Другие наметившиеся тенденции — некоторое усиление влияния крупного бизнеса, точнее ряда директоров крупнейших предприятий, а также возрастание активности общественных организаций.

Таким образом, структура власти в двух малых городах России в целом соответствует изначальному предположению о том, что наиболее влиятельными фигурами в локальном политическом пространстве потенциально являются руководители исполнительной власти. Однако ситуация во многом зависит от персонального фактора: в те периоды, когда на должности оказывался слабый руководитель, существенно усиливалось влияние губернатора и членов его команды на отдельные аспекты городской политики — как компенсация недостаточной эффективности муниципальных структур. При этом возможности региональной власти влиять на ситуацию в малом городе практически не ограничены, о чем свидетельствует и история с отставкой и переназначением нынешнего главы администрации в Шуе. С этой точки зрения, выстроенная президентом В. Путиным «вертикаль власти», безусловно, действует, хотя ее эффекты, как свидетельствует кейс Кинешмы, отнюдь не обязательно позитивные.

Линде А. Н. (Москва, МГИМО МИД России)

ДЕЛИБЕРАТИВНАЯ ДЕМОКРАТИЯ КАК ОТСТАИВАНИЕ ПРАВА ЛИЧНОСТИ НА СВОЁ ВИДЕНИЕ МИРА

Делиберативная демократия в большинстве отечественных и зарубежных исследований рассматривается, в целом, с политологической точки зрения, но не с точки зрения её более глубокой философской основы. Но тогда эта концепция сводится только к обсуждению законопроектов. Тем не менее, интересно и значимо проанализировать глубинные философские идеи, лежащие в основании концепции делиберативной демократии. Только при реализации этих идей на практике будет возможно аутентично осуществить делиберативную демократию в целом.

Основы концепции делиберативной демократии были заложены в работах Ю. Хабермаса. В законченной форме концепция делиберативной демократии была сформулирована им в работе 1992 г. «Фактичность и значимость». Тем не менее, основополагающие принципы концепции были предложены Хабермасом раньше, в работах «Структурные трансформации публичной сферы», «Теория коммуникативного действия».

В целом, в своих трудах Ю. Хабермас синтезировал ряд направлений философии и социальных наук. Но мы полагаем, что важнейшее значение, в данном случае, имеет феноменологическая социология. Именно в ней было разработано ключевое для Ю. Хабермаса понятие «жизненного мира». Жизненный мир — это совокупность субъективных, непосредственных представлений самих людей о себе и окружающем мире, религиозных предпочтений, норм и ценностей, которые всегда изначально заданы в жизненном опыте. Именно через восприятие этих идеалов, ценностей человек интерпретирует действительность. Также эти представления, являющиеся основанием различных личностных и социально-групповых интерпретаций, предшествуют научному

опыту, не зависят от «каких бы то ни было научных... констатаций»⁶³⁸. Так, важнейшей темой, которой посвящён второй том «Теории коммуникативного действия», является раскрытие жизненного мира людей и риск, идущий от внешних систем: стандартизации, подавления и постепенного разрушения жизненного мира⁶³⁹.

П. Бергер, Т. Лукман утверждали, что в современных обществах, в связи с невозможностью монополюльной организации определения ценностей и с развитием науки, искусства неизбежно формируется ценностно плюралистическое общество. В подобном обществе могут сосуществовать различные социальные группы, обладающие собственной идентичностью, образующей их «домашнюю группу». Но даже плюралистические социальные группы объединяются и мирно сосуществуют в социуме, разделяя друг с другом общий, минимально необходимый консенсус. Поэтому, руководство феноменологическим подходом в государственной политике означает возможность максимально учитывать различные точки зрения населения.

Важно, что группы, формированию идентичности которых служат разные политические, идеологические предпочтения (консервативные, либеральные, социалистические и др.) часто обособливаются и противопоставляют себя друг другу, разделяя себя как «Мы» и «Они».

Но в современности наблюдаются попытки системы вновь монополизировать и стандартизировать человеческий жизненный мир. Так, в современных информационных обществах происходит нарушение целостности личности, при механическом внедрении в сферу человеческого жизненного мира смыслов, норм и ценностей, искусственно сконструированных администрацией, программируемых в сознание через систему СМИ, массовую культуру, механическую идеологию.

Напротив, в принципах делиберативной демократии выявлено, что необходимо реализовать для каждой личности: возможность открыть дискурс по проблемным вопросам и продолжить его, одинаковые условия обоснования своей точки зрения, неподконтрольность обсуждения властным и экономическим структурам.

Делиберативная демократия защищает право каждого человека выражать свою точку зрения, представляющую собственные убеждения, нормы и ценности. Это возможно осуществить благодаря существованию независимой «публичной сферы». Публичная сфера — сфера социума, в которой возможно общественное диалогическое решение значимых проблем, происходит процесс формирования общественного мнения, «коммуникативного производства легитимной власти»⁶⁴⁰. Значение коммуникации заключается именно в выражении глубинных предпочтений людей и в их самовыражении.

Таким образом, отстаивается право каждого человека на своё видение мира, в соответствии с личностным жизненным миром. Жизненный мир должен быть бережно сохранён и преодолены все попытки государственно-административной и бизнес-системы управлять им и вновь стандартизировать его. В этом заключается основная задача концепции делиберативной демократии.

Ломаева А. К. (Краснодар, КубГУ)

ПОРТАЛ ЭЛЕКТРОННЫХ ПЕТИЦИЙ В РОССИИ КАК ФОРМА ДИАЛОГА ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА И ГОСУДАРСТВА

В политической практике и в научном сообществе увеличивается интерес к Интернету как особой коммуникативной среде. В связи с этим механизмы электронного участия становятся важной частью политического процесса. В настоящее время политическая активность граждан России стала расти. ФОМ с 2001 года измеряет уровень интереса россиян к политике. Сегодня чаще, чем 5–6 лет назад, россияне обсуждают вопросы, связанные с политикой⁶⁴¹. По данным портала Mediascope аудитория Рунета на начало июня 2019 года составила 95,3 млн человека, за последние три года она выросла на 7%⁶⁴².

В России работают 6 Интернет-площадок для размещения и продвижения петиций: «Российская общественная инициатива», «Петиции Президенту», «Демократор.ру», «Народная инициатива», «OnlinePetition.ru», «Change.org». Сайт «Петиции Парламенту» был анонсирован Госдумой в 2015 году, но открыт так и не был. Успех петиций, размещенных на площадках неправительственных организаций, как правило зависит от огласки в СМИ.

⁶³⁸ Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология: введение в феноменологическую философию. СПб.: Наука, 2013. С. 176.

⁶³⁹ Habermas J. The theory of communicative action. VI. 2: Lifeworld and system: a critique of functionalist reason. Boston, Beacon Press, 1985. 457 p.

⁶⁴⁰ Habermas J. Die Moderne — ein unvollendetes Projekt: Philosophisch-politische Aufsätze 1977–1990. Leipzig: Reclam Verlag, 1990. S. 203.

⁶⁴¹ Интерес к политике // ФОМ // [Электронный ресурс]. URL: <http://fom.ru/Politika/12680>

⁶⁴² Аудитория Рунета // Исследовательская компания Mediascope // [Электронный ресурс]. URL: <https://webindex.mediascope.net>

Объектом данного исследования выступает, созданный в 2013 году по указу Президента РФ, портал «Российская общественная инициатива»⁶⁴³ (РОИ), который призван развивать и укреплять гражданское общество, защищать права человека и гражданина и вовлекать граждан в управление делами государства.

На сайте все общественные инициативы разделены на три группы: федерального, регионального или муниципального уровня. Такое разделение позволяет пользователю сократить время поиска инициатив по своему региону или муниципальному образованию.

Усложняет процесс размещения инициативы и голосования сложный процесс регистрации на портале. Для того, чтобы пройти эту процедуру необходимо прежде пройти регистрацию и авторизацию на портале «ГОСУСЛУГИ». Если же гражданин до сих пор не имел личного кабинета на данном портале, то ему необходимо получить код авторизации, лично посетив центр выдачи или же дождавшись письма с кодом по почте.

Инициативы, набравшие в поддержку 100 тысяч голосов, должны разбираться экспертными группами, наделенными правом рекомендовать их для рассмотрения Госдумой. Для принятия региональной или муниципальной инициативы требуется поддержка не меньше 5% населения соответствующей территории.

Сравнительный анализ систем подачи электронных петиций в США, Великобритании и России, проведенный А.В. Чугуновым и Е.В. Бершадской в 2013 году, позволяет сделать вывод, что технологические аспекты порталов в этих странах схожи. Однако в России, в отличие от США и Великобритании, объединены сферы ответственности между законодательной властью и исполнительной. Это проявляется в составе экспертной группы, которая принимает решение по инициативам. Она включает в себя представителей исполнительной и законодательной власти, бизнес-сообществ, некоммерческих организаций, научных институтов и фондов⁶⁴⁴.

На 10 сентября 2019 года на сайте активны 2 718 инициатив. За шесть лет работы электронного портала подано 15 957 петиций, решений при этом принято только по 34 из них (28 — федеральный уровень, 1 — региональный уровень, 5 — муниципальный уровень), стоит отметить, что из 28 удовлетворенных федеральных инициатив, 10 не преодолели 100-тысячный порог голосов.

Эти цифры говорят о том, что РОИ является механизмом консультативного выявления общественного мнения, который нацелен скорее не на принятие политических решений, а на выявление настроений и определенных потребностей общества, которые ему действительно необходимы и в данный момент требуют повышенного внимания.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод, что такой механизм электронного участия, как электронные петиции потенциально может стать очень популярным инструментом коммуникации власти и общества. Народные предложения существуют на всех уровнях власти, и их высказывания в форме петиций позволяет принимать популярные решения по многим вопросам. Упрощение процедуры регистрации граждан на портале может стать серьезным шагом к повышению уровня электронного участия граждан.

Лоскутов В. А. (Екатеринбург, УИУ РАНХиГС при Президенте РФ)

РЕТРОЖИЗНЬ — ЖИЗНЬ ПОД КУПОЛОМ СОВЕТСКОЙ ИСТОРИИ

Современная историческая жизнь России — это сложный и противоречивый процесс ее самоопределения в качестве самостоятельного общественного организма, способного не только быть, но и становиться субъектом всех своих исторических превращений. В непростых условиях исторического транзита она пытается найти наиболее эффективный и естественный для себя способ бытия-в-мире, конституировать исторический суверенитет своего «судьбоносного пути» (Хайдеггер) посредством особого рода ретроориентаций, каждая из которых является пространством непримиримого столкновения и противоборства реальной жизни людей и той исторической действительности, в которую они в результате своих действий, или, напротив, бездействий оказываются погружены.

В настоящее время безусловной доминантой исторической жизни России, модельным принципом разрешения противоречия жизни и истории является Ретрожизнь. В отличие от всех иных ретроориентаций современной истории России, которые пытаются достичь искомого тождества жизни и истории в основном с помощью различного рода манипуляций с ее прошлым, Ретрожизнь создает свой особый исторический мир посредством трех основных способов «времени временности» (Хайдеггер). Во-первых, в нем жизнь производит историю, конституирует равноисходность различных экстазов ее временности («настающего», «бывшего», «актуальности»). Во-вторых, в нем история производит жизнь, находит и выделяет в ней «основоустройство» ее бытия

⁶⁴³ Указ Президента Российской Федерации № 183 от 04.03.2013 г. «О рассмотрении общественных инициатив, направленных гражданами Российской Федерации с использованием Интернет-ресурса «Российская общественная инициатива» Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=1021636>

⁶⁴⁴ Чугунов А.В., Бершадская Е.В. Развитие технологий электронного участия: сравнительный анализ порталов электронных петиций в России, США и Великобритании / А.В. Чугунов, Л.А. Бершадская // Информационные ресурсы России. — 2014. — № 3. — С. 24–28.

и делает его способом существования своего сущего. Наконец, в-третьих, в этом странном историческом мире жизнь становится жизнью истории, которая разворачивается как процесс смыслообразования и превращения произведенного смысла в основание абсолютного тождества истории и жизни.

Ретрожизнь современной России — это жизнь «под куполом» (С. Кинг) советской истории, которая в результате известных событий никуда не исчезла, но стала невидимым, прозрачным, непроницаемым куполом, накрывшим нашу жизнь и изменившим ее течение до такой степени, что она превратилась в Ретрожизнь. На нее советская история воздействует как увеличительное стекло. Во-первых, пройдя сквозь него, солнечные лучи выжигает в жизни все то, что может помешать ее существованию и расширенному воспроизводству. Во-вторых, они разжигают в ней «костры» надежды для всех тех «евнухов истории» (Ницше), которые связывают с ней свою настоящую и будущую жизнь. В-третьих, она увеличивает значимость тех исторических событий, которые делают ее полноценным жизненным процессом, и преуменьшает ценность тех ситуаций и состояний истории, которые пытаются «жить» своей собственной жизнью.

Под куполом советской истории в Ретрожизни формируются определенные, достаточно устойчивые способы ее воспроизводства и обновления, которые осуществляются в виде некоторых политических дискурсов. Каждый из них представляет собой специфический, объективный механизм взаимоотношения жизни и истории. Наиболее значимыми и эффективно действующими среди них являются *контрреволюция, реставрация и реваншизм*.

Ретрожизнь порождает такую историю, которая может быть самой собой исключительно как способ ничтожения всякой истории и, в первую очередь, той истории, которая является мощным источником ее постоянных и многочисленных жизненных превращений — способом ничтожения Революции. Под куполом советской истории жизнь может становиться историей исключительно в формах контрреволюции.

Когда под куполом советской истории история Ретрожизни начинает производить и воспроизводить множество различных историй жизни своих придуманных и реальных героев, тех, кто «годил» (М. Салтыков-Щедрин), или тех, кто пал и остался лежать на полях многочисленных исторических сражений, она пытается из их «рассыпанной целостности» (Сартр) создать нечто единое и безусловное. Стремится представить множество этих историй как естественный продукт производства некоего «основоустройства» советской истории — представить в качестве продукта социалистического и коммунистического строительства. Во все прошлые и настоящие времена это жизнетворящее «основоустройство» действовало всегда одинаково, по одному и тому же алгоритму — реставрируя славное прошлое во имя светлого будущего.

Под куполом советской истории Ретрожизнь не только производит историю без истории, воспроизводит «преданную революцию» (Л. Троцкий), определенным образом реставрирует историю нашей жизни, но и особым образом «оживляет» целостный исторический процесс, возобновляет его, казалось бы, не убиваемые смыслы. Она делает историю тем единым и непрерывным «железным потоком» (С. Серафимович), который сметает со своего пути все действительно живое и смыслообразующее. В результате чего Ретрожизнь становится жизнью и смыслом собственной истории.

Превращая каждый свой шаг в будущее в смысловой и действительный реванш, но не прошлого, а сущего советской истории, Ретрожизнь создает из различных артефактов бытия этого сущего единственно возможный для себя «исторический путь» (Хайдеггер). Встав на путь реванша, она не просто отталкивается от жизни, или безостановочно падает в нее, но стремительно убегает из реальной истории в призрачный мир исторических иллюзий и симулякров. Убегает в мир бесконечных побед и свершений.

Жизнь и история современной России всецело определяется теми политическими дискурсами (контрреволюция, реставрация и реакция, реваншизм) и соответствующими им надстроечными институтами, смысл существования которых сводится лишь к одному — к удержанию и «оживлению» ее Ретрожизни под куполом советской истории.

Лукьянцев А. С. (Уфа, БашГУ)

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЕ ПОНИМАНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Политическая модернизация в современной России не имеет ярко выраженного характера вследствие отсутствия определенности и устойчивости институтов и институций, ответственных за общественно-политические трансформации. Существующая на сегодняшний день система социальных изменений в большей степени ориентирована на социально-экономические модификации, в то же время она не стремится формировать принципиально иные формы организации политической сферы. Это связано с неготовностью заинтересованных институтов и институций к осуществлению перемен, ориентированных на системное преломление теку-

щих тенденций, оформленных в практике общественно-политических отношений, как на уровне федерального Центра, так и субъектов Российской Федерации.

Существующая институциональная среда в состоянии формировать запросы на «фасадную модернизацию», ориентированную на модификацию отдельных общественных подсистем. Однако консервативные взгляды основной части населения и игроков определяют модернизационность как постепенное улучшение текущих институтов и институций, избегая сложных структурных трансформаций. Данная ситуация демонстрирует ориентированность институтов, институций и игроков на сохранение текущей системы общественных взаимоотношений на текущем уровне, исключая из структуры неработающие элементы, или те, которые повышают транзакционные издержки и ведут к оппортунизму со стороны заинтересованных групп, встраивая новые, стремящиеся к частным, но не повсеместным изменениям.

Основы политической модернизации современной России серьезно связаны с текущей институциональной неопределенностью и отсутствием четких ответов на вопросы относительно определения моделей будущности политических отношений в среднесрочной и долгосрочной перспективе. Такая ситуация свидетельствует об ограниченных возможностях и пределах формирования и реализации модернизационного проекта. Соответственно, институциональная среда политической модернизации является недостаточно сформированной в текущих условиях⁶⁴⁵. При этом существуют тенденции, позволяющие говорить о развитии институтов и институций по направлению позитивных трансформаций социально-экономической среды, связанных с административно-управленческой системой.

Методология институционализма (*new institutionalism*) берет за основу «правила игры» в качестве базового компонента содержания института: «Институты — это «правила игры» в обществе, или, выражаясь более формально, созданные человеком ограничительные рамки, которые организуют взаимоотношения между людьми. Следовательно, они задают структуру побудительных мотивов человеческого взаимодействия — будь то в политике, социальной сфере или экономике. Институциональные изменения определяют то, как общества развиваются во времени, и таким образом являются ключом к пониманию исторических перемен»⁶⁴⁶.

Благодаря такому пониманию института в рамках исследования феномена политической модернизации мы имеем возможность:

- понять, какие игроки определяют повестку политической модернизации;
- определить, какие существуют транзакционные издержки заключения социальных контрактов по поводу формирования политики модернизации в России;
- проанализировать политико-экономические детерминанты определения потребности государства и общества в институциональных трансформациях;
- выявить институции, заинтересованные в повышении/понижении транзакционных издержек по отношению к действиям, направленным на политическую модернизацию государства и др.

В целом, понимание модернизационности в рамках институциональной политической и экономической теории позволяет систематизировать представления об игроках, реализующих отдельные направления государственной политики управления изменениями. При этом российская модель модернизации в идеальном состоянии должна подразумевать погружение авторов, экспертов, исполнителей в институциональную реальность, где акторы стремятся не повышать транзакционные издержки при заключении контрактов, а понижать их, исключая возникновение ситуаций оппортунизма и информационной асимметрии.

Лучин А. А. (Москва, МГТУ имени Н. Э. Баумана)

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ВЫГОДЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ РАДИОЛОКАЦИОННЫХ И СПУТНИКОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ ДЛЯ ВОЕННОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ АРКТИЧЕСКОЙ ЗОНЫ РФ

Актуальность доклада исходит из тенденций развития полярных и прилежащих к ним территорий, имеющих собственную специфику в силу географического расположения. Необходимость детального разбора таких особенностей прежде всего важна для обеспечения военной безопасности региона и безопасности транспортных путей, в частности Северного морского пути, представляющего несомненную перспективу для российской экономики⁶⁴⁷.

⁶⁴⁵ Травин Д. Я. Крутые горки XXI века: постмодернизация и проблемы России. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2015. 294 с.

⁶⁴⁶ North D. C. *Institutions, Institutional Change and Economic Performance*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1990. P. 17.

⁶⁴⁷ Матвеев О. В., Ястремский А. М. Северный морской путь как кластер Российской экономики: история и политика // Вестник Екатери-

При извлечении пользы из Арктического региона нельзя упускать такую немаловажную его часть как пространство передаваемых информационных данных и обрабатывающих их систем, обуславливающее наблюдение, прогнозирование и оценку происходящих в регионе ситуаций. С помощью такой информации осуществляется, в том числе навигация и построение маршрутов транспортных судов, поэтому любые неточности или задержки влияют на стоимость таких операций и прибыль от их результата. Поскольку в полярных широтах расположено большое количество военных баз, прежде всего в своевременном получении важных данных и грамотной работе с ними заинтересованы военные структуры.

На данный момент самым многообещающим направлением является развитие спутниковой связи и передающих группировок космических аппаратов. Следовательно, имея в виду крупные масштабы финансирования интересующих военных ведомств проектов, можно полагать, что разработки, применяемые такими ведомствами, могут совмещать в себе не только единицы сугубо военного назначения, но и гражданского, как, например, проект МКС «Арктика»⁶⁴⁸. Однако упомянутый проект пока не введен в эксплуатацию. Сегодня поставкой данных занимаются в основном зарубежные аппараты (RADARSAT-1, RADARSAT-2, ENVISAT-1, ERS-2, ALOS, TerraSAR-X), имеющие ряд преимуществ перед отечественными⁶⁴⁹. Отсюда повышается интерес к продвижению и совершенствованию собственных спутников.

Рассматривая альтернативные средства передачи информации, стоит уделить внимание системе комплексов аэростатов, которые изначально упоминались как в воздухоплавательный сегмент ВС РФ (носители радиолокационно-оптических приборов для разведки)⁶⁵⁰, но позже сыграли свою роль в построении концепции обеспечения гидрометеорологической безопасности в Арктическом регионе, составив конкуренцию использованию систем космических аппаратов.⁶⁵¹

Поэтому важным представляется изучение текущих инициатив силовых институтов для поиска востребованного направления и приложения усилий по прогнозированию возможностей, извлекаемых из таких проектов.

На основе обобщаемого материала можно сделать следующие выводы:

В Арктической зоне РФ применения научных достижений в основном тесно связано с военным сектором, следовательно, необходимо идти на компромиссы и извлекать экономическую выгоду из тех ресурсов, которые производят применяемые военными силами проекты.

Зоны приполярных широт не всегда требуют использования новейших технологий и порой ранее используемые средства вполне могут показать нужный результат.

Майорова М. А. (Москва, МГУ имени М. В. Ломоносова)

МОЛОДОЕ ПОКОЛЕНИЕ РОССИЙСКИХ ПОЛИТИКОВ ФЕДЕРАЛЬНОГО УРОВНЯ: СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ПРОФИЛЬ⁶⁵²

В связи с тем, что в последнее время на российской политической арене появилось достаточно большое количество молодых политиков, нами было проведено исследование представителей молодой политической элиты одновременно в двух аспектах — как исполнителя определенной политической роли и носителя уникальных личностных качеств. То есть ключевой исследовательской задачей было выяснение того, как и какие лидеры рекрутируются в настоящее время структуры власти.

Для получения ответа на этот вопрос нами был проведен статусно-ролевой анализ молодого поколения политиков, под которым мы, в силу специфики политической сферы, понимали людей до 40 лет. Опираясь на его результаты, можно проследить возникающие тенденции, определить, какие биографические характеристики предпочтительнее в становлении новой политической элиты.

нинского института: научный журнал. 2019. № 2. С. 102–112

⁶⁴⁸ Железняков А. Б. За Арктикой из космоса (проект многоцелевой космической системы «Арктика»). // Труды Второй международной конференции «АРКТИКА: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ». Санкт-Петербург. 2017. С. 234–242.

⁶⁴⁹ Молчанов В. П., Акимов В. А., Соколов Ю. И. Риски чрезвычайных ситуаций в арктической зоне Российской Федерации; МЧС России. М.: ФГБУ ВНИИ ГОЧС (ФЦ). 2011. 300 с.

⁶⁵⁰ Пономарев П. А. Роль воздухоплавательного сегмента вооруженных сил Российской Федерации в решении задач по обеспечению военных действий в условиях необорудованных театров военных действий и Арктики. // Известия Южного федерального университета. Технические науки. 2014. № 3 (152). С. 138–146.

⁶⁵¹ Брыксенков А. А. Развитие телекоммуникационных систем для обеспечения создания единого информационного пространства в АЗ РФ с использованием аэростатной платформы. // Труды научной конференции «АРКТИКА: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ». Санкт-Петербург. 2016. С. 416–424.

⁶⁵² Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и АНО ЭИСИ в рамках научного проекта № 19-011-31432 «Молодое поколение российских политических лидеров: политико-психологический анализ».

Объектом нашего исследования были представители государственной власти различного уровня: 38 депутатов Государственной Думы Российской Федерации, 36 представителей различных министерств, 8 губернаторов и 5 членов Совета Федерации.

Исследование проводилось с использованием биографического метода, в основе которого лежат идеи Б. Ананьева⁶⁵³ и К. Абульхановой-Славской⁶⁵⁴, что дает нам возможность взглянуть на психологические особенности личности на разных этапах ее жизни, понять причины возникновения и особенности психических процессов, проследить, как они влияют на политический путь. В данной статье в силу ограниченности объема представлены результаты только первого этапа анализа, обобщающие социально-демографические характеристики молодого поколения российских политиков: пол, возраст, образование, место рождения и основной социализации, профессиональный опыт.

Проведенный анализ показал следующие результаты.

Во-первых, место рождения и первичного этапа социализации в большинстве совпадает, независимо от типа населенного пункта. При этом большая часть политиков во всех структурах родилась и проходила социализацию в городе.

Во-вторых, анализируя биографию и выделяя основные моменты карьерной траектории молодых лидеров, мы выявили 7 типов политиков по их начальной сфере деятельности: те, кто пришел на свои должности из бизнеса (1), люди, профессионально занимающиеся тем или иным видом деятельности (2), чиновники, государственные служащие (3), партийные активисты (4), общественные деятели — представители различных фондов и других общественных объединений (5), публичные персоны (6), те, кто с самой юности тем или иным образом задействованы в политической деятельности (7). В Государственную Думу в основном приходят из двух категорий — партийные деятели (42,1%) и из бизнеса (23,6%). 58,3% политиков из министерств были чиновниками, 22,2% — профессионалы в своей области. В Совете Федерации преобладают партийные и общественные деятели (40%). Среди губернаторов многие были государственными служащими — 62% или партийцами — 25%. Остальные типы были в меньшинстве во всех исследуемых органах государственной власти.

В-третьих, образовательный профиль представителей молодого поколения политиков выглядит следующим образом.

Гуманитарное образование является преобладающим среди депутатского корпуса (42,1%), в два раза меньше (21,1%) людей с юридической базой и 18,4% экономистов по диплому. Других типов образования (медицинское, спортивное и т. п.) среди депутатов в меньшинстве, технических специальностей нет вовсе.

Представители министерств и губернаторов в большинстве своем обладают экономическим образованием (36,1% и 37% соответственно). На втором месте в обоих случаях юридическое образование. Оно у каждого четвертого представителя. Среди сотрудников министерств также встречаются люди с техническим и гуманитарным образованием (16,6% и 13,8% соответственно), а среди губернаторов нет гуманитариев. В Совете Федерации представители всех типов образования составляют 20%.

В период проведения исследования было отмечено, что многие из вышеуказанных лидеров проходили переподготовку в различных образовательных учреждениях, зачастую, разумеется, в тех направлениях, которые необходимы им для эффективной профессиональной деятельности и продвижения по карьерной лестнице в сфере политики и государственного управления.

По итогу исследования можно сделать следующие выводы. Обобщенный портрет сегодняшнего молодого лидера можно представить так: это мужчина (78% политиков) с высшим гуманитарным/экономическим образованием, проходивший курсы переподготовки или переобучения, пришедший во власть через партийную деятельность или государственную службу.

Маковский А. А. (Саратов, СГЮА)

РЕЛИГИОЗНЫЕ ВЫЗОВЫ ДЛЯ РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ: «РЕЛИГИОЗНЫЕ ВОЙНЫ» И «ПРИМИТИВНОЕ» ПОНИМАНИЕ ПРИНЦИПА СВЕТСКОСТИ

Традиционно в российской научной литературе религиозная безопасность рассматривается в рамках проблемы обеспечения национальной безопасности и раскрывается как некое состояние защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз, возникающих в религиозной сфере, необходи-

⁶⁵³ Ананьев Б. Г. Человек как предмет познания. М.: Наука, 2000.

⁶⁵⁴ Абульханова-Славская К. А. Стратегия жизни. М.: Мысль, 1991.

мое для стабильного конституционного развития Российской Федерации. Религиозные вызовы для российской политической системы представляют собой целый комплекс условий и факторов нарушения конституционных прав человека и гражданина, суверенитета и территориальной целостности России.

Безусловно, данные вызовы носят общенациональный характер и имеют определенную специфику изменений. В 2019 г. следует выделить несколько опасных социально-политических событий, которые отразились на политическом процессе Российской Федерации. Во-первых, это череда терактов в Новой Зеландии и Шри-Ланке. Во-вторых, народные протесты против постройки храма в Екатеринбурге.

15 марта 2019 года в Новой Зеландии произошла массовая стрельба — террористический акт в мечети Аль-Нур и Исламском центре Линвуд в Крайстчерче, погиб 51 человек. Этот террористический акт стал максимально публичным из-за того, что первые 17 минут нападения террорист транслировал через Facebook Live. Безусловно, мотив данного преступления носит религиозный и этнический характер. Перед атакой террорист слушал песню военизированных националистических подразделений, участвовавших в войне на Балканах 1992–1995 годов — «Serbia strong». На его оружии были написаны имена исторических фигур противостоявших Османской империи, а также названия некоторых исторических событий, связанных с Османской империей⁶⁵⁵.

21 и 22 апреля 2019 г. произошли террористические акты в Шри-Ланке, представляющие собой девять взрывов в трёх католических церквях и четырёх отелях. В результате теракта погибли по меньшей мере 253 человека и около 500 получили ранения. В церквях взрывы произошли во время пасхальной мессы в Негомбо, Баттикалоа и Коломбо. Были задержаны 40 террористов, которые связаны с мусульманской организацией National Thowheeth Jama'ath и «Исламским государством», которое взяло на себя ответственность за атаки. В ходе расследования власти Шри-Ланки пришли к выводу, что атаки стали ответом на теракт в Новой Зеландии⁶⁵⁶.

Таким образом, мы наблюдаем определенные «религиозные войны» между радикальными религиозными организациями и мирными гражданами. Вызывает опасение возможность латентной популяризации, как радикальных мер представления своих интересов среди граждан России, так и самой идеи противостояния между христианским и исламским мирами, коренными жителями и мигрантами, своими и чужими. При этом вызывает интерес реакция российского общества. Несмотря на то, что данные события активно освещались в СМИ, они не вызвали бурного интереса в интернет пространстве, массовые народные выступления в поддержку пострадавших, громких официальных заявлений истеблишмента.

При этом, в мае 2019 г. волну народных протестов вызвало строительство храма Святой Екатерины в Екатеринбурге. В ходе акций были задержаны около сотни протестующих. На протест последовала реакция президента РФ Владимира Путина. Глава государства предложил провести опрос насчет строительства храма на месте сквера. Итогом демонстраций, материалов СМИ, выступлений оппозиции стал отказ РПЦ МП от строительства культового сооружения.

С политической точки зрения этот процесс интересен мотивом граждан и формированием ярлыка в СМИ «народ против власти»⁶⁵⁷. Таким образом, в российском обществе укореняется «примитивное» понимание светскости, как недопустимости взаимодействия власти и религиозных организаций. При этом, сами традиционные религиозные организации воспринимаются как элемент государственного аппарата власти, и это подрывает их авторитет среди населения. Также, следует отметить, что сознание россиян скорее светское нежели религиозное.

Поэтому на информационно-коммуникативном уровне для преодоления отрицательных образов, ярлыков, связанных с «примитивным» пониманием принципа светскости, необходимо развивать систему открытости и гласности за счет официального опубликования двусторонних соглашений между органами государственной власти и конфессиями, официальной позиции субъектов ГКО по поводу религиозной реституции или других религиозно-политических практик. При строительстве культовых сооружений, организации религиозных массовых мероприятий, важно проведение общественных собраний и бесед с гражданами для изучения их позиций по данному вопросу.

Малькевич А. А. (Москва, ФЗНЦ)

ПЕРСПЕКТИВЫ «ЦИФРОВИЗАЦИИ» ГОЛОСОВАНИЯ В РФ

На сегодняшний день внедрение электронного голосования является одним из активно обсуждаемых вопросов в сообществе российских политологов⁶⁵⁸. С одной стороны, внимание к теме стимулирует создание

⁶⁵⁵ Сайт РБК. URL: <https://www.rbc.ru/society/15/03/2019/5c8b84b99a79475c2320c618> (дата обращения 01.08.2019)

⁶⁵⁶ Сайт РИА новости. URL: <https://ria.ru/20190423/1552961445.html> (дата обращения 01.08.2019)

⁶⁵⁷ Сайт «Зона медиа». URL: <https://zona.media/chronicle/ekbprotest> (дата обращения 01.08.2019)

⁶⁵⁸ Анисимова И. Н. Электронное голосование как важнейший институт электронной демократии // Экономика, управление и право:

инфраструктуры, позволяющей увеличить степень вовлечения граждан в электоральный процесс. В настоящее время на «Портале государственных услуг Российской Федерации» зарегистрировано свыше 40 млн. граждан. Предоставление им возможности голосовать дистанционно в онлайн форме позволило бы увеличить численность активных избирателей в пределах от 10 до 20%. С другой стороны, внедрение электронного голосования позволило бы устранить из электорального процесса один из главных конфликтогенных факторов — процедуру проверки достоверности подписей, предоставляемых кандидатом в ходе регистрации.

Перенос процедуры сбора подписей в онлайн пространство автоматически делает невозможным политические манипуляции вокруг процесса проверки подписей. В данном случае необходимо подчеркнуть, что электоральные процедуры в Интернет-пространстве реализуются за счет блокчейн-технологий. Последнее не только гарантирует анонимность голосования, но и дает пользователю возможность проверить, кому из кандидатов в итоге были зачтены его голос и подпись. В России такого рода система была впервые успешно опробована в августе 2019 г. в ходе четвертого этапа тестирования электронной системы голосования, которая используется в трех округах в ходе выборов в Московскую городскую думу VII созыва. Практика показывает, что в настоящее время в распоряжении российских властей имеется достаточно отлаженная система электронного голосования, надежно защищенная и от внешних атак⁶⁵⁹. В процессе тестирования системы е-голосования на выборах в Мосгордуму Общественный штаб по контролю и наблюдению за выборами депутатов МГД объявил о системе крупных денежных призов для лиц, обнаруживших уязвимости в системе. В поисках потенциальных рисков приняли участие и международные эксперты (наиболее известным стал вклад французского криптографа Пьеррика Годри). Обнаруженные в результате уязвимости в системе онлайн-голосования были устранены, благодаря чему в ходе четвертого этапа тестирования все попытки вмешательства в ее работу закончились провалом⁶⁶⁰.

В настоящее время на портале Госуслуг пользователям доступен личный кабинет избирателя. За счет этого они могут получить информацию о предстоящих выборах: об избирательной кампании и участвующих в ней кандидатах, об избирательном участке и избирательной комиссии по адресу регистрации. После завершения выборов им предоставляется информация о результатах голосования. Для находящихся в столице избирателей одномандатных округов, где в сентябре 2019 г. прошли дополнительные выборы депутатов Государственной Думы, и 16 субъектов РФ, где осуществлялись выборы глав регионов, был доступен цифровой избирательный участок⁶⁶¹.

Мы считаем, что к настоящему моменту в России сформированы необходимые условия для начала перехода к электронному голосованию. Сопутствующие риски не достигают критических значений и могут быть минимизированы посредством технического решения.

Мальцева Д. А., Дедуль А. Г. (Санкт-Петербург, СПбГУ)

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ РИСКАМИ В ЭПОХУ ЦИФРОВИЗАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ: ФАКТОРЫ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ⁶⁶²

Цифровизация публичной политики, трансформация российской экономики в экономику знаний детерминируют необходимость разработки комплементарного подхода к исследованию структурных, институциональных, социокультурных факторов, обеспечивающих эффективность внедрения и коррекции инновационной политики в условиях сетевого общества.

инновационное решение проблем. Сборник статей XI Международной научно-практической конференции. М., 2018. С. 18–20; Антонов Я. В. Электронная демократия и электронное голосование: конституционно-правовое измерение // Российский юридический журнал. 2016. № 5 (110). С. 101–113; Истомина Ю. С. Электронное голосование в системе электронной демократии в России // Право в современном мире. Сборник научных статей по итогам работы международного круглого стола. 2018. С. 58–60.

⁶⁵⁹ Трушкина С. И. Модернизация электронного голосования в российской федерации посредством внедрения электронных паспортов // Наука и образование сегодня. 2019. № 6–1 (41). С. 64–65; Шакир А. Х. Безопасность электронных систем голосования в сфере разработок электронного правительства // Международный научно-исследовательский журнал. 2014. № 6–2 (25). С. 77–79.

⁶⁶⁰ «Химически чисто». В Московском парламентском центре прошло финальное тестирование системы электронного голосования. URL: <http://www.shtab.opmoscow.ru/novosti/2929> (дата обращения 28.08.2019).

⁶⁶¹ Трушкина С. И. Там же.

⁶⁶² Работа выполнена за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00115 «Риск-рефлексии в современных российских стратегиях управления конфликтом»).

В последние годы проблемы повышения эффективности реализуемой политики становятся наиболее значимыми направлениями исследований, результаты которых определяют принципы реформирования институтов государственного управления.

В данном контексте необходимо отметить, что сетевые структуры оказывают стабилизирующее воздействие и нивелируют управленческие девиации благодаря равноправной коммуникации, возможности реального соучастия граждан в управлении, а также беспрепятственного доступа к информационным потокам. Они способны стимулировать производство нового знания и механизмы обмена им.

Резкий рост сетевых структур — это прямое следствие информационно-коммуникационной революции, которая привнесла новые технологии, обеспечивающие современный тип коммуникации — удаленное интерактивное взаимодействие (механизм сохранения и обновления «консенсуса» в обществе).

Расширяющиеся масштабы сетевых интеракций создают благоприятные условия для внедрения децентрализованных технологий менеджериального толка (Big-Data, облачные технологии, бизнес-планирование и др.).

В современных реалиях ускорения глобальных процессов наиболее успешными траекториями развития становятся перманентная модернизация экономической системы и снижение рисков утраты экономической и политической независимости. Включенность в международную инновационную систему автоматически перемещает государство в общество риска.

Осознание магистральных рисков способствует созданию нового публичного пространства с комфортной средой для выработки общенациональных коллективно значимых решений, а также положительных и выгодных для всех акторов политического процесса коммуникативных интеракций.

Таким образом, стремительное развитие информационных технологий, в том числе динамичная цифровизация публичной политики, увеличивают уровень неопределенности и требуют превентивного воздействия и стабилизации политической системы посредством внедрения релевантных сценариев стратегического риск-менеджмента, способствующего созданию публичного пространства с высокой степенью адаптивности. Именно системное управление рисками на этапах выработки и имплементации государственной политики позволит повысить эффективность системы государственного управления.

Мансуров Т.З. (Казань, КФУ)

Позиция и роль России в урегулировании политического кризиса в Венесуэле

Актуальность исследования кризиса между исполнительной и законодательной ветвями власти в Венесуэле на современном этапе объясняется необходимостью нормализации внутривластной ситуации в стране, общество которой оказалось разделенным на два противоборствующих лагеря, и интернационализированным характером его развития, втягивающим все большее количество стран в его урегулирование. Несмотря на широкий спектр государств и региональных организаций, вовлеченных в решение кризиса, его исход остается неопределенным, как и варианты его урегулирования, способствующие продвижению диалога и нахождению точек соприкосновения сторон конфликта, а также исправлению острейшей социально-экономической ситуации, сложившейся в стране. Крупные государства мира, региональные страны, а также Российская Федерация, предлагающие различные способы и механизмы урегулирования кризиса, не могут выработать эффективных диалоговых площадок и усадить стороны за стол переговоров, что, в свою очередь, лишь загоняет процесс его разрешения в тупик.

Россия с самого начала политического кризиса, еще только набиравшего обороты, выступила за мирное урегулирование сложившейся ситуации и заняла негативную позицию по отношению к тем странам (Бразилия, Колумбия, США и др.), которые не исключили возможность внешнего вооруженного вмешательства в Венесуэлу. Несмотря на отношения дружбы и стратегического партнерства с этой латиноамериканской страной, Россия не во всем и безоговорочно поддерживает правительство Н. Мадуро, предлагая провести реформы в социально-экономической сфере. Вместе с тем, Россия заинтересована в развитии военно-технического и энергетического сотрудничества с Венесуэлой, являющейся одним из немногих государств, с которым существуют хорошие политические взаимоотношения и которое поддерживает Россию по многим вопросам международной повестки дня. В связи с этим, Российская Федерация выступает против излишнего дипломатического давления на страну и санкционной политики, проводимой США. Государственный переворот, возможный в основном в случае перехода на сторону оппозиции военных, не входит в арсенал методов урегулирования кризиса, предлагаемых Россией, и может лишить последнюю наработанных политических связей и выгодных нефтяных контрактов.

На сегодняшний день роль России в урегулировании политического кризиса в Венесуэле, осуществляется в основном на двух уровнях: в рамках ООН и в плоскости двустороннего взаимодействия. В Совете Безопасности ООН Россия препятствует каким-либо попыткам осуществления внешнего вмешательства в Венесуэлу, считая политических кризис внутренним делом этого государства, и вместе с Китаем наложила вето на резолюцию США, в которой содержался призыв к проведению свободных и справедливых выборов в стране. В противовес этому США заблокировали российскую резолюцию, которая предлагала решить кризисную ситуацию посредством «механизма Монтевидео», предусматривающего начало диалога и выработку соглашения между конфликтующими сторонами. Не приносят значительного результата и переговоры России с отдельными странами региона (Аргентина, Бразилия, Боливия, Колумбия, Мексика, Никарагуа, Чили), а также с США и государствами ЕС, которые очень часто дальше политических заявлений о необходимости мирного разрешения конституционного кризиса и стабилизации ситуации в стране не доходят.

Нельзя не отметить, что на сегодняшний день Россия не проводит столь активную дипломатическую линию в урегулировании кризиса, как это, например, осуществляется в других странах (Сирия, Украина, Грузия), что, видимо, объясняется спецификой региона и сложившимися с его странами политических и военно-технических отношений. С одной стороны, Россия старается не оказывать чрезмерного влияния на ситуацию в стране, опасаясь ответных мер со стороны государств, поддерживающих оппозиционные силы, в ряду которых не исключаются и силовые (военные) действия. С другой стороны, Россия, претендующая на статус мировой державы, остро нуждается в союзниках, поэтому сохранение отношений с Венесуэлой и их дальнейшее развитие является приоритетной задачей внешней политики. Поэтому роль России в урегулировании кризиса в этой латиноамериканской стране заключается в помощи различного характера (военной, политической, экономической), носящей по ряду параметров ограниченный характер, но способствующей сохранению существующего режима и стабилизации социально-экономической ситуации в стране. События последних месяцев показывают, что такая политика является пока достаточно эффективной, в то время как планы ряда государств по смене режима, каким бы это образом не осуществлялось, не приносят должных результатов, а в рядах оппозиции появляется все больше разногласий относительно путей урегулирования кризиса.

На сегодняшний день Россия нуждается в более активной дипломатической политике в регионе, предполагающей не только сотрудничество с дружественными Венесуэле странами, но и создание взаимоприемлемых международных площадок, способных усадить непосредственные стороны за стол переговоров.

Марков Е. А. (Череповец, Череповецкий государственный университет)

НОВЫЕ ФОРМЫ КОММУНИКАТИВНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ОРГАНОВ ВЛАСТИ И ОБЩЕСТВА⁶⁶³

Важнейшим условием обеспечения социально-экономического развития страны является необходимость установления эффективного информационного обмена между органами власти и обществом. С целью обеспечения эффективного информационного взаимодействия с обществом органы власти сегодня должны использовать в процессе информационного обмена с населением не только традиционные СМИ (печать, радио, телевидение), но и возможности Интернета, которые позволяют задействовать новые коммуникативные практики в публичном пространстве, такие как использование блогосферы, социальных сетей, социальных сервисов и т. д. Проблематика цифровизации публичного пространства является предметом для исследований как зарубежных, так и отечественных авторов. Включение общественно-политических коммуникаций в глобальную сеть заставило открыть целый ряд новых направлений в исследованиях, изучающих протекание новых процессов, происходящих в публичной сфере, а также — разноаспектные последствия этого явления. Достаточно отметить, что предметом изучения являются действия в сети различных политических институтов, общественных групп, формализованных и неформализованных субъектов. Кроме того, сетевая природа глобальной информационной сети Интернет предоставляет возможности участникам дискурса осуществлять не только вертикальные коммуникации, но и обращаться к своим локальным целевым аудиториям.

Недооценка необходимости включения в арсенал информационных практик новых коммуникативных технологий снижает эффективность коммуникационных усилий органов власти различных уровней и приводит к использованию имитационных, а, значит, малоэффективных решений.

⁶⁶³ Данный материал подготовлен в рамках выполнения гранта РФФИ № 18-411-350004 p_a «Трансформационные процессы в информационном взаимодействии власти и общества в современной России (на примере Вологодской области)».

Примером такого рода малоэффективной по получаемым результатам коммуникационной деятельности является использование муниципальными органами власти традиционных печатных изданий, которые формально отчасти используют новые информационные возможности (сайты своих изданий), а на деле — размещают в них фрагменты печатных материалов, совершенно не учитывая особенности публичного интернет-пространства, которое не терпит неинтересных и малоинформативных текстов.

В мае-августе 2018 г. исследовательской группой Череповецкого государственного университета были подвергнуты анализу материалы 39 действующих региональных печатных изданий (26 из которых составляют районные газеты) и открытых редакциями этих газет сайтов. Какие выводы были сделаны после обработки результатов?

Первое. Очевидно, что реальная аудитория изученных изданий является совсем не такой однородной, какой ее конструирует региональная пресса. Эта аудитория живет в гораздо более сложном и недружелюбном мире, нежели в благополучном регионе, каким он представляется на страницах прессы.

Второе. После знакомства с материалами изданий можно сделать вывод, что средний читатель политически наивен: верит всему на слово, всегда поддерживает руководителей региона и муниципальную власть, нуждается в наставлениях и рекомендациях.

Подобное представление о таком получателе информации не только формирует у аудитории неадекватное представление о существующем положении дел, но снижает уровень читательского интереса к изданию, а, главное, наносит ущерб авторитету органа власти.

Использование органами власти новых коммуникационных возможностей (блогосферы, социальных сервисов, социальных сетей и т. д.) позволит внедрить более эффективные диалоговые модели в информационно-коммуникативном взаимодействии органов власти и общества, устранить недопонимание и недоверие со стороны местных сообществ и выстроить более гармоничные отношения, и, в конечном итоге, обрести подлинную поддержку населением инициатив власти.

Мартынова М. Ю. (Москва, РГСУ)

АРКТИЧЕСКИЕ СТРАТЕГИИ ЕС, РОССИИ И КИТАЯ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

По общему признанию Арктика является уникальной территорией с большим экономическим потенциалом.

Механизм управления Арктикой изучается учеными разных стран, его модели описываются многими государственными и региональными программами и стратегиями⁶⁶⁴.

По оценкам экспертов, практически все страны-члены Евросоюза в той или иной форме объявили, что «Крайний Север является важнейшим направлением их внешней политики, растущей сферой интересов»⁶⁶⁵. Политика ЕС по отношению к региону в течение последних лет последовательно расширялась и углублялась. Результатом стала Комплексная Арктическая политика ЕС, представленная Европейской комиссией 27 апреля 2016 года. Евросоюз видит себя в будущем лидером в развитии экономического потенциала Арктики на устойчивой основе.

Внимание российского руководства к арктическим территориям также остается высоким.

Планируется модернизация магистральной инфраструктуры страны, которая позволит России стать «ключевым логистическим, транспортным узлом планеты, где будут учитываться глобальные технологические изменения». Важнейшее значение в развитии Арктики имеет Северный морской путь, который планируется сделать «по-настоящему глобальной, конкурентной транспортной артерией»⁶⁶⁶.

Арктическая политика Китая обусловлена пониманием своих интересов и своей роли в обновляемой структуре глобального управления, при которой Китай, по словам его руководства, «не стремится бросать вызов ведущей роли США и Запада, активно выступает за строительство единого человеческого сообщества, четко выражает надежду на формирование нового типа международных отношений, ключевое положение в которых займут сотрудничество и взаимный интерес»⁶⁶⁷.

⁶⁶⁴ Martynova M. Yu., Rudnitskaya A. P., Grishin O. E., Shulenina N. V., Popov S. I. Arctic Vector of East Asian Policy from the Aspect of Russian National Interests // International Journal of Civil Engineering and Technology. 2018. Т. 9. No. 9. Pp. 1992–2001.

⁶⁶⁵ Воронов К. Арктическая политика ЕС, Китай, Россия и Арктика: стратегические императивы / Сайт РСМД. 5.10.2018. URL: <https://russiancouncil.ru/blogs/arctic/es-kitay-rossiya-i-arktika-strategicheskie-imperativy/> (дата обращения 30.08.2019).

⁶⁶⁶ Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации 1 марта 2018 года // Сайт Kremlin.ru. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/56957> (дата обращения: 28.08.2019).

⁶⁶⁷ Ли Хуэй Китай играет ведущую роль в новой структуре глобального управления // Журнал Международная жизнь. 2018. №1. URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/1964> (дата обращения: 28.08.2019).

При этом Китай пытается активно продвигать идею управления Арктическим регионом по концепции общего наследия человечества⁶⁶⁸. Лоббируя данную идею, Китай пытается усовершенствовать существующий режим регулирования международной деятельности в Арктическом регионе, и, следовательно, подготовить правовую основу своего присутствия в регионе не в качестве партнера арктических стран, а в качестве самостоятельного легитимного игрока.

Несмотря на наличие разногласий между международно-политическими акторами, в Арктике сохраняется тенденция стабильности, которая преобладает над отношениями соперничества. Это может служить основой компромиссных вариантов сближения и взаимодействия ЕС, России и Китая, учитывающих объективно существующие тенденции глобализации и выгоды интеграции.

Мартьянов В. С. (Екатеринбург, Институт философии и права УрО РАН)

ГЛОБАЛЬНЫЙ ПОВОРОТ ПОЛИТОЛОГИЧЕСКОГО МЕЙНСТРИМА

В настоящее время можно наблюдать процессы системного распада нелиберального политологического и экономического мейнстрима, претендовавшего на универсальность описаний современных обществ, достигших *конца истории* в виде рыночных либеральных демократий *открытого доступа*. В последние десятилетия все более очевидны успехи в развитии обществ, которые в разной степени не соответствуют либеральному, рыночному и демократическому канону и не планируют встраиваться в западную ценностно-институциональную иерархию. Попытки институционального копирования и транзита все чаще не приносят незападным обществам желаемого эффекта, но доказывают, что преимущества Запада обусловлены не только и не столько либерально-демократическими ценностями. Сами западные общества, интерпретируемые как образец реализации рыночных и либерально-демократических ценностей и институтов, все чаще не соответствуют подобному общественному идеалу. Испытывая давление тех же фоновых негативных тенденций, что и остальной мир, связанных с достижением пределов рыночного насыщения, остановкой экономического роста, сокращением массового рынка труда, усилением внеэкономической конкуренции и неравенства, сжатием социального государства, западные общества обнаруживают нарастающие проблемы с воспроизводством демократии, рынка и капитализма, которые ранее считались их неотъемлемой частью.

Трансформация социально-политического и экономического порядка современных обществ обуславливает неизбежность переосмысления нелиберального политологического мейнстрима, который теряет убедительность в попытках описать эти изменения с помощью разнообразных *дискурсов ремонта*, призванных убедить, что капитализм, рынок и демократия испытывают лишь временные трудности. *Эти дискурсы ремонта* формулируются в виде *локальных утопий*, связанных с *креативностью* (классов, городов или экономик), цифровизацией, инновациями и нанотехнологиями, джентрификацией и смарт-технологиями, капитализацией интеллекта и концепцией *плоского мира* (Т. Фридман) и прочими идеями, призванными показать, что рынок не утратил способности расширять ресурсное пространство для всех заинтересованных участников. Однако все новые *истории успеха* оказываются историями возвышения разнообразных меньшинств, отдельных районов и/или городов на фоне устойчивой стагнации доступных ресурсов и жизненных перспектив для большинства граждан современных обществ.

Принципы распределения общественных ресурсов все менее связаны с капитализмом, рынком, демократией. С помощью апелляции к ним все труднее выполнять политические обещания о росте доступных ресурсов и возможностей для большинства населения. Это ведет к разочарованию в политологических понятиях и концепциях, ориентированных на монетарные, рыночные и либеральные ценности и институты. Убедительность политологического мейнстрима зависит от социальной онтологии и принципов социальной стратификации, которые претерпевают глобальные изменения. Сегодня на смену экономическим классам, опирающимся на ресурсы капитала и труда, приходят формируемые преимущественно национальным государством новые социальные группы. Последние формируют запрос на альтернативные принципы распределения общественных благ, связанные не с классово-рыночным, но с рентно-сословными механизмами, когда ключевая общественная метафора рынка все чаще заменяется понятием ренты и ценности для государства.⁶⁶⁹ В результате либерально-рыночные группы, институты и ценности отбрасываются на периферию социального порядка, воспроизводятся все в менее универсальном виде. Ядро нового политического порядка образуется рентно-

⁶⁶⁸ Molchanova N. V., Martynova M. Yu. The Arctic Vector of China's Foreign Policy: History and Legal Framework // Contemporary Problems of Social Work. 2019. T. 5. No. Pp. 20–25.

⁶⁶⁹ Фишман Л. Г., Мартьянов В. С., Давыдов Д. А. Рентное общество: в тени труда, капитала и демократии. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. 416 с.

сословными принципами взаимодействия, которые по инерции продолжают описываться мейнстримом негативно — в метафорах архаизации и дискурсах ремонта.

Глобальное становление рентного общества без заметного экономического роста и массового труда инициирует неизбежную трансформацию политологического мейнстрима в пользу теорий, описывающих контуры глобального будущего преимущественно в нерыночных и некапиталистических, а, возможно, и в нелиберальных категориях, фиксирующих нарастающие дисфункции либеральной демократии в контексте роста нерыночных социальных групп, национализма, протекционизма, популизма, кризиса социального государства и т. д.

Неолиберальный мейнстрим все чаще маскирует усиление всевозможных видов неравенства; закономерно расширение общественного запроса на легитимацию альтернативных иерархий ценностей и вариантов распределения общественных ресурсов, гарантирующих большинству достойный базовый уровень жизни в ситуации стагнации общей ресурсной базы общества. Это дискуссия о новом общественном порядке, влекущем критический пересмотр теорий неолиберального мейнстрима, который все чаще обнаруживает пределы своей способности к пониманию реальных социально-политических и экономических процессов в глобально меняющемся обществе.

Матвеев О. В. (Москва, Финансовый университет при Правительстве РФ)

РАЗВИТИЕ КОСМИЧЕСКОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ В ИНТЕРЕСАХ ОСВОЕНИЯ РОССИЙСКОЙ АРКТИЧЕСКОЙ ЗОНЫ

Проблемы обеспечения безопасности в зоне Арктических территорий в XXI в. проявляются все отчетливее, прежде всего, вследствие возникновения рисков природных, техногенных и экологических чрезвычайных ситуаций с учетом влияния как климатических изменений, так и активизации человеческой деятельности. Вопросы состояния и безопасности судоходства по Северному морскому пути (далее — СМП) требуют решения. Особая роль принадлежит в организации предупреждения чрезвычайных ситуаций и проведения работ по их ликвидации силами и средствами МЧС РФ. Обращают на себя внимание множество потенциально опасных объектов, изношенная производственная инфраструктура, склады с взрывчаткой и химическими материалами, отработанные ядерные отходы, отслужившие атомные подводные лодки, ядерные реакторы.

В Арктической зоне создана система мониторинга и ситуационных центров быстрого реагирования, располагающих данными мониторинга, развернуты системы производственного экологического контроля и производственного экологического мониторинга на Варандейском нефтяном отгрузочном терминале, организовано обнаружение загрязнения нефтепродуктами с помощью данных оперативного спутникового мониторинга, проведение регулярных сопоставимых наблюдений и измерения состояния и загрязнения компонентов природной среды. Но не решены задачи оснащения современными средствами пункты приёма и обработки данных космических аппаратов (далее — КА), остается низким качество анализа и прогноза условий на судоходных трассах. В основном используется информация, получаемая от различных зарубежных космических систем (радиометр AVHRR спутника NOAA, радиометр MODIS ИСЗ серии EOS, многоспектральные данные спутника LANDSAT, французская система SPOT спутника SPOT-5). Реализуемая высокоточная информация с зарубежных спутников RADARSAT-1, RADARSAT-2, ENVISAT-1, ERS-2, ALOS, TerraSAR-X доказала свою эффективность⁶⁷⁰.

В интересах дальнейшего экономического роста, развития конкурентоспособного СМП, востребовано развёртывание собственной космической группировки КА (оснащённых средствами дистанционного зондирования Земли и другими средствами разведки), а также дооснащения имеющихся и создания новых пунктов приёма спутниковой информации для обработки большего количества информации. В этих целях необходимо сосредоточить усилия:

— на создании многоцелевой системы гидрометеорологического и климатического мониторинга (спутниковая система «Арктика»⁶⁷¹), отвечающей за связь и постоянное наблюдение в полярных областях и акватории Северного Ледовитого океана⁶⁷²;

⁶⁷⁰ Молчанов В. П., Акимов В. А., Соколов Ю. И. Риски чрезвычайных ситуаций в арктической зоне Российской Федерации; МЧС России. М.: ФГБУ ВНИИ ГОЧС (ФЦ). 2011. 300 с.

⁶⁷¹ Асюшкин В. А., Грешилов П. А., Ефанов В. В., Мартынов М. Б., Моисеев А. А. и др. Автоматические КА для фундаментальных и прикладных научных исследований / под общ. ред. Г. М. Полищука, К. М. Пичхадзе. М.: МАИ ПРИНТ, 2010. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.roscosmos.ru/11669/> (дата обращения: 28.09.2019).

⁶⁷² Проект о создании космической системы (далее — КС) «Арктика» родился в 2012 году; тогда Президенту РФ докладывалась «высосанная из пальца» проблема современной гидрометеорологии, которая заключалась в отсутствии достоверной постоянно-поступающей информации с полярных шапок Земли. См.: <https://mapgroup.com.ua/kosmicheskie-apparaty/1600-podrobno-o-rossijskoj-kosmicheskoj-sisteme-arktiki> (дата обращения: 28.09.2019).

- на создании спутниковых систем связи для оперативного проведения спасательных операций и развития инфокоммуникационной инфраструктуры;
- на использовании КА «Меридиан», находящегося в группировке КА «Молния» и МСПСС «Гонец»;
- на орбитальной группировке «Ямал»;
- на Национальной системе спутниковой связи на базе американской Iridium;
- на развитии системы ГЛОНАСС.

Результаты обобщаемого материала позволяют сделать следующие выводы.

1. Для российской экономической модели актуальными проблемами являются: обеспечение динамичного социально-экономического развития богатых природными ресурсами ее северных территорий; риски природных, техногенных и экологических чрезвычайных ситуаций; решение задач безопасной эксплуатации и эффективной навигации СМП, по безопасному полету авиации в высоких широтах и через Северный полюс Земли.
2. Современное экономическое развитие невозможно без использования космических технологий.

Матвеева Е. В. (Кемерово, КемГУ)

ИНСТИТУТ ОБЩЕСТВЕННОГО КОНТРОЛЯ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В РЕГИОНАЛЬНОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

В последние несколько лет все более значимый статус субъекта региональной политики приобретают социально-ориентированные НКО (СО НКО), а вместе с ними отдельные эксперты или группы экспертов, чаще всего совмещающие экспертную и преподавательскую деятельность в академических структурах. Одним из примеров данного практического опыта становятся регионы Сибирского федерального округа, в частности Кемеровская область, на примере которой автор и постарается сделать краткий экскурс в обозначенную проблему.

Современный процесс включения в гражданское общество новых субъектов в лице СО НКО и экспертного сообщества ставят прежде всего задачу уточнения термина «гражданское общество».

Под «гражданским обществом» следует рассматривать постепенный процесс включения в процесс принятия политических решений СО НКО, переход от количественных показателей к качественным в вопросах работы Общественных палат субъектов РФ и Общественных советов, созданных при органах исполнительной, законодательной власти и силовых ведомств, привлечение экспертов к проведению региональных исследований для общественных и политических структур. При этом эпизодические всплески гражданской активности в форме акций протеста (например, митинги в Москве летом 2019 г.) не представляется возможным отнести в полной мере к процессу институционализации гражданского общества, т. к. поставленные цели имеют точечный, локальный характер и малоприменимы для всей страны. Наряду с функцией общественного контроля существенной характеристикой современных гражданских инициатив выступает способность к созиданию и развитию, а не к разрушению сложившейся политической системы.

В Кемеровской области необходимо выделить несколько тенденций в развитии гражданского общества в рамках реализации принципов общественного контроля.

В-первых, политическая воля Губернатора Кемеровской области С. Цивилева, выражающаяся в серии инициатив, связанных с привлечением научно-экспертного сообщества и бизнеса в процесс социально-экономической привлекательности региона через систему модернизации инфраструктуры, создание рабочих мест, совершенствование системы образования (создание в Кемеровской области НОЦ «Кузбасс»).

Во-вторых, наблюдается активизация в работе СО НКО (одна из успешных организаций в этом направлении Кемеровская региональная общественная организация «Ресурсный центр поддержки общественных инициатив»), которые выходят на уровень региональной и муниципальной власти, участвуя в создании нормативно-правовой базы, проводят тренинги и мастер-классы для широкого круга участников, тем самым оказывая консультативную и информационную поддержку, инициируют процесс включения общественников (экспертов) в проведение независимой оценки качества услуг, оказываемых населению в системе социальной защиты и здравоохранении.⁶⁷³

В-третьих, происходит процесс более качественного отбора кадрового состава Общественных советов при органах власти и ГУ МВД по Кемеровской области (включение в состав эксперта, который сможет решать определенный круг вопросов), что в итоге позволяет сделать работу данных институтов более эффективной

⁶⁷³ Проект «Потенциал НКО на развитие Кузбасса». URL: <http://www.init-kc.ru/?act=sn&cat=26> (дата обращения: 25.08.2019).

и социально-ориентированной, направленной на конкретный результат. Так, в конце августа 2019 г. Ответственные советы в новых составах были сформированы при 22 органах власти.

Исходя из всего вышесказанного, происходящие изменения в дальнейшей институционализации институтов гражданского общества через практику общественного контроля, что позволяют говорить о новых тенденциях в региональной политической практике и в целом об изменениях самой системы принятия решений в Кемеровской области.

Матвеевская А. С. (Санкт-Петербург, СПбГУ)

ГЕОБРЕНДИНГ КАК ИНСТРУМЕНТ РЕАЛИЗАЦИИ НАЦИОНАЛЬНЫХ ИНТЕРЕСОВ РОССИИ

Всемирная туристская организация (ЮНВТО) — специальное подразделение ООН по вопросам туризма, констатирует, что на сегодняшний день туризм является достаточно стабильным видом экономической деятельности. Подобного рода динамика сделала туризм значительным фактором социально-экономического прогресса. Мировой рынок туризма расширился как географически, так и по отраслям. Это в значительной степени повысило конкуренцию среди стран мира, которые стремятся привлечь на свою территорию большее количество туристов. Целью данного исследования является оценка роли туристской сферы в формировании имиджа и престижа страны, повышении репутации государства, влиянии на восприятие страны деловым сообществом по средствам использования гео-брендинга как технологии привлечения внимания к своей территории.

«Мягкая сила» обычно трактуется в терминах культуры (туризма), институтов (образование) и информационных технологий (масс-медиа). Основой для мягкой силы служат культура, ценности государства, а также направления внешней политики. Государства могут овладеть «мягкой силой» при помощи построения выгодного для них образа, в том числе за счет туризма и территориального брендинга для того, чтобы добиться желаемых для себя результатов на международной арене. Туристские бренды заключают в себе как экономическую (инвестиции, экспорт, туризм) так и политическую (имидж, репутация, идеологическое влияние) ценность для государства.

В рейтинге The Soft Power 30 («Мягкая сила»), составленном пиар-агентством Portland в 2018 году Россия, после неожиданного возвращения в рейтинг в 2016 году, заняла 28 место. Безусловно, в 2018 году Российской Федерации удалось стать заметной фигурой на международной арене.⁶⁷⁴

Одним из интересных и многообещающих проектов в туристском брендинге можно назвать проект «Made in Russia», который был официально представлен 15 мая 2014 года после двух лет исследований, в которых было задействовано более 100 компаний и 50 экспертов. Проект предполагает развитие и продвижение российского бизнеса и культуры под знаком нового национального бренда. Идея заключается в том, чтобы бренд «Made in Russia» воспринимался как некий собирающий элемент всего того, что производится или изобретается в России, включая культуру, традиции и научные достижения. Каталог «Made in Russia» и логотип проекта являются главными инструментами для продвижения российских брендов и культуры. Партнерами проекта стали такие компании как Эрмитаж, Российская государственная библиотека, Сколково, Ральф Рингер, Московский ювелирный завод, Госкорпорация «РОСКОСМОС», ГК «Ренова» и др.

Еще одной обращающей на себя внимание инициативой является проект «THE WHOLE WORLD WITHIN RUSSIA», который победил во Всероссийском конкурсе «Туристический бренд России».⁶⁷⁵ На втором этапе конкурса, организованного Ростуризмом при поддержке Министерства культуры РФ и Ассоциации брендинговых компаний России, было разработано порядка тридцати концепций туристских брендов России. По результатам народного голосования жюри выбрало в ноябре 2017 года победителя из троих финалистов. Идея концепции состоит в том, что Россия — огромная и разнообразная во всех отношениях страна. Помимо прочего страна является связующим звеном между прошлым и будущим, объединяя в своих просторах разные культуры, сохраняя тысячи историй и воспоминаний. «Путешествие по России — больше, чем путешествие. Это каждый раз множество открытий!», — гласит слоган проекта.

Имидж государства является важнейшим компонентом успешного проведения им политического курса на международной арене. Положительные характеристики такого имиджа, успешное использование государством мягкой силы служат на пользу защиты национальных интересов страны. На сегодняшний день одним из наиболее эффективных механизмов по продвижению национальных интересов с уверенностью можно

⁶⁷⁴ The Soft Power 30 A Global Ranking of Soft Power 2017 URL: <https://softpower30.com/wp-content/uploads/2017/07/The-Soft-Power-30-Report-2017-Web-1.pdf> (Accessed: 05 September 2019).

⁶⁷⁵ The whole world within Russia. URL: <https://www.behance.net/gallery/64720835/Russia-tourism-brand> (Accessed 5 April 2019)

назвать территориальный брендинг. Брендинг позволяет выделить страну среди общего потока, привлечь внимание инвесторов, туристов и международного сообщества в целом. Территориальный брендинг получил свое развитие в Российской Федерации не так давно, но уже заручился масштабным интересом со стороны общественных кругов и федерального правительства. Россия является активным участником межгосударственного диалога в индустрии туризма. Так, 23-я сессия Генеральной ассамблеи Всемирной туристской организации ООН прошла в сентябре 2019 г. в Санкт-Петербурге.

Махди Л. С. М. (Москва, РУДН)

ЭНЕРГЕТИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА В СОВРЕМЕННЫХ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ: КОНФЛИКТНЫЙ КОНТЕКСТ

Мировые державы озабочены обеспечением себя энергетическими ресурсами в контексте роста энергопотребления⁶⁷⁶. На энергетическую политику государств в XXI веке оказывают значительное воздействие конфликты, ставшие, как правило, итогом внешнего политического и военного вмешательства, революции, гражданские войны в отдельных регионах мира⁶⁷⁷. Симбиоз энергетической политики и энергетической безопасности породил новую политическую идеологию — энергобезопасность, что обусловлено доказанным влиянием на мировую энергетику различных кризисов, имеющих внешнеполитическую природу, а также примерами последующего использования энергетической политики в качестве инструмента экономического давления на политическую систему, что было продемонстрировано в свое время на примере России, Венесуэлы, Ирака, Ирана, Ливии и др.⁶⁷⁸

В настоящее время существуют предпосылки, указывающие на срыв поставок сжиженного природного газа (СПГ) из Катара через Ормузский пролив в связи с повышением напряжения в Персидском заливе. 13 июня 2019 года произошло нападение на два танкера — японский и норвежский — в Оманском заливе возле Ормузского пролива, в результате которого они получили повреждения и их экипажи были эвакуированы. Соединенные Штаты обвинили Иран в нападениях, но власти этой страны категорически отрицают это.

Ормузский пролив, имеющий самую узкую точку, 33 километра, является важнейшим маршрутом транспортировки нефти из Персидского залива в Мировой океан. Несмотря на региональные конфликты, через него проходит почти пятая часть мирового потребления этого сырья. Пролив расположен между Персидским заливом и Оманским заливом и отделяет Объединенные Арабские Эмираты и Оман от Ирана. Этот маршрут имеет большое стратегическое значение. Ежедневно через него проходит около 17,4 миллиона баррелей нефти. Предполагается, что это до 40% нефти, транспортируемой морским путем. Количество нефти, которая транспортируется через Ормузский пролив каждый день, примерно в 2 раза больше, чем вся добыча в США. Около 80% из нее направлена на азиатские рынки⁶⁷⁹. Переход, соединяющий воды, является основным маршрутом экспорта нефти из Саудовской Аравии, Ирана, Объединенных Арабских Эмиратов, Кувейта и Ирака. Катар также экспортирует большую часть СПГ по этому маршруту.

Цены на нефть в США немного падают после того, как президент США Д. Трамп предпринял определенные шаги и отменил свое объявленное возмездие против Ирана за сбитый американский беспилотник. Он предположил, что сбивание Ираном дрона MQ-4C Triton, принадлежащего ВМС США могло быть ошибочным; по его мнению, кто-то «неосторожный и глупый» мог бы это сделать. Американский военный беспилотник был сбит иранской ракетой класса «воздух-воздух» в международном воздушном пространстве над Ормузским проливом.

В результате, баррель нефти промежуточного звена West Texas в июле на Нью-Йоркской фондовой бирже NYMEX оценивался в 56,84 долл. США после падения цены на 0,42%. Нефть Brent в августе поставлялась на Лондонской фондовой бирже ICE Futures Europe по цене 64,35 долл. За баррель после дисконта 0,16%.

Таким образом, энергетическая политика в контексте геополитических реалий имеет явно выраженную конфликтную составляющую, которая зависит от ряда факторов, таких как: политическая позиция мировых держав, наличие политических и экономических кризисов, внешняя политика региональных государств, конкуренция на рынках энергоресурсов.

⁶⁷⁶ Анохин М.Г., Гришин О.Е., Малек Т. Энергетическая политика ЕС в условиях глобализации: диверсификация или интеграция? // Безопасность Евразии. 2012. № 1 (43), январь-июль. С. 340–344.

⁶⁷⁷ Авцинова Г.И. Кто виноват, что американцы «здорово влипли» в Ираке, и что делать? // Безопасность Евразии. 2004. № 4 (18).

⁶⁷⁸ Салыгин В.И., Меден Н.К. К вопросу о методологии исследований энергетической политики (на примере Германии) // Вестник МГИМО. 2015. № 6 (45). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-metodologii-issledovaniy-energeticheskoy-politiki-na-primere-germanii-1> (дата обращения: 27.07.2019).

⁶⁷⁹ Prezes PGNiG: nie ma zagrożenia dla dostaw LNG z Kataru. URL: <https://www.energetyka24.com/prezes-pgnig-nie-ma-zagrozenia-dla-dostaw-lng-z-kataru> (дата обращения: 01.08.2019).

НОВЫЕ ФОРМЫ ЖИЗНИ И ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПРАВО

Становление и реализация в повседневную жизнь свершающейся технологической революции 4.0 — вещь и тенденция неоспоримая. Повседневность заменяется новыми формами жизни (*магазин без продавцов, автомобиль без водителя, купля-продажа это услуга, а не приобретение товара и многое другое*) и с необходимостью требует появления иного права и техник правового регулирования. Ясно, что на этом фоне возникает и иная неизвестная нам преступность, формы ее проявления и будут необходимы адекватные методы ее пресечения, квалификации и неотвратимости наказания виновных.

Юристы эту задачу выполнить не только не смогут, но в ближайшей перспективе станут одним из необходимых, но исключительного консервативным (традиционно охранительным) сообществом и институтом. Это будет происходить по причине систематического стремления нормативировать юридическим языком новеллы технологического прогресса, которые, в свою очередь, в этом не только не нуждаются, но и всячески будут избегать подведения их под так называемый «предмет правового регулирования». Ученые, технологи и технологические предприниматели этого просто не допустят.

Предполагаем, что выход из ситуации лежит в иной плоскости, а именно, в плоскости политической, при этом понимаемой и конструируемой на других основаниях и принципах, нежели становление и форматизация политики в прошедшем 20-ом и длящемся 21 веке.

Мы согласны с тем, что базовыми конструкциями бывшей и отчасти современной политики являются абсолютная революция, абсолютное государство, абсолютная война и абсолютная политическая власть⁶⁸⁰. Длительная десятилетиями попытка пере-учреждения всех этих конструкций в правовое государство ни к чему не привела. По-прежнему те, кто владеет техниками экспорта и импорта революций, войны, государственных режимов и формами институализации власти в нужный им момент выходят за пределы права и доказывают его второстепенную роль и функцию.

К этим же процессам сейчас добавляется информационное интернет-манипулирование, мощно спонсируемое свободными денежными или эквивалентными ему финансовыми ресурсами. Все это ведет к постоянно повторяющимся кризисам и конфликтам, которые в отличие от ранних фаз сформированного капитализма, теперь просчитываются, моделируются и масштабируются в нужное время, с нужным результатом и доходностью.

Наша гипотеза состоит в том, чтобы возродить или вернуться к утверждению принципа различения божественного, естественного, суверенного юридического и международного права⁶⁸¹.

Если мы это сделаем, что тогда возможен синтез божественного, естественного, суверенного юридического и ратифицированного международного права некое единое пространство — пространство политического права.

Пространство или институт политического права понимаемого как синтез божественного (конфессионального) права, естественного, суверенного юридического и международного, должен стать ядром современной политической системы, вытеснив на периферию революции, войны, «государственные Левиафаны» и абсолютную политическую власть.

Должно появиться учение о политических пределах (залогах) в рамках признания предложенной онтологии политического права, что собственно и будет продуктом (результатом) политического мышления, сопровождающим технологический прогресс в виде промышленно-технологической революции 4.0.

Минаева Э. Ю. (Санкт-Петербург, ЕУСПб)

ЛОКАЛИЗАЦИЯ ЭТНИЧЕСКИХ МЕНЬШИНСТВ КАК ФАКТОР ПОЛИТИКИ: ИНСТРУМЕНТЫ АНАЛИЗА⁶⁸²

Общепризнанно, что в настоящее время политическое значение этничности, ее «проникновение в политику» возрастает⁶⁸³. Именно этим объясняется тот факт, что и в российской, и зарубежной политической науке

⁶⁸⁰ Пятигорский А. Что такое политическая философия. Цикл лекций / Александр Пятигорский. М. Издательство «Европа» 2007. С. 68.

⁶⁸¹ Фома Аквинский. Сумма теологии. Т. I: Первая часть Второй части. Вопросы 68–114. М. Книжный дом «Либроком». 2012. Вопрос 90. О сущности закона. Сс. 284–290.

⁶⁸² Работа подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект «Локализация этнических меньшинств в рамках политико-административных границ как фактор политизации этничности на субнациональном уровне: российские практики в контексте мирового опыта» № 19-011-00257 А.

⁶⁸³ См., например: Малинова О. Ю. Гражданство и политизация культурных различий (Размышления по поводу некоторых тенденций в англоязычной политической философии) // Полис. 2004. № 5. С. 7–18.

этнополитические исследования привлекают все большее внимание. Мысль о том, что в этнополитических исследованиях необходимо учитывать не только размер и соотношение этнических групп (с помощью индексов фракционализации, поляризации и т. д.), но и их локализацию в физическом пространстве впервые была высказана в начале 2000-х гг. в работах Моники Тофт⁶⁸⁴. Ее исследование продемонстрировало, как различные модели расселения этнических групп, основанные на том, являются ли они большинством или меньшинством на некоторой территории, определяют способность и легитимность их мобилизации в борьбе за независимость.

Мощным толчком для эмпирических исследований на тему локализации этнических групп стало использование географических информационных систем (ГИС). Ключевая идея применения методов, основанных на ГИС, состоит в наложении разных слоев географически привязанных данных друг на друга и их последующей математической обработке. В этих условиях особенно востребованным стал Атлас народов мира⁶⁸⁵ как наиболее всеобъемлющий на настоящий момент источник данных о пространственном распределении этнических групп. Опираясь на Атлас, исследователи из Швейцарской высшей технической школы Цюриха создали на его основе собственные базы данных с гео-привязкой: «Географическое представление этнических групп» (GREG — Geographic Representation of Ethnic Groups) и «Гео-привязанные этнические властные отношения» (GeoEPR — Geo-referencing Ethnic Power Relations).

Основываясь на этих базах, в данном докладе автор представляет и обосновывает несколько индексов, которые позволяют систематически проанализировать локализацию этнических групп в разных измерениях.

Во-первых, это индекс сегрегированности этнических групп, то есть степень их совместного/раздельного проживания относительно друг друга на одной территории.

Совмещенные данные GREG и GeoEPR позволяют также учитывать другой важнейший аспект формата локализации этнических групп — конфигурацию полигона, то есть степень сконцентрированности или дисперсности этнической группы.

С учетом важности связи этнических и административных границ помимо сегрегированного и совпадающего форматов локализации представляется важным учитывать еще один возможный формат локализации этнических групп, а именно размер их полигонов относительно некоторой административно-территориальной единицы (АТЕ). Помимо GREG и GeoEPR эмпирической базой вычисления размеров полигонов этнических групп служит база данных «Глобальные административные границы» (GADM — Global Administrative Areas), содержащая данные о местоположении границ административно-территориальных единиц разных уровней: от границ государства до границ муниципалитетов.

Размер полигона этнической группы, однако, не дает возможности зафиксировать те случаи, когда он выходит за пределы административных границ АТЕ, в связи с чем еще одним измерением формата локализации этнических групп является конгруэнтность между и политико-административными границами, то есть степень совпадения границ полигонов этнических групп с границами административных образований.

Таким образом, для более всесторонней фиксации локализации этнических групп предлагается ее четыре формата, различающиеся по 1) степени сегрегированности этнических групп относительно друг друга, 2) их конфигурации, то есть степени сконцентрированности vs. дисперсности, 3) размера полигонов этнических групп и 4) конгруэнтности этнических и политико-административных границ. Как аналитические модели данные форматы позволяют с нескольких сторон улавливать связь территориальности и этничности и объяснять различную степень политизации этнических различий.

Мирзаджанов Т. Э. (Москва, НИУ ВШЭ)

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ И ВЗАИМОВЛИЯНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ ДВИЖЕНИЙ И ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ

Социальные движения — организации, стремящиеся изменить распределение власти с целью искоренения дефицита властных решений в определённых сферах и осуществлять социальные преобразования через государство, мобилизуя обычных граждан для устойчивых политических действий.

Движения используют неинституциональные или нетрадиционные способы действий с целью ненасильственных социальных перемен. Движения рассматриваются как создатели нового социального, гражданского

⁶⁸⁴ Toft M. The geography of ethnic violence: Identity, interests, and the indivisibility of territory. Princeton, 2003.

⁶⁸⁵ Брук С. И., Апенченко В. С. Атлас народов мира. Москва: Главное управление геодезии и картографии, 1964.

кодекса и новых знаний. Движения учитывают новые требования, которые остаются без ответа со стороны партий и артикулируют их во вне электоральном пространстве общественной сферы.

Партии могут привлекать или создавать дочерние Движения, когда им нужно использовать мобилизационные стратегии Движений. Так же партиям может потребоваться экспертное мнение движений при проведении политических решений в определенной специфической сфере. Или же партиям может потребоваться предоставить своим членам и союзникам внутреннее представительство в движениях для построения более широких социальных сетей и каналов связей, что способствует большей репрезентации, близости и проникновению партии в социальное пространство.

Движения же привлекают или создают из себя партии, ради достижения целей расширения участия в процессе принятия решений (принятие элитами новых акторов), материальных выгод (принятие элитами новой политики) и дискурсивных выгод (принятие элитами новых значений), то есть это разные значения и ориентации, которые должны быть приняты обществом.

Движения могут влиять на партийную систему самостоятельно трансформируясь в политическую партию нового типа — партию-движение. Создание партии — это стратегический выбор, сделанный субъектами движения для достижения инноваций, когда они сталкиваются с провалом других мобилизационных тактик. Баллотироваться на выборах для движений является потенциальной стратегией для продвижения проблем, игнорируемых существующими партиями.

Существуют три разных способа которыми движения могут влиять на партии: **(1)** создание общественно-го давления по отношению к политическим партиям через средства массовой информации; **(2)** лоббирование в пользу целей движения в рамках сотрудничества с партиями; и **(3)** пересечение кадров. Пересечение происходит, когда один и тот же индивид является и членом движения и членом партии.

Новые социальные движения (НСД) благодаря постоянному успеху в мобилизации массовой общественности бросают вызов устоявшимся партиям в плане их традиционной роли посредников между гражданами и политической системой.

НСД создают три вызова для устоявшихся партий. **Программный вызов** — партии в конце 1970-х еще не имели структурно-программных компонентов для решения проблем артикулированных **НСД**. Это приводило к тому, что партии либо сближались, объединялись с **НСД** и адаптировались, либо **НСД** сами становились партиями и участвовали в выборах. **Электоральный вызов** заключается в проблематике привлечения устоявшимися партиями членов **НСД**. Для решения этой проблемы устоявшимися партиями приходится идти на уступки **НСД**, чтобы превратить их сторонников в свой электорат. **Организационный вызов** — вступая в союз и исполняя требования **НСД**, партии начинают испытывать трансформацию своей внутренней структуры и организации. Активисты движений вводят не только новые вопросы в политическую повестку дня, но и новый стиль политической деятельности, менее иерархизированный и более спонтанный. **НСД** максимизируют возможность для рядовых членов участвовать во внутрипартийных делах. Общепринятые нормы и устремления движений имеют возможности отразиться на структуре союзной партии.

Всё взаимовлияние партий и движений возможно разделить на ряд аспектов:

Электоральный аспект — Движения могут предоставить партиям новый электорат.

Государственный и политико-парламентский аспект — Партии позволяют движениям влиять на законы принимаемые в профильной для движений сфере.

Аспект повестки дня и лоббирования — Движения через взаимоотношения с партиями получают возможность вводить в повестку дня темы, которые действительно волнуют общество и лоббировать интересы общества либо напрямую, либо опосредованно через СМИ.

Аспект идентичности — Партии позволяют движениям культивировать и распространять новые социальные идентичности среди электората партий.

Аспект политики раздора — Власть и позиции партий позволяют движениям осуществлять политику раздора гораздо в большем объеме, но в интересах партий, которым самим проводить политику раздора неэволюционно по статусу.

Аспект протестов и «уличной политики» — партии представляют интересы движений в парламенте, движения представляют интересы партий на улице.

Аспект внешнего контекста и кризисов — в ситуациях политических кризисов и краха политического режима, движения могут помогать партиям в консолидации общественных настроений, либо вообще играть «первую скрипку» в данном процессе в союзе с партиями.

Аспект авторитарического контекста и демократических преобразований — движения могут стать флагом демократической борьбы.

СТРОИТЕЛЬСТВО МЕСТНЫХ СООБЩЕСТВ КАК КОМПОНЕНТ ПОЛИТИКИ РАЗВИТИЯ СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЙ⁶⁸⁶

Политика развития сельских территорий как отраслевой вид государственной политики появилась в странах англосаксонской и европейско-континентальной систем в 1970-х гг. и стала «ответом» на комплексные изменения экономического уклада сельских регионов. В социально-гуманитарном знании данные изменения нашли свое отражение в научных дискуссиях о дифференциации понятий «сельский», сельскохозяйственный, «крестьянский», «аграрный»⁶⁸⁷. Особенности российских территорий сельских по характеру являются места проживания граждан с низкой плотностью населения и характеризуются наличием источников продовольствия и сельскохозяйственного сырья, природных ресурсов и определенного образа жизни.

Политика развития сельских территорий направлена на создание устойчивых сообществ граждан, проживающих на сельских территориях и заинтересованных в экономических результатах его развития. Предыдущие практики, ориентированные на поддержку фермерства и хозяйств агропромышленного комплекса, перестали давать ощутимые результаты. Принципиально новой характеристикой политики в отношении сельских территорий стало достижение высокого уровня жизни сельского населения (как комплекса показателей: уровень доходов населения, его покупательская способность, обеспеченность качественным жильем, услугами здравоохранения и образования, продолжительность жизни населения, уровень безопасности и др.) за счет нематериальных факторов развития территории (качество социальной среды и экологических отношений)⁶⁸⁸. В мировой практике отсутствуют стандартные подходы в формировании политики в отношении сельских территорий, однако можно выделить следующий набор институциональных механизмов, позволяющих определить стратегию развития сельских сообществ: диверсификация экономики сельской территории и активизация местной предпринимчивости; кооперация в разно-уровневые партнерства сельских жителей, предпринимателей, структур гражданского общества и органов власти; изменение системы кредитования; реализация программ дополнительного образования местных жителей; реализация программ по преодолению цифрового неравенства⁶⁸⁹.

Анализ опыта зарубежных стран показал, что успешность политики развития сельских местных сообществ определяется наличием сильных местных сообществ, обеспечивают стратегическое видение, мобилизацию ресурсов для достижения экономических результатов. Под местными сообществами понимается «совокупность людей, объединенных устойчивыми формальными и неформальными связями, которые обусловлены совместным проживанием и деятельностью в пределах общей территории»⁶⁹⁰. Концепция «строительства местных сообществ» появилась как «ответ» на вызовы политики развития сельских территорий и как средство решения социальных проблем. Концепция «строительства сообщества» стала отражением новых управленческих практик, с помощью которых моделируются процессы самоорганизации жителей, побуждая их занять позицию субъекта принятия решений важных для сообщества социально-экономических проблем. Данный подход предполагает переход от «сервис-клиентских» взаимодействий местного сообщества и органов власти, где преобладают настроения иждивенчества среди местного населения, к партнерским отношениям с широким гражданским участием местных жителей в выработке и реализации публичных решений⁶⁹¹. Строительство местных сообществ вписывается в концептуальные основания «политики ответственного развития», предложенной И. С. Семененко, которая выражается в стратегическом видении развития сообщества и индивида и в управленческих практиках, способных обеспечить реализацию стратегических целей, т. е. в «ответственном развитии»⁶⁹².

Результаты проведенного нами эмпирического исследования сельских поселений Краснодарского края, показало «сильные» местные сообщества имеют более высокий потенциал для реализации успешной стратегии социально-экономического развития.

⁶⁸⁶ Материалы исследования подготовлены при финансовой поддержке проекта РФФИ и АНО «ЭИСИ» № 19-011-31356 «Развитие сельских местных сообществ: потенциал политики идентичности в условиях неоднородности социально-экономического и социокультурного пространства региона»

⁶⁸⁷ Семененко И. С. Сельское местное сообщество в фокусе политики развития: научный дискурс и европейские политические реалии // Южно-российский журнал социальных наук. 2019. № 3. В печати.

⁶⁸⁸ Реутов Е. В., Реутов М. Н., Шавырина И. В. Качество солидарной среды и солидарность в местных сообществах // Менеджмент в России и за рубежом. 2016. № 4. С. 68.

⁶⁸⁹ См.: Овчинников О. Г. Государственные программы развития сельских сообществ // США и Канада. 2018. № 4. С. 22–38.

⁶⁹⁰ Лыска А. Г. Концепция строительства местного сообщества в работах зарубежных ученых // Социологические исследования. 2013. № 7. С. 99.

⁶⁹¹ См.: Briggs X. de S. Community building // Christensen K., Levinson D. (eds.) Encyclopedia of Community: From the Village to the Virtual World. Thousand Oaks, CA: Sage Publications, 2003. Vol. 1.

⁶⁹² Семененко И. С. Горизонты ответственного развития: от научного дискурса к политическому управлению // Полис: Политические исследования. 2019. № 3. С. 7–26.

РИСКИ САНКЦИЙ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ РЕАЛИЗАЦИИ ПРОЕКТА «СЕВЕРНЫЙ ПОТОК-2»

Ко второй половине 2019 года количество игроков и комментаторов, считающих, что проект «Северный поток-2» (СП-2) будет реализован, стало неизмеримо больше, чем количество скептиков — хотя еще буквально в 2017–2018 гг. голоса о том, что проект будет сорван, звучали постоянно. Однако вопросом остаются сроки реализации проекта, сроки запуска его на полную мощность (что совершенно не равнозначно просто началу работы газопровода), а также формат работы антимонопольного регулирования ЕС, потенциально способный очень затруднить работу. Внимание и фокус активности противников проекта перешли именно на эти вопросы — с самим фактом практически неизбежного запуска СП-2 почти все смирились.

Важной проблемой для проекта являлась позиция Дании, которая, вопреки позиции оптимистов, ожидавших выдачу разрешения властями этой страны на стройку СП-2 еще в 2018 году (когда разрешение выдала Швеция), затягивала этот процесс, утопив его на долгий период в обсуждениях в экологических инстанциях трех разных маршрутов прокладки труб. По сути Дания просто тянула время, кооперируясь с политическими противниками проекта в Брюсселе и особенно в Вашингтоне.

Отсутствие датского разрешения давало возможность предпринимать постоянные медиа-атаки на СП-2, отталкивающиеся от реальных или даже придуманных и преувеличенных проблем, вызванных позицией Копенгагена. Так, в августе 2019 года агентство Reuters со ссылкой на документы Nord Stream 2 AG сообщило, что из-за проблем с Данией задержка запуска СП-2 может составить до восьми месяцев и стоить оператору проекта дополнительные 660 млн евро (\$740 млн). Ранее подобную публикацию сделала FT, со ссылкой на источники, близкие к проекту, сообщившая, что для СП-2 критично получить разрешение властей Дании в августе, иначе задержка проекта неизбежна. Второй источник, близкий к проекту, заявил для FT, что «в пору уже паниковать». Сюжеты про «панику» у строителей СП-2 переключались в общезападный либеральный мейнстрим в медиа, создавая соответствующее психологическое давление на РФ и ее партнеров по проекту.

В реальности, конечно, важнее тенденции (то есть неизбежное движение к запуску СП-2), а не конкретные сроки запуска. Попытки затормозить запуск СП-2 и последующий вывод его на полную мощность будут продолжаться еще долго, и после 2019 г. И запуск действительно может быть отложен. Но тогда меньше времени пройдет между запуском и выводом газопровода на полную мощность — ведь к концу 2020 года должна быть достроена вторая нитка Eugal в ФРГ для приема газа с СП-2 (оставляя на время в стороне вопрос о правовом/антимонопольном регулировании).

Оптимизма «Газпрому», России и ее партнерам по проекту добавляет фактор растущей политической турбулентности на Западе, включая и США, и Европу. Активизировались сразу несколько конфликтных линий в западной политике.

В США это подготовка к новым президентским выборам (к слову, вопреки уверениям либералов-глобалистов в Америке, Европе и России, Трамп не только не был подвергнут импичменту до конца первого года своего президентства, но и до сих пор сохраняет свой пост и еще вопрос, переиграют ли его демократы на предстоящих выборах). Трамп не только не «списан» с политической карты, но и имеет перспективу — и даже если он проиграет выборы, еще до 2020 года он будет все равно оставаться президентом. И именно от него будет зависеть, введут ли США жесткие санкции против СП-2. Ни Сенат, ни Палата представителей, ни Конгресс в целом, ни бюрократы в правительстве (а там много карьерных чиновников, не разделяющих курс нынешнего хозяина Белого дома) без согласия Трампа это сделать не смогут — обойти президента просто невозможно. Законодательная рамка для санкций, которую принимает Конгресс — это еще не сами санкции.

Трамп, судя по всему, как не собирался вводить санкции раньше против СП-2 (например, против партнеров «Газпрома» в лице строителей подводных газопроводов из Allseas и Saipem), так не будет делать это сейчас. Законодательная рамка для санкций давно существует (как минимум, с 2017 года — т. н. CAATSA), новые законопроекты ничего принципиально не изменят. Хоть Трамп и громко выступает против СП-2, но по сути в своей картине мира скорее понимает Путина и готов с ним работать, считая более важными — и настоящими оппонентами — страны вроде КНР и Ирана.

Фактор Трампа как неприемлемой фигуры для либерального глобального мейнстрима просто не дает сформировать полноценный альянс противников СП-2. Трамп вносит сумятицу в среду либеральных глобалистов, а занимаясь борьбой с ним или попытками «приручить его», время на борьбу с СП-2 остается мало. В этом смысле «фактор Трампа» в западной политике опять сыграл на Россию.

РАЗВИТИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА КАК НАЦИОНАЛЬНЫЙ ПРИОРИТЕТ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ⁶⁹³

Теория человеческого капитала как основа государственного развития получает признание в ряде зарубежных стран еще в 50–60-х годах прошлого века. В современной России определение идеи развития человеческого капитала в качестве национального приоритета, несмотря на кажущуюся очевидность, проходит непростой путь к признанию в качестве таковой. К социальным секторам общественной жизни длительное время относились как «социалке», финансируемой по остаточному принципу. На образование и здравоохранение государство выделяло на 1,5–4% от ВВП меньше средств по сравнению с сопоставимыми или более развитыми в экономическом отношении странами⁶⁹⁴. Оценивая социальные расходы как непроизводительные, власть предпочитала «экономить» на человеке, сокращая или не увеличивая социальную составляющую государственных расходов.

Одновременно с этим, на протяжении 1990-х и 2000-х годов в России не прекращался поиск идеи, способной стать созидательной основой национального развития. В этом качестве в рамках широкой общественной дискуссии обсуждалось множество идей, среди которых наиболее заметными стали идеи гражданского общества, демократизации, консерватизма, модернизации, социальной справедливости, стабильности, патриотизма, доверия власти и общества, ответственности власти перед обществом.

Достижению консенсуса относительно приоритетности идеи развития человеческого капитала и утверждению национального приоритета такой направленности способствовала сама жизнь — технологическое отставание, накопление негативных изменений в репродуктивном поведении населения, отток человеческого капитала из страны. Пришло понимание, что без целенаправленных инвестиций в развитие человека на уровне государственной стратегии, невозможно развитие, соответствующее современным интеллектуальным, физическим, технологическим стандартам и требованиям. В таком контексте идея развития человеческого капитала стала не только основой развития, адекватной современной ситуации в мире и стране, но и удачной идеологической конструкцией.

Определение развития человеческого капитала в качестве национального приоритета способствовало преодолению ценностного раскола в современной России, оформившегося в результате событий, идентифицируемых, и как революционные, и как геополитическая катастрофа. Ценностный раскол устойчиво воспроизводился российским обществом на протяжении длительного периода. Национальный приоритет такого содержания призван был примирить все политические силы.

В рамках доклада предлагается к обсуждению содержательная специфика и структура национального приоритета современной России по развитию человеческого капитала, параметры модели развития человеческого капитала как основы государственной политики современной России.

Автор приходит к выводу, что в полномасштабном формате, как национальный приоритет современной России, проблема развития человеческого капитала оформляется в десятых годах текущего столетия.

На протяжении ряда лет параметры модели развития человеческого капитала, содержание и направленность структурных реформ находились в стадии определения. Управленческая элита страны оказалась перед сложным выбором модели развития человеческого капитала — традиционно-консервативной с доминированием социальных расходов государства или либеральной, основанной на частных инвестициях. Сложность обусловлена уникальной совокупностью различных факторов — демографических, экономических, ментальных, институциональных, в сочетании с низкими доходами большей части населения страны и невысокой продолжительностью жизни, затруднявшими использование, как зарубежного позитивного опыта, так и либеральных моделей развития человеческого капитала.

Российская модель развития человеческого капитала, меняя содержание в процессе общественных дискуссий и под влиянием требований времени, приобрела уникальные параметры, сочетая экономическую рациональность и социально-политическую целесообразность, либеральную направленность, дополненную традиционно-консервативной и инновационной составляющими.

Параметрами модели развития человеческого капитала, требующими структурных преобразований и приоритетного финансирования, стали не только образование, наука, здравоохранение, пенсионное обеспечение, улучшение жилищных условий и качества окружающей среды, но и укрепление национальной идентичности, патриотизма, солидарности, ответственности и взаимного доверия как основы консолидации и развития российского общества.

⁶⁹³ Работа выполнена при финансовой поддержке ФГБОУ ВО «РЭУ им. Г. В. Плеханова»

⁶⁹⁴ Мау В. А. Человеческий капитал: вызовы для России // Вопросы экономики. — 2012. — № 7. — С. 22.

СТРАТЕГИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ В ГЛОБАЛЬНОМ МИРЕ

Глобализация становится важнейшим фактором трансформаций практик, форм, инструментов и методологий политического управления в современном мире. Сегодня можно говорить о тенденции формирования системы глобального политического управления. Она предполагает максимальную многосторонность и многоуровневость, привлечение возможно большего количества участников глобального управления. Многоуровневая система включает локальный — национальный — региональный — межрегиональный и международный — глобальный уровни. Глобализация имеет особую значимость как фактор, заставляющий все страны искать новые модели развития, напрямую связанные с теми или иными аспектами стратегического управления: если страна не имеет собственной стратегии управления интеграционными процессами, то это означает, что она становится объектом стратегического управления со стороны другого (других) государств. Таким образом, глобализация активизирует проблемы стратегического управления, в первую очередь, в политико-экономической деятельности.

Стратегия управления политической деятельностью становится важнейшим средством обеспечения национальной безопасности, выживаемости страны в условиях конкурентного сосуществования с другими государствами. Важнейшим фактором исторической конкурентоспособности страны являются качества ее национальной элиты, определяющиеся, в том числе, уровнем политической культуры и способностью к стратегическому мышлению. Стратегическое мышление является важной составляющей стратегической культуры, без него невозможно выработать стратегию развития страны.

Одна из задач и одновременно характеристик национальной стратегической культуры — формирование институтов для разработки стратегий, образование и подготовка лидеров, способных к стратегическому мышлению и действиям. Высшая школа в развитых странах ориентирована на выполнение этих задач, что рассматривается как один из важных критериев ее эффективности, а качеству политологического образования в данном контексте уделяется безусловное внимание. Нужно отметить, что вышеуказанное возможно лишь при наличии достаточно высокого уровня политической культуры национальной элиты.

Автор классического определения стратегической культуры Джек Снайдер утверждал, что стратегическую культуру разделяют члены национального стратегического сообщества. Это утверждение можно, безусловно, трактовать как признание того, что носителями стратегической культуры является не общество и не элита в целом, а определенные элитные круги⁶⁹⁵.

Мы согласны с тем, что России нужны стратегически мыслящие профессионалы высшего уровня, способные анализировать имеющуюся ситуацию, прогнозировать долгосрочное развитие событий, эффективно противостоять масштабным угрозам и минимизировать риски будущего развития страны. Сегодня в общественном сознании все более ощущается потребность в людях, умеющих стратегически мыслить, что определяется необходимостью не только адекватно оценивать последствия тактических побед и поражений, но в первую очередь думать о переломном стратегическом прорыве в политическом управлении. Стратегическое мышление должно стать основой формирования политической стратегии и стратегического планирования.

Мухеев В. А. (Москва, РАНХиГС при Президенте РФ)

ПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО СУВЕРЕНИТЕТА

Общепризнанные принципы суверенитета государств, закрепленные в Уставе ООН, подвергаются очередному переосмыслению. Современная политика обеспечения государственного суверенитета проходит испытание на прочность. Она характеризуется цикличностью, многообразием подходов в контексте различных ментальных моделей на основе «демократической сущности государства», власти, состояния социально-экономического развития, оправдания вмешательств, вторжений и т. д. Политическая наука исходит из того, что теоретическое обоснование суверенитета определяется преимущественно положениями индетерминизма и/или на основе неоднозначной (вероятностной) детерминации политических процессов.

⁶⁹⁵ Snyder J.L. The Soviet Strategic Culture: Implications for Limited Nuclear Operations, R-2154-AF (Santa Monica, CA: Rand, September 1977). P. 8–38. Цит. по: Лукин В., Мусиенко Т. Стратегическая культура: эволюция теории [Электронный ресурс] // Журнальный клуб Интелрос: [веб-сайт]. «Credo New». №2. 2015. URL: http://www.intelros.ru/readroom/credo_new/kr2-2015/27737-strategicheskaya-kultura-evolyuciya-teorii.html (дата обращения 14.07.2019).

Разработано и представлено обилие концепций теоретического обоснования суверенитета. Нередко государственный суверенитет определяется как «верховенство государственной власти внутри страны и независимость её вне».⁶⁹⁶

В Конституции РФ суверенитет государства закреплён в двух формах. Во-первых, носителем суверенитета и единственным источником власти в РФ является её многонациональный народ.⁶⁹⁷ Во-вторых, суверенитет РФ распространяется на всю её территорию, т. е. является основой государственности»,⁶⁹⁸ а «верховенство» имеют Конституция РФ и федеральные законы.⁶⁹⁹

В толковании сущности государственного суверенитета нет единомыслия, но всё более определённо проявляется общее понимание, что без взаимодействия, без кооперации реализовать его нереально. В процессе обеспечения государственного суверенитета широко используются категории доверия, конкуренции, перехода от недоверия к доверию. Об этом свидетельствуют, в частности, материалы Всемирных и Международных форумов, научных симпозиумов, конференций и т. д.

Введение принципов доверия в процесс обеспечения государственного суверенитета придает ему социально-политическую, экономическую, духовно-нравственную значимость, акцентирует внимание на текущей повестке дня. В современной России и ряде других стран доверия отчетливо не хватает, его необходимо намного больше. В докладе Всемирного экономического форума в Давосе о глобальных рисках в 2019 году подчеркивается, что если бы уровень доверия был таким же, как в Швеции, показатель роста дохода на душу населения составил бы в Великобритании — 6%, в Италии — 17%, в Чехии — 29%, в Мексике — 59%, в России — 69%.⁷⁰⁰

В нашей стране, как показывают социологические опросы, выполненные учеными Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, лишь около 40–42% респондентов считают, что людям в целом доверять можно,⁷⁰¹ а уровень доверия федеральным и региональным органам государственной власти ещё ниже.

При этом подчеркнем, что крайне важным является обоснованность доверия/недоверия. Упрощенным выглядит стремление придать доверию позитивный, а недоверию негативный смысл. Недоверие, высказанное публично и обоснованно конкретному адресату, имеет позитивное значение и свидетельствует о реконструкции взаимоотношений (органов власти и общества), о повышении эффекта гарантированности государственного суверенитета.

Процесс обеспечения государственного суверенитета требует выработки новых подходов, внедрения новых взаимовыгодных механизмов взаимодействия государства и общества, повышения результативности государственного управления, формирования благоприятных условий социально-политического, экономического, духовного контекста увеличения ресурсов человеческого и социального капитала.

Морозов С. И., Колтак О. Д. (Волгоград, ВолГУ)

СПЕЦИФИКА И ТЕНДЕНЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ПУБЛИЧНО-ВЛАСТНЫХ ИНСТИТУТОВ В РЕГИОНАХ РФ (НА ПРИМЕРЕ ВОЛГОГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ)⁷⁰²

Функционирование и развитие политической жизни региона напрямую связано с коммуникативным взаимодействием государственных и негосударственных политических институтов. На данном иерархическом уровне коммуникативного взаимодействия политических институтов, обусловленном спецификой отношений между властными институтами и обществом в целом, происходит процесс обработки и принятия политических решений, а также установление «правил игры» в процессе конкуренции за ограниченные ресурсы (доверие населения).

⁶⁹⁶ См.: Медведев Д. А. В диалоге с Европой. Цитирую по Кузьмин В. В. В диалоге с Европой // Российская газета. 2019. 7 марта

⁶⁹⁷ См. 6 Конституция Российской Федерации. М., 2017. Статья 3. часть 1.

⁶⁹⁸ См.: Там же. Статья 4, часть 1

⁶⁹⁹ См.: Там же. Статья 4. Часть 2.

⁷⁰⁰ См.: Оверченко М. Мировой ком проблем // Ведомости, 2019, 17 января

⁷⁰¹ См.: Межнациональное согласие в общероссийском измерении. Социокультурный и религиозный контексты. Отв. ред. Л. М. Дробижина. М., ФНИСЦ РАН, 2018. С. 266.

⁷⁰² Материалы подготовлены при финансовой поддержке РФФИ и Администрации Волгоградской области в рамках научного проекта № 19-411-34006 п_а «Социально-политическое проектирование публичного пространства и системы массовой коммуникации в регионах РФ (на примере Волгоградской области)».

Функциональное значение процесса политической коммуникации обусловлено необходимостью обеспечения циркуляции достоверных информационных сообщений на различных уровнях политической системы общества с целью воспроизводства ее целостности, обеспечения динамической стабильности. Коммуникативное взаимодействие управляемой и управляющей подсистем, информационное насыщение политических институтов обеспечивают возможности политического управления обществом, предупреждения конфликтов, а также высокий уровень легитимности деятельности властных институтов.

В условиях интенсификации современных общественно-политических процессов первоочередной проблемой являются вопросы коммуникативного взаимодействия политических институтов. Публично-властные политические институты, дифференцированные в коммуникативном процессе в соответствии с уровнем доступа к принятию императивных решений, ресурсам силового принуждения, степенью организационной формализации как «государственные» и «негосударственные», обеспечивают рационализацию системы отношений индивидов и групп в процессе артикуляции, агрегирования и реализации политических интересов. Государственные и негосударственные политические институты взаимодействуют в едином коммуникативном поле, используя для этого широкий спектр инструментов и методов. Вследствие развития сферы применения цифровых и медийных технологий в современном политическом процессе, политическая коммуникация публично-властных институтов активно развивается в сети Интернет, с учетом возможностей Web 2.0.

С учетом существования множества политических институтов важно установить формы диалога, которые будут способствовать выражению мнения населения, а перспективе — становлению гражданского общества, особенности взаимодействия между властными политическими институтами, сходства и различия между государственными и негосударственными политическими институтами. В данной связи необходим анализ взаимодействия политических институтов в контексте современной политической коммуникации в регионе и оценка такого взаимодействия. Это позволит в дальнейшем выявить наиболее эффективные механизмы взаимодействия политических институтов в регионе.

Коммуникативная компетенция губернатора Волгоградской области детерминирована его формализованным положением во властно-управленческой вертикали региона. В силу этого, позиция главы региона способна определять ключевые параметры (исходные условия и оценку результатов) политико-коммуникативного взаимодействия в регионе между представителями органов власти и местного самоуправления, общественных организаций и фондов, групп интересов, представляющих коммерческий сектор, лидеров общественного мнения. Коммуникативная позиция Общественной палаты Волгоградской области обусловлена задачами агрегирования интересов граждан, их последующего представления в органах власти, гражданского контроля над процессом их реализации органами власти.

Достаточно высокая результативность коммуникативного взаимодействия Общественной палаты и губернатора Волгоградской области обеспечивается не только регулярными контактами (объединенные совещания, собрания, заедания рабочих групп, совместные встречи с населением). Предоставляемая Общественной палатой в органы власти достоверная информация о ключевой повестке дня региона, актуальных потребностях населения способствует разрешению наиболее острых социальных вопросов. Улучшение коммуникативного взаимодействия губернатора и Общественной палаты как системообразующих публично-властных политических институтов Волгоградской области определяется необходимостью привлечения современных медийных средств и Интернет-технологий информирования населения о результатах реализации совместных политических проектов. Это обеспечит рост доверия населения к региональным политическим институтам, а также улучшение качества каналов коммуникации (прямых и обратных связей) в процессе достижения общественно-значимых задач.

Морозова Е. В. (Краснодар, КубГУ)

ИДЕНТИЧНОСТЬ КАК РЕСУРС РАЗВИТИЯ МЕСТНЫХ СООБЩЕСТВ⁷⁰³

Актуальность проблемы обусловлена поиском эффективных способов развития территорий в условиях дефицита ресурсов. Развитие концепции развития местных сообществ (local communities) обусловило трансформацию методологии исследования локальных социально-экономических систем, где на первый план стали выходить такие вопросы, как чувство сообщества, механизмы его формирования и его роль в социально-экономическом развитии территории. Ответственное развитие (концепция предложена И. С. Семененко⁷⁰⁴) опира-

⁷⁰³ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, грант № 19-011-31356 «Развитие сельских местных сообществ: потенциал политики идентичности в условиях неоднородности социально-экономического и социокультурного пространства региона»

⁷⁰⁴ Семененко И. С. Горизонты ответственного развития: от научного дискурса к политическому управлению // Полис. 2019. № 3. С. 7–26

ется на нравственную мотивацию при выборе приоритетов и ориентацию на развитие личностного потенциала человека, на нематериальные ресурсы в производстве и потреблении, на политико-институциональное обеспечение вовлеченности граждан в реализацию важных для сообщества решений.

В современных работах по пространственным аспектам развития авторы обращают внимание на повышение роли нематериальных ресурсов в развитии территорий. Такие факторы, как близость к сырью и рынкам, больше не доминируют, новые типы бизнеса идут туда, где их привлекает качество жизни, они становятся «изошренными потребителями пространства» (J. Kotkin⁷⁰⁵). Одним из ключевых нематериальных ресурсов развития становится локальная идентичность. Тенденции развития локальных сообществ подтверждают мысль Л.В. Смирнягина, высказанную им в одной из своих последних статей⁷⁰⁶. Опровергая миф о «смерти пространства» в эпоху глобализации, автор пишет о том, что революция в средствах связи и транспорта позволила человеку по-иному строить и использовать пространство — более свободно от внешних обстоятельств и более ориентировано на нужды самого человека. Свойства места важны не производительным силам, а прежде всего самому человеку — это удобная среда обитания, историческое наследие, благоустройство местности, добротный социум с низкой преступностью и благожелательными традициями. Именно поэтому в современных условиях проблематика локальной идентичности и политики идентичности на локальном уровне непременно переместится (и уже перемещается) с периферии в эпицентр исследовательских интересов в области социально-гуманитарного знания.

Проведенное научным коллективом проекта эмпирическое исследование в четырех сельских районах Краснодарского края (8 фокус-групповых и 40 экспертных интервью) показало, что основными факторами локальной идентификации выступают место рождения, особенности ландшафта и климата, значимые культурно-исторические события, значимые исторические и современные личности, экономическая специализация, а также особые реальные или приписываемые черты коллективного поведения. Локальная идентичность имеет позитивные и негативные каналы формирования и широкий временной диапазон (ретроспективная, перспективная, дискретная). Социальное благополучие становится той «линзой», которая определяет оптику восприятия факторов идентичности. Основными субъектами политики идентичности выступают школы, библиотеки и учреждения культуры, использующие разнообразные технологии символической политики и политики памяти. По итогам проекта готовится модельный раздел «Политика идентичности» для включения в стратегии развития муниципальных образований.

Морозова И. М. (Воронеж, ВИЭиСУ)

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНЧЕСКОЕ РЕШЕНИЕ КАК ОТПРАВНОЙ МЕХАНИЗМ ДЛЯ РЕАЛИЗАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ В РОССИИ

Политическая деятельность любого уровня начинается с принятия управленческого решения. Среди множества проблем современного государственного управления важнейшими являются разработка, принятие и реализация политического решения, представляющего собой основной элемент управляющего воздействия. По мнению А.В. Новиковой, «политическое решение — это осуществляемый в коллективной или индивидуальной форме процесс определения задач политического действия, выбор определенной программы, обозначаемой целью, этапы, способы и практические шаги их достижения. Политическое решение — это всегда сложный диалектический процесс, начинающийся с появления политической проблемы и заканчивающийся ее разрешением»⁷⁰⁷.

Принятие, разработка и реализация государственных управленческих решений является важным и необходимым элементом политического процесса, в частности, функционирования политической системы. В истории России политические, экономические, социальные и другие реформы неоднократно приводили страну к потрясениям. В разные времена обновление политического устройства происходило по-своему.

Политические решения, по мнению Л.Г. Кириллова, «закрепляют принципы и правила жизнедеятельности на территории, ограничивают или стимулируют определенный выбор, но экономика страны зависит не от политических, а от управленческих решений, которые в отличие от законов предполагают некий общий

⁷⁰⁵ Kotkin J. The new geography: How digital revolution is reshaping the American landscape. N. Y.: Random House, 2000. 242 p.

⁷⁰⁶ Смирнягин Л. В. Эволюция места в ходе «производства пространства» // Символическая политика / под ред. Малиновой О. Ю., ИНИОН РАН, 2016. С. 86–106.

⁷⁰⁷ Новикова А. В. Государственная политика принятия политических решений: теоретический анализ // Вестник Бурятского государственного университета. Педагогика. Филология. Философия. 2012. №6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gosudarstvennaya-politika-prinyatiya-politicheskikh-resheniy-teoreticheskii-analiz> (дата обращения: 15.06.2019).

результат, так или иначе овеществляются в комплексе задач, создавая при этом дополнительно для исполнителей «законные» ограничения и стимулы, которыми нельзя пренебречь, но можно использовать как шанс... Политические решения задают пределы эффективности решений управленческих, но не должны сверх необходимого ограничивать возможности выбора в организационной и хозяйственной деятельности, круг легальных альтернатив»⁷⁰⁸.

Такой сложный и многогранный процесс, как политическая модернизация, требует принятия важных управленческих решений. В контексте политической модернизации государственное управленческое решение представляется как основополагающий элемент и механизм ее реализации, формируемый в настоящее время.

Исследователи В.И. Пантин и В.В. Лапкин считают, что «противоречивые свойства модернизационного процесса в России выражаются в его волнообразном развитии через циклы реформ-контрреформ»⁷⁰⁹. Принципиальная возможность проведения политической модернизации в России в ее классическом понимании существует. Но для этого, как считает А.И. Линецкий, «необходимо осуществить смену поведенческого стандарта, действующего в правящем российском классе. Политически активные россияне должны отучить себя от вечной привычки к самоуправству и хищничеству»⁷¹⁰. Отсюда возникают противоречия в принятии управленческих решений по успешной реализации курса политической модернизации.

Разработка управленческого решения и его непосредственная реализация являются архисложными задачами для принимающих подобные решения. Для этого требуется соответствующий управленческий опыт, высокая профессиональная компетентность и осведомленность об актуальных политических проблемах, организаторские способности, волевые качества, единая команда управленцев, что должно быть сопряжено и с определенной регламентацией государственно-служебной и управленческой деятельности. Государственные решения направлены на выработку в ответ на проблемы и вызовы, затрагивающие интересы больших групп людей; велики масштабы их последствий. В связи с этим исключительную важность приобретает определяющий механизм принятия решений, его способность учитывать все факторы и давать оптимальный для настоящих условий результат. Это представляется очень сложным стратегическим действием.

Морозова О. С. (Рязань, РГРТУ им. В. Ф. Уткина)

ДИНАМИКА ВКЛЮЧЕНИЯ МЕЖГОСУДАРСТВЕННЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ В ПРОЦЕСС УПРАВЛЕНИЯ В ИЗБИРАТЕЛЬНОЙ СФЕРЕ В СТРАНАХ АФРИКИ⁷¹¹

Современные реалии функционирования политических институтов и систем отличаются многообразием и изменчивостью. Избирательные институты не являются исключением.

Исследование особенностей организации выборов, обеспечения возможностей выдвижения и регистрации кандидатов и политических партий, ведения ими избирательных кампаний, гарантирования беспристрастного подсчета голосов представляет возможность познать сферу политики и с этой, очень важной ее стороны.

В этой связи деятельность международных организаций, участвующих в процессах регулирования избирательного права и процесса в своих странах-членах, представляет особый интерес⁷¹².

Межгосударственные объединения отличаются историей создания, имеют различия в декларируемых целях, обозначаемых задачах и определяемых сферах деятельности. Все большая часть из них начинает участвовать в наблюдении на выборах и даже реформировании избирательных систем.⁷¹³

Уникальны в этом отношении Содружество наций и Международная организация франкофонии.

На протяжении последних двух десятилетий Содружеством Наций были направлены наблюдатели на все выборы президентского и парламентского уровня стран-членов. Существуют специальные алгоритмы приглашения миссий наблюдателей. Организация достаточно много внимания уделяет обеспечению соблюдения законодательства о выборах, а также обобщению лучших практики в сфере организации избирательного процесса.

Для этих целей в мае 2010 года в Гане была создана Избирательная сеть Содружества (СЕН). Ее миссия заключается в содействии обмену опытом, создании механизмов взаимной поддержки лучшей избиратель-

⁷⁰⁸ Кириллов Л. Г. Бимодальное управление и принятие государственных управленческих решений // Вопросы управления. 2016. № 6 (43). С. 10.

⁷⁰⁹ Пантин В. И., Лапкин В. В. Волны политической модернизации в истории России // Политические исследования. 1998. № 2. С. 40.

⁷¹⁰ Линецкий А. И. Модернизация традиционных обществ: путь к процветанию или дорога в никуда? // Полис. Политические исследования. 2017. № 4. С. 134.

⁷¹¹ Статья выполнена в рамках гранта РФФИ № 19-011-00484 «Международный уровень управления в сфере избирательного процесса».

⁷¹² Гришин Н. В. Международный уровень управления в сфере избирательного процесса // Каспийский регион. 2015. № 3. С. 83–92.

⁷¹³ Морозова О. С. Проектирование избирательных систем: возможности избирательной инженерии. Монография. Рязань, РГУ имени С. А. Есенина. 2015. 152 с.

ной практики в 53 странах-членах Содружества. В сети действует онлайн-платформа Commonwealth Connects, которая обеспечивает функционирование безопасного онлайн-сообщества, позволяющего участникам делиться своим опытом, задавать вопросы и учиться друг у друга. В рамках СЕН Инициатива Содружества по выборам для молодежи (JEP) подготовила около ста молодых специалистов по выборам из более чем 40 разных стран.

Отдельную группу исследуемых международных сообществ составляют те из них, которые объединяют исключительно африканские страны по признаку географического расположения. Например, Общий рынок для Восточной и Южной Африки (КОМЕСА). Главной целью при создании этой межправительственной организации объявлялось достижение региональной экономической интеграции для устойчивого роста и развития. Ее становление было основано на ряде принципов, среди которых все большее значение приобретает содействие демократическому управлению и соблюдение законности в регионе. Одним из способов, которым КОМЕСА реализует это Договорное положение, является направление миссий наблюдателей на выборах.

КОМЕСА принял Всеобщую декларацию принципов демократических выборов и использует эти принципы при наблюдении за избирательным процессом в регионе. Эти принципы стандартны и применяются совместно с правовой базой конкретного государства. Опыт миссий КОМЕСА пока невелик, поскольку на данный момент наблюдение осуществлялось только в 5 странах.

Анализируя межгосударственные объединения африканских стран, построенные по территориальному признаку, можно заметить, что все они, даже если изначально были наделены исключительно экономическим функционалом, в дальнейшем расширили границы своей деятельности до наблюдения на выборах.

Мутаев У.К. (Иваново, Ивановский филиал РЭУ им. Г.В. Плеханова)

МЕЖДУ «РУССКИМ МЕДВЕДЕМ» И «ДАГЕСТАНСКИМ ОРЛОМ»: СИМВОЛИЧЕСКОЕ ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО РЕСПУБЛИКИ ДАГЕСТАН⁷¹⁴

Значительная протяжённость территорий и разнообразие народов во многом определяет символическую политику нашего государства. Как определяет О.Ю. Малинова, символическая политика — это деятельность политических акторов, направленная на производство и продвижение/навязывание определенных способов интерпретации социальной реальности в качестве доминирующих⁷¹⁵.

Стремление сформировать единое политическое пространство приводит к актуализации в политике различных символических конструкторов и использование их для консолидации граждан. «Русский медведь» в этом смысле универсальный символ, понятный как внутри России, так и за ее пределами. В свою очередь Орёл присутствует в официальной символике республики Дагестан, одновременно являясь влиятельным неофициальным символом дагестанцев. Характеризуя символическое пространство республики можно сказать, что оно включает в себя оба интересующих нас символа. И «медведю» и «орлу» есть место в сердце жителей Дагестана. По итогам проведённых в августе 2019 года интервью можно определённо сказать, что «Русский медведь» для дагестанцев представляет собой, скорее, «Российского медведя» — символ принадлежности к большому Российскому государству. Дагестанский орёл — это региональный символ, наряду с волком, Дагестанским туром и другими представителями животного мира с «ареалом обитания», ограниченным Северным Кавказом.

Следуя вышеозначенному, наиболее распространённой оказалась позиция, рассматривающая «Русского медведя» как общероссийский символ, значимость и смысл которого понятны для дагестанцев. «Русский медведь» — это символ репрезентующий дагестанцев как россиян на международном уровне; «Орёл» обретает значимость на внутрисоссийском и, в большей степени, региональном уровне. Это следствие присущей дагестанцам многоуровневой идентичности, каждый уровень которой характеризуется своим символическим содержанием. На уровне сельского сообщества это местные легенды, история, памятники, на уровне этнической идентичности — история народа⁷¹⁶. На региональном уровне это дагестанские и кавказские символы, одним из которых выступает «Горный орёл» и на международном уровне это общероссийские символы, к которым следует отнести и «Русского медведя», и государственную символику России.

⁷¹⁴ Исследование проведено в рамках проекта РФФИ (грант 19-011-00748).

⁷¹⁵ Малинова О.Ю. Символическая политика и конструирование макрополитической идентичности в постсоветской России // Субдисциплина: панорама политической науки России. 2010. С. 90.

⁷¹⁶ Мутаев У.К. Монумент «Родина-мать зовет!» в символической политике современной России: взгляд из Дагестана // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. 2017. № 1.

Репрезентация России как медведя за рубежом насчитывает несколько столетий, в то же время внутри страны этот символ стал популярен относительно недавно — в 90 годы XX столетия⁷¹⁷. «Русский медведь», изначально символ русскости, впоследствии становится «российским медведем», и широко используется для маркировки российскости. Эта черта медвежьего символа позволяет использовать его и для внутренней консолидации многонационального российского народа, и для укрепления внешних символических границ нашего государства⁷¹⁸. Надо сказать, что для Дагестана опыт использования символа медведя показал результаты в полной мере соответствующие задуманному назначению в символической политике. Хорошей иллюстрацией этому явилось использование медвежьей символики Хабибом Нурмагомедовым на своей страничке в Instagram — «Дагестанский орёл» с «Русским медведем» на футболке⁷¹⁹. Как показало интервью, дагестанцы поняли этот шаг Хабиба как демонстрацию того, что он выступает под российским флагом. Символ медведя здесь это символ государства, а орёл — личный символ и символ региона. Таким образом, на наш взгляд, проявляется описанная выше многоуровневая идентичность дагестанцев, достаточно гибкая и отзывчивая на российскую символическую политику. Возможно благодаря этому своему свойству, дагестанцы не только гармонично встроены в российское общество и культуру, но также демонстрируют эффективные адаптационные стратегии в других регионах России⁷²⁰.

Мчедлова М. М. (Москва, РУДН, ФНИСЦ РАН)

РЕЛИГИЯ В ПУБЛИЧНОМ ПРОСТРАНСТВЕ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ПЕРЕРАСПРЕДЕЛЕНИЕ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО БАЛАНСА⁷²¹

Одним из наиболее заметных и вызывающих политические и идейные дискуссии манифестаций религиозного фактора в современной политике является институциональный ракурс. Религиозные институты, становясь значимыми субъектами политического целеполагания, используют свои ресурсы в различных проекциях: различные виды активности в поле публичной политики, использование религиозной идеологии и риторики в качестве легитимации деятельности различных политических субъектов, коммуникация светских и религиозных институтов, что перетекает в пространство государственной политики. Институционализация общественной ткани имеет целью упорядочивание и рационализацию социально-политической жизни, поскольку социальные институты есть повторяющиеся и кристаллизованные социальные действия, и именно изменения содержания и структуры действий влечет за собой, в конечном счете, изменения институтов. При этом очевидна взаимосвязь институтов и ценностных ориентиров общества, а проблема структурированности социально-политического бытия коррелирует с оценкой эффективности функционирования определенного типа общества, политической системы и качества управленческих стратегий. С другой стороны, гражданская сфера предопределяет в рамках ценностного и институционального каркаса, каналы и способы коммуникации с властными институтами, ставит вопрос об эффективности принятия ключевых управленческих решений на всех уровнях власти посредством различных процедур: от экспертизы общественного мнения до нравственной оценки. Институциональная среда, в парадигме современных управленческих концепций, должна обеспечивать агрегацию интересов, в том числе религиозных организаций и религиозно-мировоззренческих групп, а также предоставлять площадки для поиска тех взаимоудовлетворяющих решений и стратегий, которые выражают общественный интерес.

В русле данной логики, точка пересечения и конкуренции интересов выступает светскость в политико-правовом статусе, а также переопределение статуса и сфер деятельности религиозных организаций, прежде всего РПЦ, а также перераспределение ресурсов в сторону религиозных организаций в различных сферах общественно-политической жизни. При этом наглядной тенденцией, фиксируемой социологическими исследованиями, выступает поддержка и одобрение обществом деятельности религиозных организаций в различных сферах общественной жизни, т. е. как собственно социальных институтов, тогда как политическая деятельность и вмешательство в политическую практически полностью отторгается.

⁷¹⁷ Рябова Т.Б. Медведь как символ России: Социологическое измерение // Русский медведь: история, семиотика, политика / под ред. О.В. Рябова и А. де Лазари. М.: НЛЮ, 2012.

⁷¹⁸ Рябов О.В. «День медведя»: власть, национализм и медвежий праздник в современной России

⁷¹⁹ Khabib_nurmagomedov URL: https://instagram.com/khabib_nurmagomedov?igshid=7i9qr613hp88 (дата обращения 30.08.2019).

⁷²⁰ Мутаев У.К. Профессиональная адаптация представителей северокавказских национальных общин в средних городах России: автореферат дис. ... кандидата социологических наук: 22.00.04 / Нижегород. гос. ун-т им. Н.И. Лобачевского. Нижний Новгород, 2006. 30 с.

⁷²¹ Подготовлено при поддержке РФФИ, проект № 19-011-31713а «Религия в современной России: от социальной роли к политическим смыслам»

Институционально-нормативная проекция проблемы свободы вероисповедная, выражаемая в равенстве и равно удалённости всех религиозных организаций, представляется одной из ключевых. Согласно исследованиям Центра «Религия в современном обществе» ФНИСЦ РАН, Сторонниками крайнего принципа светскости являются 30% россиян, считающих, что религиозные организации должны работать только в сфере удовлетворения религиозных потребностей верующих или вообще не должны вмешиваться в общественную жизнь. Большинство считает, что религиозные организации играют социально-значимую роль в различных сферах общественной жизни, и, соответственно, органами государственной власти необходимо сотрудничать с религиозными организациями в определенных сферах: от традиционных до универсализирующих, связанными с поддержанием культурной самобытности. Причем, плодотворное участие религиозных организаций в общественной жизни непосредственно связано с возможностью конструктивного сотрудничества приверженцев различных религий и мировоззрений.

Как следствие, актуализируется вопрос о пересмотре границ принципа светскости — является ли данный политико-правовой принцип предельным или сегодня возникают какие-то точки пересечения религиозного и светского, что предполагает поиск новых политических и юридических форм их взаимоотношений. Онтология и функционирование религиозных институтов, прежде всего РПЦ с ее мощной разветвленной системой горизонтальных ячеек, социальная и гражданская активность различных организаций, находящихся под их омофором или разделяющих определённую систему ценностей можно рассматривать как формы институционального воздействия, перераспределяющих конфигурации в политико-правовой сфере светскости и демократических институтах свободы совести. Одновременно, в поле публичной политики институционализированными формами выступают различные варианты внутриконфессионального и межконфессионального сотрудничества, а также сотрудничество между различными органами власти и институционализированными конфессиями. При этом наиболее политически заметной становится деятельность на границах религиозной общественно и политической сфер.

Мясников С. А. (Москва, НИУ ВШЭ)

СТРАТЕГИЧЕСКИЕ НАРРАТИВЫ В. В. ПУТИНА В ОБОСНОВАНИИ «КРЫМСКОЙ ВЕСНЫ»

Внешняя и внутренняя политика страны нуждается в обосновании действий власти при решении крупных задач, результатом чего является укрепление или потеря веры широкой общественностью в ее легитимность⁷²². В 2014 г. перед руководством РФ встал вопрос выбора определенной риторики, формирования смысловых схем при аргументации политики в Крыму. Насколько успешно были осуществлены стратегические нарративы, помогает выяснить проведенный автором анализ обоснования В.В. Путиным действий РФ в Крыму в 2014–2018 гг. Эмпирической базой исследования послужили 18 выступлений Президента РФ в этот период.

Политические решения и действия РФ во время «Крымской весны» получили неоднозначную оценку. По мнению западных политиков, в определенной степени были нарушены: «Договор между РФ и Украиной о российско-украинской государственной границе»; «Договор о дружбе, сотрудничестве и партнерстве между РФ и Украиной»; «Меморандум о гарантиях безопасности в связи с присоединением Украины к Договору о нераспространении ядерного оружия»; «Заключительный акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе». Однако «Устав ООН», «Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений между государствами в соответствии с Уставом ООН», «Декларация ООН о правах коренных народов» и «Заключительный Акт совещания по безопасности в Европе» устанавливают «право народов на самоопределение». Иными словами, действия России можно характеризовать как соответствующие нормативным актам ООН.

Стратегические нарративы представляют собой «репрезентацию последовательности событий и идентичностей, коммуникативный инструмент, посредством которого политические акторы пытаются придать определенное значение прошлому, настоящему и будущему с целью достижения политических целей»⁷²³. Стратегические нарративы формируют у людей понимание того, как «устроен мир» вокруг них, с этой целью стратегические нарративы используются в международной политике⁷²⁴. Выделяют три вида стратегических нарративов:

⁷²² Goddard S.E., Krebs R.R. Rhetoric, Legitimation, and Grand Strategy // Security Studies. L., 2015. Vol. 24, N. 1. P. 5–36.

⁷²³ Miskimmon A., O'Loughlin B., Roselle L. Strategic Narratives: Communication power and the new world order. Routledge, 2013. 240 p.; Prior L. Repositioning Documents in Social Research // Sociology. 2008. Vol. 42, N. 5. P. 2.

⁷²⁴ Roselle L., Miskimmon A., O'Loughlin B. Strategic narrative: A new means to understand soft power // Media, War & Conflict. Cali., 2014. Vol. 7, N. 1. P. 70–84.

System narrative (системный нарратив) — служит для описания положения вещей, того, как «устроен мир», кто акторы в международной среде, каковы их действия; *National/identity narrative (национальный, нарратив идентичности)* — содержит рассказ о государстве, нации, ценностях, целях; *Issue narrative (нарратив проблемы)* — содержит информацию о том, какова политика и почему именно она нужна, как она осуществляется. *Нарратив проблемы* встраивает действия государства в контекст, объясняя, кто — основные акторы, в чем содержится конфликт или проблема, каков курс/план действий⁷²⁵.

Системные нарративы, национальные нарративы и нарративы проблемы В.В. Путина с 2014 по 2018 г. формируют «образ мира», в котором российские действия в Крыму охарактеризованы как безальтернативные и неизбежные. Наименьшим изменениям после введения в коммуникацию подвергся национальный нарратив, который с самого начала строился на *идее единства, возвращения Крыма домой, восстановлении исторической справедливости, защите «русского мира»*. Системный нарратив президента характеризовал миропорядок, в котором западные государства поддержали *конституционный переворот в Украине*, занимаются *шантажом* в международных отношениях, провоцируют *неонацизм*. Важным моментом является нарратив *холодная война*, которая идет между Россией и странами Запада, где основными «*кукловодами*» являются *США*. Проблемы России объясняются пришедшими *извне*, когда страна вынуждена защищать свои интересы, быть независимым игроком. Нарратив проблемы конкретен. Россия *представлена как безальтернативный «хранитель государственности»*, способный сформировать законность и уважение к правам людей, защитив их от радикалов. Стратегический системный нарратив — *государственный переворот, нелегитимная политика против России, «холодная война»*. Стратегический национальный нарратив — *защита «русского мира»*. Стратегический нарратив проблемы — *защита прав людей*. В качестве стратегии обоснования для российских действий в Крыму было выбрано *предъявление Западу обвинений в «аморальных», нелегитимных действиях*. Также обоснование формировало образ России как *оплота справедливости, государства, уважающего человеческие ценности и международное право*. Однако недостаточное внимание в стратегии обоснования было уделено действиям РФ в контексте международных соглашений с Украиной, которые были в определенной степени нарушены. Президенту не удалось создать консенсус вокруг своего нарратива среди большинства государств Запада, но такой консенсус в целом есть на внутригосударственном уровне.

Надскакула-Качмарчик О. (Краков, Польша, Папский университет Иоанна Павла II)

ПОЛИТИЧЕСКИЙ КАПИТАЛ НЕСИСТЕМНОЙ ОППОЗИЦИИ В РОССИИ

Основная цель доклада — попытаться ответить на вопрос, какие факторы влияют на уровень политического капитала несистемной оппозиции в России. Под термином «несистемная оппозиция» понимаются политические силы, противопоставляющие себя действующему политическому режиму, не несущие экстремистского характера, не мешающие общепринятому мета-порядку. Таким образом, мы включаем активистов широко понимаемой либеральной оппозиции, которая стремится восстановить права и свободы, гарантированные Конституцией РФ.

Исследовательская гипотеза заключается в убеждении, что нынешний уровень политического капитала несистемной оппозиции в России является не только производным от барьеров и ограничений, создаваемых оппозицией правящей элите, но и вытекает из способности этой оппозиции использовать так называемые окна политических возможностей, которые увеличивают его социальную поддержку и влияние на политические решения в стране.

На политический капитал несистемной оппозиции влияют:

1. не столько артикуляция и агрегация интересов российского общества, сколько социальная убежденность в том, что несистемная оппозиция способна выполнить свои требования;
2. способность мобилизовать своих сторонников и демобилизовать тех, кто поддерживает политику Кремля;
3. ресурсы несистемной оппозиции;
4. степень конфликта в оппозиционной среде;
5. системные изменения, внесенные после 2012 года направленные на окаменение авторитарной системы в России.

⁷²⁵ Miskimmon A., O'Loughlin B., Roselle L. Strategic narratives: Communication power and the new world order. Routledge, 2013. 240 p.

Критический контент-анализ — это метод исследования, использованный в статье. Позволил он изучить дискурс о несистемной оппозиции в России, в том числе: выделить ее мировоззрение, цели и элементы идентичности; описать ресурсы; представить операционную стратегию и системные ограничения, которые блокируют ее деятельность.

Анализируя вышеперечисленные факторы, можно сделать следующие выводы.

Несистемная оппозиция пытается реализовать стратегии, которые увеличивают проблемы и точки напряжения для этой власти, они увеличивают стоимость поддержания нынешней политической системы в равновесии.

Одним из наиболее важных действий несистемной оппозиции является спорная политика (*contentious politics*). Способность мобилизовать общество вокруг чисто политических вопросов является большим успехом несистемной оппозиции, даже если мобилизованные граждане не идентифицируют себя с ее политической программой.

Период демобилизации ставит одну из главных проблем оппозиции, потому что он тогда проверяет ее решимость и последовательность в ежедневных действиях, то есть эффективность так называемой стратегии малых шагов. Хотя последствия этих действий не являются немедленными, прилагаемые к ним усилия надолго укрепляют оппозиционные силы, создавая прочную основу для дальнейшей работы.

Действия оппозиции (спорная политика: участие в избирательных кампаниях) не только позволяют ей проверить эффективность и силу своих собственных ресурсов, но лучше узнать своего противника и его инструменты, используемые для реагирования на ситуации, угрожающие стабильности режима.

Одной из самых больших проблем несистемной оппозиции являются конфликты и разногласия между ее лидерами.

Следует также подчеркнуть, что рост недовольства действиями правящей элиты не является синонимом роста социальной поддержки лидеров несистемной оппозиции.

Назукина М. В. (Пермь, ПФИЦ УрО РАН)

ФЕДЕРАЛЬНЫЕ СИМВОЛИЧЕСКИЕ КОНКУРСЫ КАК ИНДИКАТОР СУБНАЦИОНАЛЬНОГО РЕГИОНАЛИЗМА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ⁷²⁶

В настоящее время для любых регионов мира востребован поиск ресурсов идентичности, позволяющих облегчить решение задач консолидации сообщества, узнаваемости и укрепления их позиций в сетях взаимодействий общенационального и международного уровня. За последние годы в России было инициировано несколько крупных символических проектов («Имя России», «Россия 10», «Аллея России», конкурс по выбору символов банкнот 200 и 2000 рублей, «Великие имена России» и др.), ставивших одновременно задачи общенациональной консолидации и стимулирования регионального патриотизма. Региональные сообщества, реализуя данные федеральные проекты, транслировали свою уникальность через продвижение значимых культурных героев, природных и архитектурных достопримечательностей и др. Тем самым, стимулировался региональный дискурс: на уровне рефлексии об отличительных особенностях региона активизировалась рефлексия о самости и субъектности региона.

Однако в обращении к данным конкурсным практикам, под которыми мы понимаем организованные федеральным Центром мероприятия по выбору значимых для региональных сообществ символических атрибутов, есть не только практический интерес. Как представляется, политическую элиту толкает на их использование не только мода на некие технологические решения или тактические размышления «об отвлечении общественности от текущих проблем». Характер конкурсов и вовлечение регионов в них, может, на наш взгляд, фиксировать важную тенденцию в изменении характеристик и особенностей современного российского регионализма. В условиях снижения возможностей для проявления политической субъектности, конструирование региональной уникальности все больше смещается в сторону символических вещей и решения инструментальных задач по привлечению к себе внимания федерального Центра в межрегиональной конкуренции. Вот почему региональные элиты весьма активно включаются в федеральные символические проекты, которые позволяют им транслировать свою логику понимания особенности территории.

Настоящее исследование ставит своей целью выявление особенностей конкурсных практик как индикатора субнационального регионализма. В качестве исследуемого случая, на основе которого будут сформулированы выводы, выступает конкурс по выбору банкнот 200 и 2000 рублей, проведенный в 2016 году. Основу исследо-

⁷²⁶ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00053 «Субнациональный регионализм и динамика многоуровневой политики (российские и европейские практики)») в Пермском федеральном исследовательском центре УрО РАН.

вания составил мониторинг сообщений российских СМИ и блогов за период проведения конкурса (28 июня — 31 декабря 2016 года), а также серия экспертных интервью в Республике Татарстан (01–05.07.2019), которая будет рассмотрена в качестве отдельного случая.

В качестве критерия отбора материалов был сделан акцент на поиск источников в региональных СМИ. Отбор осуществлялся по регионам, чьи проекты дошли до финального голосования в конкурсе (11 регионов через систему «Медиалогия»). Методами анализа выступили контент и дискурс-анализ, в т. ч. через программу QDA Miner Lite.

Индикаторами для анализа выступили следующие: 1. формальные (количество материалов в СМИ как показатель интенсивности дискурса и заинтересованности в продвижении символов; количество проголосовавших за символы; факт вхождения региона в список финального голосования и его победа и др.); 2. Содержательные (политизация конкурса (продвижение символов на уровне политики идентичности) и регионалистский дискурс (региональная идентичность и дискурс личности региона в ходе конкурса)).

Настявин И. М. (Казань, КНИТУ (КХТИ)).

РЕЛИГИОЗНОЕ СОЗНАНИЕ И РЕЛИГИОЗНАЯ ПОЛИТИКА

С возникновением государства широкое распространение получило религиозное освещение государственной власти. Так на Древнем Востоке это освещение часто доходило до прямого обожествления верховного правителя государства. Тезис о том, что государственная власть исходит от Бога, стал важнейшим положением практически во всех мировых религиях, включая христианство. В ряде европейских стран члены парламента, прежде чем приступить к своим обязанностям, и сегодня должны приносить клятву верности конституции на Священном писании (Библии). На базе религиозного мировоззрения создавались и ныне создаются различные организации, которые принимают активное участие в политической жизни — конфессиональные профсоюзы, клерикальные политические партии и т. д. Церковь превратилась в полноценный политический институт.

Религиозное сознание, зарождавшееся как особая форма мировоззрения, в процессе своей эволюции все больше приобретало политический окрас, превращаясь из инструмента борьбы за выживание в инструмент борьбы за определенный образ жизни, способ существования. Став собственником Церковь превратилась из борца против социальной несправедливости и неравенства в их защитника. Защитника интересов господствующего класса, оправдания социального неравенства, эксплуатации человека человеком, военной экспансии и т. д.

Через соответствующую систему духовных ценностей и норм морали церковь регулирует общественную и политическую жизнь индивидов. Компенсируя несовершенство мира, она обещает «Царство Божие», примирив человека с земным злом. Неспособность человека научно объяснить сущность социальных и политических событий религия компенсирует своими, уже готовыми ответами. Религиозное сознание играет роль политического мировоззрения, в котором, в готовом виде наличествует система взглядов, достаточно просто и ясно объясняющая устройство мира и место в нем человека, а воспроизведение религиозных текстов во время отправления культа актуализирует в его сознании религиозные образы и сюжеты, стимулируя его на соответствующие нормы поведения, как в обыденной, так и политической сфере жизни, «в фантастической форме преодолеваются, «снимаются» реально значимые противоречия (оппозиции) человеческой жизни и мышления: невозможное оказывается возможным, необычайное — обычным, случайное — необходимым, безличное — личным, преходящее — вечным; при этом в различных условиях выделяются и доминируют разные типы подобных оппозиций»⁷²⁷.

Неспособность научно объяснить сущность тех или иных социальных и политических явлений, человеческого «Я» с неизбежностью порождает религиозное сознание. В.И. Ленин резко, но достаточно точно указал на гносеологические, психологические и социально-классовые корни религии: «Бессилие эксплуатируемых классов в борьбе с эксплуататорами так же неизбежно порождает веру в лучшую загробную жизнь, как бессилие дикаря в борьбе с природой порождает веру в богов, чертей, в чудеса и т. п. Того, кто всю жизнь работает и нуждается, религия учит смирению и терпению в земной жизни, утешая надеждой на небесную награду. А тех, кто живёт чужим трудом, религия учит благотворительности в земной жизни, предлагая им очень дешёвое оправдание для всего их эксплуататорского существования и продавая по сходной цене билеты на небесное благополучие. Религия есть опиум народа. Религия — род духовной сивухи, в которой рабы капитала топят

⁷²⁷ Левада Ю. А. Социальная природа религии. М., 1965. С. 81.

свой человеческий образ, свои требования на сколько-нибудь достойную человека жизнь»⁷²⁸. Отказ от борьбы, экзистенциальный конформизм, в христианстве выражен в тезисе Иисуса: «Блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Небесное»⁷²⁹.

Религия, в каких бы формах она не выступала, по мнению марксистов, отвлекает людей от борьбы с социальным злом. Эта мысль неоднократно подчеркивалась В.И. Лениным. «Идея бога, — писал он А.М. Горькому, — *всегда* усыпляла и притупляла «социальные чувства», подменя живое мертвечиной, будучи *всегда* идеей рабства (худшего, безысходного рабства)»⁷³⁰. Такой же точки зрения придерживался и К. Маркс: «Упразднение религии, — писал Маркс, — как *иллюзорного* счастья народа, есть требование его *действительного* счастья. Требование отказа от иллюзий о своем положении есть *требование отказа от такого положения, которое нуждается в иллюзиях*»⁷³¹. Религия, по Марксу, это самосознание человека, который еще не обрел себя, или снова себя потерял.

Фейербах также клеймит «тех, которые пользуются религией как наиболее политическим средством унижения и эксплуатации человека, так и тех, которые находят, что религия не имеет ничего общего с политикой»⁷³². Он бичует религию как орудие политики социального деспотизма. Но он «сосредоточил внимание на освобождении от *чувства* зависимости, а не от самой зависимости»⁷³³.

Таким образом, разница между политическим и религиозным сознанием, политикой и религией лишь в том, что первые исходит из субъективной установки на тот или иной способ существования человека, а вторые — из установки, которая якобы привнесена извне.

Ндайусаба О. (Москва, РУДН)

РЕГИОНАЛЬНЫЙ КОМПЛЕКС БЕЗОПАСНОСТИ КАК СПОСОБ РАЗРЕШЕНИЯ ВООРУЖЕННЫХ КОНФЛИКТОВ В РАЙОНЕ ВЕЛИКИХ ОЗЕР АФРИКИ (РВО) (НА ПРИМЕРЕ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКИ КОНГО)

Урегулирование вооруженных конфликтов в ДРК, является сложным процессом, требующим общего регионального измерения. В связи с этим, региональный подход рассматривается в качестве надлежащего ответа на проблемы безопасности и стабильности. Это можно объяснить тем, что в нынешний период глобализации и регионализма, безопасность больше не является делом одного государства, она предполагает региональные, континентальные и международные аспекты. Кроме того, хрупкость конголезского государства оправдывает необходимость региональных усилий поскольку эта страна является одним из 6 африканских государств среди 10 самых хрупких государств в мире⁷³⁴.

Реализации этой цели во многом зависит от коллективной воли Глав государств и правительств субрегиона для принятия соответствующих мер в ответ на вызовы безопасности. Для этого государства призваны объединить усилия путем создания регионального комплекса безопасности, который, по мнению Б. Бузана, означает совокупность государств, чьи основные проблемы безопасности и озабоченности настолько взаимозависимы. Автор указывает, что проблемы национальной безопасности не могут быть разумно проанализированы или решены друг от друга⁷³⁵. Кроме того, процесс безопасности и взаимозависимость безопасности более интенсивны между государственными образованиями внутри этого комплекса, чем снаружи⁷³⁶. Регион должен иметь силу и определенную автономию, чтобы навязывать себя угрозам безопасности. В случае РВО, реальный региональный комплекс безопасности требует предварительных условий, включая финансовые, политические, судебные и дипломатические ресурсы, рассматриваемые как «залог коллективной безопасности», которые представляют собой вероятные и реалистичные варианты, позволяющие государствам избирать региональные стратегические силы.

⁷²⁸ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 12. С. 142–143.

⁷²⁹ Евангелие от Матфея. Гл. 5. § 3.

⁷³⁰ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 48. С. 232.

⁷³¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 1. С. 415.

⁷³² Фейербах Л. Избр. филос. произв. Т. II. С. 14

⁷³³ Быховский Б. Людвиг Фейербах. М.: Мысль, 1967. С. 79.

⁷³⁴ Normand N. Le grand livre de l'Afrique: Histoire et société-Culture et institutions // Politique et sécurité-Économie et développement. Editions Eyrolles, 2018. P. 108.

⁷³⁵ Цит. по: Abourabi Y., Sanctis J. L'émergence de puissances africaines de sécurité: étude comparative // Etudes de l'IRSEM No. 2016. T. 44. S. 17.

⁷³⁶ Wannakula Aratchilage M. Le complexe de sécurité en Asie orientale: la rivalité sino-indienne. Université de Lausanne, Faculté des sciences sociales et politiques, 2018. S. 31.

В этом ракурсе, действия региональных и международных организаций, таких как Международная Конференция по району Великих озер (МКРВО), Миссия Организации Объединенных Наций по стабилизации в Демократической Республике Конго (МООНСДРК), Европейский Союз и т. п. остаются менее продуктивными, что должно привести к тому, что африканские лидеры в целом, в том числе лидеры РВО подумать о собственной политике региональной безопасности. В этой связи, следует также отметить, что сегодня, стремление некоторых государств РВО координировать действия в борьбе с негативными силами, которые действуют в восточной части ДРК, является хорошей инициативой. Но, прежде всего, это требует гармонизации дипломатических отношений между государствами-членами, особенно между Руандой и ее соседями, включая Бурунди, Уганду, а также Конго, поскольку, даже если соседство между ДРК и Руандой в текущее состояние, кажется, хорошее, Руанду неоднократно обвиняли в причастности к дестабилизации безопасности в ДРК. Согласно Профессору Яш Пал Ге, режим Кагаме должен ответить за политическую и экономическую дестабилизацию в РВО⁷³⁷.

Создание регионального комплекса безопасности позволит ДРК противостоять угрозам безопасности. Благодаря этому механизму государства РВО будут иметь автономию в решении вопросов безопасности, что также позволит им избежать политизации политики безопасности Африки; все это в контексте поиска африканских решений африканских проблем.

Неверов К. А. (Санкт-Петербург, СПбГУ)

КОНКУРЕНТНО-КООПЕРАТИВНАЯ МОДЕЛЬ И СТРАТЕГИИ СОТРУДНИЧЕСТВА СЕТЕВЫХ АКТОРОВ⁷³⁸

Под *coopetition* понимают коллаборацию между конкурентами в бизнесе, устанавливаемую с целью достижения взаимовыгодных результатов⁷³⁹. Конкурентно-кооперативная модель (*coopetition*) подразумевает взаимодействие двух разнонаправленных алгоритмов: сотрудничества (кооперации) и конкуренции с целью получения как общей выгоды, так и индивидуальной. Применяемая в сфере инновационных технологий, и в частности ИКТ, модель *coopetition* позволяет получать инновационный продукт с меньшими издержками, а также улучшать уже существующие технологии или дополнять их новыми инновационными элементами. *Coopetition* предполагает четкое различие между созданием стоимости и присвоением стоимости: инновация может быть создана общими усилиями, но присвоения стоимости будет конкурентным, что является исключительно индивидуальным действием.

Для изучения стратегий акторов управленческого взаимодействия была сформулирована теоретическая сетевая модель, включающая также институциональные режимные характеристики, влияющие на процедуры согласования стратегий акторов. Данная модель направлена в целом на изучения механизмов выработки публичной политики, вместе с тем она позволяет оценивать качество процессов публичного управления. Конкурентно-кооперативная модель в данном контексте позволяет проиллюстрировать основные принципы сотрудничества в публичной политике. Как отмечает Шерстобитов А. С.⁷⁴⁰, иллюстрация данной модели наиболее показательна на примере спортивного клуба, особенно в командных видах спорта. Модель может быть проиллюстрирована на примере любой группы акторов, которые, для получения большей личной выгоды объединяются. Приложение индивидуальных усилий для достижения общей цели позволяет на выходе получать как наилучший групповой результат, так и получать каждому участнику группы большую личную выгоду, чем если бы он/она действовали поодиночке. Таким образом, налицо совмещение кооперативных и конкурентных стратегий. Если рассматривать в качестве примера спортивную команду, то здесь сотрудничество игроков обусловлено возможными выигрышами в краткосрочной и долгосрочной перспективах: к примеру, победа в отдельной встрече и победа в чемпионате страны. Конкурентная стратегия также имеет краткосрочное и долгосрочное измерения: в первом случае игроки заинтересованы в том, чтобы быть заигранными в основном составе и получить премиальные, во втором случае это возможность продления индивидуального контракта

⁷³⁷ Сидорова Г. М. Вооруженные конфликты в Африке на примере Демократической Республики Конго. М.: Институт Африки РАН. 2013. С. 204.

⁷³⁸ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-011-00705 «Объяснительный потенциал сетевой теории в политических исследованиях: методологический синтез как аналитическая стратегия»

⁷³⁹ Ritala, P., Hurmelinna-Laukkanen P. What's in it for me? Creating and appropriating value in innovation-related coopetition // *Technovation*. 2009. Vol. 29. No. 12. Pp. 819–828. P. 227.

⁷⁴⁰ Шерстобитов А. С., Бельскова А. Н. Как повысить объяснительный потенциал теории политических сетей? Кооперативно-конкурентная модель сетевой публичной политики // *Политика развития, государство и мировой порядок. Материалы VIII Всероссийского конгресса политологов*. Под общ. ред. О. В. Гаман-Голутвиной, Л. В. Сморгунува, Л. Н. Тимофеевой. 2018. С. 582–583. С. 583.

на более выгодных условиях, возможность получения наград за индивидуальное мастерство и личный вклад в общую победу.

Применительно к публичной политике, данная модель может быть проиллюстрирована инициативами партисипаторного характера (к примеру, «Твой бюджет» в г. Санкт-Петербурге), в рамках которых граждане объединяются для реализации проектов, выгодных их группе, с государством, выделяющим средства на реализацию получившего наибольшую поддержку граждан проекта. Здесь как отдельные граждане остаются в выигрыше (получая новую инфраструктуру), так и группа граждан. С другой стороны, г. Санкт-Петербург также остается в выигрыше: кроме освоения бюджетных средств, происходит изучение потребностей жителей города, снижается недовольство, улучшается имидж городских властей.

Данная модель позволяет выделять ключевые параметры, которые оказывают влияние на действия акторов в тактическом и стратегическом измерениях, а также помогает имитировать различные типы стратегий акторов недискретного характера.

Неверов К. А. (Санкт-Петербург, СПбГУ)

КОНКУРЕНТНО-КООПЕРАТИВНАЯ СТРАТЕГИЯ И БЛОКЧЕЙН: ПОЛИТИЧЕСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ В ЭПОХУ ЧЕТВЕРТОЙ ПРОМЫШЛЕННОЙ РЕВОЛЮЦИИ⁷⁴¹

В последние годы исследователи все чаще говорят о переходе к 4-й промышленной революции. Впервые об новом этапе в развитии человечества заявил президент Всемирного экономического форума в Давосе Клаус Шваб во время Ганноверской ярмарки, выступая с презентацией инициативы «Индустрия 4.0». Эта стадия развития характеризуется проникновением во все сферы человеческой деятельности. Четвертую промышленную революцию определяют как «вторую ИТ-революцию: серьезные технологические прорывы в области цифровизации: цифровая эпоха с Интернетом вещей или промышленный Интернет; революция Интернета вещей (IoT); инновации, основанные на комбинациях; появление прорывных новых комбинаций; самоорганизация и самореализация; супер прорывные инновации; новая промышленная революция с использованием Интернета вещей, больших данных, искусственного интеллекта и блокчейн; производственные инновации 3.0; широкие перемены в промышленности и обществе»⁷⁴². В связи с уже идущими изменениями, встает вопрос о политическом управлении и управляемости в новую эпоху. Мы предлагаем рассмотреть в данном контексте вопрос о применении стратегии cooptation, основанной на технологии блокчейн.

Под cooptation понимают коллаборацию между конкурентами в бизнесе, устанавливаемую с целью достижения взаимовыгодных результатов⁷⁴³. Боункен резюмирует, что «почти все определения cooptation включают один базовый элемент — сосуществование двух алгоритмов взаимодействия, кооперации и конкуренции»⁷⁴⁴. Антонимичный на первый взгляд состав взаимодействующих акторов позволил Бенгтссон охарактеризовать «конкурентно-кооперативную стратегию как парадоксальную, так как она вовлекает фирмы, взаимодействующие согласно противоречивым логикам — сотрудничеству и конкуренции»⁷⁴⁵.

Блокчейн выступает как децентрализованная и универсальная форма открытых одноранговых транзакций, обеспечивающих равный доступ и использование всеми⁷⁴⁶. Универсальность подразумевает, что каждый способен публиковать что угодно в сети, все компьютеры, входящие в сеть способны общаться друг с другом на одних языках, без оглядки на аппаратное обеспечение пользователей, их географическое месторасположение, культурные и политические взгляды⁷⁴⁷. Децентрализация предполагает, что на проведение какого-либо

⁷⁴¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского Научного Фонда (грант №19-18-00210 «Политическая онтология цифровизации: институциональные основания цифровой государственной управляемости»).

⁷⁴² Lee M. et al. How to respond to the Fourth Industrial Revolution, or the second information technology revolution? Dynamic new combinations between technology, market, and society through open innovation // Journal of Open Innovation: Technology, Market, and Complexity. 2018. Volume 4, Issue 3, 21 June. P. 22.

⁷⁴³ Ritala P., Hurmelinna-Laukkanen P. What's in it for me? Creating and appropriating value in innovation-related cooptation // Technovation. 2009. Vol. 29. No. 12. P. 227.

⁷⁴⁴ Bouncken R.B., Gast J., Kraus S., Bogers M. Cooptation: A systematic review, synthesis, and future research directions // Review of Managerial Science. 2015. Vol. 9. No. 3. P. 590.

⁷⁴⁵ Bengtsson M., Raza-Ullah T., Vanyushyn V. The cooptation paradox and tension: The moderating role of cooptation capability // Industrial Marketing Management. 2016. Vol. 53. P. 20.

⁷⁴⁶ Marsal-Llacuna M. Future living framework: Is blockchain the next enabling network? // Technological Forecasting and Social Change. 2018. Vol. 128. P. 227.

⁷⁴⁷ Ibáñez L.-D., Simperl E., Gandon F., Story H. Redecentralizing the Web with Distributed Ledgers // IEEE Intelligent Systems. 2017. Vol. 32. No. 1. P. 92.

действия или сделки (транзакции) разрешения от центральных властей на размещение чего-либо в сети будет не нужно; центральный контролирующий узел будет отсутствовать, что, таким образом, будет говорить о том, что не будет звена, в котором может произойти сбой. Децентрализация позволяет «сделать правовые и регуляторные решения о сборе, хранении и распространении конфиденциальных данных проще»⁷⁴⁸.

Использование конкурентно-кооперативной стратегии, подкрепленной технически блокчейн, в политическом управлении позволит снизить ряд издержек (таких как транзакционные и временные), снизить влияние человеческого фактора, позволит больше концентрироваться на гражданах и их нуждах, чем на бюрократическом процессе, повысит прозрачность процессов, сделает вовлеченные стороны более подотчетными, повысит степень защищенности конфиденциальных данных. Алгоритмизация процессов политического управления позволит нивелировать человеческий фактор, но вместе с тем оставит не у дел многих чиновников нижнего уровня, что само по себе является проблемой. Наряду с выгодами четвертая промышленная революция предлагает новые вызовы.

Невзоров М.В. (Санкт-Петербург, РГПУ им. А.И. Герцена)

УПРАВЛЕНИЕ ВНУТРИГОСУДАРСТВЕННЫМИ КОНФЛИКТАМИ С ПОМОЩЬЮ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЕКТОВ: СЛУЧАИ КОСОВО (1992–1999) И ЧЕЧЕНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ (1996–2003)⁷⁴⁹

1. В соответствии с набором данных по вооруженным конфликтам программы UCDP/PRIО⁷⁵⁰ в 2015 году «49 [из 50!] конфликтов были вооруженными столкновениями внутри государств»⁷⁵¹. И одновременно с этим современной характеристикой конфликтов является их сепаратистская⁷⁵² направленность: этнополитический конфликты и непризнанные государства испытывают на прочность современную систему международных отношений.

2. В нашем проекте «Структуры и конфликты»⁷⁵³ этнополитический конфликт определяется с позиций единой теории конфликта А.В. Светлова⁷⁵⁴ как наличие отрицательной обратной связи в структуре, которая состоит как минимум из двух акторов (государства и национального движения) и политического проекта.

3. Одной из проблем является раскрытие роли политических проектов территориального распределения власти в этнополитических конфликтах на территории непризнанных государств. Обычно наблюдается выдвижение национальным движением проекта независимости, однако, одновременно с этим государство может выдвинуть альтернативный т. н. вмешивающийся проект в виде автономии или федерации.

4. Для эмпирического исследования мы выбрали два случая: а) Косово, 1992–2008 (Сербия), с провозглашения независимости Косова в 1992 г. и до военной операции НАТО; б) Чечня, 1991–2009 (Россия), с подписания Хасавюртовских соглашений и до принятия Конституции ЧР в составе России.

5. Сравнительный анализ обоих случаев показывает следующее:

- 1) Демократическая партия Косово (ДЛК) и Чеченская республика Ичкерия (ЧРИ), провозгласив собственную независимость, поставили государства в противоречивое положение (начать войну по восстановлению территориальной целостности или признать независимость);
- 2) Благодаря вмешивающимся проектам автономии и федерации (для Сербии и России соответственно) государства пошли по пути налаживания отношений с этнополитическими акторами, что и обеспечило мирный процесс взаимодействия на первых этапах.

6. В обоих случаях произошел распад этносепаратистов на умеренную (ДЛК и Президент ЧРИ А. Масхадов) и радикальную части (Армия освобождения Косова (АОК) и т. н. «радикальная оппозиция» А. Масхадову):

⁷⁴⁸ Zyskind G., Nathan O., Pentland A.S. Decentralizing privacy: Using blockchain to protect personal data // Proceedings — 2015. IEEE Security and Privacy Workshops, SPW 2015. 2015. P. 184.

⁷⁴⁹ Тезисы доклада подготовлены при финансовой поддержке РФФИ, проект «Политические проекты территориального распределения власти во взаимодействии акторов этнополитического конфликта: балканский и постсоветский регионы» № 16-33-01092.

⁷⁵⁰ Последнее обновление в 2019 году: Organized violence, 1989–2018 and peace agreements / Therese Pettersson, Stina Högladh, Magnus Öberg // Journal of Peace Research. 2019. Vol. 56 (4). P. 589–603.

⁷⁵¹ Melander E. Organized Violence, 1989–2015 / Erik Melander, Therese Pettersson & Lotta Themnér // Journal of Peace Research. 2016. Vol. 53. Is. 5. P. 729.

⁷⁵² См. Попов Ф.А. География сепаратизма в современном мире. М.: Новый Хронограф, 2012. 672 с.

⁷⁵³ Методология описания случаев в базе данных см.: Невзоров М.В. Паттерны взаимодействия акторов этнополитического конфликта: балканский и кавказский регионы: дис. ... канд. пол. наук: 23.00.04. СПб., 2015. 190 с.

⁷⁵⁴ Единая теория конфликта предлагается впервые в работе: Светлов В.А. Аналитика конфликта. СПб.: Росток, 2001. 512 с.

а) Сербия не смогла с помощью автономии склонить на свою сторону противостоящих ей акторов, а с появлением АОК она была вовлечена в вооруженный конфликт, что только дестабилизировало ситуацию и привело к вмешательству сил НАТО;

б) вмешивающийся федеративный проект создал следующие особенности взаимодействия между Россией и ЧРИ:

- опыт федеративных отношений позволил России в период с 1996 по 1998 г. неформально «признать» представителя ЧРИ Президента А. Масхадова в качестве представителя Чеченкой республики в составе России. Такое отношение привело к тому, что А. Масхадова начинают обвинять в измене независимости ЧРИ. В свою очередь ему приходится принять меры по восстановлению доверия путем уступок «радикальной оппозиции» и введения шариатской формы правления, что приводит только к дальнейшему распаду и появлению «религиозной оппозиции» во главе с А. Кадыровым;
- федеративный политический проект позволил «религиозной оппозиции» уйти от требований независимости, начать борьбу со своими бывшими союзниками и отойти от религиозной к светской политической идентификации.

7. Отсюда автономия, вероятно, является политическим проектом, который эффективен только в ситуации невооруженного противостояния, тогда как федерализм позволяет: 1) разделить противостоящих государству этнополитических акторов и 2) затем склонить на свою сторону.

Негров Е. О. (Санкт-Петербург, СПбГУ)

ДИСКУРСИВНЫЕ ПРАКТИКИ ФОРМИРОВАНИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ: ОСНОВНЫЕ АКТОРЫ И РЕЦИПИЕНТЫ⁷⁵⁵

Доклад посвящен особенностям дискурсивных практик формирования идентичности, а также систематизации основных акторов и реципиентов публичного пространства, в рамках которого формируется идентичность.

В результате обзора исследований, посвященных проблеме идентичности, как с точки зрения ее формирования и конструирования «сверху», так и возникновения и трансформации «снизу», вышедшие за последние годы, можно выделить такие кластеры, как проблемы этнической и региональной идентичности, аспекты государственного регулирования политики идентичности и очень популярную в последнее время тему функционирования постправды и фейк-ньюс с точки зрения искусственного конструирования идентичности.

Так как идентичность является определяющей категорией в таких важнейших сторонах человеческой индивидуальной жизненной стратегии, как определение целей, иерархическое распределение психологических, социальных, материальных и иных ресурсов, чувство принадлежности к конкретным социальным группам и чувство отчуждения к «иным» (другим культурным, ментальным, национальным, этническим и иным группам), то попытка создания стройной и непротиворечивой системы классификации основных акторов, пытающихся формировать политическую, идеологическую и/или гражданскую идентичность, должна иметь не только теоретическую, но и практическую значимость.

Поступательное развитие традиционных и новаторских форм политической идентичности обусловлено развитием государственных и общественных институтов и, как результат, формированием субъектности представителей электорально значимого большинства, рационализацией политического процесса и ростом важности легитимации политической системы посредством политического участия, во всяком случае, на уровне официального политического дискурса. Традиционные формы политической идентичности обуславливаются социокультурным контекстом и особенностями политического режима, в контексте чего заметен переход от таких традиционных форм, в первую очередь, связанных с первичной социализацией, к новым формам такого формирования, функционирующих онлайн в формате 24/7 и в таком же режиме трансформирующихся.

Здесь необходимо зафиксировать и еще одну специфическую черту, присущую современному обществу в контексте темы исследования и доклада — слабую корреляцию между электоральными предпочтениями в ходе конкретных выборов и, собственно, идеологической и политической идентичностью. Это связано как с рядом историко-культурных и социально-политических причин (несоответствия «идеальной» картины мира и реального мира «за окном»), так и с конкретными особенностями, присущими современному политическому процессу, так или иначе, форсирующему классическое советское «двоемыслие». При этом здесь же встает в полный рост проблема искусственного создания политической «повестки дня», формирования инфор-

⁷⁵⁵ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и АНО ЭИСИ в рамках реализации научного проекта №19-011-31616 «Государственная политика в сфере формирования идентичности: концептуальные основания, технологии и перспективы» в Санкт-Петербургском государственном университете.

мационного шума и т. п. проблемы, ключевую роль в продуцировании которых играют средства массовой коммуникации, как традиционные, так и новейшие, а также влияющие на них политические акторы.

В качестве важного предваряющего замечания к основным выводам к исследованию подчеркнем, что в современной России отсутствует консенсус по поводу значения основных терминов, отражающих, в первую очередь, идеологическую идентификацию («кто не разделяет мою точку зрения, тот фашист!»), в связи с чем весьма сложно выявить подлинные идеологические предпочтения адресантов формирующего дискурса. В целом, одной из основных причин низкого уровня общественно-политической дискуссии в современной России является, на наш взгляд, именно отсутствие консенсуса по поводу основных понятий, относящихся к сфере идеологии, тем более что это имеет самое непосредственное отношение к политическому поведению, политической идентификации и политической культуре в целом.

Также в контексте исследования не следует забывать, что политическая идентификация — это сложный процесс, обусловленный рядом факторов и характеристик. Среди них следует выделить такие факторы, как политическая социализация, символическая политика, политическая культура, режим и работа системы в целом, социальная мобильность, социальное, территориальное, культурное и иное окружение, состояние гражданского общества, а также другие модели и критерии идентичности. Именно поэтому политическая идентичность — изменчивый феномен, который зависит от множества происходящих процессов, окружающих индивида. Именно поэтому, кстати, стабильное общество — ключ к устойчивой политической идентичности.

Само длящееся по сей день исследование посвящено сравнительному анализу различных форм дискурсивных практик формирования идентичности и выявлению основных акторов и продуцентов такого формирования, а также их основных адресатов/реципиентов. Полученные к настоящему времени результаты позволяют зафиксировать существенную разницу в таких практиках, что позволяет говорить о релевантности предложенных моделей классификации.

Недяк И. Л. (Москва, ФНИСЦ РАН)

ПОТЕНЦИАЛ ФОРМИРОВАНИЯ И ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ ПОЛИТИКИ ЭМАНСИПАЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ С ПОЗИЦИЙ НЕОКЛАССИЧЕСКОГО РЕСПУБЛИКАНИЗМА⁷⁵⁶

В докладе на основании данных общероссийского массового репрезентативного опроса (N700), проведенного отделом сравнительных политических исследований Института социологии ФНИСЦ РАН в 2018 г., оценивается перспективность использования принципов неоклассической республиканской традиции для формирования политики современного типа в России.

Неоклассический республиканизм переживает сорокалетний период ренессанса в эпоху кризисов неолиберальной доктрины и левой демократической политической мысли. Республиканцы — неоклассики (К. Скикнер, Ф. Петтит, Ф. Ловетт и др.) предлагают, по их утверждению, нейтральное понимание современной политики, что позволяет разным исследователям с равной степенью обоснованности определять эту школу как убедительный пример и постсоциалистической политической мысли, и течения неолиберальной философии, развивающегося под влиянием работ Дж. Ролза.

Кризис демократии участия оттеняет интерес к антимажоритарной по своей сути классической республиканской традиции, важной целью развития которой ее современные представители называют «создание публичной философии, полезной для решения современных задач, для определения и достижения политических целей»⁷⁵⁷.

Неоклассики ценят принципы *vita activa* своего исторического *vis-à-vis* — афинской ветви республиканизма. Но маркерами принадлежности к классической республиканской традиции называют принципы, восходящие к идеалу *vivere libero* Республиканского Рима: право гражданина на *институционально обеспеченную свободу от господства*, т. е. на защиту от любой *произвольной* власти со стороны индивидов и/или структур; приверженность гражданским доблестям соблюдения законов, неусыпного контроля за действиями власти, готовности их оспорить в случае необходимости.

Данные опроса позволяют говорить о наличии разных когнитивных и поведенческих схем у респондентов, не расположенных к социальным отношениям господства и у тех, кто относится к господству терпимо. К первой группе, условно названной нами «республиканцы», мы отнесли респондентов, считающих, что а) законы

⁷⁵⁶ Подготовлено в рамках проекта «Конституирование поля политики в России: институциональный анализ» (грант РФФИ № 17-03-00446).

⁷⁵⁷ Lovett F., P. Pettit. Neorepublicanism: A Normative and Institutional Research Program. 2009. Annual Review of Political Science. N. 12. P. 11–29.

надо соблюдать и б) политика имеет правила игры. К группе лояльных отношениям господства мы отнесли согласных с утверждением, что а) законы можно соблюдать избирательно или не соблюдать вовсе и б) политика не имеет правил игры, либо имеет неизвестные им правила.

Обращает на себя внимание разрыв в показателях уровня межличностного доверия выделенных групп. Склонны доверять людям 64% «республиканцев» и лишь 30% лояльных отношениям господства. Прослеживается связь между уровнями межличностного и институционального доверия. 73% «республиканцев» уверены в равной защите со стороны закона в случае конфликта с другими людьми, а 41% — в случае конфликта со структурами власти. Эту уверенность в случае конфликта с другими людьми разделяют лишь 33% респондентов, склонных принимать нормы отношений господства, а в случае конфликта с властью — ничтожные 7%.

Не менее очевидна связь между когнитивными схемами выделенных групп и оценкой деятельности власти. 51% «республиканцев» согласны с утверждением, что властные структуры действуют в интересах большинства. Это мнение разделяют лишь 4% респондентов, лояльных к отношениям господства.

Любопытно, что соотечественники-«республиканцы» в нашем обозначении демонстрируют приверженность фундаментальным принципам римской традиции республиканизма: предпочтение «мудрости немногих» (Дж. Гаррингтон) участию граждан в принятии политических решений; стремление сгладить политические конфликты и конкуренцию посредством антимажоритарной правовой системы, моделей контестаторной демократии и гражданства. Так, 69% «республиканцев» считают обязательным принимать участие в выборах; это мнение разделяют 30% всех респондентов. В то же время 74% «республиканцев» считают полезнее для России единство политических сил, а не их конкуренцию (показатель всей выборки — 53%).

Выделенная нами группа «республиканцев» немногочисленна (16%), однако, похоже, имеет энергетический потенциал. «Республиканцы» проявляют внутренний локус контроля, когда речь идет о возможности граждан влиять на политику. Улучшение этой возможности они связывают с уровнем компетентности граждан (57,5%) и с их готовностью взять на себя ответственность (56%), что в обоих случаях на 20 процентных пунктов выше показателей всей выборки. Добавим, что каждый второй «республиканец» заявляет о готовности объединиться с другими для решения общих задач.

Несоленая А.К. (Москва, РУТ (МИИТ))

NADG: МАНИПУЛЯЦИЯ ИЛИ НЕТ?

Технология NADG или «подталкивания» приобрела широкую известность после публикации в 2008 году Ричардом Талером и Кассом Санстейном работы под названием «Nadg. Архитектура выбора»⁷⁵⁸.

Ответить на вопрос: является ли NADG манипуляцией заставила позиция авторов, которые отвечая на критику основных положений теории «подталкивания», отвергали возможность превращения технологии «подталкивания» в манипуляцию: «...ведь по их мнению (мнению критиков — *прим. авт.*) машина государственной пропаганды быстро перейдет от просветительской работы к прямому манипулированию»⁷⁵⁹. Таким образом, мы видим, что авторы не считают свою технологию манипулятивной.

Получить ответ на вопрос является ли технология NADG или «подталкивания» частным случаем манипуляции или нет можно исходя из определения понятия манипуляция и выделения ее существенных признаков.

Наиболее полно и подробно среди отечественных авторов понятие «манипуляция» и ее существенные признаки рассматриваются в работе Е.Л. Доценко, С. Кара-Мурзы⁷⁶⁰. Манипуляция — технология управления поведением людей, направленная на программирования мнений и устремлений масс, их настроений и даже психического состояния с целью обеспечить такое их поведение, которое нужно тем, кто владеет средствами манипуляции⁷⁶¹. После анализа возможных определений понятия, Е. Доценко и С. Кара-Мурза выделяет следующие существенные признаки манипуляции. Во-первых, это вид психологического воздействия, во-вторых, манипуляция — это скрытое воздействие, факт которого скрывается от объекта манипуляции, также она включает в себя сокрытие, утаивание информации и требует от манипулятора определенного мастерства и знаний, особенно если речь идет о манипуляции массовым сознанием, в третьих, в манипуляции присутствует стремление получить односторонний выигрыш, в-четвертых, при манипуляции используется игра на «слабостях»

⁷⁵⁸ Талер Р., Санстейн К. Nadg. Архитектура выбора. Как улучшить наши решения о здоровье, благополучии и счастье / пер. с англ. Е Петровой; [науч. ред. С. Щербакон]. 2-е изд. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2018. 240 с.

⁷⁵⁹ Талер Р., Санстейн К. Там же. С. 203.

⁷⁶⁰ Доценко Е.Л. Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита / Евгений Леонидович Доценко. М.: ЧеРо, Издательство МГУ, 1997. 265 с.; Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием. Век 21-й. М.: Алгоритм, 2013. 432 с.

⁷⁶¹ Кара-Мурза С.Г. Там же. С. 36.

человека. В-пятых, предполагается, что манипулятор относится к другому как к объекту достижения собственных целей⁷⁶².

Все перечисленные признаки манипуляции присутствуют у технологии «подталкивания». Во-первых, при «подталкивании» осуществляется воздействие на психические структуры человека с целью направить его поведение в нужное русло. В большинстве примеров из книги Талера и Санстейна, воздействие на человека осуществляется посредством специальным образом подготовленную и обработанную информацию или среду, которая окажет влияние на поведение. Во-вторых, подталкивание — это скрытое воздействие, т.к. осуществляя его, никто не ставит в известность объект воздействия о своих намерениях, человеку предлагают готовую ситуацию, в которой он будет делать выбор и этот выбор с большой вероятностью будет сделан в сторону «лучшего» с точки зрения «архитектора выбора». И естественно, — «подталкивание» требует подготовки, мастерства и специальных знаний в области принятия решения, когнитивной психологии и психологии поведения. И в последнюю очередь, подталкивание — это игра на «слабостях» человека, например, стремлении к сохранению сложившейся ситуации или статус-кво, бездумно действовать по примеру большинства и пр.

Таким образом, ответ на вопрос является ли технология «подталкивания» частным случаем манипулятивного воздействия зависит от исходного определения манипуляции. Если брать за основу предложенные определения и существенные признаки манипуляции из работ отечественных авторов, то технология «подталкивания» может быть рассмотрена, как частный случай манипуляции.

Нестерчук О. А. (Москва, РУДН, РАНХиГС при Президенте РФ)

«НОВАЯ» ЭТНОПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Динамика межнациональных процессов, использование этнического как активного средства политики интенсивно трансформирует этнополитическую культуру. Этот процесс зависит от этнополитической сплоченности, уровня консолидации государственных структур, политических, общественных организаций, этнических сетей, конфессиональных групп, СМИ, которые могут как сотрудничать, так и соперничать. Поэтому проблемным является возможности и реальность консолидированности этих акторов, а также использование ими этнополитической сплоченности для манипулирования этническим массовым сознанием и поведением.

Следующей проблемой является противоречия между, с одной стороны, традиционностью этнополитической культуры, обусловленной менталитетом народа, историческим ходом развития общества, нормативно-правовой основой, с другой — требованиями реальности. Законодательная база, регулирующая межнациональные отношения, формирование ценностей, убеждений, идеалов под влиянием современных СМИ позволяют рассматривать этнополитическую культуру в ином формате. Происходит своеобразное столкновение традиционного и «нового», которое может выражаться в контексте политического конфликта этнических интересов.

Кроме того, этнополитический культурный процесс осложняют:

а) этническая толерантность как дестабилизатор, которая «не может быть панацеей от всех бед, так как естественное этнокультурное многообразие, сложившееся в той или иной стране, может быть нарушено политическим вмешательством, пытающимся обособить отдельные этнические сообщества. Толерантность не равна безразличию, ухода от политических оценок, потаканию негативным процессам в сфере межэтнических отношений»⁷⁶³;

б) межкультурная коммуникация и олитических интересов и созданию социально-политической напряженности; — это оштробное зачеркивание нужно вернуть прежнюю редакцию

в) различное понимание феномена полиэтничности.

В этих условиях важно определить особенности «нового формата» этнополитической культуры в рамках традиционных взаимосвязанных и взаимообусловленных ее основных уровней: ментального (политического сознания этносов), поведенческого (моделей политического поведения этносов, власти), институционального (функционирования этнополитических институтов).

Новое понимание этнополитической культуры на ментальном уровне обусловлено современным информационно-политическим противоборством на межгосударственном уровне, в контексте которого создается образ внешнего врага.

⁷⁶² Доценко Е. Л. Там же. С. 45.

⁷⁶³ Смищенко Р. С. Проблемы формирования этнополитологической культуры в контексте глобализации // Известия АлтГУ. 2015. № 2 (86). С. 242–245.

Следующим ментальным элементом «новой» этнополитической культуры является гражданская идентичность. На данный момент достаточно долговременный и дискуссионный вопрос в контексте противоречия патриотической консолидации общества и гражданской идентичности связан с поиском нормативно-правового определения последнего понятия.

«Новое» в этнополитической культуры на поведенческом уровне проявляется в росте этнических форм идентичностей среди традиционных меньшинств, интегрированных в состав нации, мигрантов. Эти формы выражаются в конституционном признании, коллективных самоопределениях, сепаратизме. В крайнем случае, этнополитическая культура выражается показателями уровня межэтнической конфликтности, в основном базирующихся на политических взглядах, убеждениях, установках, стереотипах.

Значимым является «формирование новых трансграничных, космополитичных форм идентичности у людей, проживающих и работающих не только в одной стране»⁷⁶⁴. В поведенческом аспекте это выражено в «сохранении двойных идентичностей, возможности членства не только в одной нации, признание права на множественное гражданство»⁷⁶⁵.

Институциональный уровень формирования новой политической культуры обусловлен активным вовлечением общественных структур и их представителей в руководство, регулирование этнополитическими процессами для легитимности политического управления, повышения уровня доверия к политическим институтам, президенту, развития гражданского общества.

Развитие этнополитической культуры на институциональном уровне представлена институтами, регулирующими этническую напряженность, институтами деэтнизации конфликтов, институтами интеграции, институтами предупреждения, национально-культурными объединениями. Все эти институты имеют свои проблемы функционирования, дефицитность в количестве, эффективность деятельности в качестве. Однако то, что они создаются и выполняют определенные функции управления, регулирования межнациональных отношений уже является показателем трансформации этнополитической культуры.

Содержательность вышеуказанных характерных черт «нового формата» этнополитической культуры показывает, что этнополитический культурный процесс может развиваться в направлении решений этнополитических проблем, создания и поддержания конструктивной диалогичности между межнациональными, межконфессиональными представителями, недопущения и снижения социальной этнической напряженности, сепаратистских и этнократических требований.

Нечаев Д. Н. (Орел, Среднерусский институт управления — филиал РАНХиГС при Президенте РФ)

ГОСУДАРСТВО И БИЗНЕС В ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ: ОСОБЕННОСТИ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ ДЕФИЦИТОВ В ПРОЦЕССЕ ИНТЕРАКЦИЙ ДВУХ СЕКТОРОВ ОБЩЕСТВА В ОБЕСПЕЧЕНИИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА

В период 2000-х годов институт государства в постсоветской России, преодолевая системные провалы в экономике и социальной сфере в результате проведения «шоковой терапии» экономических реформ 90-х годов XX века, выстроил систему интеракций органов государственной власти и управления с бизнесом, при котором предприниматели равноудалены от политики, а государство вместе с данным сектором создает условия для обеспечения экономического роста и социального развития.

Актуальность данной стратегии в РФ, как и политических практик ее достижения, не вызывает сомнений, поскольку в своих взаимодействиях государство и бизнес достигают больших результатов в модернизации экономики, ее отраслей, объектов социальной инфраструктуры. На реализацию этой стратегии работали, как «старые» институты, так и вновь создаваемые, целью которых, по мнению А. Е. Городецкого был институциональный императив, в том числе и обеспечение «восстановительного роста и реструктуризация экономики»⁷⁶⁶.

Институциональная и неинституциональная научная теория гласит, что капиталистическое производство в целях своего роста использует «старые институты (семью, общественные связи, религиозные организации), к этому добавляются институты защиты прав собственности, отрасль права, политика, системы страхования, медицина, образование, в общем то, что основательно воспроизводится не без участия государства. В пери-

⁷⁶⁴ Тишков В. А. Линии усложнения: введение к коллективному труду «культурная сложность современных наций» // Вестник Российской нации. 2016. № 5. С. 82–191.

⁷⁶⁵ Тишков В. А. Там же.

⁷⁶⁶ Городецкий А. Е. Государство и институциональный императив / Urbi et orbi / под общ. ред. Р. С. Гринберга, А. Я. Рубинштейна: в 4 т. СПб.: Алетей, 2015. Т. 4. Институты современной экономики / под ред. А. Е. Городецкого. С. 301–319. С. 304.

од 2000-х в современной России для бизнеса и обеспечения экономического роста государство создало сеть новых институтов — институтов развития: Особые экономические зоны (ОЭЗ), территории опережающего социально-экономического развития (ТОСЭРы), индустриальные и промышленные парки, с режимами налоговых и иных преференций в интересах бизнеса.

Однако, такое эффективнее и продуктивное взаимодействие государства и бизнеса, как в России, так и в других странах мира, сформировало и новую реальность, следствием которой стали серьезные риски и издержки транзакций (сделок) и интеракций двух секторов общества, негативно влияющих на третий сектор — гражданское общество, да и на население в целом. Кроме того, по мере развития производств и экономического роста объектами таргетирования, в первую очередь со стороны предпринимательства, стали традиционные институты (к примеру, профсоюзы), ограничивающие всевластие бизнеса и прибыли, а также ограничение новых институтов, стоящих на стороне гражданского общества. Возник целый феномен для исследования и изучения — институциональные дефициты.

Само понятие «институциональные дефициты» активно разрабатывал Крэг Калхун, директор Лондонской школы экономических и политических наук. Его основная гипотеза состоит в том, что по экономический (капиталистический) рост, в котором наравне с бизнесом участвует и государство, имеет свои издержки в разрезе серьезных проблем в экологии (включая экстерналии), социальные волнения и растущее неравенство. Данный исследователь полагает, что наравне с этими издержками для различных социальных слоев и групп, при интеракциях бизнеса и государства «главными мишенями интеракций стали институциональные структуры⁷⁶⁷».

Рассмотрим их более детально. Во-первых, это экстерналии, фактически образующие внешний эффект от роста производства. Западный исследователь М. Олсон в работе «Власть и процветание» отмечает, что проблемы и особенность побочных эффектов состоит в том, что «возникают антиблага, когда невозможно получить плату от субъектов их инициации⁷⁶⁸». Наиболее резонансные примеры от деятельности бизнеса, породившие экстерналии в РФ связаны с Уральской горно-металлургической компанией (УГМК), ведущая, к примеру, разработки никелевого месторождения в Воронежской области, вызвавшая в регионе антиникелевые протесты и социальные беспорядки.

Во-вторых, это линия на деградацию традиционных профессиональных союзов в РФ, в которой негласно заинтересованы бизнес-структуры. Из шести функционирующих в стране профсоюзов, доминирующей в профдвижении является Федерация независимых профсоюзов России (ФНПР).

В-третьих, это углубляющееся социальное неравенство в стране, способное вызвать социальные потрясения и политические катаклизмы. Данная проблема выходит на категорию социальной справедливости, которую Дж. Ролз называет первой добродетелью общественных институтов, полагая, что справедливость «не допускает, чтобы потеря свободы одними была оправдана большими благами других⁷⁶⁹».

Вместе с тем, уровень социального расслоения в современной России не снижается, несмотря на усилия правительства РФ. Так, например, в 2018 году по данным аналитиков компании Suisse в стране «насчитывалось 132 долларовых миллионеров и 69 миллиардеров⁷⁷⁰». На другом полюсе в государстве проживало более 20 млн человек, находящихся за чертой бедности или в пограничном состоянии.

*Никовская Л. И. (Москва, ФНИСЦ РАН, РАНХиГС при Президенте РФ),
Якимец В. Н. (Москва, ИППИ РАН, РАНХиГС при Президенте РФ)*

ОСОБЕННОСТИ ПУБЛИЧНОЙ ПОЛИТИКИ НА МУНИЦИПАЛЬНОМ УРОВНЕ (ПО РЕЗУЛЬТАТАМ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В КОСТРОМСКОЙ И ЯРОСЛАВСКОЙ ОБЛАСТЯХ)⁷⁷¹

Повышение открытости государственного и муниципального управления в современной России требует эффективного использования инструментов обратной связи в публичной сфере, позволяющей власти своев-

⁷⁶⁷ Калхун К. Что горозит капитализму сегодня / К. Калхун // Есть ли будущее у капитализма? Сб. статей И. Валлерстайна, Р. Коллинза, М. Манна, Г. Дарлугьяна, К. Калхуна / Пер. с англ. Под ред. Г. Дарлугьяна. — М.: Изд-во Института Гайдара, 2017. С. 216–265. С. 247.

⁷⁶⁸ Олсон М. Власть и процветание. Перерастая коммунистические и капиталистические диктатуры / Пер. с англ. Б. Пинскера. — М.: Новое издательство, 2012. 212 с. С. 76.

⁷⁶⁹ Ролз Дж. Теория справедливости: Пер. с англ. / Науч. ред. и предисл. В.В. Целищевой. Изд. 2-е. — М. Издательство ЛКИ, 2010. 536 с. С. 19.

⁷⁷⁰ Сытый голодного не разумеет. Сможет ли власть сократить пропасть, разделяющую сегодня богатых и бедных? // Аргументы и факты. 2018. 16–22 мая. С. 6–7.

⁷⁷¹ Доклад выполнен в рамках исследовательского проекта РФФИ №19-011-31282 «Исследование состояния и возможностей совершенствования институтов и механизмов публичной политики на муниципальном уровне на основе индексного подхода».

ременно улавливать тенденции развития общественных процессов и производить коррекцию управленческих решений, а населению влиять на формирование «повестки дня» и процесс принятия управленческих решений, участвовать в решении социально-значимых проблем и контролировать качество их исполнения. Местное самоуправление выступает своеобразной школой гражданственности, демократической организации местной жизни. Оно приучает общество к самоорганизации, необходимой для качественного решения вопросов в соответствии с общественными интересами граждан. Совмещение в работе органов местного самоуправления общественных и государственных полномочий — явление исключительное, богатое потенциальными возможностями для поиска и выбора оптимальных схем и механизмов взаимодействия общественности и власти, публичного и политического. Муниципальная публичная политика (далее МПП) — это программы и приоритеты органов власти, механизмы и технологии их реализации, выработанные с учетом ожиданий и при участии основных групп гражданского общества — малого и среднего бизнеса, некоммерческих и общественных организаций через их представителей. Именно на местном уровне публичная политика получает свое полное выражение⁷⁷². Главный акцент при изучении МПП ставится на гражданском и деловом участии в решении социально-экономических проблем местного сообщества во взаимодействии с властью.

По специально разработанной анкете в 2-х муниципальных образованиях двух областей ЦФО — *Костроме, Красном-на-Волге, Ярославле, Ростове* — проводился опрос 3-х целевых групп респондентов. Всего было опрошено 359 человек, представляющих наиболее активных и компетентных представителей трех сегментов городских сообществ — муниципальной власти (153 респондентов), малого и среднего бизнеса (108 респондентов), руководителей и членов некоммерческих организаций (98 респондентов). На основе собранной эмпирической информации были рассчитаны значения сводных индексов состояния МПП для каждого из 4-х МО. Кроме того для каждого института и механизма МПП рассчитывалось значение критерия *состоятельности*⁷⁷³ и полноты функционала субъекта МПП. Полученные количественные показатели были сопоставлены с качественными интерпретациями, которые дали на фокус-группах представители основных акторов взаимодействия в поле публичной политики всех 4-х МО. Соединение качественных и количественных подходов для оценки состояния субрегиональной публичной политики и ее институтов с учетом интересов различных субъектов публичной сферы (бизнес, власть, НКО-сообщество), а также использование таких оценок для выявления проблемных зон и дисфункций во взаимодействии власти и представителей гражданского общества, позволило составить представление об особенностях публичной сферы и политики на местном уровне. Наше исследование подтвердило выдвинутую гипотезу, что в зависимости от уровня социально-экономического развития субъекта РФ, где проводится исследование, формируются различные типы субрегиональной публичной политики. Так, наиболее развитая Ярославская область на уровне городского округа Ярославля показала централизованный тип МПП, когда ожидания всех основных акторов МПП не отрываются в ожиданиях и оценках друг от друга. По сравнению с посткризисным 2011 г. полученные данные свидетельствуют о сохранении позитивных тенденций, связанных с традициями уважительного диалога власти с активными акторами поля ПП. В менее продвинутой Костромской области тип МПП характеризуется более разрывными моментами, когда оценки муниципальной власти несколько завышены и отрываются от ожиданий других игроков МПП. В докладе также представлен анализ состояния институциональной инфраструктуры МПП по критерию состоятельности для каждого из 4-х МО. В целом, по данным исследования, во всех 4-х МО пока воспроизводится модель государственного патернализма, когда социально-значимые решения принимаются в «режиме консультаций», при активном контроле государственно-административных структур. В ряде МО намечились контуры перехода к публичному «управлению через сообщество», когда управленческие решения и действия власти начинают соизмеряться с возможностями и потребностями гражданского общества.

Николаев И. В. (Ростов-на-Дону, ЮФУ)

ТИПОЛОГИЯ ДИСКУРСИВНОЙ ЛОЯЛЬНОСТИ ОБЩЕСТВА В ОТНОШЕНИИ ВЛАСТИ

Современная российская политическая реальность отличается доминированием в коммуникативном пространстве одного идеологического дискурса. Транслируемый властью символический и семантический контент воспринимается подавляющим большинством социальных агентов как наиболее актуальный и используется в повседневной речи. Подобная дискурсивная лояльность общества — это коммуникативное поведение

⁷⁷² Muller P., Surel Y. L'analyse des politiques publiques. Paris. 1998. P. 13–14; Friedberg E. Le Pouvoir et la règle. Dynamiques de l'actio. organisée. Paris. 2015.

⁷⁷³ Никовская Л. И., Якимец В. Н. О состоятельности институтов публичной политики. // Власть. — 2015. — № 6. — С. 16–22

социальных субъектов, не выходящее за рамки заданного официальной позицией терминологического поля. Было выдвинуто предположение, что акторы согласуют свое дискурсивное поведение с официальным тезаурусом не только по причине реальной поддержки стратегической линии власти, но и с целью получения собственной выгоды от аффилиации с ней.

Индикатором дискурсивной лояльности выступают вербальные политические символы, бытующие в текстах субъектов власти и транслируемых в публичном пространстве. Под таким символом понимается «узловой знак» политической реальности, насыщенный подверженным конъюнктурным изменениям смыслом. При помощи качественного контент-анализа были выявлены основные вербальные политические символы дискурса власти, проведена их классификация, а также определена степень их укорененности в публичном дискурсе субъектов гражданского общества (политические партии, общественные движения, лидеры общественного мнения, бизнес-сообщество и др.). В качестве определяющих показателей были приняты частотность использования в период актуализации вербального политического символа, уровень эмоциональности высказывания, сопоставление с аналогичными языковыми объектами. Анализ имеет зондирующий характер, т. к. требует широкой репрезентации источников.

В зависимости от доминирования предложенных Р. Коббом и Ч. Элдером⁷⁷⁴ элементов символического восприятия (когнитивный, аффективный и аналитический) мы выделяем несколько типов дискурсивной лояльности социальных акторов в российском публичном пространстве.

В случае доминирования аффективного компонента использование социальным актором официального тезауруса основано на поддержке эмоционального содержания позиции власти. Причинами лояльности могут быть личное переживание проблем, освещаемых официальной позицией, отношение доверия к транслятору и др. Подобная форма переживания вербальной политической символики выражается в специфических дискурсивных практиках: мемах, анекдотах, песнях, агитационных текстах массовых движений, в интервью участников общественных движений, содержащих эмоционально насыщенную реакцию на актуализированный вербальный политический символ.

Доминирование в восприятии вербальных символов когнитивного компонента порождает рациональный тип лояльности, при котором использование тезауруса общественным субъектом обосновано признанием его актуальности. Подобный тип лояльности не предполагает отказ от критических высказываний в адрес концептов власти или создания собственного тезауруса. Рациональная лояльность свойственна умеренной оппозиции и может благотворно влиять на демократический политический процесс, однако находится на периферии политического информационного пространства.

Тип дискурсивной лояльности, основанный на доминировании аналитического компонента, опасен для политической системы, т. к. он базируется на критическом осмыслении вербальных символов и использовании их для демонстрации связи с властвующей элитой. Наличие официального тезауруса в дискурсе социального актора обусловлено собственными политическими целями. Данный тип дискурсивной лояльности свойственен партийным функционерам, представителям молодежных общественных движений и организаций проправительственного направления, чиновникам.

Лояльность общества в отношении власти — необходимое условие существования стабильной политической системы. Дискурсивная лояльность демонстрирует поддержку власти и потенциал ресурса символической связи с ней. Оптимальный тип дискурсивной лояльности предполагает балансирование всех компонентов восприятия вербальных политических символов, чего не наблюдается в реальном российском информационном пространстве.

Николаев Н. А. (Москва, РГСУ)

МЕСТНОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ В МОСКВЕ И ФИНЛЯДИИ НА ПРИМЕРЕ РАЙОНОВ И КОММУН

Местное самоуправление — это одна из форм прямого и представительного осуществления власти народом. Оно происходит посредством муниципальных образований — городских и сельских поселениях, имеющих общую территорию (район), непосредственно в городах.

Г. Балдерсхайм и М. Голдсмит выделяют определенные модели местного самоуправления: североамериканская, южно-европейская и скандинавская.⁷⁷⁵ В первой из них сфера деятельности муниципалитетов в большей

⁷⁷⁴ Кобб Р., Элдер Ч. Использование символов в политике // Политическая лингвистика. 2009. № 3. С. 131–145.

⁷⁷⁵ Оффердал О. Местное самоуправление в Скандинавии: достижения и перспективы [Электронный ресурс] // Редакция журнала «Полис» («Политические исследования») (Москва). — 1999. — С. 155–167. — URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=5078268>

степени ориентирована на обслуживание интересов бизнеса. При второй модели муниципальная активность довольно низка, блага и ценности распределяются на основе личных отношений. В государствах, где действует третья классификация, муниципалитеты могут использоваться в качестве органов предоставления различного рода услуг и тем самым способствовать реализации целей государства всеобщего благосостояния.

Органами местного самоуправления в муниципальном образовании Москвы являются Совет депутатов, Администрация, а также другие виды власти, образуемые в соответствии с уставом этой населенной территории.

Согласно «Положению об управе района города Москвы»⁷⁷⁶, управа района в Москве — это территориальный орган исполнительной власти города, подведомственный Правительству столицы. Оперативное руководство, координацию и контроль за её деятельностью осуществляет префект соответствующего административного округа в пределах полномочий, установленных правовыми актами.

Управы наделены правом самостоятельного распоряжения финансами районов в пределах утвержденных смет, кроме случаев целевого финансирования. На управы возложено решение вопросов местного значения, управление социально-хозяйственными службами в пределах территории района. Члены районного собрания избираются в ходе прямого волеизъявления граждан района путем тайного голосования на четыре года.

Местное самоуправление в Финляндии основано на муниципалитетах универсального типа, которые выполняют широкий круг функций и являются важными органами социального обеспечения населения. Территория Финляндии делится на регионы, а они — на коммуны. Их представительные органы — коммунальные думы, избираемые населением, а исполнительные — коммунальные правления, во главе с бургомистрами.

Главным органом в муниципалитете является Совет. Его члены каждые четыре года избираются населением на местных выборах. Муниципальное собрание назначает политический исполнительный орган для подготовки повестки собраний и выполнения принятых решений. Несколько его комитетов по секторам (образование, промышленность, социальные вопросы, здравоохранение) также назначаются Советом.⁷⁷⁷

Финские коммуны предоставляют населению широкий спектр публичных услуг. К ним относятся ежедневный уход за детьми, уход по старости, инвалидности и бедности, здравоохранение, образование, защита окружающей среды в местном масштабе, а также инфраструктура. Многие муниципалитеты добровольно берут на себя дополнительные задачи: центральное отопление, электричество и общественный транспорт.⁷⁷⁸

В целом местное самоуправление в Финляндии по истечении времени стало более интегральной частью общегосударственной организации по предоставлению услуг. Муниципальные образования утратили свою роль автономной местной единицы, занимающейся исключительно собственными делами.

Таким образом, в настоящий момент органы местного самоуправления тесным образом взаимосвязаны с системой органов государственной власти города Москвы, хотя, по определению, в нее не входят. Осуществляя хозяйственно-управленческую деятельность на определенной территории, органы местного самоуправления взаимодействуют по вопросам муниципального уровня с управами районов. Последние же, в свою очередь, в рамках своей компетенции осуществляют взаимодействие с префектурами окружного уровня, решая вопросы управления городским хозяйством во взаимосвязи с локальным уровнем. По схожей системе работает и местное самоуправление в Суоми, что говорит о том, что московский аналог основывается на идеях скандинавской модели, хоть в некоторых моментах и вопросах идет по своему собственному пути.

Николаева М. В. (Краснодар, КубГУ)

СЕМАНТИЧЕСКИЙ ДИФФЕРЕНЦИАЛ КАК МЕТОД ОЦЕНКИ РОССИЙСКИМИ ГРАЖДАНАМИ ПОЛИТИЧЕСКИХ СУБЪЕКТОВ: ЛИНГВОДИСКУРСИВНЫЕ, ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ И ГЕНДЕРНЫЕ АСПЕКТЫ

В статье проанализированы результаты эмпирического исследования семантических пространств политических субъектов. Семантический дифференциал необходим для качественного и количественного индексирования смыслов, значений и стереотипов, отражающих эмоциональную сторону изучаемых объектов, с помощью шкалы, которые были заданы парами антонимичных прилагательных, между которыми располагались

⁷⁷⁶ Постановление Правительства Москвы от 24.02.2010 N 157-ПП (ред. от 02.07.2019) «О полномочиях территориальных органов исполнительной власти города Москвы» // URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=MLAW;n=194216>

⁷⁷⁷ Особенности управления и самоуправления в Финляндии [Электронный ресурс] / В. Б. Евдокимов, Тухватуллин // Российское государствоведение. — 2014. — № 3. — С. 32–39. — Режим доступа: <https://rucont.ru/efd/549230>

⁷⁷⁸ Комитет гражданских инициатив — Эксперты КГИ подготовили обзор практик местного самоуправления в Финляндии — URL: <https://komitetgi.ru/analytics/3318/>

10 градаций. Метод семантического дифференциала позволил оценить политические субъекты, увидеть образ оцениваемого объекта, вызывающего у реципиента определенные психологические реакции, структурированные по трем направлениям: *активность* объекта, его *сила* и *отношение* к нему со стороны респондентов. Впервые была применена методология оценивания образа власти в зеркале сознания граждан по трем направлениям исследования: лингводискурсивный, психологический и гендерный.

К политическим субъектам в данном исследовании мы отнесли: Президента РФ, Правительство РФ в лице Д. Медведева, политические партии РФ, Оппозиционное сообщество в лице А. Навального, Министры РФ, региональные представители власти, в нашем случае губернатор Краснодарского края В.И. Кондратьев, мэр города Краснодара Е.А. Первышов.

Использование семантического дифференциала в исследовании социальных стереотипов, эмоциональных установок, межличностных взаимоотношениях, а также исследования образа политика, кандидата, власти в целом исследовали такие отечественные ученые, как Н.М. Лыкова, З.В. Сикевич, Е.Б. Шестопап.

Психологические аспекты в исследовании власти выделены такими качествами, как открытость, коммуникабельность, презентабельность, лидерство, дружелюбность, патриотичность, эрудированность, сила и демократичность политических субъектов в отношении с народом и теми политическими институтами, представляющими народовластие, гражданское общество, различные объединения и сообщества. Данные характеристики, прежде всего, респонденты относят к В.В. Путину, так как ранее нами было выбрано, что именно ему больше всего доверяют, верят и видят Президентом России. Отдельно стоит заметить, что на бессознательном уровне респонденты выбирали качества, характеризующие личностные, поведенческие и психологические особенности политических субъектов.

Лингводискурсивные аспекты удалось выявить у политических субъектов, представляющих региональную власть и оппозицию в российском обществе. Региональная власть, по мнению респондентов, обладает такими качествами, как смелость, прогрессивность в деятельности, патриотичность, честность, открытость. Респонденты отмечают действия властей, основанные на обращениях и жалобах граждан в социальных сетях, обратной связи о выполненных работах, о совместных решениях относительно выбора строительства зеленых зон в городе, приоритетных направлениях городской политики и т.д.

Оппозиция, представленная в лице А. Навального, получила неоднозначные оценки и комментарии. Среди самых популярных качеств, выделенных респондентами, были названы — привлекательность, открытость, коммуникабельность, смелость, либеральность, демократичность, публичность и мобильность. Однако лингвистические коннотации, комментирующих респондентов не всегда носили однозначный характер. Многие воспринимают привлекательность А. Навального за слабость, а демократичность и смелость, как отсутствие четкого плана и ресурсов, способных привести к реальным действиям и смене власти.

Гендерные характеристики были присвоены тем политическим субъектам, которые набрали наибольший процент в ответах респондентов, указывающих их как «семьянин», «любящий детей» и «маскулинный» или «феминный» в зависимости от пола субъекта. Наиболее характерными примерами выделены следующие политические субъекты — Президент РФ, Премьер-министр, а также представители региональной власти В.И. Кондратьев и Е.А. Первышов.

Таким образом, апробировав методику исследования оценки политических субъектов России гражданами, мы выделили наиболее эффективные критерии исследования семантических пространств, обозначив их как лингводискурсивные, психологические и гендерные аспекты анализа. При изучении вышеперечисленных аспектов в политической картине мира возникает целостное понимание действующих в ней политических субъектов.

*Нугманова К.Ж. (Нур-Султан, Казахстан,
Международный центр геополитического прогнозирования «Восток-Запад»)*

НОВЫЕ ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ПОДХОДЫ: ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЕ КАЧЕСТВО И ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ ИГРЫ

Сегодня, поскольку, мировое противостояние изменило сущность информационного пространства, то в комплексе причин, определяющих актуальность геополитического качества следует выделить необходимость решения важной методологической задачи — интегрирования гетерогенного знания о природе геополитических игр и получения его системной характеристики с целью создания теоретической модели, богатой эвристическими возможностями и способной быть надежным познавательным средством в изучении планетарного пространства и геополитических процессов.

Актуальность темы обусловлена, прежде всего, универсальным характером проявления в истории человеческого общества такого феномена, как геополитические игры и двойные стандарты. Эпоха информации закончилась, началась эпоха манипулирования, поэтому важен контроль над планетарным пространством. Исходя из этой постановки в статье основной целью было определение: каким образом осуществляется контроль, каков его механизм, какие факторы — узлы механизма — являются главными, какова роль субъектов, запускающих этот механизм в действие?

В современном геополитическом противостоянии все большую роль играют финансовое противостояние и информационная война, что отражается на геополитическом качестве. Современный многополярный мир на данный момент представлен США, Евросоюзом, Китаем и начавшей восстанавливать свою историческую зону влияния Россией. Однако процесс формирования многополярности продолжается, в него активно включаются и другие крупнейшие страны: Индия, Бразилия, Южная Африка. По мере усиления экономической мощи этих стран, будут расти и их военные возможности. Вокруг них будут консолидироваться соседние страны, они будут строить союзнические отношения с устоявшимися глобальными центрами силы, что происходит уже сейчас, возьмём хотя бы тесное военно-техническое сотрудничество Индии с Россией.

Отсюда следует, что важными категориями геополитики являются баланс сил, политическое пространство, национальный интерес, экспансия. Главным содержанием переходной эпохи является борьба за новый мировой порядок. В качестве метода исследования — эмпирический подход показывает, что основными акторами этой борьбы выступают США, КНР и Российская Федерация, причем две последние державы находятся по одну сторону баррикад и вместе с несколькими другими, сопутствующими им странами, образуют негласную коалицию цивилизаций. Основой этой коалиции является непринятие главенствующей роли США, как единственной сверхдержавы, несогласие с моделью однополярного мира. Поэтому называем эту коалицию «Коалицией несогласных». По другую сторону находятся США, с их военно-политическими союзниками по блоку НАТО, в более широком смысле все западное сообщество, а также ориентированные на США страны в других регионах планеты. Они объединены, несмотря на разнонаправленные интересы, долговременной взаимозависимостью гораздо более тесного и жесткого порядка, тем, что называют «западными ценностями» и «блоковой дисциплиной». Внутри этих группировок на самом острие конфронтации находятся США и Россия, ибо противоречия между ними носят наиболее яркий и очевидный характер.

Если вкратце, то они основаны на принятии или непринятии нынешнего миропорядка, своего места и роли в нем. США хотят сохранения и укрепления своей роли как единственной сверхдержавы, мирового статусанте, сложившего после 1991 года в результате поражения Советского Союза в холодной войне, роспуска мировой социалистической системы и Варшавского блока. С тех пор баланс сил в мире, особенно в экономике заметно поменялся не в пользу США, и страна явно не справляется с ролью глобального гегемона, американский правящий класс верит, что США должны сохранить свою доминирующую роль в мире хотя бы потому, что могут и хотят это сделать. Могут, потому что обладают уникально благоприятным геополитическим положением, колоссальным экономическим и ресурсным могуществом, а, главное, фантастическим человеческим потенциалом, американским народом, нацией, сложившейся из громадного собрания пассионарных личностей, которые в течение 250 лет стремились в Новый Свет. Хотят, потому что мессианство — это давняя историческая, религиозно-культурная и политическая традиция США. Именно эта черта, вера в свою миссию, энергия и решимость могли США в XX веке стать одной из двух сверхдержав.

Для Соединенных Штатов евразийская геостратегия включает целенаправленное руководство динамичными с геостратегической точки зрения государствами и осторожное обращение с государствами-катализаторами в геополитическом плане, соблюдая два равноценных интереса Америки: в ближайшей перспективе — сохранение своей исключительной глобальной власти, а в далекой перспективе — её трансформацию во всё более институционализирующееся глобальное сотрудничество.

Относительно Китая, то Центральная Азия рассматривается ими как транспортный коридор для выхода на рынки Европы и Ближнего Востока, как важнейший экономический партнер, от сотрудничества с которым зависит успех программ развития народного хозяйства Северо-Запада КНР. Особый и постоянно возрастающий интерес проявляет Китай к нефтяным и газовым месторождениям ЦА. Успехи Китая определили его диспозицию в борьбе за новый мировой порядок. Как нам представляется, КНР не заинтересована в форсировании или обострении борьбы за новый миропорядок, поскольку время и социально-политическая динамика и так работает на Китай: центр мирового экономического, а значит и научно-технического развития сдвигается в Юго-Восточную Азию, где Китай и так доминирует.

Итак, подводя итог диспозиции главных акторов нарождающегося миропорядка, надо отметить, что в треугольнике «США—КНР—РФ» наметился явный сдвиг в сторону сближения КНР и РФ. В немалой степени этому способствовали сами Соединенные Штаты, изменив своему правилу никогда не вступать в конфликт одновременно с этими двумя великими державами и включив сразу и Китай и Россию в список своих соперников и так

называемых «ревизионистских государств». Таким образом, понятно, что своей тесной коалиционной связке Россия и Китай просто обязаны Соединенным Штатам, которые в сравнительно короткий исторический срок умудрились антагонизировать и тех и других. Надо полагать, отношения между КНР, Россией да и в целом с Казахстаном далеко не безоблачны, так они имеют разный геополитический и экономический вес, разные общественно-политические системы. Но Президенты данных стран проводят курс на тесное сближение по одной простой геополитической причине: они знают, что вместе они непобедимы. В той коалиции о которой мы сказали выше, несомненно роль несущей конструкции выполняет КНР, а роль военно-политической опоры выполняют Россия и страны Центральной Азии. Такое распределение ролей не только органично дополняет друг друга, но и выгодно обеим странам там как соответствует их естественным преимуществам и национальным интересам.

Итак, обсудив различное отношение трех главных акторов к становлению нового мирового порядка, мы хотели вернуться к одному из главных фронтов противостояния, а именно к цивилизационному подходу. Данный подход, являющийся одним из научных подходов геополитики показывает насколько реальны и глубоко противоречия между США и РФ, для чего надо ответить на вопрос, а как это случилось, что Россия стала субъектом самого острого противостояния с Вашингтоном и что дает реальные внешнеполитические козыри для настоящей и будущей геополитической игры.

Подытоживая, отметим, что противоречия между США и РФ не носят непримиримый, антагонистический характер, в то время как дальнейшая эскалация конфронтации двух ядерных сверхдержав, может привести к глобальному конфликту с участием всего «западного блока» и «коалиции несогласных».

Овсянников П. Е. (Челябинск, ЧелГУ)

ПОЛИТИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ВИЗУАЛЬНЫХ ОБРАЗОВ ВЛАСТИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Актуальность: Политической тенденцией развития современного российского общества являются процессы изменений массовых политических представлений в целом, и образов власти в частности. В первую очередь следует отметить прикладную значимость исследования в условиях кризиса доверия политической власти со стороны российского населения и роста протестных настроений. Таким образом, соотнесение содержания образов власти позволяет выявить вектор массовых политических настроений и прогнозировать динамику политической активности граждан.

Цель исследования: выявить и проанализировать важнейшие характеристики содержания визуальных образов власти в сознании граждан.

Материалы и методы: На основании материалов политико-психологического исследования, проведенного в период 2004–2018 годов на базе исторического (историко-филологического) факультета ЧелГУ был проведен анализ 351 рисунка образа власти. С целью обнаружения динамики изменения восприятия в образах власти была применена методология, разработанная на кафедре социологии и психологии политики МГУ. Для анализа результатов исследования были использованы преимущественно качественные показатели. Респондентами являлись студенты 1 и 2 курсов специальностей «Политология», «История», «Связи с общественностью», «Международные отношения». Методика проективного теста «Рисунок власти» предполагает выполнение задания с указанием «Нарисуйте власть», а также текстовое описание рисунков.

Результаты: В восприятии респондентов власть в российском обществе представляет всеобъемлющий характер. Оппозиция участвует в принятии ключевых политических решений лишь номинально, фактически она отстранена от осуществления исполнительной и даже законодательной власти. Ключевыми политическими акторами становятся Президент (38%), силовые ведомства, а также премьер-министр. Респонденты склонны отмечать перекося полномочий в сторону исполнительной власти при полном или частичном игнорировании законодательной и/или судебной власти. Респонденты четко выделяют, что население находится в угнетенном состоянии, осознает свою незначительность, отдаленность от власти. Население испытывает по отношению к ней отрицательные эмоции, в основном страх: власть воспринимается человеком как угрожающая, опасная и недоступная. Субъекты региональной политики практически отсутствуют, при этом они заменяются мотивами и общими представлениями о федеральной власти. На потребностном уровне наиболее важными составляющими становятся неудовлетворенная потребность в безопасности, любви и самоактуализации. Мужчины при этом рисуют власть схематично, линейно, образ их более динамичный и с выраженными чертами агрессии. У женщин оценки власти более статичные, положительные, а политические взгляды консервативные и лояльные по отношению к власти.

Выводы: Политическую власть респонденты характеризуют как демократическую по форме, но авторитарную по сути. Образ федеральной власти превалирует над другими уровнями власти. Общее недоверие

к власти, ее отчужденность от населения формируется как базовая особенность бессознательного уровня восприятия власти.

Список литературы:

1. Власть и лидеры в восприятии российских граждан. Четверть века наблюдений (1993–2018) / Отв. ред. книги Е. Б. Шестопа. М.: Издательство «Весь Мир», 2019. — 656 с.
2. Нестерова С. В. Визуальные и вербальные характеристики образов власти // Политическая психология: Хрестоматия / Сост. Е. Б. Шестопа. М., 2007. С. 422–434
3. Психология политического восприятия в современной России / Е. Б. Шестопа, Н. Б. Бокова, А. Л. Зверев и др. — Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН) Москва, 2012. — 423 с.
4. Современная элита России: политико-психологический анализ / А. В. Селезнева, Е. Б. Шестопа, Н. М. Ракитянский и др. — АРГА-МАК-МЕДИА Москва, 2015. — 448 с

Овчарова О. Г. (Москва, РГСАИ)

ЕВРОПЕЙСКИЙ ПАРЛАМЕНТ: ГЕНДЕРНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

Европейский парламент — уникальный законодательный орган, многонациональный и многоязычный, который избирается прямым голосованием граждан Евросоюза. Его миссия (наряду с другими политическими институтами Евросоюза) — обеспечивать европейцам «благополучие и возможности, которых у них не было ранее». Тем не менее, по мнению ряда граждан Европы, данный лозунг не осуществим вне формирования в Европарламенте гендерного баланса, который свидетельствовал бы о том, что интересы и социальный опыт всех категорий населения равномерно учитывается при принятии законодательных решений. Кроме того, факт гендерного равенства в Европарламенте, усилил бы истинность заявлений о том, что западноевропейские страны традиционно считаются странами с богатейшим политическим опытом демократии, «политическими лабораториями», где «рождались основные политические идеи, проводились наиболее значимые эксперименты»⁷⁷⁹.

К примеру, довольно отчетливо демонстрирует проблему акция, состоявшаяся 8 марта 2019 г. Группа чиновников Европарламента объявила забастовку, приурочив ее к Международному женскому дню. Утром 8 марта они закрыли на стене в холле Брюссельского офиса Европейского парламента портреты мужчин, в разные годы возглавлявших Европарламент. Мужчин оказалось подавляющее большинство, а женщин — всего двое. Бастующие требовали равного для мужчин и женщин представительства в Европарламенте и других европейских институтах, а также равной оплаты труда. Среди целого ряда комментариев, которыми Euronews сопроводил репортаж об этом событии, наиболее обозначают проблему следующие: «Как мы видим, Европарламентом по-прежнему заправляют мужчины, причем все больше мужчин влиятельных, представляющих правое крыло в политике... У меня складывается ощущение, что вокруг только и видишь, что мужчин в костюмах, статуи мужчин во всех зданиях, сами здания названы в честь мужчин, и здесь, на стене, висит много портретов мужчин и лишь несколько женских» (Лора Кренске, сотрудница Европарламента); «Женщины могут привнести в дискуссию совсем иной взгляд на вещи. Когда проблемы носят социальный характер, касаются семейной жизни или условий труда, то угадайте, кто этим занимается? В большинстве своем женщины. А чем сложнее вопросы — тем больше становится мужчин, а я думаю, что нам нужны все голоса во всех дебатах» (Мейрид Макгинесс, заместитель Председателя Европарламента)⁷⁸⁰.

Простая статистика подтверждает и обоснованность протестных акций и заявления женщин-политиков. Как уже было сказано, за все время существования Европарламента во главе его были только две женщины: Симона Вейль, которая была избрана в результате первых общенародных выборов в Европарламент в 1979 г. и сохраняла пост до 1982 г. и Николь Фонтен, возглавлявшая законодательный орган с 1999 г. по 2002 г. Гендерный дисбаланс среди членов Европарламента в настоящее время таков: 59% мужчин и 41% женщин. И это несмотря на то, что 2019 г. — год актуальных выборов в Европарламент — считается «рекордным по количеству мест, которые женщины получили в Европарламенте»⁷⁸¹.

Проанализировать причины гендерной асимметрии в Европейском парламенте и принимающие меры по ее выравниванию — задача настоящего доклада.

⁷⁷⁹ Иван Крастев беседует с Ричардом Саквой «Становится все проблематичнее предсказать будущее демократии, глядя лишь в ее прошлое». // 22 идеи о том, как устроить мир: Беседы с выдающимися учеными. Москва: Издательство Московского университета, 2014. С. 329.

⁷⁸⁰ Женщины в европейской политике [Электронный ресурс] // Euronews. Брюссельское бюро. URL: <https://ru.euronews.com/2019/03/08/eu-women-in-politics>

⁷⁸¹ Guardian: несмотря на новый рекорд, женщины остаются в Европарламенте меньшинством [Электронный ресурс] // RT на русском. URL: <https://russian.rt.com/inotv/2019-06-02/Guardian-nesmotrya-na-novij-rekord>

КОНЦЕПЦИЯ ДИЛЕММЫ БЕЗОПАСНОСТИ И КИТАЙСКО-ЯПОНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

Дилемма безопасности является одной из основных концепций теории политического реализма. Термин был введен Джоном Герцем. Как позже описал Роберт Джервис, дилемма безопасности возникает, когда попытки государства повысить свою безопасность снижают безопасность другого государства⁷⁸². Чарльз Глейзер позже добавил, что такие действия приводят к возникновению опасной ситуации, поскольку снижение безопасности государства заставляет его реагировать определенным образом, чаще всего увеличением своего военного потенциала, что снижает безопасность первого государства⁷⁸³.

Концепция дилеммы безопасности вытекает из понимания международных отношений реалистами как анархичной системы, описанной Джоном Герцем как социальное объединение — созвездие (*social constellation*), где «группы живут рядом друг с другом, не будучи объединенными в более высокое единство». В сочетании с идеей политического реализма о борьбе за власть как центра международных процессов дилемма безопасности становится неизбежной для участников международных отношений⁷⁸⁴.

Важность китайско-японских отношений возрастает сегодня из-за смещения центра мировой политики в Азиатско-Тихоокеанский регион, где Китай и Япония, наряду с США, Индией, Южной Кореей и другими развивающимися экономическими державами, играют все более важную роль не только для региональной, но и глобальной безопасности. В условиях стремительного роста экономического и политического потенциала Китая китайско-японские отношения представляют из себя глубокое структурное стратегическое противоречие, корнем которого является структурное недоверие⁷⁸⁵. Корни негативных тенденций развития этих отношений не в территориальных претензиях или неспособности выработать общую интерпретацию исторических событий: для улучшения отношений должны быть разрешены более глубинные вопросы двусторонних отношений⁷⁸⁶.

Одной из концепций, объясняющих «основное противоречие» в китайско-японских отношениях, может послужить дилемма безопасности. Эта идея признается японскими политиками, которые выступают за пересмотр действующей японской конституции, чтобы позволить Японии наращивать свой военный потенциал, чтобы противостоять растущей угрозе, исходящей от Китая. Дилемма безопасности и соперничество между странами могут усилиться на фоне роста военных расходов и военного потенциала стран региона.

Дилемма безопасности оказывается эффективным инструментом для объяснения того, почему некоторые государства начинают «гонку безопасности», когда у них есть общие интересы в других областях (например, в области экономических отношений, торговли и инвестиций). Неопределенность в отношении истинных мотивов других участников международных отношений подрывает атмосферу доверия и приводит к появлению таких теорий, как «китайская угроза» или японский «ревизионизм», и такие теории могут оказать существенное влияние как на внутреннее, так и на международное сообщество в мире, где национализм имеет тенденцию к росту. Китайско-японские отношения можно охарактеризовать как хрупкий баланс между сотрудничеством и конфронтацией. Понятие дилеммы безопасности может быть использовано для объяснения двойственного характера этих отношений.

Окара А. Н. (Москва, Центр восточноевропейских исследований)

ИДЕОЛОГИЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ СОЛИДАРИЗМА: РЕШЕНИЕ СЛОЖНЫХ ЭТИЧЕСКИХ И ОНТОЛОГИЧЕСКИХ ВОПРОСОВ

Идеология и политическая философия солидаризма и неосолидаризма переживает в последние годы заметный ренессанс. Различные политические силы в России и странах СНГ, а также в странах Запада пытаются

⁷⁸² Robert Jervis, *Cooperation Under the Security Dilemma*, *World Politics*, Vol. 30, No. 2 (Jan., 1978), pp. 167–214.

⁷⁸³ Charles L. Glaser, *The Security Dilemma Revised*, *World Politics*, Vol. 50, No. 1, Fiftieth Anniversary Special Issue (Oct., 1997), pp. 171–201.

⁷⁸⁴ John H. Herz, *Idealist Internationalism and the Security Dilemma*, *World Politics*, Vol. 2, No. 2 (Jan. 1950), pp. 157–180.

⁷⁸⁵ Чжуаньцзя тань чжунжи гуаньси дэ личинъи: чжуи бахао чжуаньхуань дэ до // Эксперт рассуждает об интересах дружбы в китайско-японских отношениях: обращает внимание на руль, который может изменить отношения к лучшему, 2017.12.01, Sina News, <http://news.sina.com.cn/o/2017-12-01/doc-ifyphkhk9440977.shtml> (Дата обращения — 18.03.2019)

⁷⁸⁶ 2018 нянь чжунжи гуаньси хуэй дапо «шихао шихуай» чжоуцилюй ма? // Могут ли китайско-японские отношения разорвать цикл «хороших и плохих периодов» в 2018 году? Sina News, <https://news.sina.cn/global/szxx/doc-ifyqiwuw8708914.d.html?vt=4> (Дата обращения — 18.03.2019)

выстроить новую концептуальную альтернативу, которая преодолевала бы ограниченность распространенного набора идеологических ценностей и конструкций, сложившихся в разнообразных вариантах современных изводов «классических» идеологий либерального, либертарианского, социал-демократического, социалистического, консервативного направлений. Появление гибридных и «неполных» идеологий (феминизм, мультикультурализм, популизм, «зеленые») также не стало панацеей и не дало ответов на актуальные вызовы современности.

Солидаризм, концептуальная основа которого связана с социальным сотрудничеством, кооперацией, взаимопомощью, стремлением к компромиссу, доверием, субсидиарностью, балансом эгоизма и альтруизма, самоорганизацией, полиархией, феноменом профсоюзов, безусловным базовым доходом, многими стал рассматриваться если не как целостное учение, способное создать альтернативное видение будущего всего человечества, то, по крайней мере, как набор оригинальных философских, политических, политтехнологических, социально-экономических и культурософских идей, могущих быть востребованными в актуальном политическом процессе (партийном строительстве, составлении стратегических планов развития страны, повышении легитимности политиков и политических режимов, государственной пропаганде и т. д.).

Некоторые исследователи (автор настоящих строк) рассматривают солидаризм как достаточную основу для формирования и сознательного проектирования нового «миростроительного» проекта, способного прийти на смену Модерну и постмодерну и стать смысловым стержнем новой модели общественно-политической реальности.

Иные исследователи (В.И. Кошкин, С.И. Кретов) даже рассматривают солидаризм, базирующийся на «солидарной собственности», как новую социально-экономическую систему производства и распределения, шире — как новую возможную общественно-экономическую формацию.

Идеология и политическая философия солидаризма развивается с XIX века, однако развивается фрагментарно и неровно — в качестве идеологического мейнстрима солидаристские идеи в той или иной комбинации выступали всего лишь несколько раз в различных странах — во Франции рубежа веков (эпоха Третьей республики), в некоторых тоталитарных режимах, возникших перед Второй мировой войной, в социальном учении Римо-Католической церкви, которое в своей социальной части стало основой для социального учения РПЦ, отдельные идеи востребованы в современных Исландии, Швейцарии, Норвегии, Израиле, ОАЭ. (Отдельного внимания заслуживает тема солидаризма в интеллектуальной и политической истории России XIX–XXI веков.)

Тем не менее в настоящее время при разработке солидаризма как «полного» политического, политэкономического и социально-этического учения разработчики сталкиваются с довольно сложными онтологическими, этическими, социально-философскими вопросами и дилеммами, описание которых и составляет концептуальное ядро данного доклада. Ниже — перечень наиболее актуальных вопросов, которые возникают в ходе выстраивания политико-философской доктрины солидаризма.

1. Как соотносятся между собою тоталитарный (Муссолини, Салазар) и нетоталитарный варианты солидаризма?

2. Солидаризм предполагает социальную солидарность и стремление к компромиссу. Но что делать с «несолидарными»?

3. Каким в нынешних реалиях может быть соотношение конкуренции и солидарности? Проблема «альфа»- и «бета»-особей.

4. Какова онтология социальной солидарности в современных условиях? Где граница между механической и органической солидарностью?

5. Как, при помощи каких институтов и механизмов возможно уравновесить между собою эгоизм и альтруизм?

6. Солидаризм — это правая или левая идеология? Где место различных вариантов солидаризма на «карте идеологий»? Где границы между солидаризмом и либерализмом, либертарианством, социал-демократией, консерватизмом? Уместно ли говорить про целую «семью» солидаристских идеологий, включающую в себя, помимо солидаризма, анархизм, анархо-синдикализм, неокорпоративизм, христианскую демократию и др.?

7. Как соотносится сознательное самоограничение политического субъекта с теорией рационального выбора?

8. Как работает солидарность «за»? Насколько необходима солидарность «за»? (При этом мы неплохо знаем, как работает солидарность «против».)

9. Как с точки зрения солидаризма следует относиться к феномену «лишних людей», т. е. людей, не включенных в активную экономическую деятельность?

10. Капитализм — это естественный тип отношений в человеческом обществе либо наоборот — противоестественный?

11. Солидаризм — это лишь политическая идеология и философия либо этим именем может быть назван новый тип мировой экономической системы?

12. Какова должна быть роль государства в современной солидаристской доктрине? «Минимальное» государство («государство-сервис», «государство — ночной сторож») или «developmental state»?

Ольшанецка Н. (Торунь, Польша, Университет Николая Коперника в Торунь)

ПАТЕРНАЛИЗМ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В последние годы продолжались дискуссии не только об идее государства всеобщего благосостояния, но и о патерналистской политике правительства. В российском контексте патерналистское отношение властей представляется важной проблемой из-за плохого демографического состояния нации. Все больше и больше специалистов соглашается с тем, что если Россия не примет радикальных мер по снижению смертности, к 2050 году, население уменьшится на 30 миллионов. Основной причиной смерти в Российской Федерации являются болезни сердца, несчастные случаи, самоубийства и такие зависимости, как алкоголизм и наркомания. Некоторые из них могут быть предотвращены путем внесения глубоких системных изменений. Ключевое место в стратегии правительства может занимать, например, патерналистская политика, согласно которой власти могут вмешиваться в жизнь граждан, чтобы их защитить.

Цель статьи состоит в том, чтобы показать специфику российского патернализма. Основная задача автора — определить его характеристики, вытекающие из политической культуры Российской Федерации, которая с начала 90-х годов постоянно меняется.

Исследовательская проблема и главная гипотеза. Основная исследовательская проблема — найти ответ на вопрос: какую форму имеет российский патернализм? Основная гипотеза исследования заключается в том, что российский патернализм отличается от западной модели. Это вытекает из экономического уровня и политического развития, а также из укоренения традиции государственной заботы о гражданах. Причиной различия является также факт, что россияне часто ошибочно рассматривают действия властей на благо общества, вытекающие из законодательства, как проявления патернализма. Кроме того, утверждается, что патерналистские отношения в Российской Федерации являются одной из причин ограниченного развития общества, и поэтому государство должно снизить ожидания граждан и открыть для них возможности для саморазвития.

Литература: российский патернализм не является популярной темой исследований, проводимых польскими и англоговорящими экспертами. Западная литература дает широкую теоретическую основу относительно самого понятия «патернализм», его классификации и функции. Особого внимания заслуживают исследования А. Вила, Дж. Дворкина, Р. Талера и С. Санстейна. Тем не менее, в конкретных вопросах, касающихся российской политической культуры и патернализма, мы опирались почти исключительно на русскоязычные источники. Это были, прежде всего, статьи, появляющиеся в периодических изданиях «Политический класс», «Политические исследования» и «Власть». Из публикации в основном использована информация, содержащаяся в исследованиях Ю. А. Корчагина («Перспективы развития России. Человеческий капитал и инновационная экономика» и «Российская историческая политология», под редакцией С. А. Кислицына. В определении специфики российской политической культуры помогли исследования, проведенные Л. Г. Бызовым, Ю. В. Ирхиным и Н. А. Барановым. Статистические данные, представленные в докладе, поступают из Российского центра изучения общественного мнения. Неординарная точка зрения на предмет исследования высказана в статье российского исторического политолога и социолога С. Г. Кара-Мурзы.

Выводы. В современной Российской Федерации: 1) гражданское общество находится на стадии формирования, представители государства принимают активное участие в этом процессе; 2) правительство характеризуется сильным вертикализмом; 3) власть контролирует институты гражданского общества; 4) граждане находятся под давлением правил.

Патернализм глубоко укоренен в политической культуре России и рассматривается многими гражданами как государственная обязанность. Однако, чтобы укрепить свою экономику, правительство должно прежде всего предпринять действия для саморазвития граждан. Эффективное государство не предоставляет финансовую помощь ни одному гражданину на неопределенный срок. Это организм, который регулирует социальную жизнь и экономику, чтобы граждане имели возможность защитить себя (в самом широком смысле этого слова). На сегодняшний день действия российских властей в этой области можно считать неэффективными.

БУДУЩЕЕ РОССИЙСКО-УКРАИНСКИХ ОТНОШЕНИЙ В ДИСКУРСЕ СОВЕТНИКА ПРЕЗИДЕНТА УКРАИНЫ ПО ВОПРОСАМ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ И ОБОРОНЫ И. АПАРШИНА

В условиях отсутствия у В. Зеленского какого-либо опыта ведения государственной политики, особое значение в политической системе Украины начинает приобретать институт советников президента. Обладая экспертными знаниями в различных сферах, они могут (осознанно или нет) навязывать новому главе государства собственное мировоззрение, оказывать влияние на процесс выработки, принятия и реализации политических решений. Отсюда — пониманию будущего российско-украинских отношений может способствовать анализ дискурса советника по вопросам национальной безопасности и обороны, помощника руководителя Офиса президента Украины И. Апаршина.

Автор преследовал цель — выявить специфику образов России и будущего российско-украинских отношений, конструируемых И. Апаршиным. Для этого были проанализированы 5 коммуникативных актов с его участием за февраль-август 2019 г.: 4 интервью (6 видеозаписей) и выступление на круглом столе «Ключевые военные вызовы Украине и возможности реагирования государства» (1 видеозапись). Основные результаты исследования представлены по следующим тематическим блокам:

1. Мировоззрение

И. Апаршин придерживается реалистского подхода к внешней политике и безопасности, считая, что «любая армия должна готовиться к войне»⁷⁸⁷, а при анализе угроз государству всегда необходимо брать за основу «максимально возможные негативные последствия... худший сценарий»⁷⁸⁸. Кроме того, он вероятно набожен; ностальгирует по военному могуществу СССР, в частности, когда речь идёт о Группе советских войск в Германии (упоминается в 4 из 5 коммуникативных актов, при этом речь сопровождается контрастирующей с текстом улыбкой); не отделяет себя от Украины, когда говорит о возможном конфликте с РФ.

2. Образ России

Коммуникант вероятно разделяет Россию как страну и Российскую Федерацию как государство. РФ, по его мнению, — это источник постоянной угрозы для безопасности Украины⁷⁸⁹. Он обеспокоен и восхищен развитием военной мощи РФ за последние 5 лет. Особое впечатление на И. Апаршина произвело создание Национального центра управления обороной в 2014 г., на который В. Путин, по его словам, «замкнул 78 органов исполнительной власти». При этом для реформирования ВС РФ за основу, как он считает, была взята модель, созданная министерством обороны Украины в 2006 г.

3. Будущее российско-украинских отношений

И. Апаршин сравнивает угрозу т. н. «русской агрессии» с цунами, масштаб и время которого неизвестны. При этом он убеждает аудиторию, что «война с Российской Федерацией всё-таки будет»⁷⁹⁰, она уже якобы близко, РФ к ней готовится. Советник президента Украины считает прямые переговоры между В. Зеленским и В. Путиным в формате «один на один» «нежелательными», а переговоры с Донецкой и Луганской Народными Республиками недопустимыми⁷⁹¹. Силовой захват ДЛНР и Крыма отвергает из-за возможных высоких потерь с украинской стороны. Он убеждён, что Украина должна привлечь к переговорам — давлению — на РФ Великобританию и США. И. Апаршин считает, что она должна сделать всё, чтобы РФ поняла нецелесообразность и невыгодность гипотетического вторжения. Он сторонник идеи нанесения, в случае полномасштабной войны, превентивного удара по РФ⁷⁹². А если Украина будет не способна эффективно конвенционально обороняться, он периодически предлагает «нестандартные варианты» решения проблемы, отмечая, что в стране «есть некоторые объекты... не дай Бог, с ними что-то случится, это будет проблема не только для Украины, там проблема для всех»⁷⁹³.

⁷⁸⁷ Военный советник Владимира Зеленского о том, как вернуть Крым и Донбасс. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=-Wf2kBDICBU&list=WL&index=5&t=0s> (Дата обращения: 18.08.2019).

⁷⁸⁸ 07082019 (круглый стіл «Ключові воєнні виклики України та можливості реагування держави»). URL: https://www.youtube.com/watch?time_continue=2810&v=nZzEOT6z6yg (Дата обращения: 18.08.2019).

⁷⁸⁹ У полі азарту, випуск №32. Іван Апаршин. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=SDmi9WE8Zk8&list=WL&index=3&t=0s> (Дата обращения: 18.08.2019).

⁷⁹⁰ 07082019 (круглий стіл «Ключові воєнні виклики України та можливості реагування держави»). URL: https://www.youtube.com/watch?time_continue=2810&v=nZzEOT6z6yg (Дата обращения: 18.08.2019).

⁷⁹¹ Апаршин — про Зеленого головнокомандувача, відрубані руки та шапкозакидництво на війні | DROZDOV. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=CBgQSHO9mTM&list=WL&index=2> (Дата обращения: 18.08.2019).

⁷⁹² Наступление России на Азовское побережье: как не пропустить момент. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=J6WijmqCcYI&list=WL&index=6&t=14s> (Дата обращения: 18.08.2019).

⁷⁹³ Апаршин — про Зеленого головнокомандувача, відрубані руки та шапкозакидництво на війні | DROZDOV. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=J6WijmqCcYI&list=WL&index=6&t=14s>

Пока что сложно предположить, какое именно влияние оказывает советник по вопросам национальной безопасности и обороны на президента Украины. Вместе с тем два ключевых тезиса его дискурса (о переговорах с РФ при участии Великобритании и США и о принципиальном отказе от переговоров с ДЛНР) на данный момент уже реализуются В. Зеленским.

Орлова И. В. (Москва, РАНХиГС при Президенте РФ)

ОСНОВНЫЕ МЕХАНИЗМЫ ЦИФРОВОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ГОСУДАРСТВА И ОБЩЕСТВА: ИХ ВОСТРЕБОВАННОСТЬ И ЭФФЕКТИВНОСТЬ

В условиях постоянных преобразований современного российского общества и государства в последние годы вырабатывается и совершенствуется механизм цифрового взаимодействия государства и институтов гражданского общества. Смысл данного механизма раскрывается понятием «социальное партнерство», налаживание конструктивного диалога между государственными структурами, коммерческими предприятиями, некоммерческими организациями, гражданами⁷⁹⁴.

Массовое и стихийное развитие информационных технологий привело и к последовательной государственной политике в сфере организации взаимодействия с гражданским обществом непосредственно через информационные ресурсы.

Постоянно повышающаяся гражданская активность обуславливает развитие механизмов цифрового взаимодействия с обществом, позволяющим решать в режиме реального времени самые различные вопросы. Для оценки общественного мнения и должной реакции со стороны государства необходима электронная (цифровая) система персонального доступа к принимаемым управленческим и иным решениям.

Основными принципами цифрового взаимодействия государства и общества следует считать: ориентацию на потребности граждан, социальную и экономическую эффективность, всеохватность, безопасность и доверие, гибкость и адаптивность приоритетность электронных данных, непрерывность функционирования.

Цифровое взаимодействие между государством и обществом должно ответить на вызовы, связанные с ускорением изменений социально-экономической среды, расширением возможностей информационно-коммуникационных технологий, растущими потребностями граждан, необходимостью сокращения издержек и вовлечения заинтересованных сторон (граждан, бизнес, НКО) в процессы государственного и муниципального управления.

Развитие цифрового взаимодействия государства и общества должно снизить уровень коррупции, повысить доверие со стороны граждан к политическим и государственным институтам, укрепить основы государственного устройства и политической системы. Таким образом, цифровое взаимодействие государства и общества является наиболее значимым направлением развития демократического государства, и перехода к информационному обществу.

Одной из ключевых и востребованных ресурсов механизма взаимодействия в России стал институт электронного правительства, который обеспечивает качественно новый уровень взаимодействия при реализации функций (оказании услуг). Пользователями электронного правительства являются физические лица, коммерческие и некоммерческие организации, общественные объединения, органы законодательной, исполнительной и судебной ветвей власти федерального и регионального уровней, органы местного самоуправления. Основными ценностями электронного правительства для граждан являются: комфортная информационная среда жизнедеятельности граждан и организаций; полноценное удовлетворение индивидуальных потребностей каждого пользователя; взаимодействие в режиме реального времени и без территориальных границ⁷⁹⁵. По данным Росстата в 2018 году 70%, обратившихся за получением государственных и муниципальных услуг, воспользовались механизмом получения услуг в электронной форме, что намного больше, чем в предыдущем году⁷⁹⁶. По результатам мониторинга Минэкономразвития России уровень удовлетворенности граждан качеством предоставления услуг растет и достиг к 2019 году 83,4%.

com/watch?v=CBgQSHO9mTM&list=WL&index=2 (Дата обращения: 18.08.2019).

⁷⁹⁴ Орлова И. В. Рогачев С. В. Формирование механизмов саморегуляции и становление системы народовластия в современной России // Социально-политические науки 2019 № 2 10–15

⁷⁹⁵ Указ Президента Российской Федерации № 601 от 12.05.2012 г.; Государственная программа Российской Федерации «Информационное общество (2011–2020 годы)»

⁷⁹⁶ Мониторинг развития информационного общества в Российской Федерации (по состоянию на 03.10.2018) https://www.gks.ru/free_doc/new_site/figure/anketa1-4.html (дата обращения 15.09.2019)

Кроме института электронного правительства, государство для взаимодействия с обществом широко применяет глобальную информационную сеть Интернет, сеть RSNET (Russian State Network), информационные порталы и сайты, информационно-правовые базы («Гарант», «Консультант-Плюс», «Федеральный регистр» и др.). Активное применение гражданами сети Интернет дает огромную возможность для исследований потребностей общества. Сегодня органы государственной власти рассматривают создание порталов и сайтов в сети Интернет приоритетным и главным направлением развития страны.

Востребованность цифрового взаимодействия государства и общества обусловлена необходимостью отвечать на вызовы, связанные с ускорением изменений социально-экономической среды, расширением возможностей информационно-коммуникационных технологий, растущими потребностями граждан, необходимостью сокращения издержек и вовлечения заинтересованных сторон в процессы государственного и муниципального управления.

Осинов В. А. (Москва, РУДН)

ГЕТЕРОГЕННЫЕ ФАКТОРЫ ТРАНСФОРМАЦИЙ ПУБЛИЧНОЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ: ПРОБЛЕМА ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРИНЯТИЯ И ИМПЛЕМЕНТАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ

Одной из наиболее значимых тенденций современной политики является нарастающая необходимость в качественном изменении систем управления, принятия решений и их имплементации в условиях взаимодействия власти и гражданского общества. Основным драйвером этих изменений является развитие и распространение информационно — коммуникационных технологий, диверсифицирующих общественные отношения, повышающих роль неформальных связей, информационного обмена, а также публичной сферы, которой, на наш взгляд, отведена ведущая роль в изменении облика политики (рождение новых смыслов, путей идентификации, вовлечение в политику, открытость и т. д.).

Крайнее сближение государственных и негосударственных структур и институтов, руководствующихся зачастую разными целями, принципами и установками, формирует для исследователей особое предметное поле, в которое включаются проблемы сосуществования разнонаправленных принципов управления и принятия политических решений, определения точек их соприкосновения и взаимопроникновения, конкуренции, изменения их соотношения в публичном пространстве и влияние этого на стабильность. Всё это придаёт рассматриваемой сфере социально-политических отношений всё более гетерогенный характер, что в свою очередь приводит к развитию концепций, учитывающих данную особенность, таких как концепция политических сетей⁷⁹⁷, гетерархии⁷⁹⁸, теория сложности⁷⁹⁹ и др.

Использование подобных нередукционистских подходов, на наш взгляд, сегодня наиболее актуально в рамках исследования сложных систем управления с неоднородным внутренним устройством. Применительно к анализу публичной политики они позволяют охарактеризовать особое проблемное поле, которое характеризуется смещением фокуса внимания на точки соприкосновения сетевых и иерархических структур (система общественных советов, реализация гражданских инициатив, краудсорсинг в городском управлении, открытое правительство и др.), отношения новых и традиционных политических акторов и др.

Особое внимание мы бы хотели уделить понятию «гетерархия», концептуализация которого позволяет с учётом ряда принципов, таких как принцип несводимости⁸⁰⁰, экстерности отношений⁸⁰¹, запрет закона транзитивности⁸⁰² и др. вводить дополнительные критерии оценки в анализе современных социально-политических явлений, структурных трансформаций, определять не только их адаптивный потенциал, степень гетерогенности, эффективность и структурно-функциональные изменения, но и выявлять случаи симуляции связей

⁷⁹⁷ Мирошниченко И. В. Формирование сетевой публичной политики в современных политических системах // Поиск. Альтернативы. Выбор. — 2016. — Вып. 2. — С. 222–227.

⁷⁹⁸ Осинов В. А. Гетерархия в системе взаимодействия государства и общества на примере социальной политики в г. Москве: введение понятия и методологические аспекты его применения // Вестник Российского университета дружбы народов. — Серия: Политология. № 1 — М., 2016; Осинов В. А. Понятие «гетерархия»: концептуализация, предметное поле и эвристические возможности в анализе публичной политики: диссертация. ... кандидата политических наук: 23.00.01. Москва, 2018

⁷⁹⁹ Бондаренко Д. М. Сложности со сложностью // Общественные науки и современность. — Москва: «Издательство «Наука», 2007. — С. 141–149.

⁸⁰⁰ Несводимость сложного к простому или свойств целого к сумме свойств частей.

⁸⁰¹ См.: Красавин И. Гетерархия множества // Логос. — Т. 27. — № 3. — С. 173–198

⁸⁰² См.: McCulloch W. A Hierarchy of Values Determined by the Topology of Nervous Nets // Bulletin of Mathematical Biophysics. — 1945. — № 7. — P. — 89–93

и отношений. Это способствует расширению методологических возможностей политической науки, прогнозированию будущих рисков⁸⁰³, выявлению латентных конфликтогенных факторов.

По нашему мнению, сфокусировав внимание на степени гетерогенности современной публичной политики в нашей стране, становится возможным не только более глубокое понимание процесса её (политики) трансформации, но и поставка ряда новых вопросов. Например, почему в одном случае система общественных советов хорошо выполняет свою функцию а в другом даёт сбой, как реализовать сетевые принципы в отношениях, в которых ряд участников в своей деятельности руководствуются совершенно иными принципами, какие альтернативы у современной политической иерархии и другие.

Осиновская Е. А., Бурдовская Е. Ю. (Москва, РУДН)

СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ В ПУБЛИЧНОЙ ПОЛИТИКЕ: ОБРАЗ КСЕНИИ СОБЧАК КАК КАНДИДАТА В ПРЕЗИДЕНТЫ РОССИИ 2018

Стремительное развитие социальных сетей способствует формированию у человека новых социокоммуникативных паттернов. Лайки, репосты, геотеги и хэштеги стали привычными элементами цифровой социальной интеракции. Однако процессу медиатизации подвержены не только общественные процессы, но и политические. Социальные сети уже интегрированы в публичное политическое пространство и активно используются её участниками для мобилизации электората, дискредитации позиции соперника, а также для расширения медийной площадки в рамках политической кампании и привлечения внимания СМИ.⁸⁰⁴ Социальные медиа стали драйвером перемен, политических трансформаций, они создали эффект реалити-шоу. Именно Барака Обаму назвали «президентом социальных медиа», который первым опубликовал твит с аккаунта @POTUS (President of the United States), вёл прямой эфир на Facebook и использовал фильтры Snapchat. Его последователь Дональд Трамп выиграл выборы во многом благодаря Twitter, который даёт возможность обратиться к избирателям лично. В отличие от других социальных сетей, микроблог более прямолинейный, в нём отсутствует «умная лента», алгоритм которой выборочно показывает пользователю посты. Текст, который пишет политик, обязательно появится в Twitter.

Анализируя работы исследователей в этой сфере, следует отметить, что многие из них сосредоточены на аккаунтах, принадлежащих самим политикам, однако, не меньший интерес представляют и участники онлайн-сообщества, которые отдают свои голоса за кандидатов.

В 2018 году в предвыборной гонке на пост президента России приняла участие Ксения Собчак, первая женщина-кандидат с 2004 года. До этого момента она была известна как журналист, телеведущая скандально известного реалити-шоу. Поэтому её выдвижение вызвало большой интерес у интернет-аудитории. Итак, перед исследователями стояли следующие вопросы: 1) Какие преобладают темы при обсуждении К. Собчак как кандидата в президенты? 2) Влияет ли медийное прошлое К. Собчак на образ кандидата в президенты? 3) Существует ли гендерная составляющая в этой дискуссии? 4) Кого можно назвать инфлюенсерами в этой беседе? В качестве гипотезы исследования было выдвинуто предположение о том, что медийный бэкграунд Собчак, связанный с шоу-бизнесом, повлиял на то, как её воспринимают пользователи. А также, что её обсуждение как кандидата будет связано с гендерной составляющей.

В качестве методологии исследования была выбрана система мониторинга, анализа и реагирования в соц-медиа «Медialogия». Сбор данных производился на платформах «ВКонтакте» и Instagram, не включая сообщества, принадлежащие К. Собчак и её штабу. Выбор данных платформ был обусловлен их популярностью в России. Согласно последнему исследованию MediaScore, аудитория «ВКонтакте» составляет 37,9 млн человек, Instagram — 30,6 млн, «Одноклассников» — 23,1 млн, а Facebook — 21,6 млн.⁸⁰⁵ Временные рамки исследования составили две недели (с 26 февраля по 12 марта 2018 года). Это связано тем, что система не позволяет выгружать сразу огромное количество данных. Общее количество постов составило 52 тыс. В ходе контент-анализа были выделены информационные поводы, ключевые инфлюенсеры, спикеры, которые упоминались в связи с К. Собчак.

⁸⁰³ Соловьев А. И., Бордовских А. Н. Политические сети как новый источник политического риска // Государственное управление. — М.: Факультет государственного управления МГУ им. М. В. Ломоносова, 2015. — С. 185–212

⁸⁰⁴ Filimonov K., Russmann U., Svensson J. (2016) Picturing the Party: Instagram and Party Campaigning in the 2014 Swedish Elections. *Social Media+Society* 1 (11). DOI: 10.1177/2056305116662179

⁸⁰⁵ Брызгалова Е. Snapchat впервые вошел в топ-5 социальных сетей в России / Ведомости // URL: <https://www.vedomosti.ru/technology/articles/2019/08/26/809706-snapchat-vpervie> (дата обращения: 26.08.2019)

Итак, в контексте сообщений о К. Собчак чаще всего упоминались такие медийные личности, как Владимир Жириновский (38 743 сообщений), Владимир Путин (36 167 сообщений), Павел Грудинин (16 312 сообщений) и Григорий Явлинский (8 752 сообщений). В качестве ключевых инфоповодов были обозначены следующие темы: 1) скандалы, возникшие в связи с действиями и высказываниями К. Собчак в ходе предвыборной кампании; 2) медийный опыт, связанный с её провокационным поведением и работой в различных телевизионных проектах. Гипотезы, выдвинутые в начале исследования, подтвердились частично. Предположение о том, что бэкграунд К. Собчак повлияет на восприятие её как кандидата, подтвердилось. А гендерная составляющая дискуссии в проанализированном массиве текстов оказалась минимальной.

Отюцкий Г.П. (Москва, РГСУ)

КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ПОКОЛЕНИЙ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

Осмысление диалектики культуры, права и свободы остро обнажает специфику культурологического смысла свободы, в том числе свободы политической. В свое время чл.-корр. РАН С.С. Алексеев справедливо утверждал, что «определенные неотъемлемые права и свободы человека» стали «символом и адекватным юридическим аналогом индивидуальной свободы человека, его твердой защищенности от произвола власти»⁸⁰⁶. При этом он с иронией характеризовал закрепленные в советской Конституции 1936 г. «великие социально-экономические права трудящихся»: «право на труд», «право на отдых», «право на образование», «право на социальное обеспечение» и т.д. С его точки зрения, перечисленные права — это «идеолого-политические категории, которые в лучшем случае представляют собой идеалы, намерения, лозунги-задачи»⁸⁰⁷, которые к началу 1950-х гг. внезапным образом превратились во «второе поколение неотъемлемых прав человека». Наличие «поколений прав человека» С.С. Алексеев оспаривал на том основании, что неотъемлемые права человека призваны защищать человека от произвола власти, а права «второго» и «третьего» поколений «ставят человека не только в зависимость от уровня развития общества, его богатства, но и в зависимость от власти, от ее состояния и усмотрения чиновников»⁸⁰⁸.

Но существует ли право, которое не ставит человека в зависимость от «уровня развития общества», от его богатства? Доводы С.С. Алексеева кажутся убедительными, но базируются они на чрезмерной юридизации прав человека, на рассмотрении специфики их реализации только под юридическим углом зрения. Такой угол зрения и позволил С.С. Алексееву отделить права человека, которые ставят в его «в зависимость от власти», от таких прав, которые, видимо, от власти не зависят. Однако, как отмечают многие исследователи, уровень свободы и прав человека не может быть выше уровня культуры конкретного общества⁸⁰⁹. Так, нельзя вести речь об избирательном праве, если нет культуры выборов.

Тот же С.С. Алексеев подчеркивал, что в идее естественного права «находит выражение жесткая (и с этой точки зрения вполне природная, естественная) зависимость права от внешних факторов», а с этими факторами «связана сама суть человеческого бытия — свобода людей»⁸¹⁰. Однако следует учитывать, что естественное право, лежащее в основе неотъемлемых прав человека, связано с развитием «естественных условий» жизни человека, в число которых входит вся развивающаяся социальная среда, в том числе политическая. Так, реализация неотъемлемого права на жизнь существенным образом определяется социальной политикой, развитием здравоохранения, государственной и общественной заботой о материнстве и детстве и др.

Нельзя абсолютизировать права индивида, поскольку свобода конкретного человека зависит от совместной работы гражданского общества и государства по реальному обеспечению прав и свобод. Слабое государство сделать это не в состоянии. Подлинная сущность человека социальна, поскольку порождена конкретным уровнем культуры. Следовательно, истоки самой проблемы «поколений прав человека» коренятся в глубинной природе человеческой культуры, которую можно рассматривать в качестве исторически развиваемого ресурса свободы.

Развитие культуры умножает ресурсы свободы, а это позволяет реализовать всевозрастающий объем прав человека. При этом речь может идти о таких правах, идея которых на предыдущем уровне развития культуры

⁸⁰⁶ Алексеев С.С. Восхождение к праву. Поиски и решения. М.: Норма, 2001. С. 643–644.

⁸⁰⁷ Там же. С. 648.

⁸⁰⁸ Там же. С. 650–651.

⁸⁰⁹ См.: Безуглова Н.П. Человек и культура: свобода или зависимость? Культура и образование. 2014. № 1 (12). С. 48–51; Каримов А.В. Свобода как фундамент культуры // Вестник Тамбовского гос. ун-та, 2011. Вып. 12. С. 299–307; Литкевич Ю.В. Философские основания свободы в контексте дихотомии «культура — антикультура» // Культура и антикультура: теория и практика. — Тюмень, 2015. С. 50–53 и др.

⁸¹⁰ Алексеев С.С. Восхождение к праву. Поиски и решения. М.: Норма, 2001. С. 419.

даже не возникала⁸¹¹. Поэтому поколения прав человека — это не только и не столько «идеолого-политические категории», сколько объективный результат формирования новых ресурсов свободы. Так, развитие европейской культуры к середине XX столетия позволило ставить вопрос о втором и последующем поколениях прав человека и закрепить их понимание в международно-правовых документах, во Всеобщей декларации прав человека 1948 г.

Правомерность постановки вопроса о поколениях прав человека вытекает из той объективной ситуации, что новое поколение прав человека формируется лишь тогда, когда формируется новый уровень ресурсов свободы, соответствующий новому уровню развития культуры, в том числе культуры политической.

Ошевнева Е. С. (Москва, РАНХиГС при Президенте РФ)

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ ОЛИГАРХИЧЕСКИХ ТЕНДЕНЦИЙ ПО Р. МИХЕЛЬСУ: АКТУАЛЬНОСТЬ В XXI ВЕКЕ

Тенденции современного мира могли подвергнуть изменениям психологические факторы олигархических тенденций, выделенные Р. Михельсом. Мы проследим проявление этих психологических факторов в современном мире и их связь с качеством демократии на примере наиболее и наименее успешно реализуемых представительных демократий — России и Швеции.

Рассмотрим 4 наиболее изменчивых фактора.

1. У современных людей больше возможностей развивать свою политическую и правовую культуру, чем у людей XX века. Политическая инертность, некомпетентность и т. п. говорят об определенном типе политической культуры общества (например, по Г. Алмонду и С. Вербе). По результатам исследования «Democracy Index 2018: Me too? Political participation, protest and democracy», в большинстве регионов мира политическая культура остается подданнической. Обозначенная Р. Михельсом политическая инертность общества в современном мире сохраняется. Политическая культура Швеции в 2018 г. имела индекс 10 из 10, а России — 2,50. Кроме того, шведы активнее следят за работой политических партий, это их расчетливый интерес.⁸¹² Их явка на выборы не была ниже 80% процентов с 1950-х годов. Это подтверждает тезис Р. Михельса о прямой зависимости качества демократии от уровня политического участия и компетентности масс.

2. При сегодняшнем развитии рационализма и критического мышления людей возникает вопрос об актуальности феномена культа личности. Если рассмотреть его актуальность на примере избирательных кампаний и решений вопросов о власти, то можно увидеть, что население Швеции, как правило, голосует, ориентируясь на риторику партии, независимо от личности её лидера. В 2018 г. благодаря риторике по острой для шведского общества проблеме миграции «Шведские демократы» стали набирать сторонников (5%), а две другие лидирующие партии, не использовавшие миграционную повестку, потеряли около 6% сторонников. Кроме того, всё больше шведов (около 50%), аргументируют отказ от формальной монархии тем, что это материально невыгодно, несмотря на доверие и симпатии к королевской семье⁸¹³. В России использование наиболее почитаемой личности (В.В. Путина) в агитации за партию и кандидата в президенты стало одним из факторов победы Д.А. Медведева в 2008 г. и «Единой России» в 2016, как и в предыдущие годы. Риторика данной партии и кандидата кардинально не отличалась от риторики их соперников. Итак, население Швеции более рационально воспринимает своих лидеров, чем население России. Прослеживается обратная связь между уровнем демократии и силой почитания политических лидеров.

3. Согласно Р. Михельсу, индивидуально-психологические причины несменяемости власти заключаются в привыкании лидеров к своему социальному статусу и управленческому роду деятельности. Рассмотрим условия развития привязанности к власти у современных депутатов государственного парламента и их связь с качеством демократии. Доход шведского депутата превосходит средний доход по стране в 1,2 раза, в России — в 7,95 раза. При этом в Швеции сочетать депутатскую деятельность с другой трудовой деятельностью хоть и разрешено, но невозможно из-за сложности совмещения графиков и невыгодно из-за штрафов. Кроме этого, деятельность шведских депутатов контролируется партией. Они практически не имеют права на «самодеятельность», значит, и на продвижение личных интересов, связанных со своим основным родом деятель-

⁸¹¹ Подробнее см.: Оттоцкий Г.П. Свобода и права человека в культурологическом измерении // Социальная политика и социология. 2017. Т. 16. №4. С. 183–191.

⁸¹² Policy-Making and Political Culture in Sweden URL: https://tidsskrift.dk/scandinavian_political_studies/article/view/32054/29557 (дата обращения 10.08.2019).

⁸¹³ Rekordlåg stöd för kungahuset. URL: <https://sverigesradio.se/sida/artikel.aspx?programid=87&artikel=5635362> (дата обращения 10.08.2019).

ности.⁸¹⁴ В России размер пенсии депутата при 10-летнем стаже на 20 тыс. руб. превосходит размер средней зарплаты по стране. Таким образом, депутаты в России имеют больше стимулов к закреплению на местах, чем депутаты в Швеции, что имеет обратную связь с уровнем демократии в этих странах.

4. Согласно Р. Михельсу, многие люди верят своим институтам демократии, это снижает протестность их настроений при несправедливой, авторитарной власти. Однако в современном мире доверие сменилось на массовое недоверие институтам демократии (данные The Economist Intelligence Unit и др.). Но закономерность, отмеченная Р. Михельсом, сохраняется: в 2018 г. повышение уровня политического участия в мире происходило на фоне снижения уровня доверия к демократии.

Итак, психологическое объяснение олигархических тенденций в современном мире остается актуальным. Безусловно, необходимо сравнить больше стран и больше критериев, чтобы анализ был более репрезентативным, но в исследовании удалось детально рассмотреть факторы деградации демократического режима.

Павлова Т. В. (Москва, ФНИЦС РАН)

ДЕЛИБЕРАТИВНАЯ МОДЕЛЬ ПОЛИТИКИ И ФОРМИРОВАНИЕ ПОЛЯ ПОЛИТИКИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ОПЫТ ЭМПИРИЧЕСКОЙ ВЕРИФИКАЦИИ⁸¹⁵

Данные общероссийского репрезентативного обследования, проведенного Отделом сравнительных политических исследований ФНИЦС РАН в 2018 году, позволили верифицировать гипотезу относительно формирования (или отсутствия) в современной России предпосылок для реализации основных принципов делиберативной модели политики (а, следовательно, и конституирования поля политики): публичности, инклюзивности, реципрокности, диалогичности, высокого уровня рационализации, формального и фактического равенства всех участников демократического процесса.

В целях выявления предпосылок формирования поля современной политики в России мы выделили две подвыборки респондентов:

1) те, кто по нашим критериям находятся в поле политики (признают, что в политике есть правила игры) и склонны к делиберации (т. е. способны менять свою точку зрения в ходе дискуссий о политике под влиянием аргументации оппонента). По данным обследования 2018, это всего около 6% от общего числа респондентов;

2) те (их 30%), кто входят в зону власти (считают, что правил в политике нет или они их не знают) и неспособны к делиберации (не меняют свою точку зрения в ходе дискуссий).

Анализ выявляет существенные отличия первой группы от второй по многим ценностно-нормативным характеристикам: межличностному доверию (соответственно 57% и 36%); установке на объединение (52% и 34%), установке на самоорганизацию (76% и 46%); ориентации на ответственность граждан при принятии политических решений (50% и 34%); ориентации на инклюзивность политики («политика — дело всех» — 45%, «политика — дело немногих» — 19%); самоидентификации как активистов (33% и 6%).

Для входящих в выделенные группы характерно также различное понимание смысла и целей политики. Если у «делиберативистов» на первом плане — принятие важных для общества решений и определение задач для общества, а также разрешение конфликтов, то второй группе, не склонной к делиберации, присуще, прежде всего, понимание политики как зоны действия власти и преследования личных целей.

Таким образом, делиберативный подход позволяет констатировать наличие в российском обществе индивидов (численно составляющих меньшинство), ценности, ориентации, представления и поведение которых делают их потенциальными субъектами политического поля, акторами современной политики. Однако подавляющее большинство наших сограждан остаются в зоне власти, воспроизводя традиционные для российской политической культуры модели поведения.

В целом анализ данных обследования позволяет прийти к выводу о том, что в российском обществе пока отсутствуют серьезные предпосылки для появления политики нового, современного типа, характерной для эпохи модерна, каковой является делиберативная модель политики. В этой связи можно, на наш взгляд, согласиться с оценкой России В. Иноземцевым как «несовременной страны».

Следует, однако, отметить, что, несмотря на общий вывод об отсутствии почвы для современной модели политики в России, некоторые предпосылки для ее формирования (прежде всего на низовом уровне) с точки зрения представлений российских граждан все-таки просматриваются в данных нашего обследования. Так,

⁸¹⁴ Могунова М. А. Государственное право в Швеции. М.: Норма. 2009. С. 254.

⁸¹⁵ Подготовлено в рамках проекта «Конституирование поля политики в России: институциональный анализ» (грант РФФИ № 17-03-00446).

например, большая часть респондентов (около 60%) считают, что решения, касающиеся проблем повседневной жизни граждан, должны приниматься «местными органами власти, после обсуждения с гражданами». Более половины опрошенных считают, что для влияния граждан на принятие решений власть должна быть открыта для диалога, а около 40% — что сами граждане должны обладать определенными компетенциями. Наконец, почти половина респондентов (45%) полагают, что «граждане России способны сами организовать для решения важных для них задач». И это внушает определенные надежды с точки зрения потенциальных предпосылок появления в России современной политики.

Павлютенкова М. Ю. (Москва, РАНХиГС при Президенте РФ)

СВЯЗИ С ОБЩЕСТВЕННОСТЬЮ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

Мир охвачен процессом цифровой трансформации и сетевые социальные медиа, во многих отношениях, теперь являются его языком. Социальные сети предоставляют огромную возможность получать отзывы граждан по различным вопросам в масштабе государства.

В настоящее время для эффективной деятельности в социальных сетях характерно повышение осведомленности и внимания к работе, выполняемой государственной структурой; донесение важных сообщений; сбор ценных отзывов и мнений; сплочение сообщества. Однако проблема состоит в том, что государственные организации во всем мире все еще живут в прошлом, аналоговом мире и создают продукт, основанный на традиционных тактиках.

При построении государственными структурами современных технологичных эффективных коммуникаций одним из главных шагов является выбор правильных каналов социальных взаимодействий. При выборе коммуникационных каналов необходимо решить следующие задачи⁸¹⁶: 1. Определить, какие каналы ориентированы на желаемую аудиторию (Instagram или Twitter, Facebook или Одноклассники, Telegramm или ВКонтакте и т. п.); 2. Правильно составить послание для резонанса с целевой аудиторией (нужным людям в нужное время); 3. Пересмотреть стратегии государственных медиа, определить потребности госструктур для создания по-настоящему открытых для граждан, прозрачных, подотчетных, принимающих профессиональные решения, основанные на цифровых данных, ресурсов; 4. Выявить каналы, имеющие наибольшую ценность.

Последняя задача поднимает очень важный вопрос понимания различий между каждым каналом и метриками, которые его характеризуют. Цифровые каналы и платформы социальных сетей не всегда являются соизмеримыми величинами. Немаловажным вопросом является и качество исполнения. Контент, размещаемый в соцсетях государственными структурами, нуждается в улучшении, ему явно не хватает креатива, к которому привыкла публика, учитывая уровень современных популярных СМИ. От телевидения до цифровых компьютерных технологий мозг современного человека насыщен яркими, смелыми образами, емкими сообщениями и красивыми звуками.

Положительный пример креативной работы государственных структур в социальных медиа дает официальный сайт мэра Москвы С. С. Собянина (mos.ru), который в сочетании с его приложениями, например, такими, как «Активный гражданин» (ag.mos.ru), позволяет москвичам выражать мнение по важнейшим вопросам политики и жизнедеятельности города, участвовать в принятии решений и оценить их результаты, и все это выполнено на высоком профессиональном и современном технологическом уровне. Опыт портала Москвы получил достойное признание: в 2018 г. он занял 1 место в мировом рейтинге ООН официальных сайтов мегаполисов⁸¹⁷.

Для большинства государственных организаций также необходимо принципиальное обновление бренда, а использование эффективных хэштегов — один из лучших способов сделать так, чтобы общение в социальных сетях с возникающими обсуждениями происходило вокруг причины.

Должны быть также обновлены устаревшие практики в области конфиденциальности. Переломным моментом для управления и способности эффективно оценивать кампании и собирать полезные сведения может стать внедрение «пикселей отслеживания», которые являются частями цифрового кода, размещенного на веб-сайтах для анализа поведения пользователя, фиксирующих это поведение на макроуровне и не затрагивающие персональный уровень. Это измерение позволяет понять, нужны ли люди приходят на сайт, из каких социальных каналов, где посетители проводят больше всего времени на сайте, какая информация для них наиболее

⁸¹⁶ Stubbs J., A Shadow Force for Social Media Modernization, Ontario Digital, Medium, April 11, 2014. URL: <https://medium.com/ontariodigital/a-shadow-force-for-social-media-modernization-274e4190b525> (Дата обращения 5.09.2019).

⁸¹⁷ United Nations E-Government Survey 2018. Table 7.3 Ranking of cities. URL: https://publicadministration.un.org/egovkb/Portals/egovkb/Documents/un/2018-Survey/E-Government%20Survey%202018_FINAL%20for%20web.pdf (Дата обращения 30.08.019).

важна, где теряется аудитория, как часто пользователи взаимодействуют с контентом, какие новые возможности существуют для улучшения продуктов и сервисов⁸¹⁸.

Таким образом, пересмотр политики связей с общественностью для адаптации к современной цифровой практике является первостепенной задачей для государственных структур. По мере того как в государстве развивается процесс цифровой трансформации, социальные медиа становятся ключевой частью эффективной коммуникации, вовлечения граждан и общественных консультаций. Кроме того, нынешние государственные лидеры должны лично присутствовать в сети.

Времена, когда государственные структуры могли просто распространять контент в массы через веб-сайты, прошли. Цифровизация предложила новые инструменты для настоящего демократического диалога.

Палагичева А. В. (Ярославль, ЯрГУ им. П. Г. Демидова)

ФАКТОРЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ДЕМОБИЛИЗАЦИИ ГРАЖДАН В ПРОТЕСТЕ⁸¹⁹

Любое современное общество с периодичностью переживает состояние дестабилизации или её угрозы. Для минимизации издержек этого этапа важны уровень институционализации общества и его адаптивная способность к такого рода опасностям.

Большое число исследователей используют сочетание «политическая нестабильность», связывая его с вероятностью краха политических институтов, смены правительства или режима, резкого роста активности оппозиции⁸²⁰. Социальная мобилизация становится сигналом, демонстрирующим желание общественного переустройства. Действия и решения государства в ответ на него являются показателем адаптивной способности политической системы и институтов, их современности и качества, готовности к обновлению при необходимости. Механизмы демобилизации предоставляют государству инструменты реагирования и взаимодействия с гражданами. С их помощью возможно управление ростом социального протеста для сохранения обществ.

Важным компонентом демобилизации как процесса являются те факторы, которые определяют его характер или отдельные его черты. Фактор — это причина, движущая сила и существенное обстоятельство какого-либо процесса⁸²¹. Его влияние проявляется ситуативно; разные общества могут по-разному реагировать на одни факторы из-за исторических, культурных особенностей, момента времени и т. д. Однако выявить основные виды факторов демобилизации все-таки представляется возможным.

Первым критерием выделения является влияние на объект, на который действует фактор. Это государственные структуры, организации, индивиды как субъекты политического действия. Они выступают в качестве силы, приводящей в действие процесс демобилизации, оказывающей на неё непосредственное влияние.

Второй критерий — источник воздействия находится снаружи относительно объекта демобилизации. Эти факторы влияют на демобилизацию косвенно. Они представляют собой те обстоятельства, общественные нормы и правила, привычки и представления, которые становятся направляющими в процессе всех этапов демобилизации.

Третий критерий — источник воздействия находится внутри объекта демобилизации. Среди таких факторов — мотивы и особенности внутренней организации и устройства государственных структур, протестных групп, отдельных граждан. Важным основанием для выделения «внутренних» факторов является представление, что в основе решений и действий государства, протестных групп, участников протеста лежит воля индивидов.

Четвертым возможным критерием является наличие субъекта демобилизации и прогнозируемость дальнейших событий. Так, можно выделить умышленные и случайные факторы демобилизации.

Пятый критерий проявляется в причинно-следственной связи между факторами и началом, окончанием и самим ходом демобилизации. Таким образом, выделяется классификация факторов, основанная на этапах развития процесса демобилизации.

⁸¹⁸ Urbanski J. Government Social Media. Government Digital: The Quest to Regain Public Trust. Canada: Dundurn Press, 2018. P. 125, 218.

⁸¹⁹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научно-исследовательского проекта № 17-03-00132-ОГН «Коллективные действия граждан по защите и реализации законных прав и интересов в современной России».

⁸²⁰ Слинко Е. В. и др. Измерение внутриполитических дестабилизационных процессов: типы нестабильности и их связь с социально-политическими и экономическими факторами // Системный мониторинг глобальных и региональных рисков / Гринин Л. Е., Коротаев А. В., Мешерина К. В. (Ред.). Волгоград: Издательство «Учитель», 2018. С. 95–114.

⁸²¹ Большой Энциклопедический словарь. М.: Большая Российская энциклопедия, 2001. С. 544.

На основе шестого критерия — особенности функционирования государств и граждан — можно выявить факторы ограничений и возможностей.

Можно выделить две традиционные группы факторов:

1. Внутренние факторы, которые формируются внутри субъектов демобилизации и оказывают воздействие на их решения и поступки. К ним относятся мотивация и какие-либо специфические особенности внутреннего устройства участников демобилизации. Можно выделить факторы, влияющие на акторов политического действия (государство, объединения, граждане) и на отдельных индивидов, выполняющих свои социально-политические роли.

2. Внешние факторы, которые оказывают опосредованное воздействие, являются ситуативными или, по-другому, контекстуальными. К ним относятся политические традиции общества, тип политической культуры, социально-имущественные барьеры, социальная напряженность. Можно выделить факторы, влияющие на государственные структуры, гражданские объединения, отдельных индивидов и на сам процесс демобилизации.

Факторы демобилизации реализуются в совокупности действий внешних и внутренних сил на процесс демобилизации и его участников. Факторы взаимосвязаны между собой, выстраиваются во взаимосвязи, поэтому границы между ними довольно изменчивые и гибкие. С течением времени появляются всё новые обстоятельства, которые меняют реальность и сознание общества. Например, с появлением Интернета зародились новые социальные процессы, сетевая публичность и сетевые связи, сформировались новые информационные потоки, изменились возможности взаимодействия власти и общества. Для расширения представлений о множестве факторов демобилизации требуется продолжение исследования.

Палитай И. С. (Москва, МГУ имени М. В. Ломоносова)

ТИПОЛОГИЯ МОЛОДОГО ПОКОЛЕНИЯ РОССИЙСКИХ ПОЛИТИКОВ: РЕГИОНАЛЬНЫЙ СРЕЗ⁸²²

Появление достаточно большого количества молодых политиков требует их всестороннего изучения, которое в отечественной исследовательской практике ранее не предпринималось. Предлагаемый нами политико-психологический подход учитывает субъект-объектный характер молодежи в политике и основан на совмещении политико-институциональных и психологических принципов исследования. Подход заключается в изучении молодых политических лидеров и как отдельных индивидов, и как поколенческой общности при совмещении обобщенного анализа с индивидуальными кейс-стадиз.

Первый из указанных методов дает возможность получить социально-демографический профиль молодой политической элиты, выявляющий гендерные соотношения, преобладающие уровни и направленности образования, их соответствие занимаемым позициям, а также механизмы и способы вхождения в мир политики молодых людей. Метод изучения отдельных случаев предполагает изучение молодых политиков с позиции анализа их личностных характеристик. Изучение отдельных представителей молодой элиты с этой позиции позволяет получить представление о способах реализации властных полномочий, а также оценить прогностический потенциал молодой элиты. Предлагаемый подход исследования молодого поколения политиков может способствовать процессу оптимизации кадровой политики и формированию эффективной системы рекрутирования молодых лидеров.

Ниже будут приведены частичные результаты анализа биографических сведений современных российских молодых политиков.

В рамках нашего научного проекта нами были проанализированы представители законодательных собраний 28 субъектов Российской Федерации из всех федеральных округов. Выборку составили 205 молодых политиков, 84% из которых — мужчины, 16% — женщины, средний возраст которых составил 34,5 года.

Проведенный анализ позволил нам предложить типологию молодых политиков, основанную на их профессиональном опыте, предшествовавшей текущему положению во власти. Подобного рода подход позволяет нам получить представление о том, каким образом молодые люди встраиваются в ее структуру и, возможно, выявить некие закономерности.

Практически половина молодых политиков (46,8%) относятся к типу, который мы назвали «*профессионал*» — это люди, которые до прихода во власть занимались профессиональной деятельностью (не своим биз-

⁸²² Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и АНО ЭИСИ в рамках научного проекта № 19-011-31432 «Молодое поколение российских политических лидеров: политико-психологический анализ».

несом) в той или иной области (не связанной с политикой). Их достижения в этой сфере позволили им быть замеченными и в итоге занять определенное положение в иерархии государственной власти.

На втором месте по частоте (10%) находятся так называемые «партийцы». Зачастую это представители молодого поколения, которые еще со студенческих лет вступили в партию и добивались своего положения активной работой в данном направлении.

Немного меньше (8%) молодых людей, которые пришли в политику после успешного занятия собственным бизнесом («бизнесмены»). Третье место с ними разделяют молодые политики, которые занимались какой-то профессиональной деятельностью, но при этом совмещали с этим работу в партии (чаще всего в качестве помощников депутатов — «совместители»).

Буквально на 1% меньше (7%) представителей власти, которые двигались к нынешнему положению, будучи на государственной службе. Их мы условно назвали «чиновники».

Из всего массива 6,5% составили люди, которые занимались общественной деятельностью или являются публичными личностями (5,5% и 1% соответственно).

По 5% от общего количества — условных «политиков» — людей, занимавшихся политической деятельностью, но не связанных с партиями (это всевозможные молодежные политические организации, движения и т. д.).

Оставшиеся политики пришли во власть, работая либо одновременно на нескольких позициях (в том числе, связанных с политической сферой), либо сменив один вид деятельности на другой (при этом сложно сказать, что именно помогло человеку встроиться во властные структуры).

Подводя итог можно сказать, что нынешнее молодое поколение отличается достаточно большим уровнем прагматизма. Если они занимаются какой-то профессиональной деятельностью или своим бизнесом, они пытаются пойти в политику, как только достигают определенных высот. Другой вариант развития событий в их биографии — это изначально двигаться в политической сфере (либо по партийной линии, либо как-то иначе). Так, более чем у 35% молодых людей приход во власть не является случайным. Это — результат их осознанного и целеустремленного движения в данном направлении буквально со студенческих лет либо с момента окончания ВУЗа.

Палицына Д. В. (Санкт-Петербург, СПбГУ)

GR ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОРГАНИЗАЦИЙ ТРЕТЬЕГО СЕКТОРА В РОССИИ: РАЗВИТИЕ ПОТЕНЦИАЛА ПАРТНЕРСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

В настоящее время отмечается потребность в более плотном взаимодействии государственного сектора с некоммерческим — во-первых, власть нуждается в обратной связи для принятия более эффективных управленческих решений на всех уровнях власти. Во-вторых, организации третьего сектора, имея большой потенциал и ресурсы, могут реализовывать часть государственных программ в тех сферах, в которых обладают необходимыми знаниями, в особенности социально-ориентированные НКО, имеющие наиболее тесный контакт со своей целевой аудиторией. Зарубежные исследователи давно занимаются проблемами взаимодействия институтов гражданского общества и органов государственной власти, отмечая при этом значимость такого сотрудничества по социальным, экономическим и политическим причинам. Мировой опыт партнерских отношений государственного сектора с НКО показывает, что привлечение организаций третьего сектора к реализации проектов более рентабельно и экономично, учитывая, что основной мотивацией для некоммерческого сектора служит общественная польза⁸²³.

В большинстве российских регионов, как выделяет М. Горный, присутствует патрон-клиентская модель взаимодействия НКО и государства, однако в законодательных актах некоторых регионов страны (Москва, Санкт-Петербург, Красноярский край, Республика Карелия, Самарская область, Пермский край) отмечены элементы партнерского взаимодействия — в них содержатся нормы, регулирующие отношения некоммерческого сектора с властью как партнеров с возможностью заключения договоров и осуществлением контроля друг за другом⁸²⁴. В рамках теории неокорпоративизма взаимодействие третьего сектора с властью в России приобретает вид государственного неокорпоративизма с элементами социетального неокорпоративизма⁸²⁵. Для данной модели характерно выстраивание иерархичной системы отношений власти и институтов гражданского общества, при которой право выбора организаций, которым будет оказываться поддержка, остается за государством, но при этом допускается возможность партнерских отношений, хотя и в этом случае власть сотруд-

⁸²³ Rutzen D., Moore D., Durham M. The Legal Framework for Not-for-profit Organizations in Central and East Europe // CEE Overview, ICNL. 2007. September. P. 1–39.

⁸²⁴ Горный М. Б. Взаимодействие некоммерческих организаций с органами власти: сравнительный анализ законодательства // Журнал исследований социальной политики. 2011. №2. С. 227.

⁸²⁵ Шмиттер Ф. Неокорпоративизм // Полис. — 1997. — No 2. — С. 14–22.

ничают с узким избираемым ею кругом организаций⁸²⁶. На сегодняшний день, поддержка государства составляет важную часть деятельности большинства российских организаций третьего сектора⁸²⁷. Однако будет справедливым отметить, что третий сектор в РФ имеет глубокую внутреннюю сегментацию: включает в себя как небольшие локальные НКО социальной направленности, так и крупные корпоративные и частные фонды, поэтому цели и формы взаимодействия с властью сравнительно различаются.

Проведенные серии интервью с руководителями десяти молодежных некоммерческих организаций г. Санкт-Петербурга показали, что отношения НКО и органов государственной власти еще далеки от партнерского взаимодействия и позволили сформулировать следующие выводы:

- государственная поддержка — не основной ресурс для осуществления деятельности молодежных НКО;
- грантовые конкурсы и субсидии являются главными источниками финансовой поддержки;
- в некоммерческих организациях отсутствует понимание необходимости GR-стратегии и методов взаимодействия с региональными органами власти;
- большинство НКО испытывают трудности с получением поддержки от государства из-за бюрократических сложностей (например, при получении информационной поддержки или помещения для НКО по льготной ставке) или сталкиваются с формальными затруднениями (неграмотное оформление заявок, пакетов документов на грантовые конкурсы, отсутствие необходимой информации/знаний).

Таким образом, среди организаций третьего сектора существует запрос на формирование отношений с властями в качестве равноправного партнера, однако реализация такого взаимодействия тормозится как со стороны НКО, так и со стороны государства. Во-первых, это обусловлено слабой развитостью некоммерческого сектора, во-вторых, отсутствуют какие-либо разработанные GR-стратегии и новые, подходящие под современные условия, модели взаимодействия. В-третьих, преобладание сложившейся патерналистской модели взаимодействия НКО и государства, к которой привыкли обе стороны.

Панкратов С. А. (Волгоград, ВолГУ)

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПРОЕКТИРОВАНИЕ ПУБЛИЧНОГО ПРОСТРАНСТВА ВОЛГОГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ⁸²⁸

Административно-политическое и социально-экономическое развитие Волгоградской области основывается на целенаправленной стратегии осуществления проектной деятельности суть которой состоит «в научно обоснованном определении основных параметров формирования будущих социальных объектов или процессов при максимальном соблюдении и согласованности интересов общества, социальных слоев и групп, а также отдельно взятой личности»⁸²⁹. Как отмечается в «Стратегии социально-экономического развития Волгоградской области до 2025 года» «в структуру Стратегии входят цели и задачи, анализ внешних условий и стратегических региональных тенденций, возможности и угрозы, ключевые сценарии и индикаторы развития, приоритетные направления развития и механизмы реализации. Структура обеспечивает логическую взаимосвязь аналитического блока и блока основных направлений и мероприятий. Основные направления аналитического блока отражаются в сценариях развития и определении приоритетных направлений»⁸³⁰.

Целью принятия и реализации «Стратегии социально-экономического развития Волгоградской области до 2025 года» выступает «создание условий для увеличения продолжительности жизни людей, прироста населения за счет повышения его благосостояния, уменьшения бедности (рост денежных доходов населения, сокращение доли населения с доходами ниже прожиточного минимума) на основе динамичного и устойчивого экономического роста»⁸³¹. Важно подчеркнуть, что при формировании данного управленческого документа впервые предусматривалось использование специфических технологий проектирования публичного пространства в регионе, включающих анализ проблематизации и выявление базовых характеристик региональной

⁸²⁶ Горный М. Б. Взаимодействие некоммерческих организаций с органами власти: общественный контроль и независимая оценка // Публичная политика. 2017. № 1. С. 54–75.

⁸²⁷ Носаненко Г. Ю. Модели взаимодействия «третьего сектора» и власти (по материалам эмпирического исследования) // АНИ: экономика и управление. 2017. № 1 (18). С. 259–262.

⁸²⁸ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ и Администрации Волгоградской области в рамках научного проекта № 19-411-340006 p_a «Социально-политическое проектирование публичного пространства и системы массовой коммуникации в регионах РФ (на примере Волгоградской области)».

⁸²⁹ См.: Тощенко Ж. Т., Аитов Н. А., Лапин Н. И. Социальное проектирование. — М.: Мысль. — 1982. — 254 с.

⁸³⁰ Стратегия социально-экономического развития Волгоградской области до 2025 года в ред. Законов Волгоградской области от 16.02.2018 № 24 — ОД // <http://docs.cntd.ru/document/819076044> (Дата обращения: 12.08.2019 г.).

⁸³¹ Там же.

идентичности, обоснование индикативных показателей включенности гражданских структур в процесс принятия управленческих решений, разработку путей и средств повышения уровня гражданской активности жителей области, при минимизации причин, продуцирующих деструктивные практики поведения представителей различных социальных групп и поколенческих когорт.

С нашей точки зрения, публичное пространство Волгоградской области целесообразно характеризовать с нескольких взаимодополняемых ракурсов:

— как открытое пространство для свободной коммуникации жителей региона и гостей, где происходит гражданская социализация (ресоциализация) в самом широком значении данного понятия;

— как пространство взаимодействия (индивидуальных, коллективных и т.д.) субъектов, разделяющих определенную систему ценностей и моделей коммуникации;

— как пространство, обладающее креативной инфраструктурой (медиа-центры, музейные площадки, парковые зоны и т.п.), имеющее ресурсы для максимальной самореализации и самопрезентации;

— как пространство для обмена информацией, мнением с использованием в том числе преимуществ цифрового общества, формирования цифровой культуры коммуникации.

Публичное пространство региона есть с одной стороны, «социальная среда, климат и политика» для комфортной коммуникации различных субъектов, а, с другой стороны, конкретные площадки (в областном центре, муниципальных образованиях), позволяющие формировать и даже институализировать креативные коммуникационные структуры. Следует учитывать, что в Волгоградской области городское население насчитывает более 75 процентов и в долгосрочной перспективе доля городского населения будет медленно увеличиваться за счет сокращения сельских жителей, оставаясь выше, чем в среднем по Российской Федерации.

Проектное видение развития социально-политического пространства Волгоградской области связано с осознанием ограниченных возможностей планового подхода к разрешению современных проблемных вопросов жизнедеятельности населения на территории региона, а также «миграционными», «санкционными», «экологическими» и иными вызовами, имеющими экстерриториальные причины. При этом регион обладает значительными интеллектуальными, историко-культурными, политико-правовыми и гражданскими ресурсами, грамотное использование которых позволяет решать тактические и стратегические задачи развития. В связи с этим значительными возможностями обладает Совет при Губернаторе Волгоградской области по реализации национальных проектов и приоритетных проектов Волгоградской области⁸³². Данный Совет координирует деятельность органов государственной власти Волгоградской области, органов местного самоуправления, экспертного и предпринимательского сообществ, общественных объединений, научных и других организаций при рассмотрении вопросов, связанных с реализацией национальных проектов и приоритетных проектов.

Таким образом, в Волгоградском регионе создаются оптимальные условия для эффективного взаимодействия органов власти и гражданского общества по институционализации открытого публичного пространства, формирования комфортной среды жизнедеятельности населения.

Панов П. В. (Пермь, ПФИЦ УрО РАН)

РЕГИОНАЛИЗМ И РЕГИОНАЛИСТСКИЕ ПАРТИИ: ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ ПОДХОД К ОПРЕДЕЛЕНИЮ⁸³³

Одной из ключевых движущих сил трансформации институциональной организации современного государства является регионализм в его различных проявлениях — наднациональный, субнациональный, транснациональный. В рамках данного доклада фокус сделан на субнациональный регионализм, понимаемый как идеология и возникающее на ее основе движение, которое стремится к политическому конституированию региона, обретению им политической субъектности и включению его в политический процесс⁸³⁴. Наиболее очевидным

⁸³² Постановление Губернатора Волгоградской области «О Совете при Губернаторе Волгоградской области по реализации национальных проектов и приоритетных проектов Волгоградской области» от 10.01.2019 г. № 7 // <http://docs.cntd.ru/document/550317952> (Дата обращения: 12.08.2019 г.).

⁸³³ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00053 «Субнациональный регионализм и динамика многоуровневой политики (российские и европейские практики)») в Пермском федеральном исследовательском центре УрО РАН.

⁸³⁴ Это соответствует одному из наиболее широко распространенных подходов к пониманию регионализма в современной литературе. См., например: «Политическое движение и набор требований, артикулируемых региональными акторами через призму региональной идентичности» (Keating M. Contesting European regions // *Regional Studies*. 2017. № 1. P. 9–18); «стратегия региональных элит, направленная на расширение ими своих прав» (Бусыгина И.М. Политическая регионалистика. М.: РОССПЭН, 2006); стремление региональных элит «с помощью политической мобилизации, организации, давления и даже насилия подчеркнуть влияние и силу региона в пике государству» (Яровой Г.О. Регионализм и трансграничное сотрудничество в Европе. СПб.: Норма, 2007).

проявлением и одновременно индикатором регионализма является наличие в политическом пространстве акторов (в первую очередь, регионалистских политических партий), явно артикулирующих регионалистские требования.

Классический подход к пониманию регионалистской политической партии базируется на двух критериях: 1) партия является региональной, то есть в отличие от общенациональных партий (state-wide parties) ее активность, в том числе электоральная, сконцентрирована в одном (или нескольких) регионах (административно-территориальных единицах первого субнационального уровня) страны; 2) партия выдвигает регионалистские требования. Однако если с операционализацией первого критерия особых трудностей не возникает, со вторым дело обстоит значительно сложнее, поскольку однозначное понимание того, что такое «регионалистские требования», отсутствует.

Один из спорных вопросов состоит в том, что, выигрышной электоральной стратегией, особенно на выборах регионального уровня, для политических партий является апелляция к региональной идентичности и региональной повестке. Соответственно, партии активно включают в свои предвыборные программы такие позиции как реализация важных для данного региона инфраструктурных проектов, меры, направленные на привлечение инвестиций, создание благоприятных условий для ведения бизнеса, развития туризма и тому подобное. С другой стороны, локальные элитные группы нередко объединяются в политические организации в масштабах региона для улучшения своих электоральных результатов. Как правило, они агрегируют локальные требования в более широкую региональную программу.

Как представляется, идентификация себя с регионом и акцент на региональные интересы в программе еще не делают политическую организацию регионалистской партией. Концептуально регионализм, на наш взгляд, должен определяться не «автономно», а «интерактивно», а именно в контексте диспозиции по линии «центр—регион», поскольку обретение регионом политической субъектности возможно лишь в отношениях с «центром» и другими регионами. Однако вследствие того, что такие взаимоотношения чрезвычайно разнообразны, контекстуальны и ситуационны, оптимальным в данном случае представляется институциональный подход. Взаимоотношения между центром и регионом институционализируются в той мере, в какой складываются относительно устойчивые модели взаимодействия, то есть более или менее универсальные, а не для решения какого-то конкретного вопроса. Следовательно, регионалистскими следует признать те требования, которые касаются институциональных аспектов взаимодействия между центром и регионами. Как правило, регионализм предполагает изменение статус-кво — институциональную трансформацию взаимодействий по линии центр—регион, связанную с повышением субъектности региона: получение особого статуса (по сравнению с другими регионами), дополнительных полномочий (самостоятельность, автономия — self-rule), возможностей участия в принятии решений на национальном уровне (shared-rule). Возможен и вариант «охранительного регионализма», когда регионалистский актор борется за сохранение статус-кво, если возникает угроза имеющемуся статусу. Наконец, особая разновидность регионализма — стремление к созданию «нового региона» (радикальное институциональное переустройство).

Пасс П. С. (Москва, МГУ им. М. В. Ломоносова)

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ОБРАЗЫ ПРОШЛОГО: ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ И ТРАНСФОРМАЦИИ

Образы прошлого активно применяются различными политическими силами в своих целях. Интерпретация исторических событий и периодов является источником легитимности для политических режимов; позволяет обосновывать отдельные политические решения и притязания, влиять на текущую политическую повестку, формировать идеологические построения, противопоставляя их оппонентам и т. д.⁸³⁵

История России, характеризующаяся рядом резких смен политического вектора, а также текущая политическая практика представляют богатый материал для исследователей.

Вместе с тем ошибочно будет связывать формирование и трансформацию политических образов прошлого исключительно с целенаправленным конструированием нарративов. Процесс политического восприятия обусловлен целым рядом факторов: субъектными и объектными, темпоральными, пространственными и коммуникативными. Более того, можно предположить, что влияние на исторические нарративы со стороны различных политических акторов является лишь одним из элементов названной факторной модели. Помимо этого, само

⁸³⁵ Coakley J. Mobilizing the past: nationalist images of history // *Nationalism and Ethnic Politics*. 2004. vol. 10 No. 4. pp. 531–560; Ачкасов В. А. «Политика памяти», как инструмент строительства постсоциалистических наций // *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2013. №4. С. 106–123.

воздействие на коллективную память обусловлено теми образами и представлениями, которые уже существуют среди граждан.

Характеристикам прошлого, существующим в сознании граждан, свойственно преувеличение определенных тенденций (как позитивных, так и негативных) и, соответственно, определенное искажение⁸³⁶.

Кроме того, как показали более ранние исследования кафедры социологии и психологии политики МГУ им. М.В. Ломоносова, образы власти прошлых периодов российской истории демонстрируют изменчивость на протяжении времени⁸³⁷.

Задаваясь вопросом о том, чем обусловлено формирование специфических образов прошлого, а также их постепенная трансформация, можно выделить ряд специфических явлений.

Во-первых, необходимо обратить внимание на такое явление, как «ностальгия», проявления которой изучались в ряде посткоммунистических стран Восточной Европы⁸³⁸. Однако объяснить таким образом все изменения достаточно проблематично. В частности, почему период президентства Б.Н. Ельцина не демонстрирует подобного позитивного эффекта.

Еще одним немаловажным аспектом является сопоставление прошлого и текущей ситуации. Неудовлетворенность и невозможность реализации потребностей в «сегодняшнем дне» может приводить к поискам более удовлетворительных альтернатив в прошлом.

Кроме того, значение имеет специфика политической социализации индивида, в ходе которой усваиваются определенные ценности и установки. Усваивая определенные социальные, политические и экономические практики, люди в дальнейшем испытывают сложности в ситуации их серьезного изменения⁸³⁹. Соответственно, смена поколений приобретает особую актуальность в связи с вышеупомянутыми радикальными изменениями, имевшими место в истории России.

Как показывают исследования, среди молодежи гораздо выше степень критического отношения к советской власти, тогда как наиболее позитивно к данному периоду относятся граждане старшего поколения.

При этом нужно отметить, что имеют место и иные индивидуальные особенности, связанные с социализацией, например влияние семьи и окружения.

В целом, образы прошлого формируются под воздействием совокупности всех обозначенных явлений. При этом влияние составляющих может быть различно, в зависимости от периода, о котором идет речь. Таким образом, вопросы, связанные с изучением образов прошлого ещё далеки от окончательного разрешения, однако накапливающиеся данные позволяют глубже проанализировать те психологические особенности, которые приводят к их возникновению и последующим изменениям.

Патрушев С. В., Павлова Т. В., Филиппова Л. Е. (Москва, ФНИСЦ РАН)

КОНСТИТУИРОВАНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПОЛЯ В РОССИИ: ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ⁸⁴⁰

Доклад отражает основные результаты проекта «Конституирование политического поля в России: институциональный анализ» (2017–2019), имевшего целью выявление и анализ условий для формирования политического поля в современной России.

Логика институционального анализа требует определить правила, которые регулируют и ограничивают процессы в рамках (предполагаемой) политической сферы; изучить отношение граждан к этим правилам (прежде всего, признание/непризнание их существования; выявить влияние правил на когнитивные и поведенческие характеристики акторов.

Для реализации задач исследования разработаны и использованы ключевые концепты: *современный тип политики*, который характеризуют конфликт, универсализм норм, свобода выбора и целеполагание; *политическое поле* как публичное пространство диалога и конфликта вокруг актуальных и альтернативных проек-

⁸³⁶ Лагов Ю. В. Парадоксы восприятия современными россиянами России времен Л. И. Брежнева, Б. Н. Ельцина и В. В. Путина // Полис. Политические исследования. 2018. № 5. С. 116–133.

⁸³⁷ Шестопап Е. Б. Четверть века политических реформ в России с точки зрения психологии // Полис. Политические исследования. 2015. № 1. С. 136–150.

⁸³⁸ Ekman J., Linde J. Communist nostalgia and the consolidation of democracy in Central and Eastern Europe // Journal of Communist Studies and Transition Politics. 2005. Vol. 21, No. 3. pp. 354–374; Prusik M., Lewicka M. Nostalgia for Communist Times and Autobiographical Memory: Negative Present or Positive Past? // Political Psychology. 2016. Vol. 37, No. 5. pp. 677–693.

⁸³⁹ Политическая социализация российских граждан в период трансформации / под ред. Е. Б. Шестопап. — М.: Новый хронограф, 2008. — 552 с.

⁸⁴⁰ Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 17-03-00446а.

тов, общих целей и стратегических решений для общества, предполагающее появление и проявление политических идентичностей, институционализацию конфликта и диалога, обнаружение общих ценностей и целей, производство конвенций — «правил игры»; *зона власти* — принципиально неполитическое и неформализованное, закрытое и эксклюзивное пространство господства клик.

Первоначальная гипотеза предполагала, что в России институционализированное политическое поле замещено де-формализованной неполитической зоной власти. Анализ данных всероссийских репрезентативных опросов населения, проведенных отделом сравнительных политических исследований Института социологии ФНИСЦ РАН при поддержке Центра социального прогнозирования и маркетинга в июне 2018 года и июне 2019 года во всех федеральных округах, 21 регионе России (выборка 700 человек), выявил сосуществование трех разных доменов: наряду с политическим полем и зоной власти обнаружена «серая» область неопределенности.

В опросах 2018–2019 гг. 24–21% респондентов полагали, что в политике есть «правила игры» (признак политического поля); еще 26–34% согласились, что политика — это «игра без правил» (признак «зоны власти»); большинство респондентов, 50–45%, выбрали вариант политики как «игры», правил которой «мы не знаем» (признак «серой» области). С политическим полем связан достаточно широкий набор правил, прежде всего законы государства, но также, особенно заметно в зоне власти, правила общения среди «своих», право силы и личные договоренности; дефицит норм публичного поведения и морали указывает на закрытый и аморальный характер зоны власти. Наличие двух относительно интегрированных областей и нескольких потенциальных институциональных конфигураций означает отсутствие как единого поля политики, так политического процесса, плюс возможность разнородных (квази)политических практик, все это создает основы для авторитарных тенденций.

Правовые нормы признаются в политическом поле сквозь специфическую призму отношения к закону: (1) «В России законы можно и нужно выполнять»; (2) «Какие-то законы нужно выполнять, какие-то нет»; (3) «В России нет нормальных законов, которые следовало бы выполнять». В 2018 г. и 2019 г. разница между ответами (1) и (3) составила 69 и 29 п. п.; в зоне власти соответственно 14 и 3 п. п. Если в поле политики надеются на инструменты права в случае конфликтов с властью (но не с людьми), то в зоне власти совсем не верят в помощь закона.

Понимание политики как «места действия власти» устойчиво воспроизводится и корреспондирует с представлениями об основных свойствах политики: в «поле» это принятие важных решений и определение целей для общества, в «зоне» — преследование личных целей; важно и согласование интересов, что более выражено в зоне власти. Нормативно-ценностные основания политики в России включают (особенно в зоне власти) прежде всего выгоду и силу, закон, личный успех и собственность; все остальное существенно редуцировано.

Ориентация на сотрудничество для решения общих проблем присутствует в поле (сильнее) и в зоне (слабее), но касается, однако, не более половины опрошенных. Затруднения для совместных действий связывают с работой в органах власти, странным поведением, сексуальной ориентацией и политическими взглядами, с заметными различиями в доходах.

Только 17–19% респондентов политического поля относят себя к политически активным и, в частности, к сторонникам партий (ЕР, КПРФ и ЛДПР). Неактивные ссылаются на бесполезность участия в политике — «грязном» и опасном деле, на отсутствие времени (есть «другие дела»), интереса, знаний и ресурсов, наконец, на помехи со стороны власти, не отказываясь от обсуждения политики в своем кругу.

Потенциалом преодоления зоны власти и расширения политического поля обладают практики делиберации: у про-делиберативных респондентов понимание свойств политики смещается в сторону выдвижения стратегических целей и принятия решений для общества.

Пахрутдинов Ш. И. (Ташкент, Узбекистан, Центр повышения квалификации и переподготовке работников системе народного образования)

УЗБЕКИСТАН: ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ И ИНТЕНСИВНОСТЬ УСКОРЕННЫХ ИЗМЕНЕНИЙ

Одним из вопросов, который особо отслеживался, изучался и рассматривался многими изданиями мирового масштаба, представителями аналитических кругов, политиками стал политический процесс, связанный со смертью лидера Узбекистана Ислама Каримова, который долгое время являлся лидером Республики.

Смерть первого президента Республики стала абсолютно неожиданной не только для узбекистанцев, но и для всего мирового сообщества, и потрясла всю Центральную Азию.

Это молниеносно распространенное сообщение было по-разному воспринято многими государствами мира, после чего стали распространяться прогнозы различных аналитиков о том, что в Узбекистане начнет интенсивно развиваться борьба за власть, что существует вероятность начала гражданской войны, и наиболее трагичный прогноз заключался в том, что вся Центральная Азия ввернется в эту конфронтацию. Для этого были своеобразные объективные и субъективные причины, и ни для кого не было секретом, что любая вспышка, происходящая в самом плотно населенном в Центральной Азии Узбекистане с его усиливающимися социальными проблемами, который управлялся единолично рукой более 25 лет, породит огромный взрыв.

Зачастую в восточных обществах в большинстве случаев смена власти не проходила гладко, и если лидер не назначал «наследника», который будет руководить государством после него, то, вероятность возникновения войны, основанной на борьбе за власть, была чрезвычайно высокой. Вместе с тем характерным для того времени было то, что государства, преследующие свои интересы в Центральной Азии, в частности, в Узбекистане, начали готовиться к пересмотру отношений, установлению их в другом вероятном формате. Но предположения, которые строили многие, не стали реальностью. Прогнозы о том, что в стране возникнут конфликты, связанные со сменой власти, не сбылись. Узбеки, как мудрый народ с многолетним опытом государственности, смогли еще больше сплотиться в тяжелое время; переход власти был гладким и полностью контролируемым, что вызвало восхищение у многих. Мы попытаемся ответить на вопрос, в чем были причины этого и как это происходило, используя политический анализ.

Как известно, существуют следующие факторы устойчивости государственной и общественной жизни к вызовам и угрозам современности:

- достижение экономической стабильности в обществе;
- достижение единства между политической властью и обществом;
- восприятие обществом осуществляемой политическими властями работы как своей, то есть осознание того, что это делается в интересах народа;
- достижение формирования и выражения в сознании каждого гражданина духовной зрелости, патриотических качеств, основанных на национальной идее. Важнейшими задачами в этом направлении считались проведение системной политики в Узбекистане, учитывая каждый фактор, нахождение пути к сердцу народа.

Ни для кого не было секретом, что неожиданная смерть лидера страны может вызвать конфликт между военными и исполнительной властью в стране. В те же самые дни наследие системы, то есть органы безопасности, являющиеся самой большой силой политического строя страны, имели возможность и способность не только контролировать, но и непосредственно управлять всей системой государства. Это не только ставило под сомнение демократическое развитие страны, но и порождало возможность наступления политических репрессий. Основной задачей повестки дня было создание, в богатых конфликтами, сложных условиях времени, устойчивого к угрозам общества, его совершенствование, приятие народом политики, превращение его в созидательную силу.

Однако, Ш. Мирзиёев, обладавший способностью найти компромиссное решение с любой силой, имевший большой опыт в государственном управлении, эффективно работавший в различных сферах управления, начиная с советской системы и в течение следующих 25 лет, глубоко осознавая успехи и недостатки политики, в любой ситуации глубоко чувствуя интересы государства, смог найти общий язык со всей политической элитой и «ведомствами». Наряду с сохранением стабильности страны, он продемонстрировал реальные лидерские качества и, основываясь на своем жизненном опыте, также разработал стратегию полного реформирования страны и смог добиться веры народа в то, что он сможет оправдать ожидания.

Известный в свое время своей строгостью и требовательностью президент, который стал проявлять себя активным реформатором и одновременно лидером, способным осуществить крупные демократические преобразования, приступил к осуществлению в стране высокоэффективных реформ по преобразованию действовавшей в течение многих лет авторитарной системы управления в демократическую. Он начал прививать лидерам всех звеньев сознание необходимости создания подлинной демократии — что власть принадлежит народу, и она должна служить ее интересам. Доказывается на практике, что легитимность власти обеспечивается служением только народу не только различными звеньями власти, но и силовыми структурами. Из опыта политических реформ известно, что власть может быть легальной, но в то же время не легитимной. Также, иногда политическая власть может быть легитимной, не будучи легальной. Президент Ш. Мирзиёев с первых дней своего руководства акцентировал внимание на том, чтобы политическая власть была как легитимной, так и легальной, и этот фактор остается фундаментальной основой обеспечения политической стабильности и угрозоустойчивости общества.

Именно эти качества и деятельность повысили не только уровень доверия народа к президенту Ш. Мирзиёву, но и интерес международного сообщества. Мировое сообщество, которое с опасением ждало установления очередной авторитарной системы, теперь стало выражать готовность сотрудничать со страной в любой сфере.

ОБРАЗ ДЕТСТВА В ПРОГРАММНЫХ ТЕЗИСАХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ РОССИИ В 2016–2018 ГГ.⁸⁴¹

В рамках доклада рассматривается роль образа детства в программных тезисах политических партий России, принявших участие в выдвижении кандидатов на выборы в Государственную Думу Российской Федерации в 2016 году и кандидатов на выборы Президента Российской Федерации в 2018 году.

Образ детства включает в себя образы ребенка (детей), родителей (матери), а также семью (крайне редко многодетные). Отсюда образ ребенка и матери нуждается в защите и поддержке.

Большинство политических партий обращаются к теме детства в программных документах с целью продемонстрировать меры социально-экономической поддержки, которые будут направлены на защиту детства и материнства. В числе приоритетов заявлена финансовая поддержка многодетных семей, сохранение и увеличение материнского капитала, а также различные меры поддержки детей-сирот. Помимо финансовой поддержки, в качестве важного аспекта обращения к теме детства выступает образование (дошкольное и школьное). Политические партии обращают внимание на нехватку мест в детских садах, качество школьного образования, важной для упоминания темой выступает ЕГЭ. Заметим, что тема воспитания детей почти не рассматривается политическими партиями и кандидатами в президенты РФ (3 политические партии и 1 кандидат в президенты).

Можно выделить несколько важных различий в партийных программах политических партий:

1. Парламентские партии, имеющие постоянную политическую поддержку (КПРФ, ЛДПР, отчасти Яблоко) предпочли выступить с программными документами в виде деклараций о намерениях. В рамках данных программ можно отметить некоторые тезисы (поддержка, защита, оказание содействия и др.), достижение которых никак не прописано.

2. Политические партии, которые стремились увеличить или сохранить свой результат на выборах (ЕР, СР) выступили с проработанными программами, которые предполагают законодательные меры поддержки, в том числе и по вопросам детства и материнства.

3. Политические партии, которые участвовали в выборах в первый раз, использовали тему детства для расширения возможного числа избирателей. Праволиберальные и консервативные партии (Гражданская сила, Патриоты России и др.) обращались к теме детства для привлечения голосов неопределившихся избирателей, ранее не принимавших участия в выборах.

1) Либеральные партии (Яблоко, РПР-Парнас, а также кандидат от партии Гражданская платформа К. А. Собчак) обращают внимание не только на образование (прежде всего, доступ к образованию и плюрализм учебников), но и на воспитание детей и подростков (конкуренция агентов социализации). В отличие от либеральных партий, консервативные (Патриоты России, Родина) обращают внимание на ценность семьи и важность поддержки многодетных семей. Левые партии (КПРФ, Коммунисты России) обращают внимание на социально-экономические условия, создающие сложности для российского общества (в том числе и связанные с образованием детей и подростков, а также с положением российских семей).

2) Для подавляющего большинства политических партий образ детства связан с мерами защиты и поддержки. Большинство программ политических партий использует образ детства для привлечения на свою сторону многодетных и молодых семей, а также наименее активную группу избирателей в возрасте от 25 до 35 лет. Создание семьи и рождение детей приводит к росту гражданской активности в этой социальной группе (рост социальных запросов и требований к государственным институтам).

3) Отмена или модернизация ЕГЭ направлены на подростков, достигших возраста 18 лет, а также направлена на семьи, в которых есть дети-подростки, не достигшие 18-летия. Этот тезис также относится к образу детства, но рассматривается политическими партиями в меньшей степени.

4) В подавляющем большинстве программ формируются устойчивые связи между упоминанием слов семьи и дети, дети и образование, поддержка и защита. Это позволяет отметить стереотипность программных тезисов политических партий России, относящихся к образу детства.

⁸⁴¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и АНО ЭИСИ в рамках научного проекта № 19-011-31711.

ОБЩЕСТВЕННАЯ ДИСКУССИЯ И АГРЕГАЦИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ЦЕННОСТЕЙ

По мере становления институтов гражданского общества в России, в последние годы формируется запрос на конструктивную общественную дискуссию, содействующую продвижению реформ в политической и социально-экономической сферах. В нашем понимании, принятию любых значимых решений в государстве и его регионах может и должна предшествовать «информационная предатака», суть которой видится в выявлении общественных мнений и настроений. Речь идёт не столько о плебисцитарных формах демократических моделей управления, сколько об ориентации властей на обязательный учёт запросов общества, различных социальных групп, отражающих ценностные ориентации граждан.

Практика последних лет показала, что в российском коммуникативном поле модель «информационная предатака — сообщение — рефлекторная коммуникация» предаётся забвению. На смену ей приходит новая конфигурация, определяемая нами как «синдром беременной невесты». По сути, подобно родне незадачливого жениха, узнающего на пороге дворца бракосочетания о том, что молодая находится в «интересном положении», в ряде случаев общественность получает уже готовое (заметим, не всегда продуманное) властное решение. Так было на федеральном уровне, к примеру, с новациями в пенсионном законодательстве и при внедрении «мусорной реформы». В ряде регионов это проявилось при оптимизации сети образовательных, социальных и лечебных учреждений, при стремлении РПЦ возвести храмовые сооружения на месте общественных пространств.

Показательным и поучительным примером неумелой дискуссии власти с обществом надо признать реформирование пенсионной модели в 2018 году, когда при «первом заходе» вялая информационная работа правительственных структур вынудила Президента России лично вмешаться в этот процесс, обратиться напрямую к населению, поручив разработчикам определить дополнительные меры и гарантии переходного периода. Примечательно, что при доработке пенсионных новаций были учтены предложения, выработанные в ходе общественной дискуссии, в том числе, на площадке Общественной палаты Российской Федерации.

Говоря о «мусорной реформе», большинство экспертов сходятся во мнении, что её проведение в целях обеспечения экологической безопасности необходимо. Но при этом отмечается, что процесс реализации изначально привёл исключительно к росту тарифов на сбор, вывоз, сортировку, переработку и захоронение твёрдых коммунальных отходов, к алчному стремлению региональных операторов монополизировать «мусорный рынок» в субъектах Федерации, минимизировав при этом собственные инвестиции в отрасль.

На наш взгляд, под флёром красивой риторики проявилась и ещё одна весьма настораживающая тенденция. Контрпродуктивным представляется стремление властей различного уровня привлекать к общественной дискуссии исключительно ангажированные формирования из числа «покладистой общественности», сводя, в конечном счёте, разного рода «публичные чтения» к дополнительной легитимации не самых продуманных решений.

Общественная дискуссия, являясь отражением мнений, суждений, зачастую разновекторных, в конечном счёте, базируется на доминирующих социальных ценностях. Одновременно с этим, при организации обсуждений значимых проблем институты гражданского общества призваны подняться над проявлениями группового эгоизма, сформировать дискуссионное поле при участии подготовленных экспертов, творчески использовать имеющийся отечественный и зарубежный опыт решения аналогичных задач.

Опираясь на практику работы Общественной палаты России и Общественной палаты Тамбовской области, автор утверждает, что при организации общественной дискуссии на федеральном или региональном уровнях, необходимо решение ряда задач.

Первая из них (коннотативная) видится в точном формулировании темы дискуссии. Вторая (когнитивная) — в формировании пула профессиональных экспертов. Третья (коммуникативная) — в умелом модерировании дискуссии. Четвёртая (артикуляционная) — в выработке конструктивных предложений по принципу «критикуя — предлагай».

В широком смысле общественная дискуссия может и должна быть частью инструментом управленческой деятельности на уровне власти и местного самоуправления. Время волонтаристского продавливания любых решений уходит в прошлое. Управление социально-экономическими процессами «по собственному усмотрению» встречает возмущение социально активных граждан.

Те, кто с этим не согласен, могут внимательно ознакомиться с результатами проявления электоральных предпочтений граждан, например, в Приморье, Хабаровском крае, Хакасии или Владимирской области.

РОЛЬ МЕЖДУНАРОДНЫХ СПОРТИВНЫХ СОБЫТИЙ В ФОРМИРОВАНИИ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОГО ИМИДЖА СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Одним из новых направлений внешнеполитической деятельности и формирования внешнеполитического имиджа страны служит концепция «Публичной дипломатии 2.0», название которой было предложено Д. Глассманом. «Публичная дипломатия 2.0» — это направление в публичной политике, представляющее собой способ коммуникативного воздействия на зарубежную аудиторию через технологии Web 2.0 (социальные сети и блоги), а также, с помощью средств массовой информации (традиционных СМИ и интернет-СМИ). Задачами «Публичной дипломатии 2.0» являются, во-первых, формирование позитивного имиджа государства для международного сообщества, а во вторых, данный вид публичной дипломатии также используется для дискредитации внешнеполитических конкурентов. В структуру «Публичной дипломатии 2.0» входят такие средства, которые оказывают влияние на восприятие страны за рубежом, как: международное вещание и новостные СМИ (международные СМИ), а также деятельность по установлению связей международной аудитории и собственного населения (через, например, международные спортивные и культурные мероприятия).⁸⁴²

По мнению Д. П. Гавры, каждое государство заботится о восприятии себя на международной арене, так как это напрямую влияет на место этого государства в системе международных отношений.⁸⁴³ В силу того, что в современном мире власть базируется на информационной составляющей, а не на прямой силе, то в условиях глобализации и роста значения информационных технологий достижение политических целей невозможно без связей с общественностью. Следовательно, такие связи с общественностью и действия СМИ играют важную роль и в сфере внешней политики.⁸⁴⁴ Таким образом, мы приходим к выводу, что средства массовой информации конструируют медиаимидж государства.⁸⁴⁵

В работе был проведен количественно-качественный контент анализ зарубежных англоязычных СМИ. Для проверки гипотез были проанализированы материалы изданий «The Guardian» (Великобритания) и «The New York Times» (США) во время международных спортивных событий: Олимпийских игр 2018 года (Южная Корея) и Чемпионата мира по футболу 2018 года (Россия). В результате данного анализа были последовательно решены две задачи эмпирического исследования: выявлен характер освещения России во время Олимпийских игр и Чемпионата мира. Как в случае Олимпийских игр, так и в случае Чемпионата мира можно отметить следующую тенденцию: на первое место при проведении спортивных мегасобытий выходила политическая повестка, которая перекрывала собой позитивный эффект от мегасобытия. В случае с Олимпийскими играми на первое место вышел дипломатический конфликт между Россией и Великобританией, произошедший после отравления С. Скрипаля и его дочери. Особенно ярко этот конфликт нашел свое отражение на страницах британского издания «The Guardian». В американском издании «The New York Times» политическая повестка о расследовании вмешательства России в выборы США в 2016 году также выходила на первый план. В выбранных для исследования СМИ влияние на рост негативных публикаций оказывали предстоящие выборы Президента России, которые были представлены как безальтернативные и недемократичные. Сама тема Олимпиады и участия в ней России имела негативный окрас из-за проблемы допинга российских спортсменов.

Спортивная повестка после проведения Чемпионата мира сменилась в связи со встречей В. Путина и Д. Трампа в Хельсинки. Эта встреча двух президентов рассматривалась СМИ как уступка со стороны американского лидера Российской Федерации во время острой фазы политического кризиса. По мнению западных СМИ, такое событие подтверждает вмешательство России в выборы США в 2016 году и особый интерес России в отношении Д. Трампа.

Таким образом, главным выводом работы может служить заключение о том, что, несмотря на в целом положительное влияние спортивных мегасобытий на внешнеполитический медиаимидж государства, доминирующее воздействие оказывает политическая сфера и политические события. Данное исследование показало, что в настоящее время в российской науке тема роли спортивных мегасобытий в формировании внешнеполитического медиаимиджа недостаточно представлена, что намечает поле для дальнейшей исследовательской деятельности.

⁸⁴² Марчуков А. Н. «Публичная дипломатия 2.0» как инструмент внешнеполитической деятельности // Вестн. Волгogr. гос. ун-та. 2014. № 4 (28). С. 104–112.

⁸⁴³ Гавра Д. П., Савицкая А. С., Шишкин Д. П. Внешний имидж государства в медиапространстве // Вестн. СПбГУ. 2011. № 3. С. 187.

⁸⁴⁴ Абатуров В. Б. Медиа технологии в имидже государства [Электронный ресурс] // Экономическое обозрение. 2003. № 5. URL: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1069824300www.centrasia.ru/newsA.php?st=1069824300> (дата обращения: 01.07.2019).

⁸⁴⁵ Гавра Д. П., Савицкая А. С., Шишкин Д. П. Внешний имидж государства в медиапространстве // Вестн. СПбГУ. 2011. № 3. С. 191.

ПРОЯВЛЕНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО ЭКСТРЕМИЗМА В СЕТИ ИНТЕРНЕТ И ЕГО ВОЗДЕЙСТВИЕ НА МОЛОДЕЖЬ⁸⁴⁶

Термин «экстремизм» происходит от латинского слова *extremus* — крайний. В справочной литературе под экстремизмом традиционно принято понимать «приверженность к крайним взглядам и мерам (обычно в политике)». Принято выделять следующие виды экстремизма. Типы экстремистской деятельности включают международный, государственный, внутренний. Классификация экстремистской деятельности включает разделение по субъектам (государственный, организационно-групповой, (государственный, организационно-групповой, индивидуальный) и по объектам воздействия экстремизма, субъектом которого выступает государство (внешний и внутренний).

В настоящее время одной из самых острых проблем стало распространение молодежного экстремизма, в том числе в России. Экстремизм в России «молодеет», наиболее часто преступления совершают молодые люди в возрасте 15–25 лет. Педагоги рассматривают экстремизм как «деструктивную форму проявления молодежной субкультуры»⁸⁴⁷, которой свойственны «насилие или его угроза, односторонность в восприятии проблем и поиске их решения, стремление навязать свои принципы и взгляды, фанатизм, опора на чувства, инстинкты, предрассудки»⁸⁴⁸.

Увеличивается количество преступлений, поднимается уровень насилия, его проявления становятся более жестокими и профессиональными. Прослеживается опасная тенденция — восприятие молодежью экстремизма как приемлемого способа решения проблем.

Экстремистские молодежные группировки стали более агрессивны, организованны, политизированы, а некоторые из них находятся под влиянием преступных сообществ. Поскольку все сферы общества сейчас компьютеризированы, воздействие на граждан ведется через Интернет и часто — через социальные сети. Этому влиянию больше всего подвержена молодежь, являющаяся, с одной стороны, наиболее активным пользователем социальных сетей, с другой, в силу определенных социальных установок и недостаточного жизненного опыта — частью общества, наиболее поддающейся психологическому воздействию различных экстремистских группировок.

Киберэкстремистская деятельность молодежных неформальных объединений осуществляется в отношении властных структур, отдельных политиков, объединений, социального строя или социальных групп, религиозных общин, религиозных деятелей, наций, народностей и т. д. Исследование форм проявления киберэкстремизма в молодежной среде имеет важное значение для деятельности государственных правоохранительных органов и спецслужб по предупреждению правонарушений со стороны молодежных неформальных объединений в современных условиях.

Киберэкстремисты используют компьютерные сети (чаще всего Интернет) для пропаганды своих взглядов, вербовки сообщников, сбора пожертвований, размещения руководств по организации терактов, психологического терроризма, сбора информации о предполагаемых целях и объектах шантажа, подготовки террористов, пропаганды расовой, религиозной и других форм нетерпимости. По данным ВЦИОМ 70% самых активных пользователей «всемирной паутины» (т. е. те, кто пользуется Интернетом ежедневно) — это население в возрасте от 18 до 24 лет¹⁵. Это значит, что основная аудитория, которая ежедневно сталкивается с экстремизмом в глобальной сети, — молодежь.

Поскольку молодежь является наиболее уязвимым объектом для манипуляций сознанием, используемых экстремистскими организациями, террористические организации стремятся использовать эту особенность для пропаганды своих идей, привлечения новых сторонников и вербовки молодых людей для участия в экстремистских организациях. Существует множество вебсайтов в сети Интернет для пропаганды радикальных идеологий. Сайты Facebook и «ВКонтакте», популярные среди молодежи в России и в мире, предоставляют наибольшие возможности для вербовки террористическими организациями.

Государству необходимо постоянно совершенствовать законодательную базу в сфере преступлений в социальных сетях. Именно поэтому с февраля 2014 года Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» предписывает блокировать сайты и страницы с призывами к массовым беспорядкам, осуществлению экстремистской деятельности (в том числе приготовлению взрывных веществ) и участию в массовых публичных мероприятиях.

⁸⁴⁶ В рамках проекта РФФИ № 17-03-00746а.

⁸⁴⁷ Закупина Ю. А. Социально-культурные условия профилактики экстремизма в молодежной среде: дис. ... канд. педагог. наук. — М., 2005. — С. 37.

⁸⁴⁸ Егорова Т. В. Социально-педагогическая работа с молодежными неформальными объединениями экстремистской направленности (на материале Германии): дис. ... канд. педагог. наук. — Владимир, 2004. — С. 35.

Петросянц Д. В. (Москва, Финансовый университет при Правительстве РФ)

СОЦИАЛЬНОЕ НЕРАВЕНСТВО И БЕДНОСТЬ КАК ФАКТОРЫ СДЕРЖИВАНИЯ ДОЛГОСРОЧНОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА

Выстраиваемая после распада СССР социально-политическая система Российской Федерации пребывает с начала 90-х годов XX века в стадии перманентных реформ и никак не приближается к четко выстроенной схеме, соответствующей лучшим образцам ведущих западных государств. Современная Россия ставит перед собой амбициозные, но достижимые цели долгосрочного развития — обеспечение высокого уровня благосостояния населения, закрепление геополитической роли страны как одного из глобальных лидеров, определяющих мировую политическую повестку дня. Однако, нарастающие в последние годы разрывы в доходах населения, приводящие как к обогащению наиболее обеспеченной части населения, так и обнищанию наиболее уязвимых социальных групп российского общества, ведет к устойчивым зонам социальной напряженности в стране.

Демонтаж советского социального государства привел к фантастическому взлету неравенства. Пока нижняя половина общества все глубже погружается в кредитную кабалу, верхушка концентрирует в своих руках немислимое богатство, которым просто невозможно производительно распорядиться. В России в сентябре 2017 года к краткосрочным кредитам «от зарплаты до зарплаты», ставка по которым может превышать 700% в годовом исчислении, прибегали 8,5 млн. чел. И эта цифра растет ежегодно.

В Указе Президента Российской Федерации №204 от 7 мая 2018 года «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» в качестве одной из национальных целей ставится двукратное снижение бедности за обозначенный период. Нашу страну на пути снижения бедности и обеспечения социального согласия ждут немалые трудности, но именно эта проблема является системной и требующей обязательного демпфирования.

В последнее время активно изучаемые в ходе экономических и социологических исследований проблемы, связанные с дифференциацией уровня жизни, распались на два класса: дифференциация по социальным группам и дифференциация по регионам страны.

В свою очередь, эти два класса задач накладываются на экономическую и социальную дифференциацию. Сейчас под стандартные методы измерения экономического и социального неравенства подпадают и уровень душевых инвестиций, и неравномерность налоговых доходов⁸⁴⁹.

При этом многие вопросы остаются нерешенными, более того, похоже, что они вообще не могут быть до конца решены, без комплексного системного подхода к определению неравенства и черты бедности. А именно это явится первым шагом к выстраиванию государственных программ преодоления неравенства и бедности (если такие задачи действительно ставятся).

Несмотря на очевидные доказательства связи бедности с психологическими факторами, политика борьбы с бедностью обычно не принимает во внимание чувства стыда, отчаяния и социальной растерянности. Усилия по снижению уровня бедности обычно фокусируются на материальных проявлениях нищеты: например, низком уровне доходов или недостатках в полученном образовании. В результате, применяемые решения зачастую опираются на идею, что повышение уровня материального богатства или улучшение условий жизни автоматически создаст и нематериальные выгоды, в частности улучшит психологическое состояние людей.

Для целого ряда регионов России характерна проблема, известная как «порочный круг бедности». Недостаток капитала ограничивает возможности применения новой техники и современных технологий в производстве. Это порождает низкий уровень производительности труда, который в свою очередь сдерживает рост доходов населения. Низкие доходы означают низкий спрос и отсутствие мотивации стимулирующих население откладывать сбережения. В итоге ограниченность финансовых ресурсов и отсутствие стимулов препятствуют инвестированию в физический и человеческий капитал. А это означает, что «круг» замкнулся, т. е. сохраняющаяся низкая производительность труда порождает низкие доходы и т. д.

Несмотря на конвергенцию дифференциации по доходам населения, различия между российскими регионами остаются значительными и весьма вариабельными. При этом, хотя показатели неравенства сильно различаются по регионам, в основном неравенство носит внутрорегиональный характер. Оценки регионального коэффициента Джини на основе потребления колеблются от 0,28 во Владимирской области, Карачаево-Чер-

⁸⁴⁹ Балацкий Е. В., Саакянц К. М. Индексы социального неравенства // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2006. №2 (78). С. 122.

кесии и Дагестане, до более 0,40 в Иркутской области, Москве и Тюмени. Анализ подушевого потребления домохозяйств показывает, что свыше 90% неравенства носит внутрирегиональный характер, что согласуется с выводом, что внутрирегиональное неравенство, как правило, выше, чем межрегиональное. Однако, следует отметить, что этот показатель в России заметно увеличился по сравнению с прошлым десятилетием. В 1994–2000 гг. всего лишь около двух третей увеличения неравенства было обусловлено внутрирегиональным распределением доходов, а сейчас это около 90%.⁸⁵⁰

Петрунина М. А. (Санкт-Петербург, СПбГУ)

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ОБЩЕСТВА КАК НОВЫЙ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ВЫЗОВ

Цифровые технологии возникают как средство разрешения противоречия между накапливающимися во все возрастающих объемах знаниями, возможностями и масштабами их использования. Однако процесс развития технологий выходит за привычные рамки технической проблемы, поскольку содержит в себе широкий комплекс социально-культурных и политических аспектов, что обуславливает острую необходимость адекватной оценки его влияния на общество. Масштабы распространения цифровых технологий, темпы их развития, степень влияния на различные процессы общественной жизни и глубина проникновения в повседневность формируют новую среду существования человечества. Эта общественная среда формируется как гибридная экосистема, совмещающая черты традиционного общества с элементами виртуальной и дополненной реальности, цифровыми решениями для осуществления политических, общественных и хозяйственных процессов. Глобальная цифровая трансформация несет значительный потенциал революционных преобразований во многих областях, таких как оптимизация производственных и бизнес-процессов, оказание государственных услуг, в науке, образовании и в медицине⁸⁵¹.

Наряду с положительными факторами цифровой трансформации необходимо также отметить нарастающие и вызывающие беспокойство тенденции, связанные с потерей государством и обществом функции контроля над изменениями, вызванными влиянием на общество глобальных процессов цифровой трансформации. Цифровые технологии используются недобросовестными политтехнологами для разжигания вражды в обществе, для взращивания ненависти и социальной напряженности. Некоторые виды криминальной деятельности, основанные на использовании криптовалют и обеспечения анонимности на основе VPN устройств, пока еще являются слабо уязвимыми для правоохранительной сферы. А подобные прецеденты способствуют возникновению у молодежи, наиболее уязвимого для пропаганды сегмента общества, ощущения, что криминальная деятельность может осуществляться безнаказанно.

В социально-политическом аспекте цифровая трансформация и ее влияние на общество формируют широкий список нежелательных последствий и потенциальных угроз, начиная от обнищания отдельных социальных групп, возникновения очагов социальной и межэтнической напряженности, усиления слабо контролируемых миграционных потоков, и заканчивая деградацией и разрывом связей внутри общества, потерей преемственности поколений, обеспечивающей передачу культурного наследия, утратой национальной идентичности⁸⁵².

Кроме того, в рамках становления цифровой среды и цифрового общества такие категории как пространство, независимость, утрачивают свое значение, не могут иметь абсолютного характера. Вопрос безопасности при использовании цифровых технологий во всех сферах жизни становится острой проблемой, в том числе, и в политическом измерении. Также в этой связи актуализируется понятие цифрового суверенитета.

В этих условиях перед российским государством и обществом как никогда остро стоит задача не только формирования нормативной базы, которая позволит адекватно управлять рисками, происходящими из цифровой среды, но и адаптации к условиям формирующегося «цифрового мира» присущих российскому обществу этических норм⁸⁵³. Достижение этой цели невозможно без консолидации усилий всех институтов гражданского

⁸⁵⁰ Преодоление пространственного неравенства: как снова собрать советский «пазл» в условиях рыночной экономики? / Всемирный банк — Режим доступа: <http://documents.worldbank.org/curated/en/home>.

⁸⁵¹ Cagnin C., Havas A., Saritas O. Future-oriented technology analysis: Its potential to address disruptive transformations // *Technological Forecasting and Social Change*. 2013, Vol. 80, pp. 379–385. URL: <http://publications.jrc.ec.europa.eu/repository/handle/JRC77930> (accessed 05.09.2019).

⁸⁵² Госдума приняла закон об устойчивости Рунета. URL: <https://ria.ru/20190416/1552730206.html> (дата обращения 18.08.2019); Доктрина информационной безопасности Российской Федерации // Совет Безопасности Российской Федерации. URL: <http://www.scrf.gov.ru/documents/6/5.html> (дата обращения: 18.08.2019).

⁸⁵³ Цифровая Россия: новая реальность. Июль 2017 г. Digital Russia: a new reality. July 2017. URL: <https://www.mckinsey.com/~media/McKinsey/Locations/E> (accessed 05.09.2019).

общества и готовности общества к активному общенациональному диалогу, что позволит сформировать подходы к осуществлению цифровых преобразований, учитывающие интересы нашего общества⁸⁵⁴ в его этническом, культурном и конфессиональном многообразии.

Пилкина М. В. (Москва, НИУ ВШЭ)

ЖЕНСКАЯ ПОВЕСТКА В ПРОГРАММАХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ КАК СПОСОБ ДОСТИЖЕНИЯ ГЕНДЕРНОГО БАЛАНСА В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

В исследовании анализируются программы ключевых российских политических партий по критерию поддержки гендерных вопросов. На основе проведенного анализа предлагаются практические рекомендации по реализации гендерной политики в России.

Теоретической основой исследования является политическая теория феминизма в виде концепции интеграции. Согласно концепции, интеграция женщин в политику состоит из двух элементов: роли женщин в политике и роли политики в жизни женщин⁸⁵⁵. Она дает существенное обоснование для включения женщин в состав политических институтов. Маргинальность положения женщин в современном обществе не позволяет им быть представленными в таких структурах.

Методологическая база исследования — качественный контент-анализ, благодаря которому анализируются гендерно артикулированные обращения в политических программах парламентских партий. Выбор семантем обусловлен методом феминистского дискурсивного анализа Кэрол ли Бакчи⁸⁵⁶. Проблема гендерной асимметрии во власти может быть продемонстрирована через рассмотрение ряда вопросов. Они, как правило, связаны с проблемой неравенства во всех сферах, включая тему дискриминации, домогательств, доступа к образованию.

Учет гендерной проблематики и участие обоих полов в политической сфере является неременным условием для любой демократической страны⁸⁵⁷. Формальное женское представительство в российской политике существует только для ликвидации прямой дискриминации в отношении женщин⁸⁵⁸. Такой характер участия подтверждается тем, что «женщины вовлечены в российскую политику для удовлетворения потребностей режима»⁸⁵⁹. Низкий уровень представленности женщин связан с отсутствием политических партий, поддерживающих права женщин.

На сегодняшний день ни одна парламентская партия РФ не имеет гендерной повестки как направления возможного политического развития. Единая Россия и Либерально-демократическая партия рассматривают женщин только в качестве матерей. КПРФ признает только вопрос наличия женских организаций. Справедливая Россия более полно, в сравнении с другими партиями, раскрывает гендерное направление. Помимо вопросов материнства, рассматриваются трудовые права женщин и борьба с насилием по отношению к ним. В рамках исследования были проанализированы политические партии, которые не преодолели 5-% барьер на выборах в Государственную Думу ФС РФ VII созыва. Программа Коммунистов России не содержит ни одного гендерного обращения. Единственная партия, которая акцентирует внимание на вопросах полоролевого неравенства, — Яблоко. Только в этой партии вопросы гендерного баланса выделены как отдельное направление курса партии. Яблоко рассматривает вопросы экономических, политических, социальных и трудовых прав женского населения. Партия подчеркивает, что для установления гендерного равенства необходима законодательная база.

Выводы:

1. Без включения гендерной повестки в программы политических партий невозможно снизить выраженность гендерного неравенства в РФ.
2. Реализация принципов качественного гендерного равенства должна начинаться с внедрения гендерной повестки в российскую политическую реальность. При этом законодательно улучшить ситуацию можно будет только после актуализации проблемы гендерного неравенства политическими партиями РФ.

⁸⁵⁴ Васенина А. Н. Информационная функция современного российского государства: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2007. С. 10–11

⁸⁵⁵ Sapiro V. The political integration of women: Roles, socialization, and politics. University of Illinois Press, 1983.

⁸⁵⁶ Bacchi C. L. Women, policy and politics: The construction of policy problems. Sage. 1999.

⁸⁵⁷ Ballington J., Karam A. Women in parliament: Beyond numbers. International Idea. 2005.

⁸⁵⁸ Pilkina M. Gender Issues in Russian Democratization: The Myth or the Reality? Proceedings of the 12th International RAIS Conference on Social Sciences and Humanities. Scientia Moralitas Research Institute, 2019.

⁸⁵⁹ Johnson J. E. Fast-tracked or boxed in? Informal politics, gender, and women's representation in Putin's Russia. Perspectives on Politics. 2016. No. 14 (3), P. 643–659.

КОНФЕССИОНАЛЬНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ КАК ОСНОВНОЙ ВЕКТОР ПОЛИТИКИ МНОГООБРАЗИЯ В ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ

После распада СССР традиционные религии, которыми считаются православие, ислам, иудаизм и буддизм, имеют в России привилегированный статус. В 1990-х годах покровительство властей представителям традиционных религиозных организаций выражалось в материальной поддержке (возвращение изъятых в разные годы советской властью у религиозных объединений ценностей, земель, сооружений, реликвий и иного имущества, наделение религиозных организаций различными льготами и т. п.). В наши дни во внутренней политике и в СМИ особенное внимание уделяется двум наиболее распространенным конфессиям — православному христианству и исламу, среди приверженцев которых есть и первые лица России. Власть по-прежнему положительно относится к запросам на строительство и открытие культовых сооружений, легализацию религиозных образовательных учреждений и программ, но формирует встречный запрос на выражение лояльности лидеров религиозных сообществ власти и поддержку ими идеи многоконфессиональной российской государственности. Конфессиональное начало вытесняет «советскую» этническую составляющую в государственной политике многообразия на высшем уровне. Политическое руководство страны, главы ведомств, госслужащие, руководители субъектов федерации участвуют в богослужениях и религиозных ритуалах, это регулярно и торжественно освещается в СМИ. Христианские и мусульманские религиозные деятели ведут повседневную работу по душепопечению военнослужащих и учащихся различных ведомственных учебных заведений, открывают кафедры и в светских ВУЗах. В школьные образовательные программы включены компоненты, знакомящие детей с основами православной, мусульманской или иной имеющей статус традиционной религиозной культуры. Высказываясь по поводу резонансных событий, главы традиционно православных и мусульманских регионов публично маркируют свою позицию конфессиональными ценностями и конфессиональной этикой.

Тем не менее, альянса между представителями молодого поколения мусульман и православных в защиту религиозных и консервативных ценностей не сложилось, ни на уровне верующих граждан, ни на уровне духовенства. В 1990-е гг. объединяющим началом могла выступать кооперация религиозных организаций для обретения утраченного в советский период имущества, особенно земли и сооружений, выработки форм взаимодействия с обновленным государством. Сейчас к власти в руководстве РПЦ и мусульманских организаций приходит поколение, не связанное советским опытом и общими интересами. Лояльность, которая ожидается от тех и других российскими чиновниками, не может обеспечить искреннюю заинтересованность религиозных деятелей в восприятии идеи политического единства создаваемой на основе гражданской, а не этнической идентичности российской нации их паствой. Несколько конфликтных ситуаций вокруг произведений искусства и высказываний в СМИ и соцсетях, оскорбляющих религиозные чувства православных в России, и чувства мусульман в других странах мира (т. н. «карикатурный скандал» и т. п.), не вызвали солидарной реакции мусульман и христиан. Также, несмотря на общие для православных и мусульман «проблемные» темы, по которым высказываются активисты (борьба с алкоголизмом, наркоманией и курением), не наблюдается консолидации и совместных выступлений и акций.

Политика властей до 2010 г. не подразумевала превращения обеих конфессий в идентификационные, скорее она была продолжением вектора 1990-х годов, признания государством груза вины за уничтожение храмов и мечетей и преследования верующих. Однако теперь именно два конфессиональных маркера — православие и ислам — составляют наиболее крупные сектора в условной палитре российского многообразия. При этом не уделяется внимания популяризации идеи сродства их ценностно-культурной составляющей при поощрении сепаратного изучения богословия духовенством внутри своей традиции, и освещении в СМИ отличий, смущающих обывателя сюжетами о проведении «чуждых» религиозных праздников, ритуалов и т. п. Консервативный альянс не только между религиозными лидерами, но и между общественными активистами двух конфессий, с учетом т. н. авраамического происхождения обеих религий, представляется возможным.

Демографические процессы позволяют предположить быстрый прирост в России мусульманской молодежи. Мусульмане РФ в первом десятилетии XXI века уже выражали заинтересованность в представленности на уровне специального поста вице-президента страны, тем самым обозначив запрос на статусное равенство с учетом обозначенной первыми лицами государства принадлежности православию. На том этапе противоречия были сглажены. Но при дальнейшем поощрении государством конфессионального измерения идентичности россиян без одновременного распространения среди граждан и мигрантов культуры взаимоуважения между верующими и неверующими, а также искренней межконфессиональной толерантности политика конфессионального многообразия может спровоцировать больше проблем, чем решений.

ОБРАЗ СТРАНЫ ГЛАЗАМИ ЕЕ ГРАЖДАН: ПРОБЛЕМА ИССЛЕДОВАНИЯ

В условиях обострения международной обстановки все чаще говорят о внешнеполитическом образе страны. Действительно, от того, как страну воспринимают в мире зависят политические, экономические, культурные и часто даже спортивные отношения между странами. Но именно в такие периоды особое внимание необходимо уделять тому, как воспринимают страну собственные граждане. От них зависит устойчивость всей политической системы в целом, а от их поддержки — успешность самых разных направлений. Надо помнить, что в условиях свободного Интернета обмен информацией происходит мгновенно и в разных направлениях. А значит, что на граждан внутри страны влияние и часто довольно сильно образ страны внешнеполитический.

Таким образом, внутри сознания граждан сталкиваются как сразу несколько довольно противоречивых образов. С одной стороны, граждане каждый день сталкиваются с реалиями повседневной жизни: качеством дорог, жилья, материальными вопросами, государственными и социальными службами, медицинским обслуживанием, школами и детскими садами. С другой стороны, на них влияет довольно сложный медийный образ страны, который состоит из национально-патриотических заявлений, зарисовок с В. В. Путиным, покупающим мороженное у «простой мороженницы» и часто полными абсурда дебатами и ток-шоу. С третьей стороны, они находятся под довольно сильным давлением того самого образа, который формируется извне и широко транслируется в соцсетях, форумах и даже информационных источниках.

Какая победит при столкновении таких противоречивых картин мира? Именно здесь нам необходимо обратить свое внимание на глубинные механизмы восприятия. Торжественные заявления, демонстрация силы, строительство мостов, военной силы не гарантируют лояльности граждан и их поддержки. Политическое восприятие значительно сложнее, чем это часто кажется политтехнологам.

Помочь в решении этой задачи призвано исследование восприятия России ее гражданами, которое проводится на кафедре социологии и психологии политики факультета политологии МГУ им. М. В. Ломоносова в рамках проекта РФФИ № 18-011-01138А «Образ страны в российском обществе: политико-психологический анализ».

Опираясь на теорию политической идентичности, работы политических географов, а также (и в первую очередь) на теорию политического восприятия, мы рассматриваем образ страны, существующий в сознании ее граждан, как некий набор параметров для самоотождествления. Внутренний образ страны состоит из тех смыслов, которыми граждане наполняют эти параметры.

Содержательный анализ представлений граждан о своей стране позволил выделить пять ключевых компонентов, которые представляют собой когнитивные компоненты образа, а именно знания и представления граждан о своей стране. К таким компонентам относятся: образ территории, образ народа, образ власти, образ лидера и внешнеполитический образ (миссия и роль страны на международной арене и представления о том, какой видят страну другие).

С другой стороны, невозможно при анализе восприятия страны не учитывать территориальный аспект, так как жители Калининграда, Екатеринбурга и Дальнего Востока видят страну через призму геополитических процессов, которые на них оказывают огромное влияние.

В то же время наши исследования разных аспектов образа страны на протяжении последних 10 лет показывают, что политическое восприятие имеет сложную структуру, включающую в себя не только рациональные когнитивные компоненты, эмоциональные стороны (нравится/не нравится), но и неосознаваемые пласты, которые влияют на формирование целостного образа и часто напрямую формируют поведенческие паттерны. Исследование этих глубинных, часто иррациональных аспектов восприятия требует особого подхода и специальных методов изучения.

Опираясь на методологию исследования образов, разрабатываемую на кафедре социологии и психологии политики в психологической структуре мы выделили такие параметры, как *привлекательность, сила и активность*.

В то же время формирование образа страны в сознании людей происходит под влиянием ряда *факторов*.

В первую очередь огромное влияние оказывается политическая традиция и культура, социально-политический контекст восприятия, а также особенности государственного устройства, политической власти и лидеров стран как воспринимаемых политических объектов. Все эти аспекты существуют объективно и являются фоном для формирования политических представлений.

Вторая группа факторов относится к особенностям самого субъекта восприятия: это социально-демографические характеристики и их психологические особенности (потребности, мотивы, ценности, идентичность).

Кроме того, восприятие страны детерминировано и еще несколькими факторами — состоянием в континууме «прошлое — настоящее — будущее»; особенностями федеральных и региональных образов, представлениями о «своей» стране и представлениям о других («чужих») государствах; воздействием информационного пространства и современных форм коммуникации на субъект и объект восприятия.

Плетнев А. В. (Санкт-Петербург, СПбУ МВД РФ)

Д. ТРАМП И Э. МАКРОН КАК НОВЫЕ ТИПЫ ПОЛИТИКОВ ЭПОХИ НЕОКАПИТАЛИЗМА

Президентские компании Дональда Трампа и Эммануэля Макрона стали из ряда вон выходящими событиями для мировой политической мысли. Это не просто новые стратегии борьбы за власть, они являются следствием фундаментальных изменений в обществе — формирования неокapитализма. Далее раскроем сущность неокapитализма и определим его влияние на политические процессы.

К концу XX века происходит крах СССР и транснациональные корпорации получают в свое распоряжение последний неосвоенный рынок. С этого момента капиталисты лишаются возможности наращивать прибыли за счет количественного расширения, поскольку все рынки заняты, а каждый вид товара или услуги уже предлагается несколькими компаниями. Возникает противоречие, поскольку капиталисты стремятся наращивать прибыли, но возможности увеличения продаж не велики. Решением этой проблемы является навязывание индивидам стратегий символического потребления. Символическое потребление — это единственный способ заставить покупать человека, у которого уже все есть. И так, если в модели классического капитализма потребителю предлагалось приобрести товар (или услугу) для удовлетворения его реальных потребностей, то в случае неокapитализма потребителю предлагается купить не сам товар (физический носитель), а связанный с ним символический статус. В этой системе автомобили, одежда, недвижимость и прочие вещи приобретаются не из-за потребности в них, а чтобы показать статус владельца как богатого, модного и сексуального человека.

Развитие неокapитализма коренным образом изменяет политику. Во главу угла становятся понятия образа и идентичности. Политик, как и товар, приобретает с точки зрения избирателей определенную символическую стоимость. Люди желают идентифицировать себя с современным, модным, спортивным политиком, то есть с политиком, имеющим большую символическую стоимость в координатах неокapитализма. Деятельность политика как борца за интересы людей несколько изменяется. В политической борьбе увеличивается роль личности политика и снижается роль рациональной аргументации. Эти изменения вызваны объективными социально-экономическими причинами. В эпоху неокapитализма исчезают явления эксплуатации и отчуждения. Эксплуатация исчезает, поскольку значительная часть цены товара — это символическая часть, которая превышает реальную стоимость. В этом смысле работник получает высокую заработную плату не благодаря деньгам, заработанным «потом и кровью», а благодаря символической стоимости, созданной интеллектом маркетолога. Понятие отчуждения же не имеет прежнего смысла, поскольку работник хотя и отчуждается от произведенного товара, но приобщается к символической стоимости, престижу компании. Человек повышает свой статус в обществе благодаря принадлежности к престижному бренду.

Трамп и Макрон олицетворяют собой две противоположные стратегии поведения в условиях неокapитализма. Трамп — человек выдающегося ума, который мыслит категориями классического капитализма, но хорошо понял суть происходящих изменений. При проведении избирательной компании он, с одной стороны, устроил политически троллинг и вел себя как представитель шоу-бизнеса, а с другой захватывал самые болезненные для избирателя вопросы — экономику, миграцию⁸⁶⁰, упадок традиционных ценностей⁸⁶¹. Сочетание этих компонентов и предопределило успех Трампа.

Макрон является политиком полностью нового образца. Он мыслит категориями неокapитализма, и его образ — это и есть его суть. По этой причине Макрон проводил избирательную компанию с опорой на youtube и социальные сети. Основной акцент его компании делался на образ кандидата, на освоение нетрадиционных каналов коммуникации с избирателем. Он называл свое избрание «демократической революцией»⁸⁶², говорил максимально просто и создавал убеждение, что его успех — это успех мобилизованных им людей. Макрону удалось скрыть, что он преимущественно представляет интересы богатых. Это стало особенно очевидно сей-

⁸⁶⁰ Alamillo R., Haynes C., Madrid R. Gr. Framing and immigration through the trump era // *Sociology Compass*. 2019. Vol. 13. Iss. 5. PP. 1–11.

⁸⁶¹ Whitehead A. L., Perry S. L., Baker J. O. Make America Christian Again: Christian Nationalism and Voting for Donald Trump in the 2016 Presidential Election // *Sociology of Religion*. 2018. Vol. 79, Iss. 2, PP. 147–171.

⁸⁶² Macron E. *Revolution*. UK. London. Scribe. 2017. — 272 p.

час, после протестов «желтых жилетов». Если Трамп только надел маску медийного персонажа, то Макрон им и является.

В целом рассмотренные избирательные компании Трампа и Макрона не являются чем-то удивительным или результатом эксцентричной стратегии, а вызваны объективными социальными и экономическими изменениями. На материале этого кейса хорошо видно, что учет развития неокapитализма позволит политологам анализировать не многочисленные следствия происходящих процессов, а их причину и суть.

Плотников Д. И. (Москва, РУДН)

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ В КРИЗИСНЫХ СИТУАЦИЯХ НА ПРИМЕРЕ ТРАНСФОРМАЦИЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В РОССИИ 1917–1929 ГГ.

В современной политологии исследование политической культуры занимает одно из центральных мест. Во многом это связано именно с тем, что степень развития и сформированности политической культуры обеспечивает устойчивое функционирование политических институтов, а так же всей политической системы в целом. Политическая культура является своего рода базисом, на котором выстраивается вся политическая система государства и общества. Важно понимать, что в нормальной политической ситуации процесс трансформации политической культуры является постепенным. В свою очередь в кризисных ситуациях процесс трансформации политической культуры значительно ускоряется и становится многовариативным.

В современной России наблюдается процесс постепенного развития демократической политической культуры. В свою очередь мы можем говорить о том, что в современной России мы можем выделять значительные группы политических субъектов, которые продолжают свое развитие в векторе подданнической политической культуры. Данная культура была сформирована в период Гражданской войны в России, и в дальнейшем претерпела ряд изменений⁸⁶³. Именно поэтому для дальнейшего развития важно понимать, как была сформирована эта культура, а также какие альтернативы были возможны в тот период.

При исследовании процесса трансформации политической культуры России в период гражданской войны удалось выявить несколько особенностей данного процесса.

1. В годы гражданской войны в России мы наблюдаем многократное увеличение скорости трансформаций. Так за 5 лет гражданской войны тип доминирующей политической культуры в России несколько раз менялся.

2. Катализатором процесса трансформации стало активное реформирование политической культуры. Как правило, данные реформы происходят путем заимствования политических норм и институтов из других политических культур. Данный период приходится на 1917 год, когда в России активно формируются демократические политические институты.

3. В результате проведенных реформ политическая культура усложняет свою структуру и становится неэффективной в основных вопросах своего функционирования, в результате чего расшатываются основы политической системы. Это приводит к расколу общества на несколько крупных групп, которые находятся в конфликтном состоянии и формируют собственные вооруженные силы.

4. Усложненная политическая культура переходит из единого, монолитного состояния, в состояние фрагментированное, в котором стабильность элементов удерживается несколькими базовыми ценностями. При этом в этот момент наиболее привлекательными становятся радикальные политические культуры и субкультуры.

5. В то же самое время радикализируются сторонники традиционализации политической культуры, которые выступают за её упрощение и сохранение её стабильности.

6. В результате противостояний и усложнений происходит социальный взрыв, который обеспечивает распад фрагментированной политической культуры на несколько самостоятельных и независимых политических культур. Важной особенностью этого процесса является то, что данные культуры перестают нормально взаимодействовать в рамках единого политического пространства, сверх того, ликвидируются нормы права и политики, обеспечивающие их диалог.

7. Общими векторами трансформаций политической культуры в гражданской войне являются: переход от принципа добровольного участия к принудительному; активизация пропагандисткой и образовательной деятельности политической культур; ограничение определенных форм политического участия; переход от демократических форм политического участия к авторитарным.

⁸⁶³ Головин Н. Н. Российская контрреволюция в 1917–1918 гг. В 5-ти частях. Ч. 2. Кн. 5. Париж, 1937.

8. В ходе вышеописанных трансформаций гражданская война, с точки зрения политических культур представляет собой противостояние одной наиболее централизованной политической культуры и всех остальных разрозненных политических культур.

9. На завершающей стадии гражданской войны для проигравшей культуры характерен переход от стремления к обладанию всей государственной властью в стране к созданию собственно государства на части территории, охваченной гражданской войной.

Стоит так же сказать, что в период кризисной ситуации, порожденной гражданской войной в России, на ее территории сразу функционировали почти все типы политических культур, что делает изучение данного вопроса наиболее сложным.

Плотников Д. С. (Пермь, ПГНИУ)

ОБРАЗ РОССИИ В ПОЛИТИКЕ ПАМЯТИ СТРАН ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В КОНТЕКСТЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

По результатам исследования выделено 3 группы стран в зависимости от формирования места России в исторических опорных мифах. Первая группа — Кыргызстан и Таджикистан, где советское прошлое органически вписывается в конструирование новых мифов с упором на национальные образы. Во второй группе, напротив, наблюдается восприятие Имперской России и СССР как колонизатора, чья деятельность деструктивно сказалась на развитии народов. К данной категории стран относятся Туркменистан и Узбекистан. К третьей группе относится Казахстан, где взаимоотношения с СССР и Россией воспринимаются противоречиво, тем не менее, доминирует нейтральное или положительное восприятие существования в общесоюзном государстве.

Формирование традиций и новых опорных мифов в государствах Центральной Азии оказывает прямое воздействие на выстраивание внешнеполитического курса страны. Система ценностей, конструируемая представителями власти, создает определенные поле для маневров, выходить за рамки которого весьма проблематично по причине подрыва легитимности. Выделенные 3 группы стран определенно по-разному позиционируют себя в регионе и имеют разные стратегии во взаимоотношениях с Москвой. Ташкент и Ашхабад стремятся дистанцироваться от Москвы, воспринимая ее в качестве имперского центра. Бишкек и Душанбе, напротив, стремятся извлечь выгоду от сотрудничества с Москвой, воспринимая ее в качестве гаранта собственной стабильности. Астана так же стремится извлечь пользу из российско-казахстанских отношений, при этом Казахстан стремится усилить свои позиции посредством проведения «многовекторного» внешнеполитического курса.

Обретя независимость, страны Центральной Азии стремятся легитимировать собственную государственность и апеллируют к славному историческому наследию. В Туркменистане и Таджикистане отмечаются тысячелетние юбилеи создания первых государств. Повсеместно вспоминаются древние эпосы и легендарные герои (особый культ отмечен в Кыргызстане в отношении богатыря — Манаса). Особая роль в претензии на региональное лидерство со стороны Узбекистана принадлежит Тамерлану. В качестве тренда следует отметить популяризацию литераторов и ученых из Центральной Азии. Образ юрты, скачущего в поле кочевника обладает особой притягательной силой в Кыргызстане и Казахстане. Астана, в отличие от Ташкента, выбрала мультикультурную идеологию «Евразийства» в вариации Гумилева и Назарбаева. Данный концепт сгладил вероятные этнические противоречия в разнородном казахстанском обществе и способствовал формированию гражданской нации в Казахстане. После 2014 г. в Казахстане усилился тренд направленный на формирование древнего образа государственности. В конце 2014 г. было принято решение о торжественном праздновании в 2015 году 550-летия Казахского ханства. В 2019 г. К. Токаев анонсировал празднование 750-летия Золотой Орды. Все большее акцентирование на тюркской идентичности, проявляющееся, в том числе и в казахстанском кинематографе, означает смещение акцентов в области восприятия прошлого в современном Казахстане. Политика России в отношении Казахстана нацелена на педалирование общего исторического наследия и, в первую очередь, памяти о Великой Отечественной войне.

В отличие от Казахстана, Туркменистан позиционирует российское присутствие в регионе в качестве «ига». Гоекдепинское сражение 1881 г. между российскими и туркменскими войсками с поражением последних — самая большая трагедия туркменского народа⁸⁶⁴. Педалирование величия туркменского народа на фоне дискредитации соседей создает плодотворную базу для проведения изоляционистского внешнеполитического

⁸⁶⁴ Гавровская Е. А. Независимый Туркменистан: идеологические аспекты национальной политики // Идеи и идеалы. 2010. № 1 (3), т. 2. С. 118.

курса республики. В Узбекистане, как и в Туркменистане история конца XIX–XX вв. трактуется «с точки зрения гегемонии русских, которая стала всеобъемлющей в советский период, особенно при большевиках и коммунистах»⁸⁶⁵.

Идейно символическое позиционирование стран региона существенно отличается. Если Таджикистан и Кыргызстан сохранили советскую преемственность в символическом смысле, то Туркменистан и Узбекистан пошли на радикальный разрыв с этим периодом, который воспринимается в качестве колониального. Казахстан сформулировал принципиально иную символическую парадигму, выстроенную на сочетании тюркского и славянского начал с безусловным преобладанием первой составляющей в казахстанской символике. Таким образом, на примере стран Центральной Азии мы видим прямую корреляцию образа России и внешнеполитической стратегии стран региона.

Подрезов М. В. (Томск, НИ ТомГУ)

К СОВРЕМЕННЫМ ПРЕДСТАВЛЕНИЯМ О «НОВОМ ПОПУЛИЗМЕ»⁸⁶⁶

Политологическая наука переживает настоящий всплеск интереса к исследованию политического популизма. Это весьма объяснимый факт, учитывая успешность данного феномена по всему миру: от «Альтернативы для Германии», брексита и Дональда Трампа в Западной Европе и США до чавизма, Родриго Дутерте и «этно-популизма» в государствах Латинской Америки, Азии и Африки. При этом весьма показательно, что подавляющее большинство исследований начинаются с объяснений размытости трактовок популизма в современной науке и журналистике.

Отсутствие устойчивого понимания сущности популизма выявляет перед академическим сообществом целый ряд проблем, которые в общей формуле предстают выражением «популизм — это все и одновременно ничего». В российской политологической науке классическим определением популизма выступает суждение Н. А. Баранова, представляющего популизм в трех интерпретациях: переходный тип политического сознания; социально-политические движения и идеологии, основой которых выступает обращение к широким народным массам; политическая деятельность, основанная на манипулировании ожиданиями⁸⁶⁷.

Подобная широта восприятия и неоднозначность понятия «популизм» заставляет исследователей искать новые способы определения рамок этого феномена, что, в конечном счете, приводит к появлению термина «новый популизм». В российской политологической науке мысли о «новом популизме» в частности озвучил Г. И. Вайнштейн⁸⁶⁸.

Данная идея, безусловно, должна получить развитие в силу целого ряда причин. Во-первых, понятие «нового популизма» позволит отделить хронологически современность от проявлений популизма далекого прошлого, в частности — от популяров эпохи Древнего Рима, суждений Ш. М. Монтескье, народничества или популизма американских трудящихся конца XIX — начала XX в., что, безусловно, также важно, но должно находиться в исследовательском поле историков, а не политологов. Во-вторых, позволяет более лаконично уместить феномен «нового популизма» в рамки эпохи постдемократии и постправды, на постулатах которых, собственно говоря, и получил развитие современный вариант политического популизма. В-третьих, позволяет по-новому взглянуть на причины возникновения времени, которое известный американский и голландский политолог К. Мудде назвал «Populist Zeitgeist»⁸⁶⁹, так как до сих пор многими исследователями успешность популистских партий объясняется экономическими кризисами и маргинализацией общества, что не подтверждается современными практикоориентированными западными исследованиями. В-четвертых, позволит взглянуть на «новый популизм» как на продукт передовых цифровых технологий, наполнение которых имеет значительные элементы архаики⁸⁷⁰.

⁸⁶⁵ Россия в узбекских учебниках по истории. URL: <http://baursak.kz/blog/ussr/1585.html#.VoZRFFPp0IQ> (дата обращения 23.08.2019).

⁸⁶⁶ Статья выполнена по гранту на реализацию научного проекта РФФИ № 19-011-31231 «Политическая социализация молодежи в университетских городах».

⁸⁶⁷ Баранов Н. А. Эволюция взглядов на популизм в современной политической науке. СПб., 2001. URL: https://www.nicbar.ru/nauka/nauchnye-raboty/447-baranov-n-a-evolyutsiya-vzglyadov-na-populizm-v-sovremennoj-politicheskoj-nauke-nauchnoe-izdanie#_Toc513006456 (дата обращения: 07.06.2019).

⁸⁶⁸ Вайнштейн Г. И. Современный популизм как объект политологического анализа // Полис. Политические исследования. 2017. № 4. С. 69–89.

⁸⁶⁹ Mudde C. The Populist Zeitgeist // Government and Opposition. 2004. Vol. 39. No. 4. P. 542–563.

⁸⁷⁰ Подробнее: Щербинина Н. Г. Архаика в российской политической культуре // Полис. Политические исследования. 1997. № 5. С. 127–139; Харкевич М. Архаика и современный правый популизм в Европе / М. Харкевич, В. Музалевский, П. Осколков // Современная Европа. 2018. № 1. С. 59–68.

Обобщая сказанное, отметим, что феномен «нового популизма» стоит рассматривать с позиций, обозначенных в фундаментальном труде известного социолога Колина Крауча: «Под постдемократией понималась система, в которой политики все сильнее замыкались в своем собственном мире, поддерживая связь с обществом при помощи манипулятивных техник, основанных на рекламе и маркетинговых исследованиях, в то время как все формы, характерные для здоровых демократий, казалось, остались на своем месте»⁸⁷¹. Приняв это, «новый популизм» не нужно рассматривать как «уродливый продукт» времени, искать его «ущербность», а сфокусировать внимание на поиске возможных последствий бума этого феномена (политологический аспект), когнитивных причин его успешности (психологический аспект), а также на исследованиях технологических аспектов, связанных с выстраиванием современными популистами своей коммуникации.

Подшибякина Т. А. (Ростов-на-Дону, ЮФУ)

НАРРАТИВНЫЙ АНАЛИЗ КАК МЕТОД ИССЛЕДОВАНИЯ НЕИНСТИТУАЛИЗИРОВАННЫХ ФОРМ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ⁸⁷²

Оказывается, у всех есть свое, личное представление об истории. «Великая архивная революция», начавшись в середине прошлого века, не только ввела в научный оборот огромное количество мемуарной литературы и архивных документов, но и призвала им доверять в качестве научного источника. Интересно понять, как из мозаики личного восприятия складывается коллективная историческая память, можно ли это измерить? А если усложнить задачу и рассмотреть этот процесс в контексте современных сетевых коммуникационных практик, на какие тренды в будущем он выходит?

Историческая память как предмет исследования имеет определенную специфику, требующую применения совокупности методов, таких как институциональный, нормативный, исторический. Однако это лишь верхушка айсберга, представляемая политикой памяти или исторической политикой государства. Историческая память обнаруживает себя в целом ряде неинституализированных форм, исследовательский интерес вызывают прежде всего именно они, поскольку неформальные процессы оказывают значительное влияние на историческую память как социально-политический институт.

Нарративный анализ для исследования исторической памяти в настоящее время практически не применяется, хотя выходит на пик своей популярности в Европе как инструмент изучения индивидуального и группового сознания. Доказал он свою эффективность в исследовании латентных форм восприятия реальности, хотя, безусловно, его статус качественного анализа, не позволяет говорить о наличии преимуществ групп методов количественного исследования политических процессов. Суть нарративного метода заключается в анализе сюжетообразования текста или истории; логики изложения, включая повествовательные уровни, аргументации, метафор.

Проведение нарративного исследования в ряде вузов Ростова-на-Дону наглядно показало возможности метода в области изучения исторической памяти и идеологических установок. В ходе проведения нарративного анализа (по методу М. Бахтина) в форме написания эссе на тему «История России: прошлое, настоящее, будущее» было исследовано 69 эссе, в которых студентам предлагалось идентифицировать свои политические взгляды и идеологические предпочтения, рассказав историю России, выделить наиболее важные события, описать процессы, которые проходят в стране сегодня и предложить свою модель будущего России.

Нарративный анализ позволил выявить скрытые установки, ориентации и предпочтения, а в некоторых случаях констатировать отсутствие их корреляции с идеологической самопрезентацией студентов. Можно выделить следующие категории соотношения самопрезентации и выявленных предпочтений: Восприятие автора в целом соответствует заявленной идеологии (36); Автор в целом попадает под теорию идеологии, но имеются некоторые отклонения (10). Отрицание идеологических предпочтений в самооценке, но наличие признаков идеологических оценок в высказываниях (8); Самоидентификация автора совсем не соответствует заявленной идеологии (15).

Нарративный анализ может быть использован в сочетании с другими методами, позволяющими исследователю «добираться» до ментальных пластов сознания. Такую возможность дает тест имплицитных ассоциаций (Implicit Association Test — IAT), разработанный в США А. Гринвальдом и Б. Носеком. Тестовая методика IAT используется в исследовании имплицитных аттитюдов, которые понимаются как «автоматическое оценивание каких-либо объектов без осознания его причин».

⁸⁷¹ Крауч К. Постдемократия / пер. с англ. Н.В. Эдельмана. М.: Изд. дом Гос. ун-та Высшей школы экономики, 2010. С. 7.

⁸⁷² Доклад подготовлен при финансовой поддержке РФФИ, грант № 18-011-00906 «Когнитивно-идеологические матрицы восприятия студентами Юга России современных социально-политических кризисов».

В рамках исследования когнитивно-ментальных матриц молодежи было проведено тестирование группы, состоящей из двадцати человек на наличие стереотипов во взглядах на отношения России—США. В рамках теста, респонденты устанавливали соотношение понятий между «Россия — хорошо» и «США — плохо», и наоборот. Результаты теста показали, что большинство из группы политологов слабо подвержены стереотипному мышлению (45% — 9 человек). Под влиянием стереотипов оказалось 15% (3 человека). Остальные расположились в промежуточном диапазоне влияния.

Подводя итог, можно констатировать большие методологические возможности применения нарративного анализа в исследовании исторической памяти как «terra incognita» и широкие перспективы его использования для изучения латентных когнитивных ментальных процессов.

Поливаева Н. П. (Воронеж, ВИ ФСИН России)

ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО В КОНТЕКСТЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НЕКОММЕРЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ (НА ПРИМЕРЕ ВОРОНЕЖСКОГО РЕГИОНА)

За последние 20 лет региональные НКО изменились за счет институционализации, локализации, профессионализации и «подвижек» в характере взаимоотношений между общественными организациями и гражданами⁸⁷³. Самыми популярными видами работы социально ориентированных НКО Воронежской области являются: деятельность в области образования, просвещения, науки, культуры, искусства, здравоохранения, профилактики и охраны здоровья граждан, пропаганды здорового образа жизни, улучшения морально-психологического состояния граждан, физической культуры и спорта. В этой сфере работают 65,6% в РФ и 77% в Воронежской области. В сфере социальной поддержки и защиты граждан заняты 27,3% организаций в РФ и 43,2% в Воронежской области. Судя по всему, именно эти сферы общественной жизни в недостаточной мере отрегулированы государством.

С помощью Ресурсного центра поддержки эти организации за последний год появились в Борисоглебском, Подгоренском, Петропавловском, Россошанском и др. районах. Устав большинства НКО предполагает возможность привлечения денежных средств под грантовые проекты и реализацию в районах и поселениях широкого круга задач (от патриотического воспитания до оказания социальных услуг). Районные НКО повысили активность в заявочных кампаниях; каждая шестая заявка, поданная в Фонд президентских грантов и выигравшая от Воронежской области в первой волне 2018 года, направлялась районными НКО.

Социальная франшиза (открытая база данных проектов, реализуемых НКО, местными сообществами, гражданскими активистами) является важным ресурсом осуществления проектной деятельности (например, ежегодный конкурс «Премия общественно-государственного признания «Добронежец»», в котором ежегодно участвуют свыше трёхсот проектов).

Для полноценного функционирования и развития регионального третьего сектора СМИ должны руководствоваться такими принципами, как: 1) концентрирование редакционной политики областных государственных и муниципальных СМИ на освещении вопросов НКО, гражданских инициатив и общественных проектов, 2) использование механизмов возмездного размещения материалов о работе некоммерческого сектора в СМИ (через госзаказы, гранты и субсидии и т. д.), 3) публичное поощрение органами власти журналистов, специализирующихся на информационном сопровождении работы третьего сектора.

Значительная доля граждан оценивает работу органов власти с общественностью как «профнацию», «имитацию» или «холостую деятельность», которая часто не имеет содержательных результатов, способов учета реальных запросов, интересов населения⁸⁷⁴. Многие эксперты считают, что органы власти не всегда заинтересованы в полноценном и постоянном взаимодействии с некоммерческим сектором (особенно в сфере контроля, надзора, противодействия коррупции и т. п.), используют в основном выгодные ей общественные посылы. Структуры власти и управления нередко замыкают совместную работу на малопроблемных сферах общественной жизни и ограничивают публичное сотрудничество по сложным, резонансным и значимым вопросам. В качестве негативного и деморализующего примера эксперты называют сворачивание знаковых публичных

⁸⁷³ Салменниemi С., Бородин А. В., Бородин Д. Ю., Раутио В. Логика развития общественных организаций в современной России // Полис. 2009. № 1. С. 158.

⁸⁷⁴ Аналитический доклад «О состоянии, тенденциях и направлениях развития некоммерческого сектора Воронежской области (на основе результатов экспертных интервью и социологических исследований)». Воронеж: Аналитический центр правительства Воронежской области, 2016. 28 с.

инициатив (например, Общественный совет по контролю за комплексным освоением никелевых месторождений в Воронежской области и др.).

Перспективы развития некоммерческого сектора Воронежской области эксперты в большей мере связывают с поддержкой органов государственной власти. НКО не могут самостоятельно выйти на необходимый уровень институционализации. Формально региональная структура гражданского общества выглядит весьма разветвленной. Но население региона мало знает о деятельности общественных организаций. Региональным властям следует расширять нефинансовые формы поддержки НКО (безвозмездное предоставление помещений, в том числе в вузах, общественных учреждениях, школах, библиотеках, клубах, информационная и иная поддержка). Эту проблему отметил В. В. Путин на итоговом форуме Общественной палаты РФ «Сообщество»: «За предыдущие 6 лет государство выделило на деятельность НКО 30 млрд. рублей, в 2018 году — 8 млрд., в 2019 году тоже будет выделено 8 млрд. и в 2020 году не меньше того... работа подобного рода будет распространяться еще шире... будет включать и малые города, и сельскую местность»⁸⁷⁵.

Помигуев И. А. (Москва, Финансовый университет при Правительстве РФ; ИНИОН РАН)

ВЕТО-ТЕХНОЛОГИИ КАК МЕХАНИЗМ УКРЕПЛЕНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ

Неоинституциональная концепция вето-игроков Дж. Цебелиса предлагает рассматривать акторов (институциональных и партийных), которые способны заблокировать принятие политических решений, — вето-игроков, деятельность которых подчиняется общим формальным правилам игры. Однако список подобных акторов намного шире, если рассматривать всех, кто может негативно повлиять на результаты рассмотрения инициатив: это люди и группы, обладающие полномочиями участвовать в принятии решений по определенному кругу вопросов, блокировании или даже просто в затягивании рассмотрения инициатив. В таких случаях используют понятие *veto gate* (дословно — «ворота вето») как совокупность возможностей блокирования политических решений.

В свою очередь вето-актор (англ. *gatekeeper*, дословно — привратник) — это тот, кто непосредственно участвует в законодательном процессе и своими действиями или бездействием способен оказать негативное влияние на законодательный результат. В разных странах существует значительное различие в количестве вето-акторов в законодательном процессе, которые находятся как снаружи, так и внутри законодательного органа. Ими могут быть политические субъекты (например, отдельный депутат или небольшая фракция), и общественные структуры (например, ассоциации, СМИ и др.), технические исполнители (внутриинституциональные акторы).

Особо важно понимать, что непринятие решений — это тоже решение, которое способствует сохранению законодательного статус-кво, но не получает широкой публично-политической огласки. Это возможно, когда вето-игроки понимают, что транзакционные издержки от последствий такого решения будут значительно превышать выгоды. При этом сохранение статуса-кво без открытого конфликта противостоящих политических сил, безусловно, играет на руку «охранителям» существующего порядка. Это очень «тонкая» игра: с одной стороны не высказывать публично «реакционную» позицию, а с другой — продолжать получать выгоду от существующего положения дел, сохраняя при этом лицо.

Таким образом для изучения влияния акторов в законодательном процессе важно понимать именно особенности удержания выгодного вето-игрокам и вето-акторам законодательного статус-кво. Для этого имеет смысл определить новый вид политических технологий⁸⁷⁶ — «вето-технологии», под которыми можно понимать целенаправленно сконструированную совокупность приемов и способов противодействия изменениям законодательного статус-кво, которые затрагивают несовпадающие интересы вето-игроков и/или вето-акторов.

Обычно инициатором изменений выступает исполнительная власть, а соответственно и вето-технологии применяются для того, чтобы сдерживать ее попытки изменений, которые могут противоречить интересам крупных социальных групп.

Чем лучше парламент будет контролировать вопросы установки повестки дня, тем выше будет его влияние на законодательный процесс в целом. Однако здесь можно наблюдать два противоположных эффекта, отмеченных Р. Зубеком⁸⁷⁷: с одной стороны, чем выше количество институциональных вето-игроков и влияние на них

⁸⁷⁵ Выступление Президента Российской Федерации Владимира Путина на итоговом форуме «Сообщество», Москва, 2 ноября 2018 года // Общественная палата РФ. URL: <https://www.facebook.com/forumoprpf> (дата обращения 21.08.2019).

⁸⁷⁶ За основу берется определение О. Ф. Шаброва: Шабров О. Ф. Политические технологии // Энциклопедия гуманитарных наук. — 2012. — №4. — С. 328–330.

⁸⁷⁷ Zubek R. Negative Agenda Control and Executive — Legislative Relations in East Central Europe, 1997–2008 // The Journal of Legislative Studies. — 2011. — Vol. 17, №2. — P. 178

оппозиционных партий, тем меньше возможностей у правительств или правящих партий негативно влиять на повестку дня из-за более «мягких» инициатив; с другой — чем выше концентрация партийной системы, тем больше преград существует уже для оппозиционных законопроектов.

В целом, если рассматривать позиции Госдумы во взаимоотношениях с исполнительной властью, то мы можем наблюдать ее подчиненное положение. Эту ситуацию можно исправить за счет того, что нижняя палата будет не «продавливать» свои решения через правительство или президента, а стоять «на страже» статуса-кво, используя различные вето-технологии, например, принцип дисконтинуитета. Этот принцип означает обнуление законопроектов, не рассмотренных за определенный срок. Чем дольше Госдума будет затягивать рассмотрение инициативы, тем вероятнее, что ей не придется принимать политическое решение по поводу спорных изменений, которые могут негативно отразиться на законодательной власти.

Публичная законодательная деятельность протекает практически полностью на площадке Госдумы, у нее практически неограниченные процедурные возможности влияния на законопроекты. Поэтому чем больше времени будут рассматриваться инициативы, тем больше вероятности, что парламент примет более компромиссное решение или же не примет совсем никакого. В свете публичных заявлений действующего Председателя Госдумы В. В. Володина, который часто поднимает вопрос укрепления роли нижней палаты, именно процедурные механизмы и вето-технологии законодательного процесса могут укрепить эти позиции.

Попова О. В. (Санкт-Петербург, СПбГУ)

ЭКСПЕРТНЫЕ ОЦЕНКИ СОСТОЯНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ ИДЕНТИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ⁸⁷⁸

Проблемы политики идентичности активно обсуждаются в отечественной политологии уже с конца 1990-х годов. В настоящее время сформировались несколько региональных исследовательских групп (Санкт-Петербург, Пермь, Краснодар, Казань и т. д.) с центром в научном сообществе Москвы, активно занимающихся изучением этой проблемы, основным объектом анализа которой считается государство как институт, максимально заинтересованный в формировании устойчивой лояльности населения и обладающий наиболее широким спектром ресурсов для достижения этой цели. Летом и в начале осени 2019 г. исследователями факультета политологии Санкт-Петербургского государственного университета была проведена серия экспертных нестандартизованных интервью, посвященных проблеме эффективности реализации политики государственной идентичности в современном мире.

Дискурс-анализ расшифровок интервью показал следующее.

Большинство экспертов, отмечая несомненную связь категории «государственная политика идентичности» с символической политикой и, в частности, политикой исторической памяти, считают ее в достаточной степени неустоявшейся, требующей более детального анализа через призму сложившихся политических практик как стабильных, так и трансформирующихся государств. Подчеркивается отсутствие достаточно обоснованной однозначной трактовки таких понятий как «государственная идентичность», «национально-государственная идентичность», «гражданская идентичность»; отмечается их расширительное толкование рядом исследователей.

Наиболее существенные различия в представлениях ученых касаются вопроса о наличии сформированной и эффективной политики идентичности в современной России. Отрицательный ответ на этот вопрос связан с представлением части экспертов об отсутствии в стране единой, строго выверенной программы действий, которая позволяла бы, используя множество центров не только институтов политической власти, но и структур гражданского общества, эффективно совмещать подчас противоречивые представления различных социальных и политических групп о сущности политических процессов в прошлом и настоящем страны, а также предложить непротиворечивую модель развития государства. Отмечаются недостатки институционализации государственной политики идентичности.

Среди значимых политико-практических проблем были отмечены сложности выстраивания в массовом сознании населения расположенных вдоль границ страны и эксклавных субъектов РФ иерархически соподчиненного отношения региональной и государственной идентичности, подчинения государственной идентичности в некоторых регионах страны (преимущественно национальных республик с сильным влиянием ислама)

⁸⁷⁸ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и АНО ЭИСИ в рамках реализации научного проекта №19-011-31616 «Государственная политика в сфере формирования идентичности: концептуальные основания, технологии и перспективы» в Санкт-Петербургском государственном университете.

идентичности конфессиональной или этнической, отсутствия у элитных групп непротиворечивого восприятия прошлого и настоящего российского государства, что отражается и на представлениях рядовых граждан.

Отмечается, что косвенное негативное влияние на реализацию государственной политики идентичности в стране оказывает активно распространяющееся в информационном пространстве из-за рубежа представление о России как государстве, активно ведущем гибридные войны против некоторых бывших республик СССР и союзников по соцлагерю (социальные сети и социальные медиа играют в этом особенно значимую роль). Снижение эффективности проводимой государством политики идентичности определяется также низкими показателями доверия населения большинству органов государственной власти и олицетворяющим их политикам.

Попова О. В. (Санкт-Петербург, СПбГУ)

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ ОБ ИДЕАЛЬНОМ ГОСУДАРСТВЕ⁸⁷⁹

Современное информационное общество представляет практически неограниченные возможности для получения достоверных сведений об особенностях, плюсах и минусах жизни в различных странах мира. Большинство представителей поколений Y и Z эти данные воспринимают как касающиеся, скорее, именно конкретных стран, а не определенных их типов.

Значительная часть российской молодежи не думает о том, в каком государстве она хотела бы жить; около 4% респондентов полагают, что принципы организации жизни в государстве не имеют для них никакого значения (таблица 1). Треть молодежи не устраивают существующие модели организации жизни в современных государствах. Наблюдается некоторый рост запроса на социальную защиту со стороны государства (+3%), но при этом либеральные и социал-демократические модели получают примерно равное число сторонников (около 17%). Националистические, социалистические (по типу СССР) и консервативные (в классической трактовке консервативной идеологии) принципы организации политической жизни государства имеют крайне невысокое число сторонников (каждая группа не превышает 5%).

В массовом сознании российской молодежи существует раскол представлений об обязательствах государства перед своими гражданами. Большинство выступает за равенство граждан перед законом и настроено патерналистски, полагая, что именно государство обязано создавать условия для личных достижений и обеспечить всем без исключения гражданам должное благосостояние (таблица 2).

Таблица 1.

Представление о предпочтительном типе государства (% по столбцу)

Варианты ответа	Тип государства	2018*	2019
Государство, которое контролирует исполнение законов и минимально вмешивается в экономические отношения в стране, но при этом люди сами полностью заботятся о себе и отвечают за свою жизнь	Либеральное	19,6	16,7
Государство, где есть хорошие социальные программы поддержки людей, но при этом нужно платить очень высокие налоги — до 50% от дохода	Социал-демократическое (по типу скандинавских стран)	13,6	16,6
Государство, которое боятся все соседи, а жизнь в нем строится на принципе доминирования одной нации, остальные ограничены в правах	Националистическое	2,2	3,4
Государство, где нет частной собственности, нет резкого имущественного расслоения между людьми, но есть очень жесткий идеологический контроль за людьми	Социалистическое (по образцу СССР)	4,3	4,2
Государство, основанное на поддержании традиций, стабильное, но в котором доходы людей очень резко отличаются	Консервативное	4,7	4,7
Меня не устраивает ни один из предложенных вариантов	—	33,4	31,6
Для меня это не имеет значения	—	3,6	3,6
Никогда об этом не думал, затрудняюсь ответить	—	18,5	19,2
Всего	—	100,0	100,0

* Данные за 2018 г. получены при реализации этого же гранта. Все параметры исследования аналогичные.

⁸⁷⁹ Исследование выполнено в апреле-мае 2019 г. учеными Алтайского государственного университета и Санкт-Петербургского государственного университета в рамках реализации полученного Российской ассоциацией политической науки Гранта РФФИ № 18-011-01184 «Потенциал молодежного политического лидерства в ходе политической социализации и циркуляции элит в российских регионах в 2010-е годы (на примере Юго-Западной Сибири и Северо-Запада РФ)».

Таблица 2.

**Представление российской молодежи
о приемлемости принципов жизни в государстве, 2019 г.⁸⁸⁰ (% по строке)**

	Согласен абсолютно	Скорее, согласен	В чем-то согласен, в чем-то нет	Скорее, не согласен	Не согласен абсолютно	Затрудняюсь ответить	Всего
Государство должно следить только за выполнением законов, а все остальное — частное дело людей, которые в нем живут	12,6	17,0	30,7	18,8	17,1	3,8	100,0
Законы в государстве — для простых людей	10,0	12,7	19,6	15,3	37,7	4,7	100,0
Вполне нормально, что у нас в России есть очень богатые люди	19,5	22,2	29,4	12,4	11,4	5,1	100,0
Государство должно обеспечивать всем гражданам без исключения достойный уровень жизни	50,6	21,5	16,9	6,2	2,6	2,2	100,0
Доходы всех людей должны быть равными	8,5	11,5	32,1	25,5	19,4	3,0	100,0
Государство должно контролировать все сферы жизни людей	12,8	12,7	25,9	20,6	23,6	4,4	100,0
Должны быть созданы все условия для личных достижений	43,3	30,7	16,3	3,6	3,2	2,9	100,0
В государстве все люди, в том числе и чиновники, и олигархи, должны быть равны перед законом	74,1	10,1	8,5	1,4	3,1	2,8	100,0
Люди должны сами обеспечивать себе достойный уровень жизни	18,9	23,4	43,8	6,1	4,5	3,3	100,0

Вопрос об идеальном или приемлемом для проживания государстве в современном мире становится все более актуальным в связи с расширяющимися возможностями для молодых трансмигрантов менять страну проживания и определенным ростом запроса уже со стороны государств на лояльность и патриотизм со стороны новых поколений.

Попова С.Ю. (Москва, МГППУ)

**ЛИДЕРСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ МОЛОДЫХ ПАРТИЙНЫХ АКТИВИСТОВ:
ВОЗМОЖНОСТИ ДИАГНОСТИКИ И РАЗВИТИЯ⁸⁸¹**

Результаты научных исследований политических элит и лидерства⁸⁸² показывают, что одной из самых сложных и актуальных проблем в современной российской политике является выявление и формирование таких психологических характеристик представителей политических элит, которые бы позволили им выполнить свое лидерское предназначение в обществе.

С одной стороны, у современных политических элит, особенно в их молодых когортах, имеется мощный личностно-психологический потенциал, который позволяет им решать серьезные государственные политико-управленческие задачи. С другой стороны, у молодых политических деятелей есть не только качества, которые способствуют выполнению ими лидерских функций, но и характеристики, которые этому мешают. В частности, в качестве проблемных моментов можно выделить недостаточную развитость у представителей элиты

⁸⁸⁰ Обследуемые регионы: Алтайский край, Новосибирская область, Ленинградская область, Санкт-Петербург; метод сбора информации — личное полустандартизованное интервью; объем выборки — 1000 человек в возрасте от 14 до 30 лет; выборка квотная с контролем несвязанных признаков пола, возраста, образования, типа населенного пункта и региона проживания.

⁸⁸¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и АНО ЭИСИ (проект № 19-011-31432 «Молодое поколение российских политических лидеров: политико-психологический анализ»).

⁸⁸² См.: Гаман-Голутвина О.В. Элиты и общество в сравнительном измерении. М.: РОССПЭН, 2011; Человеческий капитал российских политических элит. Политико-психологический анализ / Под ред. Е.Б. Шестопал и А.В. Селезневой. М.: РОССПЭН, 2012.

стратегического, рефлексивного мышления, невнятность ценностной системы, дефицит социально-гуманитарных знаний, недостаток коммуникативных умений⁸⁸³.

Все это обуславливает необходимость поиска и подготовки молодых политических деятелей для формирования кадрового потенциала и человеческого капитала российской политики.

Политические партии являются важным элементом политической системы государства. Какой должна быть современная востребованная политическая партия как эффективный канал связи власти и общества? Ответ на этот вопрос во многом зависит от ее умения рекрутировать и воспитывать молодых политических лидеров.

У российских политических партий есть интересный опыт работы с кадровым партийным резервом. Заслуживает внимание системная работа Высшей партийной школы партии «Единая Россия», которая разработала комплекс образовательно-просветительских мероприятий, направленный на обучение, развитие и повышение квалификации сотрудников партии, ее членов и сторонников.

Программа обучения состоит из тематических модулей, направленных на разные целевые аудитории и носит прикладной характер⁸⁸⁴. Курс включает в себя три модуля: «Политический лидер», «Партийный организатор», «Политтехнолог».

Коммунистическая партия РФ в Центре Политической учебы ЦК КПРФ регулярно проводит обучение молодых коммунистов⁸⁸⁵. Для слушателей проводят курс лекций по марксистско-ленинской философии, основам политэкономии, критике фальсификаций истории СССР и другим идейно-теоретическим дисциплинам.

У партии ЛДПР есть образовательный проект «Лидеры ЛДПР 3.0»⁸⁸⁶. В 2018–2019 гг. в разных регионах страны (г. Брянск, г. Санкт-Петербург, г. Сочи) собрались сотни руководителей региональных отделений партии и активистов молодежных организаций, местных отделений ЛДПР. Наряду с вопросами партийного строительства, нюансами работы с избирками, законодательными инициативами, особое внимание уделялось диагностике и развитию лидерского потенциала, созданию личного бренда и бренда организации.

В формате ассесмент-центра была проведена диагностика 150 участников образовательной программы «Лидеры ЛДПР 3.0», которая позволила выявить их лидерский потенциал и предложить конкретные технологии его развития.

В качестве основных технологий могут быть использованы коуч-наставничество и интерактивные образовательные модули.

Очевидно, что организационная структура партий в значительной степени служит индикатором ее зрелости, ее потенциальной способности влиять на общество и добиваться успеха на политическом поприще, в первую очередь, на выборах в органы власти всех уровней. При формировании зрелой организационной структуры партии необходимо организовать системную работу с партийным кадровым резервом, развитием его лидерского потенциала.

Попова Ю. В. (Омск, ОмГУ им. Ф. М. Достоевского)

СОВРЕМЕННЫЙ РОССИЙСКИЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ РЕЖИМ КАК ПЕРСОНАЛИСТСКИЙ: ХАРАКТЕРНЫЕ ЧЕРТЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

На протяжении последних десятилетий современный российский политический режим оценивается как авторитарный, как электоральный авторитаризм или как иную разновидность авторитаризма. В настоящее время актуализируется тема трансформации режима, особенно ввиду разнообразных вызовов, с которыми сталкивается современная Россия.

На наш взгляд наиболее интересными для понимания направления эволюции российского авторитаризма являются выводы одной из авторитетнейших исследовательниц в области сравнительной политологии Б. Геддес. Из трех выделенных ей типов авторитарных режимов российский вариант соответствует персоналистскому режиму. И, следовательно, для него будут актуальны и ключевые характеристики его жизненного цикла.

Б. Геддес обозначила восемь характерных черт персоналистского режима:

1. доступ к высокому посту зависит от личной лояльности к политическому лидеру;
2. создание лидером новой политической партии после прихода к власти;
3. контроль со стороны лидера назначений в руководство этой партии;
4. самостоятельна ли партия в принятии решений или она утверждает решения лидера;
5. личный контроль лидером аппарата безопасности;
6. продвижение лидером на руководящие позиции своих

⁸⁸³ Современная элита России: политико-психологический анализ / Под ред. Е. Б. Шестопал, А. В. Селезневой. М.: АРГАМАК-МЕДИА, 2015.

⁸⁸⁴ Официальный сайт Высшей партийной школы «Единой России». URL: <https://vpsh.er.ru/> (дата обращения 15.08.2019).

⁸⁸⁵ Официальный сайт КПРФ. URL: <https://kprf.ru/party-live/cknews/185367.html> (дата обращения 15.08.2019).

⁸⁸⁶ Официальный сайт ЛДПР. URL: https://ldpr.ru/events/LDPR_Party_School_Leaders_30_is_gaining_momentum/ (дата обращения 15.08.2019).

людей; 7. создание лидером военизированных формирований, верных себе; 8. использование судебных процедур для политических репрессий⁸⁸⁷.

Чем большее количество черт представлено и чем они интенсивнее выражены, тем сильнее персонализм. Причем Геддес подчеркивает, что чем дольше лидер находится у власти, тем выраженнее будет персонализм.

Значительная часть данных черт отчетливо видна в настоящей российской действительности. Современный российский режим оказывается ярко выраженным персонализмом.

Персоналистский режим имеет ряд неблагоприятных для общества следствий, в частности, «ловушку диктатуры»: чем дольше существует подобный порядок, тем сложнее обществу выстроить иной. И, как указывает Б. Геддес, «диктатура скорее всего будет заменена новой диктатурой»⁸⁸⁸. Так же среди этих следствий — деинституционализация и некачественное управление (поскольку профессионализм и ответственность подменяются лояльностью и формализмом), высокая вероятность проведения авантюристичной и непредсказуемой политики, отсутствие четких и актуальных для всех правил игры (в результате чего, в частности, внесистемная оппозиция маргинализируется), проблема преемственности ввиду искажения процедур выборов добавляет режиму в перспективе угрозу нестабильности. Помимо этого, персоналистские режимы тесно связаны с репрессиями, и чем дольше существует такой режим, тем более он тяготеет к репрессивной политике (поскольку иных механизмов контроля за обществом нет, институты слабы, а опасения в отношении своей власти у лидеров велики)⁸⁸⁹.

Реакция властей на протесты против пенсионной реформы, против строительства мусорных полигонов, текущая ситуация с регистрацией кандидатов в Московскую городскую думу и протестные акции по этому поводу являются наглядной иллюстрацией этих выводов.

А так же, как указывают в своей статье С. Гуриев и Д. Трейсман, подобные режимы активно прибегают к пропаганде, как к инструменту ненасильственных репрессий, и к кооптации, делая альтернативу существующему режиму еще менее реалистичной и реализуемой⁸⁹⁰.

Поцелуев С. П. (Ростов-на-Дону, ЮФУ)

АМНЕЗИЙНЫЕ ЭФФЕКТЫ «НОВЫХ МЕДИА» КАК РЕСУРС КОГНИТИВНОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЦЕНЗУРЫ⁸⁹¹

Как замечает турецкий политический социолог Зейнеп Тюфекчи, «цензура в эпоху интернета действует по иной логике, чем во времена расцвета печати или даже вещательного телевидения»⁸⁹². Эта логика основана на двух важных моментах: *во-первых*, на факте информационной «перенасыщенности» («потопа», «перегрузки»), рождаемой новыми информационно-коммуникативными технологиями. Они привели к качественному ускорению информационных потоков, сделав во многом «текучим» и «фиктивным» образ представленной в медиа социальной реальности. Одним из главных социокогнитивных эффектов этого процесса стала дезориентация людей в отношении пространства и времени⁸⁹³, кризиса характерной для модерна «структуры темпоральности»⁸⁹⁴ и т. п. *Второй* момент состоит в превращении упомянутой дезориентации как эффекта новых медиа в главный ресурс новейшей (т. е. когнитивной) политической цензуры. Поскольку в современном медийном пространстве исчезают авторитетные информационные источники и привратники (каждый сам себе автор, редактор и издатель), постольку публичный доступ к нежелательным для распространения сведениям можно блокировать на когнитивном уровне — через целенаправленное создание потока размытой правды и лжи, в котором восприятие упомянутых сведений оказывается затруднительным либо невозможным для аудитории. В новейшей политической цензуре закрытие доступа к нежелательной для распространения

⁸⁸⁷ См.: Geddes B., Wright J., and Frantz E. A measure of personalism in dictatorships P. 2. URL: <http://sites.psu.edu/dictators/files/2017/10/PersMeasure-1ph2gwp.pdf> (date of access: 19.07.2019).

⁸⁸⁸ Geddes B., Wright J., and Frantz E. How Dictatorships Work. NY: Cambridge University Press, 2018. P. 231.

⁸⁸⁹ См.: Frantz E., Kendall-Taylor A., Wright J., and Xu Xu. Personalization of Power and Repression in Dictatorships. URL: <https://sites.psu.edu/wright/files/2018/11/Repression2-1uujgm.pdf> (date of access: 19.07.2019).

⁸⁹⁰ См.: Guriev S., Treisman D. How Modern Dictators Survive: An Informational Theory of the New Authoritarianism. URL: <https://www.tse-r.eu/sites/default/files/TSE/documents/sem2016/development/guriev.pdf> (date of access: 19.07.2019).

⁸⁹¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и АНО ЭИСИ, проект № 19-011-31284 «Стратегии когнитивной политической цензуры как эффект «новых медиа»: украинский кейс в сравнительной перспективе».

⁸⁹² Tufekci Z. Twitter and Tear Gas. The power and fragility of networked protest. New Haven; London: Yale University Press, 2017. P. 226.

⁸⁹³ Taussig M. Walter Benjamin's Grave. Chicago: University of Chicago, 2006. 248 p.

⁸⁹⁴ Huyssen A. Twilight Memories: Marking Time in a Culture of Amnesia. New York; London: Routledge, 1995. 292 p.

информации осуществляется через блокировку базовых когнитивных способностей, среди которых *память* (помимо внимания и способности суждения) играет ключевую роль.

Уже к концу прошлого века исследователи отмечали «одержимость памятью» как характерную черту времени и связывали это не столько с гипертрофией, сколько с атрофией исторического сознания, с «мнемонической лихорадкой» как эффекте информационной революции⁸⁹⁵. Упомянутая информационная перегрузка ведет к «принуждению сознания к столь быстрой обработке стимулов, что это подрывает как саму память, так и способность нечто узнавать по опыту»⁸⁹⁶. Уже относительно давно медиа-эксперты пришли к выводу, что ускорение новостных сообщений вызвало «коллапс памяти»⁸⁹⁷. В частности, отмечалось, что неспособность помнить прошлое означает отсутствие контроля над настоящим и неспособность представить себе альтернативное будущее. Таким образом, медийная амнезия способствует сохранению властного статус-кво, в этом качестве являясь ценным ресурсом политической цензуры.

По словам авторитетного медиа-эксперта Лауры Басу, условия, которые приводят к информационному потоку и амнезийным эффектам современных медиа, связаны со специфическими практиками журналистского забвения, которые Л. Басу разделяет на несколько видов⁸⁹⁸. Из этой классификации наиболее релевантными для целей политической когнитивной цензуры представляются: 1) «вечно забытые темы» (когда предметно значимые проблемы не доносятся до аудитории, оставаясь на новостной периферии); 2) структурно «встроенная» амнезия (из-за бешеного темпа и дефицита внимания как главного ресурса новости забывают историю почти так же быстро, как сообщают о ней); 3) специфический презентизм (одержимость субъективно конструируемым настоящим в ущерб объективному историческому контексту); 4) «переписывание истории» (когда медиа стирают свое собственное освещение прошлого, что позволяет политикам переписывать историю) и 5) «гиперамнезия» (когда новостные программы забывают или неправильно помнят свое собственное прошлое освещение событий). В результате таких амнезийных практик новые медиа создают эффект, знаковый по классической политической цензуре тоталитарных режимов: переписывание истории на глазах ее свидетелей.

Прокопенко Л. Я. (Москва, Институт Африки РАН)

ДИНАМИКА И ПРОБЛЕМА ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА ЖЕНЩИН В ПАРЛАМЕНТЕ (ЮАР И ДРУГИЕ СТРАНЫ ЮГА АФРИКИ)

Мировая практика показывает, что демократия, которая неспособна обеспечить полноценное политическое участие женщин, не может считаться подлинной. Гендерное равенство — это не только одно из основных прав человека, но и необходимая основа для достижения мира и устойчивого развития.

С конца 1990-х гг. в странах Юга Африки гендерное равенство в политической сфере стало принципом государственной политики, который реализуется на практике. В последние десятилетия происходит дальнейшее развитие женского парламентского участия. На рубеже веков по многим направлениям политики гендерного равенства пионером среди стран Юга Африки стала Южно-Африканская Республика (ЮАР). В 2000 г. по числу женщин в парламентах (30%) ЮАР и Мозамбик входили в первую десятку стран мира⁸⁹⁹. Главные причины таких высоких показателей — признание равенства политических прав женщин и мужчин, так как женщины активно участвовали в национально-освободительном движении и в борьбе с режимом апартеида, рост активности самих женщин и имиджевый фактор (руководство стран региона при решении гендерных вопросов пытается соответствовать мировым тенденциям, стремится выглядеть более прогрессивными в глазах, как международного сообщества, так и западных доноров, чья поддержка по-прежнему остается важной для развития африканских стран региона). Рост парламентского представительства женщин был достигнут благодаря изменениям в национальном законодательстве и закреплению системы квот женского представительства на выборных должностях на региональном уровне — в рамках Сообщества развития Юга Африки (САДК). Важную роль играет также сама форма устройства избирательной системы страны (например, в ЮАР действует пропорциональная списочная, а в Замбии — мажоритарная, которая не предполагает квоты).

В ряде стран региона, прежде всего в ЮАР, женщины неоднократно становились спикерами и заместителями спикеров парламента. В некоторых странах (например, в Замбии) женщины на парламентских выборах балотируются не только от партий, но и в качестве независимых кандидатов. Причиной этого становится их пора-

⁸⁹⁵ Huyssen A. *Twilight Memories: Marking Time in a Culture of Amnesia*. New York; London: Routledge, 1995. Pp. 6–7.

⁸⁹⁶ Taussig M. *Walter Benjamin's Grave*. Chicago: University of Chicago Press, 2006. P. 63.

⁸⁹⁷ Hoskins A. *Television and the Collapse of Memory* // *Time and Society*. 2004. No. 13 (1). P. 109–127.

⁸⁹⁸ Basu L. *News Satire: Giving the News a Memory* // *TripleC*. 2018. No. 16 (1). Pp. 244–247.

⁸⁹⁹ *Inter-Parliamentary-Union* — [http://www.ipu.org/wmn-e/classif.htm&prev=/search%253Fq%253Dwomen%252Bin%252Bgovernment%](http://www.ipu.org/wmn-e/classif.htm&prev=/search%253Fq%253Dwomen%252Bin%252Bgovernment%252B)

жение в партийных праймериз, исключение или угроза исключения из партий. Постепенно происходят изменения и в подходах избирателей. Все чаще они сами заявляют о необходимости равных возможностей женщин и мужчин в политике. Об этом свидетельствуют результаты социологических опросов и документы различных НПО, выступающих за гендерное равенство. Тем не менее, традиционный подход к гендерным ролям в африканском обществе сохраняется, что отражено в амбивалентном отношении избирателей к женщине-кандидату.

Высокие количественные показатели представительства женщин в законодательной власти — только часть решения проблемы гендерного равноправия, речь идет об эффективности деятельности женщин-депутатов. Женщины-парламентарии приложили немалые усилия для принятия целого ряда законов, в том числе способствующих становления гендерного равенства⁹⁰⁰.

Дальнейшее развитие гендерного равенства на уровне парламента осуществляется в рамках реализации Целей устойчивого развития (ЦУР) ООН, принятых в 2015 г.

Рост представительства женщин в парламенте в ряде стран региона сопряжен с определенными трудностями. Депутаты парламента, избранные по партийным спискам (а таких в странах Юга Африки большинство), напрямую зависят от своих организаций, от их политической линии. Отрицательно влияет также отсутствие прозрачности в процедурах выдвижения кандидатов на уровне политических партий. Африканка, попав в орбиту политической власти, живет одновременно в системе нескольких координат — родовой, этнической, клановой, семейной, возрастной. Поэтому остается сильным влияние этнического фактора, женщины в политическом руководстве вынуждены считаться с интересами своей этнической группы.

Расширению женского парламентского участия могут способствовать реальное действие в партиях демократических принципов, принятие гендерных квот, создание равных условий для мужчин и женщин по выдвижению на выборах, а также дальнейшее развитие политической культуры, исключающей создание предпосылок для дискриминации по половому признаку.

В 2018 г. 40-процентного уровня женского представительства в парламенте достигли ЮАР, Намибия и Мозамбик⁹⁰¹.

Развивается межпарламентское сотрудничество. Женщины входили в состав парламентских делегаций Замбии, Анголы, Намибии, которые приезжали в Россию в 2000-е годы. В сентябре 2016 г. Москву посетила делегация Национального совета провинций (верхняя палата) парламента ЮАР во главе с председателем совета Танди Модисе. Женщины-депутаты из стран Юга Африки участвовали в работе первого и второго Международных форумов «Развитие парламентаризма», которые под эгидой Государственной думы РФ проходили в Москве 4–5 июня 2018 г. и 30 июня — 3 июля 2019 г.

Прокудин Б. А. (Москва, МГУ имени М. В. Ломоносова)

ОБЩЕСТВЕННЫЙ ИДЕАЛ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ XIX ВЕКА⁹⁰²

Русская художественная литература ко второй половине XIX века стала полноценным поставщиком новых идей для русской жизни, ареной общественной борьбы, начала вырабатывать образы общественного идеала. В условиях цензуры, которая не допускала прямых политических высказываний, в наиболее крупных и резонансных произведениях русской классики, которые часто называют «политическими» романами или «романами идей», эти образы не могли быть всегда четко очерчены, и общественный идеал в них нуждается в реконструкции. Но как мы можем распознавать этот идеал, классифицировать и изучать?

Прежде всего, общественный идеал в художественной литературе невозможно изучать и классифицировать по аналогии с общественным идеалом, выраженным в социально-политической мысли, публицистике. Нельзя просто распределить романы по трем группам: романы, в которых выражен либеральный общественный идеал, консервативный и радикальный в соответствии с главными политическими направлениями времени и пристрастиями автора.

Например, есть все основания отнести И. С. Тургенева к либералам. Может быть, он был наиболее последовательным либералом среди всех крупных русских писателей. Это подтверждают его публицистические работы, письма и воспоминания. Однако считать, что, например, его роман «Отцы и дети» (1862) выражает общественный идеал либерализма — ошибка. С теоретической точки зрения было бы неверно даже говорить,

⁹⁰⁰ Прокопенко Л. Я. Женщины и власть (на примере стран Юга Африки). М.: Институт Африки РАН, 2018. С. 88–111.

⁹⁰¹ Proportion of seats held by women in national parliaments (%) — <https://data.worldbank.org/indicator/sg.gen.parl.zs>

⁹⁰² Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-311-00344. The reported study was funded by RFBR according to the research project № 18-311-00344

что критика, которую высказывают романские оппоненты в отношении идей главного героя, нигилиста Базарова, — либеральна. Однако сделать противоположный вывод и признать «Отцы и дети» — «нигилистическим» романом, который выражает общественный идеал русского радикализма, тоже было бы некорректно. Хотя, в этом романе Тургенев попытался наиболее развернуто показать мировоззрение нигилиста. Несмотря на это, роман «Отцы и дети» в идейном плане представляет собой нечто большее, чем выражение общественного идеала радикализма 1850–60 гг. или критику этого идеала. И уж точно, больше, чем прямое выражение политических пристрастий автора.

Другой пример: роман Ф. М. Достоевского «Бесы» (1872). Достоевского современники считали консервативным, сторонником охранительного направления, а роман «Бесы» часто аттестуют как «антинигилистический». Но можем ли мы сказать, что в нем выражен общественный идеал консерватизма? По письмам и подготовительным материалам известно, что этот роман задумывался с целью критиковать нигилистов, разоблачать революционеров. Но в процессе написания он не ограничился критикой радикализма и критически высказался по поводу всех основных направлений русской мысли. Высмеивая нигилистов и либералов, Достоевский, видимо, в какой-то момент понял, что такими же опасными в своем крайнем проявлении могут стать и консервативные идеи. Получается, что в своем романе он дал возможность, пусть и «тенденциозно», высказаться представителям всех направлений общественной мысли и выразил, таким образом, общественный идеал и либерализма, и консерватизма, и радикализма. Может быть, в разной пропорции, может быть, с большей или меньшей симпатией, но Достоевский в романе «Бесы», как и Тургенев в «Отцах и детях», предоставил трибуну своим политическим оппонентам, дал им возможность открыто и свободно заявить черты своего общественного идеала.

Эти примеры позволяют сформулировать важную особенность художественных произведений, которую необходимо учитывать при выявлении в нем общественного идеала — полифоничность. М. М. Бахтин в отношении романов Достоевского придумал понятие «полифония», которое обозначает наличие в тексте большого количества идей, находящихся во взаимодействии. Слово героя о себе самом и о мире так же полномерно, как обычное авторское слово, писал Бахтин о романах Достоевского, оно не подчинено объектному образу героя как одна из его характеристик, но и не служит рупором авторского голоса. «Ему принадлежит исключительная самостоятельность в структуре произведения».

Получается, что идеи в романе (и тут мы имеем в виду не только произведения Достоевского), обладающие «исключительной самостоятельностью», могут быть самыми разными, противоречащими, исключаящими друг друга, они могут быть близкими или неблизкими самому автору, но именно их взаимодействие в художественном произведении является для нас наиболее ценным.

В большей или меньшей степени все русские романы второй половины XIX века, в которых можно найти общественный идеал, были полифоничными. Речь идет о произведениях, которые оказали наибольшее воздействие на общественное мнение. И изучение полифоничных романов приемами политической текстологии дает возможность увидеть не просто художественное воплощение политических убеждений писателей XIX века, а картину идей того времени, находящихся во взаимодействии, столкновении и даже игре. Авторы в своих романах и повестях не отвечают на вопросы, как это они делают в своих публицистических статьях, а приглашают нас к рассуждению о социально-политических вопросах, чаще всего, без заранее известного ответа.

Проскурина Е. Ю. (Москва, РЭУ им. Г. В. Плеханова)

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ИМИДЖА ГОСУДАРСТВЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ (НА ПРИМЕРЕ ЦИК РОССИИ В 2019 ГОДУ)

Социальные сети стали важными платформами не только для межличностной коммуникации между пользователями, но и площадками для взаимодействия в параллели власть — граждане. Согласно данным, приводимым в статистическом сборнике Высшей школы экономики, 78% российских пользователей интернета присутствуют в какой-нибудь соцсети⁹⁰³. Данные ВЦИОМа⁹⁰⁴ позволяют составить следующий рейтинг популярности социальных сетей у россиян в 2018 году: «ВКонтакте» — 28%, «Одноклассники» — 19%, Instagram (14%), Google+ (7%), Facebook и «Мой мир» — по 4%, Twitter и «Живой журнал» — по 1%.

⁹⁰³ «Цифровая экономика: краткий статистический сборник» Высшей школы экономики (ВШЭ) за 2019 г. С. 26 [электронный ресурс]. URL: <https://www.hse.ru/data/2018/12/26/1143130930/ice2019kr.pdf> (дата доступа: 27.08.2019).

⁹⁰⁴ Каждому возрасту — свои сети // Данные опросов ВЦИОМ. №3577. 12.02.2018 [электронный ресурс]. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116691> (дата доступа: 27.08.2019).

Согласно Распоряжению Правительства «Об утверждении Концепции открытости федеральных органов исполнительной власти»⁹⁰⁵ открытость процесса принятия решений — один из элементов повышения качества государственного управления. Таким образом, аккаунты органов власти в социальных сетях становятся звеньями в системе взаимоотношения граждан и власти, при которой создается видимость прозрачности принятия решений и граждане вовлекаются в рабочие процессы. Тем не менее, в 2019 году далеко не все государственные организации имеют свои официальные представительства в разных социальных сетях (Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций РФ официально не представлено ни в одной из популярных социальных сетей), часть пытается внедрить этот относительно новый инструмент в свою практику. Одним из таких ведомств стала ЦИК России.

Необходимо акцентировать внимание на том, что имеется в виду под фразой «официально представлено». Обязанности по обеспечению присутствия государственной организации в социальных сетях возлагаются на пресс-службу, которая использует социальные сети как дополнительные инструменты по выполнению нескольких задач:

- информировать о повседневной деятельности госоргана;
- повышать информированность населения о важных проектах;
- повышать лояльность к госоргану с помощью взаимодействия с аудиторией (ответы на вопросы, работа с жалобами и т. п.);
- следить за общественным мнением: основные темы, настроения, количество сообщений;
- искать актуальные запросы и потребности аудитории;
- формировать положительный имидж организации.

В 2019 г. ЦИК РФ учитывает популярность различных платформ и представлена в следующих социальных сетях: «Одноклассники», ВКонтакте, Youtube, Facebook, Instagram, Twitter. Контент проходит минимальную адаптацию под разные возможности социальных сетей, но не учитывает, что аудитория на разных платформах и ее потребности и интересы могут различаться.

Контент-анализ страниц ЦИК РФ позволяет выделить основные отличия:

- сделана ставка на коммуникацию с молодой аудиторией (используются графические элементы — комиксы и инфографика; опросы, нацеленные на участников молодежных объединений, например на членов молодежных избирательных комиссий);
- используется комплекс инструментов для информирования аудитории о проектах ЦИК («Мобильный избиратель», цифровые избирательные участки и дистанционное голосование в Москве, видеотрансляция);
- делаются попытки подавать информацию о выборах в патриотическом ключе (интересные факты о регионах, в которых проводятся выборы);
- отключена возможность комментариев под публикациями, нет дискуссий, информация о протестах и недовольствах подается дозированно, только самые освещенные в СМИ, что делает невозможным отразить негативную информацию о выборах и ЦИК РФ.

ЦИК РФ активно присутствует на самых популярных платформах, однако, практикует консервативный подход и максимально минимизирует коммуникацию с пользователями, что не способствует формированию положительного имиджа и слабо помогает нивелировать негатив.

Пустовойт Ю. А. (Новосибирск, СИУ РАНХиГС при Президенте РФ)

ЛИЧНАЯ ИСТОРИЯ КАК ОСНОВА ФОРМИРОВАНИЯ ПРОТЕСТНЫХ СООБЩЕСТВ (ПО МАТЕРИАЛАМ ИССЛЕДОВАНИЯ СИБИРСКИХ ГОРОДОВ)⁹⁰⁶

Одной из ведущих политических мировых тенденций выступает рост числа уличных выступлений. Особое значение проблемы протеста приобретают в странах, где наличие демократических конституционных норм не является серьезным препятствием для реализации исключительно собственных интересов различных групп, эшелонов и сегментов государственной бюрократии. В момент, когда действия управляющих препятствуют удовлетворению предзаданных установок управляемых и разрешение конфликта через сложившиеся институты не происходит дискриминированные группы переходят к ненституционализированным формам борьбы главными из которых становятся организации собственной публичной саморепрезентации в конкретное время и на конкретной территории.

⁹⁰⁵ Распоряжение от 30 января 2014 года № 93-р «Об утверждении Концепции открытости федеральных органов исполнительной власти» [электронный ресурс]. URL: <http://government.ru/docs/10122/> (дата доступа: 28.08.2019).

⁹⁰⁶ Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта «Как создается протест? Пространства, символы и лидеры протестных сообществ в городах Сибири» № 18-011-00866.

В настоящий момент основную проблему исследования можно сформулировать следующим образом: «При каких внешних (объем экономического, социального, культурного капитала, городской режим) и внутренних (лидерство, организация, идеология) факторах протестные настроения в городах Сибири переходят в эффективную протестную деятельность? Почему в одних городах протестующие добиваются своих целей, в других — нет? Как личные истории членов протестных объединений влияют на формирование протестных сообществ и протестной идентичности?»

Основным методом служил анализ протестной активности, сопоставляемой с достигнутым уровнем модернизации в городе и степени концентрации в нем экономического, социального и культурного капитала (макроуровень), взаимодействия протестных объединений и властных коалиций (городской режим), определяющих приоритеты развития на конкретной территории (мезоуровень) и анализ нарративов, личных историй-интервью лидеров и членов протестных сообществ, где в частности, мы вычленили в интервью те элементы, которые ведут к формированию протестной идентичности («сильных историй»: проблема-враги, герой, успех, будущее).

На этом этапе исследования гипотеза сформулирована как предположение о том, что высокий уровень модернизации, режим роста, наличие и подтверждение успехами «сильной истории», опирающейся на широко распространённые представления о «должном» и «выгодном» для группы образе будущего, увеличивает степень и масштабность протестных мероприятий. Мы провели более 50 бесед с лидерами и участниками протестных мероприятий в городах Новосибирск, Томск, Барнаул, Кемерово, Новокузнецк, Абакан. Нами собирались и анализировались сообщения о протестных событиях в средствах массовой информации, использовалось включенное наблюдение и результаты фокус-групп. Заочно изучалась ситуация в Омске, Горно-Алтайске, Красноярске, Кызыле, Улан-Удэ и Чите.

Можно утверждать, что происходит рост протестных настроений, но не увеличение степени организованности протестующих. Протест может вспыхнуть везде, как реакция на неординарное событие, но не везде может получить развитие. Сильные и стабильные протестные сообщества формируются в наиболее модернизированных, экономически самостоятельных и благополучных городах, где властные коалиции скорее можно отнести к «режиму роста» (Новосибирск, Красноярск, Томск и Иркутск). В городах с тяжелой экономической ситуацией: Омске и Барнауле, Чите и Улан-Уде протестная активность имеет менее выраженный и скорее ситуационный характер. В благополучных и зависимых от федеральных трансферов городах Кузбасса, Кызыле, Горно-Алтайске и Абакане протестная активность минимальная в силу большей авторитарной специфики регионального режима. Абакан представляет наиболее интересный случай, так как показывает хрупкость авторитарной региональной модели, сменившейся в ходе выборов.

Обычно в изложении своей личной истории опрашиваемый активист рассказывает, что до некоторого ключевого события он политикой не интересовался. Далее обрисовывается сильный эмоциональный стимул (травмирующее событие), где его «картина мира» была резко отторгнута представителями властных или экономических структур. Отрицание действий «власти» переходит в поиски тех, кто испытывает те же чувства, и попытки объединиться с ними. Здесь доминирует общий эмоциональный фон, за которым следует этап некоторого организационного взаимодействия, начинают формулироваться претензии, появляются профессиональные политики, выдвигаются неформальные лидеры, которые вступают в диалог с оппонентами. На основной работе протестующие обычно не получают каких-либо преимуществ или подвергаются административным репрессиям. По городам здесь есть определенные различия. В «историях успеха» лидеры протестных объединений ставят точные цели и максимально конкретно определяют «протестную повестку», имеют административный или организационный опыт в неполитической сфере, меньше пользуются ярлыком «врагов», рассматривают свою деятельность как игру с «ненулевой» суммой.

Пишизова С. Н. (Москва, МГУ имени М. В. Ломоносова)

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ ПРАКТИК ВЛИЯНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИКЕ

Благодаря работам Фуко, в особенности опубликованным после его смерти лекциям об «управленческом государстве» и о рождении биополитики⁹⁰⁷, прочитанным в Коллеж де Франс в 1977–1979 годах, сформировались новые направления исследований власти. В этих лекциях было впервые сформулировано понятие «gouvernementalité», которое пока еще не нашло своего консенсусного перевода на русский язык⁹⁰⁸, но активно

⁹⁰⁷ Foucault M. Sécurité, territoire, population: Cours au Collège de France (1978–1979). Paris: Seuil, 2004; Foucault M. Naissance de la biopolitique: Cours au Collège de France (1978–1979). Paris: Seuil, 2004.

⁹⁰⁸ Его переводят множеством различных способов: «правительственность», «государственное управление», «управленитет», «правитель-

разрабатывается зарубежными учеными⁹⁰⁹. Последователи и критики Мишеля Фуко пишут о том, что в современном неолиберальном обществе происходит переход от власти, которая формирует и производит для себя «правильных» индивидов, к «руководству автономными индивидами на расстоянии».

Идеи Фуко о том, что современное государство «уходит» из сферы непосредственных взаимодействий с гражданами, что прямое управление обществом замещается «управлением на расстоянии», стали основой концептуализации социальных практик в разных сферах. В частности, бурно развивавшиеся в последнее время прикладные управленческие дисциплины, радикально изменившие природу отношений между социальными акторами, могут быть представлены как инструменты осуществления практик влияния, которые позволяют государству, понимаемому как система власти, направлять поведение людей⁹¹⁰. Такое влияние реализуется в публичном пространстве, которое в современных условиях уже практически неотличимо от сферы действий государства. Например, прослеживая генеалогию политического менеджмента, как понятия объединяющего целый комплекс дисциплин, используемых в современном политическом управлении, можно увидеть истоки, способы и тенденции развития политического властвования в современном обществе, а также направления противостояния этим практикам. Такие исследования западных неолиберальных обществ уже проводились⁹¹¹. А вот отечественная политическая практика пока еще не подверглась такого рода анализу. Между тем, если неолиберализм рассматривать не как идеологию, а как совокупность сложных социальных технологий управления, такой подход можно распространить на изучение любых современных обществ⁹¹².

Почти одновременно с исследованиями великого французского ученого сформировались другие подходы к изучению современных властных практик, именно как практик влияния. Например, новое направление неинституционального анализа — дискурсивный институционализм — было предложено американской исследовательницей Вивьен Шмидт⁹¹³. Сторонники дискурсивного институционализма пытаются понять, как через идеи, прежде всего идеи политических акторов, циркулирующие в публичном пространстве, можно влиять на публичный политический дискурс и тем самым стимулировать, тормозить или предотвращать политические изменения⁹¹⁴.

Еще одним направлением, которое учитывает характеристики современных средств коммуникации, можно назвать попытки концептуализировать управление дискурсом⁹¹⁵. Дискурсивные исследования демонстрируют, как на основе современного социального знания элиты формируют контекст, в котором усиливаются тенденции к идентификации общественности с руководством и культивируются желательные для этого руководства идеи и ценности. Коллективная рациональность в результате предстает как продукт власти, ее инструмент и отражение существующих властных отношений одновременно.

Пырма Р. В. (Москва, Финансовый университет при Правительстве РФ)

ПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ ЦИФРОВОГО ГРАЖДАНСТВА

Глобальная технологическая трансформация порождает новые общественные отношения и политические явления так как «цифровое гражданство». Его характеризуют как способность участвовать в жизни общества в условиях цифрового технологического уклада, используя открывшиеся политические и экономические возможности. «Цифровыми гражданами» определяют тех, кто часто использует цифровые технологии коммуникации для получения политической информации, реализации гражданских прав и получения экономической выгоды.⁹¹⁶ Таким образом, характерными признаками цифрового гражданства являются: статус пользователей цифровых коммуникаций, потребление политической информации, гражданское участие и следование экономическим интересам.

ность», «властоментальность» и т. д. Подробнее см.: Донзло Ж., Гордон К. Управление либеральными обществами — эффект Фуко в англоязычном мире // Логос. 2008. №2 (65). С. 3–4.

⁹⁰⁹ Дин М. Правительственность. Власть и правление в современных обществах. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2016.

⁹¹⁰ McKinlay A., Pezet E. Foucault and Managerial Governmentality: Rethinking the Management of Populations, Organizations and Individuals. NY: Routledge, 2017.

⁹¹¹ Rose N., Miller P. Political Power beyond the State: Problematics of Government // The British Journal of Sociology. 1992. Vol. 43. No. 2. P. 173–205.

⁹¹² Донзло Ж., Гордон К. Управление либеральными обществами — эффект Фуко в англоязычном мире // Логос. 2008. №2 (65). С. 11–12.

⁹¹³ Schmidt V.A. Discursive Institutionalism: The Explanatory Power of Ideas and Discourse // Annual Review of Political Science. 2008. No. 11. P. 303–326.

⁹¹⁴ Schmidt V.A. Taking Ideas and Discourse Seriously: Explaining Change Through Discursive Institutionalism as Fourth 'New Institutionalism' // European Political Science Review. 2010. Vol. 2. No. 1. P. 18–21.

⁹¹⁵ Korkut U., Mahendran K., Bucken-Knup G., Cox R.H. (eds) Discursive Governance in Politics, Policy, and the Public Sphere. NY: Palgrave Macmillan, 2015.

⁹¹⁶ Mossberger K., Tolbert C.J., McNeal R.S. Digital Citizenship: The Internet, Society, and Participation. Massachusetts: The MIT Press, 2007. 240 p.

Концепция цифрового гражданства затрагивает фундаментальные понятия политической теории: государство, суверенитет, гражданское общество, статус гражданина. Цифровые коммуникации стирают границы между физическим и цифровым, локальным и глобальным мирами, что подталкивает к переосмыслению сущности основополагающих политических категорий. Политическая значимость цифрового гражданства становится очевидной при рассмотрении проекции будущего общественного порядка. Расширение доступности цифровых коммуникаций закрывает «сетевой клуб» для избранных и создает массовое цифровое общество, отчасти снимая проблему «цифрового разрыва» или «цифрового неравенства».⁹¹⁷ Глобальная цифровая трансформация ведет к распространению космополитизма, появлению кибергражданства, утверждению корпоративного гражданства, а также приобретению цифрового подданства, формированию политических сообществ без территории.

Создатели интернет-платформ, проповедники «дивного цифрового мира» Д. Коэн, Э. Шмидт называют Интернет крупнейшим в истории анархистским экспериментом, так как цифровое пространство фактически не имеет границ, в рамках которых действуют законы государства. В ситуации беспрецедентно высокого роста количества пользователей Интернета расширяются возможности реализации прямой демократии, что приведет к изменению традиционных институтов и иерархических структур, к перераспределению власти от государства к общественным организациям.⁹¹⁸ Виртуальные сообщества расширяют возможности самоорганизации граждан, замещая государственные функции.

Идеалистическому представлению о свободном от власти цифровом мире «пользователей в облаках» противостоит видение более знакомого управляемого мира. Граждане, утратив связь с локальными сообществами, стали частью глобальных сетевых структур, которые формируются программой с установленными «правилами игры» в цифровом сообществе. Согласно М. Кастельсу, программирование целей сети является первым источником власти, «поскольку однажды запрограммированная сеть будет работать эффективно и перенастраивать свою структуру и узлы, исходя из заданных для достижения целей». Вторым источником власти является контроль точек соединения между различными стратегическими сетями посредством переключения. Программисты и переключатели в силу положения обладают «сетесозидающей властью, наивысшей формой власти в сетевом обществе».⁹¹⁹ Таким образом, переключение и программирование глобальных сетей являются формами реализации власти в глобальном сетевом обществе цифровых граждан. Как установление правил считается необходимым условием жизнедеятельности любого общества, так и принуждение является необходимым средством упорядочивания отношений в цифровом сообществе. «Виртуальная личность» запрограммирована на подчинение решениям сообщества или создателей платформы. Интернет-коды, ограничения и блокировки пользователей действуют категорично, поэтому цифровое общество представляет собой форму «абсолютного принуждения».⁹²⁰

Гражданское общество постепенно перемещается в онлайн-мир. От информационного использования Интернета граждане переходят к ее использованию в качестве средства социальной организации на основе координации действий.⁹²¹ Цифровые коммуникации порождают новые формы политического участия и гражданской активности. При этом происходит интеграция цифрового пространства с реальным пространством политики.

Радиков И. В. (Санкт-Петербург, СПбГУ)

САНКЦИИ КАК ТОРМОЗ РАЗВИТИЯ РОССИИ И КАТАЛИЗАТОР НЕДОВЕРИЯ ГРАЖДАН К ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ

Под санкциями мы понимаем деятельность по ограничению или влиянию на суверенитет и суверенный политический курс России при помощи мер экономического характера, попыток дестабилизации политической системы, нацеленную на изменение политического режима, основ или отдельных составляющих внутренней и внешней политики. Интенсивность санкционного прессинга в разные периоды развития российского государства менялась, но его политическая цель оставалась неизменной. Постоянным, имплицитным являлся вектор воздействия антироссийских санкций на население.

⁹¹⁷ Graham M. Time Machines and Virtual Portals: The Spatialities of the Digital Divide. *Progress in Development Studies*. 2011. No. 11 (3). Pp. 211–227.

⁹¹⁸ Коэн Д., Шмидт Э. Новый цифровой мир. Как технологии меняют жизнь людей, модели бизнеса и понятие государств. М.: Изд-во «Манн, Иванов и Фербер», 2013. С. 4.

⁹¹⁹ Кастельс М. Власть коммуникации / Пер. с англ. Н. М. Тылевич. М., 2016. С. 65–66.

⁹²⁰ Orgad L. The Future of Citizenship: Global and Digital // *Debating Transformations of National Citizenship*. IMISCOE Research Series / Vauböck R. (eds). Springer, Cham. 2018. Pp. 353–358.

⁹²¹ Jensen M., Danziger J., Venkatesh A. Civil society and cyber society: The role of the internet in community associations and democratic politics. *Information Society*. 2007. № 23 (1). Pp. 39–50.

В настоящее время санкции затрагивают не только экономическую и финансовую сферы, но направлены против отдельных представителей российского истеблишмента и военно-политического руководства. Они перенесены также в сферу культуры и область гуманитарного сотрудничества. Дискриминационные ограничения накладываются даже на парламентариев. Хотя санкции стран Запада в 2014–2018 гг. охватили пятую часть ВВП России, 54% активов банковского сектора, 95% выручки нефтегазовых компаний и практически все предприятия ВПК и они ежегодно приводят к потере Россией полутора процентов роста ВВП⁹²², санкции не стали основным сдерживающим фактором роста российской экономики. Они лишь усилили негативные тенденции затянувшегося процесса трансформации рентной российской экономической модели, но стали удобным фактором объяснением низких темпов экономического роста для политической власти.

Введение санкций против России воспринимается в общественном сознании как в негативном, так и в позитивном контекстах. Отношение российского населения к санкциям не постоянно. Можно выделить три содержательных его состояния: а) эмоциональное отношение, определяющее полярные позиции: одну, преимущественно характеризующую чувства беспокойства и страхом перед масштабностью санкционной политики, и другую, напротив, ультра-патриотическую, не допускающую никаких капитуляций в принципе; б) безразличное отношение, равнодушие, объясняемое менталитетом, плохой информированностью и известным дистанцированием от политики; в) рациональное отношение, предполагающее поиск альтернативных решений в развитии.

В марте 2014 г. факт введения санкций против России вызвал обеспокоенность у 53% жителей страны⁹²³, в 2015 г. показатель снизился до 41%, в 2016 г. — до 39%, а в 2017 г. — до 28%⁹²⁴. К концу 2018 года ситуация изменилась. По данным «Левада-Центр», в ноябре 2018 г. угроза применения санкций вызвали тревогу у 43% населения⁹²⁵. Причина такого изменения социального настроения видится не только в низком уровне жизни значительного числа россиян, но в расширении возможностей доступа к альтернативной информации. Санкции влияют на население опосредованно, сдерживая темпы роста экономики и тем самым препятствуя росту реальных доходов. Согласно данным Росстата, реальные доходы россиян падают пять лет подряд, начиная с 2014 года, что совпадает со временем введения санкций против России: в 2014 г. — на 0,7%, в 2015 г. — на 3,2%, в 2016 г. — на 5,8%, в 2017 г. — на 1,7%, в 2018 г. — на 0,1%, в первом полугодии 2019 г. — на 1,3% по сравнению с аналогичным периодом предшествующего года. Последний раз реальные доходы населения росли в 2013 году — на 4%⁹²⁶.

Наибольшим доверием по-прежнему пользуется В.В. Путин. Если рейтинг президента до 2017 года превышал 40%, то с 2018 года он снизился до отметки 32%⁹²⁷. Рост критичного отношения населения к власти и, непосредственно к президенту во многом связаны с известной десакрализацией В.В. Путина, открытым или завуалированным фокусированием на нем ответственности за введение против России санкций, изменяющимся под прямым или опосредованным санкционным влиянием сознанием россиян. Увеличение числа недовольных усугубляется откровенной демонстрацией роста богатства чиновников всех уровней.

Поскольку санкции усиливают существующие в стране негативные тенденции и ведут к ухудшению экономической ситуации, они способствуют накоплению недовольства граждан. Если российскому правительству не удастся добиться в кратчайшие сроки ощутимых результатов в улучшении жизни россиян, актуальными станут смена политических элит и изменение политического курса и режима.

Ракитянский Н. М. (Москва, МГУ им. М. В. Ломоносова)

ОККАМИЗМ И ЕГО ПРОГРАММНО-УСТАНОВОЧНОЕ ВЛИЯНИЕ НА АНГЛИЙСКИЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ МЕНТАЛИТЕТ

Уильям Оккам (William of Ockham; ок. 1285–1349) английский философ и теолог, францисканский монах из Оккама (или Окхэма) был деятельным участником противостояния двух богословских систем средневе-

⁹²² АКРА: западные санкции затронули 20–21% российского ВВП URL: <http://www.rosbalt.ru/business/2018/07/10/1716211.html> (дата обращения 22.07.2019).

⁹²³ Россияне о санкциях со стороны США и Евросоюза. 11.06.2014. Пресс-выпуск Левада-Центр. URL: <https://www.levada.ru/2014/06/11/rossiyane-o-sanktsiyah-so-storony-ssha-i-evrosoyuza/> (дата обращения 02.07.2019).

⁹²⁴ Отношение к странам и санкции 06.12.2018. Пресс-выпуск Левада-центр. URL: <https://www.levada.ru/2018/12/06/otnoshenie-k-stranam-i-sanktsii/> (дата обращения 15.05.2019).

⁹²⁵ Там же.

⁹²⁶ Росстат: реальные доходы россиян упали в 2018 году пятый год подряд. Вести. Экономика. 25.01.2019. URL: <https://www.vestifinance.ru/articles/113732> (дата обращения 20.06.2019).

⁹²⁷ В соответствии с измененной методикой подсчета, введенной ВЦИОМ в мае 2019 года, рейтинг Путина В. вновь превышает 70%.

ковой схоластики — *реализма* и *номинализма*⁹²⁸, которые в XVI в. оказали влияние на разделение западного менталитета на *католический* и две формы протестантского — *континентальный* и *английский* (островной). Главное отличие его учения от средневековой метафизики состоит в радикальном утверждении существования *индивидуума*. Он был первым, кто открыл в политике путь такому движению как *индивидуалистический либерализм*⁹²⁹, и, тем самым, заложил фундамент нового политического проекта глобального масштаба.

Догматические установки английского политического менталитета⁹³⁰, выраженные в примате *воли* над *мышлением*, представлены в эпистимологических доктринах Оккама⁹³¹. Здесь мы сталкиваемся с двумя его постулатами метафизической природы: *волютаризмом* и *индивидуализмом*, которые в дальнейшем определили базовые ментальные устремления и ценности *англосаксонского либерализма*.

Философ доказывал, что политическое устройство есть исключительно земное, *индивидуальное* человеческое дело. Он объявил всякую иерархическую структуру языческим пережитком и заблуждением, ибо, по его мнению, никакого промежуточного звена между трансцендентным Богом, сотворенным им миром и человеком нет и быть не может. Правами в контексте его учения может обладать только каждый конкретный человек. Этико-социальная идея У. Оккама представляла собой *индивидуалистическую* концепцию общества и морали человека⁹³². Посредством программных утверждений номинализма она вошла в пространство интеллектуальной и политической жизни Британских островов, затем всего Западного христианства и в настоящее время экспансивно проецируется на глобальный политический порядок.

Оккам полагал, что христианские догматы есть *сверхсознательные* (сверхразумные) постулаты, относящиеся не к *разуму*, а к *вере* и *воле*. В его теории *воля*, в отличие от идей Фомы Аквинского и Майстера И. Экхарта, обладает безусловным приоритетом перед *разумом*. Поскольку в системе номинализма вера непосредственно ориентирована на волю и мораль, а не на сознание, постольку основные положения веры формируют здесь догматически обусловленный *волютаризм*, отчасти, как и в *иудаизме*⁹³³, центром которого так же выступает заповедь, апеллирующая прежде всего к *практическому разуму*. Это два наиболее волюнтаристических политических менталитета причем под *волей* здесь понимается ее позитивный практический момент, включающий в себя, прежде всего права человека, этику, культ успеха, индивидуализм, рационализм и т. д. Именно в отношении воли в этой системе наибольшей переработке подвергается христологический догмат и в результате возникает концепция *либерального права*.

В своей апелляции только к тексту Св. Писания Оккам и весь номинализм в качестве богословской доктрины приближается к религиозно-догматической позиции *иудаизма*, в которой, как и в английском номинализме, центром богословия выступает исключительно Священный текст — Книга, которая если не подменяет Бога, то заслоняет Его, формализуя живое общение с Ним, подменяя «религию Бога» «религией Книги». В этом пункте коренится причина реального политического противоречия между английским номинализмом и католичеством, поскольку значимым в англо-саксонском менталитете выступает *индивидуальное* начало, но не начало *универсальное*.

Таким образом, сама Церковь предстает у Оккама вопреки христианскому Символу веры всего лишь как собрание отдельных *индивидуумов*, не включенных ни в какую иерархическую структуру. В конечном счете, отрицается вообще всякая иерархия, в том числе и политического устройства, т. е. *либерально-демократическая* модель организации социума уже имманентно заключается в системе догматического истолкования номинализма. Более того, ее современная форма связана исключительно с ним, причем *либеральная демократия*, которая опирается на теологические постулаты оккамизма и английского номинализма, представляет собой ментально-догматический феномен⁹³⁴.

Созданным Оккамом образ мира, в отличие от католической традиции, обещал больше свободы и был более простым и понятным, формируя принципиально иные ментально-догматические концепты и ценности британских политических элит. Оккамизм как доктрина порывал не только со схоластической философией той эпохи, но и создавал теорию критической философии и новую картину мироздания.

Таким образом, Уильям Оккам еще в первой половине XIV столетия разрабатывал и формулировал догматические основы политического феномена, который впоследствии назовут *британским империализмом*. Это

⁹²⁸ Гегель. Сочинения. Том XI. Перевод В. Столпнера. — М.: Соцэкгиз, 1935. — С. 138.

⁹²⁹ Крикко В. Великие философы. Уильям Оккам. URL: // <https://www.youtube.com/watch?v=ZVE78Y0lvDI>

⁹³⁰ Ракитянский Н.М. Великобритания как суперсубъект глобальной политики в пространстве ментальных исследований // Век глобализации. 2018. №1 (25). — С. 100–111.

⁹³¹ Courtenay W.J. Ockham and Ockhamism. Leiden; Boston, 2008.

⁹³² Уильям Оккам: Избранное: Пер. с лат. А.В. Апполонова и М.А. Гарнцева под общ. ред. А.В. Апполонова. — М.: Едиториал УРСС, 2002.

⁹³³ Ракитянский Н.М. Иудейский менталитет. Политико-психологическое эссе // Вестник Моск. ун-та. Сер. 12. 2013. №4. — С. 55–81.

⁹³⁴ Можаровский В.В. Критика догматического мышления и анализ религиозно-ментальных оснований политики. — СПб.: ОВИЗО, 2002. — С. 60–61.

индивидуализм как «права человека», либерализм как принцип свободы без равенства и основа буржуазного права, упор на эмпирическое знание как вера в прогресс и как основа утилитаризма, наконец, волюнтаризм как примат воли над разумом и политический экспансионизм.

Реут О. Ч., (Петрозавлодск, ПетрГУ)

МОСКОВСКИЙ ЭКСПЕРИМЕНТ ПО ИНТЕРНЕТ-ГОЛОСОВАНИЮ: АРГУМЕНТЫ И ДИСКУРСЫ

В 2019 году в российской столице был проведён эксперимент по организации и осуществлению дистанционного электронного голосования на выборах депутатов Московской городской думы седьмого созыва. В трёх избирательных округах жители Москвы, обладающие активным избирательным правом, приняли участие в Интернет-голосовании через портал mos.ru. Данная форма волеизъявления стала дополнительной возможностью реализовать активное избирательное право наравне с традиционным голосованием.

Организаторы эксперимента позиционировали Интернет-голосование в ряду мер по распространению внедрения инструментов электронного участия. Сама цифровизация выборов представлялась новацией в сфере оказания государственных услуг. Выбранная модель проведения выборов с использованием технологий блокчейна должна была зафиксировать создание новых технологических обстоятельств, которые направлены на реализацию избирательных прав граждан.

Очевидно, что экспериментальный характер онлайн-голосования актуализировал многоуровневую и многоакторную дискуссию об уместности проведения дистанционного электронного голосования в современных условиях. Основные направления дискурсивной стратегии сторонников Интернет-голосования были выстроены вокруг нескольких положений. Прежде всего они касались способности отечественных специалистов создать абсолютно инновационную систему электронного голосования. Россия представлялась страной, которой под силу ответить на вызовы цифровизации электоральных процессов, а Москва — в качестве одного из глобальных мегаполисов, практически доказавших своё право на использование и развитие сервисов «умных городов». Формирование онлайн-системы было призвано повысить доверие к избирательному процессу через доступность голосования каждому избирателю, обеспечение защиты персональных данных, надёжность и безопасность при передаче голоса.

В целом разработка основных подходов к Интернет-голосованию происходила при обособлении групп специалистов, которые занимались «технологическими» и «правовыми» вопросами. Предполагалось, что первая рабочая группа будет сформирована программистами и экспертами в области Интернет-безопасности, делегированными участниками избирательного процесса и наблюдательским сообществом. Технологизация эксперимента на практике во многом была направлена на своеобразный подрыв политического субдискурса, лишение его пространства для критического развития, что заранее маркировало пределы возможного в обсуждении. Это неоднократно подтверждалось суждениями о том, что программистам проще договориться между собой, а остальные участники выборов ограничены своим незнанием в области кибербезопасности. Именно так предлагалось решить вопросы об исключительности узко профессиональных практик и об обособлении отдельной социальной группы, которая фактически выносилась за скобки политического сообщества. Функции организаторов эксперимента в этом случае сводились к техническому (фактически — технократическому) наведению порядка с помощью методов, не требующих дополнительной легитимации в пространстве публичной политики.

Интернет-голосование представлялось как более доступное и удобное, менее затратное в финансовом отношении, «заточенное» на повышение явки избирателей, прежде всего молодёжи и тех, кто в день голосования находится за пределами Москвы. Особый интерес представляло рассмотрение проблемы соблюдения принципа тайного голосования, предполагающего исключение опасности нарушения тайны волеизъявления конкретного гражданина на любой стадии голосования, что реализовывалось через подход, при котором данные, связанные с идентификацией личности избирателя, и непосредственные данные о поданных голосах, необходимые впоследствии для установления итогов голосования, обособлялись друг от друга.

Экстраполируя дискурсивные стратегии организаторов эксперимента на всю систему аргументов за и против дистанционного электронного голосования, необходимо заключить, что попытки перевода дискуссии об электоральной кибербезопасности, изначально воспринимаемой вне политического контекста и выносимой за пределы публичного пространства, всё равно последовательно мигрировали в направлении переноса обсуждения анализа Интернет-технологий и сервисов на нормативные суждения об общественно-политических последствиях их использования

РЕЖИМЫ ВОВЛЕЧЁННОСТИ И ГРАЖДАНСКАЯ АКТИВНОСТЬ В РОССИИ

Ниже представлены некоторые результаты социологического исследования справедливости 2019 года в России⁹³⁵. В качестве методик применялись настольное исследование, онлайн-опросы, фокус-группы и личные когнитивные интервью с гражданами, направленные на выявление того, как российские граждане оправдывают или обосновывают свои или чужие действия для достижения справедливости или противодействия несправедливости.

Типы и методы оправданий и обоснований справедливости определялись в соответствии с введёнными Лораном Тевено режимами вовлечённости. Каждый из них представляет ту или иную форму связи реальности и блага в ней, а также форматы восприятия мира⁹³⁶. А оценки релевантности таких связей обеспечивают возможности координации совместной деятельности⁹³⁷. Тевено описал три типа режимов вовлечённости по степени из публичности: режимы близости или фамильярности, планового или рационального действия и полной публичности с открытыми публичными спорами и обоснованиями общих благ⁹³⁸.

В режиме близости или фамильярности индивид взаимодействует со своим ближайшим окружением, использует привязанность к людям и вещам, ценности привычного для него мира. В режиме планового или рационального действия общее благо достигается выполнением функционально и прагматично разработанных планов и процедур решений проблем, в нём поддерживается осуществление действий по отработанному порядку. Режим публичного обоснования применяется, когда необходимо обосновать общее благо, и его обоснования не могут быть получены из соображений функциональности, прагматичности, применения привычных норм и правил законов, инструкций, морали⁹³⁹. Поэтому в режиме публичного обоснования осуществляются публичные действия — различные по формам обсуждения и дискуссии, коллективные действия по решениям проблем.

Обоснования справедливости в зависимости от конкретных ситуаций и состояний могут осуществляться с уровнями публичности, соответствующим тому или иному режиму вовлечённости. Вслед за Б.С. Гладаревым⁹⁴⁰ возрастание уровней публичности в обоснованиях справедливости можно описать следующим образом.

Когда индивидуальная проблема создаёт дискомфорт, индивид, как правило, начинает её решать в режиме близости. Он пытается договориться с родственниками или друзьями, добиться взаимопонимания на основе близких отношений. Если же это не удаётся, индивид переходит в режим планового или рационального действия: он ищет и представляет рациональные аргументы в пользу своей позиции, апеллирует к общепризнанным правилам, законам, инструкциям, авторитетным мнениям.

Переход в режим публичной критики и оправдания происходит, когда индивид в решении своей проблемы надеется на помощь и поддержку незнакомых ему индивидов, организаций, универсальных по действию социальных институтов. Это в российских условиях бывает нечасто, поэтому публичных дискуссий о справедливости в постсоветский период практически не проводилось и не проводится. В относительно редких случаях перехода в режим публичной критики и оправдания индивид либо включается в какую-то инициативную группу, отстаивающую интересующий его аспект справедливости, либо самостоятельно пытается найти новые аргументы оправдания своей позиции. И в этом самостоятельном поиске индивид также нередко знакомится с другими сторонниками своей или близких к ней позиций по справедливости, т. е. скорее будет тоже в большей или меньшей степени включаться в соответствующую инициативную группу. А такие группы, как правило, стремятся получить поддержку своей позиции в социальных сетях Интернета и в СМИ, в органах власти, возможно даже у международной общественности.

В соответствии с концепцией гражданской активности и её типами С.В. Патрушева⁹⁴¹ её проявления вообще не предполагаются для обоснований справедливости в режиме близости. Справедливость в этом режиме долж-

⁹³⁵ Это социологическое исследование выполнялось в рамках исследовательского проекта № 19-011-31443 «Общественный запрос на справедливость и её обеспечение со стороны государства» при финансовой поддержке РФФИ и АНО ЭИСИ.

⁹³⁶ Тевено, Л. 2000, «Какой дорогой идти? Моральная сложность «обустроенного» человечества» // Журнал социологии и социальной антропологии, том III, №3, с. 85.

⁹³⁷ Там же. С. 89.

⁹³⁸ Хархордин О.В. Прагматический поворот: социология Л. Болтански и Л. Тевено // Социологические исследования. 2007. № 1. С. 39.

⁹³⁹ Ковенева О.В. Французская прагматическая социология: от модели «градов» к теории «множественных режимов вовлечённости» // Социологический журнал. 2008. № 1. С. 16–17.

⁹⁴⁰ Гладарев Б.С. Градозащитные движения Петербурга накануне зимней революции 2011–2012 г.: анализ из перспективы французской прагматической социологии // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2012. №4 (110) июль-август. С. 31–32.

⁹⁴¹ Патрушев С.В. Гражданская активность: институциональный подход. Перспективы исследования [Электронный ресурс] // Электронная библиотека «Гражданское общество в России». С. 24–27. URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Patrushev_2009_6.pdf

на достигаться по взаимному согласию в солидарном поведении самих индивидов и их близких окружений. В режиме планового или рационального действия социальное поведение, как правило, соответствует гражданскому участию с воспроизводством ценностей, норм и социальных практик, уже отработанных и позволявших ранее получать вполне удовлетворительные результаты. Гражданское действие приходится осуществлять в сравнительно редком использовании гражданами режима публичного обоснования справедливости. В этом режиме гражданам необходимо преодолевать разрыв между функционирующими нормами и правилами обеспечения справедливости, которые по оценкам граждан не позволяют на самом деле её достигать. Это настолько сложно и для граждан, и для профессионалов, что в своей жизни российские граждане оказываются практически неспособными отстаивать гражданскими действиями справедливость, как они её понимают.

Рогожина К. А. (Москва, РАНХиГС при Президенте РФ)

СУБЭТНИЧЕСКИЕ РАЗМЕЖЕВАНИЯ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЭЛИТ СТРАН ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКОГО РЕГИОНА⁹⁴²

В странах Центральной Азии в постсоветский период одной из основополагающих проблем стало резкое возрастание влияния в общественно — политической сфере фактора этнонациональной и субэтнической принадлежности. Основанные на этих механизмах патрон-клиентные отношения стали основным механизмом формирования политических и административных элит. В основе субэтнических размежеваний лежит усиление после обретения странами национальной независимости традиционных трайбалистских, региональных и клановых, основанных на кровно-родственных связях, механизмов.

В Казахстане, чье население исторически составляли кочевники — скотоводы, субэтнические размежевания проходят по жузовому принципу. Жузами в Казахстане именуются союзы племен. Исторически сформировалось три жуза: Старший (Улы жуз); Средний (Орта жуз) и Младший (Киши жуз). В настоящее время к ним принадлежат около 35%, 40% и 25% населения, соответственно.

В Кыргызстане на субэтническом уровне базовое размежевание проходит между севером и югом. Север был и остается более модернизированным, урбанизированным и индустриализированным регионом. Юг представляет более патриархальные, преимущественно аграрные районы, исторически находившиеся в сфере влияния узбекской культуры, где ислам сохранил более прочные позиции, и где сегодня идет процесс реисламизации. Кыргызы причисляют себя к одной из трех групп, называемых «крыльями» и объединяющих несколько племенных родов: четырнадцать на севере и восемь на юге.

В Таджикистане размежевание происходит по региональному принципу. Страна состоит из четырех основных природных зон и соответствующих им исторически сложившихся трех административных областей: Хатлонской, Согдской и Горно-Бадахшанской автономной области и 13 районов республиканского подчинения, расположенных в центральной части страны. Ряд центральных районов отличает высокий уровень исламизации населения, а жители ГБАО являются исмаилитами.

В Туркменистане трайбалистская принадлежность лежит в основе деления на региональные кланы. Крупнейшими племенами являются текинцы, чья доля составляет свыше 40%, йомуды, эрсари, салоры и геоклены, соседствующие с йомудами в юго-западном Туркменистане.

В Узбекистане субнациональное деление основано на региональном принципе, однако региональные организованные интересы присутствуют в политической жизни страны не столь явно, как в соседних Таджикистане и Кыргызстане. Ключевую роль играют близкие кровно-родственные связи.

Характерной чертой развития центрально-азиатских государств стала консолидация политической власти и, соответственно, экономических ресурсов и доступа к СМИ, нередко в рамках института президентской «Семьи», в которую входят ближайшие родственники, личные друзья и доказавшие президенту свою преданность люди. Именно победа на парламентских выборах дочери А. Акаева стала «последней каплей», спровоцировавшей переворот в 2005 г. «Приватизация» ключевых органов государственной власти и перераспределение контроля над экономическими ресурсами в пользу родственников приемника А. Акаева К. Бакиева, прежде всего, его четырех братьев и сына Максима, вызвали народное негодование и привели к его свержению уже в 2010 г. Президент Таджикистана Э. Рахмонов распределил значительные политические и экономические ресурсы между членами своей многочисленной семьи. Его дочь Озода является главой его администрации. 29-летний сын Рустам в 2017 г. стал мэром столицы Душанбе, ради чего в отставку был отправлен давний соратник президента М. Убайдуллоев, занимавший пост градоначальника таджикской столицы

⁹⁴² В рамках проекта РФФИ № 17-03-00746а.

с 1998 года. На протяжении нескольких лет Рустам Рахмонов носит звание генерал-майора. По итогам прошедшего в мае 2016 г. референдума в конституцию республики были внесены изменения, снижающие возрастной порог для кандидатов в президенты с 35 до 30 лет, что дает возможность Рустаму Рахмонову принять участие в выборах в 2020 г. в возрасте 33 лет.

Усилению традиционалистских, существовавших веками межличностных связей, способствует, среди прочего, стремление «новорожденных» центрально-азиатских государств найти в своем прошлом, обычаях и традициях основы новой государственности, которой они исторически не имели. Архаичные формы социальных отношений не только перестали подавляться современным государством, а, наоборот, стали преподноситься как отличительная черта древней национальной истории. Примером может служить институт старейшин, действующий в Узбекистане на уровне махалля, педалирование темы жузовой и родовой принадлежности в Казахстане и Кыргызстане, соответственно.

Стремление к укреплению политических и патронажных позиций правящих элит привело к ликвидации социальной мобильности, сужению сферы публичной политики и каналов артикуляции политических интересов, не аффилированных с правящими группами⁹⁴³. Произошла фактическая приватизация институтов государства политико-экономическими кланами, представители которых участвуют в «погоне за рентой. Клиентарное использование власти способствовало превращению коррупции, протекционизма, фаворитизма, nepотизма в норму общественной жизни. Это ведет к дальнейшей деградации политической системы и ре-архаизации общественно-политических отношений в центрально-азиатских обществах, что способствует росту политического недовольства и социальной напряженности. Все чаще они находят выражение в усилении нетрадиционных религиозных предпочтений, что создает угрозу и для самих центрально-азиатских государств и для их соседей.

Рожкова З.И. (Москва, Институт философии РАН)

СОЦИАЛЬНОЕ НЕРАВЕНСТВО В ДЕМОКРАТИЧЕСКОМ МИРЕ

Одной из актуальных проблем пост-экономического общества является проблема социального неравенства. «Неравенство подпитывает недовольство и разлад в обществе. Результат — рост недоверия к демократическим институтам, а то и что похуже»⁹⁴⁴. Еще полвека назад верхушка состоятельных американцев (0,1% населения) контролировала 7% богатства в экономике планеты, сейчас уже 20%. В целом в США, Европе и Китае, на которые приходится две трети мировой экономики, 10% населения владеют 70% всех активов. Почти вся «сдача» оседает в карманах среднего класса, составляющего 40% жителей этих стран. Остальные — то есть каждый второй — довольствуются крохами: в их распоряжении всего 2% общего богатства. И чем дальше, тем больше ускоряется эта концентрация денег и собственности в руках малой части состоятельных граждан. А доходы подавляющего большинства, напротив, фактически заморожены со времен финансового кризиса десятилетней давности.

Главным тезисом исследований Т. Пикетти является угроза негативного влияния имущественного расслоения на демократию, которое несет в себе капитализм. В рамках исследования он создал свою модель, в основе которой: дефиниция, два экономических закона, неравенство. Распределение богатств — это всегда один из самых насущных вопросов, «реальность неравенства очевидна всем»⁹⁴⁵. При этом взгляды и оценки на само явление абсолютно разные и зачастую противоположные. Одни считают, что неравенство находится в постоянном процессе роста, а, следовательно, окружающий нас мир становится все более несправедливым. Другие напротив, считают, что неравенство снижается естественным образом, и, следовательно, данный процесс не нуждается в какой-либо сторонней помощи. Т. Пикетти возрастные разбросы в распределении богатств называет социальной и политической проблемой первостепенного значения, и даже предлагает решение современной кризисной ситуации социального неравенства нововведениями в налогово-бюджетной политике.

По мнению К. Крауча много сил для того, чтобы исключить из актуальных проблем вопросы, связанные с такими проблемами рынка труда как трудовые отношения и условия труда, приложила социал-демократия. «Историческая точка зрения на права, полученные в результате подъема рабочих движений, заключалась в том,

⁹⁴³ Инновационный человек и инновационное общество. Под ред. В.И. Супруна. Новосибирск, 2012; Политическая социология. Под ред. Т.В. Евгеньевой. М., 2013.

⁹⁴⁴ Реформа капитализма. Миллиардеры и бизнес готовы делиться: что их напугало? / А. Калмыков. Би-би-си, 16 июня 2019. [Электронный ресурс] — Режим доступа: <https://www.bbc.com/russian/features-48975781>

⁹⁴⁵ Пикетти Т. Капитал в XXI веке / Пер. с фр. А. Дунаев. М.: Ад Маргинем Пресс, 2016. С. 21.

что они основывались на зависимости экономики и общества от продуктов труда»⁹⁴⁶. Эти проблемы занимают центральное место и необходимо их вернуть в повестку дня, социальная политика не может не учитывать неравномерное распределение доходов. Тем не менее, социал-демократы представляются большими строителями государства благосостояния так как они понимают важность вклада социальных инвестиций в расширение общей производительности экономики, признают необходимость использования возможностей общества для борьбы с рыночными несоответствиями, появляется возможность создания защищенности от меняющегося мира глобализации.

Д. Асемглоу и Дж. А. Робинсон исследуя демократию в связке с социальным конфликтом между различными группами, основной конфликт между слоями населения связывают с долей доходов труда в ВВП. В таком случае бедные получают доход от труда, богатые от капитала или ренты. «Поэтому, когда имеет место конфликт между богатыми и бедными, высокая доля доходов труда соответствует низкому уровню межгруппового неравенства»⁹⁴⁷. Исследования графиков соотношения доли дохода и индексов демократии, а также соотношения демократии и коэффициента Джини показывают позитивную связь между долей доходов и демократией в первом случае, и негативную во втором случае: страны с более высоким уровнем коэффициента Джини и неравенством склонны быть менее демократичными.

Наиболее острый вызов капиталистического мира в современности — это неравенство, свобода в возможности накопления неограниченных экономических ресурсов. Эта свобода может создать ситуацию, в которой уровень экономического неравенства будет настолько высок, что он повлияет на политическое равенство, а, следовательно, на стабильное функционирование демократии.

Рожнева С. С. (Петрозаводск, ПетрГУ)

ПОЛИТИКА ПАМЯТИ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ В ПУБЛИЧНЫХ ВЫСТУПЛЕНИЯХ ПРЕЗИДЕНТОВ РФ

Историческая память о значимых событиях является необходимой для национальной идентичности. Осуществляемая главой государства политика памяти занимает важное место в стране. Отчасти, благодаря ей, формируются положительные и отрицательные оценки прошлого в общественном сознании, образы «друзей» и «врагов», оказывающих влияние на интерпретации настоящего, на проводимую политику Президентом страны.

В коммуникативном комплексе, создаваемым главой государства, формируются разнообразные образы, оценка которых со стороны Президента РФ отражается в массовом сознании граждан. Интеграционные функции, направленные на сплочение нации, на ее единство, как правило, выполняют такие образы, которые вызывают сильные эмоции практически у каждого человека. Это можно увидеть, когда какое-то значимое для страны событие закрепляется в официальном государственном празднике или, напротив, в объявлении дней траура.

Наиболее ярко политика памяти в России проявляется в праздновании Дня Победы. В 2020 г. мы будем отмечать 75-ю годовщину Победы в Великой Отечественной войне (ВОВ). В нашей стране 9 Мая — это такая дата, которая заключает в себе и радость, и скорбь одновременно. В связи с чем, целью настоящего исследования было изучить, каким образом глава государства сохраняет в общественном сознании память о ВОВ.

Опираясь на теорию конструктивизма с использованием дискурсивного анализа, были изучены выступления Президента РФ на параде 9 Мая в юбилейные памятные даты и тексты ежегодных Посланий главы государства Федеральному Собранию, в которых он упоминает о ВОВ.

Было выявлено, что в постсоветской России уже Б. Ельцин заложил основы, определяющие святость памяти о Великой Победе в войне. В своем выступлении 9 Мая 1995 г. при помощи таких фраз, как «Защищать независимость России», «Общая беда сплотила людей, объединила их на защиту Отечества», «Пусть память об этой войне станет объединяющей силой и сейчас», «Святой праздник», «9 Мая станет днем поминовения погибших, днем единения сил добра, днем проклятия любого проявления фашизма и днем надежды на прочный мир» были определены интегрирующие нацию ценности.

С целью создания яркого и запоминающего образа об ужасах войны первым президентом конструировались образы «героев» и «врагов». Героизм нации прослеживался в позитивно окрашенной риторике: «Красная площадь вновь встречает победителей», «Гордое знамя Победы». В парламентском Послании 1996 г. Б. Ель-

⁹⁴⁶ Крауч К. Как сделать капитализм приемлемым для общества / Пер. с англ. А. Смирнова. М.: Изд. дом Гос. ун-та Высшей школы экономики, 2016. С. 134.

⁹⁴⁷ Асемоглу Д., Робинсон Дж. А. Экономические истоки диктатуры и демократии / Пер. с англ. Моисеева С. В., под науч. ред. Полищука Л. И., Сюняева Г. Р., Натхова Т. В. М.: Изд. Дом Высшей школы экономики, 2015. С. 89.

цин сделал акцент на том, что память о войне должна сохраняться как патриотическое чувство, как «состояние души, когда живешь болью Отечества, сопричастно его триумфам и поражениям, испытываешь гордость за свои национальные традиции, за принадлежность к великой стране». В то же время «врагом» для главы государства оставался фашизм и персонально А. Гитлер: «В бредовых замыслах Гитлера было поработить наш народ», «Прах злодея развеян», «Пропасть фашизма», «Ядовитые семена фашизма» (09.05.1995).

Ценности, на которые обращал внимание нации В. Путин, в целом, не отличались от заявленных в 1990-е гг. Б. Ельциным. В. Путин также говорил о святом долге «уважать память отцов» (09.05.2000), называя 9 Мая священной для страны датой. Значение памяти о ВОВ Президентом рассматривалось как «напутствием всем живущим» (09.05.2000). Победа 1945 г., по его мнению, это «национальное достоинство державы» (09.05.2000). Однако В. Путин акцентировал внимание на том, что «друзьями» является «наша армия», которая навсегда в памяти останется «армией народа» (09.05.2000). В то время как образ «врага» был расширен и включил в себя не только нацистов, но и террористов, представляющих угрозу целостности нации в настоящий момент, о чем Президент отметил в Послании Федеральному Собранию 2015 г.: «Уроки прошлого в полный рост встали перед мировым сообществом. Исторические параллели очевидны. В XX веке нежелание своевременно объединить усилия в борьбе с нацизмом было оплачено десятками миллионов жизней, самой кровавой мировой войной».

Важное значение исторической памяти о войне наиболее ярко было подчеркнуто в публичных выступлениях Д. Медведева. В 2010 г. на параде Победы он отметил, что «Время имеет огромную власть. Но оно слабее человеческой памяти». Д. Медведев говорил теплые слова ветеранам, но в его риторике основной акцент ставился на то, что «Эта война сделала нас сильной нацией», ветераны «завоевали нам свободу», а сама Победа — это, прежде всего «нравственная Победа. Общая Победа» (09.05.2010).

Таким образом, в ходе исследования удалось выявить, что героический образ Великой Победы, память об ужасах Отечественной войны в сознании нации закрепляется путем конструирования образов «друзей» и «врагов». Причем в риторике разных президентов РФ можно наблюдать небольшую трансформацию «своих» и «чужих», конъюнктурно формируемых через лексическое отражение происходящих в стране и в мире событий.

Романов В.Д. (Санкт-Петербург, РГПУ им. А.И. Герцена)

К ПЕРСПЕКТИВАМ КОЛИЧЕСТВЕННЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ ПОЛИТИКИ В ОБЛАСТИ ПРАЗДНИКОВ И ПАМЯТНЫХ ДАТ

Осмысление праздников, описание церемониала, его смысл и другие особенности этого феномена фиксировались в культуре столетиями. В предметах быта, изобразительными средствами, в литературе и устной речи — отовсюду до нас доходит наследие торжеств былых времён. И при таком обилии артефактов праздник как объект для наблюдения не так прост ввиду своей многогранности.

Праздники и иные торжественные мероприятия бесспорно являются неотъемлемой частью культуры человечества. Философия и культурология давно изучает наследие праздничной культуры посредством литературного наследия, исторических сведений и других культурных артефактов. Тем не менее, сегодня существует не так много исследований, обобщающих данный феномен общества. Современные праздники, а также их политическое регулирование, уже давно вышли за рамки старого культур-философского осмысления. Поэтому, пожалуй, одна из *ключевых проблем этой сферы* — отсутствие базового эмпирического опыта анализа государственных праздников и памятных дат с позиций современной социальной науки.

Анализ регламентации календарной политики государства в контексте феномена праздника и памятных дат требует применения концептов, способных проявить свет на особенности того функционирования праздников, которое существует в действительности. Если пойти от характеристик предмета исследования, то праздник — это время, которому отведено особое место в календаре. Стоит сказать, что это касается и чередования выходных и рабочих будней. Некоторые из закреплённых в национальных календарях праздник, возникли несколько тысяч лет назад, как, например, дни равноденствий.

При этом, у праздников может быть своё «внутреннее время» — взять хотя бы календарное возвращение любого повторяемого праздника. Ряд мыслителей отмечали, что особенность такой ротации деятельности человека с точки зрения феномена праздников является значимой, поскольку сам праздник может разделяться на «праздник» и «празднество»⁹⁴⁸, «торжество», то есть своего рода процесс внутри условной даты. Все эти

⁹⁴⁸ Гадамер Г.-Г. Актуальность прекрасного. М.: «Искусство», 1991. С. 158.

отдельные черты праздничной культуры требует систематизации посредством современных методов анализа общества и культуры.

Суммируя опыт анализа различными исследователями такого феномена, как государственный праздник, можно заключить, что лишь отдельные аспекты данной сферы общества изучаются современной наукой, причем, как правило — в контексте политики памяти⁹⁴⁹. *Новизна*, предлагаемого автором проекта исследования, заключается в последовательном обобщении опыта регулирования государственных праздников странами Европы и постсоветского пространства (из числа государств членов ООН) в единую базу данных. Такой массив информации позволил бы не только по-новому оценить имеющиеся сходства и различия между различными государствами в управлении праздничной культуры, но и в перспективе поспособствовал бы прогнозированию общей международной повестке в сфере праздничной и коммеморативной области нашей жизни.

Руденкин Д. В. (Екатеринбург, УрФУ)

ПОДОПЛЕКА ПРОТЕСТНЫХ НАСТРОЕНИЙ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ: КЕЙС ЕКАТЕРИНБУРГА⁹⁵⁰

Заметная активность, проявленная российской молодежью в ходе целой серии протестных акций 2017 и 2019 гг., стала важным трендом в российской публичной политике и вызвала ощутимый резонанс, как в социологии, так и в обществе в целом. Интерес к этому тренду во многом был обусловлен его кажущейся спонтанностью. В российской исследовательской практике за минувшие годы устоялось представление о молодежи как об относительно инертной социальной группе, склонной дистанцироваться от политических повесток⁹⁵¹. Поэтому превращение молодежи в один из основных элементов той социальной базы, которая подпитывала протестные акции 2017–2019 гг., стало во многом неожиданным. События этого периода показали, что многие представители российской молодежи не только проявляют интерес к политике, но и обладают выраженными протестными настроениями.

В исследовательской литературе высказывалось довольно много гипотез о подоплеке этих протестных настроений российской молодежи. Тем не менее, по нашим наблюдениям, в основном исследователи связывают существование таких настроений с внешними институциональными факторами: с просчетами в молодежной политике государства⁹⁵², с дисфункциями системы гражданского воспитания⁹⁵³, или даже с активизацией политических провокаторов⁹⁵⁴. При этом сама молодежь и ее политическая культура оказываются в фокусе внимания реже. Но правильно ли списывать рост протестных настроений молодежи на воздействие только внешних факторов? Быть может, триггер повышения этих настроений заложен не в них, а скорее в специфических качествах российской молодежи, которые сделали ее чувствительной к влиянию таких факторов?

Стремясь разобраться в соответствующих вопросах, мы реализовали социологическое исследование, в фокусе которого оказались протестные настроения молодежи одного из российских мегаполисов — Екатеринбурга. В ходе исследования были опрошены 1503 представителя городской молодежи в возрасте от 14 до 29 лет, отобраны они были по квотной выборке (квотными признаками являлись пол, возраст и район проживания). Нас интересовали те факторы, которые влияют на оценку молодыми людьми вероятности акций протеста в городе и их готовность лично в таких акциях участвовать.

Анализ данных позволил сделать несколько выводов.

Во-первых, общий уровень протестных настроений молодежи города в момент исследования оказался умеренным. В своем городе акций протеста ожидали 27,1% опрошенных. Участвовать в них лично хотели бы 27,7%. И хотя это довольно существенные значения, аномально высокими они не были: в тот период схожие показатели фиксировались ВЦИОМ и на уровне российского общества в целом⁹⁵⁵.

⁹⁴⁹ Малинова О.Ю. Коммемория столетия революции (й) 1917 года в РФ: анализ стратегий ключевых мнемонических акторов // Политические исследования. 2018. №1. С. 9–25; Габович М. Памятник и праздник: этнография Дня Победы // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. 2015. №3 (101). С. 93–111.

⁹⁵⁰ Работа подготовлена в рамках реализации гранта Российского фонда фундаментальных исследований №18-311-00226.

⁹⁵¹ Петухов В.В. Поколение «нулевых»: социальные настроения, идеологические установки и политическое участие // Политические исследования. 2012. №4. С. 56–62.

⁹⁵² Авцинова Г.И., Бурда М.А. Молодежная политика современной России: абсентеизм и политический протест // Вопросы политологии. 2019. №4 (44). С. 649–655.

⁹⁵³ Ковтун Е.И. Специфика современных молодежных протестных движений // Вопросы политологии. 2019. Т. 9. №4 (44). С. 712–721.

⁹⁵⁴ Большунова Т.В. Ценностно-мотивационный аспект участия «поколения z» в современном политическом процессе // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. 2018. №. 1. С. 63–67.

⁹⁵⁵ Протестный потенциал // Официальный сайт Всероссийского центра изучения общественного мнения. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=177> (дата обращения: 11.08.2019).

Во-вторых, потенциальным триггером роста протестных настроений молодежи являлась ощущаемая несправедливость общества. Те опрошенные, которые оценивали российское общество как несправедливое, чаще отвечали, что ожидают в городе акций протеста, и чаще же говорили о своем желании лично в них участвовать (См. Рис. 1).

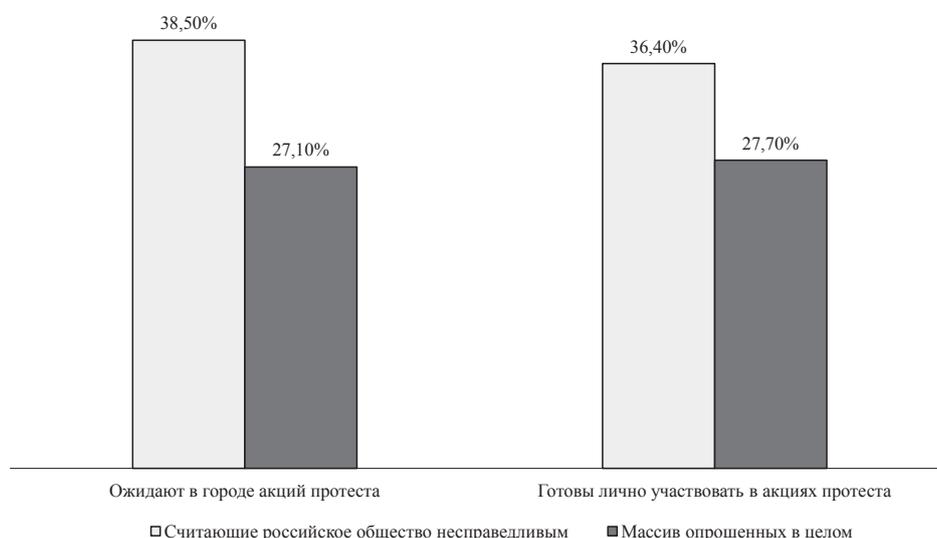

Рисунок 1. Протестные настроения опрошенных: фактор считаваемой справедливости общества

В-третьих, протестные настроения молодых людей были связаны с их ощущением отсутствия жизненных перспектив. Характерно, что и доля тех, кто ожидает акций протеста, и процент тех, кто готов участвовать в них лично, оказались выше среди тех молодых людей, которые соглашались с фразой «У таких, как я, сегодня в России нет особых перспектив». (См. Рис. 2).

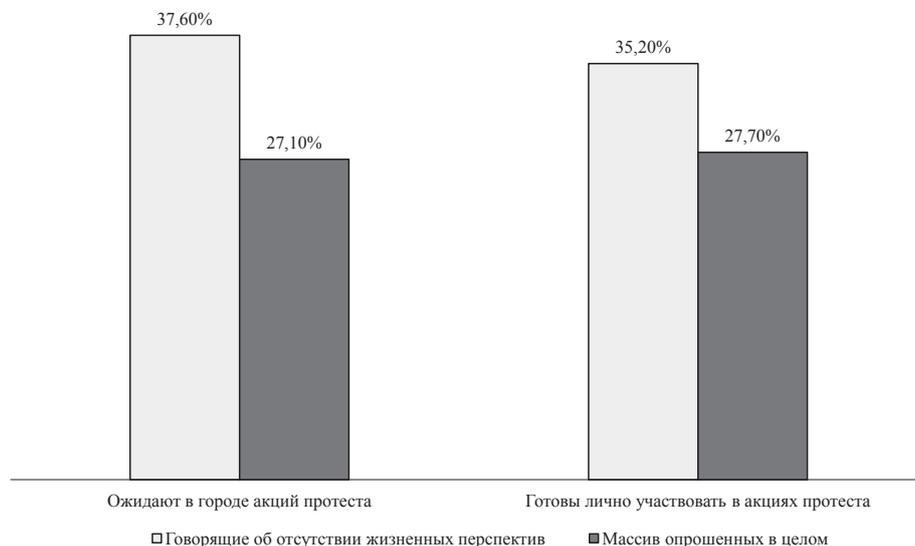

Рисунок 2. Протестные настроения опрошенных: фактор оценки жизненных перспектив

В-четвертых, у протестных настроений молодежи не было какой-то явной социально-демографической локализации. Статистический анализ показывал, что пол, возраст, уровень жизни, и другие подобные признаки опрошенных не оказывали существенного влияния на их ответы о том, ожидают ли они протестных акций в городе и хотят ли участвовать в таких акциях лично.

В целом анализ показал: подоплека протестных настроений молодежи в России может быть во многом связана с социальным самочувствием молодых россиян. Важной почвой для таких настроений становится распристрастие у молодых россиян чувства «неправильности» российского общества: дефицита социальной справедливости и отсутствия жизненных перспектив.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ СТРАН ЗАПАДА И РОССИИ НА МИРОВОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ В XXI ВЕКЕ: ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ ВЫЗОВЫ И ТЕНДЕНЦИИ

В условиях трансформации системы международных отношений и попытки сохранения однополярной мировой структуры с центром в США представляется целесообразным обратиться к изучению проблемы взаимоотношений России и стран Запада. При этом важно отметить, что спектр данных взаимоотношений достаточно широк и для полноты исследовательской картины необходимо сконцентрироваться на предпосылках, а также анализе 5-го периода последствий ситуации кризиса российско-украинских отношений с момента 2014 года до сего дня. Именно данный кризис повлек за собой разрыв сформировавшихся дипломатических шаблонов, разновекторное позиционирование политики ЕС, США и России.

В традициях эволюции Вестфальской системы международных отношений, практика развития современного государства, вне зависимости от его местоположения и приоритетов, должна содержать главной целью, сохранение единства, экономической стабильности и суверенной территориальной целостности. События же 2014 года, развернувшиеся на постсоветском пространстве во взаимоотношениях России и Украины заставили заново оценить ряд традиционных, в научном понимании, государствообразующих факторов. Последовавшие изменения во взаимоотношениях России со странами Запада также возымели серьезные последствия. При этом надо отметить, что положение Российской Федерации находится под влиянием нескольких факторов: внешние и внутренние условия существования единой нации и государства в комплексе мирового пространства; наличие экологических, экономических, социально-демографических ресурсов, а также широкая поддержка и продвижение национальных интересов страны, как внутри, так и извне российской элитой.

Цели России во внешней политике, несомненно, оказывают воздействие на мировое сообщество и положение дел в отношениях со странами Запада, а значит, поведение на мировой арене нашей страны и ее будущее не детерминировано воздействием исключительно внешних условий и факторов. Возможность их использования в интересах налаживания диалога России и Запада напрямую, в том числе, зависят от готовности нашей правящей элиты осуществить данные процессы. Важно также отметить, что наличие единства идеологических воззрений в стране является одним из самых сильных государственных инструментов влияния.

Концепция внешней политики Российской Федерации является основным документом, который представляет собой систему взглядов на базовые принципы, приоритетные направления, цели и задачи внешнеполитической деятельности Российской Федерации, в том числе в аспекте регулирования сфер взаимодействия со странами Запада в условиях санкционного режима. При этом стоит отметить, что и внутри, например, стран Евросоюза также есть ряд объективных проблем, которые по ряду факторов образовались вследствие напряженности между нашими государствами. Одним из примеров развития регионализационных тенденций в Европе стал затянувшийся Брексит.

Еще один фактор, на который автор обращает особое внимание — новые подходы в ведении т. н. «информационной войны». Практика двойных стандартов и отказ Запада признавать итоги голосования жителей Крыма на всенародном референдуме (16 марта 2014 г.). Основными компонентами составления образа государства являются эффективные средства информационного влияния. Также необходимо представлять данный образ обществу с помощью эффективных механизмов медиаканалов. Ситуация с принятием в США закона об «ИноСМИ» и объявления ряда зарубежных информационных агентств иностранными агентами серьезно подорвала принцип свободы слова.

Чтобы исправить негативный образ страны, сформировать консенсус во взаимоотношениях со странами Запада на международной арене, а также сформировать образ России как великой державы, необходимо принять целый ряд протекционистских мер. Информационное влияние является важной составляющей политики «мягкой силы», и это обозначено частью государственной стратегии, но это также стало поводом для обвинений России во вмешательстве в ряд политических процессов в странах Запада, в частности в выборы Президента США.

21 марта 2014 года полуостров Крым и город-герой Севастополь вошли в состав Российской Федерации в качестве новых территориальных единиц — субъектов.

Главным противником присоединения Крыма выступили США и страны Евросоюза. С момента начала Украинского кризиса приверженцы правых взглядов в Америке полагают, что Россию можно считать серьезной угрозой безопасности для всего мира.

В течение длительного периода иностранные периодические издания пытались демонизировать образ Путина и не были готовы признать, что наша страна способна провести грандиозные и захватывающие мас-

штабные международные мероприятия, которыми стали Олимпиада в Сочи в 2014 году и Чемпионат мира по футболу в 2018 г.

На протяжении двух последних лет в ряде мировых кругов стал активно обсуждаться вопрос ухода от доллара США, как мировой единой валюты. При этом стоит отметить, что номинальная стоимость производства доллара по разным оценкам составляет всего 14 центов за 1 доллар США.

Также, следует акцентировать и важный стратегический шаг России в урегулировании Сирийского кризиса и налаживания связей с Китаем. После последующих санкций со стороны Европы и США, необходимо было искать альтернативный рынок сбыта газа. Москва и Пекин предусмотрели предоставление благоприятных налоговых режимов по добыче полезных ископаемых. Важным этапом стало развитие инициатив России в формате БРИКС и ШОС.

Стабильное и поступательное развитие России как государства-нации позволит сформировать устойчивую морально-психологическую среду, как во внутренней, так и внешней политике, благоприятную для интеграции России в мировое пространство, что обеспечит нашей стране достойное место в структуре мировых экономических отношений.

Рулев М. С. (Москва, РАНХиГС при Президенте РФ)

ИНСТИТУТ ПРЕЗИДЕНТСТВА В РОССИИ: ПРЕДСТАВЛЕНИЕ БУДУЩИХ ИЗБИРАТЕЛЕЙ

1. Полномочия Президента РФ были зафиксированы в Конституции РФ в 1993 году. Исходя из закрепленного в Конституции РФ статуса, он занимает особое место в механизме разделения властей, обладая своими собственными рычагами воздействия на законодательную, исполнительную и судебную ветви власти, принятие важнейших решений в различных сферах жизни общества и деятельности органов государственной власти⁹⁵⁶.

В то же время, граждане имеют свои представления о полномочиях и возможностях, прерогативах Президента, которые не всегда и не во всем воспроизводят его Конституционный статус. Когда граждане приходят на избирательный участок в своем предпочтении того или иного кандидата, они руководствуются зачастую не столько тем, каков он должен быть согласно Конституции РФ, сколько своими представлениями о должном и нужном. Кроме конституционных полномочий, не меньшее, а в ряде случаев и большее значение при выборе кандидата в Президенты, имеет личностный фактор, который в Конституции РФ не обозначен.

2. Представления о кандидатах на пост Президента РФ (их институциональные и личностные составляющие) у различных категорий граждан далеко не одинаковы, особенно у молодежи. В связи с предстоящими транзитом власти, особый интерес представляют мнения на этот счет той категории граждан, которая будет впервые принимать участие в выборах 2024 года (учащиеся старших классов). Чему и было посвящено исследование*.

Как показывают предварительные результаты исследования, в числе наиболее важных черт Президента учащиеся относят следующие:

— воля, решительность; интеллект; организаторские способности; харизма; способность разрешать конфликты; опыт; чуткость к проблемам простых людей; идейность; энергичность, целеустремленность; ответственность; патриотичность.

При этом, наибольшее значение передается таким личностным характеристикам как:

— Воля, решительность («Упорство и решительность — вот та реальная сила, которая поможет свернуть горы и получить желаемое. Таким и должен быть Президент»);

— Энергичность, целеустремленность («Именно целеустремленный человек добивается поставленных задач и осуществляет мечты»);

— Ответственность («Быть Президентом — это огромная ответственность не только перед собой, но и перед всем народом, доверившим тебе свою судьбу»);

⁹⁵⁶ Глава 4. Конституция Российской Федерации

* Доклад основан на данных Всероссийского исследования «Образ желаемого будущего России глазами учащейся молодежи», выполненного в рамках проекта РФФИ № 19-011-35019 под руководством д. ф. н, профессора В.С. Комаровского. В данной части анализируются предварительные результаты одной из процедур исследования — эссе участников Всероссийского конкурса молодежных проектов «Если бы я был Президентом». Всего получено 13 тысяч работ из всех субъектов РФ.

— Чуткость к проблемам простых людей («... должен понимать, что все его принятые решения должны идти на улучшение жизни граждан страны, на обеспечение их безопасности»).

3. Институциональный аспект. Обращает на себя внимание, что учащиеся не связывают свои представления об институте Президента с конкретным человеком. (Фамилия действующего Президента (В.В. Путин) упоминалась менее, чем в 10% работ.)

Учащиеся считают, что полномочия Президента должны быть очень широкими, Президент — «главный человек в государстве», «на чьих плечах лежит неопишуемая ответственность». В то же время, «задача Президента не править, а направлять развитие страны в необходимое русло». Вся его деятельность осуществляется строго в рамках закона. Президент «должен привносить новые, а главное — хорошие, идеи в развитие государства» и «несет свою ответственность за действия в пределах установленного срока».

В целом исследования показывают, если что по данным АНО «Левада-Центр»⁹⁵⁷ 54% граждан желали бы «оставить Путина в Кремле и после 2024 г.», то среди учащихся данный показатель почти на порядок ниже.

Признавая, что для Российской Федерации объем полномочий Президента должен быть очень большим, в то же время учащиеся заявляют, что в будущем должны появиться формы, позволяющие «спрашивать с Президента» за результаты его деятельности на посту Главы государства за срок, установленный в Конституции РФ.

Главный вывод: на будущих выборах Президента РФ потенциальный избиратель предъявляет и новые требования к кандидату в Президенты как со стороны институциональных характеристик, так, частично, и личных качеств.

Русакова О. Ф. (Екатеринбург, Институт философии и права УрО РАН)

ПОЛИТИКА ПОСТПАМЯТИ КАК МЕДИАТЕХНОЛОГИЯ

Понятие *postmemory* («постпамять») стало распространенным в исследовательских кругах, благодаря работам профессора Колумбийского университета М. Хирш⁹⁵⁸. Приставка «пост» при обозначении особенностей современной исторической памяти означает, что транс-поколенческая трансляция памяти о прошлом имеет под собой не столько рационально-доказательную основу, сколько эмоционально-чувственную, образно-эмпатическую, которая получает свое усиление при использовании новейших мультимедийных технологий. Дискурс политики постпамяти часто контекстуально связан с практиками *trauma studies* (исследования исторической травмы)⁹⁵⁹, в рамках которых было разработано понятие «травмированная память». Главной исследовательской задачей политики травмированной постпамяти является создание эффекта эмоционального потрясения, острого сопереживания по поводу трагических событий прошлого. Для достижения данной цели используется мощный арсенал средств медиатизированного воздействия на массовое сознание. Целенаправленно политикой травмированной постпамяти занимаются институты национальной памяти, музеи оккупации и иные центры, существующие в ряде стран Восточной и Центральной Европы и создающие травмированные образы советского и коммунистического прошлого. Нередко данные образы трактуются как «альтернативная история» или как «альтернативные факты», создание которых непосредственно связано с технологиями дискурса постправды⁹⁶⁰.

Дадим краткое определение политики постпамяти: это способ конструирования альтернативной истории посредством применения технологии разделения участников событий прошлого на две, противопоставляемые друг другу, этно-национальные группы, а именно, на «нации-преступники» и «нации-жертвы». При этом ставится задача пробуждения у публики глубокого сострадания к «нациям-жертвам» («советской оккупации») и ненависти к «нации-преступнику» (подразумевается СССР и Россия). Вдобавок данная технология опирается на известный концепт о двух равнозначных видах тоталитаризма (советского и нацистского). Кроме того, нации, которые объявляются пострадавшими от разных форм тоталитаризма, репрезентируются в качестве «двойной жертвы», а, следовательно, их травмированная историческая память нуждается в двойной компенсации (моральной, политической, финансовой и др.).

Медиатехнологический арсенал политики постпамяти включает манипулятивные процедуры формирования убедительных образов и дискурсов, логика которых предполагает, что исторической правдой должна счи-

⁹⁵⁷ URL: <https://www.levada.ru/2019/07/30/pochti-40-rossiyan-ne-hoteli-by-videt-putina-prezidentom-posle-2024-goda/> — Исследование АНО «Левада-Центр» от 30.07.2019 «Почти 40% россиян не хотели бы видеть Путина Президентом после 2024 года».

⁹⁵⁸ Hirsch M. *The Generation of Postmemory: Writing and Visual Culture after the Holocaust*. N. Y.: Columbia University Press, 2012. 320 p.

⁹⁵⁹ Dawson G. *Trauma, Postmemory, Place: Bloody Sunday, Derry, 1972–2003* // *The Politics of Cultural Memory* / Ed. by L. Burke, S. Faulkner and J. Aulich. Newcastle: Cambridge Scholars Publishing, 2010. P. 230–252.

⁹⁶⁰ Политика «постправды» и популизм [Текст] / под ред. О.В. Поповой. СПб.: Скифия-принт, 2018. 216 с.

таться только та трактовка прошлого, которая оказывает наибольшее эмоциональное воздействие на публику и соответствует актуальной политической конъюнктуре. Следует отметить общий пострациональный характер дискурсов постправды и постпамяти⁹⁶¹, поскольку данные Дискурсы одинаково направлены на вытеснение рационально-логических компонентов из массового сознания и на замену их эффектами чувственных переживаний от производства ярких медийно-сконструированных образов.

В целом, современная политика постпамяти отвечает, прежде всего, интересам неолиберальных сил, связанных с требованиями ревизии устройства мира после Второй мировой войны и развитием курса на усиление информационной войны против стран, выступающих с критикой их политического истеблишмента. Адекватной средой данного информационного противостояния выступает медиатехнологическая сфера, сфокусированная на производство дискурсов постправды, «альтернативных фактов» и фэйковых новостей. Дискурс политики постистории, как и родственный ему дискурс постправды, нацелен на эксплуатацию «оккупационной» и «жертвенной» риторики, связанной с культивированием стереотипов и шаблонов массового сознания в угоду конъюнктурно сформулированным ценностям и национальным интересам.

Русия Н. Т. (Краснодар, КубГУ)

СОВРЕМЕННЫЙ МУЗЕЙ В СТРУКТУРЕ ПОЛИТИКИ ИДЕНТИЧНОСТИ НА ЛОКАЛЬНОМ УРОВНЕ

Изучение взаимосвязи политики исторической памяти с процессами формирования национально-государственной, региональной и локальной идентичностей представляет серьезный научный интерес как для российских, так для зарубежных ученых. Идентичность и история, будучи связанными в своих фундаментальных основаниях, демонстрируют также взаимозависимость и с точки зрения политического воздействия одного на другое.

Идентичность конструируется в форме дискурсов и нарративов, в том числе об истории сообщества, связывающих членов данного сообщества ценностями и их представлениями о самих себе, поэтому политика памяти занимает центральное место в процессе идентификации личности⁹⁶². Если на национально-государственном уровне политика памяти призвана выработать единый исторический нарратив, то на локальном уровне фактически задачей выступает сформировать представление о малой родине. Инструментами политики памяти может выступать пропаганда в СМИ, специальные праздники и мероприятия, приуроченные к значимым датам, организация занятий по истории и краеведению и смежных дисциплин, создание центров национальной памяти, специальных музеев⁹⁶³. Роль музейной политики в контексте конструирования идентичности нас интересовала в большей степени. Деятельность музеев по осуществлению просветительской функции тесно связано с вопросами интерпретации. С одной стороны, музей транслирует идеи и формирует знания, заложенные создателями, с другой — признает свободу интерпретации посетителями⁹⁶⁴.

Музейная политика как форма конструирования локальной идентичности может проявляться через следующие типы музеев: краеведческие музеи, музеи истории различных социальных и политических групп, музеи местных промыслов, музеи известных личностей, музеи, связанные с топонимами, музеи, посвященные отдельным историческим событиям и другие.

Основу нашего эмпирического составил экспертный опрос среди специалистов и руководителей музеев, Краснодарского края и республики Адыгея, а также и преподавателей кубановедения и музееведения.

В определенной степени музей отражает и транслирует позицию власти к определенным историческим событиям. Так как основные музеи края находятся в подчинении Министерства культуры Краснодарского края, существует государственный заказ на представление определенных исторических событий. Официальный нарратив неизменен несколько лет: центральное событие в новейшей истории — победа в Великой Отечественной войне, которая является элементом коллективного прошлого, удобным для политического использования. Если раньше имелась некоторая сезонность в выставках и мероприятиях, посвященных Великой Отечественной войне (3–4 памятных даты), то в настоящий момент практически круглогодично в центральном музее

⁹⁶¹ Русакова О. Ф. Неолиберальный пострациональный дискурс: политика постправды и доктрина Fusion // Политика развития, государство и мировой порядок: Материалы VIII Всероссийского конгресса политологов, Москва, 6–8 декабря 2018 г. / Под общ. Ред. О. В. Гаман-Голутвиной, Л. В. Сморгунува, Л. Н. Тимофеевой. — Издательство «Аспект Пресс», 2018. — 620 с. С. 463–464.

⁹⁶² Символическая политика: Сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН. Ред. кол.: Малинова О. Ю., гл. ред., и др. — М., 2017.

⁹⁶³ Идентичность: Личность, общество, политика. Энциклопедическое издание / Отв. ред. И. С. Семенов / ИМЭМО РАН. М., 2017.

⁹⁶⁴ Морозова Е. В. Музейная политика: содержательный аспект понятия // Вестник СПбГУК. 2016. № 1 (26). С. 97–99.

края работает экспозиция данной тематики. Местная власть поддерживает казачество, соответственно специализированные музеи и выставки находят отражение в системе музеев Краснодарского края.

Современный музей продолжает быть активным субъектом формирования локальной идентичности. Эксперты оказались солидарны в мнении, что при помощи музеев возможно формировать и усиливать чувство принадлежности к малой родине. В настоящий момент данная функция музеев актуализируется через активное взаимодействие с местными сообществами. Местные жители активно принимают участие в работе музея: добровольно жертвуют в фонды музеев семейные регалии, следят за их судьбой. В художественных музеях более половины выставок — работы местных авторов. Такие события как возвращение казачьих регалий воспринимается жителями позитивно.

Таким образом, политика памяти служит механизмом формирования целостного исторического нарратива истории нашей страны. В современных условиях существует ограниченное количество технологий и инструментов служащими объединяющим основанием для российского общества на национальном, региональном и локальном уровнях. Современный музей — это площадка для дискуссий, архив научных знаний и кузница социальных проектов. Исследование функций музеев современности, степень их влияния на конструирование локальной идентичности, оценка их возможностей и ограничений в политике памяти остается полем для научного анализа и предметом пристального внимания со стороны власти.

Рыхтик М. И. (Нижний Новгород, НГУ им. Н. И. Лобачевского)

ПРОБЛЕМА РЕПУТАЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ МИРОВОЙ ПОЛИТИКЕ

В последние годы Россия делает заявку на сохранение статуса одного из ключевых субъектов мировой политики, желающего сформировать новую повестку дня мироустройства. Россия не только продемонстрировала способность выживать в условиях санкций и частичной изоляции, но и реализует активную внешнюю политику, одновременно успешно участвуя в военных операциях за пределами государственных границ.

В основе формулирования новой повестки дня появились тема ценностей. Только теперь ни у кого не вызывает сомнений, что они отличны от тех, которые разделяют западные страны, где с подачи ряда современных мыслителей утверждают идеи господства пост-секулярного мира. Таким образом, Россия ищет новую старую модель на базе традиционных ценностей с заметным православно-христианским акцентом, которая не нашла понимания у политической элиты как стран Запада, так и стран Востока. В современной повестке международного общения остаются важные вопросы: (1) кто из окружающего мира проявит интерес к этой модели; (2) может ли она работать на репутацию страны, как субъекта мировой политики?

В 2013 году на встрече Валдайского клуба президент В. Путин представил видение России как православной державы XXI века. В своём выступлении он заявил, что действия западных лидеров, пропагандирующих светское мировоззрение и отвергающих христианство, привели к потере человеческого достоинства. Он подчеркнул, что внутри своих границ Россия обладает «уникальным опытом» общения различных культур, что взаимно обогащает их, и напомнил согражданам об общей идентичности. Таким образом, миру было объявлено о теоретической готовности России представить отличную от господствующей среди западной политической элиты систему ценностей.

В Москве есть понимание того, что с ростом взаимозависимости как в сфере экономики, так и в области безопасности издержки от отказа сотрудничества резко возрастут. Примером может служить официальная позиция руководства страны на проблему допинга в процессе подготовки к Олимпийским играм. Москва приняла вызов и последовательно играет по существующим правилам, несмотря на явное унижение. Работает ли это на репутацию страны?

Итак, мы являемся свидетелями формирования христианской системы координат Российской внешней политики. Это значит, что Россия готова предложить отличную от господствующей сегодня модели либерального интернационализма модель мироустройства. Но это не означает, что Россия не собирается поддерживать существующие глобальные правила и институты. Она сместила акценты в существующих правилах и институтах, активизировавшись там (Шанхайская организация сотрудничества, Группа 20 и др.) где еще есть шанс внести изменения в нормы и правила. Определенным символом того, что Россия готова к сотрудничеству, может быть встреча Патриарха Кирилла и Папы Римского в Гаване. Т.е. Москва демонстрирует готовность вести диалог даже с самыми сложными партнерами, если партнер с уважением воспринимает (не надо принимать) предлагаемую систему ценностей. Почему другие субъекты не хотят вести диалог с Россией? Репутация? Ценности? Что-то другое?

«РУССКИЙ МЕДВЕДЬ» В ПОПУЛЯРНОЙ ГЕОПОЛИТИКЕ (НА МАТЕРИАЛЕ РОССИЙСКОГО СУВЕНИРА)⁹⁶⁵

Популярная геополитика⁹⁶⁶ может быть рассмотрена в качестве формы символической политики, связанной с производством представлений о внешнем мире и формированием оппозиции «свои» — «чужие» на международной арене. Разделяя в целом понимание символической политики как деятельности, направленной на производство и продвижение определенных способов интерпретации социальной реальности,⁹⁶⁷ хотели бы обратить внимание на еще одну характеристику — это политика, цель которой заключается не столько в присвоении некоего материального блага, сколько в достижении эмоционального удовлетворения.⁹⁶⁸ Акцентирование внимания на эмоциональном компоненте символической политики представляется весьма эвристичным, поскольку та содержит не только когнитивную, но и аффективную составляющую. Популярная геополитика уделяет главное внимание процессам конструирования идентичностей и различий. В монографии Р. Сондерса показано, как постсоветские государства создают национальную идентичность в том числе при помощи кинематографа, комиксов, телевизионных сериалов, компьютерных игр, поп-музыки.⁹⁶⁹ Очевидно, в этот ряд можно поместить и сувенирную продукцию.

Сувенир активно исследуется в рамках экономики, социологии, культурологии, искусствоведения,⁹⁷⁰ он может изучаться также во фрейме символической политики. Такие свойства сувенира, как связь с сакральным, эмоциональная нагруженность, использование в символическом потреблении, вовлеченность в социальную коммуникацию, международный характер, массовость и узнаваемость,⁹⁷¹ позволяют включать его в основные формы символической политики: политику национальной идентичности, политику памяти, политику региональной идентичности, внешнеполитический дискурс, легитимацию власти.⁹⁷² При этом следует принимать во внимание, что производство сувениров — это многомиллиардный бизнес, который, как и любой бизнес, должен учитывать интересы потребителей, выступая чутким барометром общественных настроений. Вместе с тем у власти достаточно возможностей для того, чтобы этот бизнес форматировать, контролируя распространение определенных представлений об окружающем мире.

Медведь является одним из наиболее заметных персонажей сувенирной продукции в России. Такая популярность данного символа является частным случаем «медведизации России», которая происходит с 1990-х гг. и отражает формирование постсоветской идентичности, отличающейся как от советской, так и от западной, а также процессы легитимации власти.⁹⁷³ Нынешние репрезентации медведя в качестве «исконного национального символа» — это весьма примечательный случай «изобретения традиций», причем едва ли не наиболее успешный в истории. Оно сопровождается изменениями в самоидентификации, происходящими в массовом сознании россиян. Так, в ходе всероссийского опроса, проведенного РОМИР в сентябре 2015 г., в ответ на вопрос «С какими образами Вы ассоциируете Россию?» 12% респондентов назвали образ медведя (во время аналогичного опроса 2003 г. таковых было лишь 3%); опросы ФОМ и ВЦИОМ демонстрируют схожие результаты.

Цель исследования — анализ образа «русского медведя» на сувенирной продукции в контексте популярной геополитики, то есть формирования представлений о «своих» и «чужих» на международной арене. Источниками исследования выступают сувениры, продаваемые интернет-магазинами, а также предлагаемые туристам в Санкт-Петербурге.

⁹⁶⁵ Исследование проведено в рамках проекта РФФИ (грант 19-011-00748)

⁹⁶⁶ Dittmer J. *Popular Culture, Geopolitics, and Identity*. Rowman & Littlefield Publishers, 2010.

⁹⁶⁷ Малинова О.Ю. Конструирование макрополитической идентичности в постсоветской России: символическая политика в трансформирующейся публичной сфере // *Политическая экспертиза*. 2010. №1. С. 5–28.

⁹⁶⁸ Dallek R. *The American Style of Foreign Policy: Cultural Politics and Foreign Affairs*. New York, 1983; Sharp J.P. *Condensing the Cold War: Reader's Digest and American Identity*. University of Minnesota Press, 2000.

⁹⁶⁹ Saunders R. *Popular Geopolitics and Nation Branding in the Post-Soviet Realm*. Routledge, 2017.

⁹⁷⁰ Swanson K.K., Timothy D.J. *Souvenirs: Icons of meaning, commercialization and commoditization* // *Tourism Management*. 2012. Vol. 33. №3. P. 489–499.

⁹⁷¹ Gordon B. *The Souvenir: Messenger of the Extraordinary* // *Journal of popular culture*. 1986. Vol. 20. №3. P. 135–146; Decrop A., Masset J. *A T-shirt from New York, a Coral from Mauritius: A Functional Typology of Tourist Souvenirs* // *Tourists' Behaviors and Evaluations* / A.G. Woodside, M. Kozak (Eds.). Emerald Group, 2014. P. 31–39; Быстрова Т.Ю. Социокультурный подход к проектированию туристических и музейных сувениров. // *Человек в мире культуры*. 2015. №1. С. 18–22.

⁹⁷² Рябов О.В. Сувенир в символической политике (К постановке проблемы) // *Образ, знак и символ сувенира: материалы III Всероссийской национальной научно-практической конференции*, 15 декабря 2017 г. СПб., 2018. С. 56–61.

⁹⁷³ Рябова Т.Б., Рябов О.В. «Гейропа»: Гендерное измерение образа Европы в практиках политической мобилизации // *Женщина в российском обществе*. 2013. №3. С. 31–39.

Рябова Т. Б. (Санкт-Петербург, РГПУ им. А. И. Герцена),
Рябов Д. О. (Санкт-Петербург, НИУ ВШЭ)

СИМВОЛИЧЕСКАЯ ИНФАНТИЛИЗАЦИЯ КАК ПРИЕМ ПОЛИТИЧЕСКОЙ БОРЬБЫ: ГЕНДЕРНЫЕ АСПЕКТЫ⁹⁷⁴

Символическая инфантилизация может быть определена как прием символической политики, который заключается в уподоблении индивида или группы ребенку с целью получения преимуществ в политической борьбе.

Символ детства, будучи одним из наиболее эмоционально насыщенных, связанным с мифом и апеллирующим к личному опыту каждого индивида, давно находится в арсенале политической пропаганды. Например, в годы «холодной войны» лозунг «два мира — два детства» был призван иллюстрировать противоположность двух социально-политических систем и превосходство одной над другой; образы счастливого детства служили визитной карточкой достижений социализма. Еще большую политизацию темы детства можно наблюдать в последние годы, в частности, в освещении митинговой активности оппозиции в России.

Потенциал использования данного символа в политике обуславливается его семантикой; при всей вариативности символа детства можно выделить некоторую сумму значений, которые являются достаточно устойчивыми, по крайней мере, для эпохи Модерности.⁹⁷⁵ Во-первых, он используется в политике коллективной идентичности как символический пограничник, отделяющий одно сообщество от другого, поскольку инаковость по отношению к норме — состоянию взрослого человека, прежде всего, взрослого мужчины — является его наиболее общей характеристикой. Во-вторых, будучи связанным с отношениями родства, то есть эссенциализирующим, «природным», «натуральным» признаком, он используется в легитимации власти или сообщества. В-третьих, воплощая уязвимость и необходимость защиты, он включается в практики политической мобилизации. Манипулятивный потенциал данного символа обнаруживает себя, например, в дискурсе цветных революций. В-четвертых, символизируя безобидность и нравственную неиспорченность, он привлекается для демонстрации собственного морального превосходства. Наконец, в-пятых, он используется для обозначения отношений власти и подчинения; маркировка индивида или сообщества как ребенка означает демонстрацию их несамостоятельности и обоснование необходимости контроля за ними. Оппозиция «ребенок — взрослый» может быть рассмотрена как своеобразная матрица отношений власти и подчинения, отражающая существующие в обществе иерархии и поддерживающая их.

Символическая инфантилизация осуществляется на двух уровнях: первый — это прямая маркировка как ребенка, сравнение поведения политического актора с детским. Вторая предполагает наделение качествами, которые воспринимаются как атрибуты ребенка (или отрицание качеств взрослого человека), — эмоциональность, неразумность, беспомощность, обидчивость и др. Инфантилизация осуществляется в различных формах и направлениях. Так, обращает на себя внимание применение ее на международной арене. Например, с ребенком нередко сравнивают Россию в западном дискурсе, его как «русифобском», так и «русифильском» вариантах.⁹⁷⁶ В свою очередь, в российском внешнеполитическом дискурсе символическая инфантилизация используется в отношении государств постсоветского пространства и «Новой Европы»: среди ее функций могут быть выделены конструирование национальной идентичности России как сильной, суверенной, рациональной, то есть «взрослой», страны («ремаскулинизация России»⁹⁷⁷); создание преимуществ на международной арене и проекция мягкой силы; легитимация власти.

Среди аспектов обозначенной темы важное место занимает гендерный. Обратим внимание на то, что символ детства связан с другими дифференцирующими маркерами. Согласно принципу интерсекционализма, дифференцирующие категории класса, расы, гендера, этничности, национальной и цивилизационной принадлежности взаимодействуют друг с другом, создавая при этом систему социальной иерархии⁹⁷⁸. На наш взгляд, к ним можно добавить и возрастной признак. Символ имеет немало общего с другими знаками инаковости — в том числе, с репрезентациями женщин в андроцентрической культуре.⁹⁷⁹

⁹⁷⁴ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и АНО ЭИСИ в рамках научного проекта № 19-011-31711.

⁹⁷⁵ Рябова Т. Б., Рябов О. В. Образ детства и детей в символической политике // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2019. № 3.

⁹⁷⁶ Рябов О. В. «Россия-Матушка»: национализм, гендер и война в России XX века. Stuttgart; Hannover, 2007.

⁹⁷⁷ Riabov O., Riabova T. Remasculinization of Russia? Gender, Nationalism and Legitimation of Power under Vladimir Putin // Problems of Post-Communism. 2014. Vol. 61. No. 2. P. 23–35.

⁹⁷⁸ Crenshaw K. W. Mapping the Margins: Intersectionality, Identity Politics, and Violence against Women of Color // Stanford Law Review. 1991. Vol. 43. No. 6. P. 1241–1299.

⁹⁷⁹ Landsman G. H. The 'Other' as Political Symbol: Images of Indians in the Woman Suffrage Movement // Ethnohistory. 1992. Vol. 39. No. 3. P. 247–284.

В частности, было обращено внимание на то, что колониальные народы уподобляются женщинам и детям (а нередко и животным), что подчеркивает их природность, инаковость по отношению к норме — взрослому мужчине, олицетворяющему цивилизацию. В свою очередь, в гендерных исследованиях было показано, что женщин наделяют «детскими» качествами, и теми же функциями.⁹⁸⁰

В докладе мы ставим цель, принимая во внимание культурную специфику символа детства, проанализировать случаи символической инфантилизации мужчин и женщин-политиков в современной России и выделить соответствующие закономерности.

Рябченко Н. А. (Краснодар, КубГУ)

РЕГИОНАЛЬНЫЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС: НОВЫЕ МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО КОНТЕНТА⁹⁸¹

Управление политическим контентом как один из процессов по анализу и мониторингу социально-политической системы возможно применить на разных уровнях от локальных сообществ до федерального уровня. Асинхронное мультимодальное дискурсивное поле, формируемое политическим контентом, является отражением деятельности сетевого сообщества от малого сообщества жителей любого населенного пункта до сетевых сообществ, функционирующих в рамках субъекта РФ и всей страны.

Для анализа регионального политического дискурса была применена модель управления политическим контентом и апробирована методология исследования. Эмпирической базой исследования стали сообщества «Типичный» в социальной сети «ВКонтакте», данные сообщества одни из самых распространённых групп в online-пространстве и связаны они с обсуждением вопросов и проблем, а также жизнедеятельности граждан и власти именно регионального уровня. Одним из ключевых событий 2018 года в социально-политической жизни РФ были выборы глав субъектов РФ. Прямые выборы состоялись в 22 российских регионах, что и послужило критерием для их включения в исследование. Такими сообществами «Типичный» стали: Абакан, Анадырь, Барнаул, Благовещенск, Владивосток, Владимир, Воронеж, Иваново, Кемерово, Красногорск, Красноярск, Магадан, Москва, Нижний Новгород, Новосибирск, Омск, Орёл, Псков, Самара, Тюмень, Хабаровск, Якутск. По каждому из 22 субъектов был сформирован Data Set из сообщений, опубликованных участниками сообществ «Типичный» в период с 1 января 2018 года по 1 июня 2019 года (общее количество сообщений составило порядка 160000 сообщений, содержащих аудио, видео, текстуальный контент).

Data Set подверглись частотному анализу для выявления маркеров тех асинхронных мультимодальных дискурсов, которые составляют асинхронное мультимодальное дискурсивное поле субъектов РФ и определяющих векторы развития потенциала социального действия. Частотный анализ дополнился направленным контент-анализом и фолксономическим анализом. В результате было выделено 15 сфер активности сообществ в указанных регионах и выявлены несколько особенностей формирования и развития регионального политического дискурса в online-пространстве современных российских субъектах.

Во-первых, исследуемый политический дискурс, формируемый сетевыми сообществами в асинхронных мультимодальных дискурсивных полях характеризуется активным использованием хэштегов. Хэштеги не только группируют сообщения схожего содержания в микроблогах и обеспечивают возможность быстрого поиска нужной информации, но и приобретают творческий характер⁹⁸². Хэштег служит для более ёмкого выражения значений без использования средств синтаксиса естественного языка и более того нередко приобретает в предложении особый коммуникативный статус.

Во-вторых, исследуемый дискурс отличается «личностными» и идентитарными постами, в которых сквозит любовь к своему краю или региону, что достигается использованием лексики с положительной оценкой. Также следует отметить графический способ — использование восклицательных знаков, смайликов, а также фотографий, демонстрирующих красоты местности. Топонимы «Хакасия», «Абакан», «Кемерово», «Хабаровск», «Москва» и др. служат собирательным образом людей, проживающих на этих территориях. Это значение усиливает эффект и демонстрирует единство людей. Этот же эффект достигается и использованием обращения «друзья», являющееся этикетной формулой в коммуникации.

⁹⁸⁰ Ortner S.B. Is female to male as nature is to culture? // M.Z. Rosaldo & L. Lamphere (Eds.). *Woman, culture, and society*. Stanford, 1974. P. 67–87.

⁹⁸¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (Отделение гуманитарных и общественных наук) в рамках научного проекта № 18-011-00910 «Модели и практики управления политическим контентом в online-пространстве современных государств в эпоху постправды» (2018–2020 гг., рук. Н. А. Рябченко).

⁹⁸² Кан Е. В. Хэштеги как новое лингвистическое явление // *Филологический аспект*. 2017. № 1 (21). 91–98.

В-третьих, наряду с вербальными формами обращения используются и невербальные. Реализация общения характеризуется новыми формами сокращения слов, включением графических элементов, сопровождением реплик смайлами эмодзи, созданными в 1998 Сигэтаком Куритом и вошедших в ежедневное общение каждого пользователя медийного пространства. Данные средства выражают дискурсивно-прагматическую информацию, которая направлена на организацию дискурса и речевого контакта, на самовыражение автора и взаимодействие его с адресатом.

В-четвертых, тематика выборов и политических вопросов уступает социальной и экологической проблематике в исследуемом дискурсе. В некоторых сообществах социальное и бытовое полностью заменяет политическую проблематику. Персоналии кандидатов на различные политические региональные и муниципальные посты вызывают интерес у участников сообществ либо в случае отрицательных информационных вбросов, либо в том случае, если кандидат вел активную избирательную кампанию именно в online-пространстве.

Савельева М. А. (Москва, МГУ им. М. В. Ломоносова)

НОВЫЕ ВЫЗОВЫ ИНФОРМАЦИОННОЙ ВОЙНЫ: НЕГАТИВИЗАЦИЯ ОБРАЗА РОССИИ В СТРАНАХ ЕАЭС

После распада СССР на постсоветском пространстве развернулась широкомасштабная информационная антироссийская кампания, в результате которой Россия потеряла многих союзников (страны Лимитрофа, Украина, Грузия и др.). Для того, чтобы сохранить международный авторитет и взаимодействие с бывшими советскими республиками, необходимо успешное развитие интеграционных процессов внутри Евразийского проекта. На сегодняшний день существуют нарастающие тенденции негативизации образа России среди населения стран ЕАЭС. Проблематика исследования образа России имеет значение для дальнейшего расширения сферы политического влияния страны и борьбы с антироссийскими взглядами, широко распространяемыми в мире.

Идея создания ЕАЭС помимо восстановления центристской геополитической роли России, объединяющей европейские и азиатские евразийские государства, способствует так же преломлению намерений внешних акторов в лице Европейского союза, США и Китая присвоить бывшие советские республики к зонам своего влияния. Помимо этого, зарождение из основ Евразийского проекта глобальной политической миссии России — формирование новой российской идентичности на просторах «Российской цивилизации» в перспективе может выйти за рамки стран, входящих в содружество, что должно послужить идеологическим импульсом для внешнеполитической стратегии руководства России⁹⁸³.

Основой нашего исследования в рамках дисциплины политической психологии стал политико-психологический анализ, методика которого разработана на кафедре социологии и психологии политики факультета политологии МГУ им. М. В. Ломоносова под руководством Е. Б. Шестопаля⁹⁸⁴. Результаты данной методики отражены в нескольких защищенных кандидатских диссертаций на эту тему: Н. С. Виноградова, Н. Б. Бокова, Н. З. Хасан, Л. А. Габдрахманова, В. А. Адилов⁹⁸⁵.

Приведём некоторые основные информационные атаки по дискредитации образа России в период с 2015 по 2019 г., которые были выявлены в результате исследования:

1. Приемы «контролируемой утечки информации»⁹⁸⁶ применяют зачастую для фальсификации истории.
2. Дискредитация российской власти в лице Путина: демонизация его образа, образа его приближённых, разжигание коррупционных скандалов.
3. Поддержка национализма на постсоветском пространстве.
4. «Русская военная агрессия» — один из ключевых тезисов, широко акцентируемых зарубежной пропагандой (последний пример, после которого в информационном поле многих стран постсоветского пространства появилась тема угрозы сепаратизма и аннексии некоторых территории — это события на Украине 2013–2014 гг., референдум о статусе Крыма).
5. Абсолютизация свободы. В основе пропаганды стран Запада лежит активное насаждение всевозможных свобод, но не все из них принимаются российским обществом (например, свобода гендерного самоопределения), так как это зачастую противоречит его ментальным и традиционным представлениям, однако данный

⁹⁸³ Васильева Н. А. ЕАЭС: российские геополитические интересы. СПб, 2014.

⁹⁸⁴ Шестопаля Е. Б. Особенности использования психологических методов для изучения политического восприятия // Социальная психология и общество. 2018. №9. С. 81–90.

⁹⁸⁵ Адилов В. А. Образ России в Казахстане: опыт проектирования имиджа страны во внешней среде: дис. ... канд. социол. наук. М., 2009. 198 с.

⁹⁸⁶ Манойло А. В. Технологии современных информационных войн. // Политическая наука. 2017. Спецвыпуск.

цивилизационный резонанс используется антироссийской пропагандой для создания образа России, как шовинистского «непрогрессивного» государства, угнетающего права и свободы человека.

6. Притеснение российских спортсменов, медиа-дискредитация (дисквалификация нашей олимпийской команды, допинговые скандалы).

Все это создаёт образ России, как авторитарного зла, страны с агрессивной внешней политикой, направленной на развязывание войн и раскачивание «мирного сосуществования» с другими странами. Ответная реакция нашей страны базируется в основном на зеркальном отражении тех же тезисов в отношении Запада, что выглядит вторично. Мы не создаём принципиально новые способы ведения информационной войны, а используем чужие технологии, опираясь на свой опыт пропаганды, унаследованный от СССР. Поэтому мы можем заключить, что существует крайне острая необходимость в более глубоком исследовании образа России для формирования другой стратегии информационной политики, которая бы отвечала всем новым вызовам информационной войны.

Савенков Р.В. (Воронеж, ВГУ)

ПРАКТИКИ ПОЛИТИЧЕСКОГО ОСПАРИВАНИЯ В УСЛОВИЯХ ПОСТДЕМОКРАТИИ

Современное понимание политики предполагает рассмотрение её как институционализированной конкуренции проектов и решений, ориентированных на общее благо, «пространство общественного дискурса для согласования социальных интересов и программ общего действия, ... способность к действию и делиберации в ситуациях истинного коллективного и общественного выбора»⁹⁸⁷. Публичное политическое оспаривание означает опровергать, делать нечто предметом спора. Наиболее близким синонимом являются глаголы «полемизировать», «конкурировать»⁹⁸⁸. В большинстве исследований «политика оспаривания» включает в себя эпизодические, публичные действия в которых участники предъявляют коллективные требования, координируют усилия для достижения общих интересов, а одной из сторон является правительство⁹⁸⁹. Политическое оспаривание может иметь следующие формы:

- легитимные институционализированные (оппозиционная политическая партия, общественное движение, публичное мероприятие, голосование);
- легитимные неинституционализированные, т.е. не имеющие формальной регламентации поведение (некоторые виды массового поведения, критика в он-лайн пространстве, «дислайки» и т.п.);
- нелегитимные неинституционализированные (экстравагантные артперформансы, террористические акты).

Цель публичного оспаривания, с одной стороны, учет мнения всех заинтересованных сторон при принятии конкретного политического решения, а, с другой, формирование системы отношений между властью и обществом, при которой власти будут сохранять стимул и «способность реагировать на предпочтения своих граждан, которые в политическом отношении рассматриваются как равные»⁹⁹⁰. Формы публичного оспаривания отличаются в зависимости от цели: для привлечения внимания власти и общественности к конкретной проблеме бывает достаточно масштабных публичных акций; для поддержания системы постоянного диалога между властью и обществом необходима работа оппонированных институтов: оппозиционных партий, профсоюзных организаций и др. постояннодействующих организаций.

Публичное оспаривание наблюдается в различных сферах общественной жизни, принимая разнообразные формы и используя отличающиеся ресурсы. Для удобства анализа публичного оспаривания выделим три сферы общественных отношений: гражданскую, политическую, политико-административную (таблица).

Таблица.

Сферы проявления публичного оспаривания

Сфера	Гражданская		Политическая	Политико-административная
	Оппозиционность	Протест		
Проявление	Оппозиционность	Протест	Политическая оппозиция	Взаимодействие политико-административных сетей

⁹⁸⁷ Конституирование современной политики в России: институциональные проблемы / отв. ред. С.В. Патрушев, Л.Е. Филиппова. М., 2018. С. 8, 50.

⁹⁸⁸ Даль Р. Полиархия: участие и оппозиция. М., 2010. С. 15.

⁹⁸⁹ Лобанова О.Ю. Протестные движения и «политика оспаривания: концептуальные рамки // Вестник Пермского университета. Серия: Политология. 2013. №4. С. 164.

⁹⁹⁰ Даль Р. Указ. соч. С. 6.

Формы политического оспаривания в гражданской сфере разных эпох подробно проанализированы в работах известных зарубежных политологов.⁹⁹¹ Социальные движения в форме организованных действий граждан позволили урегулировать социально-экономические и политические конфликты, расширить возможности для институционального рутинизированного политического оспаривания через всеобщее избирательное право и создание оппозиционных политических партий. Однако рубеж XX–XXI вв. демонстрирует постепенное разочарование граждан в сложившихся демократических институтах представительства и оспаривания, появление запроса на их модернизацию и более качественный учет мнений рядовых граждан⁹⁹².

Глобальный экономический кризис 2008 г. спровоцировал «глобальное политическое пробуждение», рост числа протестов, вызванных его негативными эффектами в конкретных странах. Результаты общественной турбулентности различные: в авторитарных режимах Магриба и Ближнего Востока произошли революционные перемены, а в конкурентных режимах постдемократии общественные движения заявив о себе в неинституционализированной форме, начали терять своих сторонников, практически не добившись поставленных политических целей⁹⁹³.

Таким образом, исследование политического оспаривания необходимо проводить на основе комплексного анализа возможностей/ограничений, ресурсов и стратегий субъектов политического действия в гражданской сфере (действий граждан, общественных кампаний и социальных движений), в политической сфере (парламентских и непарламентских партий) и политико-административной сфере (соперничество и конкуренция элитных и контрэлитных групп).

Самарин Я.В. (Санкт-Петербург, СПбГУ)

КРИЗИС ДЕМОКРАТИИ И НОВЫЕ МЕДИА⁹⁹⁴

В условиях, когда система представительства, лежащая в основе современной демократии, переживает сложные времена, революция в коммуникационных технологиях, в рамках которой происходит переход от иерархической модели коммуникации к сетевой, должна была придать необходимый импульс демократии. Новые медиа и социальные сети должны гарантировать доступ гражданского общества к политической публичной сфере⁹⁹⁵. Возникает связь как между государством и гражданским обществом, так и внутри самого гражданского общества, создавая пространство для рефлексии и свободного волеизъявления. Таким образом, кажется, что вопросы о расширении демократической сферы получают положительные ответы.

Вместе с тем раздаются тревожные сигналы о кризисе, охватившем публичную сферу, который связан именно с ИКТ. Новые медиа грешат шаблонами и ограничены временными интервалами⁹⁹⁶. Учитывая рост влияния социальных сетей, возникает риск изоляции внутри «эхо-камеры». Воздействие на эмоции оказалось более приемлемым для эпохи интернета, чем рефлексированная дискуссия по общественным проблемам. Данная ситуация противоречит идее делиберативной демократии, поскольку не создает предпосылок для переговорного процесса.

Дискуссия оказывается под угрозой и в связи с тем, что правительства и частные корпорации обретают все большую возможность как прямой слежки, так и влияния на общественное мнение.

Также, в последнее время расширяется зона контроля над контентом со стороны менеджмента IT-компаний. То или иное политическое сообщество или авторы могут быть объявлены «нежелательными» (вне зависимости от соблюдения законодательства), а аккаунт будет закрыт. То есть, если государство и традиционные медиа обязаны предоставлять площадку для разнообразных высказываний, то менеджмент интернет-компаний руководствуются ответственностью только перед акционерами. Однако в новых условиях выключение целых сегментов сети с определенной политической позицией будет означать резкое доминирование другой. А сами социальные сети, собирая информацию о пользователях и предоставляя ее коммерческим и полити-

⁹⁹¹ Tilly C. *Social Movements (1768–2004). Paradigm*, London, 194 p.; Tarrow S. *Power in Movement. Social Movement and Contentious Politics*. Cambridge: Cambridge University Press, 2011. 328 p.; Porta D., Diani M. *Social Movements. An Introduction*. Blackwell Publishing, Oxford. 345 p.

⁹⁹² Крауч К. Постдемократия. М., 2010. 192 с.; Популизм как общий вызов / отв. ред. К. Кроуфорд, Б.И. Макаренко, Н.В. Петров. М., 2018. 127 с.

⁹⁹³ См. Тэрроу С. «Стратегия режима — это самый важный фактор, определяющие размах и длительность протестов» // *Свободная мысль*. 2011. № 12. С. 5–16.

⁹⁹⁴ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-011-00705 «Объяснительный потенциал сетевой теории в политических исследованиях: методологический синтез как аналитическая стратегия».

⁹⁹⁵ Шерстобитов А.С., Кусик О.А. Криптовалюты как вызов управляемости: публичная политика современных государств в различных сетевых и политико-административных контекстах // *Социальные и гуманитарные знания*. 2018. Т. 4, № 2 (14). С. 89.

⁹⁹⁶ *Euro-scepticism, Democracy and the Media* / Eds. by Caiani M., Guerra S. — London: Palgrave Macmillan, 2017., P. 57

ческим акторам за счет анализа больших данных, позволяют создавать таргетированные высокоэффективные месседжи. Таким образом, интернет из пространства демократии и поля для дискуссии рискует превратиться в не-иерархическую, но при этом достаточно не-плюралистическую среду, с доминированием нескольких точек зрения, и «выключением» других позиций, что зависит только от владельцев компаний. По словам К. Крауча, «социальные медиа во многом обогатили демократию, позволили значительно быстрее формировать демократические движения. Но одновременно они дали богатым людям еще больше инструментов влияния. Часто все выглядит так, как будто движение исходит от миллионов людей, хотя на самом деле оно имеет всего один источник»⁹⁹⁷.

Очевидно, что на данном этапе преждевременно говорить о том, что развитие СМК автоматически ведет к росту демократизации общества. Наоборот, наблюдается кризис системы демократического представительства, и немалую роль в этом сыграли именно те факторы, которые должны были бы усилить демократию, такие как интернет и связанные с ним новые медиа. Усилия государства по продвижению идей открытого правительства пока не дают должного эффекта, более того, оказываются дискредитированными на фоне скандалов со сбором данных и слежкой со стороны государства и частных IT-корпораций. Коммуникационная революция хотя и привела к изменениям в публичной сфере, но, может повлечь за собой размывание демократии.

Самаркина И. В. (Краснодар, КубГУ)

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ВЛАСТИ НОВОЙ КОГОРТЫ УПРАВЛЕНЦЕВ: КАК МЕНЯЕТСЯ СУБЪЕКТИВНОЕ ПРОСТРАНСТВО ПОЛИТИКИ В ОТВЕТ НА ВЫЗОВЫ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА⁹⁹⁸

Актуальность. В последнее десятилетие потребность в реальных изменениях механизмов функционирования государственной власти и работы органов местного самоуправления из запроса общества, отраженного в общественном мнении, переформулирована в актуальную политическую задачу для органов государственной власти федерального и регионального уровней. Фактически, власть ищет управленцев, которые способны отвечать на вызовы современного общества, связанные с ростом социальной динамики, информатизацией и цифровизацией, необходимостью принимать решения в ситуации неопределенности, необходимостью оперативно реагировать на изменения социальной ситуации, разрешать и профилактировать социальные и политические конфликты, выстраивать горизонтальные коммуникации, поддерживать и участвовать во внедрении управленческих инноваций.

Поворот от административных моделей управления к внедрению бизнес-моделей, в том числе проектного управления в органах государственной власти, возможен только в случае качественных изменений в человеческом капитале, в случае привлечения в управленческую элиту людей, обладающих достаточным уровнем компетенций, ранее не востребованных в структурах государственной власти. Одним из параметров, определяющих инновационный характер новой когорты потенциальных управленцев, являются их представления и шире — их политическая картина мира как часть более обширного феномена — субъективного пространства политики.

В исследованиях образа власти как части субъективного пространства политики в настоящее время не затронут вопрос о том, отражается ли в представлениях граждан и главное — представителей власти процесс трансформации власти?

Методология и методы. Субъективное пространство политики — неотъемлемая часть политической сферы общества, результат репрезентации политики всеми ее участниками. Субъективное пространство политики включает когнитивные, символические, идеологические и культурные образования, обуславливающие содержание ориентационно-поведенческих комплексов разнообразных политических акторов и участников политического процесса, оказывающих влияние на организационные формы политических институтов и властных отношений. Образ власти является частью, центральным компонентом политической картины мира, частью субъективного пространства политики.

Задачей исследования, которое представлено в данной статье является определение параметров в структуре образа власти как части политической картины мира и субъективного пространства политики, отражающих элементы трансформации власти и ее готовности к сетевому, горизонтальному взаимодействию.

⁹⁹⁷ Колин Крауч: «Наша модель демократии не дает нам шансов на участие в политике». URL: <https://www.colta.ru/articles/society/22161-kolin-krauch-nasha-model-demokratii-ne-daet-nam-shansov-dlya-uchastiya-v-politike> (дата обращения: 23.08.2019).

⁹⁹⁸ Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ № 18-011-00975 «Субъективное пространство политики: возможности и вызовы сетевого общества» (2018-2020).

Исследования субъективного пространства политики требуют использования комплексных междисциплинарных методик. Одной из них является апробированная проективная методика «Рисунок власти». Рисунки подвергаются качественному и количественному контент-анализу.

Для ответа на поставленный в исследовании вопрос мы использовали результаты исследований образа власти в представлениях студентов, проведенных автором в 2010–2018 гг.; результаты исследования восприятия власти участниками краевого губернаторского конкурса «Лидеры Кубани — движение вверх!».

Обсуждение результатов. Исследования политической картины мира студентов (не самой консервативной социальной группы) в течение многих лет демонстрируют закрытость как характерную черту власти, на рисунках, характеризующих структуру власти, доминируют элементы, символизирующие вертикаль, иерархию и закрытость. В то же время, практически отсутствуют изображения, отражающие открытость, горизонтальные структуры, возможность или элементы партнерских отношений, символы цифрового общества. Группа студентов выступала своеобразной контрольной группой, с которой мы сравнили результаты пилотного исследования представлений о власти финалистов краевого губернаторского конкурса управленческих кадров «Лидеры Кубани — движение вверх!». В 40% рисунков финалистов конкурса нашли отражение перечисленные выше особенности, и, в частности, визуальное отражение сетевых взаимодействий в системе властных отношений.

Проведенный теоретический анализ и обобщенные эмпирические данные позволяют сделать вывод о том, что в силу инерционности субъективное пространство политики (в частности, представления о власти в политической картине мира) одной из наиболее открытых и динамичных социальных групп (студенческой молодежи) в настоящее время еще не отражает происходящих «перенастроек» системы властных отношений. Вместе с тем, отдельные носители таких представлений о власти в современном обществе есть.

Самохвалов Н. А. (Балаково, Балаковский филиал РАНХиГС при Президенте РФ)

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ АВТОМАТИЗИРОВАННОЙ ИНФОРМАЦИОННОЙ СИСТЕМЫ «МОЛОДЕЖЬ РОССИИ» В КАЧЕСТВЕ НОВОЙ ТРАЕКТОРИИ РАЗВИТИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ

Молодежная политика в качестве комплексного социально-политического феномена находится в фокусе постоянного и пристального внимания отечественных исследователей, главным образом, в области социокультурного знания, в частности, политологии⁹⁹⁹, социологии¹⁰⁰⁰ и психологии¹⁰⁰¹.

Реализация основных направлений государственной молодежной политики осуществляется в соответствии с Основами государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года (утвержденными распоряжением Правительства Российской Федерации от 29 ноября 2014 г. № 2403-р).

Главной стратегической целью сферы государственной молодежной политики является создание условий для успешной социализации и эффективной самореализации молодежи, развитие потенциала молодежи и его использование в интересах инновационного развития страны.

Ожидаемый результат деятельности в контексте сказанного — это устойчивый рост числа молодых людей, мотивированных на позитивные действия, разделяющих общечеловеческие и национальные духовные ценности, обладающих хорошим физическим здоровьем, занимающихся физической культурой и спортом, работающих над своим личностным и профессиональным развитием, любящих свое Отечество и готовых защищать его интересы, прилагающих усилия для динамичного развития страны.

При работе с молодежью особое внимание со стороны государства уделяется как уже ставшими традиционными направлениями, так и новым, актуальным в век цифровизации — работе с информацией и знаниями. Учитывая запрос молодежи на открытость, быстрый доступ к информации, создана и активно развивается автоматизированная информационная система «Молодежь России» (далее — Система) — веб-платформа для анонсирования молодежных мероприятий как федерального, так и регионального и муниципального уровней, регистрации на них и учета активности молодых людей (mygosmol.ru).

Цель этой системы — автоматизация процессов и непосредственное взаимодействие молодежи с федеральными органами исполнительной власти, органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации,

⁹⁹⁹ См. например, Елишев С. О. Молодежная политика в процессе формирования ценностных ориентаций современной российской молодежи // *Пространство и Время*. 2012. № 2. С. 123–130.

¹⁰⁰⁰ Казарина-волшебная Е. К., Комиссарова И. Г., Турченко В. Н. парадоксы трансформации ценностных ориентаций российской молодежи // *Социологические исследования*. 2012. № 6. С. 121–126.

¹⁰⁰¹ Романова Е. Г. Корреляция общественных стереотипов и духовных потребностей в процессе формирования ценностных ориентаций современной молодежи // *European Social Science Journal*. 2014. № 7–2 (46). С. 306–315.

органами местного самоуправления, общественными объединениями и иными организациями, принимающими участие в реализации государственной молодежной политики.

Возможности системы позволяют обрабатывать и аккумулировать информацию реализации молодежных программ, конкурсов и мероприятий в сфере государственной молодежной политики, вести учет активности пользователей системы, проводить анализ реализации молодежной политики на территории Российской Федерации, формировать электронную отчетность посредством системы.

За 2018 год в Системе были усовершенствованы следующие модули: «Регистрация», «Грантовая поддержка», «Статистика», «Выгрузка», «Права доступа», «Отметки участников» и созданы модули: «СКП», «Фильтры», «Вакансии», «Расылка», «Опросы».

В 2018 году разработаны и созданы кабинеты образовательных организаций высшего образования и работодателей.

В настоящее время открыт функционал для регистрации кабинетов работодателей в Системе.

В 2018 году Система стала лауреатом XV Национальной премии за вклад в развитие российского сегмента сети интернет «Премия Рунета».

По состоянию на 29 декабря 2018 года в АИС «Молодежь России» зарегистрировано более 631000 пользователей. За период с 29 декабря 2017 года по 29 декабря 2018 года прирост пользователей составил 300 000 человек ($\approx 91\%$).

Через Систему проводятся грантовые конкурсы Росмолодежи. Единая система регистрации способствует формированию целостной системы поддержки общественных инициатив и проектов, развития молодежного самоуправления и поддержки инициативной и талантливой молодежи, обладающей лидерскими навыками.

В ближайшем будущем АИС «Молодежь России» станет проводником между работодателями и представителями активной, талантливой молодежи. Внесенных в систему данных об опыте работы, общественной деятельности, данных об образовании, защите проектов, сферах интересов достаточно для крупных компаний, заинтересованных в поиске перспективных молодых кадров для приглашения на работу.

Саркисян О.Л. (Ереван, Армения, РАУ)

О СОВМЕСТИМОСТИ МОДЕЛИ «ГЛОБАЛЬНОЙ НАЦИИ» С ПРОЕКТОМ НАЦИОНАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА (НА ПРИМЕРЕ АРМЕНИИ И АРМЯНСТВА)

Для понимания идентичности современного армянства ключевое значение имеет осмысление исторической специфики формирования и развития армянской нации. В отличие от большинства западных наций, где основным актором конструирования национальной идентичности было государство (назовем их *государственными нациями*), в случае армянства исключительную роль в развитии нации играли культурный и конфессиональный факторы (назовем это *культурно-конфессиональным проектом нации*). С одной стороны, это было обусловлено отсутствием на протяжении столетий собственной государственности, с другой, такая модель позволяла развиваться армянской нации и в условиях включенности в разные имперско-государственные образования.

Необходимо признать, что данная модель не была совершенной, ибо зачастую армянские общины теряли свою идентичность и ассимилировались или же сознательно использовали политику культурно-конфессионального гетто, результатом чего была стагнация. В любом случае, армянский народ вошел в XX век без собственной государственности, рассеянным по всему свету, когда в общинах диаспоры проживало в несколько раз больше армян чем на исторической родине (этот расклад сохраняется до сих пор: в Республике Армения проживает 25–30% армянства). Именно в этом контексте по отношению к армянству стали использовать термин *глобальная нация*. Аргументировали это также тем, что армяне традиционно играли достаточно конструктивную роль в различных имперских и культурно-цивилизационных проектах, а также выполняли роль своеобразного моста как в процессах торгово-экономической интеграции, так и культурно-цивилизационного диалога.

В 1918 г. на небольшой части исторической части Армении была восстановлена армянская государственность. Но Первая армянская Республика просуществовала всего 2,5 года. Образованная же в составе Советского Союза Армянская ССР, не имея достаточной суверенности, все же способствовала развитию гражданского сознания и государственной ментальности армянства, проживающего здесь. Но, с другой стороны, увеличилось отчуждение этой части армянства от общин армянской диаспоры, которые существовали либо в рамках традиционной парадигмы (с некоторыми элементами модернизации), либо — в системе западных гражданских ценностей.

С провозглашением независимости (1991 г.) проблема соотношения суверенной армянской государственности и армянской диаспоры («армянского мира») еще более актуализировалась. На наш взгляд, решение этой проблемы должно было определяться уже не столько осмыслением исторического прошлого, сколько амбициями будущего, которые должны были быть выражены в долгосрочном стратегическом проекте развития. Но за годы независимости государственно-национальные элиты так и не разработали этот проект, что позволяет нам утверждать об отсутствии осмысленной политики нациестроительства.

За годы независимости армянская диаспора в основном рассматривалась как актор, который должен помогать Армении в нелегких условиях (война, блокада и др.) становления государственности. Но столкнувшись с достаточно коррумпированной системой государственной власти, представители диаспоры стали постепенно отчуждаться от Республики Армения. Они, по существу, отождествили наличную власть с армянской государственностью, которая таким образом не стала общеармянской свершенностью. Выражением подобной позиции стал опубликованный в 2016 г. известными представителями армянской диаспоры манифест «Будущее армянства решается сейчас» («Манифест глобальных армян»), где очевидно недоверие к государственным институтам.

Нарастание протестных движений в Республике Армения, завершившееся «бархатной революцией» и сменой властных элит в мае 2018 г., частично реабилитировало в глазах армянства армянскую государственность. Новые же элиты, стремясь использовать весь потенциал армянской диаспоры, стараются вовлечь общины диаспоры в процесс интенсивного развития Республики Армения. Не случайно, что одним из трех исходных принципов внешней политики Армении премьер-министр Н. Пашинян и министр иностранных дел З. Мнацаканян декларировали принцип *панармянства*. Верховный же комиссар Республики Армения по делам диаспоры З. Синанян выдвинул формулу «*малое государство — глобальная нация*».

Необходимо признать, что данные заявления пока что носят декларативный характер, и их необходимо наполнить реальным содержанием. А для этого, в свою очередь, необходимо ответить на некоторые вопросы: Существует ли единая армянская диаспора или это конгломерат разношерстных общин? Какими механизмами обеспечить их единство? Какое место занимает этническая идентичность в сознании представителей армянских общин диаспоры в шкале иных идентичностей (гражданская, политическая, конфессиональная, цивилизационная и др.)? Не противоречат ли друг другу декларируемые проекты, с одной стороны, массовой репатриации, а с другой, создания глобальной диаспоральной сети с сильными общинами? Позволяет ли уровень развития гражданской культуры в Республике Армения стать узловым центром глобальной нации? и др. Системно же ответить на эти вопросы возможно только в рамках единого стратегического проекта национального развития.

Сафонова О.Д. (Санкт-Петербург, СПбГУ)

СИСТЕМА ЮРИДИЧЕСКИХ МЕР СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА В ОБЛАСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ¹⁰⁰²

Политические лидеры современной России всё чаще обращаются к вопросам формирования у населения страны государственной и гражданской идентичности. Патриотические ценности провозглашены неотъемлемой частью российской государственной политики, а запрос на воспитание гражданственности и патриотизма находит своё отражение в большом количестве принятых нормативно-правовых актов, федеральных и региональных программ.

По сравнению с предыдущими двумя десятилетиями значение гражданской идентичности и гражданской компетентности в нашей стране неизмеримо выросло. Исследователи, работающие с этой проблематикой, считают, что с начала 1990-х годов вплоть до конца первого десятилетия XXI века подобные вопросы заметно меньше волновали и само государство, и граждан, да и научное сообщество тоже. Необходимо было решать острейшие проблемы трансформации политического и экономического базиса государства, а затем уже думать о проблемах, связанных со сменой социокультурных идеалов, порожденных разрушением советской системы ценностей, т. е. всем тем, что впоследствии угрожало вылиться, а у некоторых социальных групп вылилось в неуважительное отношение к государству, социальным и политическим институтам в целом.

Разработчики федеральных целевых программ констатируют замену единой государственной (советской) идентичности различными, часто конкурирующими формами региональной, этнической и религиозной

¹⁰⁰² Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и АНО ЭИСИ в рамках реализации научного проекта №19-011-31616 «Государственная политика в сфере формирования идентичности: концептуальные основания, технологии и перспективы».

идентичности. Это остается очевидной проблемой для развития нашего общества: старое отвергается, новое еще не создано. На фоне глубоких общественных трансформаций по формированию свободного и открытого общества, а также рыночной экономики в постсоветской России проявился кризис гражданской идентичности, проявились межэтническая нетерпимость, сепаратизм, религиозный радикализм, терроризм, в результате чего возникла и сохраняется опасность дезинтеграции общества¹⁰⁰³.

Гражданская идентичность, как один из значимых компонентов, составляющих социальную и политическую идентичность личности, традиционно трактуется как осознание личностью своей принадлежности к сообществу граждан определенного государства на общекультурной основе, основанное на признаке гражданской общности, характеризующем ее как коллективного субъекта. Структура гражданской идентичности включает когнитивный, ценностно-смысловой, эмоциональный и деятельностный компоненты¹⁰⁰⁴. Поскольку формирование гражданской идентичности является одним из важнейших условий обеспечения стабильности и снижения конфликтного потенциала политической системы, успешного развития страны, государство заинтересовано в целенаправленном влиянии на все ее структурные компоненты.

Если проследить путь закрепления в официальных документах идей, связанных с гражданской идентичностью, с необходимостью возрождения системы гражданского и патриотического воспитания и обучения, то можно обнаружить большое количество утвержденных государственных программ, концепций, федеральных целевых программ, стратегий, ведомственных программ, из которых небольшая часть утратила силу, а остальные продолжают действовать, видоизменяясь и трансформируясь.

Меры, используемые для подготовки и воплощения политики формирования гражданской идентичности, основываются не только на иерархической системе нормативно-правовых актов. В принятых в последние годы значимых программах (ФЦП «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России (2014–2020 годы)», «Стратегия развития воспитания в Российской Федерации на 2015–2025 гг.», государственная программа «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2016–2020 годы» и т. д.) особо подчеркивается, что воспитание рассматривается в принципе как стратегический общенациональный приоритет.

Правовых механизмов для реализации политики формирования гражданской идентичности, учебно-методических стандартов и комплексов по гражданскому воспитанию в Российской Федерации более чем достаточно, но пока они не могут в полной мере обеспечить реализацию всего задуманного (тем более, запланированного результата), поскольку требуют консолидации усилий институтов власти и институтов гражданского участия на всех уровнях. Современное российское общество, на наш взгляд, еще не готово в полной мере осознать стратегическую важность вопросов, связанных с формированием гражданской идентичности и компетентности.

Селезнева А. В. (Москва, МГУ имени М. В. Ломоносова)

ЦЕННОСТНЫЕ ОСНОВАНИЯ ГРАЖДАНСТВЕННОСТИ МОЛОДЕЖИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ¹⁰⁰⁵

Проблема гражданской идентичности молодежи является сегодня актуальной и широко обсуждаемой в научном сообществе. Это обусловлено, с одной стороны, внешними и внутренними политико-экономическими и социокультурными вызовами, которые угрожают национальной безопасности и могут привести к утрате национально-государственной идентичности российских граждан¹⁰⁰⁶. С другой стороны, объектом пристального внимания ученых является молодежь как носитель гражданской идентичности — поколение, которое по своим социокультурным и политико-психологическим характеристикам существенно отличается от более старших когорт¹⁰⁰⁷.

Гражданственность как научная категория является довольно размытой: этим понятием исследователи обозначают качество личности, черту характера, ценность. В рамках политико-психологического подхода гражданственность рассматривается как интегральная характеристика личности, которая определяется ее когни-

¹⁰⁰³ Федеральная целевая программа «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России (2014–2020 годы)». Утверждена постановлением Правительства Российской Федерации от 20.08.2013 № 718 (утратило силу).

¹⁰⁰⁴ Асмолов А. Г., Бурменская Г. В., Володарская И. А. и др. Как проектировать универсальные учебные действия в начальной школе. От действия к мысли / под ред. А. Г. Асмолова. М.: Просвещение, 2008. С. 37.

¹⁰⁰⁵ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и АНО ЭИСИ в рамках научного проекта № 19-011-33031

¹⁰⁰⁶ Шестопап Е. Б., Селезнева А. В. Социокультурные угрозы и риски в современной России // Социологические исследования. — 2018. — № 10. — С. 90–99.

¹⁰⁰⁷ Радаев В. В. Миллениалы на фоне предшествующих поколений: эмпирический анализ // Социологические исследования. — 2018. — № 3 (407). — С. 15–33.

тивными, ценностно-эмоциональными и поведенческими компонентами и выражается в ее взаимоотношении с государством и обществом. Смыслообразующими основаниями гражданской позиции человека являются его социальные и политические ценности. Среди последних особое место занимает патриотизм.

Проводимые нами исследования показывают, что наиболее значимыми политическими ценностями для современной молодежи являются «мир», «права человека», «свобода», «порядок», «безопасность», «законность» и «справедливость». Эти ценности актуализированы неудовлетворенными потребностями в безопасности (физической, экономической, правовой) и определяются молодыми людьми в контексте их личной жизни и деятельности (но не в отношении развития общества и государства). Стоит отметить, что в ценностном отношении молодое поколение почти не отличается от более старших, для которых значимыми являются все те же политические ценности, только в несколько другой иерархии¹⁰⁰⁸. Политические ценности молодежи определяют смысловые основания их гражданской позиции — отношение к своей стране в целом, ее территории и народу, власти и лидерам в прошлом, настоящем и будущем¹⁰⁰⁹.

Подавляющее большинство молодых людей считают себя патриотами. Быть патриотом для них означает любить Родину, испытывать гордость за достижения страны, в случае необходимости защищать страну с оружием в руках, соблюдать законы и исполнять обязанности гражданина. По данным наших исследований, патриотизм не занимает лидирующего положения в системе ценностей молодежи и сегодня не входит даже в первую десятку. Значимость ценности патриотизма возрастает от младшего поколения к старшему. Это не удивительно, поскольку представители средней и старшей когорты социализировались и определенное время жили при советской системе, где патриотизм существовал как «номенклатурный конструкт»¹⁰¹⁰, который императивно формировался в общественном дискурсе и целенаправленно транслировался подрастающим поколениям. На сегодняшний день ценность патриотизма является скорее декларативной, нежели реально значимой. Молодые российские граждане активно декларируют значимость ценности патриотизма, определяют себя патриотами, испытывают положительные эмоции в отношении своей страны, но их поведение, которое можно было бы назвать патриотичным, тоже пока не осуществляется в должном объеме и социально приемлемых формах¹⁰¹¹.

Семенов И. С. (Москва, ИМЭМО имени Е. М. Примакова РАН)

ПОЛИТИКА ИДЕНТИЧНОСТИ И ПОЛИТИКА РАЗВИТИЯ: СМЕНА ПАРАДИГМЫ

В условиях происходящей смены парадигмы общественного развития ключевым приоритетом становится выявление его возможных созидательных ориентиров и альтернатив. И, на этой основе — разработка позитивного видения перспектив развития и роли индивида, его способности быть активным субъектом социальных изменений.

Долгосрочное видение развития предполагает сочетание социальных ориентиров и индивидуальных жизненных стратегий. В основе такого сочетания — приоритеты обеспечения безопасности (в разных измерениях — от военно-политического до экологического и социального, культурного) и мотивации к развитию. Социальная безопасность обеспечивается на основе преодоления системных противоречий между носителями разных ценностей, убеждений и идентичностей путем поддержания общей мотивации к развитию. Продвигаться в этом направлении можно через формирование общественного запроса на развитие, обсуждения в публичном пространстве его возможностей, рисков и нравственных ограничений.

Общественное развитие отражает качественные изменения характера социальных взаимодействий и природы тех пространств, которые формируются в процессе таких взаимодействий. На индивидуальном уровне речь идет о наращивании потенциала развития личности, о стимулировании способности человека к социальному творчеству и адаптации к меняющимся внешним условиям и новым вызовам. В том числе — вызовам морально-этического характера, которые связаны как с безудержным ростом потребительских мотиваций, так и с неконтролируемыми социальными и психологическими последствиями технологических инноваций. Эти процессы усугубляют разрывы в социальной ткани современных «разделенных» и «глубоко разделенных»

¹⁰⁰⁸ Селезнева А. В. Российское общество в постсоветский период: динамика ценностных изменений элиты и граждан // Политическая наука. — 2016. — № Специальный выпуск. — С. 149–169.

¹⁰⁰⁹ Палитай И. С., Селезнева А. В. Восприятие своей страны российской молодежью: ценностно-символический и политико-культурный аспекты // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Гуманитарные и общественные науки. — 2019. — Т. 10, № 2. — С. 123–135.

¹⁰¹⁰ Щербинин А. И. Патриотизм как номенклатурный конструкт // Вестник Томского университета. Философия. Социология. Политология. — 2016. — № 3 (35). — С. 264–271.

¹⁰¹¹ Селезнева А. В. Патриотизм как политическая ценность: политико-психологический анализ // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. — 2017. — № 38. — С. 200–208.

обществ, в которых продолжают расти размежевания между «управляющими» и «управляемыми». В структуре миропорядка явно обозначился водораздел между мотивированными на развитие сообществами и такими, где общественный запрос на развитие выражен слабо.

В этом контексте важнейшие вопросы — это *вопросы о субъектах и о ресурсах развития*, способных обеспечить то качество среды обитания, которое отвечает (или как минимум не противоречит) смыслу человеческого бытия. Такого качества, которое не является разрушительным для личности, может обеспечить свободу выбора жизненного пути. И, в то же время — поддержать творческий потенциал человека и возможности социального творчества на основе неконфликтного взаимодействия между сообществами и индивидами — приверженцами разных убеждений и носителями разных идентичностей.

Без учета фактора борьбы за идентичность вовлеченных в политические взаимодействия субъектов не удастся разработать эффективные управленческие практики. И, тем более — выстроить стратегические приоритеты и долгосрочные цели развития. Нельзя не принимать во внимание и опасности политического манипулирования чувствительными вопросами права человека и сообщества, с которым он себя отождествляет, на признание культурной особенности. В этих условиях императивом становится инклюзивность и диалог, а не противостояние «другим».

Качество развития не может не быть разным для сообществ с неодинаковым уровнем социально-экономического благополучия, разных политических культур и институтов. Объединяющим началом оказывается идея ответственности за обеспечение управляемости в условиях растущей сложности современных обществ, *т. е. парадигма ответственного развития*.

Принятие и реализация конкретных управленческих решений на уровне сообщества/территории требует прочного политико-институционального обеспечения. Поэтому ключевым основанием ответственного развития является расширение возможностей участия граждан в формировании и поддержании дружественной для реализации индивидуальных творческих устремлений социальной среды. В том числе — поддержание соответствующих решению таких задач институтов. В более широком контексте приоритетом становится утверждение нравственной мотивации развития на путях взаимодействия вокруг общей повестки дня носителей разных идей и идентичностей.

Борьба за идентичность структурирует поле современной политики, зачастую целенаправленно облекая групповые интересы в «упаковку» идентичности. Анализ приоритетов политики идентичности объясняет причины углубления размежеваний в современных разделенных обществах. В частности — причины размывания левого политического спектра. Общим ориентиром ориентированной на развитие политики идентичности является формирование инклюзивной, неконфликтной идентичности на основе культуры диалога и на путях гражданской самоорганизации. Сама *ценность гражданской самоорганизации становится императивом ответственного развития* в контексте внедрения моделей эффективного управления. Но политика развития имплицитно рассматривается в институциональном плане, между тем как ответы находятся в сфере ценностного выбора и нравственной мотивации развития.

Вопрос об ответственном развитии не стоит сегодня в политической повестке дня. Это открытая возможность, возможная альтернатива негативной динамике развития современных общественных отношений.

Семенов А. В., Попкова Е. С. (Пермь, ПГНИУ)

РЕАКЦИЯ ВЛАСТИ НА ПОЛИТИЧЕСКУЮ МОБИЛИЗАЦИЮ В РОССИИ: КРОСС-РЕГИОНАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ¹⁰¹²

Гибридные политические режимы отличаются в своей реакции от устойчивых демократий и стабильных автократий: в отличие от последних открытые репрессии играют гораздо меньшую роль, в то же время, гибридные режимы заинтересованы в контроле над протестами, в том числе, с применением силовых средств¹⁰¹³. В свою очередь, реакция власти на мобилизацию в значительной мере определяет дальнейший ход коллективных действий, поскольку может изменить баланс выгод и издержек от участия в протестных действиях. В данной работе, основываясь на данных о более чем 400 протестных акций и реакции на их проведение в рамках антикоррупционной кампании «Он вам не Димон» в марте-июне 2017 г. и «Забастовки избирателей» января-

¹⁰¹² Исследование подготовлено в рамках проекта РФФИ «Факторы коллективной мобилизации в России: кросс-региональный анализ», № 18-31100195.

¹⁰¹³ Robertson G. The politics of protest in hybrid regimes: Managing dissent in post-communist Russia. Cambridge University Press, 2010; Tilly C., Tarrow S. Contentious Politics. Oxford University Press, 2015.

марта 2018 г., мы систематизируем данные о формах реакции публичной власти на организацию протестных акций.

Основным методом сбора и анализа эмпирических данных выступил событийный анализ протестов (protest event-analysis), который позволяет выявить основные характеристики мобилизации и проследить динамику. Четыре измерения реакции были использованы для кросс-регионального анализа: применение насилия, правовой статус, продолжительность и время воздействия. Хронологически первые акции (26 марта 2017 г.) подверглись более сильным репрессиям, нежели последующие протесты, что может быть связано с тем, что первая волна протестной активности стала для многих неожиданной, в том числе, из-за широкого охвата (порядка 97 городов). В такой ситуации власть стала придерживаться наиболее типичной модели взаимодействия с протестующими, используя превентивные меры воздействия в виде отказа в согласовании акции, а также активно прибегая к задержаниям и другим насильственным методам.

Дальнейшее ослабление репрессий может быть связано как со сменой основной стратегии взаимодействия, так и с потенциальными издержками. Во время акций проходивших в июне 2017 г. и январе 2018 г. власти чаще пытались воздействовать на организаторов протестов, чем на непосредственных участников, при этом значительно увеличилось число мирных акций, что может говорить о некоторых уступках протестующим. С учетом того, что превентивные ненасильственные меры оказались неэффективными для предотвращения распространения протеста, то отсутствие реакции и освещения кампании в СМИ можно оценить как попытку режима проигнорировать протестные выступления, придерживаясь тактики невмешательства. В целом исследование показывает значительную вариацию в формах ответа региональных властей на политической мобилизации, что открывает возможность изучения связи институциональных характеристик регионов и характера массовых политических действий.

Сергеев А. С. (Казань, КФУ)

НЕГОСУДАРСТВЕННАЯ МОЛОДЕЖНАЯ ПОЛИТИКА: ТЕНДЕНЦИИ ИЗМЕНЕНИЯ

Для российской политики, как отмечалось исследователями, характерен невысокий интерес к участию молодежи в политических институтах. В частности, российская молодежь проявляет весьма сдержанный интерес в отношении выборов¹⁰¹⁴. Но это не означает, что молодежь Российской Федерации является в целом аполитичной и конформистской. Так, для протестных антикоррупционных акций 2017–2019 гг. было характерно значительное участие молодежи.

В думских политических партиях наметился определенный кризис молодежного участия. Лидеры этих партий и большинство депутатов — люди солидного, чтобы не сказать преклонного возраста (Г. Зюганову и В. Жириновскому в 2019 г. исполнилось 73 года, С. Миронову, лидеру «Справедливой России» — 66 лет), и это обстоятельство чем дальше, тем больше может мешать идентификации молодых избирателей с думскими партиями. Поэтому политические партии и движения начинают все в большей мере бороться за голоса молодых избирателей.

Эта тенденция проявляется по-разному. Политические партии и движения пытаются привлекать молодежь к различным политическим акциям, мероприятиям, чтобы сформировать и укрепить молодежный актив своей партии (или движения). На выборах в законодательные органы регионов и органы местного самоуправления партии начинают чаще выдвигать молодых кандидатов в депутаты, которые в глазах молодежи были бы «своими» и которые предлагали бы законодательные инициативы, ориентированные на молодое поколение. Также следует отметить, что политические партии и движения все в большей мере начинают использовать в качестве средств взаимодействия со своим реальным и потенциальным электоратами Интернет и социальные сети¹⁰¹⁵.

ЛДПР еще в 2016 г. включила в партийный список на выборы в государственную думу 7 созыва самого молодого из депутатов В.М. Власова, 21 год¹⁰¹⁶ и еще двух молодых депутатов (Ю.Г. Волкова, 30 лет и Б.А. Чернышев, 25 лет). Они являются депутатами как по меркам современного российского общества, так и относительно депутатского корпуса, средний возраст которого 52 года. ЛДПР неоднократно выступала с популистскими инициативами, направленными на молодежь, в частности, предлагая снизить возрастной ценз для участия в выборах с 18 до 16 лет.

¹⁰¹⁴ ВЦИОМ назвал средний возраст большинства проголосовавших на выборах. URL: <https://ria.ru/20180318/1516645631.html> (дата обращения 10.09.2019).

¹⁰¹⁵ См., напр.: Интернет и идеологические движения в России / Сост. Г. Никитин, Э. Паин. М.: Новое литературное обозрение, 2016. С. 106–128, 151–178.

¹⁰¹⁶ Здесь и далее возраст указан на момент проведения соответствующих выборов.

Те же тенденции по продвижению молодых депутатов можно проследить и у КПРФ (Д. А. Парфёнов, 29 лет), и у «Единой России» (А. С. Грибов, 30 лет; Н. С. Кувшинова, 30 лет; А. С. Прокопьев, 30 лет).

На региональном уровне в Татарстане можно отметить кампанию КПРФ по выборам в Казанскую городскую думу 2015 г. Главным лицом кампании стал депутат Госсовета Татарстана, тридцатидвухлетний член ЦК КПРФ Артем Прокофьев, привлёкший в свою команду людей еще более молодого возраста — студентов Казанского федерального университета, которые рекламировали КПРФ в социальных сетях¹⁰¹⁷.

Те немногие аргументы, что перечислены в этих тезисах, могут свидетельствовать о том, что политические партии в России — и оппозиционные движения — ищут выходы на новый электоральный рынок. Исходя из этих аргументов, можно предполагать, что избирательный процесс в России все больше будет переходить в интернет и социальные сети. Не исключено, что партия власти, используя имеющиеся у неё значительные финансовые и иные ресурсы, развернет кампанию за привлечение молодежи на свою сторону, чтобы противостоять популярности несистемной оппозиции среди молодежи. Впрочем, возможно ставка будет сделана на «голое» подавление оппозиционных настроений в рядах молодежи.

Сергеев С. А. (Казань, КФУ)

ЛЕВЫЕ РАДИКАЛЫ В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА: ЗАПАДНАЯ ЕВРОПА И РОССИЯ¹⁰¹⁸

Леворадикальные партии, организации и движения — партии, организации и движения, идеология которых находится левее социал-демократии. Их программные принципы отрицают ценности и практики современного капитализма, предполагая необходимость радикального изменения существующего экономического устройства, основанного на социальном неравенстве. Положительный социальный и политический идеал левых радикалов более размыт и неопределен, характеризуясь в последние десятилетия как «антикапитализм», а также как «антифашизм», «антирасизм» и «экологизм».

В 1950-е — 1980-е гг. радикальные левые Западной Европы представляли собой пеструю смесь анархистских, левосоциалистических и коммунистических (в т. ч. просоветских, еврокоммунистических, троцкистских и маоистских) партий и групп, нередко яростно враждовавших между собой.

После падения Берлинской стены в 1989 г. большинство леворадикальных организаций в Западной Европе пережили тяжелый внутренний кризис: одни из них распались и исчезли, другие стали маргинальными, третьи преобразовались в социал-демократические или левоцентристские партии. Но именно в 1990-е — 2000-е гг. стала формироваться собственно леворадикальная политическая идентичность. Она не отрицала коммунистическую (со всеми ее разновидностями) или экологическую идентичности, но смогла интегрировать и переработать их, предложив политическому рынку товар более простой и понятный, не столь нагруженный теоретически, практически ориентированный и более современный. Наиболее успешные леворадикальные партии, появившихся в это время, — греческая Коалиция радикальных левых («СИРИЗА»), в 2004 г. объединившая 18 левых организаций, в том числе пять троцкистских партий и групп, две группы демократических социалистов, маоистов и т. п., и германская Левая партия, возникшая в 2007 г. путём слияния Партии демократического социализма и выходцев из левого крыла Социал-демократической партии Германии.

Мировой экономический кризис 2008–2013 гг. (продлившийся в некоторых странах Западной Европы до 2015 г.) породил волну протестных движений (самыми заметными из которых было движение «Оккупей»). Эти движения, в свою очередь, способствовали успехам леворадикальных партий в Греции, Испании, в меньшей мере во Франции (вызвавшим, помимо прочего, и значительный исследовательский интерес).

Леворадикальная волна конца 2000-х — начала 2010-х затронула и Россию. В 2008 г. (вероятно, в какой-то мере подражая Лево́й партии Германии и «СИРИЗе») группа российских левых активистов создала движение Левый фронт (ЛФ). ЛФ, однако, не смог или не захотел институционализироваться в качестве партии. Лидер ЛФ С. Удальцов был одним из руководителей массовых протестов 2011–2012 гг., был осужден и до 2017 г. находился в заключении. С 2014 г. ЛФ переживает организационный и идейный разброд. Выйдя из заключения в 2017 г., С. Удальцов попытался активизировать деятельность ЛФ. Но идеологическое и коалиционное позиционирование ЛФ в 2008–2013 гг. и в 2017–2019 гг. весьма различно: в 2008–2013 гг. ЛФ выступал как альтернатива КПРФ, в 2017–2019 гг. — как младший партнер КПРФ. Существуют и другие организации, позиционирующие левее КПРФ: Коммунистическая партия «Коммунисты России» и созданная в 2014 г. Объединенная коммунистическая партия.

¹⁰¹⁷ Электоральная Россия 2015. М.: Изд-во «Перо», 2016. С. 157.

¹⁰¹⁸ Подготовлено при финансовой поддержке РФФИ (проект № 19-011-00198 «Эволюция леворадикальных партий, движений и групп во Франции, Испании, Греции, России и Канаде в 2007–2018 гг.: сравнительный анализ»).

Одно из принципиальных различий между левыми радикалами Западной Европы, с одной стороны, и России, с другой, состоит в том, что западные левые радикалы в гораздо большей мере восприняли и переработали опыт «новых левых», критически относившихся не только к капитализму, но и к СССР и советскому марксизму. Российские левые радикалы в гораздо большей степени зависят от советского опыта и мировоззренческих установок, сложившихся в советскую эпоху, и это в свою очередь, детерминирует гегемонию КПРФ в российском левом движении.

Серебряков К. Д. (Санкт-Петербург, СПбГУ)

ОСНОВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ТРАНСФОРМАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ ПОДНЕБЕСНОЙ В ЭПОХУ «СОЦИАЛИЗМА С КИТАЙСКОЙ СПЕЦИФИКОЙ» (НА ПРИМЕРЕ ГОССОВЕТА КНР)

Китайская модель управления носит коллективно-консенсуальный характер, определённый реформами Дэн Сяопина. Процесс передачи властных полномочий, таким образом, поэтапный и предполагает наращивание властных ресурсов не через занятие одной должности, а через ряд параллельных и последовательных назначений¹⁰¹⁹. При этом, давая сравнительную характеристику положения политической системы «до» и «после» прихода к власти С. Цзиньпина в 2012–2013 гг., мы считаем релевантным уделить внимание неформальным институтам в китайской политике, играющим немаловажную роль в её осуществлении.

В рамках данного доклада мы остановим своё внимание на анализе основных элитных группировок, имеющих важное и отчасти хрестоматийное положение в системе принятия политических решений в Китае. Основные группы влияния были сформированы после смерти Мао Цзэдуна: это «партия принцев» (дети руководителей страны эпохи Великого кормчего), «комсомольцы» (выходцы из рабоче-крестьянского класса, сделавшие карьеру в Комсомоле КНР), а также Шанхайская клика (интеллигенция, которая сформировала обширные связи в органах управления одноимённого города)¹⁰²⁰. Также существуют и сильные региональные кланы («чунцинский»)¹⁰²¹. При этом основные группы имеют как свои территориальные «хабы» для формирования карьеры, так и сферы влияния. Например, «комсомольцы» делают карьеру в провинциях Аньхой, Цзянсу и в Тибете, отвечая за социальный сектор и сельское хозяйство¹⁰²².

Итоги проведённого исследования, опирающегося на неинституциональную методологию, широкое использование биографического, историко-сравнительного и сетевого методов¹⁰²³, представляют собой основные особенности демонтажа консенсуальной модели управления (на примере Госсовета КНР).

Можно с уверенностью сказать, что обозначилась новая модель формирования групп влияния в китайском исполнительном органе: это малые товарищеские сообщества, основанные на личной преданности и прошлой совместной работе с Председателем КНР («хэбэйская» и «фуцзяньская» группы). При этом в Госсовете сохраняется роль «старых» элит (чего нельзя сказать о других политических институтах вроде ВСНП или ЦК КПК), а консенсусные механизмы ещё продолжают действовать, но с каждым годом теряя свою актуальность. Интересно, что выбор вице-премьеров является ярким примером такого консенсуса, причём работа последних заключается в налаживании связей между «новой» и «старой» (премьер, министр юстиции и др.) группировками.

Наблюдается ярко выраженная борьба С. Цзиньпина с клановыми структурами, особенно через доверие внеправительственным малым рабочим группам. При этом справедливо сформировался «ответ» партийной фракционной бюрократии в виде скрытого противостояния, механизмов «торгов специалистами» и лоббирования своих людей в данные группы. Наконец было отмечено снижение роли региональных кланов, что подтвердилось масштабными партийными чистками в провинциях¹⁰²⁴. В скором времени можно ожидать усиление Гуандуна и формирование новой группы влияния.

¹⁰¹⁹ Воскресенский А. Д. Эволюция политической системы и политическая модернизация КНР: Проблемы и преимущества «Китайской модели» // Сравнительная политика. 2014. № 1 (14). С. 120–138.

¹⁰²⁰ Cheng L. Chinese Politics in the Xi Jinping Era: Reassessing Collective Leadership. Washington: Brookings Institution Press, 2016. 528 p.

¹⁰²¹ Вавилов Н. Н. Некоронованные короли Красного Китая. М.: Концептуал, 2019. 200 с.

¹⁰²² Factional Pull: Measuring the «Tuanpai Effect» on Elite Formation from 1992 to 2012 // International Journal of China Studies. 2016. Vol. 7. No. 5. P. 319–350.

¹⁰²³ The State Council of the People's Republic of China [Электронный ресурс] URL: <http://english.gov.cn/statecouncil/> (дата обращения: 08.09.2019); Панкратенко И. Н. Государственный совет КНР в лицах [Электронный ресурс] // АНО «Центр стратегических оценок и прогнозов»: сайт. URL: <http://csef.ru/ru/politica-i-geopolitica/416/gosudarstvennyj-sovet-knr-v-liczah-8370> (дата обращения: 08.09.2019).

¹⁰²⁴ Зуенко И. Ю. Укрепление «вертикали власти» по-китайски: кадровая политика в отношении регионального руководства в современном Китае // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2017. № 10 (5). С. 42–44.

Итак, политическое влияние Госсовета КНР в последние годы неизменно падает, однако благодаря его институциональным особенностям, специфике кооптирования кадров данный орган исполняет, хоть и с переменным успехом, роль политического противовеса агрессивной внутренней политике китайского лидера и является на ближайшую «пятилетку» точкой концентрации сил «старых» кланов, борьба с которыми ведётся как в рамках публичного дискурса (цели развития страны, изложенные на XIX Съезде КПК), так и посредством партийных механизмов (работа ЦКПД КПК).

Сересова У.И. (Москва, АСОУ)

ОТ СОЦИАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА — К ГОСУДАРСТВУ СОЦИАЛЬНЫХ ИНВЕСТИЦИЙ: НОВАЯ КОНЦЕПЦИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

Социальное государство, достигшее своего пика в 1960-ые годы, к концу XX века стало демонстрировать признаки кризиса, которые начали усиливаться под воздействием процесса глобализации. В литературе обозначены три этапа кризиса: экономический (первый, пережитый в 1980-ые годы, связанный с экономической неэффективностью); идеологический (негативная оценка бюрократизации социальной сферы); концептуальный (связанный с переосмыслением концепции социальной солидарности, социальных прав и легитимности вмешательства государства в социальную сферу)¹⁰²⁵.

Мировым откликом на кризис социального государства стал подход *new public management* в вопросах государственного управления в целом и неолиберализм в социальной политике в частности. Меры либерализации государственной социальной политики (сокращение государственных расходов и передача некоторых государственных и муниципальных услуг на «аутсорсинг» в коммерческие и некоммерческие организации, а также усиление требований к получению государственных социальных выплат) были признаны эффективными, но стало очевидно, что эти меры не решают проблему бедности, связанной с социальной эксклюзией отдельных категорий населения.

Альтернативой либерализации социального государства в начале XXI века становится строительство государства социальных инвестиций (*social investment state*), правовой основой которого становятся Лиссабонская стратегия 2000 г. и стратегия развития ЕС «Европа-2020». Эти документы, кроме экономических задач, ставят целью и реформирование социального государства через снижение социальной эксклюзии, понимаемой шире, чем просто бедность или безработица.

Концептуально государство социальных инвестиций не отказывается от социальной защиты (в частности, социальных трансфертов для малообеспеченных граждан), однако ключевым направлением социальной политики в таком государстве становится активная политика в области занятости, ориентированная на то, чтобы любой человек мог найти себя на рынке труда¹⁰²⁶. Социальная политика рассматривается как социальные инвестиции в человеческий капитал, что содержательно ее роднит с теорией и практикой корпоративной социальной ответственности, и имеет несколько базовых направлений:

— образование, профессиональная подготовка и переподготовка (для всех граждан, а особенно лиц с риском социального исключения — женщин с детьми, лиц с инвалидностью и других категорий населения);

— социальное страхование;

— система социальных услуг для семьи. Она включает в себя развитие сети образовательных учреждений таким образом, чтобы матери маленьких детей могли вернуться к работе сразу после окончания отпуска по беременности и родам. В целом, идея материнской занятости рассматривается как лучшая профилактика детской бедности. Второе направление — это комплекс социальных услуг, гарантированных государством, для семей, в которых есть престарелые родственники, больные и инвалиды. Они призваны частично снять нагрузку с членов семьи, осуществляющих уход, так чтобы они могли вернуться на рынок труда.

Эти три направления становятся общими для всех классических режимов социального государства, выделенных Г. Эспинг-Андерсеном¹⁰²⁷, однако, у каждого есть свои особенности. Социал-демократические, или северные, социальные государства начинают функционировать в режиме флексикурита (*flexicurity*), предполагающем гибкие (*flexible*) меры регулирования рынком труда в сочетании с объемной социальной защитой (*security*) для безработных в частности и всех граждан в целом¹⁰²⁸. Либеральные государства всеоб-

¹⁰²⁵ Сидорина Т.Ю. Два века социальной политики. М.: Изд-во РГГУ, 2005.

¹⁰²⁶ Чубарова Т.В. Государство социальных инвестиций — новый поворот в социальной политике? // Общественные науки и современность. 2015. №6. С. 14–28.

¹⁰²⁷ Esping-Andersen G. *The Three Worlds of Welfare Capitalism*. Cambridge: Polity, 1990.

¹⁰²⁸ Wilthagen T., Tros F. The concept of 'flexicurity': a new approach to regulating employment and labour markets // *Transfer: European Review of*

щего благоденствия трансформируют свою социальную политику по пути формирования т. н. государства возможностей (enable welfare state)¹⁰²⁹. Политика в области занятости нацелена на максимальный, насколько это возможно, отказ от пассивных выплат пособий по безработице и от пособий по бедности. Отличие континентальной модели от предыдущих вариантов реформирования — в том, что переход радикален, т. к. большое влияние на социальную политику оказывала традиционная модель семьи, где женщина не работала, а занималась домохозяйством¹⁰³⁰.

Помимо изменений в policy, в условиях государства социальных инвестиций происходят и существенные внутривластные (politics) трансформации. Существовавший в социальном государстве эпохи расцвета раскол по линии «левые — правые» (чем больше левых представлено в политических институтах, тем больше государственных расходов на социальную политику) перестал быть значимым. Сегодня на политику классической социальной защиты ориентированы левые и консервативные партии, а также граждане, разделяющие традиционные ценности¹⁰³¹. Как политические акторы, так и население, поддерживающие реформы на основе социальных инвестиций, придерживаются лево-либеральной идеологии. Включенность социально незащищенных граждан в программы, основанные на идеях социальных инвестиций, влияет на их уровень политического участия, а, значит, и социальную инклюзию¹⁰³².

Сиденко О. А. (Воронеж, ВГУ)

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБЯЗАТЕЛЬСТВО: ЭВРИСТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ КОНЦЕПТА

Данным термином чаще всего оперируют специалисты в области социологии права, однако, представляется, что его использование политологами не только будет способствовать более глубокому пониманию процессов формирования, функционирования и трансформации политической общности, но и выступать связующим звеном целого ряда проблематик, как то: политическая и правовая культура, политическая и правовая социализация, национальное строительство, политические коммуникации, легитимация/делегитимация режимов, политическая повестка и др. Соответствующая проблематика позволит вернуть в фокус внимания исследователей один из важнейших результатов политического управления — целостность политики.

В научной литературе политическое обязательство¹⁰³³ рассматривается, прежде всего, как моральное обязательство подчиняться закону (А. Дж. Симмонс, Дж. Хортон, Г. Клоско и др.). Оно представляет собой основанное на автономии индивида признание обязанности подчиняться нормативным требованиям легитимной власти и, во многом, является следствием адекватного понимания членства в политической общности. Начало научной рефлексии возводят к диалогу Платона «Критон», в котором Сократ раскрывает ученику и другу Критону причины своего отказа от побега как способа избежать исполнения несправедливого приговора. Аргументы в пользу такого решения вложены в уста воображаемых Законов и Государства (просопопея). Платон апеллирует к глубинной социетальной справедливости, в то время как в отдельно взятом случае она может быть нарушена по причине несовершенства самой природы человека.

Современное государство — феномен с мультифасеточным форматом управления. Интернационализация и регионализация, разделение власти по вертикали, децентрализация власти, включая рыночную, множат число субъектов, предписывающих и обязывающих, причём их требования могут не совпадать. В чёт состоит моральный долг гражданина, находящегося в правовом поле, изобилующем коллизиями? Как обстоят дела с политическим обязательством у лиц с двойным гражданством, а также у граждан, длительное время проживающих на территории других государств? Что, если законы противоречат принципам выживания на планете? А как быть с обилием законов? Исследования, проводившиеся Г. Клоско с коллегами, выявили готовность

Labour and Research. Volume: 10 issue: 2, page(s): 166–186.

¹⁰²⁹ van Kersbergen K., Hemerijk A. Two Decades of Change in Europe: The Emergence of the Social Investment State. // Journal of Social Policy. 2012. Vol. 41. P. 483.

¹⁰³⁰ Ibid., P. 485.

¹⁰³¹ Häusermann S. The multidimensional politics of social investment in conservative welfare regimes: family policy reform between social transfers and social investment // Journal of European Public Policy, 2018. Vol. 25 №6, P. 862–877. Garritzmann J.L., Bussemeyer M.R., Neimanns E. Public demand for social investment: new supporting coalitions for welfare state reform in Western Europe? // Journal of European Public Policy, 2018. Vol. 25 №6, P. 844–861.

¹⁰³² Marx P., Nguyen C.G. Political participation in European welfare states: does social investment matter? // Journal of European Public Policy, 2018. Vol. 25 №6, P. 912–943.

¹⁰³³ Помимо термина политическое обязательство/обязательства, используется «политическая обязанность», понимаемая как «долг гражданина по отношению к государству и возможность неповиновения, когда государство не соответствует своему назначению». Мартышин О. В. Политическая обязанность // Государство и право. — 2000. — №4. — С. 5.

подчиняться основополагающим законам и, в той или иной степени, пренебрегать менее значимыми. Миграция всё больше превращает мир в лоскутное одеяло и размывает сложившиеся политико-правовые традиции.

Усложняющаяся современность заставляет исследователей смотреть на феномен с разных позиций, разрабатывать разные теории. Наиболее значимыми концепциями являются: ассоциативные теории (Дж. Хортон, М. Гилберт и др.); теории честной игры (Дж. Роулз, Г. Клоско, Г. Харт и др.); теории справедливости (Г.Э. М. Энском, Дж. Уолдрон и др.); договорная теория (Ж.Э. Хэмптон); теория согласия (Дж.М. Бьюкенен, Г. Таллок и др.); теория благодарности (А.Д. Уолкер); теории, основанные на философском анархизме (Р.П. Вульф, А. Симмонс, М. Эгоменидис и др.).

Теории согласия, благодарности и договорную теорию объединяют в группу транзакционных теорий политического обязательства. Их критический обзор, предпринятый Р.Ю. Бельковичем¹⁰³⁴, убеждает, что ни одна концепция не предлагает исчерпывающих объяснений. Тем более ценным представляется рассмотрение конкретных кейсов, проведение компаративных и междисциплинарных исследований.

Сидоров В. В., Зиннатуллина З. Р., Ашрапова А. Х. (Казань, КФУ)

ДИЛЕММЫ РОССИЙСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКИ КАК ИНСТРУМЕНТА ФОРМИРОВАНИЯ ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ (НА МАТЕРИАЛЕ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН)

Для современной России серьезной политической проблемой является наличие объективных сложностей и непроработанность механизмов формирования гражданской идентичности в России. Проблема соотношения гражданской и этнической идентичностей является остро актуальной.

Общий язык является мощным инструментом для формирования идентичности. В постсоветской России не было задачи развития «своего» языка — очевидно, что русский язык понимало и использовало (или могло использовать) во всех сферах жизни подавляющее большинство населения России. Но слабость федерального центра в 90-е гг. XX века привела к тому, что региональные языки, получив поддержку местных элит, стали развиваться гораздо быстрее, чем во времена послевоенного Советского Союза.

В 2000-е годы усилившийся федеральный центр довольно резко изменил свою политику в национальных республиках, внедряя новые или изменяя уже существующие нормативные акты (например, Конституцию Республики Татарстан). В скором времени предметом беспокойства центральной власти стал объем преподавания русского языка в школах, так как региональные языки были включены в учебные планы за счет сокращения часов по русскому языку и литературе. Также был принят закон, согласно которому кириллица стала единственной системой письма региональных языков, возможной для использования на территории России. В 2017 году федеральный центр принял решение о переводе изучения региональных языков в школах на добровольную основу. Вопрос об изучении родных языков вызвал значительный отклик среди населения национальных республик, особенно, Республики Татарстан. Как отмечает А.Г. Большаков: «Массовость объясняется тем, что в кампаниях «за» и «против» были задействованы практически все родители, у которых есть дети школьного возраста. А если добавить к числу родителей прочих родственников учащихся (бабушек, дедушек и др.), а также школьные администрации и учителей, то получается значительная часть населения Татарстана с «активной позицией»¹⁰³⁵. И здесь можно провести параллель с XX веком, так как реформа школьного языкового образования 2017 г. частично повторяет реформу 1958 г., проведенную в Советском Союзе. Тогда в союзных республиках родители получили право выбора между национальной и русской школой для обучения своих детей. По подсчетам исследователей, эта мера снизила количество обучающихся на языках союзных республик — родители выбирали язык, который в тех условиях обеспечивал лучшее будущее детям¹⁰³⁶.

Поскольку лучшие вузы страны осуществляли свои образовательные программы на русском языке, то это было (и остается в настоящее время) значимым стимулом изучать русский язык школьниками национальных республик.

Дилемма российской языковой политики заключается в том, что региональные элиты сопротивляются размыванию региональных этнических идентичностей, в то время как сами региональные этнические группы не проявляют достаточной этнической мобилизации. Если в сельской местности наблюдается более высокий

¹⁰³⁴ Белькович Р.Ю. Критический обзор транзакционных теорий политического обязательства. — URL: <https://www.hse.ru/data/2011/06/06/1213455907/1belkovich3.pdf> (дата обращения: 27.06.2018).

¹⁰³⁵ Большаков А.Г. Языковая проблема в Татарстане: напряженность без конфликта // Вопросы этнополитики. 2018. № 1 (1). С. 78–85.

¹⁰³⁶ Алпатов В.М. 150 языков и политика. 1917–2000: Социолингвистические проблемы СССР и постсоветского пространства. М.: Крафт+, ИВ РАН, 2000. С. 106.

уровень этнического самосознания, то в городе процессы урбанизации и глобализации будут размывать этно-региональные идентичности, однако этот процесс далеко не быстрый. Однако региональные политические элиты будут активно сопротивляться угасанию этнорегиональных идентичностей, рассчитывая на этническую мобилизацию и политизацию этничности. Постепенная смена поколений приведет к тому, что значение исторических побед времен СССР будет угасать, а значит, России потребуется поиск новых общих оснований укрепления идентичности.

На наш взгляд противоречивость языковой политики, может быть снята с помощью изменения стимулов. При условии, когда изучение региональных языков не затрагивало бы подготовку к ЕГЭ, то, возможно, что и русскоязычные семьи национальных республик не выступали против изучения региональных языков. Повышение престижа региональных языков также является важной задачей для властей субъектов федерации. Со стороны федерального центра смягчение языковой политики могло бы повысить его авторитет среди региональных элит и активистов. Если Россия сможет совместить политику формирования общенациональной идентичности с существованием билингвальных региональных сообществ — это станет заметным достижением этнополитической практики и разрешит описанные выше проблемы. Такая задача может стать хорошим ориентиром для этнонациональной политики России на ближайшую перспективу.

Скобелина Н. А. (Волгоград, ВолГУ)

ИССЛЕДОВАНИЕ ДОСТУПНОЙ СРЕДЫ ДЛЯ МАЛОМОБИЛЬНЫХ ГРУПП НАСЕЛЕНИЯ ИНСТРУМЕНТАМИ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ ТЕОРИИ

В свете теории институционализма рассматривается создание доступного пространства и возможность появления новых форм безбарьерных практик для лиц с ОВЗ и инвалидов. Доступное пространство (безбарьерная среда) — это важное условие для жизни лиц с ОВЗ и инвалидов и предполагает комфортную для инвалидов инфраструктуру, доступные сооружения, здания, оснащенные устройствами, удобными для маломобильных групп населения. Доступное пространство конституируется и развивается через активную деятельность государственных институтов, НКО, отдельных индивидов, лиц с ОВЗ (людей с особыми потребностями) и инвалидами. Практики безбарьерного пространства, такие, как: инклюзивные образовательные практики, реабилитационные системы, система долговременного ухода за пожилыми людьми, реабилитационные и абилитационные практики, практики информирования и ориентирования инвалидов, — новые элементы для российского общества и еще только оформляются. Институциональная составляющая играет важную роль в формировании доступного пространства для лиц с ОВЗ и инвалидов и функционировании безбарьерных практик.

Активную роль в формировании безбарьерной среды играют некоммерческие организации. СО НКО оказывают широкий спектр услуг, которые направлены на поддержание жизнедеятельности получателей услуг в быту, на сохранение здоровья, на формирование позитивных интересов, организацию досуга, повышение коммуникативного потенциала у лиц с ОВЗ и инвалидов, на защиту прав и интересов получателей услуг

Дистанционный анализ сайтов региональной и федеральной власти и некоммерческих организаций и экспертный опрос представителей НКО позволили выделить несколько аспектов в процессе институционализации практик безбарьерного пространства. В Волгоградском регионе постоянно совершенствуется законодательство, регулирующее деятельность субъектов доступной среды. Законы и подзаконные акты касаются различных сфер общественной жизни инвалидов: в законе о торговой деятельности предусмотрена доступность к торговым объектам, в постановлении правительства Волгоградской области «О порядке обеспечения инвалидов техническими средствами реабилитации за счет средств областного бюджета» определяются технические средства реабилитации, которыми обеспечиваются инвалиды, в законе «О государственной молодежной политике в Волгоградской области» определяется помощь молодым людям с ограниченными физическими возможностями. Кроме государственных учреждений, органов власти в формировании доступного пространства участвуют СО НКО. Благодаря программе «Государственная поддержка социально ориентированных некоммерческих организаций (СО НКО), осуществляющих деятельность на территории Волгоградской области» (2014–2020 гг.) СО НКО предоставляются субсидии из областного бюджета на реализацию социальных проектов. Это активизирует деятельность сектора общественных организаций. Институционализируются новые практики в региональном пространстве: службы «Социальное такси», диспетчерская служба инвалидов по слуху, обучение русскому жестовому языку, соревнования по адаптивным видам спорта. Формируются практики инклюзивного образования для лиц с ОВЗ и инвалидов — развивается доступное образовательное пространство. В регионе оформляется система комплексной реабилитации и абилитации инвалидов (в рамках программы «Формирование системы комплексной реабилитации и абилитации инвалидов» на 2019–2021 гг.),

в которую включены организации здравоохранения, органов власти, образовательные организации, организации социального обслуживания, центры занятости, учреждения культуры, центр адаптивных видов спорта. В настоящее время в регионе имеется три реабилитационных центра и двадцать реабилитационных отделений для молодежи с ОВЗ. В государственных образовательных организациях разработаны и реализуются адаптированные общеобразовательные программы, действуют инклюзивные и коррекционные классы, оказывается помощь инвалидам при трудоустройстве, формируется система сопровождаемого проживания лиц с ОВЗ и инвалидов.

В условиях формирования доступной среды для маломобильных групп населения в современной России реализуется пилотный проект по системе долговременного ухода за пожилыми людьми и инвалидами. Система долговременного ухода (СДУ) создается с целью разработки и внедрения технологий поддержки лиц, нуждающихся в постороннем уходе с учетом региональной специфики социальной сферы. В структурном плане система долговременного ухода включает три компонента: институциональную, интеграционную и инновационно-технологическую составляющие.

Таким образом, в современной России и в Волгоградском регионе, в частности, создается комплексный механизм формирования доступной среды для инвалидов и лиц с ОВЗ, который включает в себя партнерские отношения государственных институтов, общественных организаций, СМИ. Главенствующую роль в этом процессе играет государство.

Скорородова О. С. (Саратов, Поволжский институт управления — филиал РАНХиГС при Президенте РФ)

ВОЗМОЖНОСТИ АНАЛИЗА ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ НА ЛОКАЛЬНОМ УРОВНЕ УПРАВЛЕНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Становление и развитие системы местного самоуправления в постсоветской России постоянно находится в фокусе внимания исследователей. Наиболее активную специализацию по этой теме можно отметить по таким направлениям, как государственное и муниципальное управление, правоведение. Однако эти исследовательские традиции ограничены на наш взгляд исключительно классическим институциональным подходом. Раскрытие сущности происходящих процессов, формирования и развития системы отношений на муниципальном уровне, в особенности политических отношений, возможны уже с позиций неоинституционализма, позволяющего выявить и определить неформальные практики взаимодействия ключевых акторов политической игры. Также повышается и степень реалистичности оценок перспектив данного института в современных условиях нашей страны. С этой позиции политологами констатируется отсутствие предпосылок для функционирования российского местного самоуправления в контексте теории свободной общины, и все больший упор делается на прагматизацию восприятия локального уровня власти в общей вертикали политических отношений, в русле общественно-хозяйственной и государственной теорий.

Поселковый и сельский уровень мог бы составить основу практики развития общественного самоуправления ввиду, во-первых, исторического опыта существования сельской общины в России, а во-вторых, из-за характерной черты малых по численности поселений, когда «все всех знают» и более выраженного «чувства места». Это практически невозможно в крупных городских муниципальных образованиях и в то же время так похоже на «идеально-типические» варианты организации местного самоуправления в странах англо-саксонского мира.

В отечественной политической науке логика анализа развития и функционирования местного самоуправления после очередного этапа муниципальной реформы (2003–2014 гг.) может выстраиваться, исходя из нескольких научно-исследовательских гипотез.

На данный момент преобладающее большинство исследований связано с анализом трансформации модели местного самоуправления в крупных городах страны с использованием концепта «городского политического режима», предполагающего анализ неформального ресурсно-акторного взаимодействия в рамках управления городской общностью. При этом рамки муниципалитета рассматриваются если не как фактор внешней среды, то как не самый определяющий сущность режима фактор. Работ, посвященных практике функционирования местного самоуправления на поселковом уровне, практически нет. Поэтому Р.Ф. Туровский предлагает активнее использовать концепт «локального политического режима» для регулярных исследований общественно-политических процессов на местах¹⁰³⁷.

¹⁰³⁷ Туровский Р.Ф. Российское местное самоуправление: агент государственной власти в ловушке недофинансирования и гражданской ак-

В рамках этой логики возможно выделение оснований для анализа следующих типов межуровневого взаимодействия: «государство — местное самоуправление» (в нашем восприятии — на уровне инициатив по реформированию системы) и «регионально-локальные» отношения. Политический процесс на поселенческом уровне определяется несколькими измерениями отношений. Первое измерение — по вертикали (уровень системы местного самоуправления, «встроенность» в иерархию, определенную законом, и соответствующие этому полномочия и возможности). По горизонтали — особенности регионального политического режима (форма отношений по линии «центр—периферия» на внутрорегиональном уровне) и, в частности, особенности локального режима отдельного поселения.

В русле конфликтологического подхода Д. Сельцер, исследуя на протяжении последних нескольких лет трансформацию корпуса глав городского и районного уровня, выделяет конфликт по линии «свои versus чужие» на локальном уровне осуществления политико-управленческих полномочий, который заострился к 2015 году в процессе достраивания «вертикали власти»¹⁰³⁸. Приход к власти «не местных» позволяет окончательно пресечь возможный активистский потенциал снизу.

Попытка вывить ключевых акторов на локальном уровне, определить неформальные «правила игры» в условиях однозначно подчиненно-зависимого состояния муниципального уровня власти, ее «вторичности» в условиях современной действительности, естественным образом сталкивается со сложностью получения необходимой информации ввиду ее «закрытости», во-первых, по причине соблюдения политической лояльности, характерной для многих региональных политических режимов, а во-вторых из-за несовершенств систем регионального и муниципального «электронного правительства».

Отдельного внимания в данном контексте заслуживает исследование степени влияния на процесс принятия политических решений, закономерностей, каналов рекрутирования элиты на локальном уровне управления. Ключевым вопросом, на наш взгляд, следует считать возможность применения концепта «политическая элита». В случае однозначно подчиненного положения глав муниципальных образований и депутатов муниципального уровня вышестоящим уровням власти целесообразнее ограничиться понятием «управленческая элита».

Можно считать, что партийная составляющая не столь принципиальна на муниципальном уровне власти, поскольку решение локальных проблем, в первую очередь жилищно-коммунальных, инфраструктурных, вопросов организации общественного порядка, находится вне идеологических трактовок. Однако действующая в современной России система «муниципального фильтра» на выборах высшего должностного лица субъектов федерации делает эту составляющую более значимой. Поэтому информация о партийной принадлежности депутатов муниципального уровня необходима для отслеживания текущей политической ситуации на местах.

При внешней формальной унификации системы местного самоуправления, восприятию ее как системы местного управления, вполне операциональным является концепт «локального режима», который позволяет обозначить реальное разнообразие в местной политике, оценить потенциальные каналы рекрутирования региональной политической элиты. Выявление устойчивых тенденций функционирования и развития поселенческого уровня муниципальной власти в современной России предопределяет необходимость дальнейшего непрерывного исследования конкретных практик на местах.

Слатинов В. Б. (Курск, КГУ)

ТРАЕКТОРИЯ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ РОССИИ: ПЕРСПЕКТИВЫ И СТРУКТУРНЫЕ ОГРАНИЧЕНИЯ

Тезис о неэффективности государственного управления в России разделяется экспертным сообществом и значительной частью деловой и политической элиты страны¹⁰³⁹. Неблагоприятные оценки качества российских государственных институтов в международных рейтингах коррелируют с экспертными оценками; большинство специалистов отмечают относительно высокое качество макроэкономической политики, реализацию базовых потребностей в безопасности страны и граждан, определенный прогресс с предоставлением государственных услуг, в том числе в электронной форме. Однако регуляторная роль государственных структур, защита прав граждан и хозяйствующих субъектов, качество законодательства и его применения, функционирование

тивности // Полис. Политические исследования. — М., 2015. — №2. — С. 35–51.

¹⁰³⁸ См.: Сельцер Д. «Варяги» в практике локального управления современной России // PRONUNC. Современные политические процессы. — Тамбов, 2015. — №1 (14). — С. 122–141.

¹⁰³⁹ Герман Греф раскритиковал Нацпроекты и призвал вместо них проводить реформы. URL: [https://sobesednik.ru/politika/20190913-gref-raskritikoval-nacproekty-i-prizval-vmesto-etogo-provodit-reformy](https://sobesednik.ru/politika/20190913-gref-raskritikoval-nacproekty-i-prizval-vmesto-nix-provodit-reformy) (дата обращения 14.09.2019)

ние общественного сектора и качество предоставляемых им услуг, уровень коррупции получают критические оценки. Наблюдается очевидный контраст между уровнем социально-экономического развития, урбанизации, образования и характером функционирования государственных институтов¹⁰⁴⁰.

Качество государственного управления в значительной мере связано с состоянием института государственной службы. Её институциональный дизайн имеет непосредственное влияние на структурные характеристики государственной администрации, мотивацию и поведение чиновников, на содержание и эффективность практик политико-административного управления. В этом отношении институт государственной службы приобретает большое значение с точки зрения формирования высокого или, напротив, низкого уровня государственной состоятельности, внося решающий вклад в обеспечение таких ее параметров как поддержание общественного порядка, управленческая способность и создание условий для развития¹⁰⁴¹.

Политические установки российской верховной власти в сфере преобразования института государственной гражданской службы претерпели в последние годы существенные изменения. Смена подходов к трансформации «правил игры» для государственной бюрократии совпала с реформатированием политического режима в 2012–2018 годы в направлении «авторитарной консолидации».

Качественные изменения режимных характеристик российской политической системы направлены в сторону «вертикализации» в условиях неблагоприятного внешнего «контура» и дефицита ресурсов. Сохраняется определяющая роль рентоизвлечения в политико-экономических отношениях. В условиях уменьшившейся ресурсной базы и сохраняющейся конфликтности в отношениях с западными странами новая модель рентоизвлечения носит более адекватный утвердившейся системе вертикального политического контроля над основными общественными акторами характер. Она учитывает важность использования крупных ресурсов на «силовые» потребности, на развитие общественного сектора и инфраструктуры («майский указ» 2018 года и национальные проекты). Эти обстоятельства выдвигают новые требования к кадровой политике и организации государственной службы. Отдельные формы рентного поведения в ситуации борьбы между конкурирующими политико-экономическими игроками подвергаются преследованию, в стране усовершенствовано антикоррупционное законодательство, принят план противодействия коррупции до 2021 г., но система антикоррупционных институтов в публичной службе выстроена так, чтобы обеспечить вертикальный контроль президентских структур за реализацией антикоррупционной политики. Независимый антикоррупционный аудит в системе публичной власти отсутствует. Институты кадрового рекрутирования, организации карьеры и профессионального развития на государственной службе, усовершенствованные в процессе ее реформирования и продолжающиеся постепенно трансформироваться в настоящий момент, обеспечивают «частичную профессионализацию» кадрового состава российских чиновников. В кадровых решениях заметна ориентация на «технократов», обладающих хотя бы минимальным набором профессиональных компетенций. При этом преимущественное влияние протекционистских подходов при принятии кадровых решений сохраняется. В системе публичного управления, где ключевую роль играет вертикальный политический контроль, новую модель рентоизвлечения отличают своеобразная «централизация», тесно связанный с практикой извлечения политической ренты более централизованный кадровый патронаж. Совершенствование законодательства о государственной службе продолжается, но носит ограниченный характер и реализуется так, чтобы сохранить возможности для активного использования протекционистских практик. «Негативное равновесие» в российской системе публичного управления адаптируется к новым вызовам через стратегию «частичных изменений» и дальнейшую гибридизацию государственно-управленческих институтов.

Слобожникова В. С. (Саратов, СГЮА)

СУБЪЕКТЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ РЕЛИГИОЗНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ¹⁰⁴²

Обеспечение безопасности составляет в современных условиях одно из важнейших направлений политики. Государство призвано по своей функциональной предназначенности не только отвечать на возникающие угрозы, но и выработать механизмы предотвращения их возникновения и минимизации. К числу одного

¹⁰⁴⁰ Гельман В. Я. «Недостойное правление»: политика в современной России. СПб: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2019. С. 10–12.

¹⁰⁴¹ Мельвиль А. Ю., Стукал Д. К., Миронюк М. Г. Траектории режимных трансформации и типы государственной состоятельности // Политические исследования. 2012. № 2. С. 8–30.

¹⁰⁴² Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-011-00389 «Религиозная безопасность в Нижнем Поволжье: современное состояние и технологии стабилизации»

из самых сложных видов безопасности, с точки зрения обеспечения, можно отнести религиозную безопасность. В условиях нарастания угроз актуализируется необходимость концептуализации субъектов ее обеспечения. Угрозы XXI в., исходящие от религиозности, усиление деструктивности самой религиозности требуют корректировки подходов в обеспечении религиозной безопасности, отказа от неэффективных, изменения приоритетов в их использовании, поиска и выявления новых ресурсов.

Не вызовет сомнения ведущая и определяющая роль в этом государства, обладающего сложной структурой и системой ресурсов, и прежде всего специальных государственных структур, в функционал которых входит борьба с экстремизмом и терроризмом, сбор информации о деструктивных образованиях.

Серьезное внимание к изучаемому аспекту проблемы юристов предопределило именно политико-правовой подход в трактовке роли государства в обеспечении религиозной безопасности. Праву ими отводится роль универсального средства решения государством задач поддержания религиозной безопасности силой принуждения и арбитра при столкновении интересов различных социальных групп. Так как еще не созданы эффективные государственно-правовые механизмы по обеспечению свободы вероисповедания, необходимо постоянное совершенствование законодательства. Нередко специалисты, занимающиеся проблемами безопасности, государство рассматривают в качестве единственного субъекта ее обеспечения, а задачи в тесной связи с той или иной угрозой.

Специфика религиозной безопасности такова, что государство самостоятельно без поддержки общества не может ее обеспечить, так как существуют сферы возникновения угроз, на которые государственная власть не распространяется или ограничена. Кроме государства, мощным потенциалом в обеспечении религиозной безопасности обладает общество, которое может использовать собственные ресурсы и механизмы.

Латентный характер религиозных угроз требует активизации муниципального уровня политической власти, ближе всего находящегося к населению, который, в первую очередь, должен владеть информацией о проявлениях религиозной деструктивности на управляемой территории. Но ключевым фактором обеспечения религиозной безопасности в литературе считаются не органы местного самоуправления, а религиозные организации. Из структур гражданского общества именно им отдается приоритет в качестве полноправных субъектов обеспечения религиозной безопасности, как ценностно образующим и способным снять конфликтность межэтнических и межконфессиональных отношений. Часть исследователей среди религиозных организаций выделяет традиционные конфессии, и даже только Церковь, утверждая, что без опоры на них государство не сможет обеспечить религиозную безопасность. Такие структуры гражданского общества как правозащитные организации, фонды помощи жертвам сектантских учений рассматриваются в качестве помощников.

Таким образом, к субъектам, обеспечивающих религиозную безопасность можно отнести государство и гражданское общество, как сложно структурированное, состоящее не только из религиозных организаций. Ведущая роль государства в этом не вызывает сомнения. Однако, современный уровень угроз актуализирует необходимость активизации как религиозных организаций, так и светской составляющей гражданского общества: органов местного самоуправления, общественных объединений нерелигиозного характера. Для эффективного противостояния угрозам настоятельно необходимо сотрудничество всех этих структур по горизонтали на отдельных территориях и с государственными органами. Происходит усложнение характера угроз, что предполагает необходимость увеличения количества субъектов, обеспечивающий религиозную безопасность.

К сожалению, политологи еще недостаточно уделяют внимания проблематике религиозной безопасности как направлению государственной политики, государственно-конфессиональных отношений, отдав ее на откуп, в основном, юристам. В современной не юридической литературе по религиозной безопасности слабо отражена и проблема ответственности гражданина РФ, как субъекта обеспечения этого направления безопасности, хотя в перечне объектов защиты личность находится на первом месте, как в официальных документах, так и многих работах ученых, особенно тех, которые изучают проблему с культурологических позиций и которые ратуют за соблюдение свободы совести и свободы вероисповедания в современной России.

Смаль С. В. (Санкт-Петербург, РГПУ им. А. И. Герцена)

СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В СТРАНАХ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ: ОПЫТ ПРИМЕНЕНИЯ МНОГОМЕРНЫХ ИНТЕГРАЛЬНЫХ ИНДЕКСОВ

Тема социального обеспечения и реализуемой в этих целях социальной политики достаточно полно освещается современными исследователями как в России, так и за ее пределами, однако попытки проведения кросс-темпорального анализа многомерных интегральных индексов в этом направлении довольно немногочисленны.

Как справедливо отмечает А.Г. Спицин, «никогда еще страны Латинской Америки не переживали таких глубоких преобразований, как за последние два десятилетия»¹⁰⁴³, и эти изменения могут быть измерены при помощи разнообразного политико-аналитического инструментария. В рамках данных тезисов мы коротко рассмотрим данные индекса развития человечества, индекса качества жизни и индекса социального прогресса, а также такого нетривиального показателя, как индекс качества смерти, проанализировав три страны: Бразилию, Чили и Колумбию, так как большее количество стран не представляется возможным охватить из-за ограниченного объема статьи. Для удобства представим данные в виде таблиц, наполнив из максимально репрезентативной темпоральной выборкой.

Сравнение Чили, Бразилии и Колумбии по показателям индекса развития человечества¹⁰⁴⁴ *Табл. 1.*

Год	Позиция Чили	Позиция Бразилии	Позиция Колумбии
2008	40 из 179 (0,874 из 1,000)	70 из 179 (0,807 из 1,000)	80 из 179 (0,787 из 1,000)
2013	40 из 186 (0,819 из 1,000)	85 из 186 (0,730 из 1,000)	91 из 186 (0,719 из 1,000)
2018	44 из 189 (0,843 из 1,000)	79 из 189 (0,759 из 1,000)	90 из 189 (0,747 из 1,000)

Сравнение Чили, Бразилии и Колумбии по показателям индекса процветания стран мира¹⁰⁴⁵ *Табл. 2.*

Год	Позиция Чили	Позиция Бразилии	Позиция Колумбии
2008	31 из 75 (средний балл)	52 из 75 (средний балл)	72 из 75 (средний балл)
2013	36 из 124 (средний балл)	46 из 124 (средний балл)	Не представлена в отчете
2018	38 из 149 (67,59 из 100,0)	65 из 149 (60,96 из 100,0)	57 из 149 (62,16 из 100,0)

Сравнение Чили, Бразилии и Колумбии по показателям индекса социального прогресса¹⁰⁴⁶ *Табл. 3.*

Год	Позиция Чили	Позиция Бразилии	Позиция Колумбии
2014	30 из 132 (76,30 из 100,0)	46 из 132 (69,97 из 100,0)	52 из 132 (67,24 из 100,0)
2018	34 из 146 (80,61 из 100,0)	49 из 146 (72,73 из 100,0)	56 из 146 (70,69 из 100,0)

Сравнение Чили, Бразилии и Колумбии по показателям индекса качества смерти¹⁰⁴⁷ *Табл. 4.*

Год	Позиция Чили	Позиция Бразилии	Позиция Колумбии
2010	Не представлена в отчете	38 из 40 (2,2 из 10)	Не представлена в отчете
2015	27 из 80 (58,6 из 100,0)	42 из 80 (42,5 из 100,0)	68 из 80 (26,7 из 100,0)

Подводя краткий итог, можно заявить, что кросстемпоральный анализ многомерных интегральных индексов в социальной сфере может быть использован как удобный, хотя и, безусловно, требующий особой рефлексии, источник данных, включающий обязательную «привязку» к исследовательскому институту и обязательно учитывающую социально-экономическую подоплеку¹⁰⁴⁸ и особенности политического процесса в стране¹⁰⁴⁹. Например, не требует пояснений, что во время проведения предвыборных кампаний, особенно президентского уровня, показатели социальной сферы могут претерпевать существенные, но кратковременные изменения в лучшую сторону. По выбранным для анализа странам очевидно, что Чили является региональным лидером в области реализуемой социальной политики и, отвечая на вопрос П.П. Яковлева, постулированный в статье

¹⁰⁴³ Спицин А.Г. Латинская Америка в начале XXI века: основные тенденции социально-политического и экономического развития // Вестник Московского Государственного Лингвистического Университета. Общественные науки. 2011. №608. С. 143.

¹⁰⁴⁴ Human Development Index. URL: <http://hdr.undp.org/>.

¹⁰⁴⁵ The Legatum Prosperity Index. URL: <http://www.prosperity.com/>.

¹⁰⁴⁶ The Social Progress Index. URL: <https://www.socialprogress.org/>.

¹⁰⁴⁷ The Quality of Death Index. URL: <http://www.eiu.com/>.

¹⁰⁴⁸ См. Бычкова Л.В., Кузьмина В.М. Экономические показатели развития некоторых стран Латинской Америки в 2012–2015 годах (на примере Мексики, Чили и Эквадора) // Известия ЮгоЗападного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2017. Т. 7, №2 (23). С. 14–23.

¹⁰⁴⁹ Например, особенностью Колумбии является ее перманентный конфликт правительства и многочисленных вооруженных группировок, см. Смаль С.В. Сравнительный анализ участников политического конфликта в Колумбии: конфликтологический аспект // Конфликтология. 2016. №4. С. 170–185.

«Латинская Америка: возможен ли рывок в развитии?»¹⁰⁵⁰, для Чили рывок в развитии не только возможен, но он реально осуществляется в области социального обеспечения и социальной защиты.

Смирнов Д. Г. (Санкт-Петербург, СПбГУ)

СЕМИОТИКА МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ: ОПЫТ ПОСТРОЕНИЯ ОБЪЯСНИТЕЛЬНОЙ МОДЕЛИ (НА ПРИМЕРЕ СИМВОЛА «РУССКИЙ МЕДВЕДЬ»)

Семиотический поворот в международных отношениях. История и теория мировой политики и международных отношений богата разнообразными объяснительными моделями. Среди самых известных — геополитическая концепция столкновения цивилизаций и тотальная парадигма глобализации (глокализации). В целом переосмысление «социально-политической субстанции современного мира» и пересмотр координат конструирования объяснительных моделей осуществляются в русле «акцентации социокультурной доминанты»¹⁰⁵¹. В нашей системе референций это обозначает семиотический поворот, который, благодаря активному проникновению визуальных метафор в пространство повседневности, существенно изменяет координаты международной символической политики — провоцирует перенос акцента с публичного измерения международных отношений на приватную плоскость (в сферу субъект-субъектных отношений).

Когнитивные контуры объяснительной модели. Методологический горизонт современной семиотики международных отношений задается трендом синтеза «субъективистских и объективистских подходов» при «конфигурации детерминистических и вероятностных моделей»¹⁰⁵². В рамках избранного дискурса он обусловливается голографичными (целое предстает в свернутом виде в части) и фрактальными (часть может нести код, алгоритм целого) свойствами визуальной метафоры, которая «онтологически объективна» и «гносеологически субъективна», а ее субъективность разворачивается через призму линейных или вероятностных моделей в зависимости от опыта восприятия. Когнитивное измерение хорошо раскрывает концепция «интегральной субъектности (субъекта жизни)», которая мыслится как «порождение идеального (бытия себя), преображающего реальное (жизнь себя)»¹⁰⁵³.

Соответственно современные объяснительно-интерпретативные схемы международных отношений в рамках семиотического дискурса должны учитывать следующие факторы: ключевую роль субъекта познания, и его символическую (аффективно-когнитивную) деятельность¹⁰⁵⁴; принципиальную гетерогенность картины мира, ее растущую образно-знаковую сложность (через процессы ресемiotизации)¹⁰⁵⁵; принципиальную множественность моделей семиотизации; «символические (символьные) комплексы» как основную организующую единицу политического знания¹⁰⁵⁶; несамодостаточность научной формы познания, которая становится продуктивной лишь в диалоге с другими его формами — ненаучными и вненаучными — от философии и теологии до образного и обыденного сознания¹⁰⁵⁷.

Верификация образа. В качестве основных «критериев политической пригодности» образов, символов для нужд символической политики (в том числе и международной) традиционно фиксируются три когнитивных показателя — закреплённость в массовом сознании, позитивность образа Своих, содержательная недискуссионность¹⁰⁵⁸. Вместе с тем, символ становится эффективным инструментом, «обладая такими чертами, как многозначность, эмоциональность, сакральность, простота восприятия, интегративный потенциал»¹⁰⁵⁹.

¹⁰⁵⁰ Яковлев П. П. Латинская Америка: возможен ли рывок в развитии? // Мировая экономика и международные отношения. 2019. Т. 63. № 3. С. 94–103.

¹⁰⁵¹ Мчедлова М. М. Изменение объяснительных моделей политики: включение религиозных референтов // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2010. № 6. С. 62.

¹⁰⁵² Фахрутдинова А. З. Конфигурации объяснительных моделей социальных трансформаций // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология. 2017. Т. 3 (69). № 4. С. 101.

¹⁰⁵³ См.: Тесля С. Н. Модель субъектности как объяснительный императив психологической модели субъектности социального субъекта // Известия Сочинского государственного университета. 2013. № 4-2 (28). С. 67–70.

¹⁰⁵⁴ См.: Кобб Р., Элдер Ч. Использование символов в политике // Политическая лингвистика. 2009. № 29. С. 131–145.

¹⁰⁵⁵ См.: Смирнов Д. Г. К вопросу о ресемiotизации как форме символической политики («Родина-Мать» в политических практиках современной России) // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. 2015. № 4. С. 96–112.

¹⁰⁵⁶ См.: Капицын В. М. Символьные комплексы: роль в институционализации и легитимации национальных интересов // Пространство и Время. 2013. № 3 (13). С. 20–30.

¹⁰⁵⁷ См.: Фирсов Б. Дальние подступы к созданию российской социальной теории // Pro et Contra. 2001. Т. 6. № 1–2. С. 171–177.

¹⁰⁵⁸ Ср.: Малинова О. Ю. Использование символов прошлого в политике постсоветской России: эволюция подходов // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 2014. № 1 (74). С. 77.

¹⁰⁵⁹ См.: Рябов О. В. «Родина-мать» в символической политике постсоветской России // Женщина в российском обществе. 2015. № 3–4. С. 83.

Основанные на таком образе-концепте символичные комплексы, как следствие, способны быть максимально понятными по своему субстантивному содержанию и интенсивно воспринимаемыми.

«Русский медведь» зарекомендовавший себя эффективным символическим пограничником¹⁰⁶⁰, оказывается в дискурсе мировой политики не просто «вещью», а динамической суммой значений и ценностей, меняющихся в зависимости от тезауруса международных отношений — символом России¹⁰⁶¹. Russian Bear отвечает требованиям образа-концепта (базового кода) объяснительной модели семиотики современных международных отношений.

Сморгунов Л. В. (Санкт-Петербург, СПбГУ)

ПОЛИТИКА ИМПОРТОЗАМЕЩЕНИЯ И ИННОВАЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ В РЕГИОНАХ РФ¹⁰⁶²

Политика импортозамещения в России по целям применительно к регионам в целом не отличается от федеральной. Сводка нормативных актов субъектов РФ, классифицирующая документальные основы политики импортозамещения, свидетельствует о том, что данная политика представлена в основном планами; в меньшем объеме присутствуют программы и концепции. Программы импортозамещения представлены в шести регионах (Астраханская область, Владимирская область, Пензенская область, Свердловская область, Челябинская область, Чувашская Республика), концепции импортозамещения в двух (Волгоградская область, Саратовская область), планы мероприятий по импортозамещению в семидесяти семи регионах России. Содержательные различия нормативных актов, в которых зафиксированы общие принципы политики импортозамещения, ее задачи, региональные особенности, ресурсы и методы осуществления, довольно разнообразны. Нормативные акты различаются по ряду критериев: (1) по уровню принятия; (2) по временным горизонтам; (3) по охвату экономики; (4) по степени самостоятельности; (5) по учету всех факторов политики импортозамещения.

Основные задачи представленных региональных документов включают в себя следующие ориентиры: ориентация на опережающее развитие экономики регионов, включая прежде всего сельское хозяйство и промышленность; в регионально приоритетных отраслях достижение высокого уровня эффективности и увеличения добавленной стоимости; стремление к открытости собственных рынков и расширение рынков для технологически передовых отраслей производства; стимулирование предпринимательской инициативы для развития мелкого и среднего бизнеса, поддержка данного уровня бизнес активности; расширение возможностей для использования новых технологических инноваций в приоритетных отраслях промышленности и сельского хозяйства; развитие инновационной инфраструктуры регионов для создания условий реализации политики экономического роста.

Анализ имеющихся региональных документов позволяет выделить три основных подхода к региональной политике импортозамещения: ситуационный (низкий уровень принятия, на год принятия и ближайшую плановую перспективу, одна отрасль, не связан с другими планами и программами, ориентирован на простую помощь государства, пример, Кемеровская область, 2015–16 гг.), прагматический (средний уровень принятия, на среднесрочную перспективу, охватывает ряд отраслей, связан с другими планами и программами, учитывает инновационную политику, пример: Республика Карелия, Республика Коми) и принципиальный (принят на высшем уровне управления, долгосрочная перспектива, охватывает всю экономику региона, является системной частью программ развития, учитывает связи политики инновации, НИОКР и структурных реформ, пример: Владимирская область, Свердловская область, Кемеровская область 2019–22 гг.).

В российских регионах в основном используется стратегия внутриориентированного импортозамещения, при которой регион стремится развивать местные предприятия и повышать их долю на региональных рынках. В этом отношении очевидно, что импортозамещение было связано с внутренней конкурентоспособностью и слабо выходило в первые годы ее реализации на экспортно-ориентированный характер. Соотношение политики импортозамещения и экономического инновационного роста в целом подчинялись общей стратегии стабилизации, хотя и содержали значительные сегменты инноваций и структурных реформ. Основные элементы подобной модели включали в себя: (а) направленность политики импортозамещения на сохранения баланса и стабильности экономического развития региона; (б) направленность инвестиционной полити-

¹⁰⁶⁰ См.: Рябов О. В., Константинова М. А. «Русский медведь» как символический пограничник // Труды Карельского научного центра Российской академии наук. 2011. № 6. С. 114–123.

¹⁰⁶¹ См.: «Русский медведь»: История, семиотика, политика / под ред. О. В. Рябова и А. де Лазари. М.: НЛЮ, 2012. 368 с.

¹⁰⁶² Работа выполнена по гранту РФФИ 19-011-31177 «Формирование политической стратегии прорывного развития региональной инновационной системы в контексте эффективного решения задачи импортозамещения»

ки на отраслевые инновации; (б) стимулирование развития НИОКР с региональной спецификой, выраженной как в соотношении фундаментальных, прикладных исследований и разработок, так и в предметной направленности исследований и разработок; (в) частичные структурные реформы и динамика трансформации фирм; повышение роли среднего и мелкого бизнеса. Доминировали государственные институты развития в регионах, которые использовались для стимулирования инновационного роста. Слабо участвовали в этом процессе частные институты развития.

Институты развития являются одним из инструментов государственной политики, стимулирующих инновационные процессы и развитие инфраструктуры с использованием механизмов государственно-частного партнерства. Основная цель институтов развития — преодоление так называемых «провалов рынка» для решения задач, которые не могут быть оптимально реализованы рыночными механизмами, для обеспечения устойчивого экономического роста и диверсификации экономики. Институты развития выступают в качестве катализатора частных инвестиций в приоритетных секторах и отраслях экономики и создают условия для формирования инфраструктуры, обеспечивающей доступ предприятиям, функционирующим в приоритетных сферах экономики, к необходимым финансовым и информационным ресурсам.

Региональные институты развития приносят максимальный успех, если они включены в региональную инновационную систему, подчиняясь ее принципам и механизмам сотрудничества. Как правило, инновационный и импортозамещающий эффекты выше, если в регионе сформировалась и эффективно управляется региональная инновационная система.

Региональная инновационная система (РИС) является системой институтов и их отношений, которые взаимодействуют в сфере производства знаний и распространения инноваций в регионе и которые составляют пространство реализации региональной научной и инновационной политики. Вместе с тем в соответствии с сетевым подходом, где отношения доминируют над институтами, РИС рассматривается, прежде всего, с точки зрения скорее возникающих в ней отношений, взаимодействий и процессов, чем институтов.

Общая схема региональной инновационной системы, в общем, включает следующие основные блоки: 1) управленческие институты, определяющие правила функционирования и взаимодействия участников инновационного процесса через формирование нормативно-правовой базы и координирующие взаимодействие элементов; 2) субъекты инновационной деятельности: исследовательские институты (отраслевые и академические), вузы, промышленные предприятия (малые и средние), крупные предприятия, отдельные предприниматели и изобретатели; 3) инфраструктура инновационной системы (центры трансфера технологий, инновационно-технологические центры, технопарки, бизнес-инкубаторы, центры подготовки кадров для инновационной деятельности, венчурные фонды и др.). Имеют значение также сбытовые сети и благоприятная нормативно-правовая база вывода на рынки продукции инновационных предприятий.

Политика импортозамещения стимулировала интерес к систематизации факторов инновационного развития в российских регионах, однако не привела к радикальной смене курса развития. В настоящее время принимаются шаги к переориентации инновационного развития на экспортно-ориентированный характер.

Смулькина Н. В. (Москва, МГУ имени М. В. Ломоносова)

ОСОБЕННОСТИ ИССЛЕДОВАНИЯ СИМВОЛИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА ПОЛИТИЧЕСКОЙ КАРТЫ МИРА В МАССОВОМ СОЗНАНИИ РОССИЯН¹⁰⁶³

Исследование, посвященное рассмотрению и детализации символического пространства политической карты мира в представлениях россиян, позволило выявить некоторые особенности необходимых исследовательских стратегий в рамках выбранного политико-психологического подхода.

В рамках исследования, проведенного в 2019 году, была разработана **концептуально-методологическая модель** исследования символических репрезентаций политической карты мира. Внимание было сосредоточено на изучении трех блоков:

1 блок: Изучение символических репрезентаций страны как составной части политической карты мира.

1.1. Характеристика страны (символические наборы в представлениях о власти в стране, ее населении, территории и истории).

1.2. Оценка места страны в мире (символические наборы, характеризующие геополитический статус страны, взаимодействие страны с другими международными акторами, включая Россию).

¹⁰⁶³ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и АНО ЭИСИ в рамках научного проекта № 19-011-32128 «Политико-психологическое измерение политической карты мира в сознании российских граждан: символические репрезентации».

2 блок: Изучение символических репрезентаций международных отношений в массовом сознании россиян.

2.1. Характеристика субъектов международных отношений (страны, блоки, формальные и неформальные международные организации и силы).

2.2. Характеристика символического представления структуры международных отношений;

2.3. Оценка принципов международных отношений в символическом пространстве политической карты мира.

3 блок. Рассмотрение символических наборов представлений о тенденциях трансформаций международных отношений.

3.1. Характеристика возможных (ожидаемых) тенденций развития взаимоотношений России с другими странами, изменения международного баланса сил, причин этих изменений.

3.2. Характеристика желаемых тенденций изменения международных отношений и баланса сил в мире.

Символическое пространство было рассмотрено согласно *классификации политических символов*, разработанной Т.В. Евгеньевой и Г.А. Кожедубом, и опирающейся на критерий содержательного наполнения изучаемых символов. Были выявлены: исторические символы (начало времен, травма, избранная слава, символические личности, сакральная жертва); пространственно-географические символы (указания на статус территории, избранное пространство, символы присоединения и отделения); политико-идеологические символы (политические субъекты, идеологические и политические понятия и визуальные символы); ресурсно-экономические символы; культурно-языковые символы (традиции, обычаи, национальные ценности); символический образ «врага». Типология была дополнена символическим образом «своего», «друга», «другого» и «чужого». Важным здесь видится упоминание, возможности соответствия одного символа нескольким категориям типологии в соответствии с контекстом. Для полноты анализа символического пространства, учитывалась и классификация символов по форме их выражения: символы-идеи; символы-действия; символы-объекты; символы-персоны.

Выбор *методов сбора и обработки данных* был в значительной степени определен качественным и разведывательным характером исследования. Задачи изучения политической карты в массовом сознании как сложного конструкта определили необходимость использования инструментария, который не только позволил бы рассмотреть отдельные образы стран как таковые, но и отразить их специфику в заданных ситуациях, возможных трансформациях и взаимосвязях друг с другом. Для решения проблем статичности и изолированности отдельных элементов сложносоставного феномена политической карты мира использовались классические опросные методы (формализованные и глубинных интервью) дополнялись проективными техниками: процедуры завершения, рисуночные тесты, картоидный метод, метод конструирования сказочных сюжетов.

В результате определения исследовательской стратегии, учета достоинств и недостатков подобранных методов исследования, составления инструментария были проведены 200 формализованных и 150 глубинных интервью, а также 400 проективных тестов.

Количественный и качественный анализ данных позволили провести сравнительный анализ и классификацию символических репрезентаций. В качестве приоритетных *методов обработки данных* выступали: кодирование, шкалирование ответов на открытые вопросы, статистическая обработка собранных эмпирических данных; ненаправленный контент-анализ стенограмм интервью и проективных тестов: выявление метафор в ответах, символических образов и репрезентаций, мифологем, стереотипированных («кочующих») и оригинальных сюжетов.

Результаты проведенного исследования выдвигают проблему необходимости последующего применения метода кейсов, незаменимого при рассмотрении особенностей символически наполненных моделей политической карты мира, в российском массовом сознании.

Соболев А.В. (Москва, РАНХиГС при Президенте РФ)

Влияние политической нестабильности на электоральное поведение и предпочтения граждан (на примере выборов в Мосгордуму 2019 г.)

В июле-августе 2019 г. в г. Москве прошли массовые акции протеста против недопуска ряда кандидатов к участию в выборах в Московскую городскую Думу. Эти акции имели широкий медийный и общественный резонанс, соответственно, возникла потребность в оценке степени их влияния на общественное мнение, а также электоральное поведение и предпочтения москвичей.

Эмпирической базой настоящего исследования стали результаты двух опросов жителей г. Москвы, проведенных 20–22 июля и 29–31 июля 2019 г. Фондом «Петербургская политика»¹⁰⁶⁴. Генеральная совокупность обоих опросов — жители г. Москвы от 18 лет, объём выборки — 1 200 человек для каждого исследования (доля электорально активных москвичей в опросе № 1 — 33,7%, N=404 чел., в опросе № 2 — 36,6%, N=439 чел.). Метод опроса — личное телефонное формализованное интервью с квотной выборкой, построенной по полу, возрасту и месту жительства респондентов.

Результаты сравнения двух опросов в разрезе группы электорально активных москвичей представлены следующими тезисами.

1. Протестные акции имели значительный резонанс, обеспечивший «взрывной» рост числа информированных о них среди политизированных москвичей (с 52,5% до 70%). Однако они не нашли поддержки у горожан, собирающихся участвовать в выборах: группа не одобряющих протесты увеличилась с 37,7% до 49,6%, в то время как численность сторонников акций снизилась с 34,9% до 31,2%.

2. Электорально активные москвичи ещё до массовых акций были осведомлены о выборах в Мосгордуму. Протесты незначительно повлияли на рост числа информированных среди них (с 86,9% до 89,6%). Медийный резонанс от акций в основном коснулся неполитизированных горожан. Число знающих о выборах в Мосгордуму от всех опрошенных выросло с 65,6% до 74,8% респондентов.

3. Протестные акции увеличили количество декларирующих своё участие в выборах в Мосгордуму с 33,7% до 36,6%. Они не сократили число абсентеистов (31,0% / 31,6%) и не повлияли на установки электорально активных москвичей относительно их участия в выборах: подавляющее большинство не изменило своего решения под воздействием митингов (92,1% / 89,7%).

4. После протестных акций доля твёрдо знающих за кого будут голосовать от числа политизированных горожан увеличилась с 23,3% до 28,8%, при этом сократилось количество не определившихся со своим выбором (с 63,4% до 59,2%). Однако три четверти электорально активных респондентов (75,4% / 75,3%) отметили, что протестные акции не повлияли на их решение за кого голосовать на выборах депутатов Мосгордумы. Воздействие митингов на выбор кандидатов респондентами рассматриваемой нами группы оказалось минимальным: их число увеличилось с 3,8% до 6,1%.

5. Протестные акции не повлияли на партийные предпочтения москвичей, заявивших о готовности участвовать в выборах: динамика рейтингов политических партий в данной группе находилась в диапазоне ± 1 –2%.

6. После протестов уменьшилось число электорально активных горожан (с 56,1% до 50,8%), считающих, что выборы в Мосгордуму пройдут с нарушениями, а также фактически не изменился объём группы, не ожидающей их в день голосования (25,7% / 26,7%). Распределение ответов от всех опрошенных диаметрально противоположно: половина москвичей убеждена, что нарушения на выборах будут (52,3% / 53,1%), а число сторонников позиции, что выборы пройдут без них, сократилось (с 24,4% до 21,6%).

Таким образом, в результате протестных акций в Москве летом 2019 г.:

- вырос уровень информированности жителей столицы о выборах в Мосгордуму;
- увеличилось число электорально активных москвичей, не поддерживающих протесты;
- не было оказано значимого влияния на электоральное поведение и предпочтения политизированных горожан;
- была заложена основа для раскола общества относительно оценки легитимности выборов в Мосгордуму.

Соколов А. В. (Ярославль, ЯрГУ им. П. Г. Демидова)

СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ В КОНФЛИКТАХ ГОРОДСКИХ СООБЩЕСТВ¹⁰⁶⁵

Интенсивное развитие Интернета трансформирует функционирование городских пространств и сообществ. Интернет позволяет существенно повысить интенсивность коммуникаций, стимулировать создание городских сообществ, повышать их сплоченность, координировать коллективные действия представителей сообществ. Особо ярко эти возможности видны в процессе развития городских конфликтов.

¹⁰⁶⁴ См.: Фонд «Петербургская политика». Экспресс-отчет по результатам телефонного опроса жителей г. Москвы, проведенного 20–22 июля 2019 г. [Электронный ресурс]. URL: https://fpp.spb.ru/sites/fpp.spb.ru/files/express_moscow_2019-07.pdf (дата обращения 15.08.2019 г.); Фонд «Петербургская политика». Экспресс-отчет по результатам телефонного опроса жителей г. Москвы, проведенного 29–31 июля 2019 г. [Электронный ресурс]. URL: https://fpp.spb.ru/sites/fpp.spb.ru/files/express_moscow_2019-07-29-31.pdf (дата обращения 15.08.2019 г.).

¹⁰⁶⁵ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-011-00571 «Конфликты в процессе функционирования городских сообществ крупных региональных центров России: концептуальные основания исследования и политические методы снижения деструктивного потенциала»

Использование социальных сетей позволяет формировать чувство вовлеченности в деятельность городского сообщества посредством нахождения в едином информационном пространстве¹⁰⁶⁶. Активная коммуникация внутри сообщества, совместные действия и общие интересы позволяют сформировать внутригрупповую идентичность и обеспечить продолжительность вовлеченности в совместные коллективные действия¹⁰⁶⁷.

Можно привести множество примеров конфликтного взаимодействия городских сообществ в Ярославской области по вопросам городской жизни: благоустройства (замена чугунных оград на металлические, введение платных парковок), строительства новых объектов (строительство часовни в парке в городе Рыбинске, строительство жилья в Павловской роше Ярославля, снос детских городков), реконструкции памятников (ремонт здания в пассажирском речном порту Ярославля, строительство кинотеатра в Депутатском переулке Ярославля), утилизации мусора (кампания против ввоза мусора из московского региона).

Социальные сети в каждом из указанных городских конфликтов помогали самоорганизации городских сообществ, вовлечения в них новых активистов и сторонников. Это позволяло им осуществлять более активные и масштабные действия, привлекать внимание СМИ, принуждать органы власти к вступлению в коммуникацию с ними.

Социальные сети помогают городским сообществам аккумулировать различные ресурсы (человеческие, имиджевые, информационные и т. д.) тем самым повышая их возможности отстаивать свои интересы.

Важно отметить, что коммуникация в социальных сетях не всегда трансформируется в офлайн действия активистов, однако она позволяет формировать общественное мнение и обеспечивать присутствие позиции городского сообщества в информационном пространстве¹⁰⁶⁸.

Как показывает проведенный анализ, на начальном этапе формирования городских конфликтов традиционные СМИ, зачастую, игнорируют освещение конфликтов и позицию городских сообществ. Однако активная информационная кампания в социальных сетях позволяет привлечь большое количество сторонников, обеспечить информационное присутствие в повестке дня, тем самым привлекая внимания СМИ.

Особенностью городских конфликтов является постепенное накопление опыта, практик, инструментов и технологий самоорганизации граждан, выстраивания широких партнерств и коалиций. Постепенно формируются лидеры городских сообществ, которые все чаще выступают организаторами новых коллективных действий горожан с целью защиты их интересов.

Тем самым постепенно формируется социальный капитал, который позволяет городским сообществам повышать свою субъектность во взаимодействии с властью, предпринимателями, СМИ. Таким образом формируется потенциал для успешных коллективных действий: отмены решений органов власти по застройке парковых зон (Рыбинск), приостановке действий по неконтролируемой реконструкции памятников (Ярославль), введению платных парковок (Ярославль), отмене ввоза бытовых отходов (Ярославль).

Однако следует учитывать, что активное развитие городских сообществ может приводить к длительным и острым городским конфликтам, раскалывающим городское пространство, нарушая спокойное функционирование городского социума в целом. Тем самым актуализируется задача выработки методов урегулирования городских конфликтов и снижения конфликтного потенциала в процессе принятия решений по ключевым аспектам городской жизни, затрагивающим интересы различных городских сообществ.

Соколов А. В., Беляков А. А. (Ярославль, ЯрГУ им. П. Г. Демидова)

ВОВЛЕЧЕНИЕ И ВОВЛЕЧЕННОСТЬ ПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ В ПРОТЕСТНУЮ АКТИВНОСТЬ¹⁰⁶⁹

Выражением интернет-активизма можно считать вовлеченность пользователей в ту или иную активность, т. к. она показывает, в какой степени пользователи участвуют в обсуждении и распространении той или иной информации. Несмотря на отсутствие общепризнанного понимания сущности вовлечения пользователей социальных сетей в общественно-политическую активность, его существование необходимо для того, чтобы оха-

¹⁰⁶⁶ Cho J., Shah D. V., McLeod J. M., McLeod D. M., Scholl R. M., Gotlieb M. R. Campaigns, reflection, and deliberation: Advancing an O-S-R-O-R model of communication effects // *Communication Theory*. 2009. № 19. pp. 66–88.

¹⁰⁶⁷ Bennett W. L., Segerberg A. The Logic of connective action // *Information, Communication & Society*. 2012. № 15 (5). pp. 739–768.

¹⁰⁶⁸ Володенков С. В. Особенности Интернета как современного пространства политических коммуникаций // *Вестник Московского государственного областного университета*. 2017. № 4. С. 1–13.

¹⁰⁶⁹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научно-исследовательского проекта № 17-33-01022 (а2) «Моделирование и индексирование протестной активности в субъектах Российской Федерации»

рактизовать процессы, проходящие в виртуальном пространстве. Если исходить из понятия вовлечения и его толкования с точки зрения русского языка, то наиболее точное и широкое определение дает словарь Ефремовой: вовлечение — производное от глагола вовлекать т.е. побуждать кого-либо к чему-либо, либо участию в чем-либо¹⁰⁷⁰.

В рамках политической науки вовлечение чаще всего понимается с точки зрения теории политического участия. Так, О.Ю. Кузин отмечает, что понятие вовлечения используется в политической литературе в двух значениях. С одной стороны, этот термин характеризует общее вовлечение граждан в общественно-политическую деятельность и его характер, т.е. фактически является синонимом политического участия. С другой стороны вовлечение понимается как целенаправленная деятельность определенных субъектов политического процесса и функционирования гражданского общества, направленная на включение граждан в политическую или гражданскую активность, а также как совокупность средств и методов такого включения¹⁰⁷¹.

Таким образом, исходя из различных пониманий вовлечения, можно привести следующее определение вовлечения пользователей социальных сетей в протестную активность — это целенаправленная, интеллектуальная деятельность, направленная на побуждение пользователей социальных сетей к участию в общественно-политической активности в социальных сетях, а также совокупность средств и методов такого побуждения. Несмотря на возникающий интерес к непосредственно процессу вовлечения, существует ограниченное число методов, которые могут быть использованы для его анализа. В связи с этим, необходимо конкретизировать этот процесс с точки зрения конечного результата, т.е. ввести определение вовлеченности пользователей в общественно-политическую активность в социальных сетях. Вовлеченность пользователей социальных сетей в протестную — показатель, характеризующий степень участия пользователей социальных сетей в какой-либо общественно-политической активности на протяжении времени в соотношении с возможностями участия, которые выражаются в отражении возможного количества действий, которые может совершить пользователь в рамках всего периода акции.

Для анализа данного показателя необходимо выделить его количественные характеристики. С этой целью был проведен опрос экспертов (сотрудники органов государственной власти и СМИ, представители научного сообщества, гражданские активисты). В результате были выделены следующие показатели вовлеченности: лайки, репосты, комментарии, публикации с тематическим хэштегом, просмотры, подписки.

Для систематизации количественных характеристик вовлеченности был создан авторский индекс вовлеченности пользователей социальных сетей в протестную активность. Индекс вовлеченности подписчиков социальных сетей — производная количественных показателей и экспертных оценок, используемая для определения уровня вовлечения в какие-либо акции и кампании подписчиков социальных сетей на основе их активности, выраженной в лайках, репостах, комментариях, просмотрах, публикациях с тематическим хэштегом и общем количестве подписчиков на официальной странице кампании или инициатора активности за определенный период времени.

Формула индекса вовлеченности подписчиков социальной сети в общественно-политическую активность имеет следующий вид:

$$W = \frac{+Ce + X + He}{P + Fe} / t$$

В результате мы получаем уровень вовлеченности в общественно-политическую активность в числовом выражении. Данное число отражает количество подписчиков, так или иначе мотивированных к активности в рамках какой-либо акции или кампании. Чем данное число больше, тем активнее в изучаемый период времени действовали подписчики.

Понимание уровня вовлеченности пользователей социальных сетей в протестную активность позволяет делать выводы как о состоянии общественно-политической обстановки в виртуальном пространстве социальных сетей, так и о степени активности общественно-политических акторов по вовлечению пользователей социальных сетей в какую-либо активность.

Проведённые исследования ряда протестных кампаний позволили апробировать данный индекс и выделить особенности процесса и вовлечения граждан в каждой из них.

¹⁰⁷⁰ GUFO.me // URL: <https://gufo.me/search?term=%D0%B2%D0%BE%D0%B2%D0%BB%D0%B5%D0%BA%D0%B0%D1%82%D1%8C> (дата обращения: 10.09.2019).

¹⁰⁷¹ Кузин О.Ю. Демократия и политическое вовлечение граждан // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. 2010. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/demokratiya-i-politicheskoe-vovlechenie-grazhdan> (дата обращения: 10.09.2019).

ДВУХЯДЕРНАЯ АРХИТЕКТУРА ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ: ОПЫТ И ПЕРСПЕКТИВЫ ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ

Опыт постсоветских преобразований дал наглядный пример качественной трансформации всей системы государственного управления, унаследовавшей от предшествующего этапа характерный опыт организации политического порядка. В частности, одной из наиболее существенных традиций в этой сфере можно считать влияние на структуры власти референтных групп, члены которых обменивались социально значимыми ресурсами и информацией при принятии политических решений¹⁰⁷². Влияние скрытых от глаз общества подобных ассоциаций правящего класса (обладающих более высокой мотивацией, нежели исполняющая служебные функции госбюрократия) является универсальной чертой любого политического порядка, в том числе и республиканского типа. Однако при советской власти эти политико-административные сети правящего класса обладали особым позиционированием, отражающим не только их способность определять политическую повестку «за кулисами» публичной власти¹⁰⁷³, распределять ключевые общественные ресурсы, но даже использовать инструменты физического устранения своих конкурентов¹⁰⁷⁴.

В 1990-е годы эти теневые и полутеневые процессы были поддержаны активностью других сетевых коалиций, формировавшихся «ранними победителями» коммунизма, внедрившими новые механизмы коммуникации власти и (в том числе и теневого) бизнеса (например, включение представителей власти в советы директоров крупных компаний, имеющих долю госсобственности; организацию залоговых аукционов и уполномоченных банков; приватное проведение приватизационных и инвестиционных конкурсов; ваучеризацию и организацию государственных корпораций и т. д.). В результате образовались мощные референтные сообщества, получившие доступ к высшим рычагам государственного управления. Не помогла и «вертикализация власти», в начале нулевых лишь сменившая людей на верхних этажах взаимодействия власти и бизнеса, занявших позиции отторгнутых правящим режимом нелояльных предпринимателей. Как справедливо пишет С. Барсукова, в государстве институализировалось «великое слово «свои»», которое стало последовательно изживать профессиональные и демократические критерии организации власти и государственного управления¹⁰⁷⁵.

Возникшая под влиянием латентных игроков капиллярная система отправления власти привела к сетевой колонизации всей системы государственного управления, что спровоцировало вынесение фактических центров принятия решений за рамки государственной иерархии. В итоге вновь выявленные «узлы решений» не только отодвинули публичные институты от принятия ключевых решений, влияющих на направления развития общества, но и способствовали практическому уничтожению политической конкуренции, превратив выборы в переназначение аффилированных с ними лиц, а судебный контроль и силовые структуры в форму защиты финансово-экономических предпочтений сетевых бенефициаров.

В настоящее время в государстве сформировался устойчивый кластер сетевых коммуникаций лиц и микрогруппировок, получивших фактическую возможность использования официальных структур и механизмов управления в своих интересах. Сочетая легитимные и нелегитимные практики целеполагания, сетевые игроки сформировали второе ядро государственного управления, действующее параллельно с законодательно закрепленными институтами, но играющее первостепенную роль в формировании планов правительства и государственной политики в целом.

Учитывая сложившийся дизайн отправления власти, представляется, что данная топология государственного управления, будучи защищена практиками «переназначения» депутатов, патронажными методами кадрового рекрутинга, политизированным правосудием и активным давлением на общество со стороны силовых и пропагандистских структур, в краткосрочной перспективе сохранит свою ведущую роль в отпадении власти. Предпринимаемые властями в настоящее время шаги (прощупывание реакции общества относительно перехода к парламентским формам правления, активизация интеграционных связей с Белоруссией и др.) показывают, что сетевые коалиции правящего класса пытаются найти новые организационные формы закрепления сложившейся модели власти. Следует констатировать, что устранить сетевой формат разработки государственной политики в настоящее время практически невозможно. Более того, если в обозримом будущем страна

¹⁰⁷² Richardson J. J., Jordan A. G. *Governing Under Pressure*. Oxford, UK: Martin, 1979.

¹⁰⁷³ Cairney P., Zahariadis N. Multiple streams approach: a flexible metaphor presents an opportunity to operationalize agenda setting processes // *Handbook of Public Policy Agenda Setting* / N. Zahariadis (ed.). Department of International Studies, Rhodes College, USA, 2016.

¹⁰⁷⁴ К примеру, даже в 1980-е годы под их влиянием открывались сотни крупных предприятий и банков, оперировавших партийными финансами, являвшихся источниками латентного предпринимательства в пред- и постперестроечный периоды.

¹⁰⁷⁵ Барсукова С. Ю. Эссе о неформальной экономике или 16 оттенков серого. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2015. С. 152.

не сможет провести подлинные демократические реформы политической системы, то наиболее вероятной перспективой ее развития станет превращение второго ядра государственного управления в полноценное параллельное государство, которое окончательно лишится свойств гражданского антрепренера, вытеснив принципы демократии из политической истории общества.

Сонина Е. О. (Екатеринбург, Уральский институт управления — филиал РАНХиГС при Президенте РФ)

ОЦЕНКА ПЕРСПЕКТИВ РЕАЛИЗАЦИИ НАЦИОНАЛЬНЫХ ПРОЕКТОВ С ПОЗИЦИИ ТЕОРИИ РЕФОРМ

Очередной этап масштабных реформ в современной России связан с попыткой определения их целей и задач через национальные проекты, приоритетные программы и проекты. Предполагается, что за крайне короткий срок (до 2024 года) можно будет коренным образом модернизировать сферы, которые имеют национальное значение, то есть от успешного развития которых в первую очередь зависят развитие и государства, и общества. Таких сфер на сегодня определено тринадцать, большая часть из них касается социальной и экономической сферы.

Важно отметить, что попытка реализации масштабных реформ через национальные проекты и определение национальных «сферприоритетных» сфер уже не первая в современной истории России: в 2005 году были подготовлены четыре приоритетные национальные проекта, а в мае 2012 года — и изданы Указы Президента Российской Федерации, определившие приоритеты по обеспечению развития десяти сфер.

С позиций теории реформ (Д. Норт, Дж. Стиглиц, В. Полтерович, А. Аузан) подобный подход к реализации реформ допустим, но для его успешной реализации важно учитывать несколько обстоятельств.

Прежде всего, большие государственные проекты и масштабные реформы всегда связаны с перераспределением ренты и порождают конфликты между крупными ее «соискателями». Отсюда возникает эффект неправильного институционального выбора (эффект колей или QWERTY-эффект), когда новые институты могут оказаться не эффективными, но от них не отказываются, так как их сохранение выгодно отдельным группам интересов.

Во-вторых, для предупреждения эффекта неправильного институционального выбора сложные реформы должны быть разбиты на несколько этапов с обязательной независимой экспертной оценкой и четкой стратегией реформ. При масштабном реформировании наиболее гибкой и минимальной по издержкам является стратегия промежуточных институтов.

В-третьих, для сокращения числа конфликтующих «соискателей ренты» от реформ и предупреждения отклонений из-за этого от целей реформ крайне важна мотивация на их реализацию всех: и исполнителей, и населения как конечного адресата реализуемых преобразований.

Наконец, при реализации крупных государственных проектов роль государства увеличивается. Это связано с тем, что на определенном этапе реформ неизбежно возникает момент, когда старые правила уже отменены, а новые еще не начали действовать и здесь государство оказывается главным институтом, страхующим, в том числе, от возможных негативных социальных эффектов, которые могут возникнуть на фоне неизбежного усиления процессов поиска ренты новыми соискателями. Поэтому в условиях реформ качество государственного управления напрямую влияет на темпы экономического роста, политическую и социальную стабильность. И именно поэтому же реформа государственного управления является одной из обязательных составляющих крупных государственных преобразований.

Не оспаривая значимость целей реализуемых сейчас национальных проектов и приоритетных программ, с позиций теории реформ можно выявить несколько «нестыковок», заложенных в механизме их реализации.

В первую очередь, если говорить о ренте, то сумма ее очень высока — общая стоимость 13 национальных проектов (если анализировать федеральные программы по их реализации) составляет 20,8 трлн руб., из которых 13 трлн руб. должен дать федеральный бюджет, а остальную — региональные бюджеты и «внебюджетные» источники. При этом в силу, в первую очередь, коротких сроков подготовки национальных проектов и федеральных проектов (всего семь с половиной месяцев с момента издания Указа Президента Российской Федерации) заявленные в них мероприятия не проходили должной оценки и обсуждения ни с экспертным сообществом, ни с населением, на повышение качества жизни которого они, прежде всего, ориентированы.

Во-вторых, реализация национальных проектов проходит с минимальным информационным освещением и даже вернее сказать, в условиях информационной закрытости. Подобный подход приводит к крайне скептическому отношению к ним со стороны населения, что подтверждается исследованиям «Национальные проек-

ты: ожидания россиян» Аналитического центра НАФИ по заказу Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации, проведенным в мае-июне 2019 года. Согласно его данным только 44 процентов россиян слышали о национальных проектах и всего лишь 7 процентов россиян понимают механизм их реализации. Это приводит к тому, что фактически нет никакого общественного контроля за их реализацией, а во-вторых, нет мотивации на соучастие в их исполнение со стороны населения при том что часть затрат (за счет повышения пенсионного возраста, повышения НДС и т. д.) уже перекладывается на население.

В-третьих, нет очевидного механизма преемственности между подготовленными в конце 2018 года паспортами национальных проектов и разработанными в конце 2016 года приоритетными программами — при том что они касаются, по сути, реформ одних и тех же сфер и должны быть направлены на одни и те же цели. Также во всех программных документах нет прописанной стратегии реформ. Исходя из сроков их реализации (шесть лет) и заявленных целей — это стратегия шоковой терапии, но она слишком рискованная с точки зрения задач по повышению качества жизни населения.

Наконец, начиная с 2003 года, в качестве одного из приоритетных направлений государственных преобразований неизменно заявлялась административная реформа. В числе таковых было определено реформирование государственного управления и в 2012 году. В текущей версии национальных приоритетных направлений преобразований системы государственного управления нет, либо оно сведено к реформированию контрольно-надзорной деятельности и/или совершенствованию подходов к государственной гражданской службе, что, безусловно, по своему смыслу совершенно не означает выбор какой-то новой комплексной модели государственного управления.

Сосунов Д. В. (Воронеж, ВГУ)

ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТРАНСФОРМАЦИИ ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКОЙ ПОВЕСТКИ ДНЯ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ¹⁰⁷⁶

В современной России, как и в мире в целом, происходит усложнение общественно-политической жизни, связанное с повышением свободы распространения информации, активизацией гражданской активности населения и с увеличением числа субъектов политики. В этой ситуации особую роль в ходе принятия важнейших государственных решений в стране начинает играть процесс формирования и трансформации внутриполитической повестки дня России.

В политической науке существуют разные подходы к определению понятия «повестка дня» («agenda»). В частности, как указывает политолог Е. Б. Шестопап, «повестка дня связывается с теми идеями, целями и ценностями, которые власть (и прежде всего исполнительная) кладёт в основу своей текущей политики. Иногда под повесткой дня понимаются «скрытые мотивы, лежащие в основе проводимой политики»¹⁰⁷⁷. Однако необходимо понимать, что повестка дня является важным инструментом для формирования новых стандартов поведения, идеалов и «правил игры» в политической системе общества. В данной работе мы постараемся рассмотреть основные, по нашему мнению, проблемы трансформации современной внутриполитической повестки дня России.

Во-первых, доминирование официальной точки зрения в публичном дискурсе не позволяет появлению взвешенных, альтернативных вариантов для включения в топ-список приоритетных политических вопросов. Выстроенная вертикаль власти, моноцентризм и атмосфера зависимости региональных политических субъектов от Центра задают условия только для транслирования идей федеральной власти без их осмысления, рефлексии и критического анализа.

Во-вторых, в процессе трансформации повестки дня наблюдается смещение внутриполитической тематики России в сторону международной сферы. Например, на протяжении последних лет официальные СМИ неизменно достаточно подробно освещают гражданскую войну в Сирии. В центре внимания постоянно находится социально-политическая ситуация в Украине, а также внешняя политика наших западных партнеров и разнообразные международные проблемы, не касающиеся напрямую простых граждан России.

В-третьих, происходит постепенное формирование альтернативной внутриполитической повестки дня в России. Сегодня можно говорить о существовании практически двух параллельных миров: официальные СМИ и интернет-сфера. Особую роль в этом процессе занимают социальные сети, в которых присутствует

¹⁰⁷⁶ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ и АНО ЭИСИ (проект №19-011-31293 «Внутриполитическая повестка дня как фактор единства современной России»).

¹⁰⁷⁷ Шестопап Е. Б. Политическая повестка дня российской власти и её восприятие гражданами. — Полис. Политические исследования. — 2011. — № 2. — С. 8.

интерактивность и высокая оперативность распространения информации. Понимая значимость данной сферы, федеральная власть обратила пристальное внимание на вопрос регулирования интернета и работе с различными социальными сетями. В частности, известный Институт развития интернета (ИРИ) будет проводить обучение региональных властей работе в соцсетях. Кроме того, постепенно внедряется программа «Инцидент-менеджмент», способная достаточно эффективно проводить мониторинг «болевых точек» в социальных медиа и оперативно реагировать на критику и негативные сообщения.

В-четвертых, существует проблема интерпретации и манипуляции политической информации, а также активное распространение фейковых сообщений. В социально-политической системе роль интерпретатора окружающей действительности выполняют средства массовой информации. СМИ воспроизводят политическую действительность в виде определенного набора образов и символов, что упрощает восприятие целевой аудиторией. Политические элиты используют официальные СМИ, пресс-службы органов власти для транслирования собственной «картины мира» и формирования общественного мнения. Зачастую властные структуры осуществляют разного рода «утечки», дозируют информацию, ранжируют ее, а иногда откровенно манипулируют в соответствии с официальной точкой зрения.

В-пятых, проблема взаимодействия власти и общества в процессе трансформации внутривластной повестки дня и обсуждения стратегии развития страны. Как отмечает А.И. Соловьев, «пытаясь отстоять свои интересы, граждане апеллируют к официальным нормам и институтам, которые зачастую не имеют отношения к фактически принимаемым решениям, инициируемым сетевыми коалициями, использующими формальные институты в качестве официального прикрытия своих действий»¹⁰⁷⁸.

Софронов П. А. (Якутск, СВФУ им. М.К. Аммосова)

ПРОЦЕССЫ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО ВОСПРОИЗВОДСТВА КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА В РЕСПУБЛИКЕ САХА (ЯКУТИЯ)

Анализ структуры населения коренных малочисленных народов по полу позволил выявить ряд особенностей. За выделенный период соотношение мужчин и женщин у этих народов не претерпело резких изменений. По итогам переписи 2002 г., на каждые 100 мужчин эвенков приходится 98 женщин (в 1989 г. — 100), эвенов — 153 (в 1989 г. — 148), долган — 123 (в 1989 г. — 111), юкагиров — 107 (в 1989 г. — 109). Эти данные свидетельствуют о том, что потенциальные возможности этнического воспроизводства населения у коренных малочисленных народов, как и в прежние годы, остаются незначительными и в обозримом будущем могут привести к серьезным демографическим последствиям. К тому же за период между переписями обозначилась тенденция к увеличению числа женщин в городских поселениях у всех коренных малочисленных этносов. Эти показатели резко отличаются от аналогичных среднестатистических данных по Российской Федерации, Дальневосточному федеральному округу и Республике Саха (Якутия), где в последние десятилетия прослеживается характерная для развитых стран тенденция демографического старения населения (средний возраст жителя России — 37 лет, Дальневосточного региона — 34 г., Якутии — 30 лет). Установленный по итогам двух последних переписей низкий уровень демографической нагрузки людьми старше трудоспособного возраста у коренных малочисленных народов можно оценить как благоприятный фактор, способствующий дальнейшему демографическому развитию этих народов.¹⁰⁷⁹

Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова, начиная с 2011 года, совместно с Центром стратегических исследований и разработок Сибирского федерального университета проводит форсайт-исследование, общей целью которого является построение прогноза, сценариев развития Республики Саха (Якутия) в перспективе до 2050 года.

В рамках форсайт исследования был проведен комплексный социологический опрос группой социологов университета в 16 районах из 34 Республики Саха (Якутия) с 5 по 10 октября 2011 года. Цель данного исследования — выявление рефлексии представителей народа саха и коренных малочисленных народов Севера по основным демографическим, семейным, репродуктивным, культурологическим, социолингвистическим, социопрофессиональным и социально-психологическим аспектам развития якутского социума в начале XXI века.

¹⁰⁷⁸ Соловьев А.И. Политическая повестка правительства, или зачем государству общество. — Полис. Политические исследования. — 2019. — №4. — С. 8.

¹⁰⁷⁹ Т.Е. Бурцева, Т.Е. Уварова, Н.В. Махарова, М.И. Томский. Динамика современных демографических и медико-демографических процессов у коренных малочисленных народов Севера Республики Саха (Якутия). Общественное здоровье. http://www.fesmu.ru/SITE/files/editor/file/dmj/2008/200802/200802_41.pdf

Применялась многоступенчатая типологическая квотная стратификационная выборка. На первом этапе составления выборочной совокупности использовалась методика типологического отбора районов, учитывался критерий национального состава населения района. В выборку были отобраны четыре типа районов: мононациональные, якутские, в которых исторически проживают 80–100% представителей народа саха-русскоязычные территории, на которых сосредоточены в основном представители славян-смешанные по национальному составу районы и арктические, в которых живут и трудятся коренные малочисленные народы Севера, а также саха и русские.

Итоги Всероссийской переписи 2010 г. демонстрируют, что Республика Саха (Якутия) не сохранила статус региона с миллионным населением. Общая численность населения Республики Саха (Якутия) составила 958,3 тыс. человек. Удельный вес городского населения — 614,4 тыс. человек, сельского — 343,9 тыс. человек. Одной из особенностей Республики Саха (Якутия) является исторически сложившийся большой удельный вес сельского населения в общем числе жителей (37% при среднем в других северных регионах России — 8%).

Основной тенденцией современного демографического развития в Республике Саха (Якутия) является стабилизация численности населения практически на одном уровне с некоторыми колебаниями в отдельные годы. Она сменила сокращение численности, которое отмечалось на протяжении последних десятилетий с 1991 г. этого был миграционный фактор. Только в 2014 году соотношение несколько изменилось: естественный прирост (8835 чел.) стал превышать по абсолютному значению миграционную убыль (–6708 чел.). В естественном движении основными тенденциями остаются сохранение высокой рождаемости и в то же время высокой смертности населения.

В настоящее время насчитываются десятки законодательных актов федерального уровня, имеющих прямое или косвенное отношение к коренным малочисленным народам. Первый же общероссийский закон, касающийся прав малочисленных народов, появился только в 1999 г., преодолев многолетние препоны при его обсуждении.¹⁰⁸⁰

Данные о естественном воспроизводстве коренного населения можно было получить на основании государственного учета о естественном движении, который осуществлялся ежегодно до 2010 года только по районам проживания в сельской местности. Но, учитывая общую динамику численности коренных малочисленных народов Севера и естественное движение, можно оценить изменение в их воспроизводстве на примере отдельных наиболее крупных народов. В целом для коренных малочисленных народов за период 1996–2008 гг. естественный прирост был положительным. Его обусловили относительно высокий уровень рождаемости и относительно невысокий уровень смертности, хотя эти показатели значительно дифференцированы у отдельных народов.

Стемасова В. Ю. (Волгоград, ВолгГУ)

ИНТЕРНЕТ-ПРОСТРАНСТВО КАК ФОРМА ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

В современном мире все сферы общественной жизни буквально «пронизаны» информатизацией. В данном контексте, политика не является исключением, что подтверждается появлением таких терминов как «сетевая политика», «политический интернет», «киберполитика», «цифровая демократия», «электронное правительство» и др.¹⁰⁸¹ Следовательно, научный интерес к исследованию Интернет-коммуникации обоснован протекающими в России процессами модернизации и информатизации. Актуальность исследования политической коммуникации в Интернет-пространстве также обуславливается открытостью и доступностью основной политической информации о деятельности государственных органов власти. Согласно ФЗ № 7 Доступ к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления может обеспечиваться посредством размещения государственными органами и органами местного самоуправления информации о своей деятельности в сети Интернет¹⁰⁸².

Кроме того, согласно результатам опроса аналитического центра «Юрия Левады» — «около 72% населения пользуется Интернетом «ежедневно, практически ежедневно» и «несколько раз в неделю». Около 45% гражд-

¹⁰⁸⁰ Коренные народы российской Арктики: доклад академика В. А. Тишкова, д-ра истор. наук Н. И. Новиковой, канд. истор. наук Е. А. Пивновой // Вестник РАН. 2015. Т. 85. № 5–6. С. 491–500.

¹⁰⁸¹ Морозова О. Н. Политическая интернет-коммуникация: ее роль, функции и роли // Политическая лингвистика. № 1. 2011. С. 156.

¹⁰⁸² Федеральный закон № 7 «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» от 21.01.2009 г. (ред. 28.12.2017 г.). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_84602/3a64007dd7a87c4b8f7fdd55e21a43d928c144c3/ (дата обращения: 08.09.2019 г.).

дан выходят в Интернет «несколько раз в день»¹⁰⁸³. Представленные данные актуализируют в научном дискурсе проблематику исследования Интернет-пространства современной России. Необходимость политической коммуникации в Интернет-пространстве обуславливается также и высоким процентом населения, считающие социальные сети (34%) и Интернет — издания (32%) приоритетными источниками получения информации¹⁰⁸⁴.

Политическая коммуникация в сети Интернет позволяет не только распространять информацию, но и осуществлять обратную связь между акторами политического процесса посредством диалогов, лайков, просмотров и репостов записей. Акцентируя внимание на предвыборной политической коммуникации, необходимо отметить тот факт, что Интернет-коммуникация позволяет кандидатам «конвертировать» своих интернет-сторонников в реальные голоса на выборах или реальное количество людей, поддерживающих их¹⁰⁸⁵. В данной связи необходимо уточнить также и материалы официальных сайтов политических партий РФ, где размещена основная информация о деятельности, целях, программе, ценностях и т. д. политической организации. Данный факт отсылает нас к односторонней коммуникации (политической агитации) в Интернет-пространстве.

Таким образом, можно сделать вывод, что в современном российском информационном обществе граждане абстрагируются от прямого взаимодействия и коммуникации, в том числе и в политической сфере. Политическая составляющая Интернет-пространства трансформировалась в основной источник получения информации о происходящих политических процессах и событиях. Основную информацию о заявлениях, предложениях, решениях, действиях и т. д. действующего главы государства вполне легко можно получить непосредственно на официальном сайте Президента РФ. Аналогичная ситуация представляется и с иными органами государственной власти РФ. Кроме того, социальные сети и присущие им компоненты (форумы, чаты, блоги и т. д.) позволяют многочисленной аудитории организовывать дискуссии, получать и отправлять информацию, самоорганизовываться в режиме онлайн. Кроме того, в данном контексте целесообразно сделать вывод о доступности и востребованности осуществления политической коммуникации, то есть обмена политической информацией в сети Интернет. Следовательно, Интернет-пространство выступает актуальным источником получения информации, а также, взаимообмена, что непосредственно отсылает нас к политической коммуникации в сети Интернет.

Степанов А. И. (Пермь, ПГНИУ)

ПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРИНЦИПОВ ОТКРЫТОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА В РФ 2012–2019

Принципы «открытого правительства» эволюционно реализуются уже многие столетия, набрав небывалый оборот во второй половине XX века, они дошли до институционального обрамления в начале 90-х годов. 2010 и 2011 годы можно считать пиком популярности программ открытого правительства во всем мире, в то время начались и общемировые программы, выходящие за рамки национальных государств.

Во времена своей наибольшей популярности, институциональный старт «открытого правительства» был предложен Президентом РФ в октябре 2011 года, однако, в то время проекту не придали особого значения, посчитав излишним. В результате чего он был отложен в дальней ящик «до востребования». Которое, при этом, произошло довольно скоро, в декабре того же года начался небывалый со времен 90-х годов кризис политической системы, поставивший под угрозу само ее существование в привычном виде электорального авторитаризма. Правительство, в связи с этими событиями, решилось пойти на уступки и начать либеральную коррекцию политической системы.

Как раз роль одного из элементов этой коррекции и получил концепт открытого правительства. Таким образом, среди основных причин начала программы в России можно выделить общемировую тенденцию, популярность открытого правительства в то время, и начавшийся политический кризис, вынудивший элиты пойти на уступки.

Однако реализация проекта происходила уже в иной временной отрезок при ином политическом курсе. Вскоре, после избрания Путина в очередной раз Президентом РФ, шаги в либерализации политического курса сошли на нет. Начался обратный процесс, сопровождавшийся решительным использованием репрессивных мер, идеологизацией политического режима, принятием многих законопроектов, ограничивающих свободу

¹⁰⁸³ Аналитический центр «Юрия Левады». Четверть россиян потеряли доверие к телевидению за десять лет от 01.08.2019 г. URL: <https://www.levada.ru/2019/08/01/chetvert-rossiyan-poteryali-doverie-k-televideniyu-za-desyat-let/> (дата обращения: 08.09.2019 г.).

¹⁰⁸⁴ Аналитический центр «Юрия Левады». Российский медиа-ландшафт 2019 от 1.08.2019 г. URL: <https://www.levada.ru/2019/08/01/21088/> (дата обращения: 09.09.2019 г.).

¹⁰⁸⁵ Танцура М. С. Сравнительный анализ использования интернет-технологий для политической агитации в России в избирательных циклах 2011 и 2016 гг. / М. С. Танцура, Р. А. Гриценко, Д. Д. Прокопчук // Общество: политика, экономика, право. № 1. 2018. С. 14.

слова и действия оппозиции. Именно при таких условиях вынуждены были работать органы по реализации концепта открытого правительства в РФ. Что не могло не сказаться на его качестве. Проект был фактически забыт федеральной элитой и собственным министром «без портфеля» Абызовым М. А. Структурно он был разделен на пять основных органов. По итогу, реализацией почти в одиночку занимался только один, «Экспертный совет при Правительстве РФ», состоящий преимущественно из энтузиастов, работавших на безвозмездной основе.

При этом нельзя обойти стороной и не подчеркнуть то, чего им удалось достичь:

С нуля создано множество ресурсов самой разной направленности. На них публикуются государственные данные, отчеты, стенограммы, протоколы, планы и многое другое. В них же встроены механизмы для взаимодействия власти и общества.

Сегодня ведутся действия по повышению уровня политической грамотности граждан, за счет открытых данных, доступных для анализа и продвижению программы по объяснениям политических процессов.

Уровень грамотности стремятся повысить и в самих государственных органах. Для которых разработаны множество программ повышения квалификации и организована система, предполагающая многократные консультации с экспертным сообществом по любым вопросам.

Тем не менее, проблем у деятельности исполнительных органов было и остается предостаточно. Не стоит забывать, что концепт открытого правительства родился в условиях политической нестабильности и при этом предполагал значительное изменение политической системы. Однако последняя кардинально измениться, в силу множества причин, не в состоянии. Кроме этого, можно предположить об отсутствии хоть какого-либо интереса к проекту со стороны политической элиты. Создав, она не пыталась противодействовать его деятельности, но и помогать не собиралась, обделив даже бюджетными средствами.

В результате подобных политических обстоятельств, основные принципы открытого правительства, по сути, сегодня не могут быть реализованы, им попросту институционально перекрыты пути. Расширение взаимодействия между властью и обществом технически реализовано, но не имеет смысла, т.к. требования последнего, теперь хоть и могут дойти до адресата, но не получают необходимой поддержки, а зачастую прямо игнорируются. Открытость деятельности и имущества государственных служащих пусть и присутствует, но не способна оказать хоть какое-нибудь влияние, из-за того что до сих пор не созданы механизмы реакции властей на заявляемые в этом поле правонарушения. В штатном режиме работают механизмы предоставления государственных данных населению, однако, с учетом вышеперечисленных проблем, значительно занижается ценность этих данных, поскольку их применение весомо урезано. По факту, правом доступа к новым данным регулярно пользуются лишь исследователи и некоторые журналисты, для основной массы населения они ничего не значат.

Все эти барьеры способствовали и «тупикам» по другим направлениям открытого правительства, таким как отсутствие роста легитимности правящих элит, безрезультатности в борьбе с коррупцией, привлечению инвестиций и многих других.

Уровень реализации принципов открытого правительства, как видно, достиг максимума при существующей системе. Последняя, вероятно, не заинтересована в расширении политического участия граждан, росте плюрализма мнений, необходимости их учета и подконтрольности обществу. Подобная позиция ведет к совершенно неоднозначным и малозаметным политическим эффектам в ходе попыток Экспертного совета сделать хоть что-нибудь в этом направлении. И, чтобы у открытого правительства была возможность продвинуться дальше, эта система, судя по всему, должна измениться. А на сегодняшний день мы способны увидеть лишь созданную инфраструктуру с открытыми данными, применение которых весьма ограничено, и не рабочими общественными рычагами государственного управления. Подобное положение вещей способно скорее разочевить заинтересованных граждан, чем помочь им в совершении политических действий.

С момента закрытия официальной программы в 2018 году, по многим ее направлениям можно констатировать снижение показателей. Особенно это касается открытых данных и инфраструктуры.

Столетов О. В. (Москва, МГУ им. М. В. Ломоносова)

ТЕНДЕНЦИИ ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗАЦИИ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ МИРОВОЙ ПОЛИТИКЕ

Развитие интернационализации высшего образования в современной мировой политике связано с воздействием таких системных факторов, как эскалация международной экономической и технологической конкуренции, а также ускорение глобальных демографических изменений, затрагивающих как развитые, так и раз-

вивающиеся страны. Увеличение численности населения в развивающихся странах в сочетании с повышением уровня благосостояния их граждан обуславливают рост спроса на получение высшего образования, стимулируют дальнейшую коммерциализацию международного образовательного рынка и увеличение его объема.

Ключевым трендом интернационализации высшего образования сегодня становится *рост международной конкуренции за человеческие ресурсы*. Несмотря на то, что лидирующие позиции на экспортном рынке высшего образования продолжают сохранять США, на третье место в мире по числу привлеченных иностранных студентов вышел их стратегический конкурент — Китай. Экономический драйвер Евросоюза — Германия смогла, оттеснив Францию, занять первое место в мире среди неанглоязычных стран по числу привлеченных иностранных студентов и превратиться в значимого соперника для Великобритании. Несмотря на санкции США и их союзников, в последние годы существенно укрепила позиции на международном образовательном рынке Россия. Заявленная российским руководством цель, предусматривающая увеличение численности иностранных студентов, обучающихся в российских вузах, с 241 тыс. человек в 2019 году до 425 тыс. человек к 2024 году, сопоставима с планами ведущих стран ЕС и Китая¹⁰⁸⁶.

Политико-экономическая макрорегионализация формирует *тенденцию развития макрорегиональных образовательных связей*. В рамках этого тренда все большее количество студентов стремится получать высшее образование внутри своего макрорегиона, либо в странах соседнего макрорегиона. Ведущие региональные государства заинтересованы использовать эту возможность и стремятся сформировать адекватное предложение. На американском континенте таким лидером являются США, в Азии — КНР¹⁰⁸⁷. На Ближнем Востоке существует несколько значимых образовательных центров, в частности, Турция, Саудовская Аравия, ОАЭ, Иордания, Иран. Африка переживает переходный период, при котором привлекательность ЮАР в качестве образовательного хаба постепенно снижается, однако роль образовательных систем других стран континента, обладающих определенным потенциалом, еще недостаточно велика¹⁰⁸⁸. Следствием этого становится возрастающая международная конкуренция за перспективный рынок африканских студентов со стороны ведущих государств ряда соседних макрорегионов.

Тренд *трансрегионализации высшего образования* поддерживает Европейский Союз. Благодаря инициированию Болонского процесса ЕС удалось сформировать единое Европейское пространство высшего образования (ЕПВО), позволяющее привлекать больше иностранных студентов из государств Евразии, не входящих в данное международное объединение. Вопросы трансрегионального сотрудничества в сфере высшего образования находятся в повестке Болонского политического форума. Между ЕС и АСЕАН реализуется перспективный диалог по вопросам взаимодействия ЕПВО и формирующегося общего пространства в сфере высшего образования АСЕАН¹⁰⁸⁹.

«Торговая война» США и Китая порождает тренд *политизации международных образовательных контактов*. США с 2018 года проводят в отношении Китая политику «образовательных санкций», ограничивающую возможности для Институтов Конфуция работать в США, а для китайских студентов и аспирантов — получать визы и обучаться в американских университетах. Принимаемые Соединенными Штатами решения могут трактоваться как сигнал их международным партнерам, призывающий активнее реагировать на глобальную китайскую образовательную экспансию. В изменяющихся международно-политических условиях вероятно ожидать от Китая дальнейшей переориентации своих международных студентов на рынки высшего образования государств Европы и стран, ориентированных на участие в китайской инициативе «Один пояс — один путь», а также интенсификации развития его собственного рынка образовательных услуг.

Стребков А. И., Алейников А. В., Газимагомедов Г. Г. (Санкт-Петербург, СПбГУ)

ЭКСТРЕМИЗМ КАК КОНФЛИКТ¹⁰⁹⁰

Правовое определение экстремизма представлено в ФЗ от 25.07.2001 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности». Целью закона является защита прав и свобод человека и гражданина, основ кон-

¹⁰⁸⁶ Альтбах Ф. Дж. Глобальные перспективы высшего образования. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2018. 548 с.

¹⁰⁸⁷ Чубаров И. Г., Калашников Д. Б. «Один пояс — один путь»: глобализация по-китайски // Мировая экономика и международные отношения. 2018. Т. 62. № 1. С. 25–33.

¹⁰⁸⁸ South Africa remains an important regional hub for education // ICEF Monitor, 13.05.2017. URL: <https://monitor.icef.com/2017/03/south-africa-remains-important-regional-hub-education/> (дата обращения: 27.08.2019).

¹⁰⁸⁹ Dang Q. A. The Bologna Process Goes East? from «Third Countries» to Prioritizing Inter-regional Cooperation Between the ASEAN and EU // The European Higher Education Area. Springer. 2015. P. 763–783. URL: https://link.springer.com/content/pdf/10.1007%2F978-3-319-20877-0_47.pdf (дата обращения: 16.08.2019).

¹⁰⁹⁰ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и АНО ЭИСИ в рамках научного проекта № 19-011-31376\19

ституционного строя, обеспечение целостности и безопасности РФ. Законом определяются правовые и организационные основы противодействия экстремизму или экстремистской деятельности, устанавливается ответственность за ее осуществление. В статье 1 даются основные понятия, главным из которых является понятие «экстремистская деятельность» или «экстремизм».

Предложив достаточно обширное определение экстремизма в ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности», государство ставит предел, за которым в действительности существуют различные формы отклонений от средних характеристик существующего общества, к которым необходимо отнести формы, где насилие используется не только с целью разрушения прав и свобод человека и гражданина, но и с целью уничтожения предпосылок самого государства. Поэтому, понимая под экстремизмом не только то, что он покушается на жизнь человека, на реализацию его прав и свобод, но и на целостность государства, его национальную безопасность и конституционные основы, этот экстремизм необходимо разделить – экстремизм экстремизму рознь.

Государство, будучи зачастую само продуктом экстремизма (разрушение целостности, безопасности и конституционных основ), сохраняет в самом себе в потенции экстремизм, провоцируя постановочные революции с целью свержения существующих режимов и установления их экономической и политической лояльности. Данный экстремизм, который свойственен не отдельным лицам, пропагандирующим социальную и иную рознь, не отдельным общественным и религиозным объединениям, не национал-социалистической партии Германии и фашистской партии Италии (как представлено в упоминаемом законе), а государствам, которые внутри себя сотканы из противоречий, разрешающихся через различные формы насилия, через экстремальные формы в отношении своих сограждан и граждан других государств.

Государство само экстремально в защите своих интересов. Разве сегодняшняя Испания как целостность не экстремальна в отношении Каталонии, пытающейся самоопределиваться? Разве не экстремальна Украина в отношении самоопределяющихся ДНР и ЛНР? Экстремизм, если его понимать как некоторую насильственную деятельность по изменению целостности государства и его безопасности, исключая права человека, которые самим государством всякий раз нарушаются и тем не дают достоверного основания говорить об официальном противодействии экстремизму как о форме защиты прав и свобод человека и гражданина, есть оборотная сторона современной закономерности, являющейся в государстве, которое выступая посредником между разнородными социальными интересами, делает преступным интерес, положенный в экстремальных действиях. Государство внутри самого себя порождает экстремизм, с которым «успешно» борется, но который вновь оживает и вновь требует борьбы.

Государственная и политическая формы бытия современного человека, которые не мыслимы отдельно от постоянной борьбы за властные преференции, не мыслимы отдельно от экстремизма, ибо борьбы без экстремизма не бывает, тогда как экстремизм бывает отдельно от борьбы. О таком, постановочном, отделенном от борьбы экстремизме и идет речь в ФЗ. Однако борьба не может быть урегулирована законом, т. к. в ней сталкиваются не только различные интересы, но и различное право.

Реакционность экстремизма налицо. Будучи продуктом социальных и иных различий и противоречий, он эти различия не снимает, а противоречия не разрешает, толкая государство к все большим и большим запретам и ограничениям. А всякие ограничения и запреты не способствуют разрешению накапливаемых противоречий, они лишь аккумулируют социальные и иные напряжения и приближают час их редукции в конфликт.

Проблема экстремизма не может быть осмыслена с позиций какой-либо отдельной науки, но может быть приближена к существующей действительности при условии понимания его как особой разновидности конфликта, особой формы негативного взаимодействия граждан со своим государством, межгосударственного и иного взаимодействия, которое характеризуется крайней степенью отрицания противоположной стороны взаимодействия, что возможно при условии использования чрезмерных средств, влекущих за собой разрушительные результаты как в отношении самих людей, так и условий их существования, целых государств и народов.

Сукиасян А. А. (Уфа, БашГУ)

ПРОЕКТНОЕ УПРАВЛЕНИЕ В ИНВЕСТИЦИОННОЙ ПОЛИТИКЕ РЕГИОНОВ: ОПЫТ РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН

Изучение практики внедрения проектного управления в субъектах Российской Федерации является актуальной научно-практической задачей на современном этапе развития российской государственности и финансово-экономической системы¹⁰⁹¹.

¹⁰⁹¹ Эффективное государство: современные тенденции и стратегическое развитие в Республике Башкортостан / под общ. ред. И. Ю. Ка-

Регулирование инвестиционной деятельности в Республике Башкортостан изначально развивалось как отрасль государственного управления, связанная с проектным подходом к реализации поставленных задач. На этапе перехода к рынку Башкортостан проводил политику «непосредственного инвестирования в основные фонды субъектов национальной экономики»¹⁰⁹². Так, в 1990-е гг. иностранные кредиты направлялись Правительством Башкортостана преимущественно на модернизацию нефтехимического производства и инфраструктуры связи в республике¹⁰⁹³.

С середины 2000-х гг. в Башкортостане осуществляется разработка республиканских стратегических программ, в которых значительную роль играет инвестиционная составляющая. Одновременно формируется современная республиканская инфраструктура проектного управления инвестиционной деятельностью, первоначальную основу которой составили «Корпорация развития Республики Башкортостан» (2011 г.) и Агентство по привлечению инноваций (2013 г.).

13 октября 2015 г. было утверждено «Положение о проектном офисе по улучшению инвестиционного и предпринимательского климата в Республике Башкортостан», создание которого можно считать началом системного утверждения проектного управления в руководстве Башкортостана. В 2016–2019 гг. осуществлялась разработка региональных правовых актов и методических рекомендаций по внедрению в Башкортостане проектного управления. При этом повышение эффективности инвестиционной политики остается одной из центральных задач в контексте новых подходов к государственному управлению в Башкортостане¹⁰⁹⁴.

В настоящее время на территории Башкортостана на разных стадиях реализации находится более 65 приоритетных инвестиционных проектов, инициаторами и инвесторами которых выступают как государственные структуры, так и крупные компании и банки, а кураторами — республиканские органы исполнительной власти. Среди них строительство Нижне-Суянской ГЭС и металлопрокатного комплекса «Белсталь», проект создания в Уфе Информационно-коммуникационного технологического парка и др.

Таким образом, проектный подход к регулированию инвестиционной деятельности в Республике Башкортостан начал складываться еще на начальном этапе рыночного транзита, в процессе реализации приоритетных направлений республиканской инвестиционной политики и явился частью государственной стратегии модернизации республики.

В настоящее время высокий инвестиционный потенциал Башкортостана и системное освоение республиканским государственным менеджментом принципов и технологий государственного проектного управления создают условия для эффективных согласованных действий государства, общества и бизнеса в реализации программ и проектов социально-экономического развития Республики Башкортостан в XXI веке.

Сулимов К. А. (Пермь, ПГНИУ)

КОНЦЕПТ МНОГОУРОВНЕВОГО УПРАВЛЕНИЯ В ИССЛЕДОВАНИЯ МНОГОУРОВНЕВОЙ ПОЛИТИКИ В РОССИИ¹⁰⁹⁵

Концепт многоуровневого управления (*multilevel governance* — *MLG*) обрел за последние двадцать лет большую популярность, породив массу публикаций и серьезные споры¹⁰⁹⁶. Помимо дискуссии об эпистемологическом статусе этого концепта (прежде всего об его аналитической силе: только дескриптивный концепт или «нормальная» теория, позволяющая строить гипотезы, поддающиеся проверке), другим важным вопросом является продуктивность его применения за пределами Европейского Союза, на материале и для исследований процессов в котором он и был создан¹⁰⁹⁷. Очевидная сложность состоит в уникальности самого ЕС как наднационального образования, увеличивающего количество уровней политики и управления, одновременно увели-

релина. Уфа: БАГСУ, 2016. С. 4–5; Государственное управление в России: историко-правовые аспекты: монография / Под науч. ред. д-ра истор. наук Р.Г. Юсупова. М.: ИНФРА-М, 2018. С. 12.

¹⁰⁹² Государственная экономическая политика и экономическая доктрина России. К умной и нравственной экономике. В 5 томах / В.И. Якунин, В.Л. Макаров С.С. Сулакшин и др. М.: Научный эксперт, 2008. Т. 1. С. 49.

¹⁰⁹³ Шакиев В. Как «закрытый» регион стал открытым [По материалам Министерства внешнеэкономических связей и торговли Башкортостана] // Республика Башкортостан. 21 октября 2005 г. №204. С. 1.

¹⁰⁹⁴ «Мы смогли лучше»: Интервью с Равилем Ахтямовым // Реальное время. 14 января 2019 г. URL: <https://realnoevremya.ru/articles/125653-kazancy-podnimali-promyshlennost-v-sovetskoy-bashkirii>

¹⁰⁹⁵ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00053 «Субнациональный регионализм и динамика многоуровневой политики (российские и европейские практики)») в Пермском федеральном исследовательском центре УрО РАН.

¹⁰⁹⁶ Schakel A. H. Applying multilevel governance // Handbook of research methods and applications in political science, Keman H., Woldendorp J. (eds). Cheltenham: Edgar Elgar. 2016.

¹⁰⁹⁷ Schakel A. H., Marks G., Hooghe L. Multilevel Governance and the State // Oxford Handbook on the Transformation of the State, Leibfried S., Huber E., Stephens J. (eds). Oxford: OUP, 2015. P. 269–285.

чивая комплексность конфигурации системы взаимодействий. Но нужно принимать во внимание и другую очевидность, а именно то, что многоуровневость политики и управления в современном мире характерна не только для ЕС.

Продуктивные примеры работы с концептом уже продемонстрированы для исследования различных стран и регионов мира; это США и Канада¹⁰⁹⁸, Северная Америка в целом¹⁰⁹⁹, Австралия¹¹⁰⁰, есть отдельные работы по бывшему постсоветскому пространству¹¹⁰¹. Они показывают, что развитие многоуровневости всюду имеет свою специфику, поэтому использование концепта MLG открывает новые познавательные перспективы, дополняя и развивая исследования по федерализму, регионализму, интерговернментализму, но и требует теоретической доработки и развития самого концепта.

В исследовании рассматривается продуктивность теоретического подхода к исследованию многоуровневой политики и управления в современной России, опирающегося, во-первых, на известную типологию MLG Г. Маркса и Л. Хуг, выделивших Type I и Type II¹¹⁰², а, во-вторых, на перспективную попытку истолковать саму MLG в рамках более широкой категории «многоуровневая политика» как одну из возможных форм наряду с «межправительственными взаимодействиями» (*intergovernmental relations — IGR*)¹¹⁰³. Комбинация двух подходов задает четыре возможных варианта конфигурации многоуровневой политики, схематично представленных в Таблице.

Таблица.

Четыре варианта конфигурации многоуровневой политики

	Тип I — универсальность юрисдикций и разделение полномочий между уровнями	Тип II — специфичность юрисдикций, пересекающиеся границы сфер и полномочий
IGR — участие только властных акторов	Эксклюзивная иерархия властных структур	Эксклюзивная гетерархия властных структур
MLG — включение невластных акторов	Инклюзивная иерархия властных структур и невластных акторов	Инклюзивная гетерархия (властные и невластные акторы)

Вопрос в преобладании того или иного варианта в конкретной сфере или моменте времени и факторах, которые это определяют. Несмотря на то, что центральная власть в России представляет собой, в некотором смысле, противостоящую многоуровневости инстанцию, стягивающую на себя все узлы решений, стремящуюся стать фокальной точкой для всего, что «снизу», «сверху» и «вовне», тем не менее многоуровневость работает помимо этих предпочтений, и, значит, исследование того как это происходит, является значимой теоретической и эмпирической задачей.

Сунами А. Н. (Санкт-Петербург, СПбГУ)

КОНФЛИКТОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ МОЛОДЕЖНОГО ЭКСТРЕМИЗМА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ¹¹⁰⁴

Молодежный экстремизм, безусловно, в настоящее время является одной из важных тем политической повестки дня в России, но даже беглый взгляд на существующие проблемы, позволяет зафиксировать, что ни подход к экстремизму как к перечню запрещенных деяний, ни крайне неконкретное понимание его как границы дозволенного не дают нам набора существенных, отличных от близких понятий черт, конкретных параметров, закономерностей развития молодежного экстремизма в России, его влияния на российскую карту конфликтов. Данная проблема ставит задачу разработки нового концептуального и методологического инстру-

¹⁰⁹⁸ Stein M. B., Turkewitsch L. Multi-level governance in Canadian and American intergovernmental relations // Handbook on Multi-Level Governance / Enderlein H., Zürn M., Wälti S. (eds.). Cheltenham: Edgar Elgar, 2010.

¹⁰⁹⁹ Clarkson S. Multi-modal governance in North America // Handbook on Multi-Level Governance / Enderlein H., Zürn M., Wälti S. (eds.). Cheltenham: Edgar Elgar, 2010. Pp. 279–291.

¹¹⁰⁰ Multi-level governance: conceptual challenges and case studies from Australia / Daniell K. A., Kay A., (eds). ANU Press, The Australian National University, Australia, 2017.

¹¹⁰¹ Obydenkova A. Multi-level governance in post-Soviet Eurasia: problems and promises // Handbook on Multi-Level Governance / Enderlein H., Zürn M., Wälti S. (eds.). Cheltenham: Edgar Elgar, 2010. Pp. 292–307.

¹¹⁰² Hooghe L., Marks G. Unraveling the central state. But how? Types of multi-level governance // American Political Science Review. 2003. No. 97 (2). Pp. 233–243.

¹¹⁰³ Alcantara C., Broschek J., Nelles J. Rethinking Multilevel Governance as an Instance of Multilevel Politics: A Conceptual Strategy // Territory, Politics, Governance. 2016. Volume 4. Issue 1. DOI: 10.1080/21622671.2015.1047897.

¹¹⁰⁴ Исследование выполнено за счет гранта Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 19-011-31376).

ментария исследования протестных настроений в среде российской молодежи, степень их обусловленности распространением экстремизма.

Кратко описывая внешнее состояние дел, можно утверждать, что, во-первых, происходит смещение протестных настроений в сторону все более младших групп населения, регистрируемом как в научной литературе, описывающей протестную активность, так и в статистике правоохранительных органов. Одновременно с этим сама протестная активность данных групп населения характеризуется отсутствием внятной повестки, атрибутами флешмоба, игнорированием границ публичной активности, то есть преобладанием нереалистических элементов в социальном конфликте, который становится для участников самоцелью. Во-вторых, социально-политический дискурс все больше приобретает черты конфликта ценностей, что выражается в крайней поляризации взглядов на любой социальный факт, разделяющей общество на непримиримые лагеря. Такой же формат приобретает внешний контур отношений России и Запада, как имманентно непримиримых цивилизаций. Влияние этого процесса на конфликтность российского общества выражается в возникновение у сторон мнения о принципиальной неразрешимости спора между ними, отсутствия общего пространства интересов и, вследствие чего, возможности использования в конфликте средств, выходящих за пределы принятых формальных и неформальных норм. Очевидной опасностью этой тенденции становится распространение среди российской молодежи экстремистских взглядов. Еще в 2013 г. Президентом России В.В. Путиным была утверждена Концепция общественной безопасности в Российской Федерации. Этот документ примечателен тем, что в нем заключен взгляд современного российского государства на основные угрозы общественной безопасности страны. Среди основных источников таких угроз, в частности, называется «экстремистская деятельность националистических, религиозных, этнических и иных организаций и структур, направленная на нарушение единства и территориальной целостности Российской Федерации, дестабилизацию внутривнутриполитической и социальной ситуации в стране». При этом, особую озабоченность у авторов Концепции вызывает распространение подобных идей в среде российской молодежи. Противоречия вхождения молодежи в социальную практику, испытываемая в связи с этим фрустрация вкупе с отсутствием необходимого опыта рационального поведения в социальных отношениях, формирует особую черту молодежи — ее экстремальность, которая проявляется как крайне обостренное восприятие молодежью социальной действительности. Попытки идентифицировать себя, часто через противопоставление другому, который становится предметом приложения имеющейся агрессии, поиск подходящих субкультурных ниш — все это, в конечном счете, трансформирует психологическую неудовлетворенность молодежи в фанатизм, явление близкое по своей природе к экстремизму.

Однако образовательная среда, преподаватели и учителя зачастую не подготовлены к тому, чтобы противостоять идеологиям экстремизма среди учащихся и студентов, а имеющийся теоретический и методический инструментарий оказывается нерелевантным для идентификации спорных идеологических убеждений. Ряд типовых ошибок в коммуникационных стратегиях реагирования на протестную активность молодежи допускают органы власти и управления.

Таким образом, можно утверждать, что релевантная оценка происходящим в среде политически активной молодежи процессам, может быть дана через смещение исследовательского акцента внимания на дерационализацию социального конфликта, как с одной стороны несомненной связующей чертой указанных выше процессов, а с другой, как своеобразным ключом противодействия идеологическому экстремизму через изменения формата конфликта с антагонистического на приемлемый тип рационального конфликта интересов, предполагающий возможность манифестации молодым поколением своего конфликтного интереса в рамках принятых норм, то есть с дезинтегративного конфликта на интегративный.

Сунгуров А. Ю. (Санкт-Петербург, НИУ ВШЭ)

ОБЩЕСТВЕННАЯ ПАЛАТА САНКТ-ПЕТЕРБУРГА: ПЕРВЫЕ ДВА ГОДА РАБОТЫ¹¹⁰⁵

Общественная палата Санкт-Петербурга, действующая в соответствии с принятом в 2016 году законом СПб «Об общественной палате Санкт-Петербурга» была сформирована поздней весной 2017 года, соответственно, к лету 2019 года она работает уже два года. Однако стоит отметить, что формально Общественная палата СПб появилась в городе на три с половиной года раньше — в октябре 2013 года, созданная распоряжением губернатора города¹¹⁰⁶, при этом ее состав практически был идентичен составу Общественного совета СПб, суще-

¹¹⁰⁵ Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 17-03-00328.

¹¹⁰⁶ Постановление Губернатора Санкт-Петербурга от 11 октября 2013 г. № 52-пг «Об Общественной палате Санкт-Петербурга». [Электронный ресурс]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/537941763>. (дата обращения: 17.04.2017).

ствовавшего с 2000 года и полностью назначаемого губернатором города. Действующая с 2017 года на основе соответствующего закона Общественная палата СПб (далее — ОП СПб), две трети состав которой теперь формируются губернатором и Законодательным Собранием СПб, тем не менее включила в свой состав 20 человек и Общественного совета и назначаемой губернатором Общественной палаты СПб из 63 членов палаты¹¹⁰⁷.

Задачей настоящего сообщения является предварительный анализ деятельности действующей сегодня ОП СПб за первые два года ее деятельности. В процессе исследования были проанализированы материалы веб-сайта ОП СПб, информация о ее деятельности, получаемая при наборе слов Общественная палата «Санкт-Петербурга» в поисковой странице «Яндекса», текст Доклада о деятельности ОП СПб, подготовленный к Отчету о ее деятельности в Законодательном собрании города, а также взяты полуструктурированные экспертные интервью у членов ОП СПб, депутатов Законодательного собрания СПб, журналистов, лидеров НКО.

Приведем здесь часть полученной информации. Спустя десять месяцев после формирования новой Общественной палаты Санкт-Петербурга мы набрали в Яндексе в поисковой строке «Общественная палата Санкт-Петербурга». Оказалось, что из первых шестидесяти ссылок около половины посвящены ее формированию почти год тому назад, еще несколько — периоду более раннему, часть имеют скорее протокольный характер и несколько — посвящены деятельности Палаты по созданию системы общественных наблюдателей на предстоящих президентских выборах, включая учебу наблюдателей. На веб-странице Общественной палаты, поддерживаемой на правительственном портале в рамках «Органов власти» мы обнаружили сообщения о том, как члены Общественной палаты несколько раз собирались, чтобы обсудить и присудить Молодежную премию Санкт-Петербурга по четырнадцати номинациям (каждая в размере 50 тысяч рублей), учрежденную еще Общественным советом при губернаторе. Ну и сообщения об учебе наблюдателей на выборах.

Спустя еще год мы набрали в Яндексе в поисковой строке «Общественная палата Санкт-Петербурга». В результате из первых 60 ссылок снова более половины посвящены ее формированию почти два года тому назад, еще несколько — периоду еще более раннему, а часть опять таки имела протокольный характер. Новостная лента сайта Общественной палаты¹¹⁰⁸ обновляется довольно регулярно, для анализа был взят период 2019 года — с 17 января по 7 марта (восемь недель) в ленте новостей появилось 36 публикаций.

Из них относительное большинство — 39% — было посвящено участию членов Общественной палаты в различных мероприятиях, например, на открытии выставки памяти Калашникова. Еще 19% — это поздравления или соболезнования председателя Общественной палаты Н.В. Кукурузовой. Следующие 13% — это информация о деятельности отдельных членов ОП (участие в совещаниях, конференциях). И лишь в четырех сообщениях информационной ленты (11%) шла речь о деятельности Общественной палаты как организации — о заседании всей Общественной палаты, о заседании ее совета, а также о заседаниях двух ее комиссий.

Полгода спустя — в начале сентября 2019 года, характер информации новостной ленты сайта ОП СПб существенно изменился. Для анализа были выбраны сообщения также за 8 недель — с 17 июля по 5 сентября, всего 30 сообщений. Из них треть — 33% были посвящены теме подготовки общественных наблюдателей к выборам губернатора города и органов МСУ, еще 10% — общественному обсуждению названия парка на берегу Невы рядом с Биржевым мостом, участием членов ОП СПб в различных мероприятиях — 37%, одобрению создания ряда памятников — 10%, обсуждению предложений ОП СПб на заседаниях правительства города — 7% и заседанию совета ОП СПб — 3%. Мы видим, что здесь существенно увеличилась доля информации о собственно деятельности палаты, что внушает определенный оптимизм.

Сунгуров А. Ю., Тиняков Д. К. (Санкт-Петербург, НИУ ВШЭ)

УЧАСТИЕ ЭКСПЕРТНОГО СООБЩЕСТВА В ФОРМИРОВАНИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ НА УРОВНЕ СУБЪЕКТА РФ НА ПРИМЕРЕ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА¹¹⁰⁹

Планируемое сообщение будет посвящено предварительным результатам исследования институтов и практик взаимодействия экспертного сообщества и власти в процессе выработки различных направлений государственной политики на уровне субъекта РФ на примере города Санкт-Петербурга. В процессе его реализации творческий коллектив проекта, включающий наряду с авторами настоящего сообщения, также Д.В. Дубров-

¹¹⁰⁷ Сунгуров А. Ю., Морякина А. Р. Общественные советы и общественные палаты: опыт Санкт-Петербурга. // Отечественные традиции государственного управления и современность: материалы научно-общественного Новгородского форума. / Государственный университет управления; Правительство Новгородской области. — Москва: Издательский дом ГУУ, 2017 г. — С. 60–66.

¹¹⁰⁸ <https://www.gov.spb.ru/gov/palataspb/>

¹¹⁰⁹ Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ-ЭИСИ № 19-011-31047.

ского, М.Е. Карягина и К.А. Шамшуру, опирается на разработанный ранее комплекс моделей и функций взаимодействия экспертного сообщества и власти. В рамках исследования будет проведен анализ деятельности различного вида экспертных и экспертно-консультативных советов при органах исполнительной и представительной власти города Санкт-Петербурга, используя при этом как анализ нормативной базы их деятельности, так и информацию, доступную в СМИ и в сети Интернет. Предполагается также проведение полу-структурированных экспертных интервью с представителями экспертного сообщества, Правительства и Законодательного собрания Санкт-Петербурга.

В процессе предыдущих исследований команды данного проекта был предложен набор возможных моделей взаимодействия экспертов и власти, а также реализуемых в процессе такого взаимодействия экспертных функций¹¹¹⁰. В рамках планируемого сообщения на основе выполненного анализа этот набор моделей будет дополнен и откорректирован.

Объект исследования — процесс взаимодействия академического (экспертного) сообщества с властными структурами и возникающие при этом институты и практики. Среди них в первую очередь выделим экспертные и консультативные советы, независимые фабрики мысли, профессиональные сообщества политологов и других специалистов в области общественных наук. Так, непосредственными объектами анализа являются Экспертный совет, созданный недавно при Общественной палате Санкт-Петербурга, а также такие советы, как Научно-технический совет при Правительстве Санкт-Петербурга, Экологический совет по проблемам охраны окружающей среды при Правительстве СПб, Консультативный совет по вопросам реализации государственной национальной политики в Санкт-Петербурге при Правительстве СПб и другие подобные советы.

Предмет исследования — функции, реализуемые экспертами в процессе их взаимодействия с властью, основные модели, возникающие при взаимодействии экспертного сообщества и властными структурами, а также факторы, способствующие реализации тех или иных экспертных функций и моделей взаимодействия.

В процессе исследования используются такие конкретные методики, как анализ нормативных документов, регламентирующих деятельность изучаемых структур, анализ публикаций в СМИ и отражение их деятельности в Интернете. Предполагается представить результаты полуструктурированных интервью с участниками изучаемых процессов, представителями экспертного сообщества и властных структур.

Сулов Е. В. (Йошкар-Ола, МарГУ)

ВОССТАНОВЛЕНИЕ ПОЛНОМОЧИЙ РОССИИ В ПАСЕ КАК ФАКТОР ОТКРЫТИЯ «ОКОН ВОЗМОЖНОСТЕЙ» ДЛЯ ВОЗВРАЩЕНИЯ РОССИИ В ЕВРОПЕЙСКУЮ ПУБЛИЧНУЮ ПОЛИТИКУ

Россия формально перестала быть субъектом европейской публичной политики относительно недавно. Это случилось после Крымской «весны». Фактически же отсутствие России в европейском публичном пространстве отсчитывалось с 10 апреля 2014 года, когда российская делегация была лишена права голосовать на заседаниях ПАСЕ до конца года.

Решение ПАСЕ могло быть и более суровым и вылиться в запрет «до конца года работать в руководящих органах ассамблеи — бюро, президентском и постоянном комитетах, — а также участвовать в миссиях наблюдателей ПАСЕ»¹¹¹¹. Однако предложение представителя Британии о замораживании членства России в ассамблее поддержки не нашло. Здравый смысл одержал верх, и европейские парламентарии — не без возражений со стороны представителей Великобритании, Грузии, Украины и стран Балтии — сочли наиболее целесообразным сохранить право России на участие в рабочих органах Совета Европы. В ответ на показавшееся крайне оскорбительным решение ПАСЕ российская делегация покинула Страсбург, а Россия перестала платить взносы.

В рамках предлагаемых тезисов предполагается выяснить причины, которые оказались определяющими для возвращения полномочий российской делегации в ПАСЕ. Казалось бы, никаких заметных изменений во внешней политике России не произошло: «Нынешняя ситуация характеризуется конфронтацией России с остальным миром, она губительна для будущего страны и влечет за собой нарастание технологического и экономического отставания, снижения уровня жизни и влияния страны на мировой арене»¹¹¹² и нет

¹¹¹⁰ Сунгуров А. Ю., Карягин М. Е. Российское экспертное сообщество и власть: основные формы взаимодействия. // Полис. Политические исследования. 2017. № 3. С. 144–159; Сунгуров А. Ю. Экспертное сообщество и власть: модели взаимодействия и проблемы гражданской ответственности // Полис. Политические исследования. 2018. № 4. С. 130–142.

¹¹¹¹ Россию исключили из ПАСЕ. URL: <https://info.sibnet.ru/article/373603/> (дата обращения: 30.08.2019).

¹¹¹² Курилла И. Принципы внешней политики для нового президента. 29 января 2018 г. URL: <https://echo.msk.ru/blog/planperemen/2138086->

никаких оснований для возвращения России трибуны ПАСЕ, поскольку «Россия не соответствует обязательствам, которые взяла на себя в 96-м году, когда вступила в Совет Европы и в 98-м году, когда ратифицировала Европейскую конвенцию прав человека и основных свобод и попала под юрисдикцию ЕСПЧ»¹¹¹³.

Однако спустя пять лет вновь восторжествовал либо здравый смысл, либо возымел силу иной механизм принятия решений, не получивший огласки в публичном пространстве. 25 июня 2019 г. Парламентская Ассамблея Совета Европы вопреки активным возражениям делегаций Украины и Грузии приняла резолюцию об ограничении санкционного механизма, которая внесла поправки в регламент ассамблеи и закрыла возможность лишать права голоса любой делегации. Таким образом, российская делегация была возвращена в поле европейской публичной политики. Подчеркнем, что из реальной, но непубличной европейской политики Россия во все эти годы и не выпадала: «ПАСЕ, вокруг которого копыа ломают, это — консультативный орган, он не имеет никакой власти. Реальную власть в Совете Европы имеет Кабинет министров, где у нас работает Сергей Лавров. Комитет министров иностранных дел. Там мы продолжали работу в полном объеме»¹¹¹⁴.

Как и следовало ожидать, это неординарное событие вызвало реакцию противоречивого характера. Так, украинская делегация, сделав жесткое заявление об «умиротворении агрессора» покинула зал заседаний и приостановили свое членство в организации.

Противники присутствия российской делегации в ПАСЕ обосновывают свою позицию тем, что Россия является одним из наиболее могущественных стран, ежегодно вносящих взносы в сумме тридцати миллионов евро в бюджет ПАСЕ. Представляется, что взносы если и играют немаловажную роль, то не определяющую. Сохранение России в Совете Европы имеет прагматическое значение совсем в иной плоскости, в плоскости обеспечения судебной защиты гражданам Российской Федерации. Известно, что «Россия по числу обращений в ЕСПЧ стабильно на первом месте среди 47 стран Совета Европы. Россия на первом месте по числу выигранных гражданами дел. И Россия на первом месте по компенсациям гражданам, который наш бюджет выплачивает пострадавшим»¹¹¹⁵. В дополнение к потере последней инстанции судебной защиты россиян велика была бы угроза неисполнения Россией Конвенции прав человека и основных свобод.

Таким образом, судьбоносное внесение поправки в регламент ассамблеи, что не могло состояться без консультаций с лидерами ведущих европейских государств, открывает «окна возможностей» для всей европейской политики, для процесса формирования единого гуманитарного пространства от Лиссабона до Владивостока.

Сулов И. В. (Саратов, СГЮА)

ГОСУДАРСТВЕННО-КОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И РЕЛИГИОЗНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ: ТРИ ДИЛЕММЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ¹¹¹⁶

Исследование религиозной безопасности предполагает анализ специфики государственно-конфессиональных отношений, в рамках которых возникают и разрешаются конфессиональные противоречия. Обзор литературы позволил выявить три затруднения или дилеммы. Первая из них связана со стремлением государства использовать религиозный ресурс для укрепления духовных скреп общества, развития гражданской идентичности, противодействия религиозного экстремизму¹¹¹⁷.

Попытка заключить союз с одной или несколькими конфессиями ради достижения общественно-политической стабильности неизбежно ведет к политизации религии, что чревато неприятными последствиями. Укрепление экономических и культурных позиций конфессий, рассматривающихся государством как стратегические союзники, может вызвать серьезное недовольство постсекулярного и поликонфессионального российского общества. Кроме того политизация религии сопровождается «реархаизацией общественных и политических отношений», возрождением ценности этноконфессиональной идентичности в ущерб гражданской, что негативно воздействует на процессы политической модернизации¹¹¹⁸. Таким образом, первая дилемма заключается в определении модели государственно-конфессиональных отношений.

echo/ (дата обращения: 31.08.2019).

¹¹¹³ Особое мнение. Владимир Рыжков и Майкл Наки. 25 июня 2019 г. URL: <https://echo.msk.ru/programs/personalno/2451325-echo/> (дата обращения: 31.08.2019).

¹¹¹⁴ Особое мнение. Владимир Рыжков и Майкл Наки. 25 июня 2019 г. URL: <https://echo.msk.ru/programs/personalno/2451325-echo/> (дата обращения: 31.08.2019).

¹¹¹⁵ Там же.

¹¹¹⁶ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-011-00389

¹¹¹⁷ Слобожникова В. С. Религиозность как политический ресурс российского государства // Политическая наука. 2013. № 2. С. 165–176.

¹¹¹⁸ Дринова Е. М. Национальная модель политической модернизации России и топосы политизации религии // Власть. 2014. № 11. С. 56–61.

Вторая дилемма связана с выбором отношения к религиозно-культурной мозаичности как фактору развития государства или источнику рисков¹¹¹⁹. Религиозная мозаичность в рамках политической философии может осмысляться с привлечением концепции С. Хантингтона¹¹²⁰ или через призму теории фронта¹¹²¹.

В свете идей С. Хантингтона, религиозная мозаичность региона (например, Нижнего Поволжья), находящегося на стыке православной и исламской цивилизаций и обладающего существенным западно-христианским и буддистским компонентом, может рассматриваться как источник рисков для национальной безопасности. Однако астраханские ученые фронтность (пограничность) прикаспийского региона предлагают рассматривать как благоприятный ресурс поддержания толерантности к религиозной инаковости. Социологические исследования показывают, что повышение культурной гетерогенности в публичном пространстве (например, распространение моды среди девушек-мусульманок на ношение хиджаб) не воспринимается представителями остальных конфессий Астраханской области как угроза.

Борьба с угрозами религиозной безопасности должна опираться на эффективную правовую базу. Однако правовое регулирование конфессиональной сферы составляет суть третьей дилеммы, встающей перед политической наукой.

Основные дискуссии ведутся вокруг необходимости принятия закона о запрете или ограничениях прозелитизма нетрадиционных религий. Призыв к ужесточению правового противодействия некоторым видам религий приводит к следующему затруднению. С одной стороны, полноценное развитие некоторых конфессий несет скрытую угрозу в размывании «единого духовно-нравственного пространства страны». С другой стороны, необходимость предоставления одинаковых прав и статуса всем религиям без исключений предусмотрено Конституцией РФ¹¹²². В обществе и во власти отсутствует консенсус по поводу выбора оптимальной модели государственно-конфессиональной политики.

Более подробно исследование общественной реакции на принятие в 2016 году поправок к Федеральному закону от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях», усложнявших миссионерскую деятельность, и разъяснительной работы государственных органов проведено В.С. Слобожниковой¹¹²³.

Адекватное решение теоретических дилемм (обозначенных выше) ставит перед научным сообществом задачу измерять и прогнозировать отношение российского общества к религиозной гетеротопии, что позволит определить риски, связанные с использованием религиозного ресурса государством и расширением влияния нетрадиционных религий в российском обществе.

Сучилина А. А. (Москва, Финансовый университет при Правительстве РФ)

ДИСКУРСИВНЫЕ ПРАКТИКИ ФАЛЬСИФИКАЦИИ ИСТОРИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

В современном обществе имеет место идеология, цель которой заключается в том, чтобы нарисовать заведомо ложную картину исторических процессов, происходит сознательная мистификация действительности, появляются социальные мифы, способствующие замутнению исторического сознания, и в этих условиях возникает возможность реализовать интересы тех сил, которым служит данная идеология. Фальсификация истории представляет собой целенаправленное изменение, в ходе информационного противоборства, исторического сознания, духовно-ценностного содержания и социокультурной идентичности значительной части общества в интересах социально-политических акторов. В рамках постмодернистского восприятия ретроспективного бытия, возникает концепция постистории, которая использует фикциональную манеру исторического повествования, провоцируя иллюзорно-мифологическое восприятие истории, в рамках которого все общепринятые исторические понятия и прежде всего «прогресс» и «смысл исторических событий», объявляются исчерпанными. Теоретическими основаниями философского уровня дискурсивных практик фальсификации выступают концепции: постмодернизма, конструктивизма, феноменологизма, герменевтики и семиотики.

¹¹¹⁹ Мирошникова Е. М., Сгибнева О. И. Религиозная политика светского государства в условиях религиозного многообразия // *Logos et Praxis*. 2017. № 3. С. 62–73.

¹¹²⁰ Дорошин И. А. Глобальное измерение религиозного протеста в обществе риска // *Век глобализации*. 2013. № 2. С. 93–100.

¹¹²¹ Топчиев М. С., Шгонда В. В. Трансформация отношения к хиджабу как к маркеру чужого в современной культуре // *Каспийский регион: политика, экономика, культура*. 2017. № 3. С. 171–179.

¹¹²² Топчиев М. С. Проблема конфессиональной безопасности: теоретико-понятийный анализ // *Гуманитарные исследования*. 2012. № 4. С. 263–270.

¹¹²³ Слобожникова В. С. Корректировка государственно-конфессиональных отношений в 2016 году // *Вестник Саратовской государственной юридической академии*. 2016. № 6. С. 197–203.

В условиях ожесточенного информационного противоборства, историческое сознание постоянно подвергается деструктивному воздействию, главная цель которого примитивизировать, а в конечном итоге и полностью его разрушить, сконструировав новое по заданному социальному шаблону в интересах противника. Разрушение исторического сознания чревато оставлением народа не только без прошлого, но и без будущего, поэтому в столкновении цивилизаций, государств, идеологий, противоборствующие стороны много внимания уделяют дискредитации истории противной стороны, буквально борясь за умы и души каждого человека. Этой цели сегодня служит концентрическая война (война сознаний), направленная на переформатирование исторического сознания и разрушение национальной идентичности.

В условиях систематического разрушительного воздействия на ценностно-культурные основания единства народов многонациональной России многообразных технологий фальсифицирования истории, критически важным для развития российского общества является определение основных направлений противодействия разрушительному влиянию дискурсивных практик фальсификации исторического сознания. Пресечение или в серьезной степени затруднение репрезентации дискурса фальсификации исторического сознания необходимо в экономической сфере (изыскание средств на продвижение имиджа РФ в мире, на поддержку распространения знания об истинном историческом прошлом России, в ответ на предоставляемые счета «за оккупацию» — обнародование количества материальных ресурсов, которые союзный центр вкладывал в развитие экономик, в то время отсталых аграрных окраин), в политической сфере (проведение взвешенной исторической политики, своевременная оценка искажения исторических фактов, придание гласности и разъяснение неясных сторон дипломатических договоренностей), в социальной сфере (учет этнических особенностей всех национальностей страны и сохранение дружественных связей с народами других стран, преодоление переколов толерантности и формирование в согражданах интернационализма, уважения к другой религии, культуре, обычаям), духовной сфере (борьба за смысложизненные духовные ценности, самобытные традиции россиян). Наибольшее значение для защиты исторического сознания в духовной сфере имеют: культурная (сохранение и поддержание коммемораций, объяснение смысла воинских обрядов и ритуалов, таких как «Бессмертный полк», сохранение положительной мифологии о героизме и подвигах народа, обращение к неисчерпаемому кладезю духовных ценностей, сосредоточением которых является русская классическая литература), образовательная (следует добиваться от детей не слепого повторения заученных дат событий и их воспроизведение в тестовом режиме, как по существу сегодня требует от них Единый государственный экзамен по истории, а понимание ими логики событий и их смысла, объяснение тех или иных исторических решений, взаимоувязка истории России с изложением прошлого других стран, а также представления о проблемных вопросах отечественной истории), правовая (юридическое закрепление исторической компетентности в обязанностях граждан, юридическая поддержка уважения и сбережения собственной истории и ее памятников), информационно-коммуникативная (развитие медиаграмотности, исторической компетентности, повышенное внимание к подготовке исторического медиаконтента и его распространения) деятельность.

Ташиева В. В. (Москва, РУДН)

Россия в мире глазами иностранной студенческой молодежи: роль образовательной миграции в формировании образа страны¹¹²⁴

Сегодня в мире наблюдается дестабилизация мирового порядка, сопровождающаяся растущей неопределенностью, снижением роли мягкосиловых стратегий и одновременным возвратом механизмов *realpolitik*. Среди факторов неустойчивости мировой системы можно выделить следующие: поляризация интересов и целей основных акторов глобальной политики, усиление незападных стран в мире, миграционный кризис, процессы сецессии и рост популизма в Европе.¹¹²⁵ Ряд событий, включая украинский кризис, войну в Сирии и последовавший кризис беженцев, стали катализатором роста недоверия между Россией и Западом. При этом, сегодняшнее противостояние носит скорее цивилизационный и аксиологический характер, нежели идеологический: «...в спор вступают... фрагментированные идеи и ценности», большую значимость приобретают идентичности, инициируя данное противостояние¹¹²⁶. Таким образом, в контексте цивилизационного и цен-

¹¹²⁴ Работа подготовлена при поддержке гранта РФФИ № 19-01100825 А «Ценностно-политические контексты образовательной миграции».

¹¹²⁵ Пантин В. И., Лапкин В. В. Трансформация политических пространств в условиях перехода к полицентричному миропорядку // Полис. Политические исследования. 2018. № 6. С. 47–66.

¹¹²⁶ Казаринова Д. Б. Холодная война и мир: «Россия против всех» и четыре мировых порядка Р. Саквы // Полис. Политические исследования. 2018. № 4. С. 177–184.

ностного противостояния, помимо развития военных механизмов, важную роль должны играть, в том числе, мягкосиловые факторы, включая дипломатию, культуру, образование.

Одним из таких факторов выступает образ государства в мире, который порой рассматривается как важный стратегический ресурс международного влияния, обеспечивающий конкурентное преимущество страны на мировой арене, эффективную интеграцию на глобальный рынок и в политическую систему.

Для России формирование позитивного образа становится одним из приоритетных направлений в процессе модернизации общества и выстраивания внешнеполитического курса государства.

В процессе формирования образа страны важнейшую роль играет гуманитарное направление внешней политики, в частности культурное взаимодействие и сотрудничество в области образования. Одним из наиболее эффективных каналов продвижения экономического, культурного и политического влияния выступает образовательная миграция¹¹²⁷. Вместе с тем образовательная миграция имеет широкие перспективы, как для стран-отправителей, так и для принимающих государств, способствует выстраиванию позитивного диалога и снижению ценностно-культурных противоречий и напряжённости, возникающих в контексте современных тенденций усиления миграционных потоков и, как следствие, столкновению различных цивилизационных систем.

В ходе данного исследования, автор делает попытку определить современные представления иностранной молодёжи о России и выявить роль образования и образовательной миграции в процессе конструирования международного образа страны.

Эмпирической базой исследования послужили проведенные в конце 2017 и середине 2019 г. опросы (в форме анкетирования) среди представителей иностранной студенческой молодежи. В исследовании приняли участие более 70 иностранных студентов в 2017 году и около 200 — в 2019 году. Респонденты представляли различные культуры, ценностные и цивилизационные системы. В ходе опроса респондентам предлагалось ответить на вопросы, которые отражали следующие аспекты: отношение иностранной молодёжи к России как к субъекту международных отношений; восприятие иностранными студентами ценностной и этнической составляющей российского общества; выявление потенциала «мягкой силы» современной России в мире.

По итогам исследования можно наметить три аспекта восприятия России в сознании иностранной студенческой молодежи: 1) Россия как мировая держава с собственной политикой; 2) Россия как страна с комплексом бывшей великой державы; 3) Россия как альтернатива западному миру.

Большинство иностранных студентов воспринимают Россию как сильное государство, имеющее влияние на мировой арене. Превалирует мнение о том, что в будущем Россия сохранит за собой одну из лидирующих позиций в мире. Причем, те студенты, которые учились в России настроены менее оптимистично в отношении роли России в мире. Иностранные студенты, учившиеся в российских вузах, чаще говорят о России как о стране с комплексом бывшей великой державы.

Исследование показало, что современное образование в российских вузах не способствует в полной мере формированию у иностранных студентов позитивного восприятия России. Тем не менее, именно образование может стать эффективным ресурсом, способствующим сконструировать позитивный образ государства среди студенческой иностранной молодежи.

Тарасов И. Н. (Калининград, БФУ им. И. Канта)

СПЕЦИФИКА МЕЖДУНАРОДНОГО ПОЗИЦИОНИРОВАНИЯ РЕГИОНОВ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО ПОРУБЕЖЬЯ РОССИИ¹¹²⁸

Международное позиционирование для приграничных регионов выступает одним из направлений деятельности органов государственной власти, местного самоуправления, институтов гражданского общества и бизнес-сообщества. Оно рассматривается как ресурс, имеющий несколько измерений: экономическое, социальное, пространственное, военно-стратегическое, геополитическое и проч. Общей целью международного позиционирования (согласно теории «новой экономической географии» Пола Кругмана¹¹²⁹) выступает рациональное сочетание регионального многообразия, сохранение целостности пространства государства-нации и его интеграции в глобализирующийся мир.

¹¹²⁷ Астахов Е. М. Субъективные заметки о некоторых аспектах «мягкой силы» // Вестник МГИМО Университета. 2014. № 1 (34). 49 с.

¹¹²⁸ Доклад подготовлен в рамках научного проекта № 19-411-390003 «Международное позиционирование Калининградской области в продвижении политических и экономических интересов России в Балтийском регионе», получившего поддержку РФФИ.

¹¹²⁹ См.: *Krugman P. Economics*. N. Y.: Worth Publishers, 2005. 864 p.; *Krugman P., Wells R. Economics*. N. Y.: Macmillan Education, 2018. 985 p.

Существуют как общие для приграничных регионов, так и специфические для северо-запада России характеристики международного позиционирования. Общими проблемами для всех регионов выступают: а) приграничное сотрудничество; б) экология и ресурсосбережение; г) транспортная инфраструктура и инфраструктурные инвестиции; д) туризм; е) демография и миграция; ж) социальный капитал; ж) военно-стратегическое положение и геополитическое измерение. Сами регионы северо-западного порубежья различаются по своим характеристикам социально-экономического, политического, инфраструктурного, демографического и инновационно-технологического развития. Соответственно, задачи их международного позиционирования различаются. Специфика международного позиционирования для регионов с большей экспортной ориентированностью (Санкт-Петербург, Ленинградская, Калининградская и Мурманская области) заключается в продвижении производимых товаров, а для Карелии и Псковской области — в привлечении инфраструктурных инвестиций.

Региональные правительства пока не выработали системной политики международного позиционирования, рассчитанной на несколько лет вперёд, хотя осознание значимости этой работы присутствует. В основном усилия сосредоточены на реализации программ приграничного сотрудничества, туристических обменов и на новомодном геобрендинге. В Балтийском регионе существуют различные программы приграничного сотрудничества с бюджетами от 23 до 132 млн. евро. Корпоративная интеграция российских фирм северо-западного порубежья определяется преобладанием транзитных и энергетических проектов, низкой конкурентоспособностью большинства отраслей по сравнению с развитыми странами Балтийского региона, проблемами диалога между ЕС и РФ¹¹³⁰.

Однако отсутствует не только системная политика, но и система оценки эффективности международного позиционирования, которая отнюдь не сводится к замеру узнаваемости региона или числу посещений его выставочного павильона. В число главных структур экономического и других видов партнёрства в Балтийском регионе входят: «Балтийский форум развития» (БДФ), Балтика-21», «VASAB», «ХЕЛКОМ» (Хельсинская межгоскомиссия), еврорегионы («Неман», «Балтика», «Карелия», «Псков — Ливония», «Сауле», «Лына — Лава», «Шешупе»). При этом возможности международного позиционирования в данных форматах российской стороной используется крайне слабо.

Потенциал международного позиционирования почти не востребован в решении институциональных проблем регионального развития. Россия вовлечена в международные кластерные инициативы по 13 направлениям в рамках трансграничного сотрудничества с Латвией, Финляндией и Эстонией. При этом сформированных международных кластеров с участием РФ пока нет. Намечен процесс создания интернациональных кластеров на приграничной территории Финляндии и России. Ведущими направлениями формирования международных кластеров выступают экотехнологии, науки о жизни, НИОКР и нанотехнологии¹¹³¹.

Посткризисное положение российской экономики не позволяет широко открывать границы, остро стоит проблема защиты национального производства и развития его перспективных направлений. Вместе с тем, опыт международного позиционирования регионов северо-западного порубежья России предоставляет возможность прогнозирования и планирования политики трансграничного сотрудничества, социально-экономического, инфраструктурного и экологического развития нашей страны.

Таркашева К. В. (Пермь, ПГНИУ)

СТРУКТУРНЫЕ ФАКТОРЫ ЯЗЫКОВОЙ ПРЕФЕРЕНЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Российская Федерация является многонациональной страной, тем самым, вопросы, связанные с межэтническими отношениями и языковой политикой, в частности, актуальны. Эти вопросы остро стояли еще в советское время, когда центр на протяжении всего существования СССР проводил абсолютно разноплановую политику: сначала политику коренизации (по поддержанию языков этнических групп), после русификации (когда русский считался языком высшего общества).

Катализатором новейшего раунда дискуссии о миноритарных языках и языковых правах народов России стало заявление президента РФ в Йошкар-Оле в июле 2017 г. на заседании совета по межнациональным отношениям. Путин заявил, что русский язык является «каркасом многонациональной страны», языком межнаци-

¹¹³⁰ *Евченко Н. Н.* Приграничное сотрудничество России: законодательная база и направления её совершенствования // Региональная экономика. Юг России. 2012. № 13. С. 18–25.

¹¹³¹ *Часовский В. И.* Сотрудничество стран Балтийского региона: современное состояние и проблемы // Балтийский регион — регион сотрудничества-2018: проблемы и перспективы трансграничного сотрудничества вдоль Западного порубежья России / Под редакцией Г. М. Федорова и др. Калининград: Изд-во БФУ, 2018. С. 165–176.

онального общения и его ничем заменить нельзя. Языки народов России также являются частью российской культуры, но их изучение должно быть добровольным.

События 2017 г. в России актуализировали проблему политизации языка. Этот контекст обуславливает исследовательский интерес к вопросу о том, конфигурация каких структурных факторов обуславливает масштаб языковой преференциальной политики, содержание и результаты которой оказываются предметом публичных дискуссий и политического спора.

В данной статье будут представлены результаты количественного анализа языковой преференциальной политики ряда полиэтнических регионов РФ. Количественный анализ проводился методом линейной регрессии, а именно, регрессии по Пуассону.

Для исследования в каждом регионе РФ были взяты этнические меньшинства, которые относятся к категории «наиболее многочисленных национальностей». Всего в категории «многочисленные» оказались четыре республики, этнические группы которых представлены более чем в 9 регионах России: Татарстан (в 64-ти), Чувашия (в 18-ти), Мордовия (в 13-ти) и Башкортостан (в 9-ти).

В качестве структурных характеристик региона рассматриваются: доля этнической группы в составе населения, доля владения родным языком, численность языкового меньшинства, размер полигона и сегрегация.

Масштаб языковой преференциальной политики в регионах Российской Федерации рассматривается в рамках сферы образования, а именно изучения языков меньшинств в средней общеобразовательной школе. Для определения количества этнических школ были суммированы школы с образованием на этническом языке и школы, с изучением языка как предмета.

Эмпирической базой исследования выступили несколько групп источников. Первую группу источников составляют нормативно-правовые акты, касающиеся вопросов регулирования использования русского и иных этнических языков на территории Российской Федерации и её субъектов. Вторую группу источников, составляют статистические данные, а именно данные, собранные в базе, подготовленной в рамках проекта: «Языковые режимы в современной России: эффекты языковой преференциальной политики в полиэтнических регионах». Эмпирическим материалом для составления базы исследования являются официальные результаты Всероссийской переписи 2010 года и официальная статистика Министерства образования и науки РФ по изучению в средних общеобразовательных школах языков меньшинств.

В результате исследования удалось выяснить, что масштаб языковой политики в России в большей мере связан с такими структурными факторами, как: численность этнической группы, доля этнической группы, доля владения родным языком и размер полигона.

Тарусин П. В. (Москва, МГУ им. М. В. Ломоносова)

НЕГАТИВНЫЕ ЭФФЕКТЫ МЕХАНИЗМОВ РЕКРУТИРОВАНИЯ ИНСТИТУТА РОССИЙСКОГО ПРЕЗИДЕНТСТВА

Правление глав российского (советского) государства традиционно начиналось продолжительным периодом вхождения в должность, условия и события которого накладывали неизгладимый отпечаток на стиль и практики его дальнейшего руководства. Практически каждому из них требовалось до трех-четырёх лет, чтобы взять в свои руки бразды правления.

Начальный этап президентского правления характеризуется, в частности:

- низким уровнем легитимности и поддержки избранного главы государства со стороны элиты и общества;
- невозможностью решительного обновления кадрового состава правящей верхушки по причине отсутствия команды единомышленников;
- атмосферой размежевания внутри элиты по поводу кандидатуры преемника, обоснованности его притязаний и прав на власть, создающего риски потери управляемости, особенно в моменты передачи президентских полномочий.
- фактором присутствия в окол властном пространстве бывшего главы государства и угрозы его вторжения в пространство ролевой деятельности избранного лидера.

Отечественная модель рекрутирования института президентства не предназначена для выбора политической фигуры, чьи личные качества, убеждения и идеи пользуются поддержкой и доверием большинства населения. В основание механизмов и практик лидерского рекрутирования положен принцип наделения властными полномочиями. Российский президент выступает в качестве самого высокопоставленного государственно-чиновника, руководителя исполнительной ветви власти, от которого требуются, скорее, бюрократические, нежели политические навыки, умения и способности.

Претенденты тестируются в выполнении сугубо управленческих ролей, задач и функций, при этом сопутствующие политические аспекты их бюрократической деятельности бдительно контролируются и ограничиваются действующим лидером и его окружением. «Уличенные или заподозренные» в оппонировании проводимому курсу или в превращении в независимую от руководства публичную фигуру неизбежно устраниваются из лидерской гонки.

Окончательное решение по кандидатуре преемника принимается действующим главой государства и его ближайшим окружением, на продвижение и избрание направляется вся мощь государственной машины. За обществом остается функция формального одобрения предлагаемой сверху персоналии, поэтому российское население в целом не ощущает ответственности за совершенный им «выбор» и не оказывает новому президенту конструктивного содействия в осуществлении намеченных замыслов и целей. В условиях «слабых» институтов избранный глава государства не в состоянии опереться ни на персональную поддержку населением уходящего лидера, которая не переносится автоматически на него, ни на лояльность управляемых институту президентства¹¹³². Он фактически остается один на один с элитой, государственным аппаратом; вынужден тратить время, силы и политические ресурсы на самоутверждение как лидера, обретение контроля над рычагами власти вместо реализации представленной на выборах программы и обещаний. Крайняя узость лидерского селектората, доминирование теневых практик отбора преемника, гипертрофированная роль первого лица, практически неподконтрольного в своем решении, возбуждают жесткую внутриэлитную борьбу и противостояние по поводу перераспределения баланса влияния в системе власти, оспаривание притязаний преемника на верховные полномочия.

Традиционные практики правления, паттерны элитного рекрутирования исключают заблаговременное формирование и институирование команды будущего президента. Единая логика кадровой политики, подчиненная замыслам и целям главы государства, не допускает появления в государственном аппарате (канал элитной селекции и продвижения) неких автономных от действующего лидера «кластеров», на базе которых возникали бы идейно и организационно сплоченные группы поддержки потенциальных кандидатов.

После избрания перед новым президентом возникает срочная потребность в подтягивании на «верхние» позиции в системе власти тех, кто в силу личных и служебных связей, персонального доверия способен стать костяком его команды: друзей детства, деловых партнеров, бывших сослуживцев и просто знакомых. Формирование ближнего окружения осуществляется не по политическим или идейным критериям, а на основе сословно-корпоративной идентичности, личной преданности и т. п.

Ожидать возникновения условий кардинальных перемен стоит за пределами 2030 г., когда потребности выживания российской элиты, состояние среды и объекта правления заставят в рамках обновленного элитного консенсуса изменить механизмы и практики рекрутирования института президентства. Тогда и стоит ожидать появления нескольких равновесных центров подбора и выдвижения кандидатов на высший пост, перераспределения в пользу гражданского общества функций лидерского отбора, усиления состязательности политической сферы и электорального пространства.

Телин К. О. (Москва, МГУ им. М. В. Ломоносова)

ПРОБЛЕМА КОНГРУЭНТНОСТИ В КОНТЕКСТЕ ИССЛЕДОВАНИЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СТАБИЛЬНОСТИ

В условиях международной напряженности, кризиса мировой экономики и затруднительного положения представительных институтов проблематика политической стабильности не теряет своей актуальности. Нередко, наряду с вниманием ученых, она притягивает и политических руководителей, склонных к поверхностному пониманию «стабильности» и использованию этого термина в манипулятивных целях.

Несмотря на наличие как в России, так и за рубежом системных исследований, посвященных политической стабильности, даже в них слабо затрагивается момент согласованности институциональных установлений и поведенческих паттернов граждан. Целый ряд ученых выделяет особую значимость «конгруэнтности» как значимой и даже критической детерминанты стабильности. Под «конгруэнтностью» понимается именно состояние согласованности и взаимной приемлемости институциональных установлений политической системы и доминирующих (или признанных в качестве таковых) образцов политической культуры.

¹¹³² В западных полициях избранный глава государства, опираясь на сильные и дееспособные институты, практически незамедлительно приступает к исполнению нормативно определенных полномочий в полном объеме.

Исследование конгруэнтности на практике сложнее, чем кажется в теории. Как в условиях сложнейшей политической практики, на основе неполных или даже отсутствующих данных оценить «состояние согласованности и взаимной приемлемости институциональных установлений политической системы»¹¹³³ и доминирующих образцов политической культуры? Научные источники редко дают конкретный ответ на этот вопрос, сопоставляя вторичные данные различных индексов, смежных с изучаемой проблемой¹¹³⁴, или предлагая обсуждение терминологических нюансов и смежных политико-философских вопросов. Можно свести оценку конгруэнтности до горизонта экспертного обсуждения «согласованности паттернов власти с представлениями людей о власти»¹¹³⁵, тем самым заменив одну исследовательскую задачу другой, но мы хотели бы предложить более конкретные формы операционализации [не]конгруэнтности, основанные на адаптированных социологических техниках или комбинации количественных показателей.

В рамках первого подхода мы предлагаем использовать социологические замеры, направленные на выявление доверия / недоверия граждан действующей власти или соответствия такой власти предпочтениям граждан (кроме вопросов о доверии или «соответствии предпочтениям» можно задать вопрос о готовности участвовать в работе государственной системы или о качестве представительства). Выявленное недоверие или расхождение ожиданий граждан с наблюдаемой ими действительностью могут являться основанием для более глубоких качественных исследований (например, в рамках фокус-групп, если по данным респондентов очевидно, что неконгруэнтность наблюдается у представителей более или менее определенных групп или аудиторий); на этапе обнаружения социальной депривации точная операционализация используемых понятий и категорий, по нашему мнению, не требуется. Современные соцопросы также не уточняют каждое из используемых понятий, не проверяют уровень знаний респондентов, спрашивая, например, о том, как они оценивают деятельность конкретных государственных институтов¹¹³⁶.

Вторым способом обнаружения [не]конгруэнтности могут являться количественные показатели, представляющие собой попытку статистического выявления проблем с репрезентативностью политической системы, уровнем доверия к ней и иных форм согласованности или рассогласованности предпочтений граждан с институциональным устройством политической жизни. Мы предлагаем исследовать такие показатели, как уровень политической вовлеченности граждан (отслеживаемый через динамику численности политических организаций, партий, общественных объединений и НКО), сопровождаемый высокими значениями индекса эффективного числа партий (в пропорциональной системе) и сохраняющейся высокой явке на ключевых общегосударственных выборах (за исключением стран, где существуют нормы обязательного голосования). Этот подход не нов (в 2003 группа американских исследователей, разработавших специализированный Index of Civic and Political Engagement¹¹³⁷), однако нуждается в адаптации к конкретным национальным примерам исследования политической стабильности.

Терешина Е. А. (Казань, КФУ)

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ИНТЕРЕСЫ РОССИИ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННЫХ ИНТЕГРАЦИОННЫХ И ДЕЗИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ НА ЕВРАЗИЙСКОМ ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Обеспечение безопасности является приоритетным направлением деятельности государства. Это связано, прежде всего, со стремлением каждой нации и каждого государства противодействовать угрозам различной направленности, желанием их предупредить или свести минимуму. На наш взгляд, рассмотрение безопасности через анализ опасностей, рисков и угроз целесообразно в силу создавшихся кризисных тенденций в современном мировом сообществе и усилении конфликтности общества.

Вопросы обеспечения безопасности и защиты национальных интересов для России приобретают актуальность в контексте развития интеграционных и дезинтеграционных процессов на евразийском постсоветском пространстве.

¹¹³³ Институты в данном случае трактуются в соответствии с «широким» пониманием С. Эрсона и Я.-Э. Лейна.

¹¹³⁴ Sheaffer T. & Shenhav S. Political Culture Congruence and Political Stability: Revisiting the Congruence Hypothesis with Prospect Theory // Journal of Conflict Resolution. 2013. No. 57 (2), pp. 232–257.

¹¹³⁵ Welzel C., Inglehart R. Political Culture, Mass Beliefs, and Value Change. 2009. URL: http://www.brandonkendhammer.com/challenges_of_democratization/wp-content/uploads/2013/12/OUP_ch09-libre.pdf (дата обращения 15.08.2019).

¹¹³⁶ См. примеры исследований ВЦИОМ URL: https://wciom.ru/news/ratings/odobrenie_deyatelnosti_gosudarstvennykh_institutov/ (дата обращения 15.08.2019).

¹¹³⁷ Andolina A., Keeter S., Zukin C. & Jenkins K. A Guide to the Index of Civic and Political Engagement for Information on the CIRCLE Research Project. 2003. URL: <http://www.civicyouth.org/PopUps/IndexGuide.pdf> (дата обращения 15.08.2019).

Интеграционные процессы в рамках Евразийского экономического союза (ЕАЭС) создают дополнительные возможности для укрепления стратегического партнерства и союзничества между Россией и странами-участницами¹¹³⁸. В свою очередь, участие России в интеграционных объединениях в той или иной мере расширяет возможности государства по реализации национальных интересов и обеспечения национальной безопасности.

Так, в качестве положительных результатов сотрудничества России и государств в рамках ЕАЭС можно назвать доступ к природным ресурсам стран-участниц, выход на их товарные рынки, разрешение проблемы упорядочения сферы трудовой миграции.

Вместе с тем интеграционные процессы закономерно не могут развиваться без процессов дезинтеграции. Точкой опоры в рамках ЕАЭС выступают не только суверенитет стран-участниц, национальные интересы, но и интересы национальных элит. Безусловно, стремление элит к получению быстрой прибыли, излишняя политизация интеграции могут привести к конфликту интересов национальных элит.

Примером столкновения интересов национальных элит можно назвать ситуации, возникшие на киргизско-казахской границе осенью 2017 года и накануне юбилейного саммита стран Евразийского экономического союза 2019 года¹¹³⁹. Все они связаны с несоблюдением обеими сторонами договоренностей о свободном передвижении товаров и услуг, установленных договором о ЕАЭС.

Стоит отметить, что Россия играет ведущую роль в Евразийском экономическом союзе, что позволяет утверждать о ее доминировании и некоем дисбалансе участников. Как показывает практика, государства — участники не редко ставят национальный суверенитет и двусторонние отношения выше, чем сам проект евразийской интеграции. Многие государства не видят четких приоритетов по экономическому сближению в формате ЕАЭС и политические интересы в определенной степени препятствуют дальнейшему углублению интеграции.

Таким образом, национальные интересы России в рамках ее взаимодействия на мировой арене могут реализовываться за счет интеграционного сотрудничества с другими государствами. На наш взгляд, для проведения согласованной внешней политики необходимо учитывать национальные интересы каждого государства-участника, а также соотносить их с целями и интересами Евразийского экономического союза. Это достаточно сложный и долговременный процесс на пути к интеграции в формате ЕАЭС.

На наш взгляд, даже при наличии у каждого субъекта многовекторной внешней политики крайне важно государствам проявлять заинтересованность в формировании и укреплении системы коллективной безопасности на евразийском постсоветском пространстве. Для совместного противодействия внутренним и внешним угрозам необходимо использовать нормативно-правовой потенциал и организующую силу институтов коллективной безопасности.

Тетерюк А. С. (Москва, МГИМО МИД России)

ОСОБЕННОСТИ GR-СТРАТЕГИЙ ТРАНСНАЦИОНАЛЬНЫХ И РОССИЙСКИХ СУБЪЕКТОВ БИЗНЕСА: ИТОГИ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОГО АНАЛИЗА¹¹⁴⁰

Совокупность внутренних и внешнеполитических факторов, влияющих на ведение коммерческой деятельности в России, среди которых экономическая ситуация, изменения в законодательстве, политические риски и международные санкции, создают трудности для представления и защиты интересов иностранных и отечественных компаний на российском рынке. Данная ситуация актуализирует поиск и использование новых форм и методов обеспечения устойчивого взаимодействия (известного как Government Relations) между государством и бизнесом с целью вовлечения коммерческих субъектов в процесс обсуждения и формирования государственной экономической политики. Конструктивный диалог между государственным и негосударственным секторами способствует нахождению оптимальных решений для насущных социально-экономических вопросов, способствуя лучшему отраслевому регулированию и экономическому росту.

Хотя для России данная сфера является сравнительно новой, она стремительно набирает популярность с конца 1990-х — начала 2000-х гг. На сегодняшний день этой проблематике уже посвящен определенный тео-

¹¹³⁸ Путин: проект евразийской интеграции доказал свою эффективность. URL: https://aif.ru/politics/world/putin_proekt_evraziyskoy_integracii_dokazal_svoyu_effektivnost (дата обращения 27.08.2019).

¹¹³⁹ What is happening on border with Kazakhstan? URL: <https://akipress.com/news:597643> (дата обращения 27.08.2019).

¹¹⁴⁰ Публикация подготовлена в рамках гранта РФФИ № 19-011-32103 «Современные технологии политико-экономического влияния транснациональных и российских субъектов бизнеса на государственные отраслевые решения в России: возможности междисциплинарного анализа».

ретический материал¹¹⁴¹. С некоторой долей уверенности можно заключить, что на концептуальном уровне феномен GR-менеджмента и его отличительные признаки изучены достаточно подробно в нескольких монографиях и диссертационных исследованиях¹¹⁴². В связи с этим вероятно, что на данном этапе изучения, для развития дисциплины, требуется теоретико-методологическая проработка уже отдельных, более конкретных аспектов осуществления GR-деятельности. Так, определенное исследовательское пространство обнаруживается в изучении специфики организационных форм лоббистской деятельности, особенно в сравнительной плоскости (корпоративный транснациональный GR, GR в консалтинге или деловой ассоциации) или в анализе уровней осуществления лоббистских усилий (на уровне построения и выбора стратегий и тактики). При этом, учитывая специфику GR, для верификации теоретических положений обязательным условием является проведение отраслевых исследований (кейс-стади), для накопления эмпирического материала, чего в настоящий момент не хватает.

С этой целью, в 2019 году, в рамках гранта РФФИ, автором были проанализированы особенности продвижения корпоративных интересов субъектами международного и российского бизнеса на примере отраслевых госрешиений с опорой на теоретический инструментарий неинституционализма, сетевого подхода и метода кейс-стади. В рамках доклада планируется представить некоторые итоги исследования и попытаться ответить на следующие вопросы:

Как соотносятся используемые в отечественной и зарубежной литературе понятия «GR-стратегия», «корпоративная политическая деятельность», «корпоративная публичная политика», «корпоративная политическая стратегия и тактика»?

Какие факторы лежат в основе планирования корпоративных политических стратегий иностранных ТНК?

Какие возможности для анализа особенностей взаимодействия государственного и коммерческого секторов предоставляет междисциплинарный подход?

Позволяют ли модели политико-управленческого цикла дополнительно обосновывать успехи или неудачи лоббистских кампаний?

Таким образом, в докладе автор попытается взглянуть на взаимодействие транснациональных и национальных бизнес-акторов с системой государственных органов Российской Федерации с позиций междисциплинарного подхода, для увязки существующей теории с эмпирическим материалом на основе кейс-стади нескольких политико-управленческих ситуаций, включающих и международную составляющую.

Тимофеева Л. Н. (Москва, РАНХиГС при Президенте РФ)

ДЕМОКРАТИЯ СЛУШАНИЯ В РОССИИ И МИРЕ: ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ

Критикуя современные практики демократии, говоря о ее дефектах и дисфункциональности, мы мало исследуем такую ее проблему как «отзывчивость» власть предержащих. К примеру, мы давно смирились с тем, что со временем одно из завоеваний Великой французской революции — императивный мандат депутатов парламента сначала был отменен в европейских странах, а в 1993 году и в России. Между тем последние выборы в региональные органы власти 8 сентября 2019 г. показали, что граждане все меньше доверяют выдвиженцам из парламентских партий. Неслучайно в статье в газете «Известия» 1 июля 2019 г. под названием «Единая Россия» — курс на перемены» накануне ее съезда лидер партии, председатель Правительства РФ Д. А. Медведев падение доверия к ней связал с плохой коммуникацией и отсутствием общественного контроля. Поэтому среди четырех важных направлений работы партии помимо нацпроектов он обратил внимание на выстраивание диалога партии с гражданами, защиту их прав, необходимость совершенствования «инструментов контро-

¹¹⁴¹ Дегтярёв А. А., Тетерюк А. С., Бондарев А. Д. Учет взаимосвязи циклической динамики «внешней» и «внутренней» среды работы бизнес-организаций в современном GR-менеджменте // Вестник МГИМО-Университета. 2018. № 1. С. 63–93; Дегтярёв А. А. Современный GR-менеджмент как сфера межсекторального управления // Предметное поле экономической политологии: монография / Под ред. Л. Е. Ильичёвой, В. С. Комаровского. М.: Аспект Пресс, 2018. С. 170–180; GR-связи с государством: теория, практика и механизмы взаимодействия бизнеса и гражданского общества с государством / Под ред. Л. В. Сморгунова, Л. Н. Тимофеевой. М., 2012; GR и лоббизм: теория и технологии / Под ред. В. А. Ачкасовой, И. Е. Минтусова, О. Г. Филатовой. М., 2015.

¹¹⁴² Толстых П. А. GR: Практикум по лоббизму в России. М., 2007; Шохин А. Н. Бизнес и власть в России: теория и практика взаимодействия. Монография. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2011. 349 с.; Ильичева Л. Е. Государство, бизнес, общество: проблемы оптимизации взаимодействия. М.: ИНЭК, 2010. 296 с.; Шетов А. А. GR-менеджмент как инструмент управления взаимодействием организации с государством. дис. канд. полит. наук. М. РАНХиГС, 2015. 162 с.; Котиев Д. Б. GR-технологии как фактор развития взаимоотношений бизнес-структур и государства в современной России (политологический анализ). дис. канд. полит. наук. М. РАНХиГС, 2010. С. 191; Хлытчиев И. И. Институционализация связей с органами государственной власти (GR) в публичной сфере современной России. Дис. канд. полит. наук. М. РАНХиГС, 2014. 181 с.

ля над деятельностью партии». А уже сразу после единого дня голосования в органы власти, 9 сентября он обозначил следующую задачу, которую необходимо решить: выполнение едиными обещаниями данных своим избирателям. Что же происходит в практике российской демократии, и не только российской, что вызывает отчуждение от власти, говорим ли мы о «желтых жилетах» во Франции или о выступлениях представителей прекариата в Италии и т. д.?

Английский философ Гиден Калдер обозначил эту проблему как «потерю слуха»¹¹⁴³, отметив, что, несмотря на крайне рефлексивную природу демократической теории, структура и детали слушания остаются без внимания ученых, не говоря уже о политиках. Между тем, демократия, как известно, занимается соотношением голосований с принятием решений. Американский футуролог и философ Элвин Тоффлер в «Шоке будущего» делает вывод о том, что сегодня в политике определять цели без тех, на ком это скажется, губительно для общества. «Нам нужно буквально «идти к людям» с вопросом, которого им почти никогда не задавали: «Какой мир вы хотите через десять, двадцать или тридцать лет? Короче говоря, нам нужно инициировать непрерывный плебисцит о будущем»¹¹⁴⁴. В этих целях он предложил регулярно созывать «ассамблеи социального будущего». Это позволяют сделать современные каналы электронной коммуникации. Население устало от специализированных дискуссий о том, как добраться куда-то, куда оно не уверено, что хочет идти, но его призывает туда отправиться элита. Чтобы избежать шока будущего, человек должен научиться управлять эволюцией, предвидеть и создавать его с помощью более эффективных приемов политической коммуникации.

Во всех значимых философских трудах, посвященных настоящей теме, мы обнаруживаем различные представления о том, каким образом следует проводить учет «гласа народа» и его обработку, а также о последующем его влиянии на законодательный процесс»¹¹⁴⁵. При этом вопросов больше чем ответов: кого и как слушать, когда, при каких обстоятельствах, как реагировать на критику и замечания и т. д. Как пишет Фрэнк Каннингем, граждане принимают участие в демократическом процессе «с заранее заданными предпочтениями, которые они стремятся осуществить с помощью демократических институтов и правил»¹¹⁴⁶; такая модель не является рефлексивной. Под ней подразумевается агрегативное суммирование заданных индивидуальных и изолированных друг от друга предпочтений, а не оценивание или обмен взглядами относительно них. Кроме того, это влечет за собой «слепоту в отношении субъектов, лишенных речи».

Так что же надо совершенствовать в современных моделях демократии? Проблематика слушания является актуальной для всех моделей демократии. Ближе всего к воплощению реального слушания «гласа народа» дискурсивная демократия. По мнению Джона Драйзека, дискурсивная более рефлексивна, плюралистична, динамична, готова к постоянно меняющимся ограничениям и возможностям демократизации¹¹⁴⁷. Необходимо решить и ряд других вопросов. Приблизить «уши депутатов и парламентских партий» к электорату. Надо ли для этого вернуться к императивному мандату? Сделать парламенты более «представительными». Авторы канала «Адвокат» предлагают обратить внимание на возможную количественную середину для Москвы в пропорции Большого Парижа (163 городских депутата на 7 миллионов населения) и Нью-Йорка (51 депутат на 8,5 миллиона), когда число избирателей на депутата 200+ тысяч. Важно также научиться «слушать» представительное меньшинство в парламенте, а для этого рассмотреть предложение С.М. Миронова, лидера «Справедливой России», о принятии закона о правах партий парламентского меньшинства.

Тодорова Р. В. (Москва, РУДН)

ВОЗОБНОВЛЯЕМЫЕ ИСТОЧНИКИ ЭНЕРГИИ КАК ДВИЖУЩАЯ СИЛА ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ РЕСПУБЛИКИ БОЛГАРИИ

Такие проблемы охраны окружающей среды, как, например, глобальное потепление и кислотные дожди, все чаще связывают с ископаемыми топливами. По этой причине идет активный поиск новых, альтернативных способов получения энергии. В начале XXI-ого века человечество все чаще сталкивается со стремительным увеличением потребности в электроэнергии для разных частей мира, особенно для развивающихся регионов Азии, Африки и Латинской Америки. Если тенденция сохранится, увеличенный объем производства приведет к повышению уровня сжигания ископаемых видов топлива. Это, возможно, приведет к повышению уровня углекислого газа в атмосфере и к усугублению одной из глобальных экологических проблем — глобально-

¹¹⁴³ Калдер Г. Демократия и слушание // Логос. 2015. Том 25. № 6. С. 227–242.

¹¹⁴⁴ Тоффлер Э. Шок будущего. М., 2001. С. 520.

¹¹⁴⁵ Калдер Г. Демократия и слушание // Логос. 2015. Том 25. № 6. С. 230.

¹¹⁴⁶ Cunningham F. Theories of Democracy. N. Y.; L.: Psychology Press, 2002. P. 163.

¹¹⁴⁷ Dryzek J. Deliberative Democracy and Beyond: Oxford: Oxford: University Press, 2000. P. 3.

му потеплению. Даже если самые пессимистические прогнозы мирового развития не сбудутся, приближается момент естественного истощения мировых запасов топлива, несмотря на то, что в последние годы были обнаружены новые месторождения, которые обеспечат использование энергии этого вида в XXI веке. Вероятно, предстоит рост цен на электроэнергию, производимую на теплоэлектроцентралях (ТЭЦ)¹¹⁴⁸, так как, с одной стороны, новые месторождения требуют новых денежных инвестиций, с другой стороны, нужно оборудовать эти теплоэлектроцентрали с помощью новых технологий, сохраняющих окружающую среду и воздух. Поэтому, скорее всего, в развитых и в развивающихся странах произойдет реструктурирование баланса распределения источников энергии. Тогда перед нами будут две альтернативы добычи и производства энергии — ядерная энергия и нетрадиционные источники энергии.

Польза производства электрической и тепловой энергии из возобновляемых источников энергии (ВИЭ) хорошо известна как в Европейском союзе (ЕС), так и в Болгарии¹¹⁴⁹. Европа ориентирована на новую общую энергетическую политику, реализация которой, утвержденная на европейском уровне, представляет собой пакет комплексных мер по переориентации экономики государств-членов на эффективное использование энергии низкоуглеродных источников и повышение энергоэффективности.

Новая энергетическая политика ЕС вызвана изменениями климата, которые, особенно в последние годы, принимают все более угрожающий характер. Глобальные вызовы, связанные с окружающей средой, требуют ответа и принятия мер на глобальном, региональном, национальном и местном уровнях. К государствам-членам предъявляются все более серьезные требования увеличить долю возобновляемых источников энергии в конечном энергопотреблении. Эти требования регламентированы рядом правовых норм первичного и вторичного права ЕС и внедряются в национальную политику и законодательство государств-членов. Политика чистой энергии ставит перед собой фундаментальные цели широкого спектра, главные среди которых: поощрение конкурентоспособности и трудовой занятости; укрепление позиций ЕС как партнер в устойчивом развитии; безопасность энергоснабжения и соблюдение требований к охране окружающей среды путем внедрения ВИЭ; обеспечение доступа к основным товарам и услугам.

Энергия ВИЭ и энергоэффективность могут оказать значимое воздействие на вызовы, с которыми сталкиваются остальные секторные политики. ВИЭ представляют собой так называемую «зеленую энергию»¹¹⁵⁰, которая должна заменить часть традиционных источников энергетических ресурсов, тогда как энергоэффективность связана, прежде всего, с политикой снижения расходов на энергию и тепло. Практически «зеленая энергия» является частью политики энергетической эффективности¹¹⁵¹.

Мировые запасы топлива приближаются к моменту естественного истощения. Европейскому союзу, как и в Болгарии, известна польза от возобновляемых источников энергии (ВИЭ). Со своей стороны, Европа ориентируется на новую общую энергетическую политику, которая представляет собой пакет комплексных мер по переориентации экономики государств-членов на эффективное использование энергии низкоуглеродных источников и также повышение энергоэффективности. В последние годы изменение климата принимает все более угрожающий характер, в связи с чем формируется новая энергетическая политика на территории Европейского союза и, в частности, на национальном уровне в Болгарии.

Томашевски В. (Польша, Ольштын, Варминско-Мазурский университет)

СОТРУДНИЧЕСТВО КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ С ВАРМИНСКО-МАЗУРСКИМ ВОЕВОДСТВОМ КАК ФАКТОР ПОЛИТИЧЕСКОГО И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ОБЛАСТИ

Объектом анализа в докладе станет Калининградская область. Калининградская область является очень важным регионом в Российской Федерации. Это связано с его геополитическим положением. В работе будут указаны основные современные направления политического и социально-экономического развития Калининградской области, что может быть следствием сотрудничества с Варминско-Мазурским воеводством. Будет проанализировано сотрудничество властей обоих регионов и предпринятые действия. Будут представлены перспективы сотрудничества регионов и потенциальные возможности для развития этого сотрудничества. Представленные действия органов государственной власти в Калининградской области и Варминско-Мазур-

¹¹⁴⁸ Цонков Н. Экономическая безопасность Болгарии в условиях глобализации. Диссертационный труд. Военная академия. София, 2012.

¹¹⁴⁹ Энергетическая стратегия Республики Болгария до 2020 года о надежной эффективной и чистой энергетике (проект). 2011 г.

¹¹⁵⁰ Набатов Н. Электроэнергетика Болгарии. Тангра; София, 2011.

¹¹⁵¹ Национальный план действий по энергии из возобновляемых источников энергии. 2010 г.

ском воеводстве будут представлены. Будут проанализированы возможности повышения туристической привлекательности Калининградской области для жителей Варминско-Мазурского воеводства.

Будут представлены факторы, усиливающие сотрудничество, и факторы, которые ослабляют сотрудничество. Значение и последствия упрощенного разрешения на въезд будут показаны. Будут проанализированы факторы, блокирующие развитие региональных отношений, например, упразднение Малого пограничного движения. Кроме того, будут представлены основные положения «Стратегии социально-экономического развития Варминско-Мазурского воеводства» относительно сотрудничества местных органов власти с Калининградской областью. Положения Стратегии предусматривают укрепление сотрудничества бизнеса, науки, администрации и местного сообщества. Стратегия также предусматривает сотрудничество в рамках новых технологий и морской экономики.

Среди приоритетов сотрудничества с Калининградской областью: поддержка экспортно-ориентированных инициатив, мероприятий по повышению туристической привлекательности Висло/Калининградской лагуны, а также культурные мероприятия. Такое партнерство должно способствовать росту потенциала Варминско-Мазурского воеводства, а также Калининградской области. В докладе будут проанализированы возможности такого сотрудничества и потенциальные политические и социально-экономические выгоды для Калининградской области.

Трифонов Н. Т. (Москва, РУДН)

ПОЛИТИКА ДАРЕНИЯ БОЛГАРСКИХ НЕПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ КАК СТАБИЛИЗАТОР ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

Неотъемлемым институтом гражданского общества являются неправительственные организации. Эффективность деятельности неправительственных организаций во многом определяется финансовыми возможностями. Можно перечислить следующие основные типы финансирования в социальной сфере, характерные для болгарских неправительственных организаций: доходы от собственной деятельности, участие в проектах ЕС, членские взносы, дарения.

С 2013 по 2016 г. наблюдается уменьшение средств, предоставленных международными фондами, при этом болгарские фонды увеличивают вклады. В 2016 году существенный взнос в долю предоставленных дарений имеет фонд «Америка для Болгарии». Он составляет, примерно, около 30 000 000 левов.

Плюсы и минусы осуществляемой в Болгарии политики дарения НПО.

Плюсы:

1. Целеполагание НПО, это, прежде всего, социальная сфера, что является основным стабилизирующим фактором гражданского общества.
2. Финансирование со стороны ЕС и США укрепляет развитие демократических основ в Болгарии, потому что направлено на развитие гражданского общества.
3. Явные результаты, которые достигнуты НПО, благодаря их целевым проектам, приводят к повышению активности индивидуальных дарений в виде формата гражданских инициатив.
4. Дарения со стороны болгарских и иностранных фондов в области образования ведут к укреплению культуры гражданского общества.
5. С учетом информатизации общества проявляется доступность информационного обеспечения политики дарения.
6. Во время болгарского председательства в Совете Европы вступили в силу законодательные изменения, которые облегчили регистрацию НПО в Болгарии, и таким образом политика дарения становится более доступной.

Минусы:

1. Дарения в сфере образования, несмотря на то, что они имеют самое большое количество, не приводят к улучшению образовательной системы Болгарии.
2. Информация о политике дарения подается чаще всего в контексте интересов субъектов этой политики, что противоречит принципам гражданского общества.
3. Самое большое количество дарений предоставлены американскими и европейскими неправительственными организациями, а это не отвечает полностью интересам национальной безопасности Болгарии.
4. Законодательные налоговые облегчения не совсем эффективно стимулируют политику дарения НПО.

В итоге политика дарения НПО в Болгарии представляет собой, прежде всего, поддержку социальных сфер, инвестиции зарубежных фондов, информационное Интернет-обеспечение, источники дарения.

Деятельность болгарских неправительственных организаций осуществляется на нескольких уровнях: на законодательном, административном, информационном, внешнеполитическом, миграционном, демографическом, межнациональном.

На законодательном уровне должен продолжиться процесс по облегчению регистрации деятельности НПО, и законодательству необходимо увеличить процент налогового облегчения на средства, которые НПО получает как дарения. В законе о «Подходном и корпоративном налогообложении» важно повысить размер налоговых облегчений при дарении к НПО, чтобы стимулировать еще больше финансирования НПО со стороны бизнеса.

Эти рекомендации могут способствовать более эффективной реализации в направлении политики дарения как инструмент гражданского общества.

Все вышеобозначенные уровни показывают, что функционирование болгарских НПО во многом отражают несамостоятельность и зависимость от ЕС, США и других внешнеполитических факторов. Поэтому, несмотря на некоторую успешность НПО в реализации этой политики, для более ее стабильного утверждения следует уделить внимание тому, что все-таки источники финансирования должны быть наиболее независимыми от зарубежных представителей. Кроме того, требуется действительная заинтересованность государственной власти Болгарии в развитии политики дарения НПО. Зарубежное финансирование существенно ограничивает самостоятельность болгарских НПО, и они в меньшей степени могут защищать интересы гражданского общества.

Политическая ситуация в Болгарии с каждым годом предъявляет к неправительственным организациям все более возрастающие требования эффективного функционирования. При этом НПО, с одной стороны, в своей деятельности должны быть гибкими и адаптированными запросам глобализирующегося мира и, с другой стороны, отвечать интересам гражданского общества. В этих условиях неправительственные организации выстраивают собственную стратегию в решении внешне и внутривнутриполитических задач с учетом имеющихся политических и социально-экономических запросов.

Тунаев А. В. (Ростов-на-Дону, ЮФУ)

ИДЕОКРАТИЯ: ОПЕРАЦИОНАЛИЗАЦИЯ ПОНЯТИЯ

Либерализм, социализм, коммунитаризм, анархизм, национализм являются главными идеологиями, которые исследует политическая наука. Однако анализируя современные политические процессы, можно с уверенностью сказать, что ни в одном государстве ни одна идеология не может быть воспроизведена в классическом смысле реализации ее идей и ценностей. Классическое понимание идеологии в современной политической науке приобрело историко-теоретический контекст, интерес смещается в сторону изучения идеологием, когнитивно-морфологических и постмодернистских практик¹¹⁵². Идеология трактуется не как целостная конструкция, а как набор различных концептов, которые используются для формирования политических решений. Исходя из этого, идеократия представляет собой как конкретный механизм реализации идеологии, так и состояние идеологизации власти и общества, в котором важен процесс не достижения ценностей (демократии, правового государства, справедливости), а использования идеологием и концептов различных идеологий с целью создания ложных когнитивных и дискурсивных практик¹¹⁵³.

Немецкие исследователи У. Бакес, Ш. Кайлиц¹¹⁵⁴ определяют идеократию как политическую систему, деятельность которой осуществляется в соответствии с принципами единственной идеологии. Легитимность политической системы вытекает из идеологии, которая устанавливает универсальную систему ценностей для участников социальной системы. Идеократический режим предполагает наличие государственного аппарата, безошибочно принимающего решения. Идеократию от других видов политических систем отличает тот факт, что легитимность выводится исключительно из принципов самой идеологии.

Органическая концепция сообщества, которая имеет принципиально значение в идеократии, не только рассматривает человека как неотъемлемый элемент общества, но и концептуализирует само общество как сложный организм. В нем подчеркиваются уникальные характеристики каждой фундаментальной социальной

¹¹⁵² Поцелуев С. П. и др. Праворадикальные аттитуды донских студентов: игры на идеологической периферии // Символическая политика. Сборник научных трудов. Сер. «Политология» РАН. М., 2017. С. 239–242.

¹¹⁵³ Поцелуев С. П., Константинов М. С. Современный правый радикализм: проблема идентификации признаков // Политическая концептология: журнал междисциплинарных исследований. 2014. № 3. С. 70–90.

¹¹⁵⁴ Backes U., Kailitz St., eds. (2013). Ideokratien im Vergleich: Legitimation — Kooptation — Repression. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2013.

группы. Кроме того, монистическая идеология идеократической системы идентифицирует свое собственное сообщество как священную коллективность, превосходящую другие общества, которые считаются менее развитыми. Все методы решения социальных проблем должны быть идеологически правильными, то есть они должны соответствовать общей идеологической системе отсчета.

Таким образом, идеократия создает такую политическую систему, которая получает свою легитимность от принципов монистической идеологии. Эта монистическая идеология предполагает объяснение все аспектов реальности и требует подчинения всех сфер человеческого поведения. Идеократию можно сравнить с традиционной религией. В обоих случаях истина должна быть реализована в их сфере, многие идеократии подразумевают полное или частичное слияние религии с исторической доктриной. Идеократия имеет и метафизический характер, который выражается в сверхъестественных качествах, приписываемых их органическому сообществу. Подчинение политической системы идеологическим задачам, непременно приводит к формированию идеократии.

Несмотря на историческую удаленность от тоталитарных режимов, основанных на доминировании идеологии, современные процессы противостояния деидеологизации свидетельствуют о необходимости в дискуссионном порядке рассмотреть идеократию, основываясь на когнитивно-морфологическом подходе М. Фридена и Т. ван Дейка.

*Туровский Р. Ф. (Москва, ЦПТ),
Лютикова А. П. (Москва, НИУ ВШЭ)*

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ПАРТИЙНОЙ СИСТЕМЫ НА УРОВНЕ ГОРОДСКИХ И СЕЛЬСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ

Исследования национализации партийной системы получили свое развитие преимущественно в западной научной литературе. В целом, в зарубежной литературе национализацию принято связывать с интеграцией периферии в партийную систему страны, с включенностью различных территорий в политический процесс и, как следствие, демократизацией электорального процесса. При изучении российского случая стоит принимать во внимание, что национализация партийной системы была культивирована сверху, в частности, посредством введения законодательства, в соответствии с которым организации, претендующие на статус политической партии, должны иметь региональные отделения в большей части субъектов. Для российской партийной системы последнего десятилетия характерно доминирование в электоральном поле четырех партийных игроков. Принимая во внимание важность территориальных особенностей электорального поведения, изучение российской партийной системы стоит продолжить через рассмотрение слабоизученного аспекта, а именно — участия партийных акторов в выборах на муниципальном уровне. Рассмотрение партийных систем на уровне самых мелких муниципалитетов, а именно — городских и сельских поселений, позволит приблизиться к пониманию вовлеченности местных сообществ в функционирование партийной системы страны.

В работе рассмотрены прямые выборы глав поселений десяти субъектов Северо-Западного федерального округа (за исключением Санкт-Петербурга) за 2009–2019 гг. Северо-Западный федеральный округ характеризуется повышенной конкурентностью политического процесса. На этой территории наблюдается и повышенный уровень оппозиционности электората, продиктованный, в частности, культурными паттернами рассматриваемого макрорегиона. Временные рамки позволяют проследить динамику национализации и институционализации различных партийных организаций и сделать выводы о перспективах развития партийной системы. Примечательно, что рассматриваемый период включает переломный момент в развитии политической и партийной систем страны. Думские выборы 2011 года повлекли за собой рост протестных настроений и стали причиной нового роста территориального разнообразия представленности партий. Однако уже в 2012 году федеральные элиты обращаются к политике, призванной вернуть контроль за политическим процессом на местах. В частности, это стало возможным благодаря директивному регулированию правил вхождения в электоральное пространство на всех уровнях.

Всего в собранной нами базе данных содержится 1650 наблюдений. В ряде регионов были зафиксированы несколько электоральных циклов, что позволяет сформулировать выводы о динамике развития партийной системы на локальном уровне и институционализации некоторых партийных игроков. Анализ показывает кардинальные различия между отдельными регионами. Национализация партийной системы описывается, в частности, средним показателем конкурентности выборов глав муниципальных образований, именно, средним количеством выдвижений, как партийных кандидатов, так и самовыдвиженцев на посты глав поселений.

Калининградская область и Ненецкий автономный округ в этом плане отличаются высокими показателями конкурентности. В целом, однако, высокая степень конкурентности локальных выборов в Северо-Западном федеральном округе преимущественно обеспечивается за счет выдвижения беспартийных кандидатов.

Индикатором национализации отдельной партийной структуры является уровень ее вовлеченности в электоральную борьбу. Одним из способов измерения национализации стал подсчет доли территорий, где партия была представлена на выборах, от общего количества наблюдаемых территориальных единиц. В основе лежит предположение о том, что партия, стремящаяся достигнуть общенационального представительства, максимизирует возможность повсеместного выдвижения. Наиболее высокий уровень представленности кандидатов «партии власти» на выборах наблюдается в Новгородской области, в этом регионе практически полное территориальное покрытие. Ниже всего доля выдвижения кандидатов от «Единой России» в Карелии и Ненецком АО. Это перекликается и с относительно низким уровнем успешности кандидатов от этой партии на выборах.

Что касается оппозиционных партий, то самая высокая доля выдвижений кандидатов КППРФ зафиксирована в Калининградской области. Напротив, в Архангельской, Вологодской областях, республиках Карелия и Коми КППРФ практически не представлена на выборах глав муниципальных образований. Новгородская область отличается высоким уровнем представленности ЛДПР. Тем не менее, в этом регионе наблюдаются доминирование «партии власти» и низкий процент электоральных успехов кандидатов от партий системной оппозиции и даже самовыдвиженцев. Относительно высокий уровень участия ЛДПР также отмечен в Вологодской области и Ненецком автономном округе. Но кандидаты от ЛДПР, несмотря на активное участие, не способны обеспечить успешный электоральный исход. Активное участие «Справедливой России» наблюдалось в Калининградской области. Как и в случае с ЛДПР в Новгородской области, несмотря на высокий уровень вовлеченности в электоральный процесс, кандидаты от «Справедливой России» не смогли стать конкурентоспособными. Тем не менее, в разрезе всего федерального округа кандидаты от этой партии заняли руководящие посты в 28 муниципалитетах, что выше показателя числа побед КППРФ и ЛДПР. Это подтверждает статус «Справедливой России», как второй «партии власти», способной выстраивать отношения с локальными элитами.

Полученные выводы позволяют заключить, что присутствие партий системной оппозиции очень сильно локализовано. При этом даже в случаях, когда партии проявляют активность в поселениях, это не является гарантией благополучного исхода выборов. На муниципальном уровне главной противостоящей силой всей партийной системе являются самовыдвиженцы. Наш индекс партизации отражает усредненный показатель доли выдвижений партийных кандидатов от общего количества кандидатов в поселениях. В Северо-Западном федеральном округе этот показатель достигает отметки в 48%. При этом в 25% наблюдаемых случаев самовыдвиженцы выигрывали муниципальные выборы и занимали посты глав сельских и городских поселений. Показательными здесь являются Ненецкий автономный округ и Архангельская область, где процент побед самовыдвиженцев колеблется около 40%. Альтернативный способ подсчета уровня национализации партийной системы состоит в определении субъектов, в которых партии вовсе не участвуют в локальных выборах. Выборы без участия партий чаще наблюдались в Вологодской области и Карелии.

Необходимо также обратить внимание на феномен институционализации партийной системы. Эмпирически ее можно определять через воспроизводство территориальных паттернов участия в выборах, что подразумевает наличие у партий ядерного электората. Анализ уровня институционализации партий на локальном уровне затруднен отсутствием устойчивой системы выборов, особенно если речь идет об электоральных процессах, связанных с избранием глав муниципалитетов. Одной из особенностей электорального процесса в наблюдаемых регионах становится отсутствие воспроизводства поддержки партий системной оппозиции. Среди муниципалитетов, в которых было обнаружено устойчивое оппозиционное голосование (в двух и более электоральных циклах кандидат от «Единой России» проигрывал выборы), не зафиксированы случаи, когда кандидат от оппозиции побеждал в двух случаях подряд. Опять же, преимущественно самовыдвиженцы, а не кандидаты от партий выступали в качестве антагонистов «Единой России».

Таким образом, можно сделать вывод о том, что на локальном уровне система с доминирующей партией до сих пор выстроена не во всех субъектах федерации и сталкивается с вызовом в виде необходимости противостояния локальным акторам, не инкорпорированным в партийную систему, т.е. «независимым» кандидатам. Несмотря на то, что проникновение «Единой России» на муниципальный уровень велико, разработанный нами индекс партизации в Северо-Западном федеральном округе составляет 48%. Партии системной оппозиции в данном округе ослаблены, их присутствие на выборах имеет эпизодический характер, а успехи единичны. Даже в тех случаях, когда та или иная политическая сила хорошо представлена на уровне поселений (КППРФ и «Справедливая Россия» в Калининградской области, ЛДПР в Новгородской области), партии системной оппозиции почти никогда не способны мобилизовать поддержку, достаточную для обеспечения своих побед.

ВНЕШНЯЯ И ВНУТРЕННЯЯ ПОЛИТИКА КНР: ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ НА 2019 Г.

КНР — не просто крупная держава, это страна особой цивилизации. По исследованиям российских экономистов Китай выходит на передовые позиции. Китай вступил в ВТО в ноябре 2001 г. По территории Китай уступает только России и Канаде, но по численности населения (1 млрд с четвертью) является самой большой страной мира с большим потенциалом потребителей и производителей конкурентоспособных товаров. На мировом рынке преобладают, прежде всего, трудоемкие отрасли Китая: одежда и другие виды текстильных изделий, обувь, игрушки, бытовая техника.

Благодаря осуществлению рыночных реформ и политики открытости внешнему миру, по совокупности экономической мощи Китай в 2002 г. вышел на 6 место в мире. Среднегодовые темпы экономического роста с 1990 г. по 2003 г. составили 9,3%. По среднему душевому производству ВВП в 2003 г. Китай занимал 110 место в мире — 1087 долл. США (средний показатель душевого ВВП по миру в целом в 2002 г. составил 5080 долл. США). Китай по объему ВВП, по мнению китайских аналитиков, будет занимать в 2005 г. 4 место в мире. По данным Китайской ассоциации производителей электробытовых товаров, Китай сейчас производит 24% стиральных машин в мире, 16% холодильников, 30% кондиционеров воздуха.

Китай определил приоритеты социально-экономического развития на 2019 год. Акценты расставлены на открывшейся 5 марта в Пекине сессии Всекитайского собрания народных представителей — высшего органа государственной и законодательной власти КНР.

По плану властей, китайская экономика в нынешнем году будет развиваться темпами в 6–6,5%. Экономический рост в нынешнем году планируется, в частности, обеспечить за счет более активной государственной инвестиционной политики. Так, для расширения инвестиционной деятельности на местах будут значительно увеличены масштабы выпускаемых местными правительствами целевых облигаций, планируется выпуск местных целевых облигаций на сумму 2 триллиона 150 миллиардов юаней, что на 800 миллиардов юаней больше чем в 2018 году.

В 2019 году Китай продолжит традиционно много инвестировать и в развитие инфраструктуры. В частности, на строительство железных дорог будет направлено 800 миллиардов юаней, на развитие водного транспорта и шоссе — еще 1,8 триллиона юаней. Решено приоритетно увеличивать ассигнования на интенсивную ликвидацию бедности, на сельское хозяйство, научно-технические инновации и охрану окружающей среды.

Во внешнеполитическом плане КНР пытается играть самостоятельную роль в качестве крупнейшей региональной державы и как один из центров силы в будущем многополюсном мире. В этом китайское руководство поддерживает Россия, и весьма настороженно относятся США и их ближайшие союзники. В связи с этим ставится цель укрепить социальное обеспечение населения. Пленум особенно обратил внимание на необходимость безотлагательного решения проблемы несоответствия между существующим развитием в области экономики и слабым развитием социальной сферы.

Политическая система КНР фактически однопартийная. Хотя в Китае существует несколько партий, ведущая и руководящая роль Коммунистической Партии Китая (КПК) прописана в конституции КНР. Согласно этому документу, «Китайская Народная Республика есть социалистическое государство демократической диктатуры народа, руководимое рабочим классом (через Коммунистическую партию Китая) и основанное на союзе рабочих и крестьян. В стране установлен социалистический строй. Вся власть принадлежит народу. Народ осуществляет государственную власть через Всекитайское собрание народных представителей и местные собрания народных представителей различных ступеней».

О реформе политической системы говорится мало, что вполне объяснимо. Ни Ху Цзиньтао, ни Вэнь Цзябао, ни члены их команды к либералам не относятся. Безусловно, они признают необходимость проведения политических реформ, но только как дополнение к экономическим преобразованиям. Наверное, такой подход в сегодняшних условиях Китая единственно возможный. Либерализация политической жизни порождает ожидания, которые потом трудно удовлетворить. Именно поэтому в материалах пленума заявлено, что необходимо, исходя из требований построения гармоничного общества, базирующегося на демократии и управлении на основе законов, справедливости, искренности, полноценности жизни, спокойствию и порядку, гармонии человека и природы, правильно регулировать сложившиеся в новой обстановке противоречия внутри народа, по-настоящему разрешать наиболее актуальные, значимые для народных масс и непосредственно связанные с ними проблемы.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ОБРАЗА США В ПОЛИТИЧЕСКОМ СОЗНАНИИ РОССИЙСКИХ ГРАЖДАН В 2018–2019 ГГ.

В данных тезисах представлены результаты исследования, проведенного в 2018–2019 гг. кафедрой социологии и психологии политики факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова в рамках проекта РФФИ №18-011-01138А «Образ страны в российском обществе: политико-психологический анализ», при участии персонала департамента политологии и массовых коммуникаций Финансового университета при Правительстве РФ. В рамках исследования изучались особенности восприятия зарубежных стран, в том числе Соединенных Штатов Америки, российскими гражданами и проводился анализ изменения их образа в зависимости от ряда политико-психологических факторов.

Концепция и методология исследования базируется на принципах российской политико-психологической школы МГУ имени М.В. Ломоносова, возглавляемой Е.Б. Шестопал. Мы исходим из того, что образ состоит из трех компонентов, которые соответствуют когнитивному, эмоциональному и поведенческому профилям восприятия¹¹⁵⁵, а также находятся в непрерывном взаимодействии, благодаря чему синтезируют новые векторы трансформации образа, характер его внутренней структуры и степень эмоциональной насыщенности¹¹⁵⁶.

В процессе исследования были использованы качественные методы политико-психологического исследования — формализованное интервью и проективный тест.

Гипотеза исследования состоит в том, что образ США в сознании россиян трансформируется под определяющим влиянием общественно-политического дискурса в СМИ, в то время как влияние социокультурных и поколенческих факторов на систему представлений менее выражено. Именно с этим процессом связана прямая зависимость актуализации национально-государственной идентичности россиян в период формализации и четкого проявления «образа значимого другого» вписанного в систему «биполярного мировосприятия» («противостояния с врагом», «коалиции с друзьями» и т.п.).

Результаты проведенного исследования можно представить в виде следующих выводов:

1. Специфика политической социализации респондента влияет на структуру сформированного в его сознании образа таким образом, что акцентирование одних его компонентов и умаление других напрямую зависит от возраста, наслоения нескольких политико-идеологических парадигм, транслируемых действующей в различные периоды властью. При этом целостное представление о США зависит от представлений об исторических и культурных взаимосвязях с этой страной, которые в некоторых случаях могут иметь противоречивый характер и проходить через призму исторического опыта взаимодействия, как позитивного, так и негативного. Такое соотношение представлений о стране, может повлиять на изменчивость образа, его относительную целостность и способствовать деформации. Таким образом, на содержание и структуру образа зарубежной страны, сформированного в сознании респондента, влияют как устойчивые, так и изменчивые факторы. Их деление достаточно условно, тем не менее, имеет смысл представить данные факторы двумя автономными группами, в зависимости от силы и продолжительности влияния на восприятие.

2. К первой группе мы относим устойчивые (долговременные) факторы¹¹⁵⁷:

а) специфика политической социализации в различные политические эпохи (эпохи правления тех или иных политических лидеров), то есть историко-культурные и политико-экономические условия, в которых происходит первичная социализация индивидов;

б) особенности международных отношений и наполнение в связи с ними общественно-политического дискурса определенными топиками;

в) особенности политической идеологии, поддерживаемой российским государством в различные периоды истории, деятельность государственных институтов социализации по формированию и поддержанию национально-государственной идентичности граждан ввиду реально имевшего место исторического опыта взаимодействия с США.

3. Ко второй группе мы относим изменчивые (кратковременные) факторы:

¹¹⁵⁵ Евгеньева Т.В., Селезнева А.В. Образ «врага» как фактор формирования национальной идентичности современной российской молодежи // *Полития: Анализ. Хроника. Прогноз*. 2007. №3. С. 83–92; Титов В.В. Политика памяти и формирование национальной государственной идентичности: российский опыт и новые тенденции. М.: Ваш формат, 2017. С. 18–28. 3 Шестопал Е.Б., Смутькина Н.В. Факторы восприятия постсоветских стран в современном обществе // *Полис. Политические исследования*. 2018. №1. С. 26–44.

¹¹⁵⁶ Путин З.О.: общество и власть в новейшей истории России / Под ред. Е.Б. Шестопал. М.: АРГАМАК-МЕДИА, 2015. С. 50–58.

¹¹⁵⁷ Белоконов С.Ю., Евгеньева Т.В., Усманова З.Р. Образ США в контексте трансформации российской идентичности // *Власть*. 2019. №03 (т. 27) (май-июнь). С. 20–27.

а) специфика общественно-политического дискурса, транслируемых СМИ мнений и отношений к историческим событиям, происходящим в США и реакции на них политических лидеров России, а также современная политическая конъюнктура, которая отражается в массовой коммуникации (современный общественно-политический дискурс и его корреляция с дискурсом в предыдущие эпохи);

б) значимые и резонансные события, произошедшие в течение года, в который собирались интервью у респондентов, и общественное мнение, сформированное вокруг них.

Фан И. Б. (Екатеринбург, ИФиП УрО РАН)

СИМВОЛИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА В ГЕНДЕРНОМ РАКУРСЕ

Символическая политика в современной России характеризуется достаточно выраженным консервативным поворотом, который в значительной степени касается и официальной позиции в отношении гендера. Символическую политику О. Ю. Малинова определяет как «деятельность, связанную с производством определенных способов интерпретации социальной реальности и борьбой за их доминирование»¹¹⁵⁸. В отличие от идеологии символическая политика складывается как совокупность символических действий и мер элиты, представленных в публичном пространстве с целью предотвращения претензий каких-либо иных акторов на политическое участие.

В рамках одного из теоретических подходов символическая политика рассматривается как дискурсивная практика, то есть «мягкая» сила (soft power) смыслообразования и когнитивного принуждения к определенному видению реальности¹¹⁵⁹. Главными ресурсами когнитивного принуждения обладают органы государственной власти, управляющие информационными службами, многими СМИ, системами GR, образовательными учреждениями. Государственная символическая политика, как форма soft power, использует данный коммуникативный ресурс для систематического производства и поддержания символов власти. Многообразные политики и практики soft power осуществляют дискурсивное управление символическим пространством политики. Дискурс soft power позволяет без применения прямого и жесткого давления тонко и гибко воздействовать на ментальные структуры массового сознания — общественные представления, предпочтения, переживания, мечты, идеалы, грезы, увлечения, развлечения, удовольствия. Репертуар инструментов «мягкой» силы составляют не средства прямого насилия, но когнитивные соблазны, заманчивые идеи и символы, обольстительные визуальные и аудиальные образы. Soft power работает на знаково-символическом и идейно-ценностном уровне, используя стереотипы общественного восприятия, архетипичные образы и традиционные коллективные представления, консервативные установки массового сознания, в том числе, гендерные. Привлекательные инструменты влияния применяются в целях скрытого реформатирования ментальных структур субъекта в нужном для носителя «мягкой» власти направлении.

В философии власти Дж. Батлер раскрывается характер символической политики как одного из главных инструментов власти. Власть она рассматривает как интересубъективную силу, представляющую форму коллективного бессознательного, свойственного внутреннему миру самого субъекта и определяющего его идентичность. «Власть внедряет себя в нас и, ослабленные ее силой, мы интернализуем или принимаем ее термины... Субъекция состоит как раз в этой фундаментальной зависимости от дискурса, который мы никогда не выбираем, но который парадоксальным образом дает начало нашей деятельности и поддерживает ее»¹¹⁶⁰. Власть выступает в качестве «мягкой» силы, дискурсивным способом осуществляющей производство субъекта, а также интересубъективного инструмента его подчинения и самоидентификации. Основопологающим моментом становления субъекта в философии Дж. Батлер является добровольная субординация. Внутреннее принятие власти и субъекция (формирование субъекта) — взаимосвязанные амбивалентные явления¹¹⁶¹. Как правило, субъект вынужден искать признания своего существования и идентичности в социальных категориях и терминах, предписываемых дискурсом власти. Последний выступает в качестве «мягкой» силы, являющейся одновременно инструментом производства гендерной идентичности. Гендер представляет собой дискурсивный конструкт, сформированный в системе властных отношений, связанных с распределением социальных ролей и статусов между мужчинами и женщинами. Гендер репрезентируется через систему нормативных предписаний по отношению к поведению, внешности и представлению людьми половой идентичности. Такая «перформация гендера» создает эффект есте-

¹¹⁵⁸ Малинова О. Ю. Миф как категория символической политики: анализ теоретических развилки // Полис. Политические исследования. 2015. №4. С. 18.

¹¹⁵⁹ Русакова О. Ф. Концепт «мягкой силы» (Soft power) в современной политической философии // Научный ежегодник Института философии и права УрО РАН. Вып. 10. Екатеринбург, 2010. С. 188.

¹¹⁶⁰ Батлер Дж. Психика власти: теории субъекции / Пер. З. Баблюяна. Харьков: ХЦГИ; СПб.: Алетейя, 2002. С. 15–16.

¹¹⁶¹ Батлер Дж. Там же. С. 22–23.

ственного и неизменного существования феминности или маскулинности, консервирует ситуацию исторического доминирования мужчин. Именно в процессе осуществления дискурсивных практик власти конструируются гендерные различия и неравенство. Внедрение в массовое сознание конструкта гендерной асимметрии легитимирует дискриминацию женщин. Инсценируя мифы о «настоящих» мужчине и женщине в разных жанрах массовой культуры и СМИ, символическая политика консервирует наличный асимметричный гендерный порядок.

Федорищев К. М. (Санкт-Петербург, СПбГУ)

ЛИБЕРАЛЬНО-КОНСЕРВАТИВНЫЙ СИНТЕЗ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ МАЙКЛА ОУКШОТТА: ПОЛИТИКА, ГОСУДАРСТВО И ОБЩЕСТВО

Либеральный консерватизм характеризуется сочетанием принципов свободы и ответственности, ценности творчества, образами изменчивости и историчности, иными словами: «это лояльное отношение к альтернативам, пока они не начинают претендовать на исключительность и тотальность»¹¹⁶². Суть либерально-консервативного синтеза состоит в противостоянии радикализму любого толка: прогрессизм или регрессизм, коллективизм или солипсизм, автаркия или империализм, мистицизм или сциентизм и др.

В противовес инструментально-рационалистическому проекту, взаимодействие индивидов в котором рассматривается через призму извечной «войны всех против всех», либерально-консервативная традиция позволяет определить взаимосвязанность порядка и хаоса в мире человеческих взаимодействий, которое, по-видимому не представляет собой ни завершенное единство, ни тотальную неопределенность: «возможно, эта теория и лишает нас утопического представления о созданной на небесах модели, к которой мы должны стараться приблизить нашу жизнь, однако она не ведет нас в болото, где каждый выбор одинаково хорош или одинаково предосудителен»¹¹⁶³. Ценность многообразия становится основным принципом устройства общества. Радикальный рационалист «не может признать ценность чего бы то ни было только потому, что это существует», в свою очередь, либеральный консерватор, не может эту ценность не признать¹¹⁶⁴.

В фундаменте либерально-консервативных отношений с правительством лежит «принятие реальной жизнедеятельности граждан, а также их убеждений такими, какими они являются, «на том лишь основании, что они существуют»¹¹⁶⁵.

«Консервативное» распространяет в первую очередь на всё, что касается установления, функционирования и определения правил игры, то есть закона в самом широком смысле. Автор призывает политиков быть особенно осторожными в пользовании «инструментами» и относится к политике как особой деятельности, где «необходимо постоянно заботиться об имеющихся орудиях, не меняя постоянно весь арсенал, а лишь время от времени обновляя некоторые предметы»¹¹⁶⁶. Таким образом, законы являются результатом «размышления и выбора, их необходимо подвергать пересмотру с целью приведения в соответствие с меняющимся опытом; одновременно с тем и они требуют к себе консервативного отношения, и потому недопустимо за один раз менять все правила целиком, тем более, недопустимо менять правила по ходу игры»¹¹⁶⁷.

«Любое правление оказывается лучше, чем риск остаться без всякого правления»¹¹⁶⁸, таким образом ситуация хаоса, лаконично определённая Гоббсом как «Война всех против всех» всегда остаётся по другую сторону любых общественных нормативов, как непреходящая угроза. Концепция общественного договора содержит значимый для Оукшотта принцип признания существования «других» как ценности, чем, по всей видимости, и определяется ограничение, которое сознательно накладывают на себя участники, теоретически сконструированной ситуации общественного договора.

Либерально-консервативное правление позволяет сформировать определённую матрицу взаимоотношения, где каждый участник имеет возможность пользоваться максимальной (в условиях существования других свободой). Таким образом государство формирует определённую систему страховки, обеспечивая минимально необходимыми нормами выживания всех, и более удачливых, относительно не зависимых, и слабых, нуждающихся в поддержке: «Обязанностью правительства является не разжигание страстей и не подливание масла в огонь, а охлаждение горячих голов, ограничение appetites, умиротворение и примирение конфликтующих сторон — правитель-

¹¹⁶² Оукшот М. Что значит быть консерватором // Оукшот М. Рационализм в политике и другие статьи. М, 2002. С. 73.

¹¹⁶³ Оукшот М. Рациональное поведение // Оукшот М. Рационализм в политике и другие статьи. М, 2002. С. 53.

¹¹⁶⁴ Там же, с. 10.

¹¹⁶⁵ Оукшот М. Что значит быть консерватором // Оукшот М. Рационализм в политике и другие статьи. М, 2002. С. 10.

¹¹⁶⁶ Там же, с. 86.

¹¹⁶⁷ Там же, с. 38–64.

¹¹⁶⁸ Там же. С. 48.

ство должно не раздувать, а тушить пожар желаний. И не потому, что страсть — это зло, а сдержанность — благо, а потому, что только сдержанность способна помочь страстным людям избежать взаимной фрустрации».

Политическое управление, в таком представлении, определяется как «установление наиболее общих правил поведения и обеспечение соблюдения этих последних»¹¹⁶⁹.

Филатова О.Г. (Санкт-Петербург, НИУ ИТМО)

ОНЛАЙН-ДИСКУРС КАК ФОРМА ГРАЖДАНСКОГО УЧАСТИЯ: ПРОМЕЖУТОЧНЫЕ ИТОГИ ИССЛЕДОВАНИЯ¹¹⁷⁰

На современном этапе политического развития России все более значимым становится гражданское участие. Оно принимает самые разные формы, но представляется важным и актуальным рассмотреть современные форматы гражданского участия в политике, то есть онлайн-форматы, выделив среди них отдельно дискуссии в интернете. Расширение и трансформация участия в демократическом политическом и консультативном процессах, опосредованные информационными и коммуникативными технологиями, прежде всего интернетом, все чаще определяется как «электронное участие»¹¹⁷¹. Подразумевается, что электронное участие позволяет реализовывать удаленно-интерактивный тип коммуникации¹¹⁷² и дает возможность совершенствования деятельности органов власти с помощью технологий посредством повышения уровня коммуникации граждан друг с другом и властью¹¹⁷³. Однако, как показал сравнительный анализ литературы по концептуальным моделям, структурирующим сферу электронного участия, проведенный С. Шерер и М. Виммер в 2016, хотя различные попытки дополняют друг друга, однако единого, всеохватывающего подхода до сих пор нет¹¹⁷⁴. К близким выводам пришли и российские исследователи в 2019 году¹¹⁷⁵.

В контексте электронного участия важную роль играет концепция делиберативности, подробно разработанная в теории коммуникативной этики Юргена Хабермаса¹¹⁷⁶ и рассматриваемая как повседневная практика политических онлайн-обсуждений, которые возникают в связи с какими-то событиями и процессами в политической сфере на локальном, национальном или на глобальном уровнях¹¹⁷⁷. Именно концепция Ю. Хабермаса послужила теоретическим базисом осуществляемых нами исследований онлайн-дискурса. Данные исследования, которые проводятся в рамках проекта РНФ «Электронное участие как фактор динамики политического процесса и процесса принятия государственных решений», демонстрируют, что онлайн-дискуссии могут рассматриваться как форма электронного гражданского участия в политике. Они диалогичны, достаточно аргументированы и цивилизованы, рациональны, т.е. дискурсивно делиберативны, а, значит, демократичны, если следовать логике концепции делиберативной демократии Ю. Хабермаса — ведь важным условием реализации демократической делиберации является свободный гражданский характер, отделенный от государственного влияния. Исследования также показывают множественность и неоднозначность мнений, высказываемых гражданами по злободневным темам, и в итоге — сложность принятия государственными органами решений, которые учитывали бы такие мнения.

Для глубокой оценки электронного участия граждан в политике нами использовались дискуссии о российской политике в отношении экономических санкций и дискуссии по поводу пенсионной реформы на различных российских интернет-площадках. Использовалась методика анализа дискурса, разработанная Ю.Г. Мисниковым и уже описанная в ряде предыдущих публикаций¹¹⁷⁸. Преимущество методики дискурс-анализа по сравнению, например, с традиционным опросом, заключается в возможности выявить аргументацию согласия или несогласия по конкретному вопросу, что важно в дальнейшем при принятии политических решений. Отметим, что мы столкнулись и с рядом методологических трудностей при анализе онлайн-дискуссий: напри-

¹¹⁶⁹ Оукшот М. Политическая экономия свободы // Оукшот М. Рационализм в политике и другие статьи. М, 2002. С. 91–109.

¹¹⁷⁰ Исследование осуществляется при поддержке Российского научного фонда, грант № 18-18-00360.

¹¹⁷¹ Sæbø Ø., Rose J., Flak L.S. The shape of e-Participation. Characterizing an emerging research area. 2008. P. 400–428.

¹¹⁷² Курочкин А. В., Парфенова Ю. В. Электронное участие в структуре современного политического процесса // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2015. №4. С. 18.

¹¹⁷³ Macintosh A. E-Participation in policy-making: the research and challenges // Exploiting the Knowledge Economy: Issues, Applications, Case Studies, IOSPress. Amsterdam, 2006.

¹¹⁷⁴ Scherer S., Wimmer M. A Metamodel for the E-Participation // IFIP International Federation for Information Processing. Switzerland, 2016.

¹¹⁷⁵ Kabanov Y., Chugunov A., Nizomutdinov B. E-Government Research Domain: Comparing the International and Russian Research Agenda // Electronic Government. Conference proceedings, LNCS, V. 11685, 2019. P. 18–30.

¹¹⁷⁶ Habermas J. Moral consciousness and communicative action. Cambridge: Polity Press, 1992.

¹¹⁷⁷ Misnikov Y. Public Activism Online in Russia: Citizens' Participation // Webbased Interactive Political Debate in the Context of Civil Society. Development and Transition to Democracy: PhD thesis. Leeds, 2011.

¹¹⁷⁸ См. например: Filatova O., Kabanov Yu., Misnikov Yu. Public Deliberation in Russia: Deliberative Quality, Rationality and Interactivity of the Online Media Discussions // Media and Communication. 2019. V. 7. I. 3. P. 133–144.

мер, эффект, оказываемый на результаты политики дискуссиями, контролируемые государством, можно оценить, в то время как влияние неформального дискурса на политические изменения установить сложно. Нерешенными пока остаются вопросы, связанные и с репрезентативностью результатов онлайн-обсуждений, и с идентификацией истинности утверждений (выявлением ботов, к примеру). Преодоление этих ограничений должно привести к более глубокому изучению онлайн-дискурса как формы гражданского участия в политике. Важным направлением дальнейших исследований может стать поиск алгоритмов агрегирования мнений граждан в интернет-дискуссиях для эффективной поддержки принятия решений органами власти. Значимым также представляется проведение экспериментов по машинному обучению, привлечение искусственного интеллекта для более глубокого понимания результатов общественных дискуссий.

Филимонов К. Г. (Москва, ИСПИ РАН)

«ИДЕЯ УНИВЕРСИТЕТА» И СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПОРЯДОК: ПРОБЛЕМЫ ИНТЕРПРЕТАЦИЙ И ВОЗМОЖНОСТИ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ ДЛЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ СИСТЕМ¹¹⁷⁹

В современной политической теории довольно мало внимания уделяется вопросу о социально-политической роли университета как организационной структуры, вписанной в конфигурацию социально-политических порядков; при всём многообразии существующих подходов, детально проясняющих функционирование университета как организации или как социального института, достаточно часто в стороне остаётся как тема политического влияния университетских корпораций в целом, так и более конкретные вопросы о том, в чём это влияние выражается и каковы основные направления его распространения. Одним из самых важных, как мне представляется, здесь остаётся вопрос о месте университета в политическом процессе и в структуре государственных систем — как в дескриптивном, так и, что важнее, в методологическом аспекте. Таким образом, предлагаемое вниманию исследование направлено на то, чтобы внести определённый вклад в дискуссию о методе применительно к политической роли университета. И отправной точкой в данном случае станет история вопроса политической роли университета, — а точнее, т. н. дискурс «идеи университета» — развитие которого автор прослеживает как в рамках политической теории, так и в других дисциплинах, отмечающих довольно неоднозначный функционал и возможности университетских корпораций.

Дискурс «идеи университета» — независимо от того, рассматриваем ли мы его в современной ситуации или в ретроспективе — представляет собой, пожалуй, одну из самых ярких иллюстраций для проблемы соотношения «теории» и «практики» как (1) в изучении социально-политических процессов, так и (2) в реализации государственной политики, преследующей цели политического развития. При условии должного внимания к действиям, предпринимаемым и в ходе этих процессов, и в рамках специальных государственно-политических курсов, внимание к истории этого дискурса может дать нам многочисленные примеры того, как в рамках университета, — который автор определяет как организационную структуру, интегрирующую некоторое, достаточно значительное число «опорных» для социально-политического порядка социетальных функций — могут быть согласованы или же не согласуются (1) социально-экономические ожидания обществ и (2) проектные, государственные логики правительств по отношению к областям науки и высшего образования.

Иными словами, если рассматривать процесс в несколько конструктивистском ключе, — дискурс «идеи университета» представляется хорошей отправной точкой для анализа и дискуссии о том, насколько стабильным является или может быть политическое развитие обществ, достаточно ли справедливо текущее развитие государственной системы, как варьируется конгруэнтность в условиях социально-политического порядка и о том, как некоторые, неполитические по своему функционалу (но, возможно, отнюдь не природе), организации активно способствуют формированию среды, необходимой для стабильного развития государственных систем.

В своё время, в рамках академического дискурса «идеи университета», получил распространение взгляд, в соответствии с которым университеты представляются как результат социально-политического и государственного развития, как своего рода копии обществ, в рамках которых они функционируют и развиваются¹¹⁸⁰. Представляется, что подобный взгляд на природу университета можно развивать как довольно устойчивую и эффективную

¹¹⁷⁹ Доклад подготовлен в рамках реализации проекта «Университет как медиатор: разработка концептуальной модели позиционирования университета в государственной системе и в разрешении вопросов социально-политического развития», реализуемого при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (грант РФФИ № 19-011-31634).

¹¹⁸⁰ Одну из самых известных подобных интерпретаций роли университета можно найти у Х. Ортеги-и-Гассета, см. Ортега-и-Гассет Х. Миссия университета. Минск: БГУ, 2005. 104 с. См. Также: Kammerer G.S. The State University as a Political System // The Journal of Politics. 1969. Vol. 31. No. 2. P. 289–310.

исследовательскую траекторию, в рамках которой, во-первых, можно определить, куда, в эпистемологическом отношении, может привести исследователя или эксперта та или иная «идея университета», и с какими трудностями, в том числе этического плана, может столкнуться тот, кто присоединяется к дискурсу «идеи университета».

Во-вторых, следует определить позицию университета в институциональном развитии государственных систем. И хотя традиция дискурса «идеи университета», как правило, нечасто уделяет внимание данному аспекту, тем не менее, представляется, что университет необходимо рассматривать как активного агента политического процесса, у которого есть интересы и позиционирование. Это кажется довольно очевидным для политической практики, однако анализ теоретического осмысления данного вопроса показывает, что политическая теория не имеет здесь однозначно выраженной позиции, равно как и удобной исследовательской траектории.

Наконец, отталкиваясь от обозначенной позиции, можно продемонстрировать, к каким последствиям может привести выбор в пользу той или иной «идеи университета» в рамках государственной политики в области науки и высшего образования как основных доменов университетской активности. В условиях, когда научно-образовательные и университетские политики нередко имеют крайне дискуссионные основания, а также спонтанный и зачастую несистемный характер, исследование обозначенных вопросов представляется оправданным.

Филиппов С. И. (Новосибирск, НГУ)

СОВЕТСКАЯ НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В ИСТОРИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ: «ЭЛИТОСТРОИТЕЛЬСТВО» КАК СПОСОБ УПРАВЛЕНИЯ МНОГОНАЦИОНАЛЬНЫМ ГОСУДАРСТВОМ

Одним из существенных аспектов советской национальной политики было «нациестроительство», содержанием которого выступало формирование этнических автономий без реального политического суверенитета, но с собственной территориальной идентичностью, с сетью культурных и образовательных учреждений, в которых использовались и поддерживались национальные языки, а также подготовка и продвижение «национальных кадров»¹¹⁸¹. Сходную точку зрения разделяют многие российские и зарубежные исследователи — С. В. Чешко, В. А. Тишков, Ю. Слезкин, Т. Мартин, Г. Симон и др. Как правило, данная политика объясняется идеологическими мотивами — следованием марксистско-ленинской теории. Несомненно, господствующая идеология оказывала существенное влияние на политику СССР в самых разных сферах общественной жизни, но было бы ошибочным недооценивать прагматизм и переоценивать идеализм как основания решений и действий власти. Не смотря на все драматические изменения, произошедшие в России после революции 1917 г, система управления территориями страны функционировала во многом по тому же принципу, что и в имперский период истории нашей страны, а именно, через взаимодействие (от сотрудничества до репрессий) с национальными элитами. В царской России национальные элиты могли быть инкорпорированы в состав господствующего класса империи (немецко-балтийское рыцарство, шведские элиты Финляндии, грузинское, армянское, азербайджанское дворянство, отчасти казачество и др.), либо же депримируются, как значительная часть польской шляхты. В Советском Союзе были сформированы новые национальные элиты, а также соответствующие институты, поддерживающие их воспроизводство — национальные автономии разного уровня (от союзных республик до национальных районов и совхозов), региональные органы управления, национальная система образования, творческие объединения и союзы и др. Следует отметить, что политика «нациестроительства», которую можно назвать и политикой «элитостроительства» проводилась частично также и в Российской империи. В частности, имперская власть не препятствовала созданию национальной литовской элиты, а также развитию письменности и литературы на литовском языке, правда, с условием отказа от латиницы — как противодействия позициям польской шляхты, а также становлению эстонской и латышской элит как средства ослабления немецкого доминирования в Остзейском крае. Например, число эстонцев на государственной службе в Ревеле (Таллине) в 1871 г. составляло 4 человека, а в 1897 г. — 442, т.е. более 50% всех чиновников¹¹⁸². Но в имперский период истории России практика создания национальных элит использовалась как инструмент ограничения влияния других национальных элит, в Советском Союзе «коренизация кадров» приняла гораздо более широкие масштабы и стала альтернативой как «универсализации» местных элит с их социализацией в рамках доминирующей культуры, так и прямому правлению из центра. Чем была обусловлена такая политика? В определенной мере она снижала остроту борьбы за престижные позиции как в «центральных» институтах, так и на межнациональном уровне: складывающаяся национальная интеллигенция или национальные

¹¹⁸¹ Sunny G. *The Revenge of the Past. Nationalism, Revolution, and the Collapse of the Soviet Union*. Stanford University Press. Stanford, California, 1993. P. 101

¹¹⁸² Миллер А. И. *Империя Романовых и национализм*. М.: НЛО, 2006. С. 63

кадры, обладали культурным и социальным капиталом, востребованным только в «своей» среде. Таким образом, их стратегии социализации были связаны, прежде всего, с территорией проживания. Тем не менее, данная стратегия несла риски для единства и устойчивости многонационального государства. Стабилизация и относительно низкая ротация управленческих кадров в позднесоветский период на фоне развития системы высшего образования привела к дефициту престижных позиций в условиях переизбытка лиц, обладающих высоким культурным капиталом, но имеющие весьма ограниченные возможности конвертации своего капитала в достойный социальный статус и материальный доход, что вызывало фрустрацию и критическое отношение к существующему положению вещей в государстве со стороны этой социальной группы (хорошо известное в современных социальных науках явление «перепроизводства элиты» как одного из факторов общественных конфликтов и нестабильности¹¹⁸³.

Филиппова Л. Е. (Москва, ФНИСЦ РАН)

Роль политизации в процессе конституирования политического поля¹¹⁸⁴

Во втором десятилетии XXI века заметно возрос интерес политической науки к изучению процессов политизации и деполитизации¹¹⁸⁵. Так, понятие «деполитизация» нередко употребляется в одном ряду с такими понятиями, как «постдемократия», «контрдемократия», «постполитика» и пр. — все они призваны объяснить, или по крайней мере зафиксировать, новую реальность, связанную с упадком традиционных демократических институтов и с возникновением новых, альтернативных «политик». Активное употребление понятий «политизация» и «деполитизация» сопровождается дискуссиями об их наполнении, которые еще далеки от завершения. В представляемом докладе предлагается рассмотреть политизацию в контексте процесса конституирования политического поля, а также показывается возможность применения концепта политизации для анализа формирования политического поля в современной России.

В наиболее общем плане политизация определяется как 1) придание чему-либо (деятельности или событию) политического характера; 2) процесс, в результате которого кто-либо становится политически осведомленным¹¹⁸⁶. Другими словами, политизация — это процесс обретения теми или иными субъектами, явлениями и процессами политических качеств (а деполитизация, соответственно, — это процесс утраты политических качеств). Такое определение, очевидно, нуждается в уточнении, поскольку возможны различные трактовки того, какие именно качества следует считать «политическими», и интерпретация концепта политизации в конкретных исследованиях определяется пониманием сущности политики.

Мы полагаем, что политика современного типа не может быть сведена к борьбе за власть, в определении политики необходимо подчеркнуть не столько процедурные, сколько содержательные ее аспекты. Политика — это конкуренция проектов и решений, ориентированных на общее благо, которая реализуется в институционализированной публичной сфере сотрудничества и борьбы, протеста и поддержки, конфликта и диалога социальных акторов — политическом поле¹¹⁸⁷. Опираясь на это определение, можно выделить ключевые элементы политики: конфликтность (агонизм¹¹⁸⁸), универсализм норм, свободный выбор и целеполагание.

Условием разворачивания политики современного типа является наличие политического поля — пространства, в котором осуществляются взаимодействия политических акторов и постоянно производятся и воспроизводятся правила политической «игры». Политическое поле конституируется совокупностью двух процессов — институционализации и политизации. Институционализация представляет собой выработку правил и выстраивание организационных структур, образующих институциональную среду политики, а политизация — создание возможностей для актуализации социальных противоречий и реализации политической субъектности индивидуальных и коллективных акторов в пространстве выбора и целеполагания. Другими словами, институционализация производит форму политического поля, в то время как политизация наполняет его содержанием.

¹¹⁸³ Турчин П. В. Историческая динамика. На пути к теоретической истории. М.: Издательство ЛКИ, 2007; Нефедов С. А. История России. Факторный анализ. Т. I. С древнейших времен до Великой Смуты. М.: «Территория будущего», 2010.

¹¹⁸⁴ Подготовлено в рамках проекта «Конституирование поля политики в России: институциональный анализ» (грант РФФИ № 17-03-00446).

¹¹⁸⁵ См.: Данилов М. В. Концепт «политизация» в научном и общественно-политическом дискурсе // Известия Саратовского университета. 2010. Т. 10. Сер. Социология. Политология. Вып. 2. С. 92–96.

¹¹⁸⁶ Lexico.com. URL: <https://www.lexico.com/en/definition/politicization> (дата обращения 29.08.2019).

¹¹⁸⁷ См.: Конституирование современной политики в России: институциональные проблемы / отв. ред. С. В. Патрушев, Л. Е. Филиппова. М.: Политическая энциклопедия, 2018. С. 11–19.

¹¹⁸⁸ См.: Муфф Ш. К агонистической модели демократии // Логос. 2004. № 2 (42). С. 195.

Процесс политизации может быть рассмотрен в двух измерениях. Первое — это политизация акторов, т. е. обретение социальными акторами политической идентичности (позиционирование по отношению к другим акторам и к политическим идеологиям) и политической субъектности (осознание и реализация возможности осуществлять политический выбор). Второе измерение — политизация повестки дня, т. е. позиционирование тех или иных общественно-значимых вопросов по отношению к альтернативным представлениям об общем благе и представление их в качестве предмета коллективного выбора. Следовательно, для определения масштаба / уровня политизации необходимо учитывать такие показатели, как распространенность / укорененность политических идеологий, политическая самоидентификация граждан и их установки по отношению к политическому участию, формирование групповых идентичностей, наличие альтернативных стратегических проектов и возможностей их общественного обсуждения, конфликтные или потенциально конфликтные вопросы общественного развития. Анализ этих показателей применительно к российской ситуации позволит оценить перспективы конституирования политического поля и осуществления в России политики современного типа.

Фокин И. А. (Москва, Агентство социального инжиниринга)

«БЕССРОЧНЫЙ ПРОТЕСТ» В РОССИИ: ИНФОРМАЦИОННАЯ ПЛАТФОРМА И ЕЕ СВЯЗЬ С ГРАЖДАНСКИМ АКТИВИЗМОМ (2018–2019 ГГ.)

Рабочей гипотезой нашего исследования является следующий тезис: ««бессрочный протест»» не является стихийным проявлением народного недовольства действующим политическим режимом в России. ««бессрочный протест»» является самостоятельным политическим проектом, основной целью которого является смена политического режима в стране посредством смены высшего политического руководства.¹¹⁸⁹ Основные задачи «бессрочки»: парализация управленческой функции государства; парализация экономической жизни страны; формирование атмосферы широкого общественного ресентимента и социальной фрустрации, посредством технологий повышения социально-политических ожиданий (экспектаций) граждан.¹¹⁹⁰

С весны 2018 г. в России реализуется сетевой информационно-активистский проект «бессрочный протест». В рамках реализации данного проекта по всей стране формируются независимые друг от друга группы гражданских активистов, выступающих с антиправительственными требованиями: отставка Президента и Правительства РФ, роспуск Государственной Думы, реформирование всех силовых органов власти, люстрация.

Управление «бессрочным протестом» осуществляется по сетевому принципу посредством информационных интервенций. Основным инструментом информационных интервенций является Телеграм-каналы и чаты, которые можно условно разделить на «вещательные» и «совещательные» (по наличию интерактивности), и по социальному функционалу на «организационно-информирующие» и «технологическо-коммуникативные». Также, можно разделить каналы и чаты по территориальному принципу на: «общероссийские» и «региональные».

Комплекс телеграмм-каналов можно представить в виде сферы, подразделяющуюся на несколько уровней.

Первый уровень — это ядро: сюда входят технологическо-коммуникативные чаты, в которых происходит генерация контента для проведения последующих информационных интервенций. В таких каналах довольно ограниченное число участников, подписчиков — до 300. Данные каналы являются «чатами», то есть участники могут не только читать сообщения, но и их оставлять.

Второй уровень — общероссийские вещательные организационно-информирующие каналы. Эти каналы включают в себя от 500 и более подписчиков. Эти каналы используются для первичного размещения новостей и иного контента агитационного характера. Данные каналы закрыты для общения между их подписчиками. Хотя, существуют специализированные чаты, в которых и осуществляется обмен мнений между подписчиками, обсуждение новостей и организационных моментов.

Третий уровень — это региональные каналы, в которых обсуждаются локальные и региональные проблемы в разных частях страны. Данные каналы по численности различаются от региона к региону. Как и общероссийские каналы они делятся на сугубо информирующие каналы, закрытые для комментирования подписчиками и на чаты, в которых происходит общение сторонников и участников «Бессрочного протеста».

Четвертый уровень — локальные чаты, в которых происходит координация действий малых локальных групп сторонников БП. Чаще всего, эти каналы являются закрытыми от внешнего просмотра. Именно в этих чатах происходит обсуждение конкретных акций протеста, происходящих по всей стране.

¹¹⁸⁹ Политические требования / Требования бессрочного протеста. — 2018. — 6 декабря. — <https://telegra.ph/Politicheskie-trebovaniya-06-10>

¹¹⁹⁰ Манифест / Манифест бессрочного протеста. — 2018. — 7 июня. — <https://telegra.ph/Manifest-06-07>

Группы «бессрочного протеста» в России стали появляться лавинообразно. В процессе их появления можно выделить несколько волн. Первая волна — апрель-май 2018 г. Вторая волна — сентябрь-октябрь 2018 г. Первая волна, надо полагать, была пробной версией и носила ситуативный характер. Появляться они стали в регионах: например, в Москве, в Кемерово. По всей видимости, на тот момент еще не существовало единой концепции «бессрочного протеста». Или же, фрагментарность и ситуативность в появлении групп «бессрочного протеста» определялась задачами апробации сетевых технологий, технологий информационных интервенций, внутриведомственных коммуникаций и т. п.

Такая разветвленная сеть позволяет консолидировать и транслировать информацию широкой аудитории по всей России. Исходя из знакомства с программными документами «бессрочного протеста», практикой информационного освещения происходящей в регионах страны гражданской активности¹¹⁹¹, можно сделать вывод, что данная платформа служит для агрегации, консолидации и ретрансляции сообщений о протестах с целью максимальной возможной политизации и политической мобилизации гражданского общества.

Фомин И. В (Москва, НИУ ВШЭ)

НЕПРЕДСКАЗУЕМЫЕ ПРЕДСКАЗАНИЯ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ РАЗМЕЖЕВАНИЯ В ПРОГНОСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ

Доклад посвящен составлению методологического профиля международных исследований, ориентированных на прогнозирование. Внимание сосредоточено на том, какие подходы, методологии и парадигмы доминируют в этой области. Исследование реализовано на основе количественного изучения прогностических статей в ведущих зарубежных журналах по международным отношениям и политической науке. При анализе использована база данных статей по международным исследованиям, составленная в рамках проекта TRIP (Teaching, research, and international policy)¹¹⁹². Из базы автоматизированным образом по списку ключевых слов отобраны исследования, в ряду основных результатов которых содержатся прогностические утверждения. Отобранные таким образом статьи дополнительно проанализированы вручную и закодированы по ряду переменных, фиксирующих, какого типа прогнозы в них содержатся и к какому периоду относятся формулируемые прогностические заключения. В итоге в исследуемый корпус вошли более 5000 статей, опубликованных в период с 1992 по 2014 год. Более 800 из них составили статьи, содержащие прогнозы. При анализе статей была использована специально разработанная типология прогностических исследований, предполагающая различие номоскопических и идиоскопических прогнозов. К номоскопическим прогнозам отнесены прогностические утверждения генерализованного характера, которые содержат обобщенные высказывания о вероятности некоторых типов явлений в широком спектре типичных ситуаций. К прогнозам идиоскопического характера — прогностические утверждения, ориентированные на предсказание развития событий применительно к конкретным случаям и конкретным ситуациям. Проведенный анализ демонстрирует, что в современной науке о международных отношениях можно зафиксировать тенденцию ко всё большему нарастанию числа исследований, которые направлены на получение результатов, имеющих прогностическую силу. Этот рост, однако, обеспечивается почти исключительно за счет увеличения количества номоскопических прогнозов. Число же идиоскопических прогнозов остается в последние две десятилетия стабильно низким. Прогнозы номоскопического характера — по большей части строящиеся на вероятностных прогностических экстраполяциях статистических моделей — остаются доминирующим типом прогнозов в международных отношениях. Доминирование этих подходов остаётся почти тотальным и всё больше нарастает, несмотря на то что почти два десятилетия назад Стивенем Бернштейном и его соавторами в статье «Бог дал физике легкие проблемы» были продемонстрированы некоторые фундаментальные ограничения такого рода прогностических подходов¹¹⁹³. Что касается идиоскопических прогнозов, то, как показало исследование, эти ниша отнюдь не ограничивается одними только качественными

¹¹⁹¹ Например, анализ роли платформы «бессрочный протест» в организации и освещении акций протеста в Архангельске и Екатеринбурге: Фокин И. А. Политический шантаж или народная воля: опыт протеста в Архангельске и Екатеринбурге / Ivan A. Fokin // Academia. edu. — 2019. — URL: https://www.academia.edu/39289413/Political_blackmail_or_popular_will_the_experience_of_protest_in_Arkhangelsk_and_Yekaterinburg; Фокин И. Конструирование экологического протеста в информационном поле «бессрочного протеста»: опыт Архангельской области. Апрель 2019 г. / Ivan A. Fokin // Academia. edu. — 2019. URL: https://www.academia.edu/39294527/The_construction_of_environmental_protest_in_the_informational_field_of_perpetual_protest_Experience_of_the_Arkhangelsk_region_March-April_2019

¹¹⁹² Maliniak D. [et al.]. International Relations in the US Academy: International Relations in the US Academy // International Studies Quarterly. 2011. №2. Pp. 437–464. Maliniak D., Peterson S., Tierney M. TRIP Journal Article Database Codebook: [Version 2.0. Revised: 5/18/16] [Электронный ресурс]. 2016. Режим доступа: https://trip.wm.edu/home/phocadownload/trip_journal%20article%20database_codebook2%201.pdf.

¹¹⁹³ Bernstein S. [et al.]. God Gave Physics the Easy Problems: Adapting Social Science to an Unpredictable World // European Journal of International Relations. 2000. №1. Pp. 43–76.

исследованиями и интерпретативным анализом через призму традиционных парадигм (реализма, либерализма и конструктивизма). В этой сфере, как в целом в современных международных исследованиях, широко используются и количественные методы и так называемые «непарадигмальные» подходы. Таким образом, разграничение номоскопических и идиоскопических подходов, по всей видимости, не может быть сведено к привычным размежеваниям между позитивизмом и интерпретивизмом, традиционными гранд-теориями и теориями среднего уровня, количественными и качественными методами.

Фоминых А. Е. (г. Йошкар-Ола, Поволжский государственный технологический университет)

ЭТНОКУЛЬТУРНОЕ МНОГООБРАЗИЕ РОССИИ: «МЯГКАЯ СИЛА» ФЕДЕРАЦИИ ИЛИ ФАКТОР УЯЗВИМОСТИ?

«Мягкая сила» страны, как ее определял Дж. С. Най, зиждется на таких ресурсах, как культура, ценности и политика¹¹⁹⁴. «Мягкая сила» — это, прежде всего, *качество* системы (страны), в то время как публичная и культурная дипломатия и брендинг — это инструменты *проецирования* этой силы во внешней среде. Для Российской Федерации, где 27 из 85 субъектов — это полиэтничные республики, автономные округа и области, этнокультурное и языковое многообразие является важнейшей качественной характеристикой наряду с огромной территорией. По идее, этот фактор должен находить адекватное отражение в публичной дипломатии и национальном брендинге. Однако значимые информационные поводы в основном по-прежнему сосредоточены в столице, в лучшем случае — в нескольких региональных центрах. Включение отдаленных и сравнительно небогатых регионов в повестку национального брендинга — прежде всего, через спонсируемое из центра развитие инфраструктуры — дает ощутимые результаты. Достаточно взглянуть на рост качества жизни и международной узнаваемости городов проведения Чемпионата мира по футболу 2018 г.

Аналогичным образом обстоит дело с локализацией институтов, участвующих в реализации публичной дипломатии. Почти все крупные и представительные научные, экспертные центры и НКО находятся в столице, попытки сломать данную тенденцию наметились относительно недавно.¹¹⁹⁵ Действительно, определенные сдвиги в этой сфере есть. Так, Фонд поддержки публичной дипломатии им. А. М. Горчакова намеренно проводит целый ряд своих проектов вне столиц (форум «Кавказский диалог» и др.). Наметилась тенденция по созданию в регионах аналитических центров, призванных осуществлять экспертную дипломатию «второго трека», содействуя продвижению внешней политики РФ — прежде всего евразийской интеграции.

Избыточная централизация не позволяет в полной мере обогатить потенциал «мягкой силы» России ее регионами. Неготовность Москвы децентрализовать публичную дипломатию во многом связана с традиционно настороженным отношением элит к вопросам межнациональных отношений, связей центра и регионов.

Между тем, опыт показывает, что небрежение вопросами национальной политики и регионального развития чревато международными репутационными рисками. В качестве case study можно привести подзабытый ныне конфликт России с ЕС вокруг «ситуации с финно-угорскими народами» (2005–2006). Попытки москвича Л. Маркелова, возглавлявшего Республику Марий Эл в 2005–2017 гг., «зачистить» политическую оппозицию в регионе сильнее всего ударили по марийским общественным движениям и национальным СМИ. Одновременно в ходе «оптимизации» было закрыто множество сельских школ, в основном марийских. Запад отреагировал резолюцией Европарламента «О нарушениях прав человека и демократии в Республике Марий Эл Российской Федерации» (2005)¹¹⁹⁶ и докладом «Положение финно-угорских и самоедских народов» на сессии ПАСЕ (2006).¹¹⁹⁷ Несколько лет подряд «тройка» послов Финляндии, Венгрии и Эстонии в РФ посещала республики с проживанием коренного финно-угорского населения с инспекционными визитами. Таким образом, недалеко-видная внутренняя политика по чувствительным этноязыковым вопросам создала повод для внешнего давления.

Учитывая бурную реакцию многих республик и национальных объединений на изменения в законе «Об образовании в Российской Федерации», касающиеся изучения родных языков (2018), существует риск

¹¹⁹⁴ Joseph S. Nye, Jr. Public Diplomacy and Soft Power. *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*. Vol. 616, Public Diplomacy in a Changing World (Mar., 2008), pp. 94–109, P. 94.

¹¹⁹⁵ Иванченко В. Мягкая сила России: что мы делаем не так? // InternationalStudies.ru. 05 июля 2016. [Электронный ресурс]. URL: <http://internationalstudies.ru/myagkaya-sila-rossii-chto-my-delaem-ne-tak/> (дата обращения: 25.08.2019).

¹¹⁹⁶ European Parliament resolution on the breaches of human rights and democracy in the Mari Republic (Mari El) of the Russian Federation [Электронный ресурс]. URL: <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?type=MOTION&reference=B6-2005-0294&format=XML&language=EN> (дата обращения: 25.08.2019).

¹¹⁹⁷ Situation of Finno-Ugric and Samoyed Peoples: Report. Committee on Culture, Science and Education. Rapporteur: Mrs Katrin SAKS, Estonia, Socialist Group / Council of Europe — Parliamentary Assembly. 26 October 2006, Doc. 11087 [Электрон. ресурс]. URL: <http://www.assembly.coe.int/nw/xml/XRef/X2H-Xref-ViewHTML.asp?FileID=11601&Lang=EN> (дата обращения: 25.08.2019).

рецидива подобных ситуаций. Между тем, этноязыковое многообразие не должно рассматриваться только как фактор уязвимости России перед вызовами сепаратизма и межнациональных конфликтов. Напротив, популяризация культур и языков всех населяющих федерацию народов — в том числе через образование, СМИ, программы обменов — могла бы стать новой определяющей чертой российской публичной дипломатии.

Франц В. А. (Екатеринбург, УрФУ им. первого Президента России Б. Н. Ельцина)

КУЛЬТУРА ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОТЕСТА КАК РЕСУРС «МЯГКОЙ СИЛЫ» ГОСУДАРСТВА: ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ АНАЛИЗА И ОЦЕНКИ¹¹⁹⁸

В последние годы для России характерен очевидный рост протестных настроений и действий, что связано как с внешними, так и внутренними по отношению к протестующим факторами. При этом растет уровень политического сознания и участия граждан, уровень их политической культуры.

В докладе представлен авторский теоретико-методологический подход к анализу и оценке культуры политического протеста конкретного государства как источника soft power, а также характера и степени ее влияния на распространение протестных настроений среди молодежи в других государствах.

Soft power мы понимаем в духе Дж. Най и придерживаемся его трехчастной классификации основных источников/элементов «мягкой силы» государства — привлекательная культура, политические идеи, внешняя и внутренняя политика¹¹⁹⁹. Мы отводим особое место политическому протесту и культуре его реализации, поскольку для широкой общественности именно он зачастую является наиболее прямым, доступным и эффективным способом выражения и защиты своих интересов.

Дж. Най разделял soft power на активную и пассивную. Активная «мягкая сила» представляет собой целенаправленную стратегию, реализуемую органами государственной власти, а также институтами гражданского общества, различными группами общественности или отдельными гражданами. Пассивная «мягкая сила» представляет собой естественную, никак и никем не регулируемую привлекательность. В данном докладе мы сфокусируем внимание именно на пассивной «мягкой силе» политического протеста, поскольку, на наш взгляд, ее привлекательность нередко оказывается даже сильнее, чем активной, но пока недостаточно изучено.

Культура политического протеста включает, действия, культуру формирования, распространения и выражения протестных настроений, а также ряд иных аспектов. В нашем исследовании мы делаем акцент на распространении протестных настроений и соответствующей политической культуре с учётом её неоднородности.

К оценке «мягкого» влияния мы подходим с точки зрения концепции «когнитивного кода». Данный термин является авторским для нашего научного коллектива и употребляется в контексте теории «конструктивистского структурализма» (главным образом — работы П. Бурдьё, Э. Гидденса, Н. Лумана, У. Эко, М. Фуко). Согласно данному подходу, предметом изучения социальных наук выступают социальные практики, упорядоченные в пространстве и времени, а не гипотетическая социальная тотальность или поведенческие акты. В связи со сказанным, мы делаем акцент, в первую очередь, на практиках, реализующихся в контексте протестной активности молодежи.

Сторонники «конструктивистского структурализма» за объективированными социальными практиками видят исторически изменчивые символические структуры, содержащие в себе механизм трансформации символического содержания на язык повседневности и наоборот. При этом хотелось бы согласиться с К. Ф. Завершинским, что «символический («генерализирующий») код политической легитимации есть ядро политической культуры любого общества. Структурно его можно представить как целостность габитусных, нормативно-процедурных и ценностных когнитивных схем»¹²⁰⁰. Когнитивно-оценочные коды формируются в контексте властных отношений, которые мы склонны понимать в духе Х. Арендт и Т. Парсонса как средство всеобщей взаимосвязи при достижении коллективной цели, обеспечивающее выполнение взаимных обязательств¹²⁰¹.

Помимо формируемого когнитивного кода, при анализе «мягкого влияния» культуры политического протеста, мы намерены рассматривать такие аспекты конкретных политических практик, как пространство реализа-

¹¹⁹⁸ Работа подготовлена при поддержке гранта Президента РФ МК-3018.2019.6 «Когнитивный код «soft power» как фактор распространения протестных политических настроений российской городской молодежи».

¹¹⁹⁹ Nye J. (Jr.) Soft Power // Foreign Policy. 1990. № 80. Pp. 153–171.

¹²⁰⁰ Завершинский К. Ф. Когнитивные основания политической культуры: опыт методологической рефлексии // Полис. Политические исследования. 2002. № 3. С. 26.

¹²⁰¹ Парсонс Т. Система современных обществ. М.: Аспект Пресс, 1998. С. 11.

ции (классификации и подходы Г.Г. Почепцова¹²⁰², А.В. Скиперских¹²⁰³), а также формы реализации в соответствии с классификацией Л. Милбрайта¹²⁰⁴ — конвенциональные/неконвенциональные, активные/пассивные, индивидуальные/коллективные, в соответствии со степенью активности и т. п. Особое внимание мы уделяем анализу практик в информационном пространстве, а также новым формам протеста, таким как протестный медиаактивизм, арт-активизм и т. п.

Фролов А.А. Миронова С.В. (Ярославль, ЯрГУ им. П.Г. Демидова)

НОВЫЕ ТРАЕКТОРИИ РАЗВИТИЯ ПРОТЕСТНОЙ АКТИВНОСТИ В РЕГИОНАХ РОССИИ (НА ПРИМЕРЕ ЯРОСЛАВСКОЙ ОБЛАСТИ)¹²⁰⁵

Протест как одна из форм гражданской активности имеет своей целью решение значимых проблем общества, путём привлечения внимания к ним властных структур, средств массовой информации. Российская действительность в настоящий период переживает подъем протестной активности населения. Зачастую, в ходе принятия ключевых управленческих решений, не учитывается общественное мнение. Отсутствие понимания гражданами необходимости проведения реформ, невозможность достижения нужных ему благ ведёт к возрастанию недовольства, неудовлетворенности — к состоянию депривации. Начиная с 2017 года, по оценкам экспертов Центра экономических и политических реформ, значительно возрастает количество протестных акций. Так, в России в 2017 году было выявлено 445 протестов, а в 2018 году тенденция роста протестной активности сохранялась и проявилась в проведении 2526 протестных акций¹²⁰⁶.

Анализируя прошедшие в 2018 году протестные акции, заметим формирование их новых характеристик; в частности, за счет смены повестки митинги стали менее предсказуемыми; стали распространяться по регионам страны и значительно возросла роль интернет-технологий. В 2018 году более половины протестов — акции с количеством участников до 100 человек, что можно объяснить облегчённой процедурой проведения такого мероприятия. Более четверти акций относятся к средним по численности — от 100 до 500 человек, 12% — крупные акции¹²⁰⁷. По своим формам акции, в большей степени были конвенциональными и согласованными с властями.

Общероссийская тенденция протестных движений — регионализация протестной активности, обуславливает необходимость более детального изучения особенностей и характеристик протестов в конкретном регионе России, с целью возможности их предотвращения, прогнозирования и выявления особенностей взаимодействия власти и общества.

Ярославская область — регион, в котором в 2019 году, по оценкам экспертов института региональной экспертизы, уровень протестной активности находится на относительно высоком уровне, что позволяет отнести его к «оранжевой зоне». Как правило, в регионах данной группы, отмечается существование одной относительно значимой локальной проблемы и протестными выступлениями частного характера. Такой локальной проблемой региона является «мусорная реформа»¹²⁰⁸.

С целью рассмотрения основных признаков политического протеста — направленность, несогласие с проводимой политикой, предъявление требований, публичность — было проведено исследование протестов в Ярославской области, с использованием методов политического анализа и опроса экспертов. В результате исследований получены следующие выводы: в 2018 году значительно вырос уровень протестной активности, что выразилось в увеличении интенсивности проведения публичных протестных акций. Протестные акции были обусловлены общефедеральной и региональной повесткой, зачастую региональные активисты становились участниками всероссийских протестных движений, присоединяясь к различным акциям. В большинстве случаев, организатором митингов выступило отделение политической партии КППРФ. В ходе социальных и экологических протестов выдвигались политические требования, обоснованные неспособностью власти отстаивать инте-

¹²⁰² Почепцов Г.Г. Революция. com. Основы протестной инженерии. М.: Издательство: Европа, 2005.

¹²⁰³ Скиперских А.В. Поверхности протеста: особенности политического письма в современной России // Политическая лингвистика. 2014. № 1 (47). С. 108–113.

¹²⁰⁴ Milbrath L. Political Participation: How and Why Do People Involved in Politics. Chicago, 1965.

¹²⁰⁵ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научно-исследовательского проекта № 17-33-01022 (а2) «Моделирование и индексирование протестной активности в субъектах Российской Федерации».

¹²⁰⁶ Центр экономических и политических реформ. Протесты 2017–2018: рост протестной активности населения [Электронный ресурс]. URL: <http://cepr.ru/2018/11/08/protests-2017-2018/> (дата обращения: 20.04.2019).

¹²⁰⁷ Центр экономических и политических реформ. Рост протестной активности в России: результаты всероссийского мониторинга 2017–2018 гг. [Электронный ресурс]. URL: <http://cepr.ru/2018/11/08/protests-2017-2018/> (дата обращения: 30.07.2019).

¹²⁰⁸ Рейтинг протестной активности регионов (апрель 2019). Институт региональной экспертизы. [Электронный ресурс]. URL: http://kvnews.ru/upload/file/IRE_Protestnaya_aktivnost_08052019.pdf (дата обращения: 30.07.2019).

рессы народа, оказать влияние на развитие обсуждаемых проблем. Одной из причин митингов стало отсутствие реакции и четкой позиции по разным проблемам со стороны властей. В области, преимущественно проводились согласованные протестные акции, либо акции, не требующие соблюдения процедуры согласования.

Данные исследования показали, что в области доминируют такие формы протестов, как митинги и одиночные пикеты, также наблюдается увеличение числа несанкционированных акций и переход самого протеста в online среду.

Полученные данные коррелируются с федеральной повесткой и отражают общую направленность и динамику развития протестного движения, позволяют формировать стратегию реагирования власти на современные протесты, опираясь на освоенную региональную протестную повестку.

Фролова Ю. Н. (Санкт-Петербург, РГПУ им. А. И. Герцена)

ПРОБЛЕМА СОВРЕМЕННОГО ФЕНОМЕНА ДИАСПОРЫ

Понятие диаспоры существует в употреблении в научных кругах длительное время, при этом универсального содержания термин не имеет, более того, он часто используется для определения разнородных по своему содержанию групп. При попытке дать краткий ответ на вопрос исследователи расходятся во мнениях. Диаспора — это процесс, явление или группа? В классических определениях термина «диаспора» фигурирует понятие «исторической родины», которое само по себе создает проблему, так как не может быть корректно определено¹²⁰⁹.

В качестве «эталонных» диаспор исторически рассматриваются еврейская, армянская и некоторые другие. Вторая половина XX в. заставила ученых пересмотреть подход к этому феномену из-за формирования новых диаспор под влиянием процессов глобализации. В это время в зарубежной и отечественной литературе появляются различные теории диаспор, среди которых «диаспоры-жертвы» Брубейкера, типология диаспор Шеффера и др. В отечественной науке этого периода лидирует методология, разработанная в контексте советской теории этноса, где диаспора понималась как исключительно этническое явление. Как отмечал В. И. Дятлов, «широко распространено мнение, что диаспоры — это некий отделившийся кусок этнического материка, его продолжение, несущее в себе все его основные характеристики»¹²¹⁰.

Современные миграционные процессы внесли значительные изменения в понимание этого феномена. «Увеличение масштабов миграции идет параллельно с консолидацией иммигрантских этнических сообществ, их объединением в группы и конгломераты»¹²¹¹. Число таких групп постоянно растет. Одним из подобных примеров является ЕС, где диаспоральные организации значительно разнятся по формам, структуре, правовому статусу и т. д. Актуальным является определение диаспоры, данное М. Эсманом, который определяет диаспору как «возникшее в результате миграции этническое меньшинство, сохраняющее связь со страной происхождения; причем это общение носит эмоциональный или основывающийся на материальных факторах характер»¹²¹².

Современная наука последних двух десятилетий предлагает многообразие подходов к термину «диаспора». Появились различные концепции, толкующие диаспоры как односторонний феномен, например диаспора как социальный феномен или диаспора как политический феномен. В рамках политического измерения диаспора — группа людей общего этнического происхождения, проживающих за пределами захваченной или независимой территории страны своего происхождения¹²¹³. Большинство исследователей сходятся во мнении, что диаспора должна обладать тремя основными характеристиками: факт миграции и расселения, трансграничное взаимодействие страны пребывания со страной исхода, уровень интеграции мигрантов в общество страны пребывания. Здесь возникает проблема стыка понятий «диаспора», «транснациональное сообщество» (transnational community).

Важным в политическом смысле фактором является уровень влияния диаспор на события в стране исхода и в стране проживания. Влияние диаспор на политику представляет собой один из самых серьезных вызовов государствам. В странах пребывания диаспоры могут формировать сети международной торговли наркотиками или террористические организации. Что касается внутренней политики страны исхода, здесь, как правило, выделяется две группы мнений: диаспоры способствуют радикализации политики или они сторонники мир-

¹²⁰⁹ Тишков В. А. Исторический феномен диаспоры // Единство в многообразии. Оренбург: Издательский центр ОГАУ, 2011. С. 37.

¹²¹⁰ Авдашкин А. А. Феномен диаспоры: методологические основы научного исследования // Вестник Челябинского государственного университета. 2015. № 2 (357). С. 133.

¹²¹¹ Веренич М. И. Феномен «новых диаспор» в структуре современных глобализационных процессов // Беларусь в современном мире. Материалы XVII Международной научной конференции, посвященной 97-летию образования Белорусского государственного университета. Минск: БГУ, 2018. С. 349.

¹²¹² Веренич М. И. Там же. С. 350.

¹²¹³ Тучина О. Р. Диаспора как пограничный феномен культуры // Ярославский педагогический вестник. 2018. № 1. С. 249.

ного разрешения конфликтов. Однако ряд последних исследований¹²¹⁴ показал, что такая дихотомия не отражает суть вопроса. Диаспоры не просто умеренные или радикальные акторы, но акторы, которые настроены на стратегическое участие, кроме того, они могут участвовать лишь в отдельных сферах жизни страны исхода (в качестве примера баскская диаспора в Латинской Америке).

Цанава Б. З. (Санкт-Петербург, СПбГУ)

КОНЦЕПЦИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В СОВРЕМЕННЫХ ЛИБЕРАЛЬНЫХ ТЕОРИЯХ ОБЩЕСТВЕННОГО ДОГОВОРА Д. РОЛЗА И Р. НОЗИКА

Современные либеральные теории общественного договора, открыто принимающие либеральное клише¹²¹⁵, почти все относятся к аналитической политической философии. Особенность этой традиции философствования заключается в том, что аналитическая политическая философия «считает внесоциальные ценности (польза, негативная свобода, личная автономия, материальное благосостояние и пассивное равенство) главными политическими благами и критериями политической оценки. Тогда как другие школы философско-политической мысли признают социальные ценности основными критериями политической оценки»¹²¹⁶.

Следовательно, основополагающей предпосылкой современных договорных теорий является методологический индивидуализм, что, так или иначе, соотносится с ранними классическими концепциями Гоббса и Локка. Однако если концепции классиков создавались на основе более-менее полной теории человека в совокупности его рациональных и иррациональных составляющих, то современные теоретики подчеркивают лишь гипотетическую рациональность человека при выборе политических институтов, обеспечивающие внесоциальные блага. Данная интенция и у Ролза, и у Нозика приводит к политическому утопизму, который сам по себе вполне оправдан в современной политической философии. Справедливо отмечает Скиннер, что «одно из легитимных устремлений моральной и политической теории заключается в том, чтобы указать линии действия, к которым обязывают нас заявляемые нами ценности», — здесь же Скиннер отмечает утопический характер теории Ролза¹²¹⁷. Однако вопрос вызывают предпосылки, на которых основано моральное обоснование этих теорий, и цели, которые они преследуют.

Как отмечает Петтит, современные контрактарианцы используют концепт договора как инструмент обоснования идеальной формы государства: независимо будет ли это, например, минимальное государство, ограниченное с целью обоснования и защиты естественных прав, или государство, ответственное за благосостояние своих граждан¹²¹⁸. При этом важно подчеркнуть, что либеральные концепции особенно склонны к актуализации проблем философии свободы и естественных прав. Скиннер видит в этом заметное влияние философии Гоббса, которого он, вслед за Харрингтоном, называет «готическим теоретиком»: «Если мы, например, посмотрим на таких ведущих современных теоретиков как Джон Ролз и Роберт Нозик и их последователей, то мы встретим осознанную попытку возрождения и расширения готического видения политики. Видение, согласно которому свобода это естественное право, антоним свободы это принуждение, и максимизация свободы рассматривается как главная (если не единственная) обязанность просветленных государств»¹²¹⁹. Ролз, например, пишет: «Каждая личность обладает основанной на справедливости неприкосновенностью, которая не может быть нарушена даже процветающим обществом»¹²²⁰. Однако при этом он констатирует факт плюрализма в обществе, обозначая, что люди расходятся в том, какие именно принципы должны определять основные условия соглашения в обществе. Но, несмотря на эти расхождения, мы все же можем сказать, что каждый из них имеет концепцию справедливости¹²²¹. Нозик, в свою очередь, начинает размышление с того, что «люди обладают правами, и поэтому есть действия, которые не может совершать по отношению к индивиду ни отдельный человек, ни группа лиц (без нарушения этих прав)»¹²²². Здесь возникает определенная проблема этической каузальности: можно ли обосновать нормативный порядок, основываясь на субъектно-центрированном обосновании естественных прав и политических институтов?

¹²¹⁴ Koinova M. *Diasporas and international politics: Utilising the universalistic creed of liberalism for particularistic and nationalist purposes* // Baubock R., Faist Th. *Diaspora and transnationalism: concepts, theories, methods*. IMISCOE Research. Amsterdam University Press. 2010. P. 163.

¹²¹⁵ Подробнее см. Гуторов В. А. Современный либерализм и политическая философия (дилеммы позиции Джона Ролза) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6. 2012. Вып. 3. С. 47–57.

¹²¹⁶ Макаренко В. П. Аналитическая политическая философия. Очерки политической концептологии. М., 2002. С. 48.

¹²¹⁷ Скиннер К. Свобода до либерализма. СПб., 2006. С. 71.

¹²¹⁸ Pettit P. *An Overview* // *Contemporary Political Theory* / Ed. by Ph. Pettit. NY., 1991. P. 5.

¹²¹⁹ Skinner Q. *Visions of Politics. Vol. 2: Renaissance Virtues*. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. P. 161.

¹²²⁰ Ролз Д. Теория справедливости. Новосибирск., 2006. С. 19.

¹²²¹ Там же. 24 с.

¹²²² Нозик Р. Анархия, государство и утопия. М., 2008. С. 11.

Если классические концепции общественного договора Гоббса, Локка, Руссо и Канта находятся в прямой зависимости от их антропологических позиций, а также приемов философии и теологии для обоснования этих позиций, то Ролз и Нозик стараются обойти такого рода метафизичность. Они вовсе не ставят вопрос природы человека: они больше озадачены решением проблемы соотношений индивидуального интереса, кристаллизованного в естественных правах, с моральным порядком. По сути, это та же проблема безбилетника, рассмотренная в этическом модусе и облеченная в форму общественного договора.

Циватый В. Г. (Киев, Украина, КНУ)

ТУРИСТИЧЕСКАЯ ДИПЛОМАТИЯ И ПУБЛИЧНАЯ ДИПЛОМАТИЯ В УСЛОВИЯХ ПОЛИЦЕНТРИЧНОГО МИРА XXI ВЕКА: МЕЖДУНАРОДНО-РЕГИОНАЛЬНЫЙ ДИСКУРС

Глобализация оказывает непосредственное влияние на институционализацию, модернизацию и трансформацию государственно-правовых институтов, норм и отношений на всех уровнях: всемирном, национальном и региональных уровнях, способствует усилению тенденций универсализации в различных сферах общественно-политической, социокультурной и политико-дипломатической жизни социума (туризм, культура, искусство, образование, внешняя политика, дипломатия, международные отношения, религия, спорт и т. д.).

Глобальные политические и институциональные процессы, глобальная дипломатия XXI века — это тренд современного глобализованного мира¹²²³. В изменившихся международно-политических условиях полицентричного (многополярного) мира XXI века многим государствам предстоит достаточно инициативно и эффективно обеспечить реализацию институциональных реформ и модернизацию норм, институтов и процедур в сфере международного правопорядка и мироустройства¹²²⁴. Проведение институциональной реформы нынешней международно-правовой системы требует общих консенсусных усилий практически всех членов мирового сообщества. После краха биполярной системы, в начале XXI века человечество оказалось в более знакомой для себя ситуации существования различных центров силы/центров влияния. В обиход вошло понятие многополярности (полицентричности)¹²²⁵.

Необходимо отметить, что аналогов ей в историческом прошлом не было; предшественниками в XIX — начале XX вв. были различные «концерты держав», в частности «система европейского концерта», закреплённая на Венском конгрессе. Полицентричный мир, утверждающийся на наших глазах, становится уникальным продуктом беспрецедентной стадии глобализации, которой она достигла к настоящему времени¹²²⁶.

Уникальность полицентричности состоит в том, что в отличие от эпох империй, концертов держав или сверхдержав низка вероятность появления новых гегемонов вместо старых, даже на региональном уровне, не говоря уже о трансрегиональном или глобальном¹²²⁷.

В этом направлении одним из объединяющих институциональных векторов в мировой политике является публичная и культурная дипломатия. **Туристическая дипломатия, публичная дипломатия и диалог культур** во внешнеполитической деятельности — это один из приоритетных инструментов внешнеполитической и дипломатической деятельности большинства современных государств в полицентричном мире XXI века. Индустрия туризма, будучи проявлением и фактором глобализации, а в определенном смысле и ее воплощением, испытывает заметное влияние таких сил, как информационные технологии, социальная дифференциация общества, изменение климата и др. В настоящее время туризм стал не просто путешествием ради получения наслаждения от общения с природой. В современной дипломатии туризм играет все более важную роль и уже перешагнул границы международных отношений, вышел на передовую линию дипломатии, сформировав специфическую отрасль дипломатии, как — **туристическая дипломатия**. Современный глобализованный мир трудно представить без туризма. Без преувеличения можно утверждать, что туризм на сегодня является не только практикой общественной жизни, но и фактором, влияющим на мировое глобальное развитие общества¹²²⁸.

¹²²³ Циватый В. Г. Институционально-исторические традиции политико-дипломатических систем и дипломатии: социологический аспект // Социология дипломатии: Гипотеза, структура и тематические исследования: Монография / Милан Язбец, Вячеслав Циватый и др. Киев, 2015. С. 269–280.

¹²²⁴ International Relations / Edited by Stephen McGlinchey. Bristol, England, 2017. Part I: DIPLOMACY. P. 26–36.

¹²²⁵ Циватый В. Г., Громико О. А. Полицентричність сучасного світоустрою: мегатренд XXI століття: (інституційний контекст) // Зовнішні справи. 2014. № 8. С. 26–29.

¹²²⁶ Chekalenko L. D. Foreign Policy of Ukraine: monograph / Based on the scientific concept of Professor Lyudmyla D. Chekalenko / Scientific editor Rector of the Diplomatic Academy of Ukraine under the Ministry of Foreign Affairs of Ukraine V. G. Tsivatyi. Kyiv, 2016.

¹²²⁷ Фенько А. Б. Туризм как показатель социального статуса // СОЦИС. 2007. № 2 (274). С. 124–131.

¹²²⁸ Циватый В. Г. Публичная и культурная дипломатия Украины XXI века: институциональное измерение и стратегии развития // Дискурс-

Таким образом, в настоящее время туризм стал не просто путешествием ради получения наслаждения от общения с природой, в европейской дипломатии туризм играет все более важную роль, туризм уже перешагнул границы международных отношений и вышел на передовую линию дипломатии.

В 2016–2019 годах выражение «туристическая дипломатия» стало одним из широко употребляемых среди людей в нашем обществе. Туризм стал уже составной и неотъемлемой институциональной частью национальной дипломатии. Историко-культурный туризм становится инструментарием и важным средством продвижения современной публичной дипломатии в условиях полицентричного мира XXI века. Туристическая дипломатия на сегодня — это инновационная технология культурной индустрии, историко-культурного туризма в глобальном мировом пространстве. Туристическая дипломатия становится важным каналом формирования и распространения имиджа и продвижения международного признания страны, также проводит в жизнь дипломатическую концепцию на сотрудничество и взаимный выигрыш, реализует стратегию взаимовыгодной открытости, является важным аспектом в деле формирования глобальной и институциональной сети партнерских отношений.

Чепелюк С. Г. (Москва, РАНХиГС при Президенте РФ)

ПРОЕКТ ЖЕЛАЕМОГО БУДУЩЕГО В ПРОГРАММАХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ РОССИИ

Общие положения: Партия — особого рода политический институт, объединение людей, ставящих перед собою цель — борьбу за власть. Одновременно, С. Хантингтон отмечал: деятельность политических партий представляет собой борьбу политических пониманий, производство смысла, ценностей и целей, в том числе, долгосрочных, связанных с проектированием будущего¹²²⁹. Естественно полагать, что в программах российских партий так или иначе представлены проекты будущего (желательного) для страны и мироустройства в целом. Данное исследование позволяет продвинуться в понимании концепции национальной и государственной идентичности, важной составляющей которой является проект желаемого будущего.

Целями работы, положенной в основу данного доклада¹²³⁰, являются выявление и обозначение проектов желаемого будущего в программах российских политических партий (как входящих в Государственную Думу, так и наиболее популярных не входящих в неё), с задачей (в дальнейшем) выявить точки возможного пересечения проекта будущего, предлагаемого партиями, и представлений учащейся молодежи.

Главной методикой исследования является качественный анализ (с элементами контент-анализа) программных документов политических партий. За время исследования были проанализированы программы 5-ти партий представленных в Государственной Думе (КПРФ, ЛДПР, Справедливая Россия, Родина, Гражданская платформа) и 2-х самых популярных не представленных в Государственной Думе («Яблоко», «Партия народной свободы»). Партия «Единая Россия» не имеет программы, однако, поскольку «Единая Россия» является партией Правительства, контуры желаемого будущего обозначены в «Послании Президента РФ Федеральному собранию».

В результате анализа было выявлено:

- 1) Большинство партий не имеет четкого проекта будущего, предлагающего новые пути, отвечающие на вызовы времени;
- 2) Все парламентские партии при формировании программы изменений отталкиваются от традиционных ценностей (семья, история и т. д.);
- 3) Каждая партия старается учитывать в своей программе интересы молодежи, однако не предлагает молодежи прогрессивную программу изменений;
- 4) Программы будущего партий направлены в первую очередь на избирателя, а не на будущее страны.

Системные партии не предлагают гражданам активно участвовать в формировании образа будущего и в политическом процессе в целом. Подтверждаются некоторые проблемные моменты при формировании проекта будущего политической элитой. Ответим главное:

- 1) Увеличивается разрыв между опытом настоящего и ожиданиями будущего. Будущее при этом представляется лишь как преодоление сложившихся неблагоприятных условий;
- 2) Снижается рациональность в прогнозировании будущего. Горизонт планирования будущего становится не далеким;

Пи. — 2014. — Том XI. — С. 124–130.

¹²²⁹ Huntington S. P. The third wave: Democratization in the late 20-th century. University of Oklahoma press, 1993. Т. 4.

¹²³⁰ Доклад основан на данных Всероссийского исследования «Образ желаемого будущего глазами учащейся молодежи» выполненного в рамках проекта РФФИ № 19-011-35019 под руководством д. ф. н., проф. В. С. Комаровского.

3) Наблюдается разрыв между элитой и гражданами, что, в свою очередь, порождает недоверие к действующим политическим институтам.

Несмотря на перечисленные проблемы, партии, в отличие от действующего Правительства, более чувствительны к желаниям и интересам граждан и все ещё способны агрегировать данные интересы. Эта особенность позволяет партиям частично выводить контуры желаемого будущего, характерного для граждан (а точнее, для избирателей данных партий).

Черный Е. В. (Симферополь, КФУ им. В. И. Вернадского)

ПРОБЛЕМЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ МОЛОДЕЖИ В КРЫМУ

1. Политическая социализация — это одна из важнейших составляющих общего процесса социализации, т. е., усвоения и принятия идей, ценностей, норм и формирования установок и стереотипов относительно объективной политической реальности (предмет исследования политологии), в которой человек живет и развивается. Так же как нет окончательного итога процесса социализации, нет и какого-то явного завершения политической социализации. Но можно говорить о той или иной степени сформированности политического сознания и субъективной политической реальности (предмет исследования политической психологии) — отражения объективной политической реальности. Сложность и неоднозначность процесса политической социализации определяется рядом факторов:

— объективная политическая реальность сама по себе весьма сложное, нередко противоречивое явление и одновременно перманентно протекающий процесс;

— способность к познанию политической реальности формируется, как правило, в подростковом возрасте, поскольку когнитивным основанием для этого является определенный уровень развития абстрактно-логического мышления;

— мотивация к познанию политической реальности не происходит автоматически, как например, мотивация к познанию и совершенствованию взаимодействия с другими людьми, поскольку не только выживание, но и достаточно успешная жизнь вполне возможна вне поля политики, а вот вне поля взаимоотношений — нет;

— особенности интереса и мотивации к познанию объективной политической реальности, а, тем более, к тем или иным формам и способам политического участия определяются, во-первых, различными характеристиками самой политической реальности (особенностями политической системы, информационного поля, уровнем социально-политической напряженности, наличием или отсутствием конфликтов, кризисов и т. д.), во-вторых, политическими традициями и, в целом, особенностями политической культуры и политической ментальности конкретного общества, в-третьих, особенностями институтов и агентов политической социализации, в-четвертых, особенностями информационно-технологической системы.

2. Очевидна значимость исследования политической социализации молодежи, т. к. подростки и молодые люди, которым сейчас 14–20 лет через несколько десятилетий будут определять развитие отдельных стран и всего мира в целом. Впрочем, в связи с этим возникает ряд проблем и вопросов. Например, как должна выглядеть некая идеальная модель политической социализации, к которой нужно стремиться? Понятно, что такие модели время от времени выстраиваются теоретиками, но, во-первых, далеко не всегда теоретические модели воплощались в жизнь, во-вторых, когда они так или иначе воплощались, это не всегда и, во всяком случае, не повсеместно, приводило к конструктивным результатам, в-третьих, многое меняется в современном мире и нужны иные модели. И наконец, даже если сконструировать адекватные времени и политическому пространству модели политической социализации, то как их реализовать?

3. Особенности и проблемы политической социализации молодежи в Крыму определяются если не уникальной для новейшей истории, то достаточно необычной ситуацией неожиданного изменения гражданско-правового статуса двух с половиной миллионов человек, в том числе, молодых людей. В течение нескольких недель февраля-марта 2014 года это произошло в Крыму и повлекло на протяжении последующих пяти лет существенные изменения в социально-экономическом положении и, вероятно, в гражданской и политико-идеологической идентичности крымчан. Фактически, изменилось пространство политической социализации.

4. Поддержанный РФФИ проект 19-011-31507 «Этнокультурные особенности политической и гражданской социализации молодежи в условиях трансформации политико-идеологической идентичности (на примере Крыма)» предполагает серьезное исследование, основной целью которого является изучение влияния трансформации политико-идеологической идентичности молодежи в условиях глубоких изменений государственно-правового, социально-экономического и политико-идеологического статусов территории на особенности политической и гражданской социализации молодежи.

Основные задачи проекта:

- построение концептуальной модели взаимосвязи совокупного процесса политической и гражданской социализации в условиях трансформации политико-идеологической идентичности;
- выявление этнокультурных особенностей политической социализации молодежи (на примере молодежи Крыма);
- определение степени и характера влияния гражданско-правовых и социально-экономических трансформационных процессов на особенности политической социализации молодежи с учетом этнокультурных различий (на основании сопоставления данных предполагаемого исследования и исследования, проведенного 12 лет назад);
- определение характера и интенсивности вероятных изменений политико-идеологической идентичности молодежи Крыма с учетом этнокультурных особенностей;
- выявление вероятной взаимосвязи между политико-идеологической идентичностью представителей этнокультурных групп крымской молодежи и особенностями их политической и гражданской идентичностей;
- выявление причин политической маргинальности (как в сторону радикализации, так и в сторону абсентизма), связанных с особенностями политической и гражданской социализации;
- определение значимости этнокультурных особенностей политической, гражданской социализации как факторов, влияющих на легитимацию власти в восприятии молодежи.

Чернышов Ю. Г. (Барнаул, АлтГУ)

РОЛЬ МИФОЛОГИЗИРОВАННЫХ И НАУЧНЫХ ИНТЕРПРЕТАЦИЙ ИСТОРИИ В ФОРМИРОВАНИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Различные варианты «политики памяти» и те интерпретации исторических событий, которые распространены в разных странах, тесным образом связаны с формированием политических идентичностей. При этом официальные интерпретации истории зачастую несут в себе мифологизированную идеологическую нагрузку. Следует, однако, заметить, что степень «давления» этой нагрузки на историю как науку в разных странах и в разные эпохи бывает разной. В данном докладе затрагивается вопрос об основных вариантах соотношения мифологизированных и научных интерпретаций истории при формировании политических идентичностей.

Уже в первых государствах Древнего Востока история «своей» страны интерпретировалась в интересах правящей элиты: подчеркивалась связь правителей с миром богов, превозносились военные победы над врагами и те достижения, которые выделяли данный народ среди других, «варварских» народов. История как наука еще только зарождалась, события прошлого весьма фрагментарно и искаженно доносились до новых поколений в основном через легенды и мифы, передаваемые жрецами. История была во многом частью мифологии.

Основанная на фактах и рационалистически осмысленная история развивается в Европе начиная с античного времени. Так, «отец истории» Геродот достаточно критично изложил историю Греко-персидских войн, сопоставляя разные версии событий и отмечая недостоверные предания. При этом в его сочинении нашлось место и для таких исторических символов, которые на многие века стали предметом гордости эллинов (подвиг «трехсот спартанцев», отказ афинян подчиниться «восточному деспоту» Ксерксу, разгром персидского флота при Саламине и т. д.). Реальная история стала отчасти «сакральной», превратившись в те символы, которые легли в основу эллинской гражданской идентичности. Символы политической свободы как высшей ценности вполне гармонично сочетались с полисной демократией (естественно, до тех пор, пока само полисное устройство не исчерпало свои возможности). «Героическая» история не противоречила «реальной» истории, она дополняла ее.

Иную модель соотношения «реальной» и «мифической» истории дают многие имперские государства, классическим примером чему служит Римская империя. У римлян почти не было развитой собственной мифологии, и с появлением потребности в возвышении возникшей мощной империи начинаются попытки искусственно «сочинить» сакральную историю. Наиболее последовательно это было сделано в поэме «Энеида», написанной Вергилием по заказу Августа. Римляне, согласно придуманной поэтом схеме, через приплывшего в Италию Энея являются потомками троянцев, и их «богоизбранность» проявилась (спустя более чем тысячу лет!) в том, что при Августе Рим стал править многими народами, даруя им блага нового «золотого века». Таким образом мифологизированная история послужила укреплению имперской идентичности.

Данная модель сочинения «выгодных исторических мифов», имеющих мало общего с реальной историей, многократно использовалась затем многими европейскими и азиатскими монархами. Так, Иван Грозный, например, пытаясь обосновать легитимность своей власти, сообщал в послании шведскому королю Юхану III:

«мы ведем род от Августа-кесаря» (это заявление было сделано спустя более чем полторы тысячи лет после правления Августа!). Разумеется, эта генеалогическая схема (от Августа через его выдуманного брата Пруса, а затем через Рюрика и Владимира) была фикцией, однако историческая правда для ее авторов не имела значения, для них важно было дать обоснование царской власти. Параллельно, кстати, для «других аудиторий» развивалась и версия о происхождении этой власти от Чингиз-хана.

В новейшее время в связи с периодически происходящей в ряде стран «архаизацией» сознания можно встретить примерно такие же попытки мифотворчества. Они используют склонность человеческого сознания верить в «нас возвышающий обман». Если исторические факты противоречат таким мифам, зачастую отвергаются не мифы, а факты. Не случайно даже среди образованных немцев в Третьем рейхе полным доверием пользовался миф об историческом превосходстве «арийской расы». Встречаются и сейчас суждения о том, что профессиональные историки в своем стремлении к научной истине могут подрывать единство нации, поскольку они рассказывают людям в том числе и «неприятную» историческую правду, а она вызывает чувство горечи, а не гордости. Поэтому предлагается воспитывать молодежь с помощью пропагандистов, которые будут излагать только красивые исторические мифы. Однако опасность этого пути заключается в том, что незнание обществом уроков реальной истории может обернуться повторением уже пережитых больших ошибок и больших бед.

В докладе делается вывод о том, что в процессе формирования политической идентичности оптимальным является использование такой модели «политики памяти», при которой «реальная» и «мифологизированная» история не противостоят, а взаимно дополняют друг друга.

Чижевский Я. А. (Москва, МГИМО МИД России)

К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ ГЛОБАЛЬНЫХ ТЕНДЕНЦИЙ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА И ТРАНСФОРМАЦИИ ПРИРОДЫ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ КОНФЛИКТОВ В XXI В.

Военно-политические конфликты XXI в. являются отражением новой военно-политической реальности, в основе которой лежит «глобальная трансформация институтов общества «индустриального» при транзите к «постиндустриальному»¹²³¹. Множественность характеристик военно-политических конфликтов в XXI в. в результате трансформации природы войн находит отражение в современном военно-политическом дискурсе в виде «конфликтов с прилагательными»: асимметричный конфликт, гибридная война, сетцентричная война, нелинейная война.

Конфликты XXI в. продолжают усложняться, их развитие носит все более нелинейный характер¹²³². Такие факторы, как религия, технологии, сетевизация общественных отношений, глобализация, высокая степень взаимозависимости акторов на международной и внутривосточной арене на фоне возрастающей конкуренции за ограниченные ресурсы на мировом рынке — оказывают все более значительное влияние на форму современных конфликтов, изменяя их структуру и динамику.

В военно-политическом экспертном и научном сообществе к 2019 г. был в значительной степени достигнут консенсус относительно ключевых значимых характеристик военно-политических конфликтов современности: асимметричности, гибридности¹²³³, сетцентричности¹²³⁴.

Асимметричный характер военно-политических конфликтов предполагает использование многообразных и разнокачественных стратегий, технологий, инструментов воздействия, а также непропорциональный (неравный) характер отношений, асимметрию потенциалов противоборствующих сторон, свойственный сегодняшней военно-политической ситуации¹²³⁵.

Гибридность означает сумму неопределенных по принадлежности, неатрибутированных силовых, форсированных, агрессивных действий в широком диапазоне, вкуче с разнообразными инструментами, расширя-

¹²³¹ Неклесса А. И. 10 тезисов о гибридной войне // ИНТЕЛПРОС. М., 2015. Сентябрь. URL: http://www.intelpros.ru/intelpros/biblio_intelpros/27726-12-tezisev-o-gibridnoy-vojne.html (Дата посещения: 02.02.2016.).

¹²³² Ларина Е., Овчинский В. Пятое измерение войны // ЗАВТРА. М., 2013. 2 декабря. URL: <http://www.zavtra.ru/content/view/pyatoe-izmerenievojny> (Дата посещения: 30.04.2015).

¹²³³ Чижевский Я. А. Развитие военно-политического дискурса: представляем неологизмы «асимметричный конфликт» и «гибридная война» // Политическая наука. 2016. №2. С. 269–283.

¹²³⁴ Арзумян Р. В. Сложное мышление и сеть: парадигма нелинейности и среда безопасности 21 века. Ереван: НОФ «Нораванк», 2011. С. 241.

¹²³⁵ Дериглазова Л. В. Парадокс асимметрии в международном конфликте // Международные процессы. 2005. Том 3. Номер 3 (9). Сентябрь-декабрь; Подберезкин А. И., Боришполец К. П. Некоторые аспекты анализа военно-политической обстановки: монография / под ред. А. И. Подберезкина, К. П. Боришполец. М.: МГИМО-Университет, 2014. 874 с.

ющими возможности конвенциональной политики, и применяемых с целью деконструкции нежелательных обстоятельств, подчинения либо деструкции противника.

Сетецентричный подход к ведению боевых действий в XXI в. выражается: 1) в принятии или отторжении высшим командным составом новой военно-мировоззренческой философии, основанной «на приоритете информационно-когнитивной сферы ведения военных действий над физической средой ведения войны»¹²³⁶; 2) в понимании организационного поведения новых боевых порядков, соотношения вертикальных и горизонтальных каналов связи; 3) в обеспечении бесперебойных каналов связи и их пропускной способности, высокоскоростной обработки большого объема данных, соотношения конфигурации сети и ее организационного дизайна, безопасности информации в сетях, их совместимости и автоматизации процессов контроля и управления¹²³⁷; 4) в подготовке «военных руководителей, творцов с новым мышлением, масштабным оперативно-тактическим кругозором»¹²³⁸, способных принимать самостоятельные решения при сохранении общего замысла операции¹²³⁹.

К 2019 г. мировое сообщество стало свидетелем ряда конфликтов, в том числе, войны в Афганистане (с 2001 г.), войны в Ираке (2003–2011 гг.), войны в Ливии (2011 г.), войны в Сирии (с 2011 г.), вооруженного конфликта на Востоке Украины (с 2014 г.), вооруженного конфликта на территории Ирака и Сирии (с 2014 г.). Детальное рассмотрение различных по своим геополитическим, культурным и историческим предпосылкам конфликтов позволяет выявить общие вышеупомянутые характерные черты военно-политических конфликтов XXI в., обуславливающие их природу.

Соотнесение характерных черт военно-политических конфликтов начала XXI в. с трендами развития общества позволяет усмотреть взаимосвязи между трансформацией природы военно-политических конфликтов и трансформацией политических институтов.

Чмирис Е. С. (Москва, РСМД, Финансовый университет при Правительстве РФ)

СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ В ИНТЕРНЕТЕ И В НАУКЕ: К ВОПРОСУ О ПРИМЕНЕНИИ ПРОГРАММНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ В ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Социальные сети — это тот социальный феномен, который окружает нас с самого рождения. Пример человека, не включенного в социальные сети, найти крайне сложно. Таким можно считать отшельника или маргинала-аутсайдера. Остальные люди в большей или меньшей степени включены в различные социальные контакты и интеракции.

Ученые в области общественных наук пришли к выводу, что социальные сети можно и полезно моделировать в исследовательских целях. Основой для моделирования сети стало ее графическое отображение. Единицей отображения является *граф* — совокупность вершин и связей между ними.

Связь бывает, как однонаправленной, так как направленной к двум вершинам. Это означает наличие взаимности связи. Однонаправленная связь формируется, к примеру, если в группе людей все отвечают на вопрос: кого вы считаете своим другом. Индивид, обозначенный на схеме А, считает С своим другом, тогда как С не считает А своим другом, для него другом является только F. При этом А и В взаимно считают друг друга друзьями.

С развитием компьютерных технологий стало возможным комплексное моделирование и изучение социальных сетей. Был разработан ряд программных продуктов для их анализа. К примеру, уEd Graph позволяет отображать сети и имеет ряд инструментов для их анализа. NetDraw требует чуть больше умений (данные заносятся в виде матрицы), но при этом дает и больше возможностей для анализа. На одном уровне с ней стоит InFlow. Программа NodeXL привязана к стандартной программе Excel MS.

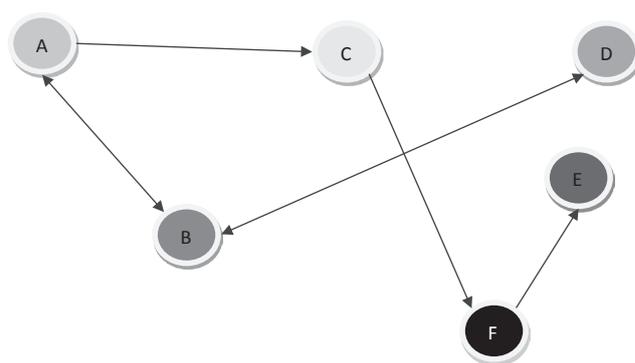

Рис. 1. Граф

¹²³⁶ Попов И. М. Сетецентрическая война: Готова ли к ней Россия? URL: <http://www.milresource.ru/NCW.html> (дата обращения 21.05.2017).

¹²³⁷ Alberts D.S., Garstka, J. J., Stein F.P. Network Centric Warfare: Developing and Leveraging Information Superiority. 2nd ed. Washington, DC: Department of Defense Command and Control Research Program (CCRP) Publication Series, 2000. P. 58–60.

¹²³⁸ Воробьев И. Н., Киселев В. А. Тактика сетецентричных действий // Армейский сборник. 2014. №4 (238). С. 44–46.

¹²³⁹ Попов И. М., Хамзатов М. М. Война будущего. 3-е изд. М.: Кучково поле, 2018. С. 587.

Интерактивное отображение социальных сетей может носить справочный характер и помогать ориентироваться в мире большой политики, бизнеса, шоу-бизнеса и т. п. К примеру, проект Muckety (<http://news.muckety.com/>) на регулярной основе публикует графическое отображение социальных сетей американской элиты¹²⁴⁰.

Социальные сети стали востребованным и достаточно эффективным методом исследования социальной, политической, экономической реальности. Со временем возникла Международная сеть по исследованию социальных сетей (INSNA). На сайте INSNA также можно найти журнал Connections в открытом доступе¹²⁴¹.

Социальные сети на уровне взаимодействия между людьми (на микроуровне) изучает профессор Стэнфордского университета Марк Грановеттер, который в частности пришел к выводу, что «сила» социальных сетей заключается в «слабых» связях, по сути маргинальных (единичных связях между несколькими координированными сетями)¹²⁴².

В ходе развития моделирования сетей сформировался научный аппарат для определения свойств сетей, их типологизации, сравнения и т. п. Изучаются такие параметры вершин сети, как центральность, промежуточность, близость. Также можно оценить всю сеть целиком: насколько сеть централизована, степень близости вершин сети друг к другу, наличие пограничных вершин, которые связывают несколько сетей друг с другом. Наличие матриц и кодирования материала позволяет ученым применять математические методы анализа при исследовании социальных сетей¹²⁴³.

Моделирование социальных сетей (людей, организаций, стран) позволяет ответить на целый ряд вопросов относительно потоков международной торговли, связей НКО, взаимодействия транснациональных корпораций, функционирования террористических сетей и международной преступности, при анализе конфликтов.

Исследования социальных сетей получило широкое распространение в социологии, однако применение этой методики позволит расширить исследовательские возможности в рамках изучения международных отношений. Попытка применить совокупность сетевого анализа и когнитивного картирования была предпринята авторским коллективом под руководством В. М. Сергеева¹²⁴⁴.

Методы кодирования, которые используются в сетевом анализе, позволяют делать результаты исследований верифицируемыми. Использование новых нестандартных методов в исследовании международных отношений открывает новые возможности для нестандартных выводов.

Чистов И. И., Белоконев С. Ю. (Москва, Финансовый университет при Правительстве РФ)

ЭЛЕКТРОННЫЙ ФРОНТИР КАК СРЕДА ОТНОШЕНИЙ БИЗНЕСА И ВЛАСТИ

Необходимость осмысления проблемы отношений власти и бизнеса в контексте цифровой трансформации предполагает, в том числе, поиск модели, позволяющей с одной стороны описать динамику отношений акторов указанных процессов, с другой, спрогнозировать их поведение и связанный с ним ход трансформации.

При разработке описательной модели мы опираемся на концепцию информационного общества, предложенную Энэджи Масуда, согласно которой трансформация процессов политической коммуникации предопределяет смену традиционных классов сетевыми сообществами, и переход от традиционных моделей к демократии участия, при этом информационное общество, благодаря качеству публичных связей будет способно перейти от конкурентной борьбы индустриального периода к принципам синергетической рациональности.¹²⁴⁵ Подобный подход к пониманию феноменов киберпространства и Интернета позволяет нам рассмотреть процессы цифровой трансформации через различного рода метафоры, соотнося новые сложные для понимания процессы с уже относительно изученными.

¹²⁴⁰ Among the Oscar Contenders, a Host of Connections // The New York Times. February 20, 2013. URL: <http://www.nytimes.com/interactive/2013/02/20/movies/among-the-oscar-contenders-a-host-of-connections.html?smid=fb-share>

¹²⁴¹ URL: http://www.insna.org/PDF/Connections/v32/2012_I-1_P1-52.pdf

¹²⁴² Granovetter, Mark S. The Strength of Weak Ties // The American Journal of Sociology, Vol. 78, No. 6. (May, 1973), pp. 1360–1380. URL: <https://www.cs.cmu.edu/~jure/pub/papers/granovetter73ties.pdf>

¹²⁴³ Newman M.E. J. The structure and function of complex networks / Department of Physics, University of Michigan. URL: <http://www-personal.umich.edu/~mejn/courses/2004/cscs535/review.pdf>

¹²⁴⁴ Новое пространство мировой политики: взгляд из США / Под общей редакцией В. М. Сергеева и Е. С. Алексеенковой. М.: МГИМО, 2011.

¹²⁴⁵ Одинцов С. А. Вашенко А. В., Развитие теорий информационного общества и понятие «Киберпространство», Научный журнал КубГАУ, № 121 (07), 2016; Володенков С. В., Технологии Интернет-коммуникации в системе современного политического управления, диссертация на соискание ученой степени доктора политических наук, М., 2015, с. 69; Masuda Y. The information society as Post-Industrial society, Bethesda, MD: World Future Society, 1981, 179 p.

Одной из наиболее продуктивных метафор, связанных с описанием феноменов киберпространства и Интернета является метафора фронта. ¹²⁴⁶ Применение термина «фронт» в качестве метафоры процессов цифровой трансформации предполагает обращение к образу подвижной границы между понятным и непонятным, старым и новым, передовым и отсталым.

Такое понимание фронта дает возможность использовать термин для интерпретации различных процессов цифровой трансформации и развития сети Интернет: установления государственной юрисдикции в национальных сегментах сети, распространения влияния тех или иных сетевых сообществ и институтов, динамики политических и социальных дискуссий в сетевом пространстве и внедрения цифровых технологий в экономике и политическом управлении.

Электронный фронт может рассматриваться как динамическая граница освоения пространства цифрового (сетевого) общества, проницаемость и подвижность которой коррелирует с уровнем ИТ-грамотности и цифровых компетенций пользователей, степенью распространения компьютерных технологий, онлайн ресурсов, сетевых структур и практик. ¹²⁴⁷

Сравнение западных и отечественных фронтальных практик указывает на ключевую для исторического фронта категорию свободных земель. В отношении электронного фронта метафорой «свободных земель» может на наш взгляд выступать отсутствие или минимизация правового регулирования сети.

Российский опыт освоения электронного фронта указывает на патерналистский паттерн в деятельности государства, что отражается, как в оперативном формировании обширной законодательной базы, регулирующей Интернет-пространство и создании соответствующих институтов, так и в стремлении контролировать деятельность отечественной Интернет-индустрии.

Использование метафоры фронта для описания проблематики цифровой трансформации позволяет с одной стороны воспринимать стоящие перед обществом и государством вызовы как пространство возможностей и экспериментов, с другой обратиться к историческому опыту освоения новых пространств с тем, чтобы использовать наиболее удачные паттерны из отечественного и зарубежного опыта.

Пространство электронного фронта предоставляет практически неисчерпаемый потенциал для конструирования сетевых идентичностей и перераспределения ролей. Изменчивость сетевого фронта, предоставляющая неограниченные возможности по освоению его пространств связана также с открытой архитектурой сети и динамикой развития цифровых технологий.

Чугунов А. В. (Санкт-Петербург, НИУ ИТМО)

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ ЭЛЕКТРОННОГО УЧАСТИЯ В «УМНОМ ГОРОДЕ»¹²⁴⁸

В настоящее время наблюдается очередной этап (вернее попытка) запуска в Российской Федерации процессов модернизации и инновационного развития. Новый этап связан с формированием Национальной программы «Цифровая экономика» и связанных с ней федеральных проектов. Следует отметить, что задачи развития электронного правительства теперь стали составной частью федерального проекта «Цифровое государственное управление». При этом декларируется, что внедрение цифровых технологий и платформенных решений в сферах государственного управления и оказания государственных услуг будет осуществляться в том числе в интересах населения и субъектов малого и среднего предпринимательства, включая индивидуальных предпринимателей. ¹²⁴⁹ Задачи и направления работы, связанные с комплексным внедрением цифровых технологий и эффективных методов управления в городах, были вынесены в отдельное проектное направление в рамках ответственности Минстроя России по реализации национального проекта «Жилье и городская среда». Следует обратить внимание, что интересы граждан и в этом случае декларируются в качестве первоочередных. ¹²⁵⁰ Также необходимо отметить, что при приоритизации задач интеграции городских информационных систем, именно создание порталов электронного участия было поставлено на первый план. Это было закре-

¹²⁴⁶ Sterling, B., *The Hacker Crackdown, law and disorder in the electronic frontier*. Bookpubber, 2014; Dreyfus, S., Assange, J. *Undeground: tales of hacking, madness and obsession on the electronic frontier*. Canongate Books, 2012

¹²⁴⁷ Плотниченко Н. В., *Мифология электронного фронта*, Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского, Серия: Социальные науки, 2018, № 1 (49)

¹²⁴⁸ Исследование осуществляется при поддержке Российского научного фонда, грант № 18-18-00360.

¹²⁴⁹ Цифровое государственное управление // АНО «Цифровая экономика». — URL: <https://data-economy.ru/government>.

¹²⁵⁰ Проект цифровизации городского хозяйства «Умный город» // Минстрой России. — URL: <http://www.minstroyrf.ru/trades/gorodskaya-sreda/proekt-tsifrovizatsii-gorodskogo-khozyaystva-umnyy-gorod/>

плено в базовых требованиях к проектам «Умного города»¹²⁵¹ на региональном и муниципальном уровнях. В документе (и плане работ) в разделе «Государственное управление» в качестве первого приоритета обозначен пункт «Цифровая платформа вовлечения граждан в решение вопросов городского развития («Активный горожанин»)». Тем самым мы можем вполне обоснованно сделать вывод о том, что обеспечение интерактивного электронного взаимодействия между властью и гражданином (правда, пока только по вопросам городского развития) в начале 2019 г. было зафиксировано в России в качестве компонента государственной политики.

В ходе исследований, которые проводятся в рамках проекта РНФ «Электронное участие как фактор динамики политического процесса и процесса принятия государственных решений» нами была разработана институциональная модель электронного управления (E-Governance), на базе которой создана первая версия модели электронного участия как канала интерактивного взаимодействия акторов в системе управления «Умным городом» (рис. 1). Теоретическое обоснование логики формирования модели будет представлено в докладе на конференции (опирается на базовую модель E-Governance и подробно изложено ранее в нашей публикации¹²⁵²).

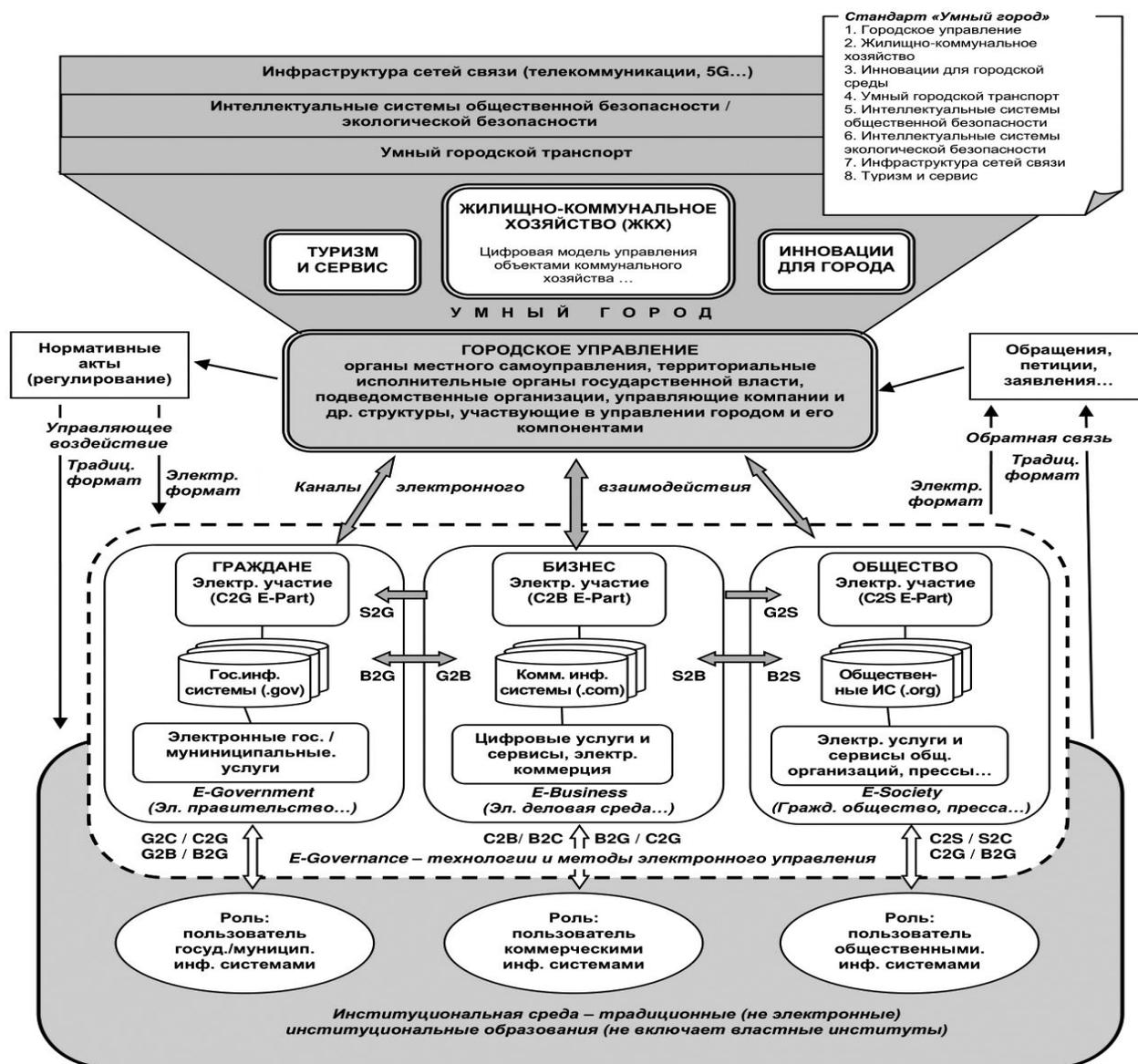

Рис. 1. Институциональная модель функционирования электронного участия как канала интерактивного взаимодействия акторов в системе управления «Умным городом» (E-Participation in Smart City)

¹²⁵¹ Базовые и дополнительные требования к умным городам (стандарт «Умный город») // Минстрой России [04.03.2019]. — URL: <http://www.minstroyrf.ru/docs/18039/>

¹²⁵² Чугунов А.В. Модель электронного управления как система обратной связи с гражданами в концепции «Умный город» // International Journal of Open Information Technologies. 2018. Т. 6, № 12. С. 106–113. <http://injoit.org/index.php/j1/article/view/662/639>

Компоненты модели, представляющие структуру «Умного города» сформированы на основе процитированного выше документа Минстроя России.

На наш взгляд институциональное моделирование позволяет более эффективно решать следующие исследовательские задачи:

— формулируя набор гипотез исследования более четко вычленять связи между объектами, что повышает качество постановки задачи;

— при формулировании программы и этапов эмпирических исследований наглядно представлять всю картину объекта и более эффективно декомпозировать объект на составные части с учетом возможных связей между ними;

— повысить сопоставимость локальных исследовательских задач, т.к. используется единая методология и терминологическая база;

— создать основу для компьютерного и сценарного моделирования функционирования процессов взаимодействия акторов.

В заключении приведем определение от Британского института стандартизации: «Умный город» — эффективная интеграция физических, цифровых и человеческих систем в искусственно созданной среде с целью обеспечения устойчивого, благополучного и всестороннего будущего для граждан.¹²⁵³ Принципиально важно понимать, что мы имеем дело со сложным социотехническим комплексным явлением, при исследовании которого нельзя применять исключительно технократический подход.

Шамиура К. А. (Санкт-Петербург, НИУ ВШЭ)

НАПРАВЛЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО КОНТРОЛЯ НАД ПОЛИЦИЕЙ В РОССИИ

В течение длительного периода времени в российском общественном, политическом и научном дискурсе обсуждается необходимость создания в стране системы общественного контроля, которая бы обеспечивала государственному и муниципальному управлению такие качества, как подотчётность гражданам, ответственность и прозрачность. Одним из важнейших направлений общественного контроля является контроль структур гражданского общества над деятельностью полиции. Данное направление общественного контроля получило широкое распространение во многих странах мира и рассматривалось в контексте взаимодействия власти и общества, защиты прав человека.¹²⁵⁴ В России же, несмотря на актуальность темы, существует серьёзный разрыв между эмпирическими практиками общественного контроля над полицией, и состоянием научной разработки проблемы.¹²⁵⁵

В представленной работе рассматриваются основные направления и практики общественного контроля над полицией в современной России.

В настоящее время, в становлении общественного контроля над полицией можно выделить два основных направления — формализованный и неформальный. Формализованный общественный контроль над полицией осуществляется государственно-общественными структурами, такими как, общественные советы при Министерстве внутренних дел РФ и его территориальных органах, Общественные наблюдательные комиссии, Общественные палаты и имеет соответствующее закрепление в законодательстве. К результативности общественного контроля в таком виде существует большое количество вопросов среди исследователей и экспертов. Нередко общественный контроль, реализуемый только лишь государственно-общественными структурами под патронажем государства, считается экспертами имитационным.¹²⁵⁶

Неформальные практики общественного контроля носят чаще проектный и сетевой характер, и более разнообразны. Иными словами, основная часть таких практик развивается как целенаправленно созданные проекты, а не стихийно возникшие инициативы. Наиболее распространёнными практиками общественного контроля являются: 1) мониторинг работы полиции (дежурных частей отделов полиции; участковых уполномоченных; дорожно-патрульной службы; отделов по вопросам миграции и пр.)¹²⁵⁷; 2) мониторинг нарушений прав человека со стороны сотрудников полиции, расследования¹²⁵⁸; 3) общественная экспертиза нормативных актов; 4) запросы

¹²⁵³ Standard BSI PAS 180 / British Standard Institution. — URL: <https://www.bsigroup.com/en-GB/smart-cities/>

¹²⁵⁴ Prenzler T., Heyer G.D. Civilian oversight of police: advancing accountability in law enforcement. Boca Raton: CRC Press, 2015. — 276 p.

¹²⁵⁵ Карастелев, В.Е. Институционализация общественного контроля в системе правосудия и правоохранительной деятельности в современной России. Дисс. на соиск. уч. степ. канд. полит. наук. М., 2015. — 158 с. С. 9–10.

¹²⁵⁶ См. напр.: Стоп — имитация общественного контроля в России // Общественный контроль. Информационная площадка Ассоциации независимых наблюдателей. URL: <http://www.onk-ru.info/stop-imitaciya-obshhestvennogo-kontrol/>

¹²⁵⁷ Проект «Гражданин и полиция». URL: <https://police.mhg.ru/>; Проект «Открытая полиция». URL: <https://openpolice.ru/>; Проект «Объединённая группа общественного наблюдения». URL: <https://ogonwatch.org/>

¹²⁵⁸ Проект «ОВД-Инфо». URL: <https://ovdinfo.org/>; Проект «База данных. Ответят все». URL: <https://bewareofthem.org/>

граждан. Отдельного внимания заслуживают интернет проекты, направленные на повышение открытости деятельности полиции. К ним относятся, например, Проект «Карта полиции» (справочный интернет портал об отделах полиции)¹²⁵⁹; Проект «Омбудсмен полиции» (фактически независимый профсоюз сотрудников полиции)¹²⁶⁰.

Как вполне справедливо отмечают некоторые исследователи, общественный контроль над полицией следует подразделять также на санкционированный и гражданский. При санкционированном общественном контроле участники получают соответствующие разрешения от органов власти и наделяются специальными полномочиями. Гражданский контроль «основывается на гражданских правах и свободах в целом — праве участвовать в управлении государством, получать информацию от государственных органов и т. д., участие в подобного рода деятельности не требует специального разрешения и может не оговариваться в законодательных актах».¹²⁶¹

В настоящее время представляется возможным сделать предположение о том, что обозначенные два направления общественного контроля над полицией в России развиваются неравномерно. Неформализованные практики значительно опережают в своём развитии существующие формальные институты, правовые рамки для которых практически не изменялись с 2014 г.

Шапиро Н. И. (Москва, ИМЭМО им. Е. М. Примакова РАН)

ТРАНСАТЛАНТИЧЕСКИЙ АЛЬЯНС: ДИЛЕММЫ АДАПТАЦИИ

На протяжении своего существования Североатлантический альянс — ведущий регулятор в сфере европейской безопасности — подвергался испытаниям. Мандат и формат функционирования НАТО неоднократно пересматривались. На фоне существенных изменений в стратегическом контексте альянс демонстрировал высокую адаптивность и институциональную гибкость. Очередной проверке адаптивные способности альянса подвергаются сегодня.

Кардинально меняется среда международной безопасности. Современная система МО переживает период глубокой трансформации. Ключевой структурной характеристикой формирующегося мирового порядка является полицентричность. Происходит реформатирование глобального и регионального силового равновесия. Современные вызовы безопасности и глобальные проблемы в целом приобретают все более комплексный и многомерный характер. Режимы контроля над вооружениями подвергаются эрозии. Происходит переосмысление характера войны («гибридные войны»). Нарастает противостояние в информационной сфере.

Обостряется стратегическая конкуренция между государствами. Межгосударственное соперничество переносится в новые сферы (в частности, в киберпространство). В условиях деградации отношений Запада (США, ЕС, НАТО) с Россией повышается их уязвимость перед вызовами безопасности, противодействие которым требует кооперативных усилий. Стратегическое соперничество США и России сопровождается разрыхлением сплоченности консолидированного Запада.

В контексте кризиса вокруг Украины (2014 г.) противоречия между странами Запада и Россией переросли в политическое противостояние с элементами военного балансирования¹²⁶². В отношении сторон вернулись элементы «холодной войны». Реанимирована функция сдерживания России как одна из основных для Североатлантического альянса. Зазвучали алармистские прогнозы о возможности прямого столкновения России и НАТО.

Приход в Белый дом Д. Трампа ознаменовался обострением противоречий между США и их европейскими союзниками по вопросу распределения ответственности в рамках НАТО. Усиление популистского тренда в США и странах Европы сопровождалось активизацией дискуссии о сохранении ценностных основ альянса. Усилились сомнения относительно степени вовлеченности США в обеспечение евроатлантической безопасности.

В условиях усложняющейся международной среды повышается востребованность осмысления современного состояния и сценариев развития Североатлантического альянса, фиксируя наиболее вероятные траектории его адаптации.

Для России значимость осмысления тенденций эволюции НАТО связана с необходимостью решения ряда внешнеполитических задач, в т. ч. (а) поиск путей преодоления кардинальных различий с Западом в подходах к построению архитектуры европейской системы безопасности, несмотря на предыдущий негативный опыт (напр., нереализованность проекта «Евроатлантическая инициатива в области безопасности»¹²⁶³); (б) содей-

¹²⁵⁹ Проект «Карта полиции». URL: <https://policemap.ru/>

¹²⁶⁰ Проект «Омбудсмен полиции». URL: <https://vk.com/ombudsmenTTTTTTTT>

¹²⁶¹ Практики общественного контроля за деятельностью полиции: Методич. пособие / [Сост. Д. Мещеряков]. — М.: Моск. Хельсинк. группа, 2014. С. 15.

¹²⁶² *Истомин И., Болгова И.* Будущее НАТО: источники неопределенности и возможные сценарии развития. Доклад Международного дискуссионного клуба «Валдай». Октябрь 2018. С. 5.

¹²⁶³ См.: Евроатлантическое пространство безопасности / Под ред. А. А. Дынкина, И. С. Иванова. — М.: ЛЕНАНД, 2011. — 480 с.

ствии минимизации противоречий внутри Запада (внутри НАТО, внутри ЕС, между Европой и США)¹²⁶⁴; (в) разрешение украинского кризиса, который стал «самоценным» в российской и европейской внешней политике.

На основе проведенного исследования сделаны следующие выводы: 1. Базовые параметры модели отношений, сформировавшейся в рамках НАТО, по всей видимости, сохранят свою устойчивость. НАТО по-прежнему будет выступать в качестве основного института трансатлантической координации. США продолжают играть ведущую роль в обеспечении военно-политического потенциала альянса. 2. Приверженность либеральным ценностям как идеологической опоре сотрудничества сохранится. 3. В настоящее время сохраняется неопределенность относительно географических приоритетов деятельности альянса и наиболее значимых угроз его участникам. Одни члены НАТО в первую очередь опасаются вызовов, связанных с междержавной конкуренцией, другие — вызовов, генерируемых нестабильностью на Ближнем Востоке и в Северной Африке. 4. Несмотря на существенную неоднородность восприятия России в странах-членах НАТО, сдерживание Москвы, как представляется, сохранится в качестве одной из ключевых задач альянса. В контексте текущего противостояния с Россией военный компонент сдерживания является вспомогательным, а уровень военно-политического давления несопоставим с периодом «холодной войны». 5. Стороны значительно интенсифицировали военные учения, предприняли ряд мер по укреплению безопасности и обороны. Однако вероятность радикального роста военных потенциалов оценивается низко. Действия НАТО вряд ли чреватые существенным обострением военно-стратегической обстановки для России.

Шарова В.Л. (Москва, Институт философии РАН)

ПОПУЛИЗМ ИЛИ АНТИЛИБЕРАЛИЗМ? ПАТТЕРНЫ ИДЕОЛОГИИ ПОЛИТИЧЕСКОГО РЕЖИМА СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Популизм как относительно новое явление в мировой политической практике — или, во всяком случае, его современное «переиздание» — на сегодняшний день довольно подробно исследован рядом авторитетных авторов (И. Крастев, К. Мудде, К.Р. Кальтвассер, Р. Брубейкер и др.). Опираясь на результаты этих исследований, можно предположить, что есть основания говорить не о «популизме», а о «популизмах», так как при наличии явных общих черт разнообразие подобных режимов — региональное, идеологическое, элитистское и т. д. — достаточно велико. Специфическую картину представляет собой популизм на постсоветском пространстве, в том числе и в России. При этом «популизм» отнюдь не является самоназванием режима, которому дано немало характеристик: «путинский» режим (или т. н. «режим позднего путинизма»), «патримониальный султанизм»¹²⁶⁵, «неосоветский авторитаризм»¹²⁶⁶; проводятся параллели с «делегативной демократией», описанной Г. О'Доннеллом¹²⁶⁷ и т. д. Ни одна из этих характеристик, очевидно, не является исчерпывающей. В докладе мы планируем проанализировать, какие черты могут быть приписаны идеологии, присущей политическому режиму современной России. При этом мы исходим из того, что более уместно говорить не об идеологии, как если бы это было сложившееся и внутренне непротиворечивое явление, а о ряде *паттернов* идеологического спектра политического пространства. С одной стороны: флюидность, синтетический характер и прагматизм роднят эту (квази)идеологию с популизмом в том виде, в котором мы можем наблюдать его в других политических режимах современности; с другой — есть определенная специфика, на которой мы сосредоточимся в докладе.

Одним из признаков, на котором мы планируем сделать акцент, является эксклюзивность режима, зафиксированная в политическом языке, в том числе языке пропаганды. Современный популизм в Европе имеет выраженно эксклюзивный характер, т. е. во многом строится на исключении ряда социальных групп — мигрантов, иностранцев, приверженцев тех или иных культурных и религиозных норм и т. д. В России же популизм эксплуатирует дискурс исключения оппозиции из политики, а также квазитрадиционалистский мотив минимизации социально-политической роли женщин в пользу призывов «рожать раньше и больше», придерживаться патриархальных стратегий и практик; востребованным является заигрывание политических элит с демографией. При этом эксклюзивия, направленная на этнические группы, применительно к российскому варианту популизма не работает или работает слабо. В докладе мы планируем проанализировать, является ли это обстоятельство результатом

¹²⁶⁴ Барановский В. Новая внешняя политика России: влияние на международную систему // *Мировая экономика и международные отношения*. 2016. Т. 60, № 7. С. 5–15.

¹²⁶⁵ Afanasiev J. The End of Russia? URL: www.opendemocracy.net/article/russia-theme/the-end-of-russia

¹²⁶⁶ Моммзен М. Российский политический режим: неосоветский авторитаризм и патронажное президентство // *Неприкосновенный запас*, номер 6, 2010

¹²⁶⁷ O'Donnell G. Delegative Democracy. *Journal of Democracy* Vol. 5, № 1 (1994): 55–69

«отработки» сценария своеобразного «посткоммунистического интернационализма» или следствием неоимперской стратегии внутренней и внешней политики, проводимой современным российским политическим классом.

Еще один концептуальный подход, который мы планируем упомянуть в своем докладе — это теория постдемократии, предложенная Колином Краучем¹²⁶⁸, согласно которой режимы, претендующие на удержание власти без видимых временных границ (подобно ситуации, сложившейся в период «позднего путинизма» в России), стремятся играть на собственной близости к народу, якобы понимании его чаяний, страхов и невзгод (параллельно обвиняя оппозицию в насаждении «чуждых либеральных западных ценностей» или вовсе пытаясь «похоронить» либерализм как таковой¹²⁶⁹), но на самом деле являются исключительно прагматическими, эгоистическими и закрытыми.

Еще один вопрос, требующий ответ: является ли российский постсоциалистический популизм левым? На фоне достаточно невнятно выраженного идеологического слоя в современной российской политике это различие неочевидно, несмотря на то, что действующий режим унаследовал от опыта социалистического прошлого своеобразную рамку эксплуатируемой символики, политического языка и *modus operandi* элит. Есть смысл «прощупать» версию, что именно постсоциалистический популизм — это не столько синтез идеологий, а результат деидеологизации, который маскируется под *какую-нибудь* идеологию. Подобный процесс деидеологизации представляет собой своеобразный политический постмодернизм, основанный на прагматизме вкупе с растерянностью перед лицом технологического и социального прогресса. Этот популизм имеет и особый социальный ракурс: он не направлен городскому молодому населению. В этом смысле его жизнеспособность в перспективе вызывает сомнения.

Шатилов А. Б. (Москва, Финансовый университет при Правительстве РФ)

МОРАЛЬНЫЙ ИЗНОС ВЛАСТИ КАК ФАКТОР ДЕСТАБИЛИЗАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕЖИМОВ

Моральный износ власти — это латентное ослабление общественной поддержки правящего политического режима, невзирая на его «видимую» устойчивость и прежние политические и социально-экономические достижения. Именно такой моральный износ власти стал главным фактором дестабилизации и падения большинства политических режимов конца XX — начала XXI вв. (в том числе, в рамках сценариев «цветных революций»).

Когда наступает и в чем выражается моральный износ власти?

Несмотря на то, что общество в современных государствах (даже «демократических») находится в достаточно жестком подчинении (явном или подспудном) у правящих элит, практика показывает, что фактор общественной поддержки не стоит сбрасывать с политических «счетов». Правда, в отличие от XX столетия, современное общество самостоятельно не способно выступить инициатором смены власти. С одной стороны, в силу своей относительной политической пассивности и гедонизма, с другой — в силу наличия у «правлящего класса» эффективных технологий пресечения и подавления открытого протеста. В то же время, накопление в обществе претензий к власти способно создать необходимую почву для политической дестабилизации. Подобными «благоприятными» условиями могут воспользоваться как внешние, так и внутренние противники власти.

Итак, какие факторы определяют моральный износ власти и политического режима в целом?

Первый фактор — длительность пребывания у рычагов управления страной одного и того же лидера и его «команды». Как только политик избирается главой государства и формирует вокруг себя «управленческий пул», с этого времени начинается отсчет морального износа, даже если на тот момент он еще является популярной и авторитетной персоной. Более того, чем выше ожидания от избранного лидера, тем быстрее идет деградация его имиджа в глазах населения. Дело в том, что народ, поддерживая того или иного политика, вольно или невольно наделяет его сверхъестественными мифологическими качествами и ждет от него перманентных «чудес». Само собой, даже самый эффективный руководитель не может в одночасье, а тем более, постоянно удовлетворять ожидания «охлоса». В результате практически неизбежно его рекордные поствыборные рейтинги падают, и могут восстановиться и даже прибавить (как это было с В. В. Путиным) только в случае последующих новых достижений.

Второй фактор морального износа власти — раскол правящей элиты. Как показывает практика, даже самый непопулярный режим при наличии консолидированной элиты способен выдержать мощные политические перегрузки. Так было в Российской Федерации в 1992–1999 гг., когда лишь внутриэлитный консенсус позволил Б. Н. Ельцину удержать ситуацию под контролем в условиях системного политического и социально-эко-

¹²⁶⁸ Колин Крауч: «Наша модель демократии не дает нам шансов на участие в политике». URL: <https://www.colta.ru/articles/society/22161-kolin-krauch-nasha-model-demokratii-ne-daet-nam-shansov-dlya-uchastiya-v-politike>

¹²⁶⁹ Интервью В. В. Путина газете The Financial Times. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/60836>

номического кризиса и обеспечить «плавную» передачу власти В.В. Путину. Другой пример — современная Сирия, где «правлящий класс» сплотился вокруг Б. Асада и оказал упорное сопротивление комплексному давлению со стороны ИГИЛ (организация, запрещенная в РФ) и Запада.

Нечто подобное наблюдалось и в Китае на рубеже 1980–1990-х гг. Лишь политическая воля Дэн Сяопина и сплоченность партийного руководства КПК обусловили поражение «бархатной революции» на площади Тянаньмень даже в атмосфере морального износа власти и ортодоксальной коммунистической идеологии. В то же время, раскол правящей политико-экономической «верхушки» привел к падению политических режимов С. Милошевича, Х. Мубарака, В. Януковича.

С учетом вышеизложенного можно отметить один любопытный и универсальный момент. Идеологическая и номенклатурная многосоставность элиты является плюсом в спокойные, некризисные периоды существования политических режимов, поскольку такой плюрализм позволяет проводить гибкую и сбалансированную политику. Когда же наступают кризисные времена, «многосоставность» элиты трансформируется в ее «рыхлость» и становится дополнительным фактором политической дестабилизации.

Третий фактор морального износа политического режима — идеологический и мировоззренческий кризис. Особенно это касается государств, где господствует моноидеология. При всей актуальности и успешности в начале своего пути она неизбежно устаревает и деградирует, ее воздействие на общество постепенно снижается, а затем она теряет не только свою сакральность, но и привлекательность.

Четвертая причина морального износа политического режима — социально-экономическая «алчность» граждан, которые нередко оказываются втянуты в потребительскую «воронку», ожидая от власти регулярных бонусов и преференций. Даже получая их, население не удовлетворяется достигнутым и выдвигает власти все новые, повышенные требования. Таким образом, создается весьма опасная с точки зрения политической стабильности ситуация: постепенно граждане привыкают шантажировать руководство страны формулой «лояльность в обмен на преференции». С учетом того, что ресурсный потенциал у государства не безграничен, моральный износ власти также подпитывается неутолимимым социально-экономическим аппетитом народных масс.

Пятая причина морального износа власти — снобизм элиты и минимизация «искреннего» диалога между властью и обществом. Дестабилизирующим фактором является отрыв правящего класса от народа и открытая демонстрация им своего привилегированного положения. Такого рода поведение представителей истеблишмента даже в условиях политического «штиля» и социально-экономической стабильности влечет за собой негодование «простого люда» и активизацию оппозиции.

Шашкова Я. Ю. (Барнаул, АлтГУ)

УРОВЕНЬ ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ШКОЛЬНИКОВ РЕГИОНОВ ЮГО-ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В КОНТЕКСТЕ УСЛОВИЙ ЦИФРОВОГО ОБЩЕСТВА¹²⁷⁰

Политические события последних лет, и особенно месяцев, демонстрируют резкий рост гражданской и политической активности значительной части молодежи, причем не только в мегаполисах, но и на региональном уровне. И хотя о полном объеме гражданских прав в РФ можно говорить только с 18 лет, цифровое общество дает возможности более раннего политического участия, а часть школьников 11-х классов уже обладает всеми политическими правами. В связи с этим представляет интерес анализ гражданской идентичности школьников, являющихся не только потенциальными акторами будущей российской политики, но и ее сегодняшними участниками.

Кроме того, с середины 2010-х гг. понятие «гражданская идентичность» вошло и в педагогический лексикон, когда различные государственные программы поставили перед школой в числе главных приоритетов задачу формирования основ гражданской идентичности обучающихся.

Согласно определению И.С. Семененко, «гражданская идентичность является конструирующим основанием современной политической нации и национального государства. ... Гражданская идентичность маркирует членство в макрополитическом сообществе и предполагает самоидентификацию индивида с политической нацией на основании соотношения с ее политической культурой и институтами». Соответственно носителем гражданской идентичности выступает гражданин, идентифицирующий себя с определенным государством и готовый участвовать / участвующий в его жизни.

¹²⁷⁰ Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта № 19-011-31156

По своей структуре гражданская идентичность выступает совокупностью когнитивных, эмоционально-оценочных, аксиологических и поведенческих характеристик индивидов, реализующихся в этническом (локальном) и общенациональном аспектах.

Рассмотрим отдельные элементы данного конструкта применительно к школьникам Алтайского края, Кемеровской, Новосибирской областей и Республики Алтай.

В ходе опроса, проведенный в мае 2019 г. (метод — анкетирование, объем выборки — 1102 учащихся 6–11 классов, выборка квотная), при ответе на вопрос «Кем вы себя в большей мере чувствуете — жителем своего региона или россиянином?», 42,7% респондентов заявили, что они в равной степени ощущают себя жителем России и своего региона. На преобладание у них национальной (общероссийской) идентичности указали всего 13,4% школьников, региональной — 21,6% опрошенных. В то же время 22,2% школьников не смогли четко определить свою идентичность.

Опрос подтвердил ранее включение молодежи в общественно-политические процессы — о своем неучастии в политике в той или иной форме заявили только 51,8% опрошенных. В то же время, полученные данные не позволяют говорить о сформировавшихся в школьной среде установках на гражданскую активность. При определении форм политической активности, которые школьники готовы использовать для защиты своих интересов, проявился кризис доверия к традиционным институтам артикуляции интересов, тем более требующим личных усилий и/или ответственности. Так, принять участие в выборах готово менее четверти опрошенных (23,9%). Столько же допускает для себя участие в забастовках, митингах и демонстрациях (24,4%), 9,6% — в несанкционированных акциях протеста. 15,4% считает для себя возможным участие в деятельности общественных организаций, 8,3% — политических партий. На первое же место вышло стремление переложить на кого-либо активность по решению своих проблем — 58% опрошенных для защиты своих интересов обратятся в государственные органы, 34,1% — в общественные организации. Интернет как средство решения проблем (соцсети, репосты) будут использовать 30,2%. На этом фоне 16,2% посчитали эффективными только коррупционные методы решения проблем — через использование личных связей и вознаграждения.

В процессе идентификации и выбора школьниками форм политической деятельности большую роль играет их иерархия ценностей, главное место в которой занимает справедливость — ее оценили как очень или скорее важную для себя 90,8% респондентов. Далее с небольшим отрывом следуют права человека (87,8%) и свобода (87,3%). Замыкает четверку наиболее распространенных ценностей консервативная ценность порядка — ее отнесли к важным или скорее важным 85%. Показательно, что интересы государства заняли последнее место в ценностном рейтинге школьников, получив поддержку 38,3% опрошенных.

Эти и другие данные позволяют сделать вывод, что в школьный период действительно закладываются основы гражданской идентичности. Однако в дальнейшем рассогласование идеальных представлений школьников с политической реальностью, создаваемой политическим режимом и спецификой политической информации, приводит к росту разочарований молодежи в политике и своих возможностях в данной сфере, запуская обратный процесс — кризиса гражданской идентичности.

Шаяхметов А. М. (Уфа, БАГСУ)

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ЛИДЕРСТВО В ПРЕДДВЕРИИ ТРАНСФОРМАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ РОССИИ

Конец XX — начало XXI века ознаменовались масштабными политическими трансформациями. Стремительное развитие информационных технологий задало тренд постоянных изменений и в новом столетии. Необходимость соответствия растущим динамичным вызовам среды породило запрос на политиков нового типа — лидеров перемен.

Вместе с тем, несоответствие политиков растущим запросам социума сформировало разочарование в нынешних политических элитах и породило волны самых различных по своей природе протестных выступлений. Предметом критики со стороны общественности являются популизм; архаичность политических взглядов и методов управления; консерватизм; несоответствие современным тенденциям, вызовам и угрозам; излишняя бюрократизацией государственной системы.

Очевидный политический застой и рост протестных настроений в России вызван консервацией режима и, как следствие, неспособностью адекватно реагировать на текущую общественно-политическую повестку. Несмотря на попытки поиска и рекрутирования лидеров новой формации, они становятся заложниками сложившихся условий. Нежелание системы изменяться изнутри, нетерпимость к политической конкуренции

и модернизации приводит к расколу как внутри элит, так и между властью и обществом, стимулируя рост протестного потенциала. Российским лидерам «новой волны» придётся столкнуться с целым рядом вызовов, главные из которых:

Ухудшение уровня жизни и снижение социально-экономического потенциала.

Российское общество привыкло к различным социально-экономическим потрясениям, однако в последнее десятилетие в стране окончательно сложилось общество потребления, основанное на постоянном росте и расширении объема предоставляемых услуг. Отрицательная динамика в данном направлении неминуемо вызывает резкое раздражение в социуме.

Усталость от властвующей политической элиты.

Разочарование во властной элите, рост протестных настроений связаны, в первую очередь, с отсутствием коренных перемен, закостенелостью власти и «вызывающим» поведением многих чиновников. Снижение доходов, рост цен, повышение налогов, коррупция постоянно накладываются на «далёкие от народа» заявления политиков, антикоррупционные расследования, силовые подавления протестов. Отсутствие конструктивных коммуникаций между властью и обществом поляризуют общество, генерируя всё новые и новые точки конфликтов.

Необходимость формирования нового образа будущего.

Очевидно, что нынешняя политическая элита ещё способна удерживать власть на прежних силовых ресурсах, однако не в состоянии генерировать принципиально новые смыслы, эффективно использовать в своей политике современные ресурсы, адекватно реагируя на вызовы среды. В таких условиях принципиально важными задачами станут рекрутирование и подготовка лидеров перемен (что в условиях «зачищенной» авторитарной системы чрезвычайно сложно), а также поиск баланса в период транзита между прежними консервативными и новыми модернистскими элитами.

Появление лидеров перемен часто знаменует трансформацию политической системы. Важность привлечения и вдохновения сторонников определяет необходимость сочетания черт, присущих различным типам лидерства. Среди них:

Харизма. Лидер оказывает на последователей вдохновляющее влияние, определяет их ценности и идеалы, благодаря чему они отождествляют себя с ним. Основа доверия — транслируемые морально-этические принципы.

Мотивирование. Политические лидеры, использующие в своей риторике вдохновляющие и мотивационные инструменты, задают последователям высокие стандарты поведения, формируют оптимистичный настрой и высокую приверженность обозначенным целям. Развитие коммуникативных навыков позволяет формулировать повестку наиболее точно и убедительно, постоянно поддерживать её актуальность у последователей.

Интеллектуальный обмен. Период политических трансформаций как правило сопровождается творческим расцветом в обществе, поскольку атмосфера поиска новых моделей постоянно генерирует новые смыслы, требующие обретения интеллектуальной и художественной формы. В такой системе лидер задает базисные направления, а последователи путем самоорганизации формируют желаемую картину будущего.

Индивидуальный подход. Основа успеха лидера — удовлетворённость его команды и последователей. Лидеру необходимо удовлетворять потребности своих последователей, выступать для них наставником, уважать вклад каждого в общее дело. Такой подход воспитывает новое поколение лидеров, побуждает к дальнейшему росту и достижению новых целей.

В скором времени России вновь предстоит вступить в период политической трансформации. На данный период абсолютно неочевидно, какова будет её природа. Дизайн будущей политической системы будет определяться качеством лидеров перемен, которые придут к власти, и условиями, в которых будет происходить властный транзит.

Шведова Н. А. (Москва, ИСКРАН)

В ПРЕДДВЕРИИ ВЫБОРОВ 2020 в США: ГЕНДЕРНЫЕ СЮЖЕТЫ

Женское демократическое движение в США оценило первое двухлетие правления республиканца Д. Трампа как «трудное и сложное». Изначально его риторика вызывала настороженность, внушая опасение в отношении его политики по вопросам расового и гендерного равноправия, доступного здравоохранения, права «на выбор» (аборт), которые глубоко затрагивают интересы женщин. В 2017 и 2018 г. страна была охвачена «массовыми женскими маршами» с призывом участвовать в выборах.

Барометр общественного настроения (2018) фиксировал существенный гендерный разрыв в 20 пунктов в оценке работы Д. Трампа на посту президента: 55% общего числа избирателей не одобряли его службу, 43% поддерживали; среди женщин против было 65%, и лишь 32% — за. Среди мужчин его поддерживали 54%, нет — 45%. Ещё более значительный (37 пунктов) гендерный разрыв был в рядах самих республиканцев: решительно одобряли президента 68% мужчин и лишь 31% женщин.

54% женщин считали Д. Трампа подрывающим «важные американские ценности», 29% видели в нем защитника таковых¹²⁷¹. Кампания не прошла напрасно: явка оказалась чрезвычайно высокой, что обеспечило беспрецедентному числу феминисток шанс баллотироваться на выборные должности разных уровней и победить.

Значимость прав женщин и прав человека в целом, гендерное и расовое равноправие, доступность для женщин услуг здравоохранения (предмет особой тревоги), прекращение насилия, безопасная окружающая среда, защита прав работников — женщин (равная оплата за равный труд) и людей с инвалидностью, иммигрантов и представителей ЛГБТ-сообществ — это приоритеты интересов женского движения. В итоге, 59% американок — за демократов; 40% — за республиканцев.

Картина поддержки женским электоратом не столь однозначна: факторы расы и этничности вносят свои заметные коррективы. Так, некоторые исследователи считают белых женщин «ненадёжными союзниками» Демократической партии из-за их частой поддержки республиканцев. Прочная электоральная база демократов — цветные американки. «Собравшись с духом, американки на промежуточных выборах 2018 г. продемонстрировали свой электоральный потенциал и празднуют победу, завоевав историческое рекордное число мест в нижней палате Конгресса США», — справедливо подчеркивает американский эксперт А. Хесс¹²⁷².

В Конгрессе США 116-го созыва (2018–2020) состоят 127 женщин, 106 из них демократки, а 21 — республиканки, что составляет 23,7% от общего состава (535) обеих палат. Очевиден межпартийный разрыв: в нем находятся в 5 раз больше демократок, чем республиканок. Из 25% женщин-сенаторов 17% — демократок, а 8% — республиканок, т. е., число демократок в 2 раза больше¹²⁷³; 47 из общего (127) числа членов Конгресса — это цветные американки; больше трети (37%) всех женщин-парламентариев в США — представительницы расовых и этнических меньшинств. «Свежая кровь» — это также 36 женщин, впервые избранных в Палату представителей, 3 — в Сенат.

Конгресс США разнообразен по расовому и этническому составу, аналог которому трудно отыскать в истории США. На небелых (чернокожих, выходцев из Латинской Америки, тихоокеанских островов, коренных американцев и азиатов) приходится 22% состава Конгресса в целом, включая 25% нижней и 9% верхней палаты (для сравнения: в 1945 г. (Конгресс 79-го созыва) лишь 1% небелых членов был в обеих палатах)¹²⁷⁴.

Роль американских женщин в политике трудно переоценить: они вносят новые элементы в политическую культуру; их активное участие — объективная составляющая политической системы. Обе главные правящие партии — Демократическая и Республиканская — осознают и принимают во внимание гендерный фактор как интегральное измерение политической американской культуры.

Основная тенденция очевидна — гендерное равенство, созданное благодаря осознанной государственной политике достижения гендерного баланса, расширению и укреплению экономических возможностей женщин, активному женскому демократическому движению. При этом необходимы дополнительные усилия по преодолению назревших и нерешенных проблем дискриминационного свойства, что нашло отражение в требованиях женского электората на промежуточных выборах 2018 г., которые (конечно, с известной долей условности) могут рассматриваться как предвестник избирательной гонки 2020 года.

Швырков А. И. (Брянск, БГТУ)

ОБ УКРАИНСКОМ НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

После распада СССР во всех странах, образовавшихся на его территории, началось выстраивание государственных идеологий. Почти все они базировались на западном либерально-демократическом образце, однако важным был и националистический компонент (где-то в большей мере, где-то в меньшей)¹²⁷⁵.

¹²⁷¹ Spillar K. The Gender Gap and a High-Stakes Election. URL: <http://msmagazine.com/blog/2018/09/25/gender-gap-high-stakes-election/> (дата обращения 21.08.2019).

¹²⁷² Hess A. The Dream — and the Myth — of the 'Women's Vote'. URL: http://www.nytimes.com/2016/11/15/magazine/the-dream-and-the-myth-of-the-womens-vote.html?_r=2 (дата обращения 21.08.2019).

¹²⁷³ Women in the U. S. Congress 2019. URL: <https://www.cawp.rutgers.edu/women-us-congress-2019> (дата обращения 21.08.2019).

¹²⁷⁴ Geiger, A., Kristen B., Bialik K., Gramlich J. The changing face of Congress in 6 charts. URL: <http://www.pewresearch.org/fact-tank/2019/02/15/the-changing-face-of-congress/> (дата обращения 21.08.2019).

¹²⁷⁵ С морфологической точки зрения национализм (и либерализм) как идеологию я понимаю вполне в духе М. Фридена. См.: Freedon M.,

Выбор именно такого «набора» можно понять. С одной стороны либерально-демократическая риторика была риторикой «победившей стороны» и принять (или *перенять*) ее было в каком-то смысле логично, с другой — национализм больше соответствовал характеру распада СССР (по границам бывших республик)¹²⁷⁶. Естественно, массовая доля каждого компонента для каждой страны существенно отличалась. Например, если, как в случае с Украиной, существовала развитая теоретическая традиция национализма¹²⁷⁷. Однако не последнюю роль в этих процессах могла сыграть простая случайность. И здесь Украина также является вполне показательным примером: неожиданная победа свалилась на украинских националистов буквально «с потолка» — так же, как «с потолка», если верить З. Бжезинскому, на США свалилась «победа» в «холодной войне»¹²⁷⁸. Но, в конце концов, неожиданная победа — не такое уж и редкое явление в истории. Главное, кто как сумел воспользоваться этой неожиданной победой. На Украине ею воспользовались националисты.

Следует отметить, что когда я говорю о том, что националисты воспользовались неким удачным моментом, то мои слова следует понимать в очень специальном смысле. Речь не идет о том, что они захватили рычаги управления государством или «урвали» значительную долю ранее «общенародной» собственности — как раз здесь им, похоже, не особенно повезло. Речь о том, что они сумели (или, может быть, *успели?*) задать *тренд* украинского политического дискурса (или, в терминах Дж. Покока, парадигму¹²⁷⁹).

Действительно, с момента получения Украиной независимости все политические дискуссии, все наиболее жаркие политические споры и перепалки так или иначе вращаются вокруг тем, которые «поставил» украинский национализм. При этом определенные концепции, идеи и понятия, которые в той или иной степени не соответствуют тренду, автоматически относятся к маргинальным. О них становится как бы неловко говорить. Соответственно, «маргинализируются» носители таких концепций и идей. Причем дело здесь вовсе не в том, что эти носители действительно маргиналы в экономическом или социальном смысле (вспомним хотя бы «Партию регионов!»), а как раз в том, что они являются носителями концепций, которые не соответствуют тренду.

Любой тезис, выдвигавшийся после того, как тренд сформировался, начинал восприниматься или как тезис в поддержку тренда, или как его антитезис. Именно «анти», а не «просто» тезис — в этом «действие» тренда — в том, что все начинает восприниматься через него и по отношению к нему¹²⁸⁰.

По сути, тренд является той осью, вокруг которой все вращается — или центробежно, или центростремительно. И тот, кто не придерживается тренда, автоматически оказывается на, так сказать, *ментальной* (раз уж мы говорим о тренде в дискурсе) периферии.

Важное свойство тренда заключается в том, что те, кто ему не следуют, те, кто говорят на другом концептуальной языке, *пользуются другими словами*, сами в конце концов начинают чувствовать эту свою периферийность, маргинальность.

Важно понимать, что «реальность» украинской политики, то есть, то, в чьих руках в тот или иной момент находится власть, мало влияет на характер политического дискурса: он все равно строится вокруг националистически окрашенных тем. Президентство В. Зеленского достаточно очевидно это демонстрирует.

Шевченко А. В. (Москва, РАНХиГС при Президенте РФ)

КОММУНИКАТИВНО-РЕФЛЕКСИВНАЯ МОДЕЛЬ ДИПЛОМАТИЧЕСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Теоретический базис современной дипломатии как объекта политической коммуникативистики имеет много инструментов, необходимых для ее эффективного функционирования в условиях информационной

Sargent L. T., Stears M. The Morphological Analysis of Ideology. The Oxford Handbook of Political Ideologies. Oxford: Oxford University Press, 2013. P. 115–137.

¹²⁷⁶ Последний факт, однако, ни в коей мере не означает, что между распадом СССР и украинским национализмом существовала причинно-следственная связь.

¹²⁷⁷ Касьянов Г. Теорії нації та націоналізму: монографія. Київ: Либідь, 1999. 352 с.; Курас І. Ф. Етнополітика. Історія і сучасність. К.: УСПП, 1999. 352 с.; Націоналізм: Антологія. Упоряд. О. Проценко, В. Лісовий. Київ: Смолоскип, 2000. 872 с.; Український націоналізм: антологія в 2 т. Упор. В. Рог; сост. В. Рог. Київ: Українська видавничя спілка ім. Юрія Липи, 2010.

¹²⁷⁸ Бжезинский З. Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы. М.: Международные отношения, 1998. 256 с.

¹²⁷⁹ Pocock J. G. A. Political Thought and History: Essays on Theory and Method. Cambridge: Cambridge University Press, 2009. 296 p.

¹²⁸⁰ Классический случай подобной ситуации рассмотрен К. Скиннером в Skinner Q. The Principles and Practice of Opposition: The Case of Bolingbroke versus Walpole. — Historical Perspectives: Studies in English Thought and Society in Honour of J. H. Plumb (ed. Neil McKendrick). London: Europa Publications, 1974. P. 93–128.

неустойчивости мировой системы и нестабильности мировой политики. Его научную основу составляют когнитивные модели более двадцати теорий¹²⁸¹. Их целенаправленная комбинаторика позволяет создавать гибкие дипломатические структурно-субъектные коммуникативно-коммуникационные конструкты и технологии, конгруентные внутреннему строению и внешнему проявлению международно-политических вызовов и угроз.

Выбор элементов теорий для интегрированных моделей-трансформеров обусловлен концепциями и стратегиями межгосударственных/международных отношений субъектов мировой/региональной политики безопасности. Практическая реализация таких моделей определяет коммуникативный характер дипломатии («дипломатия принуждения», «дипломатия сдерживания», «дипломатия балансирования» и т. д.), ее статусные (официальная, публичная, параформальная), хронотопологические (двусторонняя, многовекторная, «челночная» и т. п.) и иные свойства и характеристики.

Со времен М. Вебера и его классического определения идеальных типов поведения государств изменялся лишь порядок чередования типов: на первом месте укоренился аффективный тип, подчинив себе не только традиционный (свойственный исторически закрепленным действиям в условиях стабильности), но и ценностно-рациональный и целерациональный. Особенность современной структуризации международных отношений заключается в активной оппозиции принципов безопасности и независимости (свободы). С позиций политико-коммуникативного подхода разворот объясним трансформацией информационной структуры и коммуникативных функций мировой политической системы: от однополюсной иерархии к системно-сетевой организации, а затем через дисфункции и полифуркации к хаотизации и перерождению системы¹²⁸².

Катализатором процессов выступают информационно-коммуникативные технологии: они влияют на весь спектр международных отношений, насыщая их эмоциями и определяя мировидение, мирочувствование, мировосприятие народов и стран. В каналах, образующих коммуникативный универсум безопасности, доминируют эмоции страха (отсутствие у страны уверенности в себе), надежды (мечте о безопасном мире и устойчивом развитии) и унижения (отчуждение от настоящего и возжеленного будущего, в котором условия существования государства «продиктованы Другим»¹²⁸³).

Эмоциональное напряжение информационного пространства мировой политической системы усиливается в случаях аффективных решений политических лидеров, что в текущем моменте случается все чаще. При этом все атрибутивные свойства системы — устойчивость, наблюдаемость и управляемость — ослабевают, что негативно отражается на синергетических и рефлексивных потенциях международных отношений.

Мировая дипломатия вовлечена во все трансформационные процессы и несет на себе большой груз ответственности за динамику деструкций международной политики. При этом она сама оказывается в зоне риска истощения своего коммуникативного и, как следствие, институционального потенциала.

Сверхзадача дипломатической деятельности в век глобальной нестабильности заключается в профессиональном создании сложных коммуникативных гомеостатических систем, обладающих иммунитетом безопасности на основе обеспечения позитивного снятия противоречия. Именно дипломатия является рефлексивной системой глобальной безопасности. На роль универсальных показателей устойчивости состояния безопасности претендуют два параметра — доверие и идентичность. Как пишет Френсис Фукуяма, «... благополучие страны, а также ее состязательная способность на фоне других стран определяется одной универсальной культурной характеристикой — присущей ее обществу уровнем доверия»¹²⁸⁴. Доверие априори понятие рефлексивное, т. к. выражает «возникающее у членов сообщества ожидание того, что другие его члены будут вести себя более или менее предсказуемо, честно и с вниманием к нуждам окружающих, в согласии с некоторыми общими нормами»¹²⁸⁵. Применение рефлексивного подхода к обеспечению устойчивости мировой политической системы инструментами дипломатии позволяет предложить коммуникативные модели и механизмы стабилизации ее состояний, сохранения жизнеспособности, безопасности и динамического развития в условиях глобализации.

¹²⁸¹ Истомин И. А. Логика поведения государств в международной политике. М.: Аспект Пресс, 2019. 296 с.

¹²⁸² Шевченко А. В. Аналитика безопасности // Большая Евразия-2030: аналитика развития, безопасности и сотрудничества. М.: РПП ИНЭС, 2017. С. 61–66.

¹²⁸³ Моизи Д. Геополитика эмоций. Как культуры страха, унижения и надежды трансформируют мир. М.: Московская школа политических исследований, 2010. 216 с.

¹²⁸⁴ Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию. М.: ООО «Издательство АСТ»; ЗАО НПП «Ермак», 2004. С. 20–21.

¹²⁸⁵ Фукуяма Ф. Там же. С. 52.

**РОЛЬ И ПЕРСПЕКТИВЫ РОССИЙСКОЙ ЭЛИТЫ
В РЕАЛИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ ИДЕНТИЧНОСТИ:
В ЗЕРКАЛЕ ЭКСПЕРТНОГО МНЕНИЯ¹²⁸⁶**

Элита является одним из наиболее влиятельных политических субъектов, который определяет вектор и характер развития государства как во внутренней, так и во внешней политике. В условиях новых геополитических рисков и вызовов способность властной элиты удержать позиции и контроль над ресурсами зависит от степени сплоченности не только внутри самой этой группы, но и между элитой и обществом. Одним из наиболее важных аспектов консолидации элит выделяют ценностный консенсус. «Консенсусно объединенная элита хороша тем, что нормы и правила, разделяемые такими элитами, встраиваются в политические институты и политическую культуру»¹²⁸⁷. Для всех постсоветских государств трансформация политических институтов и поиск новых, консолидирующих общество ценностей, выдвинулись на приоритетные позиции.

Процессы глобализации способствуют актуализации вопроса о способности элиты к выработке и реализации такого внутривластного курса, который позволил бы сформировать и поддержать определенный уровень единства и сплоченности в обществе. Для сохранения занимаемой статусной позиции элите необходимо укрепить институт государства, который находится в достаточно кризисном состоянии. «Под влиянием глобализации государственный суверенитет испытывает разрушительные потрясения. Новые акторы подрывают традиционные приоритеты государственного суверенитета. Некоторые исследователи говорят о «детерриторизации», или о «конце территорий», чтобы подчеркнуть обесценивание национального государственного правительства»¹²⁸⁸.

Подобные явления повышают риски активизации внутриэлитных и межэлитных конфликтов, которые провоцируют политические кризисы. В таких условиях национально-государственная, этническая, гражданская идентичности как конструкты рассматриваются властными элитами в качестве ресурса для укрепления легитимности и стабильности политического режима. Таким образом, элита вынужденно выступает одним из ключевых субъектов формирования и реализации государственной политики идентичности. Международный опыт исследования политики идентичности в различных странах демонстрирует амбивалентность такого политического ресурса. Идентичность может выступать как объединяющим, так конфликтогенным фактором. «Но, несмотря на стремительно растущий вал литературы о роли этнического фактора в политике и его целевом политическом использовании, неоднозначным остается понимание механизмов превращения этнической идентичности в эффективный, по сути — неисчерпаемый, возобновляемый ресурс политической мобилизации и источник эскалации конфликтности»¹²⁸⁹.

Главной целью государственной политики идентичности является конструирование единого символического пространства, в котором с помощью ценностных ориентаций, моделей поведения, символов, мифов, интерпретации исторических событий и фактов индивид может четко соотносить себя с определенным сообществом «История и память становятся не просто инструментом политической борьбы, они формируют повестку дня и ориентиры политического развития»¹²⁹⁰.

В рамках реализации Гранта № 19-011-31616 «Государственная политика в сфере формирования идентичности: концептуальные основания, технологии и перспективы» была проведена серия интервью с представителями экспертного сообщества, в том числе и по вопросу о результативности принятых государственных решений в области политики идентичности. Полученные в ходе эмпирического исследования данные свидетельствуют о наличии разрывов между приоритетами политики на этапе планирования, которые ставятся на федеральном уровне и ее реальным содержанием, ограниченно воплощаемым на региональном и локальном уровнях. На основании ответов специалистов получена оценка способности и возможности элиты к диалогу и взаимодействию с другими акторами политики идентичности.

¹²⁸⁶ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и АНО ЭИСИ в рамках реализации научного проекта № 19-011-31616 «Государственная политика в сфере формирования идентичности: концептуальные основания, технологии и перспективы» в Санкт-Петербургском государственном университете.

¹²⁸⁷ Загородников А. Н. Демократия и элиты в России и мире в XXI веке: сравнительный анализ // Демократия. Власть. Элиты: демократия vs элитократия / под ред. Я. А. Пляйса. М.: РОССПЭН, 2010. С. 58.

¹²⁸⁸ Кочетков В. В. Национальная и этническая идентичность в мире // Вестник Московского университета. Сер. 18. Социология и политология. 2012. № 2. С. 152.

¹²⁸⁹ Семененко И. С. Политика идентичности и идентичность в политике: этнонациональные ракурсы и европейский контекст // Полис. Политические исследования. 2016. № 4. С. 12.

¹²⁹⁰ Семененко И. С. Прошлое на переднем крае политики идентичности // Мировая экономика и международные отношения. 2018. Том. 62. № 11. С. 73.

ВЛИЯНИЕ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ НА ТРАНСФОРМАЦИЮ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ КОММУНИКАТИВНЫХ СТРАТЕГИЙ И ФОРМИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНОГО ДЕЙСТВИЯ¹²⁹¹

В условиях сетевого общества меняется самоидентификация личности, которая становится субъектом сетевых коммуникаций. В связи с этим возникает необходимость исследования поведенческих стратегий личности и её состояние в контексте сетевого общения. Исследования, касающиеся изменения личности в контексте сетевого общества набирают популярность, поскольку феномен трансформированной идентичности в коммуникативном виртуальном пространстве становится значимым явлением. Властные отношения основаны преимущественно на формировании человеческого сознания путем конструирования смысла через создание образа¹²⁹². Для общества, в отличие от конкретного индивида, создание образов разворачивается в сфере общественной коммуникации, где совершенные действия (например, в социальных сетях) становятся социальными действиями, подкрепленные визуализацией и символами, которые выполняют роль консолидирующего фактора.

Особое внимание следует уделить особенностям коммуникативных стратегий акторов социально-политических процессов: цифровых «аборигенов» и цифровых «мигрантов». В этом контексте стоит рассмотреть два вида цифровой личности: те, кто уже существовал в online-коммуникациях и те, кто пришёл в эту среду, и, что важно, существующий процесс коллаборации между этими акторами, которые представляют собой фактически два вида личности — два разных политических субъекта, с разными мировоззрениями и способами реализации социально-политического действия. Эти два политических субъекта могут взаимодействовать друг с другом только определённым образом, они вступают в конфронтации, и они по-разному способны социально-политически действовать. «цифровые мигранты», как политический субъект-это люди, склонные к «диванному слактивизму», а «цифровые аборигены», как политический субъект, готовы к переходу своей активности из online пространства в конкретные социальные действия в offline пространство, что мы и получили на примере недавних событий в поддержку журналиста Ивана Голунова. Стоит заметить, что визуализация и символы протестных акций в его поддержку возникли задолго до социальных действий в offline пространстве, тем самым указывая на осмысленный характер протестных настроений. Существующее гражданское общество — это не один политический субъект, это как минимум два политических субъекта, с точки зрения влияния цифровых технологий на трансформацию социально-политических процессов. Развитие социально-политических систем приводит к конструктивным или деструктивным эффектам, которые в свою очередь также имеют градацию на эффективные и не эффективные. Так, например, развитие сетевых волонтерских движений — это конструктивный эффективный аспект.

Эти социальные действия являются последствиями формирования разных коммуникативных стратегий. Необходимо исследовать процессы выстраивания новых социально-политических коммуникативных стратегий, для того, чтобы усиливать конструктивные действия и нивелировать деструктивные действия.

Поле исследования будут являться две группы респондентов, ранжированные по возрастным характеристикам. Первая группа будет представлять «цифровых аборигенов» — те, кто родился до 1996 года (от 18 до 22 лет), вторая группа будет представлять «цифровых мигрантов» — те, кто родился после 1996 года (от 38 до 42 лет), в результате чего будут исследованы их коммуникативные стратегии в online-пространстве.

Ожидается, что, влияние цифровых технологий на трансформацию коммуникативных стратегий должно способствовать к коллаборации акторов социально-политических процессов — цифровых «аборигенов» и цифровых «мигрантов», в результате чего произойдет конструктивное последствие образованного при коллаборации социального действия. В результате выявления особенностей социально-политических коммуникативных стратегий цифровых «аборигенов» и цифровых «мигрантов», как политических субъектов, с целью возможного создания коллабораций, для уменьшения деструктивного влияния социальных действий, которые и те, и другие производят в online-пространстве, следствием чего будет формирование площадок для возможности создания, например, проектов по улучшению социально-политической ситуации или среды.

¹²⁹¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (Отделение гуманитарных и общественных наук) в рамках научного проекта № 18-011-00910 «Модели и практики управления политическим контентом в online-пространстве современных государств в эпоху постправды» (2018–2020 гг., рук. Н. А. Рябченко).

¹²⁹² Кастельс М. Власть коммуникации: учеб. пособие / М. Кастельс. — Москва: Изд. дом Высшей школы экономики, 2016. С. 221

ЭЛЕКТОРАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ В ПОГРАНИЧЬЕ: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ¹²⁹³

Если задать в российской электронной поисковой научной системе поиск понятия «пограничье», то подавляющее число работ, которое будет предложено исследователю, связано скорее с культурологическими и историко-географическими, нежели с политико-географическими или политологическими дефинициями. То, чем долго и плодотворно занимаются археологи, историки, этнографы и даже исследователи фольклора, объектом для изучения в политической географии и политологии стало сравнительно недавно. Только в последние годы вопросы границ и пограничья стали интересовать авторов вышеназванных направлений науки. И этому есть объяснение. По мнению В. А. Колосова: «одно из последствий распада СССР — возникновение десятков тысяч километров новых государственных границ и необходимость адаптации к ним российского хозяйства и всей жизни «вдруг оказавшихся пограничными» регионов Федерации».¹²⁹⁴

В силу того, что границы на постсоветском пространстве претерпели изменения, как в своем политико-правовом статусе (из внутриобластных и административных) превратились в государственные, а также в связи с изменением социально-политической и экономической ситуации особенно в XXI веке практически повсеместно изменили свои функции, превратившись из контактных в фильтрующие, а зачастую барьерные, необходимость в комплексном изучении границ и территорий, прилегающим к ним, стала весьма актуальной.

Соответственно, многие пограничные территории можно было бы рассматривать как регионы с повышенным весом трансграничного, международного сотрудничества (российско-белорусское, российско-казахское пограничье). В то время, как российско-украинское пограничье претерпело за последние пять лет большие изменения, практически полностью утратив свою контактную функцию.

Ряд исследователей, и в первую очередь, Института географии РАН, активно занимаются проблемами пограничья, предпринимая попытки комплексного изучения данных территорий, считая их «естественными локомотивами региональных интеграционных процессов и развития двусторонних отношений»¹²⁹⁵. Хотя есть целый ряд ученых, рассматривающих приграничные регионы в качестве периферии в концепции «Центр-периферия». С точки зрения политологии интересно взглянуть на пограничье как на регионы, где может быть иной, по сравнению с другими территориальными единицами государства, электоральный ландшафт. При этом, на наш взгляд, подобного рода исследований в отечественной науке недостаточно. А пограничье в лучшем случае упоминается в общем анализе среди остальных регионов государства. Вместе с тем, представляется крайне интересным изучить электоральную специфику пограничья в силу его особого положения, на которое может влиять множество факторов, в том числе и близость других государств.

Несмотря на то, что некоторые авторы считают, что российского пограничья как особого кластера пока нет¹²⁹⁶, представляется весьма интересной возможность рассмотрения одновременного «парного» изучения российского и зарубежного пограничья с целью выявления потенциального взаимного влияния пограничных регионов-соседей друг на друга. В качестве исследовательских вопросов могут быть актуальными: возможность особого типа голосования в данных регионах, усиление определенных политических сил, более лояльных к приграничному соседу, независимо от идеологической составляющей, значение внешне-экономического ориентации, а также этнического фактора в электоральном поведении населения приграничных территорий.

Шестопал Е. Б (Москва, МГУ им. М. В. Ломоносова)

ОБРАЗ СВОЕЙ СТРАНЫ В СОЗНАНИИ ГРАЖДАН, КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ: ПОЛИТИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Понимание того, как видят свою страну ее собственные граждане позволяет выявить важные закономерности формирования национально-государственной идентичности. Пост-советская Россия с распадом СССР в 1991 году пережила тяжелейший кризис идентичности, что привело к девальвации образа своей страны в сознании граждан. Этот тренд был ведущим вплоть до 2014 года. Да и сейчас, особенно в молодежной,

¹²⁹³ Тезисы подготовлены в рамках исследовательского проекта РНФ № 19-78-10004 «Трансформации электорального поведения в регионах зарубежных стран, пограничных с Российской Федерацией: сравнительный пространственный анализ»

¹²⁹⁴ Колосов В. А. Как изучать «новое пограничье» России? / Международные процессы. 2004, Т. 2 №3 (6), стр. 89–95.

¹²⁹⁵ Российское пограничье: вызовы соседства. Под ред. В. А. Колосова. М. ИП Матушкина И. И., 2018. 562 с. + 32 с. ил.

¹²⁹⁶ Подъячев К. В. Политические партии и социально-политическое развитие приграничных регионов РФ: опыт непосредственного наблюдения / Вестник Института социологии, 2014 №4 (11). с. 60–72.

либеральной среде, распространено представление о своей стране, как о «нецивилизованной» по сравнению со странами Запада.

Во многом та пропаганда оказалась весьма эффективной, и большинство населения именно такой — неразвитой, отсталой, несвоевременной, — и видело свою страну все 1990-е и 2000-е. Эти образы свидетельствовали о серьезном комплексе «национальной неполноценности». Это подтвердили и наши исследования образа России 2000-х годов.¹²⁹⁷ И только после 2014 года, когда страна начала консолидироваться, стал меняться ее образ.

Вопрос в том, насколько прочна эта позитивная психологическая тенденция, сохраняется ли в настоящем и сохранится ли в будущем «крымский консенсус»? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо понять, как выглядит сегодня образ России в глазах ее граждан. Ответу на него посвящено исследование восприятия России ее гражданами, которое проводится на кафедре социологии и психологии политики факультета политологии МГУ. Мы представим здесь некоторые результаты, касающиеся последнего по времени этапа исследования 2017–2018 гг..

1. Описание исследования

Методология, использованная нами в изучении образа России включала в себя фокусированные интервью с рядовыми российскими гражданами, с использованием метода «неоконченных предложений». Помимо интервью нами использовался метод проективного теста «Рисунок России».

Выборка. Основой эмпирической части исследования стали 525 интервью и 475 рисуночных тестов с российскими респондентами в Москве, Челябинской, Смоленской, Самарской, Томской, Саратовской и Брянской областях, в республиках Дагестан, Башкортостан, Тыва и Крым. Выбор регионов определялся желанием проверить влияние на восприятие пространственного фактора. Выборка не была репрезентативна для России в целом, но она была сбалансирована по полу, возрасту и образованию, как это принято для качественных методов.

Качественный анализ неосознаваемых аспектов образа страны проводился посредством выявления метафор в ответах, а в рисуночных тестах — посредством анализа символов и сюжетов рисунка.

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ ИССЛЕДОВАНИЯ

Привлекательность в образе страны. Как показал анализ неоконченных предложений «Россия для меня это ...», образ России в настоящее время, в отличие от середины 2000-х, выглядит скорее привлекательным, чем непривлекательным. Позитивные оценки преобладают в большинстве параметров образа. В своих ответах респонденты использовали понятия «Родина», «Отчизна», отмечали свою причастность к российской земле, упоминали предков и детей.

К сильным сторонам России респонденты отнесли, прежде всего природные ресурсы (61.5%), вооруженные силы (50.1%), историю (49.7%) и сам российский народ (41.3%). Слабыми сторонами страны респонденты считают, экономику, промышленность и финансы (80.2%). Скорее слабыми, чем сильными они видят российскую науку, образование, спорт и религию (последнее было несколько неожиданным). Отдельно стоит отметить претензии граждан к государству (33.3%). Получается, что все те позитивные изменения и достижения, которые объективно наблюдались в стране в последние годы, и о которых неустанно напоминают людям наши СМИ, для опрошенных оказались субъективно не заметными. Это говорит о несинхронности реальных процессов в политике, экономике и социальной сфере, с одной стороны, и их восприятием гражданами — с другой.

Сила и активность России на международной арене оценивается респондентами, как предмет гордости. Стыд же вызывает невысокий уровень жизни (прежде всего старшего поколения), социальная незащищенность, сильное социальное расслоение, неразвитость экономики, промышленности, сельского хозяйства, науки и системы образования, коррупция, неуважительное отношение власти к народу. 7% респондентов отметило, что им не стыдно и не должно быть стыдно за свою страну.

Если говорить о важных психологических проблемах, выявленных в исследовании образов своей страны, то в первую очередь стоит назвать сохраняющееся недоверие граждан в отношении власти и государства, что позволяет предположить, что те негативные процессы, которые были запущены еще в 1980-е и привели к серьезному комплексу национальной неполноценности, до конца не преодолены. Подъем национальной гордости, который произошел в 2014 году, пока не закреплен.

В результате изучения восприятия страны, складывается впечатление, что образ своей страны остается достаточно разнонаправленным и некогерентным. Так, если в сфере международных отношений оценки звучали скорее позитивные, то в случае внутренней политики образ страны выглядел откровенно непривлекательным.

Слабость и непривлекательность образа страны определялась прежде всего слабостью и непривлекательностью российской власти, образ народа при этом виделся достаточно позитивным и гармоничным. Анализ позволяет предположить, что россияне постепенно отказываются от своеобразного «национального комплек-

¹²⁹⁷ См. Психология политического восприятия в современной России. М., РОССПЭН, 2012, гл. 16,17.

са неполноценности», заработанного в 90е годы. Они почувствовали себя более сильными и независимыми. У них сложилось представление, что они могут требовать от власти значительных реформ, сосредоточения сил для рывка. Общество ожидает от власти национальной стратегии, которая определила бы их нынешнюю идентичность. Политический лидер является важнейшим ретранслятором данной стратегии в массовом сознании и первоочередной характеристикой такого лидера выступает сила.

Шкель С. Н. (Пермь, ПГНИУ)

ВЕРТИКАЛЬНЫЙ ПРЕДЕЛ: ЦЕНТРАЛИЗАЦИЯ И ЭФФЕКТИВНОСТЬ УПРАВЛЕНИЯ В ГОРОДАХ РОССИИ

На современном этапе в большинстве российских регионов отменены прямые выборы муниципальных глав, что практически завершило процесс интеграции муниципалитетов в единую властную вертикаль. Эти институциональные реформы привели к изменению факторов, определяющих развитие и эффективность управления муниципалитетов. С помощью сравнительного анализа шести городских округов Пермского края в исследовании показывается, что после ликвидации выборов как механизма подотчётности мэров населению главными стимулами для эффективной работы муниципальной администрации становятся факторы неформального, экономического и институционального порядка. К первому относится наличие регионального актора, выполняющего патронажные и контрольные функции за муниципалитетом. Отсутствие доходов от мощных градообразующих предприятий является экономическим стимулом, вынуждающим городскую администрацию быть более активной по привлечению дополнительных средств через участие в региональных программах развития. Наконец, схожий эффект оказывает давление со стороны независимых депутатов городской ассамблеи. Конstellация этих трёх факторов определяет степень эффективности городской администрации в условиях централизации. Полуформализованные интервью с 39 респондентами, собранные в шести исследуемых городских округах, а также данные муниципальной статистики служат эмпирической основой для проверки и аргументации высказанных теоретических положений.

Задачей данного исследования являлось определение факторов, определяющих эффективность городского управления в условиях централизации. Опираясь на современную литературу, выдвинута гипотеза, что после отмены прямых выборов глав муниципалитетов и сокращения демократической подотчётности местных властей, основным стимулом для эффективной работы последних становится дополнительный контроль «сверху». На практике это означает наличие политического актора регионального уровня, осуществляющего патронаж над территорией. При отсутствии регионального патрона стимулом для эффективной работы городской администрации может быть экономический фактор в виде отсутствия мощных градообразующих предприятий, что объективно вынуждает местные власти к активности для привлечения средств со стороны. Независимость депутатского корпуса городской ассамблеи является ещё одним фактором, способным повысить эффективность городского управления за счёт давления и контроля исполнительной власти муниципалитета со стороны представительной.

Исследование шести городских округов Пермского края позволило эмпирическим путём проверить эти теоретические предположения, которые, хотя и подтвердились лишь частично, в целом позволили прийти к следующим основным выводам.

Во-первых, анализ шести исследуемых случаев подтвердил значение региональных патронов в части активности городских администраций по привлечению дополнительных средств из краевого бюджета через участие в региональных программах. Города с наличием данного фактора (Губаха, Соликамск) являются лидерами по количеству поданных заявок на региональные конкурсы и привлечению субсидий.

Во-вторых, города с отсутствием патронов заметно уступают по активности участия в конкурсах, но могут быть вполне успешными с точки зрения результативности. Так, случаи Лысьвы и Кудымкара демонстрируют высокие значения по соотношению поддержанных заявок к общему числу поданных и не уступают городам с наличием региональных патронов по сумме привлечённых средств из регионального бюджета. Это может означать, что региональные патроны играют существенную роль в плане активизации городской администрации по участию в конкурсах, но не всегда способны повысить качество такого рода работы. Ещё один вывод, который можно сделать исходя из полученных результатов, заключается в том, что патроны не имеют равного влияния на локальных и региональных политических акторов. Поэтому активность «опекаемых» ими муниципалитетов, которая фиксируется статистикой, не всегда соответствует высокому уровню их результативности. Другими словами, патроны действительно влияют на активность работы городской администрации, но их возможности по лоббированию своих интересов на уровне региональной власти остаются ограниченными.

В-третьих, результаты исследования в целом подтвердили значение иных факторов в ситуации отсутствия патрона. В частности, г. Лысьва, заметно уступая городам с наличием регионального патрона по активности, не уступает им по результативности участия в региональных конкурсах. Это означает, что с точки зрения качества работы городской администрации контроль со стороны независимого депутатского корпуса выступает не менее эффективным механизмом, чем «опека» со стороны регионального патрона.

В-четвёртых, исследование подтвердило роль экономического фактора в виде наличия или отсутствия крупных градообразующих предприятий при отсутствии регионального патрона. Наличие данного фактора вместе с отсутствием независимости от мэра местных депутатов, приводит к понижению активности и результативности городского управления (г. Березники). Напротив, отсутствие крупной промышленности является стимулом для более активного и результативного поиска муниципалитетом дополнительных средств из регионального бюджета (случай Кудымкара).

Наконец, в-пятых, исследование подтвердило негативное влияние элитных конфликтов на эффективность управления в условиях централизации, чему служит г. Кунгур как эмпирический пример. Имея объективный стимул для активности в виде отсутствия крупных градообразующих предприятий, данный муниципалитет характеризуется минимальными показателями эффективности управления, что, скорее всего, обусловлено частыми кадровыми ротациями и политической поляризацией локальных элит.

Шумилов А. В. (Чебоксары, ЧГПУ)

МОЛОДЕЖЬ И ПОЛИТИКА В РОССИИ: ОСОБЕННОСТИ ЦИФРОВОГО ПРОСТРАНСТВА

Избирательная кампания лета-осени 2019 года в России показала, что молодежь, все больше политической информации получает из электронных источников. Государство в свою очередь предлагает проекты конвенциональной гражданской активизации молодежи¹²⁹⁸, в которых вполне закономерно преобладала традиционная модель взаимоотношения общества и государства, при которой государство — ведущая и единственная сила, способная интегрировать общество. Исходя из гипотезы о расширении цифрового пространства на молодежь. Важно отметить возникающие тренды, т.к. от того, какие процессы происходят сейчас в молодежной среде, зависит будущее России. На основе эмпирических материалов и социологических исследований массового сознания студенческой молодежи на примере, Чувашии, сконцентрировано, представлены основные тенденции изменений в сознании молодежи. Основной социальной группой в качестве объекта изучения было выбрано студенчество, это объясняется тем, что именно оно должно составить будущий средний класс и выступить актором гражданского общества, также на работу с этой группой направлены многие молодежные форумы¹²⁹⁹.

Следует отметить, что результаты социологических исследований со всей очевидностью свидетельствуют об отсутствии какой-либо расколотости, дифференциации массового сознания студенческой молодежи. Однако оно не является цельным, а выступает в фрагментарном виде, в котором порой парадоксальным образом сочетаются совершенно несовместимые взгляды. К примеру, респондент может настаивать на европейских ценностях для России, ее демократия должна быть не особой, а такой, как в развитых странах Европы и Америки, и в то же время утверждать, что наилучшей системой государственного управления является диктатура и западный образ жизни для россиян чужд. Сложно выделение каких-либо сложившихся групп студенческой молодежи с определенным мировоззрением. Только условно можно говорить о традиционалистах и модернизаторах. Тем не менее, результаты мониторинга студенчества позволяют проследить определенные тенденции в развитии массового сознания.

В первую очередь обращает на себя внимание значительное укрепление патерналистских начал в сознании молодых людей. В 1999 г. немногим более половины студенчества (58,9%) считало, что государство должно помогать всем гражданам без исключения, к 2016 г. доля увеличилась до 87,1%. В то же время стремительно уменьшилось количество студентов полагающих, что государство должно помогать только тем гражданам, которые не могут позаботиться о себе сами.

В 1999 г. большинство студенческой молодежи было настроено на продолжение либеральных реформ (63,9%). Начиная с 2007 г. к 2018 г. картина разительно поменялась. Подавляющее большинство молодежи желают стабильности (89,6%). Следует отметить, что качественное изменение в массовом сознании студен-

¹²⁹⁸ Алексеев С. В., Шумилова О. В. Молодежная концепция в представлениях генерального секретаря СССР Л. И. Брежнева и Президента РФ В. В. Путина (сравнение) // PolitBook. 2018. № 1.

¹²⁹⁹ Шумилов А. В. Молодежная политика и молодежь в политическом процессе: инновация или консерватизм (в преддверии нового электорального цикла) // PolitBook. 2017. № 4.

ческой молодежи произошло после 2007 г. Например, более половины молодых людей желало жить там, где достойно будут оплачивать их труд. Сегодня, наоборот, значительная часть студенчества желает остаться в России.

Если в 2003 г. традиционные ценности коллективизма, равенства признавало чуть более четверти студенческой молодежи (29,6%), то в 2016 г. — 51%. Закономерно в этом случае существенное уменьшение числа молодых людей, выбирающих ценности индивидуализма, свободы и конкуренции. Отсюда не удивительно, что если в 2003 г. 52,8% студенческой молодежи желало, чтобы Россия стала частью единой Европы, то в 2016 г. — 39,0%. Напротив, если в 2003 г. чуть более трети молодых людей считало, что западный образ жизни чужд для них (36,9%), то в 2016 г. их число увеличилось до 55,3%. Можно также отметить увеличение электоральной активности студенческой молодежи, что в целом соответствует опросу European Social Survey¹³⁰⁰.

Кратко, данные социологических исследований свидетельствуют о достаточно серьезном сдвиге массового сознания студенческой молодежи в сторону традиционных ценностей, о приходе консервативного поколения молодежи. Анализ данных показывает, что блокиратором модернизации является элита и государственная молодежная политика. Соответственно молодежь склонна поддерживать тот тип российского государства, который сложился в настоящий момент. Отсюда надежды на продолжение модернизации России следует отложить на следующее поколение, которое придет после 2025 г. Правда следует заметить, что и нынешнее поколение молодежи, вернее ее некоторая часть будет работать на модернизацию российского общества.

Щеглова Д. В. (Воронеж, ВГУ)

ВЛАСТЬ И БИЗНЕС КАК СУБЪЕКТЫ АДАПТАЦИОННОГО ПОТЕНЦИАЛА РЕГИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ (НА ПРИМЕРЕ РЕГИОНОВ ЦЧР)

Взаимодействие власти и бизнеса является ключевым компонентом системы политической коммуникации, которая выступает и как среда и как фактор того, как будет развиваться текущая социально-политическая модель в регионе.

Потенциал адаптации бизнеса и власти к вызовам и внешним трендам, их стратегии по отношению друг к другу и другим участникам публичной политики — во многом определяет траектории коммуникации и качество принимаемых общезначимых решений в регионе.

Исследование, проведенное в 2018–2019 гг в четырех субъектах Центрального Черноземья показало¹³⁰¹, что главными проблемами (в самом общем виде) эксперты называют сбой в установлении и поддержании обратной связи власти и бизнеса (получение информации от бизнеса об их предпочтениях, потребностях, проблемах и др.). Более того, исполнительные органы власти сегодня не отличаются оперативностью в разрешении возникающих проблем и в принятии быстрых решений (за исключением, пожалуй, решений о карательных надзорных мероприятиях). Анализ коммуникационной практики между субъектами партнерских отношений позволяет констатировать факт существования значимой доли неформальных связей между бизнесом и властью, при этом — это не всегда коррупция.

Взаимодействие бизнеса с властью с помощью медиативных структур, а также трехстороннее партнерство (Бизнес — власть — НКО) являются достаточно новыми практиками для российских регионов и реализуются с разной степенью успешности. Существует ряд переговорных площадок разного уровня — от Координационного совета предпринимательских союзов России до различных экономических форумов. Но, несмотря на это, сохраняется существенный дисбаланс в модели отношений, который выражается в значительном доминировании власти. Модели такого доминирования в регионах отличаются. В докладе на основе первичной и вторичной социологической информации описываются модели коммуникации власти и бизнеса в ЦЧР.

Центральным кейсом выступит Воронежская область и город Воронеж, которые являются столицей черноземного региона и отражают многие «типичные» для Черноземья паттерны коммуникации власти и бизнеса.

Максимально солидарны бизнесмены только в нескольких вопросах. Это вопрос социальной миссии бизнеса, свободы предпринимательской деятельности (высокая), открытость и активность власти в области межсекторного партнерства (на среднем уровне) и в оценке формальных и неформальных практик коммуникаций для решения своих проблем (сочетание и того, и другого). Здесь особо стоит отметить оценку межсекторного партнерства, рассуждая о котором, представители бизнеса сталкивались с определенными трудностями. Многие никогда не сталкивались с этими практиками и не слышали о них. Можно сказать, что межсекторное

¹³⁰⁰ Авцинова Г. И., Атаев Т. Б., Ахрамеева Е. С. Политика. Инновации. Технологии / под общ. ред. О. Е. Гришина, Г. И. Авциновой, Л. И. Гордеева. М.: НИИ общественных и политических наук, 2014.

¹³⁰¹ Проведено на средства гранта РФФИ № 19-011-31293 «Внутриполитическая повестка дня как фактор единства современной России».

партнерство самый «проседающий» пласт отношений власти и бизнеса в изученных регионах. Нельзя сказать, что в регионах нет способов и механизмов привлечения частных компаний для финансирования инфраструктурных проектов и управления имуществом общественной сферы. Однако, размышляя о подобных практиках, представители бизнеса скорее теряются и не уверены в своих оценках ситуации. Таким образом, можно отметить, что дефекты межсекторного взаимодействия видятся как самые серьезные из всего спектра вопросов отношений власти, бизнеса и общества, которые охватывались исследованием. Возможно это связано с общей тенденцией крайней сегментарности связей как с властными структурами. Так и с гражданскими сообществами при отсутствии равноправного партнерства и низком уровне доверия со стороны всех субъектов. На уровне реальных практик это приводит к тому, что любые совместные организационные структуры обладают инерцией и способны исказить или даже заблокировать организационные инновации в случае значительного несоответствия.

Среди тех вопросов, по которым были отмечены максимальные расхождения в ответах были как раз вопросы взаимодействия с региональными и местными властями. Здесь показательна региональная специфика. Так, в Белгородской области, бизнесмены чаще всего имеют дело с исполнительной властью, а в трёх других (Воронежская, Тамбовская и Курская области) — с местной.

В качестве обобщения отметим, что адаптационный потенциал бизнеса в регионах можно описать, как низкий, приспособленческий, а властные стратегии показывают большее разнообразие — они могут быть, как «гибкие» так и жесткие. Таким образом, доминирующим субъектом адаптации остается власть, а потенциал бизнеса к адаптации, гибкости, быстрых решений остается не реализованным.

Щенина О.Г. (Москва, ФНИСЦ РАН)

ПОЛИТИЧЕСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ СКВОЗЬ ПРИЗМУ СЕТЕВОГО ПОДХОДА

В настоящее время мы переживаем период турбулентности общественных процессов, связанный прежде всего с процессами становления и развития сетевого общества, что является одним из мегатрендов современности. Формирующиеся на наших глазах контуры нового сетевого мира во многом отличаются от привычных нам форм организации и управления социумом. «Выросшая плюрализация общественных структур, сложность взаимоотношений между различными группами населения, высокий уровень общественных потребностей и ожиданий, большой масштаб неопределенности и риска, возросшее влияние международного фактора на внутреннюю политику государства, информатизация общества, падение доверия населения к центральным органам управления — это и многое другое привели к пересмотру традиционных управленческих подходов...»¹³⁰².

Сетевой подход в политической науке в настоящее время активно используется при анализе политического управления, функционирования политических институтов.

Происходящие в сетевом обществе изменения приводят к осознанию властью необходимости модификации сложившихся моделей управления. Сетевое пространство политического управления изменяет свой формат в связи с развитием коммуникаций, как неотъемлемого компонента и связующего звена системы политических отношений. В современном мире во многом информационно-коммуникационные технологии создают и обеспечивают функционирование политического управления, реализацию публичной политики.

Таким образом, востребованность научного осмысления сетевого общества связана с насущной потребностью поиска новых моделей управления. Представляется возможным предположить, что в контексте анализа становления и развития сетевого общества одной из инновационных форм политических отношений может быть модель партнерских отношений на основе множественного диалога.

Процесс сетевизации политической сферы затрагивает не только сферу функционирования практически всех политических институтов, но и оказывает непосредственное влияние почти на все сферы жизнедеятельности общества. В условиях сетевизации происходит изменение роли гражданского общества, например, формируются новые площадки общественного контроля процесса принятия политических решений на основе коммуникационных платформ. Следовательно, появляются иные формы реализации политической, государственной, общественной власти. Меняются наши представления об алгоритмах реализации политического процесса. Кроме того, в сетевом обществе трансформируются многие социальные институты, в том числе и государство. «Способность политических институтов обновляться с учетом технологических и других вызо-

¹³⁰² Современная политическая наука. Методология / Отв. ред. О.В. Гаман-Голутвина, А.И. Никитин. М.: Аспект Пресс, 2019. С. 236–237.

вов безопасности, поддержания качества жизни и потенциала развития человека является важнейшим критерием современности и жизнеспособности организующих политическое управление сообществ...»¹³⁰³.

В свою очередь сетевая активность современного человека оказывает значительное влияние на власть, заставляя ее искать новые формы политического управления. Например, сетевой фронт виртуальных политических сообществ выступает как один из возможных инструментов политического управления, а смыслы и нарративы, формируемые государством и транслируемые в медиасреде, — как источник власти в сетевом обществе. В этом контексте интересен ракурс взаимодействия власти с политическими сообществами: локальные сетевые сообщества и их влияние на власть. Однако сетевые политические сообщества зачастую выступают как политические акторы и в некотором смысле это вызов политическому управлению.

Возникает закономерный вопрос: «Как использовать ресурсы сетевого общества для поиска модели управления?» «Обладая большими материальными, организационными, властными ресурсами, государство в сетевом политическом управлении выполняет две важнейших функции: поддержание устойчивости взаимодействий и вовлечение в публичность»¹³⁰⁴. В сетевом обществе многократно возрастает эффективность управленческих решений на основе информационных ресурсов.

Сетевое общество изменяет не только логику мышления современного человека, но и логику политического управления обществом. Происходит формирование нового типа элиты — сетевой политической элиты, для которой характерна сетевая логика принятия решений. Конфигурации сетевого взаимодействия могут рассматриваться как ресурс управления для политической элиты. Коммуникационные основы реализации власти элитами приобретают в сетевом обществе особое значение. Таким образом, будущее за сетевыми моделями управления на основе сетевой парадигмы.

Щербинин А. И. (Томск, НИ ТомГУ)

КОММУНИКАТИВНО-СЕТЕВОЙ ПОДХОД К ПОЛИТИЧЕСКОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ В УНИВЕРСИТЕТСКОМ ГОРОДЕ¹³⁰⁵

Основные вызовы, с которыми сталкивается политическая социализация сегодня, условно можно поделить на неосвоенный потенциал Интернет и угрозы, связанные различными «оттенками» неуправляемой политической социализации (от радикализма и экстремизма до современного феномена «негражданской культуры» по У. Беннету). Неработающие институты вертикальной политической социализации, отсутствие внятных стратегий будущего, продолжающийся демонтаж системы образования дополняются хронической невостребованностью молодежи как наиболее активной части общества в реальных социально-политических процессах.

Наиболее наглядно это в университетских городах, особенностью которых является понимание органами власти и сообществом университета как градообразующего предприятия и центра социально-культурной жизни. Именно в этих городах мы сталкиваемся с неконтролируемым процессом «транзитности», неукоренности студентов и вытекающей из нее отстраненности молодежи от политических проблем города, региона, страны. Если мы обратим внимание на наше избирательное законодательство, то поймем, что абсолютное большинство иногородних и иностранных студентов исключены из местного и регионального избирательного процесса. А реальность сегодня такова, что академическая мобильность учащейся молодежи приобрела невиданные масштабы. Например, сегодня в Томске свыше 80 тыс. студентов, из них 72% обучаются в университетах и более 70% из них иногородние. Томск занимает 3-е место в РФ по количеству студентов на 10 тыс. населения (после Москвы и Санкт-Петербурга), более 8,5 тыс. студентов — иностранные граждане, город дважды входил в рейтинг QS «100 лучших студенческих городов мира». На этом фоне исключение из электоральной (политической) практики основной части студентов дополняется отсутствием элементарных курсов по основам гражданских знаний, политологии подтверждает нашу основную мысль. Чем компенсируется дефицит? Точечной проектной деятельностью, маргинальными акциями профсоюзов, апатичным молодежным парламентом и окостеневшими молодежными структурами городской и региональной властей.

Что можно и нужно сделать? Понять потенциал горизонтальной политической социализации, используя коммуникативно-сетевой подход к оценке социализаторов и социализантов. Подойти к социальным сетям с использованием теории ризомы, что позволит преодолеть ограниченность системной парадигмы в исследованиях данного явления, с учетом того, что сетевой дизайн может быть понят как феномен меняющейся и постоянно совершен-

¹³⁰³ Семененко И. С. Горизонты ответственного развития: от научного дискурса к политическому управлению // Полис. Политические исследования. 2019. № 3. С. 21.

¹³⁰⁴ Сморгун Л. В. Управляемость и сетевое политическое управление. Власть. 2014. № 6. С. 9.

¹³⁰⁵ Доклад подготовлен в рамках гранта РФФИ 19-011-31231 «Политическая социализация молодежи в университетских городах».

ствуемой социальной реальности. Пора согласиться с тем, что сегодня коммуникации преобладают над институтами в современном процессе политической социализации, осторожно предположив, что сама сеть становится главным социализатором (в агрегатном состоянии хабитуализации, пока латентного — понимаемого как посредник, института), заполняя «пустые ячейки» политического знания, навязывая ценности, позицию, призывая к действию. Пора рассмотреть, в том числе и с точки зрения законодательной инициативы, сетевые сообщества как современный «живой» вариант «списочных» НКО. Одновременно стоит показать и угрозы социальных медиа: «кликатура» (clicktatorshih), а в целом для социальных медиа — «manipuledia» (М. Гансингер и А. Коле, 2018).

В рамках проекта по гранту РФФИ 19-011-31231 опп «Политическая социализация молодежи в университетских городах» нами намечено разработать матрицу политической социализации молодежи университетского города на основе пересечения стратегических задач, актуальных проблем и ожиданий региональной и городской властей, НКО, СМИ, университетов и молодежи. В последующем в виде компьютерной программы она может быть использована для анализа и краткосрочного прогноза реакции молодежи на изменения в виде поддержки, нейтралитета или протеста. Это позволит на городском/региональном уровне разрабатывать жизнеспособные программы политической социализации горизонтального типа с использованием проекта формирования «умных сообществ» с центром в университетском кластере, включать их в стратегии управления.

Прогностический потенциал разработанной в результате проекта коммуникативно-сетевой модели политической социализации молодежи в условиях университетского города позволяет предвидеть развитие разных форм активности в условиях политико-экономических, социокультурных изменений региональной среды и общероссийского контекста. В связи с этим для решения конкретных задач могут быть использованы предлагаемые на основе данной модели управленческие стратегии и технологии, позволяющие более успешно проводить политическую социализацию молодежи в условиях быстрых изменений, снижать уровень социального напряжения в обществе для обеспечения устойчивого политического развития.

Щербинина Н.Г. (Томск, НИ ТомГУ)

МЕДИАРЕАЛЬНОСТЬ КАК ФЕНОМЕН ПОЛИТИКО-КОММУНИКАТИВНОЙ СФЕРЫ

Природа медиа состоит в производстве особой реальности — медиареальности, ее разновидностью выступает политическая медиареальность. Медиареальность — «призма», сквозь которую человек познает, оценивает и представляет порядок политических институтов. Тем самым политический мир явлен человеку коммуникативно в виде политических медиаобразов. И поскольку мир политики преимущественно медиатизирован, необходимо дать политологическое определение медиареальности.

Опираясь на трактовку реальностей А. Шюца, подчеркнем, что политическая медиареальность понимается нами как особый субъективный мир значений. Речь идет о политических медиафеноменах, представленных в виде медиафактов-конструктов. В данном контексте политическая медиареальность это знаково-символическое пространство, целенаправленно сконструированное для оказания влияния на политическое сознание общества, данное для восприятия и интерпретации в виде медиаобразов. Семиотически политическая медиареальность преобразуется в текстовую реальность, а текст выступает структурированной и закодированной знаковой системой. Следовательно, политическая медиареальность может твориться и существовать лишь в процессе коммуникации как символического обмена.

Коммуникативную природу медиареальности можно трактовать, опираясь на понятие гиперреальности Ж. Бодрийяра. Бодрийяр полагал, что гиперреальность моделируется безотносительно оригинала. Потому она подменяет собой базовую реальность, создавая ложный мир. Политическая медиареальность как симуляция выступает разновидностью гиперреальности, не отражающей и не репрезентирующей основополагающее политическое бытие. Медиаобразы начинают репрезентировать сами себя, включаясь в самодостаточную игру знаков. Так политическая виртуальная медиареальность становится еще одним пространством симулякров. Но мир политических симулякров обладает особым онтологическим статусом, качеством реальности.

Существует две точки зрения на генезис медиареальности. Первая, которой мы придерживаемся, гласит, что человек всегда воспринимал объективный мир посредством медиаобразов. Вторая позиция утверждает, что медиареальность появилась недавно под воздействием новых коммуникаций и медиа. Здесь акцентируется внимание на технологическом детерминизме, тогда как мы подходим к проблеме с конструктивистских позиций, предполагающих наличие креативного властного субъекта.

Политическая власть здесь понимается нами в духе «маркетинговой» концепции медиакратии. Феномен медиакратии, сращения медиа и политики, трансформирует политику в «медиаполитику», когда медиа ста-

новятся аффилированным посредником. В результате политическая власть выступает в виде коммуникативной конструкции, поддерживаемой медиа. Под «медиареальностью» в данном контексте понимается качество бытия, присущее медиафеноменам, поскольку человек всегда делает допущение об их аутентичности.

В основе конструирования содержания актуального знания о политической медиареальности лежит модель «повестки дня», перечень социальных вопросов, требующих политического решения. Медиаповестка устанавливает конструкцию обсуждаемых тем, инспирируемых политически трактуемыми новостями. Она задает некие «узлы» коммуникации по темам, в которых и концентрируется разговор. Но главное при обсуждении не консенсус мнений, а сам коммуникативный контакт, от которого люди получают удовольствие. «Публика», согласно термину Г. Тарда, это сегодня совокупность тех, кто принимает участие в обсуждении. Потому мнение общества представляют группы медиаактивистов, создающие новые аудитории для тем. А политики в общем медиаконтексте занимаются имиджевой самопрезентацией, используя рассказ о себе в качестве основного жанра.

Медиареальность как смысловой мир представляет собой символическое поле для политической легитимации. Потому основное предназначение политической коммуникации — управление сознанием с помощью символической репрезентации. Но сегодня можно вести речь о «кризисе репрезентации» знака (лидера, партии, государства). Зачастую политическая медийная реальность подвергается деконструкции, что ведет к десимволизации. И пространство медиареальности заполняют знаки, которые уже не реферируют даже сами себя. Контекстом для феномена обесмысливания выступает внешний момент, когда политическая коммуникация медийно оформляется в виде собранных вместе новостей, развлечения и рекламы.

Таким образом, коммуникация либо подменяется рутинным информационным процессом, либо превращается в «пустой» разговор без обратной связи и поведенческих понимающих эффектов. Сегодня «реципиента» сменил «пользователь», который не просто выбирает текст для «прочтения», но становится соавтором. Потому сообщение идентично отобранной информации на стороне приема. Феномен влияния в такой коммуникации сосредотачивается в звене отбора, и политическая коммуникация теряет линейность посылки.

Юданов Н. А. (Москва, Министерство по развитию Дальнего Востока и Арктики)

ОСОБЕННОСТИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЛИДЕРОВ С ОБЩЕСТВОМ. ПОЛИТИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Достоинством любой политической системы является то, что она основана на доверии, справедливости и открытости — тех незыблемых элементах, служащих ценностным базисом современного государства. Это также относится к России. Для эффективного функционирования подобной системы необходимы компетентные управленцы, способные говорить с теми, кто живет в этом государстве, на одном языке.

Особенности вербального (разговорного) взаимодействия политических руководителей, в частности, к примеру, Президента России, с гражданами представлены рядом работ^{1306, 1307, 1308}. Труды описывают как технические части выстраивания коммуникации, так и политико-психологические. В последнем кроется природа личности политика, его мотивы и реакции.

Выявление закономерностей между форматами публичной коммуникации лидеров с гражданами предназначено для дальнейшей систематизации и поиска наиболее эффективных форм взаимодействия. Этому предшествует анализ современных видов политической коммуникации власти с гражданами. Есть предположение, что сложившиеся практики общения элит с народом имеют недостатки, которые не позволяют полностью раскрыть потенциал связи власти с обществом¹³⁰⁹. Язык власти может быть непонятен простому населению.

Как вы видим, в последнее время предпринимались попытки описать политическую систему России в целом, и политическую коммуникацию в частности. Так, «государстве Путина»¹³¹⁰ как политической модели особенно важна психология лидерства. Рассматривая эту модель с точки зрения политической психологии в частности, сквозь призму работ Е. Б. Шестопаля и Б. Керелманна, можно увидеть, что именно лидеры поддер-

¹³⁰⁶ Патоцка-Сигловы У. Специфика политической коммуникации (на материале выступления В. В. Путина) // Коммуникация как предмет междисциплинарных исследований: сб. науч. тр.: в 2 ч. Калининград, 2013. Ч. 2. С. 224–231.

¹³⁰⁷ Ваулина С., Пробст Н., Специфика функционирования вопросительно-побудительных конструкций в политическом дискурсе (на примере публичных выступлений В. В. Путина), Слово.ру: Балтийский акцент, С. 9–15, 2014.

¹³⁰⁸ Е. И. Беглова, О. Ю. Шмелёва, «Языковой код» политической коммуникации (на материале выступлений президента России В. В. Путина на 2012–2015 гг.), Политическая лингвистика, 2015.

¹³⁰⁹ Ракитянский Н. М. Психологические особенности взаимодействия элиты и общества в процессе политического реформирования // Психология восприятия власти / Под ред. Е. Б. Шестопаля. — М.: Издательство «Социально-политическая МЫСЛЬ», 2002. — С. 63–74.

¹³¹⁰ 1 Владислав Сурков: Долгое государство Путина. [Электронный ресурс]: http://www.ng.ru/ideas/2019-02-11/5_7503_surkov.html

живают ту связь, которая обеспечивает единство «государства Путина» и «глубинного народа». Именно лидеры делают ту повседневную работу по выработке, корректировке и утверждению политических смыслов, которые связывают государство и народ воедино.

Современная система высшего образования и подготовки кадрового резерва не в полной мере раскрывает коммуникативный потенциал будущих управленцев. Технократический подход к политическому управлению не позволяет видеть поведенческую, бессознательную сторону этого процесса. Вследствие этого возникает фундаментальное непонимание власти и граждан, усугубляющее социально-экономическое напряжение. Нехватка у чиновников, привыкших к сугубо административной работе, публичных и политико-психологических навыков ставит под угрозу эмоциональное взаимопонимание между государством и населением.

При этом отмечаем, что механический перенос атрибутов коммуникации западных политических систем отдаляет Россию от следования своим исконным ценностным идеалам. Из-за отсутствия политико-психологического знания у действующих политиков экспорт тех смыслов, которые рождаются в России и оказываются востребованы на Западе, также ставится под угрозу.

Эффективность политической системы заключается в органическом единстве власти с народом и ключевую роль в обеспечении этого единства играют компетентные, грамотные политические лидеры, способные коммуницировать с людьми. Они играют роль передаточного звена не только между государством и народом, но и между прошлым и будущим, формируя и реализуя образы будущего российского государства.

Юдин К. А. (Санкт-Петербург, СПбГУ; Иваново, ИвГУ)

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ КИНОЦЕНзуРА КАК АКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ НА НАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ «ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ»¹³¹¹

Одним из актуальных и перспективных направлений историко-политологических исследований в настоящее время выступает мемориализация как целостный процесс формирования исторической, коллективной памяти, а также акторы ее естественного и искусственного генезиса — коммеморации¹³¹². Ключевую роль в структурировании рефлексивно-когнитивного потока, приобретшего в период «холодного» противостояния между СССР и США особую интенсивность и динамику, играли специализированные ведомства, осуществлявшие контроль за ведущим, по своей оперативности трансляции информации и эффективности ее аккумуляции в виде медиа-текстов как семиотических резервуаров, видом искусства — кинематографией. Данную форму контроля можно считать институционализированной киноцензурой в ее широком практическом выражении, предполагавшей два основных, «традиционных» способа воздействия, зафиксированных в историографии¹³¹³: предварительную экспертизу, осуществлявшуюся на стадии фильмопроизводства, и последующую, санкционно-карательную, направленную на обнаружение и при необходимости пресечение каналов реализации медиа-продукта (прокатные и экспортно-импортные механизмы) и его элементов на медиaprостранстве, подлежащих полному запрету или принудительной модификации.

На первом этапе «холодной войны» (вторая половина 1940 — начало 1950-х гг.) флагманом кинополитики, осуществляемой под эгидой Агитпропа ЦК, и инструментом киноцензуры в указанном смысле было Министерство кинематографии СССР, возглавляемое И. Г. Большаковым (1946–1953 гг.). Через него проходила вся информация как о готовившихся к постановке кинокартинах отечественного производства, так и соприкосновении советского зрителя с «буржуазной фильмотекой», в значительной степени, представленной так называемым «трофейным фондом», только иностранная часть которого включала в себя 13 142 фильма (18 455 копий) и 72600 роликов¹³¹⁴. Все это позволяло Министерству кинематографии выполнять функцию по мониторингу политических настроений, выявлять степень идеологической индокринации, существенным показателем которой выступала реакция зрителей на демонстрацию иностранных фильмов в условиях «холодного» антагонизма, а также осуществлять репрезентацию советскости через имагогические фигуры — образы «своих» на экране. На имя самого министра кинематографии¹³¹⁵ и через другие институциональные каналы неоднократно поступали письма, в которых рядовые граждане выражали негодование по поводу «тлетворного», «раз-

¹³¹¹ Публикация подготовлена в рамках поддержанного РНФ научного проекта № 18-18-00233 «Кинообразы советского и американского врагов в символической политике холодной войны: компаративный анализ».

¹³¹² Румянцева М. Ф. Историческое знание и историческая память в структуре исторической культуры // Диалог со временем. 2019. Вып. 67. С. 41–54.

¹³¹³ Горяева Т. М. Политическая цензура в СССР. 1917–1991. М.: РОССПЭН, 2009. С. 12.

¹³¹⁴ Танис К. А. Трофейное кино в СССР в 1940–1950-е гг.: к истории формирования феномена // Культура и искусство. 2017. № 12. С. 85–91.

¹³¹⁵ Почему киноэкраны становятся проводниками буржуазной морали? Вопрос министру кинематографии тов. Большакову // Комсомольская правда. 1947. 18 окт.

лагающего» влияния западного кино, выступавшего проводником «буржуазной морали» и даже угрожавшего обороне советского государства, направленного на «подрыв его идейной, психологической мощи в будущей войне»¹³¹⁶. В архивном деле РГАСПИ перечень откликов на известную киноэпопею М. Чиаурели «Падение Берлина» (СССР, 1949) занимает около 40 машинописных листов. Они содержали более чем откровенные мини-рецензии, основным объектом критики которых выступал образ главного героя — сталевара Алексея Иванова (Б. Андреев), почти единодушно признанного «нетипичным» для советской действительности. «Этот человек, — возмущенно писал инженер П. Д. из Ленинграда, — поставил рекорд выплавки стали, что не так просто, как думают работники кино, и совершенно невозможно для такого дремучего идиота, каким сделан Алексей Иванов! Вести себя так на приеме у тов. Сталина, в присутствии членов Политбюро, не стал бы даже папуас, который постарался вести себя сдержаннее, ибо и ему известно, кто такой тов. Сталин!»¹³¹⁷.

Таким образом, ведомственная и общественная цензура в их сопряжении выступали актором формирования исторической и политической памяти как интегрированных преставлений о прошлом и настоящем, о вариативности «своих» и «чужих» (других/иных), отражавшихся в кинообразах и кинематографической «гиперреальности», что поддерживалось через преемственность и многообразие институциональной коммуникации между властью и обществом.

Юдин Н. В. (Москва, МГУ имени М. В. Ломоносова)

ДИСКУССИЯ О ЛИЦАХ СИЛЫ/ВЛАСТИ: ДВИЖЕНИЕ ВПЕРЕД ИЛИ БЕГ НА МЕСТЕ?

Понятие «силы» («власти», power) является одним из краеугольных для политических исследований вообще и международно-политической науки — в частности, служа инструментом для анализа истории международных отношений, интерпретации современных мирополитических реалий, построения прогнозов и сценариев их развития в средне- и долгосрочной перспективе¹³¹⁸.

Только логично предположить, что, учитывая фундаментальную важность данного понятия, его изучению будет уделено самое пристальное внимание. И первое знакомство с научными работами по данной проблематике оставляет впечатление, что исследования силы представляют собой по-настоящему динамично развивающееся направление¹³¹⁹. Кажется, что проблематика силы проникает во все новые и новые измерения мировой политики, адекватно отражая меняющиеся реалии международного взаимодействия и оперативно отвечая на потребности политиков.

Однако, как представляется, это внешнее благополучие обманчиво. За ним скрывается все углубляющийся кризис международно-политической науки, поразивший самые ее базовые, теоретические основания. Кризис этот неслучаен и является отражением негативных с точки зрения научной рефлексии процессов, характеризующих развитие современной политологической мысли в целом.

Для их понимания имеет смысл присмотреться внимательнее к тем самым дискуссиям, в рамках которых были сформулированы ключевые положения о сущности, природе и основных характеристиках феномена «силы» («власти») и которые составляют теоретический фундамент современных исследований в данной области.

В центре внимания данного доклада окажется известная дискуссия о так называемых лицах или измерениях силы/власти. К настоящему моменту она продолжается уже несколько десятилетий, и охватить все ее аспекты в рамках одного доклада, естественно, невозможно. В то же время, даже анализ лишь самых знаковых работ, сформировавших ядро и предопределивших направление последующих дебатов, позволяет достаточно рельефно обрисовать целый ряд методологических, если не сказать философских, проблем.

¹³¹⁶ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 132. Д. 429. Л. 51 об.

¹³¹⁷ Там же. Д. 427. Л. 24.

¹³¹⁸ Барановский В. Г. Изменения в глобальном политическом ландшафте // Пути к миру и безопасности. 2017. №1 (52). С. 55–63; Мельвил А. Ю. Могущество и влияние современных государств в условиях меняющегося мирового порядка: некоторые теоретико-методологические аспекты // Политическая наука. 2018. №1. С. 173–200; Никитин А. И. Новая система отношений великих держав XXI века: «концерт» или конфронтация? // Полис. Политические исследования. 2016. №1. С. 44–59; Симония Н. А., Торкунов А. В. Новый мировой порядок: от биполярности к многополюсности // Полис. Политические исследования. 2015. №3. С. 27–37.

¹³¹⁹ Manners I. Normative power Europe: A contradiction in terms? // Journal of Common Market Studies. 2002. Vol. 40. No. 2. P. 235–258; Nye J. S. How sharp power threatens soft power // Foreign Affairs, 24.01.2018. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2018-01-24/how-sharp-power-threatens-soft-power> (дата обращения: 08.07.2019); Walker C., Ludwig J. The meaning of sharp power // Foreign Affairs. 16.11.2017. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2017-11-16/meaning-sharp-power> (дата обращения: 08.07.2019).

В частности, последовательный критический анализ работ Р. Дала¹³²⁰, П. Бахраха, М. С. Бараца¹³²¹, С. Льюкса¹³²² и др. позволяет выявить несостоятельность идеи, более или менее явно представленной в современных теоретических исследованиях силы¹³²³, что их развитие представляло собой кумулятивный процесс накопления и совершенствования научного знания о природе и сущности рассматриваемого социального феномена, перехода от редукционистских трактовок ко все более нюансированным и методологически совершенным.

Вместо этого дискуссия о лицах силы/власти сместила фокус научных исследований по данной проблематике в сторону от действительно фундаментальных вопросов и заложила основу для ряда крайне негативных тенденций, определяющих развитие соответствующего исследовательского поля в настоящий момент.

Первая, наиболее фундаментальная тенденция выражается в существенном снижении общего уровня научной рефлексии проблематики силового взаимодействия. Она имеет в своей основе успокоительный тезис, согласно которому понятие «силы»/«власти» принадлежит к категории сущностно спорных, а значит — не подлежащих строгому научному определению.

Вторая тенденция заключается в ничем не ограниченном и методологически неоправданном расширении исследовательского поля силы за счет включения в него все более незаметных, утонченных и изощренных форм (способов реализации, измерений) силы.

Третья — связана с чрезмерной концентрацией соответствующих исследований на описании и каталогизации этих форм реализации силы, которые в настоящий момент подменяют собой исследования собственно феномена «силы».

В совокупности эти тенденции ведут к выхолащиванию самой сути понятия «силы» и лишь усугубляют разрыв между теорией и объективными потребностями анализа (международно-) политических процессов. Для их преодоления представляется целесообразным вернуться в рамках теоретических исследований проблематики силы/власти к рассмотрению самых базовых вопросов, связанных с определением сущности данных феноменов, подведя под них новые философские основания.

Юрченко В. М. (Краснодар, КубГУ)

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ИДЕОЛОГИЯ «PRO ET CONTRA»

Конституция Российской Федерации устанавливает, что никакая идеология не может быть государственной, т. е. обязательной. Но в течении ряда последних лет в обществе (в том числе политологическом сообществе) идет активная дискуссия по этому вопросу. Ряд исследователей считает, что конституция никому не запрещает (в т. ч. и государству) вырабатывать и распространять свою идеологию. Более того, в выработке и распространении в обществе своей идеологии и состоит главная функция государства. А идеология является базовым элементом государственности, задачей ее является разъяснение гражданам направления и перспектив развития России. И как вывод — в настоящий момент Россия остро нуждается в такой идеологии.¹³²⁴

В своих публикациях по данной проблеме мы неоднократно отмечали, что тема российской идентичности, которая вызывает столько споров в обществе и в ходе научных дискуссий, соотносится именно с государственной идеологией и соответствующей политикой.

Почему это важно именно сейчас? Если общество собирается на основе определенной мировоззренческой матрицы то нельзя не заметить существенного ценностного разрыва в нашем обществе. По мнению С. Г. Кара-Мурзы на переднем крае этого ценностного разрыва находится социальная справедливость. Отсюда и результаты различных (и по уровню и по задачам) социологических исследований свидетельствуют, что именно вопросы социального обустройства сегодня должны стать основным содержанием современной российской государственной идеологии, принцип социальной справедливости.

На IV Столыпинских чтения (сентябрь 2015 г. Кубанский государственный университет) было отмечено, что в деле обеспечения национальной безопасности России необходима консолидация российского общества. Это в свою очередь предполагает наличие национальной идеи, государственной идеологии, тех общественных

¹³²⁰ Dahl R. The concept of power // Behavioral Science, 1957. Vol. 2. No. 3. P. 201–215.

¹³²¹ Bachrach P., Baratz M. S. Two faces of power // The American Political Science Review. 1962. Vol. 56. P. 947–952.

¹³²² Lukes S. Power: A Radical View: 2nd ed. New York, Palgrave Macmillan, 2005. 192 p.

¹³²³ Най Д. С. Будущее власти. М.: АСТ, 2014; Haugaard M. Rethinking the four dimensions of power: domination and empowerment // Journal of Political Power. 2012. Vol. 5. No. 1. P. 33–54.

¹³²⁴ См.: Абрамова М. Г. Мифологема сильного государства и актуальные задачи государственной политики России // Вестник Московского университета серия. Серия 12. 2014. № 3. С. 103.

ценностей и приоритетов, без которых теряются социальные ориентиры, гипертрофируется индивидуализм, снижается активность и дееспособность социальных групп и индивидов¹³²⁵.

Государственную идеологию можно представить как концепцию государственной политики России в краткосрочной и среднесрочной перспективе, с соответствующими формой и содержанием, где форма — нормативно-правовые источники, а содержание — государственная политика¹³²⁶.

Идеи укрепления роли государства, в том числе в идеологической сфере, постоянно подвергаются критике со стороны современных западных и российских либеральных кругов и ряда членов научных сообществ. Продвигается концепция «сервисного государства», государственная идеология (тем более закрепленная в Основном законе страны) рассматривается как вмешательство в частную жизнь граждан, ущемление их прав. Нельзя не отметить в этом ряду работу Ф. Фукуямы «Сильное государство. Управление и мировой порядок в XXI веке», где сильное государство является прерогативой лишь одной страны — США.

По нашему твердому убеждению, принцип социальной справедливости может стать ключевым фактором при разработке общегосударственной системы ценностей и соответствующей государственной идеологии¹³²⁷. Для этого необходимо сформулировать и внести на всенародное обсуждение систему ценностей, которые бы консолидировали российский народ и на этой основе определить национально ориентированную государственную идеологию. И в этой работе значительную роль может сыграть политологическое сообщество.

Юрченко И. В. (Краснодар, КубГУ)

РЕГИОНАЛЬНАЯ ИНСТИТУЦИАЛИЗАЦИЯ КАК МЕХАНИЗМ УКРЕПЛЕНИЯ ИНТЕГРАЦИОННОГО ПОТЕНЦИАЛА РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ¹³²⁸

Угрозы дестабилизации обществ, роста международной и региональной конфликтности, которые на рубеже XX–XXI вв. в ряде случаев приводили к распаду государств, распространению рынков насилия, гражданским войнам и изменению государственных границ, в настоящее время сохраняются и становятся еще более опасными в связи с возобновлением холодной войны и наметившейся тенденцией новой гонки вооружений. Понятие «регионализм» характеризует неравномерное, специфическое развитие конкретных локальных социумов, их включенность или противодействие процессам глобализации¹³²⁹. Региональная разобщенность «региональная несвязанность» — серьезная проблема для обеспечения прочной политической стабильности и эффективного институционального развития. Предполагается, что в основе регионализма должно лежать понимание того, что только через сотрудничество и партнерство со своими соседями каждый отдельно взятый регион может максимально обеспечить свои региональные интересы. В результате вырабатывается региональное самосознание. Однако на практике регионализм чреват серьезными коллизиями и конфликтами, порой приводящими к системному общественному кризису, к возникновению особого типа геополитического поведения, опасного для целостности государств. Большую опасность представляют сепаратистские настроения радикальных националистических популистов, которые могут находиться в открытой или скрытой оппозиции к центру и стремиться к эскалации конфликтов за счет попыток вовлечения в орбиту своих интересов и соседние территории, и различные межрегиональные объединения. В современном политическом процессе резко возрастает роль внутритерриториальных и трансграничных отношений сетевого характера и одновременно снижается роль таких политических институтов как межгосударственные организации, основанные на договорных отношениях, обеспечивающих безопасность международного порядка. Основной политический институт — государство — имевшее главенствующую роль и влияние на другие институты общества, в настоящее время теряет значительную часть своего влияния на многие из них. Этот процесс в науке получил название деинституционализацией и ослаблением или даже деградацией государственности. Метаморфозы и трансфор-

¹³²⁵ См.: Юрченко В. М. Формирование научного обеспечения решения проблем национальной и региональной безопасности России: опыт проведения Столыпинских чтений в Кубанском Государственном университете // Проблема устойчивости политических систем современного мира: материалы Международной научной конференции / под ред. С. Г. Еремеева, И. И. Кузнецова. М.: Изд-во Московского ун-та, 2018. С. 297–298.

¹³²⁶ См.: Абрамова М. Г. Указ. соч. С. 104.

¹³²⁷ См.: Юрченко В. М. Национальная идентичность и политическая идеология // Духовно-нравственные основы идеологии российской государственности на современном этапе: материалы Всероссийской научно-практической конференции, Краснодар-Сочи. 13–15 марта 2017 г. Краснодар: Диапазон-В, 2017. С. 113.

¹³²⁸ Исследование выполнено в рамках проекта РФФИ № 17-03-00802 «Конфликтогенные и интеграционные факторы развития человеческого потенциала Юга России в условиях новых геополитических вызовов».

¹³²⁹ Ковальский Н. А. О соотношении глобализации и регионализма // Глобализация и регионализм. Черноморский регион. Балканы. — М.: Интермедиалект. 2001. С. 106.

мации институтов наблюдаются и на уровне межгосударственных отношений. Происходящее рассогласование действий различных государств приводит к разрушению сложившегося мирового порядка, к состоянию, которое Ричард Хаас определил термином «мировой беспорядок». Состояние аномии в мировом пространстве чревато возрастанием рисков и угроз на глобальном, национальном и региональном уровне. Анализируя новейшие тенденции в мировых процессах, Р. Хаас отмечает, что «популизм и экстремизм получили распространение в зрелых демократиях, авторитаризм же закрепился в других странах. В результате сложился порочный круг: вызовы глобализации способствовали возникновению многих проблем в национальном масштабе — и те же самые проблемы затрудняли для правительств эффективное участие в разрешении глобальных задач»¹³³⁰. Нельзя не согласиться с идеей о суверенных обязанностях, которую выдвигает автор этой работы. Как и в других странах, в многонациональной России серьезную угрозу представляет крайний национализм, абсолютизирующий узко этническую ментальность, что чревато внутренним расколом и распадом полиэтничной государственности. Политический кризис, поразивший СССР в 1980–90-е годы, не был результатом только внутренних процессов. Важное значение имело информационно-психологическое воздействие на население со стороны внешних акторов, реализующих свои геополитические интересы. Сказалась также и институциональная недостаточность. Преодоление региональной разобщенности — это важнейший способ повышения интеграционного потенциала Российской государственности. Государство как основной политический институт отвечает за процессы институционализации в обществе. Государственность — это не только территориальный, но прежде всего феномен ментального порядка. И во многом интеграционный потенциал современной Российской государственности обеспечивается с помощью механизмов дискурсивного конструирования социально-политической реальности. Реалистическая логика поведения политической элиты, обеспечивающая необходимую степень региональной институционализации, является важнейшим механизмом социально-политической интеграции многосоставного Российского общества.

Юрченко Н. Н. (Краснодар, КубГУ)

ИНСТИТУТЫ ИНТЕГРАЦИИ В ПОИСКАХ ЭФФЕКТИВНЫХ МОДЕЛЕЙ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ: УНИВЕРСИТЕТСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

Новые вызовы глобализации и цифровизации публичной сферы, непредсказуемость трансформаций мирового политического пространства и международных отношений на современном этапе приводят к повышению проницаемости социальных границ субъектов политики и корректировке культурных кодов. При этом «масштаб распространения полуинституционализированной власти» становится значительным, что находит своё отражение в сетевых политических практиках, и создаёт условия замещения в университетской среде «коммуникаций научных на коммуникации социальные»¹³³¹, локализуя гуманитарное знание в рамках конкретного национального сегмента. Подобная локализация в контексте рассмотрения современных трактовок национализма¹³³² воспринимается неоднозначно с точки зрения развития современной политики и культуры, поскольку в условиях мощной рыночной глобализации национальная принадлежность может обладать как интеграционным, так и дезинтеграционным потенциалом. Исследование современного общественного развития в условиях цифровизации, характеризуемого кризисными процессами, предполагает использование методов прогнозного социального проектирования в параметрах определения ценностно-гуманной составляющей проведения тех или иных преобразований и урегулирования возникающих конфликтов.

Интеграционный потенциал университетского образования может рассматриваться как основа развития человеческого капитала, когда индивидам и социальным группам необходимо постоянно генерировать продуктивные идеи и ответственную организационную активность, обеспечивающую согласование интересов и ценностей общества в направлении укрепления органической социальной солидарности. В современном обществе социально-политическое пространство переполнено информацией, нет проблем ее получении из различных источников, «обучение не информации, а практике мышления, и не практике мышления вообще, но такой практике мышления, которая способна достичь своих собственных, характерных только для нее заключений» становится основным конкурентным преимуществом. «И студенты нигде, кроме университета, не имеют таких благоприятных шансов понять, что значит мыслить...» политологически с помощью «языков», составляю-

¹³³⁰ Хаас Р. Мировой беспорядок. — М.: Издательство АТС, 2019. С. 18–19.

¹³³¹ Бурдьё П. *Nomo academicus* / пер. с фр. С. М. Гавриленко. М.: Изд-во Института Гайдара, 2018. С. 165, 127–129.

¹³³² Калхун К. Национализм / пер. с англ. А. Смирнова. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2006. 288 с.

щих «весь интеллектуальный капитал цивилизации»¹³³³. Единственной альтернативой насилию может быть только критический разум и свободный научный поиск. Одним из аспектов эпистемологического анализа социальных трансформаций в эпоху цифровизации должна быть конфликтологическая экспертиза социального поля политических коммуникаций. Социальное партнерство, доверительное сотрудничество как поистине гуманные цели и важнейшие средства эффективной экономической политики государства в реальной практике имеют множество препятствий, связанных с многосоставным, полиэтничным характером социальных отношений, конфликтом ценностей и интересов и преобладанием искаженной коммуникации во взаимодействии противоборствующих групп. Важным аспектом является выявление адаптационных ресурсов социальных групп к новым условиям информационного транспарентного общества с сетевыми механизмами коммуникации и кризисными факторами, дестабилизирующими социально-политическую сферу. Коммуникативное поле формируется в повседневных взаимодействиях когнитивного характера на основе социокультурных ориентиров, и прежде всего, сложившихся традиций, обычаев и языка. В ситуации конфликта важное значение имеет то, кто на себя принимает «роль интерпретатора, обращенного к жизненному миру»¹³³⁴, а в этой связи необходимо рассмотреть аспекты социального доверия. Эта тема весьма специфична и малоизучена с точки зрения консенсусного и конфликтного, конструктивного и деструктивного содержания социальных коммуникаций в политическом пространстве современного общества. Данное понятие исследователями рассматривается как «обобщенное ожидание в отношении отдельных индивидов, их групп и общества в целом», по поводу того, что их поведение и деятельность будут соответствовать некоторому уровню взаимопонимания и сотрудничества¹³³⁵. В контексте довольно высокого уровня конфликтности и социальной напряженности в условиях цифровизации публичного пространства изучение проблем доверия имеет большое научное и практическое значение, особенно для исследования полиэтничной социальной среды, когда возникает опасность системного институционального кризиса (включающего кризис доверия, кризис легитимности, кризис управляемости, кризис идентичности). При этом синергично-информационные процессы в поле политики и журналистики требуют учета редукции смыслов, которые проявляются в неоднозначных трактовках. Комплексный подход к анализу коммуникативного поля в условиях усиления деструктивных тенденций в информационном пространстве и социальных сетях предполагает использование научных методов исследования интерактивных взаимодействий и процессов группообразования, а также их последующая институционализация.

Юшков И. В. (Москва, Финансовый университет при Правительстве)

Влияние санкций США на энергетическую политику РФ¹³³⁶

Энергетическое сотрудничество является крайне важным аспектом международного взаимодействия еще с начала XX в.; значимая роль нефтегазового фактора в мировой и региональной политике в последние десятилетия заметно усиливается. Это связано с одной стороны с дефицитным характером энергоресурсов, с другой стороны с возрастающей конкуренцией среди поставщиков, что в свою очередь определяется развитием инфраструктуры, делающей энергорынки глобальными.

Тезис о приверженности России к позиции либерального рынка энергоресурсов основывается на высокой конкурентоспособности. Так как «Газпром» выигрывает конкуренцию на европейском рынке газа, он выступает против создания каких-либо искусственных преференций для кого-либо из участников, поскольку при единых правилах он может расширять свою долю на рынке. Этот тезис подтверждается данными и доли «Газпрома» на европейском рынке газа и в структуре импорта газа в страны региона.

Таблица 1.

Присутствие ПАО «Газпром» на европейском рынке (%)

	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017
Доля газа «Газпрома» в объеме потребления газа в Европе	23	27	26	30	30	31	33	34
Доля газа «Газпрома» в объеме импорта газа в Европу	50	55	56	64	66	66	66	н. д.

¹³³³ Оукшот М. Преподавание в университете предмета политики: очерк об уместности // Оукшот М. Рационализм в политике и другие статьи. М.: Идея-Пресс, 2002. С. 227–228.

¹³³⁴ Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб.: Наука, 2000. С. 32.

¹³³⁵ Антоненко И. В. Социально-психологическая концепция доверия. М.: Наука, 2006. С. 58.

¹³³⁶ Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ «Лоббизм и санкции США и ЕС: сравнительный анализ» № 17-37-01001-ОГН, 2017–2019.

Таблица 2.

Оценка изменения положения студенческой молодежи Крыма после 16 марта 2014 года по настоящее время? (ответ давался по каждой строке, 0–5 — предпочтение утверждения слева, 6–10 — предпочтение утверждения справа, в % к ответившим)

	сумма значений выбранных ответов от «0» до «5» 2017/2018 гг.	сумма значений выбранных ответов от «6» до «10» 2017/2018 гг.	
Стало меньше возможностей для поступления в российские вузы по всей стране	20,5/25	79,5/75	Расширились возможности поступления в российские вузы по всей стране
Понижилось качество образовательного процесса	37/36	63/64	Повысилось качество образовательного процесса
Уменьшилось социальное обеспечение студенчества	47/45	53/55	Увеличилось социальное обеспечение студенчества

Источник: ПАО «Газпром»¹³³⁷

Ценовой фактор позволил «Газпрому» последние три года наращивать объемы поставок газа в Европу, а в 2016 и 2017 г. были поставлены исторические рекорды по данному показателю. После падения цен на нефть в 2014–2015 гг. понизилась и стоимость российского газа.

Таблица 2.

Объем поставок и цена углеводородов

	2012	2013	2014	2015	2016	2017
Средняя цена реализации газа «Газпромом» в дальнее зарубежье, \$ за тыс. куб. м.	385,1	380,5	349,4	245,6	176	200,2
Среднегодовая цена нефти сорта Brent, \$ за баррель	111,67	108,66	98,95	52,39	43,73	64,19
Объем поставок газа	139,9	162,7	147,6	159,4	179,3	194,4

Источник: ПАО «Газпром»¹³³⁸ [3]

В виде СПГ в Европу приходит около 13% импортируемого газа. Сжиженный газ не выдерживает конкуренции с российским трубопроводным газом, и при наличии альтернативных рынков сбыта направляется туда.

Подобное положение дел, когда «Газпром» наращивает свою долю на европейском рынке газа за счет экономической привлекательности для клиентов, западные страны стремятся вмешаться в ситуацию на рынке.

Поставки СПГ из США в Европу являются примером попыток государственного вмешательства на энергетические рынки. В США нет государственных компаний, которым власти могли указывать направление экспорта. Кроме того, собственник терминала Cheniere компания Sabine Pass продает газ трейдерам (Gas Natural Fenosa, KOGAS, Shell) на заводе, а те уже ищут покупателя, исходя из желания получить максимальную прибыль от каждой поставки. В итоге направление экспорта сильно зависит от конъюнктуры на рынке.

США рассчитывают наращивать экспорт СПГ и стать крупнейшим поставщиком сжиженного газа на мировой рынок. В настоящее время в Минэнерго США компании подали заявки на получение лицензий на экспорт СПГ суммарной мощностью заводов около 383 млн. т. в год¹³³⁹. Но при существующем положении дел на рынках этот объем останется невостребованным. С одной стороны, этот газ некуда будет пристроить, с другой — многие проекты будут просто нерентабельны.

Для поддержки американских производителей газа власти США стремятся расчистить им рынок от конкурентов, в частности, ударить по позициям «Газпрома» в Европе. Фактически об этом открыто заявлено в американском документе S. 1221 — Countering Russian Influence in Europe and Eurasia Act of 2017: 115th Congress (2017–2018)¹³⁴⁰. В частности, там сказано, что США продолжают выступать против «Северного потока-2». Однако в следующем пункте написано, что Вашингтон будет это делать для того, чтобы развивать экспорт энергоресурсов из США, что позволит создать новые рабочие места на американской территории.

¹³³⁷ Пресс-конференция 07 июня 2018 г. Экспорт и повышение надежности поставок газа в Европу. URL: [http://www.gazprom.ru/f/posts/86/062008/presentation_07062018_ru_\(2\).pdf](http://www.gazprom.ru/f/posts/86/062008/presentation_07062018_ru_(2).pdf) (дата обращения 06.08.2019).

¹³³⁸ Там же.

¹³³⁹ Summary of LNG Export Applications of the Lower 48 States OFFICE of FOSSIL ENERGY USA. URL: <https://www.energy.gov/fe/downloads/summary-lng-export-applications-lower-48-states> (дата обращения 06.08.2019).

¹³⁴⁰ H. R. 3364: Countering America's Adversaries Through Sanctions Act URL: <https://www.govtrack.us/congress/bills/115/hr3364/text> (дата обращения 06.08.2019).

Таким образом, можно сказать, что суть всех нападков на «Северный поток-2» заключается в желании США сократить долю российского газа на европейском газовом рынке, что приведет к дефициту и повышению цен. Тем самым Вашингтон создаст благоприятные условия для развития поставок СПГ со своей территории на европейский рынок. Именно создание условий — наиболее действенный инструмент для продвижения американского СПГ на европейском рынке, так как «Газпром», как показывает практика последних лет, выигрывает ценовую конкуренцию.

Ягодка Н. Н. (Москва, РУДН)

ОСОБЕННОСТИ ВЛИЯНИЯ РЕЛИГИОЗНЫХ ИНСТИТУТОВ НА РАЗВИТИЕ СОЦИАЛЬНЫХ ИНИЦИАТИВ В РОССИИ¹³⁴¹

За последние годы в Российской Федерации накопился опыт положительного сотрудничества представителей гражданского общества и власти при решении актуальных вопросов в социальной сфере (социальная поддержка населения, борьба с безработицей, работа с молодежью, помощь социально уязвимым слоям населения и др.). Наряду с государством, религиозные институты все активнее вовлекаются в решение социальных вопросов, иницируя новые или поддерживая уже существующие социальные инициативы.

Говоря о религиозных институтах, необходимо отметить роль Русской православной церкви (РПЦ) во взаимодействии с социальными инициативами граждан. Сегодня РПЦ является важным общественным институтом, решающим широкий спектр социальных вопросов: от нравственного воспитания и духовного просвещения граждан до ключевых проблем в сфере социальной поддержки и помощи населению. Важность РПЦ и ее авторитет в общественно-политической жизни страны нельзя недооценивать. Обладая таким ценным ресурсом, как общественное доверие, РПЦ является надежным партнером государства и гражданского общества в решении социальных проблем. Кроме того, церковь имеет возможность выступать в роли медиатора при взаимодействии гражданского общества и государства, а также способствовать их эффективному диалогу по актуальным вопросам социально-политической повестки дня.

Православные инициативы в социальной сфере, осуществляемые монастырями, приходами, общественно-религиозными организациями выполняют следующие формы деятельности: обеспечение питанием людей без определенного места жительства, посещение детских домов, раздача собранной в приходе гуманитарной помощи, занятия с детьми, помощь в домах престарелых и др. Социальная деятельность, восстановление храмов и иная совместная деятельность сплачивают людей, становясь основой их самоорганизации.

Синодальный отдел по благотворительности РПЦ ежегодно проводит курс дистанционного обучения церковному социальному служению «Организация и управление социальными проектами на приходах и в НКО», который направлен на развитие социальной инициативы религиозных служащих как в России, так и за рубежом. В 2019 году курс успешно завершили 323 человека из 89 епархий России, Беларуси, Казахстана, Литвы, Эстонии, Киргизии, Украины, Таиланда и Испании. По итогам обучения слушатели курса запустили 224 социальных проекта при своих приходских храмах¹³⁴².

РПЦ осуществляет деятельность по поддержке гражданских и социальных инициатив в рамках международного открытого грантового конкурса «Православная инициатива», который проводится с 2005 года. Главной целью конкурса является поддержка гражданской и социальной инициативы в обществе, поощрение творчески активных людей к практической и созидательной деятельности, направленной на общее благо, сохранение и укрепление культурно-нравственных традиций. В 2018–2019 гг. победителями конкурса стали 255 проектов из 77 субъектов Российской Федерации, а также 14 стран ближнего и дальнего зарубежья. Сумма грантового фонда конкурса составила 115 млн руб¹³⁴³. Составителями проектов являются: государственные и муниципальные учреждения, негосударственные некоммерческие организации, православные религиозные организации, коммерческие организации (без извлечения прибыли).

Несмотря на весьма авторитетную роль РПЦ в диалоге между государством и гражданским обществом, представители других конфессий (ислам, иудаизм, буддизм и др.) также оказывают значимую роль на процесс развития гражданских и социальных институтов, а также многочисленных инициатив гражданского общества.

¹³⁴¹ Подготовлено при поддержке гранта РФФИ, проект № 19-011-31713 «Религия в современной России: от социальной роли к политическим смыслам».

¹³⁴² 224 прихода Московского Патриархата начали развивать новые социальные инициативы [Электронный ресурс]. URL: <http://www.diaconia.ru/224-prikhoda-russkoj-pravoslavnoj-cerkvi-nachali-razvivat-novye-socialnye-iniciativy> (дата обращения 3.08.2019).

¹³⁴³ Международный открытый грантовый конкурс «Православная инициатива» [Электронный ресурс]. URL: <http://pravkonkurs.ru/> (дата обращения 3.08.2019).

Мусульманское духовенство, в частности, активно помогает государству в социальной адаптации мигрантов и вынужденных переселенцев. В связи с проблемами миграции и процессами адаптации иностранных граждан появились и действуют такие институты, как: Общественный совет при ФМС, общественно-консультативные советы при УФМС субъектов РФ, Общественный совет при МВД, при ФСБ и др.

Религиозный фактор оказывает значительное влияние на развитие форм гражданской и социальной активности на современном этапе развития российской социально-политической системы. Традиционные конфессии, обладая такими важнейшими ресурсами, как общественное доверие, развитая инфраструктура, широкое представительство в регионах, способны внести весомый вклад в улучшение социальной обстановки посредством дальнейшей поддержки социальных инициатив на местах и налаживания новых форматов взаимодействия с государством, коммерческим и некоммерческим секторами.

Яковлева А. Ф., Емельянова Н. Н. (Москва, МГУ имени М. В. Ломоносова, ГАУГН)

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ МОЛОДЕЖИ О СОВРЕМЕННОМ СОСТОЯНИИ РАЗВИТИЯ СФЕРЫ НАУКИ В РОССИИ: СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Первый год нового политического цикла в современной России характеризуется принятием ряда важнейших политических решений в отношении сферы науки: принятие паспорта Национального проекта «Наука», формирование сети Научно-образовательных центров, научных центров мирового уровня по приоритетам Стратегии научно-технологического развития России (СНТР), обсуждение будущего закона «О науке» и т. д.

Наблюдаются две тенденции: с одной стороны, активное реформирование научной сферы и одновременная популяризация науки среди населения, с другой — фрагментированные представления самих ученых, в том числе молодых, о приоритетах и политических решениях в этой сфере, как на федеральном, так и на региональном уровнях.

Следует отметить несколько социологических исследований срезов молодых ученых 2000-х и 2010-х гг., проведенных в разное время под эгидой и при поддержке СО РАН, Совета молодых ученых РАН, Координационного совета по делам молодежи в научной и образовательной сферах Совета при Президенте Российской Федерации по науке и образованию и Российского союза молодых ученых¹³⁴⁴. Результаты этих опросов позволяют сделать вывод о том, что молодежь в науке с удовольствием занималась бы именно профессиональной деятельностью, не погружаясь в причинно-следственные связи социально-политических процессов, влияющих на государственное управление научной деятельностью, но владея при этом максимально полной информацией о принимаемых решениях.

В новом опросе, проведенном в апреле-мае 2019 г., приняли участие молодые социогуманитарии, что важно, т. к. большинство проводимых ранее опросов, в первую очередь, основывались на выборке из представителей естественнонаучной среды. В опросе мы сосредоточились на самой молодой когорте представителей социогуманитарной сферы: студентах и аспирантах ведущих вузов количеством 166 человек в возрасте 18–35 лет из Москвы, Томска, Новосибирска, Нижнего Новгорода, Саратова, Казани и других крупных образовательных центров. Большинство респондентов на момент исследования являлись студентами, 15,7% — магистрантами, 10,8% — аспирантами. Почти половина участников исследования (45,1%), которые на момент опроса не были аспирантами, планируют поступать в аспирантуру. Для большинства (59,7%) сфера науки является привлекательной для работы. Это позволяет нам с известной долей допущения обозначить всех респондентов как молодых ученых.

Методология исследования включала в себя формализованные интервью и метод неоконченных предложений. Материалы интервью были подвергнуты количественной обработке и качественному анализу. В соответствии с политико-психологическим подходом¹³⁴⁵ рассматривалось содержание представлений молодых ученых о науке, определялись их когнитивная сложность и эмоциональный знак. Интересны несколько выводов по итогам проведенного опроса.

1. В целом, представления молодых ученых о науке достаточно шаблонные с низким уровнем когнитивной сложности и нейтральным эмоциональным знаком. В то же время около четверти молодых ученых акцентируют внимание на преобразовательном характере науки, определяют ее как двигатель прогресса и условие развития общества и современных государств.

¹³⁴⁴ Результаты исследований частично опубликованы. См.: <https://indicator.ru/engineering-science/bolshie-nadezhdy.htm>; <http://rosmu.ru/activity/events/1445.html>; <http://www.sib-science.info/ru/news/ne-izmenitsya-03122018>.

¹³⁴⁵ Селезнева А. В. Методология исследования политических представлений и ценностей // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2011. № 2. С. 42–53.

2. Наука, инновации и технологии, по мнению респондентов, — понятия разные, хотя близкие и связанные между собой, только 7,4% опрошенных считают эти слова синонимами. При этом ключевые нормативные документы в научной сфере молодым людям практически неизвестны: (42,9% наших респондентов слышали о СНТР, но не читали, а 33,5% даже не слышали и не представляют, что это такое, как и Нацпроект «Наука»).

3. Молодые ученые пользуются ресурсами Интернета для поиска информации о научных достижениях, 19,4% делают это постоянно, хотя по-разному оценивают степень достоверности получаемой информации. Молодые ученые также имеют представление, что такое популяризация науки: 46,5% наших респондентов знают это хорошо, 42,1% — в общих чертах.

Стремление на государственном уровне включить отечественные научные достижения в глобальный контекст, очевидно, все в большей степени определяет политическую повестку современной России. Эта установка одновременно формирует значимые возможности для научного сообщества по взаимодействию с государством в области выстраивания новых моделей научной политики, предполагающих системную работу с целеполаганием и ценностями перспективных молодых людей, готовых связать свой профессиональный и жизненный путь с научной сферой.

Ямалова Э.Н. (Уфа, БашГУ)

КОНЦЕПТЫ НАЦИОНАЛЬНЫХ МОДЕЛЕЙ ДЕМОКРАТИИ

Категория демократии в современной политической науке остается понятием крайне дискуссионным. Ученые и мыслители в разные исторические эпохи использовали концепт демократии исходя из специфических исследовательских задач. Одним из основных направлений в рамках этой дискуссии являются концепты национальных моделей демократии, утверждающие, что либеральная модель слишком универсальна и игнорирует цивилизационно-культурные факторы каждого конкретного общества.

Особенности исторического развития, религия, культура, специфика национального менталитета, своеобразие политической культуры и традиций общества — все эти факторы не должны игнорироваться при анализе конкретных форм демократического устройства, которые становятся нормативными ориентирами для того или иного государства. Сторонники национальных моделей демократии утверждают, что в рамках специфических культурных контекстов либеральная демократия не только не может считаться единственной из возможных типов демократического устройства общества, но с учетом этих факторов может вообще быть нерелевантным проектом для практического воплощения¹³⁴⁶. Культурные ограничители в ряде обществ настолько сильны, что делают воплощение либеральной модели демократии попросту невозможным¹³⁴⁷. Это связано с тем, что некоторые из норм и институтов либеральной демократии входят в противоречие с традиционными ценностями обществ. Это означает, что реализация принципов либеральной модели демократии требует отказа от фундаментальных ценностей обществ, составляющих их стержневой фундамент культуры. Очевидно, что данная коллизия является крайне конфликтной сама по себе, а потому реализация классической либеральной модели оказывается практически невозможной¹³⁴⁸.

Более того, представители национальных моделей демократии указывают, что реализация либеральной модели демократии в обществах с иными культурными традициями и цивилизационно-культурным кодом может быть крайне опасной с точки зрения сохранения социально-политической стабильности¹³⁴⁹. Формирование основ либеральной демократии при поддержке внешних политических сил и доноров часто становится причиной экономических кризисов, внешнеполитического обострения и начала затяжных гражданских войн. Последствием этих событий становится отнюдь не построение какой-либо модели демократии, а, напротив, дестабилизация, общественный хаос и усиление авторитарных тенденций¹³⁵⁰.

¹³⁴⁶ Гайко О.С. Современное государство и кризис либеральной модели демократии // Социосфера. 2013. №1. С. 186–190.

¹³⁴⁷ Бачинин В.А. Христианство — Демократия — Контрдемократия (российская модель взаимоотношений) // Личность. Культура. Общество. 2008. №3–4. С. 87–96.

¹³⁴⁸ Галкина Е.В. Демократия и гражданское общество: поиск оптимальных моделей и путей развития // Власть. 2009. №4. С. 42–45; Шлыков П.В. Турецкая модель гражданского общества: в поисках компромисса между секуляризмом, исламом и демократией // Ислам на Ближнем и Среднем Востоке. 2011. №6. С. 221–241.

¹³⁴⁹ Баранов С.В. Демократия безопасности: концептуальная модель // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. 2014. №8. С. 73–79.

¹³⁵⁰ Тирских М.Г. Авторитарная демократия: опыт конструирования демократических моделей // Сибирский юридический вестник. 2009. №1. С. 27–35; Новикова О.Н. Роль внешнего фактора в процессах государственного строительства и демократизации в Афганистане // Актуальные проблемы Европы. 2012. №3. С. 163–189.

Еще одной линией критики либеральной модели демократии в рамках этой дискуссии стала точка зрения неомарксистов и представителей школы новых левых, которые сегодня являются одними из наиболее последовательных критиков либеральной модели демократии. Яркий представитель данного направления — А. Каллиникос, работы которого демонстрируют типичные аргументы критики либерализма на основе марксизма. В своих работах ученый утверждает, что модель либеральной демократии оказалась несостоятельной, поскольку не смогла на практике реализовать основные свои постулаты, связанные с политическим участием и контролем за правительством со стороны общества. Так, современные реалии в западных странах демонстрируют политическую апатию и пассивность большинства избирателей, когда большая часть граждан игнорирует голосование на выборах. Кроме того, во всем мире наблюдается рост влияния корпоративных и финансовых структур, которые оказывают влияние на правительства стран больше, чем избиратели¹³⁵¹. Таким образом, неизбираемые и неподотчетные центры власти замещают демократические институты, ликвидируя основополагающие принципы демократии. Это позволяет левым мыслителям делать вывод, что развитие капитализма, связанного с процессами глобализации и ростом влияния транснациональных корпораций, является главной угрозой современной демократии.

Ярина М. С. (Москва, МГУ им. М. В. Ломоносова)

РОССИЙСКИЙ СПОРТ КАК ИНСТРУМЕНТ ФОРМИРОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО ИМИДЖА СТРАНЫ В СОВРЕМЕННЫХ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ УСЛОВИЯХ

В современных условиях политический имидж страны становится неотъемлемой частью в формировании политического позиционирования государства как на международной арене, так и внутри страны, оказывая воздействие на сознание граждан и их политическую идентификацию. Политический имидж страны можно рассматривать как инструмент управления общественным мнением и легитимации действующей власти. В этом смысле достижения тех людей, кто представляет спорт высших достижений, а также спортивные институты, представляющие страну на международной арене, играют важнейшую роль как в продвижении положительного имиджа российского государства на международной арене, так и в формировании гражданской культуры населения. Фактически речь идет об одном из эффективных каналов так называемой «мягкой силы» влияния.

Ранее и в настоящее время у России явно прослеживаются тенденции к завоеванию лидерства на мировой спортивной арене, подпитываемые историей и победами советского спорта. Благодаря этому страна может получить дополнительные возможности для продвижения своих ценностей и традиций на внешнеполитической и внутривнутриполитической аренах, укрепления своего авторитета и влияния, пробуждения у населения патриотических настроений. В последние годы этому способствовало проведение в России ряда крупных соревнований, таких как XXII Олимпийские зимние игры 2014 года в г. Сочи, Чемпионат мира по футболу 2018 года и др. Проведение этих соревнований позволило познакомить международную общественность с национальными особенностями страны, ее территориальным устройством, 11 регионами Российской Федерации и в целом сформировать более точные представления о современной России. Использование на этих спортивных мероприятиях новых технических и информационных технологий, демонстрация достоинств человеческого капитала россиян призваны укрепить позитивный имидж страны и отечественного спорта¹³⁵². На наш взгляд, Россия показала миру свой стратегический размах, амбициозность и новый стиль государственного мышления.

Необходимо признать, что Россия не смогла в полной мере воспользоваться положительными результатами проведения этих спортивных соревнований. Допинговые скандалы, эскалация конфликта в соседней Украине, недружественные действия со стороны отдельных лиц в международных спортивных организациях спровоцировали мощное институциональное и медиа-давление на Россию и отечественные структуры управления спортом.

Такого рода процессы наглядно демонстрируют, что российскому спорту приходится выдерживать мощное политическое давление со стороны ряда зарубежных стран и СМИ, использующих международные институты и скандалы в мировом спортивном сообществе не просто для компрометации отечественных спортсменов и спортивных институтов, но России в целом. Российский спорт фактически стал объектом политического противоборства, имеющего явные геополитические очертания. Другими словами, борьба, направленная на снижение репутации российского спорта становится инструментом стратегического перепозиционирования России, ограничения возможностей ее влияния на международной арене. В этих условиях перед российскими структурами управления спортом стоят острые, злободневные задачи, предполагающие как исправление ошибок,

¹³⁵¹ Каллиникос А. Антикапиталистический манифест. М., 2005. С. 109.

¹³⁵² «Выигрывают все»: как чемпионат мира по футболу продемонстрировал рост дипломатического влияния Москвы. URL: <https://russian.rt.com/sport/article/536573-putin-championat-diplomatiya-futbol> (дата обращения 17.08.2019).

допущенных отдельными руководителями, так и продвижение положительного образа отечественного спорта на мировой арене. Эти задачи включают в себя и помощь спортивных федераций в отстаивании нашими спортсменами своего честного имени.

Политический ребрендинг отечественного спорта — это многогранная и сложная работа, которую необходимо проводить, несмотря на сложности геополитического позиционирования страны в современных условиях и активизацию недобросовестной конкуренции со стороны ряда зарубежных государств и международных институтов. Такие задачи диктуются высоким уровнем политизации спортивной сферы, где успехи и поражения оказывают существенное влияние на репутацию национальных символов и ценностей. Для нашей страны это имеет особое значение, ибо спорт опережающими темпами формирует сегодня модель современного, прогрессивного и успешного развития российского государства и общества.

Существенным фактором повышения репутационного капитала отечественного спорта должны стать борьба против любых форм деформации спортивных соревновательных принципов и укрепление позитивных норм миролюбия в отношениях между народами и государствами. Спортивные контакты могут стать эффективным инструментом народной дипломатии, развития добрососедских контактов и оздоровления международного климата в условиях современных геополитических конфликтов.

Ярмак О. В., Шкайдерова Т. В., Страшко Е. В. (Севастополь, СевГУ)

ОЦЕНКА МОЛОДЕЖЬЮ ИНФРАСТРУКТУРНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ КРЫМА: РЕЗУЛЬТАТЫ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО МОНИТОРИНГА

Исследование оценки региональных проблем и инфраструктурных изменений в сознании молодежи Крыма и Севастополя, проводимое при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 17-06-00440/19 «Межнациональное и межрелигиозное согласие в студенческой среде Крыма и Севастополя: мониторинг и анализ уровня развития», является крайне актуальным в связи с интеграционными процессами, происходящими на полуострове. Оценивая региональные изменения на полуострове, произошедшие в Крыму с момента референдума по сегодняшний день, наша молодежь отметила повышение уровня безопасности, эффективную динамику развития социальной инфраструктуры и экономики, наблюдаются позитивные сдвиги в сфере межнациональных и межконфессиональных отношений (табл. 1).

Таблица 1.

**Позиция об изменениях, которые произошли в Крыму с 16 марта 2014 года по настоящее время
(ответ давался по каждой строке, 0–5 — предпочтение утверждения слева,
6–10 — предпочтение утверждения справа, в % к ответившим)**

	сумма значений выбранных ответов от «0» до «5» 2017/2018 гг.	сумма значений выбранных ответов от «6» до «10» 2017/2018 гг.	
Порядка стало меньше, понижился уровень безопасности	28/36	72/64	Порядка стало больше, повысился уровень безопасности
Экономика Крыма стала менее стабильной	60/58	40/42	Экономика Крыма стала более стабильной
Социальная инфраструктура стала менее динамично развиваться	36/38	64/62	Социальная инфраструктура стала более динамично развиваться
Межнациональные и межконфессиональные отношения стали более напряженными	62/59	38/41	Межнациональные и межконфессиональные отношения стали менее напряженными

Было важно получить не только оценку молодежью социальных, экономических, межнациональных изменений на полуострове, но и то, как они затронули саму молодежь, как она оценивает события пятилетней давности. Было предложено оценить, как изменилось положение студенческой молодежи Крыма за период с 16 марта 2014 года по настоящее время (табл. 2).

Среди изменений, затронувших студенчество Крыма и Севастополя, в первую очередь, молодые люди отметили расширение образовательных возможностей: о доступности поступления в российские вузы сказали

более 70% респондентов. 60% опрошенных заявило о повышении качества образовательного процесса, более половины отметили увеличение социального обеспечения студенчества.

Оценивая приоритетные задачи, стоящие сегодня перед Крымом, крымские и, в том числе, сева­стопольские студенты говорили о повышении уровня качества жизни населения (73%), решении инфраструктурных вопросов (62%) и проблемы транспортного сообщения с материком (59%). Во вторую по значимости группу задач можно отнести проблему привлечения инвестиций на полуостров (39%), развитие бизнеса (26%) и предотвращение межнациональных конфликтов (22%). Надо отметить, что запуск автомобильной части Крымского моста, строительство Симферопольской и Балаклавской ТЭЦ, открытие нового терминала международного аэропорта «Симферополь», ряда объектов социальной сферы, строительство которых осуществляется по федеральной целевой программе, нашло отражение и в сознании молодежи. Так, в 2018 году 54% опрошенных молодых людей говорили об актуальности решения инфраструктурных проблем, тогда как в 2017 году таких было 62%. Транспортное сообщение с материковой Россией в 2017 году волновало 59%, а в 2018 году их стало 48% (рис. 1).

Какие приоритетные задачи стоят перед Крымом сегодня?
(отмечалось не более трех вариантов ответа, в % к числу ответивших)

Рис. 1. Оценка приоритетных задач, стоящих сегодня перед Крымом (отмечалось не более трех вариантов ответа, в % к числу ответивших)

Полученная оценка молодежью региональных проблем, присутствующих на полуострове, говорит об их позитивной инфраструктурной динамике, которую сейчас можно наблюдать в Республике Крым и Севастополе. Удовлетворённость открывшимися после 2014 года образовательными возможностями, в том числе «социальными лифтами», социальной обеспеченностью способствуют у крымской молодежи позитивному восприятию нового для нее государства, что влияет на формирование образа России в молодежном сознании как страны с возможностями социального продвижения и профессионального роста.

Ях А. (Краков, Польша, Ягеллонский университет в Кракове)

ПРАВОВЫЕ И ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ ОСНОВЫ ОРГАНИЗАЦИИ НЕГОСУДАРСТВЕННОГО НЕКОММЕРЧЕСКОГО СЕКТОРА

Неправительственный некоммерческий сектор в России составляет структуру, которая в номенклатуре российского государства функционирует под следующими понятиями, как *общественное объединение, некоммерческая организация, неправительственная организация* или *общественная организация*. Но, пожалуй самым очень популярным в российской действительности и непосредственно относящимся к третьему сектору — гражданское общество. Важное значение, принимая во внимание функционирование неправительственного некоммерческого сектора, имеют также базовые значения, определения, указывающие лица, уполномоченные к учреждению и управлению организациями гражданского общества, включая неправительственные организации (физическое лицо, юридическое лицо и Российская Федерация). Именно это позволяет с *правовой точки зрения* различать общественные объединения и некоммерческие организации. Данное, продиктовано различием восприятия децидентами функций и задач общественных организаций. При этом необходимо подчеркнуть, что доминирующей чертой материально-правовой базы Российской Федерации является ее огромное расслоение. На это повлияли особенности законодательства, касающегося общественных организаций. Прежде всего следующие: множественность и сложность неформальных и формальных форм организаций с разными целями, активами неизвестного происхождения, профилей и сфер деятельности, разнообразно-

стью декларируемых и предоставляемых услуг. Российская власть провела следующие различия между учредителями организаций некоммерческого сектора, принимая во внимание приведенную выше классификацию, используя факт того, что зачастую эти структуры не только находились вне контроля со стороны децидентов, но и действуют на границе закона или просто обходят его. Данное решение властей должно было организовать социальный сектор главным образом с точки зрения учредителей и целей деятельности, что должно было найти свое выражение в развитии единой правовой системы. Однако, оказалось, что, хотя законодатель был частично удовлетворен достигнутым результатом, на практике, тем не менее, происходило дальнейшее расслоение. Проблемным оказалось также применять классификацию организаций, действующих на территории РФ на субъекты коммерческие и некоммерческие.

Правовой базой, регулирующей деятельность организаций, являются: Гражданский кодекс Российской Федерации 1994 года, но в редакции 2018 года, Федеральный закон «Об общественных объединениях» с 1995 года в редакции 2017 года, Федеральный закон «О некоммерческих организациях» 1996 года в редакции 2018.

Для анализа российского законодательства с точки зрения правовых и организационных форм, правил учреждения, деятельности и функционирования, а также контроля и надзора, как и порядка ликвидаций организаций третьего сектора, автор выбрала основные группы, которые позволят провести их детальную проверку. Это позволило сгруппировать их по следующим категориям: во-первых, по дефиниционным и право-организационным формам; во-вторых, по сотрудничеству между социальным сектором и государственным сектором; в-третьих, по имущественным вопросам; в-четвертых, по процедурам их финансирования и в-пятых, по налоговым льготам.

Характерными элементами, для российского некоммерческого сектора, являются черты как общие, так и отличительные. К общим чертам принадлежат такие принципы как: **некоммерческая, добровольная и самоуправляемая** организация, независимо от принятой организационно-правовой формы. В свою очередь, организации разделяются с точки зрения **учредителей и форм участия (членства)**. Это различие необходимо, чтобы подчеркнуть, что в существующем правовом хаосе в области законодательства, гарантирующего реализацию конституционных прав граждан на объединение, закрепленного в Конституции Российской Федерации, они являются определяющими для классификации организаций некоммерческого сектора.

Особенностью российского законодательства, касающегося некоммерческого сектора и его функционирования в современной России, является тот факт, что объектом проверки являются неупорядоченные, непоследовательные и часто дублируемые правовые нормы. Несомненно, что в случае российского законодательства, касающегося российского третьего сектора, существует правовой хаос, о котором осведомлены как дециденты, так и сами юристы, однако, имея дело с таким большим расслоением и раздробленностью некоммерческого сектора, неправительственных организаций они вынуждены совершать постоянную адаптацию законов, учитывая изменяющуюся политическую ситуацию. Решающей предпосылкой к принятию автором вышеизложенной позиции, являются, содержащиеся в конкретных правовых актах, область, определяющие обсуждаемую организационную и правовую форму, а также подробный процесс ее функционирования. Кроме того, следует добавить, что во всех перечисленных типах организаций конкретизирующую и уточняющую функцию выполняют другие подробные кодексы, федеральные законы, постановления правительства и отдельных министерств Российской Федерации, а также отдельных субъектов Российской Федерации и местных органов власти, включая муниципальные и местные органы власти.

Ячменник К. В. (Краснодар, КубГУ)

ГРАЖДАНСКИЕ ОНЛАЙН-КОММУНИКАЦИИ В РАЗВИТИИ МЕСТНЫХ СООБЩЕСТВ

В последние несколько лет в общественном и политическом дискурсе все чаще поднимается проблема использования ресурсов местных сообществ и локальных территорий. С развитием информационных технологий и переходом основных сфер жизнедеятельности человека в онлайн-пространство наиболее актуальным становится вопрос развития местных сообществ в условиях дефицита ресурсов.

Местное сообщество рассматривается как совокупность людей, объединенных устойчивыми формальными и неформальными связями, которые обусловлены совместным проживанием и деятельностью в пределах общей территории¹³⁵³. Развитие местных сообществ может происходить в двух направлениях: экзоген-

¹³⁵³ Лыска А. Г. Концепция строительства местного сообщества в работах зарубежных ученых // Социологические исследования. 2013. № 7. С. 99.

ное и эндогенное. Экзогенное развитие предполагает, что местное сообщество инициируется, обеспечивается, управляется без участия самих членов сообщества, рассматриваемых как объект управленческого воздействия, а деятельность органов власти направлена на получение внешних ресурсов. При эндогенном развитии реализуется стратегия непрерывного улучшения условий жизни усилиями самих членов сообщества, взаимодействие органов власти и местного сообщества основывается на партнерских отношениях.

Гражданские коммуникации можно определить как форму коллективных практик граждан, проживающих на определенной территории, направленную на решение определенного вопроса или проблемы, представляющей важное значение для общества. Гражданские коммуникации необходимо рассматривать не только как способ донесения позиции населения по определенному вопросу в органы власти, но и как форму общественно-го действия, направленную на решение проблемы, защиту и отстаивание своих гражданских прав. Участие, в основном, осуществляется на добровольной основе и на общественных началах. Отсутствие финансовой заинтересованности участников делает процесс выработки и принятия решение участниками более прозрачным и снижает коррупционную составляющую.

В последнее десятилетие Интернет стал пространством, где участники гражданских коммуникаций могут объединиться в единое сообщество. Интернет-сообщества возникают как неформальные социальные группы, имеющие интерес к определенному предмету, теме, проблеме, разделяющие общие взгляды и осуществляющие коммуникации посредством веб-технологий¹³⁵⁴. Участникам таких сообществ проще реализовать свои экспертные возможности на локальном уровне, а также решить какие-либо проблемы и задачи личного характера. Еще одной площадкой для гражданских коммуникаций выступают проектируемые органами местного самоуправления форумы. Они выступают как пространство для обсуждения «вечных» тем, так и ресурс для мобилизации в экстренных ситуациях.

Важное значение в процессе гражданских коммуникаций придается нематериальным ресурсам: человеческие (образование, профессия), социальные (социальные связи, сообщества по интересам), коммуникационные (обмен информацией), управленческие (формирование общественной повестки дня, репрезентация способов решения проблем), экономические (фандрайзинг, волонтерство). Каждый из участников может заявить о своих способностях, знаниях, умениях и реализовать их на благо всего сообщества.

Можно выделить несколько ярких примеров гражданских онлайн-коммуникаций. Так, с 2016 г. в Краснодаре ведет свою деятельность общественное движение «Помоги городу». Основные цели движения: повышение качества жизни в Краснодаре, спасение деревьев, архитектурного, ландшафтного и исторического облика, повышение репутации и привлекательности Краснодара. В настоящее время в официальной общедоступной группе Facebook состоит более 4000 участников. За время своего существования «Помоги городу» активно обсуждают на различных площадках проблемы городской застройки, стараются привлечь внимание общественности к проблеме городской культурной среды, привлекают представителей бизнеса к социальному предпринимательству.

В то же время фонд «Гражданский патруль» запустил новое мобильное приложение, которое позволяет подавать официальные жалобы в различные ведомства. Основное нововведение состоит в том, что программа сама генерирует обращение в правильной форме и подает его по нужному адресу от имени фонда. Главная задача приложения — упростить процедуру подачи жалоб для обычных людей. Ответы на жалобы находятся в открытом доступе. Жалобы в приложении подразделяются по темам: нарушения в сфере ЖКХ, незаконная торговля алкоголем и табачными изделиями, некачественные продукты, ямы на дорогах.

Гражданские онлайн-коммуникации способствуют улучшению системы социального, экономического и культурного обеспечения населения, а также повышению качества принимаемых чиновниками управленческих решений на локальном уровне, начинает формироваться общество активного гражданского участия, главной задачей которого является налаживание партнерских отношений с властью.

¹³⁵⁴ Попов К. Н. Сетевые форумы как инструмент саморганизации местных сообществ // Общественные науки и современность. 2018. № 2. С. 43.

ТЕЗИСЫ НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Anton Bebler (Slovenia, University of Ljubljana)

CONTEMPORARY INTERNATIONAL SANCTIONS AND THEIR EFFECTIVENESS

The most pertinent questions related to international sanctions are centered on their intended and unintended political, economic, social and other consequences in targeted states and in states executors. **The declared as well as undeclared objectives of trade, financial, transportation and other related sanctions have been always political. The true effectiveness of international sanctions could be determined exclusively on the basis of the objectively assessed political impact on policies of a target state or entity in correlation with their declared or suspected undeclared objectives.** Since the Second World War, USA has been the state, which most often imposed unilaterally and/or initiated wider international sanctions against other states.

The presented review of some notable US unilateral and of US — initiated economic and other non-coercive sanctions against small and middle-size states has shown their very low effectiveness in bringing desired political results. These sanctions caused a very considerable to huge economic, social and humanitarian damage on most population, but not on the elites of the targeted countries. However the non-coercive sanctions largely or fully failed to achieve their political objectives in Northern Korea, Cuba, Iran, Iraq and the Federal republic of Yugoslavia. In four cases the sanctions were accompanied or followed by US unilateral or by collective Western interventions which militarily succeeded thrice (in Iraq, FR of Yugoslavia and Libya) and failed once (Cuba).

It is more than obvious that Russia today is a radically different from the other targeted states mentioned above. Unlike on Crimea in 1855 raising the level of punitive Western anti-Russian measures to the use of military force against a nuclear superpower would be a sheer madness. A threat of using military force against Russia would be also utterly senseless. The application of US and wider Western sanctions will have thus to remain limited to non-coercive measures which have since 2014 much less affected Russia than other targeted countries mentioned above.

The continued application of anti-Russian economic sanctions by the European Union has been and remains irrational. In combination with the Russian counter-measures the EU sanctions have caused a notable damage to the economies of a dozen EU members without bringing any political gains. Although the official objective of the EU economic sanctions was stated politically neutrally and constructively their implementation has been politically biased and onesided. So implemented the EU sanctions have not contributed to achieving the political objective declared by the European Union — the implementation of the Minsk 2 agreement on Donbas. The unresolved Ukrainian conflict contradicts the geopolitical interests of the European Union. The continuation of the internal Ukrainian and of the Ukrainian-Russian interstate conflicts remains however in a rational geopolitical interest of USA inspite the fact that the Western sanctions have produced numerous side effects contrary to those intended or desired by the West. On the basis of the facts presented in the paper it is safe to expect that the US unilateral and US — initiated anti-Russian sanctions will prove to be politically ineffective.

Selected literature:

1. Gary C. Hufbauer, Jeffrey I. Schrott, Kimberly A. Elliott, *Economic Sanctions Reconsidered*, 3rd ed. Peterson Institute for International Economics, Washington, DC, 2009.
2. Thomas Biersteker, Zuzana Hudakova, *Types of UN Targeted Sanctions and their Effectiveness: Research Note*, The Graduate Institute Geneva, 2014. Accessible via: http://www.hlr-unsanctions.org/UN_Targeted_Sanctions_and_Effectiveness.pdf
3. Charles Kacsur Jr. *Economic Sanctions Targeting Yugoslavia — An Effective National Security Strategy Component*, US Army war College, Carlisle, 2001.
4. Erica Moret, *Humanitarian impact of economic sanctions on Iran and Syria*, *European Security*, no. 1, pp. 120–135, 2015.
5. Erica Moret et. al. *The New Deterrent? International Sanctions Against Russia over the Ukraine Crisis*, Graduate Institute of International Relations, Geneva, 2016.
6. US Congress, *The Countering America's Adversaries Through Sanctions Act*, Washington D. C., August 2017.
7. Vladimir Morozov. *Sanctions against Russia*. Report of the Russian Council on International Affairs, Moscow, 2018.
8. J.N. Timofeev et al. *The politics of Sanctions: Objectives, Strategies, Instruments* (in Russian), Russian Council of International Affairs, Moscow, 2018.
9. N.A. Ekimova, *International Sanctions Against Russia: Implicit Benefits*, *Mir Novoi Ekonomiki*, no. 12, pp. 82–92, Moscow, 2018.

ON THE ADOPTION OF KNOWLEDGE AND INFORMATION-BASED APPROACHES FOR THE IMPLEMENTATION OF PUBLIC HEALTH POLICIES

This paper will discuss the possibility to adopt and implement knowledge and information-based approaches for the development of public health policies. Persons belonging to different layers of society have non-equal access to health services, and as a consequence of this they hold a non-uniform level of physical and mental health.¹³⁵⁵ Public health policies can address the health inequalities identifiable in a population, and can promote even access to medicine for the purpose of increasing the collective health.¹³⁵⁶ Public policies that are based on evidence outperform public policies which are based on compromises of a political nature, and tend to lead to positive long-term results.¹³⁵⁷ Evidence alone is however worthless without an associated knowledge system for its interpretation and exploitation,¹³⁵⁸ and the question then arises as to how to build a system for the creation of public policies in the health sector which are, at the same time, based on data and theoretically sound.

In the paper we will argue that it is possible to develop Artificial Intelligence systems for the drafting of knowledge and information-based public policies in the health sector. To do this, we argue that there exist methods for the representation, in a machine-readable format, of the knowledge in the medical sector held by science.¹³⁵⁹ We additionally argue that the medical knowledge contained in the knowledge-bases of science can be compared with the data generated from a patient or group of patients,¹³⁶⁰ and that it is possible to construct recommendation systems for the development of health policies which are tailored on the individual patient, as opposed to a whole population, and which outperform state-level policies.¹³⁶¹ The question then arises, as to how to integrate personalised health policies in a political system which incorrectly presumes that one common health policy might exist which, if implemented, increases the health of all individual citizens.¹³⁶² The proposed solution is to move towards the idea that personalised policies generated by an artificial intelligence system can replace those generated by humans, and outperform them.

Kilani A., Al-Qteishat A. (Moscow, People's Friendship University of Russia)

THE STATE TRANSFORMATION OF PUTIN'S RUSSIA AND ITS NEOLIBERAL POLICIES

Although Russia is renowned to have worked as a testing field for the neoliberal shock therapy reorganizations in the early 1990s, in 2018, when Vladimir Putin's incessant supremacy neared its 20-year, Russia's policy rule seems to be an extremely different from the neoliberal convention. The government is the hegemon, nevertheless not the single actor in the oil and gas field, which is at the base of the Russian economy. Entire fields, such as nuclear energy, aerospace production, mechanical engineering, and shipbuilding, are run by state-owned oligarchies. In addition, Finance is subjugated by state owned banks. Governmental companies belligerently swell into new fields, such as the pharmaceutical manufacturing and even consumer trade; a good example will be with the publicly owned VTB bank acquiring a 30 per cent stake in Magnit in 2017, the second-largest complex of retail stores. Besides, social policy is also a field of neo-statism trialing. The maternity capital, a new, widespread social benefit, was familiarized in 2007, apparently to recover the demographic situation.

¹³⁵⁵ Arcaya, M. C., Arcaya, A. L., & Subramanian, S. V. (2015). Inequalities in health: definitions, concepts, and theories. *Global health action*, 8, 27106. doi:10.3402/gha.v8.27106

¹³⁵⁶ Barsanti, S., Salmi, L. R., Bourgueil, Y., Daponte, A., Pinzal, E., & Ménival, S. (2017). Strategies and governance to reduce health inequalities: evidences from a cross-European survey. *Global health research and policy*, 2, 18. doi:10.1186/s41256-017-0038-7

¹³⁵⁷ Lhachimi, S. K., Bala, M. M., & Vanagas, G. (2016). Evidence-Based Public Health. *BioMed research international*, 2016, 5681409. doi:10.1155/2016/5681409

¹³⁵⁸ Brook, R. H., & Vaiana, M. E. (2015). Using the Knowledge Base of Health Services Research to Redefine Health Care Systems. *Journal of general internal medicine*, 30 (10), 1547–1556. doi:10.1007/s11606-015-3298-2

¹³⁵⁹ Perry C. A. (1990). Knowledge bases in medicine: a review. *Bulletin of the Medical Library Association*, 78 (3), 271–282.

¹³⁶⁰ Meiller, Y., Bureau, S., Zhou, W., & Piramuthu, S. (2011). Adaptive knowledge-based system for health care applications with RFID-generated information. *Decision Support Systems*, 51 (1), 198–207. doi:10.1016/j.dss.2010.12.008

¹³⁶¹ Oliva-Felipe, L., Barrué, C., Cortés, A., Wolferson, E., Antomarini, M., Landrin, I., ... Cortés, U. (2018). Health Recommender System design in the context of CAREGIVERSPRO-MMD Project. *Proceedings of the 11th PErvasive Technologies Related to Assistive Environments Conference on — PETRA '18*. doi:10.1145/3197768.3201558

¹³⁶² Nofziger, C., Papaluca, M., Terzic, A., Waldman, S., & Paulmichl, M. (2014). Policies to aid the adoption of personalized medicine. *Nature reviews. Drug discovery*, 13 (3), 159–160. doi:10.1038/nrd4257

This paper will touch the development of the neoliberal policy hypothesis in Putin's Russia. It works with a seeming inconsistency: while Putin's tenet has always been founded on a severe oratorical disruption with the calamitous first decade of Russia's post-Soviet account, he nonetheless sustained many of the neoliberal policies of his antecedent, in some parts holding them out far more steadily than Yeltsin ever could. Notwithstanding his disapproval of the oligarchs, Putin permitted them to enlarge their fortune on an extraordinary gauge. Since the mid-2000s, the administration has progressively investigated with dirigisme strategies, yet this deviation from neoliberalism did not basically loom the situation of the oligarchs. Ultimately, the administration established on a mixture of neoliberalism and dirigisme that improves the political steadiness of the rule at the expenditure of economic development. However, absence of development itself weakens steadiness, as the detested improvements, such as the upsurge of the retirement age, corrode the government's legality. All at once, Kremlin's stalemate with the West since 2014 places a thoughtful straining on its association with big capital, which is extremely combined into the global economy. These numerous strains make the future of Russian politics extremely ambiguous.

Leenders A. M. R. (Moscow, MGIMO University)

THE CAUSAL RELATIONSHIP BETWEEN TECHNOLOGY AND THE INTERNATIONAL SYSTEM

The thesis is that technology shapes the system of international relations and the structure of world politics. In this particular investigation, the causal relationship between the variable of technology and the resulting international structure of relations is tested and observed through a chronographic.

In the «Chronographic of Technology and International System Structure» the correlation between two primary variables technological innovation and international relations and forms of political governance is observed. The graphic demonstrates the relationship between technological innovation and international relations. The graph presented is the original foundation for a method of international relations forecasting based on a techno political prognosis and analysis. By identifying the new paradigms of techno scientific innovation, the new structures of political organization and international relations can be forecast. The mutual interrelationship of the two variable also goes in the reverse direction. By identifying the main international conflicts, the technological means to overcome and resolve these conflicts (or even to win in the conflicts) can be forecast.

The causal relations are considered according to the ontological and epistemological foundation of the main schools of thought in international relations (IR and MO). The main approaches in International Relations to incorporating the variable of Technology are presented through the three main schools of thought. Structural Realists develop arguments that technology has an impact on the distribution of capabilities among actors. Neoliberals identify technological innovation as causing systemic change and the organization of new types of international actors and issues. Constructivists do not adhere to the technological determinism accepted by most institutionalists and structural realists. Instead constructivists interpret the role of technology in international relations through the lens of social and cultural determinism, and consider the socially defined needs, norms and values as shaping the course of technological development. Technology is considered as an instrument of human agency, instead of human relations to be a result of a structure determined by technology.¹³⁶³ Moreover, as innovation is dispersed around the planet and is not controlled by states, the transformation of the structure of the international system is a result of the organic innovation implemented by non state actors.¹³⁶⁴

In the chronographic the intermediary variables influenced by these two primary causal factors are shown, these include:

- Time Era
- The Main International Relations Debate
- Technological Scientific Paradigm (Main Causal Variable)
- Institutional Forms of Political Organization (Result investigated)
- Dominating Foreign Policy
- International Relations Era Inherent Intrinsic
- International Relations Focus
- International Relations Paradigm
- Academic Innovation
- Kondratieff cycle driving force

¹³⁶³ Голубев Д. Наука и инновации в теориях международных отношений // Наука и инновации. 2019. Международные процессы, Том 13, No 2. С. 66–80

¹³⁶⁴ Barry Buzan on the process of human securitization

- Fundamental Visual (prevailing in politics and in economics)
- Economic Era (intermediary variable) «the mode of production»
- National Politics Era

The chronographic enables forecasting and facilitates policymaking in international relations. Based on the chronographic: A recommendation is made as to how to pursue technological innovation that will enable the establishment of the desired governance forms and relations at all levels of governance from the local to the supranational and inter-regional via the international. The form of global governance and the innovation of the UN system takes inspiration from this perspective of optimizing positive innovations and for regulating the power of innovations in the knowledge society and its preceding industrializing phases.

In conclusion, a functional analysis of the most recent Russian State Program in Scientific Technological Development (March 2019)¹³⁶⁵ is made. The interrelationship between technological innovation and the political structure at the national level is considered on the trajectory of the scientific technological progress of the world structure the mega, macro, meso and micro level¹³⁶⁶ in accordance to the chronographic.

Shahanaz Parven (Moscow, People's Friendship University of Russia)

ON THE RISKS ASSOCIATED WITH THE PRESENCE OF THE ROHINGYA REFUGEES IN BANGLADESH

The theory suggests that civil wars arise not because of ethnic or religious movements, but indirectly, as a consequence of the development of insurgent movements which are generated within those movements.¹³⁶⁷ We will argue that the presence of the Rohingya in Bangladesh is not directly a factor for the aggravation of the risk of civil war, but it is an indirect factor, because it creates the condition for the generation of terrorist movements which aim at the destruction of the country's political unity.

The presence of the Rohingya in Bangladesh is a factor of destabilization for the country's feeble governmental forces;¹³⁶⁸ and, more generally, for the security of the South-East Asian region.¹³⁶⁹ The Rohingya community is not integrated with the rest of the Bangladeshi society, and lives in areas which were attributed to them by the Bangladeshi and international authorities, and which are normally called «refugee camps». The most important one of these is in Cox's Bazaar, in the East of Bangladesh. The Rohingyas who live there do not have access to the citizenship of Myanmar, which has revoked it, nor do they possess the citizenship of Bangladesh, which has not granted it.¹³⁷⁰ They are, for all intents and purposes, a people without a country.¹³⁷¹

Attempts are being observed, which are made by the Rohingya community to develop a political identity for the explanation of the marginalisation they experienced, from both their country of origin, and from the country in which they currently live.¹³⁷² For the purpose of implementing a new political identity for the Rohingya population, organisations have appeared which promote the idea of a Rohingya independent state in East Bangladesh by means of a future violent rebellion.¹³⁷³ The declaration of an independent Rohingya state in Bangladeshi territory, which is being sought by such organisations, would be an event that could undermine the political construction of Bangladesh,¹³⁷⁴ and might create the conditions for the degeneration into war. The paper will discuss the political characteristics and identity of the organisations which are moving in that direction, for the purpose of supporting the theory that not as much religious or ethnic factors, but nationalism, is the main driving force behind the emergence of violence against and from the Rohingya population.¹³⁷⁵

¹³⁶⁵ Постановление Правительства РФ от 29 марта 2019 г. No 377 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Научно-технологическое развитие Российской Федерации»

¹³⁶⁶ Емельянов Ю. С., Хачатурян А. А. Человеческий капитал в модернизации России: институциональные и корпоративные аспекты. М.: Едиториал УРСС, 2016 414 с

¹³⁶⁷ Fearon, J. D., & Laitin, D. D. (2003). Ethnicity, insurgency, and civil war. *American political science review*, 97 (1), 75–90.

¹³⁶⁸ Idris, I. (2017). Rohingya refugee crisis: impact on Bangladeshi politics.

¹³⁶⁹ Khan, H. M. (2016). Threat Perceptions in the Myanmar — Bangladesh Borderlands. *Conflict in Myanmar: War, Politics, Religion*, 333.

¹³⁷⁰ Cheesman, N. (2017). How in Myanmar «national races» came to surpass citizenship and exclude Rohingya. *Journal of Contemporary Asia*, 47 (3), 461–483.

¹³⁷¹ Jobair Alam (2018) The Rohingya of Myanmar: theoretical significance of the minority status, *Asian Ethnicity*, 19:2, 180–210, DOI: 10.1080/14631369.2017.1407236

¹³⁷² Leider, J. P. (2014). Rohingya: the name, the movement, the quest for identity. *Nation Building in Myanmar*, 255.

¹³⁷³ Vaughn, B. (2007, January). Islamism Extremism in Bangladesh. LIBRARY OF CONGRESS WASHINGTON DC CONGRESSIONAL RESEARCH SERVICE.

¹³⁷⁴ Utpala Rahman (2010) The Rohingya Refugee: A Security Dilemma for Bangladesh, *Journal of Immigrant & Refugee Studies*, 8:2, 233–239, DOI: 10.1080/15562941003792135

¹³⁷⁵ Akins, H. (2018). The Two Faces of Democratization in Myanmar: A Case Study of the Rohingya and Burmese Nationalism. *Journal of Muslim Minority Affairs*, 38 (2), 229–245.

Научное издание

ТРАЕКТОРИИ ПОЛИТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ:
ИНСТИТУТЫ, ПРОЕКТЫ, АКТОРЫ
Материалы Всероссийской научной конференции РАПН с международным участием
г. Москва, Московский педагогический государственный университет
6–7 декабря 2019 г.

Под редакцией Гаман-Голутвиной О.В., Сморгунова Л.В., Тимофеевой Л.Н.

Все тезисы печатаются в авторской редакции

Компьютерная верстка: *А.П. Путилов*

Московский педагогический государственный университет (МПГУ).
119991, Москва, ул. Малая Пироговская, д. 1, стр. 1.
Управление издательской деятельности
и инновационного проектирования (УИД и ИП) МПГУ.
119571, Москва, пр-т Вернадского, д. 88, оф. 446,
тел. +7 (499) 730-38-61, e-mail: izdat@mpgu.su.

Подписано в печать 08.11.2019. Формат 60 × 90 1/8.

Усл. печ. л. 59. Тираж 400 экз. Заказ № 314

Отпечатано в ООО «Издательство «Проспект»
121471, г. Москва, ул. Рябиновая, д. 51А, стр. 1

ISBN 978-5-4263-0832-9

9 785426 308329